

Министерство образования и науки Российской Федерации

Совет ректоров вузов Свердловской области

Ассоциация профсоюзных организаций студентов вузов
Свердловской области

Уральское отделение Российского общества социологов

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

СТУДЕНТ 1995–2016 гг.: динамика социокультурного развития студенчества Среднего Урала

*Под общей редакцией доктора философских наук,
профессора Ю. Р. Вишневого*

Екатеринбург
УрФУ
2017

УДК 316.73-057.875(470.5)"1995/2016"

ББК 60.542.15p30(235.5)

С88

Авторский коллектив: Л. Н. Банникова (III-4; IV-1; IV-2); О. Р. Белова (III-4; III-9); Л. Н. Боронина (III-5; III-9); С. Ю. Вишневский (III-6); Ю. Р. Вишневский (введение; I; II; III-6; IV-5; V-1); Я. В. Дидковская (III-4); Е. Н. Заборова (IV-3); О. Б. Зырянова (III-1); С. М. Иванов (V-3); В. С. Каташинских (IV-6); Е. В. Кеммет (IV-1); А. Г. Коробейников (V-3); А. П. Коробейникова (V-3); И. А. Кох (IV-5); Л. А. Лесина (IV-4); О. В. Мылласова (IV-3); Д. Ю. Нархов (ответственный за выпуск; I; II; III-1; III-3; III-8; III-9; V-1; V-2; заключение); Е. Н. Нархова (I-1; III-8; V-1); Т. А. Орешкина (V-1); В. А. Орлов (IV-5); Е. В. Осипчукова (III-2); М. В. Певная (III-7); А. В. Пономарев (III-7); Л. А. Рапопорт (III-9); Е. В. Харитоновна (III-9); Т. А. Чегодаева (V-1); Н. В. Шаброва (III-7); М. В. Ячменева (I-1)

Рецензенты:

отдел социологии образования, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (вице-президент Исследовательского комитета RC04 д-р социол. наук *Д. Л. Константиновский*);

заведующая кафедрой глобальных социальных процессов и работы с молодежью МГУ им. М. В. Ломоносова д-р социол. наук, проф. *Н. Л. Смакотина*

На обложке: церемония вручения дипломов УрФУ. Фотография из коллекции Медиацентра Уральского федерального университета

СТУДЕНТ 1995–2016 гг.: динамика социокультурного развития студенчества Среднего Урала : монография / Л. Н. Банникова [и др.] ; под общ. ред. д-ра филос. наук, проф. Ю. Р. Вишневого. — Екатеринбург : УрФУ, 2017. — 904 с. ISBN 978-5-321-02540-6

В монографии обобщается двадцатилетний опыт изучения социокультурного портрета студенчества Свердловской области, даются развернутые сведения о методологических основаниях мониторинга — развитии социологии молодежи, социологии образования, процессов модернизации высшего образования. Авторы анализируют изменения основных характеристик студенчества — социального статуса и самочувствия, процессов адаптации, образования и профессионального развития, ценностных ориентаций и внеучебной деятельности. Изучается дифференциация ряда социокультурных групп студентов. На основе материалов федеральных исследований приводится анализ представлений студентов о российском социуме.

Книга адресована широкому кругу исследователей проблем российского образования, руководству вузов, студентам, деятелям государственной молодежной политики, лидерам молодежных организаций — всем, кто работает с молодежью или соотносит себя с ней.

УДК 316.73-057.875(470.5)"1995/2016"

ББК 60.542.15p30(235.5)

ISBN 978-5-321-02540-6

© Банникова Л. Н., Белова О. Р.,
Боронина Л. Н. и др., 2017

© Уральский федеральный
университет, 2017

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

Банникова Людмила Николаевна, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления УрФУ.

Белова Ольга Рудольфовна, магистр, старший преподаватель кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления УрФУ.

Боронина Людмила Николаевна, кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления УрФУ.

Вишневский Сергей Юрьевич, доцент, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления УрФУ.

Вишневский Юрий Рудольфович, доктор философских наук, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления УрФУ.

Дидковская Яна Викторовна, доктор социологических наук, доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления УрФУ.

Заборова Елена Николаевна, доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой прикладной социологии УрГЭУ.

Зырянова Ольга Борисовна, аспирант кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления УрФУ.

Иванов Сергей Михайлович, профессор кафедры специальной подготовки факультета военного обучения УрФУ, директор образовательно-координационного центра специальной подготовки УрФУ.

Каташинских Варвара Сергеевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления УрФУ.

Кеммет Елена Викторовна, ассистент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления УрФУ.

Коробейников Антон Геннадьевич, магистр кафедры «Организация работы с молодежью» УрФУ.

Коробейникова Анна Петровна, доцент, кандидат социологических наук, заместитель директора образовательно-координационного центра специальной подготовки УрФУ.

Кох Иван Адамович, профессор, доктор социологических наук, кафедра философии и культурологии УГГУ.

Лесина Людмила Александровна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления УрФУ.

Мылтасова Ольга Валерьевна, старший преподаватель кафедры прикладной социологии УрГЭУ

Нархов Дмитрий Юрьевич, кандидат социологических наук, доцент кафедры «Организация работы с молодежью» УрФУ.

Нархова Елена Николаевна, доцент, кандидат социологических наук, доцент кафедры «Организация работы с молодежью» УрФУ.

Орешкина Татьяна Анатольевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления УрФУ.

Орлов Владимир Анатольевич, директор представительства УГГУ в Нижнем Тагиле.

Осинчукова Елена Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Организация работы с молодежью» УрФУ.

Певная Мария Владимировна, доктор социологических наук, заведующая кафедрой социологии и технологий государственного и муниципального управления УрФУ.

Пономарев Александр Владимирович, заведующий кафедрой «Организация работы с молодежью» УрФУ доцент, доктор педагогических наук.

Рапопорт Леонид Аронович, заведующий кафедрой управления в сфере физической культуры и спорта УрФУ профессор, доктор педагогических наук.

Харитоновна Елена Владимировна, старший преподаватель кафедры управления в сфере физической культуры и спорта УрФУ.

Чегодаева Татьяна Александровна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления УрФУ.

Шаброва Нина Васильевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления УрФУ.

Ячменева Марина Владимировна, директор Центра инновационного предпринимательства, ИГУП УрФУ.

Авторский коллектив выражает благодарность:

Кетов Лев Львович, ведущий инженер кафедры социологии и социальных технологий управления УрФУ (организация полевых исследований, обработка данных и оформление материалов).

Шкурин Денис Вадимович, доцент, кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной социологии УрФУ (программное обеспечение (Vortex 10.0): <https://goo.gl/JgTVXN>).

К ЧИТАТЕЛЮ

Уважаемый читатель!

Перед Вами — коллективная монография, обобщающая результаты социологического мониторингового исследования студенчества Свердловской области, проводившегося в течение более двух десятилетий (1995–2016 гг.). Наша область была и остается «опорным краем державы», не только промышленным, но и культурным, научно-образовательным регионом России. Страна гордится достижениями в области промышленности и науки, которые ежегодно демонстрируются всему миру на выставке «Иннопром». Но условием успешности регионального развития является дальнейшее повышение качества и эффективности высшего образования. Его масштабы очень значимы — только в 2016 г., в условиях демографического спада и жесткой конкуренции со столичными и зарубежными университетами, вузы нашей области выпустили около 45 тысяч бакалавров, специалистов и магистров.

Реализация перспективных задач прорыва российских, в том числе и уральских, вузов в общемировое научно-образовательное пространство требует серьезного повышения качества образования, что не может рассматриваться

только как задача научно-педагогических коллективов вузов. Это — задача и самих студентов, осознанного выбора ими будущей профессии, их ответственного отношения к профессиональному самоопределению, их гражданской позиции, развития их культуры, ценностных ориентаций и установок, формирование здорового образа жизни. Ведь из этих компонентов составляется культура настоящего профессионала, то к чему стремится вуз, и того, чего ждет от вуза сам студент и его будущий работодатель. Совместное решение этих задач нуждается в информационном обеспечении, понимании мотивов, ожиданий и дальнейших жизненных и профессиональных планов студентов, их оценок модернизации высшей школы, отношения к процессам адаптации, обучения, организации быта и досуга, взаимодействия с гражданскими, политическими институтами. Как раз такой материал и составляет содержание коллективной монографии, созданной совместными усилиями социологов разных вузов Екатеринбурга — города, имеющего богатые социологические традиции и серьезный социологический потенциал, города, который в 2016 г. стал местом проведения V Всероссийского социологического конгресса.

В предлагаемой Вашему вниманию книге Вы найдете ценный материал о жизни свердловского студенчества, опирающийся на мнения и самооценки студентов, причем особенность и уникальность данного исследования — его мониторинговый характер. За время социологических наблюдений сменилось целое поколение респондентов: те, кто отвечал на вопросы первого этапа в 1995 году, теперь — родители студентов-респондентов седьмого этапа мониторинга в 2016 г. Это сделает книгу интересной для нынешних студентов и для всех, увлекающихся историей и судьбой уральского студенчества.

Особую значимость монография приобретает для администраций и общественных организаций вузов, что позволит учитывать мнение студентов и корректировать свою текущую работу. Наконец, знание мотивов профессионального выбора и профессиональных планов студентов, а также их отношения к получаемой профессии даст возможность работодателям и органам трудоустройства и занятости эффективнее управлять рынком труда и формировать у молодежи моду на необходимые в будущем профессии. Кроме того, эта книга будет полезна и управленцам. Выступая источником ценной информации об одном из ведущих отрядов молодежи, она позволит проводить региональную и муниципальную политику более дифференцированно и оптимально.

В. А. Кокшаров,
ректор Уральского федерального университета,
председатель Совета ректоров вузов
Свердловской области

ВВЕДЕНИЕ

История свидетельствует о том, что реформы могут быть успешными лишь при активном участии в них молодых. При этом важно понимать: молодежь, как заметил немецкий социолог К. Манхейм, по природе своей не прогрессивна и не консервативна, она — всего лишь сила, готовая к любому начинанию. «Задача исследователей состоит в том, — писал он, — чтобы рассказать, что общество может дать молодежи и что может ожидать общество от молодежи (скрытого ресурса)»¹. Эта задача особенно актуализируется в ситуации, когда вновь и вновь возникает вопрос: «Куда и за кем пойдет молодежь?» От социологов и социальных психологов это требует постоянного изучения социокультурных установок и ценностных ориентаций молодежи, ее социального самочувствия и отношения к экономическим и политическим реформам.

1 этап исследования состоялся весной 1995 г., когда по инициативе Ассоциации профсоюзных организаций студентов вузов Свердловской области, СВАПОС (Л. И. Катеринич, А. В. Пономарев, А. А. Шайдуров), коллектив социологов Уральского государственного технического университета, УГТУ² (Ю. Р. Вишневский, Е. А. Рудакова, М. Г. Юкса), Уральского государственного педагогического университета, УрГПУ (Л. Я. Рубина, С. Н. Айрапетова, М. Г. Бурлуцкая), Уральского государственного университета, УрГУ (Н. Н. Маликова, О. М. Юдинцева) и Уральской государственной юридической академии (И. Н. Римская) провел социологическое исследование социокультурных установок и ориентаций свердловских студентов (опрос 851 студента третьего курса восьми вузов Екатеринбурга и Нижнего Тагила).

Исследование было актуализировано в связи с празднованием в 1995 г. десятилетия Международного года молодежи, что способствовало активизации изучения молодежи. Существенный момент — подготовка Государственных докладов о положении молодежи, начавшаяся в 1993 г. (координацию

¹ Манхейм К. Диагноз нашего времени / пер. с нем. и англ. — М. : Юрист, 1994. — С. 451.

² Статус и названия вузов в период мониторинга неоднократно менялись. Это создало определенную проблему для авторов монографии. Мы старались придерживаться исторических названий (как полных, так и сокращенных) вузов, употреблявшихся в каждый конкретный период времени. В тексте монографии, в таблицах и рисунках при сравнении данных за несколько этапов приоритет отдавался названию, принятому в настоящее время. Для удобства читателей все переименования зафиксированы в табл. 2. — *Прим. ред.*

и обобщение региональных исследований осуществлял Институт молодежи (Московская гуманитарно-социальная академия, МГСА))¹.

В центре внимания исследователей оказались проблемы социального положения и профессионального самоопределения студентов, их политические и культурно-досуговые ориентации, их участие в профсоюзной и общественной жизни.

Научный коллектив опирался на серьезную теоретическую и эмпирическую базу и своих исследований, и достижений отечественной и зарубежной социологии молодежи, образования (и формировавшейся на их основе самостоятельной социологической отрасли — социологии студенчества²). Прежде всего исследователи опирались на работы Л. Я. Рубиной³ и Ю. Р. Вишневого⁴.

Исследование превратилось в мониторинг. Уже завершая его в 1995 г., авторы предполагали, что проведенное по инициативе и заказу студенческих профсоюзных организаций, исследование перерастет свои рамки. Было понятно, что его результаты не только будут интересны руководству АПОС

¹ Молодежь России. Тенденции, перспективы / под ред. И. М. Ильинского, А. В. Шаронова. — М. : Молодая Гвардия, 1993. — 224 с.; Молодежь России. Воспитание жизнеспособных поколений. Доклад Комитета РФ по делам молодежи. — М., 1995. — 256 с.; Положение молодежи в Российской Федерации в 1995 г. — М., 1996; Положение молодежи в Российской Федерации и государственная молодежная политика: государственный доклад / отв. ред. В. А. Луков, Б. А. Ручкин. — М., 1998.; Молодежь Российской Федерации: положение, выбор пути. Государственный доклад / Б. А. Ручкин, В. А. Родионов / отв. ред. В. А. Луков, В. А. Родионов, Б. А. Ручкин. — М. : Государственный комитет Российской Федерации по молодежной политике, 2000. — 200 с.; Положение молодежи и реализация государственной молодежной политики в Российской Федерации в 2000–2001 годы / ред. коллегия : Э. Ш. Камалдинова, В. А. Родионов, Ю. В. Коврижных, Г. В. Куприянова. — М. : Изд-во МГСА Социум, 2002. — 302 с.

² См.: Петрова Т. Э. Становление социологии студенчества в России // Высшее образование в России. — 1998. — № 4. — С. 140–145; Петрова Т. Э. Социология студенчества в России. Этапы и закономерности становления. — СПб. : Бельведер, 2000. — 239 с.

³ Рубина Л. Я. Советское студенчество: Социологический очерк. — М. : Мысль, 1981. — 207 с.; Руткевич М. Н., Рубина Л. Я. Общественные потребности, система образования, молодежь. — М. : Политиздат, 1988. — 224 с.; Кадровый потенциал вуза: Программа, концепция, методика, инструментарий исследования / отв. Л. Я. Рубина. — Екатеринбург : УГПУ, 1995. — 60 с.; и др.

⁴ Молодежь России: историко-социологический аспект: материалы конф. / отв. ред. Ю. Р. Вишневский. — Челябинск, 1991; Молодежь России и рынок: информ.-аналит. отчет по итогам социол. исслед. / отв. ред. Ю. Р. Вишневский. — Екатеринбург, Челябинск, 1991. — 154 с.; Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т. Молодежь — образование — рынок. — Екатеринбург, 1992. — 145 с. Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т. Система образования Свердловской области: проблемы, тенденции и перспективы : информ.-аналит. отчет по материалам социол. исследований. Ч. I–II. — Екатеринбург, 1992. — 250 с.; Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т. Социальный портрет молодежи крупного индустриального центра информ.-аналит. отчет по матер. социол. исслед. — Екатеринбург, Н. Тагил, 1993. — 129 с.; Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т. Свердловская область: региональное образовательное пространство информ.-аналит. отчет по материалам социол. исслед. — Екатеринбург, 1994. — 256 с.; Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т. Социология молодежи. — Екатеринбург; Н. Тагил, 1995. — 311 с.

Свердловской области, профкомам и студенческому профактиву вузов, но и станут предметом серьезного обсуждения и на Совете ректоров вузов, и на заседаниях Ученых Советов ряда вузов (УГТУ, УрГУ, УГПУ). Тогда же была озвучена идея о необходимости разработки комплексной перспективной программы «Студенчество Свердловской области—2000».

Полученный в ходе исследования социально-психологический портрет студента стал исходным ориентиром для дальнейших научных изысканий. В результате за 21 год было проведено семь его этапов (1995 г., 1999 г., 2003 г., 2007 г., 2009 г., 2012 г., 2016 г.). Такое превращение и качественное изменение характера исследования определялось тем, что Екатеринбург (сохраняя и продолжая традиции Свердловска) оставался одним из крупнейших в стране центров социологии молодежи и социологии образования. Эти исследования начались уже в 1966 г., после выхода книги «Жизненные планы молодежи»¹. Монография оценивается как «одна из первых коллективных работ, вышедших в СССР по проблематике социологии молодежи и построенных на основе эмпирических исследований, которые были проведены на региональном уровне», «одна из первых заявок на формирование будущей уральской школы социологии молодежи, на формирование макросоциального подхода к молодежи, развивавшегося впоследствии Руткевичем и его единомышленниками»². В разных вузах города и области действовали научные коллективы, возглавляемые Е. С. Барзговой, Ю. Р. Вишневым, Г. Е. Зборовским, Е. Н. Заборовой, Л. Н. Коганом, А. В. Меренковым, Б. С. Павловым, В. Г. Поповым, Л. Я. Рубиной, В. Т. Шапко.

За годы исследований выявились и определенные трудности. Разные группы, слои, отряды молодежи изучались неравномерно. С началом реформ заметно снизился интерес к исследованию социальной жизни и профессионального самоопределения студенчества. Самое главное — такие исследования все чаще носили локальный характер, ограничивались отдельными вузами или конкретными проблемами. Потребность в комплексном исследовании, способном выявить характерные черты социального портрета студента—95, становилась все более настоятельной.

Примечательно, что особенно ее ощутили лидеры студенческих профсоюзов. Масштабы их деятельности по социальной защите, выражению интересов и удовлетворению запросов студентов с начала 1990-х гг. заметно выросли. Выявилась и ограниченность информационной базы о динамике и характере этих интересов и запросов.

¹ Жизненные планы молодежи. Социологические исследования. Вып. 1. / отв. ред. М. Н. Руткевич. — Свердловск : Уральск. гос. ун-т им. А. М. Горького, 1966. — 247 с.

² Социология молодежи: энциклопедия [Электронный ресурс] / под ред. проф. В. А. Лукова. — Режим доступа: <http://soc-mol.ru/encyclopaedia/studies/117-zhiznennye-plany.html> (дата обращения: 01.03.2017).

В сложной ситуации 1990-х гг. студенчество оказалось наиболее доступным объектом социологических исследований¹ для вузовских социологов и социологических лабораторий (в 1990-е гг. они активно работали в Уральском государственном университете (УрГУ), Уральском государственном техническом университете (УГТУ), Уральском государственном профессионально-педагогическом университете (УГППУ), Уральском государственном педагогическом университете (УГПУ), Уральской государственной лесотехнической академии (УГЛТА), Нижнетагильском государственном педагогическом институте (НТГПИ)). Важную организационно-методическую роль в подготовке и проведении социологических исследований молодежных (в том числе и студенческих) социальных проблем сыграл Институт молодежи при Комитете по делам молодежи Правительства Свердловской области (директор — Г. Б. Кораблева; позднее она защитила докторскую диссертацию и успешно работала на социологических кафедрах РГППУ, УрГУ, УГТУ-УПИ и возглавляла кафедру теории и истории социологии УрФУ).

Итоги исследования «Студент–95» широко обсуждались на X Уральских социологических чтениях (Екатеринбург, осень 1996 г.), специально посвященных социальным проблемам молодежи². Публикация материалов исследования³ и статья его руководителей в профессиональном журнале «Социологические исследования»⁴ положили начало двум традициям. С тех пор после каждого этапа мониторинга появлялась монография по его итогам⁵,

¹ Хотя в рамках одной из традиций уральской социологии — развития заводской социологии — серьезное внимание уделялось и работающей молодежи.

² Молодежь — будущее России: тез. докл. X Уральских социол. чтений. Ч. I / отв. ред. Ю. Р. Вишневский. — Екатеринбург, 1996. — 112 с.; Молодежь — будущее России: тез. докл. X Уральских социологических чтений. Ч. II / отв. ред. Ю. Р. Вишневский. — Екатеринбург, 1996. — 96 с.; Молодые социологи о социальных проблемах молодежи / науч. ред. Ю. Р. Вишневский. — Екатеринбург, 1996. — 68 с.

³ Студент — 95: Социальный портрет. Информационно-аналитический отчет по материалам социологического исследования (Екатеринбург, весна 1995 г.). — Екатеринбург: СВАПОС, 1995. — 52 с.

⁴ Вишневский Ю. Р., Рубина Л. Я. Социальный облик студенчества 90-х годов // Социологические исследования. — 1997. — № 10. — С. 56–69. Статьи, опубликованные в «Социологических исследованиях» за период 1995–2013 гг., доступны читателю на сайте «Экономика. Социология. Менеджмент» по ссылке <http://ecsocman.hse.ru/socis/volumes.html> (дата обращения: 20.06.2017). Статьи, вышедшие после 2000 г., опубликованы в электронном архиве журнала по ссылке: <http://www.isras.ru/socis.html> (дата обращения: 24.04.2017).

⁵ Студент–99: Информационно-аналитический отчет по материалам социологического исследования (май-апрель 1999 г.). — Екатеринбург: СВАПОС, 1999. — 80 с.; Студент–2003: Информационно-аналитический отчет по материалам социологического исследования (Екатеринбург, весна 2003 г.). — Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2003. — 110 с.; Студент–2007. Материалы IV этапа социологического мониторинга (апрель-июнь 2007 г.). — Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2007. — 180 с.; Студент–2009. Материалы V этапа социологического мониторинга (январь-апрель 2009 г.). — Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2009. — 162 с.; Студент–2012. Материалы VI этапа социологического мониторинга (декабрь 2011 — январь 2012 гг.). — Екатеринбург: УрФУ, 2012.

а затем — обобщающая статья в ведущем научном журнале РАН — «Социологические исследования» («Социс»)¹.

Важную роль в совершенствовании исследовательского инструментария и углублении методологических и методических оснований мониторинга сыграли совместные исследования авторского коллектива мониторинга с зарубежными коллегами.

В 2009 г. в связи с проведением в Екатеринбурге саммита глав государств — руководителей ШОС и БРИКС было инициировано совместное исследование «Студенчество стран ШОС: социокультурное измерение» (3575 студентов третьего курса 27 вузов четырех стран: РФ, Республика Казахстан, Кыргызская Республика и Республика Таджикистан). Оно внесло посильный вклад в реализацию важной интеграционной задачи — «совместными усилиями вывести на новый уровень качества сферу образования, на деле создать единое евразийское образовательное пространство»². Результаты совместной работы были подведены на Международной молодежной конференции (вышел сборник трудов³) и опубликованы в виде коллективной монографии⁴. Значимость этого проекта заключается в успешной апробации в международном масштабе социологического инструментария мониторинга свердловского студенчества.

Весьма значимым в этом плане было взаимодействие и проведение общего исследования с коллегами из Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина (В. С. Бакиров, Л. Г. Сокурская, Ю. Г. Сорока, О. А. Пименова и др.) и Белорусского государственных университета (С. Н. Бурова, П. П. Украинец, Л. В. Филинская и др.). Итоги социологической интерпретации ценностных ориентаций и повседневных практик студентов трех стран, основные тренды их развития, особенности методик проведенных исследований, полученные в ходе реализации этого проекта,

¹ Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т. Студент 90-х — социокультурная динамика // Социологические исследования. — 2000. — № 2. — С. 56–64; Вишневский Ю. Р., Банникова Л. Н., Дидковская Я. В. Исследование проблем профессионального самоопределения студенчества Свердловской области // Университетское управление. — 2000. — № 2 (13). — С. 74–80; Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т. Парадоксальный молодой человек // Социологические исследования. — 2006. — № 6. — С. 26–36; Вишневский Ю. Р., Трынов Д. В., Шапко В. Т. Гражданская культура студентов. Тенденции и проблемы формирования // Социологические исследования. — 2009. — № 4. — С. 108–116; Банникова Л. Н., Боронина Л. Н., Вишневский Ю. Р. Новые явления в ценностных ориентациях уральского студенчества // Социологические исследования. — 2013. — № 2. — С. 58–68.

² Выступление ректора МГУ В. А. Садовничева на XI съезде Евразийской ассоциации университетов. Астана, 2009. 10 марта [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://pandia.ru/text/77/370/14424.php> (дата обращения: 23.04.2017).

³ Студенчество стран ШОС: социокультурное измерение: материалы Международных молодежных социологических чтений. — Екатеринбург : УГТУ-УПИ, 2009. — 311 с.

⁴ Студенчество стран ШОС: социокультурное измерение. Материалы социологического исследования (ноябрь 2008 — апрель 2009 гг.): монография / под общ. ред. Ю. Р. Вишневского. — Екатеринбург : УГТУ-УПИ, 2009. — 288 с.

опубликованы в виде коллективной монографии¹. Существенное влияние на понимание и трактовку проблем постсоветской молодежи оказала и вышедшая несколькими годами ранее монография Л. Г. Сокуржанской «Студенчество на пути к другому обществу: ценностный дискурс перехода»².

Научный характер мониторинга проявился и в широком использовании его материалов в публикациях и диссертациях его участников. Само участие в мониторинге способствовало научному становлению и научной карьере многих из членов авторского коллектива.

Состав исследовательской группы за эти годы менялся и расширялся.

На *II этапе* (1999 г.) в исследовании участвовали: А. П. Багирова (УГТУ, кандидат социологических наук, позднее — доктор экономических наук); Л. Н. Банникова (позднее — доктор социологических наук); Л. Н. Боронина (УГТУ); Ю. Р. Вишневский (УГТУ, руководитель); С. Ю. Вишневский (УрГУ, позднее — доктор социологических наук); Я. В. Дидковская (УГЛТА, позднее — доктор социологических наук); А. В. Костина (УрГППУ); А. В. Лямзина (УГТУ); А. Я. Пучков (УГТУ, подготовивший позднее докторскую диссертацию, но не защитивший ее из-за преждевременной смерти³); Е. А. Рудакова (УГТУ); В. Т. Шапко (НТГПИ, руководитель); Л. С. Якурнова (УГТУ). Инициаторами и организаторами исследования от Свердловского обкома профсоюза работников народного образования и науки и Ассоциации профсоюзных организаций студентов вузов были Л. И. Катеринич и А. В. Пономарев (с 1996 по 2010 — проректор по внеучебной работе, по воспитательной деятельности и молодежной политике УГТУ-УПИ, с 2009 г. — доктор педагогических наук, завкафедрой «Организация работы с молодежью»).

На *III этапе* (2003 г.) в исследовании участвовали: Н. И. Баженова (УрГПУ); Л. Н. Банникова (УГТУ-УПИ); Л. Н. Боронина (УГТУ-УПИ); С. Ю. Вишневский (УГТУ-УПИ); Ю. Р. Вишневский (УГТУ-УПИ, руководитель); Н. В. Галкина (Шаброва) (УГТУ-УПИ; позднее — кандидат социологических наук); Я. В. Дидковская (УГТУ-УПИ); Е. В. Зайцева (УГТУ-УПИ; позднее — кандидат социологических наук); А. П. Коробейникова (УГТУ-УПИ); Т. В. Костина (УрАГС; позднее — кандидат социологических наук); А. В. Титов (УГТУ-УПИ); Н. В. Устинова (УрГУ; позднее — кандидат политических наук); И. В. Шапко (УрГПУ); В. Т. Шапко (УГТУ-УПИ, руководитель). Инициаторами и организаторами исследования от Свердловского обкома профсоюза работников народного образования и науки и Ассоциации профсоюзных организаций студентов вузов были Л. И. Катеринич и Е. В. Сильчук.

¹ Студенчество начала XXI века: ценностные ориентации и повседневные практики / под общ. ред. Ю. Р. Вишневского. — Екатеринбург : УрФУ, 2012. — 348 с.

² Студенчество на пути к другому обществу: ценностный дискурс перехода / Сокуржанская Л. Г.; М-во образования и науки Украины, Харьковский нац. ун-т им. В. Н. Каразина. — Харьков: Харьковский нац. ун-т им. В. Н. Каразина, 2006. — 575 с.

³ Пучков А. Я. Имитационная реальность: онтогносеологический анализ : монография. — Екатеринбург : Банк культурной информации, 2006. — 251 с.

На *IV* этапе (2007 г.) в исследовании участвовали: Т. Ю. Баландина (УГТУ-УПИ); Л. Н. Банникова (УГТУ-УПИ); Л. Н. Боронина (УГТУ-УПИ); Ю. Р. Вишневский (УГТУ-УПИ, руководитель); В. Н. Давыдов (УГТУ-УПИ, председатель профкома сотрудников); Я. В. Дидковская (УГТУ-УПИ); Е. Г. Загороднова (УГТУ-УПИ); Л. Л. Кетов (УГТУ-УПИ); А. П. Коробейникова (УГТУ-УПИ); Н. С. Лопаева (УГТУ-УПИ); Е. В. Осипчукова (УГТУ-УПИ; позднее — кандидат педагогических наук); М. В. Пинженина (УГТУ-УПИ) А. В. Пономарев (УГТУ-УПИ); В. Т. Шапко (УГТУ-УПИ, руководитель). Инициатором и организатором исследования от Свердловского обкома профсоюза работников народного образования и науки и Ассоциации профсоюзных организаций студентов вузов была Л. И. Катеринич. Благодаря А. В. Пономареву важную организационную роль в проведении мониторинга начал играть Совет ректоров вузов Свердловской области.

На *V* этапе (2009 г.) в исследовании участвовали: Л. Н. Банникова (УГТУ-УПИ); Л. Н. Боронина (УГТУ-УПИ); Ю. Р. Вишневский (УГТУ-УПИ, руководитель); О. В. Гушин (Директор Департамента по делам молодежи Свердловской области); Я. В. Дидковская (УГТУ-УПИ); Е. В. Зайцева (УГТУ-УПИ); А. П. Коробейникова (УГТУ-УПИ); Н. С. Лопаева (УГТУ-УПИ); Е. В. Осипчукова (УГТУ-УПИ); А. В. Пономарев (УГТУ-УПИ); Д. В. Трынов (УГТУ-УПИ); С. В. Шадрин (УГТУ-УПИ; начальник отдела лицензирования и аккредитации Управления качества). На этом этапе В. Т. Шапко, являвшийся «душой» авторского коллектива, не смог принять участие из-за преждевременной смерти в феврале 2009 г. Серьезную организационную роль в проведении данного этапа мониторинга сыграли Совет ректоров вузов Свердловской области и Департамент по делам молодежи Свердловской области.

На *VI* этапе (2012 г.) в исследовании участвовали: П. А. Амбарова (УрФУ; позднее — доктор социологических наук); Л. Н. Банникова (УрФУ); О. Р. Белова (УрФУ) Л. Н. Боронина (УрФУ); Ю. Р. Вишневский (УрФУ, руководитель); Н. С. Лопаева (УрФУ); Д. Ю. Нархов (УрФУ; позднее — кандидат социологических наук); Е. Н. Нархова (УрФУ, кандидат социологических наук); Е. В. Осипчукова (УрФУ); М. В. Певная (УрФУ; позднее — доктор социологических наук); А. В. Пономарев (УрФУ); Е. В. Сильчук (в тот период — заместитель министра физической культуры, спорта и молодежной политики Свердловской области); Н. В. Шаброва (УрФУ, кандидат социологических наук). Серьезную организационную роль в проведении данного этапа мониторинга сыграли Совет ректоров вузов Свердловской области и Министерство физической культуры, спорта и молодежной политики Свердловской области.

Конечно, нельзя абсолютизировать роль мониторинга в формировании его участников как исследователей и педагогов, но семь докторских и восемь кандидатских диссертаций, подготовленных ими, — весомый вклад в развитие науки.

Социологическое исследование социальных проблем студенчества, начавшееся в 1995 г. и продолжающееся уже 21 год, имело не только научный смысл. Результаты этих исследований уже на первом этапе использовались при разработке нормативно-правовых актов. В Свердловской области был принят один из первых в России региональных законов о молодежи — Областной закон № 36-ОЗ от 13 декабря 1995 г. «О государственной молодежной политике в Свердловской области»¹. Правительством Свердловской области была утверждена областная целевая программа «Молодежь Среднего Урала»².

В региональной молодежной политике начали утверждаться современные подходы к молодежи. Характеризуя их, О. В. Гушин (с ноября 1999 г. — директор Департамента по делам молодежи Свердловской области) отмечал: «Молодежь не только и не столько объект воздействия со стороны общества и его социальных институтов, она — активный субъект социальной жизни. От ее сознания и самосознания, собственной социальной активности во многом зависит конечный результат социализации — молодой человек должен «стояться». Это очень важно для общества в целом: чувство нового, инициатива и творчество молодежи обеспечивают процесс «общественного омоложения», прогресс и общее движение вперед». Подчеркивалась важность перехода «на такие формы работы с молодежью, которые не порождают у молодых людей иждивенческих настроений по отношению к государству и обществу, а наоборот повышают социальную активность молодых граждан». И тут особенно важно рассматривать молодежь области «не как «группу опеки», а как «ресурс», требующий просчитанных инвестиций, ориентированных на эффективную отдачу»³.

Необходимость утверждать такой субъект-субъектный, ресурсный подход к молодежи, важность постоянного диалога с молодежью (и, соответственно, постоянного изучения ее запросов, интересов, ценностных ориентаций и установок) особенно подтвердили события 14 апреля 1998 г., когда около 4000 свердловских студентов выразили свой протест против реформы высшего образования. В «Студенте—99» эти события соотносились с безразличием к молодежи как к электорату⁴.

Действительно, они проходили через два дня после выборов в Законодательное Собрание Свердловской области, в которых — по оценкам экспер-

¹ О государственной молодежной политике в Свердловской области. Областной закон № 36-ОЗ от 13 декабря 1995 г. // Областная газета. — 1995, 20 декабря.

² Об утверждении областной государственной целевой программы «Молодежь Среднего Урала на 2002 год» [Электронный ресурс] / Постановление Правительства Свердловской области от 26 сентября 2001 г. N 633-ПП. — Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/801110300> (дата обращения: 17.04.2017).

³ Гушин О. В. Будущее родного Урала — за инициативой и ответственностью молодежи! [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://zazdoc.ru/docs/2800/index-683827-1.html> (дата обращения: 25.11.16).

⁴ См.: Студент—99. — Екатеринбург : СВАПОС, 1999. — С. 3–4.

тов — приняло участие лишь 8–12 % молодежи от 18 до 30 лет. Легко представить, как много желающих — от различных ветвей власти и политических движений, партий — стремилось бы привлечь симпатии молодежи, проходя митинг за 2–3 дня до выборов. До студентов даже не была доведена информация о достигнутом Соглашении между Минобразованием России и РАПО-Сом (Российская ассоциация профсоюзных организаций студентов) о мерах по «эффективной реализации и совершенствованию действующих законодательных и нормативных актов по обеспечению социально-экономических гарантий и социальной поддержки студентов», о выделенных в объеме 399,2 млн руб. средствах на организацию спортивно-оздоровительной работы, санаторно-курортного лечения и отдыха студентов высших учебных заведений Минобразования России в апреле — июне 1998 г.¹, что снимало многие основания для протеста. Примечательно и то, что две откровенные встречи Губернатора Свердловской области Э. Росселя со студентами смогли существенно и сравнительно быстро разрядить ситуацию.

Понимание того, что нельзя работать с молодежью, не зная, что ее волнует, определило социальный заказ к социологам. Так, исследование «Социокультурный портрет свердловского студенчества» стало мониторинговым, постоянно, регулярно повторяющимся, проводимым по единым (модульным) методикам, что позволило осуществлять сравнение, выявлять динамику и тенденции тех или иных процессов.

При этом, появившись во многом как проявление «конъюнктурного характера отношения власти к молодежи»², мониторинг на уровне региона во многом способствовал преодолению этой конъюнктурности. Материалы V и VI этапов мониторинга были, в частности, широко использованы при разработке Концепции государственной молодежной политики Свердловской области до 2020 г.³ и закона «О молодежи в Свердловской области» (2013)⁴. Материалы VII этапа мониторинга будут использованы при подготовке научных основ ежегодного доклада Правительству Свердловской области о по-

¹ См.: Об итогах акции протеста Свердловской ассоциации профсоюзных организаций студентов в г. Екатеринбурге 14 апреля 1998 г. [Электронный ресурс] / решение коллегии Министерства общего и профессионального образования Российской Федерации от 28 апреля 1998 года № 5/3. — Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901852361> (дата обращения: 25.11.16).

² См.: Луков В. А. Государственная молодежная политика: проблема социального проектирования будущего России. Государственная молодежная политика и национальная безопасность [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://do.gendocs.ru/download/docs-248749/248749.doc> (дата обращения 27.11.16).

³ О концепции государственной молодежной политики Свердловской области на период до 2020 года [Электронный ресурс] / Постановление Правительства Свердловской области от 20.04.2011 № 440-ПП. — Режим доступа: <https://www.referent.ru/115/2594> (дата обращения: 27.11.16).

⁴ О молодежи в Свердловской области. Закон Свердловской области от 29.10.2013 № 113-ОЗ. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://rg.ru/2013/11/09/sverdlovsk-zakon113-reg-dok.html> (дата обращения: 27.11.16).

ложении молодежи в области в 2016 г., разработка которых в соответствии с указанным областным законом стало обязательной.

Сохранилась и заинтересованность в мониторинге студенческих профсоюзных лидеров. СВАПОС (Л. И. Катеринич) был инициатором и заказчиком и I, и VII этапов мониторинга. Все больший интерес к мониторингу проявляли и администрации вузов, особенно ректоры и проректоры по внеучебной работе и воспитательной деятельности (в разных вузах эта должность называется по-разному).

Для реализации целей исследования был использован модульный принцип построения инструментария. Многие вопросы (и варианты ответов на них) повторялись в неизменном виде. Конечно, жизнь заставила внести некоторые изменения и в эти вопросы (и особенно — в варианты ответов). Так, серьезной корректировке подвергались списки политических партий, действовавших в России на разных этапах мониторинга.

Анкета не могла не отражать происходивших изменений и в жизни страны, и в жизни студенчества. В нее включались новые вопросы (об отношении к здоровому образу жизни, проблемам наркомании, медицинским услугам, об оценках работы различных вузовских служб и подразделений, происходящем реформировании высшей школы, проблемам безопасности и др.). В 2003 г. по заказу администрации Екатеринбурга был сформирован специальный блок вопросов об отношении студентов к различным аспектам обсуждавшегося тогда стратегического плана развития Екатеринбурга. Это позволило сделать общественным достоянием мнение студенчества города. В анкету 2007 г. был включен целый ряд вопросов, углубляющих анализ роли студенческой профсоюзной организации и администрации вузов в социальной защите студенчества (в частности, о студенческом проездном билете, устройстве детей из студенческих семей в дошкольные учреждения). Дополнена анкета была и вопросами об отношении студентов к межвузовской газете «Студик».

Существенные изменения в инструментарии произошли с третьего этапа. В анкету были включены блоки, позволяющие выявить мнение студентов о качестве обучения, удовлетворенности различными аспектами учебного процесса.

Основным критерием выборки были пол, курс и направление обучение студентов. На структуре выборки по полу сказалась растущая «феминизация» высшего образования. Лишь на VI и VII этапах доля мужчин в структуре выборки стала расти и к 2016 г. приняла значения, близкие к первым этапам — 2 (юноши): 3 (девушки).

На всех этапах мониторинга, кроме последнего, сохранялся без изменения объект исследования — студенты третьих курсов вузов Свердловской области. Выбор был обусловлен тем, что к этому времени в основном заканчивался период адаптации к условиям вуза и теряло свое значение влияние

довузовских факторов. Кроме того, на третьем курсе практически во всех вузах студенты переходили на изучение специальных дисциплин, поэтому более четко и реально могли оценить будущую профессию. Наконец, хотя до окончания вуза было еще далеко, большинство молодых людей уже задумывались о будущей работе и профессиональных перспективах. В ходе этапов I–VI выбор третьего курса в качестве объекта исследования полностью себя оправдал. На VII этапе мониторинга в связи с тем, что большая часть вузов перешла на уровневую систему подготовки (бакалавриат — магистратура, специалитет в Свердловской области стал достаточно «экзотическим» образовательным продуктом), а сроки обучения бакалавров сократились на год, в выборке пропорционально были представлены студенты не только третьего, но и второго курса. Более того, в состав выборки были включены магистранты в рамках поискового исследования.

На протяжении всего мониторинга была сохранена и такая важная характеристика выборки, как направление (профиль) обучения: здесь исследователи придерживались официальной классификации — технические, социально-экономические, естественно-научные и гуманитарные специальности.

Отражая общий рост численности студентов в вузах области, рос и объем выборки (табл. 1).

Таблица 1

Объем выборки на разных этапах мониторинга

Год	1995	1999	2003	2007	2009	2012	2016
Число респондентов	851	994	954	1210	1495	1802	1827
% — в сравнении с предыдущим этапом	100	117	96	127	124	121	101

На всех этапах мониторинга сохранялся кратно-гнездовой характер выборки. В качестве «гнезд» использовались конкретные вузы Свердловской области. При этом на всех этапах мониторинга реализовались два взаимосвязанных подхода: сохранялись базовые вузы (технический — УГТУ—УПИ, классический — УрГУ (ныне объединивший их УрФУ), педагогический — УрГПУ и экономический — УрГЭУ), а в вузах, которые включались в выборку на каждом конкретном этапе, обеспечивалась преемственность по направлениям обучения — тем самым обеспечивалась возможность сравнения результатов опроса.

На IV и V этапах мониторинга возобновилось участие в выборке студентов НТГСПА, единственного головного вуза, расположенного вне пределов областного центра. К сожалению, в рамках «оптимизации» вузов к VII этапу НТГСПА утратила самостоятельное существование и стала филиалом РГППУ. Начиная с III этапа мониторинга, в нем активно участвуют студенты Гуманитарного университета — ведущего негосударственного вуза Ека-

теринбурга, интересного в социологическом плане в силу функционирования в течение длительного времени мощного социологического факультета (закрыт в 2016 г.). На VI этапе мониторинга в выборку были включены студенты еще одного негосударственного вуза — Уральского института экономики, управления и права. В настоящее время отозвана аккредитация, и он фактически прекратил существование.

За годы мониторинга статус и названия многих вузов неоднократно менялись, поэтому их названия (и аббревиатуры) в монографии даются такими, какими они официально были на соответствующем этапе исследования (табл. 2).

Таблица 2

Динамика реорганизации вузов на протяжении мониторинга

Название вуза	Годы
УГТУ (Уральский государственный технический университет)	1992–2000
УГТУ–УПИ (Уральский государственный технический университет–УПИ)	2000–2008
УГТУ–УПИ имени первого Президента России Б. Н. Ельцина	2008–2010
УрГУ (Уральский государственный университет имени А. М. Горького)	До 2010
УрФУ (Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина). Создан на базе УГТУ–УПИ путем присоединения УрГУ	С 2010
УГЛТА (Уральская государственная лесотехническая академия)	1993–2001
УГЛТУ (Уральский государственный лесотехнический университет)	С 2001
УГППУ (Уральский государственный профессионально-педагогический университет)	1993–2001
РГППУ (Российский государственный профессионально-педагогический университет)	С 2001
УГМА (Уральская государственная медицинская академия)	1995–2013
УГМУ (Уральский государственный медицинский университет)	С 2013
САИ (Свердловский архитектурный институт)	1972–1996
УрГАХА (Уральская государственная архитектурно-художественная академия)	1996–2015
УрГАХУ (Уральский государственный архитектурно-художественный университет)	С 2015
УГЭУ (Уральский государственный экономический университет)	С 1993
НТГПИ (Нижнетагильский государственный педагогический институт)	1952–2003

Окончание табл. 2

Название вуза	Годы
НТГСПА (Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия)	2003–2013
ФРГППУ (Филиал Российского государственного профессионально- педагогического университета)	С 2013
УГГГА (Уральская государственная горно-геологическая академия)	1993–2004
УГГУ (Уральский государственный горный университет)	С 2004
УрГПУ (Уральский государственный педагогический университет)	С 1993
УрГЮА (Уральская государственная юридическая академия)	1992–2014
УрГЮУ (Уральский государственный юридический университет)	С 2014
ГУ (Гуманитарный университет)	С 1990
УрАГС (Уральская академия государственной службы)	1995–2010
УИУ РАНХиГС — (Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации)	С 2010
УрГУПС (Уральский государственный университет путей сообщения)	С 1999
УИЭУП (Уральский институт экономики, управления и права)	С 1992

Большое количество вузов в Екатеринбурге и области предопределило вариативность участников на каждом из этапов мониторинга (табл. 3).

Таблица 3

Структура выборки по вузам (в % к общему массиву)

Название вуза	1995	1999	2003	2007	2009	2012	2016
УГТУ; УГТУ–УПИ	25	25,8	24,8	15,5	13,3	—	—
УрГУ	15	14,5	12	9,8	7,7	—	—
УрФУ	—	—	—	—	—	21	23,1
УГЛТА; УГЛТУ	—	8	10,7	3,7	—	10	4,3
УГППУ; РГППУ	—	10,8	14,4	9,8	8,7	6	5,6
УГМА; УГМУ	9	12	—	4,1	8,5	6	6,1
САИ; УрГАХА; УрГАХУ	4	4,4	—	2,8	6,4	4	7,2
УГЭУ	15	14,6	10,1	6,6	6,4	6	6,7
НТГПИ; НТГСПА	—	10	—	7	5,8	5	—
УГГГА УГГУ	8	—	—	10	8,2	10	10,5
УрГПУ	11	—	11,1	6,4	9	7	6,6

Окончание табл. 3

Название вуза	1995	1999	2003	2007	2009	2012	2016
УрГЮА; УрГЮУ	13	—	—	5,9	8,5	5	4,5
ГУ	—	—	10,1	6,8	3,7	5	2,1
УрАГС; УИУ РАНХиГС	—	—	5,9	4,5	9	4	8
УРГУПС	—	—	—	7,1	4,9	6	8,9
УИЭУП	—	—	—	—	—	5	2,1

Общая динамика выборки по направлениям подготовки представлена в табл. 4.

Таблица 4

Структура выборки по профилям обучения, %

Годы	«Гуманитарии»	«Экономисты»	«Естественники»	«Технари»
1995	25	24	20	31
1999	15	25	25	35
2003	36	27	13	24
2007	35	16	18	31
2009	40	17	17	26
2012	36	21	9	34
2016	33	20	8	39

Конечно, было достаточно сложно в рамках гнездовой выборки обеспечить абсолютное совпадение пропорций по направлениям. К тому же, эти пропорции менялись и в реальном соотношении состава студенчества разных вузов. Поскольку опрашивались студенты третьего курса, то эти изменения в их составе сказывались с некоторым отставанием. «Гуманитарный бум» начался не сразу, поэтому в выборке 1999 г. «по инерции» еще сохранялся своеобразный «технократический перекося». С начала XXI в. даже в технических вузах (УГТУ, УрГУПС, УГЛТУ, УГГУ) заметно вырос удельный вес студентов-экономистов и гуманитариев. Включение в выборку 2003 г. гуманитарных вузов (УрАГС и ГУ), предопределило ее изменение. Новые изменения отразила выборка IV этапа мониторинга: доля гуманитариев стабилизировалась и чуть сократилась, заметно (почти в 1,7 раза) снизилась доля будущих экономистов; зато вновь начала расти доля «естественников» и «технарей». На V этапе (в 2009 г.) доля «технарей» в выборке вновь несколько сократилась, что, очевидно, отразило отсутствие в ней студентов УГЛТУ. Но в целом структура выборки (в ней двое из пяти — гуманитарии, а каждый третий-четвертый — «технарь») была близка к реальной, отражая изменения в ориентациях молодежи в сторону тех или иных профессий (и изменения «престижа»

разных профессий в молодежном и общественном сознании) в конкретные исторические периоды. Динамика по направлениям подготовки последних двух этапов мониторинга представлена в табл. 5.

В выборке 2016 г. на первом месте оказались студенты технического направления: сказывается спрос государства на инженерные кадры, подкрепленный значительным количеством бюджетных мест в вузах и действием многочисленных программ стимулирования студентов именно этих направлений.

С 2003 г. важной особенностью мониторинга стало выделение групп студентов по способу возмещения затрат на обучение: бюджетная или контрактная основа. Включение в выборку студентов негосударственных вузов привело к соотношению этих групп в выборке 3 : 2. Для государственных вузов характерно несколько иное соотношение (2 : 1), но и оно отражает быстрые темпы распространения образования на коммерческой основе. Конечно, было бы неверно делать выводы о реальном соотношении «бюджетников» и «контрактников» на основе данных выборки (тем более, что этот параметр не включался как критерий определения выборочной совокупности, и соотношение формировалось во многом случайно). Но одной из важных исследовательских задач последующих этапов мониторинга было сравнение мнений и оценок этих двух групп студенчества. Выборка 2016 г. в этом плане отразила общие тенденции сокращения в составе студенчества студентов частных вузов и студентов-контрактников: в государственном вузе на бюджете обучалось 59 % респондентов, в них же по контракту — 36 % и в коммерческих вузах — только 5 % ответивших респондентов.

Таблица 5

Структура выборки по вузам и направлениям обучения (в %)

Вуз	Год	Гуманитарный	Социально- экономический	Естественно- научный	Технический
УрФУ	2012	19	9	13	60
	2016	9	6	1	84
УГЛТУ	2012	8	10	5	77
	2016	5	0	6	89
РГППУ	2012	63	15	3	19
	2016	61	38	1	0
УГМУ	2012	15	10	71	4
	2016	2	0	64	34
УГАХУ	2012	49	10	5	36
	2016	69	4	0	27

Окончание табл. 5

Вуз	Год	Гумани- тарный	Социально- эко- номический	Естественно- научный	Технический
УрГЭУ	2012	9	90	0	1
	2016	42	50	1	7
УГГУ	2012	19	34	2	45
	2016	21	44	4	31
УрГПУ	2012	65	32	2	1
	2016	90	5	4	1
УрГЮУ	2012	95	4	0	1
	2016	96	4	0	0
ГУ	2012	90	7	3	0
	2016	58	42	0	0
УИУ РАНХиГС	2012	86	14	0	0
	2016	62	35	1	2
УрГУПС	2012	6	6	1	87
	2016	8	21	0	71
УИУЭП	2012	33	55	5	7
	2016	11	71	0	18
НТГСПА	2012	71	19	5	5
УрГАУ	2016	16	5	59	20

За годы мониторинга сложилась структура аналитического отчета по результатам каждого этапа. Конечно, эта структура совершенствовалась и дополнялась. Уже на первом этапе были заданы базовые характеристики социокультурного портрета студенчества:

- социальный статус и социальное самочувствие студентов;
- профессиональное самоопределение студентов;
- студенты и политика;
- культурно-досуговые ориентации студентов.

Специфичным для 1995 г. было изучение взаимоотношения студентов и студенческого профсоюза.

В дальнейшем социальный раздел был дополнен проблематикой социальной защищенности студентов. С 1999 г. из культурно-досуговых ориентаций был выделен основополагающий раздел о ценностных установках и ориентациях студентов. Одновременно как отдельный блок анализировались проблемы информационной культуры. Блок «Студенты и политика» приобрел социокультурный характер: определяющим стал анализ политической, правовой, гражданской культуры студенчества.

Существенное изменение в характере проблем, изучаемых в ходе мониторинга, произошло в 2003 г., когда появился самостоятельный раздел «Студенты о качестве обучения». Крайне важным на этом этапе стало изучение проблем вовлеченности студентов в наркоманию. Интересным было исследование вопросов, сформулированных по инициативе Администрации ГО «Екатеринбург», касавшихся перспектив стратегического развития города.

Особенностью IV этапа исследования стало появление раздела, посвященного адаптации студентов в вузе. Кроме того, самостоятельным стал блок «Студенческое самоуправление». Эта структура практически полностью была повторена в 2009 г. — на этапе, когда исследователям важно было выявить степень влияния мирового финансово-экономического кризиса на социокультурные установки и поведение студентов. В связи с этим блок «Студенческое самоуправление» был расширен — он стал охватывать все аспекты социальной активности студенчества. Этап 2012 г. при общем сохранении структуры отличался от предыдущего концентрацией внимания ученых в связи с профессиональным самоопределением студентов на проблемах и противоречиях модернизации высшего образования, а в разделе общественной деятельности студентов — на мотивах и факторах участия в волонтерском движении.

Обобщающий характер монографии по итогам семи этапов мониторинга потребовал выделения двух отдельных разделов:

- теоретико-методологические основы мониторинга с анализом социологии молодежи и студенчества; социологии образования;
- модернизация российского высшего образования как фактор динамики социального состава и социального статуса российского и свердловского студенчества.

Серьезно изменился и характер конкретных разделов: анализу результатов VII этапа мониторинга предшествует выявление трендов и проблем, зафиксированных на предыдущих этапах.

Наработанный опыт по обобщению различий между конкретными группами студентов, анализ отдельных, наиболее значимых характеристик позволил в этой монографии отдельными главами показать особенности социокультурного портрета специфических групп: студентов-горняков, будущих инженеров, педагогов и экономистов. Появился отдельный раздел, посвященный гендерному аспекту студенчества. В поисковом порядке рассмотрены и проблемы относительно новой студенческой группы — магистрантов, которые на следующем этапе мониторинга потребуют глубокого и самостоятельного изучения. Наконец, в монографию включены исследования свердловского студенчества, проводившиеся одновременно с текущим этапом мониторинга. В частности, это проект «Отношение жителей Свердловской области к физической культуре и спорту» (2016 г., подмассив «студенты», N = 665); «Социальная безопасность молодежи Свердловской области, (2016 г., подмассив «студенты», N = 416), «Студенты Свердловской области о социаль-

ной справедливости и социальном неравенстве» (2016 г.¹). Материалы этих исследований существенно дополнили и обогатили полученные результаты.

И в завершении хотелось бы выразить слова благодарности нашим коллегам-социологам, участвовавшим в проведении полевых исследований; нашим респондентам, без чьего участия в опросах не могли бы появиться и обобщения, сделанные за годы мониторинга; ректорам и проректорам вузов Свердловской области, без чьей поддержки само исследование было бы невозможным; органам государственной молодежной политики Свердловской области и студенческим профсоюзам, оказавшим неоценимую помощь в реализации идей авторских коллективов.

¹ Составная часть федерального проекта: Студенчество России о социальном неравенстве и социальной справедливости : сборник научных статей / под общ. ред. Ю. Р. Вишневского. — М. : Российское общество социологов; Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2016. — 253 с.

І. СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА МОНИТОРИНГА СВЕРДЛОВСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА

До недавнего времени... на молодежь
смотрели как на какую-то заготовку будущих граждан.
Надо во многом пересмотреть мировоззрение,
идеологию молодежной социологии.

В. А. Ядов

Многолетний мониторинг свердловского студенчества опирался на серьезную теоретико-методологическую базу. Вбирая достижения отечественной и зарубежной социологии молодежи и социологии образования¹, она выступала основой для теоретической и эмпирической интерпретации основных понятий исследования². И одно-

¹ Признавая обоснованность аргументации о выделении социологии студенчества, в рамках мониторинга исходили из более общих отраслевых социологий — социологии молодежи (студенческая молодежь как отряд молодежи) и социологии образования (студенчество — учащиеся, обучающиеся — субъект и объект образовательного процесса). По крайней мере, в социологии молодежи именно такая позиция наиболее распространена. Так, в недавно изданном учебнике для академического бакалавриата (Социология молодежи / под ред. Р. В. Ленькова. — М.: Юрайт, 2015. — 416 с.) в разделе «Молодежь и образование» выделены параграфы «Социальные аспекты процесса профессиональной социализации студенческой молодежи», «Молодежь в системе непрерывного образования» (С. 262–303) (см. также: Сотникова А. В. Студенческая молодежь: теоретические и методологические проблемы исследования в социологической науке [Электронный ресурс] // Теория и практика общественного развития. — 2011. — № 3. — Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/studencheskaya-molodezh-teoreticheskie-i-metodologicheskie-problemy-issledovaniya-v-sotsiologicheskoy-nauke-1> (дата обращения: 12.09.2016)). Отметим одновременно и высказанное М. К. Горшковым и Ф. Э. Шереги мнение, что «с позиции социальной науки неправомерно выделять такое направление, как социология молодежи, по той причине, что молодежь сама по себе, как и пенсионеры, женщины и другие демографические группы, не является социальным институтом и посему не представляет собой предмет социологии» (Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Российская молодежь: истоки и этапы социологического изучения // Гуманитарий Юга России. — 2012. — № 3. — С. 25). Мы, как покажем ниже, считаем молодежь институтом, поэтому придерживаемся именно направления «социология молодежи». И даже отмечаем огромный вклад Горшкова и Шереги в ее развитие, хотя они, будучи последовательными, говорят о «социологическом анализе молодежи».

² Для нас — в большинстве своем учеников Л. Н. Когана (а позднее — «учеников его учеников») — было присуще определенное понимание взаимосвязи методологии и эмпирии. Суть его очень четко выразил в своем интервью Н. И. Лапин. Говоря о работе над книгой «Моло-

временно — на основе обобщения и осмысления полученных результатов эмпирического исследования, выявления и уточнения характерных черт социокультурного портрета студенчества Среднего Урала — происходило развитие этих важных отраслей социологической науки.

В стремлении проанализировать «методологические особенности изучения студенчества в отечественной социологии», выделяются пять основных этапов такого анализа¹. Соответственно, наше исследование хронологически охватывает почти весь «пятый этап» (с 1990-х гг. по настоящее время), хотя его единые методологические основы и принципы складывались уже на «третьем этапе» (1960–1970-е гг.) и особенно — на «четвертом этапе» (1970–1980-е гг.).

В книге Л. Я. Рубиной (соруководителя исследования «Студент-95», чьи работы² во многом определили характер, направленность, да и перспективы мониторинга) «Советское студенчество» отмечалось, что «интерес к проблемам студенчества, обострившийся во всем мире в конце 1960-х гг., сохраняется». Это соотносилось с «возрастанием социальной роли и расширением функций этого отряда молодежи как одной из наиболее подвижных общественных групп в социальной структуре современного общества»³.

Обобщая предшествующие «многолетние исследования различных сторон студенческой жизни»⁴, Л. Я. Рубина отмечала глубокий анализ «факто-

дой Маркс», он отметил: «Исследование методологии и ценностных ориентаций молодого Маркса стало для меня школой освоения научного подхода к получению эмпирических данных и их осмыслению как социальных фактов и процессов» — см.: Лапин Н. И. «Наша социология стала полем профессиональных исследований, свободных от идеологического диктата». Интервью с Б. З. Докторовым [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.socioprognoz.ru/files/File/history/Lapin.pdf> (дата обращения: 18.11.2016).

¹ Измайлова К. А. Методологические особенности изучения студенчества в отечественной социологии [Электронный ресурс] // Вестник Майкопского государственного технологического университета. — 2016. — № 4. — Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-osobennosti-izucheniya-studenchestva-v-otechestvennoy-sotsiologii> (дата обращения: 12.09.2016). Соглашаясь с позицией автора, что «на протяжении всего XX века и по сей день принципы методологии изучения студенчества претерпевают значительные изменения», и принимая предложенную ею периодизацию этих изменений, считаем односторонним вывод о выходе «на современном этапе на первый план» «качественных методов». — *Прим. ред.*

² Рубина Л. Я. Советское студенчество. Социологический очерк. — М.: Мысль, 1981. — 207 с.; Руткевич М. Н., Рубина Л. Я. Общественные потребности, система образования, молодежь. — М.: Политиздат, 1988. — 224 с.

³ Рубина Л. Я. Советское студенчество. — М.: Мысль, 1981. — С. 3.

⁴ Жизненные планы молодежи / отв. ред. М. Н. Руткевич. — Свердловск: УрГУ, 1966. — 245 с.; Рубин Б., Колесников Ю. Студент глазами социологов. — Ростов н/Д.: РГУ, 1968. — 277 с.; Руткевич М. Н., Филиппов Ф. Р. Социальные перемещения. — М.: Мысль, 1970. — 253 с.; Лисовский В. Т. Эскиз к портрету. — М.: Молодая гвардия, 1969. — 208 с.; Шубкин В. Н. Социологические опыты (Методологические вопросы социальных исследований). — М.: Мысль, 1970. — 287 с.; Шубкин В. Н. Начало пути (проблемы молодежи в зеркале социологии и литературы). — М.: Молодая гвардия, 1979. — 224 с.; Мотивация жизнедеятельности студента [Материалы межресп. семинара. 21–27 июля 1970 г.] / Ю. Леонавичюс (отв. ред.). — Каунас, 1971. — 547 с.; Журавлев В. Л. Вопросы жизненного самоопределения выпускников средней школы. — Ро-

ров, влияющих на выбор профессий высококвалифицированного умственного труда»; «социальной, профессиональной, территориальной мобильности молодежи при выборе профессии»; «эффективности системы высшего образования в подготовке кадров специалистов»; «социальных источников пополнения разных отрядов интеллигенции».

Для развития социологической трактовки молодежи в отечественной литературе особое значение имело обоснованное Л. Я. Рубиной положение о взаимосвязи интеграции и дифференциации молодежи: «Общность возрастных, психологических, социально-демографических, социально-политических и других характеристик не исключает дифференциацию молодежи по роду занятий, возрасту, образованию, квалификации, социально-экономическому положению, отношению к производству». Такой подход и создавал возможность «выделять и исследовать различные группы молодежи и присущие им качества, учитывать их в работе с молодежью»¹.

Обобщая исследование проблем студенчества в 1960—1970-х гг. в СССР в целом и в Свердловске в частности², социолог «с учетом многообразия и некоторой дробности проблем», «связанных с различными сторонами деятельности студенческой молодежи», показала целесообразность перехода к следующему этапу исследований — «к общесоциологической характеристике студенчества»³.

При этом отмечалась разнородность мнений о статусе студенчества как группы молодежи. С годами все больший смысл приобретала оценка Л. Я. Рубиной: «за терминологической нечеткостью часто стоит либо односторонний анализ молодежных проблем, гиперболизирующий возрастные, психологические особенности этой группы молодежи, либо ее отождествление с социально-классовыми группами, слоями общества»⁴.

Стремление преодолеть обе эти односторонности (психологизм и узость социально-классового подхода) позволили социологу определить студенчество как «большую общественную группу, служащую источником пополнения основных отрядов интеллигенции, занятую деятельностью по подготовке к высококвалифицированному умственному труду, активно участвующую в разнообразной общественно полезной деятельности»⁵.

стов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 1972. 199 с.; Константиновский Д.Л. Динамика профессиональных ориентаций молодежи Сибири. — Новосибирск : Наука, 1977. — 173 с. и др. Мы повторили эту ссылку из монографии (Рубина Л.Я. Советское студенчество. Социологический очерк. — М. : Мысль, 1981. — С. 9), чтобы подчеркнуть те исследования и публикации, которые существенно повлияли на разработку и характер программы нашего мониторинга. — *Прим. ред.*

¹ Рубина Л.Я. Советское студенчество. — М. : Мысль, 1981. — С. 7.

² В Свердловске масштабные исследования студенчества проводились с 1967 г., особую роль сыграл всесоюзный исследовательский проект «Высшая школа», осуществленный в 1973—1975 гг. по инициативе ИСИ АН СССР (М. Н. Руткевич, Ф. Р. Филиппов, Л. Я. Рубина и др.). См.: Рубина Л.Я. Советское студенчество. — М. : Мысль, 1981. — С. 11).

³ Там же.

⁴ Там же. — С. 22.

⁵ Там же. — С. 24.

В середине 1990-х гг., когда возникла необходимость выявить те социокультурные изменения, которые произошли в социальном статусе постсоветского студенчества, именно это определение стало исходным для нашего исследования.

Обобщенно основные методологические принципы нашего подхода были обоснованы в монографии Ю. Р. Вишневого и В. Т. Шапка «Социология молодежи» (1995 г.)¹. Эти принципы таковы:

- многомерная модель молодежи (для социологии молодежи особенно важной стала сегодня переориентация — от «единство = единообразие» до «единство в разнообразии»; актуализировалась проблема соотношения единства и разнообразия, целостности и дифференциации молодежи);
- акцент на социальную дифференциацию, растущее социокультурное расслоение и стилевые различия в студенческой среде;
- понимание студенческого возраста как важного этапа жизненного пути молодого человека, в течение которого приоритетное значение приобретают самореализационные процессы;
- понимание молодежи как социального ресурса и основанный на этом ресурсный подход к молодежи и студенчеству;
- рискологический подход.

Ориентиром для авторского коллектива были идеи Л. Н. Когана о многомерной модели молодежи², прежде всего о необходимости четко сохранять предметную определенность социологии молодежи. Задаваясь вопросом, что же сегодня объединяет группу, именуемую «молодежью», и называя возрастные, физиологические и социально-психологические качества, социолог замечает: «Бесспорно, как, впрочем, и то, что они должны изучаться прежде всего физиологией и социальной психологией. Социология же, характеризуя эти качества и занимаясь явно не своим делом, нередко попадала впросак»³.

Важнейшей задачей социологического анализа Коган считал соотнесение роли дифференцирующих и интегрирующих социальных факторов, причем его оценка этого соотношения была четкой и конкретной (опиралась на исследования сер. 1990-х гг.): «Сегодня дифференцирующие факторы среди молодежи проявляются более весомо и зримо, чем интегрирующие. Я имею в виду, прежде всего, социальное происхождение, доход, как самого молодого человека, так и его родителей, политическую идентификацию, образо-

¹ Вишневский Ю. Р., Шапка В. Т. Социология молодежи. — Н. Тагил : НТГПИ, 1995. — 311 с.; Вишневский Ю. Р., Шапка В. Т. Социология молодежи : учеб. для вузов. 2 изд., дополн. и перераб. — Екатеринбург : УГТУ-УПИ, 2006. — 429 с.; Вишневский Ю. Р., Нархов Д. Ю. Социология молодежи. 2 изд., доп. и перераб. — Екатеринбург, 2013. — 246 с.

² Коган Л. Н. Предисловие // Молодежь — будущее России. Тезисы докладов X Уральских социологических чтений. 11–12.09.1996. — Ч. 1. — Екатеринбург : УИМ, 1996. — С. 3–7.

³ Там же. — С. 5.

вание, социальные притязания и ценностные ориентации»¹. На конкретное изучение этих факторов и был нацелен мониторинг.

Не менее важным для анализа и интерпретации полученных результатов мониторинга было положение Л. Н. Когана об антиномичности молодежи. Говоря о применимости к современной молодежи совершенно противоположных оценок («молодые люди рассматривают образование как одну из главных ценностей жизни» — «образование находится на периферии жизненных ценностей молодых людей»), ученый делал важное — глубоко социологическое по духу — уточнение: «речь идет о разных ее группах»².

Кстати, когановское определение антиномичности переходных эпох (осмысленное им и применительно к своему времени, и ко временам Шекспира и Сервантеса), которым «присущи взаимоисключающие противоречия, каждая из сторон которых верна и справедлива при всей их несовместимости», эпох, когда меняется «весь образ жизни общества — не только содержание мышления, но и его *стиль*», формируется «принципиально *новый тип личности*», совершается «грандиозный переход от культуры традиционной к новому типу культуры», происходит «сложное и мучительное становление личности как индивидуальности», было очень емким определением практически всего периода мониторинга³.

¹ Коган Л. Н. Предисловие // Молодежь — будущее России. Тезисы докладов X Уральских социологических чтений. 11–12.09.1996. — Ч. 1. — Екатеринбург : УИМ, 1996. — С. 5–6.

² Там же. — С. 6. В отношении студенчества такая позиция стала распространенной: «Если сопоставить отрицательные и положительные черты студенческой молодежи, получается парадокс: ей одновременно присущи разгильдяйство и целеустремленность, эгоизм и альтруизм, агрессивность и гуманизм, апатичность и предприимчивость, бездуховность и интеллектуальность, жажда богатства и жажда знаний, в общем, — все пороки и все добродетели, известные человечеству. Порой исследователи говорят о «противоречивости», «нелепости» социального портрета молодого поколения. Однако парадокс можно объяснить. Надо только уйти от попыток построить один, единственный социальный портрет, представляющий всю молодежь постсоветской России — от старшеклассников и учащихся ПТУ до студентов и военнослужащих. Дело в том, что существует не один, а несколько социально-психологических портретов, и наложение их друг на друга порождает нелепые конфигурации. Если бы молодое поколение было однородным и унифицированным, для его представления было бы достаточно одного портрета. Нынешняя же молодежь стратифицирована на группы, отличающихся интеллектуальными и этическими параметрами, поэтому обойтись одним изображением нельзя. Исследование выявляет дифференциацию постсоветского поколения, что необходимо учитывать в научной и педагогической деятельности». См.: Соколов А. В. Интеллектуально-нравственная дифференциация современного студенчества // Социологические исследования. — 2005. — № 9. — С. 96).

³ См.: Коган Л. Н. Философия: серьезная и веселая: Очерки о философии Уильяма Шекспира. — Челябинск : ЧИРПО, 1996. С. 6–7. Примечательно, что эта характеристика во многом была адекватна оценке И. Валлерстайна: «что мы действительно знаем — это то, что переходный период будет грозным временем потрясений, поскольку цена перехода крайне высока, его перспективы предельно неясны, а потенциал воздействия небольших изменений на итоговый результат исключительно велик». См.: Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века / пер. с англ. под ред. В. И. Иноземцева. — М., 2004. — С. 5–6).

Исходное для мониторинга представление о многомерности молодежи отражается в разнообразии социологических подходов к проблемам молодежи. При этом на всех этапах мониторинга мы не стремились сравнивать те или иные подходы и тем более «оценивать» их как более или менее «правильные», «полные», что не мешало высказывать в тех или иных случаях свои замечания или несогласие. Но главным для нас — в духе «принципа дополнительности» Н. Бора — был выход на комплексное, интегративное понимание проблемного поля социокультурного развития студенческой молодежи.

Рассмотрим в этом ракурсе некоторые конкретные подходы к проблемам молодежи в целом¹.

Стратификационный, структурно-функциональный подход

В рамках данного подхода (во многом преодолевшего односторонний социально-классовый подход²) *молодежь* рассматривается как общность, определенная социально-демографическая, возрастная группа, выступающая компонентом социальной структуры общества и характеризующаяся специфическим социальным статусом.

Именно на такой подход (со всеми его достоинствами и недостатками) было направлено одно из первых определений социологии молодежи в от-

¹ Представленный ниже анализ различных подходов в отечественной социологии молодежи — расширенный и дополненный материал, опубликованный в: Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т. Актуальные проблемы социологии молодежи // Актуальные проблемы социологии молодежи / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. — Екатеринбург : УрФУ, 2010. — С. 11–21. Он нацелен на теоретико-методологическое обоснование мониторинга и отнюдь не претендует на полноту или нормативность. Удачно в свое время классификацию основных концепций в социологии молодежи осуществил В. И. Чупров (Чупров В. И. Социология молодежи на рубеже своего тридцатилетия // Социологические исследования. — 1994. — № 6. — С. 50–57). Она была уточнена в более поздних публикациях (Зубок Ю. А., Чупров В. И. Методология целостного подхода в социологии молодежи // Россия: новые цели и приоритеты / под ред. Г. В. Осипова, В. Н. Кузнецова, В. В. Локосова. — М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2006. — С. 84–107; Зубок Ю. А., Чупров В. И. Становление и развитие отечественной социологии молодежи // Социологические исследования, 2008. № 7. С. 108–117). Сегодня опубликованы работы, анализирующие более широкий спектр «теорий молодежи»: Луков В. А. Теории молодежи: Пути развития // Знание. Понимание. Умение. — 2007. — № 3. — С. 70–82; № 4. — С. 87–98; Луков В. А. Теории молодежи: Междисциплинарный анализ. — М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2012. — 528 с.; и др. Предприняты и попытки соотнести отечественные исследования с зарубежными теориями: Митин А. А. Исследования молодежной проблематики в современной России: рецепция зарубежных теоретико-концептуальных подходов // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2015. — № 4 (64). — Т. 2. — С. 136–141.

² Мы согласны (а многие наиболее опытные участники авторского коллектива мониторинга сами были вовлечены в этот процесс) с мнением В. А. Лукова о широком использовании в отечественной социологии уже в советские времена методологического приема, «когда под прикрытием официального марксизма реализовалась структурно-функциональная парадигма» (Луков Вал. А. Концептуализация молодежи в XXI веке: новые идеи и подходы [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/data/2012/05/18/1271955747/Lukov.pdf> (дата обращения: 09.12.2016).

ественной социологии: «Социология молодежи — отрасль социологической науки, изучающая молодежь как социальную общность, особенности социализации и воспитания вступающих в жизнь поколений, процесс социальной преемственности и унаследования молодежью знаний и опыта от старших поколений, особенности образа жизни молодежи, формирование ее жизненных планов и ценностных ориентаций, в том числе профессиональных, социальную мобильность, выполнение социальных ролей различными группами молодежи»¹. В определении известного отечественного социолога И. С. Кона акцентировалась ориентация социологии молодежи на исследование проблем молодежи как социальной группы, ее места и роли в социальной структуре, становления личности молодого человека, влияния социальных различий на выбор профессии и социальное продвижение молодежи, ее ценностные ориентации².

Для социологической трактовки молодежи ее границы не определяются возрастом как таковым. Возрастной признак, как и всякий другой (это отмечали еще в 1980 г. С. Н. Иконникова и Э. В. Соколов), может в известных условиях стать «группообразующим», способствовать сплочению молодежи. Это происходит тогда, когда данный признак является условием включения в определенную общественную сферу и способствует интенсивному и систематическому общению молодежи. «Сплачивающая» роль возрастных характеристик молодости еще более усиливается, если они гармонируют с какими-то тенденциями общекультурного развития»³.

¹ Лисовский В. Т. Социология молодежи // Социологический словарь / А. Н. Елсуков, К. В. Шульга, Г. П. Давидюк. 2 изд. — Минск : Университетское издательство, 1991. — 528 с. — С. 407—408. В современных условиях акцент на молодежь как общность вновь выступает определяющим в подходе ряда авторов: «Вполне естественно, что столь многочисленная прослойка российского общества должна являться объектом пристального внимания со стороны социологической науки, выделившей социологию молодежи в самостоятельную отрасль социологического знания, исследующего на основе теоретических и эмпирических представлений современной социологии молодежь как социальную общность» (Социология молодежи: учебник / под ред. В. Н. Кузнецова. — М. : Гардарики, 2005. — С. 7).

² См.: Социология молодежи: учебник / под ред. В. Т. Лисовского. — СПб. : Изд-во СПбГУ, 1996. — С. 5.

³ Иконникова С. Н., Соколов Э. В. Диалектика развития личности // Духовная культура развитого социализма и личность. — Л., 1980. — С. 98. Обобщая, эту позицию четко сформулировал В. Т. Лисовский: «Молодежь — это социально-возрастная группа, находящаяся в процессе профессионального и социального становления. В зависимости от социальных, региональных, национальных условий возрастные границы могут значительно варьировать. Условно можно принять за нижнюю границу 15—17 лет — срок окончания средней школы, а за верхнюю — 30 лет — период окончательного включения в социально-профессиональную структуру общества» (Лисовский В. Т. О молодежи и молодежной политике: в 2 т. / под общ. ред. А. А. Козлова. — Т. 1. — СПб. : Химиздат, 2005. — С. 36). В «Основах государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 г.» (Утверждены распоряжением Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р) приведено нормативно-правовое определение молодежи — «социально-демографическая группа, выделяемая на основе возрастных особенностей, социального положения и характеризующаяся специфическими интереса-

Более 40 лет назад В. Т. Лисовский и А. В. Дмитриев зафиксировали: «В настоящее время в научной литературе еще нет достаточно полного определения понятия «студенчества», как нет и единого мнения по вопросу о характере и специфике труда студенчества»¹. С тех пор ситуация мало изменилась, тем более что многие характеристики и особенности этого «труда»², казавшиеся еще недавно незыблемыми, сегодня становятся предметом дискуссий.

До 1990-х гг. основанием для отнесения студентов к особой социальной группе служил вид деятельности студентов — *учебно-профессиональная деятельность*, т. е. овладение знаниями, приобретение навыков профессиональной подготовки и их реализация на практике³, она же и определяла специфику профессионального самоопределения студентов. С начала 1990-х гг. возникает феномен «работающего студента»: растет число студентов, занятых на относительно регулярной оплачиваемой работе, причем для существенной части студентов основным видом деятельности является уже не учеба в вузе, а работа. С сер. 1990-х гг. уже социологически фиксируется тенденция все большего разрыва между характером регулярной занятости студентов и их профессиональной подготовкой в вузе (особенно гуманитарных, технических и естественных факультетов), что придает двойственный, неопределенный характер статусу студентов⁴. Сегодня учебно-профессиональную деятельность уже нельзя назвать основным видом деятельности студентов, однако получение профессиональной подготовки в вузе остается важным признаком, интегрирующим студентов как особую социальную группу.

Социальный характер возрастных критериев особенно значим сегодня, когда студенчество теоретически (что полностью соответствует реалиям настоящего и, возможно, даже более отдаленного будущего) рассматривается как отряд в структуре молодежи. Но уже развитие заочного и очно-заочного (вечернего) образования включило в состав студенчества и тех, кто так или иначе вышел из «молодежного возраста». Именно поэтому «социология студенчества» (это в полной мере относится и к нашему мониторингу) исследует проблематику не всех студентов, а лишь студентов-очников.

Впрочем, и дискуссии о «непрерывном» образовании, образовании на протяжении всей жизни (*lifelong learning*) (LLL), и расширяющаяся практика такого образования, намного усиливающаяся благодаря достижениям «виртуального» образования, вновь ставят вопрос о зыбкости возрастных границ студенчества.

ми и ценностями. Эта группа включает лиц в возрасте от 14 до 30 лет, а в некоторых случаях, определенных нормативными правовыми актами РФ и субъектов РФ — до 35 и более лет».

¹ Лисовский В. Т., Дмитриев А. В. Личность студента. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1974. — 183 с. — С. 23.

² Даже в терминологическом плане сама учеба не считалась «трудом», после двух «учебных» семестров следовал «третий» («трудоу») семестр.

³ См.: Филиппов Ф. Р. Советское студенчество как общественная группа // Изменение социальной структуры социалистического общества. — М. 1976. — С. 65–85.

⁴ Герчиков В. И. Феномен работающего студента вуза // Социологические исследования. 1999. — № 8. — С. 87–94.

Характерно мнение: «студенческий возраст имеет условные хронологические границы, обусловленные отменой возрастного ценза при поступлении в вуз, и может захватывать периоды юности, ранней зрелости и зрелости»¹. Учет и достаточно расширительное определение «высшего образования» во Всемирной декларации о высшем образовании для XXI в. (1998 г.) — это «все виды учебных курсов, обучения или подготовки для научных исследований на послесреднем уровне, предоставляемых университетами или другими учебными заведениями, которые признаны в качестве учебных заведений высшего образования компетентными государственными властями».²

Исследование теории и практических возможностей нелинейной модели российского высшего образования научной группой Г. Е. Зборовского³ еще более актуализируют постановку данного вопроса. Во всяком случае, уже к следующему этапу мониторинга (2020 г.) обоснование и генеральной совокупности, и выборки может стать серьезной исследовательской проблемой или потребует разнообразных исключений.

Как особенность социального статуса студентов обычно определялась процессуальность, переходность, подготовка к будущему статусу. Такая «подготовительность», впрочем, соответствовала общей тональности оценки предмолодежного и молодежного возраста (детсад «готовит» к школе; школа «готовит» к вузу; вуз «готовит» к жизни). И среди позитивных изменений рубежа XX—XXI вв. — утверждение понимания, что студенческая пора — это не «подготовка к жизни», а сама жизнь. «Молодежь, — четко выразил эту позицию Б. А. Ручкин, — не только будущее, она «живое настоящее», и важно понять, насколько уже сегодня молодое поколение определяет содержание и характер будущего, насколько несет в себе «дух нового времени»⁴.

Серьезные перемены происходили и в характеристике перспективного

¹ Пак Л. Г. Социализация студенческой молодежи в социокультурном контексте [Электронный ресурс] // Социально-гуманитарные знания. — 2008. — № 4. — С. 163–169. — Режим доступа: <http://naukarus.com/sotsializatsiya-studencheskoy-molodezhi-v-sotsiokulturnom-kontekste> (дата обращения: 11.12.2016).

² Всемирная декларация о высшем образовании для XXI века: подходы и практические меры (Париж, 9 октября 1998 г.) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://pedagog-mo.ru/ru/?option=com_k2&view=item&id=69:vsemirnaya-deklaratsiya-o-vysshem-obrazovanii-dlya-xxi-veka-podkhody-i-prakticheskie-mery&Itemid=185&lang=ru (дата обращения: 11.12.2016).

³ Нелинейная модель российского высшего образования в макрорегионе: теоретическая концепция и практические возможности/Г. Е. Зборовский [и др.] / под ред. Г. Е. Зборовского. — Екатеринбург : Гуманитарный университет. — 2016. — 336 с.

⁴ Ручкин Б. А. Молодежь и становление новой России // Социологические исследования. 1998. — № 5. — С. 90. Приводя эти слова гуманиста-молодежника, с особой теплотой вспоминая о сотрудничестве с социологами Института молодежи (позднее — Московского гуманитарного университета), особенно интенсивного в период подготовки, проведения и обобщения результатов II этапа нашего мониторинга (1999 г.) и работы над Государственным докладом «Молодежь Российской Федерации» (2000 г.) — см. : Вишневский Ю. Р., Ковалева А. И., Родионов В. А., Ручкин Б. А., Шапко В. Т. Практикум по социологии молодежи. — М. : Социум, 2000. — 296 с.; Молодежь Российской Федерации: положение, выбор пути. — М., 2000. — 192 с.

ориентира — от «интеллигенции»¹, «работников умственного труда» до более современного «специалистов с образованием»².

Наиболее масштабным и интересным (и тут мы согласимся с мнением В. А. Лукова³) современным примером реализации структурно-функционального подхода к молодежи являются исследования 1997–2009 гг. под руководством М. К. Горшкова и Ф. Э. Шереги.⁴

Обосновывая возросший интерес социологов к проблемам молодежи на рубеже XIX–XX вв., они связали это с тем, что «молодежь смогла во весь голос заявить о себе как об основном структуровозрождающем факторе общества лишь на индустриальной стадии становления рыночных отношений»⁵.

В центре внимания социологов — «механизм включения молодежи в общественные отношения, формирующие ее мировоззрение, ценностные ориентацию, гражданскую позицию, профессиональный и социальный статус».

¹ В плане традиций характеристики студенчества как «прединтеллигенции» интересно определение в отчете по итогам одной из дореволюционных студенческих переписей: «Студенчество — это интеллигенция в стадии ее окончательного формирования перед началом практической деятельности. Общественно-культурная физиономия студенчества определяет духовный облик «начинающего интеллигента», раскрывает и объясняет многие элементы общественного настроения. О последнем мы можем судить, с известной степенью приближения, по интеллектуальному и моральному уровню студенчества. Вот почему громадный интерес представляют попытки выяснить этот уровень, попытки, неоднократно выражавшиеся в устройстве анкет и переписей среди студентов». См.: К характеристике современного студенчества» (по данным переписи 1909–1910 гг. в Санкт-Петербургском технологическом университете / под ред. и с предисловием М. В. Бернадского. — СПб.: Типо-Литография Б. Авидона, 1911. — 89 с. — С. 11–12.

² Пак Л. Г. Социализация студенческой молодежи в социокультурном контексте // Социально-гуманитарные знания. — 2008. — № 4. — С. 163–169. <http://naukarus.com/sotsializatsiya-studencheskoj-molodezhi-v-sotsiokulturnom-kontekste>. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» (№ 273-ФЗ от 29.12.2012. Ст. 33) определяет «студентов (курсантов)» как «лиц, осваивающие образовательные программы среднего профессионального образования, программы бакалавриата, программы специалитета или программы магистратуры» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/a633a162a4284433fbad3aa1662bdcd254b81d81/ (дата обращения: 17.12.2016). Не говоря уже о расширении студенчества за счет учащихся организаций среднего профессионального образования (наш мониторинг ограничивался лишь студентами организаций высшего образования), такое определение снимает возрастной критерий и саму перспективу перехода в следующий статус.

³ Луков Вал. А. Концептуализация молодежи в XXI веке: новые идеи и подходы [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/data/2012/05/18/1271955747/Lukov.pdf> (дата обращения: 13.12.2016).

⁴ «В какой России хотела бы жить молодежь?»: Всероссийское социологическое исследование. Аналитический доклад [Электронный ресурс] / Российский независимый институт социальных и национальных проблем; Рук. М. К. Горшков, М. П. Мчедлов, В. В. Петухов. — М., 1999. — Режим доступа: <http://pandia.ru/text/79/275/29984.php> (дата обращения 13.12.2016); Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: социологический портрет. — М.: ЦСПиМ, 2010. — 592 с.; и др.

⁵ Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: ретроспектива и перспектива [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.civisbook.ru/files/File/molodeg_perspektivy.pdf (дата обращения: 13.12.2016).

В этом механизме разграничиваются две формы:

- интеграция молодого поколения в культурные, нравственные, правовые, политические и идеологические традиции общества путем принятия им (экстерьеризации) господствующих социальных норм в качестве основы своих ценностных ориентаций, побудительных мотивов поведения;
- дифференциация молодого поколения по ячейкам социально-профессиональной структуры общества путем образовательной и экономической «селекции» (профессиональная ориентация и профессиональная подготовка)¹.

Социологически измеримым оказывается результат социализации, рассматриваемый исследователями в широком диапазоне: молодежь или «идентифицирует себя с господствующими социально-экономическими (в том числе распределительными) отношениями и нормами общества, и тогда бесконфликтное воспроизводство последнего гарантировано», или «по тем или иным причинам не идентифицирует себя с основными нормами общества (и идеологическими, и правовыми, и распределительными), отчуждается от них, и тогда назревает конфликт поколений»². Выявляя характер и степень этого «или — или», социолог выполняет важную диагностическую и прогностическую функцию.

Значительным развитием и углублением структурно-функционального подхода с акцентом на динамику социального развития явился воспроизводственный подход. В. И. Чупров, подчеркивая социальное качество молодежи, связывал его с ролью молодежи в процессе воспроизводства социальной структуры. Молодежь, по его справедливой оценке, выступает как «становящийся субъект общественного воспроизводства»³.

Соответственно «сущностной характеристикой молодежи рассматрива-

¹ Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: социологический портрет. — М. : ЦСПиМ, 2010. — С. 7.

² Там же.

³ Молодежь России: социальное развитие / под ред. В. И. Чупрова. — М. : Наука, 1992. — С. 9. См.: Социальное развитие молодежи: методологические проблемы и региональные особенности. Сб. статей / отв. ред. В. И. Чупров. — М. : ИСИ АН СССР. — 1986. — 197 с. (среди авторов этого сборника, объединившего социологов молодежи из разных республик и регионов СССР, Л. Я. Рубина, в чьей статье анализировались на материалах исследований в Свердловской области жизненные планы и ориентации выпускников различных типов средней школы); Чупров В. И. Социальное развитие молодежи: Теоретические и прикладные проблемы. М. : Социум, 1994. — 165 с. Зубок Ю. А. Социальная регуляция в условиях неопределенности. Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодежи. — М. : Академия (Academia), 2008. — 272 с.; Чупров В. И., Зубок Ю. А., Романович Н. А. Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства: монография. М. : Норма, 2016. — 352 с.; Луков В. А. Социального развития молодежи концепция В. И. Чупрова [Электронный ресурс] // Энциклопедия. — Режим доступа: <http://soc-mol.ru/encyclopaedia/theories/203-socialnogo-razvitiya.html> (дата обращения: 18.09.2016).

лось становление субъектности этой социально-демографической группы. Этот развернутый во времени процесс протекает в виде формирования таких личностных и социальных качеств, реализация которых позволяет молодому человеку выступать субъектом как индивидуального развития, так и социального»¹. Реализация субъектности соотносилась с осуществлением молодежью воспроизводственной, инновационной и трансляционной функций.

В позиции В. И. Чупрова привлекала простая (но до сих пор не всеми властными структурами понимаемая) мысль: молодежь — «необходимая для нормального функционирования социальная группа»². Ю. А. Зубок в этой связи актуализировала проблематику «социальной интеграции»³, связав ее с «включением» молодежи в социальную структуру общества, в ее воспроизводство, и выявив «социализационные кризисы», мешающие социальной интеграции.

На этой методологической основе изучались изменения в начале 1990-х гг. в социальном потенциале, социально-профессиональном, образовательном и этническом статусе молодежи, ее материальном и семейном положении⁴. Особую значимость для настоящего исследования имело то, что Центр социологии молодежи ИСПИ РАН под руководством В. И. Чупрова в 1990–2002 гг. по проблематике «Социальное развитие молодежи» провел в 12 регионах РФ пять этапов Всероссийского мониторинга⁵, что позволяло сравнивать и соотносить наши результаты с общефедеральными данными.

Плодотворно и исследование молодежи в ракурсе решения ее социальных проблем⁶. В этом плане правомерна реализация в социологии молоде-

¹ Зубок Ю. А., Чупров В. И. Методология целостного подхода в социологии молодежи // Россия: новые цели и приоритеты / под ред. Г. В. Осипова, В. Н. Кузнецова, В. В. Локосова. — М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2006. — С. 84–107.

² Чупров В. И. Трансформация молодежи / В. Чупров // Портфель бизнес-класса. 2007. Апрель-май. — С. 26.

³ Зубок Ю. А. Социальная интеграция молодежи в условиях нестабильного общества. — М.: Социум, 1998. — 142 с.

⁴ Чупров В. И., Зубок Ю. А., Мамедов Р. А., Староверова И. Н. Социальный потенциал молодежи // Россия: преодоление национальной катастрофы / под ред. Г. В. Осипова, В. К. Левашова, В. В. Локосова. — М., 1999. — С. 78–86; Чупров В. И., Быкова С. Н. Материальное положение молодежи в России. — М.: Ин-т молодежи; ИСПИ РАН, 1992. — 60 с.; Чупров В. И., Игитханян Е. Д. Социально-профессиональный статус молодежи. — М.: Ин-т молодежи; ИСПИ РАН, 1992. — 56 с.; Чупров В. И., Игитханян Е. Д., Казаринова И. В. Семейное положение молодежи России. — М.: Ин-т молодежи; ИСПИ РАН, 1992. — 51 с.; Чупров В. И., Колесников А. Н. Образовательный статус молодежи России. — М.: Ин-т молодежи; ИСПИ РАН, 1992. 44 с.; Чупров В. И., Савва М. В. Этнический статус в молодежной среде. — М.: Ин-т молодежи; ИСПИ РАН, 1992. — 56 с.

⁵ Чупров В. И. Молодежь: духовное воспроизводство в условиях риска // Вестник РУДН. Серия «Социология». — 2004. — № 6–7. — С. 8.

⁶ Международный и отечественный опыт исследования и решения проблем российского студенчества обобщен в: Основы работы со студенчеством: учебное пособие / под ред. Т. Э. Петровой; В. С. Сенашенко. — М.: Инфра-М Альфа-М, 2016. — 286 с.

жи подхода наших казанских коллег, обосновывающих необходимость «социологии социальных проблем»¹. Плодотворно и обращение к работам, где проблемный подход к молодежи (молодежь — проблема; самое главное в социологии молодежи — изучение и решение социальных проблем молодежи) ставится под вопрос. Так, в весьма содержательной работе Е. Л. Омельченко «Молодежь: Открытый вопрос»² раздел об основных ориентирах социологии молодежи в современных условиях озаглавлен «От проблемного конструкта молодежного вопроса — к анализу молодежной повседневности». Не отвергая акцента автора на реализации в социологии молодежи качественных методов (вообще в споре «количественников» и «качественников» мы придерживаемся идеи их взаимодополнительности, хотя наши собственные практики, в основном, количественные — массовые опросы, изучение молодежного общественного мнения), мы уверены, что потенциал «проблемного конструкта» (особенно в современной отечественной социологии молодежи) крайне далек от исчерпания.

Неадекватность социологического анализа молодежных проблем нередко связана с жесткими однозначными оценками молодого поколения, существенно упрощающие социализацию молодежи как многогранного динамичного процесса. В качестве причин такой неадекватности можно выделить:

- традиционность методологии анализа молодежных проблем с ее стремлением к точности описания, поиску однородных групп связей и однородных объектов анализа, к доказательству универсальности выявленных закономерностей;
- рассмотрение этих проблем в парадигме социального порядка, когда действия молодых людей оцениваются с точки зрения их роли в достижении социальной стабильности (при таком подходе единицей социального анализа выступали не конкретные молодые люди, а их социальные роли; сами же юноши и девушки воспринимаются как марионетки, объекты манипулирования и социального принуждения, обязанные следовать нормам и традициям общества);
- ориентация на поиск объективных закономерностей развития молодежи и игнорирование жизненного мира молодых людей³.

В рамках переосмысления социологии молодежи в 1980–1990-х гг. все более исследователи приходили к пониманию: она не может быть сведена к изучению специфики молодежи как социально-демографической группы;

¹ Социология социальных проблем. Глава 15 // Социология: учебное пособие / под ред. С. А. Ерофеева и Л. Р. Низамовой. 2-е изд. — Казань, 2001. — С. 262–282.

² Омельченко Е. Л. Молодежь : Открытый вопрос. — Ульяновск : Симбирская книга, 2004. — 184 с.

³ См.: Першуткин С. Н. К вопросу об адекватности научных представлений о социализации молодежи // Тезисы докладов и выступлений на II Всероссийском социологическом конгрессе «Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы». Т. 3. — М., 2003. — С. 115–116.

не менее важно исследовать все многообразие процессов социодинамики поколений, социокультурных факторов институциональной целостности и самостоятельности молодежи, изучить социальную жизнь молодежи во всем многообразии ее проявлений. Такое понимание соответствует возрастающей роли «социальной жизни» как объекта социологического знания, что убедительно обосновано в ряде работ С. И. Григорьева и Ж. Т. Тощенко. Речь идет о «социологии жизни», оперирующей «показателями отношений и взаимодействий людей к реальным проблемам, ситуациям, ко всему тому, что происходит в обществе, в котором они работают и живут»¹.

Превращение *социальной жизни* — реального многообразия видимых и невидимых, прямых и опосредованных социальных связей и отношений — в предмет социологии² особенно значим в отношении молодежи. Дальнейшим развитием социологии жизни является понятие *жизненный мир*, представляющий «единство объективного и субъективного, синтез реального общественного сознания во всем его противоречивом развитии; деятельности, поведении людей, условий, в которых они реализуются»³. Обобщением теоретического и эмпирического анализа выступает вывод Ж. Т. Тощенко: «главными смыслами, определяющими весь жизненный мир россиян, всю совокупность основных видов их деятельности, являются их неизбежное стремление к социальной справедливости, социальной защищенности и желанию понять, какое общество строится в России»⁴. Представляется, что понятие «жизненный мир» емко и целостно отражает объект исследования мониторинга — жизненный мир уральского студенчества.

¹ Современное понимание жизненных сил человека: от метафоры к концепции (становление виталистской социологической парадигмы) / под ред. С. И. Григорьева, Л. Д. Деминой. — М.: Издательский дом «Магистр-Пресс», 2000. — 242 с.; Григорьев С. И. Человек в современном мире. Сохранение жизненных сил, безопасность индивидуального и социального бытия // Социологические исследования. — 2009. — № 11. — С. 14–20; Григорьев С. И. Основы виталистской социологии XXI века: учебное пособие. — М.: Гардарики, 2007. — 239 с.; Социологический неовитализм: новые возможности XXI века / под общ. ред. С. И. Григорьева, О. Т. Коростелева. — М.; Барнаул: Азбука, 2007. — 207 с.; Тощенко Ж. Т. Эволюция теоретической социологии в России (1950–2000-е годы) // Социологические исследования. — 2009. — № 6. — С. 16–28; № 7. — С. 3–16; Тощенко Ж. Т. Социология жизни. — М.: Юнити-Дана, — 2016. — 399 с.; Тощенко Ж. Т. Эволюция идей социологии жизни // Гуманитарий Юга России. 2016. — Т. 18. — № 2. — С. 13–27; и др. Это отражало более общие тренды в развитии отечественной социологии: «Современные подходы, определяющие предмет социологии, заметно смещаются в направлении человековедения, к признанию того, что анализ проблем жизни людей все больше и больше становится объектом внимания социологии» (Тощенко Ж. Т. Социология жизни как концепция исследования социальной реальности // Социологические исследования. — 2000. — № 2. — С. 3–12. С. 4).

² Направленность такого подхода удачно выражена в подзаголовке одного из американских учебников социологии «From man to society» («От человека к обществу») (Acuff F. G.; Allen D. E. & Taylor L. A From Man To Society. Hinsdale: The Dreyden Press. — 1973. — 127 p.).

³ Тощенко Ж. Т. Жизненный мир и его смыслы // Социологические исследования. — 2016. — № 1. — С. 7.

⁴ Тощенко Ж. Т. Жизненный мир и его смыслы // Социологические исследования. — 2016. — № 1. — С. 9–10.

Общесоциологическая парадигма «от человека» ориентирует на изучение ценностно-мотивационного компонента личности молодого человека, человека, вступившего в один из наиболее сложных, противоречивых и динамичных периодов его жизни — период социализации, взросления, достижения социальной зрелости. Акцент на стратегию «от человека...» тем более значим в обществе, преодолевающем авторитарные и тоталитарные традиции, идеологию и психологию «маленького человека», «винтика» государственной машины. Эта идеология накладывала отпечаток и на принципы воспитания молодежи. Молодые рассматривались в основном как объект воспитания — со стороны родителей, педагогов, взрослых, общества¹.

Подчеркивая сегодня продуктивность понимания молодого человека как субъекта социальной жизни, социологи отражают серьезные изменения в посттоталитарном обществе. Но нужно видеть и другое. Идеи свободы, самостоятельности, независимости и активности субъекта нельзя доводить до абсурда. Ведь их безграничность чревата индивидуализмом, асоциальным поведением, нарушением социальных норм, что порождает психологию вседозволенности, нигилистического отрицания социально значимых ценностей. Дело не только в разрушительных социально-нравственных последствиях вседозволенности. Ошибочно выводить поведение человека, его мотивы и установки, его ценностные ориентации и интересы только из субъективных устремлений. За рамками анализа по сути дела остается социализирующее воздействие социокультурной среды². Человек искусственно вырывается из всей ткани реальной социальной жизни.

Преобладание социоцентризма сказывалось и на отечественной социологии молодежи. Дело даже не в том, что групповой портрет нашей молодежи рисовался приукрашенным. Сегодня трудно определить, что тут шло от «художника» (социолога), а что от «натуры» (респондентов, ориентировавшихся в своих ответах на «как надо»). Главное в другом: обобщаемые социологами типичные черты представлялись как обязательная норма, эталон поведения для каждого молодого человека. Это и питало установку «быть как все».

Парадигму социологии молодежи «от молодого человека» нельзя реализовать, изучая индивидуальные особенности каждого. Эта задача не социологическая, а психологическая. Для социолога же указанная антропоцентристская

¹ О распространенности такого подхода к молодежи и в американском обществе можно судить по оценкам П. Бергера, который отмечал, что молодых людей в современном обществе «часто призывают вести себя по возрасту»; «молодой человек в этом обществе подвергается воздействию бюрократического образовательного истеблишмента и болезненным конкурентным давлениям внутри него» (См.: Бергер П., Коллинз Г. Личностно-ориентированная социология / пер. с англ. В. Анурина. — М. : Академический проект, 2004. — С. 238).

² «Опыт социального общения: ключ к нашей человечности», — подчеркивает Дж. Масионис. Социализацию он соотносит с социальным опытом, «охватывающим всю жизнь», благодаря ему индивиды развивают свой человеческий потенциал и усваивают культуру. «Личность создается благодаря интернализации — или усвоению — нашего окружения» (Масионис Дж. Социология. 9-е изд. — СПб. : Питер, 2004. — С. 170).

парадигма означает, что нужно изучать, насколько данная социокультурная среда, данный социальный институт способствуют (или препятствуют) саморазвитию, самореализации каждого молодого человека. Такой подход («способствуют — препятствуют») помогает преодолеть одностороннее понимание процессов адаптации, социализации молодых людей как обязательного усвоения каждым норм и стереотипов официальной культуры.

В социологии молодежи ориентация на «социологию жизни» произошла даже раньше, чем во многих других отраслевых социологиях. Речь идет о концепции «жизнеспособной молодежи» И. М. Ильинского и П. И. Бабочкина¹. В идее «жизнеспособной молодежи» содержался очень важный момент — необходимо разработать качественно новую концепцию воспитания молодого поколения «не путем абсолютизации ценности личности или превосходства общества над личностью, а путем сочетания их интересов и, как следствие, сочетания личного и общественного, коллективного и индивидуального начал»². Тем самым бездумному и безответственному отказу от воспитания, получившему широкое распространение и в вузах³ противопоставлялся переход от субъект-объектного «коммунистического» воспитания к субъект-субъектному воспитанию.

Особую роль в сер. 1990-х гг. — в период наивысшего обострения социальных противоречий в российском обществе, чреватого гражданской войной — сыграло обоснование толерантного и заинтересованного отношения к молодежи и ее проблемам: «Отсутствие должного внимания к молодежи и ее чрезвычайно скромная роль в нынешней России не соответствует мас-

¹ Ильинский И. М., Бабочкин П. И. Концепция воспитания жизнеспособных поколений. — М.: Социум, 1995. — 204 с.; Бабочкин П. И. Становление жизнеспособной молодежи в динамично изменяющемся обществе. — М.: МГСА, 2000. — 168 с.; Ильинский И. М. Основы концепции воспитания жизнеспособных поколений [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://viperson.ru/articles/i-m-ilinskiy-osnovy-kotseptsii-vospitaniya-zhiznesposobnyh-pokoleniy> (дата обращения: 18.06.2016); Молодежь России: воспитание жизнеспособных поколений: Доклад Комитета Российской Федерации по делам молодежи (науч. рук. И. М. Ильинский, А. В. Шаронов). — М., 1995. — 225 с.; Ситаров В. А., Романюк Л. В. Луговой М. В. Жизнеспособность «концепции воспитания жизнеспособных поколений» // Сибирский педагогический журнал. — 2007. — № 1. — С. 134–137; и др.

² Ильинский И. М. Основы концепции воспитания жизнеспособных поколений [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://viperson.ru/articles/i-m-ilinskiy-osnovy-kotseptsii-vospitaniya-zhiznesposobnyh-pokoleniy> (дата обращения: 18.06.2016).

³ Характерна экспертная оценка того времени: «Воспитание гражданских качеств, процесс социализации происходит в вузах во многом стихийно, так как институты главной задачей считают передачу знаний, а студент выступает в качестве объекта информирования и значительно меньше — в качестве объекта воспитания» (Социальная и социально-политическая ситуация в России: анализ и прогноз (первое полугодие 1995 года) / под ред. Г. В. Осипова. — М.: ИСПИ РАН, 2014. — С. 46.). А вот социологическая оценка спустя годы: По данным опроса ВЦИОМ (31.10. — 01.11.2015, N = 1600), 53 % россиян испытывают по отношению к 1990-м гг. негативные эмоции и чувства, 18 % — позитивные, 10 % — нейтральные, 7 % — другое. 25 % — затруднились ответить.

штабам и сложности перемен, которые происходят и должны произойти в России»¹.

Основной ориентир — гуманизация воспитательного процесса, предполагающая «признание личности молодого человека самоценностью, уважение уникальности и своеобразия каждого индивида»; «создание обществом условий для развития личности и новых поколений молодежи как субъектов культуры и собственного жизнетворчества — самоопределения, самоутверждения, самореализации»; «оказание помощи детям и молодежи в развитии их склонностей и способностей»; «социальную защиту и охрану здоровья, достоинства и прав, социальной и природной среды обитания новых поколений»; «приобщение субъектов воспитательного процесса к ценностям общечеловеческой и национальной культуры, создание в обществе атмосферы духовности»².

В русле данного гуманистического подхода жизнеспособность трактовалась как способность человека (поколения) выжить, не деградируя, в «жестких» и ухудшающихся условиях социальной и природной среды, развиваться и духовно возвыситься, воспроизвести и воспитать потомство, не менее жизнеспособное в биологическом и социальном планах. Задача жизнеспособной личности — стать индивидуальностью, сформировать свои смысложизненные установки, самоутвердиться, реализовать свои задатки и творческие возможности, преобразуя при этом в своих интересах среду обитания, не разрушая и не уничтожая ее. Именно поэтому данная теория может (и должна!) рассматриваться в рамках более широкой концепции устойчивого развития. Эта концепция имеет не только экологический смысл (что обычно отмечается), но и ставит вопрос об ответственности перед будущими поколениями: «Человечество способно придать развитию устойчивый и долговременный характер, с тем чтобы оно отвечало потребностям ныне живущих людей, не лишая будущие поколения возможности удовлетворять свои потребности»³.

Институционально-функциональный подход

В центре внимания сторонников данного подхода молодежь как социальный институт, молодежное движение (организация и функционирование молодого поколения, его отношения с другими поколениями; характер, формы и тенденции развития молодежного движения). В рамках этого подхода происходят серьезные изменения, отражающие развитие институционального подхода в целом.

¹ Ильинский И. М. Основы концепции воспитания жизнеспособных поколений [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://viperson.ru/articles/i-m-ilinskiy-osnovy-kotseptsii-vospitaniya-zhiznesposobnyh-pokoleniy> (дата обращения: 18.06.2016).

² Там же.

³ Наше общее будущее. Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР) [Электронный ресурс] / пер. с англ. под ред. С. А. Евтеева и Р. А. Перелета. — Режим доступа: <http://xn--80adbckckdfac8cd1ahpld0f.xn--plai/files/monographs/OurCommonFuture-introduction.pdf> (дата обращения: 11.08.2016).

Традиционно социальный институт определялся как «устойчивый комплекс формальных и неформальных правил, принципов, норм, установок, регулирующих различные сферы человеческой деятельности и организующих их в систему ролей и статусов, образующих социальную систему»¹.

Современный институционализм четче разграничивает институты и организации². Характерна позиция Д. Норта: если институты — это правила игры, то организации являются игроками. Институциональные установления образуют правила игры. Это — «изобретенные людьми ограничения, которые формируют взаимодействие между людьми»³.

В монографии⁴, а затем и в докторской диссертации Г. Б. Кораблева рассмотрела в данном ракурсе социальные институты «образование» и «профессии». Особую значимость для нашего исследования профессионального образования как сферы деятельности студенчества имел ее вывод о коренном изменении в подходе отечественной социологии профессий: «объектом исследования все чаще становятся конкретные профессиональные общности, а не абстрактные элементы профессиональной структуры», «профессия как социальный феномен, существующий и развивающийся в единстве разных сторон и форм жизнедеятельности»⁵. Социолог выявила целостность существования профессии в обществе и его многогранность: это специализированный вид деятельности, выделившийся в результате общественного разделения труда для производства общественно необходимого продукта; особый тип социальной общности; институт общества. Завершением процесса институализации профессии, по ее мнению, является выделение и общественное признание существования профессиональных общностей, отличающихся не только единством характера и содержания труда, наличием адекватных по содержанию и объему специальных знаний, общих приемов и способов профессиональной деятельности, общность профессиональных интересов, ценностных ориента-

¹ Современная западная социология. Словарь. — М. : Политиздат, 1990. — 432 с. — С. 117.

² Норт Д. Институциональные изменения: рамки анализа // Вопросы экономики. — 1999. — № 3. — С. 6–17; Введение в институциональную экономику : учебное пособие / под ред. Д. С. Львова. — М. : Экономика, 2005. — 639 с.; Одинцова М. Институциональная экономика. 4-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрайт, 2014. — 459 с.; Ahrne G. Social Organizations. Interaction Inside, Outside and Between Organizations. — Stockholm, 1994. — 180 p.; Bates F., Harvy P. Social institution. — N. Y., 1973. — 220 p.; Joskow P. Introduction to New Institutional Economics: A Report Card // Brousseau É., Glachant J.-M. New Institutional Economics. — Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 1–21. North D. Institutions // Journal of Economic Perspectives, 1991. — № 1 (5). — P. 97–112; Hodgson G. What are Institutions? // Journal of Economic Issues, 2006. — № 1 (40). — P. 1–25.

³ Норт Д. К. Институты, идеология и эффективность экономики // От плана к рынку: будущее посткоммунистических республик. — М.: Catallaxy, 1993. — С. 307.

⁴ Кораблева Г. Б. Профессия и образование: социологический аспект связи. — Екатеринбург : УрГППУ, 1999. — 284 с.

⁵ Кораблева Г. Б. Становление подходов к социологии профессий в России // Социологические исследования. — 2013. — № 1 (333). — С. 113.

ий, образцов поведения и всего образа жизни¹. Соответственно, в профессиональной (шире — социокультурной) социализации студенчества были выявлены качественно новые аспекты, эмпирический анализ которых позволил определить степень готовности (и подготовленности) участников мониторинга к вступлению в ту или иную профессиональную общность.

Новые перспективы неоинституционализм открыл и перед социологией молодежи. В центре внимания исследователей обычно были или проблемы участия молодежи в функционировании того или иного социального института, или деятельность специфических «молодежных» институтов — формальных и неформальных общественных объединений молодежи. Но сегодня все более настоятельной становится потребность в изучении институционализации молодежи. «Молодость (свойство возраста) институционализируется, приобретая социально-статусные и ролевые конфигурации, знаковую атрибуцию, специфику деятельности и организации»². В этом отношении примечательны попытки с помощью культурных традиций, символов, ритуалов, обрядов, правовых, законодательных норм закрепить возрастную сегментацию общества, уточнить границы тех или иных возрастных групп, переход от одной стадии жизненного цикла к другой. Это требует серьезного научного обоснования. До сих пор еще очень робко развиваются — особенно применительно к студенческой среде — исследования «возрастного символизма»³ — образов молодежи в массовом общественном сознании; обрядов, ритуалов и традиций, с которыми общество связывает переход человека из одной возрастной страты в другую, от одного возрастного этапа к другому.

Культурологический, аксиологический (ценностный) подход⁴

В своем анализе социокультурного портрета свердловского студенчества мы опирались на самореализационную концепцию культуры Л. Н. Когана⁵.

Нередко (и традиционно) культуру рассматривали как *совокупность на-*

¹ Кораблева Г. Б. Становление подходов к социологии профессий в России // Социологические исследования. — 2013. — № 1 (333). — С. 114; Кораблева Г. Б. Институт профессии как социальная система // Возрождение России: общество — образование — культура — молодежь. Вып. 2. — Екатеринбург : УГТУ-УПИ, 2000. — С. 17–20.

² Ковалева А. И., Луков В. А. Социология молодежи: Теоретические вопросы. — М. : Социум, 1999. — С. 148.

³ Проблема, поставленная И. С. Коном почти 40 лет назад, еще ждет своих исследователей. См.: Кон И. С. К проблеме возрастного символизма // Советская этнография. — 1981. — № 6. — С. 98–106).

⁴ Гомбоева М. И. Молодежь как социокультурное явление: методологические подходы к определению системообразующего противоречия // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. — 2008. — № 1. — С. 95–99.

⁵ Коган Л. Н. Социология культуры. — Екатеринбург : УрГУ, 1992. — 120 с.; Коган Л. Н. Теория культуры. — Екатеринбург : УрГУ, 1993. — 160 с.; Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т. Молодой россиянин — становление человека культурного. Глава 17 // Социология молодежи. — Екатеринбург : УГТУ-УПИ, 2006. — С. 374–409.

копленных ценностей. Ценностное измерение — одно из важнейших в культуре, но понимание культуры только как совокупности ценностей слишком узко, ограничено. Вне культуры оказываются важнейшие сферы жизнедеятельности человека. На первый план выходят уже созданные, «готовые» ценности. Процесс их создания, сотворения и сам человек-творец оказываются как бы за кадром. Представление о культуре как совокупности ценностей вольно или невольно задает и определенное понимание культурного человека, и стратегию культурно-воспитательной деятельности (дать как можно больше культурных ценностей в виде знаний, умений, навыков).

Культура — это качественная характеристика человеческой деятельности во всем многообразии ее видов, форм, способов и результатов. Она — «сквозная» общественная система, как бы пронизывающая все общество, все его сферы и структуры. Многообразие проявлений культуры соответствует многообразию человеческой деятельности. Но еще более значима ее гуманистическая, человекотворческая грань. В этом смысле она есть человеческое, личностное измерение истории, выражение изменения самого человека в ходе исторического развития, процесс и мера самоопределения и самореализации человека. «В процессе любой практической деятельности, — писал Коган, — человек изменяет мир, причем не только реально, но и идеально — в своем сознании. Изменяя мир, он изменяется и сам, совершенствуя свои способности, потребности, обогащая знания, мировоззрение, социальные чувства, словом, свои социальные («сущностные») силы»¹.

Особенно важной для социологии молодежи была идея Когана о единстве социализации и индивидуализации: культура — средство социализации человека, т. е. «приобщения к общественному целому, становления как члена общества. Но сама эта социализация в ходе освоения культуры происходит как индивидуализация личности, как обретение ею своего, непохожего на других «я». Социализация и индивидуализация — две стороны одного и того же процесса освоения культуры»².

Культура опредмечивает духовное богатство человека, его способности, знания, умения и привычки, которые в процессе творчества воплощаются в ценности культуры. Но само творчество возможно лишь тогда, когда личность распредмечивает (осваивает) уже существующие ценности культуры и тем самым творит, меняет и обогащает себя. Творчество личности разворачивается не только вовне, оно есть и самоизменение. Этим акцентом на развивающемся человеке как на важнейшем результате творчества Л. Н. Коган существенно обогатил трактовку культуры как творческой деятельности.

¹ Коган Л. Н. Социология культуры // Коган Л. Н. Личность. Культура. Общество. В 2 т. Т. 2. Работы 1988–1997 гг. / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. — Екатеринбург : НИЦ «Маска», 2009. — С. 122.

² Там же.

В культуре наиболее отчетливо проявляется взаимообусловленность личности и общества. Она выступает мерой освоения человеком социального опыта разных поколений и мерой самореализации личности, развития ее творческого потенциала. В ней реализуется единство социализации и индивидуализации личности, социальных традиций и инноваций. Содержательно культура — система ценностей, главная из которых — сам человек, во всем богатстве его проявлений. Функционально культура — система норм и регуляторов социального поведения.

В рамках социокультурного подхода молодежь рассматривается как специфический образ жизни, система ценностей, установок; нормы поведения, стиль жизни, мироощущение, мировоззрение (субкультура). Но при этом в поле внимания часто оказывались лишь отдельные, наиболее яркие (иногда шокирующие, эпатазирующие) проявления молодежной субкультуры. Гораздо реже целостно анализируется молодежный образ жизни, хотя некоторые авторы связывают представление о молодежи именно с современным образом жизни: «*молодежь* — это такая часть населения (в возрасте от 14 до 30 лет), которая связана с современным образом жизни, участвует, по крайней мере, в одном из видов жизнедеятельности и труда и является носителем и потребителем всех современных форм культуры»¹. Безусловно, такой подход имеет право на существование, тем более что в нем акцентируется социокультурный ракурс анализа молодежи. Но представляется спорным соотношение молодежи только с «современным» образом жизни и со «всеми современными формами культуры».

На рубеже веков произошла смена типа базовой культуры, поскольку во многом реализовалось предвидение М. Мид о временах, когда «сегодняшние дети» будут вырастать «в мире, которого не знали старшие». Соответственно, трансмиссия культуры приобретает двунаправленность: не только информационный поток от родителей к детям, но и наоборот. Особая роль при этом отводилась студенчеству («интеллектуальной и духовной элите молодежи»): «молодые люди, а тем более студенты, свободно ориентирующиеся в потоке поступающей информации», будут «способны моделировать ситуации и более адекватно воспринимать современную ситуацию, чем люди, сформировавшиеся в прежней историко-культурной реальности»².

На основе типологии М. Мид направленность перемен можно определить так: «от постфигуративной, с ее жесткой системой непосредственной межпоколенческой трансляции, через кофигуративную, выравниваемую на модель поведения современника, к префигуративной, характеризую-

¹ Маршак А. Л. Социология: учебное пособие. — М. : Высшая школа, 2002. — С. 182.

² Мид М. Иней на цветущей ежевике / сост. и послесловие И. С. Кона. — М. : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988. — С. 423.

щейся становлением нового типа коммуникационных отношений поколений»¹.

Другие исследователи зафиксировали ряд изменений в субкультурах российской молодежи, которые — пусть и в меньшей мере — важно учитывать при изучении социокультурных ориентаций студенчества.

Прежде всего, все меньше оснований для характеристики молодежной культуры как какого-то целостного явления («единой субкультуры молодежи»²). Во многом подтверждается наш прогноз о «стилевом» тренде социокультурного развития российской молодежи³. В 1990-е гг. «субкультуры начали фрагментироваться: у скинхедов, панков или рейверов появились десятки подвидов. А в наше время разделение проходит совсем по другому принципу — ценностному. Яркие имиджевые проявления отходят на второй план»⁴

Важным (и подтвержденным разнообразным локальным материалом) представляется вывод Вал. А. Лукова: «субкультурные феномены в западном смысле едва заметны». Во многом с исследователем можно согласиться и в отношении факторов, определяющих это, — проблема физического выживания отодвигает на задний план потребности, реализуемые в формах молодежных субкультур; идентификация с субкультурными ценностями в западном смысле противоречит реализации установок на материальное благополучие и потому вытесняется; аномия в российском обществе⁵.

Наконец, В. И. Чупров и Ю. А. Зубок обратили внимание на часто недооцениваемую взрослыми важность для молодого человека определенной субкультуры, когда принадлежность к ней рассматривается как «социальная защита»⁶.

Ресурсный подход

В соответствии с этим подходом молодежь рассматривается как серьезный потенциал социального развития. Исходной является идея К. Манхейма о молодежи как скрытом ресурсе.

¹ Рубцова Е. П. «Жизненные стратегии» молодежи: проблемы определения в социологическом дискурсе // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1. — 2010. Вып. 1. — С. 87.

² Еще в 1990-х гг. для такой позиции определенные основания были: См.: Бабахов В. А., Левикова С. И. Современные тенденции молодежной культуры: конфликт или преемственность поколений? // Общественные науки и современность. — 1996. — № 3. — С. 16–19; Левикова С. И. Молодежная субкультура. — М.: Фаир-пресс, 2004. — 189 с.; Молодежная культура и ценности будущего / отв. ред. А. Г. Козлова, М. С. Гаврилова. — СПб., 2001. — 467 с.; и др.

³ Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т. Социология молодежи. — Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2006. — 430 с.

⁴ МаксUTOва А. Не гот, не панк, не рейвер. Как изменились молодежные субкультуры в последние 20 лет // Российский репортер. — 2017. — № 2. — С. 72.

⁵ Луков Вал. А. Молодежные субкультуры в современной России [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.zpu-journal.ru/gum/new/articles/2007/Lukov_Val/4/; <http://psyfactor.org/lib/subkult.htm> (дата обращения: 18.04.2016).

⁶ См.: Чупров В. И. Зубок Ю. А. Социология молодежи: учебник. — М.: Норма; ИНФРА-М, 2011. — С. 91.

Решая актуальные проблемы молодежи, общество закладывает фундамент своего последующего развития, ведь сегодняшняя молодежь, проходящая первичную социализацию, уже завтра будет активным субъектом социальной жизни, основной производительной и творческой силой общества. Данный подход получил развитие сравнительно недавно¹.

Определить молодежь как ресурс — это лишь исходный момент. Важно оценить не столько молодежь, сколько ее ресурсный потенциал². Ориентиром для авторского коллектива мониторинга было положение о трех возможных подходах к оценке молодежи и ее места в обществе:

- критически-осуждающем, когда молодежь называют «рассеянным», «равнодушным», «взрывающим», «потерянным» и т. д. поколением, а расхожую формулу «не та нынче пошла молодежь» трактуют однозначно: не та = хуже³;
- прямо противоположном по своему значению, восторженно-оптимистическом, для которого не та = лучше;
- объективистском, предполагающем учет и положительной роли молодежи, и негативных тенденций, которые реально существуют в молодежной среде, чья позиция: не та = другая⁴.

Но наша позиция (современная молодежь = другая) оказалась в ракурсе ресурсного подхода недостаточной⁵. Тем более что общая окраска материалов о молодежи в научной и особенно публицистической литературе была преимущественно негативной: «характерной особенностью многих публикаций по результатам социологических исследований современной молодежи является негативная интерпретация реальных процессов, происходящих в молодежной среде»⁶.

¹ Ручкин Б. А. Молодежь и становление новой России // Социологические исследования. — 1998. — № 5. — С. 90–98; Ручкин Б. А., Родионов В. А., Пыжиков А. В. Молодежь как стратегический ресурс развития российского общества // Социально-гуманитарные знания. — 2000. — № 1. — С. 146.–166.

² Васенина И. В., Гусев А. В., Добренков В. И., Смакотина Н. Л. Социальный потенциал молодежи: монография / под ред. Н. Л. Смакотиной. — М. : МАКС-Пресс, 2009. — 220 с.

³ В крайних формах страх и враждебность старшего поколения по отношению к молодым людям или к молодежной культуре в целом выражен в придуманном социологом Д. Финкелхором неологизме *juvenoia* (от *juvenile* «несовершеннолетние» + *paranoia* «паранойя») (Finkelhor D. Sexually Victimized Children. — N. Y. : Free Press, 1979. — 228 p.; Finkelhor D. Child sexual abuse: New theory and research. — N. Y. : Free Press, 1984. — 260 p.)

⁴ См.: Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т. Социология молодежи. Изд. 2-е, доп. и перераб. — Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2006. — С. 27–28.

⁵ Мы не могли, конечно, не заметить, как интересно Е. Л. Омельченко выделил пять нарративов, характеризующих отношение общества к молодежи («молодежь как... зависть, страх, надежда, символ, проблема») (Омельченко Е. Л. Молодежные культуры и субкультуры. — М. : Ин-т социологии РАН. 2000. — 264 с. — С. 164). Но в задачи мониторинга эмпирический замер их распространенности не входил.

⁶ Васенина И. В., Кухтевич Т. Н. Российское студенчество: вчера и сегодня // Высшее образование в России. — 2011. — № 10. — С. 147.

Прорывной в данном отношении и очень полезной при корректировке программы мониторинга была идея А. А. Козлова о молодежи как позитивной силе развития российского общества¹. Такой подход, по справедливому мнению социолога, был не только гораздо более реалистичным (тезис, что «проблемные группы в целом составляют не более 20–25 %», во многом совпадал с результатами предшествующих этапов мониторинга), но и единственно позволял определить возможности молодежи как субъекта решения проблем российского общества, ее миссии или роли на определенную перспективу².

В связи с дискуссиями об обществе знания, информационном обществе, инновационной экономике особенно значима ориентация на анализ инновационного потенциала молодежи; социальных условий для его полного развития и реализации (что противоречит бытующей абсолютизации «инновационности» молодежи, которая проявляется сама собой). Интересен в этом плане и отмеченный Ж. Т. Тощенко аспект социологии молодежи: изучение «степени, уровня и формы новаторства молодежи при решении общественных проблем»³.

При этом важно учитывать и более глубокое понимание потенциала, ресурса. Образно его можно определить как принцип «трех РЕ».

1. Потенциал = РЕсурс. Потенциал рассматривается как совокупность наличных свойств и качеств, накопленных человеком и определяющих его способность (возможность) к более оптимальному функционированию и развитию. Применительно к молодежи важны два момента — содействие с помощью разнообразных средств и форм (школьное и дополнительное образование, семья, профориентация, СМИ и другие социальные институты) развитию ресурсов каждого молодого человека; формирование у молодых людей умения диагностировать, самокритично оценивать реальный уровень развитости и направленность своего личностного потенциала, соотносить с ним свой профессиональный (шире — социальный) выбор, точнее определять перспективы развития и обогащения этого потенциала.

2. Потенциал = РЕзерв. Резерв понимается как готовность (точнее — подготовленность) к реализации. В современных условиях нужно рассматривать резерв более широко — это любая форма подготовки (профессиональное образование, повышение квалификации, переподготовка и т. д.) к последующей работе. И вновь подчеркнем: такой подход применительно к молодежи означает оптимальность профессионального выбора (выбор будущей профессии

¹ Козлов А. А. Миссия современного молодого поколения и проблемы изучения позитивного потенциала молодежи / Молодежь — позитивная сила развития российского общества // Материалы Всероссийской научно-практической конференции (24–25.09.2009). — СПб. : СПбГУ, 2009. — С. 17–22.

² Там же. — С. 17–18.

³ Тощенко Ж. Т. Социология. Общий курс. 2-е изд., доп. и перераб. — М. : Прометей; Юрайт, 1999. — С. 215.

конкретизируется через выбор соответствующего учреждения профессионального образования — училища, лицея, колледжа, вуза), удовлетворенность этим выбором, а самое главное — удовлетворенность качеством образования;

3. Потенциал = РЕализация. Акцент в данном случае делается на актуализации наличных способностей (возможностей), на их практическом, реальном применении и использовании, на оптимальном использовании внутренних резервов каждого молодого человека. Возникают сложнейшие проблемы соответствия (или несоответствия) жизненных и профессиональных планов и их реализации, переосмысления своего социального и профессионального выбора, готовности или неготовности к непрерывному образованию и самообразованию, соотношения ноуэвистских («нет, нет, мы хотим сегодня», «сегодня и сейчас») и перспективных ориентаций на социальную, профессиональную и деловую карьеру.

Тезаурусный подход

Этот подход еще более «молод». В русле его была предпринята попытка социологической интерпретации понятия «тезаурус»: оно маркирует ментальные структуры, придающие смысл обыденным действиям людей и их обществ, но кроме этого предопределяющие самые различные отклонения от обыденности и оказывающие воздействие, возможно — решающее, на весь комплекс социальных структур, социальных институтов и процессов. При этом подчеркивается противоречивость состава тезауруса: по определению, его характеризует полнота, но это свойство субъективировано, оно соединяет вместе, ставит в одну плоскость то, что в реальности разделено пространством и временем, оно захватывает не только реальность, но и предположение о реальности (не только прошлое и настоящее, но и будущее).

Тезаурус рассматривается как иерархическая система, которая имеет целью ориентацию в окружающей среде, как часть действительности, освоенная субъектом (индивидом, группой). Соответственно делается вывод: «уникальность жизненных миров и составляет основу их связанности, различающейся на разных этажах общественной организации, в том числе имеющей особые формы и способы реализации на уровне повседневности»¹. Обогащение достижениями современной социальной мысли (в частности, идеями символического интеракционизма, постструктурализма, теорией «социального конструирования реальности» П. Бергера и Т. Лукмана) открывает перед социологией молодежи новые методологические перспективы. Конкретной реализацией социального конструирования применительно к молодежи выступают попытки исследовать молодежь (молодежный вопрос) как особый социальный конструктор².

¹ Ковалева А. И., Луков В. А. Социология молодежи. Теоретические вопросы. — М.: Социум, 1999. — С. 132–144.

² Интересный анализ этапов конструирования молодежного вопроса в СССР (России) и на Западе см.: Омельченко Е. Л. Молодежь: Открытый вопрос. — Ульяновск: Симбирская книга, 2004. — 184 с.

Рискологический подход

Этот подход достаточно новый для социологии молодежи. На основе общесоциологического понимания растущей неопределенности современного общества (по определению У. Бека «общества риска») ряд отечественных социологов (Н.Л. Смакотина, Ю.А. Зубок, В.И. Чупров и др.) рассматривают разнообразные риски, с которыми сталкивается молодежь в процессе социализации и жизненного самоопределения¹. Важно подчеркнуть то, что молодежь рассматривается не только как группа, система, которой риск присущ имманентно и может быть признан ее своеобразным группообразующим фактором²: «само по себе достижение социальной зрелости — это период проб и ошибок в процессе выбора жизненного пути, способов самореализации, имманентно связанный с риском»³.

Велико значение акцента на социальных рисках, если «воспроизводственный, инновационный потенциал молодежи не может реализоваться как можно полнее. При этом подчеркивается не только значимость самореализации (самоактуализации, самоосуществления) для личности, поскольку она рассматривается как важная социальная потребность, ограничивая которую, общество рискует.

Как характерная черта общества риска выделяется риск ограниченных возможностей самореализации: «чем шире возможности, раскрываемые обществом перед молодым человеком в реализации его интересов и способностей, тем больше вероятность его восходящей мобильности. Способствуя самореализации молодежи в образовании, в профессиональной ориентации, в повышении квалификации и в других сферах, общество развивается, совершенствует собственную структуру. И наоборот, не участвуя в этих процессах, отдавая их на откуп самим молодым людям и их родителям, такое общество повышает риск нисходящей мобильности и социального исключения молодежи, обрекая себя на деградацию»⁴. Итак, не только молодежь риску-

¹ Смакотина Н.Л. Основы социологии нестабильности и риска: философский, социологический и социально-психологический аспекты: монография. 2-е изд. перераб. и доп. — М.: КДУ, 2009. — 241 с.; Зубок Ю.А. Проблемы социального развития молодежи в условиях риска // Социологические исследования. — 2003. — № 4. — С. 42–51; Зубок Ю.А. Социальная интеграция молодежи в условиях нестабильного общества. — М.: Социум, 1998. — 142 с.; Зубок Ю.А., Чупров В.И. Социальная регуляция в условиях неопределенности. Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодежи. — М.: Academia, 2008. — 272 с.; Черняк Ю.Г. Социальные риски молодежи. — Минск: Право и экономика, 2009. — 160 с.

² Зубок Ю.А. Проблема риска в социологии молодежи. — М.: Изд-во МСГА, 2003. — С. 152–157.

³ Зубок Ю.А. Методология рискологического подхода в социологии молодежи [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://socyouthran.ru/bookview.php?file=12> (дата обращения 07.07.2016).

⁴ Чупров В.И. Проблемы образования молодежи в российском обществе риска // Образование и молодежная политика в современной России: Матер. Всерос. науч.-практ. конф. — СПб.: СПбГУ, 2002. — С. 39.

ет в современном социуме, но и социум рискует недооценить возможности и ресурсы молодого поколения. Более того, динамически развивающиеся общества и отличаются от традиционных обществ способностью активизировать и полнее использовать ресурсы и импульсы, исходящие от молодых¹.

Важный аспект рискологического подхода к молодежи был выделен Н.Л. Смакотиной. В результате кардинальных изменений социальная реальность в современной России потеряла устойчивость и стала нестабильной, социально неопределенной. Она уже не выглядит для молодежи закономерно развивающейся, преемственной связью с прошлым опытом, традициями, привычками, и становится приблизительной, необязательной, неопределенной, лишенной внутренних и внешних гарантов².

Среди социальных последствий жизни молодежи в «обществе риска» внимание белгородских коллег-социологов (Бабинцев В. П., Коврижных Ю. В., Колпина Л. В., Морозова Т. И., Реутов Е. В. и др.) привлек феномен социального аутсайдерства³. Рассматривая «мир социальных аутсайдеров» как особый «мир молодежи», исследователи справедливо подчеркивают, что без анализа этого мира «мы не сможем более или менее адекватно оценить статус тех, кого принято считать новым поколением»⁴. К социальному аутсайдерству ученые подошли как социологи: аутсайдерство и лидерство, аутсайдерство и успех были определены как крайние ориентиры (границы) социального статуса молодежи. При этом удалось избежать одностороннего сведения факторов, определяющих аутсайдерство, к социально-экономическим (бедность, неблагоприятные условия жизни). Было выделено *диспозиционное* измерение проблемы социального аутсайдерства и его проявление в наборе специфических для него ценностно-целевых установок, мотиваций и интериоризированных норм. Эти мотивации не способны обеспечить легитимный жизненный успех личности, стать реальной основой для саморазвития

¹ См.: Анохин С. В. О концепте «поколение» / С. В. Анохин // Социально-гуманитарные знания. — 2003. — № 2. — С. 290–303.

² Смакотина Н. Л. Социальное развитие молодежи в России: концептуальная модель анализа [Электронный ресурс] // Глобализация и социальные изменения: материалы научной конференции (2006): Сборник научных докладов. Ломоносовские чтения. — Режим доступа <http://lib.socio.msu.ru/l/library> (дата обращения 19.10.2016).

³ Бабинцев В. П. Социальное аутсайдерство молодого человека в обществе риска: региональный аспект // Становление и развитие системы эффективного противодействия экстремизму и обеспечения духовной безопасности в молодежной среде российских регионов. — Белгород, 2007. — С. 27–40; Молодежь российского региона: духовные миры и жизненные стратегии / под ред. проф. В. П. Бабинцева. — Белгород: Изд-во БелГУ, 2007. — 275 с.; Бабинцев В. П., Бояринова И. В., Реутов Е. В. Статус молодежи в российском обществе: между лидерством и аутсайдерством // Университетські наукові записки. — 2007. — № 3 (23). — С. 340–348; Морозова Т. И. Успех и аутсайдерство как альтернативы развития молодежи // Теория и практика общественного развития. — 2011. — № 6. — С. 43–48.

⁴ Бабинцев В. П., Бояринова И. В., Реутов Е. В. Статус молодежи в российском обществе: между лидерством и аутсайдерством // Университетські наукові записки. — 2007. — № 3(23). — С. 341.

личности, они крайне неустойчивы и зачастую обретают вид симулякров¹. Методика белгородских коллег серьезно обогатила интерпретационный арсенал нашего мониторинга.

Важным ориентиром для исследовательского коллектива мониторинга был методологический принцип: «будучи отраслью единой системы социологического знания, социология молодежи тесно связана с другими ее отраслями, поскольку изучает молодежь не только как социальный феномен, взятый изолированно, но и в контексте ее включенности в разнообразные формы конкретных социальных отношений»².

Применительно к студенческой молодежи особенно значима была связь социологии молодежи с социологией образования.

Социология образования не только «отраслевая социология», но и «теория среднего уровня». При этом важно уточнение этого термина Р. Мертоном, на которое обратил внимание Н. Е. Покровский: Мертон использует термин *range* («размах», «область захвата», «радиус действия»), а не *level* («уровень») ³, т. е. акцентирует сферу, область, уровень, в рамках которой выделяются свои — общие и более специальные — теории, свой эмпирический уровень. Именно в этом духе определял социологию образования В. Я. Нечаев: «Объект социологии образования достаточно очевиден. Он вполне фиксируем эмпирически — это сфера образования, т. е. та социальная среда, где разворачивается функционирование процессов образования, действуют определенные субъекты в форме разнообразных учебных занятий (обучая, учась, поддерживая процесс учения) в ситуациях, складывающихся в ходе таких занятий, с определенной системой взаимоотношений людей, с их институциональной и неинституциональной организацией»⁴.

Анализ семантического поля понятия «образование» (англ. *education*⁵; нем.

¹ Морозова Т. И. Успех и аутсайдерство как альтернативы развития молодежи // Теория и практика общественного развития. — 2011. — № 6. — С. 44–45.

² Волков Ю. Г., Добренков В. И. и др. Социология молодежи: учебное пособие / под ред. проф. Ю. Г. Волкова. — Ростов-на-Дону, 2001. — С. 15.

³ Покровский Н. Е. Одиннадцать заповедей Роберта Мертона // Социологические исследования. — 1992. — № 2. — С. 115.

⁴ Нечаев В. Я. Социология образования. — М.: Изд-во МГУ, 1992. — С. 12.

⁵ *Educate* — воспитывать, давать образование, тренировать; *education* — образование, культура, воспитание; *educational* — образовательный, воспитательный, учебный, педагогический; *educative* — воспитывающий, воспитательный, просветительский; *educator* — воспитатель, педагог; *formation* — образование, создание, формирование; *instruct* — учить, обучать, информировать, сообщать; *instruction* — обучение, инструктаж, команда, инструкция, программа; *imparting of knowledge* — передавать знания; *learn* — учиться, учить что-либо, научиться чему-либо; узнавать; *learner* — ученик, учащийся; *learning* — учение, изучение, ученость, эрудиция; *scholar* — ученый, грамотей, знаток, стипендиат, ученик; *school* — школа (*primary* — начальная, *secondary* — средняя, *higher* — высшая); *schooling* — образование, школьное обучение, плата за обучение; *student* — студент, изучающий что-либо, любитель научных занятий, ученый; *study* — научное занятие, изучение, исследование, приобретение знаний; наука, предмет изучения; *teach* — учить, обучать, приучать, отучать; *teachable* — доступный, усваиваемый, способ-

Bildung) в разнообразных словарях позволяет выделить ряд концептов, в совокупности раскрывающих его полисемантическую и полифункциональность:

- результат усвоения систематических знаний, умений и навыков;
- обучение и самообразование как основные пути к получению образования;
- передача знаний от одного поколения к другому посредством прямого обучения;
- обучение в особой образовательной среде, в которой индивиды (особенно в современную эпоху, когда образование приняло массовую форму) проводят несколько лет;
- одно из наиболее значимых средств социального воспроизводства сообщества и повышения потенциала его адаптивных возможностей и перспектив социокультурного развития в постоянно меняющихся исторических условиях его существования;
- решение задачи социализации и инкультурации личности обучаемого посредством трансляции ему фрагментов общего и специализированного социального опыта, накопленного человечеством в целом и собственным сообществом в частности;
- обучение человека специализированным знаниям, умениям и навыкам продуктивной деятельности (в том числе творческой, инновативной) в рамках осваиваемой им социально-функциональной роли (специальности) в общественном разделении труда;
- усвоение личностью норм и ценностей, регулирующих коллективную жизнедеятельность членов сообщества и поддерживающих необходимый уровень социальной консолидированности людей;
- процесс развития и саморазвития личности, связанный с овладением социально значимым опытом человечества, воплощенным в знаниях, умениях, творческой деятельности и эмоционально-ценностном отношении к миру: «давать образование» означает «вести дальше», «развивать», «выявлять способности»; это — процесс «выведывания» чего-то, установления связей, особенно тех связей, которые отражают фундаментальные соотношения объектов или событий;
- социальный институт, выполняющий функции подготовки и включения индивида в различные сферы жизнедеятельности общества, приобщения его к культуре данного общества;
- институционализированный процесс, на основе которого передаются ценности, умения и знания от одного человека, группы, сообщества — к другим;

ный к обучению; *teacher* — учитель (ница), преподаватель (ница); *teaching* — обучение, учение, доктрина; *training* — воспитание, обучение, тренировка; *tuition* — обучение, плата за обучение; *tutor* — домашний учитель, репетитор, наставник, руководитель студента, опекун; (ам.) преподаватель вуза; обучать, руководить, наставлять, давать частные уроки; *upbringing* — воспитание. (Мюллер В. К. Большой англо-русский и русско-английский словарь. 200000 слов и выражений. — М. : Эксмо, 2008. — С. 197–198, 244, 299, 314, 343, 525, 580–581, 597, 616, 625).

- функция социума, обеспечивающая воспроизводство и развитие самого социума и систем деятельности, которая реализуется через процессы трансляции культуры и реализации культурных норм в изменяющихся исторических ситуациях, на новом материале социальных отношений, непрерывно замещающими друг друга поколениями людей;
- источник проблемности и парадоксальности как самой практики образования, так и рефлексии образовательной деятельности, ее теоретических описаний, интерпретаций и понимания — со-бытие (*Прим. ред.*) в единой практике активности двух онтологически несоразмерных субъектов — нормативных культур и социума, персонифицированных в фигуре учителя, преподавателя, педагога, с одной стороны, и спонтанной, произвольной, креативной индивидуальности ученика, студента, обучающегося, — с другой стороны. Феноменально эта событийность двух активностей предстает: то как сотрудничество и кооперация, то как борьба или игра — противоборство;
- многозначное понятие, обозначающее и сферу социокультурной практики, и отраслевую систему, и специально организуемый процесс, и определенный результат деятельности; другой аспект многозначности слова «образовывать» — «выставлять образец и устанавливать предписания» и «формировать уже имеющиеся задатки»;
- отрасль экономики, хозяйства страны, объединяющая организации, учреждения, предприятия, занятые обучением, воспитанием, передачей знаний, выпуском учебной литературы, подготовкой педагогических кадров для образовательных организаций разного уровня и профиля;
- целенаправленный процесс воспитания и обучения в интересах человека, общества, государства, сопровождающийся констатацией достижения гражданином (обучающимся) установленных государством образовательных уровней (образовательных цензов).

Интересны попытки дать краткое, но интегративное определение понятия «образование»: образование — это достояние личности; процесс обретения личностью своего достояния; социальный институт, существующий для помощи всем гражданам обрести такое достояние¹. Ограниченность подобных определений с социологической точки зрения — нечеткость исходного понятия («достояние»), невозможность его эмпирической интерпретации.

Выявить различные аспекты и нюансы понятия «образование» позволяет лингво-семантический анализ.

Следует обратить внимание, что понятие *education*, которым образование обозначается в ряде современных европейских языков, происходит от латинского *educere* — «вести»; слово *educare* имеет смысл «кормить», «взращи-

¹ Анурин В. Ф., Кравченко А. И. Социология: Учебник для вузов. — СПб.: Питер, 2010. — С. 15.

вать», и не случайно для образования подчас на равных правах использовались понятия *educatio* и *cultus*. В немецком языке образование, *Bildung*, буквально означает «строительство», «построение». Итак, в исходном своем смысле образование означает «построение», «создание» образа человека. Понятия *instruction* — «построение», *destruction* — «разрушение», *obstruction* — «преграждение» имеют то же происхождение. Возвращаясь к латыни, следует заметить, что *doctor* восходит к *doceo* — «учить», «объяснять», «показывать», а *master (mister)* означает «хозяин», «наставник», «смотритель». Таким образом, образованный человек — это не просто грамотный, а образовавшийся, прошедший «пайдейю», если вновь обратиться к античности¹.

В англоязычных странах, например, фактически отсутствует даже понятие «педагогика», отождествляемое с понятиями «воспитание» и «образование», а они не отдифференцированы друг от друга². Интересны в данном отношении размышления Л. Н. Толстого: «Есть много слов, не имеющих точного определения, смешиваемых одно с другим, но вместе с тем необходимых для передачи мыслей, — таковы слова: воспитание, образование и даже обучение». Великий русский писатель подчеркивал, что «педагоги никогда не признают различия между образованием и воспитанием, а вместе с тем не в состоянии выражать своих мыслей иначе, как употребляя слово: образование, воспитание, обучение или преподавание. Необходимо должны быть отдельные понятия, соответствующие этим словам. Может быть, есть причина, почему мы инстинктивно не хотим употреблять эти понятия в точном и настоящем их смысле; но понятия эти существуют и имеют право существовать отдельно». Примечательны и его наблюдения над иностранной языковой практикой: «В Германии существует ясное подразделение понятий — *Erziehung* («воспитание») и *Unterricht* («преподавание»). Признано, что воспитание включает в себя преподавание, что преподавание есть одно из главных средств воспитания, что всякое преподавание носит в себе воспитательный элемент, *erziehliges Element*. Понятие же — образование, *Bildung*, смешивается либо с воспитанием, либо с преподаванием. Немецкое определение, самое общее, будет следующее: воспитание есть образование наилучших людей, сообразно с выработанным известной эпохой идеалом человеческого совершенства. Преподавание, вносящее нравственное развитие, есть хотя и не исключительное средство к достижению цели, но одно из главнейших средств к достижению ее, в числе которых, кроме преподавания, есть постановление воспитываемого в известные, выгодные для цели воспитания, условия — дисциплина и насилие, *Zucht*. Образование, *Bildung*, в Гер-

¹ См.: Даль В. Толковый словарь великорусского языка. В 4-х т. — Т. 2. — М.: Рипол классик, 2006. — 785 с.

² Двадцать лекций по философии : учебное пособие / А. В. Грибакин, Ю. Г. Ершов, В. Е. Кемеров и др. ; Рос. филос. о-во и др.; отв. ред. И. Я. Лойфман. — 2-е изд. — Екатеринбург : Банк культурной информации, 2002. — С. 3.

мании, в обществе и даже иногда в педагогической литературе, как сказано, или смешивается с преподаванием и воспитанием, или признается явлением общественным, до которого нет дела педагогике. Во французском языке я даже не знаю слова, соответствующего понятию — образование: *education, instruction, civilisation* [выучка, наставление, просвещение (фр.)] совершенно другие понятия. Точно так же и в английском нет слова, соответствующего понятию — образование»¹.

Древние римляне использовали слово *ludens* для обозначения сразу двух таких разных, на наш современный взгляд, понятий — «игра» и «школа». Не отсюда ли тянутся истоки современных теорий, в которых игру предлагается рассматривать как основную форму деятельности не только на дошкольной, но и на более поздних ступенях школьного обучения, а ОДИ (организационно-деятельные игры) и другие формы «деловых игр» считаются одной из наиболее активных форм обучения?

Некоторые исследователи считают, что в немецком языке слово *Wissen* («знание»; «познания») является одновременно и более, и менее широким, чем английское *knowledge* («знание», «познание», «наука»). В немецком существует различие между обозначением результата познания (*Wissen*) и процесса получения знания (*Erkenntnis*). Менее широкое понятие *Wissen* в принципе совпадает с *knowledge*, более широкое фиксирует не различие между результатом и процессом, а качество полученного результата. Здесь знание — более широкое понятие, чем наука (*knowledge*), поскольку включает в себя и «ненаучные формы — религию и искусство», а также «знания обыденного мира»².

Язык закрепил и различия в понимании социализационной роли образования. Так, в английском языке подросток — *adolescent* (*ad oles cere* — «выращивать»), в польском языке — *wyrostek* («выросший»). И так, или «меня выращивают», или «я расту»³. В этом же ряду — и изменение сути понятия «педагог»: педагогом (от греч. *paidagogos* — «ведущий ребенка») раньше назывался специальный человек (как правило, раб), сопровождавший ребенка в школу и обратно. Ныне же акцентируется развивающая ребенка функция педагога.

Специфику социологического подхода к образованию можно определять по-разному. Представляется во многом эвристичной трактовка Л. Н. Коганом сущности социологии образования: «Социология образования призвана дать ответ на следующие вопросы:

1) в какой мере существующая система образования удовлетворяет общественные потребности в образованных, подготовленных людях, в том числе в специалистах в разных отраслях народного хозяйства?

¹ Толстой Л. Н. Воспитание и образование [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kulichki.com/inkwell/text/hudlit/classic/tolstoj/publ/vospitanie.htm> (дата обращения: 13.03.2016).

² Деятельность в области образования во всем мире. — Париж : ЮНЕСКО. — 1994. — 68 с.

³ Вишневы Ю. Р., Шапко В. Т. Социология молодежи. — Екатеринбург : УГТУ-УПИ, 2006. — С. 29–30.

2) в какой степени эта система удовлетворяет потребности и интересы обучающихся?

3) что является стимулом образования: практические, инструментальные нужды или же превращение потребности в знаниях в самоцель личности?

4) каково влияние образования на все системы общественной жизни?

5) каковы перспективы и тенденции развития образования, пути достижения оптимальной взаимосвязи всех элементов этой системы»¹?

Самым важным в данном определении видится ориентация на интегративный подход в социологии. Это позволяет преодолеть ограниченность социоцентристского (от общества к человеку) и антропоцентристского (от человека к обществу) подходов и рассматривать образование в ракурсе удовлетворения социальных потребностей и общества, и личности.

Образование можно изучать с разных научных позиций: социологических, социально-психологических, философских, педагогических, культурологических. «В чем сущность социологического подхода к образованию, чем он отличается от педагогического? — ставит вопрос Г. Е. Зборовский и отвечает. — Прежде всего, пониманием образования не только как социальной системы (или даже совокупности нескольких социальных систем), но и как социального института, включенного в структуру существующих общественных отношений. Следовательно, социологический подход нацелен на определение места и роли образования в обществе. Социологический подход означает рассмотрение образования как одного из наиболее значимых элементов образа жизни людей, тесно связанного с другими элементами повседневного (регулярного) способа деятельности»². Если рассматривать образование как единство деятельности, системы и социального института, то все эти компоненты исторически видоизменялись.

Это обостряет проблему трактовки как «социологических» работ и взглядов на социальные проблемы образования многих авторов. Возможный (и избранный нами) путь распространен в западной социологии. В этом отношении показателен ответ С. Кларка (известного британского социолога) на вопрос «Кем вы себя считаете? Социологом или ученым другой дисциплины?»: «Я считаю себя специалистом в области социальных наук, не признающим принятые дисциплинарные границы. Поскольку в социологии эти границы определены гораздо менее четко, чем в других социальных науках, то я считаю себя социологом, который, однако, видит в социологии фундаментальную всеобъемлющую социальную науку, а не некую остаточную дисциплину»³.

¹ Коган Л. Н. Социология культуры. — Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1992. — С. 72–73.

² Зборовский Г. Е. Социология образования. — Екатеринбург : РГППУ, 1993. — Ч. I. — С. 35–36.

³ Интервью с профессором Саймоном Кларком // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2004. — Том VII. — № 3. — С. 5.

Но у данной проблемы есть и обратная сторона. В сфере образования проявляется тенденция, выделенная еще П. А. Сорокиным: «И наука о праве, и наука о хозяйстве, и дисциплины, изучающие явления религиозные, эстетические, психологические, язык, нравы, обычаи, движение народонаселения и т. д. — все они за эти десятилетия «социологизировались», прониклись общесоциологическими принципами и понятием, соответствующим образом перекрасились, короче не избежали влияния этой дисциплины. «Социологизм» специальных наук — знамение времени»¹. Этот «социологизм» способствует расширительному толкованию многих работ как социологических. Такое расширительное толкование (исходно присущее социологии) начинает утверждаться и в российской социологии. А. М. Руткевич охарактеризовал немецкого социолога В. Зомбарта таким образом: он «принадлежит к основоположникам современной социологии, хотя на протяжении всей своей академической карьеры он был профессором экономики, а его труды сегодня привлекают, прежде всего, историков. Все основатели современной социологии были знатоками и философии, и права, и экономики, и истории — они создавали новую дисциплину именно потому, что подходы уже существующих наук к социальной реальности казались им недостаточными и односторонними. Сама действительность не делится по факультетам, о чем иной раз забывают их наследники, избравшие узкую специализацию»². В словах А. М. Руткевича раскрыто противоречие, с которым в процессе мониторинга приходилось неоднократно сталкиваться: неправомерность анализа взглядов и позиций представителей широкого профиля с позиций узкой специализации.

Весьма плодотворным для определенной корректировки характера мониторинга явилось осмысление идей зарубежной социологии образования. Не останавливаясь на этом подробнее³, выделим наиболее значимые для теоретической интерпретации основных понятий мониторинга моменты.

Прежде всего, речь идет о социологии образования К. Манхейма, акцентировавшего внимание еще в середине XX в. на необходимости коренных перемен в системе образования. По его мнению, «в современном, быстро меняющемся мире образование может быть адекватным лишь тогда, когда учитель знает мир, из которого приходят его ученики и для жизни, в ко-

¹ Сорокин П. А. Системы социологии. В 2 тт. — Т. 1. — М. : Наука, 1993. — С. 91.

² Руткевич А. М. Предисловие // Зомбарт В. Избранные работы. М. : Издательский дом «Территория будущего», — 2005. — С. 7.

³ См.: Вишневский С. Ю., Вишневский Ю. Р., Лесина Л. А., Шапко В. Т. Уроки становления и развития зарубежной социологии образования // Российское образование в условиях социальной трансформации / под общ. ред. Ю. Р. Вишневского. — Екатеринбург : УГТУ-УПИ, 2009. — С. 8–31; Вишневский Ю. Р. История зарубежной социологии образования: тенденции развития и уроки. Ч. I. Классический этап (сер. XIX — нач. XX вв.). — Екатеринбург : УрФУ, 2014. — 514 с.

тором их надо подготовить, а также, если он может оценить большую часть своих действий с точки зрения их социальных результатов». С этим соотносится его вывод: «Во всех этих аспектах социология является необходимым дополнением к образованию в наш век, в какой стране и при какой социальной системе мы бы не жили»¹. Специфика его социологического подхода в конкретизации проблематики образования и воспитания, назначение которых — по его оценке — формировать «не человека вообще, а человека в данном обществе и для данного общества»².

Важный момент в подходе Манхейма — анализ проблематики образования в ракурсе межпоколенческих отношений и с учетом особенностей самоопределения молодежи, ее вступления в социальную жизнь. Такое самоопределение молодежи осложняется хаосом противоборствующих ценностей общества взрослых и противоречивым характером использования обществом потенциала молодежи. Помимо «духа авантюризма, которым молодежь обладает в большей степени», важно учесть и то, что «она еще не полностью включена в *status quo* социального порядка... На языке социологии быть молодым означает стоять на краю пропасти, быть во многих отношениях аутсайдером... Более конфликтное самосознание нашей молодежи является лишь отражением хаоса в нашей общественной жизни... Для нашего анализа важно не столько конфликтное самосознание молодежи, сколько тот факт, что молодежь смотрит на конфликты современного общества как бы извне. Именно поэтому она является зачинателем любых изменений в обществе»³.

Обоснование Манхеймом ресурсного подхода к молодежи (и понимание образования как важнейшего компонента ее ресурса) может рассматриваться как качественно новая социологическая трактовка социальной сущности образования, получившая позднее развитие в теориях «человеческого» и «социального капитала».

Одной из стержневых и дискуссионных проблем зарубежной социологии образования была проблема «миссии университета», трансформации «идеи университета». В какой-то мере это было связано с реалиями развития системы образования в развитых индустриальных странах, когда растущая доступность и всеобщность школьного образования способствовали актуализации проблематики социального неравенства в отношении высшего (а позднее — и послевузовского) образования. Сказывалось и то, что именно университеты наиболее полно и всесторонне отражают социальное назначение всей системы образования. Ориентация на миссию, цель, призвание, назначение университетов придавало этой по сути социологической

¹ Манхейм К. Диагноз нашего времени / пер. с нем. и англ.; отв. ред. и сост. Я. М. Бергер [и др.]. — М. : Юрист, 1994. — С. 467.

² Там же. — С. 461.

³ Там же. — С. 445–446.

дискуссии философский оттенок. Особую роль в этой дискуссии сыграли Х. Ортега-и-Гассет и К. Ясперс¹.

Ортега-и-Гассет как бы разграничивал нормативную миссию университета (каким он должен быть) и его реальное функционирование (в конкретном испанском обществе 1930-х гг.). Такой подход придавал его анализу социологический смысл, позволяя выявить ограниченность современной ему системы образования. При этом он исходил из «своеобразной философии жизни и культуры», выделяя «роговую оболочку подлинной жизни, ее вид извне» (несколько лежащих на поверхности дат) и подлинную жизнь («самое сокровенное в человеке, мир, замкнутый в себе и видимый только изнутри»). В первом случае жизнь — «просто ряд происшествий, которые объединяет лишь следование друг за другом». Во втором — «это драма, несущая свое напряжение, динамичный процесс, только так и открывающийся уму». Сюжет драмы — в том, что «человек бьется и борется, стремясь утвердить в данном ему от рождения мире свое воображаемое, подлинное «я», «воплощая единственный и неповторимый образ человека, особую жизненную программу». Этот идеальный прототип каждого Ортега-и-Гассет определял как «призвание».

Рассматривая призвание как рациональную конструкцию, Ортега-и-Гассет подчеркивает его неразрывную связь с обстоятельствами, которые или содействуют ему, или мешают: «Призвание и обстоятельства — это две заданных величины, которые мы рассматриваем в их противостоянии, и только в нераздельности — как динамическую систему — можем точно определить и ясно понять». Но испанский мыслитель обращает внимание на значимость «иррациональной силы» — случая. Это приводит его к важному в методологическом отношении выводу: «жизнь любого человека можно условно свести к трем основным факторам: призванию, обстоятельствам и случаю. Написать биографию человека — значит отыскать равнодействующую трех сил. Ведь, при всей иррациональности случая, в точно выстроенной биографии всегда отличишь, какие события и свойства вносит в нее случай, а какие — нет, и насколько глубоко его вмешательство. Представим жизнь в виде круга, тогда случай — это выщерблина его окружности, крупная или мелкая. Иначе говоря, мож-

¹ Ортега-и-Гассет Х. Миссия университета / пер. с исп. М. Н. Голубевой, А. М. Корбута. — М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2010. — 144 с.; Ортега-и-Гассет Х. Миссия университета // Отечественные записки. — 2002. — № 2. Ясперс К. Идея университета [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.belintellectuals.com/library/book.php?id=158> (дата обращения: 15.05.2016); Ясперс К. Идея университета / пер. с нем. Т. В. Тягуновой; ред. перевода О. Н. Шпарага; под общ. ред. М. А. Гусаковского. — Минск: БГУ, 2006. — 159 с.; Ладыжец Н. С. Развитие идеи западного университета: социально-философский анализ. — Ижевск: Филиал изд-ва ННГУ при УдГУ, 1991. — 85 с.; Ладыжец Н. С. Университетское образование: идеалы, цели, ценностные ориентации. — Ижевск: Филиал изд-ва ННГУ при УдГУ, 1992. — 236 с.; Ладыжец Н. С. Философия и практика университетского образования: учебник. — Ижевск: Изд-во УдГУ, 1995. — 256 с.

но рационально учесть даже этот иррациональный элемент человеческой судьбы»¹. Тем самым Ортега-и-Гассет обосновывает правомерность рационального изучения даже иррациональных элементов человеческой жизни и судьбы.

В качестве основных функций университета Ортега и-Гассет выделяет:

- передачу культуры: «из среднего человека следует сделать культурную личность»; цель университетского образования — личность, способная совместно с другими создавать культуру;
- обучение профессиям: «нужно сделать из среднего человека хорошего профессионала»; причем нужно отказаться от утопического «желания обучать тому, что нужно» и «обучать только тому, чему можно обучить» (тут важное уточнение — «что можно понять»);
- научные исследования: акцент здесь делается на том, чтобы не учить студентов науке, нужды в которой у них не будет, а сформировать у них «ощущение потребности в науке», тем более, что, по оценке Ортеги, нет убедительных аргументов об испытываемой средним человеком «потребности стать ученым». В этом он видел одно из проявлений «восстания масс», становления «массового общества». Это звучит актуально и сегодня.

К. Ясперс определял функции университета во многом сходно: исследование, передача знаний, развитие культуры. Задавая высокую планку университетского образования, он видел в университете «место, в котором должно быть раскрыто светлое сознание эпохи». Особое внимание Ясперс уделял совместной деятельности преподавателей и студентов «в ничем не ограниченном постижении истины». Условие эффективности такой деятельности, по его мнению, в том, чтобы университет (преподаватели) в интеллектуальной области предоставлял студентам «все инструменты и возможности, вел к границам и — одновременно — чтобы каждый обучаемый во всех решениях жизнедеятельности был предоставлен самому себе, действовал под свою ответственность». Лейтмотивом его характеристики студенчества была идея: «познание возможно только по собственной инициативе» (перефразируя — «нельзя научить, можно только научиться»). Признавая возможность неудовлетворенности студента университетом, Ясперс видел «единственную возможность улучшить положение» в том, чтобы «самому участвовать в создании действительности истинного университета: характером своей учебы, «настойчивой работой и своим, пронизанным этой работой, духовным бытием».

Свою статью «Идея университета» Ясперс уточнял и корректировал почти 40 лет. Обогащенный опытом функционирования университетов в нацистской Германии, он, продолжая отстаивать принцип академической свободы, независимости университета от государства, предупреждал: «опасность вме-

¹ Ортега-и-Гассет Х. Этюды об Испании. — Киев : Новый Круг; Порт-Рояль, 1994. — С. 187–189.

шательства государства в дела университета существует всегда, при любой форме государственного правления». При этом перспективы будущего «духовного возрождения» Ясперс связывал с тем, насколько удастся университетам «вырастить людей будущего», особо подчеркивая, что «негативные последствия плохой организации обучения и воспитания» обнаружатся «только спустя несколько десятилетий».

Наибольшее значение для развития современной социологии образования имели идеи структурного функционализма (Т. Парсонс, А. Турен), рассматривавшего образование преимущественно как институт социализации и акцентировавшего внимание на стабилизирующей функции образования. Одновременно — особенно в США — происходило более четкое размеживание «образовательной социологии» (ориентация — использование социологических методов и приемов в педагогике) и «социологии образования»¹.

Природа и становление современных обществ соотносилось Парсонсом с тремя взаимосвязанными революциями — промышленной, демократической и образовательной. В революции в образовании Парсонс видел «высшую точку» промышленной и демократической революций, изменившими на рубеже XIX и XX вв. «отношения между социальным сообществом и системой сохранения и воспроизводства образца, между ним и культурной системой»². Назначение университетов, по Парсонсу, — выступать и инициатором «интеллектуальных технологий», и «опекуном культурной традиции». Соответственно, как «кульминация революции в образовании» им рассматривалось превращение высшего образования в один из важнейших социальных институтов³.

Сущностным проявлением этих изменений он считал взаимосвязь технологии и науки: традиционный путь «от технологии к науке» в современных обществах становится обратным: «когда технология достигает определенного уровня развития, связь между нею и наукой становится чрезвычайно тесной». Как следствие — высокое «место в структуре ролей современного общества тех профессий, для которых требуется обучение научным дисциплинам, особенно профессий инженерного и медицинского характера»⁴.

¹ Приоритет тут принадлежал У. Брукоуверу. См.: Осипов А. М. Социология образования. Очерки теории. — Ростов н/Д.: Феникс, 2006. — С. 25–26.

² Парсонс Т. Система современных обществ / пер. с англ. Л. А. Седова и А. Д. Ковалева. Под ред. М. С. Ковалевой. — М.: Аспект Пресс, 1998. — С. 135.

³ Parsons T., Platt G. M. Higher Education, Changing Socialization and Contemporary Student Dissent // *Aging and Society: A sociology of age stratification* / ed. by M. Riley [et al.]. — N. Y., 1972. — P. 251; Parsons T., Platt G. *The American university*. — Cambridge, 1973. — 474 p.; Turner B. S. Talcott Parsons, universalism and educational revolution: democracy versus professionalism // *The British Journal of Sociology*. — 1993. — Vol. 44. — № 1, March. — P. 1–24. Д. Белл позднее прогнозирует превращение университетов в «мультиверситеты» (*multiversity*), подчеркивая интеграцию в них академической и научной деятельности. — *Прим. ред.*

⁴ Парсонс Т. О структуре социального действия. — М.: Академический проект, 2000. — С. 605.

Это определило вывод Парсонса о том что «мобильность посредством образования начинает приобретать все большее значение». Одновременно усиливается (и у самих молодых людей, и у их родителей) «мотивация мобильности» — «установка на мобильность как чего-то отличного от объективной возможности мобильности»¹.

Отметим и анализ Парсонсом профессий, профессионализма и профессионального комплекса, выявленную им тенденцию к институционализации профессиональной системы², что не только внесло серьезный вклад в развитие социологии профессий, но и значительно углубило представления о высшем профессиональном образовании.

Трактовка обучения в концепции Парсонса отражала общие подходы его теории действия, статусно-ролевой концепции и ценностно-нормативной модели общества. В рамках теории «социального действия» Т. Парсонса внимание акцентируется (наряду с нормативно-ценностным аспектом социальных институтов) на эспектационном аспекте, когда в процессе взаимодействия акторов (деятелей) каждый из них стремится соответствовать ожиданиям другого (или других)³. Обучение рассматривалось им не только как «приобретение «информации» (т. е. специфических моментов когнитивной ориентации) о свойствах мира объектов», но и как «приобретение новых «эталонов ориентации», как «процесс изменения способов ориентации по отношению к миру объектов, включающему личность актора, идеи, культуру, социальные объекты»⁴.

Общество, по Парсонсу, должно рассматривать каждого из своих членов как неотъемлемую часть социальной системы и культуры». Соответственно им определялась и главная функция процесса воспитания — «всячески проповедовать и разъяснять адаптивную роль общества, необходимость адаптации индивидов к социальной среде, их изменения с точки зрения нормального функционирования».

Одновременно происходила актуализация социальных проблем доступности образования («равенства» или «неравенства» шансов)⁵.

¹ Парсонс Т. О структуре социального действия. — М. : Академический проект, 2000. — С. 633—634.

² Там же. — С. 615. Подробнее см.: Абрамов Р. Н. Профессиональный комплекс в социальной структуре общества (по работам Т. Парсонса) // Социологические исследования. — 2005. — № 1.

³ См.: анализ этого аспекта: Барзгова Е. С. Американская социология. Традиции и современность. — Екатеринбург ; Бишкек : Одиссей, 1997. — С. 112.

⁴ Парсонс Т. О структуре социального действия. — М. : Академический проект, 2000. — С. 430.

⁵ Coleman J. S. and other. Equality of Educational Opportunity. Washington: National Center for Educational Statistics, 1966. 746 p.; Coleman J. S. The Concept of Educational Equality // Harvard Educational Review. 1968. № 38. P. 7—23; Coleman J. S. Increasing Educational Opportunity: Research Problems and Results // The Conditions for Educational Equality. McMurrin S. M. (ed.). Lexington, 1971. P. 104—121; Coleman J. S. The Evaluation of Equality Oopportunity // Mosteller F.,

В растущем неравенстве шансов на образование видел источник глобального «кризиса образования» Ф. Кумбс¹, который исследовал его преимущественно в социально-экономическом плане, соотнося с растущей невозможностью для родителей из многих социальных слоев обеспечивать своим детям получение все более продолжительного (по срокам и формам) образования, потребность в котором все более настоятельно определяется научно-техническим прогрессом.

Типичным был подход Р. Будона, чья книга носила характерное название «Неравенство шансов»². Неравенство шансов на образование соотносилось им с обусловленными социальным происхождением различными возможностями продвижения с одного уровня образования на другой и достижения уровня высшего образования. Его анализ социальных процессов в индустриально развитых странах (неравенство шансов социального продвижения в «элитарных» и «неэлитарных» слоях населения, связанное с неравенством доступа к образованию) продиктован стремлением устранить то, что угрожает стабильности общества. Позднее Будон зафиксировал медленное, но неуклонное уменьшение в развитых индустриальных странах неравенства шансов получения образования. Отразив растущую доступность среднего образования, он — на наш взгляд — недооценил перемещение неравенства в сторону высшего образования и особенно — качества образования.

«Неравенство шансов» приходило во все большее противоречие с объективными потребностями массового производства, требовавшего расширенной (массовой) подготовки все более квалифицированных работников. Но уже с конца 1960-х гг. нарастало новое противоречие: несоответствие полученного образования структуре занятости и — как следствие — массовая безработица более образованных молодых людей (что и явилось одной из предпосылок молодежной/студенческой революции 1968 г.). При этом значительное внимание стало уделяться анализу влияния социально-

Moynihan D. On educational opportunity. N. Y. : Vintage, 1972 P. 116—145; Coleman J. S. The Concept of Equality of Educational Opportunity // Equality and City School. Readings in Urban Education. Raynor J., Harden J. (eds.). — L., 1973. — Vol. 2. — P. 28—44; e. a.

¹ Кумбс Ф. Кризис образования в современном мире: Системный анализ. — М. : Прогресс, 1970. — 263 с. ; Coombs P. H. The World crisis in education: The view from the eighties. — N. Y. : Oxford University Press, 1985. — 272 p.

² Boudon R. L'inegalite des chances: La mobilite social dans les societe industrielles. P.: Hachette, 1973. 398 p.; Boudon R., Lagneau I. L'inegalite des chances devant l'enseignement en Europe occidentale // Perspectives. — 1980. — Vol. 10, № 2; Boudon R. Education, Opportunity and Social Inequality: Changing Prospects in Western Society. N. Y.: Publication Date, 1974. Boudon R. La crise universitaire francaise: Essai de diagnos-sociologique // Annales. — 1969. — Vol. 24. — P. 7.; Boudon R. La place du desordre: Critique des theories du changement social. P., 1985; Русский перевод: Будон Р. Место беспорядка: Критика теорий социального изменения / пер. М. М. Кириченко. — М. : Аспект Пресс, 1998. — 284 с.; Саймон Б. Общество и образование. — М. : Прогресс, — 1989. — 200 с.

го положения обучаемого на его успехи в системе образования, связи образования и социальной стратификации (У. Бруковер, Р. Будон, Н. Гросс, Р. Коллинз, его взаимоотношения с процессами в экономике и политике (П. Бурдые, М. Ханнан).

Важный аспект социологии образования — характеристика образования как одного из основных социально-селективных факторов, ведущих к социальной мобильности (Р. Будон, П. Бурдые, А. Жирар, Я. Маркевич-Ланьо и др.)¹.

Методологической основой такого подхода была социокультурная теория социальной мобильности П. А. Сорокина. В русле анализа социокультурной динамики Сорокин особое внимание уделял «периодам перехода от одной фундаментальной формы культуры и общества к другой, когда рушится здание старой культуры, а новая структура еще не возникла, когда социокультурные ценности становятся почти полностью «атомизированными», и конфликт между ценностями различных людей и групп становится особенно непримиримым»². Образование рассматривалось им как важнейший фактор социокультурного развития личности: «Социокультурные характеристики не наследуются биологически, а приобретаются в процессе взаимодействия с людьми, среди которых он рождается, воспитывается, получает образование»³.

При этом образование — по Сорокину — играет не только культуроформирующую роль, но и роль «социального сита» в вертикальной и горизонтальной мобильности. «Церковь, семья и школа, а также профессиональные организации выступают не только средствами образования и воспитания человеческих существ, — помимо этого они выполняют функции социального отбора и распределения членов общества»⁴. Школа — как социальный институт — выполняет, по Сорокину, не только обучающую (образовательную) функцию, но и контрольно-тестирующую и селективную функции. Примечательны — особенно в свете современных дискуссий об «элитарном образовании» — его идеи об «оптимальном соотношении верхних слоев ко всему населению», о «перепроизводстве и недопроизводстве кандидатов в верхние социальные слои» как факторе нестабильности общества⁵. Подчеркивая объективную обусловленность продвижения по социальной лестнице, Сорокин

1 See: Isambert-Jamati V., Maucorps J. G. La sociologie de l'éducation: Tendances actuelles de la recherche et bibliographie // Current Sociology. — 1972. — Vol. 20, № 1. Цит. по: Филиппов Ф. Ф. Социологический анализ проблем образования / Франция глазами французских социологов. — М.: Наука, 1990. — С. 232–241.

2 Сорокин П. А. Кризис нашего времени // Американская социологическая мысль. — М., 1996. — С. 356.

3 Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов; пер. с англ. — М.: Политиздат, 1992. — С. 159.

4 Сорокин П. А. Социальная мобильность: монография / пер. с англ. М. В. Соколовой. — М.: Academia: LVS, 2005. — С. 193.

5 Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. — М.: Политиздат, 1992. — С. 415–416.

акцентировал внимание и на *субъективном факторе*: «тот, кто хочет сделать карьеру, должен показать свои способности. А чтобы приобрести их, нужны многие годы учебы и упорного труда»¹.

Одновременно он рассматривал и серьезную деформацию роли образования, утверждение социальной несправедливости, когда люди с дипломами вынуждены «довольствоваться скромным положением, плохо оплачиваемым и не очень привлекательным, лицемеря вокруг себя роскошь и процветание других людей безо всякого диплома»².

В его взглядах о социальном назначении образования (школы) сочетались утопизм и реализм. Фундаментальная социальная функция школы, по Сорокину, не только «выяснить, усвоил ли ученик часть учебников или нет, но и при помощи экзаменов и наблюдений определить, кто талантлив, а кто нет, какие у кого способности, в какой степени они проявляются, какие из них социально и морально значимы, устранить тех, у кого нет ожидаемых интеллектуальных и моральных качеств, обеспечить продвижение способных учащихся в направлении тех социальных позиций, которые соответствуют их общим и специфическим свойствам». Одновременно он подчеркивал, что всеобщее образование и демократизация школы не должны устранить ее назначение как механизма «аристократизации» общества³. Особенно важен (и чрезвычайно актуален) вывод Сорокина о разрыве у многих выпускников современной ему школы «хороших интеллектуальных способностей» и «заметной моральной слабости» (жадность, коррупция, демагогия, сексуальная распущенность, стремление к накопительству и материальным благам, нечестность, цинизм и «плутократия») ⁴.

Глубока и мысль Сорокина о роли образования в воспроизводстве коллективного опыта: «каждое поколение к полученной по наследству сумме знания (опыта) прибавляет свою часть, приобретенную им в течение жизни, и сумма коллективного опыта (знания) таким образом постоянно растет»⁵.

В дискуссии о содержании образования (точнее — о критериях отбора материала) и сегодня не устарела сорокинская критика эмпиризма (ошибочное убеждение, что «научное исследование сводится лишь к поиску и коллекционированию фактов»), когда, «несмотря на масштабность собранной коллекции», не поднимаются до обобщений, до понимания «социокультурных феноменов» и в итоге занимаются, по его образному выражению, «составлением большого числа библиографий, потом библи-

¹ Сорокин П. А. Социальная мобильность : монография / пер. с англ. М. В. Соколовой. — М. : Academia: LVS, 2005. — С. 412.

² См.: Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. — М. : Политиздат, 1992. — С. 419.

³ Там же. — С. 406–410.

⁴ Там же. — С. 415.

⁵ Там же. — С. 526–527.

ографий самих библиографий и, наконец, библиографией библиографий библиографий»¹.

Объективными предпосылками серьезной переориентации зарубежной социологии образования² были реальные социально-экономические изменения в развитых капиталистических странах — переход к массовому производству, сервисизация экономики (растущее значение «третичного сектора — сектора услуг»; изменение структуры занятости населения и т. д. И как следствие — быстрый рост уровня образования (в среднем 10–12 лет образования на одного взрослого человека)³.

П. Бурдьё, начав с анализа проблемы неравенства в сфере образования⁴, позднее рассматривал образование как одно из силовых полей социальной реальности, обеспечивающих господство идеологических, нравственных и духовных ценностей того класса, который обладает в обществе реальной властью⁵. По Бурдьё, вузовские дипломы определяют «набор различий — временных и вечных, мирских и небесных, дающих несопоставимые степени благ женщинам и мужчинам не только путем перемещения по разным позициям, которые и создают социальную структуру, но также, что еще важнее, изображая существующие неравенства между ними как неизбежные необходимости, порожденные талантом, настойчивостью и желаниями индивидов»⁶. «Не армия, психиатрическая лечебни-

¹ Сорокин П. А. Декларация независимости общественных наук / пер. с англ. Н. В. Деминой // Социологический журнал. — 2002. — № 2. — С. 133–143.

² Apple M. Education and power. — Boston : Henley Routledge & Kegan Paul, 1985. — 218 p.; Blackledge D., & Hunt B. Sociological interpretations of education. — L. : Croom Helm, 1985. — 353 p.

³ Для социологов интересен анализ опыта и перспектив развития образования в развитых индустриальных странах, осуществляемый историками педагогики и образовательных систем: См.: Вульфсон. Б. Л. Стратегия развития образования на Западе на пороге XXI века. — М. : Изд-во УРАО, 1999. — 204 с.; Галаган А. И., Гоппа В. Д. Международный опыт разработки индикаторов высшего образования / под науч. ред. акад. Савельева А. Я. — М., 1997. — 44 с.; Государство и образование: опыт стран Запада / под. ред. С. Л. Зарецкой. — М. : ИНИОН, 1992. — 140 с.; Кликунов Н. Д. Принципы функционирования японской системы образования и ее экономические особенности // Magister. — 1996. — № 4. — С. 50–59; Образование в современном мире. Состояние и тенденции развития. — М. : Педагогика, 1986. — 248 с.; Омеляненко Б. Л. Профессионально-техническое образование в зарубежных странах. — М. : Высшая школа, 1989. — 224 с.; Пивнева Л. Н. Высшая школа США: Социально-политический аспект. — Харьков : ХПИ, 1992. — 152 с.; Джуринский А. Н. Зарубежная школа: современное состояние и тенденции развития. — М. : Просвещение, 1993. — 192 с.; и др.

⁴ Ф. Р. Филиппов приводил результаты исследования П. Бурдьё (Bourdieu P. L'école conservatrice // Rev. fr. sociol. — 1966. — N 3. — P. 325): «шансы сына высшего чиновника поступить в университет в 24 раза больше, чем у сына сельскохозяйственного рабочего, в 40 раз больше, чем у сына рабочего, в 2 раза выше, чем у сына среднего чиновника» (Филиппов Ф. Р. Социологический анализ проблем образования // Франция глазами французских социологов. — М., 1990. — С. 233).

⁵ См.: Франция глазами французских социологов. — М. : Наука, 1990. — 280 с.

⁶ Вакан Л. Социология образования П. Бурдьё // Социологические исследования. — 2007. — № 6. — С. 94.

ца, больница, тюрьма, а школа — вот самый мощный проводник и слуга государства»¹.

Вместе с тем, уже с 1970-х гг. исследование проблем образования вылилось в дискуссию о равенстве в образовании: «достижение равенства в современной системе образования возможно, если она будет сориентирована на создание условий для раскрытия социальных, креативных и эмоциональных потенциалов личности»². Определенный ориентир тут — критика Э. Фроммом рыночных ориентаций, насаждаемых социумом и его системой образования, его призыв к современному человеку — «быть» важнее, чем «иметь», нужно развивать творческую ориентацию: «Творчество — это способность удивляться и познавать, умение находить решения в нестандартных ситуациях, это нацеленность на открытие нового и способность к глубокому осознанию своего опыта».

В русле личностно-ориентированной социологии образование рассматривалось, в частности, П. Бергером и Б. Бергером, в широком смысле — как «все формы социализации, которые должны быть совершены после первичной социализации, все формы вторичной социализации». Отмечая растущую роль образования в современном мире, его превращение в «универсальный институт», зависимость «от непрерывного образования» продвижения и успеха во многих сферах занятости, расширение сроков обучения и снижение возраста начала школьного образования, социологи обратили внимание и на другие стороны этого социального института. В образовательной идеологии нарастают противоречия между утилитарными («образование для жизни») и неутилитарными («образование ради образования») ориентирами. Индивид в образовательной системе (авторы конкретно рассматривают систему образования в США) «испытывает давление, причем не просто давление, а давление систематическое». «На индивида возлагаются обязанности достижений, желания достижений». Эта «достижительная психология», страх потерпеть неудачу особенно давит на обучающихся. «Система вознаграждает определенный тип личности — интровертный, конформистский и способный к принуждению — короче говоря, бюрократический тип»³.

Критика системы образования раздавалась и с позиций антиинституционализма. При этом подчеркивалась ее дисфункциональность. И. Иллич предлагал заменить школы, «претендующие обучать всему, что следует знать, серией структур, которые человек может пожелать использовать, чтобы выучить то, что хочет, или то, что ему нужно и к чему у него нет доступа в среде, в которой он живет». Среди этих образовательных структур он вы-

¹ Вакан Л. Социология образования П. Бурдьё // Социологические исследования. — 2007. — № 6. — С. 99.

² Томпсон Дж., Пристли Дж. Социология. — М. ; Львов: Инициатива, 1998. — С. 220–221.

³ Бергер П. Л., Бергер Б. Социология. Биографический подход // Бергер П., Бергер Б., Коллинз Р. Личностно-ориентированная социология. — М. : Академический Проект 2004. — С. 194–213.

деляет книги, фильмы, культурные учреждения; инструкторы — но не профессиональные педагоги; партнеры по учению; профессиональные педагоги — консультанты, к которым обращаются за консультацией. Политические программы, которые не признают эксплицитно необходимости обесшkolивания, по оценке Иллича, не революционны. Он разграничивал обучение (*learning*) и образование, которое происходит в институтах (*education — schooling*). Школа рассматривается как институт, который специализируется на образовании: «Школа стала мировой религией модернизированного пролетариата»¹. Отсюда его призыв к «обесшkolиванию» общества. При всей экстравагантности этого подхода он инициировал дискуссию о «формальном» и «неформальном» образовании.

Конкретным проявлением ее стало обсуждение «плюсов» и «минусов» двух основных моделей школы — «школа-фабрика» и «школа-семья». В центре обсуждения — проблематика атмосферы и организации образовательного процесса, функциональных ролей его участников, взаимосвязи школ с окружающей средой.

Для «школы — фабрики» присуще поточное производство знаний, ее назначение — подготовка квалифицированных исполнителей для общества. «Школы — фабрики» создают для учащихся жизненную среду, вынуждающую их демонстрировать послушание и постоянную занятость, подчинять свои дела и интересы общему графику работы, подвергаться обезличивающей обработке в группах, быть объектом постоянного надзора, поощрений и наказаний. Эффективность «школы-фабрики» достигается дорогой ценой — за счет деформации личности учащихся.

«Школу-семью» отличает теплая атмосфера сотрудничества всех участников учебно-воспитательного процесса. Ее организационная структура и нормативная система призваны «обеспечить как можно большую индивидуальную свободу в рамках ограничений, принимаемых всеми членами школьного сообщества»².

Но конкретные социологические и социально-педагогические исследования показали доминирующее положение «школы-фабрики» в мировой системе образования и реальные сложности в распространении «школы-семьи» (и объективные, и субъективные — в частности, преодоление «авторитарного синдрома» в психологии педагогов). Поучительны — и не только для США — слова Э. Ламберта: «Если вы думаете, что ваша система образования не совершенна и не эффективна, — это значит лишь то, что в свое время вы хорошо учились по этой системе, получили диплом с отличием и утратили способность к познанию!.. Все члены этого общества прошли через ме-

¹ Illich I. D. Deschooling Society. — L., 1971. — P. 8 (Иллич И. Освобождение от школ. Пропорциональность и современный мир/пер. с нем. М. Чередниченко; пер. с англ. Ю. Турчаниновой, Э. Гусинского; под ред. Т. Шанина. — М.: Просвещение, 2006. — 160 с.

² Пилиповский В. Школа-фабрика или школа-семья? // Учительская газета. — 1990. — № 35.

ханизм искажения мировоззрения и дисфункции умственных способностей в системе образования»¹.

Еще в начале 1970-х гг. Комиссия Юнеско по развитию образования пришла к выводу: «в предстоящие годы непрерывность образования должна стать основным принципом всякой политики в области образования как в промышленно развитых, так и в развивающихся странах. Жесткие разграничения между различными уровнями и видами образования должны быть устранены. Уже начальное и среднее образование должны носить комплексный характер, в одно и то же время быть и теоретическим, и политехническим, и практическим, и трудовым»². В 1980–1990-е гг. в западной социологии наблюдается интерес к проблемам непрерывного образования и самообразования, образовательного лидерства³.

Применительно к образованию как социальному институту все более реализуется принцип «фундаментальные социальные изменения должны начинаться с изменения представления об институтах»⁴. Такое изменение получило развитие в концепции неoinституционализма. Наиболее четко сформулировал данный подход Д. Норт: «институты задают структуру стимулов, действующих в обществе, поэтому политические и экономические институты определяют собой характер функционирования экономики. Время же, применительно к развитию экономики и общества, — это особое измерение, процесс человеческого познания, обуславливающий эволюцию институтов. Мировосприятие отдельных людей, групп и сообществ, обуславливающее их выбор, является итогом такого познания, протекающего во времени. Речь при этом идет не о жизни одного человека, поколения или общества, а о длительном процессе накопления опыта, передаваемого из поколения в поколение через культуру и воплощаемого в отдельных индивидуумах, группах и обществах»⁵. По мнению Норты, существуют орга-

¹ Ламберт Э. Система образования в США. 2002. Цит. по: Школа — завод по производству «человекомассы» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://life-move.ru/shkola-fabrika-proizvodstva-cheloveko/> (дата обращения: 14.03.2016).

² См.: Learning to be. The world of Education Today and Tomorrow. — P. : Unesco, 1972. — 346 p. P. XX, XXIII.

³ Leithwood K. A. and Jantzi D. Transformational Leadership: How Principals Can Help Reform School Cultures // School Effectiveness and School Improvement. — 1991. — № 1. — P. 249–281; Leithwood K. A. and Steinbach R. Indicators of Transformational Leadership in the Everyday Problem Solving of School Administrators // Journal of Personnel Evaluation in Education. — 1991. — № 3. — P. 221–244; Sarason S. B. The Predictable Failure of Educational Reform. Can We Change Course Before It's Too Late? San Francisco: Jossey-Bass Publishers, 1993. — 208 p.; Sergiovanni, T. J. (1990). Adding value to leadership gets extraordinary results // Educational Leadership. — P. 23–27; и др.

⁴ Demaine J. Contemporary Theories in the Sociology of Education. L Basingstoke : Macmillan, 1981. — 173 p.; Illich I. After Deschooling What? — L. : Harper and Row, 1974. — P.61.

⁵ North D. C. Economic Performance through Time. Lecture to the memory of Alfred Nobel, December 9, 1993. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://nobelprize.org/economics/laureates/1993/north-lecture.html>—not (дата обращения: 11.11.2016).

низации политические (политические партии, парламент, муниципалитет, различные регулирующие органы), экономические (фирмы, профсоюзы, семейные хозяйства, кооперативы), общественные (церкви, клубы, спортивные общества), образовательные (школы, университеты, центры профессионального обучения)¹.

В исследовании этих феноменов Г. Саймон ясно очертил круг проблем: «Если согласиться с тем, что знания людей, принимающих решения, равно как и их способность к расчетам крайне ограничены, то придется провести четкую грань между реальным миром и тем, как он предстает в восприятии и осмыслении действующих субъектов. Иными словами, необходимо создать — и проверить на практике — теорию принятия решений. Эта теория должна описывать не только мыслительную деятельность, но и те процессы, которые порождают в сознании агента субъективное представление о той или иной проблеме, сами координаты ее восприятия»².

В последние десятилетия акценты зарубежных (и отечественных) социологических исследований в сфере образования постепенно смещаются к социальным аспектам содержания образования с позиций передачи культуры, организации образовательной деятельности, что отражает повышение интереса к личностному аспекту образования, поскольку именно личность выступает основным субъектом социальных изменений. Все более явно происходит обозначенный А. Шюцем³ «возврат «забытого человека» в лоно социальных наук»⁴. Сама логика внутреннего развития зарубежной и отечественной социологии образования, современная ситуация в российском обществе и системе образования обусловили формирование интереса к проблематике личности педагога и учащегося, студента, в частности, к проблемам особенностей социализации личности в процессе обучения, выявлению факторов, способствующих или препятствующих формированию личностного потенциала субъектов образовательного процесса, совершенствованию качества образования.

Социология образования призвана выявить, каков социальный вызов образованию со стороны современного общества. Кардинальное изменение значимости и социальной роли образования — один из важнейших социаль-

¹ См.: North D. C. Institutions, Institutional Change, and Economic Performance. — N. Y. : Cambridge University Press, 1993. — P. 2–3.

² Simon H. Rationality in Psychology and Economics // Hogarth R. M. and Melvin W. R. (eds.). Rational Choice. — Chicago, 1986. — P. 210–211. Цит. по: Норт Д. Функционирование экономики во времени (нобелевская лекция, 09.12.93)//Отечественные записки. — 2004. — № 6.

³ Мы используем более распространенную в отечественной социологии транскрипцию фамилии американского социолога-феноменолога — Шюц, хотя в переводе его работы предпочтение отдано иному — Шютц.

⁴ Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: Очерки по феноменологической социологии. — М. : Институт фонда «Общественное мнение», 2003. — С. 100.

ных процессов в современном социуме, что и определяет возрастающий интерес науки (в том числе социологии) к проблемам образования.

Не менее значима и проблема социальной ответственности образования. В данном отношении мы солидарны с позицией Б. С. Гершунского. Подчеркивая противоречивые итоги XX в., который «принес человечеству не только выдающиеся достижения в науке, технике и технологии, прорыв в космос, незабываемые образцы благородства и величия человеческого духа, обогащение культурного наследия, достижения в сфере литературы и искусства», но и «глобальные, катастрофические по своим последствиям разрушительные катаклизмы, войны и революции, тоталитаризм и фашизм, расовую ненависть, межнациональные и религиозные распри, международный терроризм, реальную опасность ядерного взаимоуничтожения и экологического коллапса, трудно поправимые деформации нравственных идеалов и ценностей». Он ставит вопрос: «Несет ли образование свою долю ответственности за те крайне неблагоприятные тенденции в нравственной, духовной сфере человеческой цивилизации, которые сложились к концу XX в. и ставят под угрозу саму жизнь на планете Земля?» И четко отвечает: «Да, несет»¹.

Реформы в образовании, постоянно идущие или готовящиеся, требуют их серьезной корреляции с социокультурными процессами. Фундаментальные изменения в обществе отражаются в ценностях актуальной культуры, в смене парадигм познания. В современном мире исследователи образования и культуры имеют дело с сосуществованием разных детерминант. По данным социологических опросов, многие россияне определяют свою социальную удовлетворенность социально-экономическими реформами в основном по критериям реализации своих материальных интересов. Но нельзя не видеть и тех, кто ориентируется преимущественно на культуру, постматериальные ценности. Из-за этого социолог оказывается в ситуации, сходной с существующей в новейшем постклассическом естествознании: неустранимая множественность точек зрения на одну и ту же реальность означает невозможность «божественной» точки зрения, с которой открывается вид на всю реальность, истина в последней инстанции. Новая эвристика предполагает неклассический взгляд на социокультурную, образовательную реальность, ориентируется на новые регуляторы, предписания: плюрализм, ипостасность, холизм, синергизм, дополнительность, релятивизм, нелинейность. Именно эти принципы должны постепенно стать основными в процессе познания, в системе образования. Соответственно, появляется новый инструментарий, позволяющий содержательно, качественно определить эффективность образовательных реформ.

Описывая новые научные методологии, многие авторы используют поня-

¹ Гершунский Б. С. Философия образования для XXI века. — М. : Педагогическое общество России, 2002. — С. 14.

тие «постмодернизм»¹, причем речь идет не столько о формальных поисках, сколько о важном компоненте актуальной культуры конца XX в. В конечном счете, суть проблемы — отказ делить людей на «творцов» и «мещан». Постмодернизм стирает (во всяком случае, концептуально) оппозицию между массовой и элитарной культурой, противостоит стремлению к глобальным проектам и трансформациям, реализующимся сверху и за счет тех, кто лишен возможности изложить свою точку зрения. Для системы образования здесь открывается поле поиска ответов на дьявольски сложный вопрос: «Как совместить качество и массовость образования?»².

Постмодернистское мировидение — лишь часть сегодняшней актуальной культуры, создающей новые ориентиры для образования. Это связано и с глубинным социокультурным процессом — быстрым усложнением социального мира, которое опрокидывает основу классической науки — простоту³. Не может не зашататься и вся конструкция современного образования, опирающегося на методологию и методику упрощения, сведения сложного к простому, движения мысли от простого к сложному. В результате реальный социальный мир и его образ в сознании современного учащегося все более расходятся. Возникает насущная потребность в формировании у студентов нового синергетического мировидения, в котором понятие «сложность» является ключевым⁴.

Синергетика подчеркивает пределы человеческих возможностей. Оказалось, что не все проблемы имеют решение (во всяком случае, эффективное, легитимное, нравственное). В процессе обучения эти пределы связаны с лавинообразным увеличением количества информации. Попытки системы образования ответить на этот вызов традиционно-механическим увеличением объема изучаемой информации или сроков обучения неэффективны, но связаны с бессмысленной растратой сил и средств, а самое главное — творческого потенциала учащихся (да и учителей, педагогов).

¹ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шматко. — М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. — 160 с.; Грицанов А. Постмодернизм. Энциклопедия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/PostModern/_Index.php (дата обращения: 19.02.2016).

² Константиновский Д. Л. Неравенство и образование. Опыт социологических исследований жизненного старта российской молодежи (1960-е годы — начало 2000-х). — М.: ЦСП, 2008. — 552 с.

³ См.: История педагогики и образования. От зарождения воспитания в первобытном обществе до конца XX в.: Учебное пособие для педагогических учебных заведений / под ред. академика РАО А. И. Пискунова. 2-е изд., испр. и доп. — М.: ТЦ «Сфера», 2001. — 283 с.; Немировский В. Г. Социология: учебник. — М.: Проспект, 2010. — С. 73–80; Чернавский Д. С. Синергетика и информация: Динамическая теория информации. Изд. 4-е. — М.: Едиториал УРСС, 2013. — 304 с.; и др.

⁴ Возможно, данное противоречие позволяет лучше понять ту проблему, на которую социологи образования выходят уже многие годы: учителя (на 70–80 %) считают, что у большинства учащихся нет желания учиться, а ученики (50–60 %) стремятся учиться, но «не тому» и «не так».

Подчеркнем и то, что синергетический подход к системе образования требует учета особенностей этой системы. Как отмечает В.А. Сухомлин, «одним из характерных ее свойств, которое не учитывается реформаторами, является так называемая унаследованность (*legacy*). Унаследованные системы за долгое время использования становятся неотъемлемой частью жизни и деятельности многих людей. Когда эти системы начинают заметно отставать от требований современных или грядущих технологий, встает естественный вопрос об их обновлении. Учитывая наработанную за годы практическую ценность унаследованных систем, их чрезвычайную сложность, а также высокую стоимость их полной реконструкции для обновления унаследованных систем применяют специальные технологии. Такие технологии позволяют сохранить все полезные функции унаследованной системы, перевести ее на рельсы современных решений, обеспечить гибкую интеграцию со всем информационным миром»¹.

Еще один важный аспект социокультурных изменений: их динамизация. Сбывается давний прогноз Э. Тоффлера о «футурошоке» («стабильность умерла»). Отсюда — важнейшая задача образования: ориентация молодых людей на готовность к жизни не только в усложняющемся, но и в быстро меняющемся социальном мире. Но ее решение — и в этом серьезное противоречие — не может не натолкнуться на естественный консерватизм школы как социального института. Крайне важно и для социума, и для каждой личности, и для самой системы образования избегать ситуаций (или сравнительно успешно преодолевать их), отмеченных французским писателем и философом-экзистенциалистом А. Камю: «Школа готовит нас к жизни в мире, которого не существует»².

Сложное, динамичное современное общество создает благоприятную среду для расширения поля конфликтов. Они становятся одним из самых распространенных способов социального взаимодействия. Между тем из четырех основных принципов образования и воспитания в XXI в., выделенных экспертами ЮНЕСКО (научиться жить, научиться знать, научиться делать, научиться жить вместе)³, именно последнему в сегодняшней системе образования уделяется наименьшее внимание. Но такое умение — жить в согласии с другими — не рождается само собой. От системы образования требуется формировать культуру конфликта, культуру согласия, культуру мира и ненасилия, развивать одно из важнейших качеств личности XXI в. — толерантность, уважение к себе и к другим.

¹ Пустое множество. Размышления профессора МГУ В.А. Сухомлина о реформах высшего образования [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://forum.orlovs.pp.ru/viewtopic.php?t=699> (дата обращения 04.02.2016).

² Золотые цитаты и афоризмы об образовании и обучении [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.poznaysebia.com/2012/10/12/zolotyie-tsitatyi-ob-obrazovanii-i-aforizmyi-ob-obuchenii/> (дата обращения 01.03.2016).

³ Образование: сокрытое сокровище (Learning: The Treasure Within) / основные положения Доклада Международной комиссии по образованию для XXI века. — Изд-во Юнеско, 1996. — 31 с.

Цивилизация вступает в период, когда знания и информация станут важнейшим мерилем социального развития человечества. И школа (в широком смысле слова) превращается в определяющий социальный институт общества. Можно обратиться не только к перспективам, но и к сегодняшнему дню. Без серьезных изменений в образовании невозможны были бы ни научно-технический прогресс, ни достижения в мировой экономике, ни социально-политические изменения демократического характера.

Проблематика роли образования в профессиональном самоопределении молодежи получила своеобразное отражение в концепциях «постиндустриального», «информационного» общества и «человеческого», «социального» капитала¹. По оценке Д. Белла, в «грядущем постиндустриальном обществе революция в организации и обработке информации и знаний, имеющая решающее значение для экономической и социальной жизни, способов производства знания и характера трудовой деятельности человека, изменит и облик, и характер, и содержание образования»². Серьезным направлением постиндустриализма, как справедливо отмечал В. Л. Иноземцев, были доктрины, подчеркивающие роль знаний и обозначающие современный социум как *the knowledgeable society*, *knowledge society* или *knowledge-value society*³. Сходной была и позиция теоретиков «информационного общества: «производство информационного продукта, а не продукта материального будет движущей силой образования и развития общества»⁴. Изменяется и социальная структура нового общества — определяющую роль в нем играет не «родовая» элита, а «элита знания» («В постиндустриальном обществе элита — это элита знающих людей»), непременным условием для вхождения в которую являются знания и техническая компетентность, а важнейшим инструментом продвижения — образование. «Если индустриальное общество основано на машинной технологии, то постиндустриальное общество формируется под воздействием технологии интеллектуальной. И если капитал и труд — главные структурные элементы индустриального социума, — отмечал Белл, — то информация и знание — основа общества постиндустриального»⁵. Для критиков этой идеи Белла в отечественной социологии 1970–80-х гг. осталось

¹ См.: Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В. Л. Иноземцева. — М.: Academia, 1999. — 640 с.

² Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. — М., 1986. — С. 332.

³ Baggen P., Tellings A., & Haaften W. The University and the Knowledge Society. L., P., 1998. 136 p.; Dickson D. The New Politics of Science. — N. Y., 1984. — P. 163–216; Stehr N. Knowledge Societies. — L., 1994. — P. 5–18; Lane R. E. The Decline of Politics and Ideology in the Knowledgeable Society // American Sociological Review. — 1966. — Vol. 31. — P. 649–662; Sakaiya T. The Knowledge-Value Revolution or A History of the Future. — Tokyo-N. Y., 1991. — P. 57–58, 267–287.

⁴ Masuda Y. The Information Society as Postindustrial Society. Wash.: World Future Society, 1983. — P. 29.

⁵ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. — М.: Academia, 1999. — 949 с.

«за кадром» его замечание: «Крайне преувеличенной представляется идея, что «элита знания» может стать новой элитой власти». Отметим и знаковое признание самого Белла: «Я вовсе не антимарксист. Как может ученый-социолог быть антимарксистом? Многие в марксистском анализе социальных и производственных структур сохранило свое значение и вошло в современные теории, как и результаты любых глубоких концептуальных обобщений. Я бы скорее назвал себя постмарксистом, в том смысле, что я воспринял достаточно много марксистских представлений о социуме». Ведущая роль в новом обществе, по Беллу, будет принадлежать корпорациям исследования и развития, индустриальным лабораториям, экспериментальным центрам и университетам¹. Отметим и глубокий — неоднозначный — подход Белла к информации. С одной стороны, «информация — это власть». С другой, — «доступ к информации есть условие свободы». Это определило и выход Белла на проблематику доступности образования. Важная особенность его подхода — разграничение «равенства возможностей» и «равенства результата».

Интересным интегрирующим моментом, объединяющим концепции постиндустриального, информационного общества и человеческого капитала, была идея о том, что в современном информационном обществе информация выполняет роль капитала. Ее, как и капитал, можно накапливать. Накопленные национальные информационные ресурсы определяют экономическую мощь страны. Соответственно, сфера услуг, ориентирующаяся на производство и обработку информации, становится ведущей².

О. Тоффлер, рассуждая о «третьей волне», о происходящей информационной революции, выделил как главную проблему современной цивилизации эффективность использования знаний, информации. Крылатая фраза «Знание — сила» приобретает буквальный смысл — развитое общество и экономика не будут вполне эффективными, если кто-либо получит образование ниже предела своих потенциальных возможностей. Необразованный быстро становится непроизводительным. Общество должно быть сегодня образованным, чтобы прогрессировать, расти, даже просто выжить. По оценке П. Дракера, «образование как фактор продвижения в обществе оттеснило ныне и происхождение, и богатство, и таланты». Грядущая борьба за доминирование будет все более и более превращаться в сражение за распределение и доступ к знаниям.

«Смещение власти», по мнению О. Тоффлера, связано «с возникновением новой системы получения богатства, использующей не физическую силу человека, а его умственные способности»³. Знания определяют «каче-

¹ Bell D. Notes on the Post-Industrial Society. Part I // Public Interest. — 1967, Winter. — Рр. 26–27.

² См.: Стоуньер Г. Информационное богатство: профиль постиндустриальной экономики // Новая технократическая волна на Западе. — М., 1986. — С. 394.

³ Тоффлер Э. Метаморфозы власти. Метаморфозы власти / пер. с англ. Э. Тоффлер. — М.: Издательство АСТ, 2003. — С. 43.

ство и эффективность власти, позволяя достичь искомых целей, минимально расходуя ресурсы власти, убедить людей в их личной заинтересованности в этих целях, превратить противников в союзников»¹.

Контроль за знаниями, прогнозировал Тоффлер, вот суть будущей всемирной битвы за власть во всех институтах человечества². Одновременно он обращал внимание на обостряющиеся социально-психологические трудности восприятия и использования быстро обновляющейся (значит — столь же быстро устаревающей) информации: выпустив на свободу силу новизны, мы толкаем людей в объятия непривычного, непредсказуемого. Жить в ускоренном темпе означает испытывать на себе действие непрекращающихся перемен.

Все сильнее, однако, среди зарубежных социологов распространяется представление об иллюзорности в современном мире надежд «наследников идей Просвещения». Примечательна в этом отношении теория Э. Гидденса о трансформации знания в эпоху постмодернити: «Мы обнаружили, что ничего нельзя знать наверняка, поскольку стала очевидной ненадежность всех прежних «оснований» эпистемологии». Происходит, по мнению английского социолога, дестабилизация, разрыв «отношений между знанием эксперта и знанием, применимым в деятельности непрофессионала». Присвоение знания в разной степени доступно для тех структур, которые способны поставить его на службу групповым интересам. И самый главный вывод: «Когда требования разума заменили диктат традиции, стало казаться, что он дает больше уверенности, чем прежние догмы. Однако представление выглядело убедительным лишь до тех пор, пока мы не увидели, что рефлексивность модернити в действительности подрывает позиции разума, во всяком случае там, где он понимается как достижение определенного знания... Никакое знание в условиях модернити не есть знание в «старом» смысле, где «знать» — значит быть уверенным. Это применимо в равной мере к естественным и общественным наукам»³.

С другой стороны, все чаще подчеркивается опережающий характер развития образования: «Роль образования состоит в том, чтобы идти впереди событий, направлять их, предугадывать, по-новому использовать уже имеющиеся инструменты или изобретать новые. Мы не можем решать новые проблемы, встающие перед нами, устаревшими методами. Образование должно давать ощущение корней и ощущение крыльев за спиной»⁴.

¹ Toffler A. Powershift: Knowledge, Wealth, and Violence at the Edge of the 21st Century. — N. Y., L. : Bantam books, 1990. — 551 p. Цит. по: Тоффлер О. Проблема власти на пороге XXI века // Свободная мысль. — 1992. — № 2. — С. 113, 114.

² Тоффлер Э. Метаморфозы власти. — М. : Издательство АСТ, 2003. — С. 43.

³ Гидденс Э. Последствия модернити [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://iir-mp.narod.ru/books/inozemcev/page_1101html (дата обращения: 18.09.2016).

⁴ Майор Ф. «Рыночная экономика для нас приемлема, но рыночное общество — неприемлемо» // Известия УрГУ. — 1997. — № 6. — С. 4, 6.

Именно как «вклад в будущее» видел Ж. Аллак (директор Международного института планирования образования) приоритет образования. В контексте стремительных технологических перемен, по его мнению, политика развития людских ресурсов должна стремиться к улучшению качества и гибкости рабочей силы. Опыт показывает, что легче добиваться этого, когда ученики получают базовую подготовку по научным дисциплинам. При этом массовость должна соотноситься с растущим качеством самого образования: «Нельзя рассматривать образование как придаток функции производителя квалифицированной рабочей силы или судить о чьем-то успехе по количеству детей и взрослых, получивших знания», — утверждал Аллак. Далее он продолжал: «Если образование считается правом человека, то потому, что оно ведет к развитию творческих способностей человека, углублению участия в экономических, социальных и культурных отношениях в обществе и, соответственно, к более эффективному вкладу в развитие человечества»¹.

Ему вторит российский исследователь проблем образования Б. С. Гершунский: «Общемировой кризис образования, о котором так много говорили и писали в последние годы и который в тех или иных формах проявляет себя во всех странах мира, связан отнюдь не только с недостаточной эффективностью образования с точки зрения его прагматически понимаемой экономической отдачи... Подлинная сущность мирового образовательного кризиса состоит в беспомощности и неэффективности современного образования перед лицом глобальных проблем цивилизационного масштаба»².

Основным признаком кризиса образования на рубеже веков стало несоответствие системы образованию вызовам времени, ее неспособность качественно изменить характер, направленность и содержание образования, подготовить выпускника к «футурошоку», бурной динамике социокультурных изменений. Нынешние необычные «скорости перемен» призывают, по словам Тоффлера, отказаться от рутины «стандартной единицы школы: один взрослый и много учеников, сидящих к нему лицом на определенных местах»³. Особое неприятие Тоффлера вызывало то, что школьные и вузов-

¹ Аллак Ж. Вклад в будущее: приоритет образования. — М. : Педагогика-Пресс, 1993. — С. 17, 88.

² Гершунский Б. С. Философия образования для XXI века. — М. : Совершенство, 1998. — С. 32.

³ Объектом социологического анализа может быть даже школьный класс. Р. Барт, анализируя учебный процесс в современной школе, пришел к выводу о том, что его пространственная композиция предполагает неравенство учителя и ученика. Трибуна, на которую выходит учитель, ставит его над учениками, демонстрируя его превосходство. Если же учитель сидит, то его стол, как правило, располагается отдельно от ученических парт. Стол больше, чем парты, что также говорит о неравенстве: учителю дано право карать или миловать учеников, принимать или отвергать то, что они говорят. Учитель имеет право на истину, и не беда, если эта истина преходяща и в дальнейшем на смену ей придет другая, возможно, более правдоподобная, более прочно укорененная в фактах. Главное, чтобы истины не пересекались, не сталкивались между собой, путая учеников, подрывая авторитет учителя. Обучение подразумевает

ские программы не основаны на какой-либо продуманной концепции нужд современного человека и еще менее основаны на каком-либо видении будущего, понимании того, какие знания и навыки потребуются, чтобы выжить и достойно жить в эпицентре изменений»¹. По мере ускорения этих изменений система образования (с присущим ей «здоровым консерватизмом») все менее готовит учащуюся молодежь к «футурошоку» (шоку «от столкновения с будущим»), когда выпущенные на свободу силы новизны толкают людей в объятия непривычного, непредсказуемого, и им приходится жить в ускоренном темпе, испытывать на себе действие непрекращающихся перемен.

Соответственно развиваются идеи «третичного обучения» (З. Бауман, Г. Бейтсон и др.). В условиях растущей неопределенности и формирования «общества риска» (У. Бек) «вторичное обучение» («обучение процессу учебы»), когда обучающийся уже сегодня готовится к тому, чтобы достойно встретиться с возможными в будущем проблемами и уметь справляться с ними, оказывается недостаточным. «Третичное обучение» нацелено на формирование навыков изменения в будущем набора вариантов деятельности. Как отмечает З. Бауман, «никогда прежде жизнь не была так изменчива, теперь умение извлекать информацию и делать из нее необходимые выводы, а также умение менять способы извлечения информации в соответствии с обстоятельствами становится намного важнее самого содержания этой информации. Трудно точнее определить основную компетентность, формируемую системой образования на перспективу — в процессе «третичного обучения» — умение менять способы извлечения информации адекватно обстоятельствам»².

Особое внимание привлекает социокультурный подход к образованию. Применительно к образованию социокультурный подход акцентирует приобщение человека к ценностям культуры³, его социокультурную деятельность, понимаемую как процесс, осуществляемый в образовательной среде, все компоненты которого наполнены человеческими смыслами и служат человеку, свободно проявляющему свою индивидуальность, способность к творческому самовыражению в мире культурных ценностей.

Социокультурный подход интегрирует тип измерения человеческого бытия: соотношения человека и общества, характер культуры, тип социально-

полное доверие и беспрекословное подчинение. См.: Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / пер. с фр. ; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. — М. : Прогресс, 1989. — 616 с.

¹ Тоффлер А. Футурошок / пер. с англ. — СПб. : Лань, 1997. — С. 453.

² См.: Ушакова О. Н. Коммуникативная доминанта как инновация образования изменяющегося общества // Инновации и образование. Сборник материалов конференции. Вып. 29. — СПб., 2003. — С. 364–368.

³ Свирбутович О. А. Роль социокультурной деятельности в процессе социализации учащихся [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://festival.1september.ru/articles/314993/> (дата обращения: 12.04.2017).

сти. В нем под культурой понимается совокупность материальных и духовных способов и результатов деятельности человека, а под социальностью совокупность отношений каждого человека или иного социального субъекта с другими субъектами, формируемых в процессе деятельности. Соответственно, он предполагает отношение к образованию как социокультурному процессу, движущими силами которого являются диалог и сотрудничество его участников в достижении целей их творческого самовыражения.

Акцент на личностный аспект системы образования как бы возвращает университетскому образованию его первоначальный смысл, когда — как справедливо отмечают исследователи — западноевропейский университет понимался как совокупность людей, а не комплекс зданий и аудиторий, выступал как добровольная ассоциация преподавателей и студентов, которые сами устанавливали программы, расписание, гонорары, дипломы и звания, а термин *universitas* означал не универсальность обучения, а добровольный союз ищущих познания людей, т. е. корпорацию¹.

Для нашего времени («позднее модернити», «рефлексивное модернити», «постмодернити»), по оценке Баумана, нормальным становится диссонанс с унаследованными и внутренне присущими людям качествами. Любая позиция, отталкиваясь от которой можно было бы предпринять логичные действия при выборе жизненных стратегий: работы, профессии, партнеров, моделей поведения и этикета, представлений о здоровье и болезнях, достойных ценностей и испытанных путей их обретения, — все такие позиции, позволявшие некогда стабильно ориентироваться в мире, кажутся теперь неустойчивыми. Привлекает его образная характеристика поведения современного человека: «Мы вынуждены как бы играть одновременно во множество игр, причем в каждой из них правила меняются непосредственно по ходу дела. Соответственно, обретает высшую ценность обучение, дающее знания о том, как нарушать общепринятый порядок, как избавиться от привычек и предотвратить привыкание, как преобразовать разрозненные элементы опыта в доселе неведомые образцы, относясь в то же время к любому из них как к приемлемому лишь до особого уведомления. Это и порождает нынешний кризис в системе образования, кризис унаследованных институтов и философий, предназначенных для реальности иного рода. Мир, в котором люди выстраивают свои жизненные стратегии, стимулирует развитие той разновидности обучения, к которой унаследованные нами образовательные учреждения даже не знают, как подойти»². Качественно меняется функция и роль

¹ Добренков В. И., Кравченко А. И. Университет и университетская социология // Социология. — 2004. — № 3–4. — С. 46. «Союз, «цех» преподавателей и учеников представлял своего рода «научный цех», «гильдию ученых и учеников», *universitas magistrorum et scholarium* или *universitas studentium* («товарищество преподавателей и учащихся») или же одним словом *studentes* (учителя, учащиеся)».

² Бауман З. Цена университета? Узнайте на рынке! [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ps.lseptember.ru/article.php?ID=200207015> (дата обращения: 17.02.2016).

университетов, значимость задач профессиональной подготовки снижается, возрастает роль рыночных стратегий: подчинение суровым требованиям рынка и измерение общественной полезности создаваемого университетами продукта наличием стабильного спроса.

В одном из докладов Римского клуба А. Кинг и Б. Шнейдер обратили внимание и на такой важный аспект мирового кризиса образования, как достижение системой знаний «такого уровня сложности, что образовательная система многих стран стала жертвой трех бед: чрезмерного наполнения знаний, анархизма и неприспособленности к жизни»¹. Процессы компьютеризации образования обостряют эту проблему, увеличивая информационные потоки и далеко не всегда согласуясь с разработкой адекватных технологий осмысления, понимания и реального освоения обучающимися полученной информации.

Своеобразным отражением растущей значимости знания, информации является теория власти М. Фуко, в которой власть рассматривается не в ее традиционном, политическом понимании (включая атрибуты этого понимания: централизованная власть, государственный аппарат, обладание властью, власть определенного класса и т. д.). Власть, по Фуко, это взаимоотношения людей в процессе производства знания и информации. Само это производство предстает у него как производство дискурсов, правил разграничения истинных и ложных дискурсов: «Мы подчинены производству истины посредством власти, и мы не можем утверждать власть иначе, как через производство истины»². Становление субъективности Фуко соотносит с «практиками заботы о себе», которые и формируются у образованной элиты, обладающей культурными и экономическими возможностями, способной «выделиться из толпы», подняться над повседневной практикой. При этом особенно подчеркивается роль образования. «Образование, — пишет М. Фуко, — представляет собой остов индивида перед лицом событий»³. Весьма интересным является его размышление о «молчании ученика», раскрывающее механизмы взаимодействия в образовательном процессе: «Чтобы молчание ученика принесло плоды, чтобы в глубинах этого молчания сохранились воспринятые от учителя слова истины и чтобы ученик мог соорудить из них что-то свое и однажды сам стал субъектом истинных речей, для этого речь учителя не должна быть искусственной, деланной, выстроенной по законам риторики и оказывающей на душу ученика одно лишь эмоциональное воздействие. Не надо, чтобы речь завлекала. Надо, чтобы это была такая речь, которую ученик смог бы вме-

¹ Кинг А., Шнейдер Б. Первая глобальная революция: Доклад Совета Римского клуба / пер. с англ. — М.: Прогресс, 1991. — С. 10–11.

² См.: Фуко М. Археология знания. — Киев: Ника-Центр, 1996. — 208 с.; Фуко М. История сексуальности — III. Забота о себе. — Киев: Дух и литера; Грунт; М.: Рефл-бук, 1998. — 288 с.

³ Фуко М. Герменевтика субъекта (выдержки из лекций в Коллеж де Франс 1981–1982 гг.) // Социо-Логос. Вып 1. — М., 1991. — С. 293.

стить, а усвоив, идти с ее помощью к собственной цели, к знанию самому себя»¹.

До сер. XX в. основным принципом работы школы было обучение ребенка тому, что он должен знать, когда вырастет. «В быстро меняющемся индустриально развитом обществе любые специальные знания быстро устаревают. Человек должен постоянно учиться, чтобы приспособиться к изменениям, порожденным развитием науки и техники. Это означает, что главное в процессе учения (а он должен продолжаться всю жизнь) — это основные навыки восприятия новых знаний. Такие навыки, которые можно применять в разнообразных, непредвиденных ситуациях, обретают стратегическое значение. Наиболее важным из них является, конечно, умение самостоятельно учиться»². И как определяющий вывод: «Сегодня совершенно очевидно, что традиционная система высшего образования не соответствует, как раньше, потребностям все более и более быстро изменяющегося общества»³.

В качестве ориентира образовательных реформ была избрана концепция «человеческого развития». Она исходит из взаимосвязи расширения человеческих возможностей путем укрепления здоровья, приобретения знаний, совершенствования профессиональных навыков и — одновременно — использования людьми приобретенных ими способностей для производственных целей, культурной, политической деятельности и для отдыха. Эта концепция не сводит человеческое развитие лишь к формированию ресурсов для производственной деятельности и ориентации на увеличение материального богатства⁴.

Молодежь, студенчество — не только пассивный (хотя и очень заинтересованный) наблюдатель за изменениями в системе образования в национальном и международном масштабе. Без активного участия студентов любые образовательные реформы не могут стать действительно эффективными. «Европейская хартия об участии молодежи в общественной жизни на местном и региональном уровне» (2003) рассматривает такую активность как важную предпосылку реализации действительных намерений «построить более демократическое, солидарное и процветающее общество»⁵.

¹ Фуко М. Герменевтика субъекта / пер. с фр. — СПб. : Наука, 2007. — С. 397.

² Хюсен Т. Современные тенденции развития образования // Перспективы. — 1983. — № 1. — С. 12.

³ Toynbee A. Higher Education in a Time of Accelerating Change // Campus 1980: The Shape of the Future in American Higher Education / Ed. A. C. Eurich. — N. Y. — 1968. — 327 p. — P. XIX.

⁴ Человеческое развитие: новое измерение социально-экономического прогресса. Учебное пособие, 2-е изд., доп. и перераб. — М. : Права человека, 2008. — 636 с.

⁵ Пересмотренная европейская хартия об участии молодежи в общественной жизни на местном и региональном уровне (принята Конгрессом местных и региональных властей Европы 21.05. 2003) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.studfiles.ru/preview/2681408/> (дата обращения: 05.05.2016).

Особенно значимо было для более глубокого осмысления социальной роли образования развитие концепции человеческого (а затем — социального, культурного, символического и т. д.) капитала. Как отмечал Д. Грейсон, человеческий капитал — наиболее ценный ресурс, гораздо более важный, чем природные ресурсы или накопленное богатство. «Именно человеческий капитал, а не заводы, оборудование и производственные запасы является краеугольным камнем конкурентоспособности, экономического роста и эффективности»¹. «Социологический подход к различным аспектам формирования человеческого капитала, способам его накопления и механизмам его конвертирования в другие виды капиталов (экономический, социальный и символический) в современном российском обществе позволяет обнаружить, что и накопление начального человеческого капитала, и возможности его наращивания, и владение механизмами его конвертирования в другие виды капиталов во многом оказываются дифференцированными и социально детерминированными. Образование является самой важной составляющей человеческого капитала, и первое, за счет чего можно увеличить его объем — формальное образование и уровень квалификации»².

Современный человек (тем более, выпускник вуза) должен быть готов жить в открытом глобальном обществе, где свободное перемещение капитала, финансов, людей, информации стало основой современной концепции «мира без границ», когда образование из категории национальных приоритетов переходит в категорию мировых приоритетов.

В XX в. образование превратилось в одну из важнейших отраслей человеческой деятельности. Образование ныне стало делом большой политики. Правящие элиты развитых стран при разработке политической стратегии все более воспринимают идеи о качественном изменении социальной роли образования. Мы согласны с В. А. Садовничим в том, что «сегодня важнее серьезно задуматься над тем, какие задачи должна решать система образования, чем обсуждать те или иные ее конкретные стороны»³.

Важнейшая проблема современного образования — его эффективность для общества и для личности⁴.

С позиций социологии образование в силу своей специфической роли в обществе предстает в различных ипостасях:

- вид и процесс деятельности; деятельностный подход акцентирует внимание на образовании как сфере социальной активности индивида,

¹ Грейсон-мл. Д., О'Делл К. Американский менеджмент на пороге XXI века. / пер. с англ. — М. : Экономика, 1991. — С. 267, 196.

² Константиновский Д. Л., Вознесенская Е. Д., Чередниченко Г. А. Молодежь России на рубеже XX–XXI веков: образование, труд, социальное самочувствие. — М. : ЦСП и М, 2014. — С. 14.

³ Садовничий В. А. Пока еще не поздно // Поиск. — 2002. — № 3. — С. 3.

⁴ Колесников Л. Ф., Турченко В. Н., Борисова Л. Г. Эффективность образования. — М. : Педагогика, 1991. — 268 с.

- социальных групп, как особой деятельности социальных субъектов;
- качественная определенность человека, обладающего совокупностью систематизированных знаний, умений и навыков, которые он приобрел самостоятельно либо в процессе обучения в специальных учебных заведениях;
 - ценность, которая опосредует взаимодействие социальных субъектов в процессе обучения (социокультурный подход). Социокультурный подход сформировал новый взгляд на образовательный процесс с позиций личности, ее потребностей, установок, мотивов, интересов, ценностей и активности в нем. Личностное измерение образования выходит на первый план, поскольку основная роль в процессе социальных изменений принадлежит личности и социальной общности как субъектам действий¹;
 - фактор изменения и воспроизводства социальной структуры общества и показатель социального статуса индивида (стратификационный подход);
 - социальная система, которая характеризуется как совокупность систем преемственных образовательных программ и государственных образовательных стандартов различного уровня и направленности, сети реализующих их образовательных учреждений различных и подведомственных им учреждений и предприятий, то есть дошкольное, школьное, профессионально-техническое, среднее специальное и высшее образования рассматриваются сквозь призму образовательных и профессиональных программ;
 - институт общества, выполняющий функции подготовки и включения индивида в разные сферы жизнедеятельности общества, приобщения его к культуре данного общества;
 - сфера деятельности, которая, с одной стороны, интегрирует различные по форме компоненты учебной деятельности в единую подсистему общества, а с другой, выступает полем взаимодействия учебного процесса, учебной деятельности с другими видами и формами жизнедеятельности субъекта по поводу функций образования;
 - социально-образовательное пространство — «социальное пространство, где субъективно задаются множества отношений и связей, где осуществляется специальная деятельность различных систем (государственных, общественных и смешанных) по развитию индивида и его социализации»². В социально-образовательном пространстве размещены не столько физические объекты, наполняющие пространство, сколько различные факторы, условия, связи и взаимодействия субъек-

¹ Нечаев В. Я. Социология образования. — М. : Изд-во МГУ, 1992. — С. 11.

² Колесников Л. Ф., Турченко В. Н., Борисова Л. Г. Эффективность образования. — М. : Педагогика, 1991. — С. 67–68.

ектов образования, определяющие характер образовательных процессов в целом. Осуществление педагогической деятельности в социально-образовательном пространстве позволяет создавать условия для становления и развития личности в более широком социальном контексте, учитывая разнообразие интересов и склонностей обучаемых.

Наиболее общей, стратегической целью образования должны стать воспроизводство и развитие культуры во всем ее многообразии. Интересно в данном случае мнение П. Бурдые о том, что едва ли можно отделить социологию образования от социологии культуры¹.

Представляется, что этот — социокультурный, нравственный — аспект образования удачно уловил В. Даль: «Образовывать, образовать — кого, совершенствовать, улучшать духовно, просвещать; иногда придавать наружный лоск, приличное, светское обращение, что составляет разницу между просвещать и образовать. Науки образуют ум и знания, но не всегда нрав и сердце. Учение образует ум, воспитание и нравы. ...Образованный — сделанный, сложенный или составленный; образованный человек, получивший образование, научившийся общим сведениям, познаниям; образованный — научно развитой, воспитанный, приличный в обществе, знающий светские обычаи, первое, умственное образование; второе, внешнее; для нравственного нет слова»². Можно выделить и более конкретные цели обучения: подготовка человека к включению в сложный окружающий мир; индивидуальное развитие человека.

Происходит гуманизация целей образования, утверждается ориентация на свободное саморазвитие человека. При этом нельзя не учитывать и то, что современная индустриальная (постиндустриальная) цивилизация содержит и немало дегуманизирующих моментов, определяя процесс отчуждения личности. Исторический излом, смена парадигмы миропонимания, разрушение привычных представлений и системы ценностей актуализируют мировоззренческую, духовно-нравственную проблематику. Основой мировоззренческой культуры личности является знание: философское, естественно-научное, гуманитарное и т. д. Знание — познание как форма теоретического освоения мира и интериоризированная индивидом культура формируют мировоззренческий комплекс человека. Основной формой обучения должен стать диалог. Соответственно, образование выходит за рамки простого обслуживания социально-экономического развития, все более становясь основой сохранения и воспроизводства культуры.

Изменения в целевых установках образования сопровождаются новыми явлениями в обучении.

1. Коренное изменение содержания знаний (переход к целостному, интегрированному знанию, дающему не столько информацию, сколько мето-

¹ Бурдые П. Начала / пер. с фр. — М. : SocioLogos, 1994. — С. 65.

² Даль В. Толковый словарь великорусского языка. В 4-х тт. — Т. 2. — М. : Рипол классик, 2006. — С. 613–614.

ды ее освоения, ориентация на ценностное знание, развивающее духовные, нравственные основы личности).

2. Возрождение развивающей педагогики, идущее весьма трудно и противоречиво.

3. Изменение организационных основ современного образования (возрастание самостоятельности учебных заведений, повышение роли органов местного самоуправления, развитие альтернативных образовательных учреждений).

4. Переход (в образовании, самообразовании) к реализации принципа непрерывности. Принцип «образование на всю жизнь» сменяется принципом «образование в течение всей жизни»: образование становится фактором, который сопровождает преобладающее большинство людей всю их жизнь, а не только годы раннего детства¹. Всемирный форум по социальному развитию (Копенгаген, 1995) определил необходимость «проведения в жизнь стратегий, побуждающих людей поддерживать, совершенствовать и модифицировать свои навыки и умения в течение всей жизни посредством образования и профессиональной подготовки»².

5. Возрастание роли самообразования. До 1950-х гг. основным принципом работы школы было обучение ребенка тому, что он «должен знать», когда вырастет. Ныне ситуация кардинально меняется. Показательно мнение Т. Хюсена: «В быстро меняющемся индустриально развитом обществе любые специальные знания быстро устаревают. Человек должен постоянно учиться, чтобы приспособиться к изменениям, порожденным развитием науки и техники. Это означает, что главное в процессе учения (а он должен продолжаться всю жизнь) — основные навыки восприятия новых знаний. Эти навыки, которые можно применять в разнообразных, непредвиденных ситуациях, обретают стратегическое значение. Наиболее важным из них является, конечно, умение самостоятельно учиться»³. С учетом отмеченной тенденции справедлива позиция Е. А. Шуклиной, обосновавшей институционализацию социологии самообразования как самостоятельной отраслевой социологии⁴. Не менее интересной была и отмеченная Г. Е. Зборовским

¹ Хюсен Т. Образование в 2000 году. Исследовательский проект / Пер. со швед. Под ред. В. Н. Столярова. — М.: Прогресс, 1977. — С. 19.

² Копенгагенская декларация о социальном развитии. Принята Всемирной встречей на высшем уровне в интересах социального развития. Копенгаген, 6–12 марта 1995 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/cordecl.shtml. См.: Рукавишников В. О. Поиск новой стратегии мирового социального развития // Социологические исследования, — 1995. — № 8. — С. 87–91.

³ Хюсен Т. Образование в 2000 году. Исследовательский проект / пер. со швед.; под ред. В. Н. Столярова. — М.: Прогресс, 1977. — С. 12.

⁴ Шуклина Е. А. Технологии самообразования: социологический аспект [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://mirznanii.com/a/172462/tekhnologii-samoobrazovaniya-sotsiologicheskiiy-aspekt> (дата обращения: 29.03.2016); Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А. Самообразование как социологическая проблема // Социологические исследования. — 1997. —

и Е. А. Шуклиной актуализация самообразования в связи с растущей индивидуализацией образа жизни¹.

6. Изменение стратегии образовательной политики. Произошла смена ориентира образования: «готовить сегодняшних граждан для жизни и работы в завтрашнем мире, в котором единственным постоянным фактором будет изменчивость»². Учет потребностей и долгосрочных перспектив социально-экономического, научно-технического и социокультурного развития России и всего мирового сообщества — основа стратегии развития отечественной системы образования. Перед социологией образования возникает необходимость выйти за пределы изучаемой системы, освоить полученные в других отраслевых социологиях данные о тенденциях и перспективах социально-экономического развития, обосновать — на этой широкой основе — перспективный социальный заказ системе образования.

С точки зрения образования как деятельности основным выступает отношение «учитель, преподаватель, педагог — ученик, студент». Исследователи подчеркивают, что «социальное взаимодействие между непосредственно обучающим и обучающимся субъектами составляет первичную форму существования социальных отношений в образовании»³. Но и оно — при всей своей универсальности — изменялось от эпохи к эпохе. Призвание учителя, педагога возникает как «встреча» его деятельности с отношением учеников. Поскольку образование как деятельность является двунаправленным процессом, то не только профессиональное знание предмета, но и «свет» в глазах учеников — необходимые моменты деятельности учителя. Не все ученики выбирают профессию учителя, но если учитель реализует свое призвание, то этот пример может транслироваться в другие профессии. С одной стороны, в образовании (в проблеме преподавания) «делегитимация и упор на результативность звонят отходную по эре Профессора⁴: он уже не ком-

№ 10. — С. 78–87; Шуклина Е. А. Самообразование как отрасль социологического знания // Социологические исследования. — 1999. — № 4. — С. 87–94; и др.

¹ Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А. Образование как ресурс информационного общества // Социологические исследования. — 2005. — № 7. — С. 107–113.

² Деятельность в области образования во всем мире. — Париж: ЮНЕСКО, 1994. — С. 8.

³ Лукашевич Н. П., Солодков В. Т. Социология образования. Конспект лекций. — Киев : МАУП, 1997. — С. 72.

⁴ Одно из проявлений «заката эры Профессора»: в англосаксонской модели постепенно умирает институт постоянного (пожизненного) найма. Так, согласно данным Дж. Шустер и М. Финкельштейн, с 1969 по 1998 гг. число американских профессоров, занимающих постоянные позиции, уменьшилось в два раза, тогда как число преподавателей, занимающих временные позиции, не подразумевающие возможности перехода на постоянные, увеличилось в семь раз (Schuster, Finkelstein, 2006). Н. Барнс и С. О'Хара фиксируют аналогичный тренд для британских университетов (Barnes, O'Hara, 1999). См.: Балацкий Е. Как из высшего образования в России раздули пузырь // Капитал страны. 2017, 23 января. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://kapital-rus.ru/articles/article/kak_iz_vysshego_obrazovaniya_v_rossii_razduli_puzyr/ (дата обращения: 31. 01.2017). К сожалению, подобная практика все более получает распространение и в российских университетах.

петентнее, чем сеть запоминающих устройств в деле передачи установленного знания или чем междисциплинарная группа в деле разработки новых технических приемов или новых игр. С другой, — студент уже изменился и должен измениться еще¹.

Самая простая трактовка образовательного процесса — субъектно-объектное отношение, в процессе которого транслируется жизненный опыт старшего поколения. Субъект-объектные отношения реализуются в стремлении школы формировать личность согласно требованиям общества, приспособить ученика к существующим социальным условиям. В какой-то мере это соответствовало общей функции традиционной социологии, характеризую которую, З. Бауман отмечал: «Социология стала рассматривать общество как объект манипуляции, внутренние свойства которого нужно лучше узнать, чтобы он стал податливее и восприимчивее к той форме, которую ему захотят придать»². В русле такого подхода роль учителя как бы сводилась к функции государственного служащего. Образование как субъектно-объектный процесс — не просто взаимодействие «учитель-ученик», а, скорее, отношение «государство-школа». Но в последнее время усилиями многих теоретиков (особенно в рамках концепции «педагогики сотрудничества») показано: образование нужно понимать и как «субъектно-субъектное» отношение, что означает рассмотрение человека как основной цели, ценности, меры образования.

Гуманизация системы образования — это создание оптимальных условий для развития способностей каждого ученика, каждого студента для формирования творческой индивидуальности. И тут мы сталкиваемся с очевидным парадоксом современных систем образования: они, как и многие другие социальные институты, оказывают на индивида уподобляющее воздействие с целью его подготовки к профессиональной деятельности. Однако в современных видах деятельности (и особенно в науке) возрастает значимость способности человека к творчеству, которая нередко выхолащивается системой образования.

Изменение целей и содержания образования требует перемен в технологии обучения. В этом случае говорят об активности ученика и диалогичности самого процесса образования. Дискуссия между представителями этих точек зрения привела к пониманию, что эти подходы в сущности взаимодополнительны. Идея взаимодополнительности позволила говорить об интегративности и процессуальности процесса образования.

Итак, образование — не просто обстоятельство, а необходимое обстоятельство: пока существует человеческое общество (разделенное по полу, воз-

1 Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. — М. : Институт экспериментальной социологии; СПб. : Алетейя, 1998. — С. 18; 129.

2 Бауман З. Мыслить социологически : учеб. пособие / пер. с англ. под ред. А. Ф. Филиппова. — М. : Аспект-Пресс, 1996. — С. 35.

расту и труду), будет существовать процесс образования. Но формы этого процесса будут постоянно изменяться. Субъекты образования — «учитель, педагог» и «ученик, студент» — могут рассматриваться как его функции. А это позволяет объединить проблему формы и содержания образования с субъектным и структурно-функциональным подходами. Это не две разные проблемы, а одна проблема, выступающая в разных обликах. Наконец, образование — не только обстоятельство, не только необходимое обстоятельство, но и постоянное обстоятельство. Образование всегда связано с определенной социокультурной сферой, оно является одним из наиболее динамичных факторов воздействия на социальные процессы. Это позволяет охарактеризовать образование как важнейший социальный институт общества конца XX — начала XXI вв. и как особый вид человеческой деятельности по получению знаний, умений, по формированию личности.

Возможны два подхода к социологии образования: институциональный подход и личностный подход.

Образование как социальный институт выступает в различных проявлениях, исследование которых и составляет предмет социологического анализа:

- сфера жизни общества, на которую воздействуют различные социальные условия, определяющие многоплановость социальной среды школы, педагогической среды;
- важный канал социальной мобильности, воспроизводства социальной структуры и социально-профессиональной структуры общества (и — соответственно — воспроизводства усиливающегося в российском обществе социального неравенства¹);
- реализация разнообразных функций и институционализированная форма удовлетворения разнообразных образовательных потребностей обучающихся²;
- особый вид социального пространства, структура образовательного пространства определяется уровнями и профилями образования (уровни — дошкольное, начальное, среднее, высшее, послевузовское; профили — общее, профессиональное: техническое, гуманитарное, социально-экономическое, естественно-научное; педагогическое, инженерное, юридическое, сельскохозяйственное и т. д.), его масштабами (глобальное, европейское, федеральное, региональное, муниципальное и т. д.), взаимосвязью между его отдельными компонентами;
- сеть образовательных учреждений, организаций, различающихся по характеру и уровню материально-технической базы. Реальный раз-

¹ Константиновский Д. Л. Неравенство и образование. Опыт социологических исследований жизненного старта российской молодежи (1960-е годы — начало 2000-х). — М. : ЦСП, 2008. — 552 с.

² Образование как социальный институт [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://socio.rin.ru/cgi-bin/article.pl?id=627> (дата обращения: 11.06.2016).

рыв в этих условиях педагогического процесса, в стартовых позициях для педагогических инноваций должен учитываться при оценке их возможностей и результатов;

- форма занятости и трудоустройства работников этих учреждений, характеризующаяся определенной степенью и качеством кадрового обеспечения отрасли в масштабах страны, отдельных регионов и территорий;
- процесс обучения, включающий и субъектов (Учитель, Преподаватель-Ученик, Студент), и содержательную сторону (учебные планы, программы с набором определенных предметов, дисциплин, курсов). Соответственно, применительно к системе образования можно говорить об особых социальных общностях (педагоги и учащиеся) и об учебной и обучающей деятельности как особых видах социокультурной деятельности;
- определенная ценность, связанная с установками, интересами, ориентациями и учащихся, и их родителей, и педагогов;
- определенные результаты, уровень и качество образования, степень их соответствия не только индивидуальным склонностям учащихся, но и многообразным запросам общества, рыночной экономики. Речь идет о функциональной грамотности современного выпускника школы, его готовности к жизни и работе в XXI в. Отсюда — перенос акцента с непосредственных результатов обучения на формирование у учащихся современных методов анализа, мышления, потребности в самообразовании;
- сфера образовательных услуг, в развитии которой надо все более ориентироваться на разнообразные (и по содержанию, и по готовности оплатить их частично или полностью) запросы и потребности учащихся и их родителей;
- различные формы организации управления учреждениями образования и педагогическим процессом;
- система проектирования будущего, на что обратил внимание еще в 1980 г. Ф. Р. Филиппов: «Образование как система — это уникальный социальный институт, призванный развивать и преумножать человеческий капитал, формируя идеи, социально-значимые идеалы, мировоззренческие позиции, надежды, конструирующие как будущее общество в целом, так и судьбу отдельных людей. Образование — это система проектирования будущего»¹.

При всей значимости институционального аспекта социологии образования сегодня все более на первый план выходит ее личностное измерение — потребности, установки, мотивы, ценностные ориентации образовательной деятельности молодых людей. Социологи все чаще изучают образовательные интересы.

¹ Филиппов Ф. Р. Социология образования. — М. : Наука, 1980. — С. 19.

Связь «ученик — школа» («студент — вуз») проявляется многопланово.

Обновление содержания образования, педагогические эксперименты и инновации во многом определяют характер учебной деятельности ученика, студента. В школе (вузе) он получает не только знания и умения, но и формируется его потребность в непрерывном образовании, навыки самообразования. Общаясь с учителями (педагогами, преподавателями) и сверстниками, одноклассниками (сокурсниками), он приобретает столь необходимый для последующей жизни опыт общения в коллективе и умение соотносить свои интересы с интересами других¹. Наличие такого опыта поможет молодому человеку адаптироваться в новом для него коллективе (трудовом, учебном). Именно в школе и вузе у взрослеющего подростка и молодого человека формируются жизненные ориентиры и ценностные ориентации, во многом определяющие его дальнейший жизненный путь. И сегодня актуально (может быть, даже еще более актуально, чем раньше) мнение российского мыслителя И. Ильина: «Образование без воспитания не формирует человека, а разнуздывает и портит его, ибо оно дает в его распоряжение жизненно выгодные возможности, техническое умение, которыми он, бездуховный, бессовестный, безверный и бесхарактерный, начинает злоупотреблять»². В этой связи особую значимость приобретает такая функция Школы, как «легитимизация» — принятие и признание субъектами знаково-символических систем (дисциплин) как своего собственного знания, как ориентиров поведения³. Наконец, обучение в школе, колледже, — это период профориентации, выбора профессии и первичной профподготовки, а обучение в вузе — освоение профессий, требующих высокой квалификации, профессиональное самоопределение.

Основное направление перемен — от субъектно-объектных отношений к субъектно-субъектным. Поворот к демократическому типу социально-педагогического взаимодействия предполагает, прежде всего, изменение в ориентациях педагогов в сторону утверждения принципа гуманизма: понимание человека как основной цели, ценности, меры образования. Основной

¹ Как образно выразился французский историк воспитания и образования А. Марру, «любое высшее образование включает глубокую, цельную и личную связь между учителем и учеником, где элемент чувства, чтобы не сказать страсти, играет значительную роль». Марру подчеркивает: «Когда грек говорит об «образовании ребенка», речь идет, прежде всего, и о моральном воспитании. Весьма значима в этом отношении семантическая эволюция (начатая в эллинистическом периоде), которая привела слово «педагог» к его современному значению «воспитатель»: дело в том, что этот скромный раб играл в воспитании ребенка более важную роль, чем школьный учитель; последний — не более чем ремесленник, занимающийся узким сектором понимания; напротив, педагог находится рядом с ребенком в течение всего дня, посвящает его в хорошие манеры и в добродетель, учит его держать себя по отношению к окружающему миру» (Марру А.-И. История воспитания в античности (Греция) / пер. с фр. А. И. Любжина, М. А. Сокольской, А. В. Пахомовой. — М.: «Греко-латинский кабинет», 1998. — С. 132).

² Ильин И. А. О грядущей России. Избранные статьи. — М., Воениздат, 1993. — С. 52.

³ Нечаев В. Я. Дисциплинарность — организационный принцип школьного образования // Педагогика. — 2000. — № 5. — С. 29.

смысл нового типа социально-педагогического взаимодействия — поворот к формированию культурного, духовного, «человеческого» потенциала, который будет востребован в будущем. Из прошлого опыта отбирается то, что необходимо для будущего.

Высшее образование в современном обществе призвано выполнять две миссии: социализацию молодежи и профессиональную подготовку, т. е. подготовку гражданина и подготовку специалиста. Не выполняя в должной степени функции подготовки к миру труда, оно не может в полной мере готовить подрастающее поколение к жизни в усложняющемся обществе в качестве его активных и созидательных граждан. Поэтому при всей важности задачи социализации высшая школа должна быть сегодня в первую очередь ориентирована на достижение нового качества профессиональной подготовки. Для этого высшее образование должно развиваться по нескольким направлениям: обновление содержания и методов (технологии) обучения, структурные, институциональные преобразования, изменение практики финансирования и управления вузами¹.

При всей сложности и противоречивости развития высшего образования в России было бы неверно не замечать и определенные сдвиги, нередко качественного характера. Прежде всего, можно говорить о серьезных успехах в преодолении «трех китов» авторитарной педагогики («три Е» — Единомыслие, Единодушие, Единообразие в содержании, методах, формах образования). При этом нужно отказаться и от понимания образования как результата усвоения систематизированных (а нередко и несистематизированных) знаний, умений и навыков. Такой подход позволяет сформировать лишь «человека умелого», способного действовать только по жестко заданной схеме в заданных условиях, рассматривающего образование только как инструментальную ценность. Важно в образовании видеть не результат обучения, а «процесс накопления, усвоения, передачи и преобразования социального опыта»². Именно при таком подходе образование становится самоценностью, а человек — личностью, способной самостоятельно и творчески включаться и преобразовывать социальную реальность, быть успешным. Для такой личности принцип «образование через всю жизнь» станет наиболее значимым жизненным принципом.

Представляет интерес позиция Т. Э. Петровой о необходимости синтеза антропо- и культуросообразной моделей высшего образования как способа воспроизводства нового социокультурного типа личности. Соответственно, она определяет студенчество в духе нового времени как «неоднородную социокультурную общность потребителей высшего профессионального образова-

¹ Колесов В. П. Назревшие проблемы модернизации высшей школы // Вестник МГУ. Серия 6. Экономика. — 2012. — С. 7.

² Григорьев С. И., Матвеева Н. А. Неклассическая социология образования начала XXI века. — Барнаул : Изд-во АРНЦ СО РАО, 2000. — С. 33.

ния, характеризующуюся разнообразием стилей деятельности»¹. Возрастает конкуренция за «место под солнцем», что требует от студенчества решения сложной проблемы: сохранить и развить собственное «Я» и освоить профессионально-нравственную культуру (профессионально-нравственные ценности, нормы, принципы, способы и средства жизнедеятельности личности, обеспечивающая оптимальную реализацию жизненных и профессиональных задач и целей). Профессионально-нравственная культура охватывает специальные, технические, экономические, социально ориентированные знания, органически соединенные с умениями и навыками; способность к творческой деятельности, к восприятию нового, к внимательному отношению к чужому мнению, к смене стереотипов; активную жизненную позицию, нацеленную на создание нового, перспективного.

Для современного студента одинаково важно сегодня и умение «проявить себя» (выбрать сферу творчества, любимое занятие, хобби; определять свои возможности и способности, критически относиться к себе, объективно выявлять свои «плюсы» и «минусы»), и умение «подать себя» (заявить о себе), выступающее серьезным мотиватором поведения, ведь пассивное ожидание («тебя сами заметят») непродуктивно. Умение «подать себя» учит и внимательно относиться к другим людям, определять ответную реакцию на конкретные действия. Внимательное и уважительное отношение к другим — важный момент социально активного поведения.

Еще Г. Спенсер выделял *прямое* значение знания («собрание сведений, пригодных в жизни для выполнения тех или иных задач») и *косвенное* («чтобы человек умел руководить своими поступками во всех сферах деятельности и при всевозможных обстоятельствах»). В современной социологии образования особо подчеркиваются его культурные функции. По оценке Г. Е. Зборовского, «образование — фундамент культуры не только с точки зрения общественных учреждений и организаций, но и в личностном плане. Ведь получение образования есть не что иное, как процесс пробуждения, формирования и реализации потребностей в создании, потреблении и распространении ценностей культуры»².

Особенно актуальна сегодня футурологическая переориентация образования в связи со становлением информационного общества, «в котором создание и распространение товаров и услуг в решающей степени зависит от производства, обработки и передачи информации, которое сосредоточено на производстве и широком распространении (потреблении) нового знания»³. Для такой переориентации продуктивно разграничение образования

¹ Петрова Т. Э. Российское студенчество и высшее образование. — М., 1995.

² Зборовский Г. Е. Понятие, функции и структура социологического образования // Социология, 2004. — № 3—4. — С. 95.

³ См.: Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А. Образование как ресурс информационного общества // Социологические исследования, 2005. — № 7. — С. 107.

на реальное («то, которое существует сегодня»), заявляемое («то которое должно прийти на смену реальному в ближайшей перспективе (5–10 лет) и преследует цель его совершенствования и улучшения») и потенциальное («качественно отличное от реального и заявляемого, которое отдалено от последнего на такой же порядок лет (5–10 лет) и определяется рядом характеристик — содержательного и формального, социального и индивидуально-личностного плана»)¹.

Таковы в общих чертах те принципы и подходы, из которых исходил авторский коллектив в разработке программы и инструментария мониторинга, их корректировке и интерпретации полученных данных на протяжении всех его этапов.

¹ См.: Шарыгин И. Образование и глобализация. Российское образование в условиях глобализации // Новый мир, 2004. — № 10; Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А. Образование как ресурс информационного общества // Социологические исследования, 2005. — № 7. — С. 107–113.

II. МОДЕРНИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ФАКТОР ИЗМЕНЕНИЙ СОЦИАЛЬНОГО СОСТАВА И СТАТУСА СТУДЕНТОВ СВЕРДЛОВСКИХ ВУЗОВ

Существенным фактором, влияющим на социокультурные ориентации современного студенчества, являются организационно-институциональные изменения в системе высшего образования¹.

Современный этап развития высшего профессионального образования достаточно хорошо изучен и характеризуется следующими признаками:

- смена образовательной парадигмы от «образования на всю жизнь» к «образованию в течение жизни», основанного на информационных технологиях передаче знаний;
- всеобщая массовизация, связанная с «болонизацией» образования и формированием подхода к образованию как коммерческой услуге и непосредственно проявляющейся в стремительном развитии негосударственных вузов, распространении систем вузовских филиалов и представительств, развитии систем дистанционного обучения, формировании системы академической мобильности через уровневую систему подготовки, участие в программах межвузовского и вариативного обучения;
- непрерывный на протяжении последних десятилетий и возрастающий по степени интенсивности процесс реформирования образования, связанный сначала с разнонаправленными, в большей части деструктивными процессами построения общества рыночного типа, а затем — с начала тысячелетия² — с процессами вхождения в глобальное образовательное пространство и модернизационного развития системы образования.

¹ См.: Высшая школа России: разнообразие форм, ресурсы, перспективы («Круглый стол») // Социологические исследования. — 2006. — № 8. — С. 99–106; Завалько Н. А. Стратегические аспекты эффективного функционирования высшей школы в условиях рыночной системы. — Екатеринбург : Изд-во УрГЭУ, 2010. — 234 с.; Шереги Ф. Э., Савинков В. И. Образование как фактор формирования интеллектуального потенциала России. — М. : ЦСПиМ, — 2011, 288 с.; и др.

² Основные идеи модернизации образования были провозглашены 29 августа 2001 г. на заседании Государственного Совета при Президенте России и положены в основу Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2001 г. № 1756-р).

Помимо общей ситуации в стране, отнюдь не внушающей большого оптимизма, перед системой высшего образования стоит чрезвычайно сложная проблема вступления в европейское образовательное пространство, что связано с выполнением целого ряда требований Болонского процесса. Речь идет о том (используем образное сравнение Г. Е. Зборовского), чтобы «проплыть между Сциллой и Харибдой»: «Сциллой» собственных достижений в сфере образования, в области фундаментальной общенаучной и профессиональной подготовки кадров специалистов и «Харибдой» основных болонских положений, многие из которых отрицают необходимость такого фундаментального профессионального образования.

Болонская декларация (1999) определила общие задачи создания к 2010 г. Единого общеевропейского пространства высшего образования. Основной принцип — соответствие развития образования и создания в Европе самой конкурентоспособной и динамичной экономики в мире, основанной на знаниях и способной обеспечить устойчивый экономический рост, большее количество и лучшее качество рабочих мест и большую социальную сплоченность.

Для социологии образования особенно значимы были такие идеи декларации:

- понимание образования как общественного блага и общественной ответственности;
- важность вклада сферы высшего образования в процесс реализации непрерывного образования, обучения в течение всей жизни;
- неотделимость роста конкурентоспособности от улучшения социальных характеристик общеевропейского пространства высшего образования, укрепления социальных связей и уменьшения социального неравенства;
- сохранение европейского культурного богатства и языкового разнообразия, основывающихся на культурном наследии различных традиций;
- увеличение совместимости и сопоставимости образования, создание более прозрачных структур высшего образования и улучшение качества высшего образования на уровне вузов и на национальном уровне.

Развитие общеевропейского пространства высшего образования должно быть основано на растущем качестве высшего образования. Соответственно, растет потребность в разработке общих критериев и методологий по обеспечению качества высшего образования. К реальному участию в Болонском процессе каждой страны (и особенно страны с такими устойчивыми традициями и специфическими особенностями системы образования, как Россия) нужно подходить на основе серьезного и системного научного анализа. Такой анализ по необходимости должен быть междисциплинарным.

Образование должно рассматриваться не только через призму институционального подхода (как перечень мер по реорганизации системы образования,

перехода ее на двухуровневую структуру), не только с позиций изменения содержания и организации учебно-педагогического процесса, но и в более широком — социокультурном — измерении. И здесь на первый план выходит социологический анализ. Социологический подход — реалистический подход. Поэтому столь важно видеть две противоречивые тенденции в развитии системы образования современной России:

- медленно преодолеваются последствия длительного социально-экономического кризиса, что усложняет положение системы образования; «остаточный подход» не только не был преодолен, но еще более усилился. Особенно негативно это сказалось на обновлении материально-технической базы образовательных учреждений, внедрении современных информационных технологий, социальном положении педагогов (преподавателей) и учащихся (студентов), подготовке и трудоустройстве выпускников общеобразовательных и профессиональных (начальных, средних и высших) учебных заведений;
- одновременно система образования оказалась не только одной из наиболее стабильных социальных структур, но и способной к обновлению, реформированию, качественному изменению содержания образования и методики преподавания, реализации инновационного потенциала.

Высшее образование России на современном этапе включено в общий социальный процесс трансформационных изменений общества через модернизацию образования, которая имеет достаточно четко сформулированные цели (создание механизма устойчивого развития системы образования¹, переход к инновационному образованию — «обучение в процессе создания новых знаний — за счет интеграции фундаментальной науки, непосредственно учебного процесса и производства»² и повышение качества образования) и задачи³. Однако современное состояние высшего профессионального об-

¹ Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года (Приложение к приказу Минобрнауки России от 11.02.2002 № 393) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://upr.1september.ru/2002/28/2.htm> (дата обращения: 18.09.2013).

² Высшее образование [Электронный ресурс] // Совет при Президенте России по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике. Режим доступа: <http://www.rost.ru/projects/education/ed3/ed31/aed31.shtml> (дата обращения: 03.02.2014).

³ Это обеспечение государственных гарантий доступности и равных возможностей получения полноценного образования; достижение нового современного качества дошкольного, общего и профессионального образования; формирование в системе образования нормативно-правовых и организационно-экономических механизмов привлечения и использования внебюджетных ресурсов; повышение социального статуса и профессионализма работников образования, усиление их государственной и общественной поддержки; развитие образования как открытой государственно-общественной системы на основе распределения ответственности между субъектами образовательной политики и повышения роли всех участников образовательного процесса обучающегося, педагога, родителя, образовательного учреждения (см.: Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (утверждена распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1—2-р.) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.mon.gov.ru (дата обращения: 03.02.2014)).

разования показывает, что этот процесс не достиг заявленных результатов¹, и последствия его неоднозначны. Для понимания характера изменений, происходящих с системой высшего профессионального образования в ходе модернизации, представляется важным вновь обратиться к теоретическому анализу понятия «модернизация».

Феномен *модернизации* (так же, как и понятие «модерн») представляется трудным и неоднозначным — от смены общественных отношений до сложного глобального процесса, протекающего во всех ключевых сферах жизнедеятельности общества. Представители различных гуманитарных наук, экономисты, политики понимают под этим термином различные варианты изменения общественного устройства:

- переход от традиционного к «обновленному» обществу;
- интерпретацию и опыт переходных состояний;
- способ перехода к «западному» типу общественного устройства («вестернизация»);
- модель перехода от индустриального общества к обществу информационному (или обществу знаний, или постиндустриальному обществу);
- теоретический конструкт, создаваемый для изучения таких состояний;
- национальную задачу возрождения страны и способ изменения воспроизводства культуры.

Современное понимание модернизации происходит от толкования французского *moderne* («модный, современный») и заключается в действии, направленном на изменение объекта в соответствии с требованиями современности, его усовершенствование, т. е. ключевыми понятиями теории модернизации являются термины «современность» и «модерн». Его корни берут свое начало в эпохе возникновения протестантского общества, смены общественного устройства европейских средневековых государств в соответствии с новым миропониманием и связаны с поиском границ традиционно-го и современного. Но большая часть исследователей связывает модернизацию с понятием «индустриализация»². Некоторые исследователи «уводят» возникновение понятия «модерн» вплоть до V в. н. э.³

Очевидно, что модернизация — это междисциплинарный термин, описывающий исторические изменения глобального масштаба с точки зрения философии, истории, культурологии, социологии и других наук. Процессы социального изменения, в ходе которых возникают противоречия между различными социальными институтами, являются сложными, многоуров-

¹ Пономарев А. В. Социокультурная трансформация высшего образования России // Российское образование в условиях социальных трансформаций: социологические очерки / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. — Екатеринбург : УГТУ-УПИ, 2009. — С. 573.

² Егоршева О. И., Римский В. П. Культурно-исторические смыслы «современности», или Когда начинается «Новое время» // Современная социокультурная динамика и духовная жизнь : сб. статей. Вып. 1. — Белгород, 2002. — С. 111–120.

³ Ионин Л. Г. Социология культуры : учебное пособие. 2-е изд. — М. : Логос, 1998. — С. 20.

невыми и разнообразными. Возникновение теорий модернизации связано с попытками объяснить механизмы смены старых общественных структур и зарождения новых, осмысления значимости традиционализма и новаторства, выявление последовательных стадий социокультурного развития, изучение специфики и многообразия факторов, характеризующих различия между странами и народами, эпохами и культурами.

Концепции модернизации, созданные в рамках *философского* подхода, *разнотипные* по составу и содержанию, стремятся объяснить сущность понятия «современность» (*modern*), закономерности перехода от «несовременных» обществ к современному обществу и далее — к эпохе «постсовременности», а через этот процесс определить место и роль модернизации в миросистеме, в изменениях мироустройства¹.

Близкие к ним *антропологические* теории ищут смысл модернизации в изменении самого человека (например, модернизация представляется как изменения способов познания окружающего мира²). *Культурологический* подход состоит в изучении проблем модернизации через связь процессов изменения общества с состоянием его культуры, системы ценностей, преобладающих стереотипов в целом, через ощущения человека, сталкивающегося с проблемой традиционности и современности и воспринимающего ее в своей повседневности, а также через проблематизацию смены идентичности в процессе модернизации³.

В рамках *технологического* подхода модернизация рассматривается как серия изменений в технических устройствах и источниках энергии, используемых обществом в конкретных исторических, географических условиях, соответствующих им способам производства вещей, продуктов, товаров и сменами технологических укладов⁴.

¹ Ерасов Б. С. Цивилизационные измерения модернизации. Концепции симбиоза, конфликта и синтеза культур Запада и Востока // Сравнительно изучение цивилизаций: сб. статей. — М., 1998. — С. 486–491; Каспэ С. И. Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. — 256 с.; Мариносян Х. Э. Императивы модернизации национального государства в эпоху глобализации // Философские науки. — 2011. — № 1. — С. 5–17.

² Шевелев В. Н. Антропологический дискурс в изучении российской модернизации [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.teoria-practica.ru/-2-2009/philosophy/shevelev.pdf> (дата обращения: 20.03.2014); Лукичев В. Ф. Основные направления и проблемы социально-экономической модернизации регионов России // Социальные вызовы модернизации регионов России: материалы II Тюменского социологического форума 28–29 июня 2011 г. / под ред. М. М. Акулич, Г. С. Корепанова, В. А. Юдашкина. В 2 ч. Ч. 2. — Тюмень: Издательство ТюмГУ, 2011. — С. 29.

³ Межуев В. М. Российская модернизация и культура // Философские науки. — 2011. — № 1. — С. 18–31; Паин Э. А. Многокультурная модернизация: эволюция теоретических взглядов // Общественные науки и современность. — 2009. — № 6. — С. 37–54.

⁴ Каблов Е. Н. Шестой технологический уклад [Электронный ресурс] // Наука и жизнь. — 2010. — № 4. — С. 2–7; Львов Д. С., Глазьев С. Ю., Фетисов Г. Г. Эволюция технико-экономических систем: возможности и границы централизованного регулирования. — М.: Нау-

Концепции модернизации, разрабатываемые в рамках *экономического* подхода, рассматривают модернизацию сквозь призму процессов производства материальных благ, их обмена, потребления. Они сосредотачивают внимание на изменениях в инвестиционных, распределительных, внешнеэкономических и им подобных процессах; отражаются эти изменения в различных элементах экономических систем: предпринимательство, рынки, финансы, труд, благосостояние населения и так далее¹.

Политологический подход к исследованию проблем модернизации состоит в изучении изменений в политическом устройстве общества, управлении государством, распределении власти и влиянии этих изменений на другие общественные институты. Центральное место в таких исследованиях занимают политические партии и элиты, интересы и возможности различных политических групп, изменения в политических системах и институтах².

Таким образом, модернизация в рамках перечисленных научных подходов изучается как процесс изменения отдельных элементов социальной системы или их групп и результатов функционирования этих элементов.

Модернизация как феномен, характеризующий развитие различных стран, входящих в мировое сообщество, а также модернизация российского общества получила многочисленное и разнообразное отражение в мировой и отечественной социологии. В одних социологических концепциях и парадигмах она рассматривается главным образом как «догоняющая» (преодоление технико-экономической отсталости и зависимости от передовых стран Запада)³ и «неорганическая»⁴ в отличие от модернизации «органической» (пе-

ка, 1992; Мартынов А. В. Технологическая модернизация — составляющая экономической трансформации [Электронный ресурс] // Финансы.ру. — Режим доступа: http://www.finansy.ru/st/post_1286800571.html (дата обращения: 11.05.2013).

¹ Иноземцев В., Кузнецова Е. Модернизация по остаточному принципу [Электронный ресурс] // Центр исследований постиндустриального общества. — Режим доступа: <http://postindustrial.net/2010/01/modernizaciya-po-ostatochnomu-principu/> (дата обращения: 12.02.2013); Принуждение к инновациям: стратегия для России. Сборник статей и материалов / под ред. В. Л. Иноземцева. — М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2009. — 288 с.; Ясин Е. Г. Модернизация и общество: доклад к VIII Международной научной конференции «Модернизация экономики и общественное развитие», Москва, 3–5 апреля 2007 г. — М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2007. — 114 с.

² Володин А. Г. Гражданское общество и модернизация в России (истоки и современная проблематика) // — Полис. — 2000. — № 3. — С. 104–116; Инновационная модернизация России. Политологические очерки [Электронный ресурс] / под ред. Ю. А. Красина. — М.: Институт социологии РАН, 2011. — 1 электрон. опт. диск; Козловский В. В., Уткин А. И., Федотова В. Г. Модернизация: От равенства к свободе. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. — 280 с.; Поляков Л. В., Федотова В. Г. Что дает для понимания современного политического развития России теория модернизации? [Электронный ресурс] // Россия в зеркале политологии. — М.: Просвещение, 2001. — Режим доступа: http://www.iu.ru/biblio/archive/noname_ruzerp/default.aspx (дата обращения: 19.11.2013).

³ Федотова В. Г. Модернизация «другой» Европы. — М.: ИФ РАН, 1997. — С. 50–62.

⁴ Поляков Л. В., Федотова В. Г. Что дает для понимания современного политического развития России теория модернизации? [Электронный ресурс] // Россия в зеркале политоло-

реход наиболее развитых стран в состояние «постмодерна» или «общества знания»); «рецидивирующая» (периодически повторяющиеся попытки преодолеть экономический разрыв между Россией и странами западного мира с постоянным нарастанием «социальной цены» за сокращение экономического разрыва)¹; «консервативная» («модернизация в рамках существующей властной вертикали, политической системы, экономической и социальной политики и нынешней команды..., исключающая мобилизацию общества для рывка страны в новую экономику»)². В.Л. Иноземцев называет такой подход «модернизаций по остаточному принципу» и ставит вопрос о невозможности модернизации России³, трактуя модернизацию как способность государства к внедрению принципиально новых комплексов технологических решений в системообразующие отрасли российской экономики.

Другие авторы считают этот процесс объективно происходящим и развивающимся, хотя и не без отступлений и колебаний. А.А. Давыдов характеризует модернизацию как сложную систему социальных изменений, изучать которую необходимо, исходя из теории сложных систем, и призывает к «широкому использованию системной социологии»⁴ при ее исследовании. Такая позиция автора вытекает из специфики социологического подхода исследования модернизации, которая основана на изучении общества как целостной системы, объединяющей социальные общности, социальные институты и социальные процессы, выявлении изменений во взаимосвязях между элементами этой системы. Системный подход предполагает признание модернизации социальным феноменом, взаимосвязанным с окружающим ее социальным контекстом, изучение которого предполагает поиск причин, условий и факторов социальных изменений в пределах социальной реальности, основываясь на социологических теориях, социальных фактах и эмпирических данных.

Концепции модернизации общества заложены в трудах основоположников социологической науки и связаны, прежде всего, со становлением и развитием теории социальных изменений. О. Конт, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм явились родоначальниками эволюционистской ветви модернизационных теорий, базирующейся на положении об однонаправленности, прогрессивности. — М.: Просвещение, 2001. Режим доступа: http://www.iu.ru/biblio/archive/noname_ruzerp/default.aspx (дата обращения: 19.11.2013).

¹ Наумова Н. Ф. Рецидивирующая модернизация в России как форма развития цивилизации // Социологический журнал. — 1996. — № 3/4. — С. 5–27.

² Кива А. В. Многоликость российской модернизации // Общественные науки и современность. — 2011. — № 1. — С. 42–52.

³ Иноземцев В. О невозможности модернизации России // Российская модернизация: размышляя о самобытности / год ред. Э.А. Паина, О.Д. Волкогонова. — М.: «Три квадрата», 2008. — С. 145–165.

⁴ Давыдов А.А. Модернизация России, полезный опыт Китая и теория сложных систем [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://socioline.ru/files/6/183/modernizaciya_rossii_poleznyy_opyt_kitaya.doc (дата обращения: 23.08.2013).

ности и постепенности социальных изменений общества. К. Маркс и М. Вебер исследовали детерминанты социальных изменений, акцентируя внимание на роли в них разных социальных институтов: первый — экономических, второй — культурных. Культура и ее институты выступили критерием оценки изменений общественного устройства и в концепции Ф. Тенниса¹, который связал процесс перехода от аграрного к индустриальному обществу (понятие первичной модернизации) с изменением традиционных ценностей. Главным итогом первичной модернизации исследователи признают появление своеобразного эталона² общественного развития в виде капиталистического демократического либерального государства, примером которого стали в Западной Европе — Англия, в Северной Америке — США.

Под воздействием сложившихся образцов социальной организации и культуры в странах с менее развитой социально-экономической системой начались процессы, которые принято называть вторичной модернизацией. Основной вектор этих процессов состоял в попытках усовершенствования социального устройства в соответствии с упомянутым эталоном, то есть было необходимо создать общество индустриального типа в «отстающем» государстве.

Объяснить отмеченные процессы были призваны традиционные теории модернизации, возникшие в 1950-х и сер. 1960-х гг. и в обобщенном виде представленные П. Штомпкой. Он полагает, что в рамках этих теорий «модернизацию можно определить как приближение общества через осознанное осуществление определенных намерений, целей и планов к признанной модели современности, чаще всего к образцу какого-нибудь существующего общества, признанного современным»³. Решающим фактором данного типа модернизации стало экспансивное воздействие Запада, а основным содержанием теоретических конструкций — тезис о неизбежности повторения пути развития по западному образцу либо краха.

Модернизация в традиционных теориях рассматривалась как обязательное условие дальнейшего развития конкретного общества в рамках отставшего государства: усилия таких обществ направлены на то, чтобы догнать «ведущие, наиболее развитые страны, которые сосуществуют в одном историческом времени, в рамках единого глобального общества. Другими словами, в таком случае понятие «модернизация» описывает движение от периферии к центру современного общества»⁴. Отсюда следуют и другие наименования

¹ Теннис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии / *Gemeinschaft und Gesellschaft*. — СПб.: Владимир Даль, 2002. — 452 с.

² Паин Э. А. Многокультурная модернизация: эволюция теоретических взглядов // *Общественные науки и современность*. — 2009. — № 6. — С. 38.

³ Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / пер. с польск. С. М. Червонной. — М.: Логос, 2008. — С. 528.

⁴ Штомпка П. Социология социальных изменений / пер. с англ.; под ред. В. А. Ядова. — М.: Аспект-Пресс, 1996. — С. 170.

вторичной модернизации — «догоняющая», «неорганическая», «вестернизация»¹.

Следуя этим идеям, С. Хантингтон создал одну из самых разработанных концепций в ряду традиционных, признававших социальные изменения линейными и прогрессивными. Он представил модернизацию как *однонаправленный* социальный процесс, обладающий революционностью, комплексностью, системностью, глобальностью, временной протяженностью, ступенчатостью, способностью к гомогенизации структур разных обществ, необратимостью и прогрессивностью².

Дальнейшие исследования процессов модернизации привели к появлению в 1970–80-х гг. альтернативных теорий, основанных на признании разнонаправленности социальных изменений, происходящих в разных обществах в сходных исторических и социальных условиях. Модернизация на этом этапе стала рассматриваться не как условие, а как функция социокультурного, экономического, политического и иного развития. Для нас данные теории представляют интерес с позиций анализа неоднозначности и противоречивости модернизационных процессов, происходящих в российском обществе.

Так, например, Р. Ингларт признает западный образец модернизации одним из вариантов, не обязательно приводящим к демократии. Он считает, что модернизации присущи и «альтернативные последствия, причем наиболее ярким их примером служат фашизм и коммунизм»³. Именно через поливариантность он обосновывал сохранение социального разнообразия множества культур и общественных институтов современных постиндустриальных обществ, обладающих общими характеристиками (высокий уровень урбанизации, индустриализации, профессиональной специализации, использование науки и техники, опора на легитимную власть и др.), которые будут формировать мировоззрение большинства населения⁴.

Еще один аспект многовекторности модернизации связан с ее разрушительным потенциалом. В частности, Я. Келлер считает, что процесс модернизации, разрушая сложившиеся социальные институты, разрушает и социальное государство, оставляя шанс подняться по социальной лестнице лишь немногим и приводя к увеличению сектора «маргинальных и исключенных индивидов»⁵.

¹ Поляков Л. В., Федотова В. Г. Что дает для понимания современного политического развития России теория модернизации? [Электронный ресурс] // Россия в зеркале политологии. — М. : Просвещение, 2001. — Режим доступа: http://www.iu.ru/biblio/archive/noname_ruzerp/default.aspx (дата обращения: 19.11.2013).

² Huntington S. The change to change // Comparative politics in the post-behavioral era/Ed. by A. Cantory and A. Ziegler. — Boulder, Colorado: Lynne Rienner, 1988. — P. 360–363.

³ Ингларт Р. Модернизация и постмодернизация // Новая индустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В. Л. Иноземцева. — М. : Academia, 1999. — С. 267–268.

⁴ Там же. — С. 274–275.

⁵ Келлер Я. Модернизация — гуманизация общества или коррозия бытия: критические заметки о теории модернизации // Социологические исследования. — 2002. — № 7. — С. 48–52.

Ш. Эйзенштадт, разрабатывая теорию модернизации сквозь призму революций и социальных преобразований¹, инициировал серию исследований «множественных модерностей», получившую дальнейшее развитие в трудах П. Вагнера. Концепция модернизации последнего строится на идее о том, что «... современные (*modern*) общества существуют в плюральности форм, и что различия между ними можно анализировать через интерпретативное самопонимание этих обществ»².

Результатом разработки этого направления теорий модернизации стало оформление теорий постиндустриального (информационного) и глобального общества³. Суть этих теорий состоит в описании механизмов того, каким образом индустриальное общество, где преобладают промышленная (экономическая) сфера и такие институты, как корпорация и фирма, сменяется обществом постиндустриальным (или информационным), главной отличительной особенностью которого является рост научного знания и перемещение центра тяжести из экономики в сферу науки и культуры и, прежде всего, в научные организации (университеты). «Не капитал и материальные ресурсы выступают здесь ключевыми факторами, а информация, помноженная на знания и технологии»⁴.

Таким образом, в настоящее время концепция модернизации приобрела многовекторность в оценке развития обществ и обоснование сохранения их национально-государственного своеобразия в условиях глобализирующегося мира. Последнее обстоятельство — стремительное формирование единого глобального социального пространства, основанного на принципах информационного общества и связанных с ним рисков и угроз (начиная от экологических рисков планетарного масштаба и сохранения угроз глобальных войн и заканчивая возрастающей конкуренцией между странами «золотого миллиарда» и остальным миром) — составляет основное содержание концепций модернизации на современном этапе развития.

Представляется, что наиболее полно современное видение модернизации отражено в трудах Центра исследования модернизации и Группы исследования стратегий модернизации Китая (директор Центра и руководитель Груп-

¹ Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ: Сравнительное изучение цивилизаций. — М.: Аспект-пресс, 1999. — 416 с.; Eisenstadt S. N. Multiple modernities // *Daedalus*, 2000. — № 129. — Р. 1–29.

² Вагнер П. Социология: призвание и профессия. Интервью // *Журнал социологии и социальной антропологии*. — 2009. — Т. XII. — № 2. — С. 12.

³ Отметим, что существуют концепции, не связывающие модернизацию с крахом социалистической системы, а выводящие причины и формы ее реализации с проблемами стран «золотого миллиарда» (см., напр.: Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. — М.: Логос, 2003. — 368 с.).

⁴ Березуев Е. А. Актуальные философско-культурологические проблемы модернизации // *Гуманитарные и социальные науки*. — 2007. — № 5. — С. 7.

пы — профессор Хэ Чуаньци)¹. В них подвергнуты глубокому анализу все существующие концепции модернизации, по единым показателям исследовано ее состояние в 131 стране мира. В результате были предложены новое понимание и новые подходы к ее изучению, основанные на представлениях о модернизации как о длительном, глубоком социальном двухчастном процессе, имеющем две стадии — переход к индустриальному обществу (первичную) и переход к обществу знаний (вторичную).

Авторы этих исследований признают как последовательное, так и параллельное прохождение этих стадий одним государством, т. е. наличие интегрированной модернизации понимаемой как управляемое, координированное развитие первичной и вторичной модернизации. По их мнению, модернизация в XXI в. «есть комплексный способ решения политических и управленческих, экономических и социальных, культурных и личностных задач, которые в полном объеме стоят перед государствами, обществами и индивидами в контексте внутренних и внешних угроз и рисков; это совокупность процессов технического, экономического, социального, культурного, политического развития общества (страны и ее регионов). Целевые функции современной модернизации: безопасность государства и общества, устойчивое функционирование всех их структур, включая повышение условий жизнедеятельности населения (качества жизни) *не ниже среднего состояния*, достигнутого странами того мегарегиона человеческого сообщества, к которому относится данное общество»². В дальнейшем мы будем опираться на данный подход к определению сущности, содержания и критериев оценки российской модели модернизации, понимая под ней системный процесс, протекающий в противоречивом единстве и взаимодействии прогрессивных технических, экономических, социальных, культурных и политических изменений.

Критерием результативности данного процесса будет выступать полнота реализации целевых функций современной модернизации. Выявление особенностей протекания модернизации в России требует четкого понимания состояния и динамики ее процессов в сравнении с другими странами. При анализе следует учитывать, что модернизация в России третьего тысячелетия проходит с худших (по сравнению с другими странами мегарегиона) стартовых позиций. Учитывая гигантский экономический спад в период смены общественно-экономического строя конца 1980-х — начала 1990-х гг., нужно признать справедливость утверждения, что сегодня «речь идет о двух различных, но взаимосвязанных видах модернизации [индустриальной и информационно-знаниевой]. Задача состоит в том, чтобы правильно определить прио-

¹ Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / пер. с англ.; под общ. ред. Н. И. Лапина; предисл. Н. И. Лапин, Г. А. Тосунян. — М.: Издательство «Весь Мир», 2011. — 256 с.

² Там же. — С. 7.

ритеты инвестиций в оба из них, обеспечивая оптимальную их интеграцию»¹.

Отличительной чертой российской модернизации является сохраняющееся влияние традиционных социальных институтов (здесь необходимо заметить, что образование — один из таких традиционных институтов, который обладает огромной социальной инерцией, но в то же время от его соответствия требованиям общества знаний зависит скорость модернизации в целом), сформированных еще в советскую эпоху, на скорость и характер происходящих изменений. Развитие глобального информационного общества, возрастание динамичности общественной жизни, частая смена технологий привели к появлению множественных рисков и неопределенностей, повлекли значительные изменения в образе жизни, трудовой деятельности как отдельных социальных групп, так и обществ, поставили вопрос об управлении обществом в условиях трансформации стереотипов и ценностных ориентаций². Эта ситуация накладывает отпечаток на выбор концепций модернизационных изменений, методов и средств их осуществления.

С учетом этой ситуации основные задачи модернизации российского общества можно сгруппировать в три блока³:

- преодоление стихийно сформированной мозаичности структуры смешанной экономики (государственная, частно-государственная, частная формы собственности) с целью обеспечения развития инновационной экономики;
- создание условия для преодоления воспроизводства социальных неравенств, среди которых экономическое неравенство существенное, но не единственное, и обеспечение сбалансированного развития социальной структуры с целью обеспечения гражданам достаточного разнообразия правил созидания своего будущего;
- обеспечение конкурентоспособности со странами своего мегарегио-

¹ По оценкам Н. И. Лапина и Л. А. Беляевой, в 2006 г. Россия находилась во второй половине списка среднеразвитых стран мира (41-е место в мире, 22 место среди 25 европейских стран, в целом завершивших первичную модернизацию) и несколько выше середины среднеразвитых стран мира (31-е место), но продвинулась недалеко (66 %) в информационно-знаниевой модернизации. В итоге индекс интегрированной модернизации России составлял 59 %, что означало 37-е место среди 131 страны (Лапин Н. И., Беляева Л. А. От стабилизации к интегрированной модернизации России. Аналитический доклад Центра изучения социокультурных изменений [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.intelros.ru/strategy/gos_rf/9462-ot-stabilizacii-k-integrirovannoj-modernizacii-rossii-analiticheskij-doklad-centra-izucheniya-sociokulturnyx-izmenenij.html (дата обращения: 11.09.2013).

² Подробнее см.: Меренков А. В. Управление социальными процессами в неопределенном обществе // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: проблемы образования, науки и культуры. — Т. 113. — 2013. — № 2. — С. 167–174.

³ См.: Лапин Н. И., Беляева Л. А. От стабилизации к интегрированной модернизации России. Аналитический доклад Центра изучения социокультурных изменений [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.intelros.ru/strategy/gos_rf/9462-ot-stabilizacii-k-integrirovannoj-modernizacii-rossii-analiticheskij-doklad-centra-izucheniya-sociokulturnyx-izmenenij.html (дата обращения: 11.09.2013).

на не только на уровне экономик, но и на уровне социальных и политических институтов, уровней и качества жизни общества как целостного организма.

Очевидно, что для осуществления такой модернизации необходима единая государственная стратегия, которая сможет определить направления развития всех общественных институтов, включая и образование. При этом возникает вопрос — в чем состоит роль образования как социального института при осуществлении модернизации российского общества?

Стратегическое направление модернизации в России связано с повышением роли инновационного потенциала страны и более эффективным его использованием. В данном случае мы опираемся на выводы, которые сделал А. В. Кива, обобщая прогнозы и рекомендации академического сообщества и ряда независимых экспертов в данной области. В качестве наиболее действенного способа ее осуществления они выделяют опору на научные достижения, реиндустриализацию и новую промышленную политику, развитие собственного инновационного потенциала, борьбу с «вымиранием России», с падением духовности и нравственности, модификацию политической и гражданской системы, снимающую ограничения на пути модернизации¹.

Реализация такой стратегии уже требует особого внимания к процессам и результатам модернизации института образования. Здесь следует отметить, что ни один цикл модернизации российского общества не обходился без реформирования системы образования². Не стал исключением и современный этап. Но именно в последние десятилетия в отношении образования речь зашла не о реформировании, а о модернизации.

Для анализа последней необходимо выстроить понятийный аппарат и выяснить цели, задачи, принципы ее осуществления в связи с модернизацией общества в целом. Именно в такой связи и рассматривает модернизацию образования Г. Е. Зборовский, определяя ее как «систему глубоких трансформаций, направленных на замену либо частичное обновление сложившихся ранее схем, принципов и механизмов развития образования иными, соответствующими требованиям современного этапа общественных изменений в стране и в мире. Это значит, что модернизация образования должна связать процессы, происходящие в этой области в России, с теми, которые протекают в европейском и мировом образовательном пространстве. Собственно, на достижение этой цели и направлена вся отечественная социальная политика в области образования. Одним из ее конечных результатов должно стать повышение эффективности образования, трак-

¹ Кива А. В. Многоликость российской модернизации // Общественные науки и современность. — 2011. — № 1. — С. 42–52.

² См. напр.: Андреев А. Л. О модернизации образования в России. Историко-социологический анализ // Социологические исследования. — 2011. — № 9. — С. 111–120.

туемой в широком социально-экономическом и культурно-нравственном диапазоне»¹.

Государство понимает образование как «целенаправленный процесс воспитания и обучения в интересах человека, общества, государства, сопровождающийся констатацией достижения гражданином (обучающимся) установленных государством образовательных уровней (образовательных цензов)»². Новый Федеральный закон существенно расширяет это определение, характеризуя образование как «единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов»³.

Образование как социальный и научный феномен чрезвычайно многогранно. Не случайно в современной социологии оно рассматривается и как система образовательных учреждений, форм их управления и осуществляемых в них педагогических процессов; и как процесс передачи ценностей, умений и знаний от одного человека, группы, сообщества — к другим, а также результат такой передачи; и как базовый социальный институт⁴, выполняющий функции подготовки и включения индивида во все сферы жизнедеятельности общества, приобщающий его к культуре этого общества, транслирующий и развивающий культуру в целом; и как сфера образовательных услуг; и как вид деятельности по получению и передаче знаний, умений, и формированию личности.

Структура современного российского образования до последнего времени являлась общепризнанной и включала базовое и дополнительное об-

¹ Зборовский Г. Е. Модернизация образования сквозь призму социальной политики // Журнал исследований социальной политики. — 2010. — Т. 8. — № 1. — С. 87–104.

² Об образовании. Федеральный конституционный Закон от 10 июля 1992 года № 3266–1 [Электронный ресурс] // Консультант+: информационно-правовой портал. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/online/base/?req=doc; base=LAW; n=121836> (дата обращения: 23.11.2014).

³ Об образовании в Российской Федерации. Федеральный закон РФ от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ // Российская газета. — 30 декабря 2012 г.

⁴ Приведем определение Г. Е. Зборовского, Е. А. Шуклиной: «Образование — устойчивая форма организации общественной жизни и совместной деятельности людей, включающую в себя совокупность лиц и учреждений, наделенных властью и материальными средствами (на основе действующих определенных норм и принципов) для реализации социальных функций и ролей, управления и социального контроля, в процессе которых осуществляется обучение, воспитание, развитие и социализация личности с последующим овладением ею профессией, специальностью, квалификацией» (Зборовский Г. Е., Шуклина Е. Социология образования. — М.: Гардарики, 2005. — С. 127).

разование¹. Высшее профессиональное образование представлялось частью базового образования как системы и самостоятельным социальным институтом, в большой мере определяющим облик того общества, в среде которого оно функционирует.

Именно высшее образование готовит тех специалистов для всех сфер и отраслей, которые в свою очередь определяют социокультурные характеристики данного общества — специалистов высшей квалификации. Одновременно на высшее образование ложится ответственность и за подготовку специалистов элитной квалификации (аспирантура, докторантура — это неперенные атрибуты системы высшего профессионального образования и Академий наук) — те кадры, которые будут определять облик общества на протяжении длительного времени.

Федеральный закон об образовании (2012) определяет систему образования как совокупность пяти составляющих:

- федеральных, государственных и иных стандартов, требований, и образовательных программ;
- организаций, осуществляющих образовательную деятельность, педагогических работников, обучающихся и их родителей (законных представителей);
- органов государственной власти федерального, регионального и муниципального уровней, осуществляющих государственное управление в сфере образования, а также созданные ими консультативные, совещательные и иные органы;
- организаций, осуществляющих обеспечение образовательной деятельности, оценку качества образования;
- объединений юридических лиц, работодателей и их объединений, общественные объединения, осуществляющие деятельность в сфере образования².

Согласно этому документу, профессиональное образование выступает одним из уровней системы образования, обеспечивающих возможность реализации права на образование в течение всей жизни (непрерывное образование), и включает в себя:

- среднее профессиональное образование;
- высшее образование — бакалавриат;
- высшее образование — специалитет, магистратура;
- высшее образование — подготовка кадров высшей квалификации³.

Таким образом, новый закон, фиксируя переход к новой образователь-

¹ См., напр.: Социология: учеб. пособие для студентов педагогических вузов / под ред. Л. Я. Рубиной. 3-е изд., перераб. и доп. — Екатеринбург : УГПУ, 2004. — 224 с.

² Об образовании в Российской Федерации. Федеральный закон РФ от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ // Российская газета. — 30 декабря 2012 г. — Гл. 2. Ст. 10.

³ Там же.

ной парадигме «образования в течение всей жизни», существенно расширяет понятие образования, а за высшим образованием закрепляет три четверти социального пространства профессиональной подготовки, при этом убирая из его определения важнейшую характеристику — «профессиональное».

Модернизации образования посвящено значительное количество публикаций последних лет, имеющих большей частью критический характер. Как правило, эта критика направлена не на отрицание необходимости модернизации как таковой, а на способы постоянного реформирования системы ВПО и достигнутые результаты, существенно расходящиеся с продекларированными в основных государственных документах целями и задачами. В частности, в «Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года» понятие модернизации образования трактуется через целеполагание: «Главная задача российской образовательной политики — обеспечение современного качества образования на основе сохранения его фундаментальности и соответствия актуальным и перспективным потребностям личности, общества и государства. Цель модернизации образования состоит в создании механизма устойчивого развития системы образования»¹. Такое определение существенно сужает толкование этого процесса саморазвитием самой системы образования. Ученые, исследующие модернизацию образования, предлагают иные толкования целей и вытекающих из них проблем модернизации образования.

Прежде всего, многие авторы связывают модернизацию образования с модернизацией экономики страны. В работах М. К. Горшкова и Ф. Э. Шереги она справедливо трактуется как органическая часть модернизации экономики России. Однако у модернизации образования есть и другие функции, выходящие за рамки экономики. Нельзя ход и результаты модернизации образования отслеживать исключительно по экономическим показателям, поскольку в ее процессе должны произойти качественные изменения не только в системе, но и в самом институте образования, в тех социальных общностях (студенты, родители, преподаватели), взаимодействие которых регулируется данным институтом. Примечательно, что эти же авторы обращают внимание на то, что в результате должны произойти положительные изменения в образовательной практике на институциональном уровне². Л. Я. Рубина рассматривает модернизацию образования как средство, новую технологию образовательной деятельности, а не самоцель и тем более не оптимальный достигнутый результат. Цикл исследований в области общего и высшего образования, проведенный под руководством этого автора в постперестроечный

¹ Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года (Приложение к приказу Минобразования России от 11.02.2002 № 393) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://upr.1september.ru/2002/28/2.htm> (дата обращения: 18.09.2013).

² Модернизация российского образования: проблемы и перспективы / под ред. М. К. Горшкова и Ф. Э. Шереги. — М. : ЦСПиМ, 2010. — С. 58.

период и в настоящее время, позволил ей прийти к выводу, что одной из центральных проблем модернизации образовательной системы России является сохранение и оптимизация кадрового потенциала общей и высшей школы¹.

Неоднозначность и несоответствие самого хода модернизации образования и его результатов во многом определяется противоречивым взаимодействием традиционных и инновационных средств и способов ее реализации. В. П. Засыпкин трактует модернизацию образования как сложный, множественный процесс взаимодействия традиций и инноваций, в результате которого происходит не просто замещение традиций инновациями, а создается качественно новое состояние, основанное на сумме образовательных традиций и образовательных инноваций, доминирующих над традициями. Главной причиной срыва модернизации образования ученый называет «не сопротивление традиционной среды инновациям, а отсутствие нового институционального уровня, в рамках которого могло бы осуществляться продуктивное сотрудничество разнородных экономических и ценностных систем»². То есть, модернизация образования предполагает модернизацию его традиционности. В. П. Засыпкин обращает внимание на множественность модернизации, которая трактуется им в пространственном (как многообразие форм в различных обществах и разнородность характера в разных областях общественной жизни) и временном (как возможность повторения в одном обществе в разные эпохи) смыслах³.

Модернизация образования в целом и профессионального в частности представляет собой не просто множественный, но непрерывный процесс, что необходимо учитывать при оценке ее хода и результатов, на что обращает внимание Г. Ф. Шафранов-Куцев. Он пишет: «Модернизация профессионального образования для современного общества и амбициозного руководства страны — категорический императив, это навсегда. Ускорение темпов научно-технического и социально-экономического развития, постоянное обновление и усложнение технологий и форм производства и обслуживания приводит к тому, что завершение одной модернизации служит отправной точкой, началом следующей. Модернизация образования, в особенности профессионального — это навсегда, как и постоянная модернизация общественного производства, социальной сферы»⁴.

Таким образом, представления разных научных школ и специалистов о модернизации образования связываются с ее инновационностью, много-

¹ Рубина Л. Я., Баразгова Е. С., Лихачева Л. С. Российское образование до и в период его модернизации // Социально-гуманитарные науки в модернизации образования / Под ред. Л. Я. Рубиной. — Екатеринбург : Изд-во Урал. пед. ун-та, 2013. — С. 27–28.

² Засыпкин В. П. Модернизация педагогического образования в зеркале социологии. — Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2010. — С. 28.

³ Там же. — С. 28–29.

⁴ Шафранов-Куцев Г. Ф. Модернизация российского профессионального образования: проблемы и перспективы. — Тюмень : Издательство ТюмГУ, 2011. — С. 18.

направленностью, непрерывностью и противоречивым характером. Большинство исследователей обращает внимание на то, что в условиях «общества образования» сама модернизация образования должна быть «инструментом модернизации страны»¹.

Но ограниченность большинства подходов, как нам представляется, состоит в том, что в них отсутствует характеристика целевой направленности модернизации образования на развитие человека. Мы считаем, что к приведенным характеристикам модернизации необходимо добавить еще одно важное качество, основное целеполагание данного процесса, — направленность на развитие человеческого потенциала общества и его отдельных групп.

Поскольку само понятие модернизации тесно связано с анализом системных трансформационных изменений в российском обществе, то в данном случае крайне важно обратить внимание на предложенную в свое время Т. И. Заславской методологию исследования этих процессов. Под трансформацией российского общества она предлагала понимать «многокомпонентный, многосторонний процесс, все стороны которого тесно связаны» и подчеркивала, что «объяснить социально-экономические сдвиги, происходящие в нашем обществе, абстрагируясь от политических, правовых, культурных процессов, невозможно»². Модернизация, в свою очередь, базируется на взаимосвязанном анализе трех индикаторов — эффективности институциональных систем, качества социальных структур и уровня человеческого потенциала. Эта концепция является весьма полезной при оценке модернизационных процессов, происходящих в настоящее время в России и в системе ее высшего профессионального образования. При этом особое внимание необходимо обратить на то, что в основание ее «социетального треугольника», характеризующего посткоммунистическое социальное пространство, положен именно человеческий потенциал, понимаемый как синтез населения и культуры, а анализ сдвигов в человеческом потенциале означает соотнесение итогов трансформационных процессов с общепринятыми критериями модернизации³.

Категория «человеческий потенциал» в российской социологии появилась относительно недавно и находится в стадии теоретической разработки. Большинство авторов видит в ней качественную характеристику общества, оказывающую решающее влияние на жизнеспособность и динамику социальных изменений конкретного общества. «Человеческий капитал — совокупность возможностей отдельных лиц, общества, государства в обла-

¹ Андреев А. Л. О модернизации образования в России. Историко-социологический анализ // Социологические исследования. — 2011. — № 9. — С. 111–120.

² Интервью с Т. И. Заславской // Экономическая социология: электронный журнал. — 2002. — Т. 3. — № 5. — С. 6.

³ Заславская Т. И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации. — М.: Дело, 2004. — С. 106, 109.

сти использования людских ресурсов, которые могут быть привлечены для решения определенных задач и достижения поставленных целей... Человеческий потенциал характеризует некоторое совокупное свойство людских ресурсов той или иной страны, зависящее от их количественных и качественных характеристик»¹.

В международной практике понятие человеческого потенциала и расчет его показателей стали широко использоваться после того, как в 1990 г. ООН ввела для определения рейтинга экономического и социального благополучия различных стран индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП). Интегративный индекс развития человеческого потенциала был разработан для уровня общностей суверенного государства и применяется для оценки ежегодных изменений в развитии человечества². Он базируется на трех измерениях (здоровье, образование, уровень жизни) и четырех индикаторах (ожидаемая продолжительность жизни при рождении, средняя продолжительность обучения, ожидаемая продолжительность обучения, валовой национальный доход на душу населения)³.

Способность государства обеспечивать как сохранение, так и развитие человеческого потенциала граждан — это мера совершенствования конкретной общественной структуры, и критерий для оценки политики государства в конкретной отрасли и в стране в целом. Все то, что ведет к разрушению и деградации имеющегося в стране человеческого потенциала, несомненно, противоречит интересам не только самой личности, но и общества, и государства. И напротив, все то, что способствует его сохранению и развитию, ведет к укреплению и общества, и государства⁴.

Т. И. Заславская в качестве важнейших характеристик человеческого потенциала общества выделила как традиционно исследуемые формальные показатели (численность и социально-демографическая структура населения), так и показатели, отражающие качество жизни (состояние здоровья и долголетие граждан), но значимой для нас отличительной чертой ее методологии является выделение сущностных характеристик человеческого потенциала. Данные характеристики позволяют, во-первых, акцентировать внимание на том, что субъектами человеческого потенциала выступают как общество, так и его социальные общности, группы и индивиды, поскольку именно через их развитие повышается совокупный потенциал конкретного общества

¹ Гаврилюк В. В., Гавров В. В. Профессиональный потенциал преподавателей вузов // Актуальные проблемы социологии : сб. науч. статей. — Екатеринбург : УрФУ, 2013. — С. 147–148.

² Результаты анализа регулярно публикуются в «Докладе ООН о развитии человека». См.: Доклады о развитии человека [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. — Режим доступа: <http://www.un.org/ru/development/hdr/> (дата обращения: 30.11.2014).

³ Доклад о развитии человека 2010. Реальное богатство народов: пути к развитию человека / пер. с англ. ; ПРООН. — М., Издательство «Весь Мир», 2010. — 244 с.

⁴ Человеческий потенциал как критический ресурс России / отв. ред. Б. Г. Юдин. — М. : ИФРАН, 2007. — С. 9–10.

и национального государства. Отсюда можно констатировать, что главной целью и условием модернизации общества является не только совершенствование общественного устройства, но и «повышение человеческого потенциала или социально значимых качеств гражданина»¹. Кроме того, выделение этих характеристик позволяет измерять состояние и динамику изменений человеческого потенциала через конкретные показатели и индикаторы.

Если на уровне общества к ним относятся, как уже отмечалось, доход, образование и долголетие населения, то на уровне общности и социальной группы эти показатели будут формироваться на основе общих и варьироваться в зависимости от вида общности и ее места в социальной структуре конкретного общества. Например, для преподавателей высшей школы показателями состояния и реализации человеческого потенциала выступают профессиональные знания, занимаемые должности, направления подготовки, виды профессиональной деятельности (учебная, научная, педагогическая и т. д.) и результаты этой деятельности (качество выпускников, научные разработки, экономическое состояние), ученые степени и звания, участие в профессиональных общественных организациях и др.

На уровне личности к ним относят характер правового и ценностного сознания, потребности, интересы, уровень образования и квалификации, жизненная активность, развитость нравственности, морали, прочность семейно-брачных уз, качество воспитания детей. Эти индикаторы позволяют определить характер доминирующих в обществе типов личности, состояние, специфику, условия и факторы реализации их потенциала, а, следовательно, противоречия и барьеры включения личностных потенциалов в общие трансформационные процессы. Они позволят также осуществлять постоянный мониторинг хода модернизации, на необходимость которого обращает внимание Н. И. Лапин. Он пишет: «... в каждом виде модернизации один из важнейших процессов — последовательное повышение условий жизнедеятельности (качества жизни) населения до уровня, не ниже среднего, достигнутого странами того мегарегиона, к которому относится то или иное общество [для России это — европейско-российский регион]. При оценке достигаемого уровня требуется учитывать человеческие измерения модернизации, которые характеризуются не только статистическими данными об условиях жизнедеятельности населения, но и тем, как эти условия оцениваются самим населением... Модернизированным можно считать такое состояние страны, когда величины этих измерений сбалансированы...»². Уровень этих

¹ Заславская Т. И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации. — М. : Дело, 2004. — С. 101.

² Лапин Н. И., Беляева Л. А. От стабилизации к интегрированной модернизации России. Аналитический доклад Центра изучения социокультурных изменений [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.intelros.ru/strategy/gos_rf/9462-ot-stabilizacii-k-integrirovannoj-modernizacii-rossii-analiticheskij-doklad-centra-izucheniya-sociokulturnyx-izmenenij.html (дата обращения: 22.12.2014).

показателей и индикаторов, динамика их изменения свидетельствуют о качестве человеческого потенциала как национального государства, так его социальных классов, общностей, социальных групп и отдельных индивидов.

К факторам развития человеческого потенциала Т. И. Заславская отнесла: характер и содержание общественного труда, степень интеллектуализации производства, долю наукоемких технологий, состояние науки, образования, культуры, искусства, благосостояние и качество жизни граждан, количество и использование их свободного времени, насыщенность образа жизни. Представляется, что позитивная динамика человеческого потенциала и факторов его развития в значительной степени определяется состоянием и результатами модернизации высшего профессионального образования.

Центральной проблемой и основной целью модернизации образования выступает проблема обеспечения качества образования, соответствующего запросам современного общества. Под качеством образования традиционно понимается совокупность свойств образования, обуславливающих его способность удовлетворять определенные потребности различных субъектов (гражданина, общества, государства) в соответствии с назначением этого образования¹. Такое понимание нашло отражение в Федеральном законе «Об образовании» (2012), где качество образования рассматривается как «комплексная характеристика образовательной деятельности и подготовки обучающегося, выражающая степень их соответствия федеральным государственным образовательным стандартам, образовательным стандартам, федеральным государственным требованиям и (или) потребностям физического или юридического лица, в интересах которого осуществляется образовательная деятельность, в том числе степень достижения планируемых результатов образовательной программы»².

Поскольку сами потребности государства и общества, работодателя и наемного работника, социальной группы и индивида, входящих в структуру разных субъектов, потребляющих услуги профессионального образования, различны, то естественно возникают противоречия между «запросами общества» и «предложениями системы». Они в значительной степени будут определять проблемы в области модернизации образования и задачи по их решению.

К числу таких проблем и связанных с ними задач относятся:

- проблема создания системы опережающего образования: вместо обучения «вслед за возникшей проблемой» — обучение «прогностическое», направленное на способность предвосхитить возможные проблемы и предложить пути их решения (задача — переход на компетентностный подход);

¹ Кац А. М. Качество образования: подлинный смысл и бессмысленные процедуры // Директор школы. — 2001. — № 3. — С. 39–50.

² Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ // Российская газета. — 30 декабря 2012 г. — Гл. 1. Ст. 2.

- проблема соответствия образования потребностям экономики: переход от «государственного заказа» на специалистов к заказу полисубъектному, когда заказчиками — наряду с государством — выступают другие работодатели (задачи: переход на уровневую систему подготовки (бакалавриат — магистратура), участие работодателей в создании образовательных стандартов и программ, привлечение их для преподавания отдельных дисциплин, трудоустройство выпускников, в т. ч. через целевое обучение). В рамках модернизации образовательной системы внимание ученых все чаще акцентируется на решении проблемы формирования конкурентоспособного специалиста¹;
- проблема непрерывного образования — обеспечение преемственности различных уровней образования, в том числе переподготовка и повышение квалификации уже получивших образование в соответствии с изменениями в экономике;
- проблема соответствия обществу знаний (задачи: информатизация образования; использование технологий открытого образования; углубление междисциплинарных программ, соединение их с инновационными технологиями; модернизация материально-технической базы образовательного процесса — «включение образовательных учреждений в глобальную сеть Интернет и локальные информационные сети, оснащение вузов современным оборудованием, приборами, материалами, что обеспечит как повышение качества учебного процесса, так и поддержку вузовской науки»)².

Решение этих проблем требует от вузов перехода на новые экономические отношения на основе реализации принципа экономической автономии учебных заведений, но при экономической поддержке государства в соответствии с реализуемыми образовательными программами, а также обеспечения самой системы высшего профессионального образования высококвалифицированными кадрами, составляющими ядро человеческого потенциала преподавательской общности.

Обозначенные проблемы и задачи по их решению позволяют нам выделить три основных направления модернизации профессионального образования: структурное, институциональное и содержательное.

Структурная модернизация закрепляет распределение позиций вузов в научной и технологической сфере и создает новую основу для взаимодействия между реальным сектором экономики, академическими и вузовскими структурами. Она связана с процессом присвоения вузам статусов национальных,

¹ Резник С. Д., Коновалова Е. С., Соколова С. С. Конкурентоориентированность и конкурентоспособность студенческой молодежи России. Опыт, проблемы, перспективы. — М.: Инфра-М, 2013. — С. 5.

² Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года (Приложение к приказу Минобрнауки России от 11.02.2002 № 393) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://upr.1september.ru/2002/28/2.htm> (дата обращения: 18.09.2013).

федеральных университетов и национальных исследовательских университетов, влекущим за собой значительные структурные перестройки внутри самих вузов, получивших такие статусы (реорганизация структуры вузов под их программы развития, переход на уровневую систему обучения, создание инновационных центров при вузах и т. д.). При реализации этого направления модернизации существует реальная опасность повторения тенденций, происходивших в 1990-х гг., когда погоня за финансовыми и другими привилегиями «статусного» вуза породила массовую реорганизацию институтов в академии и университеты.

Два других направления модернизации в большей степени ориентированы на формирование единого образовательного пространства и создание условий для свободного обмена знаниями в рамках академической мобильности, обеспечение равного доступа к образованию, подготовку специалистов необходимого качества, включая послевузовскую подготовку.

Институциональная модернизация связана с обеспечением устойчивости общества в процессе модернизации системы образования, а также формированием механизмов стабильного развития самого образования. Это требует создания условий для реализации базовых институциональных функций. Осуществление экономических функций института образования важно направить на обеспечение необходимой экономике общества социально-профессиональной структуры через отбор и подготовку специалистов, обладающих нужными профессиональными качествами и уровнем социализации.

Необходимы соответствующие условия для реализации социальных функций, связанных с поддержанием стабильности в обществе в целом, регулированием его стратификационной структуры и социальной мобильности его членов, обеспечения связей с другими социальными институтами (наукой, семьей, политическими и общественными организациями, средствами массовой коммуникации и др.). Наконец, нуждаются в совершенствовании культурные функции — трансляция и развитие культуры самых различных социальных групп, в первую очередь, обучающейся молодежи.

Нужно заметить, что модернизации подвергаются не сами функции института образования, а способы их реализации в связи с изменениями, происходящими в модернизируемом обществе. Такие изменения затрагивают характер отношений между субъектами образовательной деятельности (студентами, преподавателями, администрацией и др.), способы передачи знаний, в первую очередь, в связи с развитием информационных технологий, инновации во внеучебной деятельности образовательных учреждений и т. д. Они вытекают из смены глобальной образовательной парадигмы от «образования на всю жизнь» к «образованию в течение всей жизни», из создания новых механизмов преодоления образовательного неравенства и построения «социальных лифтов», из конструирования новых способов удовлетворения запросов других социальных институтов (к примеру, систем гражданского

воспитания, формированию здорового образа жизни и т. п.). Наконец, изменения происходят в отношении образования как ценности в связи с превращением знаний в доминирующий вид капитала.

Здесь нужно отметить, что из отношения к образованию как терминальной либо инструментальной ценности детерминируется характер мотивации к его получению и передаче: реальное или формально-фиктивное. В первом случае мы будем наблюдать совпадение интересов студента и преподавателя, связанных с получением и трансляцией реального образования (в виде комплекса знаний), а, следовательно, повышении социального капитала вовлеченных в процесс общностей. Во втором случае создаются предпосылки для подмены знаний их оценкой-симулякром (изображением без оригинала, репрезентацией того, что на самом деле не существует), для исчезновения собственно образования.

Изменение функций института образования самым непосредственным образом связаны с третьим направлением — *содержательной модернизацией*, которая направлена на изменения в самом процессе обучения и воспитания и включает комплекс проблем, связанный со сменой классической «гумбольдтовской» лекционно-семинарской модели образования на компетентностную, соответствующими изменениями в образовательных стандартах, учебных планах, дисциплинах, способах организации занятий и т. д.

Реализация последних двух направлений модернизации образования является наиболее сложной и в наибольшей степени подвергается критике¹. Эта критика направлена на то, как расставлены акценты модернизационных усилий по направлениям: по мнению многих авторов, основные ресурсы расходуются на второстепенные мероприятия. В частности, постоянной критике подвергается способ формирования контингента студентов с помощью единого государственного экзамена, повлекший снижение образовательного уровня абитуриентов и не решивший проблему образовательных неравенств. При очевидных его положительных моментах исследователи обращают внимание на затратность обеспечения механизма проверки знаний, в то время как сама процедура подготовки и участия в ЕГЭ не способствует их приобретению.

Очевидным негативным явлением, на которое обращена критика, стало фактическое снижение качества высшего образования в результате некон-

¹ См., напр.: Абрамов А. М. Забытый юбилей [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://expert.ru/expert/2011/50/zabytyiy-yubilej/>; Зборовский Г. Е. Уроки неудавшейся модернизации // Социальная стратегия российской системы образования : Материалы международной научной конференции — Третьих Санкт-Петербургских социологических чтений, 14–15 апреля 2011 г. / отв. ред. А. В. Воронцов. — СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2011. С. 39–45; Сухомлин В. А. Реформа высшей школы деструктивна [Электронный ресурс] // Дайджест ФМШ СУНЦ МГУ им. М. В. Ломоносова. — Режим доступа: <http://www.kolmogorovschool.ru/show.html?id=513> (дата обращения: 11.11.2014); Сухомлин В. Кастрация системы образования России. — Ч. I. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.segodnia.ru/content/14160> (дата обращения: 01.04.2014); и др.

тролируемого роста числа вновь созданных вузов, их филиалов и представительств, перехода на систему «бакалавриат — магистратура» и сопровождающего его перманентного изменения образовательных стандартов и программ, равно как и «критерии эффективности» вузов и филиалов, на основании которых принимаются решения об их закрытии или реорганизации.

Волна критики направлена на усиление роли бюрократических методов и процедур в ущерб содержательной стороне образования, снижение университетской автономии в ее классическом понимании, усиление интенсивности преподавательского труда при одновременном возрастании степени его эксплуатации; резкое возрастание роли государственно-административных структур в деятельности вузов и других аспектах вузовской деятельности, связанных с этими процессами.

Поскольку модернизация образования является составной частью модернизации общества, то ее главной целью и основным индикатором успешности является повышение человеческого потенциала включенных в образовательный процесс социальных групп и общностей¹. Основанием для выделения таких общностей является род их деятельности в образовании — это непосредственно участвующие абитуриенты, студенты, преподаватели, администрация вуза, вспомогательный и обслуживающий персонал и другие, вовлекаемые в процесс образования опосредованно, — родители абитуриентов и студентов, работодатели, члены различных общественных, в том числе и неформальных организаций и т. д.

Если для студентов повышение их человеческого потенциала является очевидной целью в образовательном процессе, то остальные группы в той или иной степени выступают ресурсным источником и движущей силой достижения данной цели. Для успешности образовательного процесса важен не только имеющийся потенциал студента, на основании которого будет происходить его увеличение, но и совокупный человеческий потенциал воздействующих на него общностей и групп, в первую очередь, общности преподавателей — основного генератора и транслятора научных, образовательных и культурных знаний. Поэтому, на наш взгляд, исследуя процессы и результаты модернизации высшего образования в российской практике в русле социологического подхода, стоит сосредоточить внимание именно на особой роли этой профессорско-преподавательской общности в обеспечении единства структурного, институционального и содержательного элементов модернизации образования.

Так, успешность функционирования новой структуры высшего образования детерминирована инновационным и научным потенциалом профессорско-преподавательского состава вузов: именно на преподавателя

¹ По мнению Г. Е. Зборовского, в образовательную деятельность так или иначе включено 2/3 населения страны (см.: Зборовский Г. Е. Теория социальной общности : монография. — Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2009. — С. 280).

возложена миссия генерации новых знаний. Его педагогический, методический потенциал обеспечивает содержательное направление: именно преподаватель способен создать и передать студенту новое образовательное знание¹, используя при этом новые образовательные технологии в рамках новых федеральных государственных стандартов (зачастую им же и разработанных).

Наконец, успешность институционального направления зависит от культурного потенциала преподавателя: именно он в конечном итоге является связующим звеном между обучаемым и воспитуемым им студентом с одной стороны и работодателем, властью, общественными организациями и другими социальными институтами общества — с другой. Преподаватель является хранителем и транслятором системы норм, правил и ценностей, обеспечивающим взаимодействие между социальными институтами. На культурном потенциале вузовского преподавателя основывается и внутренняя устойчивость института образования — через взаимодействие внутри образовательного пространства между его субъектами и общностями.

С учетом проведенного анализа подходов к пониманию сущности и содержания модернизации образования под модернизацией высшего профессионального образования мы будем далее понимать множественный и непрерывный процесс прогрессивных трансформационных изменений образовательной системы в единстве и взаимодействии структурного, институционального и содержательного направлений, ориентированный на повышение качества и конкурентоспособности ее подсистем.

Итак, модернизация общества — глобальный социальный процесс, идущий во всех сферах, способ перехода к обществу знания, повышения конкурентоспособности общества в миросистеме через наращивание человеческого потенциала и улучшение качества жизни. Успешность процесса обусловлена имеющимися у общества ресурсами, не только финансовыми и материальными, но и человеческим потенциалом.

Центральной характеристикой российской интегративной модернизации следует признать способ встраивания российского общества в мировое информационное общество (понимаемого в соответствии с положениями Окинавской хартии глобального информационного общества²; теоретическими положениями Д. Белла, О. Тоффлера, М. Кастельса³), сопряженный с одно-

¹ Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А. Социология образования. — М. : Гардарики, 2005. — С. 103–105.

² Окинавская хартия глобального информационного общества от 22.07.2000 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.iis.ru/library/okinawa/charter.ru.html> (дата обращения: 01.02.2014).

³ Белл Д. Социальные рамки информационного общества [Электронный ресурс] // Новая технократическая волна на Западе. — Режим доступа: http://www.i-u.ru/biblio/archive/bell_newtehnvar/ (дата обращения: 21.12.2014); Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / пер. с англ. А. Матвеева под ред. В. Харитоновой. — Екате-

временным завершением индустриальной модернизации и направленный на обеспечение конкурентоспособности в мировом пространстве и обеспечение качества жизни на уровне не ниже среднеевропейского.

В свою очередь модернизация высшего образования является частью процесса модернизации общества, способом перехода к обществу знания. Особая роль в обеспечении модернизации высшего профессионального образования принадлежит общности преподавательской. Она заключается в обеспечении единства ее структурного (путем одновременного осуществления образовательной деятельности в различных элементах изменяющейся системы ВПО), институционального (через формирование и трансляцию системы ценностей, правил и норм, позволяющих обеспечить оптимальное взаимодействие субъектов и общностей как внутри образовательного пространства, так и с другими институтами общества) и содержательного (посредством производства и трансляции знаний) направлений и, тем самым, сохранении и гармоничном развитии единого образовательного пространства ВПО.

Собственно образовательный процесс предполагает только использование этого потенциала и прямо не нацелен на его развитие. Скорее, такое развитие будет представлять некоторый «побочный эффект» профессиональной деятельности. Модернизация высшего профессионального образования направлена на повышение потенциала общности до уровня, способного обеспечить конкурентоспособность в обществе знаний как на уровне системы образования, так и на уровне общества в целом.

Выделим два главных фактора, определяющих состояние студенческой молодежи. Прежде всего, студенческая молодежь — это социально-демографическая группа. Демографические процессы в обществе предопределяют в целом численность молодежи и ее удельный вес в составе населения. Снижение рождаемости (тем более, депопуляция) сказывается через 17–18 лет на численности выпускников средних школ и, соответственно, на их потребности в местах для дальнейшего образования или работы. Второй фактор — организационно-институциональные изменения в системе высшего образования. Рассмотрим каждый из них.

Согласно прогнозам, численность молодежи в России сократится в период с 2012 по 2025 гг. в 1,4 раза: с 35,2 до 25 млн человек. В 2012 г. доля молодежи составляла 24,7 %, по прогнозу в 2025 г. она будет составлять лишь 18 % (сокращение в 1,4 раза)¹. В Свердловской области этот процесс идет с 2012 г. (табл. 6).

ринбург : У-Фактория (при участии Гуманитарного ун-та), — 2004. — 328 с.; Тоффлер О. Третья волна. — М. : АСТ, 2010. — 784 с.

¹ Стратегия развития молодежи Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс] // Предложения в проект. Федеральное агентство по делам молодежи. — Режим доступа: <https://fadm.gov.ru/documents/download/450/> (дата обращения: 11.08.2016).

Таблица 6

Динамика численности молодежи Свердловской области, чел.

Возрастные группы	2012	2013	2014	2015	Разница за период
8–13	237 654	244 680	252 606	259 496	21 842
14–15	75 061	74 574	74 050	74 114	–947
16–17	83 730	78 886	75 504	75 147	–8583
18–19	95 263	89 139	85 777	81 068	–14 195
Всего 14–19	254 054	242 599	235 331	230 329	–23 725
20–24	337 264	311 732	283 454	260 362	–76 902
25–29	377 224	382 865	378 074	370 616	–6608
Всего молодежь (14–29)	968 542	937 196	896 859	861 307	–107 235
Всего населения	4 307 594	4 315 830	4 320 677	4 327 472	19 878
Доля молодежи в составе населения, %	22,5	21,7	20,8	19,9	–2,6

За 2012–2015 гг. численность молодежи в Свердловской области сократилась на 12,5 %. Ее доля в составе населения за этот же период сократилась с 22,5 % до 19,9 %. Наблюдается рост численности предмолодежи, но он весьма незначителен, особенно в сравнении группой старшей молодежи, которая в ближайшем будущем перейдет в группы более старшего возраста. Это значит, что численность молодежи области будет по-прежнему сокращаться.

Наиболее четко специфика молодежи проявляется на примере студенчества. Студенчество Свердловской области — отдельная социальная общность, субкультурная группа. Стратификационный подход основывается на понимании ее как самостоятельной общности, социально-демографической и возрастной группы. Этот подход позволяет выделить молодежь в составе населения и одновременно изучать ее внутреннюю структуру. Как самостоятельная общность правомерно выделяется и студенчество. Более чем 50-летний опыт исследования российской молодежи в образовательном пространстве (он обобщен в знаковой работе авторского коллектива под руководством Д. Л. Константиновского¹) позволяет типологизировать основания для такого выделения.

Все предлагаемые определения студенчества опираются на принадлежность этой группы к учебному заведению, ведущего свою деятельность в сфере профессионального образования. Если классическое понимание студенчества было связано с университетом, то сегодня к нему причисляют учащихся всей высшей школы и тех, кто получает образование в системе среднего про-

¹ Константиновский Д. Л., Вознесенская Е. Д., Чердниченко Г. А. Новые смыслы в образовательных стратегиях молодежи: 50 лет исследования : монография. — М. : ЦСП и М, 2015. — 232 с.

фессионального образования. Это положение носит аксиоматичный характер и не дискутируется. Нам представляются дискуссионными основания, связанные с деятельностью студенчества в образовательном поле.

Одно из ранних определений студенчества как самостоятельной группы опирается на такие признаки, как социальная мобильность, единство целей группы и особый статус: «Студенчество — это мобильная социальная группа, целью существования которой является организованная по определенной программе подготовка к выполнению высоких профессиональных и социальных ролей в материальном и духовном производстве»¹. Уже тогда было обращено внимание на важное свойство группы — выступать в качестве объекта производства, предметом которого является не вещь, а сам человек, личность, и в основе которого находится обучающе-образовательная деятельность². Ю. А. Зубок считает студенчество специфической социально-демографической группой, выделяемой на основе возрастных признаков и специфики труда (учебы), особого места студенчества в общественном воспроизводстве (в частности, в формировании интеллигенции, воспроизводстве среднего класса общества), а также особого типа студенческой субкультуры, отличающейся от других молодежных субкультур³.

Г. Е. Зборовский, выделяя группу образовательных общностей, их базовыми признаками называет место общности в образовательной системе (от дошкольного до высшего и послевузовского образования), степень вовлеченности в образовательный процесс (прямое — учащиеся, педагоги, и косвенное — менеджеры, вспомогательный персонал и др.) и характер взаимодействия с другими образовательными общностями⁴. Эти термины используются автором в наиболее обобщенном виде для всех уровней образования, и определения общности студентов не дается. Но выделенные им признаки позволяют идентифицировать студенчество как самостоятельную общность.

В рамках предыдущих этапов мониторинга⁵ был внесен определенный вклад в разработку конкретных проблем студенчества. Особого внимания заслуживает проблема профессионального самоопределения, поскольку, как нам представляется, именно она сегодня в большей степени определяет социокультурный облик студенчества. Процессы первичной профессионализации (или специализации)⁶ в значительно большей степени, чем в 1990—

¹ Рубин Б. Г., Колесников Ю. С. Студент глазами социолога. — Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, — 1968. — С. 38.

² Там же. — С. 39.

³ Зубок Ю. А. Студенчество // Социология молодежи. Энциклопедический словарь. — М.: Академия, 2008. — С. 491.

⁴ Зборовский Г. Е. Теория социальной общности: монография. — Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2009. — С. 280–282.

⁵ См.: Студент — 2012: Материалы шестого этапа социологического мониторинга (декабрь 2011 — январь 2012) / отв. ред. Ю. Р. Вишневецкий. — Екатеринбург: УрФУ, 2012. — 332 с.

⁶ Там же. — С. 90–91.

2000-е гг., выступают в качестве основного общностнообразующего признака.

Такая постановка вопроса соответствует исследованиям группы ученых под руководством Д. Л. Константиновского, зафиксировавших смену образовательной парадигмы от «образования на всю жизнь» к «образованию в течение всей жизни» и появившиеся вследствие этого новые тенденции взаимодействия институтов образования и профессии¹. Они основаны на сформировавшемся у молодежи отношении к образованию как инвестиции в собственный капитал, который необходим для построения будущих профессиональных траекторий. Одной из важнейших черт реализации такого отношения к образованию стало, с одной стороны, отношение к валидированным формам знания (диплому), когда решающее значение имеет «цена вопроса», количество и качество необходимых для его получения инвестиций², с другой стороны — феномен работающего по изучаемому направлению подготовки студента. Исследователи так оценивают этот феномен³: в целом по России в 2013 г. на первом курсе работали 18 % студентов, на четвертом таких было уже 46 %; среди работающих студентов каждый четвертый указал на полное совпадение профиля его работы с приобретаемой в вузе специальностью, почти каждый пятый — на частичное совпадение (суммарно 44 %); такая же по численности группа, 43 %, отметила полное несовпадение профиля работы и направления подготовки, что объясняется комплексом других факторов — от социального происхождения до отношения руководства вуза к факту работы студента. Таким образом, получение высшего образования означает «... реализацию стратегии получения... ценного образовательного ресурса или стратегии расширения набора квалификаций и навыков. Профессиональная траектория становится социальным полем применения данных ресурсов, а вернее, их конверсии в соответствующие позиции на рынке труда»⁴.

¹ Константиновский Д. Л., Вознесенская Е. Д., Чередниченко Г. А. Молодежь России на рубеже XX–XXI веков: образование, труд, социальное самочувствие. — М. : ЦСП и М, 2014. — С. 16–21.

² Очень емко об этом сказала Ю. А. Зубок: «Образование, как показывают сравнительные исследования, нужно всем — это ценностное представление, передающееся из поколения в поколение. И в сознании нынешней молодежи оно тоже присутствует. Но понимание образования изменилось, сегодня — это чистая инструментализация. Без диплома на приличное место не устроиться, но и заработать можно лишь отчасти. Поэтому молодежь действует рационально: диплом получить нужно, но с минимальными затратами. Если можно заплатить — платят, выбирают, где подешевле и поближе к дому. Так делают не все, но это устойчивая тревожная тенденция». См.: Поколение шаблонов (Интервью Ю. Зубок) // Российская газета, 2014. 22 октября.

³ Константиновский Д. Л., Вознесенская Е. Д., Чередниченко Г. А. Молодежь России на рубеже XX–XXI веков: образование, труд, социальное самочувствие. — М. : ЦСП и М, 2014. — С. 510, 524.

⁴ Там же. — С. 20.

Итак, именно профессия, профессиональные компетенции составляют суть современного высшего образования. Их освоение как профессиональных ценностей оказывает существенное влияние и на личную жизнедеятельность членов общности, и на базовые характеристики всей общности. На это, говоря об общности интересов у людей одной профессии, указывал П. А. Сорокин: она «механически, помимо воли и желания индивида, переделывает его, творит по своему образу и подобию, определяет его интересы, убеждения, вкусы, стремления и желания, словом всю его природу»¹.

Более того, на основе предложенной профессором Г. Б. Кораблевой методологии выделения профессиональных общностей² можно считать главным общностнообразующим признаком современного студенчества деятельность, связанную с получением профессиональных знаний и — в значительной мере — профессиональных ценностей осваиваемой профессии. Главный критерий успешности освоения профессиональных компетенций в вузе — достижения в освоении учебной программы, ее оценка, все то, что традиционно связывается с понятием «учеба»; практическое применение уже освоенных компетенций в профессиональной деятельности, т. е. наличие и характер работы, в ходе которой закрепляется формирование профессиональных ценностей.

Уже в конце 1960-х — начале 1970-х гг. исследователи поставили вопрос о причинах и условиях возникновения неравенства в студенческой среде. Так, В. Н. Шубкин указывал на различия в мотивах выбора той или иной профессии, «обусловленной разницей в системах ценностей жизни»³. В этом отношении представляет интерес определение, данное А. С. Власенко: «Студенчество — это особая социальная группа, формирующаяся из различных социальных образований общества и характеризующаяся особыми условиями жизни, труда и быта, особым общественным поведением и психологией, для которой приобретение знаний и подготовка себя для будущей работы, в науке, культуре является главным и в большинстве случаев единственным занятием»⁴. Тем самым автор обратил внимание на изначальную неоднородность студенчества, разные стартовые возможности и разный ресурсный потенциал.

Демографический кризис 1990-х гг. привел к настоящей «демографической яме» — значительному сокращению числа выпускников средней шко-

¹ Сорокин П. А. Система социологии: в 2 т. Т. 2. Социальная аналитика: Учение о строении сложных социальных агрегатов. — М. : Наука, 1993. — С. 183.

² Кораблева Г. Б. Социология профессий. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. — С. 109–120.

³ Шубкин В. Н. Социологические опыты: методологические вопросы социальных исследований. — М. : Мысль, 1970. — С. 160.

⁴ Власенко А. С. Некоторые вопросы воспитания советского студенчества на современном этапе // Ученые записки Московского областного института им. Н. К. Крупской. Вып. 4. — М., 1971. — С. 54.

лы: численность выпускников средних школ восстановится, по прогнозам социологов, только к 2030 г. На отрезке 2010–2020 гг. процессы сокращения числа будущих возможных абитуриентов могут остановиться не ранее конца этого периода (рис. 1). Эта общероссийская тенденция характерна и для Свердловской области.

Рис. 1. Численность выпускников 11–12-х классов ВПО России и Свердловской области, тыс. чел.¹

Примечательно, что и прогноз численности студенчества до 2030 г. фактически исходит из тождества «студенчество = студенческая молодежь», т. е. предполагается, что и в перспективе распространение новых парадигм образования и образовательных траекторий не изменит сколько-нибудь существенно демографический характер студенчества (по крайней мере, обучающегося очно — рис. 2–4).

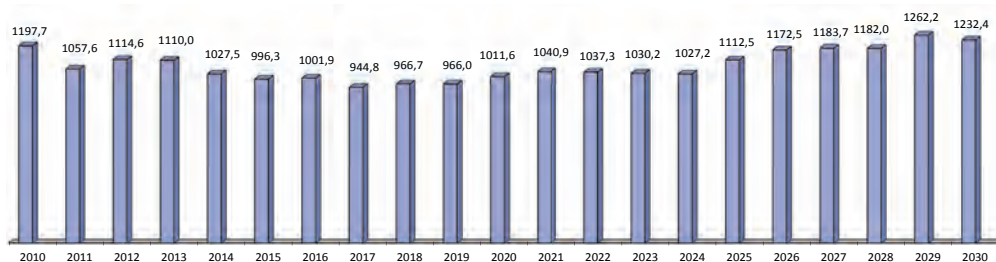

Рис. 2. Прием студентов в учреждения высшего профессионального образования РФ и прогноз до 2030 г.²

¹ Расчет по: Шереги Ф. Э. Численность учащихся и персонала образовательных учреждений Российской Федерации. (Прогноз до 2020 года и оценка тенденций до 2030 года) / Шереги Ф. Э., Рыбаковский Л. Л., Арефьев А. Л., Савинков В. И. — М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2013. — С. 46, 48, 50.

² Воспроизведено по: Там же. — С. 115.

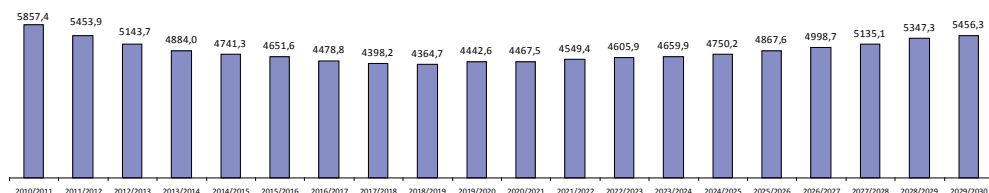

Рис. 3. Численность студентов в учреждениях высшего профессионального образования¹ (прогноз до 2030 г.)

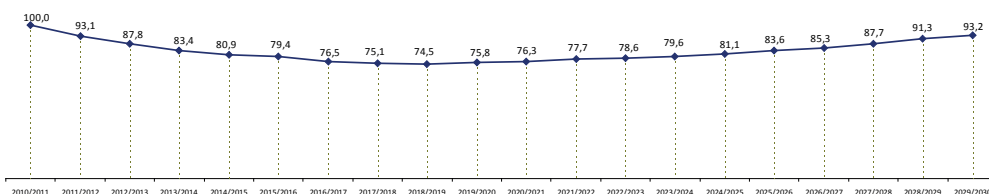

Рис. 4. Численность студентов в учреждениях высшего профессионального образования² (прогноз до 2030 г.) (в % к 2010 г.)

При этом прогнозы исходят из убеждения, что роль Свердловской области (точнее — Екатеринбурга) как одного из ведущих вузовских центров страны будет сохраняться и усиливаться (табл. 7).

Таблица 7

Сравнение основных показателей учреждений высшего профессионального образования в РФ и Свердловской области за 2010–2020 гг.³

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Прием студентов в учреждения высшего профессионального образования*											
РФ	1197,7	1057,6	1114,6	1110	1027,5	996,3	1001,9	944,8	966,7	966	1011,6
Свердловская область	33,5	30,3	35,7	35,1	38,4	37	39	37,4	39,1	39,5	42,7
Численность студентов в учреждениях высшего профессионального образования*											
РФ	5857,4	5453,9	5143,7	4884,0	4741,3	4651,6	4478,8	4398,2	4364,7	4442,6	
Свердловская область	171,6	157	149	147,7	152,1	159,7	160,9	164,6	165,6	170,4	

¹ Шереги Ф. Э. Численность учащихся и персонала образовательных учреждений Российской Федерации. (Прогноз до 2020 года и оценка тенденций до 2030 года) / Шереги Ф. Э., Рыбаковский Л. Л., Арефьев А. Л., Савинков В. И. — М. : Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2013. — С. 121.

² Там же.

³ Расчет по: Там же. — С. 114, 118, 122, 124, 128, 130.

Окончание табл. 7

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Выпуск студентов учреждений высшего профессионального образования*											
РФ	1177,8	1157,2	1127,1	1084,7	1030,5	1000,9	982,2	946	928,2	921,4	938,6
Свердловская обл.	35,4	35,6	35,1	33,2	32,9	33,9	35,6	35,9	36,7	36,9	38

*Примечание: По приему и выпуску — календарные годы, по численности — учебные годы (на начало).

Если количественно масштабы общности студенчества во многом и сегодня, и на перспективу обусловлены демографическими процессами, то в содержательном, качественном плане решающее воздействие на нее оказывает модернизация высшего образования, особенно ее организационно-институциональный аспект.

За два десятилетия мониторинга в стране произошли коренные социально-экономические, социально-политические и социально-культурные трансформации, определившие серьезные перемены в системе среднего и высшего образования:

- переход на единый государственный экзамен (ЕГЭ) и его учет при приеме в вузы¹;
- утверждение двухуровневого образования в вузах (бакалавриат и магистратура);
- развитие системы контрактного обучения в государственных вузах и сети негосударственных вузов;
- рост числа вузов и числа студентов;
- оптимизация сети вузов, создание федеральных и национальных исследовательских университетов;
- внедрение государственных образовательных стандартов (ГОС), обновление стандартов — переход на ГОСы второго и третьего поколения;
- внедрение компетентностного подхода;
- распространение в учебном процессе новых информационных технологий и активных форм обучения.

Все эти изменения в российском социуме, в системе образования оказывали влияние на социализацию студенчества, на его жизненные, социокультурные и профессиональные ориентации, ценностные установки и реальное повседневное поведение.

В постсоветский период в динамике численности вузов четко прослеживаются два периода (рис. 5).

¹ Уже на VI этапе мониторинга (зима 2011–2012 гг.) все третьекурсники вузов Свердловской области поступали в институт по результатам ЕГЭ, что определило необходимость включить в анкету и вопросы об их отношении к ЕГЭ.

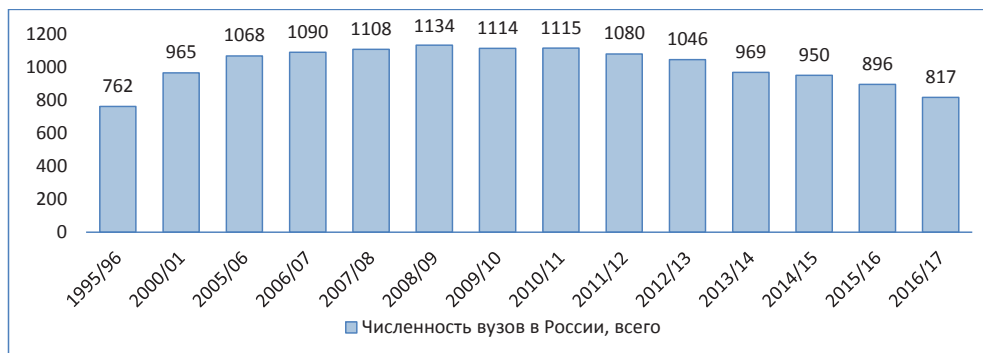

Рис. 5. Динамика численности российских вузов всех типов, 1995–2017 гг. Росстат, официальная статистика¹

За период 1995/96–2008/09 гг. число российских вузов выросло в 1,5 раза, при этом первые пять лет наблюдался «взрывной» характер этого роста, после чего темпы постепенно снижались вплоть до 2008/2009 гг. С этого момента начался обратный процесс, и к 2016/17 г. наблюдается сокращение вузов в 1,4 раза.

Особенно сильно этот процесс затронул негосударственные вузы (рис. 6).

Рис. 6. Динамика численности государственных, муниципальных и негосударственных вузов. Росстат, официальная статистика²

¹ Население. Образование в 2016 году. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/education/# (дата обращения: 01.04.2017).

² Там же.

За 1995/96–2008/2009 гг. число государственных и муниципальных вузов выросло в 1,3 раза, после чего началось неуклонное сокращение, и к 2016/17 г. стал заметен регресс в 1,2 раза. Рост негосударственных вузов был гораздо более значительным — за 1995–2008 гг. в 2,5 раза. Это легко объяснимо становлением рынка образовательных услуг. Но с 2008/2009 гг. началось сокращение этих вузов, и к 2016/17 гг. их стало в 1,3 раза меньше.

Конечно, не стоит однозначно оценивать негосударственные вузы с точки зрения качества образования. Представляется справедливой позиция И. М. Ильинского — руководителя одного из наиболее известных частных вузов. «Среди негосударственных вузов, — отмечает он, — есть псевдовузы, по сути дела образовательные пирамиды, во главе которых стоят люди бесчестные и безответственные. К сожалению, в нынешнем обществе такое возможно, поскольку в нем достаточно людей, которым нужен диплом, а не знания. Они и востребуют «вузы», в которых одни делают вид, что учат, а другие — будто бы учатся. Не было бы этих явлений, не было бы и фактов, которые возмущают порой даже самых нетребовательных студентов. Такого рода вузы устанавливают демпинговые цены за обучение в них и только поэтому набирают необходимый контингент. Есть вузы, не имеющие необходимых аудиторных площадей и безобразно организующие образовательный процесс, научно-исследовательскую деятельность и воспитательную работу со студентами. Все это правда, которую нельзя не признать.

Но правда и в том (и ее нельзя не учитывать), что негосударственное образование в России находится в стадии становления и что некоторые его недостатки — неизбежные издержки «возраста». Сущая правда и в том, что в России уже встали на ноги десятки негосударственных вузов, которые работают на уровне ведущих госвузов. Правда, однако, и в том, что сильных негосударственных вузов — явное меньшинство, примерно 15–20 % от их общего числа, но из этого следует, что однозначно негативное отношение к негосударственным вузам, которое не адекватно реальной и должной роли негосударственного сектора, по существу глубоко ошибочно и в этом смысле опасно для перспектив негосударственного образования»¹.

Но роль государственных и негосударственных вузов в развитии образования отличается не только по формам вузовской собственности и формам возмещения затрат студентами за обучение, но и по численности и направлениям подготовки выпускаемых ими специалистов. (рис. 7–8).

Понятно, что негосударственный сектор в первую очередь осваивал те направления подготовки, которые не требовали значительных финансовых вложений и — одновременно с этим — обладали наибольшей привлекатель-

¹ Ильинский И. М., Луков В. А. Московский вуз глазами студентов: По материалам опроса студентов государственных и негосударственных вузов Москвы, март–апрель 2004 г. — М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2005. — 64 с.

ностью со стороны абитуриентов, а потому были наиболее «продаваемыми». Это — направления, связанные в первую очередь с гуманитарной, социальной и управленческой подготовкой.

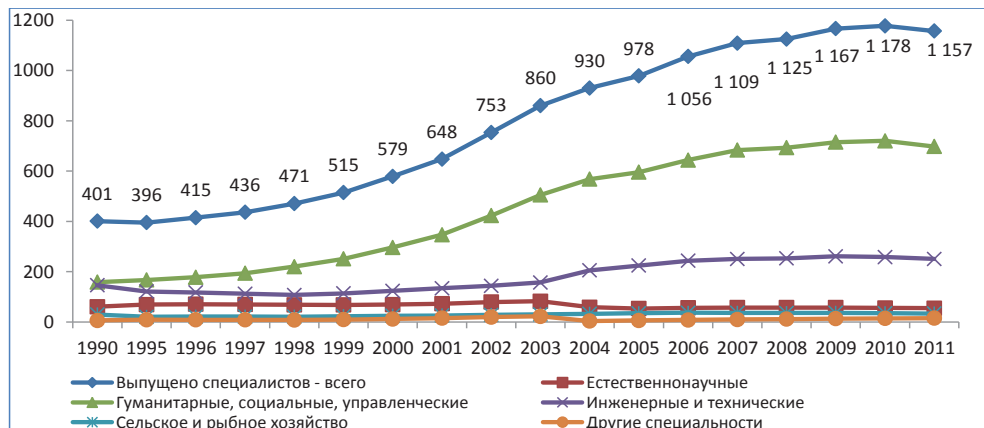

Рис. 7. Динамика выпуска специалистов с высшим профессиональным образованием государственными и муниципальными образовательными учреждениями по группам специальностей, тыс. чел.¹

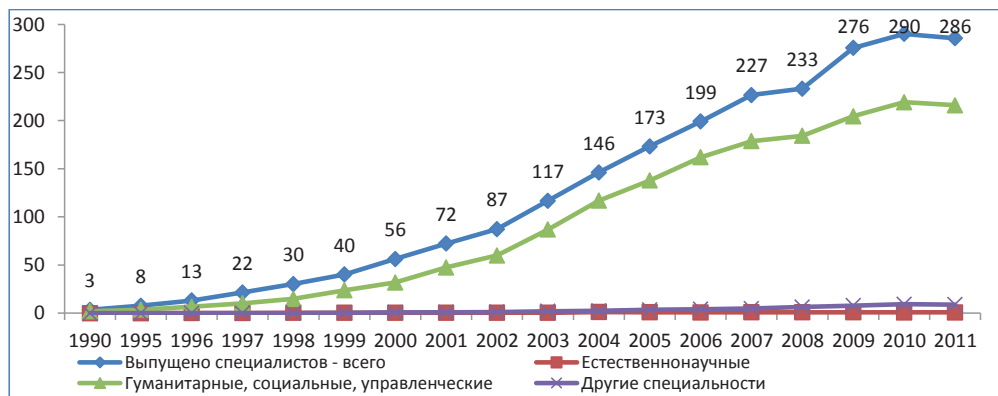

Рис. 8. Динамика выпуска специалистов с высшим профессиональным образованием негосударственными образовательными учреждениями по группам специальностей, тыс. чел.². Инженерные, технические, сельскохозяйственные группы специальностей включены в графу «другие»

Противоречивая динамика развития вузов отразилась и на динамике численности студентов (рис. 9).

¹ Российский статистический ежегодник. 2012: Стат.сб. / Росстат. — М., 2012. — С. 255–256.

² Там же. — С. 257.

Рис. 9. Динамика численности студентов в вузах России, по формам собственности, тыс. чел. Росстат. Официальная статистика¹

Итак, за 1995/96–2008/2009 уч. гг. общая численность российских студентов выросла в 2,7 раза, а затем началось постепенное сокращение, составившее к 2015/16 г. 1,6 раза. В 2016/17 гг. сокращение продолжилось и составило 92% к 2015/16 гг.

Темп этих процессов в вузах с различными формами собственности существенно различался: в государственных (муниципальных) численность студентов сначала увеличилась в 2,3 раза, а затем сократилась в 1,5 раза. Именно частные вузы дали взрывной рост во всей общности — в 9,5 раз, и в них же сильнее проявлялось сокращение численности студентов — в 1,8 раза.

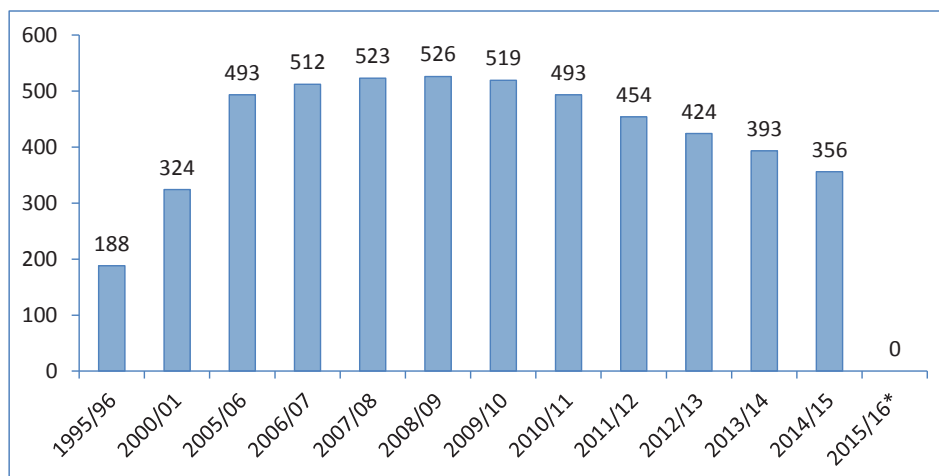
Своеобразный индикатор этих процессов (показатель, используемый в международных сравнениях) — число студентов на 10 тыс. чел. населения. Его динамика представлена на рис. 10.

Спад доли (в 1,4 раза) продолжался до 2010/11 рост с 2008/09 гг. — в 1,1 раза.

Общие тенденции, как уже отмечалось выше, четко проявлялись и в Свердловской области. Об этом красноречиво свидетельствуют данные Свердловскстата (табл. 8). По числу вузов, включая филиалы и представительства, область в 2014 и 2015 гг. находится на восьмом месте — после Москвы, Московской области, Санкт-Петербурга, Краснодарского края, Татарстана, Тюменской и Ростовской области, но и у нас в рамках повышения эффек-

¹ 1995–2013 гг. — Образовательные учреждения высшего профессионального образования (на начало учебного года) [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. Россия в цифрах. 2013 г. — Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_11/IssWWW.exe/Stg/d1/08–10.htm (дата обращения: 01.09.13); 2013–2016 гг. — Население. Образование в 2016 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/education/# (дата обращения: 21.04.2017).

тивности системы ВПО и повышения качества образовательных услуг продолжилось планомерное сокращение количества вузов (особенно филиалов и представительств) (табл. 9, с. 136).

*Нет данных

Рис. 10. Число студентов в российских вузах на 10 тыс. чел. населения. Росстат, официальная статистика¹

Таблица 8

Основные показатели деятельности образовательных организаций, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования²

	2010/2011	2011/2012	2012/2013	2013/2014	2014/2015
Число вузов (на начало учебного года), ед.					
Всего	32	31	32	29	24
Государственные и муниципальные вузы	19	18	18	17	15
Негосударственные вузы	13	13	14	12	9
Численность студентов (на начало учебного года), чел.					
Всего	204 180	186 234	175 912	166 632	146 428
Государственные и муниципальные вузы	171 573	157 036	148 984	143 300	128 564

¹ Население. Образование в 2016 году. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/education/# (дата обращения: 01.04.2017).

² Свердловскстат. Высшее профессиональное образование [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://sverdl.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sverdl/ru/statistics/sphere (дата обращения: 01.04.2017).

Окончание табл. 8

	2010/2011	2011/2012	2012/2013	2013/2014	2014/2015
Негосударственные вузы	32 607	29 198	26 928	23 332	17 864
Выпуск специалистов, чел.					
Всего	42 271	42 214	41 390	38 375	39 558
Государственные и муниципальные вузы	35 372	35 647	34 993	32 574	33 321
Негосударственные вузы	6899	6567	6397	5801	6237

Сокращение числа вузов затронуло и государственные, и частные вузы почти одинаково: за 2010–2015 гг. число первых в области сократилось в 1,3 раза, вторых — в 1,4 раза. Иначе дело обстоит с численностью студентов: при общем сокращении ее за эти годы в 1,4 раза постоянно снижалась доля студентов негосударственных вузов в общей численности студентов. В 2010 г. она составляла 15,9 %, в 2011 г. — 15,6 %, в 2012 г. — 15,3 %, в 2013 г. — 14 %, в 2014 г. — 12,2 %. Практически весь период происходило и снижение доли выпускников, окончивших негосударственные вузы, в общей численности выпуска: в 2010 г. — 16,3 %, в 2011 г. — 15,6 %, в 2012 г. — 15,4 %, в 2013 г. — 15,1 %. Лишь в 2014/2015 уч. г. она несколько выросла — до 15,7 %.

В 2016 г. продолжился процесс совершенствования системы образования, направленный на повышение эффективности деятельности организаций, осуществляющих образовательную деятельность, усиление результативности функционирования образовательной системы, в рамках которого происходило укрупнение (объединение) образовательных организаций в целях оптимизации бюджетных расходов на образование.

Общее число образовательных организаций высшего образования в 2016 г. по сравнению с 2015 г. сократилось на 8,8 % (или на 79 единиц): число государственных и муниципальных образовательных организаций высшего образования уменьшилось на 5,3 % (на 28 единиц); количество действующих частных образовательных организаций высшего образования — на 13,9 % (на 51 единицу). Происходило также и дальнейшее уменьшение численности студентов образовательных организаций высшего образования: по сравнению с 2015 г. численность студентов уменьшилась на 387,5 тыс. человек, причем значительное сокращение численности произошло в частных образовательных организациях (на 28,4 % от численности студентов в 2015 г.)¹.

В процессе массовизации высшего образования (даже с учетом начавшихся с конца 2000-х гг. процессов снижения числа вузов и численности студентов) набирали силу два феномена, негативно сказывавшихся на качестве высшего образования: с одной стороны, снижение численности и доли студентов, обучающихся на бюджетной основе, с другой — сокращение доли сту-

¹ См.: Население. Образование в 2016 году. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_01/IssWWW.exe/Stg/d12/3-5.doc (дата обращения: 01.04.2017).

дентов-очников. Первый процесс особенно интенсивно проходил до 2008 г. (рис. 11).

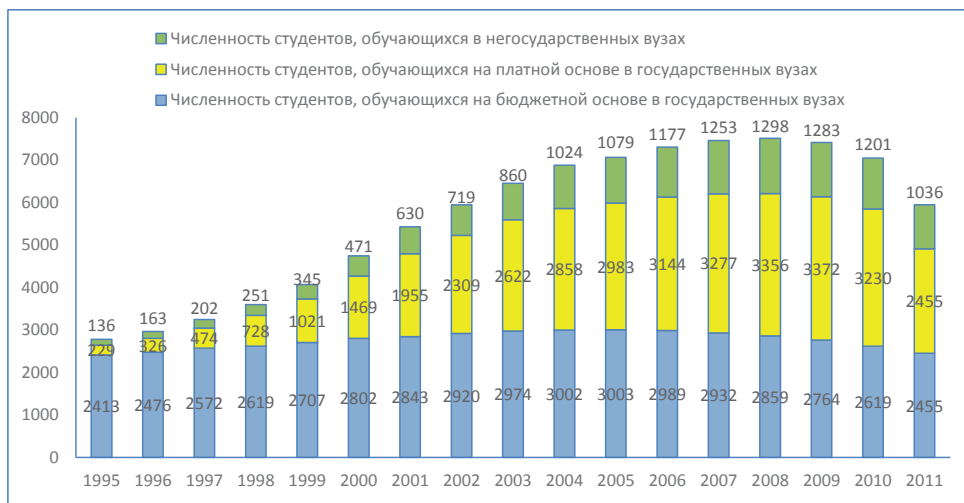

Рис. 11. Динамика численности студентов, обучающихся на бюджетной и платной основе, тыс. чел.¹

Причем — и это достаточно показательно — рост числа студентов с полной оплатой затрат на обучение («контрактники») в государственных вузах происходил с некоторым опережением (за 1995–2009 гг. — в 14,7 раза) роста числа студентов в негосударственных вузах (в 9,4 раза за этот же период).

Своеобразным итогом (для нашего мониторинга) этого процесса можно считать структуру приема 2016 г.: в вузы России было принято 1038, 2 тыс. абитуриентов (рис. 12)².

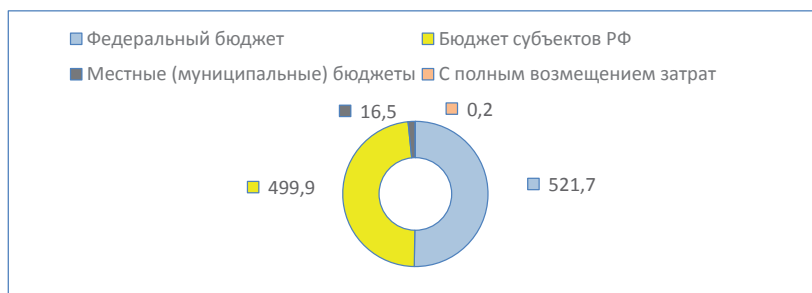

Рис. 12. Структура приема в вузы России, по разным типам возмещения затрат на образование, %. Росстат, официальная статистика³

¹ См.: Население. Образование в 2016 году. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_01/IssWWW.exe/Stg/d12/3-5.doc (дата обращения: 01.04.2017).

² Население. Образование в 2016 году. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_01/IssWWW.exe/Stg/d12/3-5.doc (дата обращения: 01.04.2017).

³ Там же.

О снижении доли студентов-очников можно судить по данным статистики образования (рис. 13–14; табл. 9).

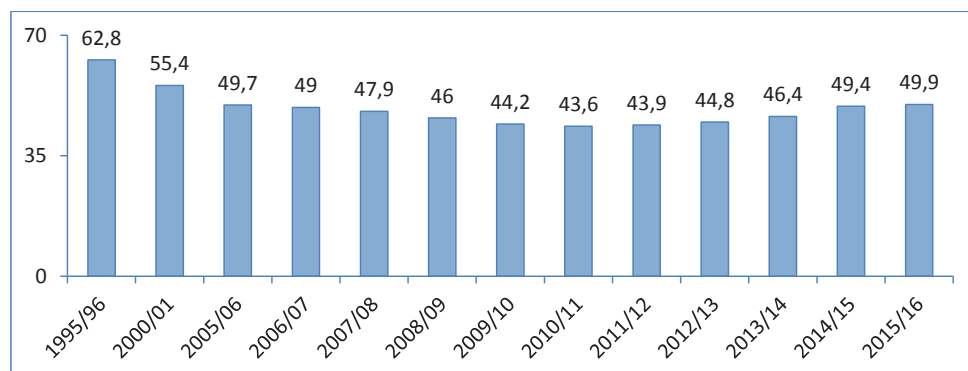

Рис. 13. Доля очных студентов в общем составе, %.

Рис. 14. Доля обучающихся по очной системе обучения в общей численности, приеме и выпуске студентов¹

Таблица 9

Доля студентов очной формы обучения в приеме 2011–2013 гг.²

Годы	Всего	Очное	%
2011	1207,4	628	52
В т. ч. бакалавриат	987,9	474	48
Специалитет	143,1	90,6	63,3
Магистратура	76,3	63,3	83
2012	1298,2	673,4	51,9
В т. ч. бакалавриат	1061,9	497,7	46,9
Специалитет	143,5	104,2	72,6

¹ Образование в Российской Федерации: 2014: статистический сборник. — М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2014. — С. 394.

² Там же. С. 361.

Окончание табл. 9

Годы	Всего	Очное	%
Магистратура	92,9	71,5	77
2013	1246,5	664,5	53,3
В т. ч. бакалавриат	995,1	476,3	47,9
Специалитет	147,3	112,1	76,1
Магистратура	104,1	76,1	73,1

Заметно, что больше всего студентов очной формы обучения представлено в бакалавриате.

Важная характеристика системы высшего образования, во многом позитивно (или чаще, как в России, негативно) влияющая на его доступность, — территориальная размещенность вузов. К 1991 г. в Москве и Ленинграде (Санкт-Петербурге) было сосредоточено 23 % всех (государственных) вузов и более 25 % всего контингента студентов. Здесь же работали почти 28 % ППС; в этих городах ученую степень имели около 32 % от общей численности «остепененных» преподавателей российских вузов. В 12 вузовских центрах России располагалось 46 % всех российских высших учебных заведений. При снижении в последующие годы территориальной мобильности населения, в том числе молодежи, этот фактор во многом определил доступность качественного высшего образования для юношей и девушек из «глубинки» и усилил социальное расслоение студенчества¹.

Серьезная проблема Свердловской области (и вряд ли в данном отношении она уникальна) — крайне неравномерная территориальная структура высшего образования. Более того, в последнее время резко проявляется разграничение на образовательный центр в мегаполисе и периферию. Социально-территориальная проблема, когда за пределами Екатеринбурга в области не осталось ни одного головного вуза, становится сегодня все более очевидной (табл. 10).

Конечно, концентрация и интеграция вузов — важный аспект модернизации высшего образования. Наш многолетний коллега, челябинский социолог С. Г. Зырянов, исследуя рейтинг вузов своего города, пришел к интересному выводу: первые строчки занимают вузы с универсальной стратегией образовательной деятельности, с многотысячными коллективами студентов и многолетней историей. Ниже по рейтингу расположились вузы, имеющие определенную профессиональную специализацию и закрепившиеся в своем сегменте известности и популярности².

¹ Характеристика ступеней системы образования [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/data/127/643/1219/005_glava_1par.1.2.pdf (дата обращения: 11.05.2016).

² Зырянов С. Г. Новые социальные институты и практики в жизни южноуральцев: Социологический очерк. — Челябинск : Центр анализа и прогнозирования, 2007. — С. 105.

Таблица 10

**Численность аккредитованных вузов и филиалов
в Свердловской области, 2014–2015 гг.¹**

Городские округа	2014		2015	
	Всего	В т. ч. головные вузы	Всего	В т. ч. головные вузы
Алапаевск	1	0	1	0
Березовский (Свердловская обл.)	2	0	2	0
Верхняя Салда	1	0	1	0
Екатеринбург	43	16	42	16
Заречный	1	0	1	0
Ирбит	1	0	1	0
Каменск-Уральский	3	0	3	0
Краснотурьинск	1	0	1	0
Красноуральск	1	0	1	0
Лесной	1	0	1	0
Невьянск	1	0	1	0
Нижний Тагил	8	1	8	0
Нижняя Тура	1	0	1	0
Новоуральск	2	0	2	0
Первоуральск	1	0	1	0
Серов	1	0	1	0
Среднеуральск	1	0	1	0
Всего по области	70	17	69	16

И все-таки «оптимизация» вузов при несомненном наличии позитивных моментов (создание федеральных, национальных исследовательских и опорных университетов, ориентация на повышение рейтинга российских вузов в международных рейтингах, развитие публикационной и исследовательской активности вузовских преподавателей) нередко игнорировала различие корпоративных культур и стилей мышления коллективов объединяемых вузов, мнение коллективов (и преподавателей, и студентов) и социальную роль закрываемых вузов.

¹ Российское образование. Федеральный портал [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.edu.ru/abitur/act.5/rgn.65000000/index.php> (дата обращения: 06.12.2016); Университеты, академии, институты. Свердловская область [Электронный ресурс] // Российское образование. Федеральный портал. — Режим доступа: <http://www.edu.ru/abitur/act.5/rgn.65000000/index.php> (дата обращения: 06.12.2016).

В России массовизация высшего образования привела к резкому снижению его качества. Как заметил в начале 2000-х гг. Я. Кузьминов, «в России 2004 г. массовое высшее образование перестало быть высшим. Оно стало средним техническим, средним профессиональным... Наши вузы стали просто большими техникумами с пятилетним сроком обучения»¹.

Но порой современное высшее образование критикуется (на наш взгляд, неоправданно, так как нельзя «телегу» ставить впереди «лошади») за его «рыночный» характер. «Выстраивание образования в русле рыночных отношений в основном разрушило сущность классического подхода, — отмечает И. М. Ильинский, — из процесса обучения вымываются творческая функция обучающего и обучаемого, связь обучения с исследованиями и мотивация к ним. Рыночный подход подавляет в обучающемся стремление к самовоспитанию, построению собственного духовного мира, выработке гражданской и патриотической позиции»².

В основе подобной критики нередко лежит неприятие «образовательных услуг». По мнению А. С. Запесоцкого, «между услугой и образовательной деятельностью существуют принципиальные, сущностные различия. Услугу получает пассивный потребитель, не несущий ответственности за процесс ее получения. В образовательной деятельности студент или школьник — активный и ответственный участник процесса»³. Свои размышления он завершает категорическим выводом: «Студент — не клиент, обучение по программам высшего образования — это не услуга, а совместная деятельность вуза и студентов»⁴.

Представляется, однако, что сегодня важнее более глубоко рассматривать сущность «образовательной услуги». Образование понимается как отрасль, как «совокупность учреждений, организаций и предприятий, осуществляющих преимущественно образовательную деятельность, направленную на удовлетворение многообразных потребностей населения в образовательных услугах, на воспроизводство и развитие кадрового потенциала общества»⁵. Услуга как удовлетворение потребностей (в том числе и потребности в саморазвитии, самореализации) открывает путь к подлинной модернизации образования, к более полному проявлению социального назначения образования. Ведь суть образовательной и обучающей деятельности, по спра-

¹ Кузьминов Я. Не дело государства определять престижность профессий // Огонек. — 2004. — № 12.

² Ильинский И. М. «О правильном образовании» для России XXI века // Знание. Понимание. Умение. — 2016. — № 3. — С. 8.

³ Запесоцкий А. С. Обеспечение качества высшего гуманитарного образования // Обеспечение качества высшего гуманитарного образования: выездное заседание Президиума Российской Академии образования. 14 декабря 2005 года. — СПб.: Изд-во СПбГУП, 2006. — С. 16–17.

⁴ Там же. — С. 17.

⁵ См.: Щетинин В. Рынок образовательных услуг в современной России // Школа. — 1997. — № 3. — С. 27–38.

ведливому замечанию Ф. Махлупа, заключается в воздействии на человека, ведущем к его развитию как личности¹.

Ф. Котлер, выделивший важнейшее свойство услуги, «неотделимость от источника», обосновал, что образование может быть эффективным только как «совместная деятельность»². Представляется в этом смысле очень важным акцент в определении образования как социального института, который «объединяет людей для совместной деятельности во имя достижения выбранных целей и реализации своих способностей. Субъекты данной деятельностной сферы, с одной стороны, предлагают и с другой — потребляют образовательные услуги. Одни могут (или думают, что могут) научить, а другие готовы (или думают, что готовы) учиться. И те, и другие при этом пытаются повысить или сохранить свой социальный статус»³.

В этих условиях «институты высшего и средне-специального (в меньшей степени) образования становятся основными «место-временными» позициями молодежи, теряя при этом исключительную направленность на профессионализацию и последующую работу по специальности, делаясь своего рода социальной нишей, в которой могут совмещаться ранее разделенные во времени и пространстве виды занятости»⁴.

Завершить данный раздел хотелось бы словами социолога, стоявшего у истоков нашего мониторинга — Л. Я. Рубиной: «Содержательно и нормативно обеспеченная образовательная деятельность в нашей стране осуществляется поэтапно, и, к сожалению, к концу каждого периода в оценке его результатов управленческими структурами, образовательным и научным сообществами, общественным мнением оказывается, меньше успехов и достижений, чем нерешенных задач, проблемных зон, дисбаланса, рисков, особенно с точки зрения качественных изменений, синергетических эффектов»⁵.

Дополним ее ориентацию на глубокий социологический анализ уже прошедших трансформаций в российском высшем образовании мнением о перспективах развития американских колледжей, во многом, на наш взгляд, актуальными и для нас: «В самом деле, критерии, по которым мы оценива-

¹ Махлуп Ф. Производство и распространение знаний в США / пер. с англ. — М. : Прогресс, 1966. — С. 305.

² См.: Котлер Ф. Маркетинг менеджмент. Экспресс-курс. 2-е изд. / пер. с англ. под ред. С. Г. Божук. — СПб. : Питер, 2006. — 464 с.

³ Скикевич А. А., Руденко Л. Н. Образовательный процесс как социальное соглашение // Социология. — 2003. — № 1. — С. 66.

⁴ Омельченко Е. Л. Идентичности и культурные практики российской молодежи на грани XX–XXI вв. / автореф. дисс. д-ра. соц. н. — М. : ИС РАН, 2005. — С. 4.

⁵ Рубина Л. Я. Российская магистратура: реальность, перспективы, риски // Социокультурное развитие большого Урала: тренды, проблемы, перспективы : материалы юбилейной Всероссийской научно-практической конференции «XX Уральские социологические чтения» (Екатеринбург, 27–28 февраля 2015 г.) / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. — Екатеринбург : УрФУ, 2015. — С. 425.

ем качество колледжа, — количество публикаций у его преподавателей, размеры целевого капитала, избирательность при приеме, уровень пожертвований от бывших выпускников, даже процент получающих дипломы, — мало что говорят о том, что делает колледж для своих студентов... По сути своей колледж должен быть местом, в котором молодые люди получают помощь при переходе из подросткового возраста во взрослую жизнь. Он должен обеспечивать руководство, но не оказывать принуждение, для студентов, идущих по опасной дороге к самопознанию. Должен помогать им формировать определенные качества ума и сердца, необходимые для того, чтобы быть думающими гражданами. Вот моя собственная попытка представить эти качества в виде перечня, но не в порядке приоритетов, поскольку они неотъемлемы друг от друга:

1. Скептическое недовольство настоящим, сформированное чувством прошлого.

2. Способность устанавливать связи между не связанными внешне явлениями.

3. Умение ценить природный мир, подкрепленное знанием науки и искусства.

4. Готовность рассматривать жизненный опыт с точек зрения, отличных от вашей.

5. Чувство моральной ответственности.

Любой пишущий сегодня о состоянии наших колледжей сталкивается с проблемой «мальчика, который кричал «Волки!». Но это не означает, что волк не у порога. Американский колледж переживает период болезненных перемен, испытывая воздействие самых разных сил — глобализации, экономической нестабильности, революции, идущей в информационных технологиях, все большей неадекватности образования по программе K-12, затянувшегося подросткового возраста, распада системы получения пожизненной должности (*tenure*) как академической нормы и — это, пожалуй, самое главное — краха консенсуса в отношении того, что должны знать студенты, — что делает его задачи еще более трудными и противоречивыми, чем раньше»¹.

¹ Delbanco A. College. What It Was, Is, and Should Be. Princeton [Electronic resource]. — Princeton University Press, 2012. — Mode of access: http://bookz.ru/authors/endru-del_banko/kolledj_789/1-kolledj_789.html

III. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОРТРЕТ СТУДЕНЧЕСТВА СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ДИНАМИКЕ (КОНЕЦ XX — НАЧАЛО XXI ВЕКОВ)

1. Социальный статус, социальное самочувствие и социальная защищенность студенчества

В анализе статусной позиции студенчества акцент обычно делался на переходность, «маргинальность» группы, занятую деятельностью по подготовке к высококвалифицированному умственному труду, отличающуюся особыми формами социальной активности, свойственной не только обучающейся молодежи, но и характерной для тех отрядов интеллигенции, пополнить которые ей предстоит после окончания вуза. Не всегда учитывалось, что годы студенчества вполне самостоятельный этап жизни человека, на протяжении которого он имеет и формирует собственную среду развития, участвует в таких видах деятельности, которые не только готовят его к чему-то отдаленному, перспективному, но и выступают в качестве личностно-образующих факторов и определяют модели социального поведения студенческой общественной группы. Среди показателей статуса группы студенчества можно выделить группу аскриптивных (пол, место жительства до поступления в вуз, образование родителей) и приобретенных, достигнутых человеком к настоящему моменту его жизни (опрос студентов-третьекурсников).

Динамика распределения студенчества Свердловской области по полу видна на рис. 15.

Уже на первом этапе мониторинга была зафиксирована феминизация высшего образования. При этом заметно преобладание мужчин в технических вузах и женщин среди будущих профессионалов гуманитарной направленности. Так, в 1995 г. в УГПУ и УГЭУ девушек было больше, чем юношей, в 5 раз, в медицинском институте — в 3 раза, в УрГУ и архитектурно-художественном — в 2 раза. Процесс феминизации высшего образования оставался «стихийно стабильным», хотя ситуация социального наполнения безработицы (большинство незанятых женщины с высшим образованием) уже тогда требовала регуляции.

Рис. 15. Динамика изменения состава респондентов по полу, % ответов

Мониторинг 1999 г. зафиксировал сокращение доли мужчин в УГТУ, УрГЭУ, УрГУ. В 2003 г. оно продолжилось в УГТУ и УрГЭУ, лишь в УрГУ эта доля несколько возросла. Особенно быстро менялось соотношение (не в пользу мужчин) за эти годы в УГЛТУ. Сохранялся и даже усиливался дисбаланс по полу в педагогических вузах. Правда в рамках подготовки педагогов он был значительно меньше, чем в реальной структуре педагогических кадров того времени. Но это лишь подтверждало тревожную тенденцию середины 1990-х гг.: большинство юношей избирало педагогические вузы для получения высшего образования, а не для последующей работы педагогом. Тем самым фиксировалась тревожная тенденция, получившая развитие в дальнейшем: мужчины-педагоги стали «краснокнижным видом» в уральской общеобразовательной школе.

В целом процессы феминизации высшего образования нарастали вплоть до 2009 г. На последних этапах мониторинга наметился обратный процесс. С учетом нарастающей многопрофильности большинства вузов необходимо учитывать, что дисбаланс по полу наиболее четко проявляется в рамках различных профилей подготовки. В связи с этим на последующих этапах мониторинга преимущественно фиксировался гендерный состав студенчества не столько по вузам, сколько по направлениям обучения. В этой связи показательна картина, представленная на рис. 16–19.

Заметно, что к 2016 г. число студентов-женщин по сравнению с 2003 г. сократилось по всем направлениям подготовки, но особенно — среди студентов технических направлений обучения. По вузам в 2016 г. соотношение студентов по полу отражено на рис. 20.

В 1995 и 1999 гг. в общем массиве соотношение по полу было — 2 : 3 (юноши : девушки). В 2003 и 2007 гг. их соотношение стало почти 3 : 7, оно сохранилось и в 2009 г.

Рис. 16. Динамика изменения состава респондентов-«гуманитариев» по полу, % ответивших

Рис. 17. Динамика изменения состава респондентов-«экономистов» по полу, % ответивших

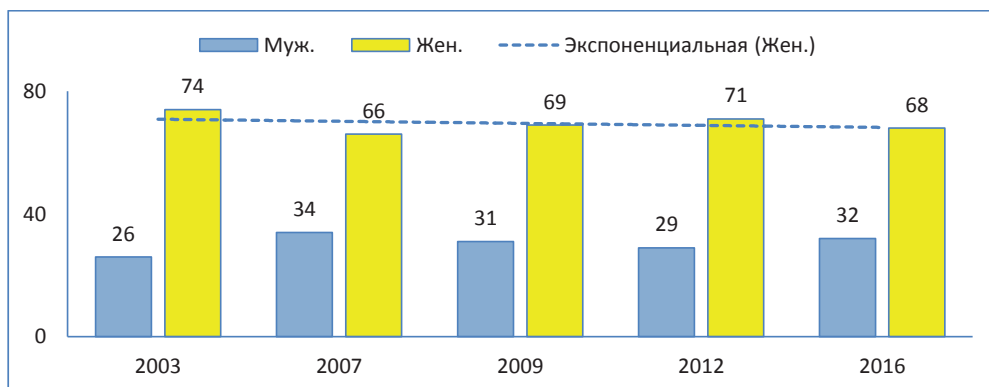

Рис. 18. Динамика изменения состава респондентов-«естественников» по полу, % ответивших

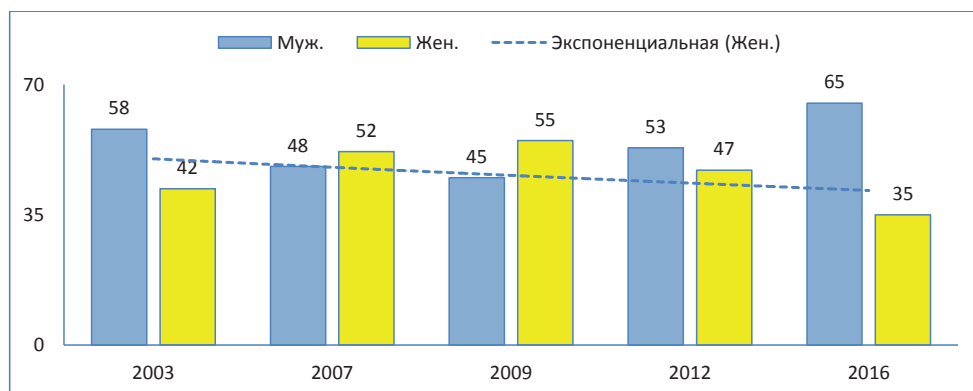

Рис. 19. Динамика изменения состава респондентов-«технарей» по полу, % ответивших

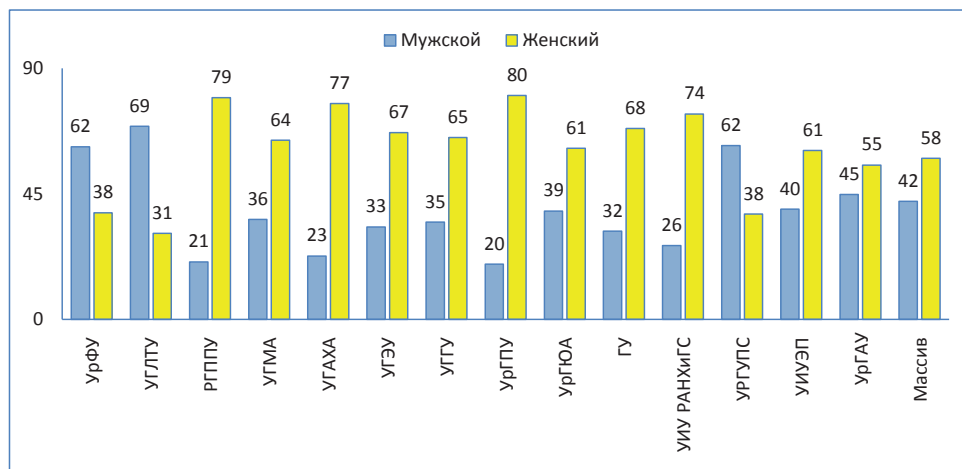

Рис. 20. Распределение студентов в вузах по полу, % ответивших

На VI этапе мониторинга это соотношение чуть изменилось — 1 : 2, в какой-то мере отражая важный момент: «феминизация» высшего образования не должна выходить за определенные границы (табл. 11). Примечательно, что на VII этапе мониторинга соотношение вернулось к начальному — 2 : 3.

В условиях продолжавшейся феминизации стала складываться ситуация, когда вуз рассматривался частью абитуриентов и студентов (особенно женской их частью) скорее как форма продолжения обучения в высшей школе, чем как возможность получить необходимую профессию и квалификацию для дальнейшей работы. Острота проблемы усиливалась, поскольку на границе тысячелетий складывался серьезный дисбаланс между соотношении-

ем числа обучающихся на разных уровнях профессионального образования и долей работников с разным образованием в структуре занятости населения. Характерны данные за 2002 г.: из 1,46 млн выпускников средних школ России студентами стали 1,44 млн. Их вдвое больше, чем учащихся техникумов, в 2,5 раза больше, чем учащихся ПТУ. Между тем, в структуре занятости доля людей с высшим образованием составляет лишь 23,8 %, а со средним профессиональным образованием — 31 %¹.

Таблица 11

Соотношение студентов в вузах по полу на VI–VII этапах мониторинга, % ответивших

Вуз	2012		2016	
	Муж	Жен	Муж	Жен
Массив	34	66	42	58
УрФУ	48	52	62	38
УГГУ	44	56	35	65
УГМУ	36	64	36	64
УГЛТУ	33	67	69	31
УрГЮА	30	70	39	61
УИУЭП	30	70	40	61
ГУ	29	71	32	68
НТГСПА	27	73	—	—
УИУ РАНХиГС	24	76	26	74
УрГПУ	22	78	20	80
УГАХА	21	79	23	77
РГППУ	20	80	21	79
УГЭУ	14	86	33	67
УРГУПС	—	—	62	38
УГАУ	—	—	45	55

Важным индикатором социального статуса выступает место жительства студента до поступления в вуз. Оно позволяет оценить, насколько равные или неравные шансы на получение высшего образования имеют жители разных типов поселений.

В рамках мониторинга выделялись четыре группы поселений: областной центр (мегаполис); крупные города с населением более 100 тыс. человек; малые и средние города; села, поселки, поселки городского типа (ПГТ). Динамика состава респондентов показана в таблице 12.

На начальном этапе мониторинга было установлено, что для 2 из каждых

¹ Известия. — 2003, 11 июня.

5 студентов основным местом жительства до поступления в вуз был Екатеринбург. Половина контингента студентов УрГУ, медицинского и экономического вузов комплектовалась «на местном материале», а в архитектурном университете — почти 3/5 общего числа студентов.

Таблица 12

Структура выборки по месту жительства до вуза, % от ответивших

Группа поселений	Годы						
	1995	1999	2003	2007	2009	2012	2016
Екатеринбург	44	48	48	42	41	35	30
Другой крупный город (>100000 жителей)	18	14	12	16	16	19	17
Малый и средний город (<100000 жителей)	26	28	29	28	31	35	38
Село, поселок городского типа	12	10	11	14	12	10	15

В педагогическом и юридическом вузах студентов-екатеринбуржцев было всего четверть, хотя причины различны. В 1995 г. в технических вузах приток студентов из областного центра был большим, чем ранее. Их «стартовая позиция» во многом оказывалась выгоднее: теснее связь с семьей, нет необходимости испытывать трудности жизни в общежитии, легче было определиться с будущим местом жительства. Но с социальной точки зрения эта часть вузовской молодежи оказалась менее динамичной и самостоятельной, ее статус надолго оставался зависимым от положения родительской семьи. И в самоопределении через вуз у них элемент личной инициативы проявлялся намного позже.

В 1995 г. более всего приезжих из сел, ПГТ поступали в УрГПУ (каждый третий в этом вузе), в архитектурный институт (каждый пятый, что парадоксально при наличии особых требований к поступающим) и УрГЮА (каждый седьмой). В остальных вузах доля сельской молодежи не превышала 8 %.

Для студентов середины 1990-х гг. из малых и средних типов городов было характерно намерение возвратиться в родные места. Такая мера была в значительной степени вынужденной, поскольку в более развитых типах поселений отсутствовала гарантия трудоустройства. Это позволило высказать прогноз о возможном увеличении миграционной подвижности молодежи не только в связи с потребностью в высшем образовании, но и в силу необходимости обретения в будущем более стабильной социальной позиции.

На втором этапе мониторинга в 1999 г., когда исследование не ограничилось вузами Екатеринбурга и включило НТГПИ, были выявлены три тенденции в изменении состава студенчества в зависимости от социально-территориальных факторов.

Во-первых, возросла доля абитуриентов из областного центра (среди студентов вузов Екатеринбурга их более 54 % — рост за 4 года на 10 %). Если учесть, что среди выпускников средних учебных заведений они составляют лишь 25 %, то шансы выпускника — жителя Екатеринбурга поступить в вуз оказывались втрое выше, чем у выпускников жителей области.

Во-вторых, несколько изменилось соотношение абитуриентов из разных городов (крупных; средних и малых) в пользу последних. Отчасти это связывалось с развитием в середине 1990-х гг. во многих городах области (Н. Тагил, Первоуральск, Каменск-Уральский, Краснотурьинск, Серов) филиалов и отделений государственных и коммерческих вузов Москвы, Екатеринбурга, Челябинска. Более того, крупные вузы проникали и в малые и средние города области, где создавали свои представительства. Отметим важную социокультурную функцию филиальной сети того периода в муниципальных образованиях — сокращение «образовательной дистанции», вовлечение в высшее образование молодежи малых и средних городов и одновременно — трансляция культуры высшей школы на местах. Но по существовавшему законодательству такие представительства не имели права на организацию стационарного обучения студентов очной формы обучения, поэтому приток в них выпускников школ (без трудового стажа), особенно — юношей, по-прежнему был весьма ограничен. «Иногородним» студентам учиться гораздо сложнее, особенно в материально-бытовом отношении. Но, с учетом неравенства шансов, те из «иногородних», кто успешно преодолевал трудности конкурсного отбора, нередко оказывались и лучше подготовленными, и более мотивированными к последующей учебе.

В-третьих, продолжилось дальнейшее сокращение доли студентов — жителей сельской местности. Их шансы поступить в вуз в сравнении с шансами выпускника-жителя Екатеринбурга оказывались в 10–12 раз ниже, что отражало реальный разрыв в уровне и качестве довузовской подготовки и формировавшийся на этой основе своеобразный «комплекс провинциальности».

Наиболее остро эти проблемы чувствовали абитуриенты-девушки (рис. 21).

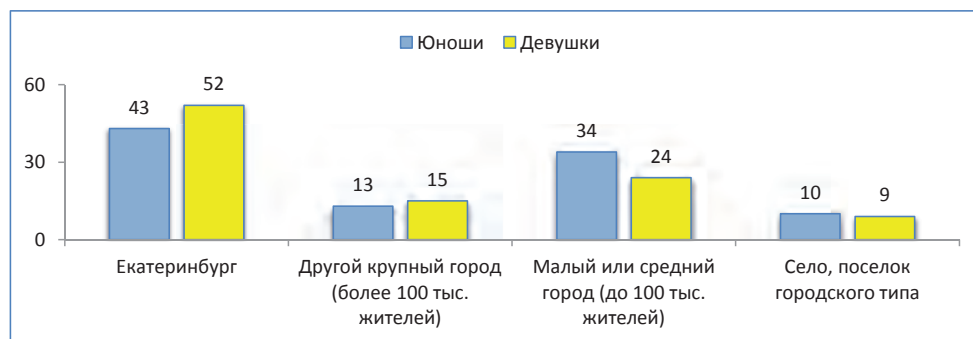

Рис. 21. Распределение студентов из разных типов поселений до поступления в вуз по месту жительства и полу, 1999 г., % от группы

Заметно, что в шансах на поступление в институт самый большой разрыв был между девушками-жителями Екатеринбурга и малых и средних городов области. Если в целом по массиву их доля в 1999 г. соотносилась как 17 (Екатеринбург): 10 (иногородние), то среди женщин — 22 : 10.

Из вузов Екатеринбурга в 1999 г. наиболее доступными для абитуриентов-жителей других городов и районов области были УГЛТА (где лишь 1 из 3 студентов — екатеринбуржец), УГТУ и УрГУ (каждый второй — екатеринбуржец); наиболее «закрытым» — УГППУ (профессионально-педагогический). Возможно это связано с коренным изменением профиля абитуриентов в этом вузе — переходом от преимущественного приема выпускников СГПТУ к приему выпускников общеобразовательных школ.

По направлениям обучения в этот период более доступными для абитуриентов-жителей других городов и районов области являлись технические и гуманитарные специальности, наименее доступными — социально-экономические.

Усиливавшийся разрыв в шансах на получение высшего образования для молодежи из разных типов поселения в перспективе создавал угрозу воспроизводству кадров молодых специалистов в различных территориальных образованиях Свердловской области.

Социологами была зафиксирована и такая важная тенденция: студенты из малых и средних типов поселений после окончания вуза в сравнении с концом 1980-х — началом 1990-х годов с большей вероятностью стали возвращаться в родные места.

Однако кризисное состояние многих градообразующих предприятий малых и средних городов области (связь поселений и заводов — традиционная специфика Урала), хроническое бюджетное недофинансирование муниципальных образований сильно мешало местным органам каким-то образом облегчить обучение «своих» студентов в Екатеринбурге и Нижнем Тагиле и, тем более, гарантировать выпускникам вузов трудоустройство в родном городе. Уже на этом этапе мониторинга социологи предостерегали, что недооценка сложившейся острой ситуации в перспективе чревата катастрофической нехваткой в городах и районах области высококвалифицированных кадров по многим специальностям. Особенно серьезной такая угроза была по воспроизводству педагогов, врачей, работников культуры, инженеров.

Выявились и серьезные противоречия — в межбюджетных взаимоотношениях между областью и муниципалитетами, между муниципалитетами и градообразующими предприятиями. В финансово-экономическом положении многих градообразующих предприятий малых и средних городов области к 2003 г. произошли определенные позитивные перемены: финансирование социальной политики муниципалитетов стало более рациональным, четко ограничивая рамки своей заинтересованности. В русле рассматриваемой нами проблемы это наиболее благоприятно сказывалось на подготовке

специалистов технического профиля и крайне неблагоприятно — на подготовке работников бюджетной сферы.

Этап 2003 г. позволил зафиксировать стабилизацию доли студентов-жителей сельской местности. Их шансы поступить в вуз в сравнении с шансами выпускника-жителя Екатеринбурга были в 10–12 раз ниже. При этом наблюдался достаточно высокий разрыв (в 3–4 раза) внутри группы абитуриентов из сел и ПГТ в зависимости от территориальной и транспортной близости (или удаленности) от Екатеринбурга и других крупных городов. Показательно, что наряду с развивающимся «комплексом провинциальности» нарастало и понимание (как молодыми людьми, так и, что особенно важно, их родителями) роли высшего образования как канала социальной мобильности, его восприятия как единственной возможности «вырваться» из условий сельской жизни, сделать карьеру, лучше устроиться. Динамика бюджетных и контрактных студентов по группам поселений приведена в табл. 13.

Начавшееся с 2007 г. постепенное, нарастающее ужесточение нормативно-правовых требований к филиалам и представительствам вузов и ограниченные возможности распространения дистанционного обучения еще более ограничило шансы выпускников из села, малых и средних городов на поступление в вуз. Еще более негативно на состояние сети филиалов вузов сказался начавшийся с 2012 г. процесс «оптимизации» высшей школы.

Таблица 13

Где жили до поступления в вуз (по форме обучения), %

Группа поселений	Годы											
	2003		2007		2009		2012			2016		
	Б	К	Б	К	Б	К	Б	КГ	КНГ	Б	КГ	КНГ
Екатеринбург	50	46	42	41	38	47	32	41	42	28	30	50
Другой крупный город (>100 тыс. чел.)	11	13	16	17	16	16	18	20	23	14	20	15
Малый или средний город (<100 тыс. чел.)	31	27	27	32	32	28	38	31	28	41	38	14
Село, поселок городского типа	8	14	15	10	14	9	12	7	8	17	12	21

Примечание. Б — бюджетники, К — контрактники. В 2012 г. КГ — контрактники в государственных вузах, КНГ — контрактники в негосударственных вузах.

Весьма противоречиво оценили эксперты и провозглашенное в официальных документах позитивное воздействие ЕГЭ (а он стал внедряться именно в это время) на увеличение этих шансов для разных групп выпускников школ. Оппоненты особенно подчеркивали несоответствие единства требований ЕГЭ и серьезных социально-территориальных различий в качестве

обучения школьников и, соответственно, в уровне их подготовки к экзаменам. В дальнейшем, на последующих этапах мониторинга, практика показала справедливость этих опасений.

По данным федерального исследования (2015 г.), «радикального изменения доступности высшего образования для детей из сельской местности не произошло»¹.

Важный аспект социальных различий в студенческой среде — различия в уровне и качестве довузовской образовательной подготовки. Во многом они были обусловлены социально-территориальными различиями и дополнительно усиливали разрыв в шансах абитуриентов. В целом по всем этапам мониторинга динамика довузовской подготовки студентов отражена в табл. 14.

Уже на первых двух этапах мониторинга были выделены основные тенденции влияния разных каналов довузовской подготовки на формирование состава студенчества.

Таблица 14

Динамика структуры выборки по типу довузовской подготовки студентов, % от группы

Что окончили до поступления в вуз	1995	1999	2003	2007	2009	2012	2016
Средняя общеобразовательная школа	71	56	60	64	60	63	72
Специализированный класс, гимназия	17	28	25	26	27	29	23
СПТУ, лицей, техникум, училище, колледж	12	16	15	10	13	8	5

В середине 1990-х гг. несколько сократился приток в вузы выпускников общеобразовательных школ (за исключением педагогических вузов и УГ-ЛТА) и возрос прием выпускников специализированных классов, гимназий. Этому способствовали различные факторы.

Во-первых, качественно изменилась система среднего образования области (особенно в крупных городах): в ней возрос удельный вес образовательных учреждений «нового типа» — специализированных школ, гимназий.

Во-вторых, между этими образовательными учреждениями и традиционными массовыми общеобразовательными школами заметно усилился разрыв в качестве образования, что предопределило разницу в шансах их выпускников на поступление в вузы.

В-третьих, при среднем соотношении двух потоков абитуриентов-школьников (выпускники общеобразовательной школы: выпускники спецклассов,

¹ Рошина Я. М., Рудаков В. Н. Региональные и московские вузы в 2015 г.: различия стратегий студентов и преподавателей // Информационный бюллетень. — М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2017. — С. 50.

гимназий) 2 : 1 оно существенно различалось в зависимости от профиля обучения, колеблясь как 1 : 1,1 (гуманитарные специальности); 1,6 : 1 (социально-экономические специальности); 1,7 : 1 (естественно-научные специальности); 4 : 1 (технические специальности). Таким образом, зачастую выбор будущей специальности и вуза, да и возможности реализовать свой выбор уже тогда оказывался predetermined выбором типа среднего образовательного учреждения. Социальное расслоение будущих студентов начиналось задолго до вуза. Хотя и менее заметно, различия в соотношении двух этих потоков абитуриентов-школьников проявлялось по полу: у юношей 2,3 : 1; у девушек — 1,8 : 1. Эти различия накладывали свой отпечаток на отмечавшийся выше процесс феминизации высшего образования.

Наконец, с середины 1990-х гг. ряд вузов (особенно — УрГУ, УГТУ, УГМА, УГЭУ) пошли по пути создания специализированных классов, набор в которые стимулировался существованием до 1998 г. определенных льгот при поступлении выпускников в «свои» вузы. Ликвидация этих льгот в новых общефедеральных правилах приема в вузы была продиктована «заботой» о социальном равенстве абитуриентов. Но, поскольку эти правила не могли как-то повлиять на усиливающийся разрыв в качестве образования между спецшколами, гимназиями и массовыми общеобразовательными школами (а тем более на отмеченные выше социально-территориальные различия), то реально социальное равенство абитуриентов оставалось недостижимым. Одновременно эти правила наносили серьезный ущерб по формировавшейся системе профориентационной работы вузов. В результате система жесткого правового регулирования социального состава студенчества (в любой форме — предоставление «льгот» и полная их отмена), не давшая серьезных результатов в советское время, оказалась еще менее эффективной в рыночных условиях.

Другой значимой тенденцией 1990-х гг. был заметный рост среди студентов вузов доли выпускников начальных и средних профессиональных образовательных учреждений (особенно в педагогических вузах, УГЛТА, УГАХА). Он происходил в основном за счет выпускников колледжей — относительно новой для того времени формы средней профессиональной подготовки, появившейся как альтернатива традиционным техникумам и профессионально-техническим училищам. Их среди студентов было вдвое больше, чем выпускников средних профтехучилищ, в УГТУ и УрГЭУ — втрое больше, в УГЛТА и УГАХА — в 5 раз больше. Самая большая доля выпускников средних профтехучилищ и колледжей была среди студентов-гуманитариев (каждый четвертый) и «технарей» (каждый пятый), гораздо меньше их было среди «экономистов» (13 %) и «естественников» (10 %).

Вместе с тем, в период проведения первых этапов мониторинга был зафиксирован ряд проблем, сдерживающих приток в вузы выпускников учреждений начального и среднего профессионального образования. Относительно начального профессионального образования исследование в Горнозавод-

ском округе¹ показало: среди учащихся СГПТУ выделялась группа (по масштабам 25—30 %, преимущественно девушки), ориентированная не столько на освоение рабочих профессий, сколько на дальнейшее получение высшего образования. Именно их наиболее не удовлетворяло низкое качество общеобразовательной подготовки во многих СГПТУ. Повышение качества такой подготовки могло бы стать важной предпосылкой выравнивания социальных шансов данной категории учащейся молодежи. Но это требовало серьезной переориентации в реализации социальной роли начального профессионального образования. Однако, уже в ближайшие годы был фактически выбран курс на фактическое сокращение начального профессионального образования, которое в 2013 г. было закрыто уже на законодательном уровне².

Еще одна серьезная социальная проблема была связана с организацией обучения (по срокам, формам, характеру сочетания теоретических и практических занятий и т. д.) тех студентов, которые уже освоили в техникумах, колледжах и СГПТУ элементарные знания и навыки по профессии. Не заработала в полную силу и комплексная система «колледж — вуз», во многом сохранялось положение, когда выпускники колледжей, училищ учились как бы «с нуля», без опоры на полученные ими профессиональные знания. В социальном плане это означало нерациональное использование стартового потенциала этих студентов, а следовательно, и проявление их социальной незащищенности. Это было неверное решение, поскольку в Свердловской области (в частности, в УГЛТА и УГАХА) был накоплен значительный опыт ускоренного обучения выпускников колледжей, особенно по специальностям, где были относительно четкие градации низшей, средней и высшей квалификации. Характерно, что именно в этих вузах доля выпускников СГПТУ и колледжей в составе студентов была достаточно велика (каждый третий). Однако был и парадоксальный опыт: в УГТУ, где на многих факультетах в те годы началась активная реализация системы «колледж — вуз», доля выпускников СПТУ и колледжей в составе студентов за 4 года даже сократилась — с 23 % в 1995 г. до 8 % в 1999 г.

В перспективе решение этой серьезной социальной проблемы виделось в организационной интеграции университетов и колледжей. В 2003 г. были зафиксированы позитивные примеры интеграции Нижнетагильского машиностроительного колледжа и Первоуральского металлургического техникума с УГТУ—УПИ, что привело к повышению доли выпускников средних и на-

¹ Вишневский Ю. Р., Боронина Л. Н., Шапко В. Т. Учащиеся ПТУ: ценностные ориентации // Ценности и идеология в современной России : тез. докл. — Екатеринбург, 1996. — С. 49—55; Горнозаводской учебный округ: состояние, проблемы и тенденции развития: информ.-аналит. отчет по матер. социол. исслед. (весна—лето 1995 г., Н. Тагил, В. Салда) Ю. Р. Вишневский [и др.]. — Екатеринбург, Н. Тагил, 1997. — 48 с.

² Об образовании в РФ. Федеральный закон № 273 — ФЗ от 29.12.2013. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.school619.ru/assets/files/ege_gia/fz_2013.pdf (дата обращения: 11.12.2015).

чальных профессиональных образовательных учреждений до наивысшего значения, по сравнению с другими вузами Свердловской области. Примечательно, что в РГППУ и УГЛТУ за 1999–2003 гг. эта доля существенно сократилась.

После некоторого (не очень значительного) повышения доли выпускников училищ, лицеев и колледжей в 2009 г., уже в 2012 г. происходит их сокращение. Начавшийся переход на двухуровневую систему высшего профессионального образования, на наш взгляд, еще более усложнил и ограничил возможности выпускников училищ, СГПТУ и колледжей поступить в вуз. Развитие бакалавриата усилило неопределенность статуса учреждений системы СПО (и их выпускников). Незавершенная до настоящего времени реформа профессионального образования должна быть комплексной, охватывающей все его уровни, а не только верхний. Дополнительные трудности в данном отношении в период с 2009 по 2012 гг. создавали нормативно-правовые акты о ЕГЭ, в которых ЕГЭ то объявлялось обязательным для поступления выпускников лицеев и колледжей в вузы, то это решение отменялось. Сегодня ЕГЭ остается единственной формой экзамена для выпускников средних профессиональных организаций, но остается дискуссионным содержание и технология проведения ЕГЭ. Открывается еще одно противоречие — ЕГЭ как единая технология применяется для разных форм образовательной деятельности — и в общей, и в профессиональной школе. Возникающий разрыв в образовательных программах никак не компенсируется выпускникам системы среднего профессионального образования.

Таким образом проявился кризис системы начального и среднего профессионального образования: выпускники этой системы, не попадая в вузы в качестве абитуриентов, одновременно не оставались и в избранной профессии. Не имея пусть и отдаленной перспективы поступить в вуз, многие учащиеся школ отказывались от промежуточного выбора лицея или колледжа. Это дополнительно усилило массовую ориентацию школьников на полное среднее образование и дальнейшее непременное обучение в вузе. Тенденция «вуз—вуз—вуз» окончательно сформировалась именно на границе тысячелетий и отражала не только перекосы в сознании учащейся молодежи. Одновременно это и отражение кризисных явлений в системе образования, приведших к феномену модернизации образования.

В 2003 г. не подтвердилась зафиксированная в 1999 г. тенденция сокращения притока в вузы выпускников общеобразовательных школ и возросшего притока выпускников специализированных классов, гимназий. Практически во всех вузах, где данные мониторинга за 1999–2003 гг. года сопоставимы (кроме УГТУ-УПИ), доля выпускников общеобразовательных школ возросла. Это происходило во многом вследствие значительных изменений в системе среднего образования области (особенно — в крупных городах). Происходившее в 1990-х гг. быстрое развитие образовательных учреждений

«нового типа» — специализированных школ, гимназий — в 2000-е гг. стабилизировалось. Выявилась ограниченность возможностей обеспечения их высококвалифицированными педагогическими кадрами, особенно в средних и малых городах. К тому же и старшеклассники, и их родители негативно восприняли стремление ряда гимназий обеспечить свою специфику за счет чрезмерного расширения круга изучаемых дисциплин (что порой начинало расходиться с Базисным учебным планом) или завышенных требований к их объему и содержанию (когда преподавание включало и некоторые разделы вузовских курсов). Да и специализация обучения все чаще начинала реализовываться и в обычных школах. Соответственно разрыв между гимназиями и массовыми общеобразовательными школами, с точки зрения подготовки в вуз, усиливавшийся на протяжении 1990-х гг., начал сокращаться. В результате в 2003 г. среднее соотношение двух потоков абитуриентов-школьников: выпускники общеобразовательной школы и выпускники спецклассов, гимназий составило 2,4 : 1 (в 1999 г. оно было 2 : 1).

Социальное равенство абитуриентов оставалось недостижимым. Социальное расслоение будущих студентов начиналось задолго до поступления в вуз, определяя выбор уже среднего образовательного учреждения, что во многом ограничивало выбор будущей специальности и вуза.

Характерны различия в довузовской подготовке студентов-бюджетников и контрактников (табл. 15).

Вырисовывается весьма важная для понимания сути социального расслоения студенчества ситуация: образование в целом становится платным, и для родителей плата на подступах к вузу (спецклассы, гимназии, подготовительные курсы и т. д.) чаще является своеобразной формой сократить свои «издержки» за дальнейшее обучение ребенка в вузе.

Таблица 15

Структура выборки по типу довузовской подготовки (по форме обучения), %

Значения	2003		2007		2009		2012			2016		
	Б	К	Б	К	Б	К	Б	КГ	КНГ	Б	КГ	КНГ
Средняя общеобразовательная школа	57	65	59	73	58	62	61	66	64	70	73	84
Специализированный класс, гимназия	29	18	30	18	28	26	31	30	22	25	20	14
Лицей, СПТУ, училище, колледж	14	17	11	9	14	12	8	5	14	5	7	2

Примечание. Б — бюджетники, К — контрактники. В 2012 и 2016 гг. КГ — контрактники в государственных вузах, КНГ — контрактники в негосударственных вузах.

Характерны и данные федерального исследования (2015 г.): чем выше уровень программы обучения профессионального образования, тем больше учащихся окончили какую-либо специализированную школу или гимназию. Так, доля учащихся, окончивших обычную школу (а не специализированную школу, не гимназию и т.д.), составляла в 2015 г. 56 % среди студентов специалитета и 64 % — среди студентов бакалавриата ООВО, 70 % — среди учащихся программ подготовки служащих среднего звена, и 80 % — среди учащихся программ подготовки квалифицированных рабочих и служащих¹. Что касается студентов-очников бакалавриата и специалитета то в целом характеристики школы, которую они окончили последней, за 2006–2015 гг. мало изменились. Так, в 2015 г. 13 % окончили гимназию, 13 % — лицей, 11 % — школу с углубленным изучением предметов².

Но одновременно, хотя население России в последние годы несет значительные расходы на образование, согласно данным мониторинга, доля бакалавров и специалистов, обучающихся по дневной форме обучения, которые платят за свое образование, выросла. В 2006 г. она составляла 55 %, в 2010–2012 гг. — 58–62 %, в 2014 г. — 66 %, и в 2015 г. — 62 %. Начиная с 2010 г. доля обучающихся бесплатно в регионах была выше, чем в Москве (в 2015 г. — 65 %, тогда как в Москве — 56 %)³. Если рассмотреть цены, дефлированные на индекс потребительских цен к уровню 2015 г., то окажется, что за 2011–2015 гг. стоимость обучения в вузах Москвы снизилась более чем в полтора раза, а в региональных вузах хотя и снизилась, но менее чем на 10 %⁴.

Программа мониторинга ставит перед исследователями и определенные ограничения: выход на новые проблемы всегда связан с необходимостью от чего-то отказываться. Разумнее всего отказываться от подтверждения очевидных, устойчивых тенденций.

В частности, при проведении исследования «Студент-99» было решено опустить вопрос об образовании родителей студентов. В 1995 г. ответы на него показали: подавляющее большинство (почти 2/3) родителей студентов имели высшее образование, 1/3 — среднее специальное, и лишь всего у 7 % опрошенных родители закончили среднюю школу. Тем самым подтвердился факт: отсутствие искусственных мер регуляции социального состава студентов усиливает процесс самовоспроизводства интеллигенции. Публикация материалов Международного лонгитюдного проекта «Пути поколения»⁵ избавила авторов от необходимости вновь подтверждать его.

¹ Рощина Я. М., Рудаков В. Н. Региональные и московские вузы в 2015 г.: различия стратегий студентов и преподавателей//Информационный бюллетень. — М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2017. — С. 49.

² Там же. — С. 50.

³ Там же. — С. 55.

⁴ Там же.

⁵ См.: Социальное расслоение возрастной когорты. Выпускники 80-х в постсоветском пространстве. Международный лонгитюдный проект «Пути поколений»: третий этап / отв. ред. М. Х. Титма. — М.: Ин-т социологии РАН, 1997. — 278 с.

Близкие, сопоставимые по характеру результаты, свидетельствующие о сохранении указанной тенденции, были получены применительно к студентам Свердловской области в ходе всероссийского социологического исследования «Студенчество России о социальном неравенстве и социальной справедливости» в 2016 г.¹ Как видим из рис. 22, и сегодня существенно более половины родителей имеют высшее образование.

Остается справедливым вывод о том, что процесс воспроизводства интеллигенции является одним из ведущих в высшем образовании. Но если, с одной стороны, прослеживается преемственность в вопросах образования, то, с другой, сказывается выявленная многолетними социологическими исследованиями тенденция к массовизации высшего образования, когда родители, сами не получившие высшего образования, стремятся, чтобы его получили их дети.

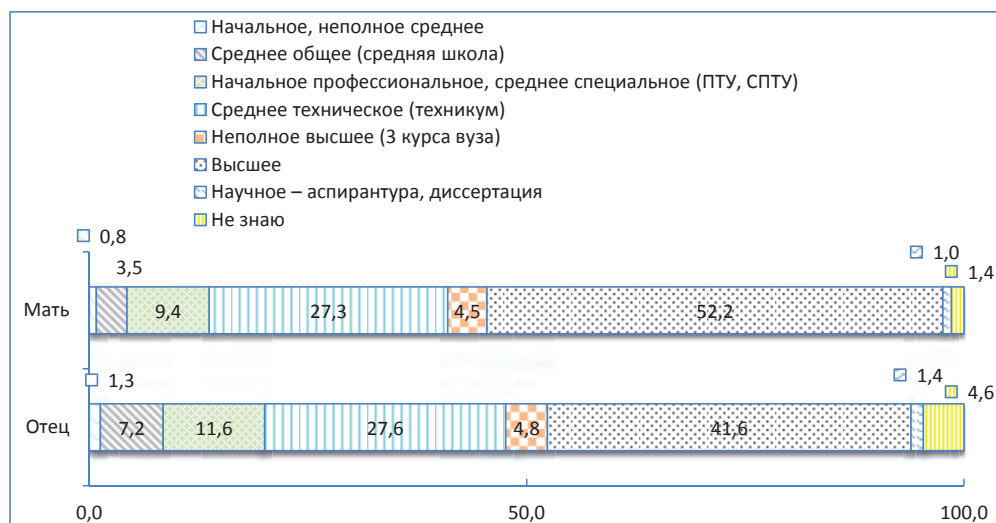

Рис. 22. Уровень образования родителей студентов-участников опроса.

Изучение объективных, не зависящих от респондента факторов социального статуса важно не только само по себе (их влияние на статус в студенческой среде уже в прошлом, оно «работало» в момент выбора вуза), но и для последующего анализа различий в социальном положении, социальной защищенности и социальном самочувствии различных групп студенчества.

¹ Особенности представлений свердловских студентов о социальном неравенстве и социальной справедливости / Ю. Р. Вишневский, Д. Ю. Нархов, Е. Н. Нархова, Т. А. Орешкина, Т. А. Чегодаева // Студенчество России о социальном неравенстве и социальной справедливости: сборник научных статей / под общ. ред. Ю. Р. Вишневского. — М. : Российское общество социологов; Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2016. — С. 128.

Для дальнейшей конкретизации особую значимость имеет акцент на социологический аспект социального самочувствия, включающий ощущение человеком своей социальной защищенности, его удовлетворенности «состоянием здоровья (последнее во многом зависит от ряда социальных факторов, таких как уровень потребления, развитие здравоохранения и состояние медицинского обслуживания и др.), материальным положением, социальным статусом, профессиональной деятельностью, правовой защищенностью, обустроенностью семьи, межличностными отношениями на работе, а также состоянием политической, социально-экономической, экологической, межнациональной ситуации в регионе проживания и в стране в целом»¹. Далее нами будут рассмотрены наиболее важные из этих индикаторов.

В качестве основы предлагается концепция четырех базовых компонентов социальной защищенности студентов (4 «З») (рис. 23).

Рис. 23. Основные направления концепции социальной защищенности студенчества

¹ Орлова Л. А. О социальном самочувствии учителей Московской области // Социологические исследования. — 1998. — № 8. — С. 89.

Здоровье — индикатор, отражающий, насколько в вузе созданы условия для формирования у студентов здорового образа жизни, насколько сами студенты не только понимают, но и на практике реализуют основные принципы здорового образа жизни, насколько развита валеологическая культура студенчества¹.

Заработок — индикатор, фиксирующий источники доходов студентов; возможности дополнительных заработков и доходов; регистрирующий расходы, распределение бюджета.

Занятость — индикатор, отражающий уровень и качество профессиональной подготовки, их связь с возможностями и вероятностью трудоустройства после окончания вуза, распространенность «вторичной занятости» (различных форм сочетания учебы с работой), проблемы работающего студента².

Защищенность — индикатор, показывающий, насколько сами студенты ощущают свою защищенность или незащищенность, устойчивость или неустойчивость своего социального статуса, социального положения.

Особенностью современного студенчества является то, что процесс его включения в общественную жизнь идет не только через учебную деятельность и профессиональную подготовку, но и путем формирования независимых материально-бытовых условий, способов собственной активности и путем выбора форм социального взаимодействия. Материально-бытовое самоопределение студентов — противоречивый процесс формирования молодыми людьми независимого от родителей финансового, имущественного и жилищного статуса³. Определены две «узловые точки» этого процесса: 16–17 лет, когда начинается более или менее массовое включение во взрослую экономическую жизнь; 21–22 года, когда накапливается первый опыт и возможно выявление динамики материально-бытовых намерений студенчества. Наш мониторинг отразил второй из этих этапов, когда одновременно меняется сама система ценностей (образование, профессия, труд, экономическое взаимодействие и т. д.) и выявляются новые противоречия в сознании и поведении вузовской молодежи.

В чем выражаются попытки студентов сформировать собственный материально-бытовой статус, насколько они успешны?

Показателем этого статуса выступает «бюджет студента» — его расходы и доходы. За годы мониторинга приемы и инструментарий изучения этого

¹ В рамках мониторинга проблематика здоровья и здорового образа жизни соотносилась с проблемами саморазрушительного и самосохранительного поведения, профилактикой вредных привычек, употребления психоактивных веществ, особенно наркомании в молодежной среде. Сохраняя преемственность структуры мониторинга, авторы сочли необходимым изложить материал, связанный с изучением индикатора «здоровье» в отдельной главе.

² Проблема занятости в соответствии с традицией нашего мониторинга подробнее рассматривается в разделе «Профессиональное самоопределение».

³ Мониторинг региональных проблем доступности высшего образования: Аналитический доклад/А. К. Клюев, Е. Л. Могильчак, И. В. Кезина [и др.]. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2007. — 144 с.

индикатора претерпевали изменения. На двух первых этапах исследования (1995–1999 гг.) подробно изучались самооценки расходов и доходов студентов (табл. 16).

Основным источником дохода для большинства студентов второй половины 1990-х по-прежнему являлась помощь со стороны родителей и близких¹. И в 1995 г., и в 1999 г. такой поддержки вообще не имели лишь 6 %. Чуть меньше других на эту помощь рассчитывали студенты — будущие архитекторы. Необходимость и значительные размеры материальных затрат родителей на обучение детей в вузе превратились в одну из важнейших предпосылок учебы.

Как соотносятся дополнительные заработки студентов с материальной помощью родителей, родственников? Насколько значима эта помощь? Данные о помощи родителей представлены на рис. 24.

Таблица 16

Структура доходов студентов (доля студентов, отметивших наличие соответствующих доходов, в % к группе)

Источники доходов	1995 г.		1999 г.
	Основные	Неосновные	
Стипендия	28	67	67
Помощь родителей	72	22	94
Зарплата	13	7	—
Стройотряд	2	4	4
Дополнительные (разовые) заработки	9	26	34
Перепродажа товаров	2	5	4
Прибыль от акций, вкладов	2	8	2
Незаконный бизнес	2	3	5
Матпомощь профсоюза	1	7	4
Пенсия, пособие	3	5	8
Что-то еще	8	92	21

Примечание. В анкете 1995 г. источники доходов разграничивались на основные и неосновные, в анкете 1999 г. это разграничение было снято.

Если учесть мониторинговый характер исследования (когда на каждом этапе отвечают люди, хотя и сходные по важным признакам — студенты-третьекурсники, но обладающие своими индивидуальными особенно-

¹ По данным экспресс-опроса студентов УГТУ (осень 1994 г.), бюджет «среднего студента» в его доходной части складывался так: стипендия (5 %), помощь родителей (45 %), заработки и другие доходы (50 %) (См.: Студент — 95: социальный портрет. — Екатеринбург, 1995. — С. 11).

стями), поражает устойчивость некоторых тенденций. В их ряду заметна тенденция, когда более 90 % студентов постоянно отмечают, что получают материальную помощь от родителей и родственников. Устойчиво соотношение в оценке масштабов этой помощи («ощутимая»: «незначительная») 1,7 : 1—2,4 : 1. Сохранилось и соотношение в оценках этой помощи между девушками и юношами (первые чуть выше оценивают эту помощь — 11 : 10). Примечательно, что доля студентов, не получающих материальной помощи от родителей, осталась одинаковой и у бюджетников, и у контрактников: в 2003 г. — 9 %, в 2007 г. — 7 %, 2009 г. — 8 %, в 2012 г. — 7 %, в 2016 г. — 8 %.

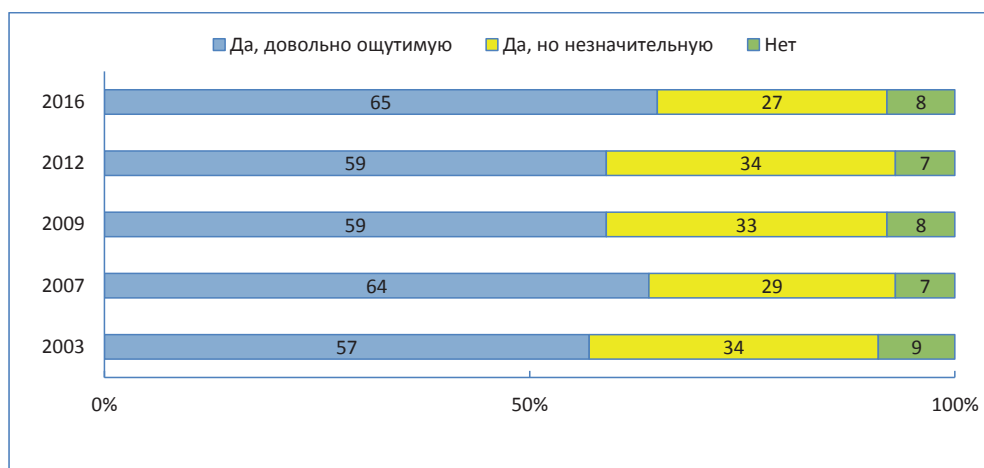

Рис. 24. Получают материальную помощь от родителей, родственников, % опрошенных

Речь все более идет не столько о «помощи родителей», сколько о массовом распространении контрактного обучения (официально), платности высшего образования (неофициально).

Сделанный вывод о настоятельной необходимости широкого внедрения дифференцированных систем образовательных кредитов, образовательных «ваучеров», к сожалению, до сих пор не получил своего развития. Образовательный кредит не стал нормой ни для самих студентов и их родителей, ни для кредитных учреждений (банков), ни для вузов: по данным опроса 2016 г. в рамках изучения проблем обеспечения социальной безопасности молодежи было выявлено, что кредит на оплату основного образовательного контракта был у 3 % респондентов, и еще 2 % брали такой кредит для оплаты репетиторов¹ (табл. 17–18).

¹ Социальная безопасность молодежи Свердловской области. Отчет о НИР по договору № Н 803.210.003/15 от 5 сентября 2016 г. N = 934, доля студенчества в выборке — 70 %.

Таблица 17

Источники доходов студентов-участников опроса, 2016 г., % опрошенных

№	Значения	%
1	Зарплата	75
2	Помощь родителей, родственников	30
3	Случайные заработки	19
4	Стипендия	18
5	Собственный бизнес	4
6	Социальное пособие	3
7	Другие источники	2
8	Социальная пенсия	1

Примечание. Пропуски: 32 из 934 (3,4 %).

Таблица 18

Предпочтения в источниках займа, % опрошенных

№	Значения	%
1	Не обращусь за займом	10
2	Родители, родственники	68
3	Друзья, знакомые	43
4	Крупный банк с государственным участием	27
5	Работодатель	7
6	Ближайший коммерческий банк	7
7	Ломбард	2
8	Организация микрокредитования	1
9	Фирма по объявлению в газете, объявлению на остановке общественно-го транспорта и т. п.	1

Примечание. Пропуски: 35 из 934 (3,7 %).

Второй по значимости источник — стипендия, но на протяжении всех этапов исследования ее размер был таков, что в качестве основного средства жизни этот вид дохода могли назвать лишь немногие. В итоге уже на первом этапе была зафиксирована тревожная тенденция, которая сохранялась в дальнейшем — резкое снижение роли стипендии в обеспечении социального статуса студента. Проблема даже не в мизерности стипендии и ее «способности» обеспечить жизнь среднего студента в течение 2–3 дней. Серьезнее по своим негативным социальным последствиям было другое — общество как бы демонстрировало безразличие к жизни и становлению будущих квалифицированных специалистов. По данным общенационального исследова-

ния вузовской студенческой стипендии в середине 1990-х гг. хватало, чтобы восполнить 30 % расходов на питание, 17 % — на покупку одежды и обуви, 27 % — на приобретение учебников и книг, 23 % — на досуг и развлечения¹. Причем, речь шла о расходах в рамках минимального прожиточного минимума, «потребительской корзины».

К сожалению, и сегодня на официальном уровне сохраняется позиция, что «целью государства не может быть выплата стипендий, на которую студент может более или менее безбедно жить. У государства нет таких возможностей...»; стипендия — это «не форма материальной поддержки, а просто такая помощь для решения каких-то частных задач»². В качестве альтернативы стипендии государство видит возможность для студента активного, творческого заработка: «... конечно, для студентов, мне кажется, очень важно, чтобы была создана возможность трудиться. Причем не так, как это было раньше, действительно, улицы мести или ящики таскать, хотя это на самом деле неплохо. Это опыт, но желательно, чтобы это было или в университете, или в бизнесе, который создан при университете»³.

В условиях, когда несвоевременно или не в полном объеме выплачивалась даже гарантированная по закону стипендия (в размере двух минимальных месячных зарплат), важно было установить отношение студентов к самим принципам назначения стипендии, уточнить ее подлинный смысл. В исследовании 1999 г. были получены следующие результаты (рис. 25).

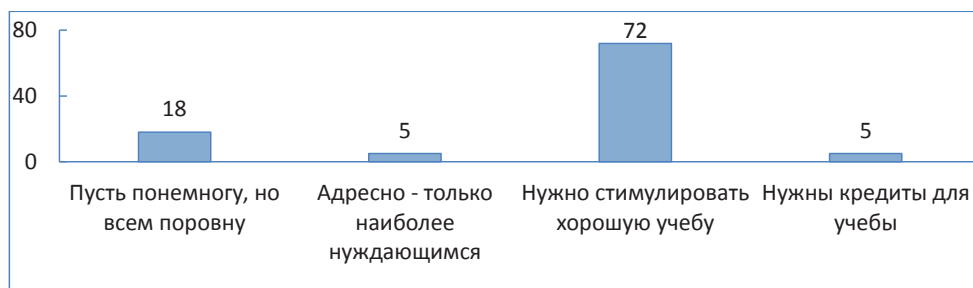

Рис. 25. Мнение студентов о том, кому должна выплачиваться стипендия, 1999 г., % ответивших

Заметно, что наибольшую поддержку получила существовавшая система назначения стипендии, увязывающая его с успехами в учебе (меньше всего ее сторонников было среди студентов УГЛТА и УГАХА). В связи с мизерно-

¹ Современное положение молодежи и реализация государственной молодежной политики в Российской Федерации. — М., 1996. — С. 25.

² Медведев Д. А. Встреча со студентами региональных вузов в бизнес-школе «Сколково» 16.09.2011. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/12716> (дата обращения: 18.11.2014).

³ Там же.

стью стипендии, высказывалось мнение: бессмысленно что-то менять в порядке ее назначения, если размеры стипендии останутся такими же (синдром «тришкина кафтана»). С этим была связана и относительная распространенность «уравнительных» настроений (особенно сильных в УГЛТА и УГАХА). Гораздо меньше сторонников было у «адресного» и «кредитного» способов назначения и выплаты стипендии (при этом отличались студенты УГАХА — каждый пятый из них — за адресность, каждый седьмой — за выделение кредитов). Ответы респондентов показывают и то, что любым изменениям в системе назначения стипендии должна предшествовать серьезная разъяснительная работа, да и сама стипендия должна быть хоть сколько-нибудь значимой в бюджете студента (в 1995–1999 гг. по данным опроса студентов УГТУ, она покрывала лишь 5–7 % расходов среднего студента).

В современных условиях говорить о стипендии и ограничивать ее понятие только академической стипендией было бы неправильным, потому что определенное развитие получили социальные стипендии, рассчитанные на те или иные категории малообеспеченных студентов. С начала 2000-х гг. широкое распространение получил дифференцированный подход к стипендиям. Речь идет не только о широком спектре именных стипендий, но и о возможностях получить дополнительные выплаты из разных, в том числе и частных, стипендиальных фондов за успехи в учебе, науке, спорте, творчестве. В этом же ряду стоят и практикуемые многими вузами стимулирующие выплаты студентам-первокурсникам за высокие баллы ЕГЭ при поступлении.

В ходе мониторинга выявлена растущая значимость такого источника доходов студентов, как дополнительные заработки (рис. 26).

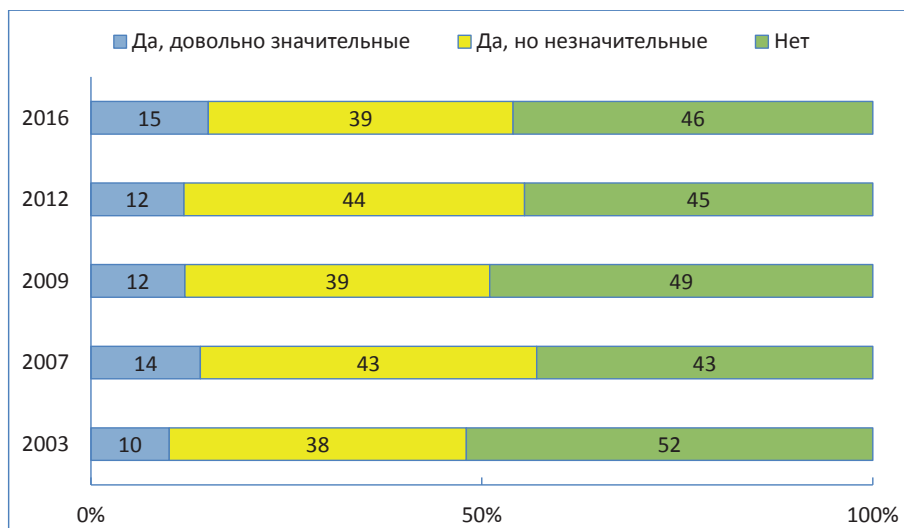

Рис. 26. Динамика дополнительных заработков у студентов, 2003–2016 гг., % опрошенных

За 2003—2007 гг. можно было зафиксировать рост доли студентов, имеющих дополнительные заработки: в 2003 г. их имел каждый второй студент; в 2007 г. — 3 из 5. В 2009 г. эта доля вновь снизилась — до уровня 2003 г. Соотношение этих заработков по размерам (значительные — незначительные), изменившееся в 2007 г. (1 : 3) (2003 г. оно составило 1 : 4), в 2009 г. осталось неизменным. При этом конечно нужно учитывать субъективность самооценок.

На VI этапе (2012 г.) вновь возросла доля имеющих дополнительные заработки, в основном за счет незначительных заработков. В 2016 г. ситуация мало изменилась, возросла лишь доля имеющих довольно значительные дополнительные заработки: соотношение по размерам (значительные — незначительные) стало 1 : 1,6.

В 1995 г. у половины «подрабатывающих» студентов отсутствовала какая-либо связь с осваиваемой в вузе специальностью. У каждого пятого работающего студента фиксировалась связь между работой и специальностью.

В отличие от прежних лет, когда летний труд в стройотряде мог гарантировать несколько месяцев нормальной жизни, сегодня главное для молодежи — уже в вузовский период иметь постоянный заработок, совмещая учебу и работу. Возможно с этим связаны определенные перспективы возрождения стройотрядовского движения (ныне работа в стройотряде обеспечивает доход лишь 1 из 20 студентов) — превращения его из сезонного в круглогодичное. И здесь большое поле деятельности для Молодежных бирж труда и Штабов труда в вузах.

Примечательны различия в оценках дополнительных заработков в зависимости от пола респондента (рис. 27).

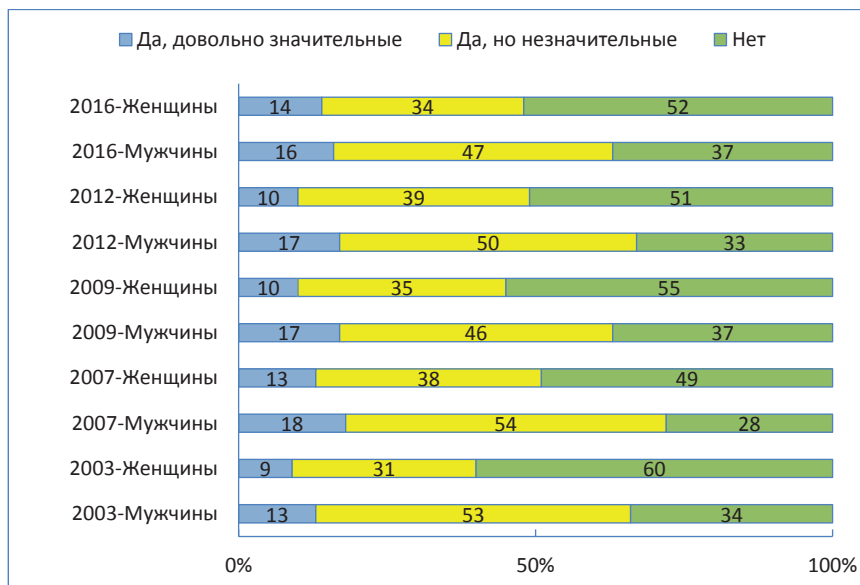

Рис. 27. Динамика дополнительных заработков студентов, 2003—2016 гг., % в группах по полу

На всех этапах мониторинга сохранялась общая тенденция: юноши, как и следовало ожидать, подрабатывали более активно. Но на последнем этапе проявилась и новая тенденция: различия по «довольно значительным» дополнительным заработкам между юношами и девушками заметно сократилось, по «незначительным» — разрыв сохранился.

Не останавливаясь подробнее в данном разделе на проблеме «работающего студента» (ее целесообразнее анализировать в связи с профессиональным самоопределением студентов), отметим проявившееся за годы мониторинга расхождение (табл. 19):

Таблица 19

Соотношение ответов «Работаете ли Вы помимо учебы?» и «Есть ли у Вас дополнительные заработки?» в динамике 2003–2016 гг., % от ответов

Годы	Имели дополнительные заработки	Работают помимо учебы
2003	48	46
2007	57	45
2009	51	40
2012	56	42
2016	54	42

Возможно за этим расхождением (работающих меньше, чем имеющих заработки) стоит важное социально-экономическое отличие рыночных отношений, когда определяющим понятием становится «занятость», т. е. «деятельность граждан, связанная с удовлетворением личных и общественных потребностей, не противоречащая законодательству и приносящая, как правило, им заработок (трудовой доход)»¹. В студенческой среде зафиксировано распространение широкого спектра занятий, приносящих доход, но не связанных с определенной работой. Впрочем, данная проблема заслуживает более глубокого исследования.

Распространение феномена дополнительных заработков дает крайне противоречивые результаты. С одной стороны, усиливается самостоятельность студентов, степень их независимости от родителей, приобретается определенный трудовой и жизненный опыт, навыки, преодолеваются иждивенческие стереотипы. Но дополнительная работа требует немалых временных затрат и усилий, что порождает перегрузки, усложняет процесс обучения. Обостряется и социально-психологическая проблема: как относятся к этому феномену в конкретных вузах и, особенно, конкретные преподаватели?

Весьма значимо и отношение к этому работодателей. «Работающий сту-

¹ Закон о занятости населения в Российской Федерации от 19.04.1991 № 1032–1 (ред. от 27.12.2009) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.staffexpert.ru/info/FZ/Zakon_o_zanyatosti/ (дата обращения: 11.11.2015).

дент» зачастую сталкивается с двойным непониманием. Для многих работодателей он в первую очередь не студент, а работник, к тому же не очень требовательный и легко соглашающийся на различные нарушения трудового законодательства (отсутствие обязательного оформления трудового договора и трудовой книжки, не регламентированные продолжительность рабочего дня и режим труда и отдыха, оплата отпусков и временной нетрудоспособности). По оценкам экспертов нарушения трудового кодекса у работающих студентов проявляются в 70–75 % случаев¹.

Ситуация осложняется и тем, что для многих вузов и преподавателей «работающий студент» — не работник, а студент. Представляется, что данный аспект социальной защищенности студентов должен привлекать внимание студенческого профсоюза и молодежных (студенческих) бирж труда. Необходимо, чтобы они выступили инициаторами соглашений между вузами и работодателями (их законными представителями), в которых бы регламентировались и защищались права работающих студентов.

Уже на первом этапе мониторинга (1995) была предпринята попытка зафиксировать расходы студенчества (табл. 20).

Таблица 20

Структура расходов студентов (1995) (в целом по массиву; в % от общего объема расходов по каждому виду; выделена доля студентов, в бюджете которых тот или иной вид расходов не представлен)

Виды расходов	%	Таких расходов у меня лично нет
Питание	34	11
Покупка одежды	14	21
Досуг	13	17
Оплата жилья	12	66
Учебные принадлежности	9	28
Товары длительного пользования	7	58
Каникулы	4	67
Помощь родителям	3	77
Что-то еще	4	—

Эти средние цифры отражают некоторые общие тенденции, но их интерпретация весьма затруднительна, поскольку многие статьи расходов не под-

¹ В последние годы в правовом отношении ситуация улучшилась и ТК РФ дополнен двумя новыми статьями (ст. 67.1 «Последствия фактического допущения к работе не уполномоченным на это лицом»; ст. 19.1 «Трудовые отношения, возникающие на основании трудового договора в результате признания отношений, связанных с использованием личного труда и возникших на основании гражданско-правового договора, трудовыми отношениями». См.: Труд-эксперт. Управление. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.trudcontrol.ru/press/special-ocenka/14959/> (дата обращения: 11.11.2015)).

даются однозначному толкованию. Действительно, явно различны расходы на питание у студентов, проживающих с родителями, или живущих в общежитии и на частной квартире. По данным мониторинга в 1995 г. почти половина опрошенных студентов жила с родителями, еще 7 % — являлись непосредственными собственниками жилья, 14 % — снимали частное жилье, более 30 % — жили в общежитии. Без подробной расшифровки и корреляционного анализа трудно сказать, связаны ли расходы на «досуг», «каникулы» с явно подорожавшими с началом реформ видами досуговой деятельности и отдыха, либо с тем, что досуговое время тратится на те виды жизнеобеспечения, которые отражены в затратах времени на приработки. Поэтому на последующих этапах мониторинга было решено отказаться обобщенного анализа бюджетов студентов (требующего более точного инструментария) и сосредоточить усилия на самооценке студентами своего материального положения. Обобщение этих данных за 1995–1999 гг. представлено в табл. 21.

Таблица 21

**Оценка респондентами своего материального положения,
1995–1999 гг., % опрошенных**

Мое материальное положение...	1995	1999
Гораздо лучше однокурсников	6	4
Как у многих	64	67
Гораздо хуже	10	7
Затрудняюсь оценить	20	22

Наш опрос в 1995 г. выявил тенденцию, зафиксированную в различных исследованиях самочувствия молодежи на рубеже 1980–1990-х гг., — ориентацию на усредненность, медианность. Эта тенденция сохранилась и до 2016 г., но акценты в такой усредненности менялись. В 1990-е гг. — как отражение общего снижения жизненного уровня россиян — массовым было представление: «страдаем все одинаково» (по мнению двух из каждых трех студентов, их материальное положение такое же трудное, как у большинства). Считали свое положение гораздо лучшим, чем у других, лишь немногие — 1 из 17 опрошенных (несколько больше их было среди студентов УрГУ и будущих юристов). Очень небольшой была и доля тех, кто оценивал свое материальное положение как намного худшее, чем у сверстников, — 1 из 10. Показательно и другое: каждый пятый воздержался от самооценок.

Оценка молодыми людьми своего материального положения отражала влияние достаточно различных, порой противоположных факторов.

Обучение в институте (даже «бесплатное», «бюджетное») стало требовать от семьи немалых затрат, их величина резко возрастала для иногородних студентов (дополнительные расходы на питание и проживание, транспорт-

ные расходы). Соответственно, вопрос: «сможем ли мы материально помочь своему сыну (дочери) учиться в вузе?» многими семьями решался уже на подступах к вузу (нередко — отрицательно). Это влияло на статус студенчества — уровень обеспеченности родительской семьи студентов объективно несколько выше, чем в среднем у молодежи.

Сказывалось и меняющееся отношение молодежи к богатству и бедности — нарастало ощущение, что «бедным в наше время быть неудобно», поэтому студенты зачастую склонны были несколько приукрасить свое материальное положение, что проявлялось устойчиво во всех аналогичных исследованиях в молодежной среде.

В то же время в молодежном возрасте сохранялось острое ощущение социальной справедливости и связанное с ним неприятие резкого социального расслоения нашего общества (хотя все сильнее сказывалась и тенденция к обособлению элитарных групп молодежи из высоко обеспеченных семей, демонстрирующих и бравирующих своим достатком, богатством), поэтому какая-то часть респондентов, возможно, и приуменьшала свое материальное положение.

Разнонаправленность установок (первая — на завышенную самооценку своего материального положения — проявляется четче и чаще) объясняет общая усредненность оценок и значительная доля респондентов со «средними» оценками.

Уже на первых этапах мониторинга (1995–2003 гг.) было зафиксировано, что самооценка своего статуса в сравнении со сверстниками-однокурсниками не меняются. Преобладало мнение, часто не связанное с реальными материальными трудностями, которые испытывает конкретный студент: «живем как все — не хуже и не лучше». Поэтому в анкете 2007 г. этот вопрос был снят. Но сохраняет актуальность вывод, сделанный на третьем этапе мониторинга: распространенность отмеченного подхода крайне важно учитывать администрации и профсоюзам вузов при выделении и распределении социальной помощи — многие из студентов (даже нуждающиеся в помощи), не считают для себя возможным обращаться за ней. В ситуации, когда размеры помощи весьма ограничены, такой настрой может оставить без поддержки какую-то часть наиболее в ней нуждающихся. Существующий порядок обращения за помощью требует определенной коррекции.

Как же за годы мониторинга менялись самооценки студентами своего материального положения (рис. 28)? Впрочем, самооценки скорее отражали не изменения, а определенную инерционность студенческого сознания.

На III и IV этапах мониторинга (в 2003 и 2007 гг.) самооценки респондентов — при всей их субъективности — отразили положительные изменения в социально-экономической ситуации в стране. Изменения (и это достаточно показательно) почти не затронули «среднюю» оценку: на разных этапах мониторинга ее неизменно давали 3 из 5 респондентов, а в 2016 г. — каждый второй.

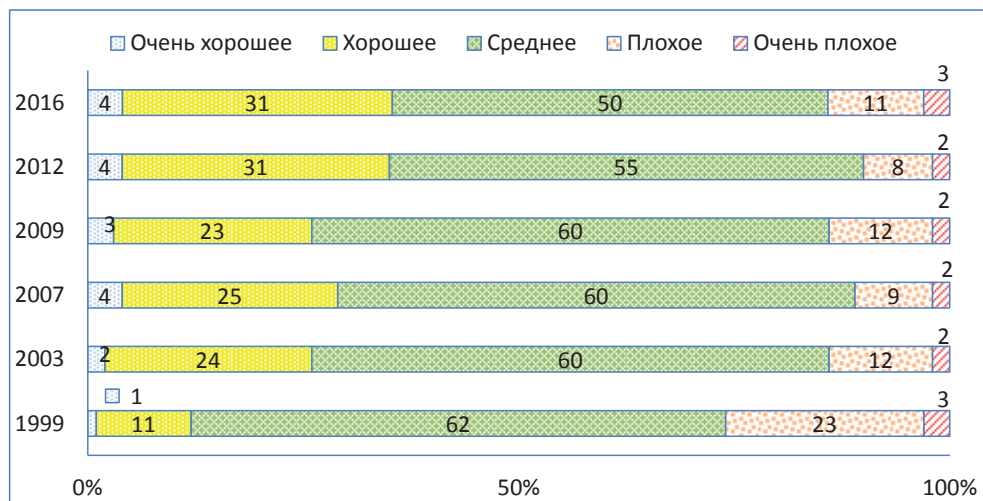

Рис. 28. Динамика самооценок студентами материального положения своей семьи, %

Но соотношение позитивных и негативных оценок поменялось, обеспечив в целом положительный индекс «+0,12» в 2003 г. и его рост до «+0,20» в 2007 г. (в 1999 г. он был равен «−0,16»)¹. И тем показательнее, что и в 2009 г. средняя оценка сохранилась, а индекс, если и снизился до «+0,13», то оказался достаточно высоким. По крайней мере, гипотеза V этапа мониторинга исходила из вероятности его значительного снижения в связи с мировым кризисом. Еще показательнее высокая средняя оценка на VI этапе мониторинга (2012) +0,27 и ее небольшое изменение на VII этапе (2016) +0,23, хотя последствия нового финансово-экономического кризиса еще не преодолены.

Показательны и более общие оценки материального положения студенчества: «За последнее время доля благополучных в материальном положении студентов возросла и составляет едва ли не 3/4 опрошенных (для сравнения: согласно аналогичным социологическим замерам среди «взрослых» таковых не более 30%)»².

Сохраняется (и даже усиливается) социальная дифференциация студенчества (табл. 22). Как и в 2012 г., в 2016 г. наиболее высоко оценили свое материальное положение студенты государственных вузов социально-экономического профиля (УГЮА, УИУ РАНХиГС, УГЭУ) и УГМУ.

¹ Индекс рассчитан на основе оценок: в баллах: «++»/очень хорошее/= «+2»; «+»/хорошее/= «+1»; «=»/среднее/= «0»; «−»/плохое/= «−1»; «−»/очень плохое/= «−2»).

² Бойко Л. И. Трансформация функций высшего образования и социальные позиции студенчества [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.studfiles.ru/preview/460492/> (дата обращения: 03.05.2016).

Таблица 22

Динамика индексов самооценок материального положения (по вузам)

Вуз	2007	2009	2012	2016
УГЮУ	+0,39	+0,16	+0,42	+0,55
УрГУПС	+0,33	+0,12	+0,32	+0,25
ГУ	+0,33	+0,39	+0,36	+0,31
УрГЭУ	+0,28	+0,13	+0,44	+0,39
УрГУ	+0,27	+0,13	См. УрФУ	—
УГАХА	+0,24	+0,03	+0,33	-0,05
УрАГС, УИУРАНХГС	+0,20	+0,19	+0,29	+0,46
УГМУ	+0,19	+0,10	+0,39	+0,33
РГППУ	+0,15	+0,06	+0,07	+0,26
УГТУ	+0,14	+0,07	См. УрФУ	—
НТГСПА	+0,14	+0,07	+0,29	—
УрГПУ	+0,14	-0,17	+0,19	+0,18
УГГУ	+0,08	+0,19	+0,34	+0,36
УрФУ	—	—	+0,22	+0,11
УИЭУП	—	—	+0,42	+0,13
УГЛТУ	—	—	-0,09	+0,28
УрГАУ	—	—	—	+0,29

Начиная с 2003 г., в анкете выделялись *студенты-контрактники*. На VI—VII этапах мониторинга они рассматривались как две группы — студенты-контрактники в государственных и вузах и студенты негосударственных вузов (рис. 29).

Прежде всего наблюдается рост самооценок. Лишь в 2009 г. эта тенденция была нарушена — сказалось влияние мирового финансово-экономического кризиса. Но этот спад был гораздо меньшим, чем предполагали исследователи, что послужило в 2009 г. основанием для вывода об инерционности этих самооценок в массовом студенческом сознании.

Вторая тенденция — более высокие самооценки студентов-контрактников в сравнении с бюджетниками. Она проявилась на всех этапах мониторинга (включая и 2009 г.). Однако разрыв в самооценках не был настолько значительным, чтобы стать аргументом для стереотипа, что позволить себе учить детей по контракту могут сегодня только очень состоятельные люди. Более того, разграничение в 2012 г. двух групп контрактников показал неправомочность применения данного стереотипа к негосударственным вузам.

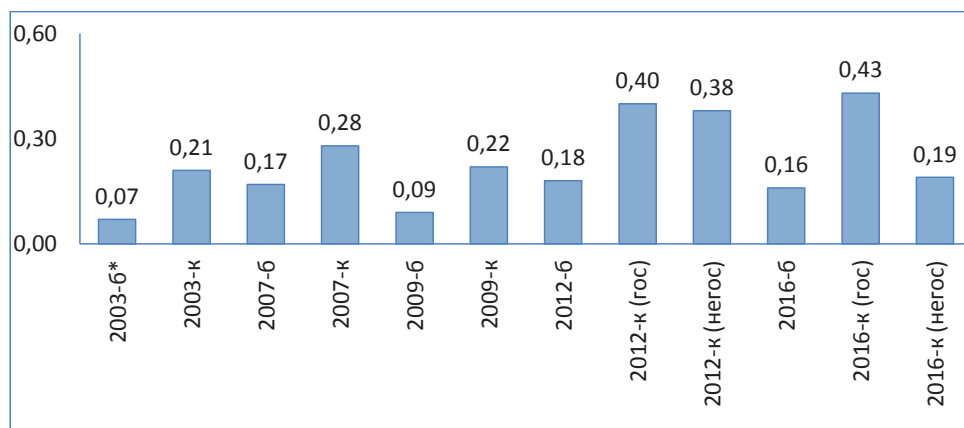

Рис. 29. Динамика индексов самооценок материального положения студентами-бюджетниками и контрактниками в государственных и негосударственных вузах:
б — бюджетники; к — контрактники; гос — государственный вуз;
негос — негосударственный вуз

Возможное объяснение полученных данных связано, с одной стороны, со стратегией уральских вузов, ориентирующихся на платежеспособный спрос населения (особенно в малых и средних городах, селах и ПГТ области) и на демографическую ситуацию (до 2020 г. в вузы будет поступать малочисленное поколение детей «лихих 90-х»). С другой стороны, родители понимают, что высшее образование — предпосылка более успешного будущего их детей, порождающая стремление вкладывать в этот «человеческий капитал» деньги даже в ущерб другим затратам семьи.

На наш взгляд было бы преждевременно отказываться от принятых в 2009–2010 гг. антикризисных мер: замораживание и/или некоторое снижение суммы оплаты за обучение по контракту; предоставление отсрочек по срокам оплаты; перевод части успешно обучающихся студентов-контрактников на свободные бюджетные места. Необходимо, чтобы эти меры не свелись к односторонним шагам конкретных вузов, а стали общефедеральной стратегией, предусматривающей возможность компенсации вузам сокращения внебюджетных средств и государственные гарантии образовательных кредитов. В этом плане заслуживают поддержки не только объявленная готовность государства серьезно повысить стипендии студентам-бюджетникам, но и обсуждаемая возможность расширения практики образовательных кредитов, в том числе и на сопутствующие расходы.

Требуются и коррективы сложившейся практики ежегодного сокращения бюджетных мест по социально-экономическому и управленческому направлению. Соотнесение этой практики с необходимостью устранить сложившийся перекос — проблема и нехватка инженерных кадров решается значительно

ным увеличением бюджетных мест на технические направления обучения. Но не должна недооцениваться и другая сторона проблемы — не слишком ли велика доля контрактников в вузах, готовящих специалистов для последующей реализации важных социально-государственных функций — учителей, врачей, управленцев, юристов и т. д.? Такой перекося намечился в ряде вузов Свердловской области. По данным VI этапа (2012 г.), их доля была значительно больше среднего числа контрактников по вузам области в УрГЮУ, УИУ РАНХГС, УГМУ, РГППУ, УрГЭУ. На VII этапе (2016 г.) был зафиксирован рост удельного веса контрактников среди студентов государственных вузов. Он снизился за 4 года в УГЛТУ, УрФУ, РГППУ, УГМУ, но одновременно продолжился его рост в УрГЮУ, УИУ РАНХГС, УрГЭУ и даже в УГГУ и УрГУПС.

Особенностью VII этапа (2016 г.) явилось уточнение расходов респондентов на образовательные услуги (табл. 23).

Таблица 23

Доля затрат на различные образовательные услуги, 2016 г., % ответивших

№	Значения	2016
1	Оплата основного контракта	22
2	Оплата расходных материалов, технического оборудования	22
3	Покупка учебников, учебных пособий	15
4	Оплата компьютерной техники, программного обеспечения	9
5	Покупка учебной и научной литературы	8
6	Оплата дополнительных курсов, неформального образования	7
7	Услуги репетиторов, дополнительных занятий по предметам	6
8	Оплата зачетов, экзаменов	4
9	Свой вариант	4
10	Оплата второго высшего образования	3

Примечание. Пропуски: 240 из 1827 (13 %).

Четко разграничиваются две группы: почти у трети опрошенных студентов затраты на эти цели незначительны (29 %, что составляет менее 3 % бюджета); с другой стороны, у почти каждого пятого они составляют более половины бюджета (18 %), такова же доля тех, кто тратит достаточно много — от четверти до половины бюджета (19 %). Для сравнения вновь обратимся к данным федерального исследования (2015 г.): «многие студенты оплачивают какие-либо дополнительные образовательные услуги в своих учебных заведениях (работа на компьютере, ксерокопирование, группы продленного дня, кружки и секции и т. д.). Но надо отметить, что доля таких потребителей среди студентов-очников, обучавшихся по программам бакалавриата и специалитета,

постоянно снижалась за 2010–2015 гг. »¹. По оценкам учащихся, их расходы на эти цели в месяц в 2015 г. в среднем составили в Москве более 2,2 тыс. руб., а в регионах — более 1,2 тыс. руб. в расчете на всех студентов (включая тех, чьи затраты были равны нулю — см. табл. 24)².

Помимо расходов на оплату обучения и платные услуги, учащиеся тратят на сопутствующие образованию предметы. Данные показывают, что таких сопутствующих расходов в 2015 г. не было только у 6 % студентов (в 2010 г. — у 10 %). Большинство осуществляло затраты на канцелярские товары (87 %).

Более половины учащихся имели транспортные расходы (76 %). В 2006 г. достаточно большие доли студентов имели затраты на покупку компьютера, принтера и др., а также компьютерных программ, доступа в Интернет и т. д. В 2015 г. 32 % студентов вузов покупали компьютер, принтер и другую технику (в 2010–2012 гг. — 22–24 %), а 42 % — компьютерные CD, программы, доступ в Интернет и т. д. (в 2006 г. — более половины). Почти половина студентов покупала также спортивную одежду (хотя в 2010–2012 гг. — около 30 %), а 15 % — еще и форменную одежду. Учебники покупают всего 17 % учащихся, причем эта доля по сравнению с 2006 г. снизилась с 40 %, что можно объяснить как распространением электронных книг, так и развитием вузовских библиотек³.

Таблица 24

**Доля студентов, пользовавшихся услугами своего учебного заведения
(бакалавры и специалисты очных отделений, 2006–2015, %)⁴**

Наименование расходов	2006	2010	2012	2015
Организованные дополнительные платные занятия по предметам	7	3	5	5
Изучение дополнительного иностранного языка	8	6	9	6
Факультативные занятия, курсы по отдельным предметам	9	10	12	10
Ксерокопирование, распечатка на принтере и т. д.	58	51	48	68
Выдача на дом учебников	52	48	50	56
Творческие кружки и занятия (рисование, музыка, театр и т. д.)	8	9	11	12
Занятия в спортивных секциях	16	15	18	18
Научные кружки, клубы	8	8	9	8

¹ Рощина Я. М., Рудаков В. Н. Региональные и московские вузы в 2015 г.: различия стратегий студентов и преподавателей // Информационный бюллетень. — М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2017. — С. 57.

² Там же. С. 58.

³ Там же. С. 59.

⁴ Там же. С. 59.

Окончание табл. 24

Наименование расходов	2006	2010	2012	2015
Предоставление времени для работы на компьютере	27	18	18	35
Предоставление времени для работы в Интернете	25	18	20	33
Практика на производстве	10	9	17	17
Пересдача экзамена (зачета)	15	13	16	12
Ничем из перечисленного не пользовались	21	23	19	11

Заметно, что наши данные близки к общедеральным (по регионам), но затраты на образовательные услуги существенно различаются у студентов разных вузов. Уровень затрат значительно выше среднего по массиву:

- оплата основного контракта (студенты УИУ РАНХиГС, УГГУ, УрГЭУ);
- оплата расходных материалов, технического оборудования (студенты УГАХА, УГЛТУ и УрФУ);
- покупка учебников, учебных пособий (студенты УГМУ, УрГАУ и УрГЮУ);
- оплата компьютерной техники, программного обеспечения (студенты УГАХА и УрФУ);
- оплата зачетов, экзаменов (студенты не только ГУ (что предусмотрено нормативными документами для негосударственных вузов), но и ряда государственных вузов — УрГАУ, УГЛТУ, УГГУ и УрГУПС);
- оплата второго высшего образования (студенты УрГЭУ).

Важный аспект социального статуса студенчества — место жительства в период обучения. Изменение состава студенчества (рост доли иногородних студентов), растущие материально-бытовые трудности «общежитской» жизни, возможность родителей (а на старших курсах и самих студентов) снять жилье — все это влияло на поселение студентов (рис. 30).

Из-за различий вариантов ответов в нашем мониторинге и федеральном исследовании (2015 г.) прямые сравнения затруднительны, но мы посчитали само сопоставление достаточно интересным. Ответы бакалавров и специалистов очных отделений вузов на вопрос «Учитесь ли Вы сейчас в том же городе (селе), где живут Ваши родители (если у Вас нет родителей — близкие родственники, бабушка, дедушка и т. д.)?» представлены в таблице 25¹.

За годы мониторинга четко прослеживается ряд тенденций:

- в основном почти неизменна и не значима доля тех, кто проживает у родных знакомых (в диапазоне — 3–6 %), на частной квартире (10–15 %) или имеет свою жилплощадь (4–7 %).

¹ Рошина Я. М., Рудаков В. Н. Региональные и московские вузы в 2015 г.: различия стратегий студентов и преподавателей // Информационный бюллетень. — М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2017. — С. 59.

- сокращается доля тех, кто проживает с родителями. За 1999–2016 гг. эта доля уменьшилась почти вдвое, в том числе на четверть за четыре года между VI и VII этапами мониторинга;
- одновременно прослеживается рост числа студентов, проживающих в общежитии. За 1999–2016 гг. показатель вырос вдвое, сегодня почти каждый второй (46 %) проживает в общежитии.

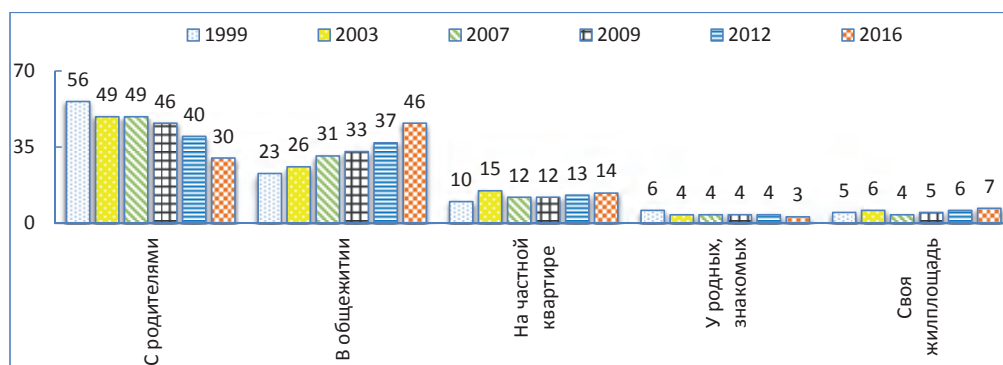

Рис. 30. Динамика по месту проживания, % от группы

Таблица 25

Ответы респондентов о месте проживания, %

Варианты	2006	2010	2015
Вы учитесь в другом городе (селе)	37,2	36,3	45,6
Вы учитесь в том же городе, но живете отдельно от родителей (близких родственников)	4,9	8,2	7,3
Вы живете вместе с родителями (родственниками)	57,9	55,5	47,1

В этих условиях настоятельно необходимым становится расширение на перспективу масштабов строительства студенческих общежитий в Екатеринбурге, существенное повышение комфортности проживания студентов в общежитии и возрождение роли общежития как основного центра внеучебной работы со студентами. Но жизнь и быт студентов, проживающих в общежитии, должны оставаться в центре внимания администрации и студенческих профкомов вузов. Определенную помощь в организации данной работы им может оказать, выявленная в ходе исследования, специфика ориентаций и досугового поведения студентов, проживающих в общежитии.

Конечно, нужно учитывать растущее стремление к самостоятельности, независимости от родителей и родственников. Более того, в Екатеринбурге зафиксирован феномен «жилищной миграции», когда достаточно многие родители-«северяне» (особенно из ХМАО и ЯНАО) приобретают в городе

жилплощадь для своих детей-студентов, которая в перспективе становится базой для их переезда. Показателем этой тенденции стало и серьезное увеличение доли студентов-выходцев из этих регионов.

И все-таки наиболее перспективен дальнейший рост доли проживающих в общежитии. В 2003 г. это был каждый четвертый респондент, в 2007 г. и 2009 г. — каждый третий, в 2012 г. в общежитии проживало уже почти 2 из 5 студентов. Это потребовало возобновления роли общежития как центра внеучебной работы со студентами. С учетом возрастающих требований новых поколений студентов к комфорту и уюту (по оценкам экспертов, в городах области до 80 % старшеклассников имеют в квартире родителей свою комнату или отдельное рабочее место), физического и морального износа большинства студенческих общежитий вузов Свердловской области становится актуальной задача строительства новых общежитий или капитального ремонта уже существующих. Представляется, что это должно стать в ближайшие годы важнейшим направлением социальной политики в отношении студенчества. Опыт активного участия студенческих стройотрядов в развитии нового микрорайона «Академический» показывает, насколько важно их участие в реализации программы строительства общежитий для студентов вузов, проживающих в области.

Вновь подтвердилась выявленная на первых этапах мониторинга тенденция: дифференциация респондентов по типу поселения в зависимости от пола весьма незначительна, она совпадает с дифференциацией по проживанию с родителями, родственниками и знакомыми. Доля юношей возрастает среди живущих в общежитии и имеющих свою жилплощадь, доля девушек — среди проживающих на частной квартире. Сохраняется и другая тенденция, зафиксированная с 2003 г.: заметны различия между студентами-бюджетниками и контрактниками. Среди бюджетников выше удельный вес проживающих с родителями и в общежитии, среди контрактников значительно больше (в 2 раза — в сравнении с бюджетниками) доля снимающих частное жилье и имеющих собственную квартиру. Последнее особенно характерно для студентов, приехавших учиться в вузы Екатеринбурга из Тюменской области и входящих в нее автономных округов.

Наибольшие изменения за годы мониторинга произошли в семейном статусе студенчества (табл. 26). Судить о них можно по ответам респондентов об их семейном положении и наличии детей (табл. 27).

Таблица 26

Семейное положение респондентов, % от числа ответивших

Варианты ответа	1995	1999	2003	2007	2009	2012	2016
Холост (не замужем)	89	92	89	90	88	87	87
Состою в гражданском (незарегистрированном) браке	—	—	7	7	7	7	9

Окончание табл. 26

Варианты ответа	1995	1999	2003	2007	2009	2012	2016
Женат (замужем), состою в зарегистрированном браке	11	6	4	3	3	4	3
Разведен(а)	—	2	—	—	1	2	1

Примечание. Начиная с 2003 г. в перечень вариантов ответов о семейном положении был включен еще один параметр «гражданский (незарегистрированный) брак».

Таблица 27

Есть ли у вас дети?

Варианты ответа	1995	1999	2003	2007	2009	2012	2016
Нет	96	97	97	98	98	98	98
Да, есть	4	3	3	2	2	2	2

На первом этапе мониторинга (1995 г.) (напомним, что выборка охватывала студентов III курса) состояли в браке 11 % студентов (среди студенток 15 % были замужем, почти каждая шестая; среди студентов-мужчин были женаты лишь 6 %). К выпускному курсу число семейных, как показывали исследования того времени, достигало 40–45 %. Поддержка студенческих семей (где студентом являлся хотя бы один из супругов) являлась одной из важнейших и сложнейших проблем в вузе. 4 % респондентов имели детей.

В дальнейшем доля семейных студентов начала сокращаться. Уже в 1999 г. состояли в браке лишь 6 % (среди студенток — 8 %, среди студентов-мужчин — 4 %). Сократилось (до 3 %) и число тех, кто имеет детей. В 2003 г. доля студентов, имеющих детей, осталась такой же, а в 2007 г. она вновь сократилась (до 2 %) и оставалась неизменной до 2016 г.

Начавшееся с 2003 г. разграничение в анкете состояния в браке — в зарегистрированном или незарегистрированном браке — позволило зафиксировать изменяющееся отношение к браку. Уже в 2003 г. утвердилось соотношение между зарегистрированным и незарегистрированным браком — 1 : 2; оно сохранялось и на последующих этапах мониторинга, увеличившись к VII этапу (2016 г.) до 1 : 3. Это несколько отличается от ситуации в целом по стране. Семейное положение современных студентов России таково: холост (не замужем) 91,6 %; женат (замужем) — 4 %, состоят в фактическом браке — 4,4 %. Впрочем, возможно расхождение связано с тем, что в мониторинге опрашивались студенты II–III курсов, а общие данные относятся к студентам всех курсов (включая и старшекурсников).

На эти перемены существенно повлияли изменения в половой морали молодежи и студенчества, зафиксированные уже в конце 1990-х гг. В какой-то

мере судить о них можно по результатам опроса в 1998 г. студентов УГТУ в рамках исследования «Валеологическая культура студента» (рис. 31).

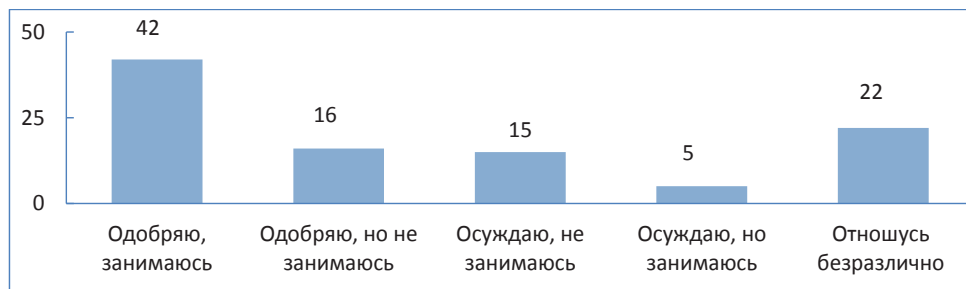

Рис. 31. Как Вы относитесь к свободной интимной жизни?¹

Заметно, что 3 из 5 респондентов относился к свободной интимной жизни одобрительно, лишь каждый пятый — безразлично, столько же — с осуждением. При этом почти для каждого второго это стало нормальной жизненной практикой.

Существенно изменилось отношение студентов к добрачным, брачным и внебрачным сексуальным контактам, связям². Распространилась установка на разграничение двух аспектов семейной жизни — интимного и официального. Современная ориентация молодежи на брак не с целью создать семью, а узаконить сексуальные отношения³. В этом смысле представляется правомерным в определении брака (особенно применительно к студенческой молодежи) акцентировать регулирование сексуальных отношений: «Брак — это исторически сложившиеся разнообразные механизмы социального регулирования сексуальных отношений между мужчиной и женщиной, направленного на поддержание непрерывности жизни»⁴.

¹ Валеологическая культура студентов: информационно-аналитический отчет по материалам социологического опроса студентов УГТУ (декабрь 1997 г. — январь 1998 г.) / Ю. Р. Вишневский [и др.]. — Екатеринбург : УГТУ, 1998. — 36 с. ; Вишневский Ю. Р., Боронина Л. Н., Рудакова Е. А. Валеологическая культура студентов // Уральский региона как социум: материалы XI Уральских социологических чтений. — Челябинск : РОС, 1998. — С. 197–202.

² Антонов А. И. Семья — какая она и куда движется // Семья в России. — 1999. — № 1–2. — С. 30–40; Вишневский Ю. Р. Семья: противоречия, тенденции, проблемы // Семья на пороге 3 тысячелетия. — Н. Новгород, 1998; Вишневский Ю. Р. Студенческая семья: проблемы, тенденции и перспективы // Семья в новых социально-экономических условиях. — Н. Новгород, 1998. — Т. 1. — 409 с.; Долбик-Воробей Т. А. Современное восприятие студенческой молодежью брака и рождаемости (на примере ряда социологических исследований) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.studfiles.ru/preview/484000/> (дата обращения: 21.02.2017).

³ Лагойда Н. Г. Современная студенческая семья: особенности и проблемы функционирования // Вестник Бурятского государственного университета. — 2009. — Вып. 5. — С. 247–253. — С. 249.

⁴ Голод С. И., Клецин А. А. Состояние и перспективы развития семьи: теоретико-типологический анализ, эмпирическое обоснование. — СПб. : Санкт-Петерб. филиал Ин-та социологии РАН, 1994. — С. 7.

По данным социологов, в конце 1980-х гг. лишь один из шести студентов и одна из пяти студенток I курса отвергли для себя возможность сексуальных связей до или вне брака¹. У двух третей первокурсников (среди юношей — у 85 %) утвердилась установка — не вступать в брак во время учебы; к IV курсу она сохранилась у половины студентов (у юношей — 60 %).

Сказывается и снижение возрастного рубежа начала интимной жизни (к моменту поступления в вуз не имели интимного опыта, по данным С. Голода, лишь 10–20 % студентов²). Сегодня речь нередко идет не столько о недопустимости (в оценках общественного мнения и в поведении) ранних интимных отношений, сколько о том, какой — социально-допустимый или асоциальный — характер они приобретают. Соответственно, и задачи воспитания студенчества сегодня должны включать формирование культуры интимных отношений, взаимного уважения сексуальных партнеров друг к другу, преодоление «двойных стандартов» в половой морали (особенно юношей).

В повседневной жизненной практике студенчества утвердилась давно пробивавшаяся в студенческой среде тенденция, когда вступление в брак, удовлетворение сексуальной потребности и рождение детей не составляют последовательных звеньев социальной линии в жизни человека. Более того, затянувшийся на несколько десятилетий период реформ, их стихийный и непредсказуемый характер сделали перспективы развития семьи неопределенными, а это еще более затрудняет для молодых людей принятие каких-то решений о создании или планировании семейной жизни.

Углубленное изучение брачно-семейных установок студентов II и IV курсов УГТУ и УГЛТА (середина 1990-х гг., исследование О. В. Пшеницына, Л. Л. Рыбцова) выявило: лишь 10 % состояли в браке, но одновременно 16 % имели человека, с которым собирались создать семью, 15 % состояли в близких интимных отношениях, которые не предполагали в ближайшее время оформлять юридически. Распространено мнение: лучше сначала получить

¹ Иванов В. И., Сухова Е. В. Нравственное и сексуальное воспитание студентов. 1988. — Цит. по: Семья на пороге третьего тысячелетия. — М.: Центр общечеловеческих ценностей, 1995. — С. 95.

² Голод С. И. Трансформация эротико-эмоциональных отношений молодежи на протяжении XX в. // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2010. — № 1. — С. 52–71; № 2 — С. 69–70. По данным ВЦИОМ, 36 % детей начинают жить половой жизнью до 16 лет. 53 % 13-летних девочек, имеющих сексуальный опыт, сожалеют о том, что сделали «это» так рано. 42 % девушек не пользовались при первом сексе никакой контрацепцией. В России на долю тинэйджеров приходится 16 % всех абортов. 21 % юношей и 10 % девушек лишились девственности с человеком, которого раньше не знали (Комсомольская правда. — 2003. — 16 декабря). По данным управления здравоохранения Екатеринбурга, 30 % девушек начинают половую жизнь в 15 лет и раньше, 16-летних девиц — меньше половины. К прерыванию беременности прибегают 80 % молодых женщин (Клиника для молодежи//АиФ-Урал. — 2004. — 18 апреля). По данным НИИ им. Н. А. Семашко, 40–50 % девушек-подростков начинают свою половую жизнь в среднем в 15,5 лет (Лагойда Н. Г. Современная студенческая семья: особенности и проблемы функционирования // Вестник Бурятского государственного университета. — 2009. — Вып. 5. — С. 249).

образование, стать материально независимым и лишь потом создавать семью (72 % юношей и 43 % девушек). 43 % мужчин и 36 % женщин считали возможным жить в незарегистрированном браке¹. Жизнь все более убеждает, что зарегистрированный брак для студенчества — лишь одна (для многих — далеко не самая главная) из форм семейной жизни.

В этой связи представляет интерес определение молодой семьи (а студенческая семья, по крайней мере, в достаточно продолжительной перспективе будет одной из ее форм), зафиксированное в Основах государственной молодежной политики до 2025 года: «Молодая семья — семья, состоящая в первом зарегистрированном браке, в которой возраст каждого из супругов либо одного родителя в неполной семье не превышает 30 лет (для участников жилищных программ поддержки молодых семей возраст супругов увеличивается до 35 лет)»².

Представляется, что отраслевой подход, существенно ограничивающий объект нашего исследования — молодую (студенческую) семью — первым браком, и обязательно зарегистрированным, существенно упрощает ситуацию. Это экономически понятно: государство, будучи серьезно ограниченным в средствах (а программы поддержки молодой семьи — весьма затратные) готово поддерживать традиционные брачные отношения и «не приветствует» достаточно высокий процент разводов, в том числе и среди молодежи. В то же время проблемы, вызванные брачно-семейным поведением молодежи, выходящим «за рамки» предложенного определения, остаются весьма и весьма острыми.

Представляется, что сегодня важно учитывать расширение личной свободы в созидании (или в разрушении) брачно-семейных отношений: «Свобода выбора партнера имплицитно подразумевает и свободу расторжения супружества, если оно складывается неудачно»³. Поспешность с регистрацией брака, по мнению некоторых студентов, не ведет к созданию устойчивых семей и лишь увеличивает число разводов. Кстати, включив в анкету 1999 г. дополнительный параметр семейного положения «разведен (а)», мы получили тревожное соотношение зарегистрированных и разведенных — 4 : 1 (у студентов-мужчин даже 3 : 1). На последующих этапах мониторинга оно сохранялось, а в 2012 г. даже составило 2 : 1. На семейный статус студентов оказывает существенное влияние и распространившееся среди молодых людей мнение, что оптимальный возраст для вступления в брак — отодвигается к 25–27 годам⁴, т. е. фактически далеко выходит за сегодняшние гра-

¹ См.: Молодые социологи о социальных проблемах молодежи. — Екатеринбург : Институт молодежи, 1996. — С. 49–51.

² Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р // Собрание законодательства РФ. — 15.12.2014. — № 50. — Ст. 7185.

³ Голод С. И. Моногамная семья: кризис или эволюция? // Социально-политический журнал. — 1995. — № 9. — С. 75.

⁴ Сорокина Т. Ю. Особенности брачно-семейных установок студенческой молодежи: дисс. канд. психол. наук. — Самара : Самарский ГПУ, 2007. — 240 с. [Электронный ресурс]. —

ницы обучения в вузе (особенно, если исходить из реалий, а не перспектив непрерывного образования или нелинейных стратегий высшего образования). Студенческие семьи (где студентом является хотя бы один из супругов) нуждаются в поддержке — это бесспорный факт. Но важно учитывать и то, что сегодня зарегистрированные студенческие семьи — это лишь «вершина айсберга», и сводить поддержку студенческой семьи лишь к ним неправомерно¹.

Учтем и то, что в ходе мониторинга было выявлено немало материально-бытовых факторов, которые явно не способствовали принятию решения о создании самостоятельной семьи. Казалось бы, уже в 1999 г. материалы исследования «опровергали» расхожее представление о том, что семейные студенты испытывают значительные трудности. Собранные данные показали, что — в сравнении с однокурсниками, еще не создавшими самостоятельной семьи — ситуация у семейных студентов (и в материальном, и в жилищном плане) более благополучная или, по крайней мере, не намного хуже. В данных мониторинга, это видно, если выделить ответы семейных студентов и сравнить их с данными в целом по массиву (табл. 28–30).

Таблица 28

Оценка студентами материального положения своей семьи, 1999 г., % по группам

Группы	Очень хорошее	Хорошее	Среднее	Плохое	Очень плохое
Семейные студенты	0	5	70	23	2
Массив	1	11	62	23	3

Таблица 29

Оценка материального положения своей семьи в сравнении с однокурсниками, 1999 г., % по группам

Группы	Гораздо лучше	Такое же	Гораздо хуже	Трудно оценить
Семейные студенты	5	71	5	19
Массив	4	67	7	22

Режим доступа: <http://www.dslib.net/soc-psixologia/osobennosti-brachno-semejnyh-ustanovok-studentcheskoj-molodezhi.html#2983391> (дата обращения: 11.11.2016).

¹ Гилева И. О. Проявление мотивационной готовности к созданию семьи у студентов // Прикладная психология. — 2001. — № 3. — С. 92–96; Думнова Э. М. Брачные установки российской молодежи российского мегаполиса: гендерный аспект (на примере Новосибирска) // Вестник Томского государственного университета. — Серия «Социология». — 2012. — № 363. — С. 72–76; Китова Д. А., Балова Д. Ю. Психологические особенности представлений студентов о создании семьи // Прикладная психология и психоанализ : электрон. науч. журн. — 2011. — № 1. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ppip.idnk.ru> (дата обращения 11.11.2016); Маленова А. Ю., Самойленкова А. В. Представления о брачно-семейных отношениях студенческой молодежи: социально-психологические риски и ресурсы // Вестник Омского университета. — Серия «Психология». — 2014. — № 1. — С. 43–51; Фролова А. С. Брачно-семейные представления студентов 2 курса [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.scienceforum.ru/2013/159/1550> (дата обращения: 11.11.2016).

Таблица 30

Место проживания студентов, 1999 г., % по группам

Место проживания	Массив	Семейные студенты
С родителями	56	22
В общежитии	23	20
На частной квартире	10	15
У родных, знакомых	6	10
Имеют собственную жилплощадь	5	33

Несмотря на определенную парадоксальность (и некоторую неожиданность для самих исследователей) приведенные данные многое объясняют, особенно, выход у семейных студентов собственной жилплощади на первое место проживания (у каждого третьего); значительный рост их числа, проживающих самостоятельно, отдельно от родителей (в сравнении с массивом их доля почти втрое ниже). В начале 2000-х (2003 и 2007 гг.) число семейных студентов, продолжающих жить совместно с родителями, заметно выросло, столь же заметно сократилось число семейных студентов, имеющих собственную жилплощадь. Но уже на последующих этапах мониторинга отмеченная тенденция возродилась.

Выясняется, что, как правило, студенты решаются сегодня оформить свой брак юридически, лишь при наличии серьезной материально-бытовой базы. Ее отсутствие надолго (нередко до рождения ребенка и даже позднее) оттягивает официальное оформление студенческой семьи. Противоречиво выглядит практически неизменным число семейных студентов, живущих в общежитии. Последнее обстоятельство порождает ряд вопросов: выделяют ли семейным студентам отдельные комнаты в общежитии или они вынуждены скрывать изменившееся семейное положение, или именно с этим и связан рост числа гражданских (незарегистрированных) браков?

Нельзя переоценивать, что создание своей семьи очень важный шаг в развитии самостоятельности и предприимчивости студентов. Существенно меняется структура их доходов — сокращается роль помощи родителей и социальной помощи (последнее вряд ли правильно) и несколько возрастает роль самостоятельных заработков. Как ни парадоксально, меньше всего родители помогают именно тем, кто «оформил» свой брак. Да и поддержка живущих в гражданском браке гораздо меньше, чем в среднем по массиву. Возможно, сказываются серьезные расхождения родителей и детей по поводу разумности и своевременности создания «студенческой семьи». Если дети действуют вопреки желанию родителей, то родители нередко реагируют сокращением или прекращением помощи. Одновременно в сознании студенчества утверждается и стереотип — создание семьи (не говоря уже о рожде-

нии ребенка) резко ухудшает материальное положение. К сожалению, такой стереотип чаще всего имеет реальное основание (в чем и убеждают результаты мониторинга). Сегодня, когда предпринимаются попытки переломить сложившуюся в России с 1990-х гг. тенденцию депопуляции, важно сосредоточить усилия на помощи молодой семье (в частности, студенческой). Эта помощь не ограничивается лишь материальным аспектом, а должна иметь комплексный, социальный характер.

В этом случае особенно значима помощь молодым матерям-студенткам в устройстве их детей в дошкольные учреждения. Доля их (по данным исследования в 2007 г.) не очень велика (в целом по массиву — 2 %, среди женщин — 3 %). Но это не основание для пренебрежения к их проблемам. Дополнительно включенный в опрос 2007 г. вопрос о трудностях устройства детей в детсад дал следующие результаты: треть респонденток отметили наличие трудностей (стоят в очереди), столько же «решили» этот вопрос за счет бабушек и дедушек; каждая седьмая студенческая семья с ребенком вынуждена нанимать няню (зачастую за счет своих родителей и тех же бабушек и дедушек) и лишь у одной из каждых шести ребенок устроен в детсад.

На фоне семенных трудностей усиливается позитивное отношение молодых людей к добрачным и внебрачным интимным связям. Характерны результаты сравнительных опросов студентов свердловских вузов (табл. 31). Параметры опроса: 2002 г. — № = 430 человек; 2015 г. — № = 453 человека; выборка гнездовая; студенты II курса.

Таблица 31

Позиция респондентов относительно вступления в брак, 2002, 2015 гг., % от группы

Вариант ответа	2002	2015
Моя позиция: не вступать в брак во время учебы	55	87
Я состою в интимных отношениях, не оформляя их юридически (без регистрации брака)	15	24
Лучше сначала получить образование, стать материально независимым и лишь потом создавать семью	55	64
Можно жить и в незарегистрированном браке	37	45

Конечно, нужно делать поправку на изменения в продолжительности обучения (в 2002 г. опрашивались будущие специалисты, в 2015 г. — преимущественно будущие бакалавры). И все-таки заметно усиление готовности к так называемому «гражданскому браку». Сказывается и снижение возрастного рубежа начала интимной жизни (к моменту поступления в вуз не имеют интимного опыта лишь 10–20 %; причем, уже как позитивный момент, можно отметить, что за эти годы данная группа не возросла). Респондентам было предложено оценить по 5-балльной системе разнообразные факторы

риска для молодой семьи — внешние и социально-психологические (взаимодействие молодых супругов). Общие результаты представлены в табл. 32.

По итогам опроса 2002 г. отмечено: одинаковая оценка молодыми людьми значимости внутрисемейных и внешних факторов состоит в осмыслении самооценности семьи, ее зависимости от самих супругов, от их личностных качеств и умения достигать компромисса.

Таблица 32

**Динамика средних оценок разных факторов риска для молодой семьи
(по 5-балльной системе), баллы**

Название фактора риска	2002	2015
Несоответствие целей, жизненных ориентиров	3,5	3,7
Несоответствие характеров	3,4	3,2
Несоответствие привычек, обычного стиля жизни	2,9	3,8
Несоответствие уровней культуры, образования	3,6	3,1
Любовные отношения вне семьи, супружеские измены	4,3	4,4
Итого: Внутрисемейные факторы (средняя)	3,5	3,6
Низкий уровень материальной обеспеченности	3,7	3,8
Плохие жилищные условия	3,5	3,6
Вмешательство родителей, родственников, их негативное психологическое влияние	3,9	2,9
Негативное психологическое влияние друзей, знакомых	2,9	2,9
Итого: внешние факторы (средняя)	3,5	3,3

Это связано и с устойчивостью порождаемых этим пониманием преимущественно иждивенческих настроений. Характерно возрастание значимости (пусть и небольшое) таких факторов риска, как «трудное материальное положение» и «плохие жилищные условия». С учетом минимальных объективных изменений за прошедшие годы по этим, безусловно, крайне важным параметрам благополучия молодой семьи можно говорить о проявлении феномена «растущих ожиданий».

Сохранилась обостренная, однозначно негативная реакция на супружеские измены как основной фактор риска для семьи. Принимая во внимание значительный добрачный опыт у современных молодых людей, стоит отметить не только справедливое осуждение любых проявлений предательства в межличностных отношениях (прежде всего, — в интимных отношениях), но и облегченное отношение к браку и разводу. В женской молодежной среде социологами и публицистами зафиксирована позиция — «сходить замуж».

Исследования 2002 и 2015 гг. на обоих этапах зафиксировали, как позитивный момент, растущее понимание значимости духовной культурной бли-

зости супругов; понимание необходимости принимать привычки и установки другого человека. Становление такого толерантного отношения — залог позитивных изменений на перспективу в молодой семье. Обратим внимание, что между двумя датами исследования значительно снизилась оценка негативного влияния родителей на микроклимат в молодой семье. Очевидно, что это связано и с растущей самостоятельностью молодого поколения, и с более адекватным пониманием старшим поколением основного изменения в семейных отношениях — от приоритета родительства к приоритету супружества.

В настоящее время в Свердловской области, как и в Российской Федерации, фиксируют низкий уровень подготовки молодежи к семейной жизни и устойчивости молодых семей. Практика показывает, что семьи создаются в молодые годы (ориентировочно средний возраст вступления в брак — 22,2 лет — для женщин и 24,4 лет — для мужчин, 70 % заключаемых браков — первые). Этот возраст характеризуется становлением мировоззренческих позиций и ценностных ориентаций молодежи, в том числе — ориентаций на устойчивую и благополучную семью, на ответственное родительство и ценности семейной жизни. Утверждение этих позитивных ценностей и установок — задача государственной молодежной семейной политики.

Статистика свидетельствует, что молодая семья менее устойчива: 1/3 всех разводов приходится на семьи, существующие менее года, и еще 1/3 — с брачным стажем от года до пяти лет; вероятность развода лиц до 20 летнего возраста в два раза выше и наиболее чревата для семьи, детей, самого института семьи.

У молодого населения области изменилось отношение к браку: так, доля состоящих в «гражданском браке» наиболее высока именно в молодежных возрастах (15,3 %), а затем заметно снижается к сорокалетнему рубежу (почти вдвое).

Отношение общества к гражданскому браку становится все более лояльным. Ученые дают следующее объяснение данным процессам: в последние годы наблюдаются раннее психофизиологическое развитие молодежи; нет особых ограничений в трансляции этих идей в СМИ; в большинстве семей налицо ослабление сексуального контроля над подростками; недостаток социальных программ сексуального и семейного воспитания и обучения молодежи.

Сегодня важно изменить общую тональность полового, сексуального воспитания молодежи. Можно сколько угодно говорить молодым о вреде ранних половых связей, но страх — плохой воспитатель. Нужно рассматривать проблему в перспективе, научить оценивать последствия сегодняшнего поведения, поступка, решения. Особого внимания заслуживают двойные стандарты в сознании молодых мужчин: значительное большинство из них за добрачную интимную жизнь; одновременно для каждого четвертого-пятого важное требование к будущей супруге — девственность.

Все еще низка культура контрацептивного поведения. Это относится, к сожалению, не только к мужчинам, но и к женщинам, нередко, игнорирующих опасности заболеваний, передающихся половым путем, возможной беременности, последствий прерывания беременности и т. д. (в возрастной группе до 20 лет — каждая вторая)¹.

Необходимо пересмотреть негативную оценку добрачной интимной жизни: в этих отношениях важен момент устойчивости. В связи с чем тревожит, что каждая четвертая из молодых женщин меняет секс-партнеров достаточно часто, что усиливает угрозу нежелательной беременности, аборта, риск венерических заболеваний.

Дальнейшая тенденция развития студенческих отношений движется к постепенному отказу от супружеского брака в пользу партнерских отношений, в которых основным является сексуальная основа и исключительная значимость присутствия другого (как степень общности)². В результате этого брак как в России, так и за рубежом в развитых странах во многом утрачивает значение института, который связан с контролем деторождения. Появляется новый тип семьи, который характеризуется доминированием эмоциональных отношений, индивидуальных стремлений и достижением материально-экономического благополучия.

Серьезной конкретизацией результатов мониторинга явилось исследование студенческой семьи (2009 г.) участниками первого этапа Л. Я. Рубиной и С. Н. Айрапетовой³. Выводы социологов опирались на анкетный опрос 217 семейных студентов дневного отделения УрГПУ, УГТУ—УПИ, РГППУ, УрГЭУ, УрГУ, УГГУ и НТГСПА (в отличие от мониторинга выборка была смещена к IV—V курсам — на них приходилось 68 % выборки). Среди опрошенных 55 % являлись членами «чисто студенческих семей», в 45 % семей один из супругов не являлся студентом, доля таких «нестудентов» у респондентов из педагогических вузов увеличена — до 54 % в УрГПУ и 60 % в РГППУ. 88 % отнесли себя к «свежим» молодоженам (стаж 1—2 года), у 6 % стаж 3 года, у 6 % — 4 и более лет. Две трети опрошенных указали на законодательное закрепление своего брака, треть считала свой брак фактическим, но не оформленным юридически⁴. По вопросу о причинах, почему студенты не оформляют свои брачные отношения, большинство студентов вообще считают необязательной регистрацию браков, отмечается неготовность

¹ Резникова Т. П. Контрацептивное поведение молодежи // Социологические исследования. — 2003. — № 1. — С. 131—135. Значимость поднятых в статье проблем определила ее перепечатку в еженедельнике «Демоскоп Weekly» (2005. — № 205—206) — *ред.*

² Чернова Ж., Шпаковская Л. «Молодые взрослые»: супружество, партнерство и родительство // *Laboratorium*. — 2010. — № 3. — С. 19—43.

³ Рубина Л. Я., Айрапетова С. Н., Пацук А. С. Современная студенческая семья: функциональный и гендерный аспекты // Педагогическое образование в России. — 2010. — № 2. — С. 64—74.

⁴ Там же. — С. 67.

к ответственности, налагаемой браком и наличие множества нерешенных бытовых проблем (44 %), возникающее однообразие жизни (44 %) и быстро остывающие чувства (44 %). Наконец, 38 % отметили ограничение личной свободы¹. В оценке значимости супружества первые три ранговые позиции заняли: избавление от одиночества; упорядочение интимной жизни; налаживание быта и режима жизни. Позитивный момент исследования — 92 % не сомневались в устойчивости своего брака. Хотя 6 % признались, что ощущают приближение кризиса, 2 % — испытывают разочарование и даже подумывают о разводе². И эти данные во многом типичны. В рамках одновременно проводившегося исследования в другом регионе России было зафиксировано: 10 % респондентов указали на неустойчивость в супружеских отношениях³.

В целом исследователи выявили заметные изменения в матримониальном поведении студенческой молодежи. Интересен их анализ брачного рынка России, объяснявший тенденцию — с ростом образования у мужчин снижается процент безбрачия, а у женщин он, напротив, растет, и связанную с этим установку части студенток на ранний брак («пока берут»).

Рассматривая распространенные взгляды о «кризисе» или «крахе» института семьи, «исчерпавшем себя» и «не выполняющем своих функций», Л. Я. Рубина и С. Н. Айрапетова делают очень важное социально-психологическое замечание: «институт семьи существует не только потому, что выполняет жизненно важные для общества функции, но и потому, что вступление в брак, рождение, содержание и воспитание детей отвечает каким-то глубоко личным, интимным, смысложизненным потребностям людей... Именно ослабление, угасание этих личных мотивов и желаний ярче всего раскрывает кризис семьи как социального института»⁴. Тем самым обозначена и перспектива развития института семьи (от «ячейки общества» к «самоценности» семьи для создающих ее супругов и других членов семьи), и проблемы ее на данном этапе развития.

Устойчивость основных тенденций развития студенческой семьи, сохранение и даже обострение некоторых ее проблем было выявлено в рамках исследования «Социальное самочувствие молодежи Свердловской области» (2015 г.; треть выборки — студенты) и федерального исследования «Создание студенческой семьи: мотивация и жизненные стратегии» (рук. Т. К. Ростовская)⁵.

¹ Рубина Л. Я., Айрапетова С. Н., Пацук А. С. Современная студенческая семья: функциональный и гендерный аспекты // Педагогическое образование в России. — 2010. — № 2. — С. 68.

² Там же. — С. 69.

³ Лагойда Н. Г. Современная студенческая семья: особенности и проблемы функционирования // Вестник Бурятского государственного университета. — 2009. — Вып. 5. — С. 249.

⁴ Рубина Л. Я., Айрапетова С. Н., Пацук А. С. Современная студенческая семья: функциональный и гендерный аспекты // Педагогическое образование в России. — 2010. — № 2. — С. 66.

⁵ Ростовская Т. К. Создание студенческой семьи: мотивация и жизненные стратегии членов молодых студенческих семей (итоги всероссийского межвузовского исследования) //

Насколько нужна современному молодому человеку своя семья? Зачем ее нужно создавать? На первый взгляд, ответы молодежи на этот вопрос оказались вполне ожидаемыми — на первом месте репродуктивная функция семьи («чтобы были дети, продолжился род» — 55 %, женщины — 58 %). На втором месте в ранговом ряду закономерно находится функция обеспечения психологического комфорта (ответы «иметь поддержку, понимание» — отметили 59 % женщин и 33 % мужчин; «не расставаться с любимым человеком» — 40 % и 33 %), которая позволяет молодым людям «удовлетворять потребности в симпатии, уважении, признании, эмоциональной поддержке, психологической защите, „убежище“ от стрессовых влияний внешнего мира».

Третье место по значимости в ответах респондентов — потребность в комфорте материальном (благоустроенный быт, уют) — также традиционно, как и гендерные различия: все ведущие мотивы создания семьи женщины отмечают чаще мужчин. Ими отмечены и причины, стоящие на последних позициях рангового ряда: необходимость иметь постоянного партнера — в 1,4 раза; жить по обычаям общества — в 1,7 раза, выполнить нравственный долг — в 2 раза.

Насколько крепкой окажется молодая семья? От чего зависит самая большая человеческая ценность — счастье семейной жизни? В ответах на этот вопрос респонденты опроса 2015 года не преподнесли особых «сюрпризов». На первом месте в ответах каждого трех из четверых находится взаимопонимание, и в ответах женщин оно чаще всего (что опять же очевидно). Соотношение «главных предпосылок счастья в семейной жизни» таково: взаимопонимание между супругами (в среднем — 74 %, у женщин — 84 %); материальное благополучие (18 %, у женщин — 11 %); нормальные жилищные условия (8 %, у женщин — 5 %). Но каждый четвертый мужчина отметил как главный материальный фактор, каждый десятый — нормальные жилищные условия и возможность молодых зарабатывать достаточные для содержания семьи и жилья средства — тот резерв, который может обеспечить и укрепление семьи, и дальнейший демографический рост. Конечно, решение лежит в плоскости общего экономического развития страны, но очевидным становится, что модель «совместного преодоления всех тягостей и невзгод совместной жизни», свойственной большинству советских семей, для современной молодежи оказывается неприемлемой.

Сегодня молодые люди склонны «быть счастливыми и жить нормально сейчас, а не ждать жизни». Эту точку зрения подтверждают ответы на вопрос о том, желали бы молодые студенты, чтобы их семья была бы похожа на семью родителей (табл. 33).

Таблица 33

**Хотели бы Вы, чтобы Ваша семья была бы похожа на семью ваших родителей,
% опрошенных**

Группы	Да, полностью	Скорее да, чем нет	Скорее нет, чем да	Совсем нет	Индекс*
Массив	23	34	26	17	+0,20
Муж.	24	34	24	18	+0,22
Жен.	22	33	28	17	+0,15
Студенты	21	36	25	18	+0,17

Примечание. Индекс рассчитан как сумма произведений значений в строках на коэффициенты: да, полностью — (+2); скорее да, чем да — (+1); скорее нет, чем да — (–1); совсем нет — (–2), деленная на 100.

Как видим, при общем положительном мнении о степени похожести своей семьи на родительскую, «индекс семейной традиционности» весьма низок, и студенты демонстрируют максимальное стремление отказаться от родительского опыта.

Каким же образом реализуются брачно-семейные установки на практике? Опрос молодежи 2015 г. выявил ряд моментов, требующих особого внимания. Если ситуацию, когда большинство респондентов (три четверти в выборке) определили свое семейное положение как холост (не замужем) вполне можно объяснить смещением темпов социализации и особенностями выборки, то высокий процент «живущих в гражданском (незарегистрированном) браке», а об этом заявил каждый десятый респондент, говорят о значительных ценностных изменениях в общественном сознании: сожительство, «совместная жизнь» (*living to gether*), стало привычным явлением. И это уже не слабый, а совершенно отчетливый сигнал обществу: незарегистрированный брак, «брачная свобода» выступает в качестве одной из основных угроз традиционной семейной жизни молодых россиян.

При этом допустимость неоформленных отношений в равной степени характерна и мужчинам (на что обычно закрывали глаза), и женщинам (что до недавнего времени категорически осуждалось). Очевидно, что высокая степень «укоренения» сожительства влечет за собой комплекс проблем, возникающих из необходимости выполнения традиционно присущих семье обязанностей в условиях отсутствия закрепленных юридических обязательств. И главной, на наш взгляд, является нематериальная проблема, возникающая, как правило, в результате разрушения «пробных браков», а проблема «пробных детей», автоматически попадающих под категорию воспитывающихся в неполных семьях.

Но проблема незарегистрированного брака — это одновременно и следствие глубинных социальных и экономических процессов, мешающих соз-

данию традиционной семьи. Очевидно, что возврат к традиционному осуждению незарегистрированного брака вряд ли возможен. В целом сигнал о необходимости укрепления традиционных семейных ценностей обществом уже принят, но эта задача требует комплексного решения, в основе которой, как нам представляется, будет лежать концепт достойного заработка молодого специалиста и доступного для молодой семьи собственного дома.

Понятна зафиксированная результатами опроса ситуация, что именно в старшей возрастной группе молодежи значительно больше респондентов оказались разведенными. Одновременно тревожит, что в этой же возрастной группе оказалось 2 % респондентов, навсегда потерявших супруга или супругу, причем «зоной повышенного риска» оказались сельские поселения.

Еще одна тенденция, признаки которой начинают просматриваться в российском обществе связана с синглизацией. Сегодня все чаще западные социологи говорят о растущей синглизации общества¹ (от английского *single* — единственный, отдельный), связывая это с ростом числа мужчин, отдающих секс от создания семьи, и женщин, отдающих предпочтение карьере и экономической независимости, а не браку. Немецкий социолог А. Инхов видит в этом знамение времени: «В Средние века, когда свирепствовали то голод, то война, то чума, лишь большая семья имела шанс на выживание. Теперь человек в состоянии справиться со своими проблемами в одиночку, поэтому меняется и психология общества. Оно позволяет синглам жить для себя. Прогресс снимает проблему добывания средств к существованию, а многие функции семьи берет на себя система социального страхования»². По данным опроса молодых горожан, в средней возрастной группе две трети — холостые и незамужние, в старшей возрастной группе — они составляют четверть. Конечно, было бы неверно рассматривать всех их даже в старшей группе как синглов. Сказывается и тенденция последнего времени — более поздние сроки создания семьи. Да и западные социологи относят к «синглам» в основном тех, кто старше 30 лет. И все-таки можно говорить о наметившемся тренде: в среднем по массиву 4 % респондентов планируют отказ от создания своей семьи, чаще — это мужчины; молодые люди старшей возрастной группы; жители малых и средних городов.

Установки молодежи на рождение детей разделяются как минимум по трем основаниям: планируют рождение детей (каждый второй в выборке), отказываются от рождения детей в силу сложившихся социальных условий (примерно 47 % в выборке) и не планируют рождение детей в принципе — «чайлдфри» (3 % в выборке — цифра значима не столько статистически, сколько социальное). Чайлдфри (англ. *childfree* — свободный от детей) — добровольный отказ

¹ Люди-синглы. Синглы вокруг нас [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://bmw825.livejournal.com/30258.html> (дата обращения: 28.11.2015).

² См.: Люди-синглы. Синглы вокруг нас [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://bmw825.livejournal.com/30258.html> (дата обращения: 28.11.2015).

от детей¹ уже зафиксирован исследователями как характерное для Среднего Урала явление. В частности, данный феномен изучается специалистами УрГПУ (под рук. И. В. Шапко). Можно сказать, что лишь 3 % респондентов определили свои установки как близкие к чайлдфри. Дальнейшее распространение таких установок (наряду с сократившейся за последние годы, но все еще высокой долей аборт — 2 аборта на 5 беременностей) может в перспективе негативно сказаться на воспроизводстве населения, численности молодежи.

Важный срез социокультурного портрета свердловского студенчества — выявление его социального самочувствия.

Социальное самочувствие является своеобразным восприятием человеком своих «выживательных» позиций². Социальное самочувствие — это «интегральная характеристика отношения личности к окружающей действительности, степени удовлетворенности различными аспектами жизнедеятельности, оценки своих возможностей». «Социальное самочувствие отражает соотношение между уровнем притязаний и степенью удовлетворения потребностей субъекта»³.

Социальное самочувствие — интегральная характеристика удовлетворенности или неудовлетворенности человека своим социальным положением, индикатор настроений и ориентаций. Социальное самочувствие проявляется как «целостная, относительно устойчивая эмоциональная реакция субъекта на воздействие социальной среды и условий его жизнедеятельности». Оно «выступает результатом осознания и переживания человеком смысла и значимости различных сторон жизни», «вырастает из непосредственных условий бытия человека, определяющих степень удовлетворения его многообразных потребностей, возможностей развертывания индивидуальной жизни, самоутверждения и самореализации»⁴. Подобный подход представляется нам позитивным, поскольку социальное самочувствие не только рассматривается как эмоционально-психологическая реакция личности (социальной группы) на условия жизнедеятельности, но подчеркивается и активность субъекта, его самореализация, самоутверждение.

¹ См.: Исупова О. Почему чайлдфри отказываются от детей? // ДемоскопWeekly. — 2010. — № 427–428. — С. 1–5.; Исупова О. Феномен чайлдфри в обществе [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://postnauka.ru/video/31220> (дата обращения: 20.12.2015); Baber K. M., Dreyer A. S. Gender — role orientations in older child-free and expectant couples//SexRoles. — 1986. — Vol. 14. — Issue 9. — Pp. 501–512; Veevers J. E. Childless by choice. — Toronto : Butterworth, 1980.

² Голенкова З. Т., Игитханян Е. Д. Наемные работники. Некоторые черты формирующегося класса // Социологические исследования. — 2002. — № 9. — С. 46–47.

³ Панченко Е. В. Мониторинг социального самочувствия тверской молодежи // Современная Россия в социальном измерении: Материалы доклада на X социологических чтениях Московского государственного социального университета. — М. : Изд-во МГСУ, 2003. — С. 118–122.

⁴ См.: Социально-психологическое самочувствие учителя: время перемен. — Свердловск, 1990. — С. 3.

Созвучно с этим и аксиологическое, социокультурное понимание социального самочувствия, когда подчеркивается, что оно «во многом зависит от степени соответствия системы ценностей человека, его внутренней картины мира и места в нем тем требованиям и возможностям, которые предъявляет и предоставляет ему общество»¹. Н. И. Лапин выделил ряд социокультурных типов отношения россиян к нынешним реформам, взяв за основу три показателя: реальную адаптированность или неадаптированность субъекта к новым правилам экономического поведения; конкурентоспособность субъекта, его способность или неспособность успешно действовать в конкурентной рыночной среде; ориентированность субъекта на одобрение или отрицание реформ². Весьма перспективно, особенно в плане выявления особенностей социального самочувствия различных социально-демографических групп, представление о социальном самочувствии как «интегральной характеристике реализации жизненной стратегии, отношении к окружающей действительности, субъективных ее сторон»³.

Важно учесть и точку отсчета в субъективной оценке социального самочувствия. При этом и субъективность, и определенность такой точки отсчета как бы переплетаются, взаимосвязаны. Даже применительно к основному экономическому фактору (доход) «социальное самочувствие связано не просто с величиной дохода, а с тем, как такой доход соответствует его потребностям и представлениям о достойной жизни»⁴. Интересный ориентир — субъективная оценка уровня и степени благополучия окружающей микросреды — предложен нижегородскими социологами⁵.

Одновременно заслуживают внимания акценты на социологический аспект социального самочувствия, не сводимого лишь к оценке социальной микросреды, но носящего более широкий (охватывающий и макросреду) и более разносторонний характер переживания, в котором «рациональ-

¹ Ковалева Н. Г. Пожилые люди: социальное самочувствие // Социологические исследования. — 2001. — № 7. — С. 75.

² Лапин Н. И. Ценности, группы интересов и трансформация российского общества // Социологические исследования. — 1997. — № 3. — С. 15–23.

³ Петрова Л. Е. Социальное самочувствие молодежи // Социологические исследования. — 2000. — № 12. — С. 51.

⁴ Маклакова Г. Е., Панова С. Г., Тришкина И. С. Социальное самочувствие населения Свердловской области по материалам социологического мониторинга за 1994–1996 годы // Социологическое обозрение (Информационно-аналитический сборник). — Екатеринбург, 1997. — Вып. 1. — С. 6. Более того, многочисленные публикации результатов социологических исследований фиксируют серьезные расхождения между объективным социальным положением и его субъективным отражением в социальном самочувствии. См., например: Выхухолева Е., Новопрудский С. Счастливые нищие. Россия официально объявлена страной оптимистов // Известия. — 2001, 18 мая.

⁵ См.: Саралиева З. М., Балабанов С. С. Пожилой человек в Центральной России // Социологические исследования. — 1999. — № 12. — С. 58.

ное и эмоциональное нераздельно, органично соединены»¹. В исследовании уральских социологов используется понятие «социально-экономическое самочувствие населения города», трактуемое как «социальное ощущение и оценка социальными слоями и группами населения, отдельными горожанами, семьями уровня гарантированности своего материально-экономического обеспечения для удовлетворения своих материальных и духовных потребностей»². Обращает внимание соотношение самочувствия с «уровнем гарантированности», с социальными гарантиями.

Социальное самочувствие, как и любой социальный феномен сознания и поведения, имеет темпоральное (временное) измерение. Личность, социальная общность не только оценивают свое современное социальное положение, но и сравнивают его с прошлым (одним из проявлений такого сравнения и выступает социальная ностальгия), мечтают о будущем, надеются на благоприятные изменения или опасаются негативных изменений в будущем. Настоящее (особенно — в условиях резких социальных трансформаций современного российского общества) может восприниматься как нечто неустойчивое. А отсюда растущее ощущение нестабильности положения в быстро меняющемся обществе.

Эмпирическая интерпретация понятия «социальное самочувствие» позволяет выйти на конкретные индикаторы, показатели, анализ которых позволит судить о характере, уровнях социального самочувствия студентов.

«Этимология понятия «самочувствие» связана с такими понятиями, как «чувять собою», «самоощущение», «ощущение самого себя», «чувственность»³. Чаще всего «самочувствие» определяется как «внутреннее психофизическое состояние», «способность, возможность сознательно воспринимать деятельность внешнего мира», «ощущать, испытывать, переживать что-нибудь», «чувство, испытываемое человеком в зависимости от того или иного состояния его физических и душевных сил в известный момент»⁴. Наиболее часто употребляется определение самочувствия в словарях по психологии как системы субъективных ощущений, свидетельствующих о той или иной степени физиологической и психологической комфортности, включающей в себя как общую качественную характеристику (хорошее или плохое самочувствие), так и частные переживания, различно локализованные.

В качестве базового концепта, соотносимого с социальным самочувстви-

¹ Зборовский Г. Е., Широкова Е. А. Социальная ностальгия: к исследованию феномена // Социологические исследования. — 2001. — № 8. — С. 32; см. также: Тощенко Ж., Харченко С. Социальное настроение. — М.: Академия, 1996.

² Городская власть и горожане: прямая и обратная связь. — Екатеринбург: СВ-96, 1998. — С. 11.

³ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. — М.: Издательская группа «Прогресс Универс», 1994. — Т. 4. — С. 22, 28.

⁴ Толковый словарь русского языка. — М., Госиздат иностранных и национальных словарей, 1938. — Т. 4. — С. 45, 1299–1300.

ем, в зарубежной социально-психологической литературе используется понятие «субъективное благополучие» (*subjective well-being*). В нем выделяют детерминанты позитивного (радость, удовлетворенность) и негативного (страх, тревога, опасения) состояния, но, самое главное, одновременно выделяется социальная компонента благополучия (оценка человеком своей жизни в соотношении с ситуацией в обществе)¹. Зарубежные исследователи в самом термине «благополучие» (*well-being* — хорошее существование) подчеркивают преимущественно позитивный аспект самочувствия, негативные моменты в основном остаются «за кадром». Субъективное благополучие оказывается «наукой о счастье» (*The Science of Happiness*)². Но одновременно во многих западных странах использование результатов социального самочувствия в социальном познании уже стало социальной нормой, а основой методологии социальных исследований — не просто описание жизненно важных проблем, наложения их друг на друга, тревог и напряженности людей, но и доминирования утверждаемых в обществе приоритетов.

С этим связано соотношение социального самочувствия с качеством жизни. В качестве жизни исследователи особо выделяют качество жизни окружающей среды, характеризующееся объективными показателями (уровень жизни, комфорт, загрязнения окружающей среды, преступность и др.)³. Рассматривается субъективное качество жизни — с точки зрения удовлетворенности различными сторонами жизни. В частности, Э. Кэмпбелл соотносил качество жизни и с личными устремлениями и ожиданиями (*aspirations and expectations*) человека, его чаяниями и надеждами, и с осуществляемым им сопостав-

¹ См.: Biswas-Diener R., Diener E., Tamir M. The Psychology of subjective well-being // *Daedalus*. — 2004. — Vol. 133. — № 2. — P. 18–25; Diener E., Sapyta J. J., Suh E. M. Subjective well-being is essential to well-being // *Psychological Inquiry*. — 1999. — Vol. 9. — № 1. — P. 33–37; Griffin J. Well-being: Its meaning, measurement and moral importance. Oxford, 1986; е. а. Интересный анализ данного аспекта проблемы дан в статье: Рогозин Д. Тестирование вопросов о социальном самочувствии // *Социальная реальность*. — 2007. — № 2. — С. 97–113. В ней подчеркивается правомерность принятия — с некоторыми допущениями — концептов социального самочувствия и субъективного благополучия как синонимов.

² Diener Ed. Subjective well-being: The Science of Happiness and a Proposal for a National Index // *American Psychologist*. — 2000. — № 55(1). — Pp. 34–43. Diener Ed. Subjective Well-Being. The Collected Works of Ed Diener. University of Illinois, 2009. 58 p. Характерен ряд синонимов для *Subjective well-being* в англоязычной литературе: *comfort* (комфорт), *happiness* (счастье), *health* (здоровье), *prosperity* (процветание), *welfare* (благополучие), *advantage* (преимущество), *benefit* (выгода), *ease* (легкость), *good* (хорошо). См.: Andrews F. M., Inglehart R. F. The Structure of Subjective Well-being in Nine Western Societies // *Social Indicators Research*. — 1979. — V. 6. — P. 73–90; Argyle M. Subjective well-being // *Pursuit of duality of life*. Oxford: Oxford press, 1996. P. 18–45; Compton W. C. Vales problems in SWB // *American Psychologist*. — 2001. — V. 56. — P. 64–84; Diener Ed. Subjective Well-being // *Psychological Bulletin*. — 1984. — V. 95. — № 3. — P. 542–575; е. а.

³ Mercier C. Improving the Quality of Life of People with Severe Mental Disorders // *Social Indicators Research*. — 1994. — № 33. — P. 165–192. Corten Ph., Bergeret I., е. а. Expectations, aspirations and Quality of Life.

лением своей ситуации с иными (теория социального сравнения — «*social comparison theory*»)¹.

Исходно — в длительной истории формирования методологической базы для определения понятия «социального самочувствия» — преобладал психологический подход². Такой подход в исследовании социального самочувствия предполагает рассмотрение его как индивидуального или группового феномена, как социально-психологического состояния, возникающего у человека или группы людей «под влиянием объективных обстоятельств их жизнедеятельности и являющегося их целостным отражением»³. Центром и предметом анализа становится измерение переживания субъектом социального самочувствия, его чувственно-эмоциональной и когнитивной сфер, а также его социальной активности, опосредованной как объективными обстоятельствами жизнедеятельности, так и индивидуальными свойствами и характеристиками. Подобную двоякость в определении социального самочувствия мы наблюдаем не только в социологии, но и других современных науках, занимающихся его изучением — общей психологии и социальной психологии.

В определенной мере Л. И. Михайловой верно выражен основной тренд развития понятия «самочувствие»: «Самочувствие и настроение — понятия индивидуально-психологические, стали затем социально-психологическими и используются в настоящее время в социологии»⁴.

Общая психология трактует самочувствие с физиологических позиций, как «органическое» самочувствие человека, а социальная психология и социология — как интегральную характеристику, детерминируемую социальными факторами. Но уже в рамках психологического подхода был выделен целый ряд существенных смысловых блоков социального самочувствия.

Прежде всего, это — ассоциация самочувствия с восприятием человеком окружающего мира, явлений и процессов, с его переживаниями и эмоциями. Благодаря социальному сознанию и самосознанию, познавая реальность и самого себя, человек выражает свое отношение к окружающей его реальности, определяет свое место, изменяется, меняет или сохраняет свои цели. Социальное самочувствие не ограничивается лишь чувствами, чувственно-эмоциональной стороной общественного сознания, но и выступает од-

¹ Campbell A., Converse P. E. (eds.). *The Human Meaning of Social Change*. — N. Y.: Russell Sage Foundation, 1972; Campbell A., Converse P. E., Rodgers W. L. (eds.). *The Quality of American Life. Perceptions, Evaluations and Satisfaction*. — N. Y.: Russell Sage Foundation, 1976; Campbell A. *Subjective Measures of Well-Being* // *American Psychologist*. — 1976. — № 31. — P. 117–124.

² Речь идет именно о «социальном самочувствии». «Самочувствие» как физиологическая проблема развития и функционирования индивида первоначально являлось и до сих пор является предметом медицины.

³ Крысько В. *Словарь-справочник по социальной психологии*. — СПб.: Питер, 2003. — 416 с.

⁴ Михайлова Л. И. Социальное самочувствие и восприятие будущего россиянами // *Социологические исследования*. — 2010. — № 3. — С. 45–50. — С. 46.

ной из чувственно-рациональных форм отражения социальной реальности, оценочным показателем, характеризующим социальное сознание индивида. Важный аспект психологической трактовки «самочувствия» — его понимание как ощущения психологической и физиологической комфортности внутреннего состояния человека или личности. Тем самым, эмоции и чувства рассматриваются как отражение субъективного отношения человека к самому себе и окружающему его миру. Самочувствие (и составляющие его чувства) не только — отражение субъективного значения предметной действительности. Оно имеет — и в этом еще одно достижение психологического подхода — стабильную мотивационную значимость для субъекта деятельности. Предметы, отвечающие потребностям личности, побуждают к деятельности для удовлетворения этих потребностей. Чувства представляют собой конкретно-субъективную форму существования этих потребностей. Формирование чувств является необходимым условием развития человека как личности. В. А. Сухомлинский особо подчеркивал «огромную возвратную силу влияния» эмоционального состояния человека на его жизнедеятельность¹. Одновременно психологи отмечали и возможность влияния на самочувствие, настроение: «Настроение поддается воздействиям, их можно в той или иной мере формировать и видоизменять, ими можно овладевать»².

Наконец, и это уже был шаг в сторону социально-психологической трактовки социального самочувствия — выделялась социальная детерминация чувств, ее обусловленность практическими отношениями людей, их социальным взаимодействием, когда собственная жизнь становится особым предметом, порождает чувства, субъективные отношения, переживания. «Субъективное восприятие человеком собственной жизни, — отмечает Л. Е. Петрова, — перестало быть прерогативой только психологических исследований в силу существенного влияния объективных факторов, в значительной мере детерминирующих жизнедеятельность как отдельного индивида, так и социальных общностей»³. Чувства возникают из эмоций в определенных социально-типичных условиях. Социальная типичность условий жизни определяет своеобразие чувств у представителей различных культур в связи со сходными событиями: демографическими, трудовыми, политическими и т. д.⁴ Рассматривая социальное самочувствие как социально-психологический феномен, нужно учитывать и влияние на него стереотипов и предрассудков. Обращение социальных наук к феномену социального самочувствия приобретает особую значимость в силу чувственно-эмоционального

¹ Сухомлинский В. А. Рождение гражданина. — М. : Молодая гвардия, 1979. — С. 263.

² Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. — 2-е изд., доп. и испр. — М. : Наука, 1979. — С. 119.

³ Петрова Л. Е. Социальное самочувствие молодежи // Социологические исследования. — 2000. — № 12. — С. 50.

⁴ Практикум по общей психологии : учеб. пособие / под ред. А. И. Щербакова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Просвещение, 1990. — 288 с.

характера этого феномена. Между тем, как справедливо отмечает А. В. Меренков, приобщение человека к культуре осуществляется «совокупностью одновременно действующих механизмов нормативного развития, саморазвития, самоорганизации человека и чувственно-эмоционального их обеспечения». Именно механизм чувственно-эмоционального обеспечения развития и саморазвития личности сегодня изучен наименее всего¹.

Социальное самочувствие соотносится не просто с чувствами, а с социальными чувствами. Серьезное обоснование характера и роли социального чувства дал австрийский социальный психолог А. Адлер. Личность социальна по своему формированию и существует только в контексте общественных отношений. «Социальное чувство», выражающее связь между людьми в человеческой общности в целом, выступает основным критерием и индикатором «феноменов психической жизни».

Для фиксации социального самочувствия на уровне больших социальных групп (в частности, студенчества) исследователи наиболее подходящим считают интерпретативный подход, определяя задачу социолога так: понять респондента лучше, чем он сам себя понимает; не выстраивать умозрительные модели личности и общества, а проникнуть в саму область конструирования социальных смыслов и дать картину социального самочувствия изнутри, определить качественную и количественную характеристику взаимосвязи объективных характеристик и субъективных оценок социального благополучия различных социальных групп населения России².

Значимым в социально-психологической характеристике социального чувства и социального самочувствия явилось их соотнесение с потребностью в других людях³. Социальное чувство понимается как инстинктивная и в то же время сознаваемая и управляемая способность «видеть глазами другого, слышать ушами другого, чувствовать сердцем другого». Эта способность опирается на чувство принадлежности к группе, народу; на стремление к глубокой эмоциональной коммуникабельности; на интерес к социальным процессам; веру в людей, способность доверять, быть открытым, искренним и свободным в диалоге; на оптимизм и историческое чувство, готовность выслушать критику, трезво оценивать свои способности, признавать свое несовершенство, готовность проявить доброту, участие, инициативу⁴.

¹ Меренков А. В. Человек: взаимосвязь природного и социокультурного. — Екатеринбург : Изд-во УГГУ, 2007. — С. 243–258.

² См.: Воронин Г. Л. Социальное самочувствие россиян (1994–1996–1998) // Социологические исследования. — 2001. — № 6. — С. 53–66. — С. 59–60.

³ См.: Марцинковская Т. Д. История психологии: учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений — М. : Издательский центр «Академия», 2003. — 544 с. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://do.gendocs.ru/docs/index-101326.html#3088498> (дата обращения: 05.12.2015).

⁴ См.: Морозов А. В. История психологии. — М., 2003. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://do.gendocs.ru/docs/index-152517.html> (дата обращения: 05.12.2015).

Наконец, опираясь на психологический и социально-психологический подходы, социология разрабатывает и свой особый подход к пониманию социального самочувствия. Социологический аспект понятия «самочувствие» включает в себя «ощущение человеком удовлетворенности его состоянием здоровья (последнее во многом зависит от таких социальных факторов, как уровень и качество жизни, потребления, развитие системы здравоохранения и состояние медицинского обслуживания и др.); материальным положением; статусно-ролевым набором; профессиональной деятельностью; социально-правовой защищенностью; социально-бытовой обустроенностью; внутрисемейными и межличностными отношениями на работе; а также состоянием политической, социально-экономической, межнациональной и экологической ситуации в регионе проживания и в стране в целом»¹. Одновременно заслуживают внимания и акценты на социологический аспект социального самочувствия, не сводимого лишь к оценке социальной микросреды, но носящего более широкий (охватывающий и макросреду) и более разносторонний характер переживания, в котором «рациональное и эмоциональное нераздельно, органично соединены»².

Многогранность этого социального явления определяет и разнообразие его определений в рамках социологического подхода. При этом справедлива оценка, которую дали наши волгоградские коллеги: «В настоящее время не существует однозначного толкования понятий «социальное самочувствие» и «качество жизни», как нет и их однозначной операционализации через систему индикаторов и показателей»³. Это не означает, однако, отказа от попыток уточнения толкования указанных понятий и поиска новых вариантов их операционализации. Прежде всего, выделим определения социального самочувствия, акцентирующие единство социологического и социально-психологического подходов: «социально-психологический феномен, отражающий в интегрированном виде особенности социальной позиции человека как общественного существа, его место в структуре общества, характер включенности в социальные процессы, а также активность, на-

¹ См.: Курьеров А. И. Социально-экологическое самочувствие населения в районе предстоящего уничтожения химического оружия в системе управленческих решений // Управление социальными процессами в регионах: Российская научно-практическая конференция. — Ч. 1: Регион как социум: социальная структура, институты и процессы. — Екатеринбург, 2002. — С. 66–76.

² Зборовский Г. Е., Широкова Е. А. Социальная ностальгия: к исследованию феномена // Социологические исследования. — 2001. — № 8. — С. 31–34. — С. 32; Тощенко Ж., Харченко С. Социальное настроение. — М.: Академия, 1996. — 195 с.

³ Дулина Н. В., Токарев В. В. Социальное самочувствие населения как один из критериев оценки деятельности региональной власти // Социокультурные основания стратегии развития регионов России: материалы Всероссийской научно-практической конференции по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов». Смоленск, 6–9 октября 2009 г. — Смоленск: «Универсум», 2009. — С. 89.

правленную на обеспечение оптимальной самореализации и существование в социуме»¹.

Социальное самочувствие характеризуется как «относительно устойчивая эмоциональная реакция субъекта на воздействие социальной среды и условий его жизнедеятельности». Оно «выступает результатом осознания и переживания человеком смысла и значимости различных сторон жизни», «вырастает из непосредственных условий бытия человека, определяющих степень удовлетворения его многообразных потребностей, возможностей развертывания индивидуальной жизни, самоутверждения и самореализации»². При подобном подходе социальное самочувствие рассматривается как эмоционально-психологическая реакция личности или социальной группы на условия жизнедеятельности, однако при этом подчеркивается активность субъекта, его самореализация, самоутверждение, характер его включенности в социальные процессы. Социальное самочувствие — справедливо подчеркивается в одном из определений — «субъективное восприятие реальности и себя в ней относительно проблем, ситуаций, событий, происходящих в сфере социальной жизни, где наиболее четко проявляются мотивационные факторы поведения»³. Такой самодеятельный подход к социологии личности и культуры утверждал выдающийся социолог Л. Н. Коган. Социальное самочувствие личности формируется на определенном уровне развития субъектности человека и может рассматриваться как один из ее индикаторов⁴.

В трактовке социального самочувствия как «интегральной характеристики отношения личности к окружающей действительности» оно рассматривается во взаимосвязи степени удовлетворенности различными аспектами жизнедеятельности (общего мироощущения человека, общей оценки им своей жизни, ощущения ее устроенности или неустроенности⁵) и оценки социальным субъектом своих возможностей. Именно с неудовлетворенностью потребностей людей П. А. Сорокин соотносил социальную напряженность и революцию (как ее неизбежный результат): «Непосредственной предпосылкой всякой революции всегда было увеличение подавленных ба-

¹ Крысько В. Словарь-справочник по социальной психологии. — СПб.: Питер, 2003. — 416 с.

² Голенкова З. Т., Игитханян Е. Д. Наемные работники. Некоторые черты формирующегося класса // Социологические исследования. — 2002. — № 9. — С. 46–47.

³ Крупец Я. Социальное самочувствие как интегральный показатель адаптированности [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.pandia.ru/text/78/230/49516.php> (дата обращения: 03.12.2015).

⁴ Грачев А. А., Русалинова А. А. Социальное самочувствие человека в организации. Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2007. — № 30. — С. 7–17. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-samochuvstvie-cheloveka-v-organizatsii> (дата обращения: 05.12.2015).

⁵ Скутнева С. В. Гендерные аспекты жизненного самоопределения молодежи // Социологические исследования. — 2003. — № 11. — С. 73–74.

зовых инстинктов большинства людей, а также невозможность даже минимального их удовлетворения»¹.

Социальное самочувствие — это своеобразная реакция людей и социальных общностей на то или воздействие окружающей социальной среды. Но в том-то и дело, что характер такой реакции может быть разнообразным: к этому влиянию можно быть более или менее восприимчивым (чутким), можно это влияние гиперболизировать, преувеличить, но его можно и недооценить, проигнорировать. Нельзя сбрасывать со счета и эффект «привыкания», «притерпелости».

Особо отметим — как общие признаки различных социологических определений социального самочувствия — их системность, целостность, интегративность. Специфика социального самочувствия выражается в том, что оно является интегральной величиной и характеризуется при помощи категорий образа жизни, характера жизнедеятельности, самосохранительного поведения, социального здоровья и статуса личности, выполнения ею социальных ролей и реализации ценностных ориентаций². Дальнейшая конкретизация этого самого общего понимания социального самочувствия в социологических публикациях идет по разным направлениям. Важным аспектом анализа выступает осмысление системы детерминант, определяющих данный феномен, в качестве которых рассматриваются внешние социальные факторы: социально-экономические и политические особенности жизнедеятельности людей (материальное положение, уровень благосостояния, миграция, безработица, формы социальной защиты, характер социальных отношений и т. д.). Социальное самочувствие определяется как интегральная характеристика удовлетворенности (неудовлетворенности) человека своим социальным положением, индикатор его настроений и ориентаций. С ростом социального расслоения происходит усиление тенденции к социальному эгоизму у достаточно хорошо материально обеспеченной части общества, поэтому представляет интерес анализ социального самочувствия в контексте осмысления содержания социально-этических категорий (добро, зло, успех, сила и т. д.).

Социальное самочувствие предстает в виде компонента общественного сознания и исследуется в контексте выявления изменения его состояния на фоне глобальных социальных, политических и идеологических преобразований, происходящих в обществе. В связи с этим возникает исследовательская проблема: понять, как конкретный человек, социальная общность (например, студенчество) воспринимают и оценивают изменения, проис-

¹ Сорокин П. А. Человек, цивилизация, общество. — М. : Политиздат, 1992. — 543 с. — С. 272–273.

² Лебеденко О. А. Социальное самочувствие студентов — социальных стипендиатов в условиях модернизации российского общества. Дисс. на соиск. уч. степ. канд. соц. наук. — Ростов н/Д: РГУ, 2011. — 164 с. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rgb.ru/content/sotsialnoe-samochuvstvie-studentov-sotsialnykh-stipendiatov-v-usloviyakh-modernizatsii-rossii#ixzz40JvkZp4f> (дата обращения: 15.11.2013).

ходящие в жизни общества, как они относятся к этим изменениям, и как это сказывается на их повседневной жизни, психическом состоянии и самочувствии.

Противоречивая природа социального самочувствия проявляется и в том, что оно характеризует восприятие и оценку индивидом своего социального благополучия, уровня и качества жизни, степени удовлетворения потребностей и реализации жизненных планов, выступает показателем социально-психологического аспекта образа жизни.

Важно учитывать интегративный характер социального самочувствия. Это достаточно сложный показатель социального мироощущения, который не сводится исключительно к уровню дохода, к осознанию себя бедным, среднеобеспеченным или обеспеченным. Конечно, взаимосвязь понятий «статус (социальный, социально-профессиональный и т. д.) — материальное положение — социальное самочувствие» прослеживается, но социальное самочувствие гораздо шире и глубже¹. Это подчеркивается и в приведенном выше определении, где в один ряд поставлены понятия социального благополучия, уровня жизни, и качества жизни.

Заслуживает внимания используемая Н. И. Лапиным, Л. А. Беляевой и их коллегами в исследовании социально-экономического портрета регионов широкая трактовка понятия качества жизни, одним из компонентов которого выступает социальное самочувствие. При этом качество жизни определяется как «комплексная характеристика условий жизнедеятельности населения, которая выражается в объективных показателях и субъективных оценках удовлетворения материальных, социальных и культурных потребностей и связана с восприятием людьми своего положения в зависимости от культурных особенностей, системы ценностей и социальных стандартов, существующих в обществе»². Соответственно, социальное самочувствие соотносится с «оценками населением своего будущего, удовлетворенности жизнью, уверенности, что оно само может решать проблемы ее улучшения»³. В русле нашего теоретического анализа особенно важно выделить в данном подходе не только оценочный характер социального самочувствия, но и акцент на активность субъекта. Это позволяет преодолеть, сохраняющуюся во многих определениях социального самочувствия, его трактовку как пассивной фиксации существующего положения. Важно учесть и точку отсчета в субъективной оценке социального самочувствия. При этом субъективность и определенность такой точки отсчета как бы переплетаются и взаимосвязаны. Даже применительно к доходу как основному экономическому факто-

¹ Голенкова З. Т., Игитханян Е. Д. Наемные работники. Некоторые черты формирующегося класса // Социологические исследования. — 2002. — № 9. — С. 46–47.

² Беляева Л. А. Уровень и качество жизни. Проблемы измерения и интерпретации // Социологические исследования. — 2009. — № 1. — С. 34.

³ Там же. — С. 40.

ру, «социальное самочувствие связано не просто с величиной дохода, а с тем, как такой доход соответствует потребностям и представлениям о достойной жизни» человека¹. Более того, многочисленные публикации результатов социологических исследований фиксируют серьезные расхождения между объективным социальным положением и его субъективным отражением в социальном самочувствии².

Интересный ориентир — «субъективная оценка уровня и степени благополучия окружающей микросреды» — предложен нижегородскими социологами³. Не менее значимым оказывается и самосохранительная функция социального самочувствия, которая выступает как «потребность человека в самосохранении себя как социального существа, члена группы и общества, а также оценка уровня и степени благополучия непосредственно окружающей его микросреды»⁴.

Уточняется и отражение в социальном самочувствии успешности (или неуспешности) реализации социальным субъектом своих жизненных планов, жизненных стратегий. При этом самочувствие выступает индикатором уже самого выбора характера этих планов, стратегий («адаптивные», «выживательные», «самореализационные» стратегии)⁵. Весьма перспективным в плане выявления особенностей социального самочувствия различных социально-демографических групп является представление о социальном самочувствии как «интегральной характеристике реализации жизненной стратегии, отношении к окружающей действительности, субъективных ее сторон»⁶. Ряд исследователей рассматривают социальное самочувствие как индикатор реализации стратегии адаптации⁷. Но связь между ними более сложная: адаптация к тем или иным условиям является важной характеристикой самочувствия.

¹ Маклакова Г. Е., Панова С. Г., Тришкина И. С. Социальное самочувствие населения Свердловской области по материалам социологического мониторинга за 1994—1996 годы // Социологическое обозрение (Информационно-аналитический сборник). — Вып. 1. — Екатеринбург, 1997. — 89 с. — С. 6.

² См., например: Выхухолева Е., Новопрудский С. Счастливые нищие. Россия официально объявлена страной оптимистов // Известия. — 2001, 18 мая.

³ Саралиева З. М., Балабанов С. С. Пожилой человек в Центральной России // Социологические исследования. — 1999. — № 12. — С. 58.

⁴ Тощенко Ж. Т., Харченко С. Социальное настроение. — М., 1996. — С. 28.

⁵ Голенкова З. Т., Игитханян Е. Д. Наемные работники. Некоторые черты формирующегося класса // Социологические исследования. — 2002. — № 9. — С. 46—47; Крупец Я. Н. Социальное самочувствие как интегральный показатель адаптированности [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.pandia.ru/text/78/230/49516.php> (дата обращения: 18.11.2015); Наемный работник в современной России / отв. ред. З. Т. Голенкова. — М.: Новый хронограф, 2015. — 368 с.; Гл. 3. — С. 74—100.

⁶ Петрова Л. Е. Социальное самочувствие молодежи // Социологические исследования. — 2000. — № 12. — С. 51.

⁷ Беляева Л. А. Стратегии выживания, адаптации, преуспевания // Социологические исследования. — 2001. — № 6. — С. 44.

Серьезно углубляется и понимание субъекта социального самочувствия. Важны конкретные характеристики тех социальных общностей, которые выступают этим субъектом. Подчеркивается и иной аспект проблемы: «Социальное самочувствие отражает соотношение между уровнем притязаний и степенью удовлетворения потребностей субъекта»¹. Социальное самочувствие в данном случае определяется как центральная проблема социальной диагностики и связывается «прежде всего, с выявлением — в динамике — тех социальных проблем, которые вызывают наибольшую неудовлетворенность людей»².

Способ восприятия жизненных событий определяет социальное самочувствие личности: «Молодые люди, как правило, оптимисты, пожилые — пессимисты вследствие невозможности удовлетворить всю совокупность желаний»³. Настоящее (особенно в условиях резких социальных трансформаций современного российского общества) может восприниматься как нечто неустойчивое. Как следствие — растущее ощущение нестабильности положения в быстро меняющемся обществе.

Интегративность социального самочувствия проявляется во взаимосвязи составляющих его когнитивного, эмоционального, поведенческого и ценностного элементов. Интересна их характеристика белорусскими коллегами⁴. В когнитивном элементе акцентируется «актуальное знание, информированность людей о проблемах общественной жизни, знание, которым индивид руководствуется в повседневной жизни, которое влияет на принятие определенных жизненных решений». Важность эмоционального компонента соотносится с «эмоциями, чувствами, переживаниями, настроениями, психическими состояниями человека». «Поведенческий компонент раскрывается через активность индивида, через готовность действовать в определенной ситуации при определенных условиях, включающий также самореализацию и протестные акции как результат негативного самочувствия и жизненной неудовлетворенности». Особо подчеркнем отмеченную Л. П. Гилевской возможность разнообразных по направленности и силе конкретных действий социальных акторов, руководствующихся своим социальным самочувствием. Именно это и определяет необходимость эмпирического анализа этого социально-психологического феномена на основе определенных социальных показателей (индикаторов).

¹ Панченко Е. В. Мониторинг социального самочувствия тверской молодежи // Современная Россия в социальном измерении: материалы выступлений. X Социологические чтения Московского государственного социального университета. — М., 2003. — С. 118–122.

² Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т. Социология: Курс лекций для технических вузов. — Екатеринбург: УГТУ–УПИ, 2007. — 278 с. — С. 186.

³ Прусак А. И. Теория действия С. Вивекананды // Социологические исследования. — 2000. — № 1. — С. 93–98.

⁴ Гилевская Л. П. Социальное самочувствие белорусской молодежи: социологический анализ // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2010. — № 2 (10). — С. 126.

Индикаторы социального самочувствия разграничивают на общие (охватывающие его как целостность) и конкретные (применительно к оценкам отдельных компонентов социальной сферы, отдельных социальных служб и уровня социальной защиты и социальной работы). В качестве индикаторов социального самочувствия выделяются удовлетворенность (неудовлетворенность) разными аспектами жизни, уверенность (неуверенность) в завтрашнем дне, наиболее беспокоящие проблемы, оценка социальной значимости экономических и политических реформ, степень готовности к новым испытаниям, связанным с их продолжением, отношение к деятельности властных структур¹.

При таком подходе социолог проникает в область конструирования социальных смыслов и может дать картину социального самочувствия изнутри, определив качественные и количественные характеристики взаимосвязи объективных характеристик и субъективных оценок социального благополучия различных социальных групп, при этом не выстраивая умозрительных моделей личности и общества.

В этой связи представляется крайне важным зафиксировать методологические подходы к изучению социального самочувствия, выделенные Д. Л. Константиновским и используемые при организации исследования социального самочувствия молодежи Свердловской области в 2015 г. Во-первых, «общественное поведение молодого человека является результатом сложного взаимодействия различных факторов, определяющих специфику личности и специфику внешних воздействий на нее»², что дает возможность выявить взаимосвязи между устремлениями, жизненными планами молодых людей и показателями, отражающими их реальные достижения; вскрыть степень влияния социальных факторов, лежащих в основе выбора образовательных и профессиональных стратегий. Во-вторых, это комплексный подход к исследованию облика молодого человека, что дает возможность «углубить актуальное для отечественной и мировой социологии понимание существенных аспектов социализации, формирования ценностных ориентаций и социального поведения»³ молодежи.

В структуре социального самочувствия выделяется ряд компонентов:

- эмоциональный (переживания и чувства человека, связанные с его взаимодействием с социальной действительностью);
- когнитивный (знания и оценки человеком социальной ситуации и своего места в ней);
- поведенческий (включающий готовность человека к определенным действиям, направленным на поддержание и создание социально-

¹ Хасбулатова О. А., Егорова Л. С. Социальное самочувствие женщин и мужчин в средних городах России // Социологические исследования. — 2002. — № 11. — С. 51.

² Там же. — С. 14.

³ Константиновский Д. Л., Вознесенская Е. Д., Чердниченко Г. А. Молодежь России на рубеже XX—XXI веков: образование, труд, социальное самочувствие. — М.: ЦСИИП, 2014. — С. 14.

психологических условий и существующего субъективно-личностного состояния, обеспечивающих его оптимальные жизнь и деятельность в обществе).

В определении «социального самочувствия» выделяются не только проявление «эмоционально-комфортной оценки» социальным субъектом (индивид, социальная группа, социум) уровня удовлетворения его социальных потребностей, но и «функционирующее» состояние сознания и поведения социального субъекта¹. Уточняя данный аспект, В. П. Засыпкин, Г. Е. Зборовский и Е. А. Шуклина особо выделили взаимосвязь «реально функционирующего проявления общественного (группового) сознания и поведения, в котором отражается эмоционально-комфортная (или дискомфортная) оценка индивидом, социальной группой (социальной общностью) и населением уровня удовлетворения социальных потребностей, а также своего положения в социуме», с осуществляемым ими «сравнением с положением и оценками других индивидов, социальных групп, социальных общностей»². Такое сравнение становится основной в самоидентификации социального субъекта, определении им своего социально-профессионального статуса.

При этом характер проявления поведенческой составляющей социального самочувствия может варьировать от пассивного принятия и переживания людьми своего социального статуса до активного стремления привести его в соответствие с собственными представлениями о своем месте в социуме. «Истинная цель человека — не та, которую ставят перед ним изменчивые склонности, а та, которую предписывает ему вечный, неизменный разум, — есть высшее и наиболее пропорциональное формирование его сил в единое целое»³. Самочувствие выступает в качестве определенного результата рефлексии человеком собственной жизни, своих успехов и неудач.

Социальное самочувствие рассматривается как важный механизм рефлексивного социального знания, используемый агентами социального действия в организации социальной жизни. Чтобы провести анализ и выделить различные сферы жизнедеятельности для определения уровня социального самочувствия, зафиксируем социальное самочувствие в его целостности, как обобщенную результирующую характеристику адаптации людей к сегодняшней жизни. Для этого выделим несколько характеристик, дающих возможность выявить социальное самочувствие населения:

- удовлетворенность своей жизнью в целом;

¹ Дулина Н. В., Токарев В. В. Социальное самочувствие населения как один из критериев оценки деятельности региональной власти // Социокультурные основания стратегии развития регионов России: материалы Всероссийской научно-практической конференции по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов» (Смоленск, 6–9 октября 2009 г.). — Смоленск: «Универсум», 2009. — С. 89.

² Засыпкин В. П., Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А. Социальное самочувствие учителя как социологическая проблема // Социология образования. — 2013. — № 11. — С. 4.

³ Гумбольдт В. Язык и философия культуры. — М.: Прогресс, 1985. — С. 30–34.

- оценку человеком своего сегодняшнего положения в новых условиях;
- представление о своем будущем.

Социальное самочувствие студентов определяется тем, как решаются те или иные социальные проблемы. Какие же социальные проблемы наиболее беспокоят студентов? Как за годы мониторинга менялось ощущение остроты тех или иных проблем?

Молодежь достаточно остро реагирует на негативные последствия реформ, хотя — и в этом противоречивость ее позиции — она в принципе за реформы и лучше взрослых приспосабливается к новой ситуации (табл. 34–35).

Наиболее четко динамику социального самочувствия студентов можно выявить, определяя ранг (остроту) проблемы и разграничивая зоны социальной напряженности и определяя конкретное насыщение каждой из них на разных этапах мониторинга:

- зона сильной напряженности (параметры отмечены в ответах более 30 % респондентов),
- зона средней напряженности (отмечены в ответах 20–29 % респондентов); по степени озабоченности ими проблемы этой зоны включают или последствия более острых проблем, или возможные самостоятельные поиски путей их разрешения.
- зона низкой напряженности; это те проблемы, которые не очень беспокоят или беспокоят, но немногих (отмечены в ответах менее 20 % респондентов).

Таблица 34

**Динамика оценок студентами наиболее волнующих их социальных проблем,
% ответов**

Социальные проблемы	1995	1999	2003	2007	2009	2012	2016
Опасения не найти работу после окончания вуза	42	58	38	41	44	46	56
Плохое состояние экологии, здравоохранения; платность медобслуживания	43	51	33	38	31	35	32
Распространенность наркомании, алкоголизма, культа силы и насилия в молодежной среде	20	56	39	44	37	38	29
Трудное материальное положение	63	60	31	43	45	22	26
Низкое качество получаемой в вузе профподготовки	17	10	7	8	10	16	24
Безразличие властных структур к запросам и интересам молодежи	—	38	35	30	26	31	23
Мало возможностей для дополнительного заработка	24	31	25	18	21	19	21

Окончание табл. 34

Социальные проблемы	1995	1999	2003	2007	2009	2012	2016
Правовой беспредел, опасение за безопасность (свою, семьи, близких)	41	51	26	35	30	26	19
Растущая отчужденность между молодыми и взрослыми	9	11	10	15	12	9	12
Плохие условия для полноценного отдыха, досуга	24	17	11	11	12	9	8

Примечание. В 1999 г. перечень волнующих социальных проблем был дополнен позицией «безразличие властных структур к запросам и интересам молодежи», в дальнейшем инструментарий не менялся.

Таблица 35

Динамика оценок студентами наиболее волнующих их социальных проблем, ранг остроты проблем по этапам мониторинга

Социальные проблемы	1995	1999	2003	2007	2009	2012	2016
Опасения не найти работу после окончания вуза	III	II	II	III	II	I	I
Плохое состояние экологии, здравоохранения; платность медобслуживания	II	IV	IV	IV	IV	III	II
Распространенность наркомании, алкоголизма, культа силы и насилия в молодежной среде	VII	III	I	I	III	II	III
Трудное материальное положение	I	I	V	II	I	VI	IV
Низкое качество получаемой в вузе профподготовки	VIII	X	X	X	X	VIII	V
Безразличие властных структур к запросам и интересам молодежи	—	VI	III	VI	VI	IV	VI
Мало возможностей для дополнительного заработка	V	VII	VII	VII	VII	VII	VII
Правовой беспредел, опасение за безопасность (свою, семьи, близких)	IV	V	VI	V	V	V	VIII
Растущая отчужденность между молодыми и взрослыми	IX	IX	IX	VIII	VIII	IX	IX
Плохие условия для полноценного отдыха, досуга	VI	VIII	VIII	IX	IX	X	X

Зона сильной напряженности

1995 г.

1. Трудное материальное положение.
2. Плохое состояние экологии, здравоохранения; платность медобслуживания.
3. Опасения не найти работу после окончания вуза.
4. Правовой беспредел, опасение за безопасность (свою, семьи, близких).

1999 г.

1. Трудное материальное положение.
2. Опасения не найти работу после окончания вуза.
3. Распространенность наркомании, алкоголизма, культа силы и насилия в молодежной среде.
4. Плохое состояние экологии, здравоохранения; платность медобслуживания.
5. Правовой беспредел, опасение за безопасность (свою, семьи, близких).
6. Безразличие властных структур к запросам и интересам молодежи.
7. Мало возможностей для дополнительного заработка.

2003 г.

1. Распространенность наркомании, алкоголизма, культа силы и насилия в молодежной среде.
2. Опасения не найти работу после окончания вуза.
3. Безразличие властных структур к запросам и интересам молодежи.
4. Плохое состояние экологии, здравоохранения; платность медобслуживания.
5. Трудное материальное положение.

2007 г.

1. Распространенность наркомании, алкоголизма, культа силы и насилия в молодежной среде.
2. Трудное материальное положение.
3. Опасения не найти работу после окончания вуза.
4. Плохое состояние экологии, здравоохранения; платность медобслуживания.
5. Правовой беспредел, опасение за безопасность (свою, семьи, близких).
6. Безразличие властных структур к запросам и интересам молодежи.

2009 г.

1. Трудное материальное положение.
2. Опасения не найти работу после окончания вуза.

3. Распространенность наркомании, алкоголизма, культа силы и насилия в молодежной среде.

4. Плохое состояние экологии, здравоохранения; платность медобслуживания.

5. Правовой беспредел, опасение за безопасность (свою, семьи, близких).

2012 г.

1. Опасения не найти работу после окончания вуза.

2. Распространенность наркомании, алкоголизма, культа силы и насилия в молодежной среде.

3. Плохое состояние экологии, здравоохранения; платность медобслуживания.

4. Безразличие властных структур к запросам и интересам молодежи.

2016 г.

1. Опасения не найти работу после окончания вуза.

2. Плохое состояние экологии, здравоохранения; платность медобслуживания.

Зона средней напряженности

1995 г.

1. Мало возможностей для дополнительного заработка.

2. Плохие условия для полноценного отдыха, досуга.

3. Распространенность наркомании, алкоголизма, культа силы и насилия в молодежной среде.

1999 г.

1. Плохие условия для полноценного отдыха, досуга.

2003 г.

1. Правовой беспредел, опасение за безопасность (свою, семьи, близких).

2. Мало возможностей для дополнительного заработка.

2007–2009 гг.

1. Безразличие властных структур к запросам и интересам молодежи.

2. Мало возможностей для дополнительного заработка.

3. Безразличие властных структур к запросам и интересам молодежи

2012 г.

1. Правовой беспредел, опасение за безопасность (свою, семьи, близких).

2. Трудное материальное положение.

2016 г.

1. Распространенность наркомании, алкоголизма, культа силы и насилия в молодежной среде.
3. Трудное материальное положение.
4. Низкое качество получаемой в вузе профподготовки.
5. Безразличие властных структур к запросам и интересам молодежи.
6. Мало возможностей для дополнительного заработка.

Зона низкой напряженности

1995 г.

1. Низкое качество получаемой в вузе профподготовки.
2. Растущая отчужденность между молодыми и взрослыми.

1999 г.

1. Растущая отчужденность между молодыми и взрослыми.
2. Низкое качество получаемой в вузе профподготовки.

2003 г.

1. Плохие условия для полноценного отдыха, досуга.
1. Растущая отчужденность между молодыми и взрослыми.
2. Низкое качество получаемой в вузе профподготовки.

2007 г.

1. Мало возможностей для дополнительного заработка.
2. Растущая отчужденность между молодыми и взрослыми.
3. Плохие условия для полноценного отдыха, досуга.
4. Низкое качество получаемой в вузе профподготовки.

2009 г.

1. Растущая отчужденность между молодыми и взрослыми.
2. Плохие условия для полноценного отдыха, досуга.
3. Низкое качество получаемой в вузе профподготовки.

2012 г.

1. Мало возможностей для дополнительного заработка.
2. Низкое качество получаемой в вузе профподготовки.
3. Растущая отчужденность между молодыми и взрослыми.
4. Плохие условия для полноценного отдыха, досуга.

2016 г.

1. Правовой беспредел, опасение за безопасность (свою, семьи, близких).
2. Растущая отчужденность между молодыми и взрослыми.
4. Плохие условия для полноценного отдыха, досуга.

Между первыми двумя этапами мониторинга в конце 1990-х гг. (к 1999 г., после дефолта 1998 г.) социальная напряженность возросла, что и отражено в ответах студентов. В 1999 г. из 10 оцениваемых проблем 7, по оценкам респондентов, относились к наиболее острым. Приоритетным было ощущение трудного материального положения. В иерархии острых проблем заметно выросла опасение не найти работу после окончания вуза (этим сильнее были озабочены студентки; сказывалась реальность: у безработицы четко обозначилось «интеллектуальное женское лицо»; наиболее были озабочены сложностями трудоустройства будущие экономисты и медики). Проявился кризис традиционной системы распределения выпускников, который, имея много нареканий, выполнял важные социально-защитные функции. Опасения студентов не лишены основания, что подтверждают говорят и объективные данные: показатели трудоустройства выпускников вузов снижаются (табл. 36)

Таблица 36

**Динамика трудоустройства выпускников вузов,
по данным Минобразования России, %¹**

Годы	Получили направление на работу	Самостоятельное трудоустройство
1993	55	26
1994	53	26
1995	52	27
1996	48	19
1997	47	23

Итак, в этот период каждый 2 выпускник из 4-х получал направление на работу, 1 — трудоустраивался самостоятельно, а 1 — не мог устроиться на работу (по полученной в вузе специальности).

На этапе 1999 г. выросла обеспокоенность распространения наркомании, алкоголизма, культа силы и насилия в молодежной среде.

В 2003 г. мониторинг зафиксировал определенную социальную «разрядку»: обеспокоенность респондентов практически в отношении всех социальных проблем снизилась. По некоторым параметрам — материальное положение, высокие цены, правовой беспредел — почти вдвое. Неудовлетворенность трудным материальным положением, сохранившись в зоне сильной напряженности, передвинулась в самый конец иерархии этой зоны. Обеспокоенность правовым беспределом вообще передвинулась в зону средней напряженности.

В 2003 г. сохранилась тенденция, проявившаяся ранее в 1999 г., — снижение обеспокоенности из-за плохих условий для полноценного отдыха, досуга и низкого качества получаемой в вузе профподготовки. Первое связано

¹ Положение молодежи в Российской Федерации и государственная молодежная политика: Государственный доклад [авт. кол.]. — М.: Гос. ком-т РФ по делам молодежи, 1998. — 164 с. — С. 47.

с тем, что перед лицом более жизненно важных проблем проблема досуга, отдыха отходит на задний план. Второе, несомненно, — факт позитивный. Наряду с ними в зону низкой напряженности фактически на всех этапах мониторинга входит обеспокоенность отчуждением между поколениями (что, кстати, отражает реальные установки студенческой молодежи и явно контрастирует с распространенными стереотипами о «конфликте» поколений, «разрыве» поколений). Передвинулось в 2003 г. в зону средней напряженности ощущение ограниченных возможностей для дополнительного заработка (в дальнейшем оно перешло в зону низкой напряженности).

Ряд новых изменений был отмечен по итогам IV этапа мониторинга (2007 г.). Было зафиксировано определенное маятниковое движение — в 2007 г. вновь несколько возросла обеспокоенность по ряду параметров: неудовлетворенность распространением наркомании, алкоголизма, культа силы и насилия в молодежной среде (сохранила первое место как самая беспокоящая проблема); трудное материальное положение (на втором месте после резкого спада в 2003 г.); опасение не найти работу после окончания вуза (на третьем месте в ранговом ряду наиболее волнующих социальных проблем).

В пятерку приоритетных опасений по итогам этого этапа мониторинга (2007 г.) попали неудовлетворенность экологической ситуацией, качеством и платностью медицинских услуг, опасение перед правовым беспределом. Неудовлетворенность безразличием властных структур к запросам и интересам молодежи хотя и снизилась, но осталась в зоне сильной напряженности. Важнейшая особенность этапа 2007 г. состоит в том, что фактически исчезла зона средней напряженности. Одна из проблем, находившаяся в этой зоне в 2003 г., — обеспокоенность правовым беспределом — связывалась даже не с изменением криминогенной ситуации (она оставалась крайне серьезной), а с привыканием или, точнее, с приучением к ней. Данная проблема, связанная с влиянием популярных в молодежной среде сериалов («Бандитский Петербург», «Бригада», «Улицы разбитых фонарей» и др.) перешла в зону наиболее острых. Проблема ограниченности возможностей для дополнительного заработка перешла в зону низкой напряженности.

По итогам мониторинга в 2007 г. проблемы разделились на две группы: 1) ощущаемые как острые, беспокоящие; 2) воспринимаемые достаточно спокойно. Возможно, сказалось общее оздоровление социальной ситуации. Впрочем, именно на этом общем благоприятном фоне нерешенность ряда социальных проблем, острота которых проявилась уже на первом этапе мониторинга (в 1995 г.), позволила говорить о сложившемся в молодежном сознании своеобразном синдроме «4 Б» — «бедность; болезни; безработица; беспредел», эти проблемы воспринимаются как наиболее острые. Но если в 2003 г. в структуре наиболее острых проблем на первый план вышла безработица (точнее — ее возможная перспектива после окончания вуза), то в 2007 г. их порядок несколько изменился: беспредел, бедность, безработица, болезни.

Обострение социальной ситуации на рубеже 2008–2009 гг. внесло свои коррективы. Прежде всего, вновь изменилась структура приоритетных проблем в зоне наивысшей напряженности; их порядок стал таким: бедность, безработица, болезни, беспредел. Возросло ощущение остроты одних проблем (трудное материальное положение; опасения не найти работу после окончания вуза), снизились эти ощущения в отношении ряда других проблем (распространенность наркомании, алкоголизма, культа силы и насилия в молодежной среде; плохое состояние экологии, здравоохранения; платность медобслуживания; правовой беспредел, опасение за безопасность /свою, семьи, близких/).

Вновь обозначилась средняя зона напряженности — в ней оказались такие проблемы, как безразличие властных структур к запросам и интересам молодежи (волнует каждого четвертого) и ограниченность возможностей для дополнительного заработка.

Наименьшие изменения оказались присущими зоне низкой напряженности — с сохранением и позитивных (большинство респондентов не отмечало в перечне беспокоящих их проблем низкое качество образования), и негативных моментов (недооценка значимости нормальных условий для полноценного культурного досуга).

На VI этапе мониторинга (2012 г.), как отражение выхода из кризиса, в зоне сильной напряженности остались лишь безработица и болезни, а беспредел и бедность передвинулись в зону средней напряженности. Почти каждый второй респондент в 2012 г. высказал опасение не найти работу после окончания вуза. На волне нарастания протестных настроений вновь несколько усилилось недовольство безразличием властных структур к запросам и интересам молодежи. Оно коррелировало с сохраняющимся опасением в связи с распространением наркомании, алкоголизма, культа силы и насилия в молодежной среде. Но обеспокоенность трудным материальным положением снизилась за 2009–2012 гг. вдвое. Несколько возросла, хотя и не вышла за пределы зоны низкой напряженности, неудовлетворенность качеством получаемой в вузе профессиональной подготовки.

Наконец, на VII этапе мониторинга (2016 г.) безработица (опасения не найти работу после окончания вуза) и болезни (неудовлетворенность плохим состоянием экологии, здравоохранения; платностью и низким качеством медицинского обслуживания) окончательно утвердились в представлениях студентов как наиболее острые проблемы. Опасения не найти после окончания вуза достойную, квалифицированную работу высказали почти две трети респондентов, свою неудовлетворенность ситуацией в здравоохранении (именно как клиенты, потенциальные или реальные пациенты) — каждый третий. Кстати, в проходящем одновременно с мониторингом федеральном исследовании РОС (где участвовали и студенты вузов Екатеринбурга) ситуация в здравоохранении («отголоски» проходившей в последние годы «опти-

мизации» отрасли) была оценена респондентами как наиболее четкое проявление социального неравенства и несправедливости в российском социуме¹.

Позитивным явлением 2016 г. и отражением повышения качества и эффективности реализации государственной молодежной политики в Свердловской области (особенно после принятия областного закона²) явилось перемещение оценок по параметрам «распространенность наркомании, алкоголизма, культа силы и насилия в молодежной среде» и «безразличие властных структур к запросам и интересам молодежи» из зоны сильной напряженности в зону средней напряженности. В этом же ряду и перемещение параметра «правовой беспредел, опасение за безопасность (свою, семьи, близких)» из зоны средней напряженности в 2012 г. в зону низкой напряженности в 2016 г. Отмеченная тенденция, возможно, связана с происходящим в последние годы укреплением правопорядка и улучшением деятельности правоохранительных органов — милиции (полиции).

В рамках целостного социального самочувствия студенты отдельных вузов обладают определенными особенностями. Объяснить многие из них (тем более, когда налицо переплетение общесоциального и индивидуального) достаточно затруднительно. Но по опыту предыдущих этапов мониторинга мы приводим эти данные как своеобразную «информацию к размышлению» для администрации, профессорско-преподавательских коллективов и общественных организаций конкретных вузов (рис. 32–41).

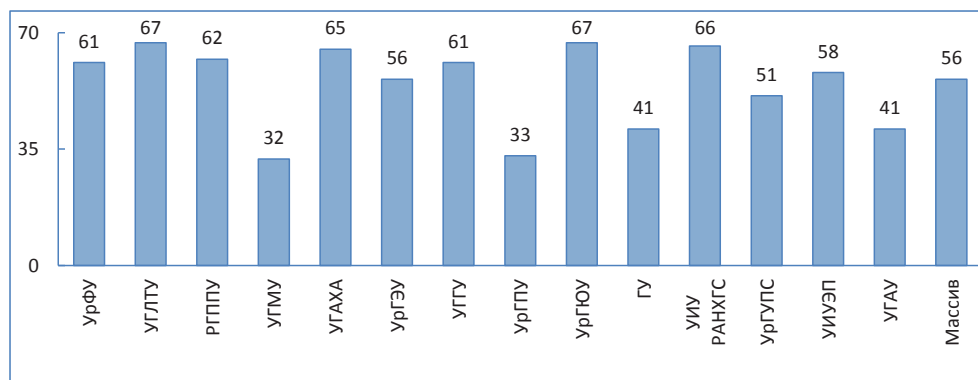

Рис. 32. Опасения студентов разных вузов не найти работу после окончания вуза, 2016 г., % от числа ответивших по вузу

¹ Особенности представлений свердловских студентов о социальном неравенстве и социальной справедливости / Ю. Р. Вишневский, Д. Ю. Нархов, Е. Н. Нархова, Т. А. Орешкина, Т. А. Чегодаева // Студенчество России о социальном неравенстве и социальной справедливости. — Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2016. — 253 с. — С. 121–176.

² «О молодежи в Свердловской области». Закон Свердловской области от 29.10.13 № 113-ОЗ // Российская газета. — 2013, 31 октября.

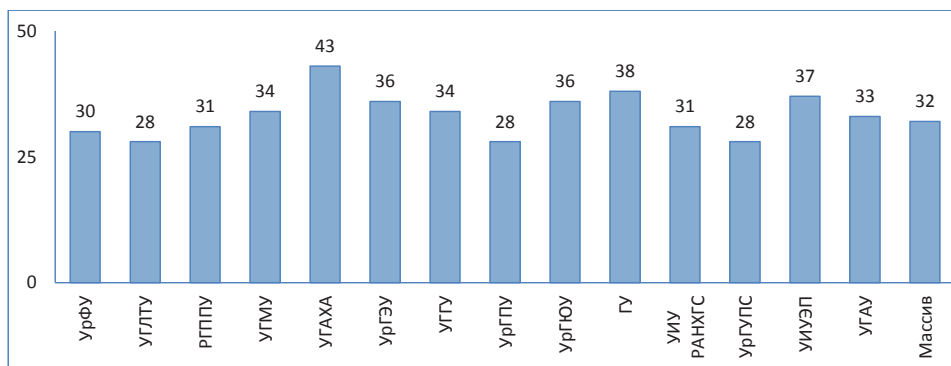

Рис. 33. Неудовлетворенность студентов разных вузов плохим состоянием здравоохранения, экологии, платностью и низким качеством медицинского обслуживания, 2016 г., % от числа ответивших по вузу

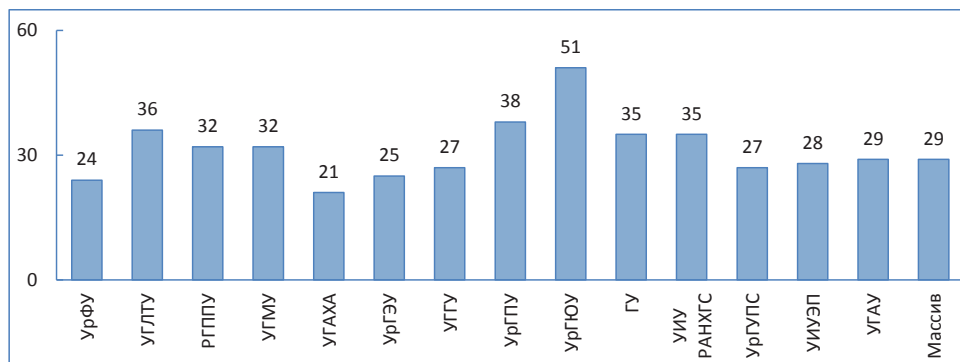

Рис. 34. Обеспокоенность студентов разных вузов ростом наркомании, алкоголизма, культом силы, насилия в молодежной среде, 2016 г., % от числа ответивших по вузу

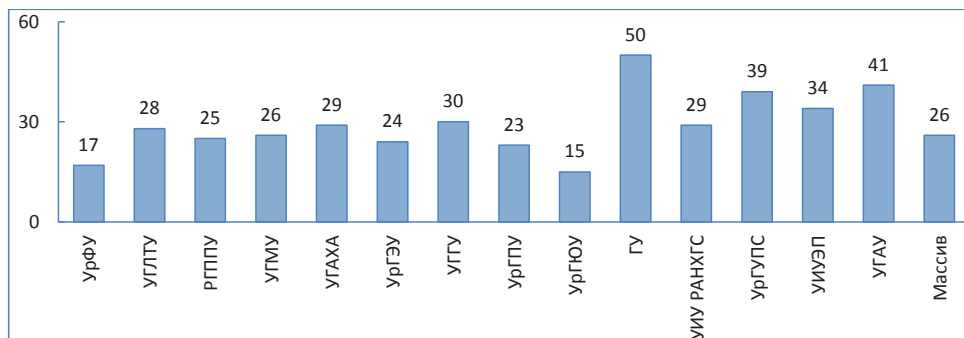

Рис. 35. Обеспокоенность студентов разных вузов трудным материальным положением, 2016 г., % от числа ответивших по вузу

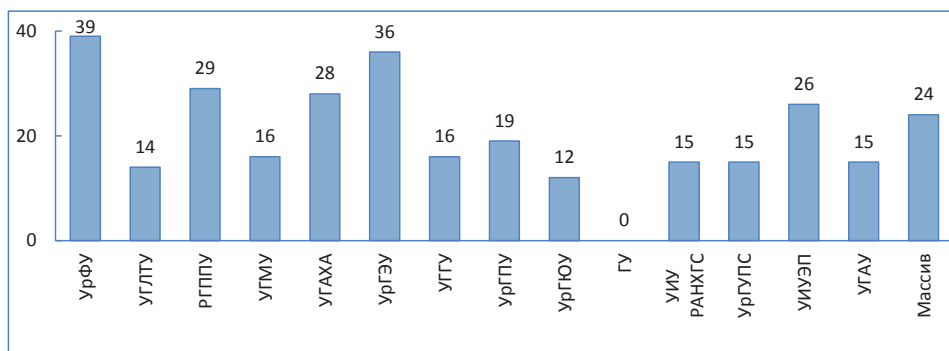

Рис. 36. Неудовлетворенность студентов разных вузов низким качеством получаемой в вузе профессиональной подготовки, снижением качества образования, 2016 г., % от числа ответивших по вузу

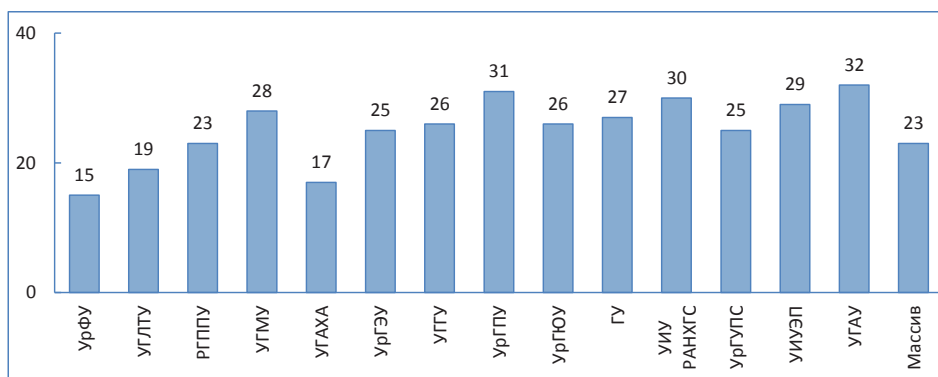

Рис. 37. Обеспокоенность студентов различных вузов безразличием властных структур к запросам и интересам молодежи, 2016 г., % от числа ответивших по вузу

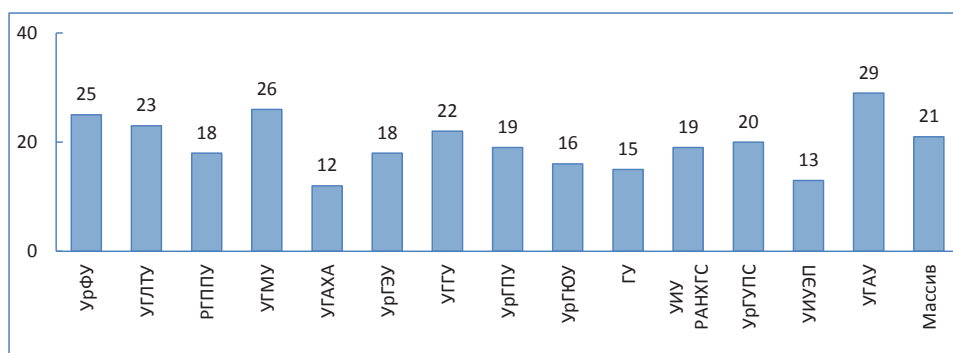

Рис. 38. Обеспокоенность студентов различных вузов недостаточными возможностями для дополнительного заработка, 2016 г., % от числа ответивших по вузу

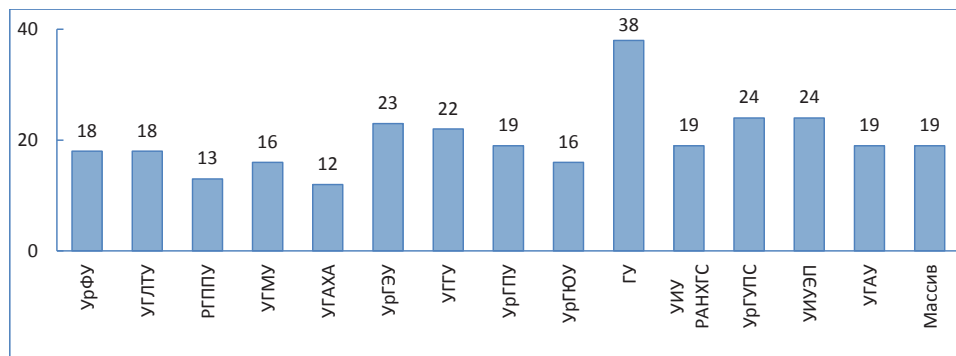

Рис. 39. Обеспокоенность студентов различных вузов правовым беспределом, за безопасность — свою, семьи, близких, 2016 г., % от числа ответивших по вузу

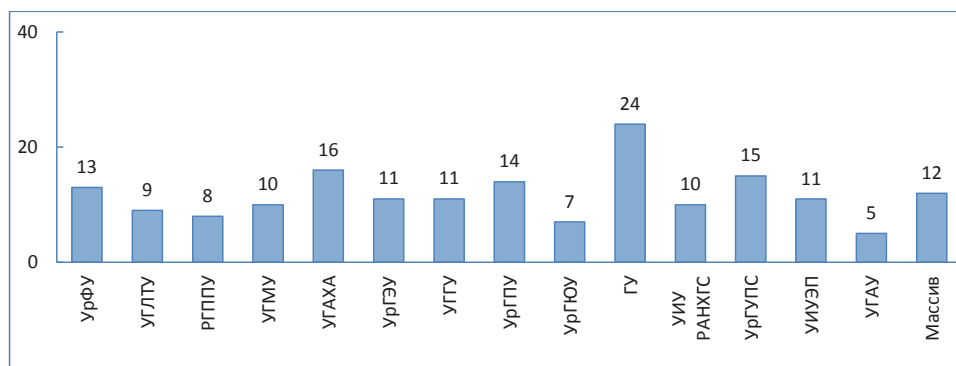

Рис. 40. Обеспокоенность студентов различных вузов растущей отчужденностью, непониманием между молодым и старшим поколениями, 2016 г., % от числа ответивших по вузу

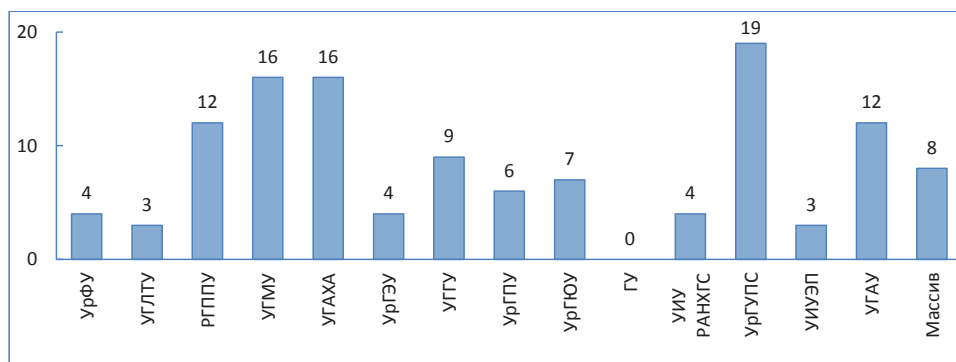

Рис. 41. Неудовлетворенность студентов разных вузов плохими условиями для полноценного отдыха, досуга, 2016 г., % от числа ответивших по вузу

Конкретизацией и своеобразным уточнением оценок студентами социальных проблем могут выступать и их мнения о волнующих личных проблемах. Особенность VI и VII этапов мониторинга — включение в анкету вопросов, о волнующих студентов личных проблемах (табл. 37).

Таблица 37

Какие личные проблемы вас особенно волнуют, % ответивших

Варианты ответа	2012	2016
Как найти хорошую работу	46	37
Как получить свое жилье, добиться домашнего уюта, комфорта	39	34
Как добиться успеха в работе	32	29
Как заработать больше денег	26	26
Как сохранить здоровье	27	25
Как добиться счастья в семейной жизни	27	24
Как завести свое дело, стать предпринимателем	23	20
Надо ли учиться дальше, повышать квалификацию	13	17
Как воспитать своих детей	18	10
Как избавиться от одиночества, скуки, потери интереса к жизни	13	10
Как сохранить друзей, компанию	12	10
Как добиться понимания, уважения со стороны окружающих	12	10
Как обеспечить личную безопасность, постоять за себя	9	6
Чем заняться в свободное время	7	6
Как красиво и модно одеваться, выглядеть	8	5
Как добиться удовлетворения в интимной жизни	5	3

Первое впечатление от сравнения данных — почти полное совпадение по приоритетам и установкам, хотя отвечали другие люди, да и прошло 4 года. Правда, респонденты 2016 г. проявили чуть меньшую активность (или — большую избирательность). При пожелании в анкете — до 5 вариантов — в среднем в 2016 г. на одного респондента пришлось 2,7 ответа (в 2012 г. их было 3,2). Поэтому почти по каждому параметру (исключение — мнение о том, надо ли учиться дальше, повышать квалификацию) значения в 2016 г. стали чуть ниже. Но порядок, иерархия оценок изменились крайне мало.

Выявляется наибольшая значимость для студентов параметров работа и жилье. В ряду проблем средней значимости — сохранение здоровья, семейная жизнь и воспитание детей, стремление к материальному благополучию. Наконец, менее значимы весьма разнородные проблемы: как избавиться

ся от одиночества, проблемы общения, престижа. Однако для организаторов воспитательной работы со студентами значимы и «малые» цифры, тем более что «потеря интереса к жизни» волнует каждого восьмого — десятого. Явно недооцениваются студентами проблемы свободного времени, что связано, очевидно, с отмеченным выше отношением к досугу как к чему-то «второстепенному», не требующему особых усилий, и удовлетворенности в интимной жизни (сказывается низкий уровень сексуальной культуры).

Оценка социальных и личных проблем, как и вся деятельность современного российского студента, связана со многими опасностями и рисками, которые во многом детерминированы следующими факторами:

- последствия развала СССР и связанные с ним социетальные трансформации российского общества¹, его расслоение, формирование гигантского разрыва между полярными группами;
- геополитические процессы цивилизационного противостояния, активизировавшиеся в последние десятилетия (в ряду которых две Чеченские войны, Балканские события, трагедия Башен-Близнецов 11.09.2001, «парад цветных революций», «арабская весна» и ее последствия в виде войны на Ближнем Востоке, наконец, «Украинский геополитический узел», противоборство «НАТО — Россия» и санкционное противостояние «Россия — Запад»);
- сформированное глобальное информационно-коммуникативное пространство, уничтожившее государственные и временные (темпоральные) границы, отчасти и культурные, языковые барьеры, породившее эффект «информационной свободы»;
- значительные изменения в смысловых ориентациях российского общества, вызванных влиянием «общества массового потребления»;
- формирование «общества знаний», связанная с ним смена образовательной парадигмы (непрерывное образование) и, как следствие, смена образовательных и профессиональных стратегий российской молодежи²;
- усложнение межпоколенческих отношений (в том числе — из-за снижения позитивной значимости «советского» опыта старших поколе-

¹ Заславская Т. И. Социетальная трансформация российского общества: деятельностно-структурная концепция. — М.: Дело, 2003. — 568 с.; Заславская Т. И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации. — М.: Дело, 2004. — 400 с.; Россия: трансформирующееся общество / под ред. В. А. Ядова. — М.: МВШСЭН, 2001. — 640 с.; Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ / под ред. В. А. Ядова. — М.: Флинта, 2005. — 583 с.

² Новые смыслы в образовательных стратегиях молодежи: 50 лет исследования / Д. Л. Константиновский [и др.]. — М.: ЦСП и М, 2015. — 232 с.; Константиновский Д. Л., Вознесенская Е. Д., Чередниченко Г. А. Молодежь России на рубеже XX–XXI веков: образование, труд, социальное самочувствие. — М.: ЦСП и М, 2014. — 548 с.

ний и происходящего перехода от традиционной «постфигуративной культуры» (по терминологии М. Мид) к «кофигуративной» и «префигуративной» культурам этих отношений).

Все это актуализировало проблемы безопасности молодежи. В 2016 г. авторский коллектив провел соответствующее исследование «Безопасность городской молодежи Свердловской области». Одновременно в анкету VII этапа (2016 г.) мониторинга студенчества Среднего Урала был включен ряд вопросов, выявляющих конкретные аспекты его безопасности.

Что же, по мнению респондентов, угрожает их безопасности (табл. 38)? Заметно, что среди приоритетных угроз преобладают личностные. Хотя угроза терроризма вышла на второе место, что во многом связано с постоянной информацией СМИ о террористических актах в европейских странах, с усиленной антитеррористической профилактикой. Трансформация представлений о собственности (от «нашего» к «моему») заметно усилила опасение за свое имущество. И хотя, отвечая на другие вопросы, респонденты подчеркивали значительное улучшение криминогенной обстановки в городе и области, именно эти угрозы ощущаются как наиболее значимые.

Примечательная особенность настроений студенчества в условиях финансово-экономического кризиса: угрозы, идущие от экономики, воспринимаются сильнее, чем от политики, в отношении которой у большинства респондентов преобладает акцент на стабильность, устойчивость.

Ряд ответов студентов вызывают тревогу: 3 из каждых 5 респондентов отмечают реальность приобщения к наркотиками; почти каждый второй — вероятность вербовки в экстремистские организации, секты. Выясняется — за молодежь сегодня идет острая борьба. Те, кто стремится подтолкнуть молодых людей на путь асоциальных действий, все чаще применяют индивидуальные технологии, ориентируясь на дифференцированный подход. И чтобы нейтрализовать их усилия, необходимо «переиграть» их и в технологическом плане.

Таблица 38

Что угрожает безопасности студентов, 2016 г., % от ответивших

Значения	Угрожает	Не угрожает
Возможность краж, преступлений против имущества	79	21
Возможность террористической атаки	76	24
Возможность оказаться без средств к существованию	68	32
Возможность насилия, преступлений против личности	65	35
Возможность остаться без места в общежитии, без жилья	65	35
Экономическая обстановка в стране	59	41

Окончание табл. 38

Значения	Угрожает	Не угрожает
Вероятность приобщения к наркотикам	58	42
Вероятность пожаров, наводнений, других чрезвычайных ситуаций	56	44
Некачественные продукты питания	55	45
Сложная экологическая обстановка	53	47
Возможность оказаться в одиночестве, быть непонятым однокурсниками	51	49
Возможность оказаться без медицинской помощи	50	50
Вероятность вербовки в экстремистские организации, секты	48	52
Политическая обстановка в стране	46	54
Возможность быть отчисленным из-за неприязни администрации, преподавателей	46	54
Напряженная криминальная обстановка в обществе	44	56
Высокая степень коррумпированности в вузе	29	71

Примечание. Ответы ранжированы по степени опасности.

О недостаточности «массовой», «мероприятийной» организации работы с молодежью говорит и присущее каждому второму опасение одиночества. Конечно, распространенность индивидуалистических настроений сегодня, как фиксируют и социологические, и психологические исследования, — реальный феномен. Тем более что для многих студентов компьютерное общение сегодня заметно потеснило непосредственное межличностное общение. И все-таки в ответах студентов понимание одиночества как опасности, угрозы превалирует над стремлением к одиночеству как «уединенности». Но это и означает важность распространения «командных» (*team*) форм организации учебного процесса и коллективных форм студенческого досуга. При этом нужно учитывать изменившееся понимание коллективизма в современном студенческом сознании (от «все, как один», «один за всех и все за одного» — к «от усилий каждого зависит успех коллектива», т. е. коллектив — не «единство одинаковых», а «единство разнообразия»).

И еще один важный момент — большинство студентов отвергли распространенный стереотип о значительных масштабах коррупции в вузах. Хотя отметим, что на опасность коррупции в их вузах указал почти каждый третий студент. Насколько реальны эти опасения, сказать достаточно сложно. Но было бы неверно проигнорировать субъективное мнение студентов, как своеобразную «информацию к размышлению» (рис. 42).

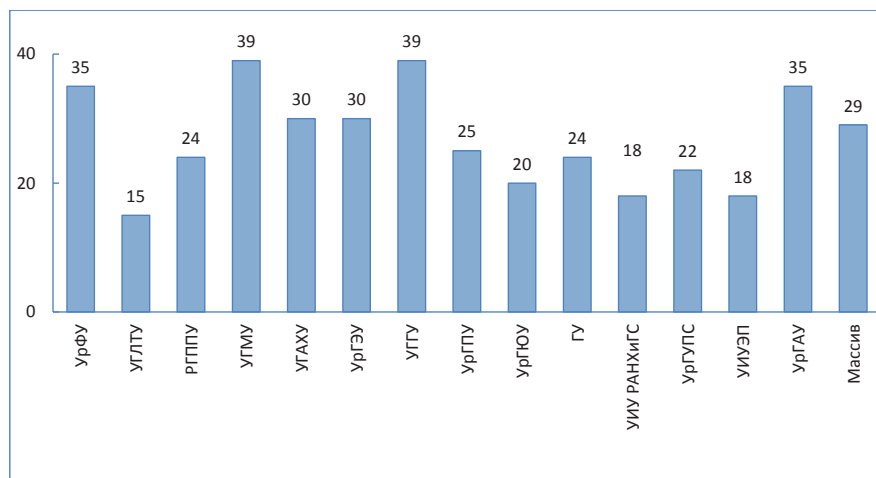

Рис. 42. Мнения студентов о высокой степени коррумпированности в их вузе как источнике опасности, 2016 г., % ответивших

Респондентов попросили оценить, насколько они себя чувствуют в безопасности в университете, институте (табл. 39). В целом преобладает ощущение безопасности. Наименее безопасны, по самооценкам студентов, общежития и территории, прилегающие к вузу или к общежитию.

Таблица 39

В какой мере вы ощущаете себя в безопасности в университете, институте?
2016 г., % ответивших

Территория университета	Характеристики степени опасности				
	Точно опасно	Скорее опасно	Не могу определить	Скорее безопасно	Абсолютно безопасно
Аудитории	5	3	11	36	45
Коридоры, рекреации	4	4	15	40	37
Столовые, буфеты	6	3	17	39	35
Места общего пользования	5	6	20	37	32
Спортивные объекты, спортзалы	5	7	17	40	31
Территории, прилегающие к вузу	5	7	23	38	27
Общежития	10	10	25	31	25
Территории, прилегающие к общежитиям	12	14	27	27	20

Примечание. Ответы ранжированы по параметру «абсолютно безопасно».

Наконец, студенты выступили и своеобразными «экспертами», оценивающими, насколько эффективными являются действия администрации их вузов по обеспечению безопасности студентов (рис. 43).

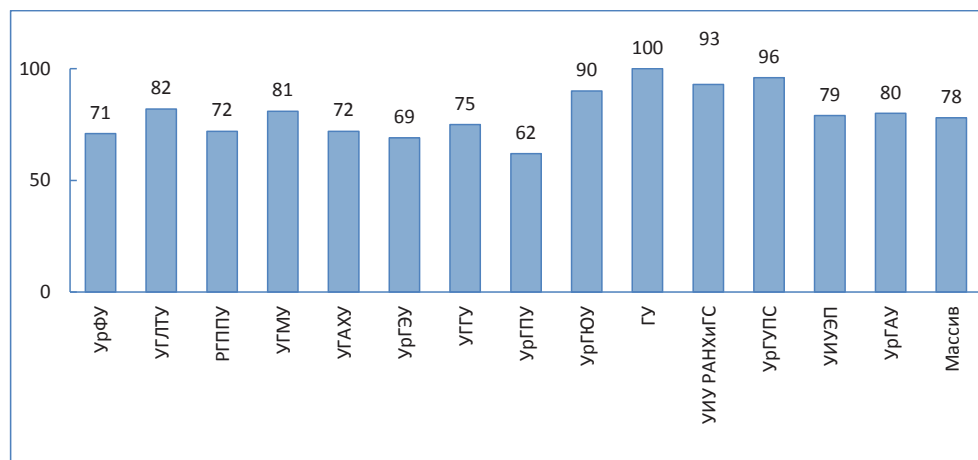

Рис. 43. Достаточны ли меры, предпринимаемые администрацией вуза, для обеспечения безопасности студентов, 2016 г., % ответивших

Заметно, что у студентов большинства вузов Екатеринбурга оценки достаточно высокие (особенно — у студентов ГУ, УрГУПС, УИУ РАНХиГС, УрГЮУ), хотя у студентов УрГПУ и УрГЭУ оценки ниже средних. В очередной раз подчеркнем неправомерность абсолютизации субъективных мнений респондентов и — одновременно — важность этих мнений.

Социальное самочувствие молодежи наиболее полно отражается в настроениях и ожиданиях молодых людей. Каковы же они? Какова их палитра? Какие краски — розовые (оптимизм, надежда, уверенность) или черные (пессимизм, разочарование, неуверенность) — в ней преобладают? Каковы основные тенденции изменения этих настроений и надежд?

На VI этапе мониторинга был использован инструментарий, позволяющий сравнить социальные настроения и ожидания студентов за 2003–2016 гг. (табл. 40)¹.

Оценка восприятия в главном не изменилась: в сознании молодежи альтернативы реформам нет. Лишь 1–2% студентов воспринимает как необходимое условие улучшения социальной ситуации возврат к прежним порядкам. При этом в их сознании прежние порядки существуют по большей части не как собственный жизненный опыт, а как исторический феномен, транслируемый старшим поколением. В этом проявляется «инерция движения», поэтому ни о каком возврате к прошлому, поддержанном многими молодыми, речь не идет.

¹ Студент–2003. — Екатеринбург: УГТУ–УПИ, 2003. — С. 86.

Таблица 40

Какие настроения, ожидания у Вас сегодня преобладают?, % от опрошенных

Значения	2003	2012	2016
Верю, что улучшения произойдут, но не очень скоро	30	16	17
Надеюсь, что в ближайшее время ситуация в стране улучшится	26	25	26
Самое лучшее — жить сегодняшним днем, не забивать себе голову	18	19	28
Особых изменений не предвижу	15	17	9
Уже устали ждать перемен, устали от несбывшихся надежд	2	6	4
Опасаюсь, что жизнь и дальше будет только ухудшаться	5	10	10
В скорые перемены не верю, но еще немного можно потерпеть	4	4	4
Улучшения возможны лишь при возврате к прежним порядкам	1	1	2

Для молодых проблемы стоят в иной плоскости: как — по темпам, методам и т. д. — будут осуществляться реформы? Одновременно усиливается адаптация молодежи к новым социально-экономическим отношениям. Многие феномены рыночного образа жизни, пусть даже в условиях не ставшего цивилизованным рынка, не воспринимаются значительной частью молодежи как аномальные. В них видится способ вхождения в рыночные отношения, возможность адаптироваться к новым условиям.

В целом на социальное настроение и самочувствие молодежи накладывают отпечаток эти трудности адаптации к новым отношениям. Ответы молодых респондентов отражают и подтверждают пронизательное наблюдение социолога Ю. Левады: «Человек не только отстаёт от бега времени, он не обнаруживает привычной системы мыслительных координат и ориентиров, которые позволяли бы освоиться с новыми реальностями. В этом, по-видимому, один из важнейших узлов сегодняшней неуютности, неустроенности человеческого существования, которая не менее значима, чем тяготы повседневности или превратности политической сцены»¹.

Примечательно и заметное (почти вдвое) сокращение в 2012 г. числа «умеренных оптимистов», считающих, что хотя и не скоро, но улучшения произойдут. В 2016 г. их доля (каждый шестой) осталась неизменной. Это дополнительное отражение прагматизма современной молодежи. Но одновременно остается устойчивой и доля оптимистов (каждый четвертый), уверенных,

¹ Цит. по: Абрамова С. Б. Актуальные проблемы изучения социального самочувствия // IV Очередной Всероссийский социологический конгресс. Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие. — Уфа : РОС, 2012 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ssa-rss.ru/files/File/congress2012/part19.pdf>

что «лучше будет уже завтра». Это говорит о неоднородности нового поколения молодежи, где прагматизм и реализм сочетаются с неистребимым оптимизмом, верой в обязательное чудо, вера в его осуществление (инерция ценностных ориентаций). Нужно добавить, что по-прежнему в сознании многих студентов вероятность «чуда в моей жизни» представляется значительно большей, чем коллективного, общесоциального восприятия. Отсюда и смещение в оценках — «пусть вокруг многое плохо, но это вокруг; меня это не коснется».

Практически не утратила позиций «привычка терпеть», в которой переплетаются и консерватизм, традиционность, и устойчивость, стабильность. Но незначительность этой группы (3–4 %) показывает, что терпения может хватить ненадолго. Вероятно, всплеск протестной активности студенчества на рубеже 2011–2012 гг. — это был сигнал, что долготерпению приходит конец.

Учетом и своеобразие нынешнего поколения молодежи — оно «непорочное» поколение, у него нет прежней уверенности в светлом будущем, но нет и чувства социального страха. Именно огромный запас энергии, социальной прочности, устремленности в будущее и составляет инвариантную субкультурную характеристику этого поколения. Важно учесть и освобождение от стереотипов традиционной пропаганды («славное прошлое», «светлое будущее»). Обычно их соотносят со старшими поколениями, но в той или иной мере они присущи и молодому поколению. Преодоление «футурологизации» сознания (надежды, что позитивные изменения произойдут лишь в будущем) — важное изменение в сознании молодежи.

И самое главное и самое опасное то, что в молодежном сознании утвердилось психология «ноуви́зма» (она присуща каждому пятому). Такое стремление жить только сегодня, сейчас, «не забивать себе голову», ориентация на сиюминутность в выборе, поступках, поведении отражает разочарование молодых. Неверно оценивать этот феномен молодежного сознания однозначно негативно (такие оценки характеризуют инерцию социологической интерпретации). Он отразил стихийный протест молодежи против навязывавшихся ей стереотипов: сегодня готовиться к завтрашней жизни. Период социализации сегодняшней молодежи совпал с разрушением устоявшихся социальных стереотипов. Молодые не успели прикипеть душой к прежним ценностям и нормам, поэтому им легче с ними расстаться. Понятие «вчера» для них столь же неопределенно, как и «завтра». Для современного поколения в значительной мере характерно новое понимание: жить достойно, нормально надо уже сегодня, в молодости, а не завтра. Но в том-то и проблема (а для многих — трагедия), что жизнь не завершается сегодняшним днем. «Сегодня» тысячами нитей — профессией, местом жительства, семьей и т. д. — связано с «завтра». Потеря многими перспективы — серьезная деформация их ценностно-мотивационных установок. Однако при всей масштабности

перемен в межпоколенческих отношениях сохраняется (по инерции!?) традиционный — патерналистский — подход, вызывающий все большую неудовлетворенность молодежи.

Заметен устойчивый разрыв между 3—4 приоритетными настроениями и настроениями, отмеченными менее 10 % респондентов. Среди последних выделим наименее присущее современной студенческой молодежи стремление к возврату «прежних порядков». Не характерна для нее и готовность «терпеть», у основной массы респондентов отсутствуют и серьезные надежды, которые бы «не сбылись». Позитивный момент — и важная характеристика преимущественно оптимистического настроения студенчества — лишь 5—10 % респондентов на разных этапах мониторинга отметили опасения, что жизнь и дальше будет только ухудшаться. В 2016 г. резко (почти вдвое) сократилось и число респондентов, не ожидающих «особых изменений».

Среди приоритетных настроений динамика предпочтений (по этапам) более заметна. Особенно, если представить данные в виде рангового ряда (табл. 41).

Таблица 41

Какие настроения, ожидания у Вас сегодня преобладают, по рангу по годам, выравнивание по 2016 г.

Значения	2003	2012	2016
Самое лучшее — жить сегодняшним днем, не забивать себе голову	III	II	I
Надеюсь, что в ближайшее время ситуация в стране улучшится	II	I	II
Верю, что улучшения произойдут, но не очень скоро	I	IV	III
Опасаюсь, что жизнь и дальше будет только ухудшаться	V	V	IV
Особых изменений не предвижу	IV	III	V
Уже устали ждать перемен, устали от несбывшихся надежд	VII	VI	VI
В скорые перемены не верю, но еще немного можно потерпеть	VI	VII	VII
Улучшения возможны лишь при возврате к прежним порядкам	VIII	VIII	VIII

Среди приоритетных настроений заметны два тренда. С одной стороны, нарастал оптимизм. В 2003 г. самым распространенным было настроение уверенности, что улучшения произойдут, но не очень скоро. В 2012 г. оно сменилось надеждой, что уже в ближайшее время ситуация в стране улучшится. Эта оптимистическая надежда и в 2016 г. сохранилась, хотя и осталась на втором месте в ранговом ряду. А тут уже проявился второй тренд: от этапа к этапу усиливались ноувиستские (от англ. *now* — сегодня, сейчас) настроения, которые в 2016 г. вышли на первое место.

За общей картиной надо видеть и определенные различия. Анализ гендерных различий в социальных ожиданиях студентов уже в 2012 г. показал, что эти различия крайне незначительны. Среди девушек чуть больше «умеренных оптимистов», среди юношей — «пессимистов». В 2016 г. сохранилось лишь второе различие.

Пожалуй, сколько-нибудь значимые различия в 2012 г. были зафиксированы по двум параметрам: среди юношей в 1,8 раза было больше тех, кто устал ждать перемен, среди девушек в 1,4 раза больше тех, кто отдает дань ноувиистским настроениям. В 2016 г. первое различие усилилось в 2 раза, второе — осталось неизменным. Впрочем, если разрыв в ноувиистских настроениях значим (у юношей — каждый четвертый, у девушек — каждая третья), то усталость от ожидания перемен и у тех, и у других невысока (3–6 %).

Интересны различия в зависимости от места жительства до поступления в вуз. В 2012 г. оптимисты были более представлены в группе бывших жителей малых и средних городов, сел и ПГТ; «ноувиистов» было несколько меньше среди жителей Екатеринбурга (города с большими возможностями) и жителей села и ПГТ. Каких-то особых различий в социальных ожиданиях в зависимости от сегодняшнего места жительства (даже у проживающих в общешитии) не было установлено. В 2016 г. эти различия сохранились.

В 2016 г. более четко (в сравнении с 2012 г.) проявились различия по направлениям обучения, но лишь по двум параметрам. Наиболее оптимистичными оказались «технари» и «гуманитарии», наименее — «естественники». Распределение «ноувиистских настроений» было прямо противоположным: чаще всего они отмечались «естественниками», значительно реже — «технарями» и «гуманитариями». По остальным параметрам (особых изменений не предвижу; опасаясь, что жизнь и дальше будет только ухудшаться; в скорые перемены не верю, но еще немного можно потерпеть; улучшения возможны лишь при возврате к прежним порядкам; уже устали ждать перемен, устали от несбывшихся надежд; улучшения возможны лишь при возврате к прежним порядкам) низкие оценки студентов в зависимости от направления обучения не различались.

2. Адаптация студента в вузе

Студенческая жизнь начинается с поступления в вуз и адаптации студента в вузе. Успешная, эффективная, оптимальная адаптация к жизни и учебе в вузе — залог дальнейшего развития каждого студента как человека, гражданина, будущего специалиста. Этим определяется исследовательский и практический интерес к изучению разнообразных и противоречивых проблем адаптации. Но в рамках нашего мониторинга этот интерес возник лишь на поздних этапах.

Данный раздел является примером того, как по мере своего развития мониторинг углублялся и обогащался. Первоначально, возникнув как научный отклик на запрос студенческого профсоюза и практики внеучебной (воспитательной) работы, мониторинг больше внимания уделял социальной роли студенчества, учебная деятельность студентов в основном оставалась в тени (в лучшем случае она рассматривалась в ракурсе профессионального самоопределения).

В начале XXI в. в УГТУ-УПИ начала формироваться концепция воспитательной работы, нацеленная на модель социально-личностных компетенций выпускника технического университета¹. В сферу исследовательской работы, охватывавшей все этапы становления выпускника — от профориентации, поступления и учебы на I курсе до окончания и последующей связи с вузом, были вовлечены и социологи. Одно из первых исследований было связано с изучением адаптации студентов-первокурсников². Обогащенный — в теоретическом и эмпирическом плане — исследовательский коллектив мониторинга принял решение использовать апробированный инструментарий на очередном (IV) этапе (2007 г.)

В философской, социологической и психолого-педагогической литературе традиционно под социальной адаптацией личности, в том числе и студента, понимается процесс активного приспособления человека к изменившейся социокультурной среде с помощью различных социальных средств. При этом различают активную и пассивную социальную адаптацию. Показателем успешной социальной адаптации, по мнению ряда ученых, является высокий социальный статус индивида в данной среде, а также его удовлетворенность этой средой в целом. Показателем неуспешной социальной адаптации является перемещение индивида в иную социальную среду либо отклоняющееся от общепринятых норм поведение.

В понимании социальной адаптации современная социологическая и психологическая теория выделяет ряд существенных моментов, которые должны учитываться при анализе любых ее конкретных проявлений:

- *адаптация* (от лат. *adapto* — приспособляю, фр. *adaptation* — приспособление) — приспособление личности, социальной группы к условиям внешней среды;

¹ См.: Пономарев А. В. Концептуальная модель социально-личностных компетенций выпускника технического университета // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2008. — № 81. — С. 252–265.

² См.: Социально-психологические аспекты адаптации первокурсников / Ю. Р. Вишневский [и др.] // Первый курс — воспитательная работа. — Екатеринбург : УГТУ-УПИ, 2002. — С. 22–48; Они же. Адаптация первокурсников: проблемы и тенденции // Университетское управление. — 2001. № 4 (19). — С. 65–69; Пономарев А. В., Осипчукова Е. В. Адаптация студентов первого курса к системе высшего профессионального образования: от теории к практике // Образование и наука. — 2007. — № 1. — С. 42–50; Вишневский Ю. Р., Осипчукова Е. В. Адаптация студентов первого курса: социологический анализ // Внеучебная работа со студентами: опыт, проблемы, перспективы. — Екатеринбург, 2007. — С. 50–58; и др.

- *адаптация* — социальное взаимодействие личности, социальной группы и социальной среды, в ходе которого происходит взаимное приспособление, и личности, социальной группы — к требованиям социальной среды и социальной среды к запросам и установкам личности, социальной группы. Тем самым выделяются две взаимосвязанные стороны адаптации — адаптивность (приспосабливаемость) личности, социальной группы и адаптируемость (приспособление, изменение) социальной среды. Преодолевается акцент на преимущественно пассивный характер адаптации субъекта к социальной среде, что закрепляется в получающей все большее распространение теории личности как «актёра» (от англ. — to act — действовать), когда активность рассматривается как атрибутивное, неотъемлемое качество каждого человека (хотя степень развития этого качества и может быть различной у каждого субъекта социального действия);
- *адаптация* — согласование самооценок и притязаний субъекта с его возможностями и с реальностью социальной среды, включающее как реальный уровень, так и потенциальные тенденции развития среды и субъекта¹. В данном аспекте трактовки адаптации особую значимость приобретает акцент на согласование притязаний субъекта с его возможностями и с реальностью социальной среды. Это позволяет избежать гипертрофированного понимания активности личности (что вольно или невольно присутствовало в пропаганде в прошлые годы: «нам нет преград ни в море, ни на суше»; «мы рождены, чтоб сказку сделать былью» — и способствовало формированию у части молодежи психологии «чуда», «вседозволенности»). С другой стороны, взаимодействие и согласование установок и требований личности и социальной среды предстает не в статике, а в динамике, что позволяет выделить еще один очень важный аспект адаптации — процессуальность. Выход за рамки реального, нынешнего уровня взаимодействия к потенциальному (могущему развиваться в разных направлениях) превращает процесс социальной адаптации из стихийного в управляемый (в том числе — для организаторов работы с молодежью) и самоуправляемый (для конкретного молодого человека, для конкретных молодежных сообществ). Процессуальность предполагает разграничение между процессом (человек адаптируется) и результатом (человек адаптировался). Граница эта весьма подвижна и во многом индивидуальна, что определяет разный во временном интервале темп адаптации;
- важный момент, углубляющий трактовку адаптации как взаимодействия личности, социальной группы и социальной среды, — понимание самой социальной среды. И здесь в современной науке происходит определенная переориентация: от широкого понимания среды как

¹ См.: Современная западная социология. Словарь. — М., 1990. — С. 9.

того, что нас окружает, «среди» чего мы живем, — к более конкретному пониманию социальной среды, в котором подчеркивается взаимодействие человека и внешних условий его жизнедеятельности. В социальной среде — и это очень важно в конкретном анализе — выделяют разные компоненты: личностный (люди, группы, коллективы) и материально-вещественный. В зависимости от характера взаимодействия (опосредованное или непосредственное) разграничиваются разные по масштабам виды социальной среды: макросреда и микросреда (среда ближайшего окружения). Но границы между ними весьма подвижны. Разные социальные институты могут выступать (или не выступать) компонентом микросреды человека — все зависит от его деятельности. Тем самым важно подчеркнуть: диапазон социальной среды зависит от человека. Такой подход (от человека) углубляет представление об адаптации как взаимодействии;

- *адаптация многогранна* уже потому, что разнообразны компоненты социальной среды и их составляющие. Применительно к студенчеству, например: первокурсник, живший в среднем и малом городе, селе, должен адаптироваться и к образу жизни в крупном городе. Для выпускников специализированных классов, гимназий, колледжей (где сегодня широко распространены многие вузовские формы организации учебного процесса) данный аспект адаптации в целом облегчен. Для окончивших учреждения начального или среднего профессионального образования по профилю вуза адаптация к будущей профессии, специальности начинается до поступления в институт и потому, как правило, идет быстрее. Многогранность адаптации связана и с неоднозначной социальной значимостью тех или иных компонентов социальной среды или протекающих в ней социальных процессов¹. Поэтому даже у конкретного первокурсника его адаптация к учебному процессу, к новым формам культурно-досуговой деятельности, к особенностям студенческой жизни (особенно — для проживающих в общежитии или на частной квартире), к новому коллективу (группы, специальности, факультета, института) идет разными темпами и завершается неодновременно.

Исследователи социальных проблем молодежи выделяют основные характеристики социальной адаптации²:

- *адаптационный комплекс* — система реальных и потенциальных адаптационных возможностей субъектов, находящихся в постоянно изменяющейся среде;

¹ Попова И. П., Седова Н. Н. Дополнительная занятость в успешных адаптационных стратегиях населения // Социологические исследования. — 2004. — № 2. — С. 31.

² Социология молодежи : учебник / под ред. В. Н. Кузнецова. — М. : Гардарики, 2005. — С. 45.

- *адаптационный потенциал* — совокупность нераскрытых и не проявленных в достаточной мере адаптационных способностей и возможностей субъекта;
- *адаптационный кризис* — противоречия, затрудняющие или препятствующие успешному осуществлению адаптации субъектов;
- *адаптационный синдром* — ситуация резкого ограничения или истощения адаптационных возможностей субъектов в силу их устойчивой приверженности устаревшим образцам поведения, стереотипам и отсутствия ресурсов для приспособления к новым условиям жизни;
- *адаптационный барьер* — предельный уровень адаптационной активности личности, определяемый причинами объективного и субъективного характера.

Сегодня важно разграничивать разные типы социальной адаптации личности — социальное творчество и конформизм. Типология моделей социальной адаптации Р. Мертон описывает возможные варианты взаимодействия индивида и социума через отношение личности к социальным ценностям и способам их достижения (конформизм, инновация, ритуализм, ретритизм, бунт). Существующую типологию моделей социальной адаптации необходимо дополнить парадигмой творческой адаптации: индивид отвергает (не принимает) систему общественных ценностей, но при этом утверждает новую шкалу ценностей, применяет не только новые, но рационально использует имеющиеся признанные нормы поведения. Современные социально-психологические исследования свидетельствуют: девиантное поведение в своей основе все больше становится рациональным. В социальных новациях индивиды все больше опираются на знания и творческую интуицию. Социальное творчество — это новаторская деятельность, направленная на оптимизацию институциональных связей, формирование качественно новых форм социальных отношений. Из этого теоретического положения вытекает важный для практики воспитания вывод: основным критерием успешности, оптимальности адаптации является не только освоение молодыми людьми институциональных норм и традиций, но и то, насколько в процессе адаптации развивался, обогащался их творческий потенциал, насколько полно удалось его реализовать.

Переход от опыта социологического анализа адаптации первокурсников к вузу, эмпирическому анализу адаптации к студенческой жизни в рамках данного мониторинга (объект которого — студенты III курса) позволил по-новому подойти к проблеме. Респондентам-третьекурсникам пришлось как бы осуществить ретро-анализ, вспомнить, как проходила их адаптация. Они в основном ориентировались на те моменты и факторы, которые устоялись, утвердились в их сознании, отсекая случайное. Тем самым студенты III курса более осознанно подходят к ответу на вопросы о мотивации их поступления в институт и об адаптации в вузе. И если оценки и мнения пер-

вокурсников имеют большую значимость для организации конкретной работы с ними, то для стратегического планирования работы по оптимизации адаптации студентов в вузе мнения и оценки третьекурсников важнее.

В рамках мониторинговых исследований (2007, 2009, 2012 и 2016 гг.) возможно выявить изменения в самочувствии студентов, которые прошли период адаптации. Специфика анализа адаптации в рамках мониторинга связана с особенностями выборки. Курс, на котором обучаются респонденты, — третий, что позволило получить более объективные ответы на вопрос: трудно ли было привыкать к студенческой жизни. На третьем курсе студенты уже прошли несколько сессий, в большинстве своем определились с будущей профессией, ориентированы на окончание вуза. В понятие «привыкание к студенческой жизни» авторы исследования вкладывали временной период, в течение которого студент осваивается в вузе и начинает чувствовать себя комфортно, осваивает учебный график, умеет ориентироваться в возможностях вуза для собственного саморазвития.

Определяющими в установлении статуса студента являются складывающиеся в вузе характеристики, связанные с активностью студента в учебной, общественной, научной, культурной деятельности. Задача современного вуза не только подготовить специалиста, но и создать условия для формирования статусных характеристик студента. Нельзя забывать, что статусная структура студенческого сообщества является прообразом распределения специалистов в социальной структуре общества. В этих условиях повышения качества студенческой жизни во всех ее аспектах — первоочередная задача вуза¹.

В современной социологии социальная адаптация в большинстве случаев понимается как такой социальный процесс, в котором и адаптант (личность, социальная группа), и социальная среда являются адаптивно-адаптирующими системами, то есть активно взаимодействуют, оказывают активное воздействие друг на друга в процессе социальной адаптации². Наиболее распространенными концептуальными подходами к социальной адаптации являются культурологический, системный, информационный и деятельностный.

В общем виде чаще всего выделяются четыре стадии адаптации личности студента-первокурсника (и соответственно учебной группы, в которую он объективно входит) в новой для него социокультурной среде вуза:

¹ Осипчукова Е. В. Организационно-педагогические условия адаптации студентов к образовательной среде технического вуза. Дис. ... канд. пед. наук 13.00.08 — Теория и методика профессионального образования. — Екатеринбург, РГППУ, 2009; Воспитательная среда университета: традиции и инновации: монография / А. В. Пономарев [и др.]. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. — 408 с.; Пономарев А. В. Социально-педагогическая функция вуза в воспитании современного специалиста: монография. — М. : Изд-во «Икар», 2009. — 430 с.

² Махмутов М. И. Методы проблемно-развивающего обучения в средних профтехучилищах [Текст] / М. И. Махмутов // АПН СССР. — М., 1983. — 63 с.; Менегетти А. Наркотики и психологическая мотивировка их употребления [Текст] / А. Менегетти: в кн. Клиническая онтопсихология. — М., 1997. — С. 168.

1) начальная стадия, когда индивид или группа осознают, как они должны вести себя в новой для них социальной среде, но еще не готовы признать и принять систему ценностей новой среды вуза и стремятся придерживаться прежней;

2) стадия терпимости, когда индивид, группа и новая среда проявляют взаимную терпимость к системам ценностей и образцам поведения друг друга;

3) аккомодация, т. е. признание и принятие индивидом основных элементов системы ценностей новой среды при одновременном признании некоторых ценностей индивида, группы новой социальной средой;

4) ассимиляция, т. е. полное совпадение систем ценностей индивида, группы и среды¹.

Следует различать адаптацию как процесс и адаптированность как результат — итог процесса социальной адаптации. Существуют субъективные и объективные критерии адаптированности в вузе. Объективные — степень реализации индивидом норм и правил жизнедеятельности, принятых в данном вузе. Субъективные — удовлетворенность членством в данной социальной группе, предоставляемыми условиями культурно-образовательной среды вуза для удовлетворения и развития основных социальных потребностей.

Современному молодому человеку, включающемуся в систему высшего образования, необходимо успешно адаптироваться ко многим изменениям. Новым становится практически все: круг общения, уровень требований и ответственности, технологии обучения, жилищные условия, а также условия социального и финансового обеспечения. Основными факторами, оказывающими значительное влияние на студентов, являются:

- изменение федеральных государственных стандартов;
- интернационализация студенческого сообщества;
- изменения образовательных технологий, в частности возрастающая роль дистанционного образования;
- повышение требований работодателей к выпускникам.

Все это требует и изменений технологий работы со студенческой молодежью. В результате адаптационного периода, который сокращен с двух лет при подготовке специалистов до одного года при подготовке бакалавров, студенты должны не только усвоить новые требования и правила, но и определить свои профессиональные перспективы, сориентироваться во множестве технологий самообразования, сформировать ценность постоянного профессионального развития. В этой связи перед адаптацией, кроме решения проблем психологического характера, стоят такие задачи, как повышение уровня сформированности общекультурных и профессиональных компетенций.

¹ См.: Осипчукова Е. В. Организационно-педагогические условия адаптации студентов к образовательной среде технического вуза. Дис. ... канд. пед. наук 13.00.08 — Теория и методика профессионального образования. — Екатеринбург, РГППУ, 2009.

С точки зрения оценки результата, как отмечают Н. А. Пашкус и В. Ю. Пашкус, высшее образование призвано сформировать и развить у выпускника личностные качества и навыки, «способствующие инновационному росту экономики России в текущей и стратегической перспективе»¹. Среди качеств, которые будут востребованы в ближайшие 5—10 лет мы видим следующие:

- осмысленные нестандартные решения и адаптивное и нестандартное мышление, социальный интеллект (общение, эмоции, контроль настроения),
- межкультурная, лингвистическая компетентность, вычислительное мышление (способность обрабатывать большие объемы информации, фильтровать информацию по степени важности),
- грамотность в сфере инновационных СМИ,
- трансдисциплинарность,
- проектный образ мышления, виртуальное сотрудничество,
- коммуникативная компетенция, умение работать в коллективе, управленческий навык взаимодействия с виртуальной командой².

Значение адаптации повышается, как и повышается качество высшего образования в целом, которое становится не целью, а средством построения карьеры и достижения успеха.

Адаптация первокурсника в вузе является одной из форм социальной адаптации, и в адаптации студента наиболее наглядно проявляются характерные черты и особенности этого сложного и противоречивого социального процесса.

Значительную важность приобретает подход к адаптации как к процессу. Это подразумевает постоянную оценку результата в зависимости от исходных показателей социального и психологического самочувствия и цели личности, системный комплексный подход к адаптации, объединение интересов личности, образовательной организации и профессорско-педагогического коллектива. Процессный подход — управляемый процесс, для успешного функционирования которого необходимо обеспечить административную систему управления и выделение ресурсов. Принципы менеджмента качества (DIS ISO 9001:2015)³, разработанные и обновленные международными

¹ Пашкус Н. А., Пашкус В. Ю. Модернизация российского образования: проблемы, направления, возможности внедрения в вузах // Общество: политика, экономика, право. — 2014. — № 3. С. 18. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/modernizatsiya-rossiyskogo-obrazovaniya-problemy-napravleniya-vozmozhnosti-vnedreniya-v-vuzah> (дата обращения: 25.05.2016).

² См.: материалы «Навыки будущего»; Мир прогнозов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.mirprognozov.ru/prognosis/society/navyiki-budushego/ru> (дата обращения: 25.05.2016).

³ Принципы менеджмента качества (DIS ISO 9001:2015). Екатеринбург ПРИОРИТЕТ УРАЛ гармония, знания, опыт [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://prioritetural.ru/about/statji/printsipy_menedzhmenta_kachestva_dis_iso_90012015 (дата обращения: 22.05.2016).

экспертами ИСО/ТК 176, следующие: ориентация на потребителя, лидерство, вовлечение людей, процессный подход, улучшение, принятие решений, основанное на фактах и менеджмент взаимоотношений.

Учитывая, что многие организации участвуют в международных конкурсах СМК, демонстрируя соблюдение данных принципов в каждом из процессов образовательной организации высшего образования, попробуем вышеперечисленные принципы применить при построении системы адаптации студентов первого курса. Потребителей в процессе адаптации можно выделить на трех уровнях: первый — студент, второй — профессорско-преподавательский состав, администрация университета и родители и третий — работодатели, которые с течением времени могут ощутить результаты адаптации на уровне сформированности профессиональных компетенций принятого на работу молодого специалиста. Понимание потребностей каждого из потребителей позволит сформировать содержание процесса адаптации, а также определить цели. Сложность заключается в том, что каждый из студентов — это уникальная личность, со своим проблемным полем, потребностями, уровнем ожиданий. Это делает систему адаптации индивидуализированной, что практически невозможно в современной высшей школе. Таким образом, необходимо реализовывать вариативный подход, насыщая университетскую среду различными формами работы с молодежью, предоставляя студентам выбор. В то же время выбор форм должен быть основан на их эффективности, меняться в зависимости от характеристик новых первокурсников. В большинстве образовательных организаций высшего образования (именно так в соответствии с новым законом «Об образовании» теперь именуются вузы) изучению потребностей и соблюдению принципа вариативности при формировании содержания плана работы с первокурсниками уделяется недостаточное внимание.

Лидеры на всех уровнях устанавливают единство цели и направления и создают условия, в которых люди вовлечены в достижение конкретных целей в отношении качества организации¹. В процессе адаптации деятельность осуществляется на следующих уровнях: микрогруппы в академической группе, академическая группа, микроколлектив в общежитии, сообщество групп, обучающихся на одном курсе, кафедра (или параллель направления подготовки), институт/факультет, вуз. На каждом из данных уровней необходимо управление процессом адаптации, а руководитель направления должен обладать лидерскими характеристиками, глубоко понимая процесс адаптации, проявляя высокие профессиональные качества. На всех уровнях управляющие функции необходимо разделить, скоординировать с органами студенческого самоуправления. Система студенческого самоуправления должна

¹ Принципы менеджмента качества (DIS ISO 9001:2015). Екатеринбург ПРИОРИТЕТ УРАЛ гармония, знания, опыт [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://prioritetural.ru/about/statji/printsipy_menedzhmenta_kachestva_dis_iso_90012015 (дата обращения: 22.05.2016).

играет значительную роль в процессе адаптации, участвуя в решении многих возникающих у только что поступивших студентов проблем.

Студенческое самоуправление является эффективным способом организации жизни студентов, заключающимся в поддержке, стимулировании, приобщении их к различным формам деятельности. Кроме того, это процесс реального участия студентов в управлении коллективом, взаимодействия с администрацией вуза, фактор активизации учебной деятельности, формирования социально-личностной активности, организаторских умений и гражданской ответственности будущего специалиста. В целом студенческое самоуправление можно рассматривать как особую форму инициативной, самостоятельной общественной деятельности студентов, направленной на решение важных вопросов жизнедеятельности студенческой молодежи, развитие ее социальной активности, поддержку социальных инициатив. В качестве основных принципов развития органов студенческого самоуправления выделяются: системность, партнерство и открытость, синергия, стремление к совершенству, преемственность и инновации, ответственность¹.

Для процесса адаптации важна подготовка кадров, непосредственно участвующих во взаимодействии со студентами, а также тех, кто данным процессом управляет на административном уровне. Следует отметить, что принцип СМК «вовлечение людей» подразумевает, что все вовлеченные в процесс участники компетентны в своей области, обладают определенными полномочиями и, что самое главное, вовлечены в достижение единой цели. Итак, кто вовлечен в процесс адаптации, и каким образом данные специалисты должны быть подготовлены? Во-первых, это преподаватели учебных дисциплин первого курса, во-вторых, сотрудники выпускающей кафедры и института/факультета, в-третьих, сотрудники структурных подразделений, ответственные за работу со студентами, причем как воспитательную, так и учебную, а также отвечающие за безопасность, организацию социального обслуживания (поликлиники, пункты питания, общежития). В эту же группу отнесем и членов органов студенческого самоуправления. На наш взгляд, необходимо выстроить систему научного, методического, нормативного и финансового обеспечения всех вышеперечисленных категорий. Одним из главных результатов системы вовлечения должно стать понимание целей и задач адаптации, содержания этого процесса, работы в проблемных ситуациях, а также координация и эффективное взаимодействие всех участников. Все участники процесса адаптации должны понимать психологические аспекты процесса адаптации, виды адаптации, периоды течения адаптации и ее результаты, обладать и навыками, и возможностью формирования индивидуальной программы адаптации, понимать систему адаптационной работы со студентами, существующую на каждом из уровней.

¹ Воспитательная среда университета: традиции и инновации : монография / А. В. Пономарев [и др.]. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. — С. 216.

Процессный подход подразумевает функционирование согласованной системы адаптации, структурными элементами которой являются: параметры входы (социально-личностные характеристики студента первого курса, определяемые в первый месяц обучения), параметры выходы (социально-личностные характеристики студента второго курса, определяемые в первый месяц обучения на втором курсе), содержание процесса (набор подпрограмм, форм работы со студентом в течение первого курса), средства управления и средства обеспечения и объединяющие весь процесс концептуальные положения. Построенная с учетом процессного подхода система адаптации позволяет выделить подпроцессы (например, творческое развитие, вовлечение в органы студенческого самоуправления и др.), определить, каким образом обеспечена система, и дать оценку эффективности по одним и тем же показателям. Функциональный подход, который продолжает использоваться в ряде организаций высшего образования, не позволяет осуществлять оценку эффективности, а лишь фиксирует результат, который не предусматривает оценку влияния той или иной формы работы со студентами на результат. На наш взгляд, принципиально важным является построение системы адаптации как процесса.

Система адаптации должна быть ориентирована на улучшение результата. Это следующий принцип системы менеджмента качества. Улучшение системы основывается на изменениях внешней среды, к ним мы можем отнести изменение социально-личностных характеристик новых студентов, и внутренней среды: изменение характеристик и деятельности образовательной организации. Постоянное улучшение позволяет процессу более активно развиваться, достаточно оперативно реагировать на изменения, стремиться к высокой эффективности, находить новые возможности, резервы, партнеров.

В ходе процесса адаптации важно принимать управленческие решения, основанные на фактах. Решения, основанные на анализе и оценке данных и информации, с большей вероятностью дадут намеченные результаты. Факты, свидетельства и анализ данных приводят к большей объективности и уверенности в принятых решениях¹. Для принятия управленческих решений следует фиксировать фактические показатели каждого подпроцесса (направления) программы адаптации, входные и выходные показатели, а также объемы методического, финансового, кадрового обеспечения. Анализ программы адаптации на основе фактов позволит осуществить качественный анализ реализации на различных уровнях и мониторинг данных в течение нескольких лет.

Для решения определенных задач в процессе реализации программы адаптации могут быть привлечены партнерские организации. Но немаловажное

¹ Принципы менеджмента качества (DIS ISO 9001:2015). Екатеринбург : ПРИОРИТЕТ УРАЛ гармония, знания, опыт. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://prioritetural.ru/about/statji/printsipy_menedzhmenta_kachestva_dis_iso_90012015 (дата обращения: 22.05.2016).

значение имеет и создание партнерских отношений с организациями, из которых в образовательные организации высшего образования поступают студенты. Менеджмент взаимоотношений с партнерами является еще одним принципом системы менеджмента качества. С позиции менеджмента, процесс сотрудничества должен быть управляем, организован, иметь границы, сроки, конкретизированное содержание, цели и предполагаемые результаты. На наш взгляд, взаимодействие с организациями предыдущей ступени образования позволит увеличить эффективность процесса адаптации, снизить ее сроки и позволит тем самым положительно повлиять на повышение уровня сформированности профессиональных и общекультурных компетенций у студента.

Таким образом, система адаптации студентов должна удовлетворять следующим условиям: носить комплексный целевой вариативный характер, основываться на мониторинговых научных исследованиях, фактах, определяющих входные, выходные параметры и фиксировать промежуточные результаты в ходе процесса, в процесс адаптации на условиях активного взаимодействия и сотрудничества должны быть вовлечены практически все субъекты университетского сообщества, а с партнерами организации выстроены эффективные связи.

Адаптация первокурсника происходит в новой для него среде. Причем параметры этой среды могут ежегодно меняться и испытывать на себе влияние многих факторов, как вариативных, так и инвариантных. Интегрированность современного вуза в социокультурную среду не только города, региона, но и мира, безостановочно возрастающие притязания к выпускнику вуза требуют качественно новой реальности воспитательной деятельности вуза. Воздействие «среда-субъект» всегда векторно, и вектор задается определенным списком актуальных задач. В современных условиях воспитательной деятельности вуза этот вектор задается не только требованиями, предъявляемыми к выпускнику со стороны государства, социума и работодателей, но и его собственными потребностями и притязаниями¹.

В самом общем смысле среда рассматривается как окружение, условие жизни, фактор развития. В общефилософском смысле среда — это совокупность материальных и духовных условий существования, формирования и деятельности человека². Педагога интересует социальная среда — окружающие человека общественные, материальные и духовные условия его существования и деятельности³.

¹ Пономарев А. В. Социально-педагогическая функция вуза в воспитании современного специалиста : монография. — М. : Изд-во ИКАР, 2009. — С. 53.

² Эрганова Н. Е. Введение в технологии профессионального обучения. Практико-ориентированная монография. — Екатеринбург : РГППУ, 2009. — С. 96–104.

³ Емельянова И. Н. Воспитательная функция классического государственного университета: история, теория, современная практика : монография. — Тюмень : Изд-во Тюменского госуниверситета, 2008. — С. 97.

Осуществленный Н. М. Боротко категориальный анализ понятия среды в воспитании позволил нам выявить его основные содержательные характеристики в разных теоретических подходах¹. Смысловые компоненты понятия среды следующие:

- фактор формирования личности (общепедагогические подходы);
- способ опосредованного управления (структурно-функциональный подход);
- детерминанта поведения человека (теория модификации поведения Б. Ф. Скиннера);
- результат целенаправленного формирования условий;
- действительность, складывающаяся из возможностей (кибернетический подход);
- естественное социализирующее пространство человека (институциональный подход);
- место получения опыта поведения и взаимодействия².

Воспитательный потенциал среды ученым раскрывается в следующих положениях. «Среда осредняет личность... Богатая среда — обогащает, бедная — обедняет, свободная — освобождает, здоровая — оздоравливает, ограниченная — ограничивает и т. д.»³.

Раскрытие динамического взаимодействия «личность-среда» помогает выявить механизм творческого развития личности и совокупность социально-педагогических факторов, его определяющих. В данном контексте среда подразделяется на макросреду — среду социальных фактов и микросреду — сферу действия малых групп и входящих в нее личностей. Совершенствование творческих способностей происходит только в благоприятной для студента микросоциокультурной среде, предполагает наличие трех обязательных элементов: субъектов социотворческого процесса, творческой общности (студии, клуба, группы), самого процесса творческой деятельности на всех ее этапах, а также объективных условий для осуществления творчества⁴. Понятие «творчество», которое использовано авторами не ограничивается художественной или самодеятельной составляющей, оно гораздо шире и подразумевает процесс развития творческого мышления, образа мыслей, что способствует повышению эффективности труда и процесса образования студента. Таким образом, среда, которая окружает студента в течение обучения в вузе, оказывает существенное влияние на процесс адаптации и на его

¹ Боротко Н. М. Онтологическое понимание современного воспитания // Интернет-журнал «Эйдос». 2007 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.eidos.ru/journal/2007/0301-4.htm> (дата обращения 17.12.2016).

² Боротко Н. М. В пространстве воспитательной деятельности: монография / под науч. ред. Н. К. Сергеева. — Волгоград : Перемена, 2001. — С. 125–126.

³ Мануйлов Ю. С. Средовой подход в воспитании. — 2-е изд., перераб. — Нижний Новгород : Изд-во Волго-Вятской академии государственной службы, 2002. — С. 89.

⁴ Штомка П. Социология. Анализ современного общества. — М. : Логос, 2005. — С. 18.

результат. Профессорско-педагогическому составу, органам студенческого самоуправления и администрации образовательной организации необходимо создать богатую, насыщенную, высококультурную среду, в которой первокурсник сможет без особых проблем преодолеть внутренние страхи, раскрыть свой потенциал, почувствовать себя комфортно.

Адаптация многогранна уже потому, что разнообразны компоненты социальной среды и их составляющие. Многогранность адаптации связана и с неоднозначной социальной значимостью тех или иных компонентов социальной среды или протекающих в ней социальных процессов. Поэтому даже у конкретного первокурсника его адаптация к учебному процессу, к новым формам культурно-досуговой деятельности, специфике студенческой жизни (особенно для проживающих в общежитии или на частной квартире), новому коллективу (группы, специальности, факультета, института) идет разными темпами и завершается неодновременно¹.

Влияющие на адаптацию факторы можно разделить на объективные и субъективные. К первым мы можем отнести систему организации обучения и воспитания, студенческого самоуправления, а к субъективным — социально-личностные характеристики самого студента. Факторы, влияющие на процесс профессиональной ориентации, можно в целом представить в виде четырех групп мотивации: внутренняя, внешняя, содержательная, статусная. Внутренняя мотивация характеризуется ориентацией на собственные побуждения, стремления, высокой степенью самостоятельности выбора, незначительным влиянием среды. Внешняя мотивация, напротив, это стимулы извне, влияние среды, отсутствие собственных ценностных ориентиров при выборе вуза или специальности.

Выделим учебно-профессиональную и социально-психологическую адаптацию. Учебно-профессиональная адаптация предусматривает выбор профессии, обучение специальности, а также вхождение в научно-теоретическую проблематику профессиональной деятельности с момента начала обучения по специальности. Критерием учебно-познавательной профессиональной адаптированности является достижение индивидом соответствия профессиональных знаний, учений и навыков, личностных качеств требованиям конкретной профессиональной деятельности. Показателями учебно-профессиональной адаптированности являются профессиональная квалификация, уровень и стабильность производственного самообразования, удовлетворенность профессией. В полной мере учебно-профессиональной адаптации в течение первого года обучения, конечно, достичь невозможно. Но так как временной интервал на получение высшего образования сокращен на один год, то ряд специальных предметов преподают уже в течение первого курса и, таким образом, процесс адаптации должен

¹ Попова И. П., Седова Н. Н. Дополнительная занятость в успешных адаптационных стратегиях населения // Социологические исследования. — 2004. — № 2. — С. 31.

предусматривать деятельность, направленную на учебно-профессиональную адаптацию.

Социально-психологическая адаптация — процесс вхождения новичка в новый для него учебно-профессиональный коллектив, формирование личностных связей и отношений с другими людьми. В процессе социально-психологической адаптации происходит активное сравнение и взаимоприспособление ценностных ориентаций, нравственных идеалов и представлений учебного коллектива и нового студента. Социально-психологическая адаптация выражается в формировании положительных неформальных отношений с однокурсниками и профессорско-преподавательским составом и научными работниками, в достижении ценностного единства студента и коллектива. Основным объективным показателем социально-психологической адаптированности является отсутствие конфликтов с преподавателями и членами студенческого коллектива. Субъективным показателем социально-психологической адаптированности выступает удовлетворенность отношениями с преподавателями и студентами¹.

Какова же динамика самооценок студентами, трудно ли было им привыкать к студенческой жизни (табл. 42):

Таблица 42

Трудно ли было привыкать к студенческой жизни, % ответивших

Вариант ответа	2007	2009	2012	2016
Нет, процесс адаптации был нетрудным и недолгим	53	53	56	58
Никакая адаптация не требовалась, сразу почувствовал себя студентом	32	32	29	25
Да, процесс адаптации был трудным и долгим	15	15	15	16

Заметна устойчивость самооценок студентов на разных этапах мониторинга: при сокращении «шага» мониторинга до двух лет — совпали, при возвращении к «нормальному шагу» в четыре года — чуть изменились, но тенденцию практически не затронули. А тенденция эта такова:

- до половины (в 2016 г. — почти 3/5) оценили свою адаптацию как «нетрудную» и «недолгую»;
- для каждого третьего (в 2016 г. — четвертого) период адаптации вообще оказался ненужным (конечно, вряд ли такое самомнение адекватно отражает реальные результаты и достижения адаптационного процесса, к тому же, возможно, сказываются и негативные аспекты «синдрома третьекурсника»; но задача и назначение опроса — выявить мнение респондента, а оно таково и весьма устойчиво);

¹ Осипчукова Е. В. Организационно-педагогические условия адаптации студентов к образовательной среде технического вуза. Дис. ... канд. пед. наук 13.00.08 — Теория и методика профессионального образования. — Екатеринбург, РГППУ, 2009.

- на всех этапах мониторинга для каждого шестого процесс адаптации был трудным и долгим.

В 2016 г., как и на предыдущих этапах, эту позицию, требующую особого внимания, выражали по-разному студенты разных вузов — от 8 % (УИУЭП) до 25 % (УрГЮУ); менее 10 % таких студентов в УГЛТУ, УрГЭУ и УИУЭП, от 11 до 20 % — в УрФУ, УГМУ, УГАХА, УГГУ, УрГПУ, ГУ, УрГУПС и УрГАУ и более 20 % — в РГППУ, УрГЮУ и УИУ РАНХиГС. Обращает на себя внимание тот факт, что в некоторых университетах число тех, чей период адаптации был достаточно трудным, значительно снизилось по сравнению с 2012 г. (рис. 44–45).

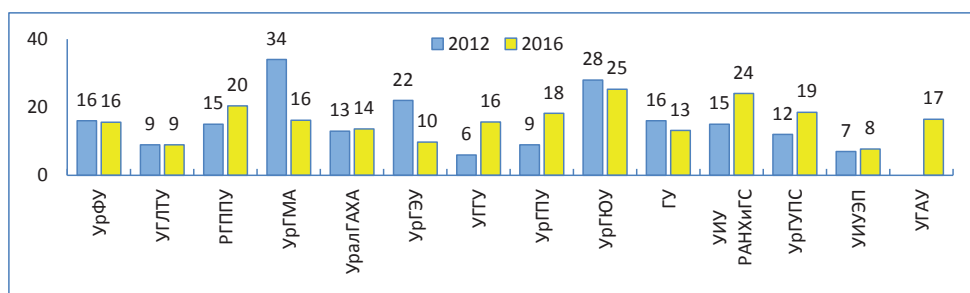

Рис. 44. Доля считающих, что адаптация была трудной и долгой, 2012 и 2016 гг., по вузам, % ответивших

Так, в УГМУ и УрГЭУ таких студентов стало вдвое меньше. Но в ряде вузов их число возросло — в УГГУ (почти втрое — с 6 % в 2012 г. до 16 % в 2016 г.), УрГПУ (вдвое — с 9 до 18 %), УИУ РАНХиГС и РГППУ (в полтора раза — с 15 до 24 %). Более 20 % — это достаточно большое количество и следует изучить подробнее данный контингент, определить факторы, которые сыграли наиболее отрицательное значение для данной категории (рис. 46).

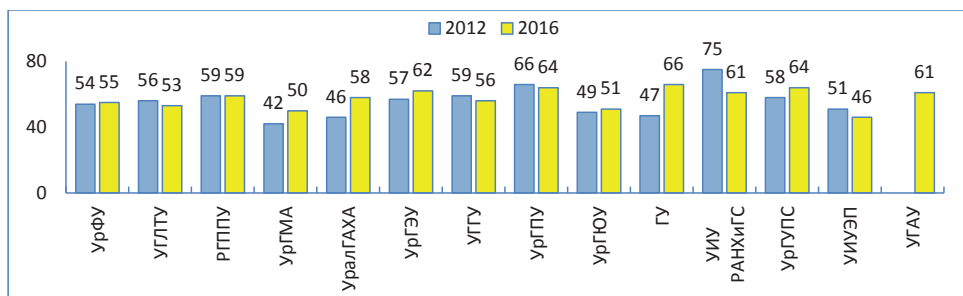

Рис. 45. Доля считающих, что адаптация была нетрудной и недолгой, 2012 и 2016 гг., по вузам, % ответивших

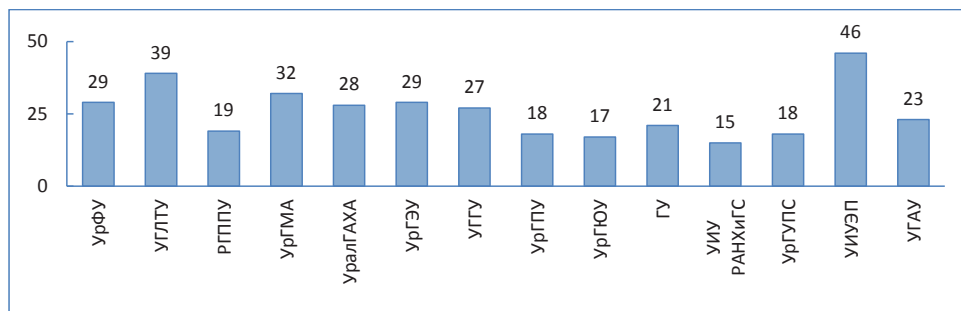

Рис 46. Доля считающих, что период адаптации был легким, 2016 г., по вузам, % ответивших

В среднем четверть респондентов ответили, что сразу почувствовали себя студентами, т. е. не испытывали серьезных трудностей в период адаптации. Этот показатель по вузам колеблется от 17 % (УрГУПС) до 46 % (УИУЭП). Выше среднего (25 %) количество таких студентов в УрФУ (29 %), УГЛТУ (39 %), УрГМА (32 %), УралГАХА (28 %), УрГЭУ (29 %), УГГУ (27 %), УИУЭП (46 %). Стоит отметить, что количество студентов, которым не понадобилась адаптация, снизилось за пять лет на 8 %.

При исследовании трудностей, с которыми сталкиваются студенты в период адаптации, важно учитывать, какой тип образовательных учреждений окончили студенты до поступления в вуз, где проживали до поступления в вуз (табл. 43) и проживают сейчас, мотивацию при поступлении.

Таблица 43

Трудно ли было привыкать к студенческой жизни, в зависимости от места жительства, до поступления в вуз, в % по группам, 2016 г.

Трудно ли было привыкать к студенческой жизни?	Место проживания до поступления в вуз				
	Екатеринбург	Другой крупный город, тыс. жителей (> 100)	Малый или средний город, тыс. жителей (до 100)	Село (ПГТ)	Массив
Процесс адаптации был трудным и долгим	12	15	17	18	15
Процесс адаптации был нетрудным и недолгим	53	59	56	62	56
Никакая адаптация не требовалась, сразу почувствовал себя студентом	36	27	26	20	29

Вывод очевиден: чем дальше от крупного города проживал студент, тем сложнее ему было привыкать к студенческой жизни. Эта ситуация настолько понятна, что не надо было бы ее повторять, если бы не постоянная недооценка ее в практике работы с первокурсниками. Сегодня ЕГЭ становится основным фактором поступления в вуз. Среди аргументов в пользу ЕГЭ высказывалось мнение, что это будет способствовать равным возможностям для абитуриентов разных типов поселения. Но готовы ли вузы работать с первокурсниками «из глубинки»?

Теперь о том, какое учебное заведение окончили нынешние студенты до поступления в вуз. И вновь раскрывается уже понятная ситуация: наименьшие трудности в период адаптации, по их самооценкам, испытывали, с одной стороны, выпускники специализированных классов, гимназий (сказывается более высокий уровень довузовской предметной подготовки), с другой — выпускники колледжей и училищ (очевидно, обладающие чуть большим жизненным опытом).

В период адаптации студенты сталкиваются с различными трудностями. Мы классифицировали их по основным процессам: учебный, воспитательный, личностное становление (в т. ч. психологически комфортная ситуация в коллективе). Каждый из этих процессов определили несколькими показателями и получили общую картину: рейтинг трудностей, с которыми сталкиваются студенты.

Особую значимость приобретает полученная в ходе мониторинга информация о тех конкретных сложностях и проблемах, которые затрудняли вхождение первокурсников в студенческую жизнь (рис. 47, табл. 44).

Таблица 44

Трудности, с которыми столкнулись респонденты в начале студенческой жизни, ранг

Вариант ответа	2007	2009	2012	2016
Недостаточная работа куратора академической группы	VI	VI	VI	I
Особых проблем практически не было	VIII	VIII	II	II
Перегруженность учебными занятиями, неудобное расписание	I	I	III	III
Недостаточный уровень довузовской подготовки	III	III	V	IV
Отсутствие привычного круга общения	VII	VII	VII	V
Неумение организовать себя	II	II	IV	VI
Недостаток свободного времени	IV	IV	I	VII
Нехватка денежных средств, неумение их расходовать	V	V	VIII	VIII
Сложность привыкания к новой обстановке, новым людям	XIV	XIV	XIII	IX
Невозможность найти дело по душе, интересное занятие	X	X	XI	X
Низкое качество преподавания	XV	XV	XIV	XI
Перегруженность занятиями спортом и самостоятельно-стью в ущерб учебе	XII	XII	XV	XII

Окончание табл. 44

Вариант ответа	2007	2009	2012	2016
Низкая техническая оснащенность аудиторий, лабораторий	IX	IX	IX	XIII
Недостаток внимания со стороны деканата, кафедры	XI	XI	X	XIV
Плохие санитарно-гигиенические условия для учебных занятий	XIII	XIII	XII	XV

Рис. 47. Трудности, с которыми столкнулись респонденты в начале студенческой жизни, % от числа ответивших

Заметно значительное сходство в мнениях между респондентами в 2007—2009 гг. и столь же значительное расхождение на VI—VII этапах. Только один показатель — организационно-учебный фактор — «Перегруженность учебными занятиями, неудобное расписание» остается в тройке приоритетных трудностей, с которыми сталкиваются студенты на протяжении всех четырех этапов мониторинга.

Важнейшей, к сожалению, негативной особенностью результатов исследования 2016 г. явилась фиксация большого количества студентов, которые отметили неудовлетворительную работу кураторов академических групп, — во всех вузах более 30 %, а в четырех вузах около 50 % — УрГМУ (52 %), УрГЮУ (48 %), ГУ (55 % — это максимальное значение среди всех вузов) и УИУЭП (51 %). Ниже среднего значения (42 %) этот показатель у студентов УрФУ (38 %), РГППУ (32 %), УрГЭУ (36 %), УГГУ (38 %), УрГПУ (31 % — это минимальное число ответов по данному параметру), УИУ РАНХиГС (34 %) и УрГУПС (35 %).

Институт кураторов академических групп претерпевает значительные изменения, например, в УрФУ куратор назначен не на группу, а один на все группы первого курса одного института. Это, конечно, оказывает влияние на взаимодействие с группой, оперативность действий и может сказаться на эффективности работы. С другой стороны, развивается институт наставничества и тьюторства: старшекурсники берут шефство над группами, помогают им в адаптации. В связи с интернационализацией особый предмет изучения — адаптация студентов иностранных государств. Такая система создается и по национальному признаку: студенты одной страны помогают своим прибывшим согражданам. С одной стороны, такая система необходима, с другой — студенты-иностранцы могут не адаптироваться в коллективе своей академической группы.

Постепенно растет число студентов, у которых не было особых проблем: за годы мониторинга (2007—2016 гг.) этот показатель увеличился в два раза. Это, несомненно, положительное явление. Его могут определять изменения в технологиях обучения в старших классах, активное сближение общего и высшего образования через олимпиадное движение, подготовительные программы и курсы, организацию профильных классов и профильных клубов, школ в университетах.

Число студентов, которым на первом курсе мешали адаптироваться внеучебные мероприятия, снизилось почти в два раза и в 2016 г. составило 8 % в среднем по массиву.

По большинству выделенных нами трудностям не наблюдается значительных изменений. Показатель, который в 2016 г. вырос почти на 10 %, — «отсутствие привычного круга общения». Данный показатель увеличивает свое значение на протяжении трех последних исследований, что свидетельствует о явной негативной тенденции. Однако студенты отмечают улучшение не только субъективных параметров, но и объективных — организации

учебного процесса. В 2012 г. значение перегруженности учебными занятиями и неудобное расписание в ранговом ряду перешло с первого места на третье. В 2016 г. нехватка свободного времени, которая на предыдущем этапе стала основной трудностью, отодвинулась в середину рангового ряда.

За период с 2012 г. произошло изменение ФГОС, соответственно были изменены ООП и учебные планы. Возможно, именно с этими фактами связаны возникающие у студентов трудности в процессе адаптации. Наибольшие изменения произошли в УрФУ, с чем могут быть связаны и ответы около 30 % выпускников 2015 г., которые отмечали, что наибольшие сложности в период обучения связаны именно с расписанием, организационными моментами учебного процесса. Одновременно можно отметить, что на протяжении семи лет увеличилось число студентов, отметивших, что у них практически не было особых проблем в начале студенческой жизни: с 16 % в 2009 г. до 32 % — в 2016 г. Следует более детально рассмотреть ситуацию по каждому вузу, выделив наиболее эффективные технологии. Анализ начнем с ситуации в УрФУ (рис. 48).

Рис. 48. Трудности, с которыми столкнулись респонденты в начале студенческой жизни, УрФУ, % ответивших

Среди всех вузов в УрФУ наибольшее количество студентов, которым недостаточно внимания уделялось со стороны деканата и кафедры — 9 %, в то время как, например, в УрГЮУ таких студентов около 1 %. УрФУ следует проанализировать работу деканатов и кафедр в направлении адаптации и принять усилия для того, чтобы избежать тенденции увеличения количества студентов данной категории. Другие варианты ответов студентов УрФУ не выделяются как крайние позиции (наибольшие и наименьшие). Для УрФУ наиболее актуальны такие трудности, которые отметили студенты: недостаточная работа кураторов академических групп (38 %) и «перегруженность учебными занятиями» (28 %), а наименее — «плохие санитарно-гигиенические условия для учебных занятий» (3 %), такие показатели, как «низкое качество преподавания», «перегруженность занятиями спортом и самодеятельностью», «низкая техническая оснащенность аудиторий» выделили, по 10 % респондентов.

Восемь из пятнадцати видов трудностей, с которыми сталкиваются студенты УГЛТУ в период адаптации, имеют показатели выше среднего (рис. 49). Разница составляет от 1 до 5 %.

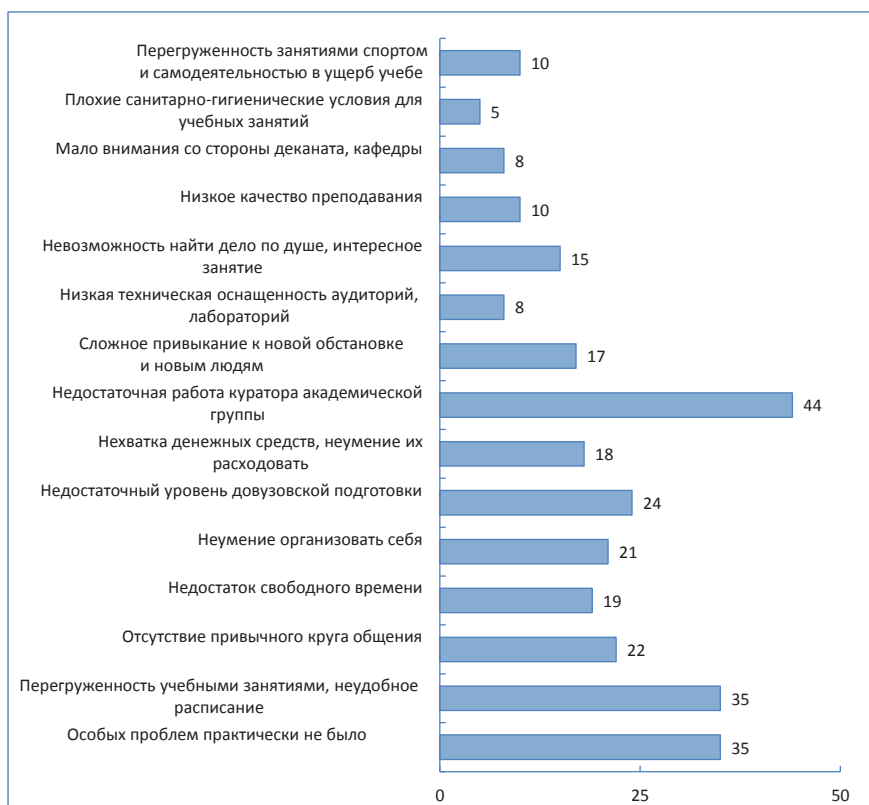

Рис. 49. Трудности, с которыми столкнулись респонденты в начале студенческой жизни, УГЛТУ, % ответивших

Наиболее значимой для студентов УГЛТУ трудностью является недостаточная работа кураторов академических групп. Около 35 % отметили также и перегруженность учебными занятиями. В целом, показания ответивших студентов УГЛТУ практически близки к средним. Аналогична ситуация и в РГППУ (рис. 50).

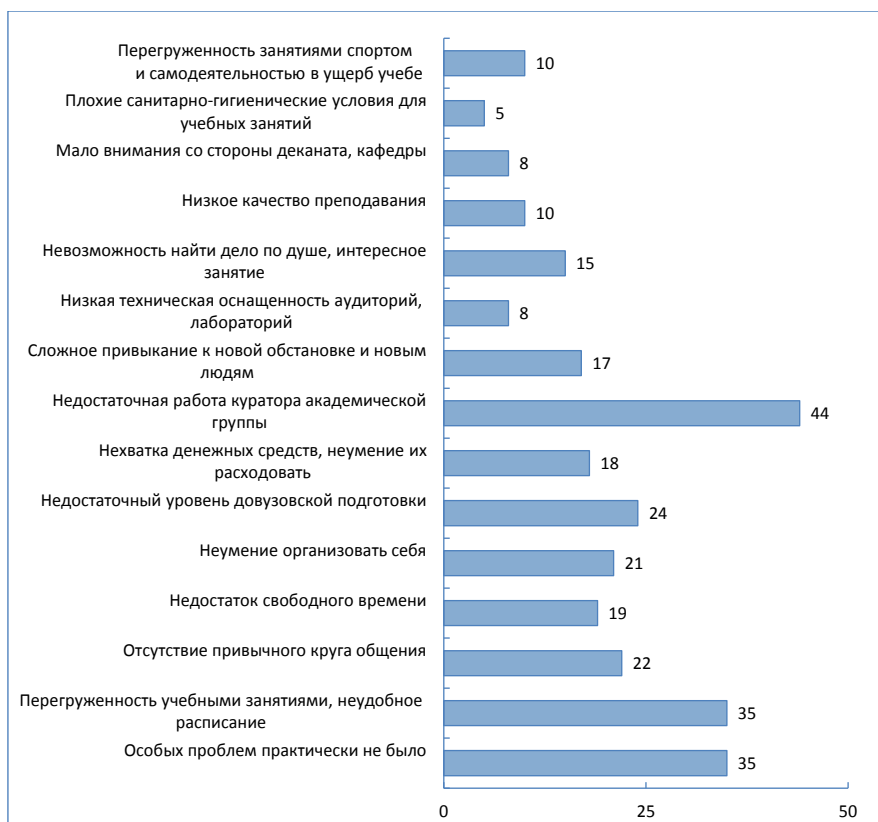

Рис. 50. Трудности, с которыми столкнулись респонденты в начале студенческой жизни, РГППУ, % ответивших

Четыре показателя из всех перечисленных видов трудностей являются максимальными по всем респондентам: «недостаточный уровень довузовской подготовки» (30 %), «невозможность найти дело по душе» (16 %), «перегруженность занятиями спортом и самодеятельностью» (12 %), «низкая техническая оснащенность аудиторий» (12 %). Таким образом, в данном вузе следует уделить внимание данным направлениям. Среди всех трудностей на первом месте так же, как и в УрФУ и УГЛТУ, — недостаточная работа кураторов академических групп.

Среди всех респондентов наименьшее количество (17%) — студенты УГМУ, отметившие как трудность «неумение себя организовать» (рис. 51).

Рис. 51. Трудности, с которыми столкнулись респонденты в начале студенческой жизни, УГМУ, % ответивших

Но наибольшие трудности у студентов УГМУ вызвала «недостаточная работа кураторов академических групп» (52%), «перегруженность учебными занятиями» (34%) и «недостаточный уровень довузовской подготовки» (29%). Значительного превышения средних по массиву показателей в массиве респондентов УрГМУ не зафиксировано (не более 5%). Таким образом, кроме работы кураторов, в УГМУ стоит обратить внимание на довузовскую подготовку и учебный график. На наш взгляд, данные показатели связаны: так как студенты не имеют достаточной довузовской подготовки, специфической для медицинского вуза, то и учебные занятия, график их проведения вызывают затруднения.

Студенты УГАХА чаще других отмечали отсутствие «особых проблем» (45 %, почти каждый второй) и «перегруженность учебными занятиями» (39 %) — рис. 52.

Рис. 52. Трудности, с которыми столкнулись респонденты в начале студенческой жизни, УГАХА, % ответивших

По многим трудностям в ответах студентов УГАХА зафиксировано превышение средних показателей. Можно выделить следующие направления, на которые следует обратить внимание в системе адаптации первокурсников: перегруженность занятиями, недостаточный уровень довузовской подготовки, как и в УрФУ, УГЛТУ, РГППУ, УрГМУ, — неудовлетворительная работа кураторов академических групп.

Среди студентов УрГЭУ наименьшее количество тех, кто отметил трудности в адаптации из-за перегруженности учебными занятиями (23 %) и отсутствие привычного круга общения (20 %), рис. 53. Чаще, чем в среднем, студенты УрГЭУ обращают внимание на такие трудности: «нехватка денежных средств» (и это при том, что студенты УрГЭУ выше многих оценили уровень

материального положения своих семей), «низкое качество преподавания», «перегруженность занятиями спортом и самодеятельностью», «низкая техническая оснащенность аудиторий».

Рис. 53. Трудности, с которыми столкнулись респонденты в начале студенческой жизни, УрГЭУ, % ответивших

Исследование определило, что для студентов УрГЭУ наибольшую трудность в процессе адаптации, кроме недостаточной работы кураторов академических групп, вызвала перегруженность учебными занятиями (около 25%).

Более 30 % студентов УГГУ отметили среди трудностей адаптации перегруженность учебными занятиями, но на первом месте, как и в других вузах, — недостаточная работа кураторов академических групп (38 %), рис. 54. Каждый четвертый студент УГГУ считал, что трудности в период адаптации связаны с недостаточным уровнем довузовской подготовки и отсутствием привычного круга общения.

Рис. 54. Трудности, с которыми столкнулись респонденты в начале студенческой жизни, УГГУ, % ответивших

Среди студентов УрГПУ наименьшее в массиве количество тех, для кого трудности адаптации были связаны с плохой работой кураторов, — 31 % (рис. 55). Примерно столько же студентов УрГПУ, у которых не возникло особых затруднений. Из всех трудностей, с которыми сталкиваются студенты этого университета в период адаптации, выделяются — неудобный учебный график и отсутствие привычного круга общения.

Наибольшие трудности в процессе адаптации у студентов УрГЮУ, кроме неудовлетворительной работы кураторов академических групп, вызвали перегруженность учебными занятиями и недостаточный уровень довузовской подготовки (рис. 56).

Студенты УрГЮУ лидируют по такому виду трудности, как «неумение себя организовать»: это отмечено каждым четвертым. С учетом значимости для профессиональной деятельности юриста четкости, организованности, дисциплинированности необходимо обратить большее внимание на формирование этого психологического качества. В то же время студенты УрГЮУ реже отмечали как трудности «нехватку денежных средств» и «сложности привыкания к новой обстановке». Практически не повлияли на их процесс адаптации трудности, связанные с работой деканата, кафедры и плохие санитарно-гигиенические условия обучения.

Рис. 55. Трудности, с которыми столкнулись респонденты в начале студенческой жизни, УрГПУ, % ответивших

Рис. 56. Трудности, с которыми столкнулись респонденты в начале студенческой жизни, УрГЮУ, % ответивших

Около 30 % студентов УИУ РАНХиГС отметили как трудность в процессе адаптации «недостаточный уровень довузовской подготовки» (рис. 57). Среди всех вузов — это максимальный показатель. Практически столько же тех, кого не устраивала работа кураторов академических групп (34 %) и тех, для кого трудность вызвала перегруженность учебными занятиями (31 %). Таким образом, можно сказать, что вузу следует обратить внимание в равной степени на все три данных момента.

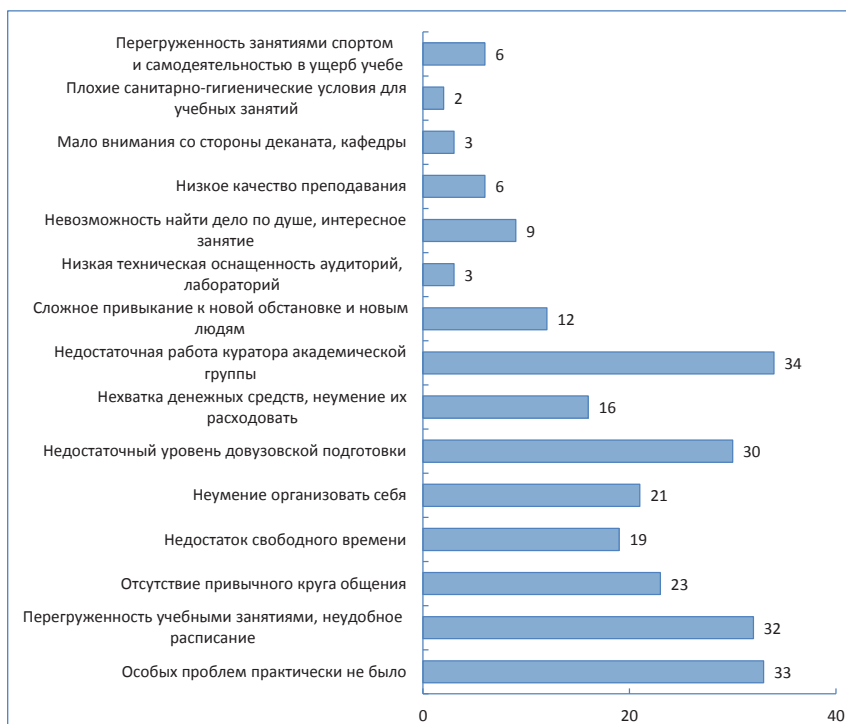

Рис. 57. Трудности, с которыми столкнулись респонденты в начале студенческой жизни, УИУ РАНХиГС, % ответивших

Студенты УрГУПС чаще, чем в среднем, отмечали такие трудности процесса адаптации, как отсутствие привычного круга общения (каждый четвертый), рис. 58. Студенты всех вузов отмечали по четыре предложенных вида затруднений: недостаток свободного времени (каждый пятый), нехватку денежных средств (каждый пятый) и сложности привыкания к новой обстановке (каждый пятый). Таким образом, в вузах следует, на наш взгляд, уделить больше внимания развитию коммуникативных навыков у студентов и обучать тайм-менеджменту. Возможно, это повлияет на снижение количества студентов, отметивших субъективные причины трудного течения процесса адаптации.

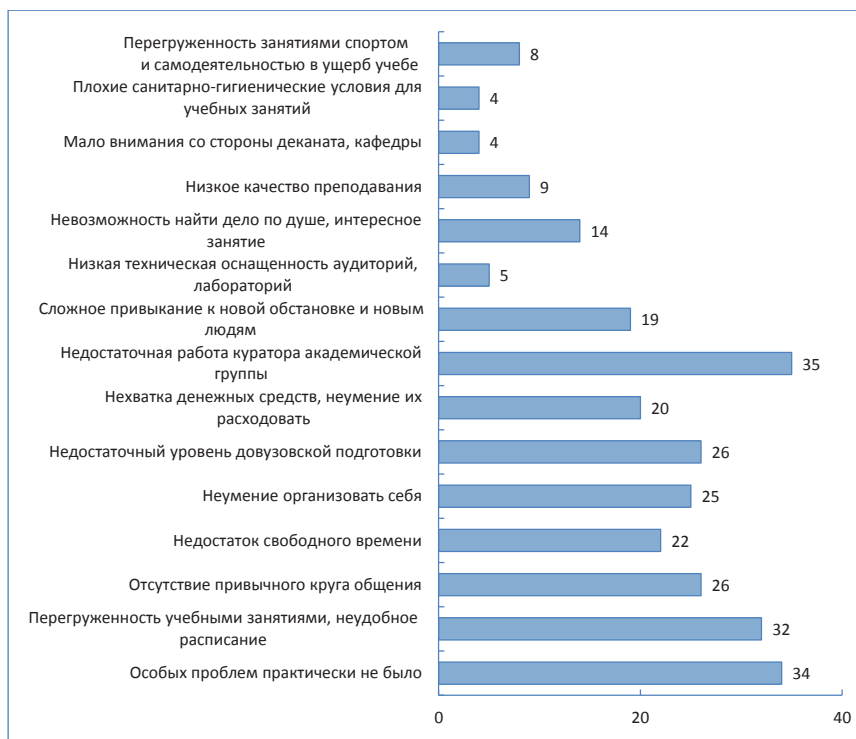

Рис. 58. Трудности, с которыми столкнулись респонденты в начале студенческой жизни, УрГУПС, % ответивших

Как и во всех других вузах, на первом месте в рейтинге трудностей у студентов УГАУ — недостаточная работа кураторов академических групп (отмечена в 44 % ответов — рис. 59). Очень значимы для студентов этого вуза перегруженность учебными занятиями (30 %) и недостаточный уровень довузовской подготовки (26 %). По остальным видам трудностей количество ответивших студентов УрГАУ не значительно отличается от средних показателей по массиву.

Очевидно, обращать внимание нужно на все проблемы адаптации. Характерно, что на всех этапах мониторинга влияние низкого качества преподавания учебных дисциплин на их адаптацию респонденты оценивали очень невысоко. Но уже в 2012 г. привлек разрыв в ответах студентов УГМУ (отмечено каждым седьмым) и УрГЭУ (2 %), в 2016 г. студенты УГАУ отмечали эту трудность в полтора раза чаще, чем в среднем по массиву.

Важную группу проблем адаптации составляют аспекты организации воспитательной работы. Среди них в ответах (особенно в 2016 г.) лидирует «недостаточная работа куратора», причем во всех вузах она вышла на первое место в рейтинге всех представленных для исследования трудностей.

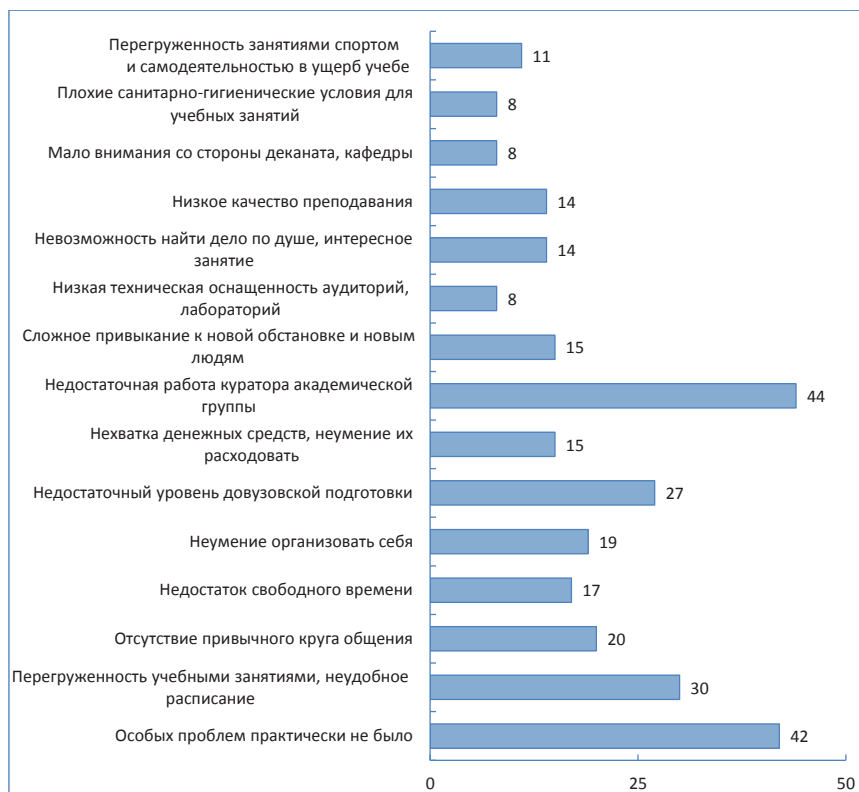

Рис. 59. Трудности, с которыми столкнулись респонденты в начале студенческой жизни, УГАУ, % ответивших

Среди профессорско-преподавательского состава и администрации многих вузов существует мнение, что активная внеучебная деятельность, организованная для студентов I курса, значительно снижает уровень учебной успеваемости и мало способствует их адаптации в вузе. Ответы студентов во многом опровергают данное мнение: за 2009–2012 гг. вдвое снизилось количество студентов, отмечавших, что у них слишком много времени уходило на внеучебную деятельность в ущерб учебе: таковых в 2012 г. только 6 %, а в 2016 г. этот показатель вырос до 8 %.

Третью группу составляют проблемы, связанные с личными организационными и психологическими аспектами, субъективными характеристиками личности. К ней мы относим: неумение себя организовать, нехватку денежных средств, отсутствие привычного круга общения, трудности в привыкании к новой обстановке и недостаточный уровень довузовской подготовки.

Недостаток свободного времени в 2012 г. остро на себе почувствовали 30 % респондентов, в 2016 г. таких студентов около 18 %. Снижение достаточно заметное. Особенно эта проблема в 2016 г. актуальна для студентов УрГЮУ.

Проблемы в период адаптации, вызванные недостаточным уровнем довузовской подготовки, особенно остро ощутили на себе студенты РГППУ (30 %). Но и в среднем число студентов, выделивших данный вариант ответа, немалое — каждый четвертый. Стоит отметить, что, например, в УрФУ после I курса по некоторым направлениям подготовки «отсев» студентов составляет порядка 20 %. Таким образом, можно рекомендовать каждому вузу пересмотреть вопросы довузовской подготовки, усилив ее, и тем самым снизить количество студентов, испытывающих данные сложности.

Для студентов каждого вуза в отдельности выделим — по ответам респондентов в 2016 г. — наиболее острые проблемы адаптации первокурсников:

- недостаточная работа кураторов академических групп — ГУ, УГМУ, УИУЭП¹;
- перегруженность учебными занятиями — УГАХА, УГЛТУ и УГМУ;
- низкая техническая оснащенность аудиторий и лабораторий — РГППУ, УрГЭУ, УрФУ;
- отсутствие привычного круга общения — УрГУПС, УГАХА, УрГЮУ;
- недостаточный уровень довузовской подготовки — РГППУ, УИУ РАНХиГС, УГАХА;
- нехватка денежных средств, неумение их расходовать — УрГУПС, УГЛТУ, УрГЭУ;
- недостаток свободного времени — УрГУПС, УрГЮУ, УИУ РАНХиГС;
- недостаток внимания со стороны деканата, кафедры — УрФУ, РГППУ, УГЛТУ;
- низкое качество преподавания — УГАУ, РГППУ, УрГУПС;
- плохие санитарно-гигиенические условия для учебных занятий — УГАУ, УГГУ, РГППУ;
- неумение организовать себя — УрГЮУ, УрГУПС, УГАХА;
- недостаток свободного времени — УрГУПС, УрГЮУ, УИУ РАНХиГС;
- сложность привыкания к новой обстановке, сходиться с новыми людьми — УрГУПС, УГЛТУ, РГППУ;
- невозможность найти дело по душе, интересное занятие — РГППУ, УГЛТУ, УГАУ;
- много времени уходило на спорт, самодеятельность в ущерб учебе — РГППУ, УрГПУ, УрГАУ.

В качестве агентов адаптации мы рассматриваем однокурсников, старшекурсников, кураторов, основной орган студенческого самоуправления — Союз студентов, а также элементы учебного и воспитательного процессов. Их роль и значение различны, но наибольший эффект они смогут принести только при консолидации, комплексном целевом подходе. Респондентам было предложено оценить вклад в собственный процесс адаптации каждого из агентов адаптации (табл. 45–46).

¹ Перечислены по три вуза, имеющие наиболее высокое количество студентов, выделивших данный вариант ответа.

Таблица 45

Кто или что помогло вам адаптироваться к студенческой жизни?
% от числа ответивших

Вариант ответа	2007	2009	2012	2016
Однокурсники	49	56	58	53
Никто и ничто особенно не влияло, адаптировался в основном самостоятельно	33	30	31	41
Сблизила совместная поездка на сельхозработы	22	—	—	—
Поступление моих друзей, подруг, знакомых в наш вуз	11	12	11	26
Старшекурсники	20	24	21	20
Преподаватели	14	13	13	16
Сблизило совместное участие в смотрах, фестивалях, соревнованиях, проводимых специально для первокурсников	14	14	18	11
Обучение в лицее, специальном классе	—	7	—	7
Студенческая профсоюзная организация (Союз студентов)	4	7	5	4
Кураторы	4	11	9	3
Освоение курса «Введение в специальность»	—	4	—	2

Таблица 46

Кто или что помогло вам адаптироваться к студенческой жизни? (ранг)

Вариант ответа	2007	2009	2012	2016
Однокурсники	I	I	I	I
Никто и ничто особенно не влияло, я адаптировался в основном самостоятельно	II	II	II	II
Поступление моих друзей, подруг, знакомых в наш вуз	VII	VI	VI	III
Старшекурсники	IV	III	III	IV
Преподаватели	V	V	V	V
Сблизило совместное участие в смотрах, фестивалях, соревнованиях, проводимых специально для первокурсников	VI	IV	IV	VI
Обучение в лицее, специальном классе	X	IX	—	VII
Студенческая профсоюзная организация (Союз студентов)	VIII	VIII	VIII	VIII
Кураторы	IX	VII	VII	IX
Освоение курса «Введение в специальность»	XI	X	—	X
Сблизила совместная поездка на сельхозработы	III	—	—	—

По-прежнему на первом месте однокурсники. Взаимная адаптация в учебном коллективе, в котором предстоит учиться 4—5 лет, оценивается респондентами особенно высоко. Интересно, как скажутся в перспективе изменения в учебном процессе, связанные с внедрением индивидуальных траекторий и модульного принципа изучения учебных дисциплин. Ведь одним из последствий этих изменений может стать разрушение устойчивости учебных групп и потоков.

На втором месте в ранговом ряду — и тоже устойчиво на всех этапах мониторинга — стоит акцент на самостоятельность адаптации: «Никто и ничто особенно не влияло, адаптировался в основном самостоятельно» (количество таких студентов, составлявшее и раньше около трети, в 2016 г. увеличилось до 2/5).

На третьем месте долгое время были старшекурсники, чье влияние устойчиво отмечал каждый пятый (в 2009 г. — каждый четвертый). Но в 2016 г. их место заняли друзья и подруги еще по довузовскому периоду, число ответов, отмечающих их роль, между VI и VII этапами выросло более, чем в два раза и составило 26 %.

Прослеживается негативная тенденция по одному из важнейших агентов адаптации — Союзу студентов: за 2009—2016 гг. число студентов, отметивших, что в процессе им помог данный орган студенческого самоуправления (оно ни на одном из этапов мониторинга не выходило за пределы 10 % и занимало устойчивое VIII место), сократилось почти вдвое.

Выясняется, что студенты устойчиво недооценивают значимость разнообразных институтов вузовской среды, призванных помочь им в адаптации: кураторов, преподавателей, дисциплину «Введение в специальность», Союз студентов. Причины могут быть достаточно разнообразными, но основной, на наш взгляд, является отсутствие консолидированного подхода и подготовки кадров для эффективной работы по адаптации. Например, значительно изменилось отношение к институту кураторов (снизилось методологическое и научное обеспечение), в органах студенческого самоуправления только в последние годы формируется ответственное отношение к данному направлению работы с первокурсниками.

Отдельного внимания заслуживает потенциал дисциплины «Введение в специальность». Основной смысл дисциплины, конечно, вовлечение студентов в будущую профессиональную область. Но в процесс изучения стоит включать и элементы, способствующие знакомству и объединению группы, вовлечению в студенческую жизнь, установлению коммуникаций со студентами других групп, кафедр, информированию об истории и перспективах развития образовательной организации в целом, своего института/факультета, кафедры. На наш взгляд, возможности дисциплины «Введение в специальность» пока используются недостаточно, в то время как имеют значительные возможности в рамках процесса адаптации.

Во всех вузах значение кураторов в процессе адаптации уменьшилось по сравнению с данными 2012 г., причем в некоторых вузах это снижение в 5–13 раз. Это достаточно значительные изменения, полученные в процессе мониторинга, на которые вузам следует обратить внимание.

Рассмотрим, какие особенности в процессе работы агентов адаптации имеются в каждом из вузов.

Студентов, отметивших, что им особенно помогли однокурсники, поступившие друзья, старшекурсники, в УрФУ больше, чем в среднем по массиву (рис. 60). Наименьшее количество получили варианты «освоение курса «Введение в специальность», кураторы и Союз студентов. Стоит отметить, что почти на 10 % (по сравнению с 2012 годом) уменьшилось количество тех, кто отметил, что оказало влияние совместное с другими студентами участие в культурно-массовых и досуговых мероприятиях.

Среди студентов УГЛТУ наименьшее (во всем массиве) количество студентов, которым в процессе адаптации никто и ничто не помогло (треть, по массиву — 2/5 — рис. 61). Меньше, чем в среднем, и число тех, кому оказал поддержку Союз студентов.

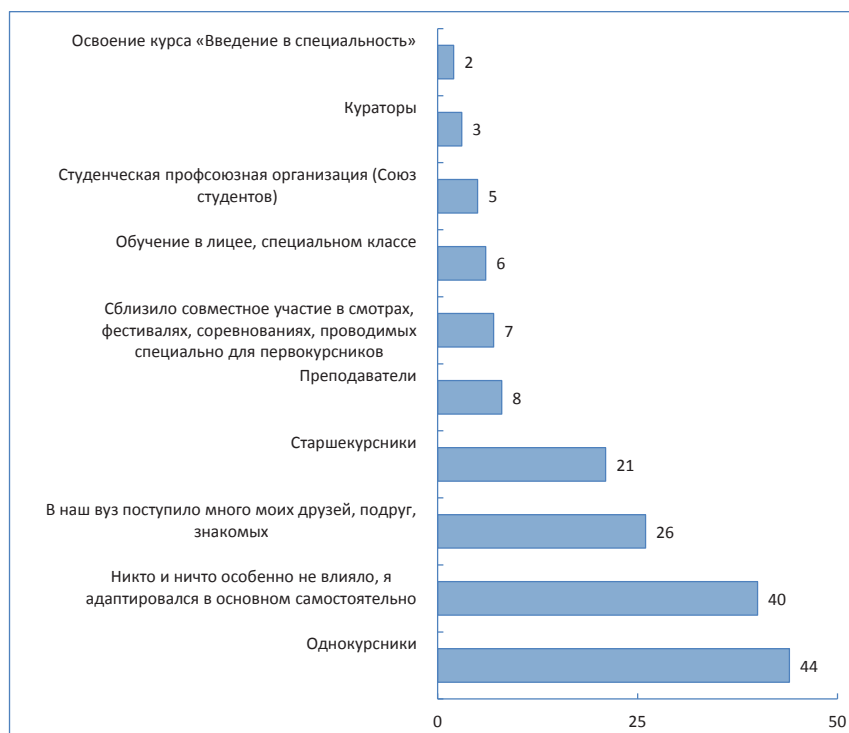

Рис. 60. Кто или что помогло в адаптации: УрФУ, 2016 г., % ответивших

Рис. 61. Кто или что помогло в адаптации: УГЛТУ, 2016 г., % ответивших

Сокращение числа таких ответов за 2012–2016 гг. в 10 раз. Аналогично (но в 4 раза) сократилось за этот период и число студентов, отметивших влияние кураторов на процесс своей адаптации.

Для студентов РГППУ характерен большой разрыв между адаптировавшимися без чьей-то особой помощи (почти каждый второй) или отметившими роль однокурсников (каждый второй) и друзей, подруг, поступившие в вуз (каждый шестой) и крайне низкой оценкой роли остальных агентов адаптации (особенно — Союз студентов, кураторы, курс «Введение в специальность») — рис. 62.

За 2012–2016 гг. число тех, кто выделил роль куратора, уменьшилось почти втрое, меньше, но также снизилось количество студентов, для которых играли значительную роль преподаватели.

На адаптацию студентов УГМУ меньше, чем в других вузах, оказали поддержку поступившие друзья (рис. 63). Это, очевидно, связано со спецификой медицинского вуза. Напротив, наибольшую поддержку в период адаптации студентам УГМУ оказали однокурсники. По таким показателям, как влияние преподавателей, совместное участие в культурно-массовых и спортивно-массовых мероприятиях, влияние Союза студентов и кураторов в 2016 г. снизилось количество отметивших их влияние, причем значительно. Так, оценка влияния Союза студентов за 2012–2016 гг. сократилась в 7 раз.

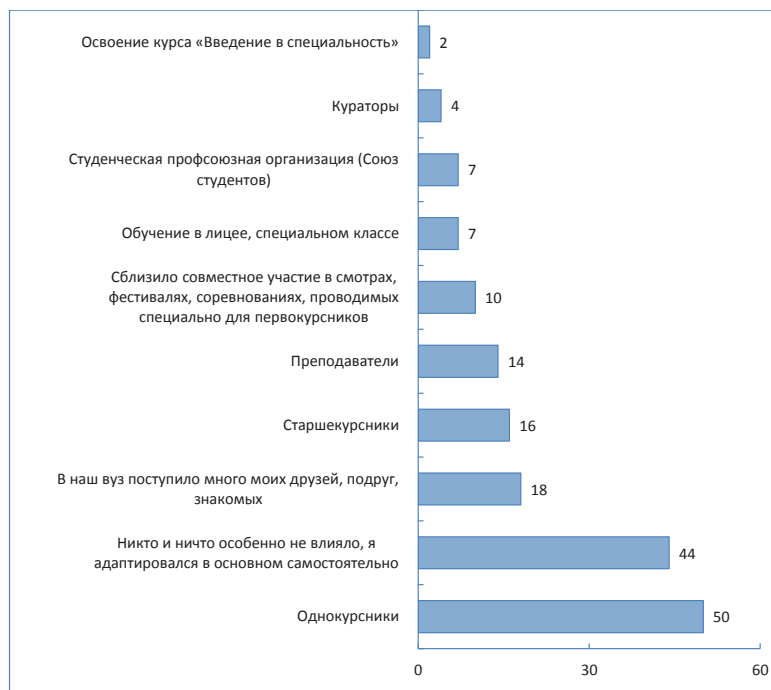

Рис. 62. Кто или что помогло в адаптации: РГППУ, 2016 г., % ответивших

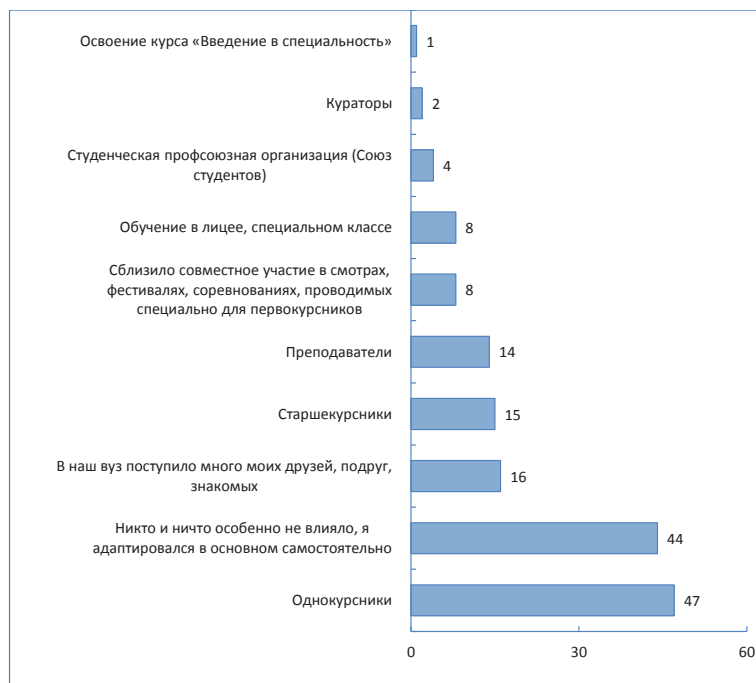

Рис. 63. Кто или что помогло в адаптации: УГМУ, 2016 г., % ответивших

Особенность оценок студентов УрГАХУ — поддержку однокурсников отмечают реже, чем в среднем (может быть, влияет более индивидуальный характер их художественного творчества), а роль профсоюзной организации университета — заметно выше, чем в других вузах (рис. 64).

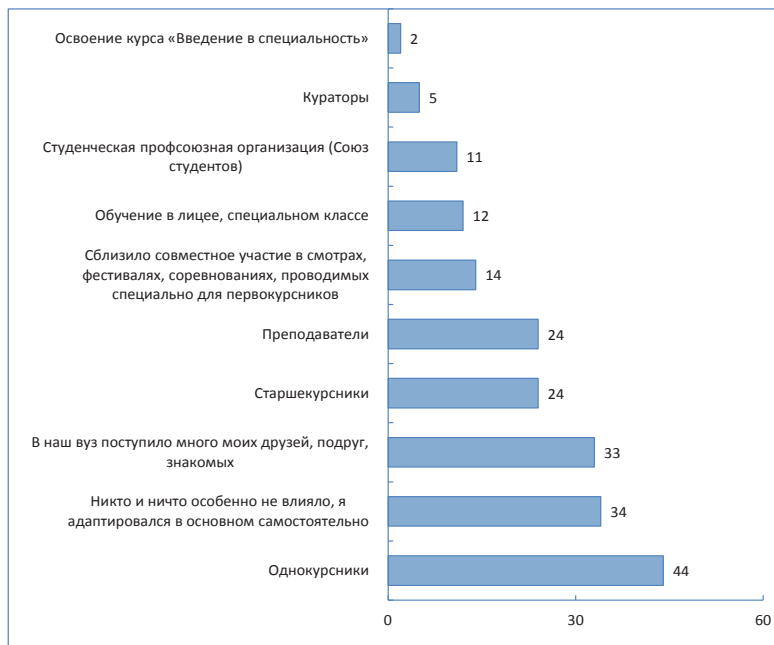

Рис. 64. Кто или что помогло в адаптации: УГАХУ, 2016 г., % ответивших

И, на наш взгляд, другим вузам стоит изучить опыт работы Союза студентов УрГАХУ в направлении адаптации первокурсников. В 2016 г. — в сравнении с 2012 г. — студенты УрГАХУ значительно ниже оценили влияние преподавателей и особенно кураторов.

Для студентов УрГЭУ также характерна более низкая, чем в среднем по массиву, оценка поддержки однокурсников (рис. 65).

Еще один примечательный момент опроса 2016 г. Среди всех вузов города только в УрГЭУ несколько увеличилось (на 1 %) число респондентов, отметивших влияние работы кураторов, — до 6 %. Это, конечно, не повод для вывода о значительном участии кураторов в адаптации студентов УрГЭУ, но это — единственный вуз из участвовавших в опросе, где данное количество ответивших не упало в несколько раз в 2016 г.

Если адаптационной роли однокурсников студенты УГГУ отдали дань общей тенденции, то в полтора раза более высокая оценка, чем в среднем, роли старшекурсников составляет их особенность (рис. 66). Еще одна особенность, но уже негативного плана. У студентов УГГУ наиболее низкие оценки влияния дисциплины «Введение в специальность». И для УГГУ было характерно резкое (почти в 8 раз) снижение числа студентов, отметивших помощь кураторов.

Рис. 65. Кто или что помогло в адаптации: УрГЭУ, 2016 г., % от ответивших

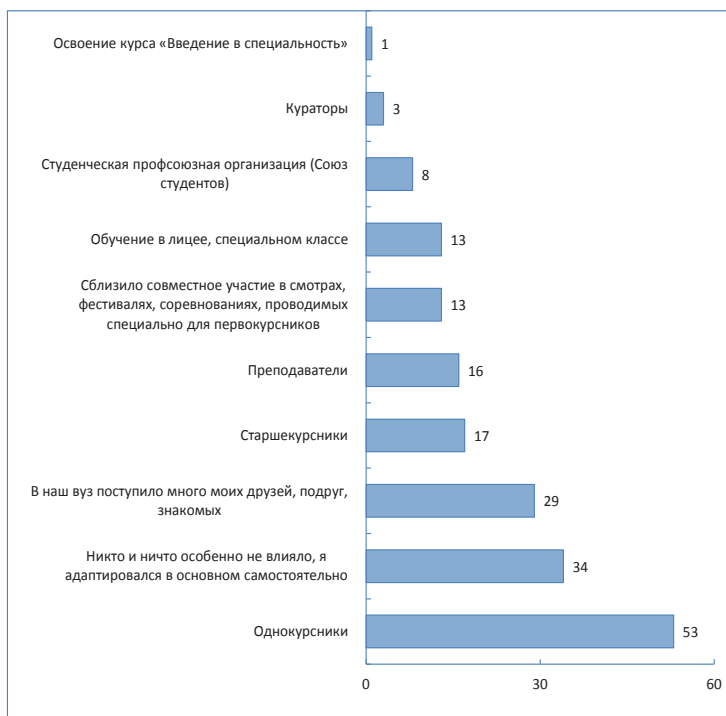

Рис. 66. Кто или что помогло в адаптации: УГГУ, 2016 г., % от ответивших

Специфика студентов УрГПУ — среди них значительно меньше тех, кто отметил, что никто и ничто им особенно не помогало в период адаптации (рис. 67).

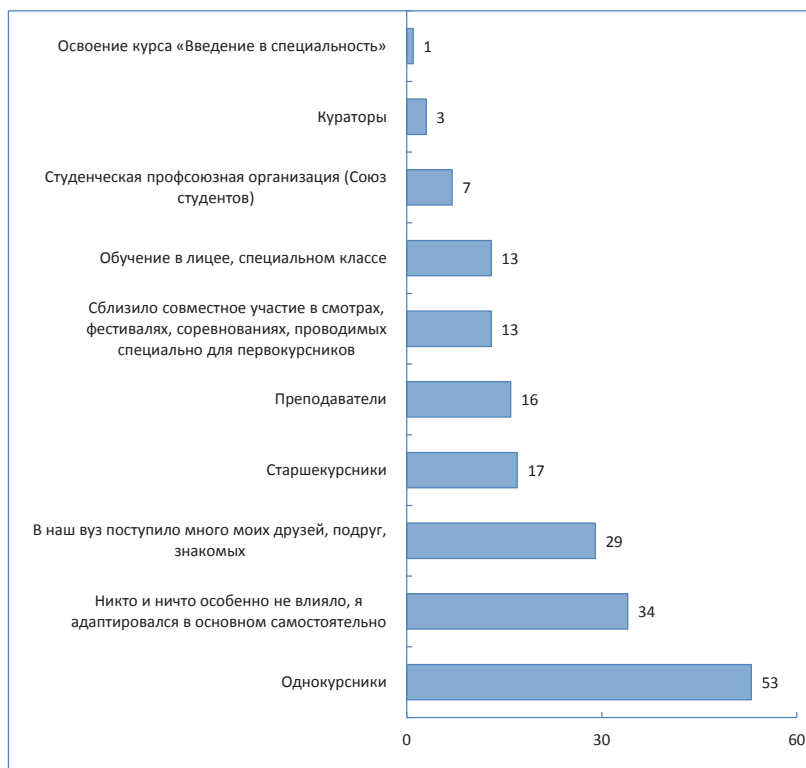

Рис. 67. Кто или что помогло в адаптации: УрГПУ, 2016 г., % ответивших

Другая особенность — в ответах студентов УрГПУ в 2016 г. — в сравнении с 2012 г. — роль Союза студентов стала отмечаться как более заметная (кроме УрГПУ, этот момент проявился лишь в ответах студентов УрГЮУ и РГППУ, рис. 68).

В ответах студентов УрГЮУ за 2012–2016 гг. заметно (почти вдвое) сократилась оценка адаптационной роли совместного с другими студентами участия в культурно-массовых и спортивно-массовых мероприятиях. Столь же заметно (почти в четыре раза) снижалась оценка роли кураторов.

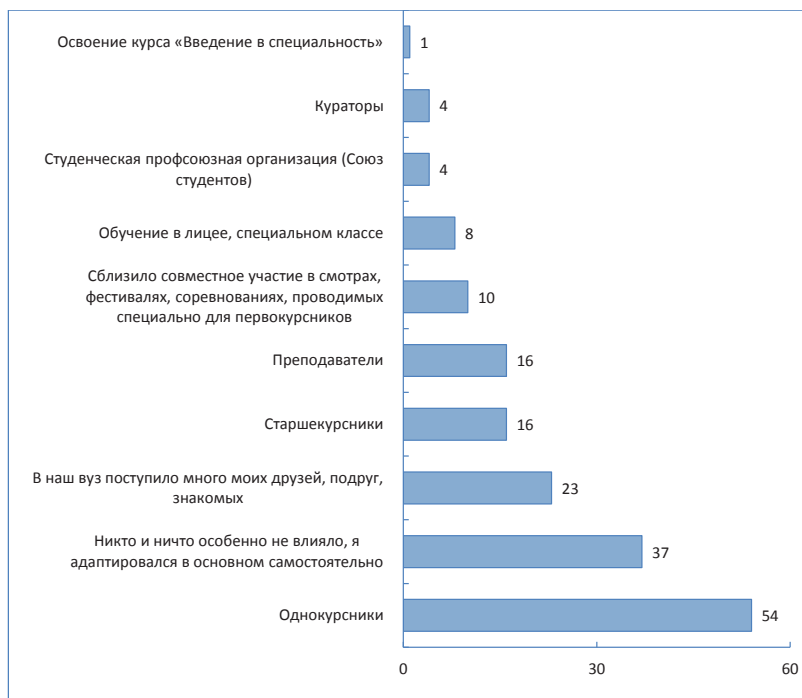

Рис. 68. Кто или что помогло в адаптации: УрГЮУ, 2016 г., % ответивших

Более, чем в два раза, уменьшилось количество студентов РАНХиГС, которым в процессе адаптации помогло совместное с другими студентами участие в культурно-массовых и спортивно-массовых мероприятиях: 32 % в 2012 году и 15 % в 2016 году (рис. 69). Также значительная разница в оценке влияния кураторов: в 2012 году отметивших данный вариант студентов вуза было 25 %, то в этом году всего 3 %. Требуется изучение данных вопросов, исследование результатов и значения работы кураторов, а также форм внеучебной творческой деятельности. Необходимо разобраться, почему коллективная творческая работа и институт кураторов академических групп младших курсов, имеющие потенциально высокое значение в процессе адаптации, практически не оцениваются студентами. Около 60 % студентов РАНХиГС отметили, что наибольшую помощь оказали однокурсники, а вот значение преподавателей несколько выросло: 27 % респондентов отметили этот вариант в 2012 году и 34 % — в 2016 г.

Основным агентом адаптации и для студентов УрГУПС стали одногруппники (62 % респондентов УрГУПС — рис. 70). Количество тех, кому не понадобилась ничья помощь (37 %), несколько ниже среднего значения по массиву в 41 %.

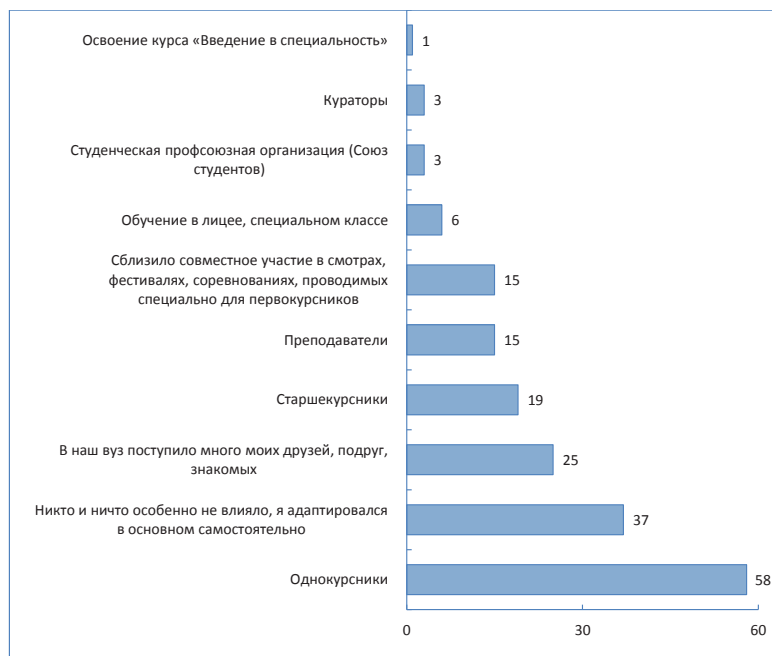

Рис. 69. Кто или что помогло в адаптации: УИУ РАНХиГС, 2016 г., % ответивших

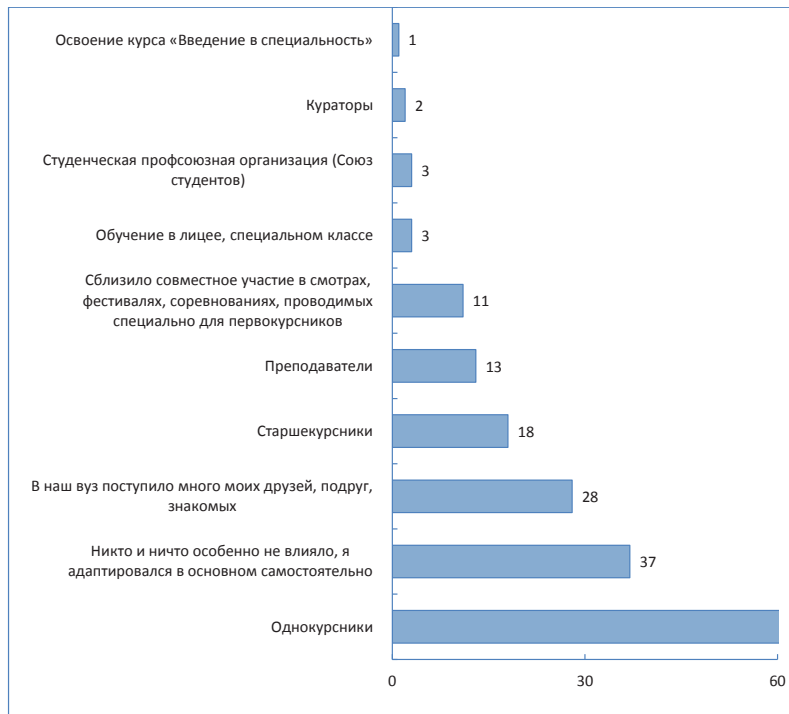

Рис. 70. Кто или что помогло в адаптации: УрГУПС, 2016 г., % ответивших

Как и в ряде вузов, значительно снизилось количество студентов, для кого существенную поддержку оказали кураторы: в 2012 году этот вариант отметили 10 % студентов УрГУПС, а в 2016 году — всего 2 %. В то же время почти в два раза (с 7 % в 2012 году до 13 % в 2016 году) возросло количество студентов, для кого существенная помощь преподавателей. Остальные значения ответов студентов УрГУПС не значительно отличаются от средних по массиву.

В равной степени для студентов УрГАУ важна помощь преподавателей и старшекурсников: по 15 % респондентов отметили данный вариант (рис. 71). Примерно одинаковое количество студентов, которые отметили, что им помощь не понадобилась — 42 %, и тех, для кого существенное значение имели однокурсники, — 46 %.

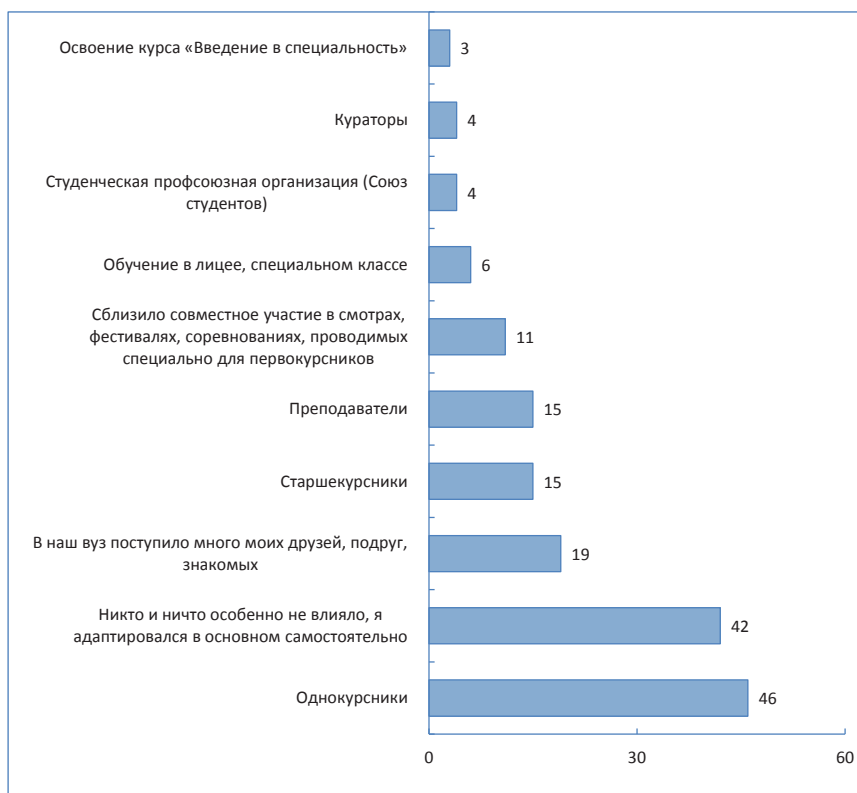

Рис. 71. Кто или что помогло в адаптации: УрГАУ, 2016 г., % ответивших

Студенты имели возможность высказать свои предложения, что можно сделать в период обучения на первом курсе для успешной адаптации (табл. 47). Было предложено 9 вариантов мероприятий, которые можно разделить на группы: 1) учебный процесс: помощь преподавателей и куратора,

совершенствование курса «Введение в специальность», совершенствование учебного процесса в целом, улучшение бытовых условий; 2) психологические факторы: доброжелательное отношение со стороны администрации факультета, помощь старшекурсников и 3) группа воспитательной деятельности: организация работы творческих коллективов и проведение культурно-массовых мероприятий¹.

Таблица 47

Динамика мнений респондентов о том, чем можно помочь первокурснику адаптироваться к вузу, поливариантный вопрос, % ответивших

Варианты ответов	2009	2012	2016
Доброжелательное отношение к первокурсникам со стороны администрации факультета, вуза	36	31	43
Помощь и внимание преподавателей, кураторов	38	38	36
Ничего особенно делать не надо, студент ко всему должен привыкать сам	7	11	33
Чаше проводить культурно-массовые, спортивно-массовые мероприятия для первокурсников	41	37	28
Помощь и поддержка студентов-старшекурсников	38	37	22
Улучшение бытовых условий и организации питания в вузе	24	14	15
Активное вовлечение первокурсников в работу творческих коллективов, органов студенческого самоуправления	17	24	13
Уделение большего внимания организации учебного процесса на первом курсе	15	19	11
Лучше использовать курс «Введение в специальность» для знакомства с вузом	14	8	8

В 2009 году значительную помощь в адаптации, по мнению студентов, оказывали культурно-массовые, спортивно-массовые мероприятия для первокурсников (так считали 41 % студентов). По мнению студентов, опрошенных в 2016 году, эти формы работы занимают четвертую позицию, а на первом месте доброжелательное внимание со стороны администрации факультета/института и кафедры.

В 1,5 раза меньше студентов, опрошенных в 2016 году, отметили, что существенную поддержку в период адаптации может оказать улучшение бытовых условий и организации питания в вузе: в 2012 году так думали 24 %, а в 2016 году — 15 % студентов. Возможно, это связано с улучшением условий питания и проживания. Значительно увеличилось (почти в пять раз) количество студентов, которые считают, что студент должен привыкать ко всему сам

¹ Студент — 2012 : материалы шестого этапа социологического мониторинга (декабрь 2011 — январь 2012) / отв. ред. Ю. Р. Вишневецкий. — Екатеринбург : УрФУ, 2012. — С. 71.

и никакой помощи не требуется: 7 % в 2012 году и 33 % в 2016 году. Ориентир на самостоятельность и самоорганизацию — достаточно верное направление взаимодействия со студентами. Но необходимо выполнение двух условий: насыщенная вузовская среда, вовлекающая студента через осознанный выбор активностей и эффективный менеджмент процесса адаптации. Тогда мы можем говорить о том, что студент-первокурсник сможет грамотно распределить свое время, успешно совмещать учебную, научную, общественную или спортивную деятельность, руководствуясь целью — высокий уровень сформированности профессиональных и общекультурных компетенций.

Выделим условия и технологии работы со студентами, учет и применение которых может способствовать снижению трудностей у студентов в период адаптации¹:

- доброжелательное отношение к первокурсникам со стороны администрации факультета, вуза — УИУЭП, УрГЮУ, УралГАХА;
- помощь и внимание преподавателей, кураторов — ГУ, РАНХиГС, РГППУ;
- чаще проводить культурно-массовые, спортивно-массовые мероприятия для первокурсников — ГУ, РАНХиГС, УрГМУ;
- помощь и поддержка студентов-старшекурсников — РАНХиГС, УрГЭУ, УрГПУ;
- работникам вузов больше информировать старшеклассников о студенческой жизни и учебе — УрГУПС, УрГЭУ, УрГМУ;
- улучшение бытовых условий и организации питания в вузе — УрГУПС, УралГАХА, УрГАУ;
- активное вовлечение первокурсников в работу творческих коллективов, органов студенческого самоуправления — УГЛТУ, УралГАХА, УрГАУ;
- больше внимания уделить организации учебного процесса на первом курсе — УралГАХА, УИУЭП, УГГУ;
- лучше использовать курс «Введение в специальность» для знакомства с вузом — УралГАХА, ГУ, УИУЭП.

Завершая анализ, обратим внимание на общую оценку студентами трудностей адаптационного периода (табл. 48).

В среднем треть студентов отметила, что сразу почувствовали себя студентами, т. е. не испытывали серьезных трудностей в период адаптации. Для каждого второго процесс адаптации был нетрудным и недолгим. Но более важна для исследования категория студентов, которые имели сложности в период адаптации в вузе. Показательны и различия в оценках адаптационного процесса у студентов разных вузов. В среднем это каждый седьмой, но их число колеблется по вузам в диапазоне от 6 (УрГУПС) до 32 % (УГМУ).

¹ Перечислены вузы, имеющие максимально высокие показатели: количество ответивших, % из массива студентов конкретного вуза.

Таблица 48

Трудно ли было привыкать к студенческой жизни?

Вариант ответа	2016
Нет, процесс адаптации был нетрудным и недолгим	53
Никакая адаптация не требовалась, сразу почувствовал себя студентом	32
Да, процесс адаптации был трудным и долгим	15

При исследовании трудностей, с которыми сталкиваются студенты в период адаптации, важно учитывать различия по тем или иным параметрам. Эти различия таковы: мужчины в 1,4 раза легче адаптируются, «контрактники» в 1,3 раза адаптируются с большими трудностями, чем «бюджетники»; у «естественников» и «гуманитариев» доля тех, для кого процесс адаптации оказался сложнее и продолжительнее, почти вдвое больше, чем у «технарей» и «экономистов». Труднее всего было привыкать к студенческой жизни живущим в общежитии (в 1,3 раза — в сравнении со средним) и у родных и близких (в 1,5 раза).

3. Студенты о качестве образования

Образование «должно готовить сегодняшних граждан для жизни и работы в завтрашнем мире, в котором единственным постоянным фактором будет изменчивость».

ЮНЕСКО: Деятельность в области образования во всем мире. — Paris: ЮНЕСКО, 1994. — С. 8.

В разделе об адаптации студентов отмечалось, что на I (1995 г.) и II (1999 г.) этапах мониторинга основное внимание было сосредоточено на внеучебной стороне жизни студента. Это позволило выявить многие серьезные проблемы внеучебной работы. Но одновременно это привело к известной недооценке важнейшей сферы жизнедеятельности студентов — обучения. На III (2003 г.) этапе мониторинга было решено преодолеть указанный перекос. Поэтому в анкету был включен блок вопросов об удовлетворенности студентов учебным процессом и качеством обучения. Это было тем более актуально, что в «Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года» (2002 г.) как главная задача российской образовательной политики определялось «обеспечение высокого качества образования на основе сохранения его фундаментальности и соот-

ветствия актуальным и перспективным потребностям личности, общества и государства»¹.

Проблемы качества подготовки специалистов все в большей степени становятся фактором, определяющим конкурентоспособность вуза вне зависимости от формы собственности. Это определяется и коммерциализацией обучения в государственных вузах, и активизацией внимания и усилий негосударственных вузов по повышению качества обучения. Качество образования — многоаспектный и многофакторный феномен². Оно представляет комплекс социально-значимых свойств высшего образования и означает сбалансированное соответствие образования многообразным потребностям общества и личности. Качество высшего образования — способ социальной регуляции, механизм упорядочивания деятельности всех структур высшего образования. Поскольку интересы различных групп, включенных в образовательный процесс, часто не совпадают, а порой противоречат друг другу, крайне важно их согласование.

Понятие «услуга» (*service*) в отечественной теории и практике длительное время носило узкоотраслевой характер (применительно к бытовому обслуживанию, общепиту, торговле, ЖКХ). Лишь переход к рыночным отношениям и «сервизация экономики» (как важнейшая характеристика перехода от индустриального к постиндустриальному обществу) актуализировали проблематику анализа отраслей социальной сферы (образование, здравоохранение, досуг, туризм и т. д.) как сферы услуг. Соответственно деятельность системы образования (в том числе и высшего образования) начала рассматриваться как «предоставление образовательных услуг»³.

Понятие «образовательная услуга» двойственно. С одной стороны, это — образовательная услуга, и в ней проявляются общие характеристики, присущие любой услуге. Именно поэтому правомерно говорить о качестве образовательной услуги в ракурсе современных концепций качества услуг, первоначально разработанных применительно к традиционным сферам обслуживания (прежде всего, к сфере *retailing* — розничной торговли). С другой стороны, это — образовательная услуга, и было бы ошибочно недооценивать ее особенности, связанные со спецификой образовательного процесса и его результатов, взаимодействия участников этого процесса.

Важно отметить, что используемый в зарубежных источниках термин «*service quality*» (американские исследователи А. Парашураман, Л. Берри, В. Зайтамл ввели целостный термин *SERVQUAL*), может быть переведен на русский язык и как «качество услуг», и как «качество обслуживания».

¹ Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года (Приложение к приказу Минобрнауки России от 11.02.2002 № 393) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.studfiles.ru/preview/4020596/> (дата обращения: 22.12.2012).

² См.: Томильцев А. В. Управление качеством образования: практико-ориентированная монография. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2010. — 232 с.

³ Хотя, как было показано в разделе «Модернизация образования», и сегодня широко распространено его неприятие, особенно — в научно-педагогическом сообществе.

Неоднозначный смысл вкладывается в это понятие и различными авторами. В ряде случаев речь идет только о качестве обслуживания, что подтверждается последующим раскрытием этого понятия через его составляющие. Некоторые авторы разделяют «*Quality of service*» (QOS)¹ и «*Product quality*»², причем к последнему они относят и ключевые выгоды, получаемые потребителем, чьи потребности, пожелания (needs, wants) удовлетворяются и чьи ощущения недостаточности каких-то продуктов, товаров (products, goods) устраняются³.

В результате в литературе эти термины иногда используются как синонимы, в других случаях авторы указывают на подчиненную роль удовлетворенности в сравнении с качеством услуг и наоборот. Под удовлетворенностью обычно понимается ощущение довольства, возникающее у потребителя, который сопоставляет предварительные ожидания и реальные качества приобретенного продукта. Таким образом, удовлетворенность тесно связана с качеством продукта (услуги). Оценка качества услуг представляет собой крайне сложную задачу, поскольку такие качества услуг, как неосязаемость, разнородность и другие, не позволяют разработать четко определенные стандарты качества, которые позволяли бы производителю осуществлять полный контроль и отбраковывать «негодные» услуги до того, как они будут проданы потребителю. Непосредственное участие потребителя в процессе оказания услуги заставляет нас говорить не о качестве, как наборе неких объективных характеристик, соответствующих заявленным стандартам, а о воспринимаемом потребителем качестве.

В основе современных концепций качества услуг лежит предположение о том, что существует разрыв (gap) между ожиданиями потребителя и его восприятием итогового результата (perceptions of performance)⁴. Понятия удовлетворенности и качества услуг базируются на сравнении потребителем предварительных ожиданий и итогового восприятия. При этом А. Парашураман и его коллеги обращали внимание и на другие «разрывы»:

- отсутствие в организации четкого представления о предпочтениях «своего» потребителя, его ожиданиях, стереотипах поведения;

¹ Peuhkuri M. IP Quality of Service. Helsinki: Helsinki University of Technology, 1999 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.netlab.tkk.fi/~puhuri/htyo/Tik-110.551/iwork/> (дата обращения 11.05.2010); Афонцев Э. Cisco QoS для начинающих [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.network.xsp.ru/3_11.php (дата обращения: 11.05.2010).

² Product quality. A guide for small and medium-sized enterprises / Working paper. Vienna: UNIDO, 2006. 56 p.; Juran J. M., De Feo J. A. Juran's Quality Handbook. The Complete Guide to Performance Excellence., 6th ed. ASQ, 2010. — 1168 p.

³ Akrani G. What is Product Quality? Definition Meaning Importance [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kalyan-city.blogspot.ru/2013/05/what-is-product-quality-definition.html> (дата обращения: 12.05.2010).

⁴ Parasuraman A., Berry L. & Zeithaml V. SERVQUAL: A multiple-item scale for measuring customer perceptions of service quality // Journal of Retailing, 1988. Vol. 69 (Spring), P. 12–40; Предводителя М. Д., Балаева О. Н. Подходы к управлению качеством услуг: фокус на потребителя // Менеджмент в России и за рубежом. 2005. № 2 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.mevriz.ru/articles/2005/2/3758.html> (дата обращения: 12.05.2010).

- когда представления менеджеров об ожиданиях потребителей не учтены в разрабатываемых стандартах предоставления услуги;
- когда разработанные стандарты — из-за несоответствия квалификации работников или используемых технологий выполняемым задачам — не реализуются на практике или выполняются не полностью;
- когда по разным причинам (рекламная политика, завышенные обещания, желание представить услугу в более выгодном свете) организация умышленно или случайно формирует у потребителей ложное представление о предлагаемой услуге¹.

Среди различных концепций, отражающих сущность «качества услуги» наиболее широкое признание получила концепция, впервые предложенная Ч. Гренроосом, согласно которой выделяются две составляющие качества услуг (рис. 72):

- техническое качество — то, что получает потребитель, ключевые выгоды;
- функциональное качество — качество процесса, способа услуги. Он также отмечал, что потребительская оценка услуги в большей степени зависит от функционального качества.

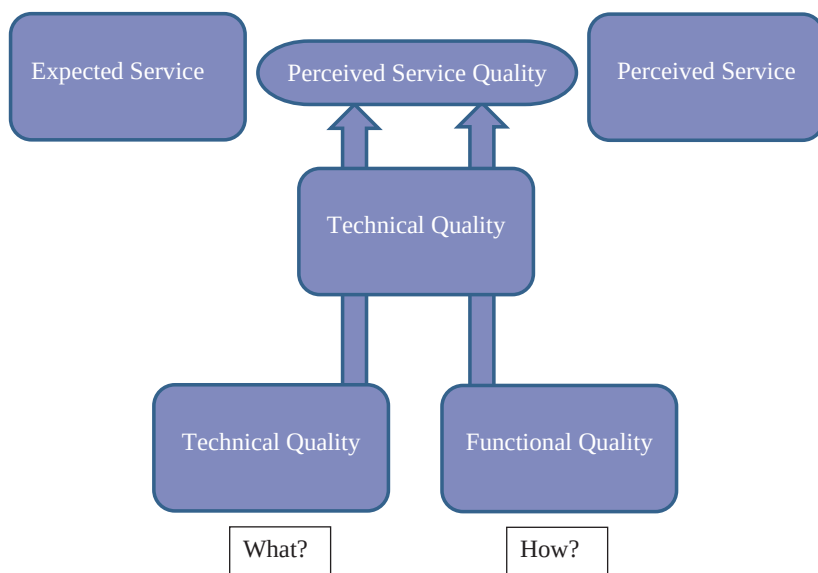

Рис. 72. Модель качества услуг по Ч. Гренроосу (Service Quality model Gronroos)*

*Воспроизведено по: Service Quality model Gronroos [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://research-methodology.net/wp-content/uploads/2012/07/Service-Quality-Model-.png> (дата обращения: 12.05.2010)

1 Parasuraman A., Berry L. & Zeithaml V. SERVQUAL: A multiple-item scale for measuring customer perceptions of service quality // Journal of Retailing. — 1988. — Vol. 69 (Spring). — P. 12–40. Цит. по: Предводителева М. Д., Балаева О. Н. Подходы к управлению качеством услуг: фокус на потребителя // Менеджмент в России и за рубежом. — 2005. № 2 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.mevriz.ru/articles/2005/2/3758.html> (дата обращения: 12.05.2010).

Позднее это определило развитие маркетинга отношений (*relationship marketing*)¹.

Пытаясь более точно определить каждую из отмеченных составляющих, эту концепцию разрабатывали многие авторы. С учетом выделенной важности функционального качества, основная часть нововведений касалась определения именно процесса оказания услуги. Тем не менее, основными параметрами качества услуг остаются качество «ключевых выгод» и качество процесса оказания услуги.

Что касается относительной важности этих составляющих качества услуги, то она зависит от ряда факторов. С одной стороны, это возможность потребителя квалифицированно оценить ключевые выгоды продукта. Чем она ниже (то есть, чем услуга сложнее), тем большее внимание потребитель уделяет качеству процесса, которое он вполне может оценить. Другим фактором является степень контакта потребителя с персоналом, оказывающим услугу. Для высококонтактных услуг, где потребитель достаточно интенсивно общается с персоналом, выше значимость качества процесса, для малоконтактных — наоборот. Поэтому можно сказать, что в общем случае качеству ключевых выгод и качеству процесса необходимо уделять одинаковое внимание, хотя для конкретных услуг их значимость может различаться.

Несмотря на важную роль качества услуги в формировании удовлетворенности, на этот процесс влияют и другие факторы. На удовлетворенность помимо качества ключевых выгод и качества процесса влияет фактор воспринимаемой ценности услуги, которая определяется как общая оценка потребителем полученного в сравнении с отданным им, то есть оценка того, насколько затраты (цена и другие издержки, связанные с покупкой) соответствуют полученному результату.

Выделяются три группы факторов, воздействующих на удовлетворенность.

Первая группа связана с самим продуктом и организацией его предоставления потребителю и включает: качество обслуживания (т. е. процесса оказания услуги), качество продукта (под которым подразумеваются «ключевые выгоды») и цену.

Вторую группу составляют ситуационные факторы, оказывающие влияние на процесс взаимодействия исполнителя (исполнителей) услуги и клиента (потребителя).

¹ Gronroos Ch. Strategic management and marketing on the service sector. Helsingfors, 1982; Service Quality model Gronroos [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://research-methodology.net/wp-content/uploads/2012/07/Service-Quality-Model-.png> (дата обращения: 12.05.2010); Gronroos Ch. Service Management and Marketing. Managing the Moments of Truth in Service Competition. Lexington: Lexington Books, 1990. 298 p.; Gronroos Ch. From marketing mix to relationship marketing: Towards a paradigm-shift in marketing // Asia-Australia Marketing Journal. — 1994. — № 1 (2). — P. 9–24; Gronroos Ch. Relationship marketing: Strategic and tactical implications // Management Decisions. — 1996. — № 3 (34). — P. 5–14; Gronroos Ch. Value-driven relational marketing: From products to resources and competences // Journal of Marketing Management. — 1997. — 13 (5). — P. 407–419.

Наконец, к третьей группе относятся личные факторы.

Помимо этого, среди факторов, влияющих на удовлетворенность, также выделяют социальное окружение, поскольку при приобретении услуги мнения других членов семьи, друзей и т. д. часто играют значимую роль.

Процесс формирования потребительской удовлетворенности можно представить в следующем виде. Удовлетворенность потребителя складывается из трех составляющих:

- качества ключевых выгод;
- качества процесса оказания услуги;
- восприятия ценности услуги.

Причем отношение и к продукту, и к обслуживанию, и к цене формируется под воздействием следующих личных, социальных, ситуационных факторов. Соответственно оценка удовлетворенности будет производиться по трем направлениям:

- оценка качества ключевых выгод;
- оценка процесса оказания услуги;
- оценка воспринимаемой ценности услуги потребителем.

Описание общей процедуры оценки уровня удовлетворенности/неудовлетворенности потребителей предлагает Ж.-Ж. Ламбен¹. Она основывается на концепции мультиатрибутивной модели отношения и включает в себя три этапа.

- На первом этапе оценивается общая удовлетворенность продуктом или поставщиком.
- На втором этапе оценивается удовлетворенность по каждой характеристике и ее важность. Оценка производится по десятибалльной шкале с добавлением варианта «не знаю».
- В заключение оценивается намерение совершить повторную покупку.

Для анализа полученных результатов рассчитываются средние значения по удовлетворенности в целом и по каждому атрибуту и среднеквадратические отклонения, которые позволяют оценить разброс мнений респондентов. Кроме того, дополнительно производится оценка соотношения удовлетворенности/важности. Она показывает, насколько высок уровень удовлетворенности по наиболее важным характеристикам, оказывающим решающее влияние на выбор потребителя, и по остальным характеристикам.

Однако на практике работа по оценке удовлетворенности потребителей обычно ограничивается оценкой качества услуг, и это обусловлено следующей причиной. Концепция качества услуг стала рассматриваться теоретиками и практиками маркетинга услуг раньше, чем концепция удовлетворенности услугами: в ранних работах по маркетингу услуг рассматривается только качество услуг. Именно для измерения качества услуг были разрабо-

¹ Ламбен Ж.-Ж. Стратегический маркетинг. Европейская перспектива : пер. с фр. — СПб. : Наука, 1996. — 165 с.

таны первые методики. Поэтому дальнейшие работы отталкивались от уже сделанного в этой области и, фактически, были подчинены заданному ранее направлению исследований.

Нужно оговориться, что трактовка образования как услуги предполагает современную трактовку самого термина «услуга», рассматриваемого достаточно широко как удовлетворение разнообразных потребностей личности, в том числе и как социальной услуги, подразумевающей трансляцию культуры в целом.

Как и любая услуга, образовательная услуга призвана удовлетворить потребности человека. В повседневной жизни каждый человек в той или иной мере испытывает потребность в знаниях — это исходная составляющая самой природы человека. Эта потребность принимает в современном мире специфическую форму в виде желания в получении образования, которое может быть удовлетворено производителями образовательных услуг. Поэтому образовательные услуги могут быть определены, в первую очередь, как средство удовлетворения потребности в образовании, которая выявляется и удовлетворяется на рынке образовательных услуг.

Как уже отмечалось, образовательные услуги имеют ряд особенностей:

- если в целом услуги, по Котлеру, несохраняемы, то результаты образовательных услуг, воплощаясь в знания, умения, навыки, компетенции личности, в уровень развития ее творческих способностей и интеллекта, в ее человеческий и социальный капитал могут накапливаться. В ФЗ «Об образовании в РФ» (2012 г.) речь идет о «совокупности приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции»¹;
- образовательные услуги — в содержательном плане — различаются по сложности и уровню («определенных объема и сложности» — подчеркивается в ФЗ «Об образовании в РФ» 2012 г.²), эти различия нормативно закрепляются³, освоение каждого из уровней клиентом контролируется и документально фиксируется, являясь обязательным условием перехода на следующий уровень. Уже в Законе РФ «Об образовании» (1992 г.) этот момент был подчеркнут словами о «конста-

1 Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 27.12.2012 № 273-ФЗ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/902389617> (дата обращения: 13.01.2013).

2 Там же.

3 Порой такое разграничение представляет серьезные трудности. Так, для уровня «выше высшего» потребовался специальный термин «послевузовское образование» (См.: Федеральный закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» от 22 августа 1996 года N 125-ФЗ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11446/ (дата обращения: 18.10.2012). Переход на двухуровневый принцип в высшем образовании был просто закреплен: высшее образование — бакалавриат; высшее образование — магистратура.

тации достижения гражданином (обучающимся) установленных государством образовательных уровней (образовательных цензов)»¹;

- с этим связана и необходимая подготовленность (в том числе и зафиксированная) клиента к освоению образовательных услуг на более высоком уровне и соответствующая (сертифицированная) готовность исполнителя (исполнителей) к предоставлению соответствующих по качеству услуг²;
- образовательная услуга от начала до определенного (нередко — промежуточного, уровневого) результата — более-менее продолжительный процесс³. Более того, он складывается из многочисленных конкретных действий по предоставлению отдельных услуг, осуществляемых разными исполнителями, зачастую с неодинаковой профессиональной подготовленностью;
- освоение образовательных услуг требует не только подготовленности клиента, но и его активного (конечно, в разной степени, что и фиксируется в той или иной системе оценок) соучастия⁴.

Развитие систем оценки качества образовательных услуг совпало с включением системы высшего образования России в Болонский процесс и до настоящего времени определяются внешними факторами, связанными и с Болонским процессом, и с общемировыми тенденциями развития глобального образовательного пространства. При этом утверждалась трактовка образования как образовательной услуги, «вида деятельности, направленного на удовлетворение ожидаемых и неожиданных образовательных потребностей конкретных потребителей»⁵, основными составляющими которого являются:

¹ Закон РФ от 10.07.1992 № 3266–1 «Об образовании» (ред. от 12.11.2012) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1888/ (дата обращения: 13.11.2013).

² Конечно, освоить соответствующие знания, навыки, умения, компетенции, развить свой человеческий и социальный капитал человек может, и не получая образовательных услуг в соответствующих институтах образования. Именно это и отличает неформальное и информальное образование от формального. Но и сегодня, и на значительную перспективу именно соответствующее формальное образование выступает необходимым условием для любого мало-мальски квалифицированного труда.

³ Сроки конкретных процессов обычно фиксируются нормативно-правовыми актами. Так, в соответствии с п. 12 Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по дополнительным профессиональным программам, утвержденного приказом Минобрнауки России от 1 июля 2013 года № 499, минимально допустимый срок освоения программ повышения квалификации не может быть менее 16 часов.

⁴ По мере распространения платных форм обучения у многих студентов-контрактников (да и части их родителей) — особенно на первоначальных этапах — возникало непонимание: «Мы же заплатили за учебу, неужели еще и учиться надо».

⁵ Пугач В. Н., Абдуллина С. В. Образовательные услуги: общие понятия (Educational services: general concepts) // Интернет-журнал «Науковедение». — 2013. — № 2 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://naukovedenie.ru/PDF/50evn213.pdf> (дата обращения: 18.03.2015).

- качество объекта получения образовательных услуг;
- качество субъекта предоставления образовательных услуг;
- качество процесса предоставления образовательных услуг;
- степень удовлетворенности потребителей.

В резолюции съезда европейских ректоров вузов (г. Саламанка, 29–30 марта 2001 г.) качество определено как «краеугольный камень», «основополагающее условие» доверия, релевантности, мобильности, совместимости и привлекательности. Ректоры подтвердили свои намерения добиваться взаимно признаваемых механизмов оценки, контроля и сертификации качества. Это предполагает ряд условий.

Первое: выработка совместимых систем контроля, ориентированных на пороговые стандарты высшего образования, которые устанавливают требования к уровню подготовки выпускников (результаты), но не временные и содержательные параметры процесса. Иными словами, в пороговых стандартах, как нормах качества высшего образования, должно произойти смещение акцентов с количественно-затратных показателей на показатели результата: компетентность, обученность, знания. Нетрудно видеть, что уже с точки зрения этого условия отечественная высшая школа рискует оказаться на периферии общеевропейского процесса, если государственные образовательные стандарты устойчиво будут придерживаться концептуальной установки на нормирование содержания образования, его продолжительности и условий организации образовательного процесса.

Второе: создание систем независимого оценивания, которое может привести к европейским знакам качества для широких предметных областей высшего образования (контроль качества без национальных границ). Здесь, скорее всего, окажется привлекательным путь формирования таких аккредитационных структур, которые будут независимыми от государственных и общеевропейских органов власти. Особая роль отводится существующим и будущим общеевропейским сетям по предметам (профилям, специальностям, направлениям подготовки). Предполагается, что эти аккредитационные структуры станут устанавливать минимальные стандарты для отдельных дисциплин или их совокупностей, а также инициировать процедуры измерения скорее на уровне отдельных образовательных программ (предметов), нежели на уровне высших учебных заведений. Им будет дано право присуждать Знаки качества, основанные на европейских стандартах, не искаженных национальными табелями о рангах (*national league tables*).

Третье: координирование подходов к стандартам качества транснационального образования (франчайзинг, оффшорные структуры; кампусы и их сети; частно-тренинговые компании; твиннинг; провайдерные университеты и агентства; виртуальные университеты и т. д.). Транснациональное образование стремительными темпами охватывает Европу. Не за горами его интенсивное распространение и в России в связи с предполагаемым под-

писанием Генерального соглашения о торговле услугами (*GATS — General Agreement on Trade Services*).

В условиях нарастающего предложения образовательных услуг сетью провайдеров транснационального образования крайне актуальной становится проблема качества поставляемого ими образования. Следует заметить, что зачастую соответствующие аккредитационные органы стран, где «прописаны» те или иные организации-поставщики, не заботятся о качестве экспортируемого образования, а сами поставщики не проявляют должного ответственного отношения к стандартам качества образовательных услуг.

Уже сейчас Европа готовит себя к тому, чтобы выработать критерии легитимизации транснационального образования, коллективными усилиями найти меры по предотвращению открытия в европейских государствах транснациональных «фабрик дипломов». В рамках Совета Европы и *CEPES (UNESCO)* были организованы две рабочие группы: одна опубликовала рекомендации по международным квалификациям (*international access qualification*); другая решает вопросы, связанные с транснациональным образованием. Характерной является тенденция к созданию новых систем и процедур контроля качества высшего образования. Она проявляется через многообразие их моделей. В одних случаях организуются единые системы оценивания для всех секторов высшего образования (университетского и неуниверситетского уровней). В других — предпочтение отдается специализированным органам оценивания для каждой предметной области (профессии, образовательной программы). Но главными их чертами остаются: независимый характер оценивания; непреложность послеаккредитационных последствий при решении вопросов о выделении государственных субсидий (принцип управления и финансирования «по результатам»).

Аккредитация — явление новое в европейской образовательной культуре. Впечатляет интенсивность процесса формирования аккредитационных органов в Европе. Только за последние годы структуры оценивания на национальном уровне возникли в 11 странах. К основным позитивным сдвигам, достигнутым в рамках Болонского процесса, относится создание Европейской сети агентств качества высшего образования (*ENQA*) 2000 г. на основе рекомендаций Совета министров образования стран Евросоюза. Сеть свободна для присоединения других государств. От нее ждут заметного вклада в части обеспечения качества в европейском образовательном пространстве.

Существует единодушное мнение, что Европа не должна создавать единый орган по контролю качества, который бы обеспечивал соблюдение некой совокупности критериев. Ранжирование и единообразие процедур не является ни желательным, ни необходимым. Децентрализованный подход, предложенный Германией (Аккредитационный совет ФРГ, как правило, непосредственно не аккредитует программы, но дает разрешение аккредитовать их

региональным или предметным агентствам — модель так называемой метааккредитации), может стать вдохновляющей идеей для будущей архитектуры контроля качества, которая учитывала бы разницу систем и предметов и не была бы бременем университетов. Понятия европейской «платформы» или «центра анализа и синтеза информации», основанные на критериях, которым должны соответствовать органы контроля качества/аккредитации, а также на взаимном признании заключений этих органов, — это возможный путь к будущему европейского пространства высшего образования.

В теории управления качеством услуга должна быть направлена на конкретного потребителя. С целью максимального удовлетворения образовательных потребностей вузы должны установить ожидаемые и предположить неожиданные потребности конкретных потребителей. Исходя из этого, под образовательной услугой понимается вид деятельности, направленный на удовлетворение ожидаемых и неожиданных образовательных потребностей конкретных потребителей.

Деятельность любого образовательного учреждения — это, в первую очередь, процесс предоставления образовательной услуги. Качество образовательной услуги — совокупность свойств и характеристик образовательного процесса, которая придает ему способность удовлетворять ожидаемые и неожиданные образовательные потребности конкретных потребителей.

Система управления качеством образовательных услуг — совокупности структуры, методик, процессов и ресурсов, необходимых для удовлетворения установленных и ожидаемых образовательных потребностей конкретных потребителей посредством планирования, управления, обеспечения и улучшения качества образовательного процесса. Система управления качеством вуза должна быть направлена на процесс предоставления образовательных услуг, качество которого и определяет потенциальную возможность учебного заведения предоставлять услугу, отвечающую требованиям ее потребителей (табл. 49).

Для оценки качества содержания образования были использованы такие параметры как «связь получаемых знаний с жизнью и реальной работой по профессии», оценивалась прикладная составляющая получаемых знаний. При этом вне поля зрения нашего исследования осталась серьезная, но во многом перспективная проблема — чрезмерная специализация современных университетов: «Знание, будучи разделенным на отдельные предметы и дисциплины, приводит к искусственному разделению отдельных подходов к знанию. В результате университеты выпускают инженеров, не представляющих себе социальных последствий своей работы, врачей, не знакомых с психологией человека — лечение таких врачей зачастую вызывает психосоматические заболевания. Что касается экономистов, то позволяет ли уровень их подготовки понять, что их деятельность не является нейтральной, а влияет на положение общества в целом?

Таблица 49

Составляющие качества образовательной услуги

Образовательные услуги				
Наименование	1. Качество объекта получения образовательных услуг (абитуриент, студент, аспирант, слушатели подготовительных курсов, слушатели курсов повышения квалификации и т. п.)	2. Качество субъекта предоставления образовательных услуг (школа, средне-специальное учебное заведение, вуз), в том числе:	3. Качество процесса предоставления образовательных услуг, в том числе:	4. Степень удовлетворенности потребителей.
Содержание (составляющие)	—	2.1. Качество программ обучения (структура и содержание). 2.2. Качество профессорско-преподавательского состава (квалификация, звание, ученая степень, уровень подготовки). 2.3. Качество методов обучения и воспитания (методика и технология преподавания). 2.4. Качество ресурсного обеспечения процесса предоставления услуг: материально-технического (учебные аудитории и лаборатории, оборудование, расходные материалы); информационно-методического (учебная литература, пособия, сборники задач, макеты, тренажеры и т. п.); 2.5. Качество научных исследований	3.1. Качество организации и реализации применяемых технологий предоставления образовательных услуг (форма и содержание образовательных процессов, мотивационные факторы). 3.2. Качество контроля за процессом предоставления образовательных услуг. 3.3. Качество результата процесса предоставления образовательных услуг (соответствие уровня знаний студентов и выпускников требованиям государственного образовательного стандарта специальностей)	4.1. Высокая удовлетворенность потребителей (учащиеся, работодатели и др.) качеством образовательных услуг. 4.2. Высокая удовлетворенность преподавателей и сотрудников образовательного учреждения своей работой. 4.3. Высокая степень образованности членов общества

«Необходима новая модель подготовки, которая позволит развивать человеческие качества и этику»¹. Не отрицая важности обозначенной проблемы, мы посчитали неправомерным выяснять у студентов, которых звали поступать профильные институты и которые обучаются именно в таких институтах, их мнение о профильности, профессиональной специализации вузов.

Оценки качества процесса образования опирались на мнения студентов о таких факторах:

- недостатки в организации учебного процесса (расписание занятий, сессий);
- слишком большая перегрузка, трудно вовремя выполнять все задания;
- индивидуальная работа преподавателей со студентами;
- преобладание традиционных/нетрадиционных форм обучения;
- качество преподавания дисциплин;
- техническая база обучения;
- необъективное отношение преподавателей.

На наш взгляд, оценку процесса обучения можно дифференцировать, в свою очередь, по таким параметрам:

- оценка условий обучения (обеспеченность учебниками и учебно-методической литературой; санитарно-гигиенические условия для занятий; организация питания, его стоимость, качество; техническая база обучения);
- организация учебного процесса (расписание занятий, сессий; перегрузка);
- стиль обучения, межличностные взаимоотношения преподавателей и студентов (традиционные/нетрадиционные формы обучения; возможность индивидуальной работы со студентами; качество преподавания; необъективное отношение преподавателей).

Процессуальная характеристика образовательного процесса получилась самой развернутой, и это не случайно. Студенты III курса могут достаточно квалифицированно оценить именно эту сторону образовательного процесса. Оценки качества результатов образования студентов замерялись через объективные показатели — уровень востребованности будущего специалиста на рынке труда.

Анализ суждений студентов об их удовлетворенности/неудовлетворенности качеством образования опирался на дифференцированный подход к качеству образования, выделение качества содержания, процесса и результата образования. Данная методика дала возможность сравнить результаты, полученные нами и другими исследователями².

¹ Раймундо Хосе. Высшее образование в Латинской Америке // Высшее образование в Европе. 2003. — № 1. — С. 27.

² Шуклина Е. А. Качество негосударственного образования в оценках студентов вуза // Социология в российской провинции: тенденции и перспективы развития. — Екатеринбург, 2003. — Ч. 2. — С. 94–99.

Поворот на перспективу существенно меняет и представление о качестве высшего образования, выводя вопрос о критериях оценки этого качества за рамки вуза — в сферу будущей производственной деятельности выпускника, принимая (с большим трудом и не всегда охотно для работников вузов) приоритетность такой оценки со стороны работодателя. Передовые, продвинутые вузы и раньше не теряли связи со своими выпускниками, интересовались их жизненными успехами, в том числе и тем, насколько имгодились выработанные в процессе участия в студенческом самоуправлении лидерские, управленческие, организаторские качества. Но именно интересовались — это было своеобразной «информацией к размышлению». Сегодня все чаще такая информация становится определяющей в оценке качества выпускника вуза. Однако нужно прислушаться к предостережению А. Б. Курлова, изучавшего социальные проблемы технического вуза в новых условиях: «отсутствие интегрального критерия конечного показателя качества, который должен определяться уровнем профессиональной отдачи молодого специалиста, не дает возможности установить корреляционные связи характеристик элементов системы подготовки с конечным ее результатом... В случае же когда оценка качества поручается предприятиям, использующим молодых специалистов, то здесь, как правило, обнаруживается рассогласованность критериев в оценках широкого ряда характеристик выпускника между вузом и экспертами со стороны производства, что исключает конструктивное использование результатов оценки для совершенствования процесса подготовки»¹.

Отношение студентов к знаниям вырабатывалось в 1990-е гг. в условиях возрождения нецивилизованных рыночных форм экономики и фактически прерванного перехода к всеобщему среднему образованию. Коммерциализация образования позволила системе высшего образования более оперативно реагировать на запросы рыночной экономики в квалифицированных специалистах, полнее удовлетворять потребности молодежи, но и снизила доступность культуры, профессиональных знаний для большинства молодых людей (особенно из малоимущих слоев населения), желающих стать квалифицированными специалистами. Значительное сокращение расходов на образование привело к нашему отставанию от развитых стран мира в сроках подготовки кадров. В период внедрения рыночных отношений не только упал престиж знаний (которые далеко не всегда способны гарантировать получение соответствующей работы), но и значительно уменьшилась нравственная результативность процесса высшего образования. Это во многом было связано с отсутствием целеполагающих приоритетов развития лично-

¹ Курлов А. Б. Технический вуз: социальные проблемы развития в новых условиях. — Уфа: УГАТУ, 1995. — С. 8–9. К сожалению, ситуация за прошедшие годы мало изменилась к лучшему. Более того, работодатели (в основной массе — специалисты) долгое время (а некоторые и до сих пор) негативно относились к бакалаврам.

сти и обусловлено неопределенностью ценностных ориентаций всего общества, неразработанностью программы преобразования России на ближнюю и дальнюю перспективу.

Удовлетворенность (неудовлетворенность) образованием — феномен многоплановый. Для учащейся молодежи эта оценка актуальна и во многом взаимосвязана с выбором профессии и соответствующих образовательных стратегий¹ и траекторий (особенно для учащихся общеобразовательных школ, хотя сегодня этот выбор все чаще вновь и вновь осуществляется и на последующих этапах жизненного пути), освоением выбранной профессии (для студентов средних и высших образовательных организаций), готовностью работать по данной профессии или возникающим (у достаточно многих) стремлением выбрать и освоить другую профессию. У работающей молодежи акценты смещаются в сторону оценки достаточности (недостаточности) полученного образования для их нынешней профессиональной деятельности, формирования готовности углубить и обновить свои профессиональные знания или стремления сменить профессию.

Конечно, все эти оценки во многом обусловлены и процессами в сфере образования. Внедрение двухуровневой системы высшего профессионального образования, в частности, ставит перед бакалаврами вопрос: продолжать им профессиональное образование в магистратуре или ограничиться бакалавриатом; насколько — во втором случае — они будут востребованы на рынке труда? В российском социуме идеи «общества знания», смены образовательной парадигмы (от «научить чему-то» к «научить учиться») и непрерывного образования, «образования в течение всей жизни» (LLL — Life Long Learning) еще не стали реальными ориентирами образовательных реформ и воспринимаются в общественном сознании (в том числе — в молодежном сознании) достаточно неоднозначно, по крайней мере, не очень влияют на реальные образовательные стратегии большинства молодых людей.

Сказывалась и инерция в оценках. Даже в начале 2000-х гг. сохранялось мнение о сравнительно высоком качестве российского высшего образования (рис. 73).

Поэтому слепое следование зарубежным образцам в процессе «болонизации» высшей школы России вызывало довольно длительное время неприятие не только у значительной части научно-образовательного сообщества, но и населения (в том числе — выпускников школ, студентов, их родителей). Но ни первые, ни тем более вторые в широкое обсуждение этой важнейшей — не столько образовательной, сколько социальной — проблемы вовлечены не были.

¹ Ориентиром в анализе динамики образовательных стратегий молодежи могут выступать многолетние исследования наших коллег-социологов ИС РАН (См.: Новые смыслы в образовательных стратегиях молодежи: 50 лет исследования/Д.Л. Константиновский [и др.]. — М.: ЦСПиМ, 2015. — 232 с.)

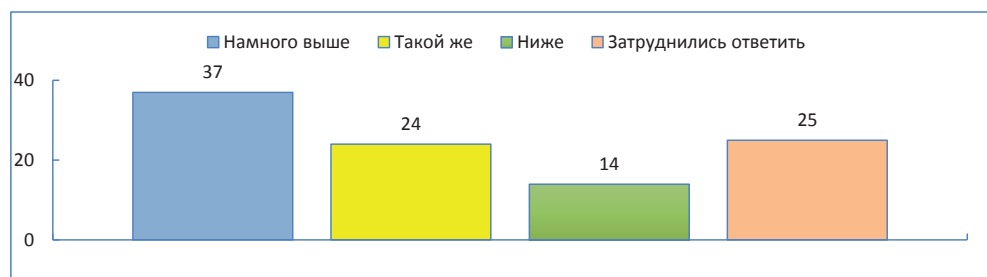

Рис. 73. Уровень знаний выпускников российских вузов по сравнению с выпускниками западноевропейских вузов (Аналитический центр Ю. Левады)¹

Однако российская система высшего образования после включения в Болонский процесс продемонстрировала свою устойчивость. В учебный процесс стал широко внедряться компетентностный подход, что серьезно изменило и учебный процесс, и трактовки качества образования.

Проект TUNING «Совершенствование образовательных структур» исходил из того, что компетенции включают:

- «знания и понимание» (теоретические знания академической области, способность знать и понимать);
- «знания как действовать» (практическое и оперативное применение знаний в конкретных ситуациях);
- «знания как быть» (ценности, являющиеся неотъемлемой частью восприятия и жизни с другими людьми в социальном контексте)².

В известном смысле, если перефразировать Э. Фромма, философская интерпретация квалификационно-ориентированного образования: личность готовится к типу жизнедеятельности «тебя живут». Компетентностный подход нацелен на другой тип жизнедеятельности — «я живу». Квалификация означает преобладание рамочной деятельности в устойчивых профессиональных полях и алгоритмах. Компетенции удовлетворяют требованиям «плавающих» профессиональных границ, динамике профессий, их глобализации, разрушению профессиональных замкнутостей (еще раз повторимся — это не исключает требования высокого профессионализма в конкретных предметных областях)³.

Соотношение компетентностной и традиционной ориентаций профессионального образования может быть представлено в следующем виде (табл. 50).

¹ Аргументы и факты. — 2004. — № 14.

² Болонский процесс: середина пути / под науч. ред. В. И. Байденко. — М. : Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов; Российский Новый Университет, 2005. — С. 11.

³ Там же. — С. 20.

Таблица 50

Сравнение традиционной и компетентностной ориентаций профессионального образования¹

№ п/п	Компетентностная ориентация	№ п/п	Традиционная ориентация
1	1. Проектирование результата (цели, задачи, релевантные критерии оценок; измеряемость; устойчивость)	1	1. Вариативность (глубина темы)
		2	2. Результаты различных обучающихся (их групп)
2	2. Вариативность длительности (гибкие требования для каждого; учет индивидуального «ритма»)	3	3. Заданность длительности (независимо от индивидуальной «размерности учебного шага»)
3	3. Оценка, соответствующая критериям	4	4. Оценка, соответствующая норме
4	4. Измерение, базирующиеся на заданном стандарте при однозначных критериях	5	5. Оценка знаний, но не возможностей и достижений
		6	6. Знания, нормированные в форме процентных «заданностей» или ступеней

Качество преподавания выступает как самый общий, интегративный показатель. Одновременно можно выделить и ряд конкретизирующих индикаторов. Таковыми в нашем исследовании являются:

- соотнесение традиционных и инновационных методов обучения;
- содержательные характеристики (связь с жизнью, с будущей профессиональной деятельностью, привлечение специалистов к проведению занятий);
- обеспечение нормальных условий для занятий (санитарно-гигиенические условия, степень комфортности, удобства учебной мебели, аудиторий и лабораторий, организация питания);
- организация учебного процесса (расписание занятий, сессий, организация практик);
- взаимоотношения преподавателей и студентов (отношение преподавателей к студентам, индивидуальная работа преподавателей со студентами, привлечение студентов в научно-исследовательскую работу);
- информационное обеспечение (традиционное — учебники и учебно-методическая литература; возможности для студентов использования интернета в вузе, использование современных информационных технологий);

¹ Berufliche Kompetenzentwicklung. Bulletin. Berlin. 1999 August. № 4. Цит. по: Болонский процесс: середина пути / под науч. ред. В. И. Байденко. — М. : Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов; Российский Новый Университет, 2005. — 379 с. — С. 21.

- техническая база (материально-техническая оснащенность лабораторий и аудиторий).

Исходя из этого, студентам задавались вопросы об отношении к ним преподавателей, об их удовлетворенности качеством образования, технической базой и организацией учебного процесса (расписанием занятий, сессий и т. д.) в целом, организацией учебных и производственных практик; режимом учебного труда и отдыха, равномерностью распределения учебной нагрузки, санитарно-гигиеническими условиями ведения учебной деятельности, обеспечением студентов питанием во время учебы, наконец, степенью комфортности мебели и аудиторий. С целью выявления эффективности проводимых мероприятий студентам был задан прямой вопрос — повысилось ли качество образования в целом?

Прежде, чем приступить к анализу данных нашего мониторинга об оценке студентами качества обучения в динамике, приведем мнение социологов об интерпретации подобных оценок. «Проанализировав ряд исследований, в которых анализировалось мнение студентов по тем или иным вопросам высшего образования, — отмечают И. М. Ильинский и Вал. А. Луков: «Мы пришли к выводу, что интерпретация мнений студентов как экспертных оценок должна проводиться по достаточно ограниченному кругу вопросов, за пределами которого мнения студентов хоть и представляют определенный исследовательский интерес, но не проясняют существа дела (что является требованием к опросам экспертов). Так, студенты не должны рассматриваться как эксперты в оценке качества образования в аспекте его содержания, такое исследование не может заменить анализ образовательных программ, уровня преподавания, качественного состава ППС и других аспектов, необходимых для оценки и самооценки вуза. Однако путем анализа латентных факторов, определяющих настроения в студенческой среде, особенностей идентификации студентов с вузом и т. д. есть возможность выявить определенные резервы вузов в достижении их основных целей»¹. При принципиальном согласии с этим мнением не хотели бы, чтобы наш анализ мнений свердловских студентов воспринимался расширительно (как «экспертный» опрос), особенно при сравнении оценок студентов разных вузов. Скорее это — «информация к размышлению».

Качество высшего образования в значительной степени определяется качеством довузовской подготовки абитуриента и студента. В сферу внимания авторского коллектива эта проблема вошла лишь с появлением принципиально нового инструмента итоговой оценки знаний выпускников полной средней школы — Единого государственного экзамена (ЕГЭ). Среди аргу-

¹ Ильинский И. М., Луков В. А. Московский вуз глазами студентов: по материалам опроса студентов государственных и негосударственных вузов Москвы, март-апрель 2004 г. — М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2005. — 64 с. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://refdb.ru/look/1073079.html> (дата обращения: 30.04.2015).

ментации в пользу введения ЕГЭ высказывалось мнение, что это серьезно повысит объективность оценки знаний и тем самым обеспечит больше возможностей для выравнивания шансов при поступлении в вуз. Однако реалии оказались отдаленными от первоначальных замыслов.

Еще одним аргументом, обосновывающим необходимость включения в программу исследования вопросов о результатах ЕГЭ на VI и VII этапах мониторинга, стал тот факт, что с этого времени студенты поступали в вуз исключительно по результатам Единого государственного экзамена. Это определило новую исследовательскую задачу: выявить, как этот механизм повлиял на профессиональные и жизненные планы абитуриентов. Соответственно была зафиксирована дифференцированность студентов по результатам ЕГЭ. Отметим, что в задачи авторского коллектива не входила оценка эффективности системы ЕГЭ как инструмента контроля знаний.

Очевидно, что уже «на входе в вуз» ЕГЭ «разделил» всех студентов на 4 неравные группы (рис. 74).

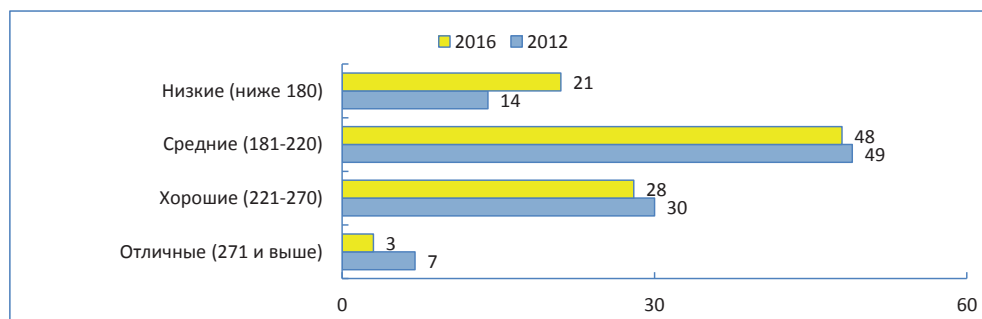

Рис. 74. Самооценки студентами своих баллов по ЕГЭ

Заметно, что группа лидеров с самыми высокими баллами сразу оказалась наиболее малочисленной. Поступивших с невысоким и откровенно низким баллом в 2012 г. оказалось в два раза больше, чем «отличников». К 2016 году доля отличников еще и сократилась почти вдвое. Наоборот, существенно — в 1,5 раза — выросла группа с очень низкими результатами ЕГЭ.

Структурно особых различий между двумя этапами мониторинга не зафиксировано, но по ряду параметров они проявились. Исследования 2012 года показали, что среди студентов, поступивших с отличными результатами ЕГЭ, выпускников гимназий и спецклассов было в 2,5 раза больше, чем выпускников общеобразовательных школ. Среди имевших хорошие баллы разрыв меньший: их было больше в 1,2 раза. По другим параметрам (по полу, месту проживания до поступления в вуз) особых различий выявлено не было. Особенным было то обстоятельство, что среди абитуриентов из средних и малых городов доля имеющих отличные и хорошие бал-

лы оказалась чуть большей, чем у абитуриентов из крупных городов (кроме Екатеринбурга).

2016 год показал существенные гендерные различия: девушки-абитуриентки оказались подготовленными лучше (точнее — у них более высокие баллы: среди отличников их в 1,5 раза больше, среди «хорошистов» — в 1,9 раза). Как и в 2012 г., более высокие баллы зафиксированы в группах естественно-научных и гуманитарных направлений (табл. 51).

Таблица 51

**Оценки результатов ЕГЭ в зависимости от направления подготовки,
2016 г., % от группы**

Результаты ЕГЭ	Гуманитар- ный	Социально-эко- номический	Естественно- научный	Технический
Отличные	4	2	6	2
Хорошие	31	28	46	21
Средние	48	50	34	51
Низкие	17	20	14	28

Примечание. Пропуски: 122 из 1827 (6,7 %). Коэффициент Крамера [0 ...1]: 0,118. Вероятность ошибки (значимость): 0,000.

В 2012 г. среди контрактников в государственных вузах студентов с низкими баллами было в полтора раза больше, чем среди бюджетников. Это в принципе понятно, хотя исследование выявило и отсутствие каких-то отличий бюджетников по баллам ЕГЭ от студентов негосударственных вузов. В 2016 г. эти различия оказались очень большими:

- «Отличники» практически все обучаются на бюджете (5 %), среди контрактников в государственных вузах их менее 1 % (видимо, среди студентов наиболее престижных специальностей), а в частных вузах контрактников среди респондентов не было. Хотя ряд негосударственных вузов (в частности, ГУ) абитуриентам с высокими баллами предоставляют различные не только скидки, но и бюджетные места. Впрочем, эта практика мало распространена.
- Особенно велик разрыв по «хорошистам»: их доля среди бюджетников почти вдвое выше, чем у контрактников государственных вузов и почти втрое, чем у студентов негосударственных вузов.
- Группа «средних» баллов во всех трех анализируемых типах представлена практически равномерно, с превышением доли в контрактных формах.

Основная причина — резкое снижение среднего балла у абитуриентов, поступавших в негосударственные вузы, в то время как в государственных вузах политика на повышение качества образования выразилась в том числе и через повышение проходного балла.

Уже по итогам 2012 года исследователи обозначили серьезную проблему: стратегия «середнячка» в дальнейшем может определять жизненные планы студентов, не способствующие повышению их интереса ни к учебе, ни к будущей профессии в целом. На этапе 2016 года можно говорить об обострении проблемы мотивации к качественной учебе и — в дальнейшем — и профессиональной деятельности, о чем речь пойдет в соответствующем разделе.

Весьма важно показать различия между разными вузами — участниками мониторинга по этому показателю (рис. 75–78). Конечно, каждый из вузов по итогам приемной кампании сразу же имеет возможность проанализировать ее результаты. Но субъективное мнение студентов, на наш взгляд, поможет скорректировать эти выводы.

Анализ приведенных данных ставит больше вопросов, чем дает ответов. Казалось бы, престижность вуза в глазах студентов легко определяется при сравнении количества студентов с отличными и хорошими баллами, выбравшими то или иное учебное заведение.

И уже тут возникают вопросы. Так, у архитекторов, медиков и юристов отбор в вуз был традиционно жестким и конкурсная ситуация напряженной.

Выделим ситуацию VII этапа мониторинга.

Группа «отличников» более всего представлена студентами УрГЮУ, УрГАХУ и УГАУ.

Группа «хорошистов» представлена студентами УрГАХУ, УрГЭУ, УИУ РАНХиГС и УГМУ более значимо.

В группе со средними баллами это УрГППУ, УГГУ, УрГУПС.

Наконец, в группе с низкими баллами безусловное лидерство занял УГТУ, выше среднего — в негосударственных вузах, УГГУ и УрГУПС.

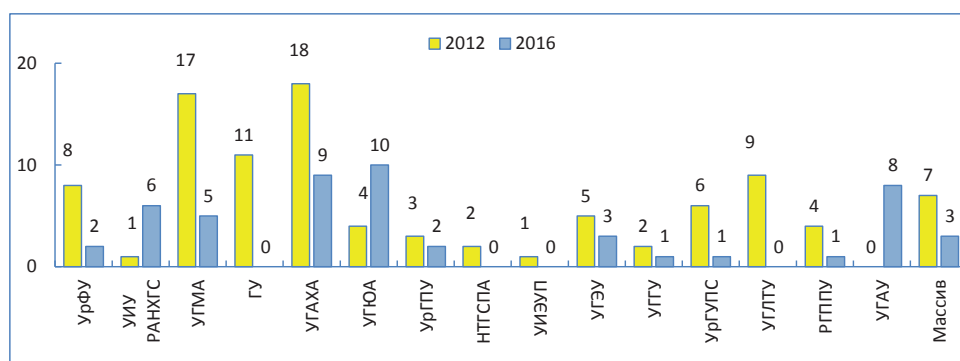

Рис. 75. Студенты, имевшие при поступлении в вуз отличные баллы по ЕГЭ, 2012–2016 гг., по вузам, % от группы

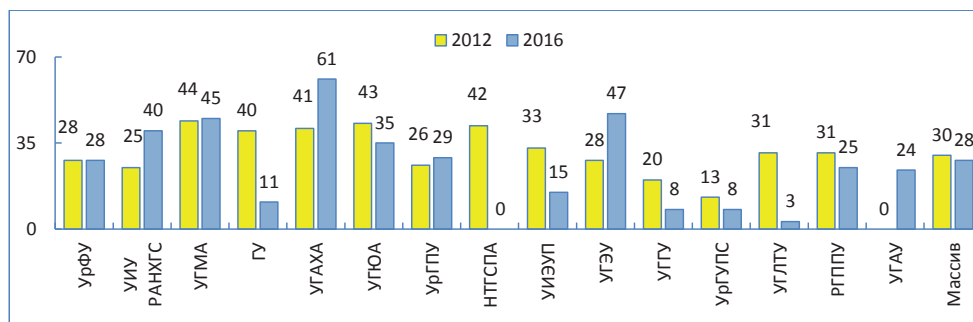

Рис. 76. Студенты, имевшие при поступлении в вуз хорошие баллы по ЕГЭ, 2012–2016 гг., по вузам, % от группы

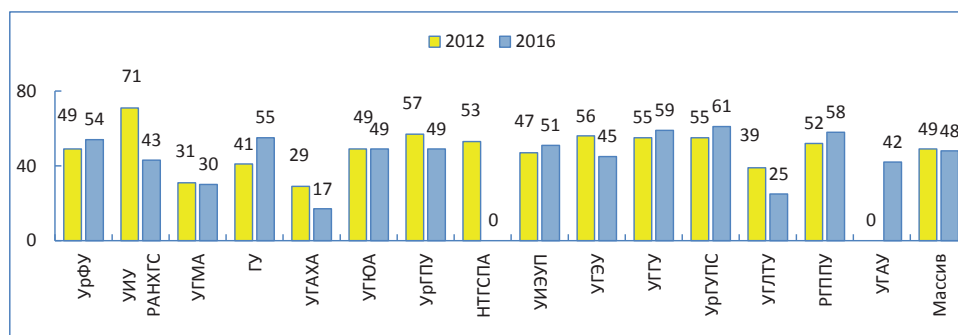

Рис. 77. Студенты, имевшие при поступлении в вуз средние баллы по ЕГЭ, 2012–2016 гг., по вузам, % от группы

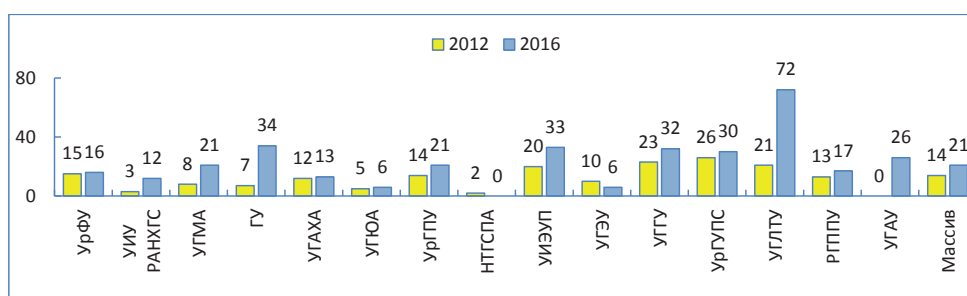

Рис. 78. Студенты, имевшие при поступлении в вуз низкие баллы по ЕГЭ, 2012–2016 гг., по вузам, % от группы

Наиболее доступными для абитуриентов с низким проходным баллом и в 2012 г., (для каждого четвертого — пятого), и в 2016 г. оказались УГЛУ, УрГУПС и УГЛУ. Вполне возможно, что здесь сказываются самые разнообразные факторы: от произошедшего в последние годы снижения прести-

жа инженерных специальностей до широкого распространения разнообразных форм целевого набора на эти специальности и внедрения (особенно в УГГУ) системы непрерывной подготовки кадров. Этими факторами, вероятно, объясняется и тот факт, что УрФУ (как объединение технического и классического университетов) по-прежнему по всем параметрам оказывается на среднем уровне.

Немаловажным аспектом, связанным с проблемами качества образования и, вместе с тем, дифференциации студенчества, выступает проблема оценки качества учебного труда. Эти проблемы в рамках мониторинга самостоятельно не рассматривались. И тем важнее использовать материалы федерального исследования Российского общества социологов (РОС), совпавшего по времени и объекту исследования с VII этапом мониторинга¹.

На наш взгляд, наиболее полно проблема образовательного неравенства исследована профессором Д. Л. Константиновским, который, изучая жизненные планы российской молодежи и их реализацию в сфере образования, выделил три базовых блока, позволяющих анализировать стратификацию в образовательных общностях². Это:

- привлекательность профессии, базирующаяся на ценностных ориентациях и объясняющая профессиональный выбор молодого человека, его место в образовательной системе и — далее — в реальном секторе экономики;
- личные планы, выстраивающиеся на основе учета объективных и субъективных факторов, конкретизирующие профессиональные предпочтения;
- наконец, шансы «на реализацию возможностей, предоставляемых обществом»³.

Таким образом, если собственно освоение профессиональных знаний и ценностей — объединяющий признак для студенчества, то результат этой деятельности выступает как основной дифференцирующий фактор.

Обратим внимание еще на один аспект дифференциации студенчества, непосредственно вытекающий из ценностных ориентаций и влияющий на формы, характер и уровень освоения профессиональных компетенций. Это исследованная А. В. Соколовым интеллектуально-нравственная дифференциация, основывающаяся на соотношении положительных и отрицатель-

¹ См.: Особенности представлений свердловских студентов о социальном неравенстве и социальной справедливости / Ю. Р. Вишневский [и др.] // Студенчество России о социальном неравенстве и социальной справедливости: сборник научных статей / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. — Москва: Российское общество социологов; Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2016. — С. 121–176.

² Константиновский Д. Л. Неравенство и образование. Опыт социологических исследований жизненного старта российской молодежи (1960-е годы — начало 2000-х). — Москва: ЦСП, 2008. С. 25–29.

³ Там же. — С. 28.

ных черт характера¹. Изучая студентов как будущую интеллектуальную элиту, он в качестве интегрирующей характеристики обозначил образованность и креативность, дифференцирующей — этическим самоопределением. В результате автор делит общность на интеллигентов (характеризующимся альтруистической направленностью, отказом от насилия и благоговением перед культурой) и интеллектуалов (в противовес первым, ориентированным на эгоистические установки, допустимость насилия и утилитарное потребление культуры). Очевидно, что у этих типов студентов по-разному будет проходить как выбор профессии, так и способ (а следовательно, и качество) ее освоения — кто-то будет «вымаливать пятерку», а кто-то «до последнего грызть гранит науки».

Очевидно, что интеллектуальная элитарность студенчества — свойство, детерминированное самой образовательной системой, в студенты попадают лишь прошедшие достаточно жесткий отбор. И студенты Свердловской области в этом отношении почти не отличаются от своих «коллег по скамье» (рис. 79): число аутсайдеров не превышает 20 %.

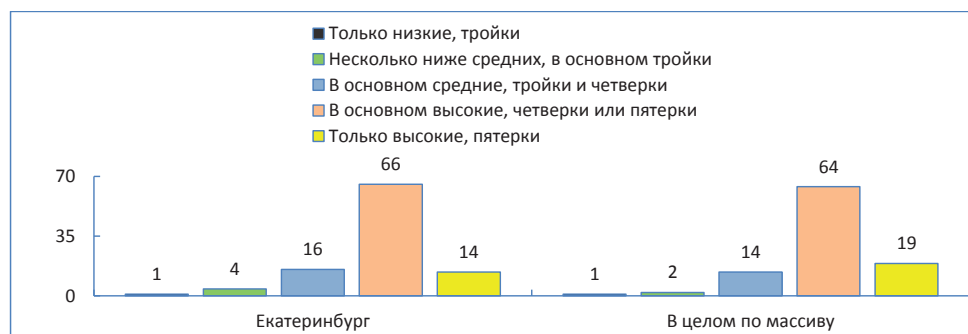

Рис. 79. Каких оценок/баллов было больше, а каких меньше в школьном аттестате? (% от числа ответивших; пропуски 0,23 %)

В ответах на данный вопрос проявились сильные гендерные различия (табл. 52).

Таблица 52

Каких оценок/баллов было больше, а каких меньше в школьном аттестате?
(распределение по полу, % по группе)

Варианты ответов	Муж.	Жен.
Только низкие, тройки	3	0
Несколько ниже средних, в основном тройки	10	1

¹ Соколов А. В. Интеллектуально-нравственная дифференциация современного студенчества / А. В. Соколов // Социологические исследования. — 2005. — № 9. — С. 92–95.

Окончание табл. 52

Варианты ответов	Муж.	Жен.
В основном средние, тройки и четверки	27	13
В основном высокие, четверки или пятерки	54	74
Только высокие, пятерки	6	12

Заметен резкий перекося у юношей в пользу преобладания в итоговом школьном аттестате троек, троек и четверок (одних троек у девушек вообще нет; наличие в основном троек они отмечают почти в 7 раз реже; получение аттестата, где пополам троек и четверок, признали каждый четвертый юноша и вдвое меньше девушек). У девушек аналогичный перекося проявляется в отношении аттестатов с четверками, пятерками (в 1,5 раза чаще, чем у юношей) и только с пятерками (в 2 раза чаще). Отмеченные перекося вряд ли отражают предвзятость (несправедливость) отношения педагогов к юношам, на что социологи обращали внимание при формулировке вопроса о справедливости оценок. Скорее речь идет о большей ориентации девушек на продолжение образования в вузе (одно из проявлений феминизации высшего образования), их большем прилежании в учебе и большем стремлении к получению высоких результатов ЕГЭ.

При этом студенты признают относительно высокую степень объективности таких оценок (рис. 80).

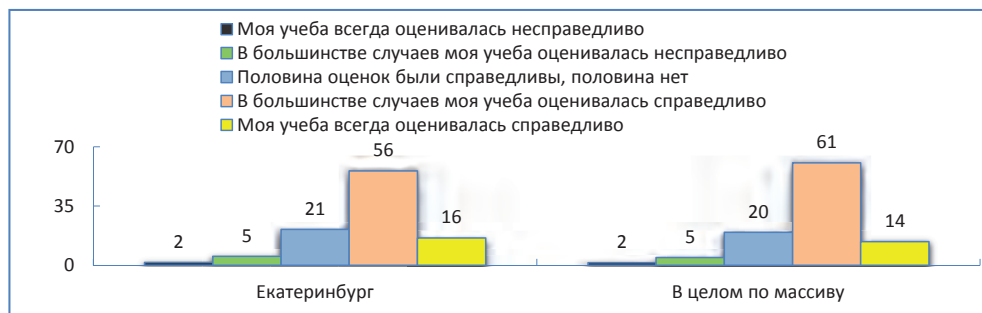

Рис. 80. «В школах бывают разные ситуации, на мнение учителя часто влияют не только успехи ученика, но и личные симпатии или антипатии».

Как часто школьные учителя были к вам справедливы или несправедливы, выставляя отметки, в % от числа ответивших; пропуски — 0,33 %.

С субъективным отношением к себе, выразившимся в несправедливых оценках, столкнулись не более четверти респондентов и 5 % — в среднем по России (в Екатеринбурге — 6 % столкнулись с проблемой справедливости оценки их знаний).

Но и по этому вопросу различия по полу в мнениях студентов вузов Екатеринбурга достаточно значимы: юноши несколько чаще отмечают несправедливость в оценке их учебы («всегда оценивалась несправедливо» — 4 %, у девушек — 1 %; «половина оценок были справедливы, половина нет» — 25 %; у девушек — 19 %). Напротив, они реже (каждый второй; у девушек — три из каждых пяти) считают, что в большинстве случаев их учеба оценивалась справедливо.

Опрос студентов Екатеринбурга, как и федеральное исследование РОС о социальном неравенстве не выявляли уровень успеваемости студентов в вузе. Однако мы в этом случае можем опереться на данные федерального исследования 2013 г., проведенное под руководством Д.Л. Константиновского (рис. 81)¹.

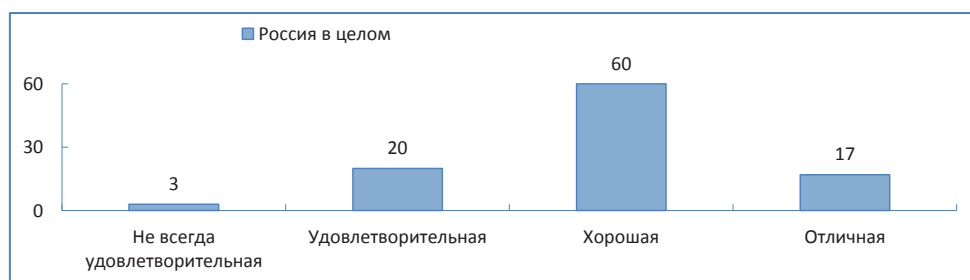

Рис. 81. Оценка студентами успеваемости в вузе, %

Несмотря на разницу в выборке и во времени проведения опроса, общая тенденция сохраняется — группы «троечников», «хорошистов» и «отличников» «перетекли» из общеобразовательной школы в вуз. Характерно, что в вузе, как и в школе, сохранилась вполне объективная (фактически копия школьной), по мнению респондентов, система оценок их знаний (рис. 82).

В результате мы имеем возможность дать общие прогностические оценки качества будущих профессионалов уже на стадии завершения общего образования. На сегодня «отлично обученным» окажется менее чем каждый пятый студент, «хорошо» — каждые трое из пяти, около четверти — мало кого из работодателей удовлетворяющие «троечники».

Соглашаясь с мнением В. Н. Шубкина о сложности, вернее — практической невозможности «установить конкретные, строго отдифференцированные, мотивы, которыми руководствуются люди, рассматривая привлекательность той или иной профессии»², отметим, что и в условиях Единого

¹ Константиновский Д. Л., Вознесенская Е. Д., Чередниченко Г. А. Молодежь России на рубеже XX–XXI веков: образование, труд, социальное самочувствие. — М. : ЦСП и М, 2014. — С. 496.

² Шубкин В. Н. Социологические опыты: методологические вопросы социальных исследований. — М. : Мысль, 1970. — С. 160.

государственного экзамена аттестат по-прежнему является дифференцирующим фактором.

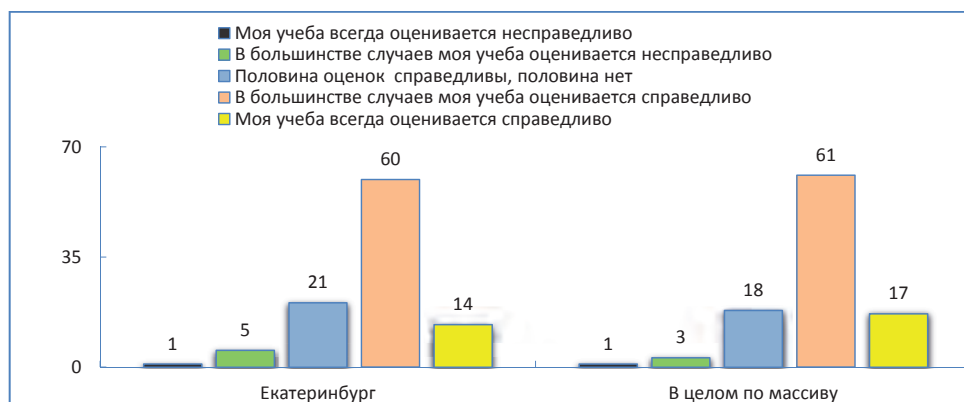

Рис. 82. Оценки справедливости оценок, получаемых студентами в вузе, % опрошенных

Только медицинские направления подготовки оказались «защищенными» от студентов с первоначально низким уровнем знаний при том, что именно студенты — «медики» несколько чаще высказывались о необъективности оценки их знаний. Анализ распределения ответов респондентов об объективности оценок в вузе в зависимости от специальности существенных отличий не дал и в целом повторил тенденции относительно школьных оценок.

На мнения студентов об объективности (или необъективности) оценок их учебы в школе и вузе можно посмотреть и с точки зрения интеллектуально-мотивационной стратификации современного студенчества. Для обеспечения качественного обучения и достижения поставленных задач в сфере образования необходим дифференцированный подход к студенческой молодежи. Объединяемая по формальному признаку, данная общность весьма дифференцирована по многочисленным признакам, начиная от половозрастных характеристик, заканчивая мотивационными аспектами, не теряющими своей актуальности.

Начиная с первого этапа (1995 г.), но до 2003 г. в разделе профессионального самоопределения, выяснялась самая общая форма удовлетворенности — избранным вузом и избранной профессией (рис. 83–84). Анализируя в данном случае эти индикаторы вузовской жизни в разделе, посвященном качеству образования, мы в дальнейшем будем возвращаться к этим данным.

При обработке данных были рассчитаны показатели удовлетворенности и неудовлетворенности вузом и профессией.

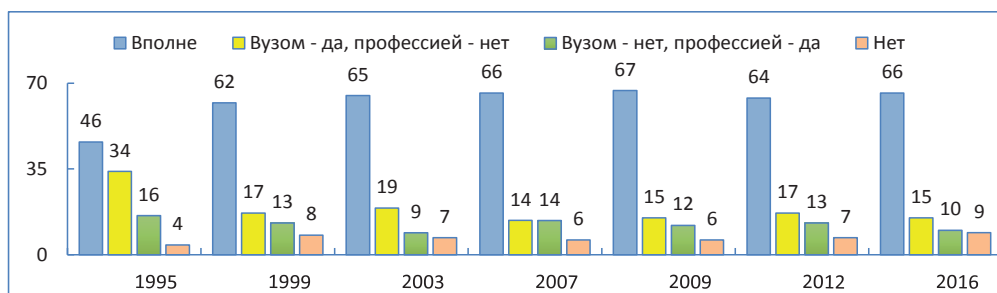

Рис. 83. Динамика показателей степени удовлетворенности студентов вузом и профессией (1995–2016 гг.), % ответивших

Рис. 84. Динамика показателей удовлетворенности или неудовлетворенности студентов вузом и профессией (1995–2016 гг.), % ответивших

В целом, как видим, ситуация с удовлетворенностью не только благополучна, но и достаточно стабильна. Большинство третьекурсников (несмотря на смену целого поколения за годы мониторинга) довольны и выбранным вузом, и осваиваемой профессией (табл. 53). Доля тех, кто полностью удовлетворен выбором и вуза, и профессии, выросла в 1,4 раза (хотя основной рост произошел на втором этапе мониторинга). Доля разочарованных выбором профессии и вуза одновременно невелика (ни разу за период 1995–2016 гг. она не превышала 10 %), а доли тех, кто не удовлетворен либо вузом, либо профессией, примерно одинаковы (хотя чаще — вторых чуть больше). Последний факт, на наш взгляд, не выходит за рамки обычной статистики отсева, происходящего в вузе на младших курсах.

Особых различий в удовлетворенности и вузом, и будущей профессией по полу и формам обучения (бюджет-контракт) практически нет. По направлению, профилю обучения эти различия были зафиксированы в 2009 г. и в дальнейшем в основном сохранялись: чуть больше удовлетворенных вузом среди «технарей», «экономистов» и «естественников», удовлетворенных

будущей профессией — среди «естественников». Но при общей высокой удовлетворенности масштабы этих различий не очень значительны.

Таблица 53

**Динамика соотношения удовлетворенности/неудовлетворенности
вузом и профессией**

Значение	1995	1999	2003	2007	2009	2012	2016
Удовлетворенные/ неудовлетворенные вузом	4 : 1	4 : 1	5 : 1	4 : 1	4,5 : 1	4 : 1	4 : 1
Удовлетворенные/ неудовлетворенные профессией	1,6 : 1	3 : 1	2,8 : 1	4 : 1	3,8 : 1	3,2 : 1	3,2 : 1

Устойчивость трендов позволяет сохранить и интерпретацию некоторого расхождения в оценках удовлетворенности вузом и профессией. Очевидно, оно связано с определенным различием этих форм удовлетворенности. Удовлетворенность профессией является косвенным показателем ее востребованности на рынке труда и связана с представлениями молодежи о возможности сделать успешную карьеру. Удовлетворенность вузом — показатель оценки его престижности в молодежной среде и социально-психологического климата, сложившегося в вузе как организации. Поэтому важно проанализировать ситуацию отдельно по вузам. Учитывая оперативный характер этой информации, ограничимся данными двух последних этапов мониторинга (2012–2016 гг., табл. 54).

Таблица 54

**Удовлетворенность студентов вузом и профессией по вузам, 2012–2016 гг.
(противоположные ответы тех, кто не удовлетворен, не указаны)**

Значения	Год	УрФУ	УИУ- РАНХГС	УГМУ	ГУ	УГАХУ	УрГЮУ	УрГПУ	УрГАУ	УИЭУП	УрГЭУ	УГГУ	УрГУПС	УГЛТУ	РГППУ
Удовлетворенность вузом	2012	85	76	67	81	73	80	82	-	90	82	70	84	92	57
	2016	81	91	87	89	78	94	75	68	70	67	82	86	94	73
Удовлетворенность профессией	2012	72	67	82	82	79	91	74	-	89	78	70	81	80	67
	2016	69	69	92	87	83	92	76	78	84	83	77	64	82	69

Итак, по итогам VII этапа (2016 г.) мониторинга наиболее удовлетворены своим вузом студенты УГЛТУ, УрГЮУ (за 4 года индикатор значительно возрос), УИУРАНХГС (за 4 года индикатор значительно возрос), ГУ, УГМУ (за 4 года индикатор значительно возрос), УрГУПС. Наименее удовлетворены вузом студенты УрГЭУ (за 4 года индикатор значительно снизился), УрГАУ, РГППУ (хотя индикатор удовлетворенности и показал позитивную динамику за 4 года).

Наиболее удовлетворены осваиваемой профессией будущие медики и юристы, студенты негосударственных вузов. Среди наименее удовлетворенных профессией студенты УрГУПС и РГППУ, УрФУ (но тут трудно определить, о каких профессиях идет речь) и — это стало одним из неожиданных результатов исследования на данном этапе — будущие управленцы из УИУ РАНХГС.

Анализ данных мониторинга позволил выявить интересную закономерность: половина студентов вполне удовлетворены профессией, вузом, но не планируют работать по специальности, свою будущую занятость с получаемой профессией не связывают. Для объяснения этого феномена нужно учесть расплывчатость, многозначность концепта «удовлетворенность деятельностью». Представляется убедительной позиция исследователей, обосновывающих динамическую модель удовлетворенности/неудовлетворенности трудом, в данном случае учебным¹. Наряду с понятием «степень удовлетворенности трудом» исследователи выделяют различные формы (качественная характеристика) удовлетворенности. Разные формы удовлетворенности: «смирившаяся», когда люди приспосабливаются к ситуации снижением своего уровня мотиваций, либо перемещения своих стремлений на нетрудовую активность; стабильная или фиксированная удовлетворенность, прогрессивная удовлетворенность, связанная с растущим уровнем стремлений, требований человека. Наряду с этим дифференцируется и процесс неудовлетворенности (фиксированная и конструктивная).

Среди студентов, не планирующих работу по специальности, хотя вполне удовлетворенных и профессией, и вузом, есть «псевдоудовлетворенные», приобретающие «знаки образованности», равно как и среди тех, кто не думает работать по специальности, потому что не нравится ни будущая профессия, ни вуз. Замерить наличие дифференцированных форм удовлетворенности/неудовлетворенности можно с помощью качественных методов измерения, предпочтительно интервью. Тем не менее, данные нашего мониторинга позволяют предположить, что средние показатели полной удовлетворенности студентов получаемой услугой профессионального высшего образования завышены. Только один из восьми таких студентов, казалось бы,

¹ Бюссинг А. Мотивация и удовлетворенность // Управление человеческими ресурсами / под ред. М. Пула, М. Уорнера. — СПб. : Питер, 2002. — С. 777–792 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://dps.smrtilc.ru/Disc/Bussing_Motiv.htm (дата обращения: 12.12.2016).

вполне довольных обучением, не высказал тех или иных замечаний по содержанию или по организации учебного процесса.

Уже на этапе 2003 года выявились основные проблемы, вызывавшие неудовлетворенность различными аспектами учебного процесса. На четвертом и пятом этапах (2007, 2009) формулировка вопроса была сохранена. Обратимся к результатам мониторинга, характеризующим качество процесса обучения (табл. 55).

Таблица 55

Что наиболее не удовлетворяет в учебе в динамике 2003—2009 гг. (% от ответивших)

Вариант ответа	2003	2007	2009
Все удовлетворяет	10	10	13
Необъективное отношение преподавателей	28	29	28
Слабая связь получаемых знаний с жизнью и реальной работой по профессии	23	24	27
Неуверенность в том, что после окончания вуза будет возможность устроиться по своей профессии	26	28	27
Плохая организация питания, его качество и высокая стоимость	21	26	24
Недостатки в организации учебного процесса (расписание занятий, сессий и т. п.)	24	27	24
Нехватка учебников, учебно-методической литературы	36	32	22
Низкое качество преподавания многих дисциплин	20	16	18
Слишком большая перегрузка, нет времени вовремя выполнять все задания	17	23	16
Слабая, устаревшая техническая база обучения	20	19	14
Преподаватели мало внимания уделяют индивидуальной работе со студентами	15	17	13
Преобладание традиционных форм обучения	12	10	11
Плохие санитарно-гигиенические условия для занятий	18	9	10
Недостаточно развиты навыки учебного труда (умение слушать, конспектировать и т. п.)	4	6	6

Что же выявили исследования 2003—2009 гг.?

Качество содержания процесса замерялось по оценкам связи получаемых знаний с жизнью и реальной работой по профессии. В течение всего периода устойчиво в ответах почти каждого четвертого высказывалась неудовлетворенность недостаточностью этих связей. По профилю обучения о своей неудовлетворенности прикладной составляющей получаемых знаний чаще говорили студенты гуманитарных и социально-экономических специальностей.

Во многом это было связано с кардинальными изменениями в реальной экономике и реальном социуме. Сказывались и не менее глубокие изменения в методологии гуманитарных и социально-экономических дисциплин, когда марксистский подход ускоренно заменялся «западными» концепциями.

Еще одно важное наблюдение — неудовлетворенность содержанием осваиваемых знаний не была связана в представлениях студентов с неуверенностью в трудоустройстве после окончания вуза. Особенно это было характерно для студентов УГТУ-УПИ. Каждый четвертый из них отмечал слабую связь получаемых знаний с жизнью и реальной работой по профессии (сказался повальный уход с технических кафедр преподавателей, наиболее связанных с производством).

При этом лишь один из шести не был уверен, что после окончания вуза сможет устроиться по специальности, что в 1,5 раза меньше, чем в среднем по массиву. Основой подобной уверенности служило не столько качество подготовки, сколько престиж вуза. Подтверждение этому — ответы на вопрос об удовлетворенности вузом: 90 % опрошенных нравилось учиться в УГТУ-УПИ, при том, что каждому шестому из них не очень нравилась будущая профессия.

Оценка процесса обучения была детализирована по трем параметрам: условия, организация обучения и стиль взаимоотношений преподавателей и студентов.

По материальным условиям обучения оценки выглядели следующим образом. На плохую обеспеченность учебниками, учебно-методической литературой чаще других жаловались студенты УрГПУ (в 1,4 чаще, чем в среднем по массиву) и студенты УрГУ (43 % при среднем — 36 %). Возможно, это объяснялось не столько размерами библиотечных фондов, сколько невысоким уровнем материальной обеспеченности этих студентов. Так, 46 % опрошенных студентов УрГПУ отмечали, что им не хватало денег на учебники. В два раза реже, чем в среднем по массиву, нехватку учебно-методической литературы отмечали студенты УГЭУ, УрАГС.

Слабую, устаревшую техническую базу обучения отмечал в 2003–2009 гг. каждый пятый из опрошенных студентов УрГУ, что было в 1,6 раза чаще, чем в среднем по массиву. Немного чаще среднего на этот факт ссылались и студенты УГТУ-УПИ. Студенты технического и естественно-научного профиля в два раза чаще отмечали этот параметр, что вполне объяснимо спецификой профиля обучения. Среди опрошенных гуманитариев и будущих экономистов в 1,5 раза было больше обучающихся по контракту, чем среди «технарей» и естественников.

На плохие санитарно-гигиенические условия для занятий в два раза чаще среднего жаловались студенты (преимущественно студентки) УрГПУ, УГЛТУ и УГТУ-УПИ.

Большую перегруженность учебного процесса отмечал каждый третий студент УрГУ, УГЛТУ. Достаточно значимыми были и различия в оценках

организации, качества и стоимости питания по вузам города. Чаще других неудовлетворенность организацией питания (в 1,8 раза выше среднего) отмечалась студентами УрГУ, УГЛТУ. Значительно реже претензии по этому поводу (в 2—3 раза реже среднего) высказывали студенты УрАГС, экономического и профессионально-педагогического университетов.

Оценки организации учебного процесса различались по вузам. Много жалоб поступало на организацию учебного процесса из УрГПУ — в 1,8 раза больше, чем в среднем; из УГТУ-УПИ — в 1,5 раза больше. В то же время в УрГУ студенты значительно реже (почти в 2,5 раза) отмечали недостатки в организации учебного процесса.

Значимых различий по удовлетворенности организацией обучения в зависимости от формы обучения не выявлено. Каждый пятый студент и бюджетной, и контрактной форм обучения сталкивались с проблемами неудобного расписания занятий, сессий. Чаще с этим сталкивались студенты социально-экономического профиля. Меньше жалоб высказывали студенты технического профиля.

Характер межличностных отношений студентов и преподавателей, стиль обучения были особенно значимы в оценках студентами качества процесса. Оценки этого параметра в большей степени различались по вузам, чем по профилю и форме обучения. Ссылки на необъективное отношение преподавателей встречались достаточно часто, это отмечал каждый четвертый из опрошенных студентов. Почти в 1,5 раза чаще, чем в среднем по массиву, на этот момент ссылались студенты УГЛТУ, в 1,2 раза чаще среднего — студенты УрГЭУ, УрАГС, ГУ, УГТУ-УПИ. Мало значим был этот параметр для студентов УрГУ — они в 1,8 раза реже жаловались на необъективность своих преподавателей.

Лишь один из семи опрошенных в 2003 г. отмечал недостаток внимания со стороны преподавателей, отсутствие индивидуальных форм обучения. Чаще среднего по массиву жалобы на недостаток индивидуального подхода фиксировались у студентов УГЛТУ, УрГПУ. Студенты, обучавшиеся по контракту в государственных вузах, острее бюджетников ощущали такой дефицит внимания. Возможно, сказывалась, с одной стороны, начавшаяся именно в это время тенденция массовизации высшего образования, что потребовало от преподавателей сосредоточить работу не столько на сильных студентах, сколько на «потоках», с другой стороны, сказалась психология потребителя у студентов-контрактников, считавших, что они платят не столько вузу, сколько преподавателю, непосредственно работавшему с ним.

В известной мере граница 2000-х была рубежной и для смены форм преподавательской работы. Это проявлялось, во-первых, в массовом проникновении западных технологий бизнес-обучения, во-вторых, с начавшимся в это время процессом компьютеризации и интернетизации высшего образования. Соответственно актуализировался и вопрос о выборе форм обуче-

ния — традиционных лекционно-семинарских или инновационных, интерактивных, в том числе и дистанционных методик обучения.

Для этого времени было характерно (и отразилось в ответах студентов) преобладание традиционных форм обучения, что воспринималось большинством респондентов вполне удовлетворительно. Наиболее спокойно на преобладание таких традиционных форм спокойно реагировали студенты естественно-научного профиля. Так, почти в 2 раза реже среднего по массиву этот вариант отмечали студенты УГЛТУ, в 1,5 раза реже среднего — студенты УрГУ, в 1,3 раза больше среднего — студенты УГЭУ. Это и понятно: обучение социально-экономическим дисциплинам в этот период в значительной мере шло с использованием западных бизнес-технологий (как не вспомнить образовательные программы Дж. Сороса) и предполагало активное использование деловых игр, анализа кейсов, участие студентов в тренингах и т. д.

При общей положительной оценке процесса обучения студенты в 2003–2009 гг. предъявляли к нему немало претензий. Сам их набор был достаточно разнообразен. Характерно, что первая «пятерка» этих претензий содержательно относилась к разным аспектам процесса обучения. Прежде всего, это — нехватка учебно-методической литературы. Возможно, это — реакция студенчества на сложившуюся в 1990-е гг. противоречивую практику книгообеспечения учебного процесса. По многим дисциплинам (особенно гуманитарного и социально-экономического профиля) появились буквально десятки учебников разных авторов. Но издавались они ничтожными тиражами, что не позволяло преподавателю даже рекомендовать какой-либо учебник. Не решало проблему и стремление многих вузов создать и предложить студентам свой «фирменный» учебник. Сказывалась и возрастающая потребность в учебниках и методических пособиях в связи с увеличением числа работающих студентов. Дополнительным психологическим фактором являлось и то, что новое молодое поколение не могло понять причины любого дефицита. Определенные изменения в отношении к учебникам, учебно-методической литературе ожидалось с внедрением в учебный процесс их электронных версий. По данным специального опроса студентов УГТУ-УПИ в 2007 г., 4 из каждых 5 респондентов уже обращались к таким материалам.

Выявленная на этих этапах мониторинга проблема сложности оценок учебного процесса тем более относится к оценке качества преподавательского труда. Уже тогда было ясно, что социологически и психологически некорректно студенческие оценки работы преподавателей (по типу анкет «Преподаватель глазами студента») использовать как главный и однозначный критерий. Но в рыночных условиях «оценка потребителя» (в качестве которого выступает студент) по-прежнему важна и заслуживает внимания, особенно для студентов, пришедших в вуз не за дипломом, а за профессиональными знаниями и компетенциями.

Не менее серьезные проблемы вытекают из самооценок субъективных моментов учебы. В целом по параметру «недостаточное развитие навыков учебного труда» в 2007 и в 2009 гг. повторилась ситуация 2003 г. Как и тогда, студенты оказались наименее критичными к самим себе. Несколько выделяются из общей массы студенты УГЛТУ, НТГСПА, чаще, чем в среднем, отметившие недостаточную развитость своих навыков учебного труда. Конечно, если исходить из преподавательской практики, то можно считать эти студенческие самооценки явно завышенными. Но самое главное, они показывают серьезную проблему: студенты нескольких поколений не понимают значимости культуры учебного труда для эффективной учебы и дальнейшего самообразования. За этой проблемой стоит серьезное отставание «школы» (и средней, и высшей): продекларированная модернизацией смена ориентиров от «научить чему-то конкретному» к «научить учиться»¹ на этом этапе не произошла. Еще один важный момент — отмеченная недооценка, возможно, сказывается и на другом параметре неудовлетворенности — большие перегрузки, невозможность своевременно выполнить все учебные задания. Хотя значительная загруженность студентов определенных профилей (физики, медики, юристы, художники) вполне предсказуема.

Обобщая мнения студентов о качестве образования, подчеркнем: при всей их субъективности они достаточно информативны, выступая как «обратная связь» для администрации и общественных организаций вузов.

К тому же проблематика качества образования была актуализирована интернационализацией образования, вступлением России в Болонский процесс, с его достаточно сложными и противоречивыми последствиями. Тем более, что для российского образования он означал введение новых структур, правил, стандартов образования, в частности, двухуровневой системы, реализации компетентностного подхода и модульного принципа организации учебных программ и занятий. Поэтому был не случайным интерес к выявлению информированности студентов о Болонской декларации. В итоге в анкете в 2007–2009 гг. появился соответствующий вопрос (рис. 85).

Кардинальные изменения системы высшего образования, которые существенно изменяют процесс преподавания и обучения, весь вузовский образ жизни, самим студентам не очень знакомы. Уровень информированности о болонском процессе в студенческой среде растет крайне медленно и незначительно. Вероятно, сказывался сугубый прагматизм студентов. Уверенные, что на их личной судьбе болонский процесс не отразится, по крайней мере ничего не изменит в процессе обучения, студенты просто не интересовались этой темой. Самыми информированными в 2009 г. были студенты УрГЮА (21 % знали положения Болонской декларации очень хорошо), наименее ин-

¹ В этой связи как нельзя лучше подходит утверждение: «Настоящий учитель ничему другому и не дает учиться, кроме как учиться ученым». См.: Хайдеггер, М. Что зовется мышлением? / пер. Э. Сагетдинова. — М. : Академический проект, 2007. — С. 101.

тересующимися этой темой оказались опрошенные из УГГУ (2% — знали хорошо, 17% — имели общее представление, 80% — практически не были знакомы с положениями Болонской декларации).

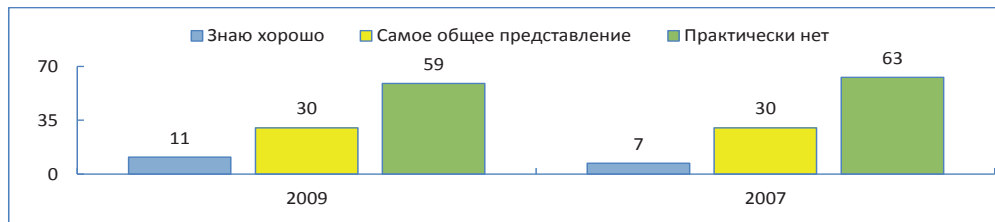

Рис. 85. Информированность о Болонской декларации (% от ответивших)

Русская пословица гласит: конец — делу венец. Насколько ценным является для студентов диплом? Косвенным образом это выясняется по отношению к процедуре его вручения. Исследовательская гипотеза гласила, что, выбирая тот или иной формат вручения диплома по значительности и торжественности, студент дает нам понять тем самым, насколько значимым для него является сам диплом (табл. 56).

Таблица 56

Какая процедура выдачи диплома для Вас предпочтительнее, в динамике 2007–2009 гг. (% от ответивших)?

Вариант ответа	2007	2009
Важно не только то, кто вручает, но и торжественная обстановка	48	44
Диплом должен вручать декан факультета	21	26
Диплом должен вручать ректор или проректор	17	18
Дипломы могут вручаться на выпускающей кафедре	12	10
В канцелярии — в обмен на обходной лист	2	4

Таким образом, большая часть студенчества все-таки наделяет и процедуру, и сам диплом ценностью, которой они достойны.

На VI этапе (2012 г.) мониторинга несколько изменилась методика выявления отношения студентов к различным аспектам учебного процесса. На смену общему вопросу — «что вас наиболее не удовлетворяет в учебном процессе» — пришла серия вопросов, в которых от респондента требовалось по каждому из параметров отметить, удовлетворен он им или нет. На VII этапе (2016 г.) был расширен перечень параметров: фиксировались отношение к студентам со стороны администрации и учебно-вспомогательного персонала; выяснялась удовлетворенность предлагаемыми для разработки темами выпускных квалификационных работ (дипломов, диссертаций) и применением дистантных технологий образования.

В 2016 г. респондентам был задан общий вопрос о доступности качественного высшего образования¹ в регионе (рис. 86).

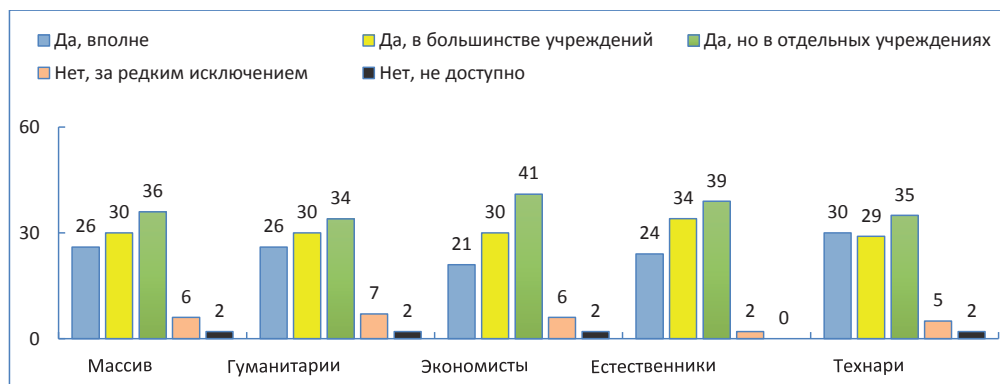

Рис. 86. Распределение оценок о доступности высшего образования в зависимости от направления, % от группы

Даже с учетом того, что респонденты два-три года назад на себе ощутили (пусть и на разных — бюджетных или контрактных — условиях) реальную доступность высшего образования, их ответы весьма показательны. В них отражаются два важных момента. С одной стороны, преобладает мнение: в нашем регионе качественное высшее образование доступно (особенно в этом уверены «естественники»). Одновременно достаточно распространено и мнение о значительных различиях по качеству высшего образования между отдельными вузами (значительно чаще такое мнение высказывают студенты-«экономисты»).

¹ Не останавливаясь подробнее на этой проблеме, отметим разнообразие трактовок понятия «доступность высшего образования» в отечественной литературе (См.: Евсеенко Т. П. Доступность высшего образования в условиях формирования рынка образовательных услуг // Экономика образования. — 2007. — № 3. — С. 114–132; Рощина Я. М. Доступность высшего образования: по способностям или по доходам? // Университетское управление: практика и анализ. — 2005. — № 1. — С. 69–79; Сухочев В. И. Доступность высшего образования в условиях перехода к экономике знаний // Креативная экономика. — 2009. — № 9. — С. 8–16. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/dostupnost-vysshego-obrazovaniya-v-usloviyah-perehoda-k-ekonomike-znaniy> (дата обращения: 03.09.2016); Фурсова В. В., Ха Ван Хоанг. Доступность высшего образования : сб. статей. — Казань: КазФУ, 2012 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://kpfu.ru/staff_files/F560128183/sbornik_povy_2docx.pdf (дата обращения: 03.09.2012; и др.). Доступность характеризуется как возможность выбора, поступления и обучения в вузе для различных личностей и социальных групп. Социологически значимым (и измеримым) становится степень, вероятность, шанс этой доступности. Особенно важно соотношение доступности с ее организационными, территориальными, финансово-экономическими и академическими предпосылками. Специфика постановки вопроса в нашем исследовании — акцент на доступность именно качественного высшего образования, с одной стороны, и самооценку этой доступности студентом. Т. е., как и в отношении адаптации, был применен прием ретроанализа.

В 2016 г. в опросе были разграничены два аспекта удовлетворенности — качеством получаемого образования и качеством профессиональной подготовки (рис. 87–88).

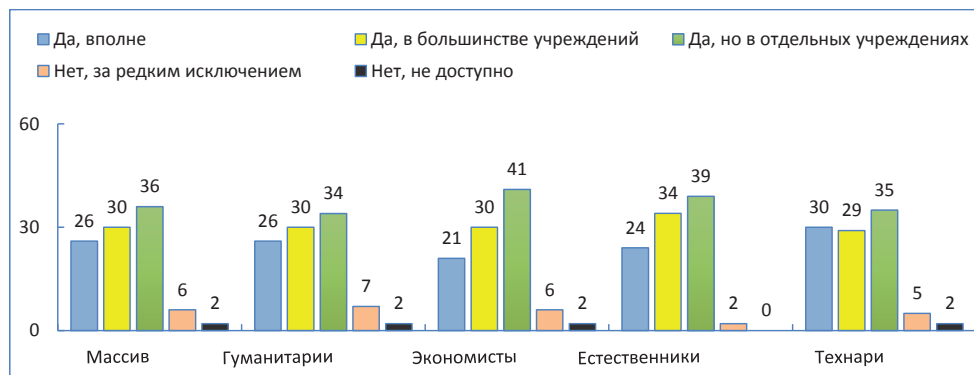

Рис. 87. Удовлетворенность качеством получаемого образования, 2016 г., в % по группам

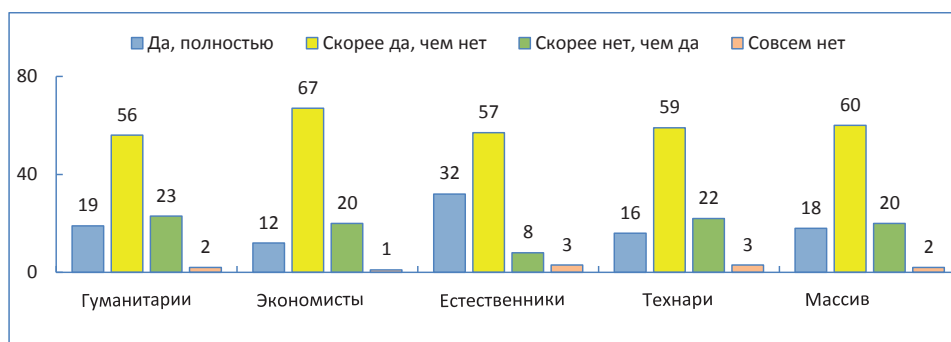

Рис. 88. Удовлетворенность качеством профессиональной подготовки, 2016 г., в % по группам

Сравнивая полученные результаты, отметим ряд моментов:

- в целом удовлетворенность и качеством получаемого образования, и качеством профессиональной подготовки преобладает во всех группах;
- при этом удовлетворенность качеством получаемого образования (5,3: 1) заметно преобладает над удовлетворенностью качеством профессиональной подготовки (3,5: 1);
- эта закономерность характерна для студентов всех профилей обучения, кроме «естественников» (в большинстве своем — студентов-медиков), среди которых каждый третий полностью удовлетворен своей профессиональной подготовкой.

Общие оценки конкретизировались применительно к отдельным аспектам учебного процесса (табл. 57).

Таблица 57

**Степень удовлетворенности студентов аспектами учебного процесса,
% ответивших «да» (противоположная оценка «нет» опущена)**

Аспекты учебного процесса	2012	2016
Преобладание традиционных форм обучения	82	87
Качество преподавания	80	81
Отношение преподавателей к студентам	75	79
Отношение учебно-вспомогательного персонала к студентам	—	78
Обеспеченность учебниками, учебно-методической литературой	74	74
Предлагаемые для разработки темы выпускных квалификационных работ (дипломов, диссертаций)	—	74
Отношение администрации вуза к студентам	—	73
Возможность пользоваться в вузе Интернетом, информационными средствами обучения	65	70
Санитарно-гигиенические условия в вузе	69	69
Широкое использование современных информационных технологий	61	65
Привлечение студентов к НИР кафедр	60	65
Техническая база, оснащенность лабораторий, аудиторий	59	65
Связь получаемых знаний с реальной работой по профессии	67	64
Связь получаемых знаний с жизнью	67	63
Организация учебного процесса (расписание занятий, сессий и т. д.)	64	63
Организация питания, его качество и стоимость	59	61
Индивидуальная работа преподавателей со студентами	56	61
Преобладание инновационных форм обучения	67	59
Организация учебных и производственных практик	63	59
Режим учебного труда и отдыха, равномерность распределения учебной нагрузки	56	54
Степень комфортности, удобства учебной мебели, аудиторий, лабораторий	53	54
Применение дистантных технологий образования	—	47
Привлечение к проведению занятий специалистов предприятий, бизнес-структур, органов власти	42	46

Результаты опроса, приведенные выше, показывают, что разные параметры каждого из блоков получили неодинаковую оценку, хотя заметно, что практически по всем параметрам преобладает удовлетворенность. Заметно, что эта удовлетворенность сохранилась и в 2016 г., а по ряду параметров — даже возросла.

Приоритеты в оценках практически не изменились. Прежде всего сохраняющаяся на протяжении многих этапов наивысшая оценка удовлетворенностью традиционными формами обучения свидетельствует о том, что это — наиболее приемлемая форма усвоения знаний, существенно опережающая любые виды инноваций. Так, менее половины респондентов в 2016 г. отметили удовлетворенность дистантными технологиями образования. Число респондентов, удовлетворенных преобладанием инновационных форм обучения, даже несколько снизилось (табл. 58).

Таблица 58

Удовлетворенность качеством и содержанием учебного процесса, %

Значение	2012	2016
Преобладание традиционных форм обучения	82	87
Качество преподавания	80	81
Связь получаемых знаний с реальной работой по профессии	67	64
Связь получаемых знаний с жизнью	67	63
Преобладание инновационных форм обучения	67	59
Привлечение к проведению занятий специалистов предприятий, бизнес-структур, органов власти	42	46

Начнем с мнений студентов о том, какие методы преподавания — традиционные или инновационные — преобладают в их вузе. При этом мы понимаем всю субъективность этих оценок (а нередко и их некомпетентность). К тому же в вопросе выяснялась именно удовлетворенность этими методами: парадоксально, но преобладанием традиционных форм обучения удовлетворены в среднем по массиву четыре из пяти студентов, преобладанием инновационных форм — лишь два из трех.

Преобладающая удовлетворенность традиционными формами обучения сохранялась на протяжении всего мониторинга, а в 2016 г. — в сравнении с 2012 г. — возросла, став среди других аспектов учебного процесса приоритетной. В какой-то мере это связано с тем, что в школе учащихся в основном готовят к традиционным формам обучения в вузах (в 1990-е гг. многие гимназии даже переходили на лекционно-семинарские формы работы). С другой стороны, мнения респондентов отражают и определенный перекос, когда новые формы обучения внедряются в учебный процесс без соответствующей подготовительной работы со студентами.

Специфику ответов студентов различных вузов вряд ли стоит абсолютизировать, но учитывать эти различия необходимо (рис. 89–90).

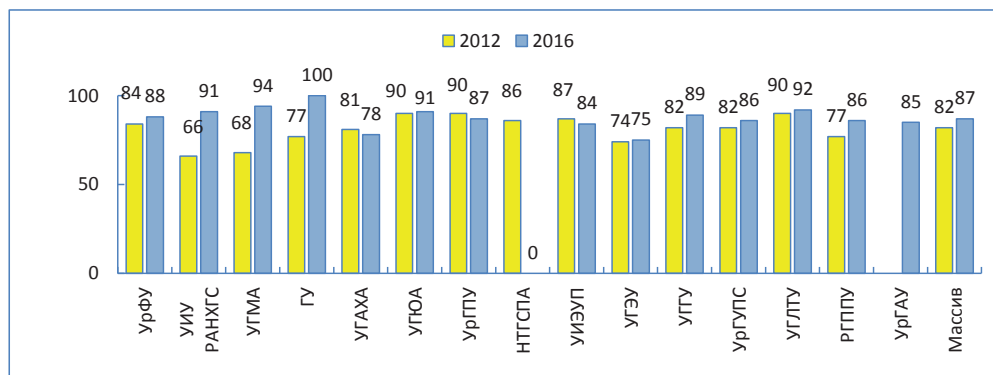

Рис. 89. Удовлетворенность студентов преобладанием традиционных форм обучения по вузам, 2012–2016 гг., % от группы

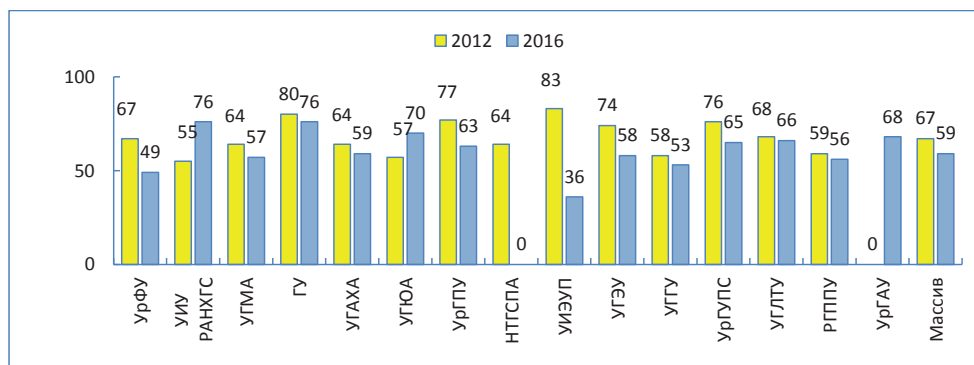

Рис. 90. Удовлетворенность студентов преобладанием инновационных форм обучения по вузам, 2012–2016 гг., % от группы

В этой связи обращает внимание: в целом удовлетворенность преобладанием инновационных форм обучения в 2016 г. — в сравнении с 2012 г. — снизилась, особенно у студентов УрФУ, УрГМУ, РГППУ, УГГУ. Противоположное мнение высказывали только студенты УИУ РАНХГС. Практически совпали гендерные оценки качества преподавания: не удовлетворен лишь один из пяти и в группе юношей, и группе девушек.

В рамках профессионального самоопределения студентов особую роль играет связь получаемых знаний с жизнью, с будущей работой по профессии. Степень связи получаемых знаний с жизнью — одна из традиционных проблем нашей системы образования. В целом по каждому из этих параметров два из трех респондентов отметили свою удовлетворенность. При этом неудовлетворенность юношей чуть выше, чем у девушек. В зависимости

от профиля подготовки эта проблема наиболее значима для студентов технических специальностей, далее следуют студенты социально-экономического и гуманитарного профиля, замыкают студенты естественно-научного профиля, среди которых неудовлетворенных связью получаемых знаний с жизнью и работой по профессии меньше всего (рис. 91–92).

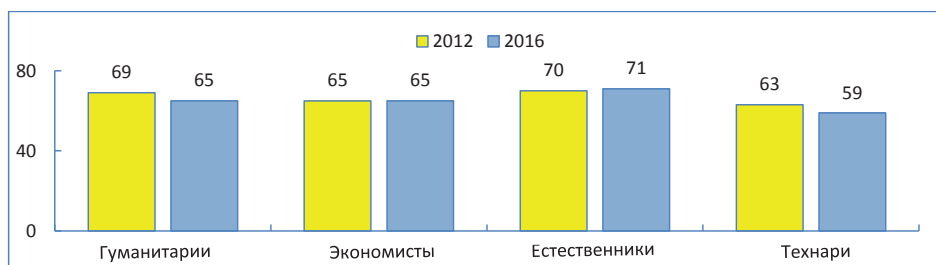

Рис. 91. Доля удовлетворенных связью получаемых знаний с работой по профессии, профилям обучения, 2012–2016 гг., % от группы

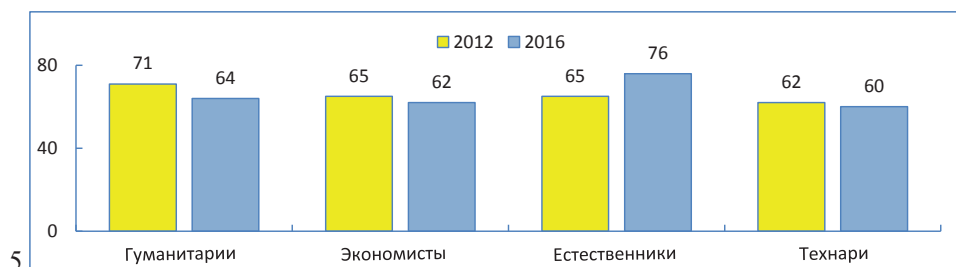

Рис. 92. Доля удовлетворенных связью получаемых знаний с жизнью, по профилям обучения, в % по группам

Отмеченные различия по профилям обучения проявились и в ответах студентов разных вузов (рис. 93–94).

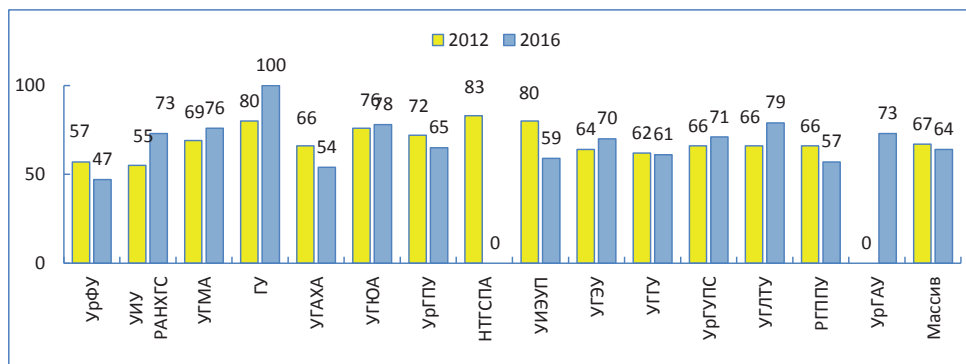

Рис. 93. Доля удовлетворенных связью получаемых знаний с работой по профессии, по вузам, 2012–2016 гг., % от группы

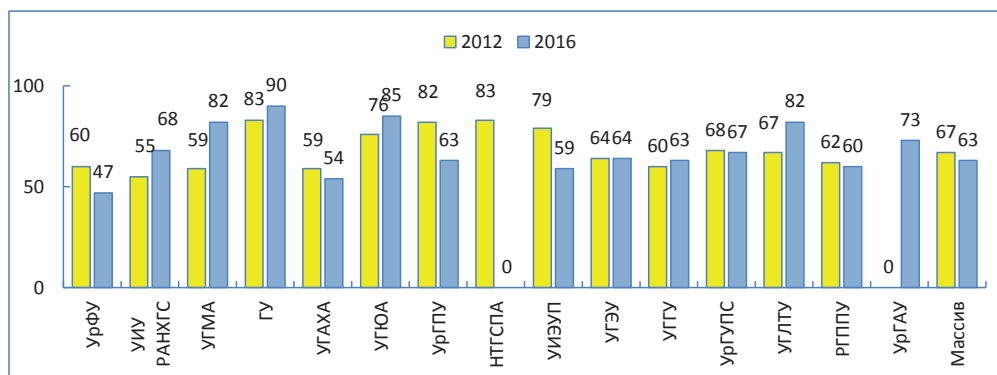

Рис. 94. Доля удовлетворенных связью получаемых знаний с жизнью, по вузам, 2012–2016 гг., % от группы

При этом нужно отметить, что эта проблема продолжает усугубляться: в 2007 г. на слабую связь получаемых знаний с жизнью и реальной работой по профессии указали 24 % опрошенных, а в 2009—27 %. В 2012 г., когда оценки по этим параметрам были в анкете разведены, неудовлетворенных было 33 % по каждому из них. В 2016 г. это отметили уже 36 % (по связи знаний с работой по профессии) и 37 % (по связи их с жизнью). Наметившаяся тенденция, на наш взгляд, заслуживает внимания.

Но высказывая определенные претензии содержательного плана, студенты в целом устойчиво удовлетворены качеством преподавания. Чаще других эта удовлетворенность отмечалась в ответах естественников, выросла она у технарей и экономистов (рис. 95).

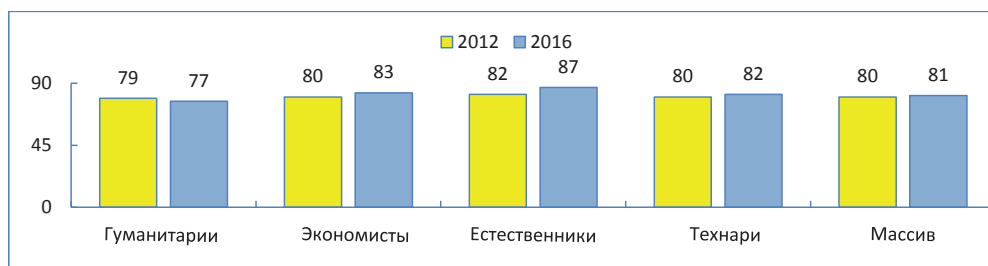

Рис. 95. Удовлетворенность качеством преподавания, 2012–2016, в % по группам

Следующий блок ответов связан с удовлетворенностью организацией учебного процесса (табл. 59).

Таблица 59

**Удовлетворенность организацией учебного процесса, % от группы
(ответы «нет» опущены)**

Значение	2012	2016
Предлагаемые для разработки темы выпускных квалификационных работ (дипломов, диссертаций)	—	74
Организация учебного процесса (расписанием занятий, сессий и т. д.)	64	63
Организация учебных и производственных практик	63	59
Режим учебного труда и отдыха, равномерность распределения учебной нагрузки	56	54

Особенность (и приятная неожиданность) VII этапа мониторинга — среди аспектов данного блока наибольшую удовлетворенность вызвали предлагаемые для разработки темы ВКР. Это привлекло трех из каждых четырех респондентов. Конечно, от выбора темы до подготовки и защиты ВКР — достаточно длинный путь. Но то, что сегодня значительная часть третьекурсников уже выбрала темы ВКР, отражает огромную организационную работу большинства вузов Екатеринбурга. Благодаря этому, многие работы студентов перестают быть «одноразовыми», а ВКР — результатом усилий в последнем семестре (или «месяце» этого семестра).

Несколько ниже общая удовлетворенность организацией учебного процесса и особенно — организацией учебных и производственных практик (рис. 96–97).

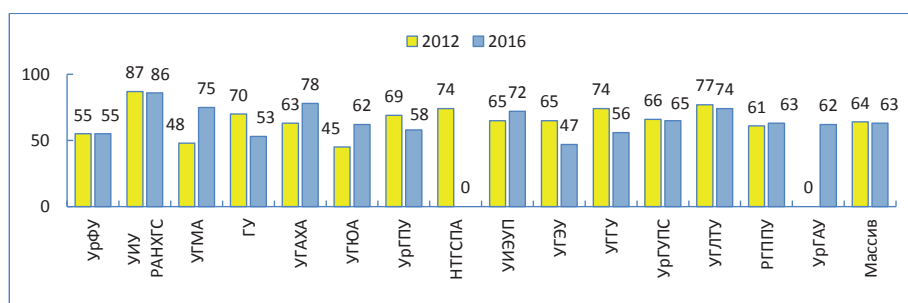

Рис. 96. Доля удовлетворенных организацией учебного процесса по вузам, 2012–2016 гг., % от группы

Заметен довольно значительный разрыв в оценке организации практик у студентов разных вузов. Наиболее остро эта проблема воспринимается студентами УрГЭУ, УрФУ и УИУЭП, где за период 2012–2016 гг. ситуация

даже ухудшилась. Значительно выше среднего уровня организацией практик удовлетворены студенты УрГУПС, УрГЮУ, УГМУ, где ситуация, напротив, улучшилась.

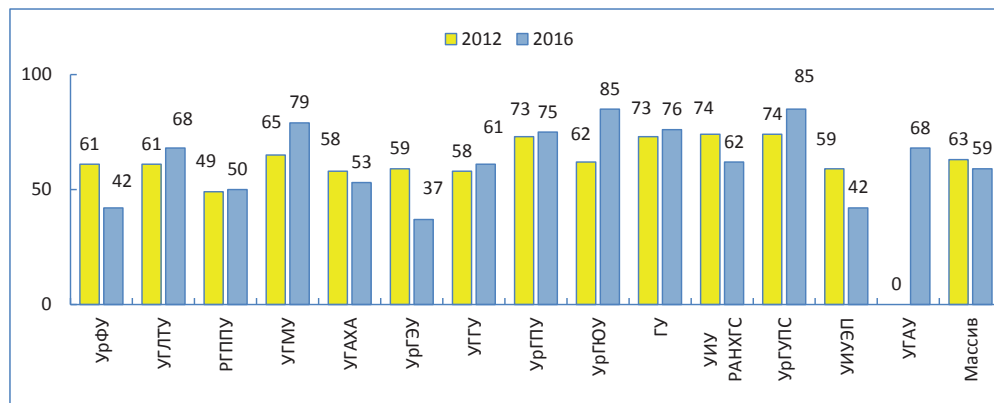

Рис. 97. Доля удовлетворенных организацией учебных и производственных практик по вузам, 2012–2016 гг., % от группы

Больше всего в рамках данного блока у студентов претензии в отношении режима учебного труда и отдыха, неравномерностью распределения учебной нагрузки.

Неудовлетворенность организацией учебного процесса (расписанием занятий, сессий и т. д.) сохранилась у каждого второго студента естественно-научного профиля. Свыше половины из них не удовлетворены режимом учебного труда и отдыха, неравномерностью распределения учебной нагрузки. В то же время именно студенты естественно-научного профиля удовлетворены (порой даже выше среднего уровня) организацией учебных и производственных практик (две трети удовлетворенных — это максимальный показатель).

Юноши продемонстрировали большую удовлетворенность таким аспектом учебы, как режим учебного труда и отдыха, равномерность распределения учебной нагрузки (60 % и 53 % — у девушек). Возможно, сказываются традиционные различия в отношении юношей и девушек к учебному труду. По наблюдениям психологов, девушки более склонны к постоянным, длительным занятиям.

В то же время наличие значительного количества студентов, демонстрирующих неудовлетворенность этими параметрами, приобретает характер тенденции с 2009 г., что говорит о необходимости существенного улучшения работы служб расписания, особенно в УрФУ, УГМУ и УрГЮУ.

Юноши продемонстрировали большую удовлетворенность таким аспектом учебы, как режим учебного труда и отдыха, равномерность распределения учебной нагрузки (60 % и 53 % — у девушек). В то же время наличие

значительного количества студентов, демонстрирующих неудовлетворенность этими параметрами, приобретает характер тенденции с 2009 г., что говорит о необходимости существенного улучшения работы служб расписания, особенно в УрФУ, УГМА и УГЮА. Чуть более благоприятная ситуация с организацией собственно учебного процесса (расписание занятий, сессий и т.д.) — здесь удовлетворенность высказали 68 % студентов и 62 % студентов.

Учебный процесс сегодня все чаще рассматривается как субъект-субъектное отношение. И особенно важно выявить, как складываются межличностные отношения (табл. 60).

Таблица 60

**Удовлетворенность отношениями с другими участниками учебного процесса,
% от группы (ответы «нет» опущены)**

Значение	2012	2016
Отношение преподавателей к студентам	75	79
Отношение учебно-вспомогательного персонала к студентам	—	78
Отношение администрации вуза к студентам	—	73
Привлечение студентов к НИР кафедр	60	65
Индивидуальная работа преподавателей со студентами	56	61

Отношением преподавателей к студентам в обеих гендерных группах в 2012 г. был не удовлетворен каждый четвертый, в 2016 г. — уже каждый пятый. Тем самым, ситуация улучшается.

По вузам ситуация такова (рис. 98):

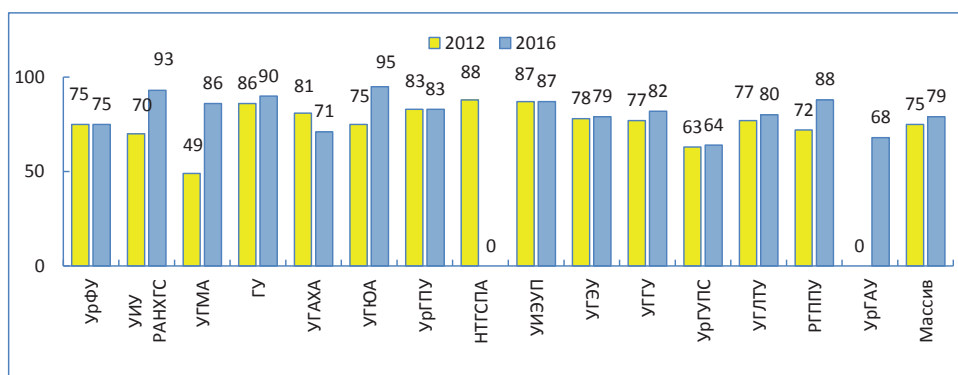

Рис. 98. Доля удовлетворенных отношением преподавателей к студентам, по вузам, 2012–2016 гг., % от группы

Устойчиво наиболее проблемное (по оценкам студентов) их отношения с преподавателями в УрГУПС, заметное улучшение в УГМУ (в 2012 г. каждый второй студент этого вуза высказывал неудовлетворенность, в 2016 г. удовлетворенность по этому параметру значительно выше средней). Конечно, исследователям «извне» особенно сложно интерпретировать подобные «скачки» в оценках, возможно, такая интерпретация будет затруднительной и для работников вуза. Но в том-то и смысл мониторинга, — фиксировать и тренды (даже когда они имеют негативный характер), и значительные отклонения от них.

Каждый третий студент естественно-научного профиля не удовлетворен отношением преподавателей к студентам. Неудовлетворенность студентов других профилей и в 2012 г., и в 2016 г. более низкая.

Роль преподавателя в образовательном процессе всегда занимала важное место, и по сей день трудно переоценить его значение для студентов. Преподаватель оказывает значительное влияние на отношение студента к учебе. Одним из индикаторов взаимодействия студента и преподавателя является адекватность оценки достижений студента. Удовлетворенность учащегося оценкой, его мнение по поводу ее справедливости является одним из субъективных факторов, влияющих на мотивацию студента к обучению.

По данным исследования РОС (2016 г.), в большинстве своем (около 70 %) студенты в значительной степени удовлетворены оценкой, при этом не наблюдается динамики изменения у данной группы студентов в зависимости от курса обучения¹. Однако исследование иллюстрирует динамику изменения оценки в негативную сторону у групп студентов, не удовлетворенных оценкой. Почти в два раза уменьшилось количество студентов в максимальной степени изначально удовлетворенных оценкой (от 22 % до 12 %). Значительный рост наблюдается в группе студентов, отмечающих несправедливость оценки (от 2 % до 4 %, от 9 % до 16 %). Исследование иллюстрирует негативную динамику в оценке справедливости учебной деятельности почти у трети опрошенных студентов (33 %). Данный вывод позволяет выдвинуть гипотезу о понижении мотивационной составляющей, создании недостаточных условий для актуализации интеллектуального потенциала части студенческой молодежи.

В 2016 г. данный блок был дополнен вопросами об отношении к студентам административно-управленческого персонала и учебно-вспомогательного персонала (рис. 99–100).

¹ См.: Особенности представлений свердловских студентов о социальном неравенстве и социальной справедливости/Ю. Р. Вишневецкий [и др.] // Студенчество России о социальном неравенстве и социальной справедливости : сб. науч. ст./под общ. ред. Ю. Р. Вишневецкого. — М.: Российское общество социологов; Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2016. — С. 121–176.

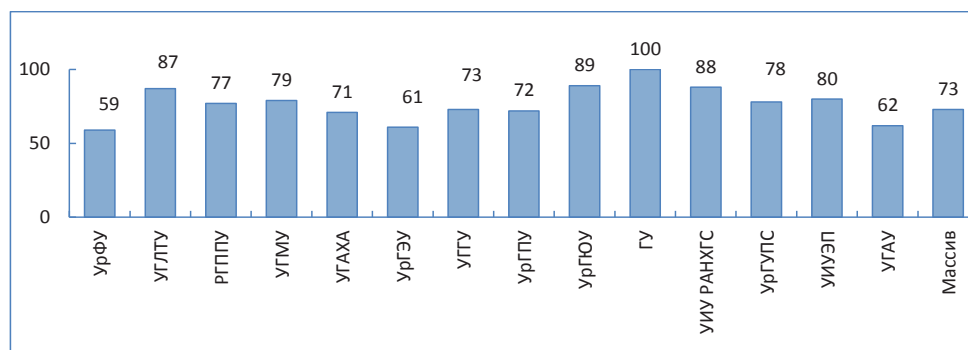

Рис 99. Удовлетворенность отношением администрации вуза к студентам, 2016 г., % по группам

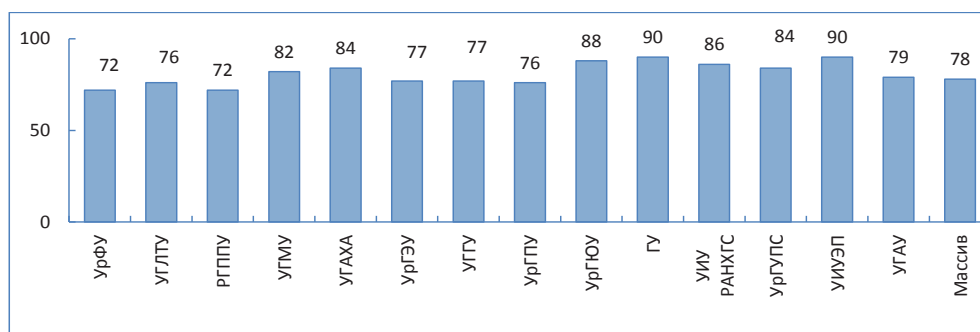

Рис. 100. Удовлетворенность отношением учебно-вспомогательного персонала к студентам, 2016 г., % по группам

Позитивный момент — по обоим параметрам удовлетворенность достаточно велика. Понятно, что оценка УВП (лаборантов, учебных мастеров, секретарей), непосредственно работающих со студентами, оказалась даже чуть выше. За этой высокой оценкой — важный гуманистический момент: у значительной части студенчества сформировалось понимание «нужности», «полезности» УВП, нет отношения к ним как к людям «второго сорта». Но одновременно это говорит и о внимательном отношении большей части УВП к студентам.

Что касается оценок АУП, то на них в немалой степени сказались масштабы вуза (в том числе — и количество студентов в нем), его структура (а применительно к УрФУ — и постоянные изменения этой структуры в процессе интеграции, создания стратегических административных единиц и т. д.).

Если отношением преподавателей к студентам значительная часть респондентов в основном удовлетворена, и это в сравнении с первыми этапами мониторинга является несомненным достижением, то индивиду-

альная работа преподавателей со студентами вызывает немало нареканий (рис. 101).

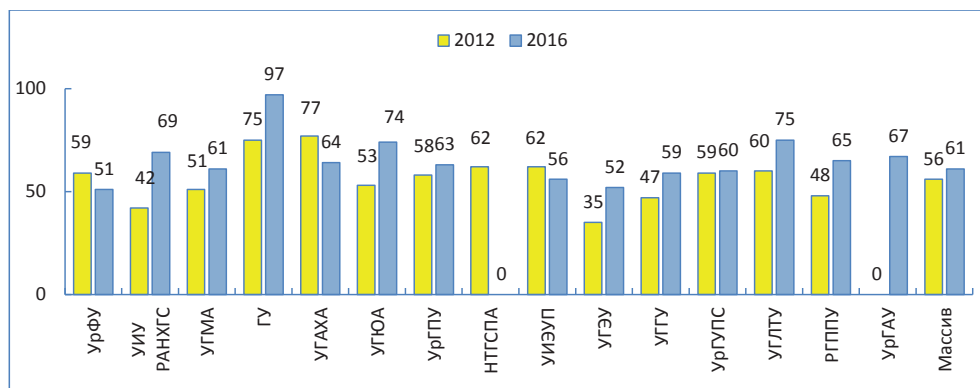

Рис. 101. Доля удовлетворенных индивидуальной работой преподавателей со студентами, по вузам, 2012–2016 гг., % от группы

Наиболее остро эта проблема обозначена в ответах студентов УрФУ, УГГУ, УрГУПС и УрГЭУ. Конечно, ситуация требует более детального анализа (в том числе — с привлечением работников учебно-методических управлений и отделов вузов). Но в преддверии дальнейшего внедрения в учебный процесс модульных принципов, индивидуальных траекторий, предполагающих и самостоятельность студентов, и важность их квалифицированного сопровождения, тьюторства, обратить внимание на проблему, безусловно, необходимо.

Одним из видов образовательной деятельности студентов сегодня все более становится их научная работа. Насколько массово, по их самооценкам, студенты вовлекаются в НИРС? (рис. 102).

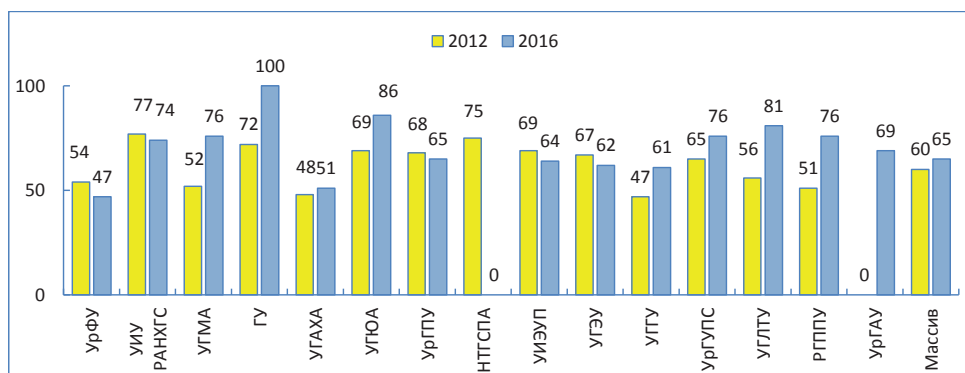

Рис. 102. Доля удовлетворенных привлечением студентов к НИРС, по вузам, 2012–2016 гг., % от группы

В целом по массиву привлечение студентов к НИРС за период между VI и VII этапами мониторинга возросло (в 2012 г. участие в НИРС отметили три из каждых пяти третьекурсников; в 2016 г. — два из каждых трех). Рост отмечен по большинству вузов. Особенно значительным он был в ГУ (где в НИРС участвует, по самооценкам, каждый), УрГЮУ, УГЛТУ, УГМУ. Некоторое снижение активности участия в НИРС (точнее — вовлечения их в НИРС) отметили студенты УрФУ и УрГПУ.

Привлечением студентов к научно-исследовательской работе кафедр в меньшей степени в 2012 г. оказались удовлетворенными юноши. Ситуация повторилась и в 2016 г. Это легко объяснимо — в нашем обществе наука в большей степени считается делом юношей, а молодые женщины чаще соотносят свои жизненные стратегии с семьей и рождением детей. Тем печальнее тот факт, что дальнейшие жизненные планы студентов с наукой не связаны: лишь 1 % собирался (и в 2012, и в 2016 гг.) после окончания вуза заняться научно-исследовательской работой. В некоторой степени наука привлекает лишь студентов-медиков (из них 5 % планируют заниматься ею после окончания вуза). Таким образом, напрашивается неутешительный вывод: наша наука лишена кадровой базы. Представляется, что те 9 % молодых людей, которые планируют после окончания вуза продолжить свое образование в магистратуре, аспирантуре или по другой специальности, сложившейся картины изменить не смогут. Добавим к этому, что в большинстве своем студенты не видят и возможности внедрять свои научные разработки в производство через инновационные площадки вуза.

Успешность учебного процесса во многом определяется внешними условиями (табл. 60, рис. 103–107).

Таблица 61

Удовлетворенность условиями учебного процесса

Значение	2012	2016
Обеспеченность учебниками, учебно-методической литературой	74	74
Санитарно-гигиенические условия в вузе	69	69
Техническая база, оснащенность лабораторий, аудиторий	59	65
Организация питания, его качество и стоимость	59	61
Степень комфортности, удобства учебной мебели, аудиторий, лабораторий	53	54

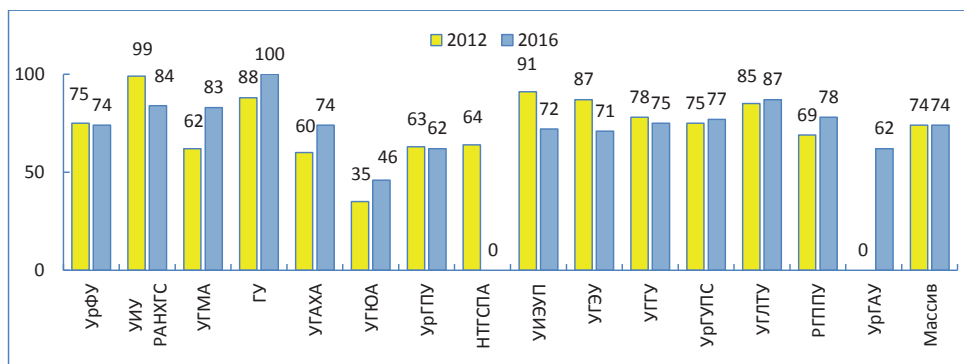

Рис. 103. Доля удовлетворенных обеспеченностью учебниками, учебно-методической литературой, по вузам, 2012–2016 гг., % от группы

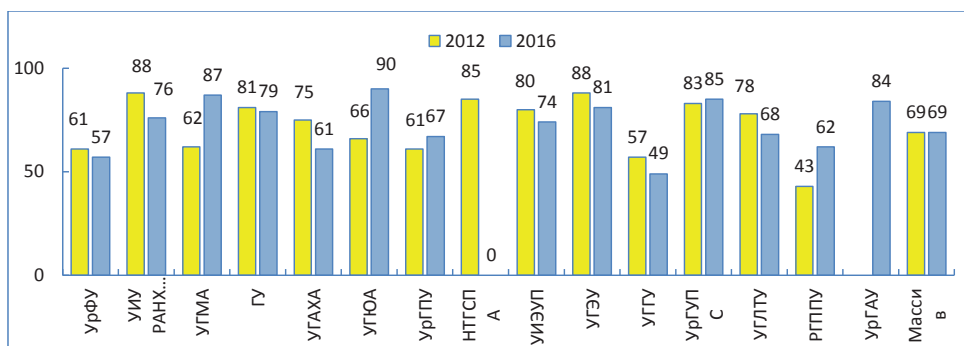

Рис. 104. Доля удовлетворенных санитарно-гигиеническими условиями, по вузам, 2012–2016 гг., % от группы

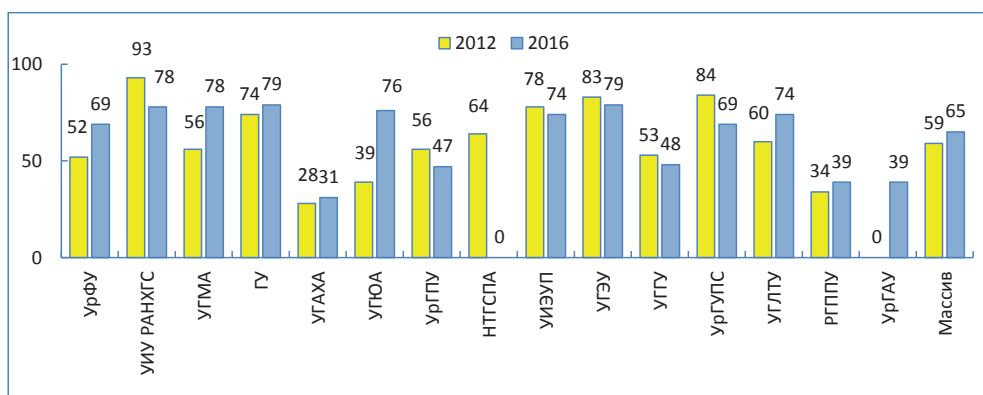

Рис. 105. Доля удовлетворенных технической базой, оснащённостью лабораторий, аудиторий, по вузам, 2012–2016 гг., % от группы

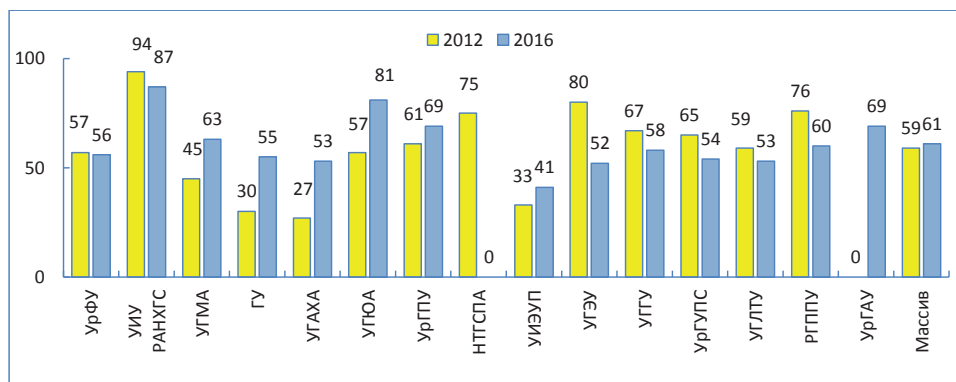

Рис. 106. Доля удовлетворенных организацией питания, по вузам, 2012–2016 гг., % от группы

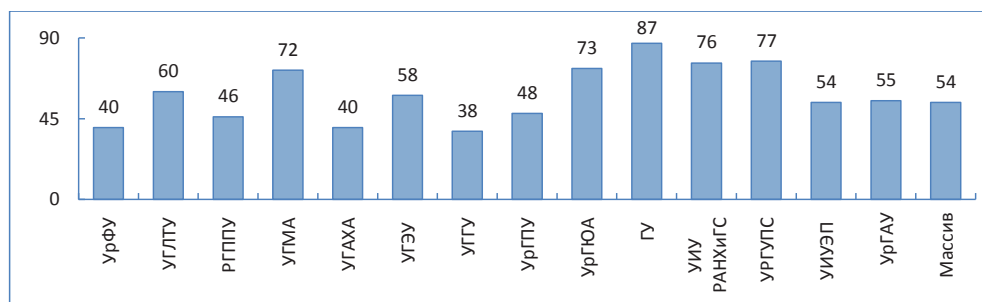

Рис. 107. Удовлетворенность студентов степенью комфортности, удобства учебной мебели, аудиторий, лабораторий, по вузам, 2016 г., % от группы

Наибольшие претензии к отдельным условиям учебной деятельности высказали представители естественно-научного профиля подготовки. Половина из них не удовлетворены технической базой и оснащенностью аудиторий, три из пяти — степенью комфортности, удобства учебной мебели, аудиторий, лабораторий, каждый третий — санитарно-гигиеническими условиями в вузе. Заметно выросла удовлетворенность технической оснащенностью лабораторий у студентов УрФУ за период 2012–2016 гг.

Девушки оказались более требовательны к обеспечению учебного процесса: отмечены техническое оснащение лабораторий (неудовлетворенность 42 %, у юношей — 38 %), обеспеченность учебниками, учебно-методической литературой (27 % и 23 % соответственно).

В целом картина с учебной литературой с 2009 г. удовлетворительная. Более того, переход с обучения по программам специалитета (в 2012 г. они преобладали) к бакалавриату (2016 г.) не привел, как ожидалось, к ухудшению ситуации с учебниками. Возможно, было услышано предложение участников пилотного исследования преподавателей вузов в 2012 г., отметивших среди

первоочередных мер, необходимых для успешной модернизации ВПО, третьим по важности, после увеличения ассигнований на оплату труда педагогов и на научные разработки, называли необходимость увеличения финансирования разработки новых учебников и пособий.

Наибольшую неудовлетворенность из-за недостаточной обеспеченности учебной и учебно-методической литературы в 2016 г. высказали студенты УрГЮУ, УрГПУ и УрГАУ. Проблемы питания наиболее остро на VII этапе мониторинга (2016 г.) ощущались студентами УрФУ, УГАХУ. Во многих вузах (УГГУ, УрГУПС, УГЛТУ и особенно — УрГЭУ) ситуация с организацией питания, по оценкам студентов, ухудшилась. Сильнее других о своей неудовлетворенности комфортом в аудиториях говорили респонденты из УГГУ, УГАХУ, УрФУ и УрГПУ.

Более высокие требования у девушек устойчиво (в 2012–2016 гг.) проявлялись к санитарно-гигиеническим условиям в вузе (неудовлетворенных 32 % и 28 % юношей), к комфортности, удобству учебной мебели, аудиторий, лабораторий (48 % и 44 %).

Здесь мы вправе говорить о необходимости строительства и ремонта учебных корпусов, аудиторий, кампусов, замене существующего оборудования и мебели и т. д. Тем более, что наши студенты прекрасно осведомлены, в каких условиях учатся и живут их коллеги в столичных и зарубежных вузах.

Современный этап развития общества характеризуется информационным бумом. Так, по данным соцопроса Фонда «Общественное мнение» (ФОМ), осенью 2015 г. Интернетом в России хотя бы раз в месяц пользовались 78 млн человек старше 18 лет. Проникновение (доля пользователей Интернета среди населения этого возраста — 67 %). Почти такое же проникновение (68 %) показано в исследовании Web Index группы TNS, в котором учтены пользователи старше 12 лет. Выше всего проникновение мобильного интернета среди молодых людей — около 90 % пользователей младше 35 лет регулярно выходят в Интернет с мобильных устройств¹. В крупных городах проникновение Интернета в молодежной среде приближается к 100 %.

Свердловская область относится к регионам лидерам как по числу интернет-пользователей, так и по активности информационных агентств. Более 70 % от всех новостных сообщений Уральского федерального округа поступает из Екатеринбурга. В Екатеринбурге сосредоточено наибольшее количество новостных источников (около 40 % от всех СМИ) и блоггеров (50 % от всех Интернет-дневников Уральского федерального округа). В настоящее время доступ в Интернет имеется во всех общеобразовательных, средне-специальных и высших учебных заведениях города.²

¹ По данным ресурса Яндекс «Развитие интернета в регионах России: весна 2016 г. » [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://yandex.ru/company/researches/2016/ya_internet_regions_2016 (дата обращения: 18.04.2017).

² По данным инвестиционного портала Свердловской области [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://exinvest.midural.ru/about/infrastruktura/> (дата обращения: 18.04.2017).

Согласно отечественным и зарубежным программам развития образования его будущее за информатизацией. Уже сегодня с помощью Интернет-технологий можно не только пройти полноценное повышение квалификации, но и получить высшее образование или МВА, не выходя из дома, с помощью дистанционного обучения. И если еще 5–10 лет назад такое обучение вызывало недоверие, а качество проводимых таким образом занятий оставляло желать лучшего, то сегодня ситуация кардинально меняется. Ведущие мировые и отечественные университеты делают ставку на дистантные образовательные технологии обучения студентов. К организации и ведению таких курсов привлекают ведущих преподавателей, постоянно ведется работа над улучшением самих образовательных платформ. Можно предположить, что традиционные формы обучения, постепенно проигрывая по критериям цена-удобство, будут все больше уступать дистантным формам.

По состоянию на 2012 г. считалось, что ужесточение в 2009–2011 гг. нормативно-правовых требований к филиалам и особенно представительством вузов и ограниченные возможности распространения дистанционного обучения на перспективу еще более ограничат шансы выпускников из села, малых и средних городов на поступление в вуз.¹ По состоянию на 2016 г. можно сказать, что современные технологии позволяют получить высокоскоростной Интернет в подавляющем большинстве населенных пунктов России, в том числе и на селе. Данный факт позволяет получить качественное образование всем студентам, вне зависимости от места их жительства. Развитие Интернета и дистантных образовательных технологий будет способствовать снижению информационного неравенства.

Руководство ведущих университетов региона понимает, что немаловажным для внедрения новых форм обучения является понимание его важности и неотвратимости со стороны самих преподавателей. Для этого в университетах должна еще активнее вестись работа с преподавателями по следующим направлениям:

- обучение преподавателей университетов современным образовательным технологиям, с акцентом на интернет-ресурсы и технологии дистанционного образования;
- достойное стимулирование труда преподавателей за работу с современными интернет-технологиями в образовании, в том числе за разработку и совершенствование электронных образовательных ресурсов (ЭОР);
- постоянное совершенствование платформ ЭОР (создание более удобного и функционального интерфейса, развитие служб технической поддержки образовательных платформ и т. п.).

¹ Студент — 2012: Материалы шестого этапа социологического мониторинга (декабрь 2011 — январь 2012) / отв. ред. Ю. Р. Вишневецкий. — Екатеринбург : УрФУ, 2012. — С. 16.

С учетом реализации указанных факторов качество ЭОР будет повышаться и дистанционное образование не будет уступать очной форме обучения студентов.

Сегодня очки виртуальной реальности создают у игрока полное ощущение присутствия и применяются уже не только для организации игр, но и для виртуальных путешествий и даже лечения различных фобий. Идут исследования по применению этих технологий и для организации обучения студентов. Адаптация указанной технологии в дистанционном образовании создаст новые возможности и преимущества.

Пока же, по данным нашего исследования, информационные технологии являются скорее вспомогательным средством в обучении студентов. Современные информационные технологии, и, в первую очередь, интернет-ресурсы помогают студентам получать необходимую им информацию как учебного, так и внеучебного характера. Было установлено, что для 46 % респондентов социальные сети являются самым значимым источником информации о студенческой жизни, а для 26 % респондентов таким важнейшим источником являются Интернет-сайты. Рекламные объявления, СМИ, информация от деканата и другие источники отошли на второй план. Более важным для студентов источником информации осталось только личное общение (52 %) ¹. В целом можно констатировать, что Интернет сегодня является самым значимым неличностным источником информации для студенческой молодежи.

В связи со значимостью в современном мире виртуальных коммуникаций социальное взаимодействие между людьми все больше уходит в виртуальное пространство, и, как следствие, для обозначения норм общения в пространстве Интернета возник термин «информационная культура».

Информационная культура сегодня как одна из мер развития сущностных сил человека проявляется в способности формировать и развивать потребности, способности, мировоззрение, навыки, умения, знания, социальные чувства как отдельных людей в области работы с информацией, так и общества. Сегодня информационная культура проникает во все сферы и структуры нашего общества, в том числе в процесс обучения и профессиональную деятельность.

Современный специалист должен обладать не только хорошими навыками по поиску, сбору, обработке, передаче и анализу информации, но и уметь ориентироваться в огромных информационных потоках, отличать полезную информацию от недостоверных данных. Кроме того, перед будущими специалистами стоит задача не только использовать имеющуюся информацию для решения профессиональных задач, но и уметь создавать инновационный информационный продукт. Для современных студентов очень важно всегда оставаться «в сети». Так, по данным исследования 2016 г., три из каждых

¹ Студентам предлагалось выбрать несколько значимых для них источников информации.

пяти респондентов (61 %) отметили, что в ходе реформы высшего образования, в их учебном заведении появилась возможность пользоваться «быстрым» Интернетом, Wi-Fi. Данные изменения, с одной стороны, помогают студентам, в частности, снижая информационное неравенство, упрощая коммуникации. С другой стороны, информационный бум порождает и новые общественные вызовы, например, огромное количество недостоверной информации и информационного шлама, изменение норм коммуникации и т. д. Особенно остро вопрос информационной культуры стоит сегодня перед учебными заведениями. От того, насколько полные, достоверные и актуальные знания получают студенты, будет зависеть их уровень общей эрудиции и профессионализма в будущем.

Следовательно, и вопросы об удовлетворенности оснащенностью информационными средствами обучения и использовании современных информационных технологий были для нас весьма значимыми. Как же на них ответили студенты (табл. 62, рис. 108)?

Таблица 62

Удовлетворенность информатизацией учебного процесса

Значение	2012	2016
Возможность пользоваться в вузе Интернетом, информационными средствами обучения	65	70
Широкое использование современных информационных технологий	61	65
Применение дистантных технологий образования	—	47

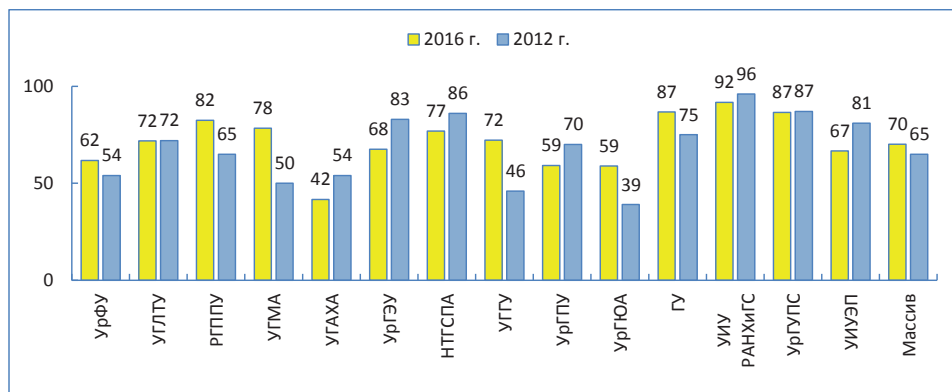

Рис. 108. Доля удовлетворенных возможностью пользоваться в вузе Интернетом, информационными средствами обучения, по вузам, 2012–2016 гг., % ответивших

О том, что работа по развитию Интернета в вузах ведется и ведется весьма плодотворно, свидетельствуют и результаты нашего исследования. В среднем,

доля респондентов, удовлетворенных возможностью пользоваться в вузе Интернетом и информационными средствами обучения (ИСО), возросла с 65 % в 2012 г. до 70 % в 2016 г. Особенно возросло число удовлетворенных возможностью пользоваться в вузе Интернетом респондентов и ИСО в таких высших учебных заведениях как УрФУ, РГППУ, УГМУ, УГГУ, УрГЮУ и ГУ.

В других высших учебных заведениях данная ситуация либо не изменилась, либо даже немного ухудшилась. Снижение доли студентов, удовлетворенных наличием и качеством Интернета и ИСО в своем вузе, может свидетельствовать и о проблемах с информатизацией в данных учебных заведениях, и о росте требований со стороны самих студентов к качественным характеристикам информационных средств обучения и Интернета.

Так, провайдеры мобильной связи предоставляют сегодня достаточно высокую скорость передачи данных, и скорость интернета в вузе не вызывает у современных студентов удовлетворения. Кроме того, в некоторых высших учебных заведениях Wi-Fi предоставляется только к ограниченному числу ресурсов, что также вызывает недовольство наших респондентов.

Что касается удовлетворенности студентов широтой использования современных информационных технологий в учебном процессе, то и в этом направлении можно отметить прогресс. Так, доля тех, кто удовлетворен данным фактом, в 2016 г. составила 65 % против — 59 % в 2012 г. Негативная тенденция наблюдается только в таких учебных заведениях как УрГЭУ, УГГУ, ГУ, УИУ РАНХиГС, УРГУПС и УИУЭП (рис. 109).

В ходе нашего мониторингового исследования в 2012 г. было установлено, что наличие возможности пользоваться Интернетом далеко не во всех вузах коррелирует с использованием информационных технологий в преподавании.

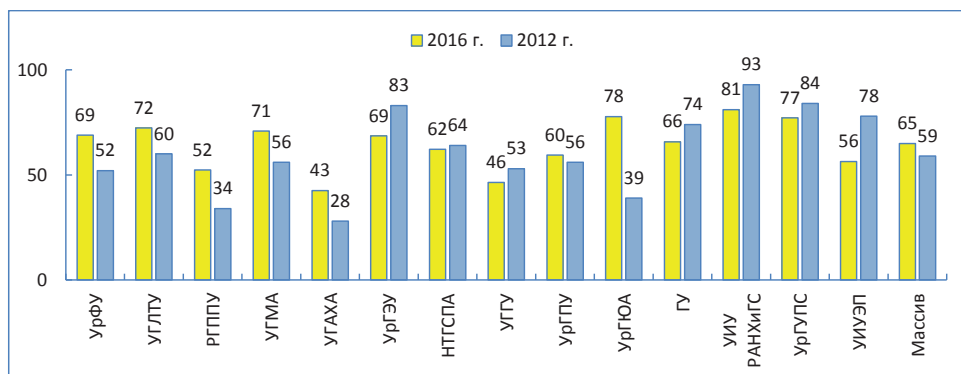

Рис. 109. Доля удовлетворенных широтой использования современных информационных технологий в учебном процессе, по вузам, 2012–2016 гг., % ответивших

И были выделены проблемы, которые очевидно стояли за данным фактом:

- во-первых, большая часть учебных аудиторий не приспособлена к проведению занятий с использованием информационных технологий;
- во-вторых, существует определенный разрыв в уровнях информационной культуры преподавателей и студентов, сопряженный с тем, что дифференциация по степени владения информационными технологиями среди преподавателей гораздо большая, чем среди студентов;
- в-третьих, наконец, даже у студентов, «продвинутых» пользователей, не сформированы социально-психологические навыки восприятия и освоения учебного материала, доводимого до них с использованием мультимедийных средств и информационных технологий¹.

По состоянию на 2016 г., относительно первого факта, можно констатировать, что количество мультимедийных аудиторий в высших учебных заведениях постепенно возрастает, что положительно сказывается на удовлетворенности студентами информационными средствами обучения и информационными технологиями в вузе, что мы уже отметили выше.

Относительно второго факта, мы также можем отметить, что ситуация изменилась, т. к. в вузы пришло поколение молодежи в значительной степени социализированное на информационных технологиях и их степень владения не только не ниже, но зачастую и выше, чем у ППС высших учебных заведений.

Относительно третьего факта также можно отметить, что социально-психологические навыки восприятия и освоения учебного материала в цифровой форме у современных студентов значительно выше, т. к. у них есть привычка, перешедшая в компетенцию, работать скорее с цифровыми данными, нежели с традиционными источниками получения информации.

Среди студентов естественно-научного профиля треть не удовлетворена возможностью пользоваться в вузе Интернетом, информационными средствами обучения. И эти претензии обоснованы: студенты этого направления уже имели сформированную привычку учиться. В группе «естественников» при поступлении было почти вдвое больше (каждый десятый против каждого двадцатого в остальных направлениях подготовки) абитуриентов с отличными баллами ЕГЭ. Количество «хорошистов» среди этих студентов также было максимальным (41 %), в то время как у «гуманитариев» таковых было ровно треть, у студентов социально-экономических специальностей — каждый третий, у «технарей» меньше всего — каждый четвертый.

По показателю использования информационных технологий степень неудовлетворенности в зависимости от выбранного направления обучения достигает максимума у гуманитариев (два из каждых пяти), минимальна — у «экономистов» (менее трети).

¹ СТУДЕНТ — 2012: Материалы шестого этапа социологического мониторинга (декабрь 2011 — январь 2012) / отв. ред. Ю. Р. Вишневский. — Екатеринбург: УрФУ, 2012. — С. 129.

Удовлетворенность использованием современных информационных технологий высказали три из пяти юношей и девушек.

Таким образом, даже за последние четыре года мы видим кардинальные изменения в плане информационных компетенций и информационной культуры студенчества. Информационные технологии все больше входят в нашу жизнь, в том числе и в систему высшего образования. И эти изменения требуют внимания и постоянного изучения.

Рубеж тысячелетий характеризуется интенсификацией процессов, связанных с модернизацией общества, понимаемой социологами как способ обеспечения конкурентоспособности российского государства на евразийском пространстве, повышения качества жизни населения, достижения сбалансированности социальных структур и институтов в условиях становления и развития общества знаний¹. Исследователи модернизации в общем сходятся во мнении, что современной России предстоит двойная модернизация: во-первых, завершение модернизации индустриальной, которая в силу социальных трансформаций конца XX столетия не только не была завершена, но и претерпела заметный регресс, и, во-вторых, модернизация знаниевая, информационная, постиндустриальная².

Высшее образование оказалось включенным и в общий социальный процесс модернизации общества, и в политический процесс, проводимый на государственном уровне и названный модернизацией высшего образования, который имеет достаточно четко сформулированные цели (создание механизма устойчивого развития системы образования³) и задачи (обеспечение государственных гарантий доступности и равных возможностей получения полноценного образования; достижение нового современного качества дошкольного, общего и профессионального образования; формирование в системе образования нормативно-правовых и организационно-экономических механизмов привлечения и использования внебюджетных ресурсов; повышение социального статуса и профессионализма работников образования, усиление их государственной и общественной поддержки; развитие образования как открытой государственно-общественной системы на основе распределения ответственности между субъектами образовательной политики и повышения роли всех участников образовательного процесса обучающе-

¹ См., напр.: Лапин Н. И. Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации // Социологические исследования. — 2011. — № 9. — С. 3—18.

² См., напр.: Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001—2010) / пер. с англ.; под общ. ред. Н. И. Лапина. — М.: Изд-во «Весь Мир», 2011; Кива А. В. Многоликость российской модернизации // Общественные науки и современность. — 2011. — № 1. — С. 42—52; Заславская Т., Ядов В. Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений: Тез. III Всерос. социол. конгр. — М., 2008; и др.

³ Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года (Приложение к приказу Минобрнауки России от 11.02.2002 № 393) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://upr.1september.ru/2002/28/2.htm/> (дата обращения: 18.08.2015).

гося, педагога, родителя, образовательного учреждения¹), а также подкреплен различными механизмами. Однако современное состояние высшего профессионального образования показывает, что указанный политический процесс не достиг заявленных результатов².

Система высшего образования участвует в кадровом обеспечении модернизационных процессов и массовой подготовке специалистов, формировании элитных кадров инновационной знаниевой экономики.

В связи с актуальностью процессов модернизации высшего образования на VI этапе мониторинга была поставлена новая исследовательская задача: выявить мнение студентов об основных элементах модернизации высшей школы (влиянии системы ЕГЭ на выбор вуза и профессии, переходе на уровневую подготовку по схеме «бакалавриат—магистратура» и внедрении системы «двойных дипломов» и «европейского приложения» к диплому; участии в системе академической мобильности через межвузовский и международный обмен студентов в рамках учебных, научных программ, грантов, конференций, участии в программах и курсах, читаемых на иностранном языке либо иностранными специалистами). Студентам было предложено оценить оснащенность аудиторий, лабораторий учебных заведений новой, современной техникой, учебными материалами, использование информационных технологий и Интернета; применение инновационных методов преподавания и методов индивидуальной работы со студентами; привлечение к преподаванию работодателей — специалистов предприятий, бизнес-структур, органов власти; связь получаемых знаний с жизнью и с реальной работой по профессии. Изучались и возможности студентов в области научной деятельности: их вовлеченность в научно-исследовательскую работу и внедренческую практику через инновационные площадки вуза и работу в малых предприятиях при вузе.

Обратимся к анализу изменений, которые происходят в высшей школе в связи с проводимой модернизацией образования (табл. 63).

Самое простое и видимое изменение, которое массово отметили студенты в 2012 г., — переход на уровневую систему обучения бакалавриат—магистратура. Для каждого из трех из четырех третьекурсников это очевидный факт. Наиболее интенсивно этот процесс происходит на специальностях гуманитарного и социально-экономического профиля. Представители естественно-научного направления наименее «пострадали» от Болонского процесса. Прежде всего, это медики и физики. Значительно меньше специалитет сохранился в технических вузах (рис. 110).

¹ Концепция модернизации российского образования на период до 2010 г. (Приложение к приказу Минобразования России от 11.02.2002 № 393) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://upr.1september.ru/2002/28/2.htm>.

² Пономарев А. В. Социокультурная трансформация высшего образования России // Российское образование в условиях социальных трансформаций: социологические очерки / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург : УГТУ—УПИ, 2009. С. 573.

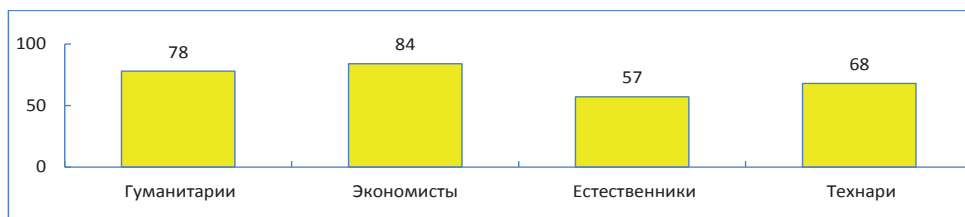

Рис. 110. Доля отметивших переход на двухуровневую систему обучения, по профилям обучения, 2012 г., % от группы

В 2016 г. этот вопрос потерял актуальность в связи со вступлением в действие федерального закона «Об образовании», окончательно закрепившего уровневую систему образования.

Таблица 63

**Какие изменения вы можете отметить в ходе реформы системы высшего образования
(% отметивших те или иные изменения), 2012–2016 гг.**

Значение	2012	2016
Появилась возможность пользоваться быстрым Интернетом, Wi-Fi в вузе		61
Внедряется межвузовский обмен студентов в рамках учебных программ научных программ, грантов, конференций	53	63
Внедряется межвузовский обмен студентов в рамках научных программ, грантов, конференций		61
Расширились возможности в области научной деятельности	52	62
Возросла оснащенность лабораторий, аудиторий новой техникой	51	55
Внедряются и реализуются программы обучения за рубежом	49	59
Реализуются программы, курсы на иностранном языке	47	55
Внедряется «европейское приложение» к диплому, программы «двойных дипломов»	47	46
Появились возможности внедрять свои научные разработки в производство через инновационные площадки вуза	41	45
Появилась возможность работать в малых предприятиях при вузе	41	41
Для проведения занятий привлекаются иностранные специалисты	32	36

Второй знаковый признак модернизации образования для обычного студента — возможность пользоваться интернетом. Почти 2/3 респондентов в 2012 году отмечали такую возможность. Тогда эта возможность более всего отмечалась студентами-«естественниками», менее всего — «экономистами». Сегодня проблема доступности интернета звучит по-другому: речь идет не об интернете как таковом, а о его производительности и удобстве подклю-

чения. Потому и вопрос ставился именно о быстром и беспроводном интернете (рис. 111–112). И тем примечательнее 3/5 ответов респондентов, указавших на наличие такой возможности в их вузе.

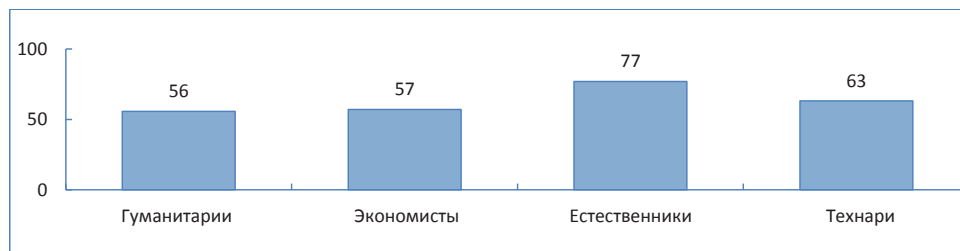

Рис. 111. Возможность пользоваться быстрым Интернетом, Wi-Fi в вузе, по направлениям подготовки, 2016 г., % от группы

Заметно, что быстрее этот процесс по-прежнему идет в естественно-научных и технических направлениях.

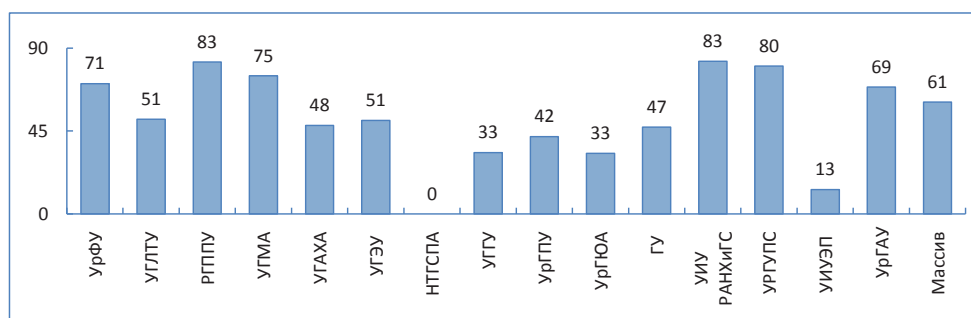

Рис. 112. Возможность пользоваться быстрым Интернетом, Wi-Fi в вузе, по вузам, 2016 г., % от группы

Целый ряд изменений связан созданием условий для академической мобильности студентов. Академическая мобильность, начиная с VI этапа мониторинга, рассматривалась в разных аспектах:

- реализация программ и курсов на иностранных языках,
- внедрение «европейского приложения» к диплому и программы «двойных дипломов»;
- внедрение и реализация программ обучения за рубежом;
- привлечение для проведения занятий иностранных специалистов.

Примечательно, что эти аспекты в 2012 г. не вышли на лидирующие позиции в оценке модернизации вузов, но первые три параметра уже были отмечены в целом по массиву каждым вторым, а последний — каждым третьим.

Поскольку это оценка студентов, то вряд ли ее можно интерпретировать в негативном плане.

Необходимым элементом академической мобильности является знание иностранного языка (рис. 113), который всегда входил в учебную программу, однако задача сегодняшнего дня — существенное расширение сфер его применения в вузе. Почти половина студентов в 2012 г. отметили, что в их вузе реализуются программы и курсы на иностранном языке. В 2016 г. число таковых выросло на 8 %.

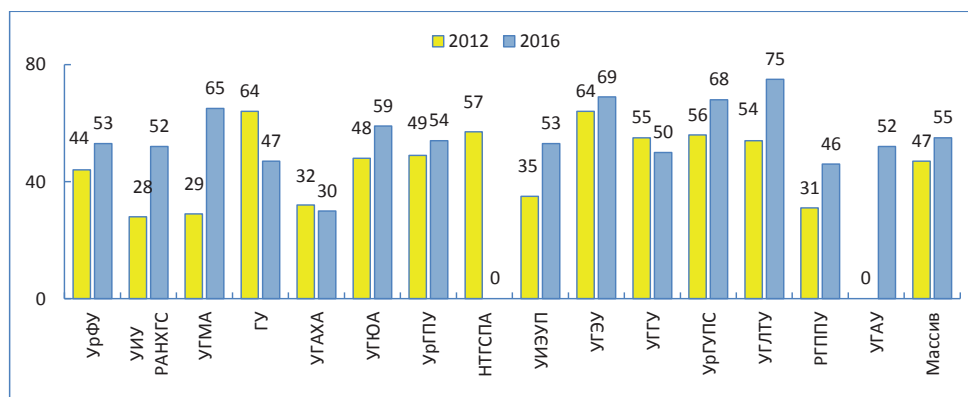

Рис. 113. Доля отметивших реализацию программ, курсов на иностранном языке, по вузам, 2012–2016 гг., % от группы

При анализе распределения по профилю обучения в 2012 г. оказалось, что в наибольшей степени эта деятельность заметна у студентов технических и социально-экономических специальностей, незначительно (на 2 %) отстали гуманитарии, а среди «естественников» таких студентов оказалась только треть. По вузам лидирующие позиции занимают студенты ГУ и УГЭУ, а также НТГСПА (57 %). На другом полюсе — УИРАНХГС, УГМА, УГАХА. Чуть больший интерес к программам на иностранных языках отмечен у девушек.

В 2016 г. ситуация с программами на иностранном языке между разными направлениями подготовки существенно выровнялась, однако тенденция отставания «гуманитариев» сохранилась. Динамика по вузам дана на рис. 114.

В задачи модернизации высшего образования входит и другая задача, связанная с владением иностранным языком, — увеличение количества образовательных программ для студентов и преподавателей за рубежом. Уже в 2012 г. среди студентов отметивших, что такие программы есть в их вузе, таких была почти половина. В 2016 г. отмечен значительный рост — их выделили каждые трое из пяти.

Примечательно, что практически по всем вузам в 2016 г. отмечена положительная динамика. Самое главное, что в ответах о данном параметре про-

является большая осведомленность респондентов о таких программах. Это может быть объяснимо их значимостью для студентов: посещение иностранного государства всегда связано со значительными затратами. Участие в зарубежной образовательной программе помимо образовательной и познавательной привлекательности почти всегда ассоциируется с оплатой за счет вуза, а потому приобретает в глазах студентов дополнительную ценность. Поэтому студенты хорошо информированы о таких программах, даже если их реально не очень много.

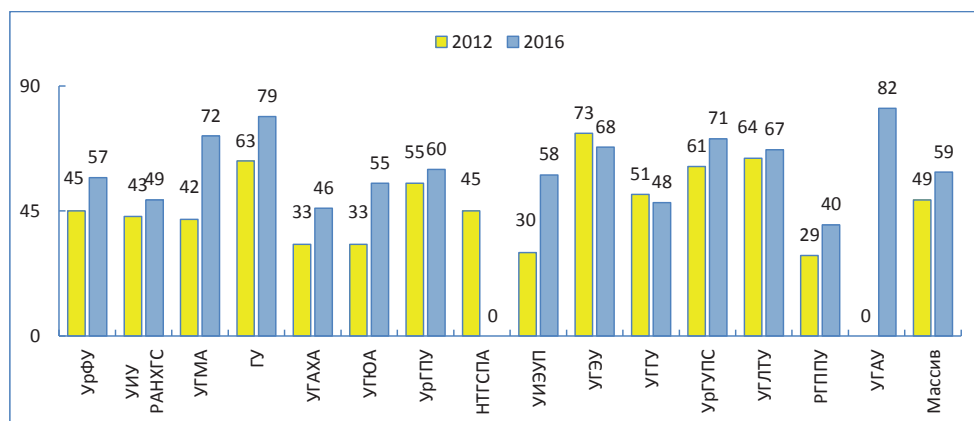

Рис. 114. Доля отметивших внедрение и реализацию программ обучения за рубежом, по вузам, 2012–2016 гг.

И еще одна грань модернизационных процессов, связанная с владением иностранными языками и возможностью познакомиться с состоянием международного образования и науки у себя в вузе, — привлечение для проведения занятий иностранных специалистов.

Одновременно это — одна из самых сложных для реализации позиций программы модернизации, серьезно ограниченная и в организационно-правовом (особенно после событий 2014 года, резко обостривших общеполитическую ситуацию в мире), и в финансовом плане.

В 2012 г. среди студентов утвердительно ответили о наличии таких специалистов — треть, среди преподавателей таковых оказалось пятая часть. Изменения на следующем этапе мониторинга незначительны, и этот параметр замыкает ранговый ряд мероприятий по модернизации высшего образования (рис. 115).

Важно подчеркнуть, что речь идет именно о привлечении таких специалистов, а не о регулярности их деятельности как штатных преподавателей.

И еще один вопрос, касающийся академической мобильности и опосредованно связанный со знанием иностранного языка, — насколько студен-

ты осведомлены о внедрении программ двойных дипломов и европейского приложения к диплому. В 2012 г. почти каждый второй студент отметил, что этот процесс в их вузе происходит. По данному параметру за 4 года ситуация практически не изменилась.

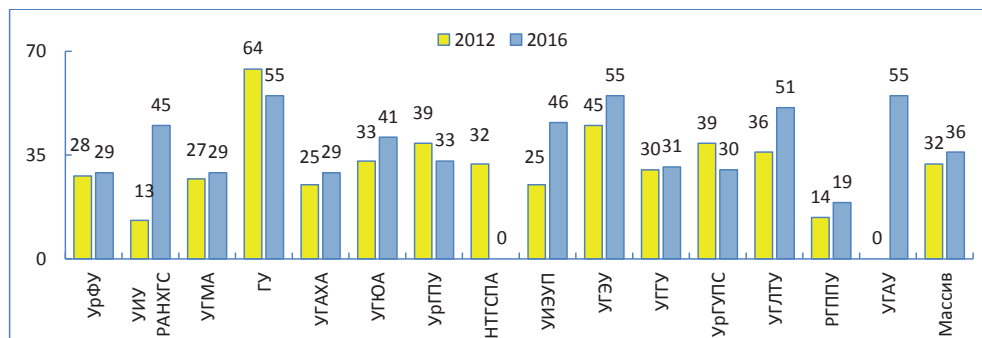

Рис. 115. Доля отметивших привлечение для проведения занятий иностранных специалистов, по вузам, 2012–2016 гг., % от группы

Подводя итоги по теме владения иностранными языками и применения их в образовательных программах вузов, отметим, что усилия администраций вузов в этой сфере стали заметным явлением в жизни высшей школы. Однако говорить о том, что цели модернизации в этом вопросе достигнуты, пока рано. Это в равной степени касается и студентов, и преподавателей. Видимо, чтобы достичь результатов в этом вопросе, необходимо сместить акценты в сторону преподавателей специальных дисциплин, обеспечив им возможность не только повысить их квалификационный уровень, но и создать, апробировать и внедрить свои курсы на иностранных языках.

Следующий вопрос также касается академической мобильности, но уже «внутренней» — о становлении межвузовского обмена в рамках учебных и научных программ, грантов и конференций (рис. 116). В 2012 г. мнение преподавателей и студентов относительно студенческого обмена практически совпали: в преподавательской среде положительные ответы о наличии в вузах таких программ дала половина ответивших. Среди студентов таковых оказалось даже чуть больше. Разрыв между вузами был достаточно большой: максимум — три четверти осведомленных студентов — в УГЭУ, минимальное значение — каждый четвертый — в УГАХА, что говорит о крайней неравномерности этого процесса.

Что касается профиля обучения, то здесь в 2012 г. фиксировалась меньшая разница: более всего студентов, проявивших свою информированность по данному вопросу, 63 % — обучаются по социально-экономическому профилю, «технари» на втором месте — 53 %. Важно отметить, что межвузовский обмен — традиционная форма сотрудничества, хорошо развивавшаяся

на протяжении значительного времени, по крайней мере, на уровне конференций и олимпиад. Наш опрос не был ориентирован на выявление степени вовлеченности студентов в конкретные формы такого обмена, но видится закономерным вывод о трудности протекания этого процесса в целом.

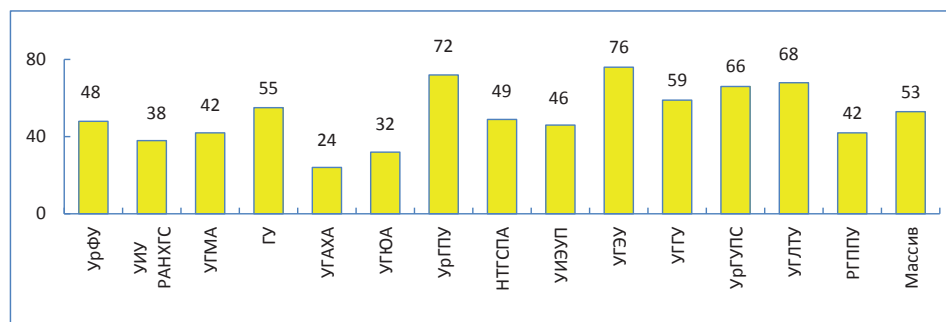

Рис. 116. Доля отметивших распространение межвузовского обмена, по вузам, 2012 г.

В 2016 году вопрос об академической мобильности рассматривался в двух аспектах — образовательной и научной мобильности.

Общий вывод говорит о росте научных и образовательных контактов. Весьма показательны и данные по отдельным направлениям подготовки и по вузам (рис. 117–118).

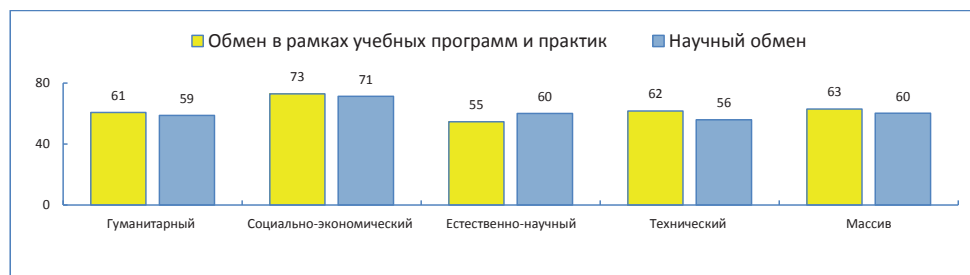

Рис. 117. Академическая мобильность, по направлениям подготовки, 2016 г., % от группы

Еще одной задачей модернизации ВПО является ликвидация материально-технической отсталости, оснащение учебных лабораторий, аудиторий новой техникой, обеспечение возможности пользоваться в вузах Интернетом. Мы уже отмечали снижение степени удовлетворенности у студентов санитарно-гигиеническими условиями и оборудованием аудиторий и лабораторий. Сейчас мы вынуждены констатировать, что с новой техникой в целом дела обстоят не лучшим образом: в целом увидела изменение только половина

третьекурсников. Вполне закономерно, что в первую очередь оно коснулось студентов технических специальностей (это отметили 55 % респондентов), а замкнули ряд студенты-гуманитарии (43 %). Если мы вспомним направления модернизации российской экономики¹, то увидим, что студентам гуманитарного направления придется довольствоваться остаточным принципом. Вызывает интерес тот факт, что одинаковое с «технарями» количество ответов получено от студентов социально-экономического профиля, в то время как «естественники», технико-технологическое обеспечение которых имеет решающее значение, заняли только третье место. Вопрос, видимо, состоит в количестве средств, необходимых для обеспечения «запросов» естественно-научного направления. Отраден факт, что в негосударственных вузах, представленных в выборке, дела обстоят не хуже, чем в государственных. Но нужно оговориться, что финансово емкое и технически сложное оборудование все-таки необходимо больше для подготовки специалистов (бакалавров, магистров) по техническим и естественно-научным профилям, которые в основном представлены в государственных вузах.

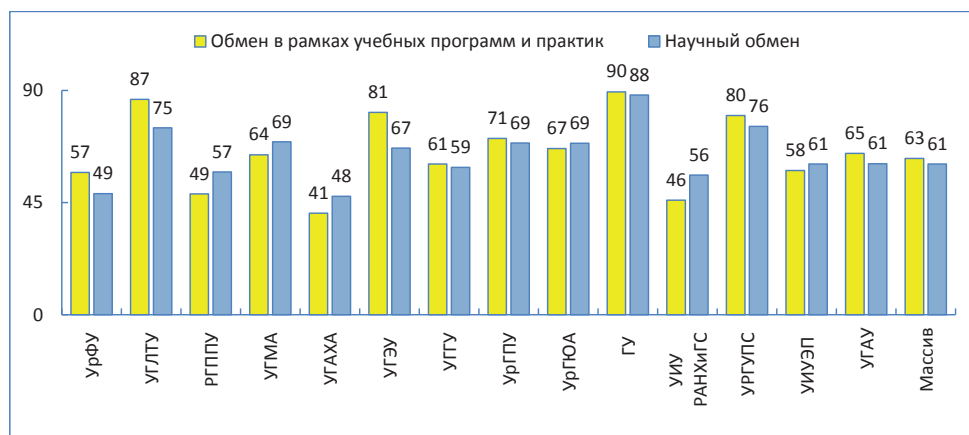

Рис. 118. Академическая мобильность, по вузам, 2016 г., % от группы

В ходе опроса авторы пытались выяснить такой важный аспект модернизации, как связь образования, науки и работодателей. Как известно, такой формой деятельности избраны инновационные площадки и малые предприятия при вузах, через которые и студенты, и преподаватели могли бы апробировать и внедрять свои бизнес-идеи и научные разработки, одновременно решая свои материальные проблемы. Вынуждены отметить, что инноваци-

Медведев Д. А. Вступительное слово на заседании Комиссии по модернизации и технологическому развитию экономики России. 18 июня 2009 г. — М., «Лаборатория Касперского» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/4506> (дата обращения: 20.03.2012).

онные площадки и малые предприятия при вузах остаются мифом для большей части вузовского сообщества: о возможности участвовать в такой работе не осведомлены 60 % студентов, и при этом 13 % студентов имеют постоянную работу, еще 29 % работают время от времени. Всего лишь 10 % преподавателей знают об инновационных площадках, осведомленность о малых предприятиях при вузах среди преподавателей составила 17 %. В различных вузах создание таких площадок и малых предприятий происходит с разной степенью интенсивности (рис. 119).

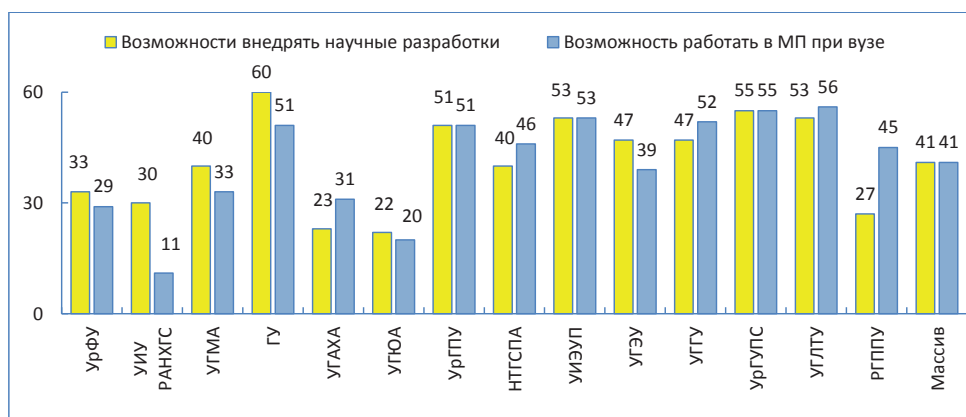

Рис. 119. Доля отметивших расширение возможностей внедрить свои научные разработки и работать в малых предприятиях при вузе, по вузам, 2012 г., % от группы

Очевидно, что развитие указанных площадок и предприятий представляет огромный нереализованный модернизационный потенциал, с помощью которого можно решать самые разнообразные задачи, начиная от материальной поддержки рядовых участников образовательного процесса и заканчивая повышением мотивации к учебе и науке через удовлетворенность внедренными идеями и разработками. Как мы уже отмечали, студенты не высказали удовлетворенности относительно привлечения к научной деятельности кафедры. На вопрос относительно расширения возможностей в области научной деятельности мнения студентов разделились фактически в равной мере: 52 % считают, что расширились, 48 — нет. У преподавателей еще более пессимистическая точка зрения — только 32 % высказали позитивное мнение. Среди вузов наибольшее количество отрицательных ответов получены от студентов УГМА и УГАХА.

Итак, приведенные данные позволяют сделать следующий вывод: модернизационные процессы в высшем образовании Свердловской области проходят неравномерно и по большей части не столь результативно влияют

на повышение качества образования, как это представляется в официальных отчетах. Степень включенности студенческого сообщества в эти процессы требует дополнительного изучения. Наиболее сложная ситуация складывается со студенческой наукой.

4. Профессиональное самоопределение¹

...Профессии кажутся нам самыми возвышенными,
если они пустили в нашем сердце глубокие корни,
если идеям, господствующим в них, мы готовы принести
в жертву нашу жизнь и все наши стремления.
Они могут осчастливить того, кто имеет к ним призвание,
но они обрекают на гибель того, кто принялся
за них поспешно, необдуманно, поддавшись моменту

К. Маркс

В актуальных процессах общественных трансформаций, бесспорно, значимую роль играют профессионалы и студенческая молодежь, которые являются важнейшим социальным ресурсом информационных обществ. Но сегодня необходимо не только понимать, что молодежь является социальным ресурсом, но и знать, какими ресурсами обладает сама молодежь и какими стремится обладать, чтобы конвертировать их в социальный и культурный капитал. В качестве такого капитала выступают образование, квалификация и профессия. Поэтому важнейший вопрос для современной молодежи — выбор сферы занятости, учебного заведения, будущей профессии, т. е. круг проблем, обозначаемых как профессиональное самоопределение.

Профессиональное самоопределение традиционно рассматривается как этап, приблизительно совпадающий с окончанием средней школы; исследователями отмечается как вынужденность этого выбора, так и неготовность большинства школьников к самому выбору и к принятию ответственности за него. Именно поэтому многие студенты оказываются в ситуации отложенного выбора².

Процесс профессионального самоопределения детерминирован как социальными факторами (рынок труда, престиж профессий, функции высшего образования в обществе, государственная политика в сфере образования), так и личностными, субъективными (профессиональное самосознание личности). Тенденции общественного сознания (шкала престижа профессий и значимость образования в обществе), с одной стороны, и конкретные

¹ Глава выполнена при поддержке РГНФ, проект № 15-03-00069 «Формирование профессионального этоса современного инженера: гендерный и функциональный аспекты».

² Иванченко Г. В. На пороге профессиональной карьеры: социальные проблемы и личностные стратегии выбора // Мир России. — 2005. — № 2. — С. 97, 98.

социально-экономические условия, с другой, определяют характер воздействия социальных институтов и групп на процесс профессионального самоопределения личности. Среди социальных институтов, влияющих на данный процесс, — семья, сверстники, школа, вуз, работодатели (фирмы, компании, предприятия), государство и другие.

Субъективно результат самоопределения оценивается личностью как удовлетворенность различными аспектами профессиональной деятельности и своим профессиональным становлением в целом. На основе данной оценки личность формирует свои профессиональные и жизненные планы, намерения и идеалы, которые являются мотиваторами настоящей профессиональной активности (учебы, повышения квалификации, получения дополнительного образования и др.) на актуальном этапе профессионального самоопределения. Отметим подчеркиваемую многими исследователями взаимосвязь профессиональных планов и стратегий с жизненными: «Выбор будущей профессии, будущей деятельности для молодого человека — это во многом вопрос о смысле жизни, о жизненной перспективе. Это проблема скорее мировоззренческая, чем профориентационная, и все попытки профориентации будут во многом бесплодны, пока молодой человек не разберется в себе, пока не осознает свои интересы, ценности, склонности»¹.

На каждом этапе процесса профессионального самоопределения трансформируется его содержание, а на уровне общественных отношений меняется субъект профессионального самоопределения. Длительность процесса профессионального самоопределения позволяет выявить ряд ключевых моментов, каждый из которых обладает своей уникальной значимостью для субъекта самоопределения. Мы сосредоточили свое внимание, на наш взгляд, на наиболее существенном этапе самоопределения молодежи — студенческом.

В условиях перехода к рыночным отношениям заметно ослабло определяющее (патерналистское) влияние государства на профессиональное самоопределение молодежи. Традиционная советская система профориентационной работы перестала действовать. Сами вузы зачастую переходили от реализации социальной функции профориентации к рекламным кампаниям по привлечению все большего числа абитуриентов. С этой целью происходило массовое открытие набора на «модные» и пользовавшиеся повышенным спросом специальности. Вряд ли правомерно — особенно сегодня — рассматривать однозначно негативно этот своеобразный отклик системы высшего образования на изменившийся социальный заказ. Ведь это спасло систему высшего образования (и инфраструктуру, и значительную часть кадров) от разрушения. При этом, как справедливо отмечают

¹ Орлова В. В. Социальная зрелость молодежи: социально-психологический аспект // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований (Российская академия естествознания). — 2009. — № 5. — С. 124–125.

М. М. Акулич и М. В. Батырева, «был смягчен существующий годами конфликт между ожиданиями молодежи и структурой системы образования, но одновременно обострились противоречия с трудоустройством выпускников учреждений профессионального образования, возникло несоответствие рынка труда и рынка молодых специалистов»¹.

Профессиональное самоопределение молодежи выступает как «процесс ее интеграции в социально-профессиональную структуру общества, который реализуется на личностном уровне через выбор студентами вариантов профессионального развития»². Для нас, социологов, весьма значимо мнение психологов, акцентирующих процессуальность профессионального самоопределения, которое не сводится к одномоментному акту выбора профессии и не оканчивается с завершением профессиональной подготовки по выбранной специальности, а продолжается на протяжении всей профессиональной жизни³.

Профессиональное самоопределение на личностном уровне реализуется через ценностный выбор личностью вариантов своего профессионального развития. Процесс формирования профессионала не может быть сведен к передаче и усвоению суммы конкретных знаний и навыков. Подобная технократизация обучения, ориентация на выпуск узких специалистов выхолащивает суть профессионализма, порождает профессиональный абсентеизм. Обучение профессии — это еще и усвоение определенных способов мышления и практик, характерных для данной профессии, определенных традиций и норм поведения, профессиональной этики, культуры. Перечисленные особенности профессионала дают основания рассматривать его, вслед за Т. Парсонсом, как модель идеального гражданина, а университеты — как опору гражданственности⁴.

Профессия организует, рационализирует не только трудовую деятельность, но и социальное поведение индивида в целом, накладывая отпечаток на его образ и стиль жизни. Она формирует стереотипные формы поведения, выступая своего рода печатью, клеймом, отличающем ее носителя от других

¹ Акулич М. М., Батырева М. В. Особенности профессионального самоопределения выпускников школ в условиях экономического кризиса // Актуальные проблемы социологии молодежи / под общей ред. Ю. Р. Вишневого. — Екатеринбург : УрФУ, 2010. — С. 59.

² Дидковская Я. В. Динамика профессионального самоопределения студентов // Социологические исследования. — 2001. — № 7. — С. 132.

³ См.: Зеер Э. Ф. Психология профессий. 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Академический Проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2003. — С. 103.

⁴ Parsons T. Professions // International Encyclopedia of the Social Sciences. — New York : The Macmillan Company & The Free Press, 1968. — P. 536–547; Parsons T. Remarks on Education and the Professions // The International Journal of Ethics. — 1937. — P. 365–381; Parsons T. The Professions and Social Structure // Parsons T. Essays in Sociological Theory (Revised Edition). — New-York The Free Press, — 1966. — P. 34–46; Абрамов Р. Н. Профессиональный комплекс в социальной структуре общества (по Парсонсу) // Социологические исследования. — 2005. — № 1. — С. 54–66.

(«стигма профессии»). Профессионализм как стиль социальной деятельности можно определить словами Т. Парсонса как «культурное гражданство»¹. Профессионализм, профессиональная этика предполагает универсализм в подходе к клиентам, то есть нейтральность и специализацию. При этом профессионализм предполагает и определенную иерархию, власть профессионала, а профессиональное призвание выступает как гражданский долг индивида².

Исследование процесса формирования современных молодых профессионалов, выявление возможностей и рисков реализации этого процесса позволяет наметить своеобразные «точки роста» или возможности становления социокультурных основ гражданственности.

Успешность и эффективность профессионального образования может рассматриваться в нескольких аспектах: с позиций отдельной личности, реализующей свои способности на рынке труда и в жизни в целом; с позиций гражданского общества, заинтересованного в увеличении доли цивилизованных людей, имеющих высшее образование и участвующих в создании общественных гражданских институтов; с позиций семьи, как той, из которой «выходит» юноша или девушка, так и той, которую со временем они создают сами.

Здесь возможно, с одной стороны, продолжение семейных трудовых и профессиональных традиций, накапливание их, формирование профессиональной культуры и этики. Со стороны нарождающейся семьи с устойчивым профессиональным самоопределением связана стабильность, независимость и обеспеченность семьи в условиях рыночных отношений; с позиций государства важно определить наиболее перспективные направления капиталовложений. Государство объективно заинтересовано финансировать те виды образования и науки, которые в состоянии обеспечить ему эффективную политическую деятельность и экономический прорыв в наукоемких отраслях, в высоких технологиях на мировом рынке. Четыре названных аспекта определяют четыре основные функции профессионального образования. Само же профессиональное образование многообразно. В рамках каждой профессии формируются свои приоритеты, идет процесс творческого саморазвития системы профобразования, в котором не только спрос рождает предложение, но богатство предложения формирует спрос, активизирует его. Свидетельством этого является создание сети негосударственных образовательных учреждений, удовлетворяющих запросы значительной социальной категории нашего общества. Каковы же мотивы выбора специальности, профессии респондентами?

В рамках исследовательского проекта проведен анализ оценок, мнений, то есть субъективного восприятия ситуации на рынке труда будущими спе-

¹ Парсонс Т. О структуре социального действия. — М. : Академический проект, 2000. — С. 500.

² Щепанская Т. Б. Антропология профессий // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2003. — Т. 4. — № 1. — С. 153.

циалистами, готовящимися к переходу из системы образования в систему занятости. Интересны и важны для анализа не только мотивы выбора профессии, удовлетворенность этим выбором, но и профессиональные планы, оценки способов выхода на рынок труда.

Специфика профессионального самоопределения на этапе студенчества состоит в оценке студентами уже совершенного выбора университета и специальности, построении профессиональных планов на будущее, «применивании» к рынку труда, получении первого опыта профессиональной деятельности.

Психологи называют этот этап стабилизационным, ибо в этот период на основе осознания требований новой социально-профессиональной роли и собственных способностей и возможностей происходит осознание достижений, которые сделаны благодаря собственным усилиям¹.

Это так называемый эталонный вариант учебно-профессиональной мотивации студентов-третьекурсников. Анализируя их оценки, планы на будущее, имеет смысл учитывать еще два значимых момента, корректирующих полученные оценки. Исследователи-психологи анализируют мотивацию так называемых классических, а не работающих студентов, статус последних порой сложно обозначить определенно. Второй момент — социально-психологические исследования зафиксировали пониженный мотивационный профиль третьекурсников в сравнении с первокурсниками и четверокурсниками. Одним из возможных объяснений снижения мотивации, по мнению психологов, может быть тот факт, что третьекурсники переживают индивидуализационный период своего развития в вузе². Это побуждает их к поиску собственной уникальности не только в системе межличностных отношений, но и в продвижении к профессиональному будущему.

Отношение к профессиональному будущему на третьем курсе становится более личностным, независимым. Третьекурсники в наименьшей степени ориентируются на продолжение профессиональных традиций родителей и на поиск работы в той же сфере, что и их друзья. Кроме того, успешно адаптировавшись в вузе и познакомившись с содержанием избранной профессии, третьекурсники нередко переживают сомнения по поводу адекватности своего профессионального выбора. Опытные преподаватели и психологи образования говорят даже о кризисных явлениях в профессиональном развитии наиболее ответственных третьекурсников. С учетом этих порой взаимоисключающих процессов рассмотрим оцен-

¹ Гарбузова Г. В. Эмпирические критерии формирования профессиональной идентичности студентов [Электронный ресурс]. — Брянск, 2007. — Режим доступа: <http://www.bali.ostu.ru/umc/arhiv/2007/1/Garbuzova.doc> (дата обращения: 18.05.2016).

² Меламед Д. А. Социально-психологические особенности учебно-профессиональной мотивации студентов [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование. — 2011. — № 2. — Режим доступа: <http://www.psyedu.ru/journal/2011/2/2116.phtml> (дата обращения: 11.05.2016).

ки факторов, повлиявших на выбор профессии, удовлетворенность выбором, планирование будущей профессиональной карьеры и планируемые формы трудоустройства.

Традиционно профессиональное самоопределение рассматривается социологами как процесс вхождения молодого поколения в социальные и профессиональные структуры общества, который регулируется различными социализирующими институтами, прежде всего институтом профессионального образования. Ключевую роль в этом процессе играют престиж и привлекательность профессий для молодежи. На важную роль престижа профессий в профессиональном самоопределении обратил внимание еще В. Н. Шубкин в своей концепции «пирамид профессий»¹. По Шубкину, процесс профессионального самоопределения протекает через взаиморегулирование профессиональных намерений молодых людей и сложившейся социально-профессиональной структуры, определяющей структуру вакансий по профессиям. При этом привлекательность выбираемых профессий для молодежи будет определяться иерархией престижа профессий в обществе. Особенно значимо, что для Шубкина социологический анализ этой проблемы не был беспристрастным наблюдением: «Не нужно иметь слишком развитого воображения, чтобы за геометрическими формами этих фигур представить реальные жизненные судьбы миллионов людей, заполняющих их, разных классов, социальных слоев и групп, их надежды и разочарования»².

Первичная профессионализация включает в себя приобретение профессиональных умений и навыков, необходимых для успешного начала профессиональной деятельности, т. е. приобретение специальности. В силу своего характера, первичная профессионализация непосредственно связана с профессиональным образованием, ее целью и результатом является становление специалиста, поэтому она может быть охарактеризована как специализация. *Вторичная профессионализация* представляет собой становление и развитие профессионализма личности в ходе трудовой деятельности на основе накопления и использования профессионального опыта, профессиональной активности человека и широкого мировоззренческого подхода к решению профессиональных задач³.

В рамках мониторинга социокультурного портрета студенчества вузов Свердловской области процессы первичной профессионализации будущих специалистов исследовались по трем основным направлениям:

- мотивы первичной мотивации выбора вуза;

¹ Шубкин В. Н. Социология и общество: научное познание и этика науки : монография. — М. : ЦСПиМ, 2010. — С. 240–242.

² Там же. — С. 242.

³ Зеер Э. Ф. Психология профессионального развития. — М. : Академия, 2007. — 240 с.; Маркова А. К. Психология профессионализма. — М. : Международный гуманитарный фонд «Знание», 1996. — 308 с.

- значимость будущей профессии (система профессиональных ценностей);
- профессиональные планы студентов-третьекурсников.

Актуальность изучения профессионального выбора определяется его значением в жизни молодого человека и высокой ценой для социума и самого молодого человека любых ошибок в профессиональном выборе.

В профессиональном выборе человека личностное переплетается с общественным. Еще просветителями был обоснован гуманистический вывод: человека «не следует употреблять для каких-либо дел, не спрашивая, подходят ли они ему, ведь не люди созданы для мест, а места созданы для людей, и чтобы произвести достойное их распределение, надобно заботиться не только о том, чтобы приставить каждого человека к такому делу, к которому он больше всего подходит, но и о том подумать, какое дело больше всего годится для сего человека»¹. Но такое «достойное» (отвечающее социальной необходимости и учитывающее достоинство человека) профессиональное распределение так и не стало реальностью. И потому столь актуален прогноз Д. С. Лихачева: «Я мыслю себе XXI век как век развития гуманитарной культуры, культуры доброй и воспитывающей, закладывающей свободу выбора профессии и применения творческих сил. Образование, подчиненное задачам воспитания, разнообразие средних и высших школ, возрождение чувства собственного достоинства, не позволяющего талантам уходить в преступность, возрождение репутации человека как чего-то высшего, которой должно дорожить каждому, возрождение совестливости и понятия чести — вот в общих чертах то, что нам нужно в XXI веке»².

Представляет интерес исследование профессионального выбора студентов с позиций ресурсного подхода, который сегодня выходит на первый план в социологии молодежи и в анализе молодежных проблем. В более широком плане это отразилось в переходе от работы с кадрами к управлению персоналом и — далее — к управлению трудовыми и человеческими ресурсами. Меняются и критерии оценки работника: если традиционно акцентировалось, чего достиг выпускник вуза, что он знает и умеет, какова его обученность (в русле компетентностного подхода — каковы его компетенции?), то в перспективе на первый план должна выйти его обучаемость. В сфере образования (и школьного, и высшего) этому соответствует смена парадигм: от «научить чему-то» к «научить учиться».

Целостность процесса профессионального самоопределения особенно подчеркивается в теории структуризации Э. Гидденса, выделяющего ресурсы как одну из важнейших структур (наряду с правилами). При этом особенно значима

¹ Руссо Ж.-Ж. Избр. соч. : в 3 т. — Т. 2. — М. : Гос. изд-во художественной литературы, 1961. — С. 465–466.

² Лихачев Д. С. О национальном характере русских // Вопросы философии. — 1990. — № 4. — С. 3.

мысль социолога, что ресурсы могут существовать не сами по себе, а лишь воспроизводясь в процессе человеческой интеракции, взаимодействия. По Гидденсу, «каждый (компетентный) член общества, поддерживая любого рода взаимодействия, привлекает социальные знания и теории, обычно без принуждения и вполне обиденно, а использование этих практических ресурсов как раз и является условием производства взаимодействия вообще»¹.

Уже исходное к современному термину «профессия» — *profiteer* («объявляю своим делом») — предполагает, что профессия, занятие, дело, специальность, работа выбираются человеком. В разнообразных трактовках профессии отмечается не только специализация вида занятий, но и необходимость овладения в процессе специальной (профессиональной) подготовки или опыта работы определенным уровнем профессиональных теоретических знаний и практических навыков.

Примечательно и то определение профессиональной ориентации, которое использовалось еще в 1975 г.² Необходимость нового подхода соотносилась с интенсивными техническим процессами, с перманентным образованием, с необходимостью эффективного использования ресурсов. Акцент в определении был сделан на «помощи личности в использовании своих личностных особенностей», на «предоставлении ей возможностей развивать их так, чтобы она была в состоянии выбирать для себя области обучения и труда в ходе меняющихся условий жизни в целях быть, с одной стороны, полезной обществу, а с другой — достичь самореализации».

Среди проблем профессионального выбора на стадии ресурса особенно остро стоит вопрос о соотношении выбираемой профессии с личными склонностями и способностями абитуриента. И тут можно выделить ряд аспектов проблемы:

- нечеткость самого выбора;
- расплывчатый образ будущей профессии;
- отсутствие четкого представления о требованиях профессии к работнику;
- неумение (неподготовленность) многих выпускников школ (да и студентов) выявить свои склонности и способности, тем более — соотносить их с требованиями той или иной профессии. К сожалению, психодиагностика — слабое звено и системы профориентации, и профконсалтинга.

Конечно, важно учитывать и более общие тенденции, сказывающиеся на профессиональном выборе современного молодого человека. Прежде

¹ Теоретическая социология: Антология [Электронный ресурс] : в 2 ч. : пер. с англ., фр., нем., ит. / сост. и общ. ред. С. П. Баньковской. — Режим доступа: http://finances.social/sotsiologiya_719/predislovie-pervomu-izdaniyu-43402.html (дата обращения: 03.04.2016).

² Реализация профориентационной работы в общеобразовательном учреждении : сборник нормативных, инструктивно-методических, распорядительных документов / Н. А. Павлов, С. С. Быков. — СПб. : СПб АППО, 2014. — С. 16–23.

всего, качественно изменяется сам социум. Происходит, по оценке З. Баумана¹, — его индивидуализация, когда ведущую роль в «оценке потенциальных возможностей общества» играют потребности индивида, что порождает постоянный диссонанс «между „я хочу“ и „я могу“, между превышением желаемыми наличествующих возможностей их удовлетворения», который «становится ведущим принципом социализации».

Одновременно в «обществе риска» (У. Бек) профессия теряет свое свойство быть «обоюдным идентификационным шаблоном», посредством которого мы оцениваем людей, ею обладающих, их доходы, статус, возможные интересы и социальные контакты. Возникает, по мнению У. Бека, «плюрализация рабочих миров и форм труда», что серьезно влияет на профессиональную структуру, профессиональный выбор, адаптацию и самоопределение².

Наконец, в условиях глобализации и «перехода от индустриальной экономики, основанной на ручном труде, к экономике, основанной на знаниях или на умственном труде»³, качественно меняется характер и содержание многих профессий. Серьезным изменениям подвергаются потребностно-мотивационная сфера современной молодежи, ее ценностные ориентации и установки, формы поведения и деятельности.

Происходит и качественное изменение профессий, работы. Одно из важнейших изменений зафиксировано в теории «трех профессиональных революций» Г. Перкина⁴.

1. *Первая профессиональная революция* — появление свободных профессий, которые существуют не в привычных сословных мирах, где складывались традиционные профессии. У них специализация и ответственность привязаны к их специальности.

2. *Вторая профессиональная революция* (инициирована промышленным переворотом и зарождением жестко специализированного массового серийного производства) — формирование массовых профессий. У них специализация и ответственность привязаны к определенному месту работы и определенной функции.

3. *Третья профессиональная революция* — формирование транспрофессионалов, готовых работать в разных профессиональных средах. Специфика их работы — комплекс методов, средств, способов мышления и деятельности под конкретную проблемную ситуацию.

¹ Бауман З. Индивидуализированное общество : пер. с англ. / под ред. В. Л. Иноземцева. — М. : Логос, 2005. — С. 85–86.

² Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну : пер. с нем. — М. : Прогресс-Традиция, 2000. — С. 203, 330.

³ См.: Тоффлер Э., Тоффлер Х. Революционное богатство: как оно будет создано и как оно изменит нашу жизнь / пер. с англ. М. Султановой, Н. Цыркун. — М. : АСТ, 2008. — 569 с.

⁴ Perkin H. The Third Revolution: Professional Elites in the Modern World. — London : Routledge, 1996. — 256 p.; Perkin G. The Third Revolution: Professional Society in International Perspective. — London : Routledge, 1996. — 272 p.

Возможно, многие перекосы в мотивации профессионального выбора молодых россиян, фиксируемые в социологических исследованиях и статистике (в частности, приоритет гуманитарных специальностей в сравнении с инженерными, выбор профессий, требующих высшего образования, и недооценка квалифицированных рабочих профессий), связаны с более поздним и более медленным развертыванием в России «третьей профессиональной революции»?

В новых условиях меняются и представления об устойчивости профессионального выбора, о перспективах профессионального роста, профессиональной карьеры. Как отмечают Т. Батлер и Дж. Уолдруп — руководители программ MBA по развитию карьеры в Гарвардской школе бизнеса, — «у людей сейчас намного больше возможностей выбора, чем было раньше»¹. При этом они подчеркивают качественное изменение традиционного понимания работы, которое они соотносят с визуальным образом — деревом («10 или 20 лет назад вы заняли должность в компании, пустили корни, укрепились»). «Сегодня образ дерева заменил образ серфингиста: вы всегда в движении. Вполне возможно, что вы не один раз упадете в воду; но затем вы должны опять вставать на доску, чтобы не пропустить следующую волну». Готовность сменить в дальнейшем выбранную профессию во многом объясняет превращение в массовый феномен второго (а нередко и третьего) высшего образования, но и усиливает случайность, нечеткость выбора.

И все-таки для молодого человека профессиональный выбор остается, как его определил Э. Эриксон, периодом «психосоциального ожидания, когда путем свободного ролевого экспериментирования человек ищет свое место в каком-либо секторе общества, свою собственную нишу, предназначенную только для него»², со всем разнообразием надежд и настроений. Выпускник школы, выбирая ту или иную профессию (и тем самым — вуз), в какой-то мере подвержен моде. Но, с одной стороны, мода изменчива. Еще И. Кант отмечал: «Всякая мода уже по самому своему понятию представляет собой непостоянный образ жизни»³. С другой стороны, нужно видеть и психологическую противоречивость моды. Существование моды, по Г. Зиммелю, связано с необходимостью удовлетворения двойственной потребности человека: отличаться от других и быть похожим на других. Мода как подражание данному образцу «удовлетворяет потребности в социальной опоре, дает всеобщее, общепринятое» одинокому человеку (Зиммель). Воздействие моды усиливает переплетение индивидуального и социального в профессиональном выборе.

¹ Butler T., Waldroop J. Discovering Your Career in Business [Electronic resource]. — Addison-Wesley: Basic Books, 1997. — Mode of access: <http://www.e-xecutive.ru/career/adviser/337930/> (accessed 01.12.2016).

² Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. — М.: Прогресс, 1996. — С. 277.

³ Кант И. Соч. : в 6 т. — Т. 6. — М.: Мысль, 1965. — С. 489.

Осознанный выбор специальности, вуза — один из значимых факторов успешности первичной профессионализации наряду с качеством процесса обучения, рассматриваемого как учебный труд. В анализе ответов респондентов о мотивах выбора вуза студентами третьего курса учитывалась определенная «смещенность» оценок. С одной стороны, эйфория от поступления уже прошла, ретроспективный анализ мотивов выбора, как правило, более взвешенный. Наряду с этим присутствует мотив самооправдания: выбор сделан, уже преодолен «экватор», и, если даже студент разочаровался в выбранной профессии, уходить поздно, надо закончить обучение, получить желаемый диплом.

Изучение мотивов выбора вуза осуществлялось с I этапа мониторинга (правда, в 1999 и 2003 гг. прямого вопроса в анкете не было). Изменения в вариантах ответов были незначительными: с 2007 г. в анкету был включен вариант «сюда было легче поступить», в 2012–2016 гг. — «хотелось обеспечить себе стабильный материальный достаток в будущем».

Рассмотрим динамику мотивации выбора вуза в двух вариантах: в % к числу опрошенных и в динамике ранговых рядов (табл. 64–65). В очередной раз обращает на себя внимание устойчивость большинства трендов.

Уже в 1995 г. отмечалась определенная смещенность мнения студентов-третьекурсников об их мотивах поступления в вуз: сказывается опыт прошедших лет, удовлетворенность или неудовлетворенность избранной профессией, специальностью; менее значимыми могут выглядеть некоторые побудительные мотивы: совет родителей или учителей, влияние предыдущей учебы. И все-таки такое мнение весьма информативно.

Таблица 64

Динамика мотивов выбора вуза в период 1995–2016 гг., % опрошенных, ранжирование по 2016 г.

Варианты ответов	1995	2007	2009	2012	2016
Интерес к профессии	45	53	54	49	44
Привлек престиж, авторитет вуза	32	32	34	30	31
Привлекла перспектива найти хорошую работу после вуза	30	30	32	27	29
Желание получить диплом (неважно какой)	9	26	21	19	26
Хотелось обеспечить себе стабильный материальный достаток в будущем	—	—	—	22	25
Хотелось продлить более или менее беззаботный период жизни (за компанию с друзьями, привлекла активная студенческая жизнь)	15	12	12	19	19
Считал: наилучшие способности у меня именно в этой области	33	25	26	17	16

Окончание табл. 64

Варианты ответов	1995	2007	2009	2012	2016
Сюда было легче поступить	—	18	15	13	15
Повлияла семейная традиция, родители	22	18	14	13	10
Не хотелось идти в армию	17	7	7	6	8
Другие мотивы (найти спутника/спутницу жизни; интересный круг общения)	4	9	9	4	8
Повлияла учеба в специализированном классе, техникуме, лицее	15	15	13	10	5
Совет учителей, специалистов по профориентации	5	6	6	4	4

Наиболее значимыми мотивами в 1995 г. были:

I — интерес к определенной профессии (отмечен почти каждым вторым);

II — самооценка: в этой области мои способности проявятся лучше всего (отмечено каждым третьим): в целом для многих студентов мотив, связанный с ощущением своих способностей и желанием их реализовать, оказался значимым; выход его на второе место среди приоритетных мотивов — отражение серьезных позитивных изменений, но, к сожалению, в дальнейшем этот мотив выпал из числа приоритетных;

III — авторитет, престиж вуза (отмечено каждым третьим);

IV — перспектива найти после окончания вуза хорошую работу (отмечено каждым третьим);

V — влияние семейных традиций, совета родителей (отмечено каждым третьим).

Таблица 65

Динамика мотивов выбора вуза в период 1995–2016 гг., по рангу

Варианты ответов	1995	2007	2009	2012	2016
Интерес к профессии	I	I	I	I	I
Привлек престиж, авторитет вуза	III	II	II	II	II
Привлекла перспектива найти хорошую работу после вуза	IV	III	III	III	III
Желание получить диплом (неважно какой)	IX	IV	V	V	IV
Повлияла семейная традиция, родители	V	VII	VII	IX	IX
Хотелось обеспечить себе стабильный материальный достаток в будущем	—	—	—	IV	V
Хотелось продлить более или менее беззаботный период жизни (за компанию с друзьями, привлекла активная студенческая жизнь)	VIII	IX	IX	VI	VI

Окончание табл. 65

Варианты ответов	1995	2007	2009	2012	2016
Считал: наилучшие способности у меня именно в этой области	II	V	IV	VII	VII
Сюда было легче поступить	—	VI	VI	VIII	VIII
Не хотелось идти в армию	VI	XI	XI	XI	X
Другие мотивы (найти спутника/спутницу жизни; интересный круг общения)	XI	X	X	XII	XI
Повлияла учеба в специализированном классе, техникуме, лицее	VII	VIII	VIII	X	XII
Совет учителей, специалистов по профориентации	X	XII	XII	XIII	XIII

Была зафиксирована и взаимосвязь тех или иных мотивов с профилем обучения и конкретным вузом.

1. По интересу к профессии резко отличались гуманитарии и естественники от экономистов и особенно технарей: у первых он был в 1,5 раза выше, чем в среднем, у вторых — в 1,5 раза ниже, чем в среднем; в целом разрыв между двумя группами был значительным — почти в два раза. Чаще других интерес к профессии отмечали будущие архитекторы, врачи, юристы.

2. Аналогичным было различие (почти вдвое) между гуманитариями, естественниками и экономистами, технарями в самооценке совпадения избранной профессии и их способностей (в первой группе его отметили 43—47 %, во второй — 23—24 %). Такое совпадение была отмечено в каждом втором ответе будущего педагога.

3. Престиж вуза был наиболее значим для экономистов (для каждого второго), у технарей его отметил лишь каждый третий, у естественников и гуманитариев — каждый четвертый-пятый. Среди конкретных вузов особенно выделяли престиж своих вузов студенты УГТУ и УрГЭУ. Как серьезная проблема в 1995 г. была поставлена низкая престижность педагогических (4 %) и горного (1 % — и это в горном крае, традиционной кузнице специалистов горного дела, начало которой было положено еще в XVIII веке) вузов. Низкому престижу педвузов способствовала непродуманная политика государства в системе общего среднего образования. Разработанная в середине 1990-х гг. региональная политика подготовки педагогических кадров, возможно, изменит эту ситуацию.

4. Нежелание идти служить в армию было приоритетным мотивом (для каждого третьего) у технарей, что объяснялось гендерным составом студентов данного направления, в 1995 г. еще остававшегося преимущественно мужским.

5. Учеба в специализированном классе, техникуме, лицее, колледже наименее повлияла на профессиональный выбор гуманитариев и экономистов.

6. Желание получить диплом (неважно какой) чаще высказывали технари — в 1,5 раза чаще, чем в среднем. Не менее тревожно, что чаще всего (в ответе каждого шестого) этот мотив звучал у студентов-педагогов.

7. Воздействие семейных традиций в наибольшей степени проявилось у студентов-медиков (2 из каждых 5 ответов), у юристов (почти треть ответов).

8. Совет учителей, специалистов по профориентации занимал последнее место среди мотивов у всех групп по направлениям подготовки. Ответы студентов отразили весьма тревожную ситуацию середины 1990-х гг.: от профориентационной работы многие учителя школ успешно избавились, а вузы только-только к ней подступались. Другими словами, контакта между средней школой и вузами или не было совсем, или он явно был недостаточен. Каждый работал сам по себе, не учитывая смежное звено. С точки зрения анализа закономерностей обучаемости личности, становления ее жизненного выбора упускался важнейший, наиболее продуктивный этап жизненного цикла — подростковый, когда формируется картина мира, жизненная позиция. Этот этап становления человека, в том числе становления его будущих профессиональных, трудовых интересов, оказывался педагогически и психологически упущенным. «Неперехваченная» энергия или затормаживается, или устремляется по другим направлениям, далеко не всегда для общества желательным. А студенты, пришедшие в вуз, нередко испытывают неудовлетворенность от учебы.

Важное место в мотивации студентов отводилось надежде в перспективе иметь хорошую работу. В наибольшей степени эта ориентация была выражена у юристов (у каждого второго), несколько меньше — у студентов УГЭУ (в ответах каждых 2 из 5), наименьший показатель был у будущих педагогов (отмечен лишь 1 из 5). На наш взгляд, этот показатель отражал реальную, сиюминутную рыночную ситуацию, когда ощущается дефицит специалистов в правовой области в экономике. Обилие рождающихся коммерческих форм образовательной подготовки по этим специальностям соответствует спросу. Но рынок быстро насыщается специалистами со «скоростной» подготовкой, а дефицит качественных профессионалов остается.

Разброс мнений уже на I этапе мониторинга зафиксировал и сложность, противоречивость отражения в молодежном сознании феномена «хорошая работа». Для одних она скорее соотносится с социальным престижем профессии. Для других — с гарантией трудоустройства по осваиваемой профессии. Для третьих важнее условия труда и зарплата. Немало и тех, кто прежде всего задумывался о содержании, характере и особенностях профессиональной деятельности.

Именно поэтому на II и III этапах (1999 и 2003 гг.) в анализе мотивации акцент был перенесен с мотивов выбора вуза и специальности на образ будущей профессии (табл. 66–67).

Предложенные индикаторы значимости будущей работы были сгруппированы следующим образом:

- мотиватором, ценностью для студента является сама специальность, ее содержание, соответствие способностям, знаниям, умениям, возможность профессионального роста, самостоятельность в работе, связь с новейшими технологиями;
- мотиватором может быть утилитарная, инструментальная или статусная функция будущей специальности, что измеряется такими индикаторами, как «возможность получать большие заработки», «занять высокий пост, власть над другими людьми»;
- мотиватором выступает социальная значимость будущей специальности, ее роль в обществе, что измеряется такими индикаторами, как «возможность достичь признания, уважения», «принести пользу людям», «высокий престиж профессии».

Таблица 66

Что наиболее значимо в будущей профессии, 1999, 2003 гг., % опрошенных

Характеристики	1999	2003
Возможность получать большие заработки, высокие доходы	77	80
Творческий, интересный характер работы	56	60
Возможность работать в хорошем, дружном коллективе	51	53
Возможность профессиональной карьеры, достижения высокого уровня профессионализма	47	48
Соответствие профессии моим способностям, знаниям, умениям	46	38
Возможность достичь признания, уважения	34	36
Возможность полнее реализовать свой потенциал	32	35
Самостоятельность, независимость, отсутствие мелочной опеки, регламентации	36	30
Возможность принести пользу людям	32	22
Высокий престиж профессии	18	18
Связь с современной техникой, новейшими технологиями	20	15
Возможность занять высокий пост, иметь власть над другими людьми	17	15

Итак, в целом по массиву и в 1999 г., и в 2003 г. выбор был одинаков: содержание будущей профессии мотивирует учебную деятельность каждого второго опрошенного студента. Для каждого пятого наиболее привлекательно социальное положение, которое он может занять, получив данную специальность. Для трети опрошенных самым значимым в будущей работе

является ее престиж, роль в обществе. Другими словами, для половины респондентов наиболее значимым фактором в будущей работе является сама работа, для другой половины — внешние по отношению к содержанию работы процессы.

Заметим, что и ранговый ряд (по крайней мере, первые пять приоритетов в оценке будущей профессии) был одинаков:

I — возможность получать большие заработки, высокие доходы;

II — творческий, интересный характер работы;

III — возможность работать в хорошем, дружном коллективе;

IV — возможность профессиональной карьеры, достижения высокого уровня профессионализма;

V — соответствие профессии способностям, знаниям, умениям.

Таблица 67

Что наиболее значимо в будущей профессии, 1999 и 2003 гг., по рангу

Характеристики	1999	2003
Возможность получать большие заработки, высокие доходы	I	I
Творческий, интересный характер работы	II	II
Возможность работать в хорошем, дружном коллективе	III	III
Возможность профессиональной карьеры, достижения высокого уровня профессионализма	IV	IV
Соответствие профессии моим способностям, знаниям, умениям	V	V
Самостоятельность, независимость, отсутствие мелочной опеки, регламентации	VI	VIII
Возможность достичь признания, уважения	VII	VI
Возможность принести пользу людям	VIII	IX
Возможность полнее реализовать свой потенциал	IX	VII
Связь с современной техникой, новейшими технологиями	X	XI
Высокий престиж профессии	XI	X
Возможность занять высокий пост, иметь власть над другими людьми	XII	XII

К сожалению, опрос не зафиксировал сколько-нибудь значимой роли для студентов связи будущей профессии с современной техникой, новейшими технологиями. Это тем более настораживало, что доля студентов-технарей в выборке была весомой. Хотя, впрочем, данная проблема не ограничивается только ими.

Во многом оценки будущей профессии совпали с мотивацией, выявленной в 1995 г., хотя определенные различия и проявились. Главное отличие результатов 2003 г. от 1999 г. — это более четкое размежевание, обособление мотивов в три группы по количественному критерию.

1. Первую группу составляет только один ведущий мотив — возможность получать высокие доходы (отмечен четверть респондентами из каждой пятой). В 1999 г. этот мотив также доминировал над другими ценностями, но в 2003 г. расстояние до следующей группы мотивов составляло уже 20 %, что подтверждало тенденцию прагматизации мотивов труда и образования.

2. Во вторую группу вошли три мотива, которые вместе составляют идеальную модель будущей работы: работа должна быть интересной, творческой (отмечено тремя из пяти респондентов); важны хорошие отношения с людьми, коллектив и возможность профессионального продвижения, карьеры (для каждого второго). Это тоже весьма значимые мотивы. Но, вероятно, каждым из данных параметров можно пожертвовать ради ведущего критерия — высоких доходов (это приоритетно). Хотя сегодня особенно важно отметить, что у студентов на рубеже XX и XXI вв. коллективистские настроения были весьма сильными. Возможно, и об этом мы более подробно поговорим в разделе о ценностном сознании студенчества, менялось само представление о коллективе: от «мы» как однообразия, утраты «я» («Мой адрес — не дом и не улица») — к «мы» как разнообразию («В слове мы — сто тысяч я»).

3. Последняя группа мотивов представляет собой ценностную периферию, в которую вошли мотивы, имеющие вторичную значимость. Отстают от предыдущей группы на 10 %. Здесь наибольший удельный вес набрали мотивы (отмечены почти в каждой 2 из 5 ответов): соответствие профессии моим способностям и умениям, возможность достичь признания и уважения и самореализация. По сравнению с 1999 г. еще менее значимым становится альтруистический мотив — работа приносит пользу людям (снизился с 32 % до 22 %), что объясняется, с одной стороны, преодолением идеологического ханжества, а с другой — ростом значимости ценностей индивидуализма в сознании молодежи.

Объективный анализ мониторинга не должен уходить и от его ошибок, недостатков. Они — а не только достоинства — должны быть поучительными для последующих исследователей. Одна из этих ошибок — подмена мотивации поступления в институт оценкой будущей профессии. Мы как-то отождествили осваиваемую в вузе профессию с будущей профессией. Между тем — и это отразили материалы опроса уже с первых его этапов — для многих студентов это были разные явления. Поэтому с 2007 г. в анкете сохранили оба вопроса.

Восстановление с 2007 г. в анкете вопроса о мотивах выбора вуза показало — и спустя 12 лет, и в дальнейшем — устойчивость мотивов профессионального выбора (особенно — ранга различных мотивов).

Основные тренды профессионального выбора таковы:

- усиливается влияние прагматических, меркантильных мотивов (они на первом плане, устойчиво занимают первое место в ранговом ряду), но качественный анализ отражает сложность данного мотива — за ним все чаще стоит усиливающаяся ориентация молодежи на справедливость (кстати, подкрепляемая распространенным стереотипом о высшем образовании как пути к жизненному успеху);
- остается приоритетной профессиональная направленность выбора вуза, но одновременно все четче проявляется и депрофессионализация — в высшем профессиональном образовании акцентируется «высшее»;
- возрастает значимость статусных моментов (престижа, авторитета вуза);
- все еще велика доля случайных мотивов;
- сохраняется недооценка молодыми людьми своего профессионального призвания (что связано и с неумением определить свои склонности, способности);
- нарастает самостоятельность (индивидуализация?) выбора, снижается роль семейных традиций, школьных учителей;
- начинает сказываться (но крайне медленно) профильность обучения в общеобразовательной школе;
- не меняется низкая оценка (возможно, как отражение низкой роли) влияния профориентации, профориентационной работы.

Заметен определенный разрыв между «хочу» и «могу». Что касается третьего компонента выбора — «надо», заметно изменение ориентаций: от долга, служения людям — к личному успеху, все чаще измеряемому уровнем заработка, дохода. Правда, мотивацию студенчества нельзя оценивать однозначно (тем более — негативно). Ответы студентов отражают и позитивные тренды: высокую значимость содержательной стороны профессиональной деятельности («творческой, интересной работы»), возрождение в новых условиях коллективистских ориентаций.

В иерархии мотивов выбора вуза стабильно удерживает первенство такой параметр, как интерес к профессии, этот мотив указал каждый второй из опрошенных — как в 1995, так и в 2012, 2016 гг. На наш взгляд, это — общая интегративная характеристика.

Каждый третий из опрошенных отметил престиж, авторитет вуза. Этот показатель тоже стабилен, не уменьшается, что можно объяснить спецификой образовательного продукта. Услуга профессионального высшего обучения — продукт с весомым символическим содержанием. Она имеет отсроченную ценность, это товар доверия. Для оценки услуги ее покупатели и пользователи руководствуются различными стандартами и критериями, велика субъективность ее восприятия и оценки качества. Высока неопределенность при ее выборе, т. к. для рынка образовательных услуг свойственна асимметрия

информации об их качестве. Продавец все знает об услуге, а покупатель/потребитель — немного. Поэтому покупатели, студенты, особенно обучающиеся по контракту¹, при выборе услуги выбирают бренд вуза, его репутацию. Вузы, в свою очередь, заботятся о репутации больше, чем о качестве обучения. Репутация вуза, бренд — это институциональные маркетинговые практики, выравнивающие информационные перекосы.

Еще треть опрошенных в качестве мотива отметили ожидаемую выгоду от потребления образовательного продукта — перспективу найти после окончания вуза хорошую работу. Уже в 1970-е гг. социологи отмечали, что выбор социального статуса предшествует выбору профессии.

Студенты выбирают статус при поступлении в вуз, но статусная функция вузов ослаблена сегодня. Диплом о высшем профессиональном образовании всего лишь необходимое, но недостаточное условие стабильного положения на рынке труда. Эта ситуация определена У. Бекон как парадоксальное понижение и повышение ценности свидетельства об образовании². Без документа об образовании шансы получить работу на рынке труда сводятся к нулю. С документом можно получить право на участие в конкурсе, но не само рабочее место. С одной стороны, документа об образовании все чаще оказывается недостаточно, чтобы обеспечить профессиональное существование, в этом смысле его ценность снижена. С другой стороны, он все более необходим для участия в конкурсе на получение рабочего места, и в этом смысле ценность его повышена.

Не изменился в среднем по массиву вес социально-психологической составляющей спроса на образовательный продукт. В ряде случаев студенты выбирают не столько профессиональную образовательную услугу, а студенчество как психологическое состояние, сопутствующее услуге. Это замерялось такими параметрами как «стремление продлить беззаботный период жизни», «активная студенческая жизнь» и пр. Можно провести аналогию с шопингом, когда выбирается не только продукт, но и сопутствующее ему психологическое состояние, потребительские ожидания.

Исследование мотивов выбора вузов позволило выявить и ряд значимых изменений, нуждающихся в социологической интерпретации и объяснении.

¹ В маркетинговом смысле и студенты-бюджетники являются покупателями образовательной услуги, но они тратят на покупку не свои (чаще родительские) деньги, а бюджетные. Характерна позиция Минобрнауки РФ, что «стоимость обучения одного студента-договорника не может быть существенно больше той суммы, которую государство платит за одно бюджетное место» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://actualcomment.ru/minobrnauki-reguliruet-stoimost-obrazovaniya.html> (дата обращения: 17.12.2016). Одним из первых отечественных социологов, зафиксировавших «потребительский» характер обучения студентов, была Т. Э. Петрова, определившая студенчество как «неоднородную социокультурную общность потребителей высшего профессионального образования, характеризующуюся разнообразием стилей деятельности» (См.: Петрова Т. Э. Российское студенчество и высшее образование. — М. : Социум, 1995. — 137 с.).

² Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. — М. : Прогресс-Традиция, 2000. — С. 51.

1. Резко (в 2,5 раза) выросло знаковое потребление образовательных продуктов: желание получить диплом («знак образованности» по Ж. Бодрийяру¹) как мотив выбора вуза указал один из десяти опрошенных в 1995 году и каждый четвертый–пятый на всех последующих этапах мониторинга (в 2016 г. — каждый четвертый).

2. Социально-профессиональное наследование ослабевает среди мотивов профессионального выбора, влияние семейных традиций, родителей на выбор вуза уменьшилось в 1,5 раза. Как отмечалось ранее, при оценке значимости социально-профессионального наследования третьекурсники в наименьшей степени ориентируются на продолжение профессиональных традиций родителей и на поиск работы в той же сфере, что и их друзья. Особенно снизилось давление семьи у педагогов, традиционно выше среднего влияние семьи у медиков и экономистов, выросло давление семьи у юристов и горняков.

3. При выборе вуза в меньшей степени учитываются способности к определенному виду деятельности. Этот параметр при выборе профессии учитывал в 1995 г. каждый третий студент, а в 2007–2009 гг. — каждый четвертый, в 2012–2016 гг. — уже каждый шестой. Уменьшилось число студентов, считающих, что у них есть способности к педагогической деятельности, зато выросло число таковых среди будущих юристов и архитекторов. Резко уменьшилась значимость способностей для выбора профессии экономиста. Во многом недооценка соответствия своих склонностей и способностей требованиям профессии связана и с происшедшими изменениями в ценностных ориентациях молодежи. Лишь 1 из 4 студентов выделил «творчество, реализацию способностей» как наиболее значимую для него жизненную ценность. Особенно мало она значит для юношей (18 %), студентов, проживавших до поступления в вуз в ПГТ и селе (18 %), окончивших массовую общеобразовательную школу (21 %), выходцев из семей, где отец (18 %) и особенно мать (11 %) — рабочие. Среди парадоксов полученных результатов в этой же группе и те, у кого семья по материальному положению относится к высоко обеспеченным. В условиях, когда ориентиром для страны становится модернизация, «инновационная экономика» (что является объективной необходимостью, тем более что Россия на этот путь вступает с серьезным отставанием от развитых индустриальных стран), отмеченная недооценка будущими специалистами соответствия профессии их склонностям и способностям ставит под угрозу подготовку инноваторов.

4. Социальной нормой стало восприятие вузов как формы социальной защиты, стабилен процент тех, кто среди мотивов выбора указал возможность избежать службы в армии.

Для объяснения этих общих тенденций полезно проанализировать не только средние показатели, но и данные по конкретным вузам (рис. 120).

¹ Подробнее см.: Банникова Л. Н. Социальная сущность маркетинга: методология социологического анализа. — Екатеринбург : УГТУ-УПИ, 2009. — 259 с.

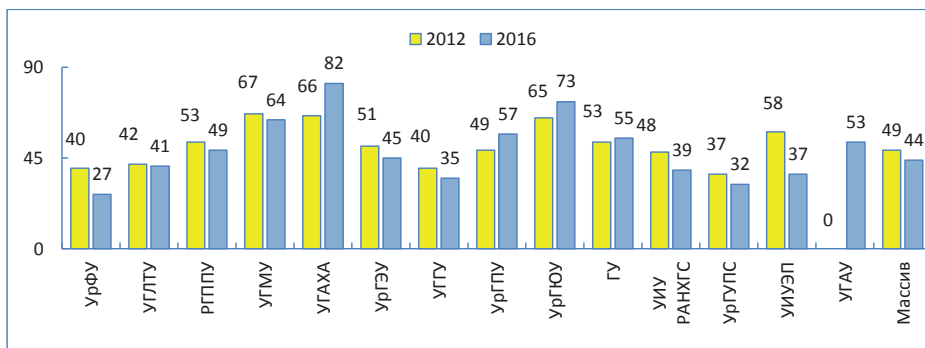

Рис. 120. Интерес к профессии как мотив выбора вуза, 2012–2016 гг., % по группам

Профессиональный интерес определяет выбор вуза у будущих архитекторов, юристов и врачей. В первых двух группах за период между VI и VII этапами мониторинга он стал еще более значимым (у будущих архитекторов — для четырех из каждых пяти), у медиков его значение чуть уменьшилось, но осталось весомым (для двух из каждых трех). Некоторое сокращение данного индикатора произошло в вузах, ориентированных на подготовку экономистов. В педагогических вузах процесс носил разнонаправленный характер: в УрГПУ значение индикатора несколько выросло, в РГППУ — чуть снизилось. Снижение значимости интереса к профессии как мотива выбора вуза характерно почти для всех технических вузов. Особняком стоит УрФУ, где к данному фактору можно добавить многопрофильность (многопрофессиональность) вуза, что отразилось и на выборке.

Мотивация по параметру авторитета, престижа показывает, что в сознании абитуриентов и студентов существует достаточно четкая иерархия вузов (рис. 121).

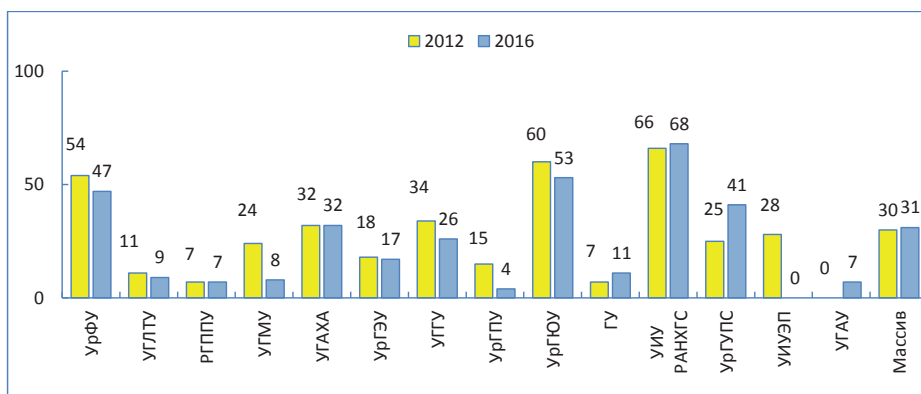

Рис. 121. Авторитет, престиж вуза как мотив выбора вуза, 2012–2016 гг., % по группам

Лидерами, по оценкам респондентов, являются УрФУ (сказывается имидж федерального университета), УрГЮУ (из многочисленных вузов, где готовят юристов, приоритет отдан именно этому вузу) и УИУ РАНХГС (респонденты — третьекурсники, поступали в УрАГС, как скажется филиализация этого авторитетного в городе и области вуза — покажут результаты уже следующего этапа мониторинга). Замыкают престижный ряд негосударственные вузы, педагогические вузы, из технических вузов — УГЛТУ, из вузов, включившихся в мониторинг лишь в 2016 г., — УрГАУ. Несколько парадоксальным выглядит низкий престиж УГМУ (ставшего университетом). Возможно, это связано с тем, что студенты делали выбор из перечня мотивов, и для студентов-медиков в этом наборе престиж вуза был не самым важным.

Мотивация соответствия способностей выбранной профессии наиболее характеризует будущих архитекторов и врачей. На достаточно высоком уровне этот индикатор у студентов УрГПУ (хотя у студентов РГППУ за 4 года он сократился вдвое). Реже, чем в среднем, это отмечается студентами технических вузов (рис. 122–123).

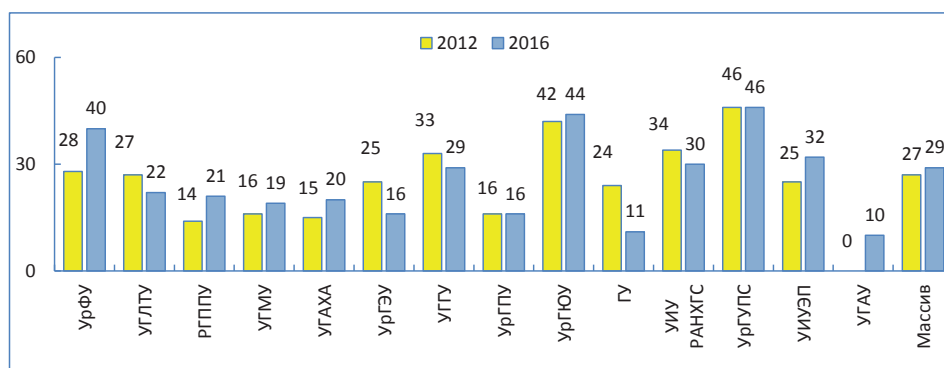

Рис. 122. Перспективы найти хорошую работу после окончания вуза как мотив выбора вуза, 2012–2016 гг., % по группам

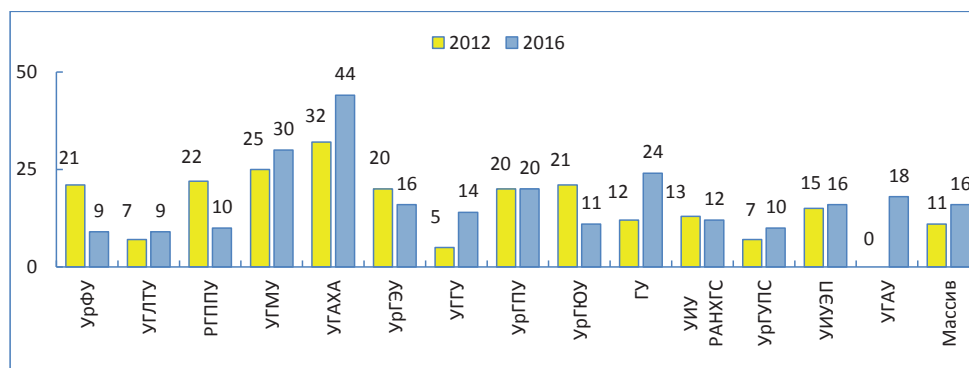

Рис. 123. Мнение «наилучшие способности у меня именно в этой области» как мотив выбора вуза, 2012–2016 гг., % по группам

Приоритет диплома перед освоением определенных профессиональных знаний, умений, навыков, компетенций в наибольшей степени демонстрируют студенты технических вузов (особенно УГЛТУ, где в 2012 г. этот мотив отмечал каждый третий, а в 2016 г. — уже почти каждый второй (рис. 124)).

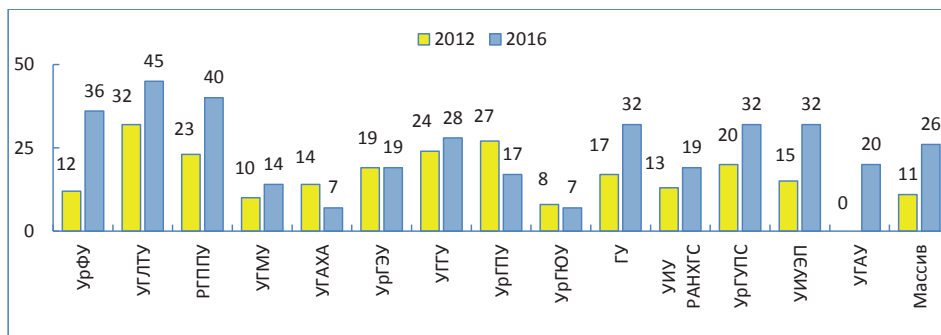

Рис. 124. Желание получить диплом (неважно, где и какой) как мотив выбора вуза, 2012–2016 гг., % по группам

За 4 года число респондентов из УрФУ, отметивших этот мотив, выросло втрое, из педагогических вузов (особенно в РГПУ) — рост за 4 года почти вдвое. Значительно реже этот мотив отмечался будущими врачами, архитекторами, юристами.

Материальный мотив особенно важен для студентов негосударственных вузов (рост его значимости для студентов ГУ за 4 года более чем в четыре раза требует дополнительного и более конкретного объяснения) — рис. 125.

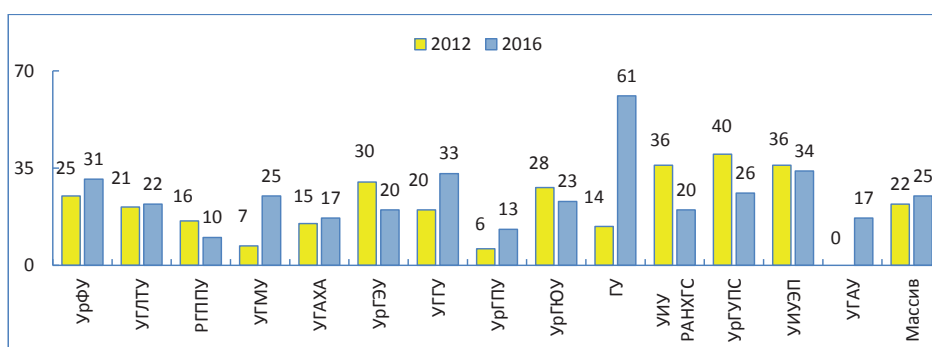

Рис. 125. Стремление обеспечить стабильный материальный достаток в будущем как мотив выбора вуза, 2012–2016 гг., % по группам

Меньше всего надеются на стабильный материальный достаток в будущем студенты-педагоги и аграрии. Обращает внимание существенное изме-

нение — за 4 года рост в 3,5 раза — в надеждах студентов-медиков. Возможно, повлиял общественный резонанс проблемы заработной платы врачей.

Обобщая, можно выделить некоторые устойчивые тренды, характеризующие отношение конкретных студенческих общностей к выбранной и осваиваемой в вузе профессии¹.

Анализ динамики мотивов выбора студентами профессии архитектора позволяет оценить их образ как «амбициозных профессионалов» или как профессиональную модель карьеры, но с проникновением рыночных тенденций. За годы мониторинга такой мотив выбора, как интерес к профессии, не менялся, на него указывал каждый второй респондент. Для них характерны высокие амбиции: чтобы учиться в УГАХУ, нужны способности, этот мотив будущие архитекторы указывают в два раза чаще, чем другие студенты. Если у педагогов мотив «наличие способностей к профессии» больше похож на оправдание выбора, и он ослабевает с годами, то у будущих архитекторов он, напротив, усиливается. Отчетливо проявляются в анализе мотивов выбора профессиональные амбиции — акцент на избранность, талантливость. В 1995 г. среди мотивов выбора было высоко влияние семьи, сегодня оно ослабевает. Влияние рынка в том, что спрос на специальность растет, растут и перспективы получить интересную работу, и, соответственно, в иерархии мотивов выбора это параметр поднялся с 4 на 3 место.

Врачи в традициях западной социологии имеют статус профессионалов, то есть лиц «свободной профессии», сохраняющих относительно высокую власть и административную независимость даже под давлением государственной бюрократии и организованного капитала. Реформирование отрасли не привело к существенным изменениям в социальном статусе российских врачей. Как отмечают исследователи, англо-американский профессионализм, понимаемый как властная монополия профессионалов на рынке труда или в государственном секторе, по-прежнему не свойственен российским врачам². Тем не менее, в сравнении с другими профессиями образ врача формирует классическую модель профессионального выбора, при котором преобладает мотив интереса к профессии. Студенты-медики в 1,4 раза чаще, чем в среднем по массиву, указывают интерес к профессии как преобладающий мотив выбора вуза. Преобладают скорее профессиональные ценности, чем

¹ С учетом включения в монографию отдельного раздела с более полным анализом социокультурного портрета ряда профессиональных групп студентов (горняков, педагогов, экономистов) в данном разделе мы ограничимся преимущественно профессиональными характеристиками.

² Мансуров В. А., Юрченко О. В. Перспективы профессионализации российских врачей в трансформирующемся обществе // Социологические исследования. — 2005. — № 1. — С. 66–77; Мансуров В. А., Юрченко О. В. Профессионализация российских врачей как процесс конструирования новых статусных позиций // Социальная динамика и трансформация профессиональных групп в современном обществе / под ред. В. А. Мансурова. — М.: Изд-во Института социологии РАН, 2007. — С. 148–168.

социальные: выбирают не столько статус, сколько профессию. Мотив получения знака/диплома не значим, отмечается важность наличия способностей, семейных традиций и значимость соответствующей профессиональной среды (стремление получить в настоящем и будущем интересный круг общения).

Исследование динамики мотивов выбора студентами профессии экономиста за 16 лет выявило снижение интереса к профессии: в 1995 г. он был в полтора раза выше среднего по массиву, в 2012 г. упал до среднего значения, в 2016 г. падение продолжилось (впрочем, как и среднее по массиву). В данном случае преобладает модель выбора статусной группы принадлежности: каждый четвертый указал в качестве одного из ведущих мотивов перспективу найти хорошую работу, каждый третий хотел обеспечить себе стабильный материальный достаток в будущем. Значение способностей при выборе снизилось, а вот давление семейных традиций, родителей выросло. В данном случае, на наш взгляд, образ профессии формирует совершенно иную модель карьеры. Важен не просто диплом, а диплом экономиста как возможность занять определенное положение. Полученное образование необходимо и достаточно (по терминологии У. Бека) для выбранного ими статуса, менять будущую группу принадлежности почти никто не планирует, каждый второй хотел бы работать по специальности как наемный работник, один из пяти — организовать свое дело, свой бизнес.

Анализ динамики мотивов выбора студентами профессии педагога дает иные результаты. Интерес к будущей профессии есть, отметил его каждый второй из опрошенных. Тем не менее, студенты-педагоги получают пропуск на рынок труда: им нужен просто диплом, их будущая профессия не обещает перспективной занятости и стабильного материального достатка в будущем. Такой мотив, как желание получить диплом, большая доступность, легкость поступления указали в 1,4–2 раза чаще, чем в среднем по массиву, а перспектива найти хорошую работу отмечена в 1,6 раза реже среднего. Студенты при выборе все меньше прислушиваются к мнению педагогов и родителей, хотя семейные традиции еще значимы. Способности к этому виду деятельности у них есть и были учтены при выборе вуза. Скорее всего, многие из будущих педагогов нацелены на выход из этой группы, только треть планирует работать по специальности после окончания вуза.

Анализ динамики мотивов выбора студентами профессии юриста за 1995–2016 гг. показал, что интерес к профессии вырос почти вдвое, в 2012 г. выше средних цифр на треть, в 2016 г. — уже в 1,7 раза. Несмотря на утверждение о переизбытке юристов, интерес к профессии не падает. Иерархия мотивов выбора сохранилась, выросли лишь количественные показатели. На втором месте престиж вуза, по-прежнему значима ожидаемая перспектива найти хорошую работу. На этот мотив будущие юристы указывают в 1,5 раза чаще других. Можно отметить такой нюанс, как усиление роли семейных традиций. Профессия все больше закрывается, в 1995 г. этот мотив указал один

из шести, а в 2012 г. — уже каждый пятый, в 2016 г. — чуть меньше, но юристы на втором месте среди остальных по значимости этого мотива. Если в целом по массиву значение этого мотива снижается, то по профессии экономистов и медиков сохраняется, по профессиям юристов и горняков — растет¹.

Если вопрос о мотивах поступления в вуз на II и III этапах снимался, то более общий вопрос «Что для вас наиболее значимо в будущей работе?» присутствовал на всех этапах мониторинга. Ответы на него позволяют уточнить динамику профессиональных ценностей студенчества (табл. 68).

Таблица 68

Динамика системы профессиональных ценностей (что наиболее значимо в будущей работе), % опрошенных

Варианты ответов	1999	2003	2007	2009	2012	2016
Возможность получать большие заработки, высокие доходы	77	80	65	58	56	59
Возможность карьеры, достижения высокого уровня профессионализма	47	48	41	36	51	51
Хорошие условия труда	—	—	—	—	—	30

¹ По данным ВЦИОМ (2009), опрос россиян показал: работник юридической сферы по-прежнему возглавляет рейтинг наиболее престижных профессий, хотя популярность юриста за три года немного понизилась (12 % против 17 % в 2006 г.). Юрист являлся в 2009 г. и самой доходной профессией (такого мнения придерживались 14 % россиян) (Пресс-выпуск ВЦИОМ № 1331 от 07.10.2009 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.wciom.ru/> (дата обращения: 29.08.2015)). Внутри профессии разные юридические специальности имеют несколько отличающиеся образы. Престиж профессии судьи за три десятилетия по таким критериям, как высокая заработная плата, пакет социальных гарантий, возможности профессионального и личного роста, с пятого места переместился на четвертое. Но значимость профессиональной деятельности судьи для развития России проявляется в меньшей степени, чем юрисконсульта, адвоката, прокурора (См.: Бондаренко Т. А. Престиж профессии судьи // Российский судья. — 2006. — № 7. — С. 12–14). Исследования профессиональной культуры юристов свидетельствуют о наличии достаточно большого числа проблем и трудностей в профессиональной юридической деятельности. Ведущими для большинства опрошенных являются профессиональное чувство ответственности (59 %), профессиональный интерес к работе (54 %), необходимость оказания помощи гражданам, защиты их прав и интересов (39 %). Не исключены и такие формы мотивации, как конформистская позиция (27 %), соображения материальной выгоды (27 %), страх наказания (8 %) и др. (См.: Соколов Н. Я. Профессиональная культура юристов (по итогам социологического исследования). — М.: ГОУ ВПО РПА Минюста России, 2007. — 64 с.). Особый вопрос — влияние семьи на формирование профессиональной ориентации абитуриента юридического вуза. У 48 % опрошенных родные и близкие имели юридическое образование. Причем две трети из этой группы респондентов признали влияние семейного окружения на выбор будущей специальности. Итак, среди студентов-юристов распространено социально-профессиональное наследование (См.: Соколов Н. Я. К проблеме профессионального сознания юристов (по материалам социологического исследования) [Электронный ресурс] // Академический юридический журнал. — 2000. — № 2. — Режим доступа: <http://www.advo.irk.ru/55-k-probleme-professionalnogo-soznaniya-yuristov-po-materialam-sociologicheskogo-issledovaniya.html> (дата обращения: 11.07.2016)).

Окончание табл. 68

Варианты ответов	1999	2003	2007	2009	2012	2016
Возможность полнее реализовать свой потенциал	32	35	31	30	30	28
Возможность принести пользу людям	32	22	25	28	27	27
Возможность достичь признания, уважения	34	36	30	33	35	26
Творческий, интересный характер работы	56	60	51	49	30	24
Возможность работать в хорошем, дружном коллективе	51	53	38	33	29	23
Возможность занять высокий пост, иметь власть над другими людьми	17	15	14	17	24	22
Высокий престиж профессии	16	18	17	20	19	17
Самостоятельность, независимость, отсутствие мелочной опеки, регламентации	36	30	19	16	20	15
Соответствие профессии моим способностям, знаниям, умениям	46	38	40	36	18	13
Спокойный характер работы	—	—	—	—	—	8
Связь с современной техникой, новейшими технологиями	20	15	15	14	8	5
Отсутствие тяжелых физических нагрузок	—	—	—	—	—	5
Возможность «не выкладываться», пусть и при небольшой зарплате	—	—	—	—	—	2

Уже процентное соотношение, особенно если сравнивать 1999 и 2016 гг., достаточно информативно:

- устойчиво (при некотором количественном сокращении) приоритетна возможность высоких заработков;
- столь же устойчивы значения ряда важных индикаторов (прежде всего — возможности карьеры, достижения высокого профессионализма, что отмечено в 2012–2016 гг. каждым вторым респондентом; чуть снизилось значение, но остались достаточно значимыми социальные показатели: возможность принести пользу людям; возможность достичь признания, уважения — в 1999 г. их отметил каждый третий, в 2016 г. — каждый четвертый);
- гораздо меньшее значение стало придаваться самостоятельности, независимости, отсутствию мелочной опеки, регламентации (снижение более чем в два раза); соответствию профессии способностям, знаниям, умениям человека (более чем в три раза);
- усилилась (в четыре раза) недооценка связи профессии с современной техникой, новейшими технологиями.

Но чистота сравнения по процентам ответов не является полной, так как в 2016 г. набор вариантов был расширен (хотя из четырех новых вариантов значимыми оказались лишь «хорошие условия труда» — отмечены каждым третьим).

Продвижение «хороших условий труда» на приоритетное третье место в 2016 г. отражает общую тенденцию студенческой молодежи (особенно ее женской части) — стремление к комфорту.

Дополним отмеченное выше тревожным выводом о резком спаде (происшедшем между 2009 и 2012 гг. и усилившемся к 2016 г.) интереса к профессии, к ее содержательной, творческой части. Не подтверждается, по крайней мере, по оценкам наших респондентов, мнение о значимости для молодежи престижа профессии. На протяжении всего мониторинга престиж профессии в представлениях студентов о будущей профессии неуклонно занимал последние места в ранговом ряду. Возможно, это — реакция молодежи на очень резкие перепады престижа многих профессий в период социально-экономических реформ, который в России изрядно затянулся.

Поэтому нагляднее сравнение по рангу (табл. 69).

Таблица 69

**Динамика системы профессиональных ценностей
(что наиболее значимо в будущей работе), по рангу**

Варианты ответов	1999	2003	2007	2009	2012	2016
Возможность получать большие заработки, высокие доходы	I	I	I	I	I	I
Возможность карьеры, достижения высокого уровня профессионализма	IV	IV	III	III	II	II
Хорошие условия труда	—	—	—	—	—	III
Возможность полнее реализовать свой потенциал	VIII	VII	VI	VII	V	IV
Возможность принести пользу людям	IX	IX	VIII	VIII	VII	V
Возможность достичь признания, уважения	VII	VI	VII	VI	III	VI
Творческий, интересный характер работы	II	II	II	II	IV	VII
Возможность работать в хорошем, дружном коллективе	III	III	V	V	VI	VIII
Возможность занять высокий пост, иметь власть над другими людьми	XI	XII	XII	X	VIII	IX
Высокий престиж профессии	XII	X	X	IX	X	X
Самостоятельность, независимость, отсутствие мелочной опеки, регламентации	VI	VIII	IX	XI	IX	XI
Соответствие профессии моим способностям, знаниям, умениям	V	V	IV	IV	XI	XII

Окончание табл 69

Варианты ответов	1999	2003	2007	2009	2012	2016
Спокойный характер работы	—	—	—	—	—	XIII
Связь с современной техникой, новейшими технологиями	X	XI	XI	XII	XII	XIV
Отсутствие тяжелых физических нагрузок	—	—	—	—	—	XV
Возможность «не выкладываться», пусть и при небольшой зарплате	—	—	—	—	—	XVI

По оценкам подавляющего большинства студентов, приоритетная цель их обучения в вузе — получение в перспективе высокооплачиваемой работы и диплома. Качество получаемой услуги не значимо в этой ситуации, ибо будущая работа не всегда требует высшего образования. Острота проблемы тем более усиливается, что в последние годы складывается серьезный дисбаланс в соотношении числа обучающихся на разных уровнях профессионального образования и доли работников с разным образованием в структуре занятости. Численность студентов вузов вдвое превышает число обучающихся в системе СПО, в 2,5 раза — число учащихся ПТУ и СГПТУ (сегодня система НПО вообще упразднена). Между тем, работники с высшим образованием составляют лишь четвертую часть занятых, а со средним профессиональным — треть.

Данные мониторинга косвенно свидетельствуют о распространенности ориентации не на специальность, а на высшее образование как таковое. Очевидно, такая «депрофессионализация» (точнее — уход от узкой специализации) — отклик на динамично изменяющийся социум, в котором усиливается неопределенность. Ситуация, когда вуз рассматривается частью абитуриентов и студентов (особенно женской их частью) скорее как форма продолжения обучения в высшей школе, чем как возможность получить необходимую профессию и квалификацию для дальнейшей работы, становится все более привычной. Более того, она отражает общий тренд социальных настроений. «Ни в одной стране мира нет такого предпочтения высшему образованию, как в России. Согласно социологическим исследованиям, 88 % населения считают высшее образование важным, 67 % — исключительно важным для своих детей. Но при этом только 40 % нацелены конкретно на профессию. Остальные связывают вузовский диплом с социальным продвижением», — подчеркивал Я. Кузьминов и отмечал противоречие изменившегося ориентира массового сознания и существующей системы высшего образования, которое «сложилось у нас как жестко профессиональное»¹.

Коренные изменения правил приема в вузы потребовали от исследовате-

¹ Кузьминов Я. Не дело государства определять престижность профессий [Электронный ресурс] // Огонек. — 2004. — № 12. — Режим доступа: <http://viperson.ru/articles/yaroslav-kuzminov-ne-delo-gosudarstva-opredelyat-prestizhnost-professiy> (дата обращения: 06.01.2017).

лей анализа того, как сказывается ЕГЭ на выборе студентов. Вот что показали ответы респондентов в 2012–2016 гг. (рис. 126).

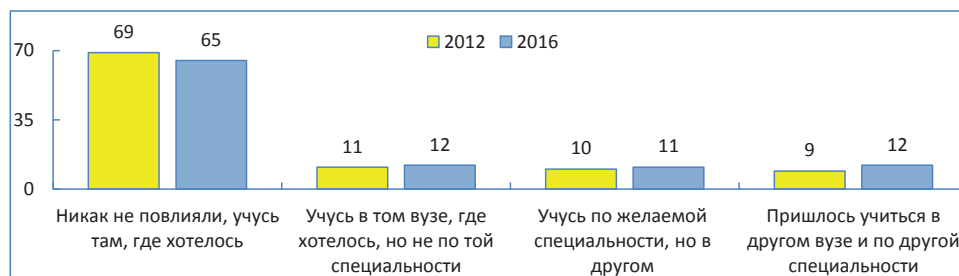

Рис. 126. Как повлияли результаты ЕГЭ на ваш выбор вуза и профессии, 2012–2016 гг., % ответивших

Заметен и характер влияния, и его устойчивость. И в 2012 г., и в 2016 г. двум из трех респондентов не пришлось изменять свой профессиональный выбор. У каждого третьего этот выбор менялся в двух направлениях — другой вуз (по методике логического квадрата отмечен каждым четвертым) и другая специальность (также отмечена каждым четвертым).

Но формулировка вопроса оказалась социологически недостаточно полной. К сожалению, она не требовала указать конкретно тот дополнительный экзамен, который сдавался. Между тем, именно это уже во многом предопределяло выбор (или предопределялось им) — физика для большинства технических специальностей, обществознание — для социально-экономических и управленческих специальностей. И именно тут возникают острые перекосы и проблемы. Характерны результаты ЕГЭ по физике и обществознанию по Свердловской области в 2011–2016 гг. (рис. 127).

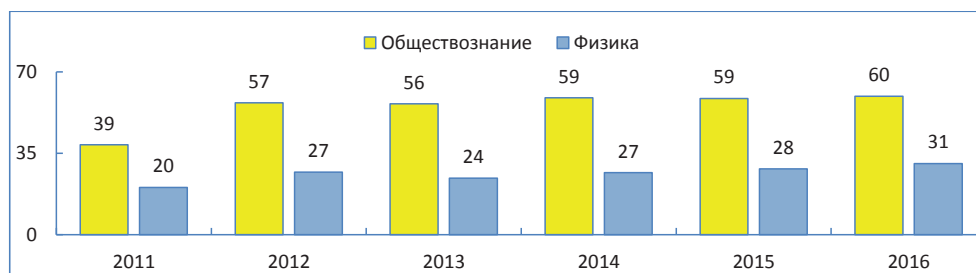

Рис. 127. Доля сдававших ЕГЭ по физике и обществознанию, по годам, в % от числа сдававших ЕГЭ в Свердловской области

Заметны приоритеты выпускников школ: почти трое из каждых пяти отдают предпочтение обществознанию. При всей позитивной тенденции по-

следних лет по физике число отдающих предпочтение ей ушло от каждого четвертого, но не дошло до каждого третьего. Между тем, именно такой перекос в ориентации молодых людей лежал в основе (точнее был использован вузами в 1990–2000-е гг. и позволил им выжить) «взрывного роста обучения по гуманитарным и социально-экономическим дисциплинам» (рис. 128).

Но этот «взрыв» породил к началу 2010-х гг. огромную нехватку инженерно-технических кадров, на Урале тем более обостренную, что наряду с подготовкой специалистов по новейшим технологиям возникла — в условиях реиндустриализации — проблема расширения подготовки традиционных инженеров. На преодоление возникшего противоречия были направлены разнообразные меры (особенно плодотворна идея и практика «Уральской инженерной школы»). В их ряду и стратегия выделения бюджетных мест в вузах Свердловской области с приоритетом подготовки инженерных кадров (в УрФУ в последние годы распределение бюджетных мест между техническими и остальными специальностями составляет 5 : 1).

Рис. 128. Динамика роста выпускников вузов РФ по разным специальностям, в тыс. человек¹

Важный аспект профессионального самоопределения — феномен работающего студента. Мы уже касались этого явления в разделе социального статуса студенчества. В данном разделе хотелось бы обратить внимание на иной аспект: как влияет совмещение учебы с работой на профессиональное самоопределение (табл. 70).

Таблица 70

Работаете ли Вы помимо учебы, по годам, % опрошенных

Варианты ответов	2003	2007	2009	2012	2016
Нет	54	55	60	58	58
Работаю, но нерегулярно	28	26	25	29	28
Работаю постоянно	18	19	15	13	14

¹ См.: Развитие инженерного образования и технической подготовки в России [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.myshared.ru/slide/771583/> (дата обращения: 11.01.2017).

За последние годы доля работающих студентов несколько сократилась и стабилизировалась: работают два из каждых пяти. Каждый третий работающий студент работает постоянно. Возможно, сказалось сокращение сроков обучения. Да и в кризисных условиях именно студентов, до сих пор зачастую пренебрегающих оформлением трудовых отношений (по «просьбе» работодателей или по своей инициативе), сокращают одними из первых. К тому же опрос проводился в учебное время, а, как известно, у работающих студентов не всегда есть время на посещение занятий.

Поражает и устойчивость недостаточной связи работы с осваиваемой в вузе профессией: лишь у одного из пяти работающих студентов она полностью связана, у каждого четвертого эта связь есть, но лишь частичная (табл. 71).

Таблица 71

**Насколько работа связана с профессией, по годам,
в % от числа работающих студентов**

Варианты ответов	2003	2007	2009	2012	2016
Не связана	55	52	49	56	54
Связана, но лишь частично	25	23	28	26	25
Связана	20	25	23	18	19

Устойчив и портрет работающего студента. В основном это молодежь, проживающая в Екатеринбурге, что вполне понятно: легче устроиться на работу по основному месту жительства. Но постепенно растет и число работающих студентов из иногородних, особенно планирующих закрепиться в областном центре после окончания вуза.

Студенты бюджетной формы обучения на первых этапах мониторинга подрабатывали чаще студентов-контрактников. Видимо, контрактники надеялись на помощь родителей, включая и оплату учебы. Затем число подрабатывающих студентов бюджетной и контрактной форм обучения выровнялось. Необходимость работы не связана только с материальным положением семьи, два из трех, имеющих постоянную работу, оценивают материальное положение семьи как хорошее и среднее. Из тех, кто оценил материальное положение семьи как очень хорошее, две трети работают постоянно или временно. Можно предположить, что постепенно разрушается стереотип восприятия студентов-контрактников как детей обеспеченных родителей, обучающихся на деньги родителей и рассчитывающих только на родительскую поддержку.

В большей степени постоянную работу имеют студенты, обучающиеся по техническим специальностям, а временную работу — студенты социально-экономического профиля. Имеет значение и гендерный аспект: юноши

чаще девушек подрабатывают помимо учебы. Распределение числа работающих студентов неравномерно по вузам (рис. 129).

Рис. 129. Доля работающих постоянно или временно, по вузам, 2016 г., % по группам

Насколько практика совмещения работы и учебы в вузе помогает студентам лучше освоить получаемую профессию? Приобрести профессиональный опыт по своей специальности? Среди работающих студентов менее пятой их части применяют полученные в университете навыки и знания, т. е. их актуальная занятость связана с получаемой профессией. Еще каждый четвертый указал на частичную связь своей работы с получаемой профессией. У основной части работающих студентов их занятость вообще никак не связана с будущей профессией. Соответственно, студенческую занятость можно рассматривать только лишь как получение практики поиска работы на реальном рынке труда, как приобретение определенного социального опыта какой-либо занятости, но не как приобщение к профессии, которое ведет к усилению конкурентных позиций среди профессионалов на рынке труда.

Совмещение работы и учебы наиболее присуще студентам-гуманитариям и студентам-технарям, а менее всего — студентам-естественникам (рис. 130).

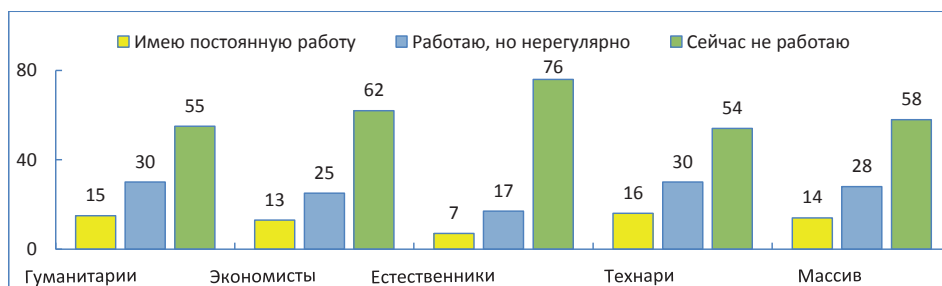

Рис. 130. Студенческая занятость в зависимости от профиля подготовки в вузе, 2016 г., % от группы

При этом доля студентов, совмещающих учебу и работу, увеличивается на старших курсах и — особенно — в магистратуре, где три из пяти работают, причем каждый второй из них — постоянно.

Магистратура выгодно отличается наличием связи между работой студентов и получаемой профессией: среди работающих магистрантов треть опрошенных отметили, что их работа связана с получаемой профессией (что вдвое выше, чем в среднем по массиву). Очевидно, что данный факт объясняется тем, что направление магистратуры чаще всего выбирается студентами уже с учетом специфики актуальной занятости.

Основные особенности 2016 г.: сокращение числа постоянно работающих в ГУ (что отражает существенные изменения в составе студентов этого негосударственного вуза), уменьшение числа работающих студентов-медиков и юристов.

Для российских студентов в целом характерна тенденция «работа мешает учебе»: вполне успешно эти два занятия сочетали менее трети участников федерального опроса, для 16 % респондентов такое совмещение было очень проблематичным¹. В этой же работе приведены результаты сравнения успеваемости работающих и не работающих студентов, и в последней группе она выше среди отличников на 3 %, среди хорошистов — на 5 % и ниже среди троечников на 8 %². Как результат, делает вывод Д.Л. Константиновский, снижается уровень подготовки специалиста, что было общемировой тенденцией во время глобальных экономических кризисов. При этом возможность закрепить профессиональные компетенции на ценностном уровне имеется только у тех работающих студентов, профиль подготовки которых полностью (это каждый четвертый респондент) или частично (даже менее, чем каждый пятый) совпадает с характером работы³.

Таким образом, возможность работы по специальности уже во время обучения выступает в качестве важного дифференцирующего фактора студенческой общности, детерминирующий разные стартовые позиции по окончании вуза. В то же время, рассматривая процесс подготовки современного студенчества как носителя определенной профессии, мы должны заключить, что одним из самых слабых звеньев подготовки профессионала в высшем образовании остается деятельность, связанная с практическим освоением профессиональных компетенций и закреплении профессиональных ценностей, что явно расходится с миссией высшей школы⁴.

¹ Константиновский Д.Л., Вознесенская Е.Д., Чередниченко Г.А. Молодежь России на рубеже XX–XXI веков: образование, труд, социальное самочувствие : монография. — М. : ЦСПиМ, 2014. — С. 519.

² Расчет по: Там же. С. 521.

³ Там же. — С. 524.

⁴ См.: Особенности представлений свердловских студентов о социальном неравенстве и социальной справедливости / Ю.Р. Вишневский [и др.] // Студенчество России о социальном неравенстве и социальной справедливости : сборник научных статей / под общ. ред.

На VI этапе мониторинга в блок вопросов о профессиональном самоопределении было внесено важное уточнение: нас интересовало, насколько профессиональный выбор студентов опирается на четкое знание будущего характера труда по этой профессии, насколько обучение в вузе делает это представление более четким (рис. 131–132).

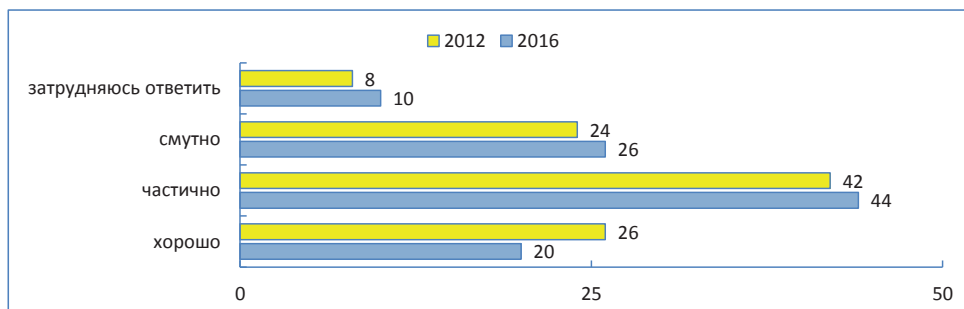

Рис. 131. Как представляли будущую профессию при поступлении, 2012–2016 гг., % ответивших

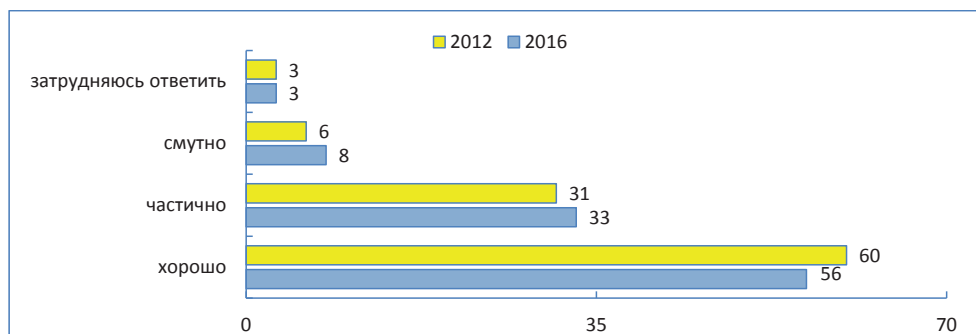

Рис. 132. Как представляют будущую профессию в момент опроса, 2012–2016 гг., % ответивших

По самооценкам студентов, на момент поступления в вуз четкие представления о содержании, характере и специфике профессиональной деятельности по выбираемой специальности имел лишь один из пяти. Основная часть (два из каждых пяти) студентов признались, что, поступая в вуз, опирались на частичные представления о будущей профессии, каждый четвертый — на смутные, а каждый десятый — вообще не представлял себе содержание и характер выбираемой профессиональной деятельности. Причем за 4 года ситуация явно не улучшилась, что подтверждает нарастание тенденции «депрофессионализации».

Как позитивный момент отметим: за время учебы в вузе представления молодежи о выбранной профессии существенно меняются в сторону большей осведомленности. Значит, процесс профессионализации дает свои результаты уже ко 2–3 году обучения бакалавриата, не говоря уже о магистратуре. Более половины студентов (три из пяти) отметили, что сейчас их представления о своей профессии вполне четкие, но треть сохраняет лишь частичные представления, 6–8 % — смутные и 3 % по-прежнему не имеют вообще каких-либо представлений о профессии. Причем и тут за 4 года каких-то сдвигов в лучшую сторону не произошло.

Особенно расплывчатость и отсутствие представлений о содержании, характере и специфике будущего труда при выборе профессии характерно для студентов, получающих образование по социально-экономическим и техническим специальностям как при выборе профессии (рис. 133), так и к моменту опроса (рис. 134).

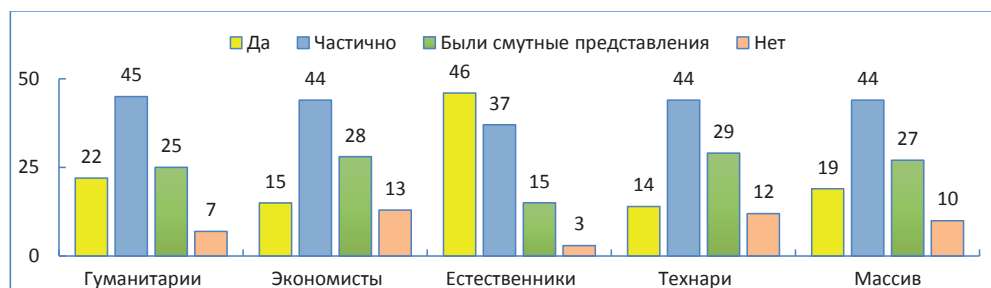

Рис. 133. Четко ли представляли содержание, характер и специфику профессиональной деятельности по выбранной вами специальности при поступлении в вуз, по профилю подготовки, 2016 г., % от группы

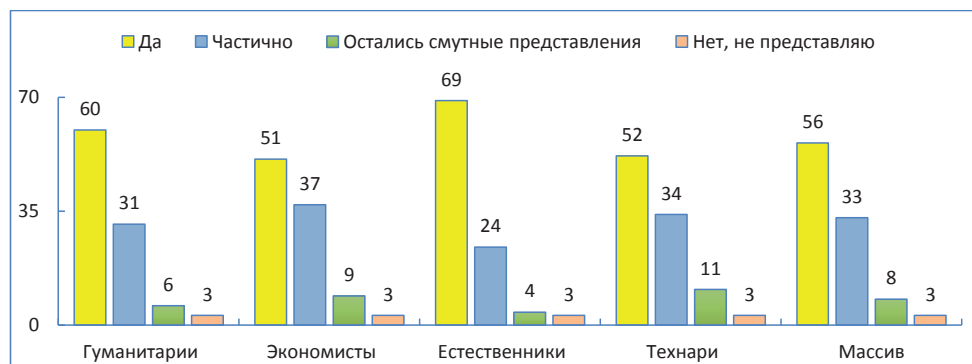

Рис. 134. Насколько четким является представление о содержании, характере и специфике профессиональной деятельности по выбранной специальности на момент опроса, по профилю подготовки в вузе, 2016 г., % ответивших

Студенты, выбравшие естественно-научный профиль подготовки, напротив, демонстрируют достаточно высокую степень осведомленности о будущей профессиональной деятельности при поступлении (более 45 % имели четкие представления, поступая в вуз), которая еще более возрастает к моменту опроса (почти 70 %).

В 2016 г., когда впервые респонденты различались по уровню получаемой профессиональной подготовки (прикладной и академический бакалавриат II и III курса, магистратура), выявлялось его влияние на представления о профессии. Одни результаты были ожидаемы — наиболее позитивная картина среди студентов-магистров, три из четырех среди них четко представляли будущую профессию. Правда, среди них 11 % (среди бакалавров 2—4 %) совершенно ее не представляли. Вероятно, это связано с возможностью обучения в непрофильной магистратуре¹.

Ситуация с бакалаврами оказалась сложнее и в чем-то парадоксальнее: студенты академического бакалавриата чуть более четко представляют будущую профессию в сравнении со студентами прикладного бакалавриата (хотя предполагалось обратное); существенных различий в четкости представлений внутри и академического, и прикладного бакалавриата между студентами II и III курса не зафиксировано.

Очевидно, что сокращение сроков профессиональной подготовки не позволяет молодежи интегрироваться в профессию достаточно глубоко, получить ясное и полное представление о будущей профессиональной деятельности, и тем более идентифицировать себя с представителями профессиональной группы. Это, в свою очередь, не лучшим образом может отразиться на намерении строить свою карьеру в рамках полученного профессионального образования.

Возможность смены профессии после окончания вуза, значительное расхождение между осваиваемой профессией и реальной профессией для работающих студентов потребовали уточнения в 2016 г. представлений о будущей работе (табл. 72).

Таблица 72

Согласны ли вы со следующими утверждениями о той профессии, по которой получаете образование или работаете? 2016 г., % ответивших

Утверждения	Согласен	Не согласен
Это интересная профессия, она соответствует моим способностям, умениям	78	22

¹ По Федеральному закону «Об образовании в Российской Федерации» (№ 273-ФЗ от 29.12.2012) бакалавриат и магистратура отнесены к разным уровням высшего профессионального образования. Обучение по программам магистратуры является получением второго или последующего высшего образования только для лиц, имеющих диплом специалиста или диплом магистра. Четких ограничений для бакалавров по поступлению только в профильную магистратуру нет.

Окончание табл. 72

Утверждения	Согласен	Не согласен
Она дает возможность достичь признания, уважения, приносит реальную пользу людям	75	25
Она позволяет обеспечить достойное существование	74	26
Благодаря ей можно реализовать свои жизненные планы	68	32
Она востребована на рынке труда даже в условиях кризиса	66	34
Это престижная профессия	65	35

В целом студенты достаточно высоко оценивают свою профессию по всем критериям (соответствие профессии интересам, способностям и умениям; возможность приносить пользу людям, вызывать уважение; престижность профессии; возможность обеспечить достойное существование; востребованность на рынке труда). При этом интересно, что наиболее высокие оценки получили такие параметры, как соответствие профессии способностям и умениям, интересность профессии (отмечено в почти каждом четвертом из пяти ответов) и общественная полезность профессии (в трех из четырех ответов), а «прагматичные» параметры — востребованность на рынке труда (в двух из трех) и престижность профессии (в двух из трех) — получили сравнительно низкие оценки.

Отношение к своей будущей профессии зависит от профиля обучения в вузе. Наиболее престижной свою профессию считают студенты, обучающиеся по естественно-научным и гуманитарным специальностям (рис. 135). Самую осторожную оценку престижа дают своей профессии будущие инженеры (более 40 % студентов технических специальностей не считают, что получаемая ими профессия престижна).

Рис. 135. Доля согласных с суждением о престижности их профессии, по профилю подготовки, 2016 г., % ответивших

Почти половина студентов гуманитарных специальностей полагает, что их профессия не является востребованной на рынке труда, почти такое же мнение о своей будущей профессии у студентов, обучающихся социально-экономическим специальностям (рис. 136).

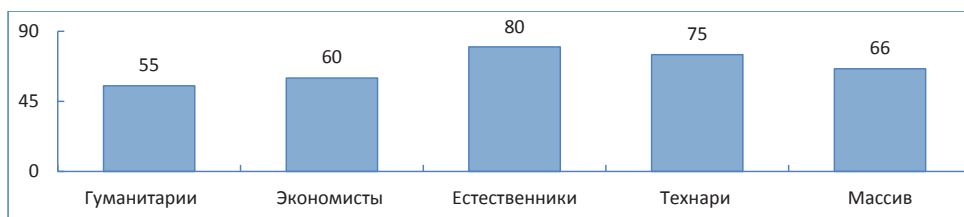

Рис. 136. Доля согласных с востребованностью их профессии на рынке труда, по профилю подготовки в вузе, 2016 г., % ответивших

Студенты технических и естественно-научных специальностей более уверены, что их профессия окажется востребованной даже в условиях кризиса. В оценках респондентов отражается определенная технократичность современного российского общества, периферийность гуманитарной составляющей, «остаточное» внимание к гуманитарным и социальным профессиям на уровне государственной политики и практики. Не случайно соотношение бюджетных мест в вузах сегодня распределено неравномерно в пользу технических и естественно-научных специальностей и направлений подготовки.

Тем не менее, студенты-гуманитарии так же, как и студенты естественно-научных специальностей, полагают, что их профессия интересная, соответствует их способностям и умениям (рис. 137). Наименьший интерес к своей профессии наблюдается у студентов, обучающихся социально-экономическим специальностям: почти треть из них не согласны с суждением «это интересная профессия, она соответствует моим способностям, умениям».

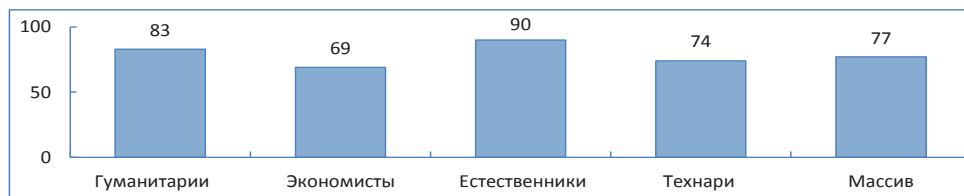

Рис. 137. Доля согласных, что их профессия интересна, соответствует способностям и умениям студента, по профилю подготовки в вузе, 2016 г., % ответивших

Становятся более понятными приведенные в предыдущем разделе данные о различиях в удовлетворенности профессией и вузом (хотя преобладающая удовлетворенность и является общим трендом). Наиболее высокая удовлетворенность наблюдается у студентов, обучающихся по естественно-научным специальностям. Семь из десяти студентов этого профиля довольны и выбором вуза, и выбором профессии, тогда как, например, среди студентов-гуманитариев и студентов социально-экономических специальностей удовлет-

воренность профессиональным самоопределением ниже (у трех из пяти). Анализ отношения респондентов к получаемой профессии показывает, что такая ситуация не случайна. Среди студентов естественно-научного профиля подготовки наиболее существенна доля респондентов, высоко оценивающих свою профессию сразу по ряду показателей — престижности, соответствию интересам, способностям и умениям, востребованности на рынке труда.

Условно можно разделить все отмеченные респондентами мотивы на несколько групп:

- прагматические мотивы, связанные со значимостью профессии как средства получения дохода, реализации карьерного успеха (который в общественном сознании также сопряжен с ростом уровня оплаты труда);
- мотивы самореализации, в том числе возможность творчества, реализации личностного потенциала и т. д.;
- статусные мотивы (престижность профессии, достижение признания, власти);
- мотивы безопасности или стабильности;
- альтруистические мотивы, такие как возможность работать в хорошем коллективе, приносить пользу людям, обществу.

Анализ иерархии мотивов показывает, что, как и в предыдущие годы мониторинга, по-прежнему доминируют прагматические мотивы, среди которых ведущее место занимает уровень дохода (три из каждых пяти полагают это важным при выборе будущей работы, профессии). Показательно, что обратный ему мотив — «возможность не выкладываться, пусть и при небольшой зарплате» — занял последнее место в иерархии мотивов, набрав лишь 2 % ответов.

Весьма важным мотивом сегодня является личное продвижение, успех в профессии — возможность сделать карьеру. Кластер мотивов самореализации также набрал существенное количество голосов — возможность полнее реализовать свой потенциал является важным для почти трети студентов, возможность постоянного самосовершенствования — для каждого третьего, творческий, интересный характер работы важны для каждого четвертого. Очевидно, что мотивируют студенческий выбор будущей работы не только сугубо прагматические мотивы: желаемый высокий уровень доходов и карьера должны сопрягаться с возможностью самореализоваться в профессии, заниматься творческим и интересным трудом, достичь признания, уважения (значимо для каждого четвертого).

Не так сильно оказались важны статусные мотивы (на престижность профессии ориентируется лишь один из шести студентов). Более значимы сегодня условия труда (для почти трети), хороший коллектив (для каждого пятого) и возможность приносить пользу людям (для каждого четвертого).

Можно сделать вывод, что желание иметь хорошо оплачиваемую, при этом творческую и интересную работу и трудиться в хороших и психологически комфортных условиях образуют идеальную модель будущей работы. Тем не менее, при столкновении с реальностью рынка труда, мы полагаем, ведущими мотивами будут выступать оплата труда и возможность продвижения, карьеры, которая, прежде всего, предполагает рост доходов.

В 2016 г. тенденция прагматизации в восприятии профессии, на наш взгляд, еще более усугубляется: сохраняется существенный разрыв в доле студентов, ориентирующихся при выборе работы на ее доходность, при этом еще более возрастает по сравнению с предшествующими периодами значение карьерного успеха. Содержательные, внутренние мотивы выбора продолжают терять свою значимость: соответствие профессии способностям и умениям, связь с новейшими технологиями, отсутствие регламентации труда и т. д. Наиболее низкие значения в контексте предшествующих этапов получили мотивы творческого труда, желания работать в хорошем коллективе.

Поскольку утрачивается влияние внутренних, собственно самоопределенческих моментов в выборе профессии, то утрачивается и связь жизненной траектории с выбранной сферой профессиональной деятельности, что отражается в динамике профессиональных планов молодежи, в их представлениях о своих перспективах перехода от учебы к работе.

Переход от учебы к работе — важный этап в жизни человека. Его успешность — один из показателей вхождения молодежи в рынок труда, эффективности личных и государственных инвестиций в образование, соответствия рынка образовательных услуг потребностям рынка труда. Проблемы, с которыми сталкивается молодежь после завершения образования (например, длительный период поиска первой работы, эпизоды безработицы), в последующем негативно влияют на положение на рынке труда, уменьшая величину заработной платы, выступая в качестве сигнала для работодателя о более низкой производительности и конкурентоспособности¹.

В 1990–2000-е гг. произошли существенные изменения в положении студенческой молодежи на рынке труда. Из выделенных исследователями изменений отметим следующие.

1. С одной стороны, наблюдалось значительное снижение участия молодого населения в рабочей силе, снижение занятости молодежи: уровень занятости 15–19-летних упал с 22,7 % в 1992 г. до совсем незначительных 4,4 % в 2014 г.; 20–24-летних — с 68,3 % в 1992 г. до 45,9 % в 2014 г. Именно для молодежи, в отличие от всех остальных возрастных групп, был характерен максимальный отток с рынка труда, который имел место не только в 1990-х гг., но продолжился и в 2000–2010-е гг.²

¹ Варшавская Е. Я. Успешность перехода «учеба-работа»: для кого дорога легче? // Социологические исследования. — 2016. — № 2. — С. 39.

² Там же. — С. 40.

2. Неуклонный рост спроса на профессиональное образование, в первую очередь высшее. Значительно сократилась доля выпускников средней (полной) школы, выходящих на рынок труда сразу после ее окончания: если в 2001 г. она составляла 15 %, то в 2010 г. упала до 3 %.

3 Реформа высшего образования в России нацелена на создание рынка конкурентных вузовских услуг¹. Успех образовательных учреждений определяется, прежде всего, их привлекательностью для студентов. Опыт западных стран показывает, что конкуренция за студентов стимулирует вузы уделять значительное внимание качеству предоставляемых образовательных и других услуг.²

4. Возник и уже к началу 2000-х гг. обострился разрыв между рынком образовательных услуг и рынком труда. «Структура возрастной когорты (это люди одного года рождения) делится так: 2,2 миллиона человек оканчивают девятый класс, 1,3 миллиона идут в полную среднюю школу и затем получают высшее образование. Это 60 % всех двадцатилетних. А в структуре занятости людей с высшим образованием — меньше 30 %. То есть чуть ли не для половины выпускников вузов рабочих мест нет»³.

5. В этих условиях складывалось своеобразное разделение труда. Вузы в той или иной степени (с тем или иным качеством) занимались обучением. В духе высказывания ректора Высшей школы экономики Я. Кузьмина³ «мы не занимаемся трудоустройством выпускников и не будем этого делать. Дело университета — учить, в том числе учить делать выбор». А выпускники все чаще трудоустраивались не по специальности. В пропорциях, зафиксированных им же (правда, в большей мере справедливых для московских вузов): «20–30 % выпускников, идущих работать по специальности, — это почти все педагогические институты. Примерно 40 % — почти все медицинские вузы и сельхозинституты. Наконец, не более 50 % трудоустройства по специальности имеют абсолютно все технические университеты. Так что это структурная проблема»³.

Социологически сложившиеся тенденции и профессиональные планы российских студентов зафиксировало общероссийское исследование (табл. 73).

¹ См.: Резник С. Д., Коновалова Е. С., Сочилова А. А. Конкурентоориентированность и конкурентоспособность студенческой молодежи России: опыт, проблемы, перспективы: монография / под ред. С. Д. Резника. — М.: Инфра-М, 2016. — 292 с.

² Андрушак Г. В. Эффекты сообучения и конкуренция в студенческой среде. — М.: ГУ-ВШЭ, 2005. — С. 3.

³ Кузьминов Я. Не дело государства определять престижность профессий [Электронный ресурс] // Огонек. — 2004. — № 12. — Режим доступа: <http://viperson.ru/articles/yaroslav-kuzminov-ne-delo-gosudarstva-opredelyat-prestizhnost-professiy> (дата обращения: 06.01.2017).

Таблица 73

Планы студентов относительно работы в определенном секторе занятости в ближайшие пять лет по регионам РФ, 2015 г., % ответивших¹

Планируемый сектор занятости	Всего	Москва	Регионы
Практическая работа в коммерческом секторе	57,8	62,4	55,8
Практическая работа в бюджетном секторе (учителем в школе, врачом)	17,1	8,9	20,7
Работа в научной сфере (в вузе, в научном центре, институте)	10,1	10,5	9,8
Работа госслужащего в органах государственной власти	15,1	18,2	13,7

Каковы же профессиональные планы свердловских студентов (табл. 74)?

В целом, тенденции предшествующих лет сохраняются и в 2016 г. Доля студентов, планирующих работать по специальности, снизилась с уровня последних этапов (каждый второй, два из пяти) до каждого третьего.

По сравнению с 1990-ми гг. доля респондентов, планирующих открыть свое дело и заняться предпринимательством, остается невысокой — на уровне одного из семи². Хотя и стала более реалистической, сократившись — по сравнению с 2003 г. — вдвое. По-прежнему остается низкой доля студентов, которые хотели бы заниматься наукой, делать научную карьеру (менее 1 %).

Интересно, что доля студентов, планирующих продолжить образование, в 2016 г. выросла и достигла уровня 2003 г. (каждый пятый). Но если для 2003 г. продолжение образования обычно подразумевало получение второго высшего образования, то для 2016 г. это и обучение в магистратуре.

Таблица 74

Динамика профессиональных планов студентов 1995–2016 гг., % ответивших

Профессиональные планы	1995	1999	2003	2007	2009	2012	2016
Работать по специальности	66	46	48	42	44	43	34
Продолжить образование (второе высшее образование, магистратура)	11	13	23	11	10	9	21
Основать свое дело, бизнес	24	17	29	19	16	14	14

¹ Рощина Я. М., Рудаков В. Н. Региональные и московские вузы в 2015 г.: различия стратегий студентов и преподавателей // Информационный бюллетень. — М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2017. — С. 78.

² Не осуществилась одна из надежд рыночных реформ — сформировать из молодежи (особенно — студенческой молодежи) основу «среднего класса»: «В этой связи и видится особое место молодого поколения, вступающего в трудовую жизнь в условиях перехода к рыночной экономике. Формирование здорового, экономически состоятельного среднего слоя из молодежи составляет, на наш взгляд, одну из важнейших предпосылок нормального функционирования экономики нашей страны» (Раковская О. Переход к рынку и молодежь // Молодежь России на рубеже 90-х годов. — М.: ИС РАН, 1992. — Кн.1. — С. 11).

Окончание табл. 74

Профессиональные планы	1995	1999	2003	2007	2009	2012	2016
Будущее в плане работы туманно и неопределенно	—	—	—	—	—	—	8
Работать не по специальности	12	12	12	10	7	6	6
Поехать учиться или работать за границу	16	9	15	7	10	9	6
Еще нет никаких определенных планов на будущую работу	11	11	18	14	14	4	4
Посвятить себя дому, семье	14	3	8	3	4	3	1
Заняться научно-исследовательской работой	5	2	5	3	3	1	1
Пройти стажировку (дополнительное обучение) на рабочем месте	—	—	—	—	—	—	1
Работать как фрилансер (самостоятельный поиск и реализация услуг, проектов)	—	—	—	—	—	—	1
Жить за счет случайных заработков	5	4	1	1	1	1	0,3

Примечание. Сумма выше 100 %, поскольку один опрошенный мог дать несколько ответов одновременно.

Повышение числа студентов, выразивших намерение продолжить свое образование, связано не с ростом ориентации на получение дополнительного образования или со сменой направления карьерной траектории посредством второго образования, а скорее со структурной перестройкой системы профессионального образования, с переходом на уровневую профессиональную подготовку «бакалавр — магистр». Но распространенность стремления продолжить обучение связана не только с пониманием ограниченности бакалавриата, она и косвенный показатель удовлетворенности обучением при всех издержках дальнейшего трудоустройства. Характерны результаты исследований наших коллег, поставивших перед студентами вопрос: «Повторили бы вы свой профессиональный выбор?» (рис. 138).

Рис. 138. Потенциальный повторный выбор вуза и специальности старшекурсниками¹, 2007 г., % от группы

¹ РейтОР // Российская газета. Экономика. 2007, 5 апреля.

Даже если учесть, что зафиксированные позиции были высказаны 10 лет назад, они достаточно информативны и показательны. Выясняется, что три из четырех повторили бы выбор вуза, два из трех — выбор специальности. Интересно было бы включить этот вопрос на следующем этапе мониторинга — в 2020 г.

Насколько выявленные нами карьерные стратегии свердловских студентов типичны или специфичны для нашего региона? В какой-то мере (понимая ограниченность сравнений данных социологических исследований, основанных на разных принципах выборки и использующих разные методики) судить можно лишь о трендах. А эти тренды, по данным ВЦИОМ, таковы.

Опрос ВЦИОМ (ноябрь, 2014 г.)¹ выявил, что карьерный рост для четверти россиян (25 %) означает увеличение зарплаты. Каждый шестой (17 %) ассоциирует с этим понятием повышение в должности. По мнению других, успешная карьера позволяет изменить свой статус (5 %), самореализоваться (4 %), вырасти как личность (4 %) и т. д. Однако есть и те, для кого продвижение по карьерной лестнице вовсе ничего не значит (8 %). Профессионализм и личные качества считаются более значимыми для построения карьеры, нежели связи. Около трети россиян (31 % в 2014 г. и 29 % в 2007 г.) уверены, что построить карьеру можно благодаря своим компетенциям и опыту. Чаще это мнение разделяют 18–24-летние (37 %) и обучавшиеся в вузах (35 %), чем пожилые люди (27 % старше 60 лет) и респонденты с начальным образованием (24 %). А 15 % верят: продвижение по карьерной лестнице целиком и полностью зависит от личных качеств человека (активности, обаятельности и др.). Напротив, каждый пятый полагает, что повышение можно получить благодаря полезным знакомствам — 20 % (среди малообразованных — 33 %, среди москвичей и петербуржцев — 29 %) или хорошим отношениям с начальством (22 %).

Среди ресурсов, которые молодежь может задействовать, чтобы реализовать свои планы на рынке труда, первое место по значимости занимает полученное профессиональное образование (табл. 75).

Таблица 75

Что из перечисленного поможет реализации Ваших планов, 2016 г., % ответивших

Варианты ответов	2016
Полученное образование (знания, навыки по профессии)	65
Мои способности, личностные качества (характер, трудолюбие, обучаемость)	54
Мои связи, знакомства, умение налаживать контакты	30

¹ Делаем карьеру в России: пресс-выпуск ВЦИОМ № 2711 от 11.11.2014 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115048> (дата обращения: 12.02.2016).

Окончание табл. 75

Варианты ответов	2016
Моральная поддержка, связи родителей, родственников	22
Мой общий и научный кругозор, готовность к самообразованию	21
Диплом, репутация вуза	19
Прохождение практики на предприятии, в организации	18
Материальная поддержка родителей, родственников	10
Дополнительные виды обучения (бизнес-школы, курсы, семинары, образовательные программы и т. п.)	10
Крепкое здоровье, внешние данные	9
Система гарантий, льгот для молодежи	4
Моя научная деятельность	4
Программы академической мобильности студентов (стажировки, «двойные дипломы», участие в международных проектах, грантах)	2
Работа в инновационных предприятиях при вузе	2

Достаточно значим для достижения целей оказывается и социальный капитал, связи (родственные связи и собственные знакомства), на этот ресурс надеются соответственно каждый пятый и каждый третий из респондентов.

В ответах студентов прослеживается позитивная тенденция — помимо образования и связей в будущем трудоустройстве студенты полагаются во многом на собственные силы и инициативу: свои способности, личностные качества (характер, трудолюбие, обучаемость) отметили более половины опрошенных, общий и научный кругозор и готовность к самообразованию — каждый пятый. Несколько меньше студенты полагаются на дополнительные виды обучения: только один из десяти отметил данный вариант, на диплом или репутацию вуза — каждый пятый, на прохождение практики — каждый пятый.

Важный аспект проблемы профессионального самоопределения студентов — их подготовленность к выходу на рынок труда, соответствие полученного уровня профессиональной подготовки требованиям работодателей. Прежде всего, подготовленность к выходу на рынок труда отражается в представлениях студентов о тех проблемах, с которыми им предстоит столкнуться в скором времени (табл. 76).

Наибольшее беспокойство у молодежи (как и в прежние годы исследования) вызывает отсутствие опыта работы по профессии: три из четырех считают эту проблему наиболее важной. При этом довольно существенная часть студентов опасается низкой оплаты труда, несоответствия уровня профессиональной подготовки требованиям работодателя, конкуренции со стороны других категорий работников, в том числе с большим профессиональным опытом и стажем, отсутствия вакансий по полученной специальности.

Таблица 76

**С какими проблемами сталкивается молодежь при трудоустройстве,
2016 г., % ответивших**

Значения	2016
Отсутствие трудового стажа, практического опыта работы	75
Низкий уровень оплаты	48
Отсутствие открытых вакансий	43
Несоответствие уровня профессиональной подготовки требованиям работодателя	38
Нет информации о предприятиях, где нужна профессия	28
Жилищные проблемы: трудности с поселением в общежитие, отсутствие служебного жилья	25
Конкуренция между молодыми работниками и другими категориями работников (мигранты, работники со стажем, пенсионеры)	22
Большой неоплачиваемый (низкооплачиваемый) испытательный срок	18
Несоответствие уровня оплаты и полученной профессиональной подготовки	16
Слабое взаимодействие между органами занятости, образовательными учреждениями и предприятиями	15
Коррупция со стороны кадровых служб работодателей	13
Невозможность пройти практику на профильном предприятии по своему направлению подготовки	11
Недостаточно организационно-управленческих качеств у молодых специалистов	8
Недостаточно коммуникативных навыков, умения работать в команде у молодых специалистов	8
Отсутствие квот на трудоустройство отдельных категорий молодежи	5
Свой вариант	<1

Таким образом, субъективная оценка молодыми людьми ситуации показывает противоречивый статус студенческой молодежи (выпускников вузов) на рынке труда:

- с одной стороны, имея такой ресурс, как высокий уровень профессионального образования, студенты претендуют на достаточно высокооплачиваемые профессиональные позиции;
- с другой стороны, работодатель предпочитает работников, имеющих определенный профессиональный опыт, и в этом плане поствузовская молодежь, не опираясь на какие-либо программы поддержки, оказывается весьма уязвимой социально-профессиональной группой¹.

¹ См.: Абрамова Е. М., Верпаховская Ю. Б. Работодатели и выпускники вузов на рынке труда: взаимные ожидания // Социс. — 2006. — № 4. — С. 37–46.

Один из выходов в такой ситуации — совмещение работы и учебы в вузе. При этом работа должна рассматриваться именно как накопление ресурса — какого-либо опыта работы, который может быть потом конвертирован в социальный капитал и использован для повышения своих социально-профессиональных и социально-экономических позиций на рынке труда. Как уже отмечалось, не менее двух из пяти опрошенных студентов уже имеют определенный опыт занятости. И в этом отношении важным представляется анализ стратегий трудоустройства студентов (табл. 77).

Исследователи выделяют ряд типов стратегий трудоустройства¹:

- сетевая стратегия ориентирована на преимущественное использование сетевых ресурсов (родственных и дружеских связей), социальный портрет тех, кто избирает эту стратегию отличается социальной неоднородностью;
- этатическая стратегия ограничивается преимущественно обращением в службы занятости, ее избирают преимущественно те, кто низко оценивает свою позицию на рынке труда и рассматривает обращение в госорганы как возможность получения социальной защиты и помощи;
- смешанная стратегия характеризуется совмещением обращений к социальным сетям с прямым обращением к работодателям или к рекламным объявлениям, она характерна для тех, кто занимает стабильную позицию на рынке труда и рассчитывает найти или сменить работу в достаточно короткие сроки;
- комплексная стратегия сочетает в себе привлечение всех возможных ресурсов, обращение ко всем каналам трудоустройства; она преимущественно реализуется теми, кто имеет более низкую конкурентоспособность на рынке труда, не имеет работы, остро ощущает необходимость поиска работы.

Таблица 77

Какие способы трудоустройства, по вашему мнению, являются самыми результативными, в динамике, % от группы

Варианты ответов	2009 г.	2012 г.	2016 г.
Продолжение работы там, где проходил(а) практику или работал(а) во время обучения	30	33	53
Помощь родителей, знакомых, друзей	16	33	42
Распределение выпускников	13	30	37
Самостоятельный поиск вакансий и размещение резюме в Интернете	12	24	35
Целевая подготовка по заказу предприятия	—	—	31

¹ Калугина З. И., Лаврусевич П. Е. Формальные и неформальные посредники на современном российском рынке труда // Социология: 4 М. — 2006. — № 23. — С. 116–119.

Окончание табл. 77

Варианты ответов	2009 г.	2012 г.	2016 г.
Рассылка резюме по организациям	12	23	27
Молодежные биржи труда, ярмарки вакансий, дни карьеры	9	19	24
Обращение в кадровые службы предприятий	—	—	17
Обращение в службу занятости	3	6	11
Обращение в кадровое агентство	3	9	8

Если использовать этот подход для кластерного анализа, то мы можем получить распространенность разных стратегий среди наших студентов и сравнить ее с данными исследователей (рис. 139).

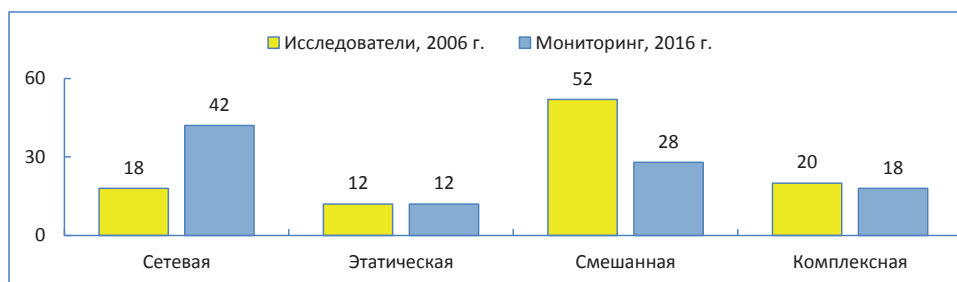

Рис. 139. Распространенность стратегий трудоустройства в сравнении материалов исследования (2006 г.)¹ и мониторинга (2016 г.)

Чаще всего студенты ориентируются на продолжение работы там, где они работают во время обучения (более половины). В предшествующие этапы мониторинга этот способ трудоустройства отмечало меньше студентов (треть). Связано это с усиливающейся тенденцией депрофессионализации института профессионального образования, когда молодежь воспринимает университетское образование не как способ получения профессии, а как ресурс успешного трудоустройства и карьеры, но не обязательно в рамках получаемой профессиональной подготовки. Поэтому даже временная занятость не по специальности может выступать в качестве основы для трудоустройства и карьерного старта.

Существенная часть студентов ориентируется в поиске работы на использование родственных связей (два из каждых пяти), причем по мере развития экономического кризиса в 2016 г. по сравнению с предшествующими этапами мониторинга эта ориентация усиливается.

Также, на наш взгляд, с влиянием кризиса и нестабильности связан рост ориентации на прежние советские способы трудоустройства — распре-

¹ Калугина З. И., Лаврусевич П. Е. Указ. соч.

ление и целевую подготовку по заказам предприятия. Тем не менее, набирают силу и сравнительно новые и самостоятельные способы поиска работы — рассылка резюме в организации (рост вдвое за 2009–2016 гг.) и поиск вакансий и размещение резюме на интернет-сайтах (рост втрое).

Как и в предыдущие годы, молодежь практически не ориентируется на использование организационных форм поиска работы и трудоустройства с помощью кадровых агентств или служб занятости. Кадровые агентства практически не работают с выпускниками, не имеющими солидного профессионального опыта, у государственных служб занятости сложился негативный имидж среди молодежи как неэффективных, формально функционирующих организаций, не предоставляющих приемлемых вариантов с точки зрения достойной оплаты труда.

Оценивая возможности найти работу по своей специальности, студенты проявляют осторожный оптимизм: большинство из них считают, что найти работу по специальности не очень легко, но можно (60 %, табл. 73). Студенты технического и естественно-научного профиля подготовки более оптимистичны, нежели гуманитарии и студенты социально-экономических специальностей (рис. 140).

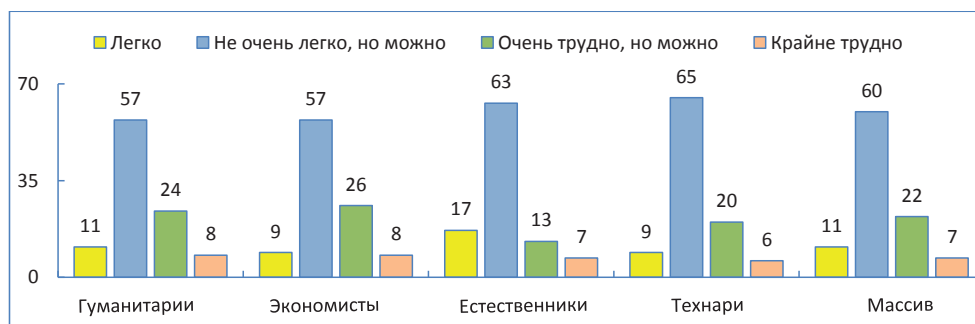

Рис. 140. Оценка возможностей найти работу по специальности в зависимости от профиля подготовки, % от группы, 2016 г.

Таким образом, результаты опроса студентов вузов Свердловской области за 2016 г. позволяют заключить, что в профессиональном самоопределении многие тенденции предшествующих лет сохраняются либо усиливаются.

Профессиональный выбор студентов опирается на нечеткие, расплывчатые представления о будущей профессии, которые за годы учебы в вузе несколько структурируются, особенно на этапе обучения в магистратуре.

Наиболее позитивные оценки своей профессии (ее престижа, востребованности и т. д.), а также соответственно удовлетворенность выбранной профессией и вузом выражают студенты естественно-научного профиля подготовки, а наиболее негативные — гуманитарного и социально-эконо-

мического. Это показывает периферийность гуманитарной составляющей в современном российском обществе, остаточное внимание к гуманитарным и социальным профессиям на уровне государственной политики и практики.

Среди мотивов выбора профессии доминируют прагматичные мотивы дохода и карьерного успеха. Содержательные, внутренние мотивы продолжают терять свою значимость.

Утрачивается связь жизненной траектории с выбранной сферой профессиональной подготовки — снижается число студентов, намеренных работать по специальности, а профессиональное образование выступает как ресурс успешного трудоустройства, не обязательно по полученной специальности.

Испытывая опасения перед сложностями трудоустройства, основное из которых — отсутствие опыта работы, студенты практикуют совмещение учебы и работы, при этом их занятость, как правило, носит временный характер и не связана с получаемой профессией. В связи с этим студенческая занятость не дает возможности молодежи конкурировать с профессионалами более старших возрастных групп, имеющими опыт работы в рамках специальности, а значит, студенческая и поствузовская молодежь остается достаточно уязвимой социальной группой на рынке труда.

5. Ценностные ориентации студентов¹

Становление современной молодежи происходит в сложных условиях ломки многих старых ценностей, в период формирования новых социальных отношений²

В. Т. Лисовский

Ценности — не вспомогательная пристройка к экономике и политике, а обобщенные представления людей о целях и нормах своего поведения, воплощающие исторический опыт и концентрированно выражающие смысл культуры отдельного этноса и всего человечества.

Это существующие в сознании каждого человека ориентиры, с которыми индивиды и социальные группы соотносят свои действия³

Н. И. Лапин

Традиционный раздел нашего мониторинга — анализ ценностного сознания студенческой молодежи Свердловской области. Изучение ценностных ориентаций, факторов, оказывающих влияние на их формирование, возмож-

¹ Глава выполнена при поддержке РГНФ, проект № 15-03-00069 «Формирование профессионального этоса современного инженера: гендерный и функциональный аспекты».

² Лисовский В. Т. Социальные изменения в молодежной среде [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/lisovskiy_soc/ (дата обращения: 01.11.2016).

³ Лапин Н. И. Модернизация базовых ценностей россиян // Социологические исследования. — 1996. — № 5. — С. 3.

ных последствий преобладания тех или иных ценностных систем относится к числу важнейших направлений социологических исследований. Социальные изменения последних двадцати лет, вызвавшие качественные сдвиги в сфере ценностных ориентаций россиян, не обошли и молодежь.

Студенческая молодежь, как наиболее динамичная в социокультурном и интеллектуальном отношении группа молодежи, представляет собой стратегический резерв и социальный ресурс модернизационных процессов. Будучи самой интеллектуальной и духовной группой молодежи, студенчество является потенциальной элитой общества. Как «социальная группа переходного характера с „отложенным“ включением в социальные отношения»¹, студенчество своей транзитивностью позиционирует всю систему социального взаимодействия. Студенты — это будущие врачи, преподаватели, ученые, инженеры, архитекторы, строители, менеджеры, госчиновники. И в этом смысле студенческая молодежь — это интенсивная социальная проекция общества, фокус-группа будущего социума в целом. Специфика положения студенчества в обществе обуславливает особенности ее ценностных ориентаций.

Студенческие годы благоприятны для образования ценностных ориентаций как устойчивого свойства личности. Для этого периода характерно то, что в круг интересов человека входит весь спектр социальной действительности, разнообразие социальных ориентиров. От того, сможет ли молодой человек выделить среди интересов и ориентиров приоритетный, выстроить свою, своеобразную иерархию жизненных ценностей, будет зависеть успешность его дальнейшего жизненного пути. От модальности доминирующих стратегий успешного индивидуального поведения в конечном счете зависит судьба и успешность развития общества в целом. Уровень и качество инновационного потенциала молодежи будет определять цивилизационные перспективы российского общества.

Ценность — это «синоним неравнодушия человека к тому или иному аспекту действительности»². Ценности — в социально-психологическом плане — отражают значимость, личностный смысл для человека феноменов окружающего мира как удовлетворяющих или способных удовлетворить его потребности и интересы. Они выполняют функцию ориентиров его поведения, определяя цели и направленность, мотивацию поведения. В. Б. Ольшанский сравнивал в свое время ценности со своеобразными маяками, помогающими «заметить в потоке информации то, что наиболее важно (в позитивном или негативном смысле) для жизнедеятельности человека; это такие ориентиры, придерживаясь которых человек сохраняет свою опре-

¹ Петрова Т. Э. Социология студенчества в России. Этапы и закономерности становления. — СПб.: Бельведер, 2000. — С. 172.

² Магун В. С., Руднев, М. Г. Сравнение жизненных ценностей россиян с ценностями других европейцев (по данным европейского социального исследования) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://fs.nashaucheba.ru/docs/60/index-1029616.html> (дата обращения: 12.07.2016).

деленность, внутреннюю последовательность своего поведения»¹. Не менее образно отмечал наличие у каждого человека «системы ценностных координат карты мира» Э. Фромм².

Являясь личностными по своему носителю, ценности носят социальный смысл, выступая как социально одобряемое и разделяемое большинством людей представление о добре, справедливости, патриотизме, любви, дружбе и т. д. Характерно, что М. Вебер считал одной из главных задач социологии анализ значимых смысловых структур социальной жизни, связанных с ценностными представлениями: «Достоинство личности состоит в том, что для нее существуют те ценности, с которыми она соотносит свою жизнь»³. С ним как бы перекликается А. Камю, называвший вопрос о смысле жизни «самым актуальным среди всех вопросов»⁴.

Как индивидуальные эквиваленты социально значимых ценностей ценностные ориентации представляют собой относительно устойчивое, избирательное отношение личности к совокупности материальных и духовных благ и идеалов, которые рассматриваются как цели и средства для удовлетворения потребностей жизнедеятельности человека.

Ценности носят оценочный, сравнительный характер, хотя и не сводятся к оценкам и сравнениям. Так, М. Рокич определял ценности как «устойчивое убеждение в том, что определенный способ поведения или конечная цель существования предпочтительнее с личной или социальной точек зрения, чем противоположный или обратный способ поведения либо конечная цель существования»⁵.

В ценностях своеобразно преломляются внешние нормы и требования (не только общесоциальные, но и — что для молодежи особенно значимо — группы сверстников, ровесников) и их освоение личностью. В этом смысле ценности нередко определяются как «социальное зеркало», глядя в которое человек соотносит свою деятельность с другими, микро- и макрогруппами⁶, и крайне важно в социологическом исследовании рассматривать индивидуальные ценности только в контексте ценностных предпочтений социокультурного окружения.

Ценностное измерение — одно из важнейших в культуре. Ценностные ориентации какой-либо общности являются основой механизма формирова-

¹ Ольшанский В. Б. Личность и социальные ценности // Социология в СССР. — М. : Мысль, 1966. — Т. 1. — С. 471.

² Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / пер. с англ. Э. М. Телятникова, Т. В. Панфилова. — М. : АСТ, 1994. — С. 200.

³ Вебер М. Избранные произведения: пер. с немецкого / сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова ; предисл. П. П. Гайдено. — М. : Прогресс, 1990. — С. 350.

⁴ Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. — М. : Политиздат, 1990. — С. 23.

⁵ Rokeach M. The nature of human values. — New York : Free Press, 1973. — P. 5.

⁶ См.: Борухов Б. Л. Культура зеркал и зеркала культуры // Человек и мир. — Саратов, 1992. — С. 103–121.

ния процесса каждого вида культуры. «Понятие ценностной ориентации, — справедливо отмечал Э. В. Соколов, — выражает личностную значимость культурных ценностей, определенность и направленность различных видов духовной и практической деятельности»¹. По мнению уральских социологов Г. Е. Зборовского и Г. П. Орлова, ценностные ориентации — «важнейший элемент структуры личности и регулятор поведения». «Они отражают направленность личности на определенные ценности, предпочтительное отношение к тем или иным из них»². Развивая и углубляя этот подход, А. Г. Здравомыслов определял ценностные ориентации как «ось сознания». Они «выступают важнейшим фактором, регулирующим, детерминирующим мотивацию личности», обеспечивая «устойчивость личности», «выраженную в направленности потребностей и интересов»³.

Структура ценностных ориентаций, как и на предыдущих этапах мониторинга, определялась двумя типами ценностей — терминальными и инструментальными. Терминальные ценности (ценности-цели) характеризуют жизненные целевые установки в основных сферах жизнедеятельности и самореализации личности. Инструментальные ценности (ценности-средства) определяют допустимые, возможные, признаваемые средства достижения жизненно важных целей. Рассмотрение системы ценностных ориентаций в диалектике целей-средств позволяет определить приоритетные для студенческой молодежи модели жизненного успеха, их жизненные стратегии.

В. В. Гаврилюк и Н. А. Трикоз выделили четыре основных типа систем ценностей⁴:

- *«смысложизненную»* систему, объединяющую ценности человеческой жизни, определяющую цели бытия, человеческой сущности, ценности свободы, правды, красоты, т. е. общечеловеческие ценности⁵;
- *витальную* систему — это ценности сохранения и поддержания повседневной жизни, здоровья, безопасности, комфорта;
- *интеракционистскую* систему — это ценности и суждения, важные в межличностном и групповом общении: хорошие отношения, спокойная совесть, власть, взаимопомощь;

¹ Соколов Э. В. Культура и личность. — Л. : Наука, 1972. — С. 171.

² Зборовский Г. Е., Орлов Г. П. Введение в социологию : учеб. пособие. — Екатеринбург : УрГУ, 1992. — С. 187.

³ Здравомыслов А. Г. Потребности. Интересы. Ценности. — М. : Политиздат, 1986. — С. 83.

⁴ Гаврилюк В. В., Трикоз Н. А. Динамика ценностных ориентаций в период социальной трансформации (поколенный подход) // Социологические исследования. — 2002. — № 1. — С. 96.

⁵ Э. Фромм подчеркивал, что «без определенным образом организованной и внутренне связанной картины мира и нашего места в нем люди растерялись бы и не были бы способны к целеустремленным и последовательным действиям, ибо без нее невозможно было бы ориентироваться» (См.: Фромм Э. Иметь или быть? / общ. ред. и послесл. В. И. Добренкова. — М. : Прогресс, 1990. — С. 145).

- *социализационную систему — ценности, которые определяют процесс формирования личности: социально одобряемые и наоборот».*

Мы не стремились выявить распространенность каждого из этих типов в ценностном сознании наших респондентов, но учитывали позицию наших коллег, характеризуя сложность этого феномена.

Методологической предпосылкой изучения ценностных ориентаций является междисциплинарный подход, диктующий единство общепсихологического, социально-психологического и социологического аспектов. Анализ ценностных ориентаций на общепсихологическом уровне связан с характеристикой ценностной ориентации как результата ценностного отношения, зафиксированного в системе личностных ценностей субъекта, и как процесса, в ходе которого формируется набор значимых для субъекта ценностей и возможных форм актуализации бытия субъекта. Иначе говоря, ценности в ценностно-ориентировочной деятельности играют двоякую роль. Они могут выступать в качестве объекта оценки и выбора субъекта, в этом смысле можно говорить об ориентации на социальные ценности. С другой стороны, ценности являются ориентиром того, в каких сферах жизнедеятельности нужно сконцентрировать субъекту свои усилия.

Место и роль ценностей в ценностной ориентации являются основанием для выделения двух ее модификаций. К первому типу относятся различные виды социальных ценностей и соотносимые с ними разновидности ценностных ориентаций — экономические ориентации (от экономических ценностей), политические (политические ценности), нравственные (моральные ценности), эстетические (ценности искусства), коммуникативные (ценности общения) и т. д. Второй тип отражает структуру важнейших сфер самореализации субъекта — профессионально-трудовая деятельность, семья, работа, досуг и т. п., — систему жизненных ориентаций субъекта.

В логике нашего эмпирического исследования и презентации его результатов раздел, связанный с анализом ценностных ориентаций студентов, занимает базовую, центральную позицию, анализ которой возможен в формате сквозного коммуникативного дискурса — интегрирования всей базы данных по всем направлениям мониторинга в их взаимной детерминационной связи (рис. 141).

Основанием такого подхода является сложная генетическая, функциональная и темпоральная природа ценностных ориентаций. Согласно диспозиционной теории регуляции социального поведения В. А. Ядова, ценностные ориентации являются высшими социальными установками, которые соответствуют высшим социальным потребностям и отвечают за отношение человека к жизненным целям и средствам их удовлетворения, это — фиксированные в социальном опыте личности «предрасположенности восприни-

мать и оценивать условия деятельности, а также действовать в этих условиях определенным образом»¹.

Рис. 141. Детерминационная модель исследования ценностных ориентаций студентов

Терминальные и инструментальные ценности — это общие, базовые ценности, образующие, по меткому выражению Н. И. Лапина, «ценностное ядро», на котором держится ценностное сознание индивидов и которое влияет на сознание и поведение людей в разных областях жизни и сферах жизнедеятельности — учебной, профессиональной, досуговой, общественной, семейной и др.²

¹ Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / под ред. В. А. Ядова. — Л. : Наука, 1979. — С. 3. В. А. Ядов рассматривал ценностные ориентации как «компонент более сложной, иерархически организованной структуры отношений личности к условиям ее существования и активности» (там же).

² Ориентиром для нас явился перечень ценностей, разработанный Центром исследований ценностей при Институте философии РАН и реализованный в исследованиях «Наши ценно-

Взятые в единстве или по отдельности все виды ценностных ориентаций (профессиональные, досуговые, политические, экономические, идеологические, культурные и т. п.), конкретизируя и дополняя базовые ценности, и создают индивидуальные «модели жизненных перспектив», «модели жизнеустройства»¹.

При этом крайне важно избегать излишней рационализации ценностных ориентаций, недооценивая значимости их эмоционального аспекта. В этом плане мы солидарны с позицией А. С. Запесоцкого, справедливо считающего, что «результатом воспитания является ценностное сознание личности, фундамент которого не рационален, а эмоционален, ибо ценности — нравственные, религиозные, политические, эстетические, художественные — передаются не средствами безличной коммуникации, как научные знания, а в межличностном общении, и усваиваются не мышлением, а переживанием, и, только будучи пережитыми, становятся стимулами поведения, опирающегося на знания»².

Механизмом формирования индивидуальной системы ценностных ориентаций является мотивация выбора, обусловленная необходимостью самоопределения личности в сложной социальной системе, многообразной социокультурной среде. Из предлагаемых социумом ценностных образцов молодой человек выбирает те ценностные ориентиры, которые позволяют быстрее и легче адаптироваться в окружающем мире³, достигнуть определенного социального и профессионального статуса, успешно интегрироваться в общество, обеспечивая для себя условия как для физической и экономической безопасности, так и для своего развития и самоактуализации.

Как уже отмечалось, авторский коллектив мониторинга активно взаимодействовал с другими научными коллективами (и на межрегиональном, и на международном уровне). В плане анализа ценностных ориентаций свердловского студенчества особо хотелось бы отметить сотрудничество

сти сегодня» и «Динамика ценностей населения реформируемой России» (рук. Н. И. Лапин). См.: Лапин Н. И. Социальные ценности и реформы в кризисной России // Социологические исследования. — 1993. — № 9. — С. 17–27; Лапин Н. И. Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России. Результаты мониторинга «Наши ценности и интересы сегодня» (1990–2002 гг.) // Мир России. Социология. Этнология. — 2003. — Вып. 4. — Т. 12. — С. 120–159; Лапин Н. И., Беляева Л. А., Наумова Н. Ф., Здравомыслов А. Г. Динамика ценностей населения реформируемой России. — М.: Эдиториал УРСС, 1996. — 224 с.; Лапин Н. И. Модернизация базовых ценностей россиян // Социологические исследования. — 1996. — № 5. — С. 3–19. Корректировка была связана с учетом объекта — студенческая молодежь.

¹ Молодежь России на рубеже 90-х годов : в 2 кн. / отв. ред. М. М. Малышева. — М. : ИС РАН, 1992. — Кн. 1. — С. 1–139; Кн. 2. — С. 81.

² Запесоцкий А. С. Университет как социально-педагогическая система // Известия РАО. — 2008. — № 1 (8). — С. 43.

³ Вардомацкий А. П. Сдвиг в ценностном измерении? // Социологические исследования. — 1993. — № 4. — С. 47.

с Л. Г. Сокурмянской¹, чья теория «ценностного дискурса студенчества» оказала серьезное влияние на программу мониторинга и на интерпретацию его материалов. Особо выделим ряд положений этой теории:

- понимание ценности как «своеобразного культурного кода, обеспечивающего процесс социокультурной идентификации не только личности или социальной группы, но и нации в целом, сохраняя ее (нации) уникальность и самобытность»²;
- идея факторной обусловленности формирования социальной субъектности³ будущих специалистов как методологической основы синтеза макро- и микросоциологического анализа ценностной динамики студенчества на социетальном, групповом и личностном уровнях;
- использование концепции формативных лет (Р. Инглехарт) для типологии поколений украинских студентов;
- характеристика разноректорности «модернизации» (по оси «индивидуализм — коммунизм») и «постмодернизации» (по оси «прагматизм — идеализм») ценностного сознания студенчества;
- обоснование «ценностного поля личности», раскрывающего особенности функционирования на уровне индивидуального сознания неупорядоченной ценностной структуры, характеризующейся альтернативностью, энтропией, несогласованностью, противоречивостью, одновременным присутствием различных типов аксиофеноменов;
- характеристика базовой личности трансформирующегося общества как инновационно-амбивалентного типа личности;

¹ См.: Сокурмянская Л. Г., Кислова О. Н. Ценностная дифференциация как фактор статусных притязаний студенчества: когнитивная визуализация данных в исследовании // Российское образование в условиях социальных трансформаций: социологические очерки / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. — Екатеринбург : УГТУ-УПИ, 2009. — С. 617–619; Сокурмянская Л. Г., Кислова О. Н. Ценностная дифференциация украинского студенчества: кластерный анализ // Методологія, теорія та методи соціологічного аналізу сучасного суспільства. Збірник наукових праць. — Харків, 2003. — С. 534–539; Кислова О. Н., Сокурмянская Л. Г. Возможности и перспективы методологии интеллектуального анализа данных в исследовании ценностных ориентаций студенчества // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна «Соціологічні дослідження сучасного суспільства: методологія, теорія та практика». — 2006. — № 723. — С. 257–263; Сокурмянская Л. Г. Студенчество на пути к другому обществу: ценностный дискурс перехода. — Харьков : Издательский центр ХНУ им. В. Н. Каразина, 2006. — 576 с.; Сокурмянская Л. Г. Концепция молодежной идентичности в социологической перспективе или возможна ли молодежь как социальная группа // Вестник Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина. «Социологические исследования современного общества: методология, теория, методы». — 2006. — № 752. — С. 44–51.

² Сокурмянская Л. Г. Проблемы и перспективы интеграции украинского общества: аксиологический аспект // Вісник Одеського національного університету. Соціологія і політичні науки. — 2008. — Т. 13. — № 5. — С. 225.

³ При этом подчеркивается важный момент: «Социальная субъектность проявляется в разных формах („диспозиционная субъектность“ и „актуализированная субъектность“), на разных уровнях, имеет разнообразных носителей, одним из которых выступает студенческая молодежь».

- идея становления ценностного плюрализма как нормы для современного и особенно постсовременного общества, что проявляется в одновременном присутствии в ценностных ориентациях студенчества и традиционалистских, и модернистских, и постмодернистских ценностей;
- отказ рассматривать плюрализацию ценностей как показатель распада общества: «в ценностном плюрализме содержится конструктивное начало»; «плюрализация аксиопозиций может стимулировать дифференцирующую роль ценностей в кризисном обществе»; «благодаря плюрализации может возникнуть новая интеграция — полисистемная, более сложная, чем в моносистеме»¹;
- обоснование роли интегрирующих ценностей и ценностных ориентаций; это — «феномены, одновременно функционирующие и воспринимающиеся как жизненно значимые на уровне и личности, и на уровне социальных, в том числе поколенческих, групп, социальных институтов, общества в целом»².

На ценностный выбор индивида большое влияние оказывают социально-экономические условия, в которых он существует, поле его социальных и личных проблем. С одной стороны, ценностные приоритеты отражают актуальный статус личности, ее социально-демографический статус, социально-психологическое самочувствие в данный конкретный период времени. С другой, ретроспективной точки зрения, на формирование тех или иных ценностей взрослого индивида влияют социально-экономические условия, превалировавшие в годы его социализации. Наконец, ценностные ориентации включают в себя и прожективные элементы, отражающие те потребности, которые наименее удовлетворены сегодня, но являются значимыми в контексте будущих устремлений субъекта. В ценностной ориентации субъекта, так или иначе, в снятом виде содержится оценка прошлого, настоящего и будущего, отражаемая в уровне притязаний и ограничений личности, мотивации достижения. Построение стратегии достижения жизненного успеха является отражением объективных социокультурных факторов и личностных смыслов.

В научных публикациях и средствах массовой информации состояние молодежной среды оценивается в широком диапазоне. Модальность оценок полярна — от критических, осуждающих и негативных определений молодежи как «потерянного», «растерянного» и «равнодушного» поколения, до восторженных и оптимистических суждений, идеализирующих молодое поколение³. Разрешение ряда противоречий, сложившихся в практике эм-

¹ Сокурская Л. Г. Проблемы и перспективы интеграции украинского общества: аксиологический аспект // Вісник Одеського національного університету. Соціологія і політичні науки. — 2008. — Т. 13. — № 5. — С. 228.

² Там же. — С. 225.

³ См.: Лисовский В. Т. Социальные изменения в молодежной среде [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/lisovskiy_soc/ (дата обращения: 18.07.2016).

пирических исследований, актуализирует общественную необходимость изучения жизнедеятельности российской молодежи. Формирование объективного и адекватного образа современного молодого поколения должно стать основой для научно-обоснованной, социологически обеспеченной государственной молодежной политики. Для всех, кто работает с молодежью, очень важно иметь представления о том, что является значимым для молодежи, каковы ее интересы, ожидания, предпочтения, ценности.

Исходным для анализа ценностных ориентаций является определение общих жизненных ориентиров (табл. 78).

Таблица 78

Каково ваше отношение к жизни? 2016, % от ответивших

Варианты ответов	Массив
1. Мы живем только раз, поэтому нужно постараться взять от жизни как можно больше	56
2. Мы живем только раз, поэтому нужно со всей ответственностью относиться к своим поступкам, помня о добре и зле	38
3. Мы живем только раз, и не стоит растрачивать время на земные, мирские соблазны — нужно стараться посвятить себя высшим духовным ценностям	6

Отметим, что весьма условно в анкету была заложена известная альтернатива Э. Фромма «Быть (вариант 2) или Иметь (вариант 1)?» («To be or to have»). Для большей части респондентов характерен акцент на достижительную жизненную стратегию («хавательную» — звучит это на молодежном жаргоне как производное от to have — «иметь»). Значительно меньше респонденты (два из пяти) отдают предпочтение нравственной стороне жизненных успехов. Практически отвергнуто респондентами соотнесение жизненных стратегий с духовностью (вариант 3).

В отношении уральского студенчества к ценностям православия возникает определенная раздвоенность ценностного сознания. С одной стороны, налицо распространение религиозного мировоззрения и веры (до 70–75 % российских студентов отмечают в разных исследованиях последних лет, что они верующие). Но воспринимаются они весьма поверхностно и — самое главное — большинство студентов не ощущают их влияния на формирование своей системы ценностей. Более того, выявляется противоречие между рыночными экономическими ценностями, ориентированными на максимизацию прибыли, и ценностями православия в России, которые не содержат ориентацию на накопление богатства.

Аналогичное противоречие присуще одобряемым церковью личностным качествам и требованиям, которые предъявляются к молодежи в новых экономических условиях. Как быть успешным, проявляя смирение, исповедуя

принцип достаточности, нестяжательства, терпение и страдание в период «нецивилизованного капитализма»?

Возможно, отмеченные различия ценностных ориентиров связаны с ментальным характером базовых ценностей. При этом менталитет выступает как «код», детерминирующий социальное поведение отдельного человека и нации, как подсознательная социально-психологическая программа действий и поведения отдельных людей, социальных групп и общностей, проявляющаяся в их сознании и практической деятельности и формирующаяся в результате длительного воздействия социально-психологических, социально-экономических и социокультурных (в том числе — идеологических) факторов. Устойчивость менталитета не абсолютна. И исследователи фиксируют происходящее изменение ментальности россиян: ориентации на возвышение прагматических ценностей часто приводят к недооценке гуманистических ценностей образа жизни. Несбалансированность указанных ценностей создает противоречия, затрудняет процесс профессиональной самореализации личности¹.

Во многом сегодня оправдывается предвидение выдающегося российского философа Н. А. Бердяева о кризисе культуры и ментальности в условиях революционной трансформации общества: «В эпоху глубоких социальных переустройств, когда старые общества рушатся, а новые еще не созданы, духовные ценности отступают на второй план и их творцы утесняются... Революция психологически есть реакция, она сопровождается сужением сознания, вытеснением многих творческих стремлений и ценностей. То, что в иерархии ценностей стоит выше всего, может казаться ненужным и даже вредным. Могут потребовать подчинения ценностей высшего порядка ценностям низшего порядка»².

От П. А. Сорокина идет традиция социологического осмысления этих процессов. Он одним из первых предвидел массовое распространение чувственной ментальности, когда за подлинную ценность будет приниматься только то, что можно ощутить, измерить, что материально: «Эвдемонизм, гедонизм, утилитаризм, сенсуализм, мораль под девизом „*Capre diem*“ (лови день!) — вот формы, основанные на чувственной ментальности»³.

Изменения в ментальности на постсоветском пространстве разноректорны. Сегодня приоритет прагматического, материального особенно заметен. Но нельзя сбрасывать со счета и возможности иной, противоположной тен-

¹ См.: Голенкова З. Т., Игитханян Е. Д. Профессионалы — портрет на фоне реформ // Социологические исследования. — 2005. — № 2. — С. 28–36; Думчене А., Даукилас С. О сочетании прагматических и гуманистических ценностей студентов // Социологические исследования. — 2007. — № 5. — С. 132–136.

² Бердяев Н. А. Кризис интеллекта и миссия интеллигенции // Интеллигенция — власть — народ. — М. : ИФ РАН, 1992. — С. 284.

³ Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. — СПб. : Изд-во Рус. Христ. гуманитар. ин-та, 2000. — С. 57.

денции. Тем более что, анализируя современное общество, некоторые зарубежные ученые приходят к выводу: на смену конфликтам, затрагивающим распределение материальных благ, приходят конфликты, в основе которых лежит озабоченность людей существующим стилем жизни, не соответствующим их интересам. Эта своеобразная «тихая революция» в ценностях и отношениях распространяется на все население¹. Такая революция подразумевает переход от традиционных к новым политическим взглядам с акцентом на качество жизни, равенство, права и самореализацию. Ю. Хабермас полагает, что это основной конфликт в системе ценностей, и он отражает борьбу, с одной стороны, групп, непосредственно вовлеченных в производство, заинтересованных в продолжительном экономическом росте, а с другой — групп, которые не участвуют непосредственно в производстве².

Современная молодежь — люди совершенно новой формации, период социализации которых пришелся на эпоху рыночных реформ, расцвета «дикого» капитализма. Болезненно сказывалась уже сама ломка ценностных ориентаций и установок. Как отмечал польский социолог П. Штомпка, «когда происходит быстрое и радикальное изменение общества, без четкого направления и понятного смысла, экзистенциальная безопасность оказывается под вопросом, и появляется общее недоверие», социум переживает социальную (культурную) травму³. С логикой социокультурных перемен, когда рушатся складывавшиеся десятилетиями традиции, верования, идеологии, жизненные стили и формы, трансформируются структуры престижа, старые общественно-культурные идентификации уступают место совершенно новым, Л. Г. Ионин связывает «движение от моностилистической к полистилистической культуре», что наиболее характерно для современной молодежной культуры.

В условиях социальных трансформаций качественно изменяется значимость для молодого поколения жизненного и социального опыта старших поколений. Этот опыт — в отличие от периодов эволюционного, спокойного развития — не воспринимается молодежью как актуальный и для нее. Вольно или невольно у нее возникает вопрос: «Если жизненные устои и ценностные ориентиры предшествующих поколений нуждаются в „перестройке“, „кардинальной реформе“, „ломке“ („Великом Отказе“, по словам Г. Маркузе), то почему мы должны сохранять эти устои и следовать этим ориентирам?» По данным тюменских социологов, лишь 31 % молодых людей твердо заявляют, что родители для них — образец; для 47 % родители могут служить образцом далеко не во всем; 11 % — вообще не признают родителей образцом; еще 11 % затруднились с ответом⁴.

¹ См.: Inghelhart R. The silent revolution. — Princeton, 1977; Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. — 1997. — № 4. — С. 6–32.

² См.: Habermas J. New social movements // Telos. — 1981. — Vol. 49. — P. 33–37.

³ Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / пер. с польск. С. М. Червонной. — М.: Логос, 2005. — С. 365.

⁴ Трушников Д. Ю., Трушникова В. И. Воспитательная система университетского кластера

Дополнительный импульс подобным настроениям придали в «лихие 1990-е» (да и в более стабильные 2000-е гг.) деформации исторической памяти практически на всем постсоветском пространстве. Деформации, к которым приложили руку и политики, и публицисты, и ученые-обществоведы, и — особенно — СМИ. В отношении современного студенчества сказывается и важнейшая закономерность транзитивных, переходных эпох — парадоксальность его ценностного сознания. Современная цивилизация («общество риска», по характеристике У. Бека) резко усиливает эту парадоксальность, поскольку все более неопределенным, нестабильным, непредсказуемым становится не только отдаленное, но и ближайшее будущее. Соответственно, сознание и поведение человека приобретает ситуативный, «текучий» характер.

В процессе социального становления и развития молодежь нуждается в надежных жизненных ориентирах. Без прочной опоры на общественные и групповые ценности ей трудно определить цели на ближайшую и отдаленную перспективы, выбрать адекватные действия для их осуществления. Ценностные ориентации студентов выражают, с одной стороны, их личностные интересы и потребности, с другой — отношение к обществу и его проблемам.

Серьезно изменились и межпоколенческие отношения. И тут речь, вероятно, должна идти не столько об обострении и усилении конфликта отцов и детей. Население России, например, рассматривает межпоколенческие различия менее значимыми в сравнении с социально-экономическими и социально-политическими. По данным ВЦИОМ, по значимости различия между поколениями (47 %) «пропустили вперед» другие: между бедными и богатыми — 79 %, населением и властью — 71 %, между рабочим классом, интеллигенцией и бизнесменами — 53 %¹.

Скорее речь должна идти о известной трансформации этих отношений. С одной стороны, реализуется прогноз М. Мид о растущем влиянии на культуру социума префигуративной культуры (когда старшие поколения учатся у молодежи). Другой аспект трансформации связан с разрушительным характером социально-экономических реформ на рубеже веков² (что усилило

и ценностные ориентиры современного студенчества [Электронный ресурс] // Грамота. Альманах современной науки и образования. — Тамбов : Грамота, 2009. № 4. — Ч. 2. — С. 164–166. — Режим доступа: <http://www.gramota.net/materials/1/2009/4-2/56.html> (дата обращения: 01.05.2016).

¹ Известия. 2007, 20 марта.

² В немалой степени такие умонастроения молодежи обязаны современным СМИ: «Приехали. Доностаьгировались, показывая наше старое кино без всяких комментариев. Дорезались, демонстрируя кино новейшее про всемогущих бандитов, на которых Сталина нет. Доразвлекались. Дошутились. Выросло уже целое поколение «Детей Останкино», для которых подлинная и страшная история страны — пустой звук. И на этой девственной почве прекрасно приживаются давно, казалось, отжившие мифы о суровом, но справедливом вожде, о твердой руке, без которой нашему народу никак и никуда, о счастливом прошлом, которое из всех сил стремятся опорочить разные литературные и киношные конъюнктурщики... Из одной крайности — «советское значит отличное» — ударились в свое время в другую — «все дерьмо», обесценив тем самым достойные жизни множества людей и вызвав у них законное чувство протеста» (Петровская И. Дети Останкина // Известия. 2004, 10 декабря).

негативизм молодых по отношению к старшему поколению, нигилизм применительно ко всему его социальному опыту). Это дополнилось противоречивыми результатами реформ, их высокой социальной ценой (в связи с чем молодые люди, плохо адаптировавшиеся в новых условиях, считают предшествующие поколения ответственными за свое нынешнее положение). Растет противоречие между молодежью, все более воспринимающей молодость как самоценную стадию жизни, как период самоутверждения и самореализации, и обществом, в значительной мере продолжающем воспринимать молодость как незрелость.

Противоречиво изменяется и ценностное восприятие студентами межпоколенческих взаимоотношений. С одной стороны, возрастает стремление студенчества к самостоятельности, автономности, независимости. Увеличилась значимость для молодых людей их референтных групп, которые нередко враждуют друг с другом. Юноши и девушки, оказавшиеся вне таких групп, чувствуют себя незащищенными, уязвимыми. Характерно, что такие референтные группы все в большей мере образуются по имущественному и национальному признакам. Общность интересов студенчества в целом отходит при этом на второй план. Соответственно изменяется характер молодежной культуры (от субкультуры — к стилям). С другой стороны, растет значение родительской семьи для студентов, усиливается их зависимость от нее. Сказывается и противоречивость идеи и практики патернализма.

Процесс социального перехода молодого человека из детства в мир взрослых, от одних социальных ролей к другим сложен и противоречив. В процессе социализации молодые люди объективно сталкиваются с противоречием, которое П. Бергер и Б. Бергер определили как привязанность (следование дисциплине, порядку, требованиям «вести себя по возрасту») и ее антитезу¹. Не случайно Парсонс особо подчеркивал роль ценностей культуры, их преемственности в социализации молодежи: «Ценностные ориентации и другие компоненты культуры наряду со специфическими составными частями, включающими культурную традицию в форме навыков, знаний и т. п., передаются следующему поколению. Через процесс социализации системы ожиданий организуются в образцы выбора, эффективным критерием которого является дифференциальная значимость различных альтернатив для баланса удовлетворения — отсутствия удовлетворения»². Еще более жестко эта идея сформулирована З. Бауманом: «„Общество“ — лишь иное обозначение согласия и принятия [неких ценностей], но в то же время сила, которая делает согласованное и принятое величественным. Общество оказыва-

¹ Бергер П., Бергер Б., Коллинз Р. Личностно-ориентированная социология. — М.: Академический Проект, 2004. — С. 238, 239.

² Парсонс Т. Понятие общества. Компоненты и их взаимоотношения [Электронный ресурс] // THESIS. — 1993. — Вып. 2. — С. 93–122. — Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/data/876/582/1217/2_2_1pars.pdf (дата обращения: 18.07.2016).

ется такой силой потому, что, подобно самой природе, оно существовало задолго до любого из нас и сохранится после того, как каждый из нас покинет этот мир. „Жить в обществе“ — соглашаться разделять и уважать принятые ценности — это единственный рецепт для того, чтобы жить счастливо (пусть и не вечно). Обычаи, привычки и рутина устраняют яд абсурдности из терзаний, [порождаемых] конечностью жизни»¹.

С другой стороны, стремление молодого человека адаптироваться, интегрироваться в различные структуры жизнедеятельности способствует поиску собственной модели жизненного, социального, профессионального, личностного самоопределения. Возникает потребность в идентификации с какой-то группой, общностью. Высокая конформность в отношении ценностей своей группы сочетается с критическим отношением к ценностям и нормам взрослых. Но сегодня нередко в межпоколенческих отношениях проявляется «парадокс наоборот», когда вместо ожидаемого разрыва в ценностных ориентациях между отцами и детьми по многим параметрам эти различия невелики.

Такая противоречивость усилилась в связи с происходящей в последние 30 лет ломкой ценностей, норм, поведенческих стандартов. Если трансформации расшатали ценностное сознание старших поколений, что уж говорить о молодых, чьи ценностные ориентации, нормативные установки буквально выросли на ниве происходивших перемен и трансформаций.

Трансформация ценностного сознания студенческой молодежи происходит особенно болезненно, поскольку на социальное самочувствие молодых людей влияют самые разнообразные кризисы — самореализации, социализации, доверия социально-политическим институтам общества. Применяя поколенный подход к анализу динамики ценностных ориентаций, исследователи отмечают: «Сегодня коренная качественная ломка систем ценностей особенно остро проявляется в кризисе воспитательной функции родительского поколения. Социализация нового поколения протекает на фоне смены иерархии ценности, а значит, и дестабилизации воспитательных ориентиров в институте семьи». Одновременно подчеркивается необходимость учитывать при анализе динамики ценностных ориентаций молодежи «действие двух механизмов — преемственности и изменчивости. Искусственная смена общественной модели, когда процесс формирования ценностей идет сверху, приводит к несовпадению общественных и индивидуальных изменений. Например, общечеловеческие ценности для многих молодых людей являются лишь потенциальными ценностями, имеют характер довольно абстрактных идей»².

¹ Бауман З. Рассказанные жизни и прожитые истории // Социологические исследования. — 2004. — № 1. — С. 6.

² Гаврилюк В. В., Трикоз Н. А. Динамика ценностных ориентаций в период социальной трансформации (поколенный подход) // Социологические исследования. — 2002. — № 1. — С. 97–98.

Обобщение результатов многолетних исследований позволило выявить основное и неизменное свойство ценностного сознания студенчества — его принципиальный амбивалентно-транзитивный (переходный) характер, который оказывает непосредственное влияние на эклектичную направленность ценностных ориентаций:

- нелинейность и иерархичность;
- устойчивость и динамичность;
- прожективность и актуальность;
- универсальность и дифференцированность;
- эклектичность и диалектичность;
- традиционность и инновационность;
- институциональность и персональность.

Нелинейность и иерархичность. Структура терминальных ценностей выявлялась анкетным вопросом «Что для Вас наиболее ценно, значимо в жизни?» (табл. 79).

Таблица 79

Структура терминальных ценностей, 2016 г., % ответивших

Ценностные приоритеты	Массив
Здоровье	48
Семья, дети	37
Семья, родители	33
Возможность реализовать свои способности	31
Деньги, богатство	22
Интересная, творческая работа	22
Самостоятельность, независимость, свобода	17
Образование, профессионализм	14
Общение с друзьями	14
Иметь свое дело, заниматься бизнесом, коммерцией	12
Получить от жизни как можно больше удовольствий	11
Власть	6
Признание окружающих, престиж	6
Красота и физическое совершенство	5
Личная безопасность	5
Общение с природой	3
Удовлетворенность в интимной жизни	2

Примечание. Сумма превышает 100%, поскольку один опрошенный мог дать несколько ответов одновременно

Первое, что можно отметить, это содержательное многообразие жизненно важных ценностей-целей. Набор терминальных ценностей отражает важнейшие сферы самореализации студентов и систему их жизненных ориентаций.

Это — ценности частной жизни (здоровье, семья, дети,), экзистенциальные ценности (самостоятельность, независимость, свобода, личная безопасность), материальные (деньги, богатство), предпринимательские (иметь свое дело, заниматься бизнесом, коммерцией), профессиональные и трудовые ценности (интересная работа, образованность, профессионализм), коммуникативные (общение с друзьями), самореализационные (творчество, реализация своих способностей), гедонистические (получение удовольствий), статусные (престиж, слава, власть) и эстетические (красота, прекрасное, общение с природой).

Процессы личностного, профессионального, социального становления стимулируют студентов за очень короткий период времени спроецировать свои устремления на все сферы человеческой активности, что детерминирует нелинейный характер их ценностных притязаний. Подобно стилю фьюжн, молодежь в своем сознании «миксует» все, что ей захочется, и смотрит, что из этого получится¹.

Многообразие ценностных установок студентов не исключает их жесткой структурированности и иерархичности. Модифицируя подход Н. И. Лапина², в иерархии ценностных приоритетов можно выделить ценностное ядро, ценностный резерв и ценностную периферию.

Интегрирующее ядро ценностных ориентаций составляют общепринятые, социально одобряемые, идеологически нейтральные ценности частной жизни — здоровье, семья (как родительская, так и собственная), самореализация (возможность реализовать свои способности). Их разделяет значительная часть наших студентов. Важность этих ценностей определяется рядом факторов. Первый из них — универсальность приоритетных ценностей. Показательны ответы наших респондентов на вопрос «Как бы Вы ответили в первую очередь, кто Вы такой?»³ (табл. 80).

Таблица 80

Социальная идентификация студентов, 2016 г., % ответивших

Как бы Вы ответили в первую очередь, кто Вы такой	Массив
Просто человек	32
Гражданин России	31

¹ Стиль фьюжн: сочетание несочетаемого [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.justlady.ru/articles-143132-stil-fyuzhn-sochetanie-nesochetaemogo/> (дата обращения: 03.03.2017).

² Лапин Н. И. Базовые ценности населения и российская либерализация // Общество и экономика. — 2002. — № 12. — С. 70–90.

³ Данный вопрос, нацеленный на выявление самоидентификации личности, был включен в анкету на VII этапе мониторинга (2016 г.).

Окончание табл. 80

Как бы Вы ответили в первую очередь, кто Вы такой	Массив
Гражданин мира	12
Человек определенной национальности (русский, украинец, татарин)	7
Отец, мать, сын, дочь внук, внучка	6
Житель региона, города, села (свердловчанин, екатеринбуржец, тагильчанин...)	5
Человек определенной профессии (будущий металлург, врач, учитель...)	5
Человек определенной религии (православный, католик, мусульманин)	1
Житель виртуального мира	1

В общей картине плохо структурированного российского социального пространства наиболее простой и понятной для студентов оказывается позиция «простой человек». Для обычного, простого человека, независимо от его страновой, религиозной, национальной, профессиональной принадлежности, значимость ценностей семьи или здоровья является абсолютной. Ценности и интересы «простого человека» далеки от идеологии и политики¹. Свидетельство тому — особенности идеологических и политических ориентаций наших студентов. По данным VII этапа мониторинга (2016 г.), два из пяти опрошенных не придерживаются никакой идеологии, почти столько же не имеют устойчивой политической ориентации, каждый девятый относится к политике отрицательно и «старается держаться от нее подальше».

Обращает на себя внимание и тот факт, что каждый третий опрошенный идентифицирует себя с гражданином России, а каждый шестой респондент артикулирует космополитическую позицию «Я — гражданин Мира». Стиль фьюжн, как известно, не имеет каких-либо обязательных элементов, его отличительной особенностью является слияние культур, традиций, стилей². Молодое поколение, как герои поэм В. Хлебникова³, олицетворяют собой разные культуры: «прятие разных культур» означает «прятие человечества как цело-

¹ «Общая картина социального пространства глазами молодежи на сегодняшний день выглядит совершенно неструктурированно. Старые, советские социальные лейблы соседствуют с новыми, профессии и социальные статусы перемешаны. Социальные статусы „работник“, „интеллигенция“, „средний класс“ соседствуют в головах молодых людей с традиционными профессиями (инженер, педагог, механик и др.). Не различимы стали понятия „работник“ и „рабочий“. См.: Ментальность российской молодежи: кумиры и ориентиры [Электронный ресурс] // «Лаборатория Крыштановской». — 2012. — 8 с. — Режим доступа: <http://www.politanalitika.ru/upload/iblock/342/342681a08ce9bb0d356e6a0c646daab8.pdf> (дата обращения: 01.03.2017).

² Фьюжн (дизайн) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Фьюжн_\(дизайн\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Фьюжн_(дизайн)) (дата обращения: 04.03.2017).

³ Панов В. М. Труды по общему языкознанию и русскому языку : в 2 т. — М. : Языки славянской культуры, 2007. — Т. 2. — С. 522.

го». С другой стороны, слияние различных значений в ценностном сознании студенческой молодежи, вскрывая противоречие между традиционной оценкой предмета и его подлинной значимостью для нее, не только отражает динамику бытия и мышления молодого поколения, но и подчеркивает целостность восприятия им духовного мира, жизненного уклада целой эпохи и целого народа.

Второй фактор связан с возрастными особенностями студентов. Именно они в определенной степени определяют значимость семейных отношений. Для студентов ценность семьи определяется не только чувством привязанности к родителям, но и материальной, финансовой зависимостью от них. Две трети опрошенных (2016 г.) получают довольно ощутимую материальную помощь от родителей, несмотря на неблагоприятное социально-экономическое положение многих из них. Возрастной фактор обуславливает и значимость ценности самореализации. Юность — время поиска места приложения своих талантов и способностей, период самоутверждения в различных сферах жизнедеятельности, следствием чего является содержательное многообразие жизненно важных ценностей-целей, их нелинейность.

Здоровье — это один из важнейших компонентов человеческого счастья, одно из неотъемлемых прав человеческой личности, одно из условий успешного социального и экономического развития. Самоценность здоровья определяется не только универсальным статусом этой ценности, но актуальным состоянием здоровья, а также оценкой состояния системы государственного здравоохранения. Почти треть респондентов (2016 г.) оценивает состояние своего здоровья как удовлетворительное; каждый четвертый признается, что он не придерживается здорового образа жизни. Среди социальных проблем, которые наиболее беспокоят наших респондентов, — «плохое состояние здравоохранения, экологии, платность медобслуживания». Каждый третий респондент указывает на это как на приоритетную социальную проблему, для каждого четвертого в опросе 2016 г. сохранение здоровья является приоритетной личной проблемой.

Ценностный резерв в опросе 2016 г. представлен пятью группами ценностей — «деньги, богатство», «интересная, творческая работа», «самостоятельность, независимость, свобода», «общение с друзьями», «образованность, профессионализм». Разрыв между невысоким статусом студента в настоящем и потенциальным высоким статусом в будущем предопределяет резервную диспозицию профессиональных, трудовых и материальных ценностей и отражает еще одну характеристику ценностного сознания студентов — его *прожективность* и *актуальность*.

Материальное благополучие после лидирующих позиций здоровья и семьи является доминантой жизненных ценностей и поведенческих приоритетов молодежи. Материальное благосостояние ценится гораздо выше свободы, независимости, ценность оплаты труда превалирует над ценностью интересной работы.

Только каждый пятый респондент связывает успех в жизни с интересной, творческой работой, и каждый шестой (14 %) — с образованностью и профессионализмом. Трудовые и профессиональные ценности носят «далеко отложенный» характер. Не случайно в идентификационных социальных позициях принадлежность к определенной профессиональной группе фиксируют только 5 % респондентов. Объяснение кроется в ответах самих студентов (табл. 81).

Одна из причин связана с мотивами выбора получаемой профессией. До поступления в вуз интерес к будущей профессии испытывало менее половины опрошенных (45 %). Для каждого четвертого (26 %) выбор был иллюзорным, обусловленным исключительно прагматическими установками — желанием получить диплом (неважно, где и какой). Семь из десяти абитуриентов, ставших студентами, плохо (частично или смутно) представляли себе содержание, характер и специфику профессиональной деятельности по выбранной специальности¹. В процессе обучения ситуация в определенной мере сглаживается, но далеко не для всех. Для каждого двух из пяти респондентов получаемая профессия так и остается малопонятной. Далее разрыв между ретроспективно-актуальными и перспективными профессиональными установками только увеличивается.

Таблица 81

Фрагменты наиболее значимых параметров трудовых и профессиональных ценностей, 2016 г., в % по группам

Индикаторы	Параметры	Массив
Ведущие мотивы выбора вуза	Интерес к профессии	45
	Желание получить диплом (неважно, где и какой)	26
Представления о содержании, характере и специфике профессиональной деятельности до поступления в вуз	Частичные, смутные представления	70
	Нет, не представлял(а)	10
Актуальные представления о содержании, характере и специфике профессиональной деятельности до поступления в вуз	Частичные, смутные представления	40
	Нет, не представляю	3
Выбор профессиональной траектории после окончания вуза	Работать по специальности	34
	Продолжить образование (магистратура, второе высшее)	21

¹ А если учесть всех абитуриентов (включая и не поступивших), ситуация будет еще трагичнее.

Окончание табл. 81

Индикаторы	Параметры	Массив
Ценности будущей работы	Возможность карьеры, достижения высокого уровня профессионализма	51
	Возможность получать большие заработки, высокие доходы	59
	Хорошие условия труда	31
Артикулируемые проблемы при трудоустройстве	Отсутствие открытых вакансий	43
	Несоответствие уровня профессиональной подготовки требованиям работодателя	38
	Отсутствие трудового стажа, практического опыта работы по профессии	75
	Низкий уровень оплаты	48
Оценка возможностей трудоустройства	Не очень легко, но можно	60
	Очень трудно, но можно	22
	Крайне трудно	7

Работать по специальности после окончания вуза намерена только треть студентов. Каждый пятый опрошенный готов продолжить (или все-таки получить?) образование в магистратуре, отсрочив начало профессиональной деятельности еще на 2—3 года. Вывод напрашивается сам собой — для значительной части студентов специальность, получаемая в вузе, не дает им профессии, которая могла бы создать основу для их благополучия на долгие годы.

Противоречивыми оказались и ценности будущей работы. Половина респондентов надеется достигнуть высокого профессионального мастерства уже на рабочем месте и тем самым продвинуться по карьерной лестнице. Вместе с тем девять из десяти опрошенных в будущей работе интересуется не содержанием работы, а лишь ее условия — возможность получать большие заработки, высокие доходы и хорошие условия труда.

Высокие материальные притязания к будущей работе в сознании студентов коррелируют с ясным осознанием того, какие ограничения их ждут в момент трудоустройства: «низкий уровень оплаты и несоответствие уровня профессиональной подготовки требованиям работодателя». Последнее признание близко к оценкам экспертов, как от образования, так и от работода-

телей, — «сегодня рынок образования и рынок труда функционируют автономно, независимо друг от друга»¹.

Затянувшаяся и непоследовательная реформа образования с ее уровневой системой и компетентностным подходом мало соответствует запросам и потребностям отечественного рынка труда, специфику которого хорошо понимают даже бакалавры. Одним из барьеров трудоустройства студенты называют «отсутствие трудового стажа, практического опыта работы по профессии». Вместе с тем, несмотря на ожидаемые трудности, три из каждых пяти опрошенных довольно оптимистичны — «найти работу не очень легко, но все-таки можно».

«Сочетание несочетаемого» — так по итогам оценки можно характеризовать набор профессиональных и трудовых установок студентов. Наряду с фьюженскими характеристиками важно отметить и яркое проявление темпоральной природы этих установок². В причудливом единстве и противоречии в них сосуществует прошлое, настоящее и будущее. «Память о прошлом и вера в будущее до настоящего времени были теми двумя опорами, на коих покоились культурные и нравственные мосты между быстротечностью и долговечностью, человеческой смертностью и бессмертием человеческих дел, так же как между принятием на себя ответственности и жизнью сегодняшним днем», — писал З. Бауман³.

В ценностной ориентации субъекта в снятом виде содержится оценка прошлого, настоящего и будущего. По справедливому мнению Л. Я. Рубиной, социологически важно выявить «рубеж, после которого влияние „образа будущего положения“ начинает довлеть над системой ценностей, сформированных средой, из которой выходят группы молодежи, объединенные понятием „поколение“»⁴.

Но при этом полезно не забывать и отмеченную еще Э. Дюркгеймом сложность преодоления «влияния прошлого». «Чтобы в обществе появились новшества, — писал классик социологии, — недостаточно рождения новых поколений; нужно еще, чтобы они не слишком склонны были идти по следам своих предшественников. Чем глубже влияние последних, а оно тем глубже,

¹ «Разнонаправленность потребностей и интересов двух сфер, их рассогласованность ведет к несоответствию структуры, количества и качества предложения рабочей силы (в первую очередь, выпускников высших учебных заведений и вторично занятых студентов) действительному спросу на рынке труда. Одной из причин возникновения данной проблемы является ориентирование системы профессионального образования не на организации, предлагающие рабочие квоты, а на потребителей и одновременно заказчиков образовательных услуг — абитуриентов и их родителей» (Труфанова Н. Н. Рынок труда и сфера образования: проблема взаимодействия // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. — 2015. — Вып. 1. — Т. 15. — С. 46).

² Подробнее см.: Амбарова П. А. Управление временем в зеркале темпоральных стратегий в поведении социальных общностей. — Екатеринбург : УрФУ, 2015. — 252 с.

³ Бауман З. Текучая современность. — М. : Питер, 2008. — С. 140.

⁴ См.: Молодежь России на рубеже 90-х годов : в 2 кн. — М. : ИС РАН, 1992. — Кн. 1. — С. 81.

чем продолжительней, тем более существует препятствий для изменений»¹. «Все прошлое тянет нас назад даже тогда, когда прекраснейшие перспективы влекут вперед. Всегда трудно вырвать с корнем привычки, которые укрепило в нас время»².

К ценностной периферии молодежного сознания можно отнести такие студенческие установки, как «иметь свое дело, заниматься бизнесом, коммерцией», «получить от жизни как можно больше удовольствий», «власть», «красота и физическое совершенство», «личная безопасность», «признание окружающих, престиж», «удовлетворенность в интимной жизни», «общение с природой». Эти ценностные позиции, имеющие самый низкий рейтинг, являются менее устойчивыми, подверженными ситуативному влиянию или распаду под действием текущей ситуации.

Устойчивость и динамичность. Устойчивость ценностных приоритетов студенчества — основной исследовательский вывод мониторинга. Эта устойчивость на протяжении двух десятилетий проявлялась в иерархии базовых, медианных и периферийных ценностей, в удельном весе каждой ценности в этой иерархии и отсутствии значимого влияния на них социально-демографических различий респондентов.

Но устойчивость нельзя абсолютизировать, особенно для переходных, транзитивных обществ. Несмотря на достаточно консервативную природу системы ценностей, которая определяется не только экономическими отношениями, становящимися «здесь и сейчас», но и прошлым жизненным опытом, статусом конкретного человека, группы, слоя, традициями и обычаями, в обществе формируются и группы людей, выступающие за новые социально-экономические отношения, являющиеся их носителями, и группы, которые не принимают рыночный вариант развития, ориентированы на прошлый опыт и ценности. Между этими крайними группами находится большинство населения, составляющее ту критическую массу, которая и решает в конечном счете судьбу реформ в том или ином их варианте. Впрочем, стоит прислушаться к мнению Э. Фромма, отмечавшего распространенность колебаний большинства людей между разными системами ценностей и их следствий: «у них нет ни особых добродетелей, ни особых пороков; они похожи на стершуюся монету, так как в них нет самости, нет тождественности себе»³.

Уже по итогам I этапа мониторинга (1995 г.) отмечалась переориентация молодежного сознания на рубеже 1980—1990-х гг. Все более значимыми становились не столько общественные, сколько личностные ориентиры. Трансформация ценностных ориентаций студенческой молодежи во многом отражала общие тенденции, фиксируя которые, исследователи отмечали:

¹ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / пер. с фр. А. Б. Гофмана, примечания В. В. Сапова. — М.: Канон, 1996. — С. 302.

² Там же. — С. 246—247.

³ Фромм Э. Революция надежды. — М.: Республика, 1993. — С. 289.

- «В первые постперестроечные годы традиционные ценности оказывались доминирующими»;
- «К середине 1990-х гг. ценностное сознание россиян проделывает значительный путь к модернистским ориентациям при отказе от некоторых традиционных ориентиров»;
- «К началу 1996 г. Россия в целом прошла первую фазу кризисного периода, фазу дезинтеграции»;
- «В пик бифуркации общественное ценностное сознание резко изменило свое состояние, приобрело новый вектор движения. В 1996–1998 гг. общественная трансформация сопровождалась активным размыванием традиционных для России ценностей: формировались ценности материального, прагматического характера, индивидуализма... Население в эти годы сосредоточилось на проблемах индивидуального выживания, освоения рыночных механизмов для поддержания своего существования»;
- «После дефолта 1998 г. начинается новый этап трансформации базовых ценностей россиян»¹.

Но на представления молодых людей об успехе в жизни, что использовалось в опросе 1995 г. как индикатор их ценностных ориентаций, накладывал отпечаток и процесс социализации (табл. 82).

Для анализа по результатам опроса 1995 г. были выделены три типа ценностных ориентаций студенчества: наиболее значимые ценности (отмечены более чем половиной студентов); менее значимые ценности (отмечены 20–50 % студентов); малозначимые ценности (отмечены менее 20 % студентов).

В ряду наиболее значимых ценностей следующие.

1. Дело по душе, интересная работа. Различия тут незначительны: чаще других этот критерий успеха отмечали студенты классического университета и будущие медики. Единственное значимое отклонение — ответы будущих архитекторов: они настолько высоко оценивают творческий потенциал своей будущей работы, что это не воспринимается многими из них как успех.

2. Высокий заработок, материальное благополучие. Этот параметр тоже был общезначим. На общем фоне выделялась позиция студентов-архитекторов, не считающих материальное благополучие основным для себя.

3. Хорошие, верные друзья; хорошие отношения в семье; удовлетворенность в интимной жизни, любви.

Эти три параметра однопорядковые, эмоционально окрашенные и личностные. Во многом сходны и различия в оценке их. В ответах студенток они отмечались чаще. Соответственно, это сказалось на приоритетах респондентов естественно-научного профиля обучения, где женщины преобладали, особенно среди будущих врачей. Несколько специфичны ответы

¹ Кирилина Т. Ю. Трансформация духовно-нравственных ценностей россиян в контексте глобализации // Ученые записки РГСУ. — 2012. — № 7. — С. 55.

студентов-горняков, высоко оценивающих дружбу, и будущих педагогов, экономистов и архитекторов, недооценивающих значимость удовлетворенности в интимной жизни, любви. Впрочем, нужно учитывать и специфику постановки вопроса в анкете: речь шла не столько об оценке тех или иных ценностей (Дружба, Семья, Любовь), а о соотношении их с успехом в жизни.

Таблица 82

С чем вы связываете успех в жизни, 1995 г., в целом и по полу, % опрошенных

Представления об успехе	Массив	Муж	Жен.
Дело по душе, интересная работа	58	57	59
Высокий заработок, материальное благополучие	57	59	56
Хорошие, верные друзья	57	54	60
Хорошие отношения в семье	56	48	63
Удовлетворенность в любви, интимной жизни	53	49	57
Возможность поехать по миру	39	33	44
Уверенность в безопасности	34	33	35
Душевное равновесие	32	28	35
Самостоятельность, свобода	29	31	28
Профессионализм, мастерство	29	31	27
Возможность полнее проявить себя	28	29	27
Свое дело, успех в бизнесе	21	25	18
Признание окружающих, слава	13	15	11
Знакомства, связи, возможность все достать	13	16	11
Власть, возможность командовать	5	10	2
Нетрудная работа, спокойная жизнь	4	5	4

Общая оценка по итогам I этапа (1995 г.): студенчество становится практичнее, прагматичнее. Но одновременно сохранялась ориентация на творческий, интересный труд, возрастала значимость нематериальных ценностей (Дружба, Любовь, Семья).

Выясняется, что сохраняет значимость сформулированное в рамках обобщения «молодежной революции» на Западе в конце 1960-х гг. М. Рокичем разделение ценностей на материальные и постматериальные¹.

Противоречивые ответы наших респондентов в какой-то мере подтвердили выявленную российскими социологами в начале 1990-х гг. тенденцию: «младшие поколения демонстрируют большую ориентацию на постматери-

¹ См.: Rokeach M. Beliefs, Attitudes, and Values. — San Francisco : Jossey-Bass Co, 1972. — 214 p.; Rokeach M. The nature of human values. — New York, 1973; Rokeach M. Understanding Human Values. Individual and Societal. — New York : Free Press, 1979. — 288 p.

алистические ценности, нежели старшие»¹. Но ситуация явно далека от «тихой революции» (The Silent Revolution) по Р. Инглхарту², суть которой состоит в постепенном переходе общества от приоритета ценностей материализма к приоритету ценностей постмодернизма (табл. 83).

Таблица 83

С чем вы связываете успех в жизни (1995 г.), по профилю обучения, % опрошенных

Представления об успехе	Технический	Естественно-научный	Экономический	Гуманитарный
Дело по душе, интересная работа	55	69	56	54
Высокий заработок, материальное благополучие	57	53	60	58
Признание окружающих, слава	11	15	10	14
Хорошие, верные друзья	57	68	52	55
Знакомства, связи, возможность все достать	16	13	12	11
Хорошие отношения в семье	54	68	53	53
Удовлетворенность в любви, интимной жизни	50	60	53	52
Нетрудная работа, спокойная жизнь	6	4	5	3
Душевное равновесие	26	41	31	33
Уверенность в безопасности	38	40	26	33
Возможность полнее проявить себя	29	31	28	24
Самостоятельность, свобода	28	24	29	35
Возможность поехать по миру	39	40	44	35
Профессионализм, мастерство	26	39	19	35
Власть, возможность командовать	7	3	5	6
Свое дело, успех в бизнесе	26	15	24	17

Под ценностями материализма имеется ввиду предпочтение физической и психологической безопасности и благополучия, а под ценностями постма-

¹ Вардомацкий А. П. Сдвиг в ценностном измерении? // Социологические исследования. — 1993. — № 4. — С. 47.

² Андреевкова А. В. Материалистические / постматериалистические ценности в России // Социологические исследования. — 1994. — № 11. — С. 73. Анализ основан на теории Р. Инглхарта (Ingelhart R. The Silent Revolution. — Princeton : Princeton University Press, 1977. — 482 p.; Ingelhart R. Cultural shift in advanced industrial society. — Princeton : Princeton University Press, 1990. — 484 p.). Позднее были опубликованы переводы работ Инглхарта: Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. — 1997. — № 4. — С. 18–28; Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития : пер. с англ. — М. : Новое издательство, 2011. — 464 с.

териализма — подчеркнутое значение принадлежности к группе, самовыражения и качества жизни.

Нетрудно заметить, что в сознании молодых людей возникала некоторая раздвоенность, противоречивость. Обострялось противоречие: как соотнести рыночные установки (реально установки «дикого рынка») и общечеловеческие ценности? В целом, как справедливо отмечал В. А. Ядов, в российском обществе происходил «сдвиг от прозрачной ясности социальных идентификаций советского типа к групповым солидарностям „постмодернистского“ типа, где решительно все амбивалентно, неустойчиво, лишено какого бы то ни было вектора, называемого социальным прогрессом»¹. Но одновременно сказывалась и сложность духовной трансформации, тонко подмеченная в свое время Ф. М. Достоевским: «Это наверно так; не так скоро поколение отрывается от того, что сидит в нем наследственно; не так скоро отказывается человек от того, что вошло в кровь его, передано ему, так сказать, с матерним молоком. Не бывает таких скороспелых переворотов. Сознать вину и родовой грех еще мало, очень мало; надобно совсем от него отучиться. А это не так скоро делается»². Колебания студенческой молодежи усиливаются маргинальным характером ее социализации, когда молодые люди оказываются между двумя системами ценностей — традиционной (которую они не успели воспринять) и новой (которую они еще не освоили). Соответственно, корректнее говорить не о том, что система ценностных ориентаций тех или иных групп, слоев в структуре современного студенчества уже сформировалась или еще не сформировалась, а об уровне ее развития.

Современный российский социум возник и развивается на постсоветском пространстве. Сегодня он не имеет какого-то интегрального ценностного вектора. Произошла ломка ценностных ориентаций, возник вакуум ценностей или их хаотическое смешение. Кризис многих ценностей и идеалов советского общества, авторитарной культуры в общественном сознании порой воспринимался как катастрофа — и общественная, и личностная. В действительности это не столько кризис культуры вообще, сколько кризис авторитарного типа культуры. К тому же если бы многие из этих ценностей тоталитарного общества уцелели, то обновление было бы совершенно невозможно. Процесс переоценки ценностей — трудный, противоречивый, болезненный. Часто переоценка реализуется не в изменении подходов, методологии и стиля мышления, а в смене знаков: то, что еще вчера было предметом поклонения, сегодня просто отбрасывается. Одни стереотипы и мифы уходят, но на смену им приходит не свободное сознание, а новая мифология.

¹ Ядов В. А. Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. — 1994. — № 1. — С. 36.

² Достоевский Ф. М. Собр. соч. [Электронный ресурс] : в 15 т. — Л. : «Наука», 1988. — Т. 3. — 575 с. — Режим доступа: <http://rvb.ru/dostoevski/tocvol3.htm> (дата обращения: 03.02.2015).

Но дело не только в разочаровании, в отказе от ценностей социализма. Идеалы социализма хотя и перечеркивали многие нравственные, культурные нормы патриархальной России, однако находились с ними в одной плоскости — ориентация на жертвенность, самоотверженность, героизм и чудо. Обычная жизнь всегда воспринималась в рамках такой культуры как мещанство, пошлость, бездеятельность. Между тем демократическая культура в определенном смысле — культура обыденная, сориентированная на благополучие любого конкретного человека как на повседневную задачу, а не «высшую цель». Характерно внимание современной зарубежной (в последние годы — и отечественной¹) социологии к проблемам «жизненного мира», «мира повседневности».

«Жизненный мир» — мир обычной повседневной жизни, в который включен каждый человек. Это — «наш» жизненный мир, «мой» жизненный мир. Примечательно, что П. Бергер и Т. Лукман, определяя «повседневную жизнь», видят в ней «реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного мира»². Созвучно с ними и определение А. С. Ахиезера, отмечающего, что «повседневность» — это «человеческая жизнь, рассмотренная с точки зрения тех функций и ценностей, которые плотно заполняют жизнь личности, включая труд, быт, отдых, передвижения и т. д.». «Повседневность, — пишет Ахиезер, — постоянно воспроизводится как мощный пласт отношений, ценностей, как постоянная система человеческих забот»³.

Обратим внимание и еще на один чрезвычайно важный для социологии культуры и особенно для социологического анализа ценностных ориентаций студенчества момент, акцентированный Л. Г. Иониным. В его трактовке повседневная жизнь — «процесс жизнедеятельности индивидов, развертывающийся в привычных общеизвестных ситуациях на базе самоочевидных ожиданий. Социальные взаимодействия в контексте повседневности зигзугуются на предпосылке единообразия восприятия ситуаций взаимодействия

¹ См.: Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурный словарь). — М. : Philosophical society, 1991. — Т. III. — 471 с.; Ионин Л. Г. Повседневность [Электронный ресурс] // Культурология XX век. Энциклопедия. Т. 2. М-Я. — СПб. : Университетская книга, 1998. — Режим доступа: <http://www.alleng.ru/d/cult/cult007.htm> (дата обращения: 03.02.2016); Касавин И. Т. Повседневность в контексте феноменологической социологии [Электронный ресурс] // Социемы. — № 9. — Режим доступа: http://www2.usu.ru/philosophy/soc_phil/rus/texts/sociemy/9/kasavin.html (дата обращения: 03.02.2016); Козлова Н. Н. Горизонты повседневности советской эпохи. Голоса из хора. — М. : ИФ РАН, 1996. — 216 с.; Козлова Н. Н. Повседневность // Новая философская энциклопедия : в 4 т. — М., 2001. — Т. 3. — С. 254–255; Лелеко В. Д. Пространство повседневности в европейской культуре. — СПб. : СПбГУКИ, 2002. — 320 с.; Шубина М. П. О понятии и природе повседневности // Известия Уральского государственного университета. — 2006. — № 42. — С. 55–62.

² Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. с англ. Е. Руткевич. — М. : Медиум, 1995. — С. 38.

³ Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурный словарь). — М. : Philosophical society, 1991. — Т. III. — С. 244.

всеми его участниками»¹. Эта противоречивость повседневности, в которой тесно переплетается сиюминутность и личностность восприятия с его определенным единообразием, привычностью, проявляется в относительной устойчивости ценностных ориентаций студенчества. А такая устойчивость — основной вывод мониторинга социокультурного портрета свердловского студенчества.

Ориентир тут, по Р. Мертону, — «сеть ожиданий», которая «основывается на желательном поведении членов общества, соответствующих установленным и, возможно, постоянно меняющимся культурным образцам. Именно вследствие всеобщей ориентации поведения на основные культурные ценности мы можем говорить о массе людей как об обществе»². В полной мере можно говорить об этом и применительно к такой группе, как студенчество.

Примечательно и то, какие ценности оказались для студентов наименее значимыми. Это: слава; связи, знакомства; власть, возможность командовать людьми; спокойная жизнь. Итак, в ряду приоритетных жизненных ценностей студенты Екатеринбурга называли в 1995 г. традиционные, связанные с работой и семейной жизнью: содержание работы, заработок; верные друзья; семья; удовлетворенность в интимной жизни. Наименее значимой, по мнению студенчества, является ориентация на жизненный успех, трактуемый как «спокойная жизнь», и власть, возможность командовать людьми. Жизненные приоритеты студенчества скорее тяготели к ориентирам среднего класса, который они в большинстве своем, по всей видимости, и пополняют.

Анализ жизненных ориентиров, связанных с профессиональной деятельностью (работой), показал, что студенты в 1995 г. гораздо в большей степени были ориентированы на содержательную сторону труда и возможности работы обеспечить материальный достаток, нежели на статусный рост (профессиональный и социальный). При этом четверо из каждых пяти опрошенных ассоциировали свой жизненный (а конкретно — профессиональный) путь с работой по найму, а не с созданием своего дела, бизнесом, предпринимательством.

Существенно разнятся позиции мужской и женской части студенчества в определении жизненных ориентиров. «Прекрасный пол», определяя жизненные приоритеты, склонен был отдавать предпочтение ценностям, связанным с душевным, социальным комфортом. Мужская половина студенчества однозначно связывает жизненные перспективы с работой.

Ориентируясь на одни и те же жизненные приоритеты, студенты различных направлений высшего образования по-разному расставляли акценты степени значимости ценностей. В качестве основного жизненного ориентира

¹ Ионин Л. Г. Повседневность [Электронный ресурс] // Культурология XX век. Энциклопедия. Т. 2. М-Я. — СПб. : Университетская книга, 1998. — Режим доступа: <http://www.alleng.ru/d/cult/cult007.htm> (дата обращения: 13.03.2016).

² Мертон Р. К. Социальная структура и аномия // Социологические исследования. — 1992. — № 3. — С. 104.

студенты всех направлений образования выбирали материальное благополучие. Исключение составляют студенты-естественники, которые на первое место в ряду жизненных ценностей поставили содержание профессиональной деятельности. Вторую позицию прочно удерживает ориентация на наличие надежного социального окружения. Интерес представляет позиция студентов-экономистов, которые поставили данную ценность лишь на пятое место. Можно предположить в данном случае более прагматический подход к жизни, формируемый экономическим образованием. Остальные предпочитаемые жизненные ориентиры выбираются студентами независимо от направления обучения (а тем самым и от вуза).

Выяснилось — и это стало одним из самых важных результатов I этапа мониторинга, — что представления о кризисе идеалов и ценностей молодых нуждаются в серьезном уточнении. Да, разрушились многие идеологемы, политизированные иллюзии и стереотипы. Но сфера нравственности, ориентация на порядочность и искренность в межличностных отношениях оказалась более устойчивой. И это при всех издержках позитивный момент.

Со II (1999 г.) и по VII этапы (2016 г.) терминальные ценности студентов исследовались на основе вопроса анкеты «Что для Вас наиболее важно, значимо в жизни?» Предлагаемые для выбора значения в основном оставались неизменными, хотя отдельные коррективы и вносились (табл. 84–85).

Таблица 84

**Динамика ценностных приоритетов студентов Свердловской области,
1999–2016 гг., % ответивших**

Ценностные приоритеты	1999	2003	2007	2009	2012	2016
Семья, дети	65	60	67	68	48	70
Здоровье	21	67	63	61	51	48
Деньги, материальные блага, свое дело, бизнес	27	56	49	47	37	44
Творчество, реализация способностей	5	24	31	33	31	31
Работа по душе	24	39	47	42	24	22
Независимость, свобода	22	33	30	28	20	17
Общение с друзьями	35	51	44	41	19	14
Образованность, профессионализм	21	27	37	33	16	14
Получение удовольствий, интимная жизнь	17	27	20	18	17	13
Престиж, слава, власть	2	12	10	12	6	12
Личная безопасность	14	27	16	15	7	5
Красота, прекрасное	11	15	15	17	9	5
Общение с природой	13	12	10	9	4	3

Примечание. Сумма превышает 100 %, поскольку один опрошенный мог дать несколько ответов одновременно.

На ответах студентов в 1999 г. особенно сказался социально-экономический кризис российского общества, который определял и кризис ценностных ориентаций, ценностного сознания. Особенно противоречиво он проявлялся применительно к молодежи, студенчеству.

Эмпирический социологический анализ неотделим от методологического исследования проблем ценностей, ценностного сознания, ценностных ориентаций. Особенно важно было раскрыть ориентацию потребностей (исходного компонента детерминации поведения) на перспективу, на будущее состояние самого человека. Заслуживал внимания и такой аспект анализа ценностного сознания, как ценностное восприятие. В структуре ценностных ориентаций студентов нужно было выделить и такие компоненты, как жизненные и профессиональные ориентации.

Не менее существенен был и учет особенностей студенческой молодежи. Одни из них относились к характеристике специфики ее социализации (трудности освоения опыта старшего поколения в переломную, кризисную эпоху). Другие — к растущей социальной дифференциации студенчества, что проявлялось в выделении различных (по содержанию ценностных ориентаций и способу адаптации к современной жизненной ситуации) групп студентов.

Таблица 85

**Динамика ценностных приоритетов студентов Свердловской области,
1999–2016 гг., по рангу**

Ценностные приоритеты	1999	2003	2007	2009	2012	2016
Семья, дети	I	II	I	I	II	I
Здоровье	VI	I	II	II	I	II
Деньги, материальные блага, свое дело, бизнес	III	III	III	III	III	III
Творчество, реализация способностей	XII	X	VII	VII	IV	IV
Работа по душе	IV	V	IV	IV	V	V
Независимость, свобода	V	VI	VIII	VIII	VI	VI
Общение с друзьями	II	IV	V	V	VII	VII
Образованность, профессионализм	VII	VII	VI	VI	IX	VIII
Получение удовольствий, интимная жизнь	VIII	VIII	IX	IX	VIII	IX
Престиж, слава, власть	XIII	XIII	XIII	XII	XII	X
Красота, прекрасное	XI	XI	XI	X	X	XI
Личная безопасность	IX	IX	X	XI	XI	XII
Общение с природой	X	XII	XII	XIII	XIII	XIII

Уже результаты опроса 1999 г. (в сравнении с другими социологическими исследованиями конца 1990-х гг.) позволили выделить ряд тенденций и противоречий в развитии ценностных ориентаций студентов.

1. Все более определенно в студенческой среде проявлялась ориентация на достижение личного успеха. Если установка на успех в 1970-е гг. была характерна для 10–15 % студентов, то в 1990-е годы — для 60–70 %. Истоки этого изменения состоят как в усилении роли индивидуалистических ориентаций, так и в экстремальности жизненной ситуации в России в «лихие» 1990-е.

2. Для большинства студентов успех — это достижение прежде всего материального благополучия посредством карьеры, приобретение высокого социального статуса. Важность общественного признания все чаще ставилась под сомнение.

3. Менялось и мнение студентов о способах достижения успеха. Если еще в начале 1990-х годов главным считалось везение, стечение обстоятельств, умение рисковать, а уровень образования не играл существенной роли, то к концу 1990-х гг. он становился все более значимым фактором достижения успеха¹.

4. Зафиксированы устойчивые стереотипы студенческой молодежи в отношении к переходу к рынку: около 40 % придерживались ценностей социалистической экономики; столько же разделяли мнение о преимуществах «рыночной экономики»; 15–20 % еще не определились — в них еще живы стереотипы, которые они усвоили, будучи школьниками, живя в СССР; в то же время они готовы бы принять новую реальность, но она слишком неопределенна².

5. В сознании молодежи произошло заметное разделение карьеры, славы, власти. Если стремление сделать карьеру определяет жизненные цели более трети студентов, то желание славы свойственно 5–6 %, власти — 7–12 %, и эти позиции занимают самое низкое ранговое место в их ценностной шкале. На первом же месте — желание семейного счастья.

6. Снижался престиж ряда традиционных (инженерной, педагогической и др.) профессий и усиливались прагматические настроения и ориентации.

7. Развивались ориентации в профессиональном и жизненном самоопределении на перспективу — на трудоустройство в негосударственном секторе, малом и среднем бизнесе, возрастало резкое расхождение этих ориентаций с направленностью, характером подготовки в вузе.

8. Снижалась активность в сфере потребления духовных ценностей; в целом снижался уровень духовности молодежи. Возникла острая необходи-

¹ В частности, специальные исследования социологической лаборатории УрГУ показали, что за период 1993–1996 гг. (замеры проводились ежегодно) свердловские студенты стали выделять роль «хорошего образования» как фактора успеха в 1,6 раза чаще (36 % и 57 %). В ранговом ряду из 8 факторов «хорошее образование» перешло с шестого места (1993 г.) на первое (1996 г.) (См.: Меренков А. В. Рыночные ориентиры студенчества // Социологические исследования. — 1998. — № 12. — С. 99).

² Молодежь — будущее России. — Екатеринбург: УИМ, 1996. — С. 32–34; Меренков А. В. Рыночные ориентиры студенчества // Социологические исследования. — 1998. — № 12. — С. 98.

мость восстановления любви к Отчизне и к собственной отечественной культуре, устранения дефицита национального и личного самоуважения.

9. Противоречиво изменялось ценностное восприятие студентами межпоколенческих взаимоотношений: с одной стороны, возрастало стремление студенчества к самостоятельности, автономности, независимости; с другой — росло значение родительской семьи для студентов, усиление их зависимости от нее.

10. Возрастала роль неформальных, межличностных отношений в студенческой среде, утверждался связанный с этим противоречивый подход к традиционным институтам (особенно — к браку, семье).

11. Усиливалась аполитичность, сочетавшаяся с нарастающим негативизмом, социальным протестом (что чревато стихийными выступлениями — по типу событий 14 апреля 1998 г. в Екатеринбурге).

12. Утверждалось причудливое сочетание оптимизма (в отношении социальных и личностных перспектив) и пессимизма (в отношении возможностей трудоустройства по получаемой в вузе профессии), распространялись ориентиры ноувизма (жить сегодняшним днем).

Наблюдается явное противоречие в жизненных установках студентов. Жизненный комфорт, успех возможны прежде всего благодаря собственным усилиям, предприимчивости, но при наличии необходимых условий, в качестве которых выступают знакомства с нужными людьми, помощь влиятельных лиц. Практически одинаковое процентное распределение первых двух позиций является своеобразным репродуктивным отражением в сознании студенчества специфики российской экономики — эклектического сочетания в ней принципов двух разных экономических моделей социального устройства, рыночной и этатистской. Дух предприимчивости, характерный для рыночной экономики, причудливо уживается с бюрократическим «рынком связей», определяющим пути и средства получения, достижения материальных, статусных, профессиональных благ и ценностей.

Но сопоставление полученных данных с результатами аналогичных исследований начала 1990-х гг. позволяет наряду с преобладанием старых ценностей зафиксировать параллельную, устойчивую и активно реализующуюся тенденцию. В одном из первых наших исследований экономических ориентаций молодежи в канун рыночных реформ¹ «умение устанавливать связи с нужными людьми» признавалось молодыми респондентами приоритетным, оставляя далеко позади себя предприимчивость, инновационность, образованность. Конкурентность данных мотивационных факторов в ценностном сознании молодежи в конце 1990-х гг. свидетельствует о ее ценностной переориентации.

¹ Молодежь России и рынок (Информационно-аналитический отчет по итогам социологического исследования). — Екатеринбург ; Челябинск : УПИ, 1991. — С. 32.

На смену патерналистских и в какой-то мере инфантилистских настроений («Я могу чего-то добиться в жизни только благодаря помощи извне») приходит осознание необходимости прежде всего личностных, деятельностных усилий («Мой успех зависит от меня, от моей предприимчивости»). Немаловажная роль в установках респондентов отводится образованию, которое выступает в качестве основы, фундамента для будущей успешной жизни.

Четвертая позиция в ранговой шкале инструментальных ценностей в 1999 г. отводилась богатству. У каждого восьмого респондента путь к успеху ассоциируется с материальными факторами, финансовым и материальным благополучием. Оценка рейтинга материальных факторов в структуре ценностных ориентаций студенчества, на наш взгляд, возможна и интересна в контексте единства и взаимовлияния материальных и духовных ценностей как цели и средства жизненного успеха.

Результаты, полученные в процессе многочисленных опросов молодежи, стали уже тривиальными, очевидными. Независимо от пола, возраста, рода занятий, социального положения материальные ценности, операционально фиксируемые с помощью разных эмпирических индикаторов (деньги, высокий заработок, материальный достаток, богатство), в качестве приоритетной жизненной цели занимают ведущую роль в структуре терминальных ценностей молодежи, соперничая с коммуникативными (верные друзья, хорошие отношения в семье) и трудовыми (интересное дело по душе, работа) ценностями.

Опрос 2003 г. проходил в условиях большей социальной стабильности, что и отразилось на его результатах.

Лидирующую позицию в ранговой шкале заняла ценность здоровья. Одновременно с этим приоритетными стали две ценностные группы — коммуникативные ценности (общение с друзьями, хорошие отношения в семье) и материальные (деньги, материальные блага, свое дело, бизнес). Такой ценностный расклад для социологов уже стал привычным, тривиальным. Результаты многочисленных опросов молодежи в 1990-е гг. отразили все большее утверждение в ее сознании (независимо от пола, возраста, рода занятий, социального положения) ценностей нормальной, частной жизни — здоровье, семья, друзья. Вместе с тем эта ведущая «ценностная тройка» являлась отражением реальных и прожективных проблем студенчества.

Молодежь нередко обвиняют в излишнем прагматизме и бездуховности. Но доминирование материальных ценностей является не только и не столько проявлением усиливающегося рыночного меркантилизма, сколько отражением трудного материального положения студенчества. Три из пяти наших респондентов в 2003 г. оценивали материальное положение своей семьи как «среднее», каждый седьмой — как «плохое» и «очень плохое». Большинству студентов денежных средств хватало лишь на питание. Каждый четвертый респондент отмечал нехватку денежных средств на оплату жилья, учебные принадлежности. Два из каждых пяти опрошенных испытывали за-

труднения с покупкой одежды. С учетом небольшого размера стипендии (да и стипендию-то получало менее половины всех опрошенных) становится очевидным, что материальный уровень жизни студентов сегодня напрямую зависит от их материально-финансовой связи с родителями. Три из пяти респондентов получали от родительской семьи ощутимую материальную помощь. Бедственное материальное положение не может не сказываться на здоровье студентов. Только 8 % студентов ощущают себя абсолютно здоровыми. Проблемы со здоровьем отмечает практически каждый второй студент. Следствие этого — признание здоровья в качестве жизненно важной ценности.

Приоритетность коммуникативных ценностей можно объяснить возрастной спецификой данной социальной группы. Друзья являются для молодых людей ведущей референтной группой. Хорошие отношения в родительской семье и образование своей собственной семьи — отражение реальных проблем и прожективных установок респондентов.

Процесс жизненного самоопределения студентов связан не только с поиском своей референтной группы, формированием собственной семьи, но и поиском собственного дела. Значительная часть студентов соотносит успех в жизни с интересной работой, делом по душе. Но наблюдается определенное «отставание» трудовых ценностей (по удельному весу этих ценностей в ранговой шкале) от материальных и коммуникативных. Несмотря на то, что многие студенты, прежде всего по материальным причинам, вынуждены работать (каждый пятый респондент в 2003 г. имел постоянную работу, у трети респондентов работа приобретала характер случайных заработков), главная работа студентов — это учебная деятельность. Видимо, по этой причине важность трудовых ценностей отодвигается на второй план.

Настораживало другое. Прожективная ориентация на интересную работу в будущем, поиск дела по душе у половины студентов не связывались с получаемой специальностью, профессией. На вопрос анкеты «Чем бы Вы хотели заниматься после окончания вуза?» только 48 % респондентов опроса 2003 г. ответили «работать по специальности». Наиболее значимым в будущей работе являлась возможность получать большие заработки, иметь высокие доходы (для четырех из пяти) и творческий, интересный характер работы (для трех из пяти).

В целом творческая самореализация в качестве жизненно важной ценности отмечается каждым четвертым респондентом. Но не каждый связывает эту реализацию с уже сделанным профессиональным выбором, надеждой на творческую и одновременно хорошо оплачиваемую работу. Лишь у трети респондентов профессионализм и образованность отмечены в качестве приоритетных жизненных ценностей.

На средний уровень ценностной шкалы попадают ценности личностной автономности, свободы. Стремление к независимости сопровождается тревогой за личную безопасность, безопасность своих близких.

На этом же уровне — стремление к удовольствиям, благополучной интимной жизни.

Статусные ценности (престиж, слава, власть) и в 2003 г. занимали последнее место в шкале ценностных установок. Но их значимость для разных категорий студентов различна. Установки на престижность, карьеру больше свойственны для студентов, обучающихся на контрактной основе. Удельный вес этих ценностей у них вдвое превышает подобные установки у студентов-бюджетников.

Что касается творческой самореализации, то здесь прямо противоположные пропорции. Студенты, получающие образование на бюджетной основе, в два раза чаще, чем контрактники, отмечают данную ценность в качестве приоритетной.

Результаты опроса на IV этапе мониторинга (2007 г.) отразили растущую значимость ценностей частной жизни — семья, дети, здоровье — в сознании студентов. В 1999 г. благополучная семья была ориентиром только для каждого пятого студента. В дальнейшем удельный вес этой ценности возрос в три с лишним раза, и в 2003 г. она заняла второе место в ранговом ряду, а в 2007 г. — даже первое. При этом она несколько опередила другую приоритетную ценность — здоровье. Приоритет семьи как ценности отражает во многом маргинальный, переходный статус студенческой молодежи. Еще существующая зависимость студентов от благополучия их родительской семьи дополняется ориентацией на успешное создание собственной семьи.

Еще сильнее проявилась противоречивость понимания студентами здоровья как ценности. На вербальном уровне они выводят здоровье на I–II место в ранговом ряду ценностей. На деятельностно-поведенческом уровне лишь немногие стремятся практически реализовать ориентиры здорового образа жизни.

Конкурентное поле сохраняется за следующей тройкой ценностей — деньги, работа, друзья. С небольшим отрывом друг от друга эти ценности являются ядром ценностного сознания студенческой молодежи. Почти каждого второго студента в 2007 г. волнуют материальные ценности — деньги (в 2003 г. их было еще больше — почти каждые три из пяти). Связано ли это с молодежным прагматизмом, активно развивающимся рыночным меркантилизмом? Да, безусловно. В 1999 г. деньги и материальные блага, наличие собственного бизнеса были значимыми только для каждого четвертого респондента. К 2007 г. таковых стало практически вдвое больше. Однако подобная динамика имеет и другое объяснение: сложное материальное положение многих студентов, не меняющееся со временем и проводимыми реформами, отсутствие достаточных мер социальной защиты этой социальной группы.

Определенное «отставание» трудовых ценностей сменилось в 2007 г. их явной конкуренцией с материальными и коммуникативными ценностями. С другой стороны, ориентации на интересную работу, дело по душе корре-

лируют с достаточно высокой значимостью таких ценностей, как профессионализм, образованность, творчество и реализация способностей. Сходны были и ответы студентов на вопрос «Что значимо в будущей работе?». Половина респондентов подчеркнула творческий характер работы, два из пяти — соответствие профессии их индивидуальным особенностям. Но возникает вопрос, насколько это реально, ведь ценностные ориентации носят в значительной степени прожективный характер. Как оценили студенты в 2007 г. реальную возможность получить интересующую их работу? Значительная часть опрошенных (каждые три из четырех) высказали большие сомнения по этому поводу. И только каждый десятый уверен в том, что найти подходящее дело по душе ему не составит никакого труда.

Оценивая в 2007 г. динамику студенческого ценностного сознания за прошедшие этапы мониторинга, мы отмечали воспроизводство структуры ценностного сознания молодежи и практическую неизменность ценностных приоритетов, сложившихся в постперестроечный период. Рынок и демократия перестали восприниматься как возможное бытие. Да, у молодежи 2000-х гг. появилось гораздо больше возможностей и шансов для самореализации. Но рынок и демократия — в реально существующих в России формах — не только не сняли, а во многом законсервировали и в определенной мере усилили волнующие молодежь социальные проблемы.

Устойчивость ценностных приоритетов особенно проявилась в 2009 г., когда в условиях мирового финансово-экономического кризиса было принято решение сократить шаг мониторинга до двух лет. Но в том-то и дело, что по большинству параметров выяснилось: студенческое ценностное сознание кризиса «не заметило». В ранговом ряду значимости ценностей было зафиксировано полное совпадение с I по VIII позицию. Расхождения в оценке отдельных ценностей не превышали 3–4 % (семья, дети — 67 % в 2007 г. и 68 % в 2009 г.; здоровье — 63 % и 61 %; деньги, материальные блага, свое дело, бизнес — 49 % и 47 %; общение с друзьями — 44 % и 41 %; работа по душе — 47 % и 42 %; и т. д.).

Пожалуй, единственным различием в разделе «Ценности и ценностные установки», зафиксированным в 2009 г., была возросшая оценка образования как инструментальной ценности. В 1999–2007 гг. роль образования как предпосылки успеха отмечал каждый пятый, в 2009 г. — каждый третий.

Однако результаты опроса 2012 г. внесли в устойчивые ценностные диспозиции определенные изменения. В первую очередь это относится к снижению в 2012 г. удельного веса всех значимых ранее ценностных индикаторов — здоровья, семьи, материального благополучия, общения с друзьями, интересной работы, образованности и профессионализма, личной безопасности, независимости и свободы. На фоне мировоззренческой неопределенности молодежи и затяжного системного кризиса российского общества произошла примитивизация смыслов жизнеуществования студентов.

При сохранении третьей ранговой позиции существенно упал удельный вес прагматических и меркантильных ценностей — от 56 % в 2003 г. до 37 % в 2012 г. Удельный вес профессиональных, трудовых и коммуникативных ценностей, традиционно конкурировавших с ценностями материального благополучия, также снизился, практически в два раза.

Неизменными остались лишь ценности самореализационные и гедонистические. Они сохранили свой удельный вес на протяжении всего мониторинга. Более того, ценности самореализации оттеснили на второй план ведущие ранее материальные, коммуникативные и профессионально-трудовые ценности.

В 2016 г. выявленные изменения не только сохраняются, но и усиливаются (рис. 142–143).

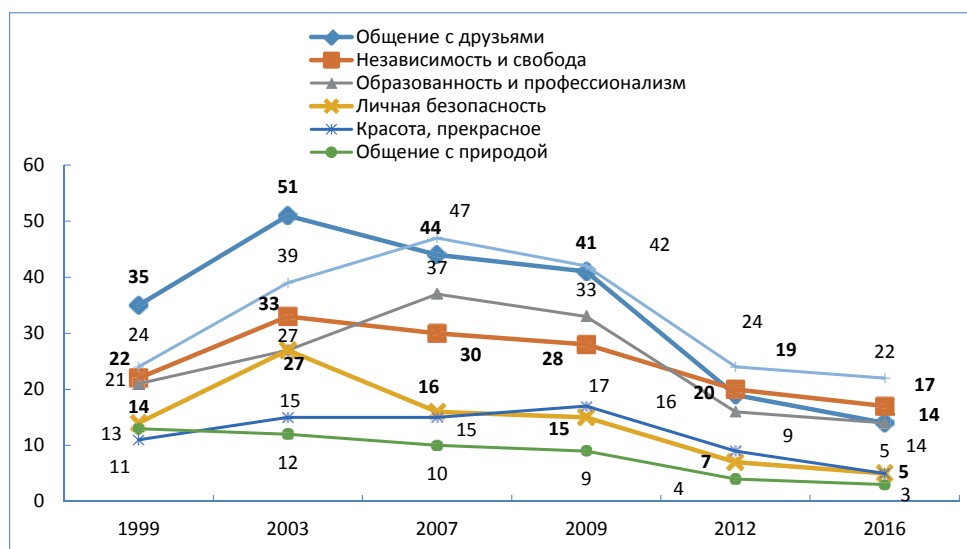

Рис. 142. Отрицательная динамика ценностных приоритетов, % от группы

Заметно дальнейшее снижение удельного веса значимых ранее ценностей. Значимость такой коммуникативной ценности, как «общение с друзьями», по сравнению с 1999 г. снижается в 2,5 раза. Друзья, традиционно игравшие значительную роль в терминальных ценностях молодежи как референтная группа, отошли на второстепенные роли. Сказывается влияние виртуального сетевого общения, компенсирующего для поколения «игрек» живое дружеское общение; усиливается ориентация молодежи на постматериальные ценности с их установкой на автономность, креативность и самостоятельность; происходит усиление прагматической направленности: во благо личного успеха целесообразно иметь влиятельные социальные связи, в меньшей степени оценивая значимость дружеских отношений.

Наблюдается стремительное и неуклонное падение значимости ценностей образованности и профессионализма. По мнению аналитиков, к 2020 гг. «следует ожидать существенного снижения образовательного потенциала занятых в стране в связи с выходом на пенсию относительно многочисленного послевоенного поколения с достаточно высоким уровнем образования и вступлением в трудоспособный возраст рожденных в годы реформ (1990—2000 гг.), количество которых значительно меньше (почти в 2 раза) численности предыдущих поколений. За 10 лет (2007—2016 гг.) образовательный потенциал экономически активного населения снизится примерно на 160 млн человеко-лет, т. е. не менее чем на 20 %. В итоге эти потери могут оказаться еще более серьезными, если учитывать качество современного образования»¹.

К стартовой позиции 1999 года возвращаются трудовые ценности — интересная работа по душе.

Негативная динамика присутствует и в оценках такой ценности, как «независимость и свобода». На вопрос анкеты «Как Вы понимаете, что такое свобода?» самыми распространенными ответами респондентов 2016 г. были: «возможность самостоятельно обеспечивать себя средствами на жизнь» — 44 %; «независимость в выборе жизненной позиции» — 55 %; «способность принимать самостоятельные решения с учетом общих законов» — 43 %. В ситуации отложенного взросления, полной материальной зависимости от взрослых, ментальной инфантильности нынешней молодежи свобода может выступать лишь в качестве идеала, но не востребованной жизненной ценностью.

На фоне растущего прагматизма падает значимость периферийных эстетических ценностей («красота, прекрасное, общение с природой»).

Положительные изменения связаны только с двумя ценностными приоритетами — «личная безопасность» и «творчество, реализация способностей». Самореализационные ценности на последних этапах мониторинга после их скачкообразного роста в 2003 г. сохраняют и удерживают свой удельный вес (рис. 143).

Рис. 143. Динамика самореализационных ценностей, % ответивших

¹ Шамис Е. В каких условиях растет поколение Милениум и Z и что станет их ценностями [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://rugenerations.su/2009/05/21/> (дата обращения: 30.04.2015).

В целом темпоральный анализ терминальных ценностей показывает: при неизменности и сохранении ранговых позиций базовых терминальных ценностей отрицательная динамика их количественных показателей как бы «возвращает» ценностное сознание студентов в начальную точку отсчета — 1999 г. Что означает ситуация позиционного ценностного закольцевания?

21 год мониторинга — это большой временной период. За это время произошло много политических и экономических событий. Ценностное сознание молодежи, как лакмусовая бумага, в разных модальностях реагирует на все происходящие изменения. Однако этот очевидный вывод, на наш взгляд, может дополниться исследовательской гипотезой, связанной с поколенческим анализом сложившейся ситуации. Анализ самоопределения молодежи, избравшей тот или иной вариант жизнеустройства, имеет и самостоятельную ценность. Как бы мы его ни называли — «образ желаемого будущего», «жизненная программа», «жизненные перспективы», «модель жизнеустройства», — в нем заложена определенная мотивация выбора, и очень важно, насколько проблемы каждой возрастной когорты молодежи являются типичными с точки зрения тенденций развития общества¹.

Возможность применения основных постулатов поколенческой теории определяется, в первую очередь, временными параметрами. Теория поколений, как известно, построена на цикличности развития общества. Каждое поколение рассматривается в интервале 80–90 лет. За этот временной период поколение проходит 4 различные стадии, сменяющиеся с частотой 20–25 лет — пробуждение, подъем, разрушение и кризис. «И с этой же частотой в мире появляется новое поколение, которое воспитывается в ситуации, соответствующей конкретной стадии общественной среды, а значит, обладает иным набором ценностных характеристик, отличным от установок предыдущей поколенной группы вплоть до противоположности»². Не вдаваясь в интеллектуальную дискуссию относительно хронологического выделения поколений в России, приведем лишь одну версию, составленную по материалам проекта «Теория Поколений в России» (RuGenerations)³ (табл. 86).

¹ Молодежь России на рубеже 90-х годов. — М., 1992. — Кн. 1–2. — С. 81.

² Гурова И. М., Евдокимова С. Ш. Теория поколений как инструмент анализа, формирования и развития трудового потенциала МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). — 2016. — Т. 7. — № 3. — С. 150–159.

³ Проект «Теория Поколений в России» (RuGenerations) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://rugenations.ru> (дата обращения: 22.04.2016); Зайцева Н. А. Теория поколений: мы разные или одинаковые? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-pokoleniy-my-raznye-ili-odinakovye> (lfnf j, hfotybz 01/09/2016); Гурова И. М., Евдокимова С. Ш. Теория поколений как инструмент анализа, формирования и развития трудового потенциала МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). — 2016. — Т. 7. — № 3. — С. 150–159.

Таблица 86

Российская адаптация современной теории поколений

Поколение, годы рождения	Влияющие события общественной среды	Основные коллективные характеристики
Молчаливое поколение (разбитое, потерянное поколение) 1923–1943	Вторая мировая война, первая пятилетка, индустриализация, коллективизация, репрессии, начало Великой Отечественной войны, открытие антибиотиков	Преданность, соблюдение правил, законов и порядков, уважение к должности и статусу, подчинение и жертвенность, честь, терпение, экономность, партийность
Бэби-бумеры (ВВ, бумеры, поколение демографического взрыва) 1943–1963	Окончание Великой Отечественной войны, «холодная война», восстановление страны, «оттепель», покорение космоса, СССР мировая супердержава, Карибский кризис, единые стандарты обучения и гарантии мед. обслуживания, пластические операции и противозачаточные таблетки	Идеализм, оптимизм, коллективизм и командный дух, вовлеченность, нацеленность на отличный результат, интерес к личностному росту, вознаграждению и статусу, культ молодости и здоровья, подчеркивание имиджа и привлекательности, ностальгия и религиозность
Поколение X (13-е поколение, неизвестное поколение, поколение с ключом на шее) 1963–1984	Продолжение «холодной войны», период застоя, война в Афганистане, летние Олимпийские игры в Москве, начало перестройки, тотальный дефицит, наркотики, СПИД	Готовность к переменам, индивидуализм, возможность выбора, глобальная информированность, техническая грамотность, обучение в течение всей жизни, неформальность взглядов, поиск эмоций, прагматизм, выживание и надежда на себя, равноправие полов
Поколение Y (Миллениум, поколение Сети, поколение Next, нулевые) 1984–2000	Катастрофа в Чернобыле, распад СССР, смена политического строя, дефолт, теракты и военные конфликты, атипичная пневмония, развитие коммуникационных и цифровых технологий (мобильные телефоны, Интернет), биотехнологий, новые эпидемии	Готовность к изменениям, гражданский долг и мораль, ответственность, оптимизм, общительность и уверенность в себе, тяга к разнообразию, гибкость мышления, наивность и подчиненность, нацеленность на достижения и немедленное вознаграждение, приверженность моде и знание брендов, высокий уровень владения техникой

Окончание табл. 86

Поколение, годы рождения	Влияющие события общественной среды	Основные коллективные характеристики
Поколение Z (Альфа, цифровое поколение, поколение XD) с 2000 г. по н. в.	Глобализация, укрупнение бизнеса, мировой экономический кризис, информационное общество, террористическая война	Быстрое взросление, высокий уровень владения информационными технологиями и техникой, общение в виртуальном пространстве

Базовый критерий выделения поколений — общность ценностных установок. Помимо пяти основных поколений, специалисты выделяют так называемых «пограничников». Это люди с датой рождения плюс-минус три года от границ вышеуказанных периодов, которые сочетают в себе ценности, близкие к двум соседним поколениям.

Соотнесем примерное время рождения наших респондентов (традиционно — студентов III курса). Если применить хронологическую классификацию поколений, не трудно установить, что начиная с 2003 г. мы имеем дело с поколением Y, приближающимся к окончанию поколенческого цикла. Если же принять во внимание общую характеристику терминальных ценностей и ситуацию «позиционного ценностного закольцевания» (нисходящего возврата большинства ценностей к периоду 1990 г.), то можно говорить о пограничности исследуемого поколения (табл. 87).

Таблица 87

Соотнесение этапных дат мониторинга и времени рождения респондентов

Год мониторинга	Время рождения респондентов
1999	1980–1981
2003	1984–1985
2007	1988–1989
2009	1990–1991
2012	1993–1994
2016	1997–1998

Пограничный статус подтверждается идеями американского социолога Р. Инглхarta. Основатель теории постматериализма существенно уточнил свою позицию, определив «сдвиг в направлении от материалистических к постматериальным ценностям» как «лишь одну компоненту гораздо более широкого культурного сдвига, охватывающего около четырех десятков переменных»¹.

¹ Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества [Электронный ресурс] // Полис. — 1997. — № 4. — С. 6–32. — Режим доступа: <http://www.polisportal.ru/>

Содержательно этот «широкий синдром культурных перемен» определяется исследователем так: «Место экономических достижений как высшего приоритета в обществе постмодерна занимает все большее акцентирование качества жизни. В значительной части мира нормы индустриального общества, с их нацеленностью на дисциплину, самоотвержение и достижения, уступают место все более широкой свободе индивидуального выбора жизненных стилей и индивидуального самовыражения». Происходит «сдвиг от „материалистических“ ценностей, с упором на экономической и физической безопасности, к ценностям „постматериальным“, с упором на проблемах индивидуального самовыражения и качества жизни»¹.

Процессуально культурный сдвиг рассматривается Инглхартом как «меж-поколенческая перемена ценностей». Поколенческие различия дифференцируются им на основе двух исходных посылок: значимости периода социализации и существовании институциональных дефицитов в период взросления поколения. По его мнению, «ценности и установки, усвоенные на стадии формирования личности (от 10 до 25 лет), имеют долговременное и значительное влияние на жизненный путь индивида»².

Решающее влияние на ценности каждого поколения оказывают условия воспитания в семье, а также макроэкономические и политические события, которые произошли с ними до 11–12 лет. Именно эти ценности оказывают влияние на модель поведения человека в течение всей его жизни — на его отношение к работе, взгляды на мир, потребительское поведение и прочее³.

Концепция институциональных дефицитов делает акцент на «трудностях в жизненных шансах для определенных кластеров поколенной когорты на этапе их формирования и влияния этих трудностей на формирование установок и ценностных ориентаций когорты»⁴. Институциональные дефициты накладывают отпечаток на «пол» и «потолок» будущих достижений индивида, определяют последовательность трансакций жизненного пути — от полной зависимости к достижению или не достижению полной независимости относительно родительской семьи.

Наиболее значим для интерпретации результатов мониторинга вывод Инглхарта о социализационном лаге (A Socialization Hypothesis): «Состояние

files/File/puvlication/Starie_publicacii_Polisa/I/1997–4-2-Ingleheart_Postmodern.pdf (дата обращения: 09.11.2016).

¹ Инглхарт Р. Указ. соч.

² См.: Грязнова Ю. Г. Теоретико-методологические аспекты культурфилософского анализа понятия «поколение» // Научные проблемы гуманитарных исследований. — 2011. — № 6. — С. 258–259 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=16900326> (дата обращения: 10.11.2016).

³ Umair H. The Generation M Manifesto [Electronic resource] // Harvard Business Review. — 2009. — № 7. — Mode of access: <https://hbr.org/2009/07/today-in-capitalism-20-1> (accessed 10.11.2016).

⁴ Грязнова Ю. Г. Указ. соч.

социально-экономической среды и ценностные приоритеты не соотносятся между собой непосредственно: между ними вклинивается существенный временной лаг, ибо базовые ценности индивида в значительной степени отражают условия тех лет, которые предшествовали совершеннолетию»¹.

Ситуация отложенного взросления, практически полной материальной зависимости наших респондентов от родительской семьи сближает ценности поколения X и Y, формирует их амбивалентно-транзитивный (переходный) характер, обуславливает эффект влияния дискретных социальных изменений, которые они получили через свой опыт в период социализации.

Поколенческий подход дает возможность выделить не только межпоколенческие различия, но осуществить внутривнутрипоколенческий анализ, выявить ценностную специфику различных групп, составляющих данное поколение.

А это позволяет раскрыть еще одну важную характеристику ценностного сознания свердловского студенчества — диалектику универсальности и дифференцированности.

Проблема такой диалектики становится все более значимой уже в теоретическом плане. Молодежь (независимо от идеологических и концептуальных различий) традиционно рассматривалась как поколение, социальная общность. Это шло уже от К. Манхейма, для которого «феномен поколений» — главный фактор зарождения динамики исторического развития: этот феномен — «не что иное, как особое единство общественного положения, распространяющееся на возрастные группы, вовлеченные в социально-исторический процесс»². Молодежь рассматривалась Манхеймом как «поколение, находящееся в конкретном историко-социальном пространстве, которое задает программу социализации молодежи и уровень необходимых требований»³.

Х. Ортега-и-Гассет придал поколению категориальный характер в качестве инструмента интерпретации истории; «Поколение — это и не горсть одиночек, и не просто масса: это как бы наше целостное социальное тело... Поколение, динамический компромисс между массой и индивидом, представляет собой самое важное историческое понятие и является, так сказать, той траекторией, по которой движется история... Его члены приходят в мир с некими типичными чертами, придающими им общую физиономию, отличающую их от предшествующего поколения. В пределах этой идентичности могут пребывать индивиды, придерживающиеся самых разных установок, вплоть до того, что, проживая друг подле друга, будучи современниками, они чувствуют себя зачастую антагонистами. Но за всеми неистовыми „за“

¹ Инглхарт Р. Указ. соч.

² Мангейм К. Проблема поколений // Новое литературное обозрение. — 1998. — № 2 (30). — С. 20.

³ Манхейм К. Диагноз нашего времени : пер. с нем. и англ. / отв. ред. и сост. Я. М. Бергер и др. — М. : Юрист, 1994. — С. 445.

и „против“ взгляд легко обнаруживает проступающие общие признаки. И те, и другие являются людьми своего времени, при всех различиях в них больше сходства»¹.

Сегодня актуализировалась проблема соотношения единства и разнообразия, целостности и дифференциации молодежи. Осмысление результатов эмпирических исследований остро поставило вопрос: существует ли молодежь в России как целостность?

Типичны данные ВЦИОМа, когда в оценках респондентов сочетались такие противоречивые характеристики современной российской молодежи, как агрессивность (50 %) и цинизм (40 %), с инициативой (38 %) и образованностью (30 %), трудолюбием (8 %) и верностью (8 %)². Такой же kaleidoscope оценок был получен В. Т. Лисовским и его коллегами, когда они использовали прием идентификации респондентом себя с конкретным поколением. Опрос выявил разноречивость в оценках типичных черт современного молодого поколения: «равнодушное» (34 %), «прагматичное» (20 %), «циничное» (19 %), «потерянных надежд» (17 %), «протестующее» (12 %), «скептическое» (7 %), «отчаявшееся» (6 %), «романтическое» (3 %)³. Широко представлено мнение «говорить о поколении в целом — трудно». С этим нельзя не согласиться. Серьезные проблемы ожидают любого социолога, стремящегося понятийно определить ту или иную социальную группу, общность.

Ряд социологов (С. В. Алещенок, М. Байзерман, Д. Магнусон) даже сделали вывод, что эвристические и практические аспекты выделения молодежи в особую возрастную фазу исчерпаны, что в новых условиях следует «научиться смотреть поверх возраста на личность и человека», что молодежь — «это не объективно существующая реальность, а всего лишь социологическая концепция, искусственная психосоциальная конструкция, которая для каждого общества определяется по-разному в зависимости от экономических, культурных и социальных переменных»⁴.

Авторский коллектив, как уже указывалось, исходил из теории многомерности молодежи Л. Н. Когана (ориентир — «единство в разнообразии»). К поколенческому анализу студенческой молодежи была привлечена идея «парадоксального человека» Ж. Т. Тощенко: «понимание молодежи, молодого поколения через призму парадоксальности позволяет иначе подходить» к дискуссии о целостности молодежи: «да, целостность, но — парадоксальная»⁵.

¹ Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? — М.: Наука, 1991. — С. 4.

² Российская молодежь — какая она? // Аргументы и факты. — 2004. — № 34.

³ Лисовский В. Т. «Отцы» и «дети»: за диалог в отношениях // Социологические исследования. — 2002. — № 7. — С. 113.

⁴ См.: Ковалева А. И., Луков В. А. Социология молодежи. Теоретические вопросы. — М., 1999. — С. 121–122.

⁵ Вишневецкий Ю. Р., Шапко В. Т. Парадоксальный молодой человек // Социологические исследования. — 2006. — № 6. — С. 28.

На степень устойчивости/изменчивости ценностных ориентаций влияют социально-демографические характеристики студентов (табл. 88).

Таблица 88

Гендерное распределение ценностных приоритетов, 2016, % от группы, выравнивание по группе «женщины»

Ценностные приоритеты	Пол	
	Мужской	Женский
<i>Здоровье</i>	45	52
<i>Семья, дети</i>	33	40
<i>Семья, родители</i>	25	39
Возможность реализовать свои способности	27	32
Интересная, творческая работа	17	27
Самостоятельность, независимость, свобода	19	16
Образование, профессионализм	13	15
<i>Деньги, богатство</i>	32	14
Получить от жизни как можно больше удовольствий	10	12
<i>Иметь свое дело, заниматься бизнесом, коммерцией</i>	15	11
<i>Общение с друзьями</i>	17	11
Признание окружающих, престиж	7	6
Красота и физическое совершенство	5	5
Личная безопасность	4	5
<i>Власть</i>	11	2
Общение с природой	3	2
Удовлетворенность в интимной жизни	4	2

Примечание. Сумма превышает 100 %, поскольку один опрошенный мог дать несколько ответов одновременно. Выделены параметры, по которым разрыв мнений достаточно значим.

Для юношей более значимы властные устремления, достижение материального благополучия, удовлетворенность в интимной жизни. Девушки традиционно в большей степени ориентированы на семейные ценности. В наборе их ценностных приоритетов более значимы трудовые ценности — интересная и творческая работа в будущем.

В альтернативах, образованных по типу корреляционных связей (государственный вуз или частный; контрактное обучение или бюджетное), большее ценностное расхождение обнаруживается между респондентами, обучающимися в государственных и частных вузах (табл. 89).

Студенты, обучающиеся в негосударственных высших учебных заведениях, в большей степени ориентированы на достижение независимости и сво-

боды, реализацию своих способностей. Демонстрируя меньшую материальную заинтересованность, они чаще, чем их сверстники из государственных вузов, артикулируют желание открыть собственный бизнес. Образование и профессионализм при этом ценится ими почти в два раза ниже.

Таблица 89

Ценностные приоритеты в зависимости от типа вуза и характера возмещения затрат на обучение, 2016 г., % по группам

Ценностные приоритеты	Гос. вуз (бюджет)	Гос. вуз (контракт)	Част- ный вуз
<i>Здоровье</i>	51	47	34
Семья, дети	40	30	40
<i>Семья, родители</i>	32	34	44
<i>Возможность реализовать свои способности</i>	30	29	39
Деньги, богатство	22	23	13
Интересная, творческая работа	21	24	20
Самостоятельность, независимость, свобода	18	15	20
<i>Образование, профессионализм</i>	14	15	8
Общение с друзьями	14	16	13
<i>Получить от жизни как можно больше удовольствий</i>	11	12	18
<i>Иметь свое дело, заниматься бизнесом, коммерцией</i>	10	14	22
Власть	6	6	5
Красота и физическое совершенство	5	5	4
Личная безопасность	5	5	0
Признание окружающих, престиж	5	7	5
Общение с природой	3	2	5
Удовлетворенность в интимной жизни	2	3	3

Примечание. Сумма превышает 100 %, поскольку один опрошенный мог дать несколько ответов одновременно. Выравнивание произведено по группе «бюджетники». Выделены параметры, разрыв по которым значим.

Достаточно сложно интерпретировать некоторые различия в ответах, особенно студентов негосударственных вузов. Если их приоритеты в отношении родительской семьи можно соотнести с возрастом, а желание иметь свое дело — с имеющимся коммерческим опытом, то более высокая (в 1,5 раза выше в сравнении со студентами государственных вузов — и бюджетниками, и контрактниками) оценка гедонистического мотива и почти вдвое бо-

более низкая оценка ценности образования и профессионализма требуют более глубокого и конкретного анализа.

Относительно устойчивыми терминальные ценности являются по отношению к профилю подготовки (табл. 90).

Таблица 90

**Влияние профиля подготовки на значимость терминальных ценностей, 2016 г.,
% от группы***

Терминальные ценности	Профиль			
	Гуманитарный	Социально-экономический	Естественно-научный	Технический
Здоровье	48	48	52	50
Семья, дети	37	33	39	40
Семья, родители	34	34	45	29
Возможность реализовать свои способности	32	31	26	27
Интересная, творческая работа	24	23	21	19
Деньги, богатство	20	20	15	27
Образование, профессионализм	17	13	17	12
Самостоятельность, независимость, свобода	15	17	11	20
Общение с друзьями	14	11	13	15
Иметь свое дело, заниматься бизнесом, коммерцией	13	13	8	12
Получить от жизни как можно больше удовольствий	9	13	21	10
Признание окружающих, престиж	6	6	5	5
Красота и физическое совершенство	5	6	3	5
Личная безопасность	5	4	9	5
Власть	4	8	0	8
Общение с природой	3	2	3	3
Удовлетворенность в интимной жизни	3	4	2	2

Примечание. Сумма превышает 100 %, поскольку один опрошенный мог дать несколько ответов одновременно.

Исключение составляют студенты, обучающиеся на естественно-научных направлениях. Эти респонденты в меньшей мере, чем другие, ориентированы на материальные ценности, они не имеют властных амбиций, их мало интересует предпринимательская деятельность. Вместе с тем будущие представители естественных наук больше думают о своем здоровье и семейных ценностях.

Самое большое влияние на иерархию терминальных ценностей оказал уровень обучения наших респондентов (табл. 91).

Таблица 91

Ценностные приоритеты в зависимости от уровня образования, 2016 г., % от группы

Терминальные ценности	Уровень образования	
	Бакалавриат	Магистратура
<i>Здоровье</i>	49	42
<i>Семья, дети</i>	36	48
<i>Получить от жизни как можно больше удовольствий</i>	34	10
Семья, родители	33	34
Возможность реализовать свои способности	25	20
<i>Деньги, богатство</i>	22	8
<i>Интересная, творческая работа</i>	21	30
<i>Самостоятельность, независимость, свобода</i>	19	2
Общение с друзьями	18	22
<i>Образование, профессионализм</i>	14	36
Иметь свое дело, заниматься бизнесом, коммерцией	13	2
<i>Власть</i>	6	0
<i>Признание окружающих, престиж</i>	6	16
Красота и физическое совершенство	5	0
Личная безопасность	5	2
Общение с природой	3	8
Удовлетворенность в интимной жизни	3	8

Примечание. Сумма превышает 100 %, поскольку один опрошенный мог дать несколько ответов одновременно. Выделены параметры, разрыв по которым значим.

Впервые в нашем мониторинге участвовали магистранты. Они продемонстрировали относительно иное качество ценностных позиций. Ядро их базовых ценностей существенным образом отличается от бакалавров. Находясь в другой возрастной группе, магистранты выше оценивают ценность

собственных семейных и родительских отношений. В рейтинге терминальных ценностей «семья и дети» занимает лидирующую позицию. На втором месте пребывает универсальная ценность здоровья. Далее следуют установки на «образование и профессионализм» и «интересную, творческую работу». И хотя в абсолютном выражении величина трудовых и профессиональных ценностей не высока (соответственно 30 % и 36 %), разрыв в сравнении с бакалаврами достаточно велик. Бакалавры втрое чаще, чем магистры, отдали предпочтение гедонистическим и материальным (деньги, богатство) ценностям.

Эклектичность и диалектичность. Если терминальные ценности в опросах 2012–2016 гг. оказались достаточно «подвижными», то вершина пирамиды инструментальных ценностей осталась традиционной, неизменной на протяжении всего мониторинга. В анкете инструментальные ценности выявлялись с помощью традиционного для мониторинга вопроса «Что, на Ваш взгляд, является основой успеха?». Среди факторов, обеспечивающих достижение успеха в жизни, по-прежнему приоритетными являются связи и знакомства с нужными людьми (рис. 144).

Рис. 144. Оценка важности инструментальных ценностей, 2016 г., в баллах (по пятибалльной системе)

Тенденция, зафиксированная еще в 1999 г., подтверждается и, более того, усиливается. Практически одинаковое процентное соотношение предпринимательской активности, надежды на собственный интеллект и способности, значимости имеющихся или приобретаемых личностью социальных ресурсов консервируют ценностное противоречие между тенденцией к постматериальным ценностным установкам и старой просоветской моделью достижения жизненного успеха.

Срединные позиции в рейтинге занимают материальные ценности («богатство», «наличие начального капитала, материальной базы для бизнеса, собственности»). В структуре инструментальных ценностей они рассматриваются студентами лишь как средство достижения жизненного успеха. В этом же ряду пребывает и ценностная позиция, отражающая специфику нравственного сознания студенческой молодежи. Для достижения личного успеха, по мнению значительной части респондентов, можно использовать любые средства, в том числе преступающие правовые нормы. Характерно, что на вопрос о допустимости нарушения закона лишь два из каждых пяти респондентов (36 %) отвергли такую возможность, заявив: «Нет, закон всегда закон». Для каждого пятого (21 %) допустимость нарушения закона соотносится с «ограничением прав личности», для каждого шестого-седьмого (15 %) нарушения возможны «во имя пользы дела», еще больше (28 %) тех, кто связывает это с самыми разными «причинами» — непонятностью законов, их быстрой сменой, декларативностью многих законов, заложенными в них «невыполнимыми нормами». Итак, почти две трети опрошенных считают, что нарушения законов вполне допустимы, если на это есть веские причины. Собственный правовой нигилизм молодежь объясняет несовершенством законодательства, существованием в обществе двойной морали («законы пишутся не для всех»), плохой правоприменительной практикой. Каждый пятый признает верховенство прав личности над юридическими нормами и законами. «Живем только один раз, поэтому нужно постараться взять от жизни как можно больше» — базовый принцип отношения к жизни у половины наших респондентов, без всяких ограничений в выборе средств.

Самой подвижной в опросе 2016 г. стала ценность образования. Значимость образования продолжает снижаться. Образование как фактор достижения жизненного успеха у студентов пребывает на нижнем уровне рейтинговой шкалы. Ценность образования нивелируется не только на терминальном, но и на инструментальном уровне. Образование зачастую рассматривается как средство перспективного конкурентоспособного положения на рынке труда и лишь затем как способ приобретения знаний. Напомним, что каждый четвертый в нашем опросе ориентирован на получение любого образования с минимальными усилиями — лишь бы получить диплом.

Важный момент: недооценка роли высшего образования студентами, его получающими, приходит в определенное противоречие с достаточно высокими его оценками в общественном мнении россиян, судить о чем можно по результатам опроса ВЦИОМ (2013 г. — рис. 145).

Рис. 145. Оценка россиянами роли высшего образования для достижения успеха в жизни. ВЦИОМ, 2013 г.¹

Парадоксальность ситуации возрастает с учетом уже отмеченной удовлетворенности большинства респондентов и вузом, и осваиваемой (далеко не всегда для будущей работы) специальностью. Что за этим?

Значимое влияние на иерархию инструментальных ценностей оказывает уровень обучения (рис. 146).

У магистрантов существенно повышается значимость ценности образования — в рейтинге она, перемещаясь на третье место, попадает в ядро ценностного сознания студентов, наряду с личной предприимчивостью и социальным капиталом.

Образование как средство достижения жизненного успеха в большей степени имеет значение для студентов гуманитарных направлений подготовки и девушек (табл. 92–93). На собственный интеллект и способности в большей мере уповают представители естественных наук. Позиции экономистов и технарей приближены к средним по массиву значениям.

¹ Без какого диплома не добиться успеха в жизни. Всероссийский опрос ВЦИОМ. 31.08–01.09. 2013 (N = 1600 чел.) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114462>

Рис. 146. Значимость инструментальных ценностей у бакалавров и магистров (средний балл), 2016 г.

Таблица 92

Влияние профиля обучения на значимость инструментальных ценностей (средний балл)

Инструментальные ценности	Профиль обучения			
	Гуманитарный	Социально-экономический	Естественно-научный	Технический
Связи, знакомства	4,33	4,22	4,18	4,11
Собственный интеллект, способности	4,20	4,18	4,29	4,22
Деловая хватка, прагматизм, предприимчивость	4,18	4,26	4,29	4,14
Профессионализм, деловые качества, компетентность	4,16	4,08	4,12	4,00
Богатство	3,94	4,00	3,88	3,98

Окончание табл. 92

Инструментальные ценности	Профиль обучения			
	Гуманитарный	Социально-экономический	Естественно-научный	Технический
Образование	3,92	3,68	3,86	3,58
Влиятельные родственники, родители	3,84	3,88	4,02	3,70
Наличие начального капитала, материальной базы для бизнеса, собственности	3,83	3,81	3,70	3,62
Умение использовать любые средства для достижения цели	3,65	3,75	3,96	3,85
Власть	3,55	3,60	3,62	3,69
Обаятельность, хорошая внешность, личная привлекательность	3,54	3,36	3,56	3,36
Везение, удача, счастливый случай	3,25	3,09	3,44	3,19

Таблица 93

Гендерные оценки инструментальных ценностей (средний балл)

Параметры	Пол	
	Муж.	Жен.
Связи, знакомства	4,18	4,24
Собственный интеллект, способности	4,13	4,27
Деловая хватка, прагматизм, предприимчивость	4,08	4,29
Богатство	4,04	3,92
Профессионализм, деловые качества, компетентность	3,91	4,20
Умение использовать любые средства для достижения цели	3,90	3,70
Власть	3,79	3,51
Влиятельные родственники, родители	3,78	3,84
Наличие начального капитала, материальной базы для бизнеса, собственности	3,65	3,80
Образование	3,53	3,88
Обаятельность, хорошая внешность, личная привлекательность	3,37	3,50
Везение, удача, счастливый случай	3,16	3,25

В гендерном распределении оценок наибольшие различия имеют место в таких инструментальных ценностях, как образование, профессионализм и компетентность, личная предприимчивость, наличие хорошего материального старта.

Достижение жизненного успеха зависит не только от объективных факторов и субъективных ценностных предпочтений, но и во многом от определенного набора личностных свойств. Дополнением к характеристике инструментальных ценностей стало выявление наиболее приоритетных личностных качеств респондентов. Использование метода экспертной оценки «взгляд со стороны» позволило составить групповой социокультурный портрет современного студенчества. Респондентам 2016 г., как и их предшественникам, было предложено ответить на следующий вопрос: «Что, по Вашему мнению, наиболее характерно для большинства Ваших сверстников?». Динамика данных представлена в табл. 94–95.

Таблица 94

Динамика оценок личностных качеств, в % по каждому параметру

Личностные качества	1999	2003	2007	2009	2012	2016
Юмор, жизнерадостность	30	47	45	44	45	49
Интерес к жизни, готовность воспринять новое	20	29	36	33	31	30
Бездуховность, отсутствие идеалов и стойких убеждений	21	25	26	25	25	25
Равнодушие, безволие, отсутствие интереса к жизни	15	22	16	17	21	24
Зависть, недоброжелательность	13	20	18	16	19	24
Грубость, хамство, агрессивность	16	25	34	30	32	23
Энергичность, предприимчивость, деловые способности	24	35	34	29	21	21
Отзывчивость, желание понять, помочь	9	16	15	18	20	19
Терпение, выносливость, умение переносить трудности	15	18	14	15	15	14
Растерянность, страх, непонимание того нового, что происходит в жизни	6	8	6	7	8	12
Порядочность, честность, добросовестность	6	9	8	8	11	8

Примечание. Сумма превышает 100 %, поскольку один опрошенный мог дать несколько ответов одновременно.

Если не принимать во внимание статистические погрешности, можно выделить три типа динамических изменений личностных качеств в социокультурном портрете студенческой молодежи: относительную устойчивость, положительная динамику, отрицательную динамику.

Таблица 95

Динамика оценок личностных качеств (по рангу)

Личностные качества	1999	2003	2007	2009	2012	2016
Юмор, жизнерадостность	I	I	I	I	I	I
Интерес к жизни, готовность воспринять новое	IV	III	II	II	III	II
Бездуховность, отсутствие идеалов и стойких убеждений	III	IV	V	V	IV	III
Равнодушие, безволие, отсутствие интереса к жизни	VI	VI	VII	VII	VI	IV
Зависть, недоброжелательность	VIII	VII	VI	VIII	VIII	V
Грубость, хамство, агрессивность	V	V	IV	III	II	VI
Энергичность, предприимчивость, деловые способности	II	II	III	IV	V	VII
Отзывчивость, желание понять, помочь	IX	IX	VIII	VI	VII	VIII
Терпение, выносливость, умение переносить трудности	VII	VIII	IX	IX	IX	IX
Растерянность, страх, непонимание того нового, что происходит в жизни	X	XI	XI	XI	XI	X
Порядочность, честность, добросовестность	XI	X	X	X	X	XI

Относительно устойчивыми на протяжении последних этапов мониторинга являются такие качества, как «терпение, выносливость, умение переносить трудности», «порядочность, честность, добросовестность», «интерес к жизни, готовность воспринять новое», «бездуховность, отсутствие идеалов и стойких убеждений» (рис. 147).

Рис. 147. Относительно устойчивые личностные качества, % от группы

Не имея ясных и сформированных идеологических и политических ориентаций, студенческая молодежь готова терпеливо переносить все жизненные трудности, сохраняя одно из главных поколенческих свойств — готовность воспринимать все новое и интересное.

Положительная динамика характерна для другого набора личностных качеств — «юмор, жизнерадостность», «равнодушие, безволие, отсутствие интереса к жизни», «зависть, недоброжелательность» (рис. 148).

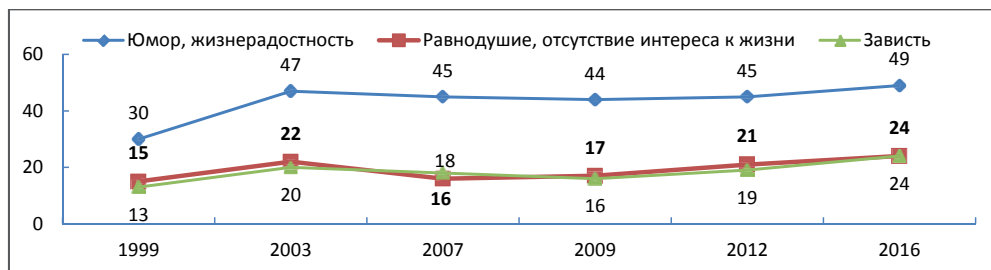

Рис. 148. Положительная динамика набора качеств, % от группы

На фоне юношеской жизнерадостности и оптимизма растет равнодушие, отсутствие интереса к жизни сопровождается усилением зависти и недоброжелательности к людям.

Эту негативную тенденцию дополняет снижение удельного веса такой необходимой для достижения всех жизненных притязаний личности, как «энергичность, предприимчивость, деловые способности» (рис. 149).

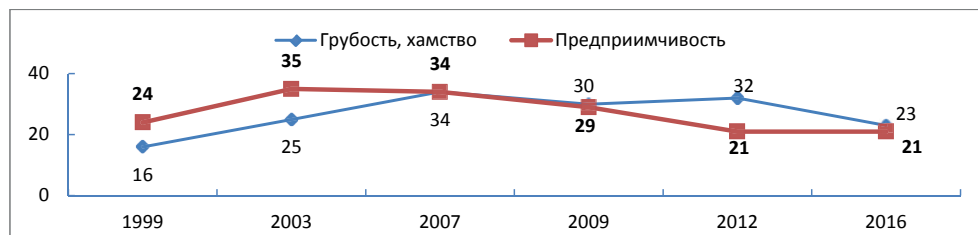

Рис. 149. Отрицательная динамика набора качеств, % от группы

Распределение оценок респондентов на VII этапе (2016 г.) позволяет выстроить иерархию личностных качеств, выделить группу доминирующих и аутсайдерских характеристик (табл. 96).

Портрет личностных качеств остается таким же противоречивым, как и в прошлые годы мониторинга. В первую очередь это относится к двум группам качеств, определяющих как базовое, экзистенциальное «отношение к жизни» (рис. 150), так и «отношение к людям» (рис. 151).

Таблица 96

Современный социокультурный портрет современного студента, % ответивших

Личностные качества	2016
Юмор, жизнерадостность	49
Интерес к жизни, готовность воспринять новое	30
Бездуховность, отсутствие идеалов и стойких убеждений	25
Зависть, недоброжелательность	24
Равнодушие, безволие, отсутствие интереса к жизни	24
Грубость, хамство, агрессивность	23
Энергичность, предприимчивость, деловые способности	21
Отзывчивость, желание понять, помочь	19
Терпение, выносливость, умение переносить трудности	14
Растерянность, страх, непонимание того нового, что происходит в жизни	12
Порядочность, честность, добросовестность	8

Примечание. Сумма превышает 100 %, поскольку один опрошенный мог дать несколько ответов одновременно

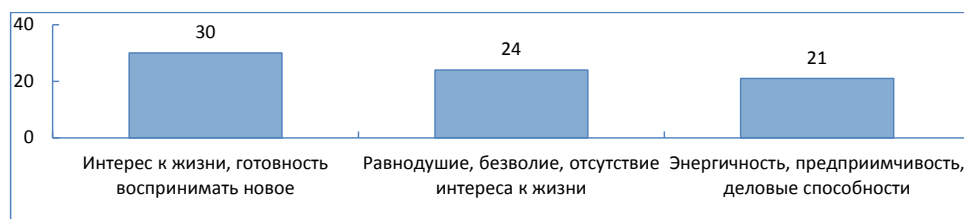

Рис. 150. Отношение к жизни, 2016 г., % от группы

В группе экзистенциальных качеств каждый третий студент отмечает у своих сверстников интерес к жизни, но каждый четвертый — его отсутствие. Только один из пяти респондентов признает готовность молодых людей своего поколения быть предприимчивыми, энергичными, прилагать к достижению успеха свои деловые способности.

В группе коммуникативно-нравственных качеств весьма распространены у сверстников, по мнению опрошенных, являются «грубость, хамство, агрессивность» (отмечено каждым четвертым), «зависть, недоброжелательность, агрессивность» (отмечено каждым четвертым). Вместе с тем присутствуют и полярные характеристики — «отзывчивость, желание понять, помочь» (отмечено каждым пятым), «порядочность, честность, доброжелательность» (к сожалению, отмечено каждым двенадцатым) (рис. 151).

Процессы дифференциации и материального расслоения общества, возникшие при переходе к рыночным отношениям, закономерно приводят к расширению зоны десоциализации, маргинализации и люмпенизации мо-

лодежи — растерянности; апатии, пессимизму молодых людей; неверию их в будущее, в возможности реализовать свои интересы никаким другим путем, кроме как отклоняющимся от нравственных и правовых норм. Испытанные самим респондентом сложности в социальной адаптации определяют мнение практически каждого десятого опрошенного о присущем их сверстникам чувстве растерянности, страха, непонимания того нового, что происходит в жизни.

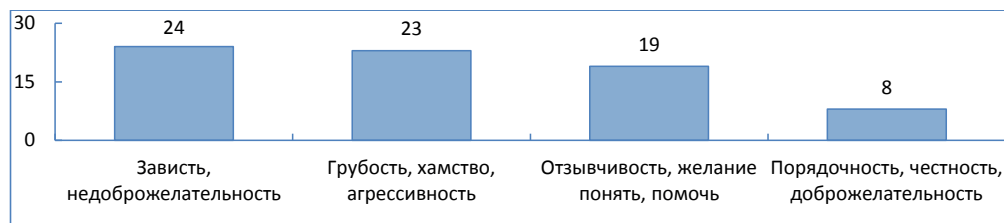

Рис. 151. Отношение к людям, 2016 г., % от группы

Процесс взросления и усложнение профессиональной социализации, связанный с переходом на второй уровень обучения, смягчает отрицательную модальность некоторых коммуникативно-нравственных качеств, но одновременно усиливает неоднозначность динамики экзистенциальных (табл. 97).

Таблица 97

Влияние уровня обучения на оценку личностных качеств сверстников, 2016 г., % ответивших

Личностные качества	Уровень обучения	
	Бакалавры	Магистранты
Юмор, жизнерадостность	47	44
Интерес к жизни, готовность воспринять новое	28	34
Бездуховность, отсутствие идеалов и стойких убеждений	26	32
Отзывчивость, желание понять, помочь	25	36
Равнодушие, безволие, отсутствие интереса к жизни	25	7
Зависть, недоброжелательность	24	3
Грубость, хамство, агрессивность	23	15
Энергичность, предприимчивость, деловые способности	21	24
Терпение, выносливость, умение переносить трудности	14	32
Растерянность, страх, непонимание того нового, что происходит в жизни	11	23

Окончание табл. 97

Личностные качества	Уровень обучения	
	Бакалавры	Магистранты
Закрытость, отрицание всего нового	6	15
Порядочность, честность, добросовестность	6	8

Примечание. Сумма превышает 100 %, поскольку один опрошенный мог дать несколько ответов одновременно.

Так, мнение студентов магистратуры и студентов бакалавриата о современной молодежи совпадают лишь по высокой оценке юмора и жизнерадостности, средней оценке энергичности, предприимчивости, деловых способностей, низкой оценке порядочности, честности, добросовестности. Бакалавры намного чаще магистров отмечают у сверстников равнодушие, безволие, отсутствие интереса к жизни; зависть, недоброжелательность; чаще — грубость, хамство, агрессивность. Их оценки, таким образом, более критические. Оценки магистров (возможно, сказываются возрастные особенности) более разнородны. С одной стороны, они чаще отмечают позитивные качества сверстников (интерес к жизни, готовность воспринять новое; терпение, выносливость, умение переносить трудности), но и более резки в осуждении их бездуховности, растерянности и страха.

Институциональность и персональность. Институциональные изменения системы высшего профессионального образования, связанные с внедрением уровневой подготовки специалистов различного профиля (бакалавриат, магистратура, аспирантура) должны обеспечивать не только преемственность обучения, но и появление нового качества профессионального и социокультурного потенциала новой генерации профессиональных кадров. Исследование магистров и аспирантов технических направлений и специальностей в 2014–2015 гг. зафиксировало влияние индивидуальных мотивационных различий и профессиональных установок респондентов разных уровней обучения на иерархию терминальных и инструментальных ценностей. У магистров в сравнении со студентами растет значимость профессиональных ценностей, у аспирантов существенно повышается ценность самореализации и падает значимость материальных ценностей. Чем выше уровень обучения, определенность профессиональных планов и степень устойчивости профессиональных ценностей, тем сильнее закрепляется тенденция к повышению значимости собственной активности, личной предприимчивости, профессиональной образованности в иерархии инструментальных ценностей.

Институциональность и персонифицированность оценок проявляется в распределении оценок личностных качеств по вузам. При этом мы ограничимся «информацией к размышлению», не пытаясь объяснить довольно значительные различия (рис. 152–155).

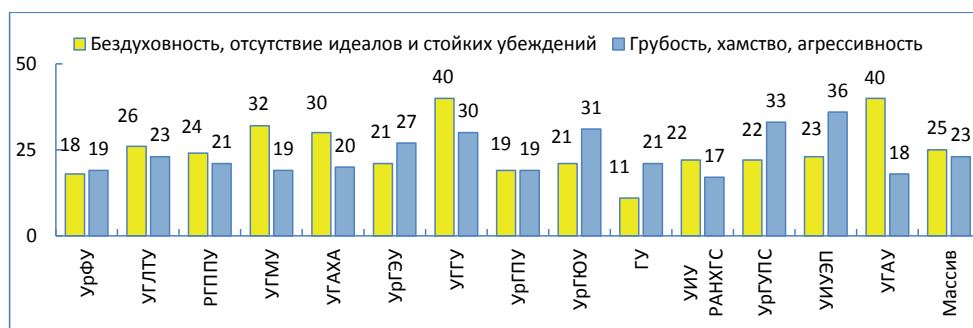

Рис. 152. Оценка качеств сверстников (бездуховность; грубость, хамство), 2016 г., по вузам, % от группы

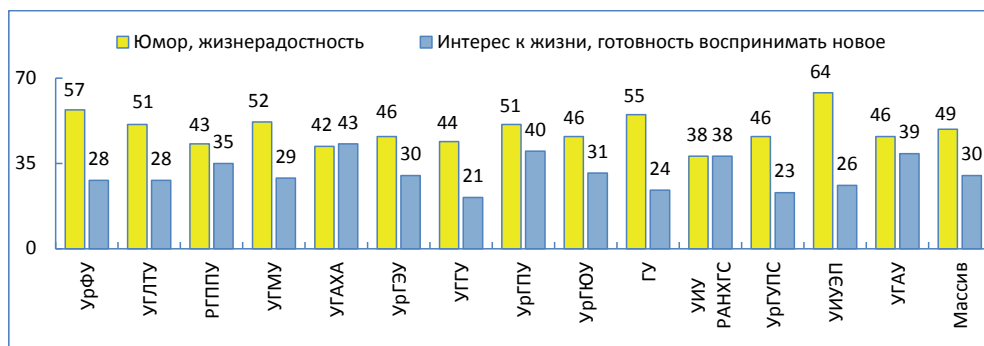

Рис. 153. Оценка качеств сверстников (юмор, жизнерадостность; интерес к жизни, готовность воспринимать новое), 2016 г., по вузам, % от группы

Рис. 154. Оценка качеств сверстников (зависть, недоброжелательность; равнодушие, безволие), 2016 г., по вузам, % от группы

Рис. 155. Оценка качеств сверстников (энергичность, предприимчивость; отзывчивость, желание помочь, понять), 2016 г., по вузам, % от группы

При всей относительности приведенных выше данных они могут быть интересными для специалистов по воспитательной работе наших уральских вузов.

Традиционность и инновационность. Социологические опросы последних пятнадцати лет в качестве основного вывода фиксируют ценностно-нормативный кризис российской молодежи, связанный с переоценкой традиционных ценностей предшествующих поколений. Будучи справедливым для старшего поколения, воспринимающего крушение ценностей и идеалов советского общества как катастрофу (и общественную, и личностную), вряд ли этот вывод правомерен для молодежи. Для молодого поколения характерно становление ценностно-нормативной системы, что означает действие иных механизмов, нежели в ситуации переоценки ценностей. В условиях смены идеологических приоритетов процесс социализации, определяемый передачей молодому поколению норм и традиций, выработанных предшествующими поколениями, нарушился. Старшему поколению с традиционной просоветской системой ценностей сложно адаптироваться к новым социально-экономическим условиям. Молодому поколению еще сложнее, так как у него своей системы ценностей еще нет. По меткому выражению Э. Эриксона, молодой человек «должен как акробат на трапеции, одним мощным движением опустить перекладину детства, перепрыгнуть и ухватиться за следующую перекладину зрелости. Он должен сделать это за очень короткий промежуток времени, полагаясь на надежность тех, кого он должен отпустить, и тех, кто его примет на противоположной стороне»¹.

Социализационные процессы, перестав быть традиционными, стали носить непредсказуемый, стихийный и малоуправляемый характер. В этих ус-

¹ Цит. по: Петрановская Л. Этапы детства [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://pro-mama.ru/article/etapy-detstva/> (дата обращения: 17.10.2016).

ловиях молодежные представления о ценностях имеют ноуэвистский характер и индивидуально-личностную направленность, связанную с ориентациями на такие ценности, которые могут обеспечить в будущем высокий статус молодого человека. Стремление молодежи соединить либеральные ориентации (приватность, материальное благополучие, богатство, независимость и свобода, личная предприимчивость) с традиционными российскими ценностями (патернализм, социальность, безопасность) формирует ценностное сознание по принципам бинарности и линейной совместимости, комплиментарности ценностных предпочтений.

Завершить анализ динамики ценностных ориентаций и установок нам хотелось бы (дабы увидеть, насколько типичной или своеобразной была эта динамика), обратившись к мнениям авторитетных социологов молодежи, фиксировавших ценностные установки российской молодежи в узловые периоды нашего мониторинга.

Первое — мнение Н. Зоркой на рубеже 1990–2000-х гг.:

- «и среди населения в целом, и среди молодых россиян мнение о том, что начатые реформы вообще были не нужны, распространено в наименьшей степени» (2001, С. 24);
- «и среди молодых поколений наблюдается довольно заметная чувствительность к ... мифам» («традиционалистские ориентации и великодержавные, имперские комплексы») (2001, С. 25);
- большинство «предпочитают тактики простого воспроизводства или „выживания“ (способность „вертеться, крутиться“, готовность брать-ся за любое дело, лишь бы оставаться на плаву. Иными словами, личная активность в основном оценивается респондентами в категориях „вынужденного поведения“»¹;
- «молодежи, в отличие от населения в среднем и особенно старшего поколения, присуща высокая степень удовлетворенности жизнью»;
- «молодым поколениям в большей мере свойственно отчетливое проявление приверженности к ценностям индивидуализма, личной инициативы, самостоятельности»;
- «одна пятая молодых россиян полагают, что успеха в жизни можно добиться и при любом образовании, причем этой точки зрения придерживаются как малообразованная молодежь, так и молодые люди, получившие высшее образование»;
- «для молодежи характерна значительная устойчивость государственно-патерналистских стереотипов»².

Второе — это мнение Ю. А. Зубок. Уже в начале 2000-х гг. она зафиксировала серьезные перемены в установках молодых: «Тенденция отхода поко-

¹ Зоркая Н. Молодежь: типы адаптации, оценка перемен, установка на социальное достижение // Мониторинг общественного мнения. — 2001. — № 2 (52). — С. 24–26.

² Зоркая Н., Дюк Н. М. Ценности и установки российской молодежи // Мониторинг общественного мнения. — 2003. — № 4 (66). — С. 66, 69.

ления современной российской молодежи от таких прежде высокочтимых традиционных коллективистских ценностей, как соотнесение с поколением, чувство Родины, равенство условий и доходов, и их замена ориентациями либерального характера, ориентациями индивидуалистическими — комфорт для себя и своей семьи, нежелание жить, как все, наоборот, стремление быть яркой индивидуальностью»¹.

Более позднее интервью Ю. А. Зубок отразило настроения молодежи в 2000–2010-е гг.

1. «Успешно насаждаемые стандарты общества потребления стирают границы — большинству хотелось бы всего и сразу, здесь и сейчас. Разные социальные группы начинают вести схожий образ жизни. Их объединяет ускорение, стремление не отстать, быть в тренде. Нужно успеть попробовать все новые блага и впечатления, которые дает современное общество. Ради этого определенные категории молодежи готовы на многое. Возможности так быстро меняются, что молодой человек оказывается в бесконечной гонке, а дальше, кто сколько выдержит. А чтобы не упустить ни единого шанса, все схватывается по верхам. По-быстрому получить поверхностные знания. По-быстрому с кем-нибудь задружиться, не углубляясь в отношения. Этакая жизнь «на скорую руку», которую мы называем инстант-культура² или жизнь по ускоренному, «быстрорастворимому» образцу».

2. «Приспосабливаясь к условиям текучести событий и времени, молодые люди рационализируют свою жизнь. Многие из них тем, что ищут апробированные рецепты и не обременяют себя долгосрочными привязанностями. Для такой молодежи инструментально все — любовь, дружба, удовольствие, страна проживания... Во многом поэтому идентичности в молодежной среде становятся все более ситуативными»³.

Заметно, что и в установках наших студентов проявились общие для всей молодежи тренды. И все-таки сам факт обучения в вузе заметно — в позитивном плане — повлиял на их ценностное сознание.

Подводя итог характеристике ценностного сознания наших студентов, следует еще раз отметить, что молодежная, студенческая среда четко копирует и зеркальным образом отражает в себе наиболее значимые происходящие в российском обществе изменения. Сложные общественные явления, неоднозначность и неоднородность политических и экономических событий влияет на формирование ее социальных идеалов и ценностей. У студенческой молодежи, как и в обществе в целом, отсутствует единая устоявшаяся система и иерархия ценностей. Сосуществование преемственности традиционных

¹ Зубок Ю. А., Яковук Т. И. Духовная жизнь молодежи в трансформирующемся обществе / науч. ред. В. Сломский. — Брест: Альтернатива, 2008. — С. 148.

² От англ. *instant* — мгновенный, немедленный, незамедлительный, моментальный, быстрый.

³ Поколение шаблонов (Интервью Ю. Зубок) // Российская газета, 2014. 22 октября.

ценностей, исторически присущих нашей ментальности, и распространяющихся новых либеральных (потребительских) интересов свидетельствует о неоднозначности, противоречивости и дифференцированности ценностного сознания молодежи. Сочетание несочетаемого — базовая характеристика сознания молодежи и его главная ценность. За объединением, «фьюженским» слиянием абсолютных противоположностей скрывается и еще одна принципиальная характеристика студенчества — неординарность его актуального выбора и возможных перспективных решений.

Изучение динамики ценностных ориентаций молодежи не только выявляет основные доминанты реформенных процессов, определяющих и фундирующих этот процесс, но и создает научную основу для эффективного прогнозирования различных социальных трансформаций, управления ими. Развитие ценностного сознания молодежи, его перспективная модальность зависит не только от макросоциальных и экономических условий, но и от специфики ближайшей социокультурной среды — семьи, вуза, особенностей корпоративной культуры того или иного образовательного учреждения, применяемых в нем форм и методов воспитания студентов. Процесс формирования цивилизованного, продуктивно осмысленного менталитета должен быть регулируемым и управляемым. И в этом огромную роль должны сыграть как объективные условия жизнедеятельности, так и последовательная система воспитания и пропаганды гражданских ценностей.

6. Гражданская культура студенчества

Государство есть совокупность граждан.

Аристотель

Как только кто-либо говорит о делах государства:
«Что мне до этого?» — следует считать, что государство погибло.

Родина не может существовать без свободы,
свобода без добродетели, добродетель без граждан.

У вас будет все, если вы воспитаете граждан;
без этого у вас все, начиная с правителей государства,
будут лишь жалкими рабами. Однако воспитать граждан —
дело не одного дня; и чтобы иметь граждан-мужей,
нужно наставлять их с детского возраста.

Жан-Жак Руссо

Важной *социокультурной характеристикой* современного студенчества является его гражданская культура, культура гражданственности¹. В условиях

¹ См.: Казаков Е. С., Шапко В. Т., Чегодаева Т. А. Культура гражданственности. — Екатеринбург : УГТУ-УПИ, 2004. — 175 с.; Гражданская культура современного российского сту-

модернизации российского социума в постсоветский период произошла актуализация понятий «гражданская культура», «гражданское общество», «гражданственность». Демократизация общества соотносилась с «гражданским ремонтом» (термин американского социолога Дж. Александра)¹. И сегодня гражданское общество рассматривается как «индикатор демократизации Российской Федерации»². Однако справедливо мнение Л. Ионина, что «нынешнее состояние исследований гражданского общества, несмотря на большое внимание, уделяемое этому феномену, как учеными, так и практически деятелями, трудно признать успешным. Это касается как исторического, так и теоретического, и практического аспектов изучения»³.

Понятие «гражданское общество» является исходным в анализе гражданской культуры. И в зарубежной, и в отечественной социологической и политологической литературе проявляется многообразие его трактовок и определений, подходов к изучению проблем формирования и функционирования гражданского общества как социального явления. Это даже порождало трактовку данного понятия как «политического штампа», которому в современном словоупотреблении свойственна «смысловая много-вариантность»⁴. При этом наш подход к этим проблемам скорее определяется ракурсом, заданным В. Федотовой, — какая политическая культура нужна гражданскому обществу.⁵

В рамках анализа гражданского общества для нас важно выявить становление концепции гражданской культуры. В этой связи примечательно, что в недавней обобщающей работе о гражданском обществе среди его функ-

денчества. — Екатеринбург : УГТУ-УПИ, 2007; Гражданская культура современного студенчества : материалы Междунар. конф., посвященной 50-летию ССА-РОС. — Екатеринбург : УГТУ-УПИ, 2007; Вишневский Ю. Р., Трынов Д. В., Шапко В. Т. Гражданская культура студентов: тенденции и проблемы формирования // Социологические исследования. — 2009. — № 4. — С. 108–117; Shapko V. T., Trynov D. V., Vishnevskij J. R. Tendencies and Problems in the Shaping of College Students' Culture of Citizenship // Russian education and society. — 2011. — Vol. 52, iss. 4. — P. 63–80; Игошев Б. М., Рубина Л. Я. Гражданская активность студенческой молодежи: концептуальный словарь // Политическая лингвистика. — 2010. — № 4. — С. 41–49.

¹ См.: Александер Дж. Прочные утопии и гражданский ремонт // Социологические исследования. — 2002. — № 10. — С. 3–10; Alexander J. Contradictions: Uncivilizing Pressures of Space, Time, and Function // Soundings. — 2000. — Vol. 16, autumn. — P. 96–112.

² Левин А. А. Гражданское общество как индикатор демократизации Российской Федерации // Вестник Забайкальского гос. ун-та. — 2016. — Т. 22. — № 2. — С. 55–62.

³ Ионин Л. Теоретико-методологические основы изучения гражданского общества [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.civisbook.ru/files/File/Ionin_L_G.pdf (дата обращения: 02.12.2016).

⁴ Кола Д. Гражданское общество // Ферро М., Афанасьев Ю. (ред.) 50/50: Опыт словаря нового мышления. — М. : Прогресс, 1989. — 560 с.

⁵ Федотова В. Какая политическая культура нужна гражданскому обществу? [Электронный ресурс] : доклад на четвертом семинаре «Философия в публичном пространстве» 30 октября 2012 г. — Режим доступа: <http://www.intelros.ru/seminary/filosofiya-v-publichnom-prostranstve/> (дата обращения: 02.03.2016).

ций особенно подчеркиваются функции «социализации», «укрепление социального капитала», «посредничества между обществом и государством»¹.

Гражданское общество как специфическая форма социальной самоорганизации отличается сложностью и многоаспектностью. Характерна постановка проблемы российским исследователем И. И. Кравченко²:

- является ли общество «гражданским» уже потому, что оно складывается из граждан;
- идет ли речь о гражданстве, правовой принадлежности к определенному государству;
- не является этот термин еще одним определением общества, наряду с другими. Почему оно «гражданское», а не «индустриальное», «богатое», «светское», «советское» и т. д. В чем может быть для нас сейчас действительный смысл обращения к тематике и идеям гражданского общества?

Следовательно, гражданское общество является качественным состоянием общественного организма, производимым социальными действиями индивидов в рамках особой культуры. Такое представление базируется на социокультурном подходе и находит выражение в разработке понятий «культура гражданственности», «гражданская культура».

В концепции Т. Парсонса гражданство рассматривается как новый тип «социетального членства людей», приходящий на смену «подданства».

Первый этап данного процесса он соотносит с «созданием юридических или гражданских рамок, совершенно по-новому определивших пограничные отношения между социетальным сообществом и правительством или «государством», с определением «прав» гражданина, защита которых превратилась в первейшую обязанность государства».

Второй этап («фаза») связан «в основном с участием граждан в общественных делах».

Наконец, третий этап связан с «социальным компонентом» — «с созданием реальных условий для лучшего пользования» гражданскими правами и избирательным правом³.

Современная концепция гражданского общества начала формироваться во второй половине XX в. под воздействием нескольких факторов. Большое влияние оказали результаты исследований политической культуры, в ходе которых было обнаружено серьезное противоречие между наблюдаемой действительностью и результатами исследований. Точнее, в обществах с наибо-

¹ Paffenholz T. Civil society and peacebuilding : a critical assessmen. — Boulder : Lynne Rienner Publishers, 2010. — 511 p.

² Кравченко И. И. Концепция гражданского общества в философском развитии [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.civisbook.ru/files/File/Kravchenko_1991_5.pdf (дата обращения: 02.12.2016).

³ См. Парсонс Т. Система современных обществ : пер. с англ. Л. А. Седова и А. Д. Ковалева / под ред. М. С. Ковалевой. — М. : Аспект-Пресс, 1997. — С. 36—37.

лее развитой, устойчивой демократией наблюдалось преобладание наиболее «низких» уровней политической культуры, характеризующихся политической пассивностью индивида и отсутствием у него устойчивого интереса к политике. В таких обществах наблюдается ослабление политического представительства, общественные интересы стремятся получить более прямое выражение благодаря отдельным от партий общественным движениям¹. Это и подтолкнуло исследователей к концепции гражданского общества, которое стало пониматься как часть социального организма, существующая независимо от государства, решающая социальные проблемы, реализующая свои цели за счет деятельности отдельных граждан и их объединений.

Другим фактором, давшим исследованиям гражданского общества новый импульс, стала критика массовой демократии, развернутая некоторыми представителями современной социальной науки. В условиях массовой демократии граждане удалены от реальных процессов принятия решений политическими (в том числе партийными) элитами, которые узурпируют политическую активность, оставляя рядовым гражданам только возможность формального волеизъявления, в результате которого институционализируются только решения большинства. Выборы (основной механизм участия в массовой демократии) определяют только персоналии руководства безотносительно мотивов и содержания их деятельности, что практически нейтрализует политическое участие. В целях достижения политической легитимности власть обеспечивает реализацию потребительских интересов личности, нейтрализуя роль гражданина и искусственно раздувая роль клиента бюрократических структур². Культура в таких обществах теряет свои идеологические функции, не вскрывает противоречий между должным и сущим в системе общественных отношений, общественный дискурс разворачивается вокруг искусственно формируемых, низких по интеллектуальному содержанию потребностей. Это открывает элитам и бюрократическим структурам возможность манипуляций рядовыми гражданами для реализации собственных, зачастую корыстных, целей³. Эти недостатки массовой демократии исправляются путем формирования гражданского общества.

Из числа крупных мыслителей современности, придерживающихся такой позиции, можно выделить Ю. Хабермаса⁴, рассматривающего гражданское общество в первую очередь в качестве добровольных ассоциаций граждан, возникающих вне деятельности государственной администрации и рынка.

¹ Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. — М. : Научный мир, 1998. — С. 51.

² См.: Хабермас Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // Теоретическая социология. Антология. Т. 2. — М., 2002. — С. 353–372.

³ См.: Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. — М. : REFL-book, 1994. — 368 с.

⁴ См.: Хабермас Ю. Указ. соч.

Выделяя ассоциированную вне государства и рынка общественность, Ю. Хабермас, однако, подчеркивает ее включенность в политический дискурс в качестве сферы, производящей и консолидирующей интересы граждан¹. В социально-политической системе данный мыслитель выделяет новый принцип разделения властей: власть административная и власть коммуникативная; ассоциации общественности и составляют коммуникативную власть. Смысл демократического государства сводится к определению институциональных форм общества, к своеобразному обслуживанию, сервису. Необходимо отметить, что Ю. Хабермас включает в гражданское общество не только общественные структуры, но и неассоциированную общественность («сферу необобщенной деятельности индивидов»²).

Развивая идеи Ю. Хабермаса, Э. Арато и Дж. Коэн обратили основное внимание на посредническую роль гражданского общества во взаимоотношениях между индивидом и государством³.

Однако концепция Ю. Хабермаса не бесспорна, и главным оппонентом данного мыслителя, оспаривающим многие его выводы, является М. Фуко. В целом для Ю. Хабермаса принципиальным вопросом является, как достичь консенсуса либо компромисса между большинством и меньшинствами в рамках единого политического дискурса, коммуникации, в которую органично включается государство, являющееся своеобразным партнером общества, уполномоченным законом. Именно взгляды на роль государства и на вытекающий из этого порядок взаимоотношений государства и гражданского общества составляют основное различие концепций двух мыслителей. Для М. Фуко государство, всякая власть (в том числе и демократическая) является принципиальным ограничителем свободы. Закон, институты, политические линии и планы (элементы политического дискурса) не дают никаких гарантий свободы, равенства и демократии. Задача гражданского общества, по М. Фуко, не поиск консенсуса, а острая критика внешне нейтральных государственных институтов, выявление осуществляемого ими скрытого насилия и борьба с ним. Соппротивление и борьба, в противоположность консенсусу (или компромиссу), — вот для М. Фуко самая надежная основа для практики свободы⁴. Во многом такая позиция перекликается со взглядами на гражданское общество, получившими распространение в связи с постсоциалистическими преобразованиями в государствах Восточ-

¹ Хабермас Ю. Отношения между системой ... — С. 353–372.

² Резник Ю. М. Гражданское общество как понятие // Социально-гуманитарные знания. — 2002. — № 2. — С. 154.

³ Cohen J., Arato A. Civil Society and Political Theory. New Baskerville, 1999. (Рус. пер.: Коэн Дж., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. — М.: Весь мир, 2003. — 784 с.); см.: Резник Ю. М. Гражданское общество как понятие // Социально-гуманитарные знания. — 2002. — № 2. — С. 154.

⁴ Фливиберг Б. Хабермас и Фуко: мыслители для гражданского общества // Вопросы философии. — 2002. — № 2. — С. 148–149.

ной Европы. В таких концепциях гражданское общество противопоставляется государству, отождествляется с политическим диссидентством,¹ является эффективным средством против усиления государственной власти².

При более внимательном рассмотрении концепций вышеназванных мыслителей можно отметить, что они в большей степени взаимно дополняют друг друга. Основное внимание Ю. Хабермас уделяет компромиссу между различными общественными силами, а не компромиссу между обществом и государством (которое не обладает самостоятельной политической волей, проявляя активность лишь в наблюдении за выполнением правил общественно-политической игры и в институционализации компромиссных решений). В то же время государство нуждается в постоянном контроле со стороны общественности, так как в реализации государственной власти могут принять участие нечистоплотные в политическом плане индивиды и группы, стремящиеся использовать этот инструмент для достижения корыстных индивидуальных и групповых целей. В этом случае государство может стать источником явного или скрытого насилия, что требует незамедлительной реакции со стороны общественных организаций и движений.

С последней четверти XX в. на понимание гражданского общества в западном гуманитарном знании оказала влияние концепция социального капитала Дж. Коулмэна. Социальный капитал характеризует систему связей между актёрами социальных отношений и не зависит ни от самих актёров, ни от средств производства³. Он является производным от ценностей и неформальных норм, разделяемых представителями сообщества и делающими возможным их сотрудничество⁴. Основными характеристиками социального капитала являются взаимное доверие, способность к сотрудничеству, партнерство. Социальный капитал считается условием нормального функционирования гражданского общества. Он позволяет разнородным группам объединяться и сотрудничать, чтобы защищать свои интересы, которыми в противном случае может пренебречь могущественное государство⁵.

Под гражданским обществом Ф. Фукуяма понимает совокупность групп, формируемых на основе социального капитала — разделяемых общих ценностях, интересах, стремления к сотрудничеству, взаимопомощи. Однако

¹ Keane J. Civil Society and the State. L., 1988.— P. 301. Цит. по: Беляева Ю. Н. Гражданские ассоциации и государство // Социологические исследования. — 1995. — № 11. — С. 109. См.: Сытин А. Г. Гражданское общество и государство в концепции демократии Джона Кина // Каспийский регион: политика, экономика, культура. — 2013. — № 3 (36). — С. 101–110; Keane J. Civil Society : Old Images, New Visions (E-book). — Polity, 2013. — 208 p.

² Зидентоп Л. Демократия в Европе / пер. с англ. ; под ред. В.Л. Иноземцева. — М. : Логос, 2001. — С. 152.

³ Коулмэн Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. — 2001. — № 3. — С. 124.

⁴ Фукуяма Ф. Великий разрыв. — М. : АСТ, 2003. — С. 30.

⁵ Там же. — С. 33.

такое понимание гражданского общества слишком широко, так как многие контркультурные группы (мафия, ку-клукс-клан) организуются на той же основе. Фукуяма Ф. включает их в состав гражданского общества, не смущаясь тем, что эти «гражданские» группы не разделяют основных гражданских ценностей.

Итак, мы видим, что даже столь краткий обзор взглядов западных исследователей на гражданское общество выявил неоднозначность понимания данного феномена.

В конце XX в. идея гражданского общества была подхвачена и в нашей стране, причем она сразу же сделалась не только научной концепцией, но и вошла в лексикон активистов общественных организаций и в политические программы в качестве одного из важнейших аспектов постсоветских преобразований.

По мнению Ю. М. Резника, «пожалуй, нет ни одной другой проблемы, которой бы уделяли столь серьезное внимание как ученые-обществоведы, так и практические руководители, политические и общественные деятели. Она давно вошла в научный и политический язык, стала неотъемлемым атрибутом современных представлений об обществе, рыночной экономике, демократии, правовом государстве». Именно с отсутствием или недостаточным развитием гражданского общества связываются неудачи в реформировании российского общества¹. Актуальность проблем, связанных с формированием гражданского общества в нашей стране, настолько велика, что привлекает все новых и новых исследователей различных специализаций. Унаследовав различные подходы к рассмотрению этого сложного, поистине философского понятия, российские ученые добавили немало собственных его трактовок, отражающих зачастую не только сущность явления, но и частно-методологические позиции и специфические научные интересы. Это приводит к тому, что термином «гражданское общество» обозначаются различные явления и, как отмечают практически все исследователи данного феномена, пока в отечественной социологической науке отсутствует единство в определении гражданского общества.

Можно выделить три основных подхода к пониманию гражданского общества.

Первый — характеризует уровень развития общества, идентифицируется с демократическим правовым государством, свободным рынком, т. е., помимо населения и составляемых им разнообразных социальных групп, включает государственные органы власти и соответствующие организации. Это «система, характеризующаяся наличием рыночных отношений, демокра-

¹ Резник Ю. М. Гражданское общество как феномен человеческой цивилизации // Социальное партнерство государственных и неправительственных организаций как фундаментальный принцип гражданского общества. — М. : Социально-технологический институт, 2000. — С. 74.

тического государства, и главное — социальных классов и слоев, имеющих собственные независимые от государства источники существования»¹. В целом такое определение фактически совпадает с понятием демократии и его использование не добавляет нового понимания гражданского общества. Демократическая система характеризуется прежде всего наличием в ней инфраструктуры гражданского общества и правового государства, т. е. разветвленной внутренней структуры общественных организаций и управленческих государственных органов, гарантирующих соблюдение прав и свобод человека. «Идеальная демократическая система призвана трансформировать возможность самоорганизации гражданского общества в возможность его самоуправления... Само существование правового государства оправдано лишь в той мере, в которой оно гарантирует свободное развитие гражданского общества»². Такому пониманию гражданского общества (с акцентом на политизацию) соответствует и трактовка гражданственности как политической позиции индивида, характеризующей его сознательный интерес к общественно-политическим процессам, потребность в расширении и постоянном обновлении политических знаний, толерантность (терпимость) к людям с иными взглядами. Объективным критерием гражданственности является непосредственное участие индивида в социально-политической практике. Гражданственность в сочетании с мировоззренческой убежденностью индивида служит показателем его политической зрелости.

Вторая трактовка связана с представлением о гражданском обществе как сфере негосударственных отношений, структур и институтов. Здесь обычно имеется в виду или весь негосударственный сектор, или его неполитическая сфера, или же только «третий» — неполитический некоммерческий сектор³. Иванова Т. Ю. отмечает, что данный подход имеет более глубокое методологическое значение, дает возможность отделить это понятие от смежных, таких как «открытое общество», «правовое государство», «демократическое общество», а также поставить вопрос о специфических функциях гражданского общества⁴.

¹ Резник Ю. М. Формирование институтов гражданского общества (социоинженерный подход) // Социологические исследования. — 1994. — № 10. — С. 21.

² Гершунский Б. С. Гражданское общество в России. — М.: Пед. об-во России, 2001. — С. 23, 25.

³ См.: Арато А. Концепция гражданского общества: восхождение, упадок и воссоздание — и направления для дальнейших исследований // Полис. — 1995. — № 3. — С. 48–57; Кин Дж. Демократия и гражданское общество. — М.: Прогресс-Традиция, 2002. — 401 с.; Шмиттер Ф. Размышление о гражданском обществе и консолидации демократии // Полис. — 1996. — № 5. — С. 16–27; Виноградова Т. И. Баланс ценностей гражданского общества как основа формирования национальной идеи [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://go.philosophy.pu.ru/history/program.html> (дата обращения: 07.03.2016); пр;

⁴ См.: Иванова Т. Ю. Политическая культура населения как условие существования гражданского общества [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.auditorium.ru/economy/texts/butenko> (дата обращения: 04.03.2016).

В третьей трактовке гражданское общество обычно толкуется как состояние культуры или сознания граждан (социокультурное пространство, независимое от государства, в котором реализуются различные интересы индивида¹, совокупность людей, объединенных морально-духовной солидарностью², сфера, которая несет на себе цивилизованность и образованность данной эпохи³).

При анализе многих аспектов трансформации современного российского общества институциональный подход не является исчерпывающим в силу того, что многие структурные элементы были привнесены извне; они не только не отражали характерные для России культурные процессы, но и зачастую вступали в противоречие с ними. Катастрофически быстрые изменения социальных институтов, в первую очередь, институтов политики и экономики, вступили в противоречие с инерцией культуры (которая является наиболее инертной, наименее изменчивой, чем другие компоненты общества⁴), инерцией мотивационных и социальных установок населения, сформированных десятилетиями авторитарного режима⁵. Это привело к тому, что институциональная структура гражданского общества оказалась малофункциональной, так как субъекты социальных отношений не имеют навыков политического и гражданского участия, весьма смутно представляют себе свои права и возможности⁶.

Это приводит к тому, что многие новые социальные институты функционируют не так, как задумывалось при их установлении, а такие базовые понятия постсоветских преобразований, как «свобода», «парламентаризм» и в первую очередь «демократия», девальвировались, последнее же превратилось в глазах значимой части общества в нечто предосудительное, неприличное, неприемлемое⁷. Не исключено, что и понятие «гражданское общество», уверенно вошедшее в лексикон отечественных политиков и общественных

¹ См.: Рашковский Е. Гражданское общество: религиозное измерение проблемы // Международная экономика и международные отношения. — 1996. — № 5. — С. 116–129; Маркова О. В. Социальные механизмы формирования гражданского общества : дис. ... канд. социол. наук. — СПб., 1998.

² См.: Аринин А. Н. Зрелость гражданского общества — основа устойчивого развития и безопасности России. — М. : ИГФО, 2000. — Кн. 1. — 233 с.

³ Библер В. С. О гражданском обществе и общественном договоре // Через тернии. — М., 1990. — С. 340–364.

⁴ Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т. Социальная инерция. К постановке проблемы // Современное общество : вопросы теории, методологии, методы социальных исследований. — Пермь : ПГГУ, 2002. — С. 18.

⁵ Штомпка П. Социология социальных изменений. — М. : Аспект-Пресс, 1996. — С. 305.

⁶ Руденкин В. Н. Гражданское общество в России история и современность. — Екатеринбург, 2002. — С. 51.

⁷ Тощенко Ж. Т. Метаморфозы современного общественного сознания: методологические основы социологического анализа // Социологические исследования. — 2001. — № 6. — С. 7.

деятелей, постигнет та же участь. Это вполне возможно, поскольку понимание гражданского общества как совокупности общественных организаций уже определило формалистский подход к данному явлению со стороны государства, который можно выразить во фразе: «у нас есть общественные организации, значит, у нас есть гражданское общество».

В трактовке гражданского общества важно учесть тип социального контроля и качество отношений «власть — гражданин». В гражданском обществе и социальный контроль должен стать более гуманным, и гражданин должен более ответственно следовать социальным нормам и законам. Да и само общество должно эффективнее защищать и охранять права и свободы гражданина, создавать предпосылки для формирования у каждого человека (особенно молодого) качеств гражданина — «социально-озабоченного» человека. Существенное отличие тоталитарного общества от гражданского — узость в нем сферы личной жизни, автономии личности. Регламентация и социальный контроль распространяются даже на самые интимные, личностные стороны жизни человека. Общество в виде властных структур пытается навязать ему: с кем дружить, общаться, кого любить, что читать, как одеваться, какие песни петь и т. д. В гражданском обществе сфера личной жизни значительно расширяется, ее неприкосновенность защищена законом, нравами: «Возможность выразить интересы личности помимо государства и института бюрократии — один из главных признаков гражданского общества, стоящего на страже частных интересов и гарантирующего неприкосновенность частной жизни»¹. С этим связана отмеченная еще Б. Вышеславцевым «незаметность» гражданского общества как демократического, правового государства: «Если демократия есть правовое государство, то ясно, почему ее ценность многими не замечается: право тем более совершенно, чем более оно незаметно в жизни, чем меньше оно сковывает нашу жизнь и нашу свободу, чем легче оно соблюдается»². Именно в таком обществе, государстве сможет реализоваться идея А. де Токвиля: «Самой большой заботой правительства должна стать забота о том, чтобы приучить людей обходиться без него»³.

Поэтому достаточно важны все различные парадигмы гражданского общества. В зависимости от перспективы исследования, исследователь актуализирует необходимые подходы с учетом возможности их дополнения и объяснительной ориентацией на другие теории. Это и является сущностной чертой полипарадигмального подхода, своеобразной «методологии выбора», являющейся выходом из кризисной ситуации, связанной с практической невозможностью единой теории, с одной стороны, и с «методологическим бумом», обилием различных подходов, — с другой. Необходимый «стержень», прин-

¹ Смольков В. Что стоит за понятием «гражданское общество» // Государственная служба. — 2000. — № 4. — С. 38.

² Вышеславцев Б. Власть, право и справедливость // Новое время. — 1992. — № 46. — С. 58.

³ Токвиль А. Демократия в Америке. — М.: Прогресс, 1992. — С. 87.

ципиальные границы, не позволяющие такой методологии выйти за пределы изучаемого явления, должны формироваться на уровне социальной философии, в рамках которой представляется возможным создать обобщенный концепт гражданского общества, который являлся бы ориентиром для социологических и междисциплинарных исследований.

Понятие «гражданство» сегодня употребляется не только в связи с членством в такой организации, как государство, но и в связи с тем статусом, который содержательно определен гражданскими правами и обязанностями¹. Это значит, что гражданское состояние личности определяется наличием неприкосновенных гражданских прав и свобод, главными из которых являются, пожалуй, те, которые создают специфическое положение личности, характеризующее, с одной стороны, определенной независимостью от государства, а с другой стороны, возможностью политического участия.

Однако такое положение, при котором личность включена в пространство прав и свобод на формально-юридическом уровне, также не отражает специфики гражданского общества. Многие исследователи обращали внимание на то, что авторитарные социальные системы (в первую очередь фашистские) зарождались в рамках таких формально демократических обществ, причем импульс для авторизации системы отношений порождался не структурными изменениями, а процессами, происходящими в сознании людей на уровне индивидуальной психологии и личностной культуры, в результате чего происходил массовый добровольный отказ от свободы, которая зачастую воспринимается индивидом как бремя². Возникла концепция авторитарной (тоталитарной) личности, которая воспроизводит несвободу в системе социальных отношений, подчиняет свое индивидуальное Я коллективному сознанию (Super-Ego), пытаясь избавиться от чувства незащищенности, подавленности, преодолеть эдипов комплекс и садомазохистские импульсы, погашая их в отношениях жесткой субординации и перенося их с членов семьи на различные социальные группы³. Впитываясь в ткань социальных отношений, реализуясь в коммуникации, эти психологические моменты получают ценностно-нормативное выражение, образуя авторитарную либо тоталитарную культуру личности и общества, которая легитимирует антидемократические преобразования социальных систем.

Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что для формирования и успешного функционирования гражданского общества необходима особая личность-гражданин. Но в данном случае под гражданским состоянием понимается не просто наличие у личности формальных прав и свобод,

¹ Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. — М. : КАМІ, 1995. — С. 217–218.

² Фромм Э. Бегство от свободы. — М. : Издательская группа «Прогресс-Универс», 1995. — С. 15, 132.

³ Адорно Т. Типы и синдромы. Методологический подход // Политология : хрестоматия / сост. проф. М. А. Василик, доц. М. С. Вершинин. — М. : Гардарики, 2000. — С. 596–597.

но и особая сущность личности. Формально-юридическое положение гражданина находится в тесной связи с его культурой, иными словами, «статус гражданина, конституированный правовым образом, остается зависимым от того, насколько созвучен ему фон мотивов и убеждений... гражданина»¹.

Дополнение институционального подхода взглядом на гражданское общество с точки зрения культуры реализуется в исследованиях ряда представителей отечественного обществоведения. С этой точки зрения представляют интерес работы Ю. М. Резника² и М. С. Кагана³. Первый в функционировании гражданского общества напрямую выделяет «гражданскую реальность» (совокупность институтов) и «гражданскую идеальность» (совокупность культурных аспектов). Второй осуществляет попытку комплексного рассмотрения гражданского общества как культурной формы социальной системы, как высшее из известных проявлений политической, правовой и экономической культуры общества. В рамках такого понимания термин «гражданский» применяется не для обозначения части социального целого, а характеризует особое качество взаимодействия между актёрами социальных отношений.

Плодотворную попытку рассмотреть гражданское общество в ракурсе «социологии жизни» предпринял Ж. Т. Тощенко. Он определяет гражданское общество как «совокупность определенным образом организованных исторически сложившихся форм совместной жизнедеятельности, а также общечеловеческих ценностей, которыми люди руководствуются во всех сферах общественной жизни — экономической, социальной, политической и духовной»⁴. Гражданское общество рассматривается им прежде всего через призму «феномена человека». Поэтому важнейшим критерием формирования гражданского общества он считает «вовлеченность каждого человека во все основные виды деятельности государства». Руководствуясь этим, он и характеризует уровень развития гражданского общества в России (оценка дана в 2007 г., но за 10 лет качественных изменений, на наш взгляд, не произошло, что не исключает улучшения ситуации): «можно, конечно, говорить о том, что в России есть начала гражданского общества, но до тех пор, пока человек не почувствует себя силой, влияющей на решение проблем, хотя бы на уровне местного самоуправления, о гражданском обществе как состоявшемся говорить проблематично»⁵.

¹ Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. — С. 221.

² Резник Ю. М. Гражданское общество как понятие // Социально-гуманитарные знания. — 2002. — № 2. — С. 140–157; Резник Ю. М. Гражданское общество как идея // Социально-гуманитарные знания. — № 4. — С. 108–118.

³ Каган М. С. Гражданское общество как культурная форма социальной системы // Социально-гуманитарные знания. — 2000. — № 6. — С. 47–62.

⁴ Основы политической социологии : учебник / под ред. Ж. Т. Тощенко. — М. ; Нижний Новгород : ЮНИТИ-ДАНА, 2002. — С. 3.

⁵ Состоялось ли гражданское общество в России? Круглый стол // Социологические исследования. — 2007. — № 1. — С. 49.

С ним солидарен В. Э. Бойков, делающий акцент в анализе современной России на сохраняющееся (по крайней мере, очень медленно убывающее) «глубочайшее отчуждение населения, различных социальных групп и институтов от государства: когда человек не понимает политику государства, не доверяет государству, отстранен от властных структур и т. д., это, хотя бы в социально-психологической форме, и есть проявление реального отчуждения — и правового, и экономического, и политического, и других его форм»¹. Культура гражданского общества не сводится к политической культуре или к «культуре гражданского (со)участия», но характеризует гражданское общество в целом (как, собственно, и другие виды культуры).

Акцент на социокультурные характеристики гражданского общества определяется тем, что культура является содержанием, сущностью общественных процессов и явлений, качественной, сущностной характеристикой взаимодействия индивидов и групп в рамках социальной системы. Ее роль в современных социальных процессах возрастает. Социальная жизнь все больше определяется культурными факторами², что обуславливается ростом степени свободы, самостоятельности субъекта в современных типах обществ за счет постоянного расширения области личных решений и ответственности, находящейся между законами государства и табу³. Культура становится главной производительной силой, фактором дифференциации и интеграции общества⁴.

Объективные, формальные факторы (профессия, место и уровень жизни, принадлежность к различным социальным группам, общностям, классам и т. д.) в обществе современного типа уже в меньшей степени определяют поведение, стиль жизни личности, уступая место факторам субъективным, формирующим субкультуры, постоянно возникающие на фоне массовой культуры. Средний класс современных западных обществ резко выделяется на фоне более однородных элит и контркультур общественных низов ярким разнообразием стилей, субкультур, смысложизненных концепций. Возрастает роль культуры и в практике экономических и политических отношений. Те самые ориентиры социального развития, которые сегодня принимаются российскими учеными и участниками общественных организаций: социально-ответственный бизнес, социально-ответственное государство, граждан-

¹ Состоялось ли гражданское общество в России? Круглый стол // Социологические исследования. — 2007. — № 1. — С. 49.

² Розин В. М. Ценностные основания концепций деятельности в психологии и современной методологии // Вопросы философии. — 2001. — № 2. — С. 101.

³ Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1. Чары Платона / пер. с англ. под ред. В. Н. Садовского. — М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. — С. 217.

⁴ Шапко В. Т. Социокультурный подход: истоки и перспективы // Большой Урал: XXI в.: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Ч. 1. XIII Уральские социологические чтения. — Екатеринбург, 2001. — С. 198.

ское общество в целом не имеют стабильного институционального решения¹, так как представляют собой в большей степени стиль, культурную практику.

И даже явления более формального, нормативного плана — правовое государство и общество, демократический режим, федерализм и т.д. — успешно функционируют при условии их культурной поддержки, культурной легитимации. На это уже не раз обращали внимание философы, социологи и исследователи многих других специализаций. Например, К. Поппер («моральные ценности общества тесно связаны с его институтами»²), Г. Алмонд и С. Верба (которые еще в 1963 г. отмечали: «культурные перемены обрели в мировой истории новую значимость»; «центральный вопрос публичной политики в последующие десятилетия состоит в том, каким станет содержание нарождающейся мировой культуры»; «один аспект этой новой общемировой политической культуры бросается в глаза: она будет политической культурой участия»³), М. Финнемор («большинство аспектов деятельности организаций объясняется... внешней культурной легитимностью»⁴), М. С. Каган («применительно ко всем организациям, институционализирующим совместную деятельность людей <можно сказать>, что тут общество и культура объединяют свои усилия, образуя культурные способы опредмечивания общественных отношений»..., «культура способна оказывать радикальное воздействие на функционирование общества»⁵) и т.д.

Системное качество гражданского общества, приоритетная ценность в нем (по Станиславскому — «сверхзадача») — права и свободы граждан. В соответствии с этим культуру гражданского общества можно определить как систему ценностей, связанных с правами и свободами граждан. Степень развитости гражданской культуры данного общества определяется тем, насколько права и свободы граждан в нем являются приоритетной ценностью, причем не столько в декларациях, официальной пропаганде, сколько в устройстве социальных институтов, в стиле их функционирования, в реальных социальных практиках.

В рамках деятельностного подхода культура гражданственности определяется как качественная характеристика различных видов деятельности соци-

¹ Финнемор М. Нормы, культура и мировая политика с точки зрения социологического институционализма [Электронный ресурс] // Международные отношения: социологический подход. Гл. VII. — М., 1999. С. 115. — Режим доступа: <https://refdb.ru/look/3497129-pall.html> (дата обращения: 18.03.2016).

² Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы / пер. с англ. под общ. ред. В. Н. Садовского. — М.: Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. — С. 111.

³ См.: Almond G. A., Verba S. The Civic Culture: political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton, 1963. Цит. по: Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах: пер. с англ. Е. Генделя. — М.: Мысль, 2014. — С. 13, 14, 15.

⁴ Финнемор М. Нормы, культура и мировая политика ... — С. 97.

⁵ Каган М. С. Философия культуры. — СПб.: Петрополис, 1996. — С. 96, 100.

альных общностей, суть которой — в том, что она выступает мерой самореализации человека как гражданина, причем не в формально-юридическом, а в социокультурном смысле этого понятия. Социологический анализ позволяет выяснить, насколько распространены, типичны в обществе соответствующие социальные практики. Гражданская культура характеризует гражданское общество не с точки зрения его институционального устройства, а с точки зрения способов деятельности людей. И в этом смысле можно сказать, что без определенного уровня гражданской культуры, проявляющегося в традициях, стереотипах, привычных способах деятельности, гражданское общество невозможно. Без этих характеристик общество, претендующее на то, чтобы быть гражданским, является лишь его формальным подобием.

В качестве субъекта культуры выделяется личность. Такой подход имеет ряд особенностей. В современной социологии предпринимаются попытки взглянуть на гражданское общество с точки зрения действующего субъекта, актёра социальных отношений. «Гражданская позиция», «гражданственность», «гражданская ответственность», «гражданское участие» и подобные термины все чаще и чаще встречаются в работах, посвященных проблематике гражданского общества.

Несмотря на то что значения данных понятий четко не определены, носят открытый, незавершенный характер, можно выделить основные тенденции в их определениях. Так, термином «гражданская позиция» можно обозначить заявленное отношение гражданина к тем или иным социальным, политическим или экономическим проблемам. Понятием, которое в наилучшей степени соответствовало бы требованиям полной характеристики личности как субъекта гражданского общества, представляется категория «культура гражданственности личности» или «гражданская культура», в широком смысле не сводимая ни к одному из видов политической культуры. Что же она представляет собой как понятие и как социокультурный феномен?

Во-первых, она характеризует личность в особом состоянии. Личностная культура является достаточно сложной системой, в которой, в зависимости от контекста исследования, выделяют разные личностные субкультуры (экономическую, политическую и т. д.). В этом плане методологически важным является соотношение культуры гражданственности и культуры личности в целом. Является ли культура гражданственности уровнем развития всей личностной культуры или функционирует в рамках последней как часть? С одной стороны, необходимо учитывать то, что в современном обществе практически нет таких сфер социальных отношений, в которых поведение личности не могло бы быть соотнесено с представлениями о правах человека и гражданина. Гражданственность, как характеристика личностной культуры, является универсальной характеристикой, т. е. проявляющейся во всем спектре социальных контактов (взаимодействий, связей) личности. В данном случае можно говорить, что культура гражданственности соответствует

уровню, состоянию культуры личности в целом, и ей противостоят негражданственные культуры: подданническая, авторитарная.

Можно утверждать, что культура личности в целом шире культуры гражданственности, так как содержит многие элементы, не относящиеся к гражданскому состоянию (например, предпочтения в художественной культуре, технологические или научные знания, религиозные представления). Такие элементы выводятся за пределы культуры гражданственности.

Во-вторых, культура гражданственности отличается от других аспектов гражданского состояния личности: гражданственности, понимаемой как социальный институт, формально-юридического статуса гражданина. В таком контексте прослеживается различие понятий культуры и общества, обозначающих разные уровни реальности, которые, несмотря на введение термина «социокультурный», не рассматриваются как тождественные друг другу. Понятие культуры гражданственности выполняет те же методологические функции, что и понятие культуры в целом, в частности, описания идеальных, субъективных сторон социальных систем и актёров социального взаимодействия.

Другим свойством понятия «культура» является его предельность, поэтому понятие культуры гражданственности не сводится к гражданской идентификации, политическому или неполитическому участию и т. д., но выступает по отношению к ним как общее понятие, характеризующее личность-гражданина в целом.

Все более возрастает в условиях растущего культурного разнообразия и взаимодействия различных культур, стилей и образа жизни значимость такого качества культуры гражданственности, как толерантность. Ориентиром на перспективу должны стать слова культуролога Ю. Лотмана: «У нас нет культуры ценить другого человека, мы все хотим, чтобы он был такой, как я, чтобы с ним было легче разговаривать. Чем больше люди уважают разницу между собой и другими, тем более они общественны, так как общество — это не набор солдат, а оркестр, где каждый инструмент ведет свою мелодию. Если бы мы все были одинаковыми, даже выполненными по самым лучшим рецептам, мы бы просто не выжили: общество держится на различии между людьми. Надо обеспечить человеку право быть другим»¹.

От рассмотрения общих характеристик культуры гражданственности перейдем к анализу ее измерений и структурных элементов.

Аксиологическое (ценностное) измерение гражданской культуры фокусируется на анализе определенных — гражданских — ценностей и представляет личность в качестве носителя специфической системы ценностных ориентаций и сформированных на их основе предпочтений и убеждений. Гражданин, рассматриваемый в контексте культуры, характеризуется особой позицией

¹ Лотман Ю. Мы живем потому, что мы разные [Электронный ресурс] // Известия. — 1990, 24 февраля. — Режим доступа: <http://ddi08.livejournal.com/> (дата обращения: 19.03.2016).

по отношению к социальным проблемам и состоянию общества в целом, к своей роли в общественном процессе, а также особым восприятием других участников общественного процесса, особой оценкой своих и чужих поступков. Характеристики гражданской позиции, соотношение ценностных ориентаций и отношений, их расположение на отметках «аксиологической шкалы» являются качественными показателями сформированности культуры гражданственности личности.

Гносеологическое (информационное) измерение культуры гражданственности обращает внимание на усвоение индивидом знаний, необходимых для самореализации в качестве полноправного гражданина. В самом общем виде это знания о принципах функционирования социальной системы, о правах и обязанностях, о нормах поведения, о свободах и т. д. Приобщаясь к культуре гражданственности, личность приобретает специфическую когнитивную и коммуникативную компетентность, формирует особое мировоззрение, способность толковать и определять ситуации с точки зрения гражданственности.

Праксеологическое измерение культуры гражданственности обращает внимание на то, что гражданское общество характеризуется особым состоянием системы коммуникаций, гражданской активностью его представителей, т. е. определенной практикой общественных отношений, поведением индивидов. Исходя из этого, формирование культуры гражданственности на праксеологическом уровне определяется характеристиками социальной активности личности.

Во многом созвучна такому подходу к измерениям гражданской культуры позиция Г. Алмонда о типах ориентаций политической культуры. «Ориентации» он относит к «интернализированным аспектам социальных объектов и отношений». Они включают:

- «когнитивные ориентации», т. е. знания и веру относительно политической системы, ее ролей и обязанности относительно этих ролей, того, что система берет из окружающей среды и что отдает (что на входе и что на выходе системы);
- «аффективные ориентации», или чувства, относительно политической системы, ее ролей, ее работы и вовлеченных в нее людей;
- «оценочные ориентации», суждения и мнения о политических объектах, которые обычно представляют собой комбинацию ценностных стандартов и критериев, информации и чувств¹.

Важным элементом гражданской культуры, своеобразным ее стержнем, формирующим основные принципы политического участия, взаимоотношений между различными группами и слоями общества, отдельными гражданами является ее политический компонент. В связи с выделением полити-

¹ Алмонд Г. Гражданская культура и стабильная демократия // Политология : хрестоматия / сост. проф. М. А. Василик, доц. М. С. Вершинин. — М. : Гардарики, 2000. — 843 с. — С. 562.

ческой составляющей культуры гражданственности необходимо определить, как она соотносится с уже принятой в социологии концепцией политической культуры, в рамках которой Г. Алмонд и С. Верба выделили три типа политической культуры: патриархальную, подданническую и культуру участия. При определенной психологизации политической культуры (культура рассматривается ими как «психологическая ориентация по отношению к социальным объектам»¹) их подход открывал возможность эмпирической интерпретации данного понятия. Каковы же различия между этими типами политической культуры?

Характерные черты парохияльной (патриархальной, приходской)² политической культуры:

- отсутствие «специализированных политических ролей»;
- «политические ориентации по отношению к этим ролям не отделены от религиозных и социальных ориентаций»;
- индивид «ничего не ждет от политической системы».

Для подданнической политической культуры характерно:

- «подданный осознает наличие специализированной правящей (в том числе правительственной) власти»;
- «он эмоционально ориентирован на нее и при этом, возможно, гордится ею или, быть может, относится к ней неприязненно; и он оценивает ее либо как легитимную, либо как нелегитимную»;
- «все его отношение — это отношение к системе в целом и к ее «выходу», к административной стороне политической системы»;
- «по существу, это пассивное отношение».

Участническая политическая культура — это культура, в которой:

- «члены общества склонны отчетливо и явным образом ориентироваться на систему в целом, а также и на политические, и на административные структуры и процессы»;
- «ориентация индивидуальных членов на различные классы политических объектов может быть благожелательной или неблагожелательной. Сами они склонны быть ориентированными на «активистскую» роль в существующей политике, хотя их чувства по отношению к такой роли ее оценки могут варьироваться от приятия и одобрения до полного отторжения»³.

Смысл подхода Алмонда и Вербы даже не в типологии ориентаций и типов политической культуры, а в понимании реальной гражданской культуры: «Обобщенный «гражданин» представляет собой специфиче-

¹ Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах : пер. с англ. Е. Генделя. — М. : Мысль, 2014. — С. 29.

² Для наших целей более точный перевод термина не имеет особого значения, важнее содержание.

³ См.: Алмонд Г., Верба С. Указ. соч. — С. 34–36.

скую смесь участнических, подданнических и парохияльных ориентаций, а гражданская культура — это специфическая смесь граждан, подданных и парохиялов»¹. И задача социолога «выявить» конкретный состав этой «смеси».

В чем же заключается специфика политического компонента культуры гражданственности? Одной из главных ценностей культуры гражданственности является свобода (гражданское общество противопоставляется другим типам социальной организации именно как свободное общество). Основные сущностные характеристики свободы и этапы ее осуществления: выбор, решение, ответственность; что подразумевает наличие не только внешних (открытость социальной системы, наличие множества альтернатив жизненного пути), но и внутренних условий. К внутренним условиям осуществления свободы можно отнести следующие: наличие у человека убеждения в своей самостоятельности, суверенности, независимости — в том, что он сам решает свою судьбу; критическое отношение к сложившимся догмам, стереотипам массового поведения; готовность идти на оправданный, продуманный, основанный на высоком профессионализме риск; осознание меры ответственности за свой выбор; предвидение не только ближних, но и дальних перспектив².

Конечно, такое развернутое — философское — понимание свободы недоступно для широких кругов граждан и достаточно сложно укладывается в рамки нормативных систем. Поэтому в политической культуре укореняется ценность достаточно конкретных гражданских свобод и прав, обеспечивающих неприкосновенность, независимость индивида. В системе гражданских свобод можно выделить следующие типы:

- личные свободы (свободы передвижения, выбора места жительства, неприкосновенность жилища и тайны интимной жизни, неприкосновенность гражданства, имущества);
- публичные свободы — слова, вероисповедания, совести, объединений, собраний, профессий, занятий, мнений, информации;
- местные свободы, связанные с местным самоуправлением;
- право на равенство (равенство перед лицом закона, при найме на работу и т. д.), право на собственность, право на достоинство, право на безопасность и, конечно, демократические права (права на участие во власти).

Одна из важнейших ценностных ориентаций культуры гражданственности — ориентация на гражданскую активность. Вместо того чтобы быть носителем или получателем гражданских прав и свобод, активный гражданин сопоставляет общественное благосостояние со своим собственным, находит баланс между выгодами и ущербом, ориентируется на права, потребно-

¹ См.: Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура: политические установки ... — С. 37.

² Коган Л. Н. Теория культуры. — Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1993. — 160 с. — С. 98–99.

сти и нужды других людей и рассматривает ответственность, обязанности как продолжение прав. Активность является следствием ощущения хрупкости достигнутого уровня политического, правового и (только затем) экономического благосостояния. Общество не может быть воплощением свободы, справедливости и других ценностей, оно может быть только более свободным, более справедливым, чем раньше, чем другие.

Центральное место среди гражданских прав занимают права политические, без которых невозможна полноценная реализация остальных прав. Основопологающей идеей здесь можно считать мысль И. Канта о том, что гражданин должен подчиняться только тем законам, на которые он дал согласие¹. Эта идея существует и в теории делиберативной демократии Ю. Хабермаса («граждане являются авторами закона, которому они подчиняются как его адресаты»). Большинство граждан в определенный момент времени пассивны, они играют роль политического резерва, но скорость, с какой мобилизуется этот резерв, показывает повышенную чувствительность граждан к колебаниям политического поля. Политическая культура гражданственности — это не только культура участия в голосовании, но и культура реального включения в процесс выработки и реализации государственной политики в период между выборами.

Политический компонент культуры гражданственности тесно связан с ее правовым компонентом, как связаны между собой и тесно переплетены политические и правовые идеи, политическое и правовое сознание, политическая и правовая культуры. Правовая культура узаконивает гражданское общество теоретически, а политическая культура делает его возможным, осмысляя его идеологически и воплощая организационно-практически². В то же время основные ценности гражданского общества, представленные на политическом уровне культуры гражданственности в виде идеологии, получают нормативное выражение в праве и вызывают особое отношение к закону, который становится тем более ценен, что он не устанавливается извне, а учреждается самими гражданами. Правовой элемент культуры гражданственности характеризуется уважительным отношением к закону как к способу организации общественной жизни. Но уважительное отношение не распространяется на любой закон. Что же служит критерием оценки закона? В отличие от политики, которая в рамках культуры гражданственности подвергается моральному измерению, в развитой культуре мораль и право не пересекаются. Мораль жестко детерминирована культурой личности или группы; в одной социальной системе, характеризуемой как гражданское общество,

¹ Немецкая классическая философия. В 2 т. Т. 1. Право и Свобода. И. Кант, Г. Гегель, Ф. Шеллинг; Т. 2. Разум и Воля. И. Фихте. А. Шопенгауэр. — М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 2000. — С. 120.

² Каган М. С. Гражданское общество как культурная форма социальной системы // Социально-гуманитарные знания. — 2000. — № 6. — С. 53.

могут сосуществовать различные субкультуры, каждая из которых генерирует собственную мораль, например, протестантские общности с жесткими моральными требованиями и группы молодежи с достаточно либеральной, нежесткой моралью. Возникает вопрос, чья мораль должна быть узаконена?

Мораль и закон — разные феномены. Моральные проблемы практически не имеют решения на правовом уровне в гражданском обществе. Этому подтверждение — многолетние дискуссии по поводу откровенных сцен в фильмах, ненормативной лексики в литературе, права гомосексуальных семейных пар на опеку, право на эвтаназию. Поэтому закон не должен иметь моральный, религиозный или подобный им характер, хотя зачастую правовые нормы выполняют функцию охраны общественной нравственности, но нравственности «репрезентативной», общепризнанной, построенной на определенном компромиссе, с учетом всевозможных позиций. Эти нормы не запрещают определенные действия, но ограничивают место, время и способы осуществления этих действий.

Каковы же тенденции развития гражданской культуры студентов свердловских вузов за время мониторинга?¹

Первый этап мониторинга (1995 г.) проходил в период, когда в сфере политической жизни России произошли коренные изменения и весьма противоречивые по направленности и характеру перемены. После августа 1991 г., распада СССР и октября 1993 г. в России изменился политический режим, другим стало и устройство государственной власти, управления, к руководству пришли новые политические элиты. Вероятно, мнение многих политологов и социологов, что эти изменения были скорее по форме, чем по существу, что демократические идеалы и ценности серьезно дискредитировали себя, имеет достаточные основания. Но несомненно и другое — в стране возникла новая социально-политическая ситуация. Это не могло не сказаться на политических ориентациях и политической активности молодежи, в том числе студенческой.

В нашей области в 1992–1994 гг. проводились систематические социологические исследования, изучалось отношение молодежи к происходящим в стране коренным изменениям в политической сфере, фиксировались оценки политической ситуации в различных молодежных группах². Это позво-

¹ Считаем необходимым прислушаться к замечаниям наших коллег об «ограничениях количественной методологии», «в результате которых данные социологических опросов на политические темы (и их интерпретация) не всегда адекватно отражают содержательную сторону взаимоотношений народа и власти» (См.: Долгаева Е. И., Крылова В. В. Претензии населения к власти: что остается за рамками количественных измерений // Социологические исследования. — 2015. — № 7. — С. 64). Но, на наш взгляд, именно методология мониторинга наиболее способствует адекватности отражения, демонстрируя или устойчивость тех или иных тенденций, или их изменение под влиянием различных факторов. Одновременно — подчеркиваем неправомочность любой абсолютизации нашей интерпретации мнений и оценок респондентов.

² См.: Коган Л. Н. Молодежь и политика / Л. Н. Коган [и др.]. — Екатеринбург : УрГУ, 1994. — 68 с.

лило выявить тенденции, проблемы и противоречия в развитии политической культуры уральской молодежи на современном этапе:

- политика не является приоритетной сферой интересов и потребностей молодежи¹;
- молодежь испытывает определенное влияние политических событий в стране и регионе;
- важнейшей детерминантой отношения молодежи к политике становится ухудшение ее материального положения;
- у современной молодежи часто появляется политическая заинтересованность, которая имеет в основном избирательный характер (от случая к случаю)².

Однако и в этом серьезном и глубоком научном исследовании проблемы студенческой молодежи специально не рассматривались.

Исходный момент изучения гражданской политической культуры студенческой молодежи — анализ ее отношения к политике. Уже на предыдущих этапах выявились основные тенденции и проблемы, тем более что и вопрос, и варианты ответов оставались неизменными (рис. 156).

¹ Аналогичным было мнение наших коллег социологов относительно политических ориентаций молодежи в целом и студенчества в частности. По мнению С. Митрохина, «в России ... период интенсивного (или, по меньшей мере, заметного) участия молодежи в политических процессах сменился ситуацией, при которой это участие можно оценить как исчезающе малое» (Митрохин С. Молодежь и политика в эпоху переоценки ценностей (Российский опыт) // Молодежь России на рубеже 90-х годов. Кн.1. — М.: ИС РАН, 1992. — С. 23). «Деполитизация сознания, — отмечал он, — особенно заметна у молодежи в возрасте до 25 лет. Низкий уровень интереса к политике, безразличие к ней или охлаждение в ходе перестройки характерны для 48–51 % этой категории населения» (Там же. — С. 28). Другой аспект проблемы выделили В. А. Бобахо, С. И. Левикова, зафиксировавшие: социально-политическая «активность стала спадать, что сопровождалось исчезновением многих неформальных молодежных группировок, значительным уменьшением численности оставшихся» (Современные тенденции молодежной культуры: конфликт или преемственность поколений? // Общественные науки сегодня. — 1996. — № 3. — С. 61). Наконец, М. Е. Добрускин, анализируя политическое сознание студенчества, выделил «две основных тенденции, два процесса его развития, взаимосвязанные, но качественно различные. Большая часть студенческой молодежи испытывает состояние политической апатии равнодушия ко всему окружающему, особенно к политике, она разочарована в политике всех партий, как в прошлом, так и в настоящем, ощущает пессимизм и страх за свое будущее, отказывается участвовать в каких-либо политических действиях и даже не считает для себя ценностями политические свободы и демократию. Другая, меньшая часть студентов, наоборот, настроена оптимистически и, хотя, как почти все студенчество, отрицательно относится к современным экономическим реформам, все же надеется на лучшее будущее, на то, что удастся преодолеть нынешние трудности. Эта категория (1/4) более политизирована, пытается определить свою политическую позицию, но не однородна в своих политических симпатиях» (Добрускин М. Е. Студент — кто он? // Социологические исследования. — 1994. — № 8–9. — С. 81).

² Молодежь и политика / Л. Н. Коган [и др.]. — Екатеринбург: УрГУ, 1994. — С. 13.

Рис. 156. Динамика отношения к политике
(Как вы относитесь к политике?), 1995–2016 гг., % опрошенных

Показателен уже вывод по итогам исследования 1995 г. Итак, сегодня, когда занятие общественной работой, выполнение общественных поручений, членство в политической организации перестало быть индикатором социальной активности студента, стало добровольным, практически такие формы участия в политической деятельности в студенческой среде свелись к минимуму. Причем, как обычно бывает, налицо маятниковое движение: от формального, вынужденного «участия» («занимаюсь», «выполняю», «состою») к «неучастию». Надежды, что участие станет пусть и гораздо менее массовым, но осознанным и добровольным, не оправдались. Если же учесть (и это сегодня становится все более ясным), что в деятельности вузовских комсомольских организаций были не только негативные моменты (идеологизированность, заорганизованность, формализм), но и позитивные моменты (организация учебы, труда, быта и досуга студентов, формирование качеств лидера, руководителя), то становится понятным: нынешние ориентации подавляющего большинства студентов будут серьезным препятствием преодоления институционального кризиса в молодежном движении; отмеченная тенденция является общераспространенной. Различия по полу (юноши чуть активнее), направлению обучения (естественники и экономисты чуть активнее технарей и гуманитариев) и вузам (студенты УГПУ, УрГУ и УГМИ чуть активнее) мало значимы и лишь подтверждают общую тенденцию; основная форма интереса молодежи к политике сегодня информационная. В среднем интерес к политической информации отметил почти каждый второй респондент, и это весьма весомо.

Выясняется несостоятельность распространенного в последние годы стереотипа, когда аполитичность молодежи (факт реальный применительно к участию в политической деятельности, в политических партиях, движениях) переносилась и на ее отношение к информации о политике. Особенно это неправомерно, как показывают наши данные, в отношении к студентам-юношам, студентам-гуманитариям и экономистам, чей интерес к политиче-

ской информации выше среднего. Представляется не совсем оправданным (точнее, совсем неоправданным) происшедшее в последние годы свертывание налаженной системы политического информирования студентов. Это привело к тем более негативным последствиям, что и многие кафедры общественных и гуманитарных наук под предлогом «деидеологизации», «деполитизации» крайне мало используют потенциал своих базовых курсов и спецкурсов для систематического информирования студентов по актуальным политическим проблемам. Конечно, речь не может идти о простом возрождении традиционных форм групповых и поточных политинформаций, политклубов, политбоев, пресс-конференций и т. д. Важно учесть и плюрализм, многообразие политических ориентаций и позиций преподавателей, что может породить субъективизм и односторонность политического информирования студентов, превратить его в политическую агитацию.

Актуален в этой связи поднятый еще М. Вебером вопрос: «следует ли в университетском преподавании «признаваться» в своих оценках, основанных на определенных этических воззрениях, культурных идеалах или иных мировоззренческих принципах?»¹. Тем более, в условиях идеологического плюрализма и поиска «национальной идеи»². Поучителен и ответ социолога: с одной стороны, «вносить личные мотивы в специальное объективное исследование противоречит самой сущности научного мышления», с другой — неправомерно превращать университет из «школы профессионального обучения» в «духовную семинарию» («без ее религиозного ореола») ³. И еще определеннее: «Аудитория — не место для пропаганды»; «пророку и демагогу не место ... в учебной аудитории»⁴.

В условиях предвыборной борьбы субъективизм преподавателей может привести к втягиванию студенчества в политические игры на стороне тех или иных сил. Поэтому включенное в устав многих вузов города положение о недопустимости политической пропаганды в обучении и воспитании сту-

¹ Вебер М. Избранные произведения. — М., 1990. — С. 553–554.

² Созвучной с Вебером была позиция П. Ф. Каптерева, русского педагога начала XX в., который ставил в статье «Педагогика и политика» (1921) аналогичный вопрос: «Что же делать педагогу со всеми этими партийными взглядами на образование и обвинениями в неблагонадежности? Перекрашиваться в определенный цвет соответственно политической флюгарке, направлять педагогическую ладью туда, куда несет ее политический ветер?» И отвечал: «Педагог обязан развивать общественность в детях, но не обязан развивать ее в духе какой-либо определенной партии, даже более того, обязан не окрашивать общественность в цвет какой-либо партии». «Общественность — в его понимании — широкое свойство человеческой природы, есть потребность, способность к совместной с другими работе, к организации с другими, чувство благорасположения к людям». См.: Каптерев П. Ф. Педагогика и политика // Свободная мысль. — 1992. — № 8. — С. 59–63.

³ См.: Вебер М. Указ. соч. — С. 553–554.

⁴ Там же. — С. 722. Справедливы слова Вебера: «Подлинный наставник будет очень осторожаться навязывать с кафедры ту или иную позицию слушателю, будь то откровенно или путем внушения».

дентов должно неукоснительно соблюдаться. Особенно значимо, чтобы пример такого реалистического, объективного подхода подавался сверху, чтобы не допускались рецидивы идеологизации общественных и гуманитарных наук. Но с учетом отмеченного нельзя не видеть и другого: дальнейшее игнорирование администрацией вузов, кафедрами общественных и гуманитарных наук интереса многих студентов к политической информации негативно сказывается на развитии их политической культуры.

На II этапе (1999 г.) было зафиксировано, что удельный вес крайних оценок (активный интерес и негативное отношение к политике) практически остался прежним. Сохранилось традиционное гендерное различие — девушки были более равнодушны к политике, юноши больше интересуются политической информацией. Основные изменения произошли в соотношении интереса к политической информации (рост этого интереса продолжается) и полного равнодушия к политике (оно заметно уменьшается). Вывод о необходимости более активного, разнообразного по формам, систематического политического информирования студентов приобрел еще большую актуальность.

На III этапе (2003 г.) была отмечена устойчивость выявленных ранее тенденций отношения к политике. Но одновременно отмечены и некоторые новые моменты. В какой-то мере 1999 г. выглядел своеобразным рубежом. Возросший к предыдущему этапу мониторинга некоторый интерес (информационный) к политике сменился усилением политического равнодушия, возросла и политическая дезориентация студенческой молодежи. Примечательно, что крайние позиции (активизм — негативизм) изменялись незначительно и в противоположных направлениях. Доля тех, кто активно участвовал в политической деятельности различных партий и движений достигла 4 %, возрастая на каждом этапе мониторинга вдвое. Возможно, это соответствовало уровню развитых индустриальных стран, отражая становление (медленное, но верное) деполитизированного гражданского общества.

Анализ отношения студенчества к политике на IV этапе (2007 г.) позволил сделать вывод о двух основных (достаточно устойчивых?!) характеристиках этого отношения:

- политика не является приоритетной сферой интересов и потребностей студенческой молодежи (характерно сравнение ответов студентов в 2003 и 2007 гг.: в целом отношение к политике мало изменилось; при этом несколько вырос интерес к политической информации, меньше стало равнодушных к политике, но чуть больше стало относящихся к ней негативно);
- интерес студенческой молодежи к политике носит в основном ситуативный характер, она не безразлична к конкретным политическим событиям в стране, регионе, но политическая заинтересованность проявляется у нее избирательно (от случая к случаю); основная форма ее интереса к политике — информационная.

На V этапе (2009 г.) исследование выявило: «расхождения столь незначительны, что не могут повлиять на общий вывод о сохранении ранее выявленных тенденций». Что за этим? Нарушение привычного шага мониторинга и проведение нового этапа не через 4 года, а спустя 2 года? Незначительность влияния мирового финансово-экономического кризиса на студенчество (что было общим выводом исследования по данному этапу)? Но самое главное — проявилась устойчивость отмеченных характеристик отношения студенческой молодежи к политике. Правда, на данном этапе было сделано важное наблюдение о разнонаправленности влияния на отношение к политике гендерных различий и различий по профилю обучения. Интерес к информации о политике у мужчин устойчиво был несколько большим, чем у женщин (соответственно и меньше было равнодушных). Но у гуманитариев и экономистов (хотя среди них удельный вес женщин больше) он выше, чем у технарей и естественников. Такие несовпадения свидетельствуют о сложности, противоречивости, парадоксальности молодежного политического сознания¹.

Инерционность политической культуры студенчества проявилась и на VI этапе (2012 г.). Но сказались и особенности данного этапа, совпавшего с всплеском протестной активности и молодежи в целом, и студенчества в частности. Интересна (хотя и более публицистична, чем социологична) характеристика этой активности: «В последних протестах проглядывает энергия первого постсоветского поколения, которое хочет реализоваться в политике, но пока не знает, как. Это поколение настоящего «пепси» и дешевого «Макдоналдса», тачскринов и Нинтендо² таким радикальным способом пытается занять причитающееся ему место. Сделать это трудно. У них отличные от общепринятых в среде их отцов приоритеты в жизненной реализации, построенные на других ценностях. Символический капитал для них не менее важен, чем материальный. Они уверены в неизбежной монетизации этого символического капитала. И, протестуя, они видят единственный способ этот капитал заработать. Ведь это может быть их единственным капиталом в их жизни. Протест для некоторых — последний способ почувствовать себя хоть кем-нибудь. Главная характеристика этого поколения — скорость. В жизни они привыкли все получать быстро, не дожидаясь «свободной кассы». Того же они хотят и от политики»³.

На VI этапе был замечен рост (в 1,8 раза) доли тех, кто — по их самооценкам — активно участвует в политической жизни (в том числе в деятельности политических партий, объединений). Одновременно в 1,3 раза выросла

¹ Вишневецкий Ю. Р., Шапко В. Т. Парадоксальный молодой человек // Социологические исследования. — 2006. — № 6. — С. 26–36.

² Тачскрины — сенсорные стекла для планшетов; «Нинтендо» — японская компания, специализирующаяся на создании видеоигр и игровых консолей.

³ Чеснаков А. Две парадигмы и логика борьбы // Известия. — 2012. — 18 мая.

доля тех, кто негативно относится к политике. За 2007–2012 гг. доля юношей, активно интересующихся и участвующих в политической жизни, выросло в 1,8 раза; доля девушек — соответственно в 2,5 раза; при этом сохранилась бóльшая активность юношей в сравнении с девушками, хотя разрыв и сокращается (в 2007 г. он был в 2,5 раза, в 2009 г. — в 2,3 раза, в 2012 г. — в 1,8 раза). Более устойчивым оказался информационный интерес (его отмечали на разных этапах мониторинга 3 из 5 респондентов-юношей и каждая вторая респондент-девушка). Единственный параметр, где оценки девушек устойчиво выше, — равнодушное отношение к политике (в 2007 г. это превышение было в 1,6 раза, в 2009 г. сократилось до 1,4 раза, в 2012 г. вновь возросло до 1,8 раз).

При анализе в 2012 г. влияния профиля обучения на отношение к политике был выявлен парадоксальный момент — всплеск политического активизма оказался более характерным для студентов естественно-научного (за 2009–2012 гг. произошел рост в 3 раза с выходом на самый высокий уровень), социально-экономического (рост в 2,3 раза с выходом на средний уровень) и технического профиля (рост в 2,5 раза с заметным продвижением к среднему уровню). Напротив, уровень политического активизма студентов-гуманитариев изменился мало и стал средним. Информационный интерес устойчиво низок у студентов естественно-научного уровня. Позитивный момент — по данному параметру студенты-технари не отстают от студентов социально-экономического и гуманитарного профиля. Наиболее характерно негативное отношение к политике у студентов естественно-научного уровня (отметил каждый шестой), хотя за 2009–2012 гг. рост его в данной группе был не самым большим (в 1,2 раза). Еще сильнее (в 1,5 раза) возросло стремление держаться от политики подальше у гуманитариев и технарей (в 2012 г. так был настроен каждый восьмой респондент в этих группах).

Анализ данных исследования по этому вопросу в 2012 г. завершился выводом: «Произошло определенное размежевание по отношению к политике, хотя момент активизации не стоит преувеличивать. Уже на следующем этапе мониторинга можно будет определить, является ли это перспективной тенденцией». Сегодня, рассматривая уже результаты VII этапа (2016 г.), можно определенно сказать: протестные настроения были именно всплеском рубежа 2011–2012 гг. и уже к маю 2012 г. пошли на убыль. По крайней мере, в 2016 г. резко (в 3,5 раза) сократилась доля тех, кто активно участвует в политической жизни. Информационный интерес (отмечен каждым вторым) и равнодушное отношение к политике (отмечено двумя из каждых пяти) вышли на средний за весь период мониторинга уровень. Снизилась по сравнению с 2012 г., хотя и незначительно (с 12 до 11 %), доля респондентов, относящихся к политике негативно.

За общими данными проявляются и различия (рис. 157), среди которых, как оказалось, ничего необычного не было. Повторился даже отмеченный ранее парадокс между гендерными различиями и различиями по профилю обучения. Наиболее противоречиво отношение к политике у студентов естественно-научного профиля.

Рис. 157. Проявление интереса к политике у различных групп студентов, % ответивших

Каковы различия в оценках студентов разных вузов Екатеринбурга? Как уже неоднократно отмечалось, приводим их как информацию к размышлению. Поскольку значения индикатора активного участия в политической жизни крайне низкие (2 %), незначительны и различия по данному индикатору. Поэтому ограничимся тремя другими индикаторами (рис. 158–160).

Наибольший интерес к информации о политике проявляют не только студенты УрГЮУ, ГУ, УИУ РАНХГС, но и УрФУ. Наибольшим равнодушием к политике отличаются, по их самооценкам, студенты УрГУПС и УГМУ.

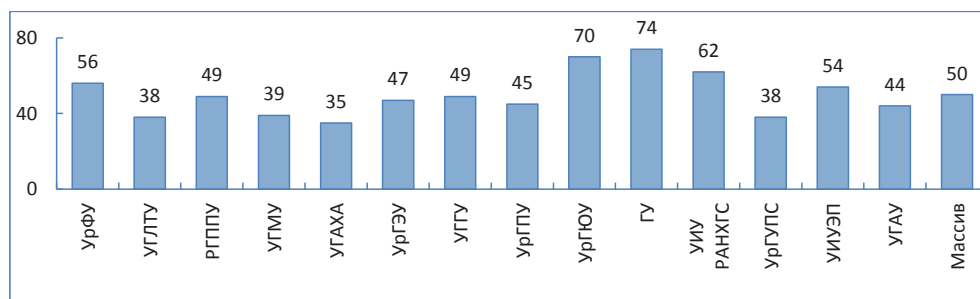

Рис. 158. Отношение к политике («Интересуюсь информацией о политике, но активного участия в политической жизни не принимаю»), 2016 г., по вузам, % опрошенных

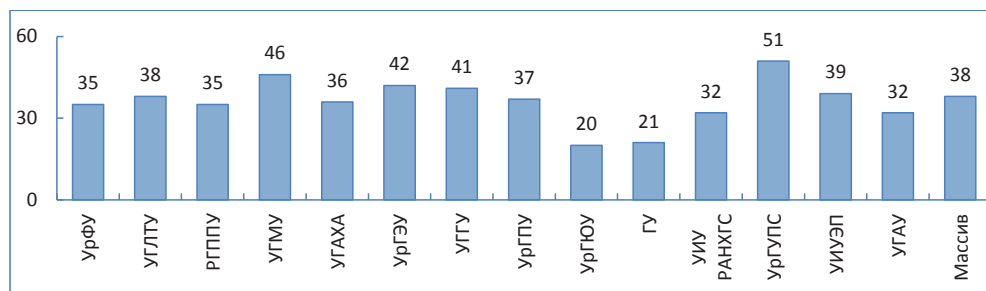

Рис. 159. Отношение к политике («К политике равнодушен, у меня нет какой-то устойчивой политической ориентации»), 2016 г., по вузам, % опрошенных

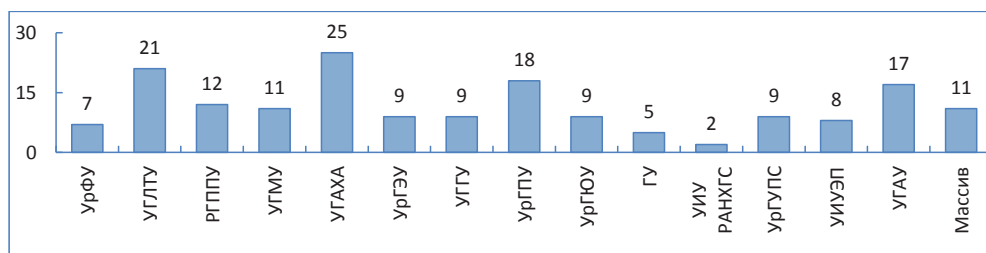

Рис. 160. Отношение к политике («Отношусь отрицательно, не интересуюсь ею, держусь от нее подальше»), 2016, по вузам, % опрошенных

Наконец, свое негативное отношение к политике чаще других отмечали студенты УГАХУ и УГЛУ.

Итак, исследование зафиксировало аполитичность как устойчивую доминантную черту политического сознания студенчества Среднего Урала.

Аполитичность — многомерное социально-психологическое явление. На II этапе мониторинга (1999 г.) лишь 3 % опрошенных студентов Свердловской области посчитали политическую и правовую культуру наиболее важным аспектом профессиональной подготовки. Только 6 % хотели бы заниматься во внеучебное время общественной работой. Лишь 2 % согласились, что поступками их сверстников движет идейная убежденность.

Аполитичность значительной части молодежи выступает следствием и крушения традиционных идеологических стереотипов, и неприятия молодыми людьми новых попыток манипулировать ими для достижения политических выгод и целей.

Аполитичность — прежде всего неприятие политики в традиционном, классово-управленческом, надличностном виде. Это важно учитывать при оценке социально-политической ситуации и ориентаций молодых людей за годы мониторинга. Августовская демократическая революция 1991 г. по-

рождала иллюзию смены «плохой» политики и «плохих» политиков новыми, «хорошими». И действительно, произошло немало позитивных изменений. Но драматизм ситуации (отразившийся в оценках молодежи) — сохранение многих черт отчужденности человека от властных структур. Многие современные политики, даже демократически настроенные, не могут вырваться из плена стереотипа: власть — «основной вопрос революции», да и всей общественной жизни. Средства же массовой информации — пусть и с разных позиций — пытаются навязать эти правила игры общественному мнению. Но игры во властных структурах (значимые для самих «игроков») в молодежном сознании воспринимаются как нечто далекое от насущных жизненных интересов молодых.

Долгие годы у советских людей формировали, и небезрезультатно, стереотип, что все должны принимать (или — во всяком случае — стремиться к этому) активное участие в политике, что политика — высшая сфера жизни общества и человеческой деятельности. Некоторые политики даже объявляли политику наиболее творческим видом деятельности. Человек, не принимавший активного участия в политике, считался отсталым, аполитичность рассматривалась как свидетельство неразвитости. Постоянно вспоминалось, что в переводе с греческого «идиот» значит неинтересующийся делами полиса, т. е., другими словами, аполитичный — идиот.

Еще в 1970–1980-х гг. аполитичность рассматривалась как однозначно отрицательное явление, с которым надо было «бороться». В годы перестройки — как индикатор кризиса идеологии тоталитаризма. Сегодня она приобретает новый смысл. Речь идет уже об утрате доверия и разочаровании в новых демократических ценностях и идеалах. А что за этим? Прежде всего — осознание (после десятилетий суперполитизации и идеологизации общества) простой истины: для большинства граждан политика и не должна быть главной сферой их жизни. Сегодня это признают и некоторые политологи. Так, М. Дюверже в книге «Социология политики» подчеркивал: «Все — или почти все — имеет политический аспект и ничто — или почти ничто — не принадлежит политике целиком»¹. Впрочем, в социальной мысли такие идеи не новы. Сошлемся хотя бы на мнение российского философа Н. А. Бердяева: «Неправедно политику признавать центром жизни. Довести политику как таковую до крайнего минимума, до окончания политики, до растворения ее в культуре и религии — вот что должно быть нашим регулятивом»². Одновременно важно понимать и другое: присущие людям политические (и иные) стереотипы — это реальность; поэтому политики должны их учитывать.

Как ни парадоксально, аполитичность может рассматриваться и как при-

¹ См.: Сытин А. Г. Политическая социология Мориса Дюверже // Власть и демократия: зарубежные ученые о политической науке : сб. статей. — М. : Издательство Российского открытого университета, 1992. — С. 83.

² Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. — М. : Наука, 1990. — С. 171.

знак становления гражданского общества. Ведь для гражданина такого общества участие или неучастие в политике — результат личного выбора, а не следование внешним требованиям. В гражданском обществе вмешательство политики в жизнь человека ограничено. Тотальный контроль извне, когда властные структуры определяют, что можно и что нельзя, сменяется внутренним самоконтролем личности: что она может и чего она не должна делать. Материалы опросов молодежи выявляют важнейшее противоречие ее политического сознания: контроль извне мало эффективен, самоконтроль еще не сформирован.

И еще один момент: аполитичность не тождественна гражданственности. В ней есть и негативный аспект — отказ от участия в любой политике и тем самым безразличие к судьбам общества. В свое время К. Маркс предупреждал о негативных последствиях разрыва во взаимопонимании властных структур и народа: «Правительство слышит только свой собственный голос, оно знает, что слышит только свой собственный голос, и тем не менее оно поддерживает в себе самообман, будто слышит голос народа, и требует также и от народа, чтобы он поддерживал этот самообман. Народ же, со своей стороны, либо впадает отчасти в политическое суеверие, отчасти в политическое неверие, либо, совершенно отвернувшись от государственной жизни, превращается в толпу людей, живущих только частной жизнью»¹. Но если верно — не каждый должен непосредственно участвовать в политике, то столь же верно другое — не может быть демократическим общество, в котором большинство аполитично. «Обществу, — по оценке Р. Дарендорфа, — смирившемуся с длительным существованием внутри него группы, по-настоящему в нем не заинтересованной, угрожает опасность. Это означает, что класс большинства отныне не уверен в устойчивости своего положения. Он устанавливает границы там, где их быть не должно, и колеблется, когда дело доходит до соблюдения правил, придуманных им же самим»².

С IV этапа мониторинга (2007 г.) в анкету был включен дополнительный вопрос, где респондентам предлагалось определить (вновь прием «взгляд со стороны», сочетающий личностную и обобщающую оценку), с чем связана аполитичность молодых россиян (табл. 98).

Таблица 98

Мотивы аполитичности молодых людей, % ответивших

Значения	2007	2009	2012	2016
Неуверенность, что личное участие может иметь значение	35	30	40	32
Отсутствие интереса к политике	25	30	37	38

¹ Маркс К. Дебаты о свободе печати // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 1. — С. 69.

² Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Фрагменты из книги // Иностранная литература. — 1993. — № 4. — С. 241–242.

Окончание табл. 98

Значения	2007	2009	2012	2016
Недоверие к политикам, низкий престиж их у молодежи	25	25	31	26
Наличие других, более значимых интересов	25	21	20	26
Слабая осведомленность о политическом процессе	19	20	25	23
Безразличие к политике (она далека от жизненных проблем)	16	16	19	19
Политика — грязное дело, нужно быть от нее подальше	12	10	17	13

В мотивации аполитичности переплетаются субъективные и объективные факторы, поскольку респонденты характеризовали не свою мотивацию, а мотивацию своих сверстников.

Уже в 2007–2009 гг. при незначительности расхождений в оценке отдельных мотивов сохранилась структура мотивации, ее приоритеты. Четко выделились два аспекта проблемы. С одной стороны, подчеркиваются свойства самой молодежи: отсутствие интереса к политике (отметил каждый третий в 2009 г. — четвертый в 2007 г.), слабая осведомленность о политической жизни (каждый пятый), наличие других интересов (каждый четвертый в 2007 г. — пятый в 2009 г.). С другой стороны, респонденты отметили и низкое реальное качество российской политической жизни. Именно этим в значительной степени и определяется политическая пассивность и аполитичность студенческой молодежи. Каждый третий респондент не уверен, что личное участие молодого человека может как-то повлиять на принимаемые политические решения. У каждого четвертого это дополняется недоверием к политикам. Сохранилось (хотя за 2007–2009 гг. и несколько уменьшилось) отношение к политике как к «грязному делу». В результатах мониторинга обращает внимание, что на первый план в оценках респондентов (которые в силу специфики вопроса выступают как своеобразные эксперты) выходит не негативное или безразличное отношение к политике, не отсутствие интереса к ней, а недоверие к политикам и главное — неуверенность, что личное участие может иметь значение. В интерпретации этой неуверенности можно (ссылаясь на предыдущие исследования) выделить ряд аспектов. Она, конечно, отражает реальную политическую отчужденность многих молодых людей, но все чаще — особенно среди студенчества — приобретает форму неприятия дилетантизма, непрофессионализма в любой сфере жизнедеятельности (в данном случае — в политической сфере).

Всплеск политической активности на рубеже 2011 и 2012 гг. отразился в своеобразной «активности респондентов»: практически по всем параметрам в 2012 г. возросло число респондентов, отметивших тот или иной параметр. По сравнению с 2009 г. возросла доля соотносивших аполитичность:

- с неуверенностью, что личное участие может иметь значение, — в 1,3 раза;
- с отсутствием интереса к политике — в 1,2 раза;
- с недоверием к политикам, низким престижем их у молодежи — в 1,2 раза;
- со слабой осведомленностью о политическом процессе — в 1,3 раза;
- с безразличием к политике (так как она далека от жизненных проблем) — в 1,2 раза;
- с представлением, что «политика — грязное дело», со стремлением быть от нее подальше — в 1,7 раза.

Лишь по параметру «наличие других интересов» доля респондентов (каждый пятый) не изменилась. И все-таки, несмотря на отмеченные изменения, структура мотивации аполитичности практически мало изменилась, показав свою устойчивость. А это означает, что дело не в какой-то априорной «аполитичности молодежи», как нередко утверждается политиками правой, центристской и левой направленности. Главное (и это отражает растущую политическую активность молодежи, особенно студенческой) — насколько реальная политическая жизнь позволяет (или не позволяет) ей почувствовать себя субъектом политических процессов и перемен, насколько реальные политики вызывают (или не вызывают) ее доверие, защищают (или не защищают) ее жизненные интересы (в данном случае перекос почти всех политических сил России в предвыборных ориентациях на электорат более старшего возраста весьма показателен), подтверждают (или опровергают) стереотип «политика — грязное дело».

Аполитичность части молодежи сегодня связана и с иллюзиями о демократии как быстрых и позитивных изменениях. Но уже с ранних этапов демократизации нашего общества важно понять: демократия несовершенна, она — процесс; преодоление тоталитаризма и авторитаризма — это отказ не только от произвола и всеилия власти, но и от стереотипа — «политика — дело каждого». Опросы молодых показывают: многие уже преодолели данный стереотип. Но — важный вывод «горячей зимы» 2012 г. — среди студенческой молодежи нарастает стремление быть самостоятельным участником политической жизни. И это движение от безликого «политика — дело каждого» к лично окрашенному «политика — мое дело» — примечательный итог VI этапа мониторинга. При этом и в 2012 г. не было зафиксировано серьезных гендерных различий в оценке мотивов аполитичности. Пожалуй, лишь о слабой осведомленности о политических явлениях, процессах, событиях девушки говорят в 1,4 раза чаще, чем юноши.

Однако уже неоднократно отмеченный спад протестной активности после мая 2012 г. сказался и на оценке мотивов аполитичности на новом, VII этапе (2016 г.). По большинству параметров ответы респондентов оказались на уровне 2007–2009 гг. Чуть выросло число ответов, соотносящих аполитичность молодежи с отсутствием интереса к политике (отмечено в отве-

тах каждых двух из пяти; вышло на первое место в иерархии мотивов). Как и в 2012 г., каждый пятый говорит о безразличии к политике, поскольку она далека от жизненных проблем (по крайней мере именно так ее воспринимает эта часть респондентов).

Общая тенденция конкретно проявилась и в отдельных вузах (рис. 161–167).

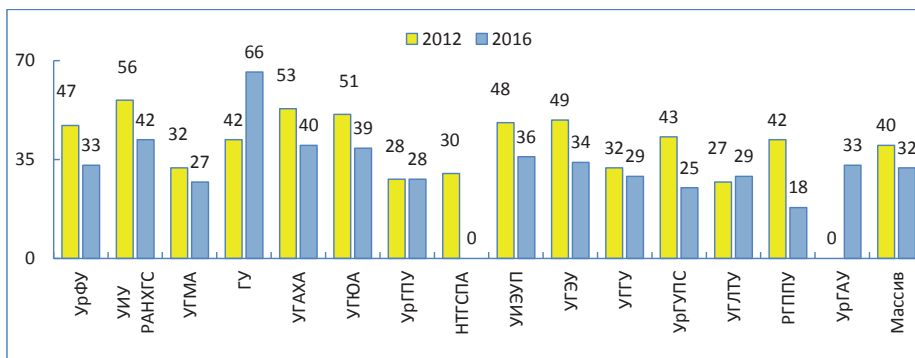

Рис. 161. Неуверенность, что личное участие может иметь какое-либо влияние как мотив аполитичности, по вузам, 2012–2016 гг., % ответивших

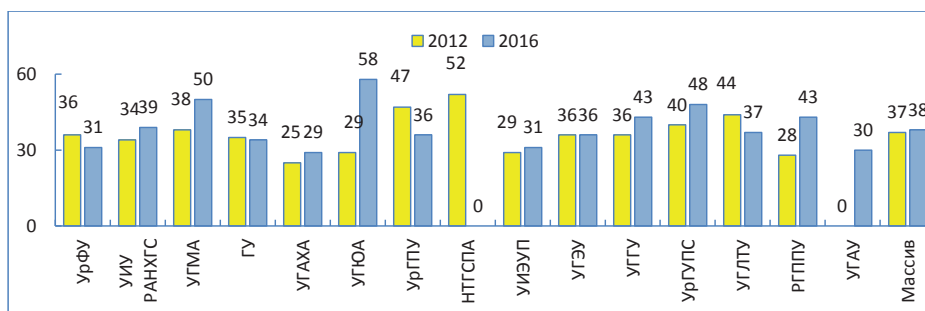

Рис. 162. Отсутствие интереса к политике как мотив аполитичности, по вузам, 2012–2016 гг., % ответивших

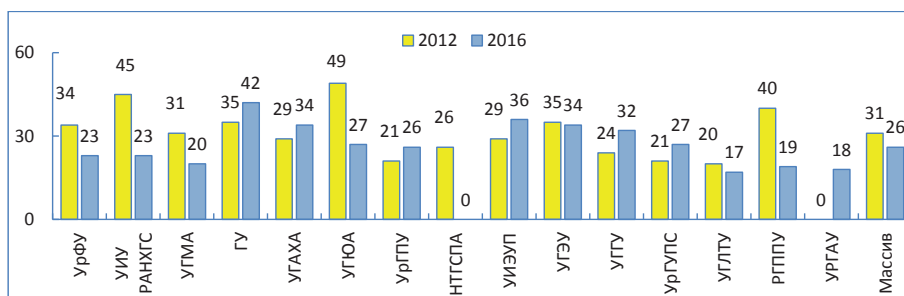

Рис. 163. Недоверие к политикам как мотив аполитичности, по вузам, 2012–2016 гг., % ответивших

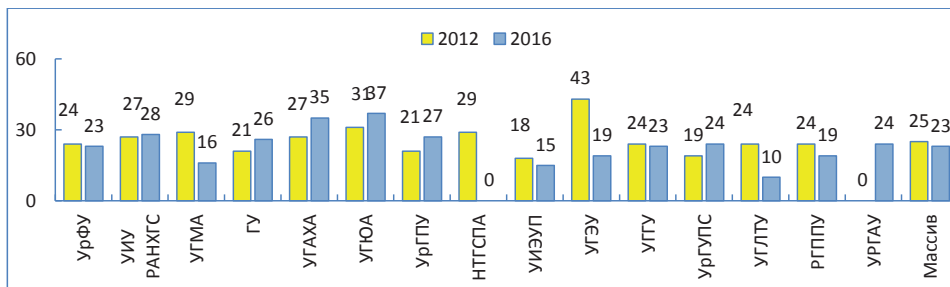

Рис. 164. Слабая осведомленность о политике как мотив аполитичности, по вузам, 2012–2016 гг., % ответивших

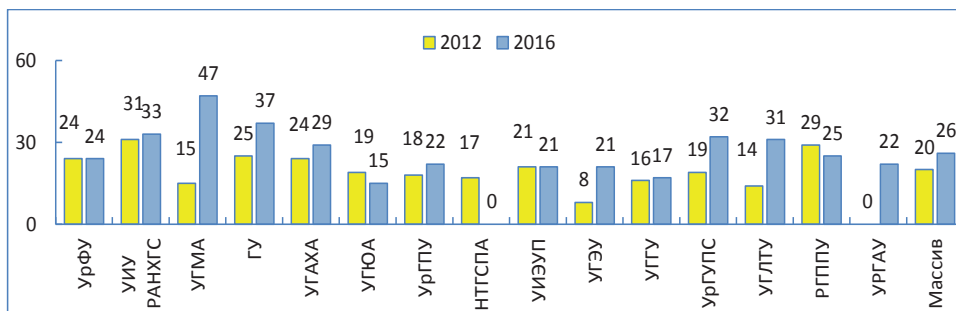

Рис. 165. Наличие других, более значимых интересов как мотив аполитичности, по вузам, 2012–2016 гг., % ответивших

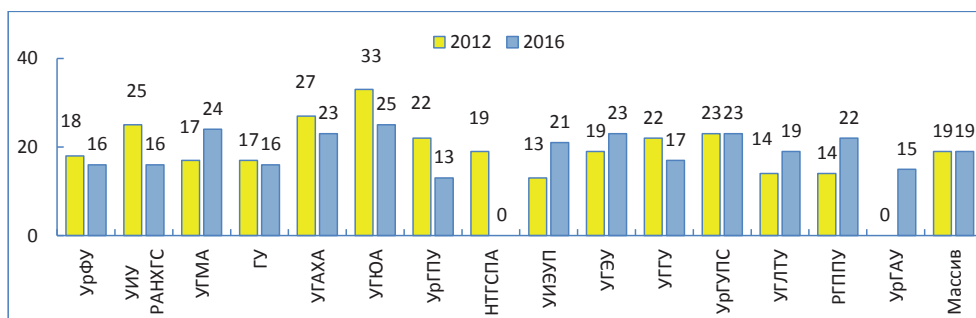

Рис. 166. Безразличие к политике как к делу, весьма далекому от жизненных проблем, как мотив аполитичности, по вузам, 2012–2016 гг., % ответивших

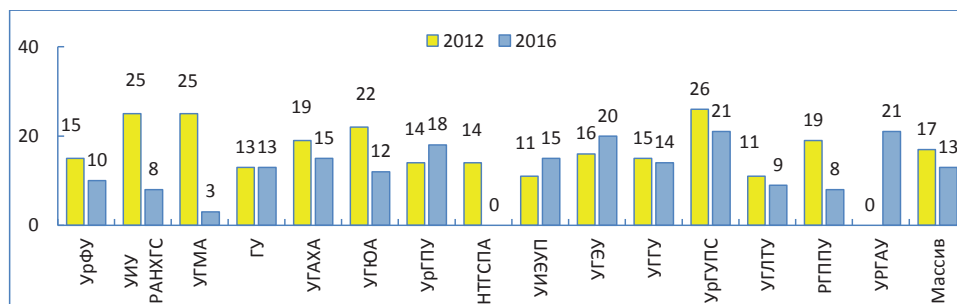

Рис. 167. Отношение «политика — грязное дело» как мотив аполитичности, по вузам, 2012–2016 гг., % ответивших

Для более глубокого понимания отношения студентов к политике, их гражданских позиций, характера и содержания их гражданской культуры важно выявить их идеологические позиции. Надо учитывать подходы в отечественной и зарубежной социальной науке к пониманию идеологии как социального феномена. В них акцентируется:

- ее характер как системы идей, отражающих социальную действительность с позиций определенной социальной группы;
- ее организационно-интегрирующая роль — разработка символов, стереотипов, мифов, которые объединяли бы общество, социальные группы вокруг господствующей или борющейся за господство элиты;
- ее противоречивое взаимодействие с научным познанием.

В социологической характеристике идеологических процессов сталкиваются концепции де- и реидеологизации. Теоретики «деидеологизации» («де» — означает завершение, преодоление) выделили важный момент конфликта науки с идеологией. Они говорили о «закате», «крахе» идеологий. Аргументация преобладала такая:

- классовость любой идеологии трактовалась как «искажение истины интересом»;
- соответственно идеология рассматривалась как «ложное сознание»;
- с развитием НТР возрастает роль науки, которая и замещает идеологию.

Многое в этой аргументации заслуживает внимания. Правда, спорным является исходное жесткое противопоставление научности и классовости. Но главное даже не в этом. Оказался явно недооцененным другой (побуждающий) аспект идеологии. Крушение идеологий, ценностей, идеалов порождает «идеологический вакуум», что сказывается на дезориентации людей. Они не знают, во что им верить, на какие ценности ориентироваться.

Именно такое состояние возникло сегодня в нашем обществе. Но оно приходит в противоречие с необходимостью активного участия людей в социальном обновлении общества. И не случайно, как попытка найти выход

из ситуации, получают распространение идеи «реидеологизации» («ре» — возрождение). В них подчеркивается ценностно-ориентирующая роль идеологии. Она рассматривается как способность каждого человека решать проблемы. Человек даже характеризуется как «идеологическое животное». Но и этот подход не лишен ограниченности: недооценивается, что в идеологиях так или иначе выражаются интересы различных слоев, социальных групп, общностей. В обществе, где существует и резко усиливается социальная дифференциация, расслоение, надежды на новую идеологию — «общечеловеческие ценности» — оказались очередной утопией.

С учетом сказанного, крайне важно, чтобы в рамках изучения различных (особенно гуманитарных) дисциплин реализовывался идеологический плюрализм, чтобы ученые усиливали научность, качество проводимых исследований, стремясь дать как можно более объективную картину социальных процессов в обществе. Конечно, нужно видеть и то, что идеологический плюрализм, многообразие позиций, мнений, оценок, рекомендаций и прогнозов ученых может по-разному сказаться на отношении к науке со стороны людей и властей, особенно с учетом многолетней привычки к идеологическому однообразию и с попытками утвердить его в новой форме.

Каковы же самооценки участников мониторинга в отношении их идеологических ориентаций? (табл. 99).

Таблица 99

Каковы ваши идеологические ориентации?

Значения	2007	2009	2012	2016
Я не придерживаюсь какой-то определенной идеологии	35	32	36	42
У меня нет четких ориентаций	23	27	27	25
Я за особый (российский) путь развития	24	21	15	16
Сторонник либеральных рыночных реформ	15	14	14	11
Меня привлекают идеи социализма	3	4	8	6

За годы мониторинга оставалось неизменным и даже усиливалось главное — более половины респондентов (в 2012 г. три из каждых пяти, в 2016 г. уже два из каждых трех) или не придерживаются никакой идеологии, или не имеют четких ориентаций. Результаты последних этапов мониторинга во многом сходны и отличаются лишь акцентами на ту или иную позицию. Но сами эти акценты не касаются общей картины. Более того, политический всплеск зимы 2011/2012 гг. фактически не привел к большей идеологической определенности. А дальнейший спад протестной активности лишь к 2016 г. еще более усилил эту неопределенность.

На VI этапе (2012 г.) было зафиксировано сокращение доли ориентированных на особый (российский) путь развития (за 2009–2012 гг. в 1,4 раза). Рост их числа на VII этапе (2017 г.) настолько мизерный, что не выходит за рамки математической погрешности. Некоторый рост на VI этапе доли тех, кого привлекают идеи социализма (в 2 раза), на VII этапе вновь сменился сокращением.

Однако структура идеологических ориентаций во многом остается неизменной. Хотя уже на VI этапе проявились некоторые новые тенденции. Вряд ли возможно полное отсутствие каких-либо гражданских позиций, хотя бы и на уровне обыденного сознания. Но если понимать под идеологией систему рационально осмысленных социально-политических ценностей, то ответы респондентов выглядят вполне правдоподобными. Лишь 2 из 5 респондентов (на V и VI этапах мониторинга), 1 из 3 (на VII этапе) более-менее четко определились.

Распределение сторонников различных идеологических позиций также представляется достаточно репрезентативным. В 2009 г., например, по оценкам респондентов, соотношение «самобытности (особого пути России)», «либерализма», «социализма» выглядело так: 5 : 3 : 1; в 2012 г. оно стало 2 : 2 : 1; в 2016 г. — 3 : 2 : 1.

По всем социологическим опросам последних 15–20 лет число сторонников идей социализма среди молодежи, в том числе среди студенческой молодежи, мало и все более сокращается. И 3–4 % в наших опросах были вполне прогнозируемой величиной. Поэтому рост числа сторонников социалистических идей — феномен неожиданный, хотя говорить о возможном «ренессансе социализма» вряд ли правомерно, скорее, речь может идти о растущем значении для студенчества идеи справедливости. Постепенно изменяется соотношение сторонников либеральных рыночных реформ и особого «российского» пути (их соотношение по результатам мониторинга в 2007 г. 1 : 1,6, в 2009 г. 1 : 1,5, в 2012 г. 1 : 1, в 2016 г. вновь 1 : 1,5). В условиях длительного существования кризисных проявлений в различных сферах жизни российского общества, с одной стороны, и в связи с успехами на нефтяном рынке, с другой стороны, иллюзии по поводу некоего «особого пути» получали широкое распространение. Но уже по итогам V этапа мониторинга было высказано предположение: «Сохранится ли это на перспективу, сказать трудно; по крайней мере иллюзорные представления на начальном этапе мирового кризиса, что его негативные социальные последствия «нас обойдут стороной», не оправдались». Для правильного учета отмеченного соотношения и его изменения важно подчеркнуть, что идеям либерализма не удалось увеличить число своих сторонников в студенческой среде. Жизнь все более явно говорит о реальности процесса глобализации — с ее, как выясняется, не только позитивной стороной. Учтем и то, что выбор того или иного идеологического ориентира у многих респондентов не является чем-то устойчивым,

глубоким, связанным с осмысленной жизненной позицией, убеждениями.

Сохранились и в 2016 г. выявленные на предыдущих этапах (особенно на VI этапе) серьезные гендерные различия в идеологических ориентациях студенчества: девушки чаще отмечают, что или не придерживаются никакой идеологии, или не имеют четких ориентаций; юноши, напротив, чаще указывают, что являются сторонниками конкретных идеологий.

Различия идеологических ориентаций студентов различных вузов представлены на рис. 168.

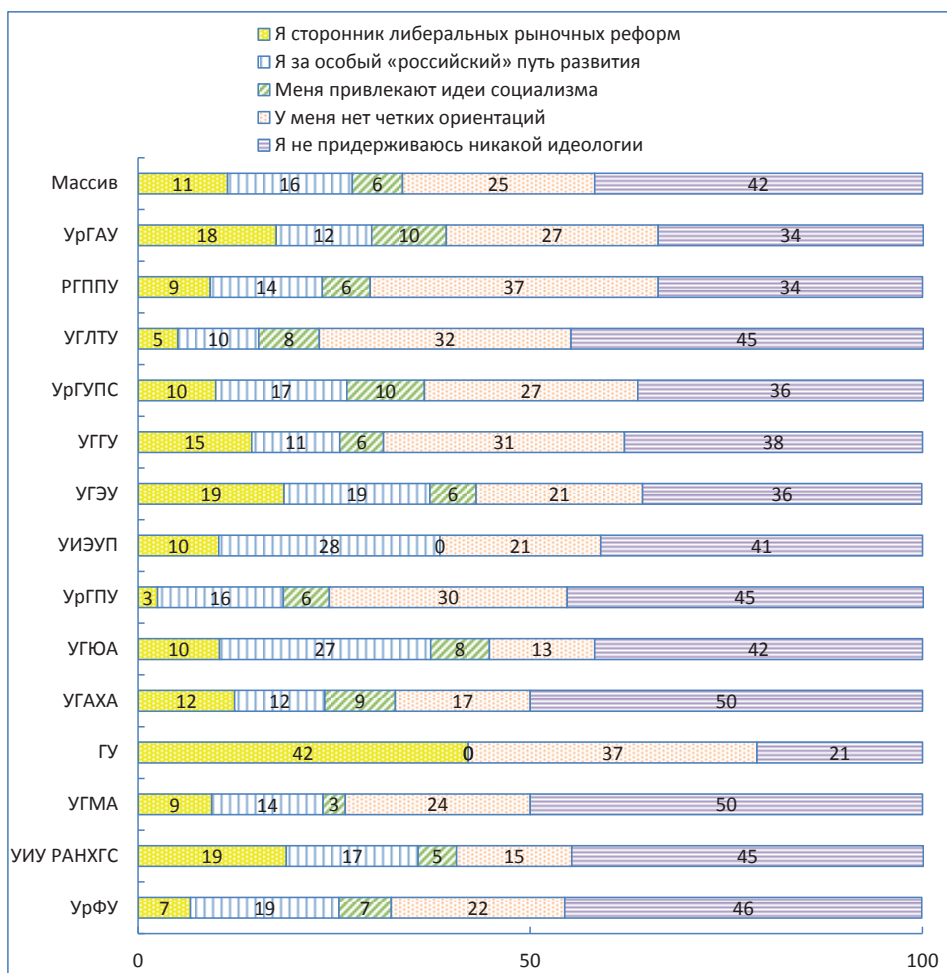

Рис. 168. Идеологические ориентации студентов, 2016 г., по вузам, % от группы

За разнообразием цифр вырисовывается достаточно четкая картина, во многом уже раскрытая в рамках общего анализа идеологических предпочтений. Одновременно это и «информация к размышлению» для администрации, педагогических коллективов и общественных организаций конкретных вузов для более детального анализа динамики по каждому вузу.

Конкретизацией и серьезным содержательным наполнением идеологических предпочтений и ориентаций выступает аксиологический компонент гражданской культуры студентов — их представления о свободе, равенстве и демократии.

Как же студенты понимают сущность свободы, насколько изменились эти представления за 4 года между VI и VII этапами, 2012–2016 гг. (табл. 100)? Достаточно заметно, что структурно представления студентов не очень изменились. Более того, в очередной раз удивляешься, насколько близки мнения и оценки совершенно разных людей, объединенных лишь социальным статусом студента. Именно поэтому можно говорить об устойчивых представлениях студенческой молодежи о свободе.

Таблица 100

Динамика ответов студентов на вопрос «Как вы понимаете, что такое свобода», 2010–2016 гг., % ответивших

Значения	2012	2016
Независимость в выборе жизненной позиции	53	55
Возможность самостоятельно обеспечивать себя средствами на жизнь	44	44
Возможность принимать самостоятельные решения с учетом общих законов	40	43
Наличие (и возможность реализации) неотъемлемых прав и свобод	26	24
Способность не обращать внимания на обыденность	20	21
Возможность выбирать руководство и влиять на законодательство	23	15
Действие в соответствии со своими убеждениями	8	9
Способность переступать через общественные ограничения и запреты	5	7
Способность не подчиняться закону, если он не нравится	6	4

Для этих представлений характерно следующее:

- определяющей для молодых людей выступает способность принимать решения самостоятельно, независимо;
- весьма значим и экономический смысл свободы (возможность самостоятельно обеспечивать себя средствами на жизнь);
- относительно низка ориентация на гражданский смысл свободы.

Ответы студентов показывают, что на вербальном уровне знания, понимания имеют приоритетное значение позитивные параметры свободы, имеющие определенный прагматический характер.

На втором месте по приоритетности — понимание неотъемлемости прав и свобод, что представляет отличительную черту именно гражданского общества в его цивилизационной интерпретации, а также такая характеристика внутреннего состояния человека, как способность не обращать внимания на обыденность, подняться над прозой и рутиной повседневной, обыденной жизни. Вероятно, это вполне естественная ориентация для молодых интеллектуалов, которыми, хотя бы в какой-то мере, являются студенты. В этом же блоке и прагматическое понимание свободы как возможности воздействовать на что-то: выбирать руководство и влиять на законодательство. Незначительное число сторонников получило понимание свободы, связанное с убеждениями человека, с его нравственными ориентирами жизнедеятельности, — с тем, что Кант называл «нравственный закон во мне».

В качестве положительного результата следует особенно отметить, что совершенно незначительно число сторонников понимания свободы как вседозволенности (переступать через общественные ограничения и не подчиняться закону). В целом студенты продемонстрировали достаточно высокий уровень гражданской культуры в понимании ее базисной ценности — свободы.

В социологии свободу соотносят с социальным контролем:

- свобода не противостоит правовым и нравственным нормам;
- она не беспредельна и ограничена правом на свободу другой личности;
- свобода неотделима от ответственности;
- она предполагает внутренний самоконтроль — определение для себя тех границ и рамок, за которые человек не может выйти;
- свобода — это самостоятельный выбор человеком жизненного пути, моделей поведения, конкретных жизненных решений.

Бытующее противопоставление социального контроля и свободы ошибочно в обоих крайних (односторонних) вариантах: контроль = ограничение свободы; свобода = бесконтрольность. Проблема свободы и социального контроля особенно значима в периоды кардинальных социальных изменений. Возникает чрезвычайно сложная для человека и общества ситуация. Старые тоталитарные нормы и механизмы социального контроля рушатся, новые демократические еще не утвердились. В обществе возникает правовой (шире — социальный) беспредел, а на уровне человека — ценностно-нормативная дезориентация. В итоге путь от запретительного типа социального контроля («запрещено все, что не разрешено») к разрешительному («разрешено все, что не запрещено») на деле порождает ориентир на вседозволенность («все разрешено!»). Поэтому у многих рождается тоска «по порядку», «сильной руке».

Нельзя сбрасывать со счета и то, что тоталитаризм и авторитаризм, ограничивая свободу личности, в чем-то снимали с нее бремя ответственности.

Такая модель поведения, когда выбор предписан, для многих молодых людей была удобна своей определенностью, ясностью, ненужностью принимать самостоятельные решения и отвечать за них.

Соотношение свободы и выбора порождает и непростые проблемы: всегда ли человек готов выбирать, имеет ли он достаточную информацию, обладает ли он необходимыми навыками и умениями для избранной сферы или вида деятельности, да и где гарантии, что выбор правильный, не придется ли ему сожалеть о выборе?

И, наконец, альтернатива выбора должна смениться каким-то одним определенным решением. А оно превращает другие варианты выбора в нереализованные возможности. Не будет ли человек сожалеть о них? Не попытается ли вернуться к ранее отвергнутым вариантам? Выясняется: свобода не означает — делай все, что хочется. Да и хотеть быть свободным еще не значит стать им. Свобода — плод серьезных усилий. Но пока, как показывают социологические исследования, свобода как базовая ценность культуры гражданственности не входит в число ведущих ориентаций молодежи.

Большое значение имеет для гражданской культуры и такая ценность, как равенство. На VI этапе мониторинга мы стремились выяснить, как студенты понимают равенство (табл. 101).

Эмпирические исследования не подтверждают довольно распространенной точки зрения, согласно которой российский менталитет отличается склонностью к уравнительности, а россияне только и мечтают о том, чтобы «все отнять и поделить». Вместе с тем, исходя из данных, полученных социологами, можно сделать вывод, что российское общество является умеренно традиционалистским. Мнения по поводу того, что важнее — уважение к сложившимся традициям, следование тому, что принято большинством, или инициатива, предприимчивость, поиск нового, — делятся почти пополам с небольшим (3–5 %) перевесом сторонников первой точки зрения.

Таблица 101

**Динамика ответов на вопрос «Как вы понимаете, что такое равенство»,
2012–2016 гг. % ответивших**

Равенство — это	2012	2016
Равные стартовые возможности для всех	38	32
Иллюзия: полного равенства условий жизни быть не может, но к нему надо стремиться	35	39
Плюрализм: надо терпимо относиться ко всем мнениям, взглядам, позициям, никакие из них нельзя запрещать	27	29

Налицо позитивные изменения и продвижение к более глубокому пониманию равенства в соотношении его с равенством возможностей и плюрализмом. Но сохраняется и пока преобладает противоречивая трактовка равенства, сочетающая понимание иллюзорности, несбыточности полного равенства в реальной жизни с нечетким пониманием мерности этого феномена. Причем в 2016 г. направленность этого противоречия несколько изменилась: чуть меньше в ответах акцентировалось равенство-возможность, чуть больше — иллюзорность достижения равенства. Наиболее принимаемое сегодня — и это качественная характеристика нового поколения россиян — отрицание уравниловки, псевдоравенства.

Получает распространение и идея равных стартовых возможностей. При этом для девушек эта идея чуть более значима (возможно сказывается то, что в реальной жизни именно они чаще сталкиваются с неравными стартовыми возможностями)¹.

Фундаментальная ценность гражданского общества — демократия (как оптимальный — в сравнении с авторитаризмом и тоталитаризмом — политический режим). При этом особо выделяются: характер запретов, осуществляемых властью; отношение людей к власти; характер политического поведения власти и масс. Для социологии демократия — это:

- вопрос прав, обязанностей, процедур, гарантирующих права и обеспечивающих положение, при котором обязанности выполняются или могут быть выполнены;
- система, где основные руководители избираются при помощи выборов, в которых имеет право участвовать основная масса населения;
- система взаимодействия индивидов, регулируемая сетью представляющих интересы групп внутри данного общества социально-политических институтов — в целях установления общего согласия;
- конкуренция групп и одновременно баланс влияний. Каждому индивиду предоставляется право политического влияния. Но это влияние реально значимо лишь в том случае, если индивид присоединяется к группе. В ней находит свое воплощение единство свободы и социального контроля, это — свобода, ограниченная законом.

В центре внимания социологов — функционирование демократии как относительно эффективного механизма взаимодействия политических элит, лидеров и масс (табл. 102).

¹ Поскольку одновременно с мониторингом проходило федеральное исследование РОС «Студенчество России о социальном равенстве и справедливости» и его результаты по свердловским студентам включены в монографию, мы ограничимся в данной главе лишь общей характеристикой мнений студентов.

Таблица 102

Предпосылки успешного функционирования демократии¹

Позиции	Предпосылки
1	Выборность общественных должностей
2	Плюрализм источников информации
3	Свободные и справедливые выборы
4	Согласованность политики правительства с волей граждан

При этом, преодолевая панполитизм, многие социологи уходят сегодня от понимания демократии как идеального политического режима. Все более подтверждается справедливость известного высказывания У. Черчилля («Демократия — худший вид правления, за исключением остальных, которые еще хуже»²) или аналогичной идеи К. Поппера («Мы основываем наш выбор не на добродетелях демократии, которые могут оказаться сомнительными, а единственно лишь на пороках диктатуры, которые несомненны»³). Осмыслением этого и явились идеи «противоречивости демократии участия», «пределов демократии», «иронии демократии»⁴.

Среди этих идей характеристика «демократии участия» как романтической фикции. Это обосновывается недостаточной компетентностью масс

¹ См.: Вишневский Ю. Р., Путинцева О. В., Трынов Д. В. Динамика развития гражданской культуры студенчества // Студенчество начала XXI века: ценностные ориентации и повседневные практики. — Екатеринбург, 2012. — С. 269–292.

² Самые известные высказывания У. Черчилля о демократии и политике [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://fb.ru/article/245810/samyie-izvestnyie-vyskazyivaniya-cherchillya-uinstona-o-demokratii-i-politike> (дата обращения: 09.03.2016).

³ Поппер К. Демократия [Электронный ресурс] // Новое публичное управление. Персональный сайт А. В. Павроза. — Режим доступа: <http://pavroz.ru/popper-democrasy> (дата обращения: 09.03.2016).

⁴ См., например, Даль Р. Демократия и ее критики / пер. с англ. — М.: РОССПЭН, 2003. — 576 с.; Закария Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами. 2004 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://mexalib.com/view/31284> (дата обращения: 09.03.2016); Закария Ф. Возникновение нелиберальных демократий // Логос. — 2004. — № 2(42). — С. 55–70; Каросерс Т. Трезвый взгляд на демократию // Pro et Contra. — 2005. — № 1. — С. 73–81; Красин Ю. А. Демократия перед вызовами: модификация или смена парадигмы? // Россия реформирующаяся: Ежегодник. Вып. 6. — М.: ИС РАН, 2007. — С. 255–264; Лэш К. Восстание элит и предательство демократии: пер. с англ. Дж. Смити, К. Голубович. — М.: Логос; Прогресс, 2002. — 224 с.; Олейник А. Н. Эрозия демократии в России и на Западе в свете гипотезы о негативной конвергенции // ОНС. — 2007. — № 3. — С. 28–46; Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. — М.: РОССПЭН, 2003. — 368 с.; Barber B. R. Strong Democracy — Participatory Politics for a New Age. — 20th ed. — University of California Press, 2004. — 325 p.; Barber B. Participatory Democracy // Encyclopedia of Democracy. — N. Y., 1995. — V. 3. — P. 923; Zakaria F. The Future of Freedom: Illiberal Democracy at Home and Abroad. — N. Y., 2003; Zakaria F. The Rise of Illiberal Democracy // Foreign Affairs. — 1997, nov./dec. — P. 22–43; The Concise Encyclopedia of Democracy. — N. Y.: Taylor and Francis, 2013. — 470 p. — и др.

в вопросах управления, поскольку у них «нет ни времени, ни информации, ни навыков, ни знаний». Вновь актуализируются идеи авторитарности и антиинтеллектуальности масс, их склонности к насилию, невозможно предугадать, в каком направлении они могут пойти. Поэтому признается: «вера в то, что демократия способна изменить мир к лучшему, иссякает». Предлагается вслед за Б. Барбером говорить не о «демократии», а о «демократиях». Утверждается, что «демократия — это не столько правление народа или правление масс, сколько правление образованных граждан».

«Ирония демократии состоит в том, что именно массы, а не элита, представляют угрозу для сохранения демократических ценностей». Демократия — это «власть народа», но ответственность за выживание демократии лежит на плечах элит. Это ирония демократии: элиты должны править мудро, чтобы власть народа выжила. Если бы жизнеспособность американской системы зависела от активных, информированных и просвещенных граждан, то демократия в Америке исчезла бы уже давно, ибо массы в Америке апатичны и дезинформированы в политическом отношении и удивительно мало привязаны к демократическим ценностям»¹. Соответственно «жизнеспособность демократии» соотносится с «ее сдержанностью».

Конечно, эти идеи не должны восприниматься однозначно. Не следует понимать их и как стремление уйти от демократии к диктатуре. Но главное — это ориентация на трезвую научную оценку демократии, которая противопоставляет ее не только диктатуре, но и охлократии (власть толпы). Вряд ли оправдано и жесткое противопоставление некомпетентных масс и элит. Не останавливаясь на специальном анализе этой проблемы, приведем мнение Т. Парсонса: «Высокое политическое развитие требует статусной дифференциации среди взрослого населения путем комбинации двух оснований. Первый включает уровни ответственности за согласованные коллективные действия и дает опору институтам лидерства и авторитета. Второй касается уровней компетентности, определяющихся знаниями, умениями и т. п. и придает большее влияние в коллективных действиях более компетентным»². К тому же сами элиты могут рассматриваться и в аксиологическом ракурсе: «Элиты предстают перед массами как воплощение социальных ценностей и как агенты их эффективной реализации»³.

Различия в компетентности, способности брать на себя ответственность, умении принимать решения — необходимые предпосылки эффективного функционирования общества, его политической системы и политической культуры. Итак, демократия — весьма многогранное, многоаспектное яв-

¹ Dye T., Zeigler H. The Irony of Democracy. An Uncommon Introduction to American Politics. — 14-th ed. — Belmont : Wadsworth Cengage Learning, 2009. — P. 2.

² Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://socioline.ru/pages/tparsons-ponyatie-obschestva-komponenty-i-ih-vzaimootnosheniya> (дата обращения: 19.03.2016).

³ Санистебан Л. Основы политической науки / пер. с исп. — М. : Владан, 1992. — С. 15.

ление. Утверждение такого понимания демократии — процесс длительный и противоречивый.

Федеральное исследование РОС о гражданской культуре студентов (2007 г.) позволило увидеть динамику такого понимания и зафиксировать основные тенденции этих изменений¹.

Уже в 2007 г. мы отмечали, что из четырех выделяемых студентами приоритетных компонентов демократии, как и среди выделяемых параметров свободы, есть прагматичные (возможность граждан оказывать влияние на решение государственных вопросов, законность и правопорядок), гуманитарные (свобода личности) и социальные (равноправие граждан). Среди второй группы компонентов демократии студенты отметили социально-политический (власть народа, возможность защищать свои права законным образом) и социокультурный (свобода слова, мнений). Наименее значимы, по мнению студентов, ответственность и подконтрольность власти; право избирать руководителей разных уровней; учет интересов меньшинства.

Таблица 103

Что, на ваш взгляд, является самым главным в демократии, 2007 г., % ответивших

№	Варианты ответов	%
1	Возможность граждан влиять на решение государственных вопросов	44
2	Свобода личности	42
3	Равноправие граждан	35
4	Законность, порядок	35
5	Возможность защищать свои права законным образом	27
6	Свобода слова, мнений, СМИ	26
7	Власть народа	18
8	Ответственность и подконтрольность власти	14
9	Возможность регулярно избирать руководителей разных уровней	8
10	Учет интересов меньшинства	8
11	Условие и предпосылка экономического благополучия	6

¹ См.: Гражданская культура современного российского студенчества / Ю. Р. Вишневский [и др.]. — Екатеринбург : УГТУ–УПИ, 2007; Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т. Гражданская культура российского студенчества: Итоги Федерального исследования // Гражданская культура современного студенчества : материалы Междунар. конф., посвященной 50-летию ССА-РОС. — Екатеринбург : УГТУ–УПИ, 2007. — С. 66–75; Актуальные проблемы гражданской культуры студенчества // Ю. Р. Вишневский [и др.] // Российская молодежь в условиях общественных преобразований. Вып. 1. — Екатеринбург : УрАГС, 2007. — С. 52–57; Vishnevskiy S. Yu., Vishnevskiy Yu. R., Shapko V. T. Topical Issues of the Formation Process of the Civic Culture of Young People in Modern Russian Society // Conflict, Citizenship and Civil Society. — М., 2007. P. 165–177.

Отмечались и изменения в понимании демократии по сравнению с 1990-ми гг. Прежде всего они были связаны с несомненным приоритетом свободы личности, ее активного влияния на принятие управленческих решений над законностью и порядком. Как весьма противоречивое было оценено то, что лишь каждый четвертый респондент ассоциировал понятие демократии со свободой слова, мнений, СМИ и возможностью защищать свои права законным образом. Это порождало вопросы. С чем связана такая недооценка студентами этих важнейших компонентов демократии: с пропагандистским акцентом на особенности российской демократии, с ее реалиями, с их известным прагматизмом в отношении демократии, когда она понимается как инструментальная ценность, путь к благополучию? Кстати, в 1990-х гг. именно такое понимание демократии преобладало в массовом сознании россиян. И это не могло не сказаться на ценностных установках студенческой молодежи.

На VI этапе (2012 г.) мониторинга мы вернулись к постановке данной проблемы перед респондентами. На VII этапе (2016 г.) вопрос был повторен (табл. 104).

Таблица 104

**Что, на ваш взгляд, является самым главным в демократии,
2012–2016 гг., % ответивших**

Варианты ответа	2012	2016
Возможность граждан влиять на решение государственных вопросов	46	40
Свобода личности	36	25
Власть народа	27	23
Равенство прав и свобод	25	18
Законность, правопорядок	28	17
Свобода слова, мнений, СМИ	19	6
Ответственность и подконтрольность власти	11	5
Частная собственность	7	2
Учет интересов меньшинства	7	2
Это условие и предпосылка экономического благополучия	4	2

При сокращении числа ответов почти по всем параметрам (по ряду из них — значительном) все-таки в главном структура понимания демократии сохранилась. И в приоритетах — возможность граждан влиять на решение вопросов управления государством; свобода личности. И в сохраняющейся недооценке ряда важных параметров демократии — свобода слова, мнений, СМИ; ответственность и подконтрольность власти; учет интере-

сов меньшинства. Сохранились и незначительные различия по гендерному признаку: у юношей чуть сильнее акцентируются прагматические аспекты понимания демократии, у девушек — гуманитарные и социальные. За годы рыночных реформ так и не удалось сформировать у студенческой молодежи (родившейся и выросшей в эти годы) понимание взаимосвязи демократии и экономического благополучия, демократии и частной собственности. Но вряд ли в этом стоит обвинять саму молодежь. Скорее, она реалистична в оценке низкой эффективности этих явно затянувшихся реформ.

Акцент на свободу личности (отмечен в более трети ответов респондентов) отражает растущее понимание значимости автономности личной жизни. Впрочем, продолжает действовать и стереотип допустимости вмешательства в частную жизнь (что в определенной мере проявляется в акценте на законность и порядок).

И тут возникает необходимость обратиться к правосознанию студенчества. Права и свободы личности являются системной характеристикой гражданского общества, а развитое правосознание — важнейшим элементом гражданской культуры.

Как справедливо отмечали Ю. А. Зубок и В. И. Чупров, «правовая культура» охватывает «совокупность знаний, ценностей и установок личности относительно прав и возможностей их практического осуществления, реализуемых в процессе взаимодействия субъектов правовых отношений». Она представляет «сложный комплекс явлений общественной жизни, включающий правовые нормы, принципы, правосознание, правоотношения, правовое поведение в процессе реализации жизненных установок»¹.

Приоритет права — то, без чего гражданское общество в реальности невозможно. Неслучайно с понятием гражданского общества тесно коррелирует понятие правового государства. При этом важно понимать дуалистическую природу права: «Право, ограничивая личную свободу, должно в то же время и обеспечивать ее. Иначе оно вырождается в насилие и деспотизм. Свобода, которая ограничивается, но и обеспечивается правом, называется гражданской свободой»². Для личности и социальной общности право предстает непосредственно в виде законов. «Политическая свобода состоит не в том, чтобы делать то, что хочется, — отмечал Ш. Монтескье еще в XVIII в., — в государстве, т. е. в обществе, где есть законы, свобода может заключаться лишь в том, чтобы иметь возможность делать то, чего должно хотеть, и не быть принуждаемым делать то, чего не должно хотеть»³. Поэтому основной компонент правосознания — отношение к закону. Оно реализуется, как и многие другие компоненты культуры гражданственности, в трех взаимосвязанных

¹ См.: Зубок Ю. А., Чупров В. И. Правовая культура молодежи в ракурсе трансформационных стратегий // Социологические исследования. — 2006. — № 6. — С. 37.

² Витте С. Перепутье // Новое время. — 1994. — № 32. — С. 41.

³ Монтескье Ш. Избранные произведения. — М.: Мысль, 1965. — С. 288–289.

аспектах: гносеологическом (знание законов), аксиологическом (ценностное восприятие законов), праксеологическом (следование законам в поведении).

Каждый из этих аспектов в реальной жизнедеятельности разных личностей, общностей и социума в целом может иметь широкий диапазон в уровне и направленности: от глубокого знания законов до поверхностного знания и даже до полной правовой неграмотности и неинформированности; от позитивной оценки законов (как справедливых, своевременных, полезных, защищающих права человека) до негативной (как несправедливых, устаревших, ненужных, ограничивающих права человека); от неукоснительного следования законам до избирательного отношения к ним и даже до прямого нарушения их. Возможен и разрыв в уровне развитости отмеченных аспектов, когда хорошее знание закона не исключает правонарушение или негативная оценка закона используется как аргумент для избирательного его применения. Ориентиром в формировании высокой правовой культуры студенчества могут быть размышления известного российского философа И. Ильина: «Могут встречаться нецелесообразные или несправедливые законы, которые были неудачны с самого начала, или такие, которые с течением времени утратили свою жизненную полезность, но закон не отменен, он должен применяться и соблюдаться по римской формуле — «суров закон, но он закон». Тот, кто умеет блюсти «суровый» закон вплоть до его отмены, — тот предотвращает анархию и бесправие, ограждает принцип права и воспитывает правосознание своих граждан»¹.

Но отношение россиян к закону и сегодня остается крайне противоречивым. С одной стороны, скорейшее восстановление законности и правопорядка в стране абсолютное большинство россиян считает главным и безусловным приоритетом. Это закономерная реакция общества на разгул преступности, произвол и коррупцию властей, хаос и неопределенность затянувшегося переходного периода. С другой стороны, справедливо обвиняя власть в беззаконии, россияне именно с нею связывают свои надежды на восстановление (наведение) порядка и снимают с себя ответственность за соблюдение закона. Иначе говоря, естественное стремление людей к стабильности и законному порядку не сопровождается пока готовностью общества собственными усилиями добиваться его установления; неукоснительное соблюдение закона не стало императивом личного поведения, это требование люди склонны адресовать скорее другим, нежели самим себе. Эту амбивалентность постсоветского сознания отмечают многие специалисты²: людей тяготят беззаконие и беспорядок и в то же время не привлекает жизнь по закону. Такие ментальные установки существенно тормозят

¹ Ильин И. А. Путь к очевидности. — М. : Республика, 1993. — С. 254.

² Руденкин В. Н. Проблема общественного контроля за властью: политико-культурный аспект // Россия и регионы: Социальные ориентиры политического и экономического развития : материалы XX Междунар. науч.-практ. конф. Ч. I. — Челябинск, 2003. — С. 90–91.

становление гражданского общества, усугубляют атомизацию общества, усиливают взаимную отчужденность и подозрительность.

В истории социальной мысли негативное отношение к законам идет от софистов. Гиппий определял закон как «тирана людей», часто действующего насильственно, вопреки природе. Развивая эту идею, Антифонт противопоставлял врожденные, необходимые законы природы и искусственные законы государства, являющиеся результатом соглашения между людьми и нередко враждебные их природе. Этим искусственным законам стоит следовать лишь при свидетелях, а наедине нужно следовать законам природы¹.

В рамках Федерального исследования РОС (2007 г.) исследовалось, для чего необходимы, по мнению студентов, законы в современном обществе; какая функция законов является определяющей — охрана прав граждан или, наоборот, их ограничение. Суждения студентов показали, что на вербальном уровне у значительного большинства вполне цивилизованное представление о сути законов и их роли в обществе. Только каждый пятый рассматривал свободу как вседозволенность, а любое ограничение как ущемление прав и свобод. В ходе этого исследования выяснялось, насколько они знакомы с основными нормативными актами. По самооценкам студентов, лучше всего они были знакомы с Конституцией, что в определенном смысле представляет собой информационную основу гражданской культуры. Затем следуют Трудовой кодекс, Уголовный кодекс и Гражданский кодекс, хотя каждый четвертый-пятый студент был совершенно незнаком с этими важнейшими правовыми актами. В степени знакомства со всеми остальными нормативными актами (особенно с законодательством в сфере образования и молодежной политики) ситуация еще хуже: доля совершенно не знакомых заметно превышала долю хорошо или поверхностно, частично знакомых. В целом картина получилась весьма удручающая, хотя и достаточно ожидаемая. Особенно тревожным было то, что такие ответы дали студенты-третьекурсники, которые должны были бы изучить курс «Правоведение».

В 2016 г. свердловское студенчество участвовало в сравнительном исследовании. Уже предварительные данные² показали, что в информационном компоненте правовой культуры студентов произошли позитивные изменения. Резко (в два-три раза) сократилось число респондентов, которые были бы незнакомы не только с Конституцией (7 %), но и с Трудовым и Гражданским кодексами (по 12 %), Уголовным кодексом (14 %), Административным и Семейным кодексами (по 17 %).

На VI этапе мониторинга (2012 г.) для выявления уровня правовой культуры студенчества был использован вопрос об отношении к допустимости нару-

¹ См.: Антология мировой философии : в 4 т. — М. : Мысль, 1969. — Т. 1, ч. 1. — С. 320–321.

² См.: Изучение и анализ гражданской культуры молодежи Свердловской области / Ю. Р. Вишневецкий [и др.]. — Екатеринбург : Региональный центр патриотического воспитания, 2016. — 120 с.

шений закона. На VII этапе (2016 г.) вопрос сохранили, хотя и дополнили варианты ответа. Каково же мнение респондентов данного этапа мониторинга по этому вопросу, что изменилось в оценках студентов за 4 года? (табл. 105).

Тревожное обобщение, сделанное в 2007 г., что в ответах студентов отражается одна из самых глубоких и серьезных проблем становления гражданского общества и гражданской культуры — отношение к закону, как к чему-то необязательному — остается справедливым и сегодня. Правда, отметим и позитивный момент — доля «законопослушных» выросла в 2012 г. (по сравнению с 2007 г.) в 1,4 раза. Рост их доли продолжился и в 2016 г. Но то, что сегодня «законопослушных» не 1 из 4 (как в 2007 г.) или 1 из 3 (как в 2012 г.), а два из пяти (как в 2016 г.), не снимает остроты проблемы. Устойчиво сохраняется и определенный перекося по полу: девушки демонстрируют более законопослушное поведение.

Таблица 105

Допустимы ли нарушения законов, % ответивших

Вариант ответа	2007	2012	2016
Нет, закон всегда закон	23	32	36
Да, если закон ограничивает права личности	23	26	22
Да, многие законы непонятны, поэтому часто нарушаются	22	15	11
Да, во имя пользы дела	17	17	15
Да, во многих законах заложены невыполнимые нормы	15	14	4
Да, из-за быстрой смены законов	7	7	3
Да, многие законы пишутся не для всех	—	—	7
Да, многие законы носят характер декларации	—	—	3

Мотивация нарушения закона выглядит в некоторых обоснованиях прагматично («ради пользы дела» — мнение каждого шестого), а в некоторых — даже имеет гуманистическую видимость («если закон ограничивает права личности» — устойчивое объяснение каждого четвертого-пятого). Сказываются выявленные Ю. А. Зубок и В. И. Чупровым в 2000-х гг. тенденции инструментализации и прагматизации правового сознания молодежи¹. Вероятно, имели реальное основание и мнения студентов о непонятности законов как о причине нарушения их. Действительно, законодатели нередко забывают разумное правило Т. Гоббса: «Хороший закон — это тот, который необходим для блага народа и одновременно общепонятен»². Тем позитивнее, что за 2007–2016 гг. число респондентов, оправдывающих возможность нарушения законов их непонятностью, сократилось вдвое.

¹ Зубок Ю. А., Чупров В. И. Правовая культура молодежи в ракурсе трансформационных стратегий // Социологические исследования. — 2006. — № 6. — С. 40.

² Гоббс Т. Соч. : в 2 т. — М. : Мысль, 1991. — Т. 2. — С. 270.

Но все же за позицией многих студентов о необязательности соблюдения законов маячит страшная формула «цель оправдывает средства». Пока значительная часть населения, особенно студенческой молодежи, относится к закону именно так, гражданское общество и развитая гражданская культура будут оставаться скорее мечтой, нежели реальностью.

Из разнообразия вариантов ответов в качестве «информации к размышлению» выделим «законопослушных» («нарушения законов недопустимы, закон есть закон») (рис. 169).

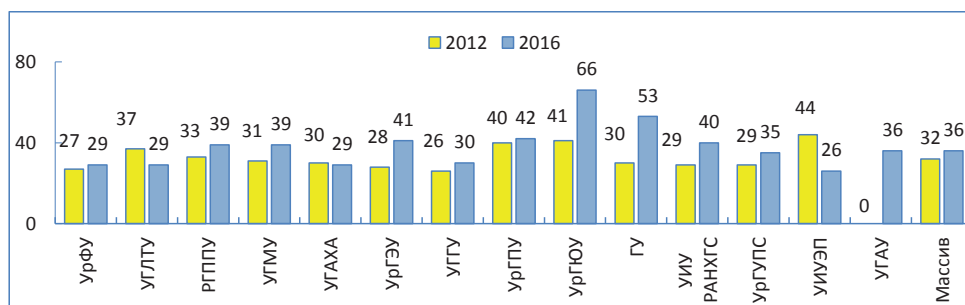

Рис. 169. Доля считающих недопустимым нарушение законов, по вузам, 2012–2016 гг., % ответивших

Общий рост в 2016 г. доли «законопослушных» проявился почти по всем вузам (снижение зафиксировано лишь у респондентов из УГЛТУ, УГАХУ и УИУЭП). Во многом подтвердился (кроме УИУЭП) и вывод 2012 г.: «законопослушных» больше, чем в среднем, в вузах юридического профиля (что вполне объяснимо) и в педагогических вузах (что очень важно, учитывая будущую социальную роль их выпускников в формировании правовой культуры учащихся). Более чем в 1,5 раза возросла их доля в УрГЮУ (где их стало два из каждых трех).

Сохранилась и в 2016 г. — без особых изменений — и парадоксальность группового портрета «законопослушных». В этой группе больше, чем в среднем, представлены студенты естественно-научного профиля и чуть меньше — студенты социально-экономического и гуманитарного профиля. Среди студентов этой группы больше, чем в среднем, живших до поступления в вуз в Екатеринбурге и в малых или средних городах. Среди них выше, чем в среднем, интересующихся политикой и активно участвующих в политической жизни, но одновременно и больше готовых при защите своих прав идти на крайние меры (в том числе и связанные с нарушением законов).

Однако при всех позитивных изменениях серьезные перекосы в правовом сознании студенчества, зафиксированные уже на ранних этапах мониторинга, преодолеваются слишком медленно:

- распространение правового нигилизма;

- усиление неуважения к закону, правовым нормам (каждые трое из пяти респондентов соотносят свободу с неподчинением закону или считают возможным во имя выгоды его обойти; для каждого третьего основной критерий свободы — совесть, а не закон);
- переход от бездумного исполнительства к неисполнительности как результат смены одного типа социального контроля (основа — запреты) другим (основа — самоконтроль);
- нарастание антиавторитарных настроений, отрицание любых ограничений, норм;
- усиление ситуационного подхода в оценке правонарушений, когда более двух третей респондентов считают, что существуют ситуации, в которых совершение правонарушений допустимо.

Указанные перекосы возникают, конечно, не в вузе. Во многом правосознание студентов вузов является продолжением правосознания школьников, учащихся профтехучилищ, лицеев, студентов колледжей.

Распространение в студенческой среде противоправных настроений во многом связано (и на это указывают сами опрошенные) с правовой и политической ситуацией в стране. Длительный кризис власти, нестабильность законодательства, огромное число новых законов (нередко противоречащих друг другу), несостыкованность законов разного уровня, сосуществование новых правовых норм и устаревших, обилие белых пятен в законодательстве — все это не может позитивно влиять на правосознание молодежи.

В условиях возникшего идейного вакуума, снижения ценности человеческой жизни, размывания исторической памяти, разобщения людей, в сознании значительной части студентов утвердилось понимание, что в современной действительности трудно преуспеть, если придерживаться нравственных норм. Во многом такое отношение к праву и законам детерминировано кризисом в отношениях населения и власти, господствующего класса, крайне низким уровнем ее легитимности в социологическом смысле этого понятия. Утрата властью легитимности — предпосылка или следствие кризисной ситуации в обществе. По оценке Д. Белла, «главным последствием кризиса является утрата «*civitas*» — этого стихийного желания людей подчиняться закону, уважать права других, воздерживаться от искушения частного обогащения в ущерб общему благу, короче, чтить общество, членами которого они являются»¹.

Следующий уровень анализа — отношение студентов к конкретным идейно-политическим течениям. Формирование многопартийности, политического плюрализма порождает пестроту и неустойчивость этих течений. Поэтому сегодня трудно жестко соотнести ту или иную идейно-политическую позицию с определенной партией (тем более что сегодня типичным мето-

¹ Белл Д. Грядущее индустриальное общество. Опыт социального прогнозирования [Электронный ресурс]. — М. : Академия, 1999. — Режим доступа: <http://ecosman.hse/text/19189772> (дата обращения: 16.06.2010).

дом политической борьбы стало перехватывание лозунгов или целенаправленный отказ от их четкой формулировки). Тем не менее анализ отношения студенческой молодежи к конкретным партиям показателен.

Отношение студентов к политическим партиям регулярно рассматривалось в мониторинге. Но сопоставление данных затруднено из-за использования разных методик (в 2003 г., например, акцент делался на характере такого отношения: интерес — безразличие). Да и перечень партий за эти годы существенно менялся: одни — такие, как «Единая Россия» — выходили в лидеры, другие сходили с политической арены, третьи объединялись, утрачивая самостоятельность.

Уже на I этапе мониторинга (1995 г.) выяснялось отношение студентов к политическим партиям и движениям. Политические пристрастия и приоритеты студентов нельзя оценивать однозначно. Набор партий и движений (и политических лидеров) был ограничен теми, кто представлен в Государственной думе (по реалиям на момент опроса). Тем самым оценки были сориентированы на прошлое и настоящее, чем на предстоящие выборы (табл. 106).

Таблица 106

**Как вы относитесь к политическим партиям, движениям, 1995 г.,
% по каждой партии, движению**

Партии, движения	Положительно	Отрицательно	Ничего не знаю	Индекс*
I–II «Выбор России»	44	18	38	+0,26
I–II «Яблоко»	38	12	50	+0,26
III Женщины России	29	17	54	+0,12
IV ПРЕС (партия российского единства и согласия)	24	17	59	+0,07
V Союз «12 декабря»	18	13	69	+0,05
VI ДПР (Демократическая партия России)	13	13	74	0,00
VII Аграрная партия	11	20	69	-0,09
VIII КПРФ	5	48	47	-0,43
IX ЛДПР	7	70	23	-0,63

* Индекс = разница «+» и «-» оценок/100.

Как видим, предпочтения студентов достаточно четкие. Предложенный для оценки респондентам список партий и движений был персонифицирован — в него включались и их лидеры. Поэтому по оценкам студентов может быть составлен своеобразный рейтинг политических лидеров:

I–II — Г. Явлинский, Е. Гайдар;

III — Е. Лахова;

- IV — С. Шахрай;
- V — Б. Федоров;
- VI — С. Глазьев;
- VII — М. Лапшин;
- VIII — Г. Зюганов;
- IX — В. Жириновский.

Понятно, что сегодня эти результаты уже устарели. Но и они достаточно информативны. Прежде всего оценки студентов сильно отличались от результатов выборов в Государственную думу в 1993 г.: ЛДПР, получившая в думе 64 мандата (столько же, сколько и «Выбор России»), и КПРФ, занявшая третье место (42 мандата), получили у студентов самые низкие оценки.

Понятно, что не могли быть учтены позднее возникшие избирательные блоки и движения, внесшие существенные поправки в расстановку политических сил России. Не проходит бесследно и политическая линия средств массовой информации (телевидение, радио, пресса), федеральных и местных. Наконец, на многих студентов оказывает влияние и опыт общения с приезжающими в Екатеринбург политическими лидерами (и своего общения, и общения других в процессе беседы, разговоры с друзьями и знакомыми, слухи и т. д.). В частности, в период опроса в Екатеринбурге побывали С. Глазьев и Б. Федоров, что заметно повысило их рейтинг.

Но и с учетом отмеченных оговорок можно сделать весьма определенные выводы: большинство студентов отдают предпочтение демократическим реформам; даже в условиях, когда многие студенты непосредственно ощущают негативные последствия этих реформ, общедемократическая направленность их ориентаций сохраняется.

На основе результатов исследования 1995 г. были сделаны прогностические выводы. Один из них — о возможности дальнейшей переоценки ценностей и снижении престижа в глазах студентов демократических партий и движений. Это соотносилось с отсутствием единства демократического движения; деидеологизацией студенчества, крушением веры в различные «измы», что сказывалось на достаточно широкой поддержке студентами неполитических движений и объединений, выдвигающих в качестве основной задачи социальную защиту определенных групп населения. Наиболее наглядно это проявилось в достаточно высоком рейтинге в студенческой среде объединения «Женщины России», что позволяло предположить о немалой поддержке, которую могло бы получить у студентов движение, стремящееся специально защитить и защитить интересы молодых людей.

Коммунистическая и национально-патриотическая ориентации не получили широкой поддержки среди студенчества. Но и недооценивать те 6–8 %, которые симпатизируют КПРФ и ЛДПР, не стоит. К тому же дальнейшее углубление социально-экономического кризиса в стране смогут несколько увеличить число сторонников этой части оппозиции. Расширение электо-

рата ЛДПР за счет студентов связано с тем, насколько ей удастся преодолеть распространяемый стереотип: ЛДПР = фашизм. Точно так же перспективы КПРФ связаны с преодолением предубеждений в отношении коммунизма и социализма (или с эффективными действиями по реализации программного лозунга: «Вперед к социализму!»). Пока же, как можно было судить по результатам опроса, влияние уже сложившихся имиджей этих партий на студентов оказывалось преимущественно негативным.

На II этапе (1999 г.) вопрос об отношении к политическим партиям и движениям был сохранен по форме. Но прямое сравнение было бы некорректным: изменился их состав, предложенный респондентам для оценки. Для многих партий и движений неудача на выборах 1996 г. оказалась роковой, однако на политической арене появились новые партии и движения. И все-таки без абсолютизации результатов разных опросов их сопоставление дает определенную информацию (табл. 107).

Таблица 107

**Как вы относитесь к политическим партиям, движениям,
1999, % по каждой партии, движению**

Партии, движения	Позитивно	Нейтрально	Негативно	Индекс*
I. «Яблоко» Г. Явлинский	31	52	17	+0,14
II. Наш дом — наш город (А. Чернецкий)	24	58	18	+0,06
III. «Отечество» (Ю. Лужков)	22	61	17	+0,05
IV. «Преображение Урала» (Э. Россель)	16	54	30	-0,14
V. «Горнозаводской Урал» (Трутников В.)	4	77	19	-0,15
VI. «Наш дом — Россия» (В. Черномырдин)	11	61	28	-0,17
VII. «Честь и Родина» (А. Лебедь)	10	62	28	-0,18
VIII. «Правое дело» (Е. Гайдар)	9	58	33	-0,24
IX. ЛДПР (В. Жириновский)	10	41	49	-0,39
X. «Русское национальное единство» (А. Баркашов)	2	45	53	-0,51
XI. КПРФ (Г. Зюганов)	3	31	66	-0,61

* Индекс = разница «+» и «-» оценок/100.

Поскольку наибольшее недоверие среди других политических институтов у студентов вызывали политические партии и движения, это сказалось и на отношении к ним. Резко сократилось число позитивных оценок, что

привело к значительному сокращению индекса по многим партиям. Общие тенденции по опросу 1999 г. были такими:

- сохранилось предпочтение студенчества к движению «Яблоко», занимавшему устойчивую центристскую, демократическую позицию;
- движению «Выбор России» сохранить свой достаточно высокий авторитет в студенческой среде (в 1995 г. в ранговом ряду оно делило I—II места с «Яблоком») не удалось. Его правопреемник — объединение «Правое дело» — имело в 1999 г. отрицательный индекс и опустилось в ранговом ряду на VIII место;
- набирало вес движение «Отечество», чей высокий рейтинг в ранговом ряду 1999 г. — с учетом очень короткого срока существования — порождал убежденность в весьма неплохих перспективах этого движения, по крайней мере у молодых избирателей;
- гораздо меньшими представлялись шансы других федеральных движений, как «Наш дом — Россия» и «Честь и Родина»;
- получил дальнейшее подтверждение вывод опроса 1995 г., что коммунистическая и национально-патриотическая ориентация (КПРФ, ЛДПР) не имели широкой социальной базы среди студенчества. Более того, эта база еще более сократилась (особенно у КПРФ, в отношении к которой у молодых избирателей сложилось устойчивое неприятие как «партии прошлого», «партии стариков»). Применительно к Свердловской области и такому отряду молодежи, как студенчество, не подтвердился прогноз 1995 г., что дальнейшее углубление социально-экономического кризиса в стране сможет несколько увеличить число сторонников этой части оппозиции;
- практически единодушно студенчество отвергло наиболее радикальное движение «Русское национальное единство», которое в сознании многих (в том числе и молодых россиян) ассоциировалось с представлением о партии фашистского толка. Но факт, что даже среди студентов 2 % симпатизируют РНЕ, заставлял задуматься;
- новым в опросе 1999 г. было включение региональных партий и движений в общий список, предложенный респондентам для оценки. И уже первые результаты достаточно красноречивы. То, что проявилось в отношении к местным органам власти, недоверие к которым меньше, чем к федеральным, сказалось и на отношении к региональным партиям: три из них вошли в первую пятерку общего рангового ряда, а «Наш дом — наш город» даже вышло на второе место. Каждый четвертый респондент позитивно относится к НДНГ. У каждого пятого респондента столь же позитивное отношение к движению «Преображение Урала». Серьезно уступало им в популярности в студенческой среде движение «Горнозаводской Урал».

К сожалению, и в 2003 г. сопоставить ответы студентов об их отношении к конкретным политическим партиям и движениям с предыдущими этапами мониторинга фактически оказалось невозможным: слишком серьезные изменения произошли в перечне политических партий и движений, отразив и социально-политические перемены в обществе, и обновление законодательства о политических партиях. Это позволило внести и определенные коррективы в методику исследования. В 1999 г. акцентировалось отношение к тем или иным партиям (положительное — нейтральное — отрицательное). В 2003 г. акцент сместился: вопрос анкеты предполагал выявить, относится ли респондент к той или иной партии с интересом или безразлично. Изменение методики еще более затрудняет сравнение данных. Но и результаты III этапа мониторинга достаточно показательны (рис. 170).

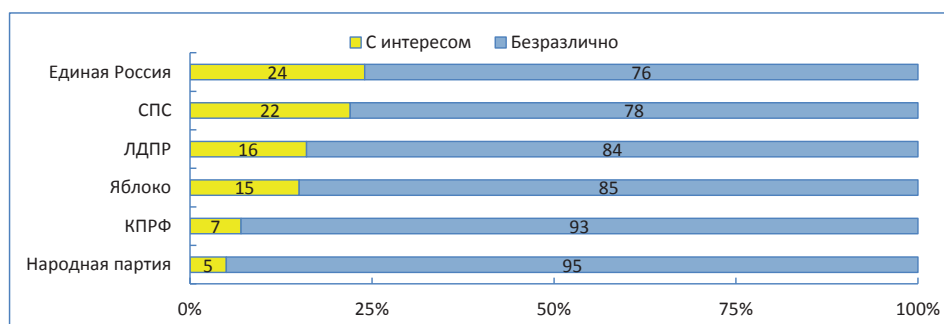

Рис. 170. Отношение к различным политическим партиям, 2003 г., % от группы

По итогам опроса 2003 г. были сделаны следующие выводы:

- наибольший интерес к тем или иным политическим партиям проявили студенты УрАГС и УрГУ, наименьший — студенты УГЛТУ и УрГПУ. Интерес бюджетников чуть выше в сравнении с контрактниками, у мужчин и женщин интерес к СПС, «Яблоку» и НПРФ практически был одинаков, к остальным партиям мужчины проявляли чуть больший интерес;
- впервые за все годы мониторинга наибольший интерес в студенческой среде (у каждого четвертого) вызвала «партия власти» — «Единая Россия». Предпосылками такого отношения выступает изменившийся авторитет и престиж Президента РФ и несомненная стабилизация социально-политической ситуации в России после его избрания. Понимая неправомерность суждений по заинтересованности студентов об их электоральных предпочтениях (и тем более о поддержке той или иной партии на выборах), отметим тот факт, что «Единой России» лучше других удалось заинтересовать своей деятельностью студенческую молодежь. Наибольший интерес к ней проявляли студенты УрАГС

- и УрГУ, хотя в этих вузах интерес к СПС еще выше. Интерес к «Единой России» несколько выше у бюджетников (по сравнению с контрактниками) и у юношей (по сравнению с девушками);
- сохранилась приоритетная ориентация студенчества на либеральные идеи и соответственно интерес к тем партиям и движениям, которые ее придерживаются. И вновь избегая абсолютизации в интерпретации полученных нами данных, отметим: традиционный спор на правом фланге между «Яблоком» и более радикальными партиями («Выбор России» — «Правое дело» — «Союз правых сил») впервые за годы мониторинга решался не в пользу «Яблока». Причем приоритет интереса к СПС по сравнению с «Яблоком» проявили студенты всех вузов, где проходил мониторинг (за исключением ГУ). Организаторам избирательной кампании «Яблока» нужно в кратчайший срок определиться, почему за последние годы снизился интерес студенчества к этому движению, устойчиво занимающему центристскую, демократическую позицию;
 - возрос интерес студенческой молодежи к ЛДПР (и к В. В. Жириновскому с учетом характера этой партии как лидерской). Нельзя не отметить, что манера общения вождя ЛДПР (яркая, свободная, порой не лишенная экстравагантности) импонирует определенной части студенческой молодежи (как показывает мониторинг, понемногу возрастающей), в том числе и тех, кого программные цели и установки различных партий (включая и ЛДПР) не очень интересуют. Наибольший интерес к ЛДПР проявили студенты УрАГС, УрГЭУ и ГУ. Проблема ЛДПР, однако, состоит в том, что именно эта часть молодежи обычно игнорирует выборы;
 - противоречивые изменения происходят в студенческой среде в отношении к КПРФ. С одной стороны, сохранилось отмеченное еще на предыдущих этапах мониторинга восприятие ее молодыми избирателями как «партии прошлого», «партии стариков». С другой стороны, формируется определенная группа студентов (выросшая с 3–5 % в 1999 г. до 7–10 % в 2003 г.), которой импонирует оппозиционность КПРФ, ее попытки выразить протестные настроения. Больше всего интересующихся КПРФ среди студентов УрГУ и УрГПУ (каждый девятый);
 - примечателен и пример «Народной партии РФ». За короткий срок она смогла стать узнаваемой в студенческой среде. В УрГПУ интерес к ней проявляет каждый десятый. Целый ряд ее акций — актуализация проблем качества жизни, «Народный герой», борьба с коррупцией — вызвали у части студенчества определенный интерес. Проблема НПРФ состоит в необходимости вести борьбу за голоса избирателей на «чужом поле», отвоевывая электорат практически у всех других партий. Наиболее вероятен ее успех в одномандатных округах;

- еще на предыдущих этапах мониторинга студенчество отвергло право- и леворадикальные движения, которые в сознании многих (в том числе и молодых россиян) ассоциируется с представлением о партии фашистского толка. В 2003 г. свой интерес к РНЕ, национал-большевистской партии и другим подобным движениям отметили менее 1 % студентов;
- как уже отмечалось выше, в связи с изменениями законодательства о политических партиях в опрос 2003 г. (в отличие от 1999 г.) в общий список, предложенный респондентам для оценки, региональные партии и движения не были включены. Поэтому выявить интерес к ним студентов оказалось невозможным.

На IV, V и VI этапах мониторинга (2007, 2009 и 2012 гг.) была использована методика Левада-центра с акцентом на самоидентификацию с конкретными партиями. Респондентам предлагалось определить, какая из существующих ныне в России партий и объединений в наибольшей степени выражает интересы таких людей, как вы? Однотипность вопроса (даже с учетом некоторого изменения вариантов) позволяет выделить динамику отношения студентов к политическим партиям и движениям за весь период 2007–2012 гг. (табл. 108).

Таблица 108

**Ответы респондентов о партии, которая в наибольшей степени
выражала бы интересы таких же людей, как они, % ответивших**

Политическая партия	2007	2009	2012
Ни одна	52	43	40
Единая Россия	34	43	17
ЛДПР	5	6	12
«Яблоко»	3	0	6
Справедливая Россия	2	3	15
КПРФ	2	4	9
СПС («Правое дело»)	1	0	2
Партия народной свободы «Парнас»	—	—	2
Патриоты России	—	—	1
«Другая Россия»	—	—	2
Другие	1	2	—

Рост протестных настроений зимой 2011/2012 гг. наиболее сказался на отношении студенчества к политическим партиям¹:

¹ Отмеченные перемены в студенческих политических ориентациях во многом оказались близки массовому сознанию жителей Екатеринбурга, о котором можно судить по итогам голосования по выборам в Государственную думу 2011 г. по городу Екатеринбург: «Справедливая Россия» — 28 %; «Единая Россия» — 26 %, КПРФ — 19 %; ЛДПР — 15 %; Яблоко — 8 % [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/B3> (дата обращения: 29.03.2016).

- с одной стороны, фактически сохранилось безразличие ко всем партиям (хотя и тут есть подвижки: в 2007 г. каждый второй отметил, что ни одна из партий не отражает интересы таких людей, как они; в 2009 и 2012 гг. таких респондентов стало несколько меньше — 2 из каждых 5). Такое безразличие в равной степени присуще и девушкам, и юношам;
- лидерские позиции «Единой России», усиливавшиеся на IV и V этапах мониторинга (в 2007 г. ее готов был поддержать каждый третий респондент, в 2009 г. — 2 из каждых 5), пошли на убыль (сократились в 2,5 раза — чуть сильнее у юношей, чуть меньше у девушек);
- резко повысилась поддержка «Справедливой России» (в 5 раз — у девушек несколько сильнее, чем у юношей), что во многом связано с утверждением в ценностном сознании студенчества установки на «справедливость»;
- возросла поддержка и других оппозиционных парламентских партий — ЛДПР (в 2 раза) и КПРФ (в 2,3 раза);
- выросла и поддержка партий и движений «несистемной» оппозиции (в 2007 г. все они получили поддержку лишь 5 % респондентов, в 2009 г. — 2 %, в 2012 г. — 13 %, в том числе «Яблоко» — 6 %).

Трудно сказать, повлиял ли на ответы респондентов переход в избирательной системе России на партийные списки. Тем более, что формулировка «ни одна из них» легко трансформируется в позицию молодого избирателя «против всех» (но в рамках обновления и развития российского избирательного законодательства эта позиция была убрана из бюллетеней) или — чаще всего — в уклонении от участия в выборах (хотя законодатели предусмотрели и это обстоятельство, сняв порог явки избирателей). Общественная дискуссия после выборной кампании 2011/2012 гг. способствовала серьезным изменениям в законодательстве, которые в дальнейшем существенно скажутся на партийном строительстве. Заметно уменьшены критерии, выполнение которых необходимо для регистрации партий. Рассматриваются возможности сокращения наполовину числа депутатов Государственной думы, избираемых по партийным спискам. Среди обсуждаемых проблем — возвращение выборности губернаторов и членов Совета Федерации. Серьезные меры предусмотрены по оптимизации деятельности «Единой России», по развитию Общероссийского народного фронта, организационному становлению новых партий и движений.

Отношение к политическим партиям — один из наиболее изменявшихся за годы мониторинга параметров. Но это и наглядное доказательство важного методического правила: использование разных методических приемов позволяет за различием конкретных количественных данных выявить определенные тенденции. В 2016 г. этот параметр изучался с помощью методики ВЦИОМ (табл. 109).

Таблица 109

За какую политическую партию вы бы проголосовали, если бы выборы состоялись в ближайшее воскресенье, 2016 г., % от ответивших

№	Варианты ответа	%
1	Единая Россия	45
2	ЛДПР	8
3	КПРФ	4
4	Справедливая Россия	2
5	Другую партию	2
6	Ни за одну из партий	39

Две основные тенденции, проявившиеся в опросе 2016 г., таковы. С одной стороны, партийная система в РФ приобрела определенную устойчивость. Для почти каждого второго респондента основным ориентиром стала «партия власти», другие парламентские партии получили значительно меньшую поддержку (по нормам избирательного права у студентов в думу прошла бы только ЛДПР, остальные не преодолели бы пятипроцентный барьер), еще меньшей была поддержка непарламентских партий (включая и либеральные, чей рейтинг на первых этапах мониторинга был достаточно высок). С другой стороны, как и раньше, двое из пяти респондентов отказали в доверии всем политическим партиям.

Это позволяет рассмотреть еще один важный аспект анализа гражданской культуры — отношение, доверие респондентов к власти, к людям во власти, к различным социально-политическим институтам (табл. 110).

Таблица 110

Динамика доверия к различным социальным и политическим институтам (индексы*)

Социальные и политические институты	1999	2003	2007	2009	2012	2016
Президент РФ	-0,48	+0,31	+0,32	+0,18	-0,26	+0,44
Правительство РФ	-0,40	-0,29	-0,04	-0,02	-0,34	+0,06
Государственная дума РФ	-0,56	-0,62	-0,66	-0,46	-0,58	-0,30
Совет Федерации РФ	—	—	—	—	—	-0,02
Армия	—	-0,59	-0,54	-0,32	-0,32	+0,06
Органы государственной безопасности	—	—	—	—	—	+0,20
Губернатор Свердловской области**	-0,26	-0,50	-0,32	-0,36	-0,46	-0,22
Правительство Свердловской области**	-0,28	-0,60	-0,32	-0,32	-0,34	-0,10
Законодательное собрание Свердловской области	-0,33	-0,65	-0,42	-0,42	-0,40	-0,14

Окончание табл. 110

Социальные и политические институты	1999	2003	2007	2009	2012	2016
Правоохранительные органы	-0,46	-0,68	-0,36	-0,28	-0,28	—
Суд	—	—	—	—	—	+0,22
Прокуратура	—	—	—	—	—	+0,16
Полиция	—	—	—	—	—	-0,13
СМИ	+0,04	-0,43	-0,38	-0,52	-0,42	-0,62
Некоммерческие организации	—	—	—	—	—	-0,42
Церковь, религиозные организации	-0,12	-0,26	-0,02	+0,02	-0,04	-0,32
Профсоюзы	—	—	—	—	—	-0,14
Политические партии, движения	-0,57	-0,83	-0,68	-0,66	-0,56	-0,58

* Индекс рассчитывался как результат суммирования позитивных (да, доверяю; +1) и негативных (нет, не доверяю; -1) оценок/100.

** Реформа правительства Свердловской области, которое теперь возглавляет губернатор, произошла в конце 2016 г. и не могла быть отражена в опросе.

На протяжении значительной части мониторинга респонденты проявляли недоверие к большинству социальных и политических институтов. Это во многом отражало преобладавшие настроения в российском общественном мнении. В частности, по данным исследований социологов, в начале 2000-х гг. только 4–6 % опрошенных положительно оценивали людей у власти¹. Еще каждый третий-пятый оценивал их как честных, но слабых или малокомпетентных (при заметном снижении числа сторонников такой оценки). В то же время уже почти две трети респондентов выражали очевидное недоверие людям у власти, считая их прежде всего карьеристами. Причем число сторонников такой оценки заметно росло. Это не могло не выступать существенным фактором, негативно влиявшим на формирование гражданской культуры студентов.

Особенно тревожило распространение таких негативных представлений в общественном мнении (что не могло проходить без влияния на студенчество) в отношении правоохранительных органов. По данным социологов, например, в 2009 г. до половины граждан России не доверяли милиции. Три из каждых пяти респондентов ФОМ отметили, в частности, что среди населения преобладает негативное отношение к милиции, а каждый пятый — что испытывает беспокойство, тревогу, когда к нему обращаются сотрудники милиции. По данным компании «Башкирова и партнеры», из респондентов всех 7 федеральных округов население УрФО в наименьшей сте-

¹ См.: Мониторинг Левада-центра. Власть в общественном мнении // Социологические исследования. — 2006. — № 8. — С. 77.

пени доверяло сотрудникам правоохранительных органов — 38 % (в среднем по РФ 47 %) ¹.

Дело, однако, не только в невысоком уровне доверия к людям во власти, но и в целом к социально-политическим институтам, которые в значительной степени должны были бы формировать высокий уровень гражданской культуры у молодежи, студентов.

На VI этапе (2012 г.) протестные настроения наиболее сильно, как видно из табл. 107, сказались на растущем недоверии к социально-политическим институтам. Оно затронуло даже те институты, в отношении которых в 2009 г. отмечались позитивные изменения. Это, в частности, относится к Президенту РФ.

Уже на III этапе мониторинга (2003 г.) было зафиксировано определенное противоречие: Президент РФ был почти единственным институтом, пользующимся доверием. Конечно, такое доверие было во многом персонализировано.

Поэтому по итогам V этапа мониторинга (2009 г.) отмечалось, что Д. А. Медведеву за достаточно короткий срок еще не удалось выйти на рейтинги В. В. Путина (перенесшего, при его назначении главой Правительства РФ, часть своего престижа на этот политический институт, но не выведшего его из «отрицательного» рейтинга). Высказывалось и предположение о возникновении нового парадокса политического сознания (во многом, вероятно, имеющего иррациональный оттенок): в качественно новой социально-экономической и политической ситуации как бы возрождается традиционная российская иллюзия «о хорошем царе и плохих боярах». Подчеркивалось со ссылкой на многочисленные исследования степени доверия россиян (и не только молодых), что этот разрыв в оценках Президента и других властных структур сохраняется, а порой и увеличивается. Отмечался и важный момент: сочетание доверия к Президенту с неприятием бюрократии.

Специфика ситуации проведения VI этапа мониторинга — после выборов депутатов Государственной думы и накануне выборов Президента РФ (когда список кандидатов еще не был окончательно утвержден Центральной избирательной комиссией, но было известно, что кандидатом от «партии власти» будет не Д. А. Медведев, а В. В. Путин) — сказалась и на самооценке доверия к Президенту. Впервые за 2000-е гг. число недоверяющих превысило число доверяющих. Когда подводились итоги опроса «Студент-2012», результаты выборов Президента РФ были уже известны. На них В. В. Путин убедительно победил в первом туре (при этом даже в крайних негативных оценках выборов эта победа не подвергалась сомнению).

Это позволило интерпретировать результаты опроса 2012 г. несколько иначе: проявлялось не недоверие к Президенту, а неудовлетворенность ре-

¹ Толстенко В. Милиция вооружена. И очень опасна? // Вечерний Екатеринбург. — 2009, 28 апреля.

шением «тандема» о рокировке (добавившее многим молодым, да и людям постарше ощущение, что все уже решено и без них). В пользу такой интерпретации говорит и очень высокая готовность студентов принять участие в выборах Президента (62 % на вопрос, собираются ли они участвовать в выборах, ответили «да», 20 % — «скорее да, чем нет»). В пользу такой интерпретации говорят и исследования социологов по итогам выборов. По данным ФОМ¹ (исследование 17–18 марта 2012 г.), три четверти респондентов (72 %) считали, что политика Д. А. Медведева ничем не отличалась от курса, который проводил В. В. Путин на посту президента. Такая же доля россиян хотели бы, чтобы В. Путин изменил нынешний курс управления страной, причем примерно половина наших сограждан хотели бы значительных перемен.

Не получили развитие на VI этапе мониторинга и те позитивные изменения, которые были отмечены в 2009 г. — некоторое снижение недоверия студенчества по отношению к правительству РФ и церкви, к региональной и местной власти. Но если недоверие к церкви лишь несколько возросло, то в отношении к Правительству РФ рост весьма значительный.

Можно отметить и сохранявшееся недоверие к армии и правоохранительным органам. В какой-то мере это означало, что проводимые в армии и милиции (ее реорганизация в полицию²) реформы еще не очень повлияли на массовое молодежное сознание. В отношении полиции сказывался незначительный промежуток времени³. Что же касается армии, то действия бывшего министра обороны⁴ лишь усиливали и в самой армии, и среди молодежи неуважительное отношение к государству и его Вооруженным силам, содействовали падению престижа военной службы.

Сохранялась в 2012 г. и выявленная на предыдущих этапах мониторинга тенденция: недоверие к органам законодательной и судебной власти выше, чем к исполнительной власти.

Заметна значительная близость уровней доверия-недоверия у различных групп студентов. Многие из различий (например, большее доверие к Президенту РФ женщин и бюджетников по сравнению с мужчинами и контрактниками) невелики и связаны больше с психологическими факторами. В значи-

¹ Новый президентский срок В. Путина [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://fom.ru/politika/10373> (дата обращения: 29.03.2016).

² Милиция стала полицией с 01.03.2011.

³ Первые оценки реформы МВД были неоднозначны. Почти половина россиян (46 %), опрошенных социологами ВЦИОМ, была уверена, что переаттестация сотрудников МВД в стране проходила необъективно и с нарушениями. Так считали прежде всего 35–59-летние респонденты (50–52 %), пользователи интернета (48 %), жители двух столиц (65 %) и респонденты с высоким уровнем образования (55 %). О том, что аттестация была честной и объективной, заявила четверть опрошенных (24 %). В основном это молодежь (31 %), жители небольших городов и сел (26–30 %), малообразованные граждане (31 %). При этом каждый третий (30 %) затруднился с оценкой ([Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=194&uid=112637> (дата обращения: 29.09.2016).

⁴ Шойгу С. К. стал министром обороны РФ 06.11.2012.

тельной мере схожи студенты и в своем недоверии. Особенно это проявляется в недоверии к политическим партиям, которые у всех категорий студентов занимают последнее место в рейтинговом ряду. Возможно, именно низким доверием к политическим партиям, их программным и предвыборным лозунгам объясняется противоречивость политических и идеологических ориентаций студенчества. Отвергая однопартийную систему, они не высказались в поддержку многопартийной системы. Ведь оценивают они не абстрактную модель, а ту конкретную российскую реальность, где нормальная многопартийная система до сих пор еще не сложилась.

Обобщая результаты опроса 2012 г., напомним слова Б. Окуджавы¹:

Вселенский опыт говорит,
Что погибают царства
Не оттого, что тяжек быт
Или страшны мытарства.
А погибают оттого
(И тем больней, чем дольше),
Что люди царства своего
Не уважают больше.

Отсюда напрашивается вывод: насколько изменится реальная ситуация после выборов Президента РФ и как это отразится на политической и гражданской культуре студентов — вопрос времени.

Примечательно, что «время» — как можно судить по результатам VII этапа мониторинга (2016 г.) — ответило на этот вопрос положительно:

- заметно выросло доверие студентов к Президенту РФ (впрочем, на этой основе проблема «разрыва» этого доверия с даже возросшим доверием ко многим другим социально-политическим институтам стала еще острее);
- выросло и доверие к федеральным органам власти (хотя сохранился и приоритет исполнительных органов над законодательными; в отношении последних особенностью опроса 2016 г. было включение в список институтов Совета федерации: недоверие к этому институту у студентов значительно ниже, чем к Государственной думе);
- возможно, сказывается их меньшая осведомленность о его работе;
- значительно выросло доверие студентов к армии² (и хотя для какой-

¹ Окуджава Б. Избранные стихи [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://lib.ru/PROZA/OKUDZHAWA/sbornik.txt> (дата обращения: 01.03.2017).

² Мнение студентов отражает растущее в обществе доверие к армии.

В 2004 г., по данным Левада-центра, трое из четырех (77 %) россиян отрицательно ответили на вопрос, хотели бы вы, чтобы ваш сын служил сейчас в армии. Лишь один из пяти позитивно ответил на этот вопрос (Комсомольская правда. — 2004, 21 апреля). Среди причин, по которым россияне не хотели служить в армии, чаще всего назывались: дедовщина (69 %), угроза отправки в горячие точки (49 %), тяжелые бытовые условия (27 %), отсутствие созна-

то части юношей нежелание служить в армии остается одним из мотивов поступления в университет, в перспективе можно прогнозировать снижение их числа), еще выше доверие у студентов к органам государственной безопасности, впервые включенных в 2016 г. в перечень институтов для оценки;

- еще один позитивный момент — рост доверия к правоохранительным органам, причем не только к суду и прокуратуре, но и к полиции¹;
- снизилось недоверие к региональным органам власти — к губернатору Свердловской области — вдвое, к Правительству и Законодательному собранию втрое (но сохранился выявленный уже в 1990-е гг. разрыв, когда требования жителей к более близким к ним органам местного самоуправления и региональным органам власти не соответствовали их полномочиям и финансово-экономическим возможностям);
- сохранилось серьезное недоверие к политическим партиям и движениям, хотя последнее место в рейтинге доверия-недоверия они уступили СМИ (недоверие к которым за 2012–2016 гг. выросло в 1,5 раза);
- заметно выросло и недоверие к церкви, религиозным объединениям;
- не пользуется доверием у студентов и такой важный компонент гражданского общества, как некоммерческие организации (возможно, сказывается явно недостаточная осведомленность студентов об их деятельности);
- пожалуй, наиболее значимой среди общественных организаций для студентов являются профсоюзы, хотя и им не удается выйти из зоны недоверия.

Важный компонент гражданской культуры — электоральная активность. На ранних этапах мониторинга (1995–2003 гг.) индексы электоральной активности студенчества были стабильно низкими.

Так, в 1995 г. каждый пятый респондент ответил, что его не волнуют вы-

ния своего долга перед Родиной (15 %), элементарная потеря двух лет (12 %), оторванность от близких (7 %) (Аргументы и факты. — 2004. — № 25). По данным опроса ВЦИОМ (август 2016 г., N=1600 чел.), две трети россиян сегодня считают армию хорошей школой жизни, это почти вдвое больше, чем четверть века назад, около 40 % граждан называют ее в числе основных социальных институтов, формирующих у граждан патриотизм. Вдвое сократилось за 25 лет число респондентов (с 42 до 23 %), считающих, что служба в армии часто калечит юношей морально, а порой и физически. «Каждый второй гражданин нашей страны (52 %) видит в российских офицерах людей высокой морали и считает, что молодые мужчины должны брать с них пример». (Отношение россиян к службе в армии изменилось [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://rusvesna.su/news/1476253605> (дата обращения: 29.09.2016).

¹ И вновь мнения наших респондентов совпали с результатами федеральных опросов. По данным ФОМ, за 2008–2014 гг. доля россиян, доверяющих полиции, возросла в 1,5 раза (с 39 до 57 %), а не доверяющих сократилась в 1,5 раза (с 46 до 29 %) (Реутов Е. В., Филонов Н. В. Эффективность реформы МВД России в свете общественной оценки полиции // Проблемы правоохранительной деятельности. — 2015. — № 4. — С. 51).

боры Президента РФ, каждый третий дал аналогичный ответ в отношении выборов в Государственную думу, региональных выборов (губернатора Свердловской области, Областной думы). И реальная политическая ситуация, и избирательное право в 1995 г. допускали возможность досрочных выборов. Но лишь один из шести респондентов поддержал такую возможность в отношении выборов Президента РФ, поддержка досрочного проведения других выборов была получена лишь у 6–9 %. При этом каждый пятый (по выборам Президента РФ и губернатора Свердловской области) и каждый четвертый (по выборам Государственной думы и Областной думы) подчеркнул, что, каковы бы ни были результаты выборов, это ничего не изменит. О своей готовности участвовать в предстоящих выборах заявил в 1995 г. каждый второй (по выборам Президента РФ) и лишь каждый третий (по другим выборам). Тем самым проявилась связь электоральной активности (даже потенциальной!) с уровнем и «значимостью» выборов. Готовность активно участвовать в избирательной кампании проявили лишь 2–6 %.

Общее негативное отношение к политике и реальной политической линии демократических властей в сочетании с разочарованием в предшествующем политическом режиме усиливало безразличие к выборам. Соответственно исследователи приходили к выводу, что в рамках предвыборной борьбы и властные структуры, и оппозиция (в центре и на местах) должны будут стремиться в какой-то мере преодолеть эти представления. Те формы, которые получили распространение в избирательных кампаниях 1989–1993 гг., — популизм, обещания, лозунги, ориентации на общечеловеческие ценности — не будут столь эффективны. Важнее окажется способность тех или иных политических сил убедить в том, что их победа гарантирует позитивные перемены не на словах, а на деле. Нынешним властям это будет трудно, поскольку студенты особенно ощущают негативные последствия реформ. Но и оппозиции будет не легче: молодежь мало восприимчива к прошлому опыту, к тому же он сегодня оценивается молодыми преимущественно негативно.

В рамках мониторинга в 1999 г. был повторен блок вопросов об отношении студентов к предстоящим выборам и их готовности в них участвовать. Общее отношение конкретизировалось применительно к выборам Президента РФ, губернатора Свердловской области, депутатов Государственной думы РФ. Каким же было отношение студентов к выборам? Готовы ли они были принять в них участие? Что в этом отношении изменилось за прошедшие 4 года?

На основе ответов студентов измерялся индекс электоральной активности (в пределах от «-1»/категорический отказ от участия в голосовании/до «+1»/стремление обязательно прийти на выборы/). В 1999 г. его результаты были такими:

- 0,57 — по отношению к выборам Президента РФ;
- 0,13 — по отношению к выборам депутатов Государственной думы РФ;
- 0,35 — по отношению к выборам губернатора Свердловской области.

Их сравнение с результатами многолетнего изучения электорального поведения молодежи¹ (по данным О. Г. Смирновой, он составлял у молодых избирателей 0,22, у избирателей старшего возраста 0,40–0,66), то заметна более дифференцированная электоральная активность наших респондентов-студентов: будущие выборы они для себя как бы разграничивают по значимости. И тут нельзя отказать им в определенном реализме и практицизме — в ответах студентов четко отразился существующий, конституционно закрепленный и постоянно поддерживаемый СМИ дисбаланс между исполнительной и законодательной властью (в пользу первой).

По сравнению с 1995 г. потенциальная электоральная активность студентов развивалась в двух противоположных направлениях. С одной стороны, в отношении выборов Президента РФ и губернатора Свердловской области она значительно выросла, с другой — в отношении выборов депутатов Государственной думы еще более сократилась. Очень важное и, очевидно, позитивное изменение — резкое сокращение доли тех, кто еще не определился с участием в выборах (в 1995 г. такую позицию занимал каждый третий-четвертый респондент; в 1999 г. их доля сократилась до 6–14 %).

Опрос студентов на III этапе (2003) выявил значительную устойчивость их потенциальной электоральной активности (или пассивности) (рис. 171). Но уже на следующем этапе (2007) был зафиксирован резкий (вдвое) рост этой активности. Безусловно, сказалось заметно выросшее доверие к Президенту РФ. Однако разрыв в готовности участвовать в разных выборах (с приоритетом президентских выборов по сравнению с думскими) сохранился и даже значительно вырос.

В 2009 г. из-за сокращения шага мониторинга опрос проводился после выборов Президента РФ и депутатов Государственной думы, поэтому вопрос о потенциальной электоральной активности был снят.

VI этап мониторинга 2012 г. проходил уже после выборов в Государственную думу. Поэтому исследователей интересовало, принимали ли респонденты в них участие. Трое из каждых пяти ответили на этот вопрос положительно, что отразило несомненный рост электоральной активности студентов. Более высокой оказалась и потенциальная готовность респондентов принять участие в предстоящих (к моменту опроса) выборах Президента РФ: 62 % ответили на соответствующий вопрос «да», ответ еще 20 % — «скорее да, чем

¹ См., например: Бабинцев В. П. Избирательная культура белгородской молодежи // Государственная молодежная политика в Белгородской области. — Белгород : Центр социальных технологий, 1998. — С. 47–54; Смирнова О. Г. Электоральная культура населения в условиях социальной трансформации российского общества : автореф. ... канд. соц. наук. — Екатеринбург : УрГУ, 1999. — 22 с.

нет». Категорически отверг возможность своего участия в президентских выборах 2012 г. лишь 1 из 10 студентов.

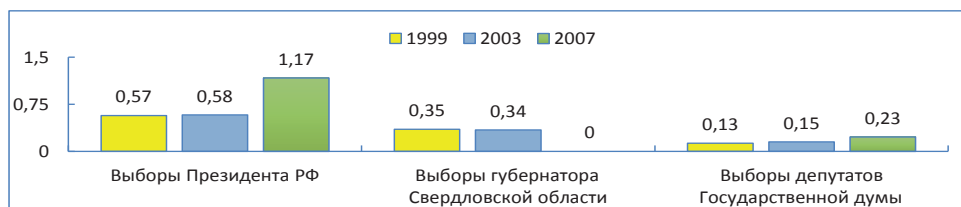

Рис. 171. Динамика индекса потенциальной электоральной активности студентов, 1999–2007 гг.¹

Особый интерес представляло выявление мотивов неучастия студентов в выборах. Уже на первом этапе мониторинга в 1995 г. эти мотивы были выделены в общем виде:

- отсутствие интереса к политике;
- слабая осведомленность о событиях и процессах политической жизни;
- слабая осведомленность о кандидатах, партиях и их программах;
- уверенность, что от моего личного участия ничего не зависит;
- уверенность, что результаты выборов предreshены.

Тогда же был сделан вывод, что на какой-то успех в молодежной среде могут рассчитывать политические лидеры и движения, программы которых будут сориентированы:

- на перспективу (правда, не очень отдаленную);
- на реальные перемены (на конкретно ощутимые результаты пусть и «малых дел»);
- на решение конкретных социальных проблем молодежи и студенчества;
- на поддержку «новых людей».

Как же на вопрос о мотивах неучастия в выборах ответили студенты на разных этапах мониторинга (табл. 111)?

Таблица 111

Что мешает принимать участие в выборах, 2007–2016 гг., % ответивших

Значения	2007	2009	2012	2016
Не нахожу приемлемой для себя кандидатуры	42	34	19	30
От выборов в нашей стране мало что зависит	31	33	28	33

¹ В 2004 г. в рамках укрепления вертикали власти для обеспечения единства государственной власти и последовательного развития федерализма был изменен механизм избрания глав субъектов Российской Федерации: они стали избираться законодательными собраниями субъектов РФ по представлению Президента РФ. С учетом этого формулировка вариантов ответа в 2007 г. не включала губернатора Свердловской области.

Окончание табл. 111

Значения	2007	2009	2012	2016
Уверенность, что результаты выборов заранее предопределены	21	27	46	19
Мне нет дела до политической жизни страны	6	6	7	18

Если оценивать в целом, то бросаются в глаза два момента. С одной стороны, резко отличаются (и от предыдущих, и от последующего, 2016 г.) ответы респондентов на VI этапе (2012 г.). С другой стороны, ответы студентов в 2016 г., во многом близкие к ответам их сверстников в 2007–2009 гг., отличаются резким (втрое!) ростом доли мнения «мне нет дела до политической жизни страны».

Что касается своеобразия ответов респондентов на VI этапе (2012 г.), то, очевидно, в них определенным ключ к пониманию политической ситуации, сложившейся зимой 2011/2012 гг. Сложившийся стереотип незначительности влияния выборов на политическую жизнь страны и даже отсутствие приемлемой кандидатуры отошли на второй план (доля ответов, где отмечался последний момент, сократилась почти в 2 раза). Приоритетной (рост в 1,7 раза) стала уверенность в предопределенности результатов выборов. Разрушить воскресший в новых условиях стереотип «выборов без выбора» — разрушить не на словах, а реальным изменением организации и характера избирательной кампании — важнейшая задача по развитию гражданской культуры молодежи на ближайшие годы. И решить эту задачу можно только во взаимодействии всех участников избирательного процесса. Важно и преодоление присущей многим политикам и политическим силам (порой независимо от их политико-идеологической ориентации) недооценки студентов и молодежи в целом как значимого электората.

Ситуация как бы имеет замкнутый характер: студенты не очень активно участвуют в выборах, именно поэтому политики не очень активно работают в студенческой среде, а это воспроизводит электоральную пассивность студентов. Для каждого третьего значимым мотивом неучастия в выборах выступал (в 2007 и в 2009 гг.) и выступает (в 2012 г.) весьма пессимистическая оценка роли выборных органов (с этим, очевидно, и связан уже отмеченный приоритет исполнительной власти над законодательной в рейтинге доверия студентов). К сожалению, реальная практика работы этих органов и самое главное — информирование студентов о них далеко не всегда способствует изменению позиции студентов.

Результаты опроса в 2016 г. и особенно рост безразличных к политической жизни, к сожалению, подтвердили достаточно жесткую оценку Н. Зоркой современной российской молодежи: «не бунтари, а приспособленцы»¹.

¹ Зоркая Н. Не бунтари, а приспособленцы [Электронный ресурс] // Независимая газета. — 2014, 14 апреля. — Режим доступа: http://www.sociologos.ru/novosti/zorkaya_o_nastroeniah_molodezhi (дата обращения: 03.09.2016).

Как справедливо отмечает социолог, «протестное движение, появившееся в России в конце 2011 г., началось как раз с той части молодежи, которая вдруг для себя открыла политику — как она устроена и что за ней стоит. Эта молодежь начала понемногу понимать, в какой стране, в каком обществе она живет, что есть другие группы населения, которые видят все происходящее совершенно иначе, как оказалось, что нужно очень много усилий и целеустремленности их собственной, для того чтобы вырабатывать и, главное, отстаивать собственное мнение и позицию в ситуации царящей в обществе апатии, зависимости, равнодушия и агрессии против всего нарушающего это «спокойствие». Протестные настроения в этой среде довольно быстро в значительной мере сменились «чемоданными настроениями».

В основном соглашаясь с мнением Н. Зоркой, отметим на основе результатов нашего исследования (охватывающего не всю молодежь, а студенчество) два момента.

Один связан с мерой «чемоданных настроений». На VII этапе (2016 г.) в анкету было включено два уточняющих вопроса. Один касался желания получить паспорт другого государства (рис. 172).

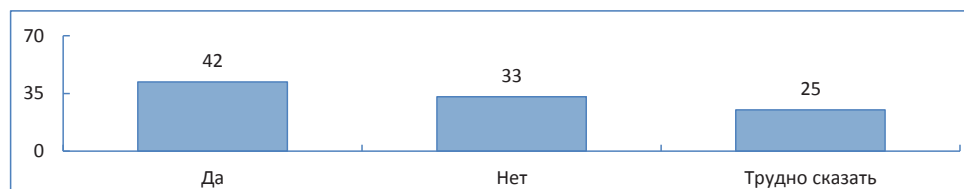

Рис. 172. Хотели бы вы получить гражданство другого государства, 2016 г., % от числа опрошенных

Двое из пяти респондентов высказали такое желание. Но само оно еще мало о чем говорит, поскольку ФЗ «О гражданстве» предусматривает: «Приобретение гражданином Российской Федерации иного гражданства не влечет за собой прекращение гражданства Российской Федерации»¹. Поэтому и был задан дополнительный вопрос — о готовности отказаться от российского гражданства (рис. 173).

Итак, только 4 % респондентов готовы полностью расстаться с Россией. Остальные, даже включая в свои планы зарубежную поездку, соотносят ее с продолжением обучения, временной работой, лечением. И это — важный индикатор развивающейся гражданской культуры студенчества.

¹ Федеральный закон «О гражданстве РФ» 2017 года (№ 62-ФЗ, редакция 2017) [Электронный ресурс]. Формулировка существует с 2002 г. — Режим доступа: <http://ipirip.ru/zakon-o-grazhdanstve/6/> (дата обращения: 30.04.2017).

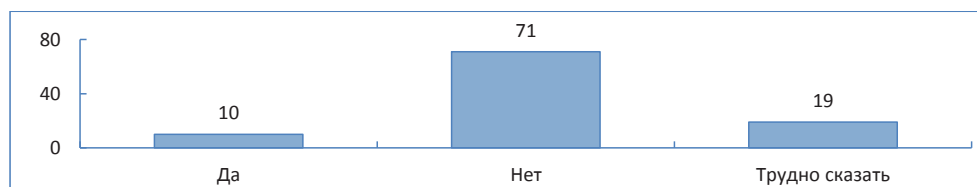

Рис. 173. Если да, то согласились бы вы отказаться от своего гражданства?
2016 % от числа желающих получить гражданство иного государства

Второй момент связан с необходимостью сместить акценты в оценках: самое тревожное, на наш взгляд, не то, что не «бунтари», а то, что «приспособленцы». Именно преодолеть безразличие значительной части студенчества к политике, полнее раскрыть потенциал его общественной активности — важнейшая перспективная задача. О том, как оптимальнее двигаться в этом направлении, говорят материалы следующей главы.

7. Общественная деятельность студенчества

Акцент на общественную деятельность студенчества связан с качественным изменением социологии молодежи — переходом в анализе молодежных проблем от субъект-объектных отношений к субъект-субъектным отношениям. О необходимости такого перехода на рубеже 1980—1990-х гг. говорили Л. Н. Коган (Не хочу быть «объектом»!¹) и И. М. Ильинский («Современное общество должно переоткрыть молодежь как субъект истории»; «молодежь обретает субъектность по мере самоидентификации, самосознания своих интересов, роста своей организованности»²). Сегодня, как справедливо заметила Ю. А. Зубок, в качестве меры для операционализации молодежи как базового понятия данной отрасли социологии выступает «способность молодого поколения унаследовать, воспроизводить на качественно новой основе и передать (транслировать) следующим поколениям всю систему социальных отношений, обеспечивающих внутреннюю устойчивость и целостность общества. Таким образом, функционирование и развитие молодежи как социально-демографической группы отражает становление субъекта общественного производства и общественной жизни. Соответственно нарушение, дисфункция этого процесса лежит в основании социальных проблем молодежи»³.

¹ Коган Л. Н. Не хочу быть «объектом» // Молодой коммунист. — 1989. — № 9. — С. 44—47.

² Молодежь планеты: Глобальная ситуация в 90-х годах, тенденции и перспективы / И. М. Ильинский [и др.]. — М. : Институт молодежи : Голос, 1998. — С. 19.

³ Зубок Ю. А. Феномен риска в социологии: Опыт исследования молодежи. — М. : Мысль, 2007. — С. 11.

Важнейшим проявлением субъектности выступает участие личности в социальном управлении. Оно диалектично: предполагает взаимосвязь управления и самоуправления.

Самоуправление предполагает совместное решение участниками общественных отношений их общих дел и совместную деятельность по осуществлению принятых решений. Самоуправление отражает процесс демократизации управления, когда принятие и реализация управленческих решений становятся все более массовыми, а исполнители становятся активными соучастниками этих процессов. В самоуправлении наиболее полно проявляется самореализация личности, ее потребностей, интересов и ценностных установок. Поэтому акцент необходимо переносить с институционально-правовой стороны самоуправления (органы самоуправления, их законность, полномочия участников самоуправления) на его личностную сторону.

Самоуправление («само» — «авто» от греч. *autos* — сам) — подчеркивает субъектность той или иной деятельности, самостоятельность, независимость субъекта деятельности, его самодеятельность, активность, творчество. Самоуправление рассматривается применительно к любой организации как внутреннее, своими собственными силами управление ее делами. При этом важно каким-то образом (закон, власть, регламентация и т. д.) точно определить пределы (границы), за рамками которых самоуправление (как и любая «самодеятельность») начинает носить разрушительный, а не созидательный характер.

С социологической точки зрения акцентируется трактовка самоуправления как коллективного управления, как участия членов организации в работе соответствующего органа управления, как включения исполнителей в процессы выработки и принятия общих решений. Необходимо подчеркнуть социокультурный характер самоуправления — то, как личность, активно участвуя в управленческой деятельности, реализует себя, свои потребности и интересы, как такое участие сказывается на ее развитии.

Важной методологической предпосылкой анализа социокультурного характера самоуправления выступает самореализационная концепция культуры¹, в рамках которой культура рассматривается как степень (мера) реализации сущностных сил личности, ее потребностей, способностей и интересов в различных сферах и формах социальной деятельности. Изменяя и регулируя природные и социальные процессы, личность (и в этом наиболее явно проявляется диалектическая природа культуры) изменяет и творит себя, осуществляет саморазвитие. Такое саморазвитие, регулирование собственного развития является и возможным, и необходимым условием личностного бы-

¹ Особый вклад в обоснование этой теории внесли работы Л. Н. Когана («Социология культуры»; «Теория культуры», «Цель и смысл жизни человека», «Человек и его судьба» и др.). Мы опираемся в своем теоретико-методологическом исследовании на ее идеи, учитывая их дальнейшее развитие в работах уральских социологов Е. В. Грунт, Г. Е. Зборовского, Г. Б. Корблевой, А. В. Меренкова, В. С. Цукермана и др. Подробнее см.: Баландина Т. Ю. Студенческое самоуправление. — Екатеринбург : УГТУ-УПИ, 2007. — 166 с.

тия. Именно поэтому саморазвитие (и участие в самоуправлении как одна из важнейших его форм) не может рассматриваться лишь как пожелание, нечто желательное. Все более актуальным становится социальное требование: формировать у личности ответственность за свое формирование. Такой подход позволяет преодолевать все еще бытующее представление о воспитании как преимущественно внешнем воздействии на личность, утверждать качественно иное — современное — понимание воспитательного (шире — социокультурного!) процесса в единстве трактовки личности как его объекта и субъекта (что емко выразил еще К. Маркс, рассматривавший человека «как свой собственный продукт и результат»¹).

Современная концепция воспитания в вузе базируется на принципах самовоспитания и самореализации личности и непосредственно связана с развитием студенческого самоуправления. Такой подход способствует раскрытию творческого потенциала молодежи, дает возможность соединения социально значимых ценностей с индивидуальными интересами будущих специалистов приобретать не только профессиональные знания, но и навыки социализации.

Личность является центром собственного становления, в котором заключены как ресурсы, так и механизмы личностной динамики. Личность способна делать себя сама по своему свободному замыслу, и она ответственна перед собой за этот выбор. Словом, как писал Г. Ибсен, «быть человеку собой — это значит испытывать постоянное чувство собственной незавершенности и неудовлетворенности и не ставить ни в чем и никогда пределов познанию, «предел» которого — бесконечность»².

Студенческое самоуправление нацелено на создание условий, способствующих непрерывному личностному росту каждого студента, формированию профессионально значимых качеств будущего специалиста. Соответственно должно преодолеваться (прежде всего среди руководителей и преподавателей вуза) ограниченное понимание студенческого самоуправления, долгие годы рассматривавшегося лишь как средство укрепления дисциплины и порядка. Сегодня основной приоритет органов самоуправления — организаторская деятельность в студенческой среде, защита интересов и прав студентов, формирование конкурентоспособного специалиста.

Чем же характеризуется студенческое самоуправление, в чем его особенности? Выделим основные параметры студенческого самоуправления:

- участие студентов в управлении вузов — в обсуждении и решении вопросов деятельности вуза, в планировании, организации, мотивации

¹ Маркс К. Теория прибавочной стоимости. Приложение. Доход и его источники. Вульгарная политическая экономия // Маркс, К., Энгельс, Ф. — Соч. 2-е изд. — М. : Полит. лит-ра, 1964. — Т. 26, ч. III. — С. 516.

² Афоризмы Г. Ибсена [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://best-aphorisms.ru/genrik-ibsen> (дата обращения: 11.11.2016).

и контроле учебного процесса, научно-исследовательской и внеучебной работы;

- важный компонент воспитательного процесса в вузе, системы внеучебной, воспитательной работы;
- особая форма инициативной, самостоятельной, ответственной общественной деятельности студентов по решению важных вопросов жизнедеятельности студенческой молодежи — организации ее обучения, быта, досуга, развитию ее социальной активности и поддержке ее социальных инициатив;
- форма самостоятельной общественной деятельности студентов по реализации функций управления жизнью студенческого коллектива для реализации стоящих перед ним целей и задач;
- система разнообразных организационных форм, институционально обеспечивающих участие в управлении студенческими коллективами (группа, курс, факультет, университет, местный, региональный, федеральный и международный уровни);
- соуправление — участие студентов в управлении вузов совместно с преподавателями; равноправное участие студентов и преподавателей в решении проблем подготовки высококвалифицированных специалистов;
- элемент общей системы управления учебно-воспитательным процессом в вузе, максимально учитывающий интересы и потребности студентов на основе изучения их общественного мнения;
- практика управленческой деятельности, когда в процессе организаторской работы формируются социальные качества и компетенции личности будущего специалиста, его организаторские умения и гражданская ответственность;
- его включение в различные формы коллективной самоорганизации; формирование умений позитивно взаимодействовать с людьми разного возраста, самостоятельно и эффективно решать проблемы в области профессиональной и общественной деятельности, умений и навыков физического совершенствования;
- условие для формирования, развития и проявления лидерских качеств на основе самостоятельного планирования, организации и анализа разнообразных мероприятий внеучебной, воспитательной работы;
- условие реализации творческой активности студентов в учебной и внеучебной деятельности, научно-профессиональном и культурном развитии;
- реальная форма демократизации студенческой жизни, сочетающая обеспечение прав, возможностей студентов с повышением их ответственности, процесс взаимодействия с разнообразными формами управления вуза и расширения внутривузовской демократии;

- средство социально-правовой защиты и решения социальных проблем студенческой молодежи;
- не только средство управления коллективом вуза, но и средство организации его жизнедеятельности; средство самоорганизации, коллективного самовоспитания, самоконтроля;
- процесс планирования, организации, мотивации и контроля, направленный на превращение отдельных групп студентов в студенческий коллектив, умеющих позитивно взаимодействовать с людьми из различных возрастных групп, самостоятельно и эффективно решать проблемы в области профессиональной и общественной деятельности, владеющих умениями и навыками физического совершенствования.

Важно преодолеть «учебоцентристский» подход к студенту: он в вузе не только и не столько учится; годы учебы — это период становления его личности (и специалиста-профессионала, но главное — человека), важная (для многих лучшая, памятная) пора его жизни.

Студенческие годы молодого поколения в системе высшего образования изучаются далеко не только как процесс, механизм или период получения диплома, нового знания, умений и навыков в определенной сфере деятельности. По своим сущностным характеристикам они представляют собой этап, жизненный период или отрезок времени, данный молодым для осмысления жизни, реализации своих возможностей и надежд, осуществления планов.

Для каждого человека, бывшего и настоящего студента, обучение в вузе необыкновенно разнообразно. Оно порой противоречиво и наполнено личностным смыслом, но всегда сводимо к целому, именуемому словом «студенчество» в его временном, процессуальном значении¹. Во многом это связано с тем, что молодежь является одним из самых активных субъектов общественных отношений. Такая характеристика данной социальной общности, в которой ключевой подобностью абсолютно точно можно рассматривать студенчество, объясняет повышенный интерес социологов к ней с 1970-х гг. вплоть до наших дней.

На протяжении нескольких десятилетий молодежь часто выступает как автономный объект социологического исследования². Закрепились и методологические подходы к ее изучению, как правило, сопряженные с институционализацией феномена «общественное мнение» и позволяющие сделать определенный срез суждений оценок и намерений разных социальных групп молодого поколения.

Период студенчества и те практики, в которые включена сама молодежь как социальная общность, находятся в поле жесткого институционально-

¹ Чернова С. В. Студенчество: смысловая доминанта // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. — 2015. — № 9. — С. 56–61. — С. 59.

² См.: Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: ретроспектива и перспектива. — 2015 [Электронный ресурс]. Электронная библиотека «Гражданское общество в России». — Режим доступа: https://www.civisbook.ru/files/File/molodeg_perspektivy.pdf (дата обращения: 13.12.2016).

го регулирования. К ним привлечено пристальное внимание государства. В системе высшего образования роль, место и функции студенчества четко определены сложившимися нормами взаимодействия с другими актóрами, нормативно-правовыми рамками государственного масштаба, сложившимися традициями и устоявшимися практиками образовательной и воспитательной деятельности.

В институциональном и организационном плане образование является самой важной структурой, определяющей и формирующей качественные характеристики человеческого капитала молодых людей. В этом ключе система высшего образования в национальном масштабе является каналом воспроизводства рабочей силы за счет своей способности формировать уровень определенной квалификации студентов и выпускников, развивать их профессиональные и личностные компетенции. Студенты в прямом и переносном смысле обеспечивают потенциал социального развития страны. Их способности, возможности, действия и оценки происходящих событий представляют особую ценность в масштабах государства и отдельных его регионов. Очевидность такого значения проявляется в организационном начале университетской среды, где сегодня жестко унифицированный процесс учебной деятельности сосуществует с целым спектром условий, позволяющих молодым людям проявить и реализовать себя, мобилизовав свои интеллектуальные, культурные и социальные ресурсы. В этом ключе социальная активность студенчества связана прежде всего с личностным развитием молодых людей как субъектов деятельности, формирующих свой социальный капитал.

Социальная активность молодежи присуща лишь человеку как общественному существу, группам людей, обществу. Обычно термин «социальная активность» используется для обозначения как интенсивной деятельности людей в определенной системе общественных отношений, так и способности к ее осуществлению. Она выражает не какую-либо отдельную черту, а всю совокупность черт жизнедеятельности, являясь концентрированным выражением их главного качества — социально-деятельностной сущности¹.

Следует отметить, что в нашем мониторинге были затронуты разные виды социальной активности уральского студенчества. Не все из них обязательно имеют признаки коллективности и предполагают какие-либо совместные усилия на благо общества. В свою очередь именно общественная деятельность как включение молодых в коллективные практики, объединение их для решения важных для общества проблем, по нашему мнению, можно рассматривать как интегративную характеристику личностных характеристик студентов, их способностей и конкретных действий, которые они предпринимают в отношении преобразования себя и окружающего мира. С точки зрения педагогов, «общественная деятельность» проявляется в волевых

¹ Палаткина Г. В., Азизова Л. В. Структурные компоненты социальной активности студентов // Теория и практика общественного развития. — 2012. — № 7. — С. 85–87.

актах, общении, социально значимых поступках развивающейся личности¹.

Самоорганизация и самореализация такой молодежи осуществляются через деятельность молодежных объединений, реализацию социальных проектов и инициатив, различные формы молодежного самоуправления. В мониторинге мы рассматриваем и даем оценку общественной деятельности студенчества как оценку общественному участию, рассматривая его как родовое понятие², обобщающее все виды участия (гражданское, социальное, политическое). С нашей точки зрения, их характеризует нацеленность субъекта на общественную пользу, вовлеченность в общественные объединения и позитивные коллективные практики.

Данные наших исследований свидетельствуют о том, что число студентов, желавших проявлять какую-либо общественную активность, до 2012 г. увеличивалось (рис. 174).

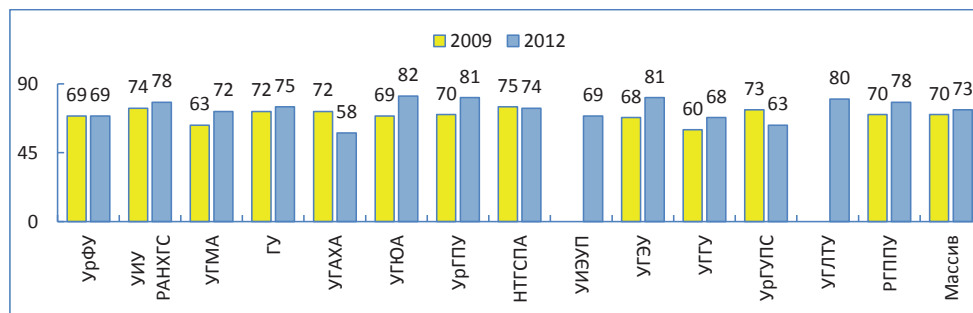

Рис. 174. Доля респондентов, готовых участвовать в общественной деятельности (выбравших одну из форм такого участия), по вузам и в целом по массиву, 2009–2012 гг., % от группы

Показатели, демонстрирующие намерения молодежи принимать участие в какой-либо форме общественной деятельности, возрастали среди студентов большинства вузов Свердловской области. В среднем по региону в 2012 г. трое из четырех студентов уральских вузов были готовы к тому или иному виду общественного участия.

На VII этапе мониторинга вопрос был изменен содержательно — акцент с готовности участвовать был перенесен на реальное участие в том или ином виде общественно-политической деятельности. Опрос 2016 г. показал, что в реальности за 2–3 последних года реализовало свои намерения в этом на-

¹ Волохов А. В., Фришман И. И. Общественная деятельность подрастающего поколения как предмет научного исследования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. : Акмеология образования. Психология развития. — 2013. — Т. 2, вып. 2. — С. 217.

² Скалан И. А. Социальное, общественное и гражданское участие: к проблеме осмысления понятий // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. — 2011. — № 1 (13). — С. 132.

правлении значительно меньшее число молодежи — только 53 % от числа всех опрошенных (рис. 175). Результаты мониторинга в общем соответствуют данным всероссийских исследований. В частности, в 2014 г. в опросе Левада-центра около 60 % опрошенных жителей крупных российских городов вне зависимости от их возраста и пола так или иначе были вовлечены в общественные работы¹.

Расхождение намерений россиян и их реальных действий, в том числе и в отношении общественного участия, — жизненная ситуация, очень часто фиксируемая социологами. Однако при общем сокращении числа студентов, в действительности принявших участие в тех или иных общественных практиках за прошедшие 2–3 года, исследовательские данные позволили зафиксировать определенные сдвиги.

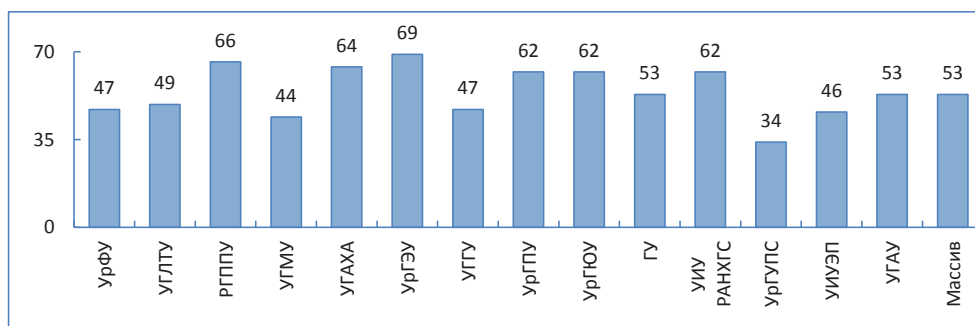

Рис. 175. Доля респондентов, реально участвовавших в общественной деятельности за последние 2–3 года (отметивших хотя бы одну из форм такого участия), по вузам и в целом по массиву, 2016 г., %

Изменилось соотношение числа студентов, имеющих опыт общественной деятельности, с теми, кто не проявлял какую-либо активность в этом направлении.

Например, в Уральском федеральном университете общественную активность в 2016 г. не проявлял примерно только каждый второй студент (53 %) при том, что в 2012 г. таких намерений не было только у каждого третьего из числа всех респондентов (31 %). Выявленная тенденция характерна практически для всех вузов Среднего Урала. Как нам кажется, она является следствием целого ряда факторов, таких как изменение экономической и общеполитической ситуации в стране, переориентация системы высшего образования на достижение общемировых показателей развития образования (публикационных, инвестиционных, инновационных и т. д.). Удерживают свои позиции только респонденты УГАХУ, возможно, за счет специфики

¹ Волков Д., Гончаров С. Потенциал гражданского участия в решении социальных проблем. Сводный аналитический отчет. — М.: Левада-центр, 2014. — С. 31.

тех направлений подготовки, которые обуславливают включение людей творческих профессий в широкое поле социально-культурной жизни горожан.

Наибольшие опасения и тревогу вызывает сокращение социально-активных студентов в УГМУ, УрГЮУ, УрГПУ и РГППУ. Именно в этих вузах преимущественно ведется подготовка по социально-ориентированным направлениям, требующим целенаправленной и последовательной подготовки молодежи к работе в социальной сфере. Таким профессионалам требуются не только теоретические знания, но и практический опыт общественно-значимой деятельности, например, в качестве волонтеров. По этому поводу А. В. Стагнеева отмечала, что недооценка организации общественной активности молодежи в университетах в итоге и приводит к значительным разрывам между числом молодых людей, заявляющих о потенциальной готовности участвовать в добровольческой деятельности, и числом тех, кто реально ведет такую работу¹.

На VII этапе (2016 г.) в анкету был включен вопрос, предлагающий респондентам оценить, насколько в Свердловской области созданы условия, чтобы молодежь активно участвовала в общественно-политической деятельности (рис. 176).

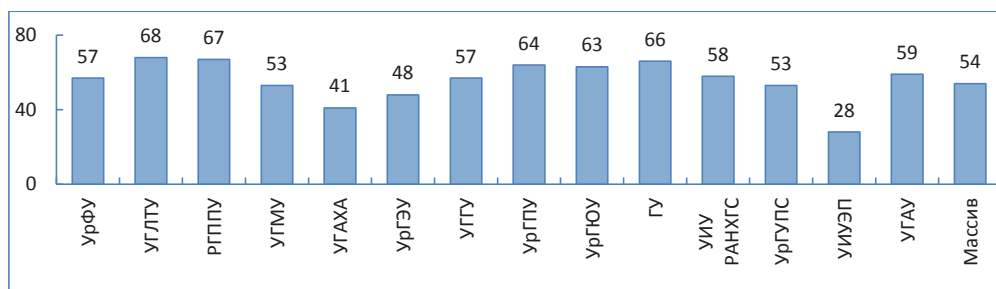

Рис. 176. Мнение респондентов, считающих, что в нашей области созданы условия, чтобы молодежь активно участвовала в общественно-политической деятельности (объединены ответы «да» и «скорее да, чем нет»), по вузам, 2016, % от числа ответивших

Заметно, что и в целом, и по большинству вузов (особенно в УГЛТУ, РГППУ, УрГПУ, УрГЮУ, ГУ) позитивные оценки преобладают. Но и доля негативных оценок достаточно велика, что позволяет говорить об актуальности задачи развития общественно-политической активности студенчества. При этом с учетом продолжающихся дискуссий о сущности воспитательной работы в вузах и роли профессорско-преподавательского состава в ней

¹ Стагнеева А. В. Развитие молодежного волонтерства: социально-технологический подход // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2013. — № 2. — С. 52.

подчеркнем, что нам наиболее близок подход М. Вебера, обосновывавшего задачу «воспитывать в человеке способность спокойно взвешивать свои поступки и анализировать их посредством постоянного обращения к своей совести»¹. «Главная задача университета» и «собственная задача» университетского преподавателя (у Вебера важное замечание — «в силу своей квалификации») — «воспитывать людей, формировать их политические, этические, эстетические, культурные взгляды» (и вновь — «значимое воздействие на слушателей достигается сегодня... только посредством специальных знаний, сообщаемых квалифицированными специалистами»)².

Важный аспект анализа — выявление тех конкретных форм общественной деятельности, в которых студенты готовы (по исследованиям 2007–2012 гг.) или реально принимали участие (этап 2016 г.) (рис. 177 и табл. 112).

Рис. 177. Динамика ответов на вопрос, в какой общественной деятельности вы готовы участвовать³, % от числа опрошенных

Уже на V этапе (2009 г.) отмечался рост (по сравнению с 2007 г.) социальной активности студенчества по всем параметрам. В частности, было заметно возрастание политической активности (готовности участвовать в избирательных кампаниях, митингах, демонстрациях) почти в 2 раза. В 1,8 раза — рост готовности принимать участие в студенческом самоуправлении. Более чем в 1,5 раза возросла готовность принимать участие в акциях по поводу собы-

¹ Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем. — М. : Прогресс, 1990. — С. 179.

² Там же. — С. 549.

³ Поливариантный вопрос. Сумма ответов более 100 %.

тий жизни вуза, города, района; почти на четверть — в коллективном благоустройстве; аналогичным был и рост готовности участвовать в сборе средств и вещей для нуждающихся и в деятельности молодежных общественных организаций.

Но парадоксальность студентов проявилась в обратном процессе: одновременно был зафиксирован и рост числа тех, кто ни в чем не собирався принимать участие.

На волне протестной активности рубежа 2011–2012 гг. результаты VI этапа (2012) отразили заметный рост намерений студентов принять участие в какой-либо форме общественной деятельности.

Это было характерно для студентов большинства вузов Свердловской области (особенно высокий уровень готовности проявили студенты УГЮА, УГЛУТУ, УрГПУ, УГЭУ). Исключение составили УГАХА и УрГУПС, где число студентов, которые выбрали какую-либо форму общественной активности как возможную для себя, снизилось на 10–14 % по сравнению с результатами V этапа мониторинга. В 2012 г. лишь 1 из 4 студентов Свердловской области проявлял инертность и занимал социально пассивную позицию.

Рост общественной активности студенчества можно объяснить благоприятным «структурным контекстом», который складывается в российском обществе в целом. Существенное влияние на сложившуюся ситуацию оказывают такие характерные черты социума XXI в.: массовость; интенсивно развивающиеся коммуникации, которые в большинстве своем доступны в первую очередь для молодежи; идеологическая активность в государственно-национальном контексте; видимая демократизация политической сферы.

Готовность к участию в общественно-политических мероприятиях среди всех россиян, как правило, ограничивается голосованием на выборах. По данным Левада-центра, в 2014 г. об этом заявляли около 80 % жителей крупных городов и практически столько же россиян в целом.

Таблица 112

Приходилось ли вам в последние два-три года участвовать в общественно-политической жизни, и если да, то в какой форме, 2016 г., % ответивших

№	Варианты ответов	%
1	Участие в выборах в органы власти различного уровня в качестве кандидата	4
2	Участие в выборах в органы власти различного уровня в качестве избирателя	11
3	Участие в проведении избирательной кампании (сбор подписей, агитация, работа на избирательном участке в качестве члена комиссии или наблюдателя)	6

Окончание табл. 112

№	Варианты ответов	%
4	Участие в митингах, демонстрациях, пикетах по поводу событий в жизни страны, региона, вашего населенного пункта	8
5	Участие в забастовках	3
6	Участие в деятельности общественных организаций (правозащитных, благотворительных, экологических и т. д.)	7
7	Участие в деятельности молодежных общественных организаций и объединений	16
8	Участие в деятельности студенческих отрядов	11
9	Участие в деятельности религиозных организаций	1
10	Участие в деятельности политических партий, движений, организаций	3
11	Подписание обращений, петиций по поводу событий в жизни страны, региона, вашего населенного пункта	9
12	Участие в работе волонтерских организаций	17
13	Коллективное благоустройство подъездов, домов, детских площадок, окружающих территорий	3
14	Сбор средств, вещей для людей, попавших в тяжелое положение (теракт, стихийное бедствие, лечение, операция)	8
15	Участие в работе домкомов, кооперативов, территориальном общественном самоуправлении	3
16	Участие в социальных акциях, направленных на пропаганду физической культуры, спорта и здорового образа жизни	12
17	Другое	0
18	Нет, ни в чем подобном участвовать не приходилось	47

Примечание. Пропуски: 85 из 1827 (4,7 %). Поливариантный вопрос. Сумма больше 100 %.

Однако в значительной мере это декларативная готовность, так как явка на местном уровне часто не превышает 20–30 % от общего числа населения. Второй по частоте упоминания приемлемый вид общественно-политической активности — наблюдение на выборах (об этом заявили около 15 % респондентов)¹. Тем показательнее результаты реальной общественной деятельности студентов в 2016 г.

Существенным для общественно-политической активности является заявление респондентами своего реального участия в выборах в качестве кандидатов (4 %). Этот факт фиксируется впервые. Что стоит за ним? Начавшаяся переориентация политических партий и движений в сторону омоложения депутатского корпуса на всех (но прежде всего на региональном) уровнях;

¹ Волков Д., Гончаров С. Потенциал гражданского участия в решении социальных проблем. Сводный аналитический отчет. — М.: Левада-центр. 2014. — С. 32.

или растущее понимание молодыми людьми значимости (и реальности) политической карьеры; или следствие развития молодежного парламентаризма, активного вовлечения молодежи в процессы политического управления со стороны властных структур — Росмолодежи, депутатского корпуса Государственной думы (в первую очередь через образовательные форумы) и региональных законодательных собраний; или активная деятельность Молодежных правительств, парламентов, следствие процессов формирования кадрового резерва? Или — как минимум — стремление респондентов показать собственную значимость в политической жизни страны? Представляется, что эту активность сто́ит рассматривать как один из важных позитивных результатов VII этапа мониторинга.

Однако нужно видеть и разницу в ответах респондентов о готовности участвовать и реальном участии в общественной деятельности. Это объясняет кажущееся снижение показателей 2016 г. Лишь один из восьми респондентов реально участвовал в массовых мероприятиях, общественной жизни города, района, своего вуза, в то время как в 2009 и в 2012 гг. о готовности такого участия говорил каждый пятый опрошенный. С одной стороны, сказалась иная формулировка вопроса, с другой — это может быть следствием ужесточения требований к организации инициативно проводимых на неформальных основаниях коллективных мероприятий и акций, которые становится все сложнее согласовывать из-за изменений российского законодательства. Сегодня это практически не представляется возможным без включения в такие мероприятия каких-то институционально закрепленных структур, поддерживаемых и одобряемых исполнительной властью регионов, органами местного самоуправления. Еще одной причиной такого сокращения может быть усложнение социально-политической ситуации и угрозы террористических атак, которые стали так очевидны в последнее время в связи с событиями на Украине и военными действиями в Сирии.

Реально только 3 % респондентов участвовали в мероприятиях по коллективному благоустройству общежитий, подъездов, домов, дворов. Много это или мало? Возможно, сказывается массовое распространение в городской среде профессионально организованных клининговых сервисов (от англ. *cleaning* — очистка — комплекс мер, обеспечивающих чистоту офисов, торговых комплексов, отелей, коттеджей, квартир и т. д.), исключающих общественное участие и минимизирующих общественную потребность в помощи горожан. Совершенствование функций публичного управления в этом секторе, профессионализация городского управления, управляющих компаний, бюджетных социальных учреждений объективно начинает исключать горожан из числа «общественных помощников». Такое положение дел в дальнейшем может иметь негативные последствия, поскольку коллективные мероприятия по уборке территорий, облагораживание парковых зон, дворов и придомовой территории определенным образом влияют на фор-

мирование экологической культуры горожан, норм совместного проживания и деятельности. Учет и переходный статус студенчества, воспринимающего проживание в родительском доме (а следовательно, и отношение к состоянию дворовых территорий) как нечто временное. Еще более заметно это отношение у студентов, проживающих на частных квартирах или в общежитиях. Хотя последние, как правило, активно привлекаются к различного рода субботникам.

В деятельности религиозных организаций в 2016 г. реально участвовал, по самооценке респондентов, лишь 1 %. В 2012 г. готовность к такой активности демонстрировали 5 %. Хотя, по данным опросов общественного мнения в целом по России среди молодежи, ходят в церковь (храм, мечеть, молельный дом и т. п.) в свое свободное время, добровольно участвуют в делах церкви, религиозной, приходской общины 7 % молодых россиян в возрасте 18–22 лет¹. Таким образом, можно предположить, что в Свердловской области студенческая молодежь менее религиозна, чем в других российских регионах, а значит, и менее активна в этом направлении.

Большой разрыв наблюдается между готовностью в 2012 г. и реальным участием в 2016 г. студентов в благотворительной деятельности (сбор средств, вещей, книг для нуждающихся в этом людей). В 2012 году практически каждый третий из числа опрошенных студентов хотел бы быть задействованным в такой благотворительной деятельности. В 2016 г. каждый пятый реально участвовал. Это при том, что общественная потребность в такой деятельности в связи с кризисом 2014 г. и украинскими событиями существенно возросла. Но нужно принимать во внимание, что развитие некоммерческого сектора в РФ способствует тому, что благотворительные мероприятия по сбору необходимых вещей для нуждающихся в них людей начинают проводиться на профессиональной основе системно и регулярно. Однако факт профессионализации этой деятельности совершенно не уменьшает потребности в добровольцах, необходимых для реализации подобных проектов.

В современных условиях одним из перспективных направлений общественной деятельности и сфер проявления общественной активности преимущественно среди молодежи остается благотворительная деятельность. Наиболее популярными в молодежной среде и поддерживаемыми государством становятся организованные волонтерские практики².

¹ «ФОМнибус» — опрос граждан РФ от 18 до 30 лет [Электронный ресурс]. — 18 мая 2016. 53 субъекта РФ, 104 населенных пункта, 1500 респондентов: интервью по месту жительства. Статистическая погрешность не превышает 3,6 %.. — Режим доступа: <http://fom.ru/Obrazzhizni/13103> (дата обращения: 12.12.2016).

² Мы с пониманием относимся к мнению О. Н. Яницкого: «в замене термина доброволец и добровольчество как субъектов широкого общественного движения, самоорганизующегося и выдвигающего собственные цели, на термин «волонтер», имеющий... самую разную социальную природу, морально-этическую окраску и политическую направленность, был заложен глубокий политический смысл» (Яницкий О. Н. Волонтеры: гражданские и го-

Само добровольчество на тактическом уровне может рассматриваться как один из инструментов социализации молодого поколения; одно из направлений развития системы социальной защиты населения; на стратегическом уровне — как одно из направлений преодоления последствий резко выраженной социальной дифференциации общества между богатыми и бедными, молодыми и пожилыми, социально успешными гражданами и людьми, попавшими в трудную жизненную ситуацию; как способ повышения социальной активности населения, способствующий не номинальному, а реальному становлению гражданского общества. В этой связи возникает вопрос, можно ли использовать ресурс волонтерства в преодолении ряда тенденций, характерных для современной молодежи. По мнению ведущих российских социологов, сегодня можно говорить о неопределенности и противоречивости ориентаций и предпочтений представителей молодого поколения, низком интересе к политике, низком уровне доверия к политическим институтам и реальному участию в политических и общественных инициативах при относительно высокой оценке подобных инициатив и их потенциальной общественной силы со стороны молодежи¹.

Развитие волонтерства (добровольчества) молодежи становится важным направлением государственной молодежной политики. Для оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации введен целевой индикатор «доля молодых людей, принимающих участие в добровольческой деятельности, в общем числе молодежи (%)», который на 2010 г. был установлен на уровне 11 %, а на 2015 г. — 18 %². В 2009 г. Правительством РФ была утверждена «Концепция содействия развитию благотворительной деятельности и добровольчества в Российской Федерации», которая содержала комплекс необходимых мер поддержки развития благотворительного сегмента некоммерческого сектора.

Основной целью государственной политики в области содействия развитию благотворительной и добровольческой деятельности является³ ак-

сударственные // Социологическая наука и социальная практика. — 2014. — № 1. — С. 71–72). Но одновременно учитываем и широкое распространение термина «волонтер» в современной отечественной нормативно-правовой и социологической теории и практике.

¹ Гудков Л. Д., Дубин Б. В., Зоркая Н. А. Молодежь России [Электронный ресурс]. — М. : Московская школа политических исследований, 2011. — С. 57. — Режим доступа: http://www.civisbook.ru/files/File/Wer_prilGUDKOV.pdf (дата обращения: 12.12.2016).

² Методические рекомендации по развитию добровольческой (волонтерской) деятельности молодежи в субъектах Российской Федерации [Электронный ресурс] : сайт Департамента молодежной политики и общественных связей Министерства спорта, туризма и молодежной политики Российской Федерации. — Режим доступа: http://www.depmlpol.ru/press_centra/anonse/?ELEMENT_ID=497 (дата обращения: 12.12.2012).

³ Концепция содействия развитию благотворительности и добровольчества в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Благотворительность в России. — 2009. — № 2. — Режим доступа: <http://rusblago.ru/all-articles/koncepciya-sodejstviya-razvitiyu-blagotvoritelnoj-deyatelnosti-i-dobrovolchestva-v-rossijskoj-federacii/> (дата обращения: 11.12.2013).

тивизация потенциала благотворительности и добровольчества как ресурса развития общества, способствующего формированию и распространению инновационной практики социальной деятельности, позволяющего дополнить бюджетные источники для решения социальных проблем внебюджетными средствами и привлечь в социальную сферу трудовые ресурсы добровольцев. Таким образом, с позиции интересов государства первоочередное значение имеет экономическая целесообразность волонтерской деятельности, с позиции общества наиболее важна социальная значимость волонтерства.

В Послании Президента РФ Законодательному собранию (01.12.2016) прямо указано, что «необходимо снять все барьеры для развития волонтерства, оказывать всестороннюю помощь социально ориентированным некоммерческим организациям»¹. В оценке целевой программы «Молодежь России» в докладе «Молодежь России 2000–2025» отмечается, что в настоящее время в нашей стране необходимо укреплять и формировать правовые, экономические и организационные условия для интенсификации гражданского становления и социальной самореализации молодежи как активного участника преобразований современного российского общества². На государственном уровне продолжается реализация комплекса мер по поддержке молодежного добровольчества (волонтерской деятельности), направленных на повышение молодежной общественной активности, активизацию участия молодежи в жизни и делах общества, формирование у нее гражданской ответственности и активной жизненной позиции. Содействие в создании благоприятных условий участия молодежи в добровольческой деятельности основывается на поддержке молодежных добровольческих центров, разработке молодежных добровольческих программ в школах, вузах, по месту жительства; информировании о добровольческих программах молодежных объединений организаций, работающих в молодежной сфере; формировании системы стимулов и поощрений, направленных на повышение мотиваций молодежи к участию в волонтерских программах, расширении освещения их деятельности через СМИ³.

Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 гг.» включает отдельный раздел — развитие волонтерского движения как важного элемента системы патриотического воспитания молодежи. До 2020 г. государственное финансирование полу-

¹ Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию [Электронный ресурс] : от 01.12.2016. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207978/ (дата обращения: 12.12.2016).

² Молодежь России 2000–2025 [Электронный ресурс] : доклад // Сайт «Росмолодежь». — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=LAW; n=11916#0> (дата обращения: 21.12.2016).

³ Молодежь и молодежная политики в России в контексте глобальных тенденций : доклад о положении молодежи и реализации государственной молодежной политики в РФ. — М. : Федеральное агентство по делам молодежи, 2015. — С. 47.

чат методические разработки для органов исполнительной власти субъектов РФ; проекты патриотической направленности, реализуемые волонтерскими (добровольческими) организациями; мероприятия по вовлечению ветеранских организаций в деятельность по патриотическому воспитанию и развитию волонтерского движения¹.

Поддержка добровольческой деятельности осуществляется в большинстве регионов России (62 субъекта). Ежегодно проводятся областные, региональные конкурсы поддержки добровольческих проектов, конкурсы на звание лучшего добровольца или добровольческого объединения. В 22 субъектах Российской Федерации, в том числе и в Свердловской области, проходит региональный конкурс «Доброволец России», проводимый Федеральным агентством по делам молодежи и ФГБУ «Роспатриотцентр»².

По данным Общественной палаты РФ, массовые мероприятия в сфере добровольчества разделяются по следующим направлениям³:

- социальное, патриотическое, молодежная политика, помощь в проведении общественно-значимых мероприятий (33 %);
- спортивное и пропаганда здорового образа жизни (23 %);
- помощь тяжелобольным в медучреждениях, бездомным, инвалидам и пожилым людям (16 %);
- помощь детям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, и детям-сиротам (10 %);
- экология и благоустройство (7 %);
- культура, наука, международная деятельность (5,5 %);
- помощь бездомным животным (3 %);
- поиск людей, спасатели МЧС и охрана общественного порядка (2,1 %);
- добровольческие объединения при религиозных организациях (0,4 %).

В нашем мониторинге с VI этапа (2012 г.) осуществляется анализ участия студентов в волонтерском движении.

В анкетах 2012 и 2016 гг. респондентам задавался следующий вопрос: «Приходилось ли вам принимать участие в волонтерской деятельности?». Ответы респондентов на данный вопрос помогают не только оценить число студентов, имеющих опыт участия в добровольческой деятельности, но и ее регулярность. По нашему мнению, такие данные позволяют охарактеризовать вовлеченность молодежи в эту деятельность (рис. 178).

¹ О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы» [Электронный ресурс] : постановление Правительства РФ № 1493 : от 30 декабря 2015. — Режим доступа: <http://base.garant.ru/71296398/> (дата обращения: 30.12.2016).

² Молодежь и молодежная политики в России в контексте глобальных тенденций ... — С. 48.

³ См.: Резолюция Всероссийского форума добровольцев (г. Санкт-Петербург 24–27 октября 2016 года) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://xn--80akivbcegdodcld.xn--plai/public/files/users/1/content/files/pdf> (дата обращения: 11.12.2016).

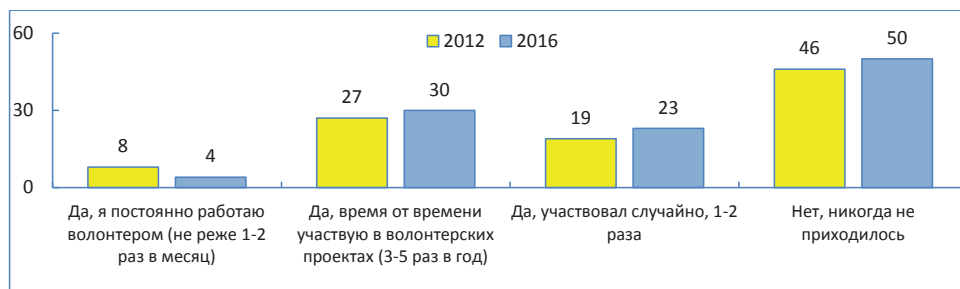

Рис. 178. Приходилось ли принимать участие в волонтерской деятельности, 2012–2016 гг., % опрошенных

Нужно отметить, что, несмотря на серьезные экономические вложения в развитие молодежного волонтерства в стране и регионе, в Свердловской области, можно говорить о некотором сокращении студентов (4 %), которые имеют опыт волонтерской деятельности. Если в 2012 г. никогда не приходилось заниматься волонтерской деятельностью 46 % студентов уральских вузов, то в 2016 г. об этом заявил каждый второй из числа всех опрошенных (50 %).

Кроме того, сократилось практически в два раза (на 4 %) число тех, кто делает это регулярно, не реже чем 1–2 раза в месяц. Уменьшилась и доля студентов, работавших волонтерами время от времени (с 27 до 23 %). Мониторинг зафиксировал и увеличение доли случайного участия, так называемого разового волонтерства. В него в 2016 г. был включен каждый четвертый респондент.

Несмотря на небольшие с точки зрения приведенных данных изменения, выявленная тенденция к сокращению числа тех студентов, которые вовлечены в добровольчество на регулярной основе, может носить тревожный характер. Согласно материалам разных социологических исследований, только добровольческий труд на регулярной основе или продолжительная по времени волонтерская деятельность может по своей сути приносить обществу и самому волонтеру определенную пользу. В современной России доля людей, готовых работать добровольцами на постоянной основе, с определенной регулярностью, не велика. В стране в целом отмечается «дефицит «настоящих», «чистых», «истинных» волонтеров»¹.

Целями вовлечения российской молодежи в добровольчество на государственном уровне заявляются его развитие как инструмента гражданско-патриотического воспитания, а также вовлечение молодежи в федеральные, региональные и вузовские добровольческие мероприятия через участие в программах направления². В рамках национальной идеологии молодежное

¹ Отчет по проекту «Ресурс добровольческого движения авангардных групп для российской модернизации». — М. : ФОМ, 2012. — С. 69.

² Роспатриотцентр [Электронный ресурс] : сайт. — Режим доступа: <http://xn-80akivbcegededodcld.xn--plai/working/directions/14> (дата обращения: 11.12.2016).

добровольчество представляет собой эффективный способ вовлечения молодых граждан в социальную практику, развивает их созидательную активность, является фактором их инновационного развития¹.

На рис. 179 представлены данные опроса 2016 г., согласно которым четко видно, что с увеличением времени, которое студенты Свердловской области тратят на волонтерские проекты, с их более вовлеченным в эту практику участием, обеспеченным регулярностью этой деятельности, увеличивается и интенсивность их общественного участия в целом.

Среди активных волонтеров девять из десяти выбрали то или иное направление общественной деятельности, учитывая предложенные в анкете альтернативы (возможно, кто-то и не нашел среди этих альтернатив свой вид деятельности или посчитал, что нужно выбрать какой-то другой вид деятельности, кроме волонтерства). Среди тех, кто время от времени участвовал в отдельных волонтерских проектах, такой выбор сделали уже только трое из пяти, а среди случайно участвовавших в добровольческих акциях — лишь один из пяти.

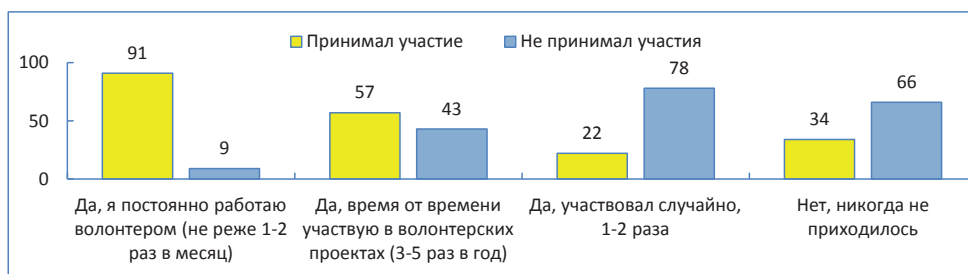

Рис. 179. Распределение ответов на вопрос «Принимали ли вы какое-либо участие в общественно-политической деятельности за последние 2–3 года?» в зависимости от степени участия в волонтерской деятельности, 2016 г., % по группам

Дополнительным доказательством выявленной тенденции служат и средние значения (число выбранных альтернатив — направлений общественно-политической деятельности), рассчитанные по группам студентов с разной регулярностью (опытом) волонтерского участия. В группе регулярно работающих волонтеров в среднем респонденты выбирали 2,7 направлений общественно-политической деятельности, в которых они принимали участие за последние 2–3 года. Среди тех, кто работал волонтером время от времени, среднее число выбранных альтернатив равно 2,2. В группе студентов, имеющих разовый опыт такого участия, выбирали чаще всего только какое-то

¹ Бодренкова Г. П., Каравашников С. Е. Системное развитие молодежного добровольчества в контексте пропаганды здорового образа жизни [Электронный ресурс] : методические рекомендации. — М., 2011. — С. 24. — Режим доступа: <http://www.hmrn.ru/raion/socs/cms/docs/MR%20po%20volonterstvu.pdf> (дата обращения: 18.06.2017).

одно направление, среднее число по группе — 1,2. Среди студентов без опыта волонтерства среднее число составило лишь 0,6.

Результаты проведенного нами исследования наглядно демонстрируют, что среди тех студентов, которые занимаются волонтерством, уровень социальной активности значительно выше, чем среди тех, кто никогда не принимал участие в волонтерской деятельности. Эта тенденция сохраняется на протяжении последних четырех лет (табл. 113). Однако, несмотря на активную государственную поддержку, массовость организованных мероприятий и большое число структур и учреждений, вовлеченных в реализацию молодежной политики, доля студентов Свердловской области, намеревающихся участвовать в том или ином виде общественной деятельности, существенно сокращается.

Таблица 113

**Общественная деятельность студентов, имеющих опыт участия
в волонтерской деятельности, 2012–2016 гг., % опрошенных**

Виды общественной активности	Опыт волонтерской деятельности			
	2012		2016	
	Да	Нет	Да	Нет
Акции по поводу событий жизни вуза, города, района	24	6	18	6
Избирательные кампании	16	11	23	13
Коллективное благоустройство общежитий, подъездов, домов, дворов	12	10	4	2
Митинги, демонстрации, организованные союзом студентов, профсоюзом	15	9	14	6
Общественные молодежные организации	25	19	31	15
Религиозные общественные организации	6	3	2	1
Сбор средств, вещей, книг для нуждающихся	30	24	11	5
Студенческое самоуправление	24	20	22	18

Примечание. Поливариантный вопрос. Сумма больше 100 %.

В 2012 г. в зависимости от уровня вовлеченности респондентов в волонтерскую деятельность в 1,5 раза возрастал показатель (число выбранных альтернатив — видов общественной активности в поливариантном вопросе), демонстрирующий желание молодых людей и девушек в той или иной форме принять участие в жизни общества. В 2016 г. разрыв между этими двумя группами студентов увеличился. Студенты-волонтеры отмечали в два раза чаще студентов без опыта волонтерства свое намерение принимать участие в разных видах общественной деятельности. Среди студентов, которые ра-

ботали как добровольцы, в четыре раза было больше желающих принимать активное участие в жизни вуза, города, своего района. В 2012 г. эту альтернативу в опросе выбирал каждый четвертый студент с опытом волонтерства (24 %), в 2016 г. — только 18 %. Последний опрос показал, что практически каждый четвертый волонтер (23 %) хотел бы принять участие в избирательной кампании.

Политическая сфера становится все более привлекательной для молодежи с опытом волонтерского участия. Растет среди студентов-волонтеров и желание включаться в деятельность молодежных общественных организаций, в ближайшем будущем практически каждый третий (31 %) студент этой группы намеревается принять участие в их деятельности. Ощутимо сократилось (на 8 %) среди студентов, имеющих опыт волонтерства, число тех, кто отметил свое желание помочь в благоустройстве, среди них на 19 % уменьшилось (с 30 до 11 %) количество желающих принять участие в традиционных благотворительных акциях по сбору средств, вещей, книг и других вещей для нуждающихся людей. Несмотря на зафиксированные изменения, сохраняется зависимость социальной активности молодежи от регулярности их волонтерского участия.

В фокусе внимания зарубежных и российских исследователей волонтерства с начала XXI в. находится взаимосвязь (положительная) между социальным, политическим и протестным участием людей. Во-первых, эмпирические данные демонстрируют, что связь есть, но крайне слабая между волонтерской деятельностью как социальной активностью людей и их протестным участием. Во-вторых, сама деятельность добровольцев в рамках волонтерских организаций практически любой направленности имеет протестный потенциал. Он конструируется в разных практиках взаимодействия добровольцев, заложен в оценках общества, целях, методах этой деятельности, которая очень часто маркируется как протестная или оппозиционная¹.

Такие характеристики волонтерства заставляют обратить внимание на контекст институциональных связей образования, экономики, культуры и политики, определяющий среду социализации молодого поколения. В исследованиях жизненного мира современной российской молодежи политические события и включенность в них студенчества всегда рассматриваются особенно пристально, несмотря на свою неоднозначность и противоречивость. Исследователи отмечали и отмечают абсентеизм российской молодежи, политическую апатию, отчуждение от политической жизни в стране². Опросы общественного мнения доказывают, что апатичное отношение к по-

¹ Истомина А. Г., Оберемко О. А. Легитимация протестного участия волонтеров // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. — 2015. — № 6. — С. 32–47.

² Тарцан В. Н. Власти и молодежь в современной России: политические проблемы взаимодействия : автореф. ... канд. социолог. наук. — М. : РАН, 2010. — 27 с.

литике можно фиксировать в любой возрастной группе россиян. Современная молодежь, ни дня не жившая во времена СССР, судя по всему, политически мыслит и поступает аналогично старшему поколению¹.

Однако молодое поколение постсоветских стран, в том числе и нашей страны, оценивается как носитель социальных травм, которые укоренены в политических областях утери имперской власти государства их дедов и отцов, национальной уязвленности и социальной депривации. Сохраняется убежденность молодежи в том, что жизнь их нации подорвало безответственное политическое руководство страны. Они убеждены в том, что и сегодня отстранены от политического процесса².

События последних десятилетий в ряде постсоветских стран наглядно продемонстрировали возможности использования протестного потенциала молодого поколения не во благо социально-политического развития этих государств и их граждан, а для осуществления каких-то глобальных геополитических задач. Экстремистские действия одних молодых людей были реализованы при отсутствии активности и осознанности последствий этих действий другими — аполитичными и бездеятельными. Как нам кажется, во многом именно по таким причинам интерес к политике и протестная активность молодежи наряду с другими видами социальной активности с определенной регулярностью измеряются опросами общественного мнения и анализируются социологами. Например, по данным «ФОМнибуса»,³ в 2016 г. только 29 % россиян в возрасте 18–22 лет (период студенчества) активно интересовались политикой, среди 23–27-летних таких респондентов было уже 35 %, в группе 28–30-летних — 38 %⁴.

Согласно существующим в мировой социологической практике методологическим подходам, гражданская активность (*civic participation*) изучается по трем основным направлениям: политическому участию, волонтерству и благотворительным практикам разных социальных групп⁵. Таким образом, интересно проанализировать результаты мониторинга, демонстрирующие такие изменения, как отношение уральской продвинутой молодежи к политике, содержание и характер протестных настроений студентов Сверд-

¹ Барковский А. В. Молодежь как субъект политического участия: предпочтения, мотивация, перспективы // Вестник Уральского государственного университета путей сообщения. — 2015. — № 1 (25). — С. 95.

² Овсянников А. А. Новое поколение: в поисках новых идеалов и смыслов жизни // Социологическая наука и социальная практика. — 2015. — № 1 (9). — С. 94.

³ «ФОМнибус». Опрос граждан РФ от 18 до 30 лет. 18 мая 2016. 53 субъекта РФ, 104 населенных пункта, 1500 респондентов. Интервью по месту жительства. Статистическая погрешность не превышает 3,6 %.

⁴ Политические взгляды и протестный потенциал молодежи. Как россияне оценивают действия властей? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://fom.ru/Politika/13045> (дата обращения: 21.12.2016).

⁵ Citizens or Civic Omnivores? Repertoires of Civic Participation among University Students / L. У. Hustinx [et. al.] // Youth and Society. — 2012. — № 44 (1). — P. 95–117.

ловской области. Важно оценить, меняется ли политическая активность молодых, проанализировать, изменилось ли доверие к основным социальным институтам со стороны студентов, имеющих опыт волонтерского участия и не имеющих его (рис. 180).

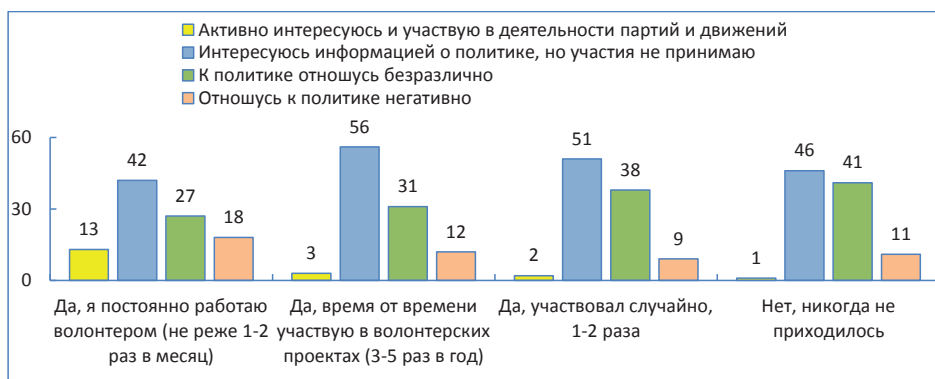

Рис. 180. Распределение ответов на вопрос «Каково ваше отношение к политике?» в зависимости от степени участия в волонтерской деятельности, 2016 г., % по группам

Если сравнивать с 2012 г., то в целом интерес к политике среди уральских студентов ослабевает. Однако сохраняется выявленная нами еще в 2012 г. тенденция, согласно которой повышение интереса к политике в студенческой среде зависит от степени вовлеченности молодежи в волонтерскую деятельность. Если в подгруппе студентов-волонтеров политикой активно интересуется каждый восьмой из числа всех опрошенных, то среди респондентов, не имеющих опыта участия в добровольческой деятельности, таких студентов всего 1 %. Среди студентов-волонтеров значительно меньше и тех респондентов, которым неинтересны политические события.

Важно отметить, что с 2012 г. пропорционально увеличивается доля студентов, которые остаются равнодушными к политической повестке дня, абсолютно во всех группах студентов, которые мы сравниваем. При этом практически не изменяется число тех, кто отрицательно относится к политике в целом. Общая характеристика всех студентов с разным опытом участия в волонтерстве заключается в том, что среди них число тех, кто вообще не интересуется политическими событиями и равнодушен к политике в целом, значительно меньше.

Данные мониторинга показывают устойчивую тенденцию, демонстрирующую стремление студентов с волонтерским опытом разными способами противостоять социальной несправедливости, которая их окружает. Чем больше волонтерский опыт у молодежи, тем чаще молодые люди и девушки заявляют о готовности участвовать в каких-либо протестных действиях (рис. 181).

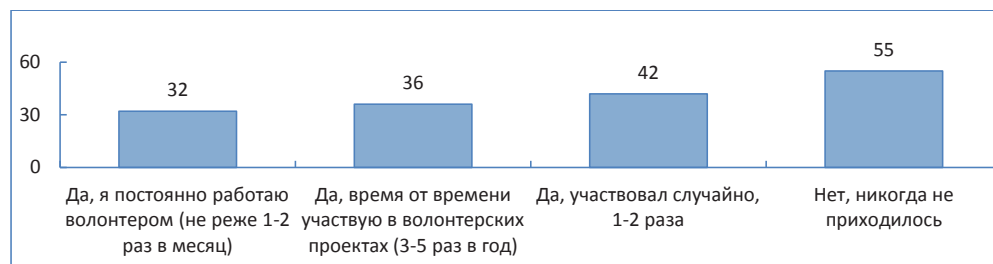

Рис. 181. Распределение ответов «Не готовы участвовать в открытых формах протеста» в зависимости от степени участия в волонтерской деятельности, 2016 г., % по группам

Важно отметить, что растет активность в отношении конструктивных форм защиты социальных интересов и противодействия несправедливости со стороны тех студентов, которые время от времени тратят свои силы на безвозмездную помощь другим людям. В данной группе самое большое число студентов (37 %), готовых писать обращения в адрес чиновников, 28 % респондентов готовы обращаться и выступать в СМИ, 29 % респондентов данной группы имеют намерения официально отправлять запросы в прокуратуру.

Российские социологи изучают и оценивают протестный потенциал студенческой молодежи. Согласно данным опроса 2016 г., в котором участвовали студенты Санкт-Петербурга, Петрозаводска, Твери, Костромы и Астрахани, достаточно сильным протестный настрой студентов считают 36 % среди опрошенных (с оговоркой «если найдутся лидеры»); 43 % респондентов полагают, что этот потенциал достаточно высок лишь у отдельных радикальных и экстремистских групп; 31 % уверены в том, что «никаким потенциалом нынешняя молодежь не обладает»¹.

С социологической точки зрения важно анализировать не только намерения студентов реализовывать какие-либо протестные действия и бороться с социальной несправедливостью, но и оценивать их доверие к деятельности основных институтов государственной власти, осознанное понимание сути, значимости и специфики их деятельности. Всероссийские опросы общественного мнения фиксируют достаточно позитивное отношение россиян к деятельности ключевых государственных институтов. Например, на рубеже 2016–2017 гг. практически каждый второй россиянин одобрял деятельность Государственной думы РФ — 51 %, Правительства России — 62 %, Президента страны — 85 %².

По данным проведенного мониторинга, уровень доверия уральских студентов за четыре года существенно вырос к таким институтам, как Государ-

¹ Козлов А. А. Оценки возможных протестных действий молодежи в условиях современного кризиса // Альманах мировой науки. — 2016. — № 4–3 (7). — С. 6–8. — С. 6.

² Одобрение деятельности государственных институтов [Электронный ресурс] : пресс-релиз (декабрь 2016 г. — январь 2017 г.). — Режим доступа: http://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_gosudarstvennykh_institutov (дата обращения: 02.02.2017).

ственная дума РФ, Правительство Свердловской области. Сохранилась и тенденция, согласно которой среди студентов с опытом волонтерства больше респондентов, которые доверяют тем или иным политическим институтам, чем среди тех респондентов, у которых нет опыта благотворительной деятельности. Среди студентов, имевших опыт волонтерской деятельности, в 2012 г. каждый четвертый доверял депутатам Государственной думы, в 2016 г. — уже двое из каждых пяти. У студентов, не имевших опыта волонтерской деятельности, эти показатели были ниже: в 2012 г. о доверии к Государственной думе из них высказался каждый пятый, в 2016 г. — каждый третий. Разрыв между двумя группами, хотя и сократился с 1,4 раза до 1,2 раза, сохранился. Сходной является и ситуация с доверием к правительству Свердловской области. В первой группе (имеют опыт волонтерской деятельности) доверие к нему высказали в 2012 г. двое из пяти, в 2016 г. — уже каждый второй. В другой группе (этого опыта нет) — соответственно почти каждый третий (2012 г.) и два из каждых пяти (2016 г.). Повторилась ситуация и с разрывом — сокращение с 1,3 до 1,2, но... сохранился этот разрыв.

Еще одна тенденция затрагивает проблему гендерного неравенства волонтеров. Согласно данным социологических исследований, у волонтерства, как правило, «женское лицо»¹. Наш мониторинг зафиксировал резкое сокращение среди уральских студентов именно молодых людей, которые имеют какой-либо опыт участия в волонтерстве. Если в 2012 г. каждый второй юноша заявлял, что ему никогда не приходилось принимать участие в волонтерских проектах, то в 2016 г. такой ответ дали уже трое из каждых пяти респондентов-мужчин.

Практически все проанализированные выше данные доказывают, что волонтерская деятельность студенчества определяет интенсивность их жизнедеятельности в системе общественных отношений и в то же время развивает способности к осуществлению социальной активности, реализованные в совершенно разных ее видах. Волонтерство в комплексе с другими видами социальной активности выражает целостность и своеобразие свойств конкретного субъекта социальной активности. Например, Е. Н. Харланова выделила такие из них, как «направленность на благо общества, ценностная значимость для личности и общества, самоорганизованность, социальная инициативность и ответственность, энергичность, настойчивость, коммуникабельность, продуктивность»². Во многом эти личностные характеристики связаны с успешностью образовательной деятельности и профессиональной самореализации.

Следующий важный аспект исследования динамики студенческого волонтерства на Среднем Урале заставил нас оценить данные, демонстриру-

¹ Отчет по проекту «Ресурс добровольческого движения авангардных групп для российской модернизации». — С. 205.

² Харланова Е. М. Социальная активность студенчества // Историческая и социально-образовательная мысль. — 2011. — № 5. — С. 174.

ющие вовлеченность уральских студентов разных направлений подготовки в волонтерскую деятельность (рис. 182–183).

Рис. 182. Участие студентов разных профилей подготовки в волонтерской деятельности, 2012 г., % опрошенных в группе

Рис. 183. Участие студентов разных профилей подготовки в волонтерской деятельности, 2016 г., % опрошенных в группе

У гуманитариев увеличилось общее число тех, кто с определенной долей регулярности занимается волонтерством, сократилась доля случайных волонтеров. Такие изменения можно считать позитивными, так как общемировой опыт показывает, что по ряду профессиональных специальностей социальной сферы волонтерство играет очень важную роль в профессионализации молодых специалистов. Широкое распространение начинает получать технология «обучение действием». Это очень важное изменение, так как в связи с ним в дальнейшем может начать развиваться профессиональное волонтерство и сотрудничество высших учебных заведений, учреждений социальной сферы и организаций некоммерческого сектора по отраслевому принципу¹.

Существенно увеличилось число тех, кто никогда не был вовлечен в волонтерские проекты среди студентов естественно-научных и технических

¹ Певная М. В. Управление волонтерством: международный опыт и локальные практики. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. — С. 397.

специальностей. По нашему мнению, такие изменения имеют прямую связь с трансформацией образовательной политики в стране, где основной вектор развития высшего образования преимущественно направлен на их научное развитие и международное сотрудничество. Такая тенденция может свидетельствовать о латентном характере системной недооценки воспитательной функции университетской среды.

Анализ планов студентов уральских вузов в отношении волонтерства показал, что не исключают добровольческое участие из своих жизненных планов 84 % студентов. Изменилось лишь соотношение внутри группы тех, кто вообще не планирует когда-либо заниматься волонтерством. Среди обучающихся по гуманитарному, экономическому и естественно-научному профилям число таких студентов сократилось на 3, 6 и 5 % соответственно и в итоге составило 15, 13 и 8 % от числа всех ответивших респондентов в этих группах. Практически не изменилось число таких респондентов среди студентов технического профиля, каждый пятый (22 % в 2012 г. и 21 % в 2016 г.) из их числа заявил, что ни при каких условиях не согласился бы работать добровольцем. Изменилось и число юношей и девушек среди таких респондентов. Если в 2012 г. их соотношение было 2 : 1 (22 и 11 % соответственно), то в 2016 г. число респондентов-мужчин существенно увеличилось и их соотношение с девушками уже составило 3 : 1 (24 и 8 % соответственно).

В анкете студентам предлагалось выбрать не более трех альтернатив при ответе на поливариантный вопрос: «При каких условиях вы согласились бы стать волонтером?» (рис. 184).

Данные мониторинга очень хорошо демонстрируют тенденцию к изменению характера мотивации добровольческого участия среди уральских студентов. Существенно увеличилось число девушек и юношей, которые рассматривают свое личное участие в волонтерских проектах как ресурс личностного, профессионального развития и карьерного роста. Каждый четвертый из респондентов, принимавших участие в опросе 2016 года, выделил как один из ведущих для себя мотивов добровольческой деятельности — «возможность научиться чему-то новому» (рост по сравнению с 2012 г. почти вдвое). Потребность в обучении добровольчеству оказалась значима для каждого десятого из уральских студентов, принявших участие в опросе; каждый пятый респондент отметил важность ресурсов волонтерства в развитии личной карьеры (тоже рост более чем вдвое).

Следует отметить, что не меняются позитивные ориентиры молодежи — альтруистическая направленность их планов, намерений и действий. В 2016 г. почти половина респондентов отметила, что для участия в волонтерских проектах определяющим личностным мотивом является потребность в их помощи со стороны нуждающихся в ней людей.

Наши региональные исследования общности волонтеров Свердловской области, которые мы проводили в 2014 и 2016 гг., наглядно показывают, что

у волонтеров г. Екатеринбург, крупных и средних городов региона в возрасте 18–34 лет тройка ведущих мотивов отличается постоянством¹. Ведущими для молодого поколения стабильно остаются «возможность помогать конкретным людям», «полезные знакомства» и «практический опыт работы».

Рис. 184. При каких условиях студенты Свердловской области согласились бы участвовать в волонтерских проектах, 2012–2016 гг., % от числа опрошенных

Проблема мотивации добровольческой деятельности крайне сложна и не может трактоваться достаточно однозначно. Однако большинство современных исследований этой проблемы показывают, что волонтерская деятельность в своем социальном и экономическом значении наиболее эффективна для общества, конкретной социальной группы людей или лично для самого волонтера только в том случае, если она начинает носить смешанный характер, где, наряду с альтруистическими мотивами, определенное место начинает занимать и эгоистическая мотивация².

Итак, общественная деятельность уральского студенчества демонстрирует разные качества взаимодействия молодого поколения с социальной сре-

¹ Исследования проведены при поддержке РГНФ, проект № 16-03-00016 «Динамика российского волонтерства: перспективные практики, проблемы и возможности управления».

² Pevnaya M. V., Kuzminchuk A. A. Motivations to volunteering among young people: global trends or Russian country specifics // The 9th International Days of Statistics and Economics. Conference Proceedings (10–12 September 2015). — Prague : University of Economics, 2015. — P. 1281–1290.

дой. Разные виды социальной активности студентов характеризуют не только потенциал молодых и перспективных профессионалов, но и реальные возможности его реализации в профессиональной, досуговой, общественно-политической сферах.

Одной из тревожных тенденций, которую позволил выявить наш мониторинг, является сокращение социальной активности студентов по очень важным направлениям. Уменьшение социально активных студентов, обучающихся по социально-ориентированным направлениям, с точки зрения профессиональных стандартов требует не только знания теории, но и практического опыта по общественно-значимым направлениям деятельности. Сокращается число молодых людей и девушек, которые лично готовы участвовать в массовых мероприятиях, общественной жизни города, района, своего вуза, заниматься благотворительной деятельностью.

Наш мониторинг в очередной раз подтвердил, что опыт волонтерской деятельности тесно связан с другими видами социальной активности студенчества. Чем больше своего личного времени студенты Свердловской области тратят на волонтерство, чем регулярнее их участие в волонтерских проектах, тем выше их общественная активность и по другим направлениям в целом.

Еще одной тревожной тенденцией можно считать некоторое сокращение студентов с опытом волонтерской деятельности при усилении внимания к этому вопросу в системе образования, при выделении целевых средств органами региональной исполнительной власти для стимулирования и развития этих практик в Свердловской области. Неоднозначно можно трактовать и сокращение числа регулярно работающих волонтерами молодых людей и девушек при явном увеличении доли разового или случайного добровольческого участия студентов.

Данные нашего исследования доказывают, что среди студентов-волонтеров повышается интерес к общественно-политической сфере, к молодежным организациям и движениям, одновременно снижается активность в реализации социального добровольчества.

Выше и среди студентов-волонтеров интерес к политике и уровень доверия к институтам власти, они дают более противоречивые оценки действиям политических акторов. Растет конструктивная протестная активность молодых волонтеров, готовых отстаивать свои права, вступать во взаимодействие с чиновниками, публично проявлять свою позицию по проблемным вопросам. По данным проведенного мониторинга, уровень доверия уральских студентов за четыре года существенно вырос к таким институтам, как Государственная дума РФ, Правительство Свердловской области.

От позиции молодежи в общественно-политической жизни, ее уверенности в завтрашнем дне и активности зависит темп продвижения России

по пути демократических преобразований. Именно молодые люди должны быть готовы к противостоянию политическим манипуляциям и экстремистским призывам.

Важнейший момент общественной активности молодежи — ее готовность к самоорганизации. В рамках мониторинга выявлялось отношение студентов к молодежным общественным организациям (рис. 185).

Уже по итогам IV этапа (2007 г.) было зафиксировано, что антиинституциональные настроения ушли на периферию молодежного политического сознания. В этом отразилось осознание студентами негативных последствий организационного и идеологического вакуума 1990-х гг.

В целом по массиву всего лишь 7% придерживались антиинституциональных позиций, ограничивая студенческую жизнь лишь учебой. На общем фоне заметно выделялись поддержкой такой позиции лишь студенты УГАХА (каждый четвертый). Но студенчество не просто стремилось к возрождению общественных организаций. Утверждалось понимание необходимости их кардинального изменения: деполитизация и деидеологизация.

Рис. 185. Динамика отношения к молодежным общественным организациям, % от группы

Каждый четвертый акцентировал внимание именно на этом. Особенно это было значимо для студентов УГТУ-УПИ, УрГУПС и УГАХА (каждый третий). В этом же ряду стояло и то, что лишь немногие стремились к воз-

рождению комсомола (4 %). Несколько выше среднего эти настроения были у студентов УГТУ-УПИ, УрГУПС и УГЮА.

В ответах студентов четко вырисовывались и направления позитивных изменений. Студенты-респонденты опроса 2007 г. хотели бы видеть общественные организации, которые:

- реализовывали социально-защитную функцию, отражая и отстаивая интересы студенчества. Именно такое видение характера общественных организаций являлось для студентов приоритетным (в среднем отмечалось почти каждым двумя из пяти). Особенно часто (каждый второй) это отмечали студенты УГМА, УГГУ, УрАГС;
- занимались конкретными делами (каждый третий). Эта ориентация особенно четко была выражена в позициях студентов УГЮА, УрГУ и УрАГС;
- содействовали формированию лидерских качеств (каждый шестой). Акцент на этой позиции особенно четко делали студенты УГМА, УГЭУ, УрАГС;
- занимались организацией молодежи (мнение каждого восьмого). Об этом чаще других высказывались студенты НТГСПА, УГАХА, УГЮА, УрГУ;
- занимались организацией молодежного досуга. Выше среднего эта позиция у студентов УГМА, УГТУ-УПИ, ГУ.

Однако от общих ориентаций до конкретных форм организаций у многих студентов была немалая дистанция. Это конкретно проявилось в их суждениях о создании в вузах студенческих советов (на IV этапе данная проблема исследовалась специально). И хотя соотношение поддержавших и не поддержавших идею создания студенческого совета составляло 2:1 в пользу позитивной позиции, практически половина студентов не имела определенного суждения по данному поводу, так как не задумывалась об этом.

Заметна и определенность позиции студентов, и их устойчивость. Преобладает мнение, что молодежные общественные организации не должны быть политизированы. При этом характерно, что, снизившись в 2009 г. в 1,6 раза, оно даже в условиях всплеска политической активности в 2012 г. вновь выросло в 1,3 раза. Очевидно, это означает неготовность молодежи к любой политизации ее активности.

Примечательна и неготовность значительной части студенчества поддерживать возрождение комсомола. Но и обратное мнение (студенты должны учиться, а не заниматься общественной работой) также не получает особой поддержки.

Наибольшее значение студенты придают социально-защитной функции молодежных организаций. Происходившее снижение доли подчеркивающих эту функцию (в 2012 г. в 1,5 раза по сравнению с 2007 г.) — возможный сигнал, что возникающие молодежные организации недооценивают эту функ-

цию. Обратный процесс (в 2016 г. по сравнению с 2012 г. число респондентов, выделивших эту функцию, возросло в 1,3 раза) вселяет надежду, что эта недооценка начинает преодолеваться.

Основной ориентир для молодежных общественных организаций по оценкам студентов — стратегия малых дел. Но и тут за годы мониторинга произошло снижение (в 2016 г. по сравнению с 2007 г. вдвое).

Значима для студентов и организационная роль молодежных объединений, которая рассматривается в двух планах: как формирование лидерских качеств и как поддержка усилий молодежи в организации досуга.

Важнейшая и самая массовая общественная организация в вузе — студенческий профсоюз. В чем, по мнению студентов, необходимость студенческого профсоюза?

Проблема «Студенты и профсоюз» рассматривалась нами с I этапа мониторинга. Напомним, что само исследование было инициировано лидерами СВАПОС (Ассоциация профсоюзных организаций студентов вузов Свердловской области). Эта инициатива была связана с поисками тех направлений, тех участков жизни студента, где профсоюзная организация могла бы найти свою нишу, приложить свои усилия. Уже на I этапе (1995 г.) было важно выяснить, насколько успешно в новых условиях студенческий профсоюз выполнял свои социально-защитные функции. Чаще всего в свои профсоюзы студенты обращались по вопросам предоставления материальных льгот, оплаты путевок и т. д. Это и определило включение в анкету вопроса, насколько наши респонденты пользовались льготами и поддержкой, которые предоставлял им профсоюз за время учебы в вузе (рис. 186.).

Сравнивая результаты 1995–1999 гг., исследователи отметили два момента. С одной стороны, подчеркивалось, что в целом незначительное число студентов могло воспользоваться профсоюзными льготами. С другой стороны, обращалось внимание на то, насколько за эти четыре года ухудшилась финансово-экономическая ситуация в стране и, следовательно, уменьшились возможности профсоюзов оказать помощь и поддержку, добиться реализации даже законодательно закрепленных прав и льгот. В этих условиях то, что ряд видов помощи и поддержки, сократившись по масштабам, сохранился (надбавки к стипендии, премии; материальная помощь; оплата проезда), — уже было огромным делом.

Это тем более относилось к увеличению числа студентов, пользующихся льготными оздоровительными услугами (санаторий-профилакторий; летние лагеря; санаторно-курортные и туристические путевки) и к расширению ассортимента помощи и услуг. Позитивный момент — реализация рекомендаций исследования «Студент-95» о создании вузовских Центров правовой и психологической помощи, хотя консультативный охват студентов, прибегающих к их помощи, оставался еще незначительным.

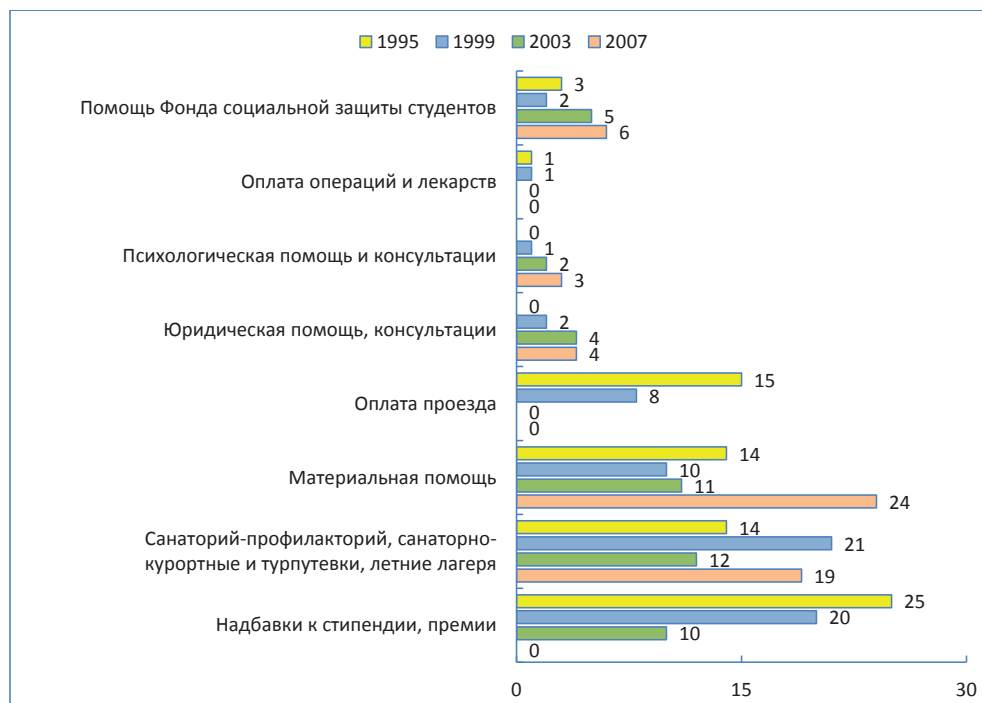

Рис. 186. Доля респондентов, пользовавшихся за время учебы помощью и поддержкой профсоюза, 1995–2007 гг.

В структуре используемых льгот и видов помощи особых изменений за эти годы не произошло — самыми массовыми видами помощи, по оценкам студентов, оставались надбавки к стипендии, премии и материальная помощь. Правда, на второе место по охвату в 1999 г., оттеснив материальную помощь, вышло пользование медицинскими льготами — диспансерно-профилактическое лечение.

В дальнейшем перечень форм помощи и поддержки профсоюзов менялся. К III этапу мониторинга (2003 г.) выявленная ранее тенденция, когда лишь незначительное число студентов могло воспользоваться профсоюзными льготами, сохранилась и даже усилилась. В частности, сошла на нет не только помощь в оплате операций и лекарств, которой и ранее пользовался лишь 1 из 100 респондентов, но и оплата проезда иногородним студентам, что не могло не ухудшить их материальное положение. И все-таки, как и на предыдущих этапах мониторинга, проблема не только в количественных характеристиках. Возможности студенческих профсоюзов оказать помощь и поддержку, добиться реализации даже законодательно закрепленных прав и льгот реально сокращались, особенно в связи с изменением законодательства в области социального страхования.

Взросла доля студентов, пользующихся правовой и психологической помощью, помощью ФСЗС. И хотя эта доля и сегодня остается небольшой, важен сам факт и наметившаяся позитивная тенденция. Основным структурным изменением в использовании различных льгот и видов помощи в 2003 г. было то, что диспансерно-профилактическое лечение, льготы по санаторно-курортным и туристским путевкам вышли на первое место, опередив различные виды денежной помощи. На наш взгляд, такая ситуация отражала гибкость работы студенческих профкомов и в какой-то мере определяла ориентиры их работы на перспективу. Относительно высокий уровень предоставления помощи и льгот на данном этапе мониторинга обеспечивали, по оценкам респондентов, профкомы педагогических вузов (УГПУ и РГППУ) и УрГУ, сложнее была ситуация в УрАГС.

Обобщая итоги III этапа мониторинга, исследователи отмечали и серьезные ресурсы, которые имелись по ряду видов помощи и отдельным вузам. В частности, речь шла о юридической и психологической помощи, уровень которой низок даже в вузах, имеющих соответствующие факультеты и кафедры. Выявлена и неравномерность в обращении студентов различных вузов в Фонд социальной защиты студентов, отмеченная еще в 1999 г.: в двух вузах области (из 8, где проводился опрос) студенты почти за 3 года учебы ни разу не воспользовались услугами Фонда социальной защиты. О причинах столь существенных различий в работе профсоюзных организаций вузов может судить руководство Ассоциации, знающее конкретные особенности и материальные возможности каждого института. Но мнение студентов — серьезная информация к размышлению.

Наконец, в противоречивой ситуации начала 2000-х, когда, с одной стороны, материальное положение студенчества несколько улучшилось и социальная напряженность в студенческой среде снизилась, а с другой — возможности профсоюзных организаций и комитетов в социальной поддержке и защите студенчества снизились, что не позволяет им в полной мере реализовать социально-защитные функции, еще более актуален вывод предыдущих этапов мониторинга о необходимости сделать предоставление материальных льгот более адресным, усилить поддержку малообеспеченных студентов и с этой целью точнее определить, кто входит в эту категорию, достаточно ли они информированы о возможных льготах профсоюза и, получая их, знают ли они источник льгот.

Отметим тот факт, что в 2007 г. каждый четвертый респондент отметил — получал материальную помощь от своего профсоюза, а каждый пятый — при поддержке профсоюза воспользовался санаторно-курортными и туристическими путевками, услугами санатория-профилактория или летнего лагеря. За этими ответами — серьезные усилия студенческих профсоюзных организаций по социальной защите и социальной помощи студентам.

Одновременно с этим (что было зафиксировано в материалах мониторинга в 2007–2009 гг.) студенческий профсоюз менялся качественно, все более превращаясь в важный институт организации студенческой жизни. Судить об этом можно по ответам респондентов на вопрос, зачем нужен студенческий профсоюз (табл. 114).

В целом по отношению к студенческому профсоюзу студенты демонстрируют такой же достаточно прагматический подход, как и по отношению к общественным организациям вообще: он должен быть полезен, причем в различных проявлениях. Только каждый четвертый-пятый респондент не видел в нем необходимости. Для практических решений важен рейтинг этих конкретных «полезностей». Их можно с определенной долей условности разделить на три группы: различные проявления организации деятельности студентов, различные виды помощи, различные виды контроля. Количественное соотношение между этими тремя группами «полезностей», по самооценке студентов было, соответственно 8 : 9 : 5.

Таблица 114

Для чего нужен студенческий профсоюз, % ответивших

Значения	2007	2009
Для организации культурно-массовых и спортивных мероприятий	39	40
Для оказания материальной помощи	33	33
Для оказания правовой помощи	29	30
Для контроля над соблюдением норм и правил организации учебного процесса	29	25
Для представления интересов студентов в органах власти и управления	27	23
Чтобы студенты могли реализовать свои лидерские качества	16	19
Для контроля над безопасностью учебного процесса и проживания в общежитии	14	15
Для решения вопросов трудоустройства	16	14
Для оказания помощи в вопросах оздоровления	17	13
Для контроля над организацией студенческого питания	8	7
Для организации оказания психологической помощи	7	6
Для оказания помощи в устройстве детей студентов в детсад, ясли	3	5
Не вижу в нем особой необходимости	22	24

В целом заметна достаточно высокая оценка студентами роли и влияния студенческого профсоюза в жизни вуза. Но уже в 2009 г. эта оценка весьма дифференцирована по конкретным вузам (рис. 187).

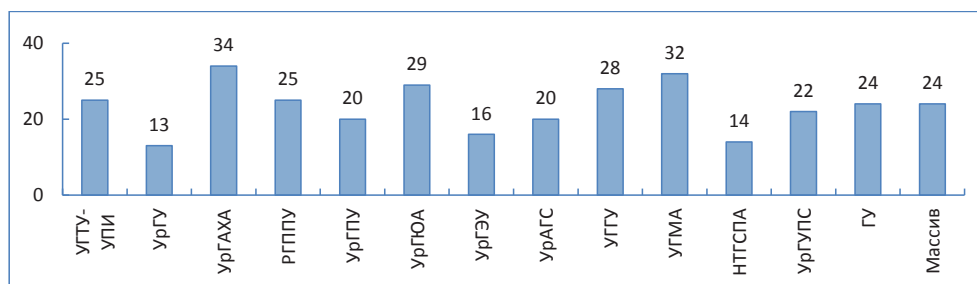

Рис. 187. Распределение по вузам респондентов, не считающих студенческий профсоюз необходимым, 2009 г., % ответивших

Студенческое самоуправление будет тем более эффективно, чем демократичнее корпоративная культура вуза. Показателем этого является реальная возможность для студентов открыто высказать свою точку зрения, в том числе и критическую, по поводу жизни, событий и проблем вуза (табл. 115).

Таблица 115

Могут ли студенты вашего вуза открыто высказывать свою точку зрения (в том числе и критическую) по поводу жизни, событий и проблем вуза, 2007 г., % от группы

Значения	2007	2009	2012	2016
Бывает по-разному	37	42	37	39
Выступить можно, но толку никакого — никто на это не реагирует	34	28	27	25
У студентов есть возможность открыто высказать свое мнение	19	21	23	25
Нет, это не поощряется	10	10	13	11

На наш взгляд, студенты на протяжении мониторинга довольно реалистично оценивают ситуацию. Показательно, что наибольшую поддержку получила позиция «бывает по-разному». И эта оценка оказалась достаточно стабильной. Что за этим? Сложность оценки достаточно противоречивой ситуации? Эклектичный тип корпоративной культуры, в рамках которой существуют разные стили управления? Простое нежелание критически оценивать ситуацию в своем вузе? Нежелание вмешиваться во все, что не связано с учебной?

В целом соотношение по-разному выраженных позитивных и негативных оценок почти равное. Жестко негативную оценку высказал лишь каждый десятый. И такая оценка отличается устойчивостью на протяжении всего периода наблюдений.

Изменения касаются двух параметров: постепенно возрастает доля тех, кто считает, что в их вузе критика возможна и будет услышана руководством — от каждого пятого в 2007 г. до каждого четвертого в 2016 г. Обратный процесс — сокращение доли тех, кто полагает, что на их критические высказывания реакции не последует (от каждого третьего в 2007 г. до каждого четвертого в 2016 г.).

Обобщение ответов студентов по данному вопросу показало, что оценки во многом отличаются в зависимости от вуза и почти не зависят от пола и формы обучения. Поскольку ситуации в конкретных вузах могут существенно отличаться, очень важно выявить различия по этому вопросу в отдельных вузах. На рис. 188—191 представлена динамика за 2009—2016 гг.

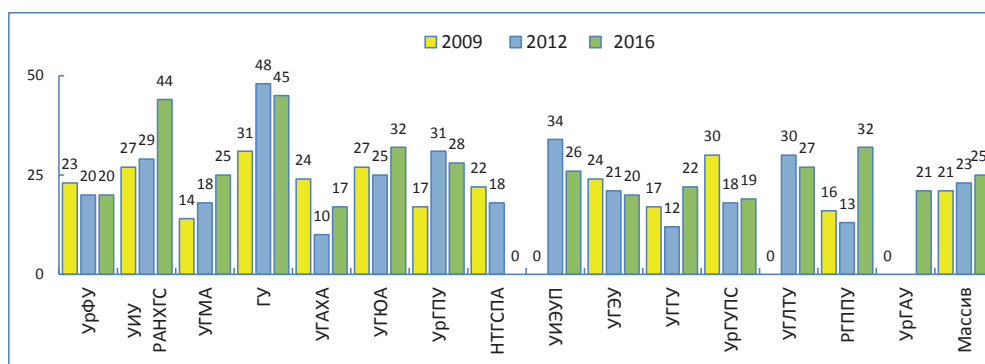

Рис. 188. Есть ли возможность студенту открыто высказать свою точку зрения, доля ответов «да»

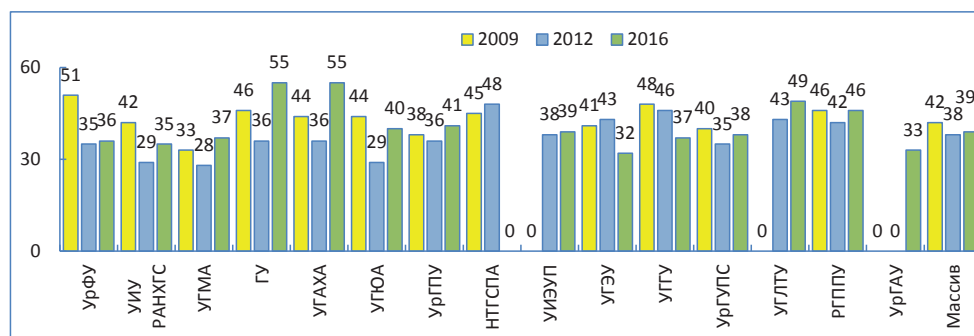

Рис. 189. Есть ли возможность студенту открыто высказать свою точку зрения, доля ответов «бывает по-разному»

Вновь подчеркнем, что ответы студентов неправомерно абсолютизировать. Но соотношение крайних ответов («да» — «нет, это не поощряется»),

его отклонение от средних показателей (2 : 1) — ценная информация к размышлению. Не менее информативны и оценки — «бывает по-разному», «критиковать и предлагать можно, но толку мало». По крайней мере становится понятнее огромная значимость адекватной реакции со стороны администрации вузов (принципа обратной связи) как фактора развития общественно-политической активности студентов.

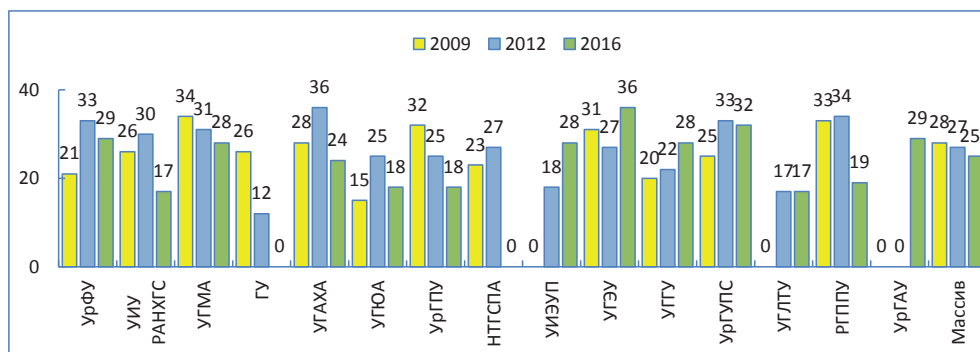

Рис. 190. Есть ли возможность студенту открыто высказать свою точку зрения
доля ответов «выступить можно, но толку никакого»

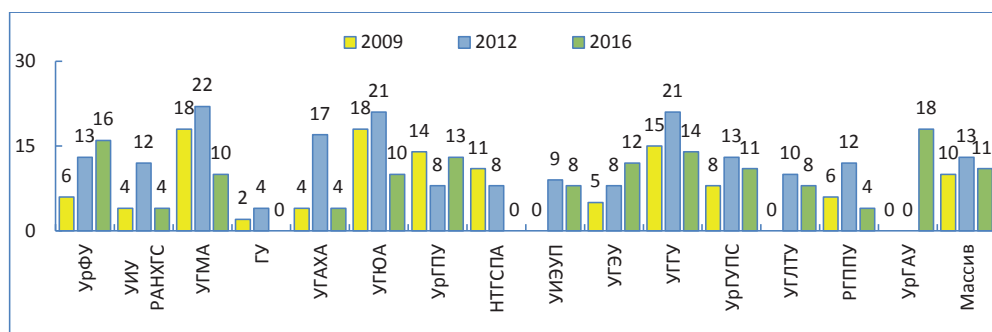

Рис. 191. Есть ли возможность студенту открыто высказать свою точку зрения
доля ответов «нет, это не поощряется»

Способность критиковать не появляется стихийно. С одной стороны, она является ответом на существующие в обществе проблемы, и это очевидно. С другой стороны, она предполагает ответственность и умение критически мыслить. Это дает основания для восприятия объективности высказываемых критических суждений. Исходя из этого убеждения, на VII этапе респондентам было предложено оценить степень развития у них разных аспектов критического мышления (табл. 116).

Таблица 116

**Можете ли вы отнести себя к людям со способностью
к критическому мышлению, % от группы, 2016 г.**

Варианты ответов	Да (+2)	Скорее да, чем нет (+1)	Скорее нет, чем да (-1)	Нет (-2)	Ин- декс
Умеете собирать информацию	44	44	10	2	1,18
Способны обосновать свою позицию	43	44	11	2	1,15
Делаете обоснованные выводы	35	53	11	1	1,1
Способны ставить проблему	35	46	17	2	0,95
Способны эффективно взаимодействовать с людьми при поиске новых решений	36	43	18	3	0,91
Способны четко и ясно формулировать вопросы	26	51	21	2	0,78

Самооценки студентов могут показаться завышенными, особенно в сопоставлении с реальной практикой учебно-воспитательного процесса и распространенными стереотипами в преподавательской среде. Но попробуем руководствоваться иным принципом: если оценки завышаются, значит, это почему-то для респондентов важно. И тогда за кажущимися завышенными оценками проявится растущее понимание молодыми людьми значимости способности к критическому мышлению как неотъемлемой черты личности современного человека. Более того, степень развитости разных аспектов этой способности оценивается по-разному. К числу менее развитых аспектов респонденты относят способность ставить проблемы, четко и ясно формулировать вопросы и — что особенно значимо в условиях широкого распространения командных форм управления (*team management*) — способность эффективно взаимодействовать с людьми при поиске новых решений.

В целом выясняется, что процесс социализации нынешнего поколения молодежи, происходивший в условиях демократического общества (при всех изъянах «реальной демократии»), дает позитивные плоды. Формула Н. Зоркой «не бунтари, а приспособленцы» приобретает новый оттенок — молодежь (по крайней мере ее наиболее интеллектуально развитая часть — студенчество), даже преимущественно приспособляясь к реалиям современной жизни, относится к ним критически и хочет быть услышанной. Это в первую очередь относится к ее собственному положению, защите ее прав.

На VII этапе мониторинга (2016) перед участниками опроса было поставлено два вопроса, касающихся защиты прав молодежи: их оценка, наруша-

ются ли права молодежи в нашей области и их удовлетворенность (или неудовлетворенность) тем, как защищаются права молодежи в нашей области (рис. 192 –193).

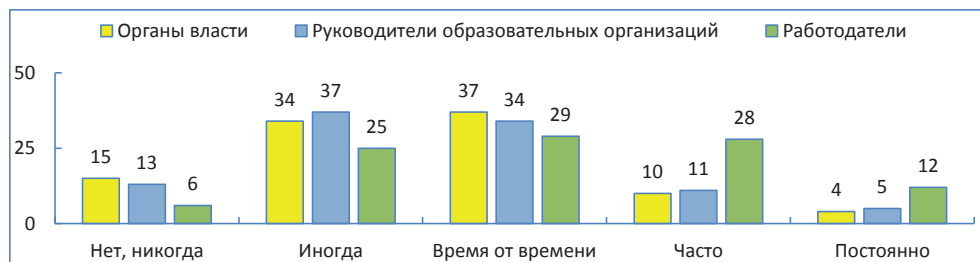

Рис. 192. Нарушаются ли права молодежи в нашей области, 2016 г., % опрошенных

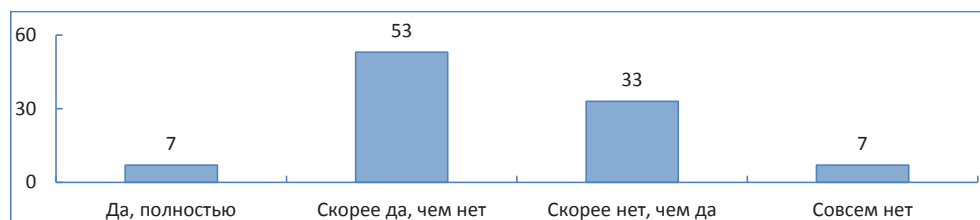

Рис. 193. Вы удовлетворены тем, как защищаются права молодежи в нашей области, 2016 г., % опрошенных

Самооценки студентов зафиксировали в целом позитивные перемены в защите прав молодежи в Свердловской области. Каждый второй респондент считает, что ни органы власти, ни администрация школ, колледжей и вузов практически не нарушают (т. е. соблюдают) права молодежи. Сложнее оказывается вступление на рынок труда — по отношению к работодателям лишь треть согласилась, что они не нарушают права молодежи. Двое из пяти респондентов отметили устойчивое, постоянное нарушение работодателями прав молодежи. Если учесть долю работающих студентов, то получается, что почти все они, начиная работать, сталкиваются с нарушением своих прав. И хотя трое из каждых пяти респондентов в основном удовлетворены ситуацией с защитой прав молодежи в Свердловской области, сама эта проблема (особенно в ракурсе защиты прав работающих студентов и молодых специалистов — выпускников вузов) не теряет своей актуальности.

Уже на I этапе мониторинга (1995) исследовалась готовность студентов принять участие в различных формах борьбы за защиту своих прав и улучшение их жизни. Общий вывод: такая готовность была достаточно высокой. Лишь один из каждых четырех респондентов ответил: ни в каких формах

борьбы участвовать не буду. Чаще других такое мнение высказывали гуманитарии, будущие архитекторы и юристы. Существенный момент: как основной ориентир борьбы за права студентов респонденты (54 %) определили более широкое информирование студентов об их правах, приоритет юридических, законных форм борьбы. Причем без особых колебаний в оценках в зависимости от пола и профиля обучения, да и вуза (если не считать более низкие оценки будущих юристов, чья правовая подготовка — неотъемлемый компонент обучения, а потому и не воспринималась как «форма борьбы»). Открытые формы борьбы были поддержаны 28 % респондентов, причем каждый шестой готов был идти дальше «вплоть до забастовки». В отношении других форм открытого протеста был зафиксирован заметный спад. Это касалось и демонстраций, митингов, пикетов (в них готовы были участвовать 7 % респондентов), и листовок, воззваний, публикаций в прессе, выступлений на радио- и телепередачах (4 %). Впрочем, в выводах социологов отмечалась и неправомерность недооценки этих форм протеста: «Да, спад митинговой активности в студенческой среде налицо. Но она и не может быть массовой длительное время. А 4–7 % от числа всех студентов города — это не так уж и мало». На этой основе прогнозировалась вероятность для перманентного митингования небольших по численности групп студентов в защиту своих прав.

Еще один важный вывод уже I этапа мониторинга (1995) — распространение среди студентов ориентации «опоры на собственные силы». Лишь один из каждых пяти респондентов рассчитывает на поддержку их борьбы за свои права извне. По степени значимости (в порядке убывания) это поддержка: профсоюзов (кроме студентов УАХИ); администрации вузов (вновь, кроме студентов УАХИ); местных и федеральных органов власти (вновь, кроме студентов УАХИ; чаще других, но в целом редко, на это надеются будущие педагоги и горняки). Отмеченная тенденция может оцениваться двояко. С одной стороны, возрастает самостоятельность студентов, преодолеваются их иждивенческие настроения. И это позитивно. Но с другой стороны, все яснее осознается студенчеством неспособность властных структур и общественных организаций гарантировать и защитить их права, улучшить их социальное положение. Аполитичность и безразличие к политике, которые были зафиксировано уже в 1995 г., получают при этом дополнительные стимулы. Как следствие, можно прогнозировать их дальнейшее распространение в студенческой среде.

Как же за годы мониторинга менялись представления студентов о формах возможной защиты своих прав, о тех, к кому они в первую очередь готовы были обращаться за помощью в защите своих прав? Какое место они отводили в этом общественным организациям, студенческому профсоюзу (табл. 117)?

Таблица 117

Динамика ответов респондентов на вопрос «Если бы у вас возникла необходимость в защите ваших прав, куда бы вы обратились в первую очередь», % от группы

Значения	1999	2003	2007	2009	2012	2016
Никуда бы не стал обращаться	4	6	3	8	9	11
Близкие, родители, друзья	55	51	47	43	46	61
Администрация вуза, факультета	8	15	28	42	32	24
Юридическая консультация, суд	28	40	21	31	38	42
Студенческий профсоюз	4	9	14	21	15	13
Администрация области, города, района	1	2	2	4	10	13
Депутаты, политики, общественные деятели	1	1	1	3	4	5

Позитивный момент мониторинга — в осмыслении готовности студентов защищать свои права, хотя, начиная с V этапа мониторинга (2009), наметилась и негативная тенденция: несколько выросло (до 11 % в 2016 г.) число респондентов, которые никуда не стали бы обращаться, защищая свои права.

В оценках студентов приоритет в обращении по поводу защиты своих прав по-прежнему принадлежит родительской семье (в 2016 г. доля респондентов, подчеркнувших данный вариант, даже выросло, — таково мнение каждого трех из пяти). С учетом переходного, маргинального статуса студенчества такая позиция достаточно понятна.

Усилилась ориентация студентов на юридические формы защиты своих прав: после резкого перепада в 2007 г. (сокращения вдвое по сравнению с 2003 г.) на последующих этапах мониторинга постепенно доля респондентов, отдающих предпочтение в защите своих прав обращению в юридическую консультацию, суд, возростала и в 2016 г. вернулась на уровень 2003 г. — двое из пяти.

На V этапе мониторинга (2009) наивысшего уровня (двое из пяти) достигло обращение к администрации вузов и факультетов. Причем особых различий по данному параметру между студентами разных вузов практически не было. Исследователи справедливо отметили, что за этими результатами стоял положительный опыт студентов, а значит, и реальное улучшение деятельности администрации вузов и факультетов в этом направлении. На двух последующих этапах доля студентов, отдающих предпочтение обращению к администрации вузов и факультетов, значительно (к 2016 г. в 1,8 раза) сократилось (рис. 194).

Возникает вопрос — за организационными преобразованиями, совершенствованием научных исследований и учебного процесса не отошли ли в ряде екатеринбургских вузов на второй план проблемы непосредственной, повседневной работы со студентами?

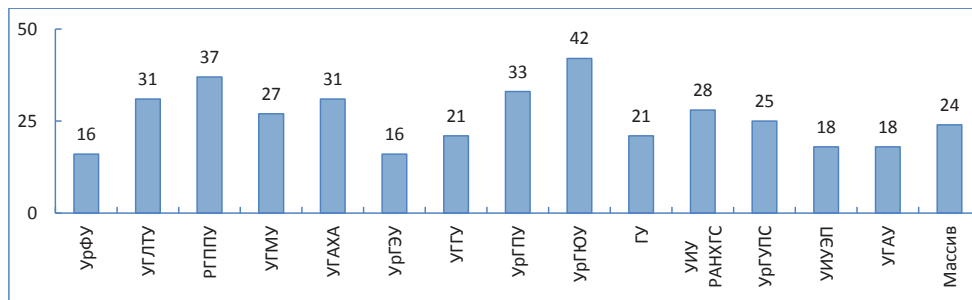

Рис. 194. Доля респондентов, выбравших обращение к администрации вузов и факультетов для защиты своих прав, 2016 г., по вузам, % опрошенных

Аналогичная ситуация характерна и для готовности студентов для защиты своих прав обращаться в студенческий профсоюз. Такая готовность на первых этапах мониторинга постоянно возрастала, и в 2009 г. ее отметил каждый пятый респондент. Хотя уже тогда отмечался определенный разрыв между представлениями студентов о роли социально-защитной функции своего профсоюза и их реальным обращением к нему за помощью. Ведь, рассматривая функции студенческого профсоюза, многие респонденты выделяли правовую помощь (почти каждый третий) и представительство интересов студентов в органах власти и управления (каждый четвертый); 5% опрошенных даже отмечали, что студенческий профсоюз помог им адаптироваться к студенческой жизни.

На последующих этапах готовность обращаться в студенческий профсоюз стала снижаться (к 2016 г. в 1,6 раза — рис. 195).

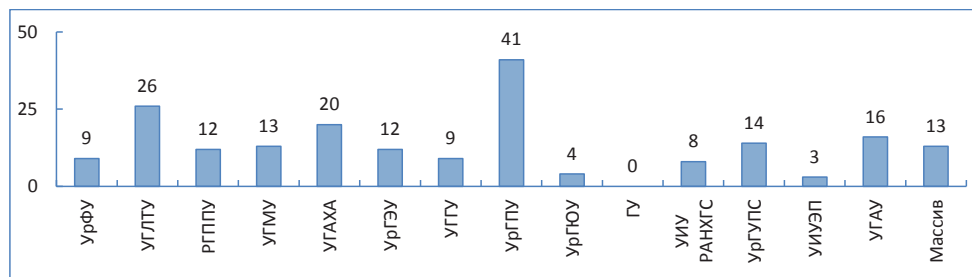

Рис. 195. Доля респондентов, выбравших обращение в студенческий профсоюз для защиты своих прав, 2016 г., по вузам, % опрошенных

И вновь вопрос: всегда ли помнят лидеры студенческого профсоюза, превратившегося в последние годы во многих екатеринбургских вузах в серьезный инструмент социокультурного развития студенчества, что все-таки основная его функция социально-защитная? Мнения студентов позволяют говорить, что нередко значимость этой функции недооценивается.

Возможно, сказывается и то, что в условиях кризиса 2008–2009 гг. и администрация вузов, и студенческий профсоюз довольно «плотно» стремились участвовать в социальной защите студентов, что и отражалось в их самооценках. В более спокойные периоды интенсивность их участия в социальной защите студенчества чуть снижается, переключается на решение других проблем. Колебания студенческих оценок — ориентир, подчеркивающий необходимость комплексного и систематического решения их социальных и личных проблем. В этом плане обращает внимание заметный рост (за годы мониторинга в 13 раз) значения администрации области, города, района как адресатов, к которым студенты готовы обратиться, защищая свои права.

В последние годы в студенческой среде развились и протестные формы защиты своих интересов. Действительно, более эмоциональная, легкая на подъем, наиболее склонная отстаивать свои интересы любыми способами такая группа населения, как студенческая молодежь, традиционно обнаруживает более высокую готовность к протестным формам поведения, чем другие возрастные социальные группы.

В рамках мониторинга изучалась готовность студентов принять участие в различных формах борьбы за свои права и улучшение жизни (табл. 118).

Таблица 118

**В каких формах протеста готовы принять участие, в динамике,
1999–2012 гг., % ответивших**

Значения	1999	2003	2007	2009	2012	2016
Лично я в открытых формах протеста участвовать не буду	28	50	46	44	37	47
Обращения, письма в адрес органов власти	10	21	22	24	29	31
Митинги, демонстрации, пикеты	14	13	17	18	26	17
Обращения и выступления в СМИ	6	14	20	20	20	19
Обращения в суд, прокуратуру	7	17	21	18	20	23
Забастовки	6	6	6	9	11	6
Крайние меры (в том числе связанные с нарушением закона)	3	5	6	8	8	7
Голодовки	1	2	2	6	6	3

Серьезные изменения в готовности прибегнуть к разным формам протеста произошли в 2003 г., когда число тех, кто был не готов к открытым формам протеста, возросло почти вдвое. Сказывалось общее улучшение ситуации в стране с начала 2000-х гг. В дальнейшем доля респондентов, отвергавших личное участие в открытых формах протеста, оставалась устойчивой — почти каждый второй (за исключением 2012 г., что было связано с общим ростом протестной активности).

По конкретным формам протеста за эти годы обозначился поворот студенчества к правовым формам защиты своих прав. Возможно, это соотносится с отмеченным стремлением студентов получить правовую помощь в юридических консультациях и в суде. Позитивный характер такой тенденции несомненен.

Однако нельзя недооценивать хотя и небольшую, но стабильную долю студентов (6–8 %), готовых участвовать в крайних формах протеста, даже связанных с нарушением закона. Такая готовность тем более опасна, что, как уже отмечалось, в ходе мониторинга были выявлены серьезные перекосы и противоречия в правовом сознании современного студенчества. Лишь каждый четвертый респондент-студент, отвечая на вопрос о допустимости нарушения закона, выбрал позицию «нет, это недопустимо — закон всегда закон». Остальные считают возможным нарушать его, по-разному аргументируя это: пользой дела, непонятностью законов, их частой сменой, тем, что законы ограничивают права личности. В ответах студентов отражается одна из самых глубоких и серьезных проблем становления гражданской культуры — отношение к закону как к чему-то необязательному. Такое отношение к закону требует серьезного улучшения правового воспитания студенчества.

Возрастает и значимость формирования у студенчества такого социально-нравственного качества, как толерантность. Толерантность — одно из важнейших качеств человека в гражданском обществе и — одновременно — индикатор развития гражданской культуры личности. На основе сотрудничества с нашими украинскими и белорусскими коллегами в изучении ценностных ориентаций и повседневных практик¹ программа мониторинга на VI этапе была расширена, в анкету был включен ряд вопросов, призванных выявить, насколько толерантно екатеринбургское студенчество, каковы параметры и проявления этой толерантности?

Понятие толерантности получило широкое распространение в социально-гуманитарных науках и общественной практике относительно недавно. Импульс к этому дали события 1990-х гг., имевшие место во многих странах Европы, Азии, Америки. Еще более актуализировали проблему крах мультикультурализма, обострение ситуации с мигрантами в Европе, сложные процессы на постсоветском пространстве, необходимость единства действий в борьбе с терроризмом. Соответственно проблемы толерантности получили широкое — междисциплинарное — освещение в литературе.

Не ставя задачу всестороннего освещения данной проблемы², выделим

¹ См.: Студенчество начала XXI века : ценностные ориентации и повседневные практики. — Екатеринбург : УрФУ, 2012. — 347 с.

² Артемьева В. А., Данилова М. В. Анализ понятия «толерантность» в современной научной литературе // Молодой ученый. — 2015. — № 2. — С. 471–474; Асмолов А. Г. Толерантность: от утопии к реальности // На пути к толерантному сознанию / под ред. А. Г. Асмолова. — М. : Смысл, 2000. — С. 3–11; Бардьер Г. Л. Научные основы социальной психологии толерантности : учебное пособие. — СПб. : Осипов, 2007. — 96 с.; Валитова Р. Р. Толерант-

ряд моментов, определяющих суть нашего исследовательского подхода. Прежде всего многое дает уже семантический анализ понятия «толерантность» (*tolerance*) и его антонимов: терпимость, терпение; допуск, допустимое отклонение; выносимость; переносимость; устойчивость. Следовательно, речь идет о терпимом отношении к чему-то или кому-то, готовности допустить иное (мнение, суждение, поведение, обычаи), отклоняющееся в допустимых пределах; терпеть, выносить, переносить это в течение какого-то времени.

Наиболее обобщенная трактовка толерантности содержится в «Декларация принципов толерантности» ЮНЕСКО¹. Прежде всего в ней подчеркивается, что толерантность (терпимость) «означает уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности». С ней соотносится «замена культуры войны культурой мира». Отвергается трактовка толерантности (терпимости) как «уступки, снисхождения или потворства», как «отказа от своих или уступки чужим убеждениям». Акцент в ее понимании на «активное отношение, формируемое на основе признания универсальных прав и основных свобод человека» означает, что «ни при каких обстоятельствах терпимость не может служить оправданием посягательств на эти основные ценности». Напротив, терпимость — это «обязанность способствовать утверждению прав человека, плюрализма» (в том числе, культурного плюрализма), демократии и правопорядка. Особо подчеркивается созвучность терпимости уважению прав человека, что «не означает терпимого отношения к социальной несправедливости». Самое главное в толерантности (терпимости) — свобода каждого «придерживаться своих убеждений» и признание «такого же права за другими».

ность: порок или добродетель? // Вестник МГУ. Сер. : Философия. — 1996. — № 1. — С. 33–37; Идентичность и толерантность / под ред. Н. М. Лебедевой. — М., 2002. — 143 с.; Кривцова Е. В., Мартынова Т. Н. Толерантность личности в системе ценностного самоопределения: монография. — М., Берлин : Директ-Медиа, 2015. — 140 с.; Толерантность в мультикультурном обществе: региональный аспект. — Кемерово : Изд-во КемГУКИ, 2013. — 383 с.; Культура мира, права человека, толерантность и миролюбие : учебное пособие для учащихся средних школ. — М. : АПКиПРО, 2002. — 186 с.; Сборник методических материалов «Толерантность в современной цивилизации». Т. 1. Философия толерантности: история и современность / разработчики М. Б. Хомяков, И. Г. Полякова. — Екатеринбург : УрГУ, 2007. — 180 с.; Соколов В. М. Толерантность: состояние и тенденции // Социологические исследования. — 2003. — № 8. — С. 54–63; Толерантность в общественном сознании России / под ред. А. Г. Асмолова. — М. : Смысл, 1998. — 246 с.; Толерантность как фактор противодействия ксенофобии: управление рисками ксенофобии в обществе риска/под ред. Ю. П. Зинченко, А. В. Логинова. — М.: [Б. И.], 2011. — 608 с.; Толерантность [Электронный ресурс] : сб. / ред. М. Мчедлов. — Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/toler/01.php (дата обращения: 03.09.2012); и др.

¹ Декларация принципов толерантности [Электронный ресурс] : утв. резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО 16.11.1995. — Режим доступа: https://www.herzen.spb.ru/img/files/stas/tolerance/DEKLARACIYA_PRINCIPOV_TOLERANTNOSTI.pdf (дата обращения: 10.10.2011).

На наш взгляд, наиболее соответствует этим принципам ЮНЕСКО основное требование толерантной культуры: свободное исповедание каждым гражданином, общественной группой, обществом свободно избранных нравственных, социально-политических, мировоззренческих предпочтений предполагает их лояльное, терпимое, не враждебное, уважительное отношение к аналогичному выбору других¹. Важными представляются и подходы к пониманию толерантности, обоснованные В. М. Соколовым. Он полагает, что «под «чуждыми», «иными» не подразумеваются идеи, нравы, поведение, поступки, обряды и т. д., которые неминуемо ведут к деградации, разрушению социального, духовного». При этом обращается внимание, что на практике «не всегда сразу и однозначно выявляется их разрушительная, негативная сущность». Однако «толерантность не предполагает обязательного отказа от критики, дискуссии и, тем более, от собственных убеждений»².

Ранее толерантность определялась как веротерпимость. В современном научном знании расширилось содержание этого понятия за счет добавления объектов толерантного отношения. Толерантность — это не только допущение иной веры, но вообще другого мнения, точки зрения, поведения, словом, допущение иного, чужого.

Сегодня можно говорить о различных видах толерантности, имеющих свои особенности в зависимости от сферы коммуникативного действия: межконфессиональной толерантности, толерантности в межэтнических отношениях, межличностной толерантности (в этическом смысле это вежливость — терпимое отношение к недостаткам другого) и т. д.

Толерантность — актуальная ценность современной культуры. Быть толерантным в современном глобализирующемся мире становится нормой жизни цивилизованного человека. Толерантность осмысливается как основная ценность и средство выживания современного мира. Террористический акт 11 сентября 2001 г. (в зарубежной литературе нередко обозначаемый 9/11) показал, что, отвечая войной на войну, терроризмом на терроризм, нам не вырваться из порочного круга, в который человек вовлекается насилием. Прокатившаяся по Европе в последнее десятилетие и не спавшая до сих пор волна террористических атак вновь и вновь подтверждает этот тезис.

Программа мониторингового исследования «Студент-2012» предполагала блок, посвященный изучению толерантности у студентов. В задачи исследования входило изучение мнения студентов свердловских вузов о степени и характере толерантности (или, напротив, враждебности) в отношениях между различными социальными группами:

- бедными и богатыми;

¹ См.: Толерантность. — Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/toler/01.php.

² См.: Соколов В. М. Толерантность: состояние и тенденции. — С. 54.

- жителями разных регионов страны;
- людьми разных национальностей и рас;
- жителями России и жителями соседних стран;
- местным населением и мигрантами.

В 2016 г. этот блок вопросов был сохранен, что позволяет сравнить два этапа. Поскольку эти проблемы в разных аспектах постоянно становятся объектами федеральных исследований, возникает возможность сопоставить мнение наших респондентов с результатами этих исследований.

Толерантность в отношениях между бедными и богатыми. Расслоение общества на бедных и богатых является закономерным явлением общественного развития. В российской культуре богатство, деньги, связанное с ними предпринимательство не имели легитимности в общественном сознании. Советская идеология также отрицала богатых как общественно значимый класс, поэтому чувство собственности, накопление капитала, материальное богатство в нашей стране долгое время воспринималось как негативное явление.

С переходом к рыночной экономике, демократии идеологическая оценка богатства несколько изменилась: социальное расслоение перешло из разряда латентного явления в явное, из осуждаемого в приемлемое. И тем не менее для некоторых социальных групп вопросы социального расслоения и социального неравенства по-прежнему остаются болезненными.

Как показали результаты исследования в 2016 г., общая ситуация преобладающей оценки, что между бедными и богатыми существуют напряженные отношения, сохранилась. Но разрыв в оценках степени этой напряженности заметно сократился (рис. 196).

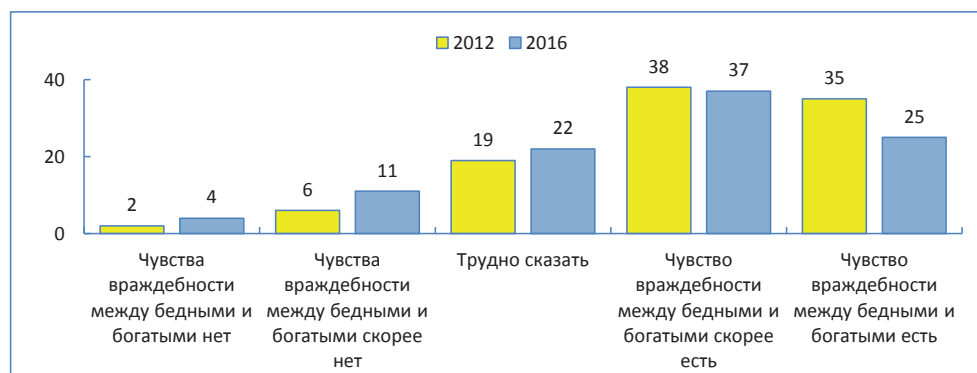

Рис. 196. Мнение студентов о толерантности отношений между бедными и богатыми, 2012–2016 гг., % от группы

В 2012 г. соотношение тех, кто считал, что между бедными и богатыми чувство враждебности есть (скорее есть), и теми, кто считал, что его нет (скорее нет), составляло 9 : 1. В 2016 г. оно составило 4 : 1.

Взросшая толерантность студенчества по данному параметру, казалось бы, расходится и с кризисной ситуацией в стране (когда «богатые становятся богаче, а бедные — беднее»), и с результатами общенациональных исследований. В частности, сошлемся на исследование Левада-центра (2016, 26 июля)¹. Показательны уже заголовки публикаций материалов этих исследований: «Самая неблагоприятная ситуация — в отношениях между богатыми и бедными»; «Богатые стали раздражать россиян вдвое больше». Между богатыми и бедными 41 % респондентов Левада-центра оценили напряженность в отношениях как «очень сильную» (в 1994 г. 18 %), лишь 14 % (в 1994 г. 30 %) — как «не очень сильную»; 35 % (в 1994 г. 32 %) считают, что между богатыми и бедными «имеется некоторая напряженность». Рост напряженности социологи соотнесли с ростом уровня неравенства, ссылаясь на данные Росстата, что в период 1995–2015 гг. децильный коэффициент вырос с 13,5 до 15,6, а коэффициент Джини (показатель степени расслоения общества, степени отклонения фактического распределения доходов от абсолютно равного их распределения между жителями страны) — с 0,387 до 0,412. Сказывается объективное ухудшение экономической ситуации. Вызывают определенную напряженность в обществе и сообщения СМИ о коррупции, взяточничестве.

Почему же студенты оказываются менее восприимчивыми к воздействию этих факторов? Конечно, речь не может идти обо всем периоде 1994–2016 гг. (фактически охватывающем всю жизнь наших респондентов), но и сравнение за 2016 г. показательно. Прежде всего, как уже отмечалось, обучение в вузе — весьма затратное занятие (и не только обучение по контракту), материальный уровень студенческих семей (преимущественно семей родителей) значительно выше среднего. Сказывается и приоритетная ориентация многих студентов на завышенную характеристику своего материального положения. Наконец, подтвердилось предположение, высказанное в 2012 г., что студенты, отмечающие низкую степень враждебности между богатыми и бедными, чаще подчеркивают ценность денег и богатства. Их сильнее интересуют в перспективе возможности занять высокий пост и получать высокие заработки. Они ориентируются в будущем на восходящую социальную мобильность и опасаются негативного отношения со стороны бедных к себе. Но самое главное — в оценках студентов отразилось важное изменение их представлений о богатстве. Ведь бытующее в общественном мнении негативное отношение к богатству — это отношение к «неправедному» богатству (в духе известного выражения «от трудов праведных не наживешь палат каменных»). У студентов же все сильнее утверждается установка, что вы-

¹ Опрос в 137 населенных пунктах в 48 регионах страны (N = 800 человек). Самая неблагоприятная ситуация — в отношениях между богатыми и бедными [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://yukaz-yurist.livejournal.com/220510.html> (дата обращения: 12.03.2017); Богатые стали раздражать россиян вдвое больше [Электронный ресурс] / Левада-центр. 2016. 26 июля. — Режим доступа: <http://www.levada.ru/2016/07/26/bogatye-stali-razdrazhat-rossiyan-vdvoe-bolshe/> (дата обращения: 12.03.2017).

сококвалифицированный, эффективный труд должен хорошо оплачиваться. Соответственно и богатство они все чаще соотносят с образованием, квалификацией, мастерством, а бедность — с ленью.

Следующий аспект — толерантность в отношениях между жителями разных регионов страны. Россия — полисубъектная страна, она состоит из большого количества регионов, отличающихся по численности и климатическим условиям, уровню безработицы и половозрастному составу, степени экономического развития и уровню жизни. Длительное время исследователями отмечалось, что отсутствие общенациональной идентичности — беда современного российского общества¹. Для многонациональных и федеративных государств отсутствие общей идентичности опасно вдвойне и становится одним из важнейших факторов нестабильности. Распад сложившейся общности «советский народ» вызвал системный кризис политической идентификации и привел к множественным конфликтам. В ряде регионов и национальных республик произошел всплеск этнического и регионального самосознания.

Исследование толерантности между представителями разных регионов, с одной стороны, дает возможность оценить ориентации студенчества на поддержание гражданского единства населения страны и тем самым выстроить стратегии избегания конфликтов. С другой стороны, оно позволяет определить степень географической мобильности и готовность к ней. В ходе исследования уже в 2012 г. большинство студентов отметили отсутствие вражды между жителями разных регионов. В 2016 г. такая позиция еще более усилилась (рис. 197).

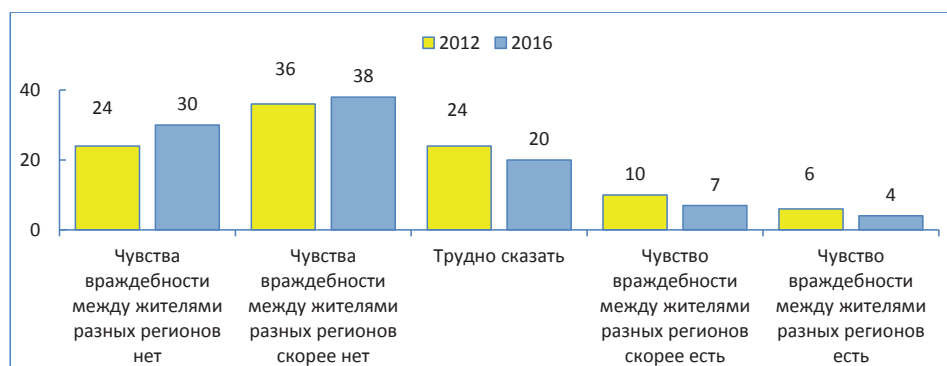

Рис. 197. Мнение студентов о толерантности в отношениях между жителями различных регионов страны, 2012–2016 гг., % от группы

В 2012 г. соотношение тех, кто считает, что чувства враждебности между жителями разных регионов нет (или скорее нет), и тех, кто придержи-

¹ Гуманитарные науки — инструмент достижения общенациональной идентичности [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.qwas.ru/russia/sr/Gumanitarnye-nauki-instrument-dostizhenija-obwenacionalnoi-identichnosti/> (дата обращения: 11.04.2017).

вался противоположного мнения, составило 4 : 1. В 2016 г. оно возросло в 1,5 раза — до 6 : 1.

Устойчивой оказалась и группа, считающая, что чувства враждебности между жителями разных регионов нет (или скорее нет). В ней сохранилось преобладание девушек, студентов УрФУ (из всех вузов города в федеральном университете наиболее представлены жители разных регионов страны). Для членов данной группы наиболее ценны в жизни самостоятельность, независимость, свобода, наиболее важным качеством для достижения целей они считают предприимчивость. Это студенты с высоким потенциалом мобильности в целом и географической мобильности в частности.

Если рассматривать студенчество как перспективную группу, то можно говорить об утверждении между жителями разных регионов России открытых, толерантных отношений. Это позволяет утверждать, что эти отношения сегодня и в будущем послужат основой социальной интеграции и формирования общероссийской культурной идентичности. Безусловно, это требует разработки и реализации различных социальных и образовательных программ, связанных с развитием гражданского правосознания, направленных на распространение толерантности и на формирование общероссийской гражданской идентичности.

Толерантность в отношениях между людьми разных национальностей и рас. Россия — многонациональная страна. На ее территории проживает 188 этносов, в Свердловской области — 146 этносов. Межнациональные отношения и в России, и в регионе отличаются динамикой и сложностью. Как отмечают Е. Г. Анимича и Я. П. Силин, большинство населения Свердловской области относится к славянской группе, где за последние годы уменьшилась доля украинцев и белорусов и возросла доля русских; вторая самая многочисленная группа этносов — представители коренных тюркоязычных народов (татары, башкиры, чувашаи); сократилась численность жителей и в третьей многочисленной группе этносов — финно-угорской (марийцы, удмурты, мордва, манси, коми, коми-пермяки, карелы); существенно уменьшилась численность населения в четвертой группе народов (немцы, евреи, поляки, болгары, литовцы, латыши, эстонцы и финны), частично отбывших в свои национально-государственные образования; наконец, заметно возросла «азиатская иммиграция» из Средней Азии и Юго-Восточной Азии¹.

Толерантные, неконфликтные межнациональные отношения являются залогом мира и стабильности. На VI этапе мониторинга (2012) выяснилось, что большинство студентов (почти три из каждых четырех) считали, что у россиян есть (или скорее есть) чувство враждебности по отношению к людям других национальностей и рас. Соотношение этой группы с теми, кто при-

¹ См.: Анимича Е. Г., Силин Я. П. Межнациональные и этноконфессиональные отношения в пространстве региона как цивилизационная проблема // Управленец. — 2014. — № 2 (48). — С. 23.

держивался противоположного мнения, составляло 8 : 1. В 2016 г. общая тональность сохранилась, но оценка степени враждебности стала меньше, указанное соотношение сократилось до 4 : 1 (рис. 198).

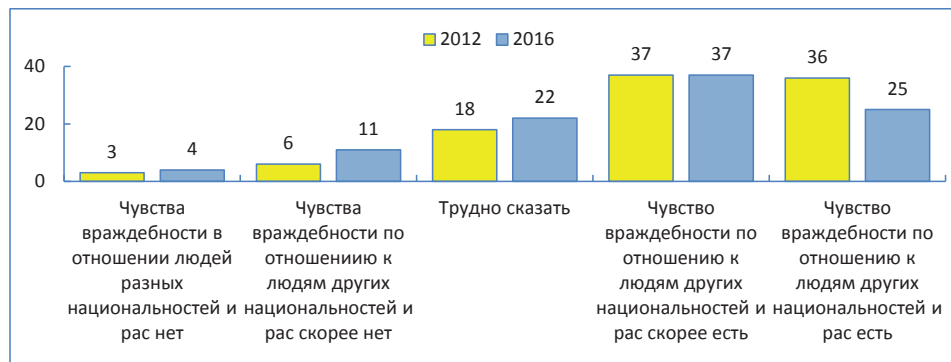

Рис. 198. Мнение студентов о толерантности в отношениях между людьми разных национальностей и рас, 2012–2016 гг., % от группы

Таким образом, студенты в своих оценках 2016 г. как бы вернулись на уровень 2010 г., когда в ходе совместного с Харьковским национальным университетом исследования 60 % студентов¹ отметили наличие в современной России чувства враждебности по отношению к людям других национальностей и рас. Тем самым высказанное в 2012 г. опасение о возможной тенденции к увеличению негативных оценок не получило подтверждения. Это тем более значимо, что вновь оценки студентов оказались — по сравнению с общественным мнением — чуть более толерантными. Ведь исследование ВЦИОМ (16–17.04.2016; 46 регионов России, N = 1600 человек) зафиксировало, что 30 % респондентов отметили ухудшение отношений между людьми разных национальностей в стране, 24 % — их улучшение, 38 % — отсутствие изменений в отношениях².

Однако, положительно оценивая результаты мониторинга по данному аспекту, подчеркнем, что даже студенты Свердловской области (региона достаточно спокойного в межнациональных отношениях) отстают от ориентиров ФЦП «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)»³ — рост доли граждан, положи-

¹ Опрашивались только студенты УрФУ, другие екатеринбургские вузы не участвовали в опросе.

² См.: Хайкин С. Р., Бережкова С. Б. Социологический мониторинг межнациональных и межконфессиональных отношений Федерального агентства по делам национальностей// Мониторинг общественного мнения. — 2016. — № 5 (135). — С. 101.

³ «О федеральной целевой программе “Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)”» [Электронный ресурс] : постановление Правительства РФ : № 718 : от 20.08.2013 (ред. от 25.08.2015). — Режим доступа: <http://>

тельно оценивающих межнациональные отношения, к 2020 г. до 65 %. А это означает: дальнейшее развитие толерантного отношения в данном направлении требует постоянного внимания и серьезных усилий при учете специфики миропонимания студенчества.

Толерантность в отношениях между россиянами и жителями соседних стран. Актуальность изучения отношений с соседями, на наш взгляд, не требует особых доказательств. В ходе исследования были зафиксированы следующие оценки этих отношений (рис. 199).

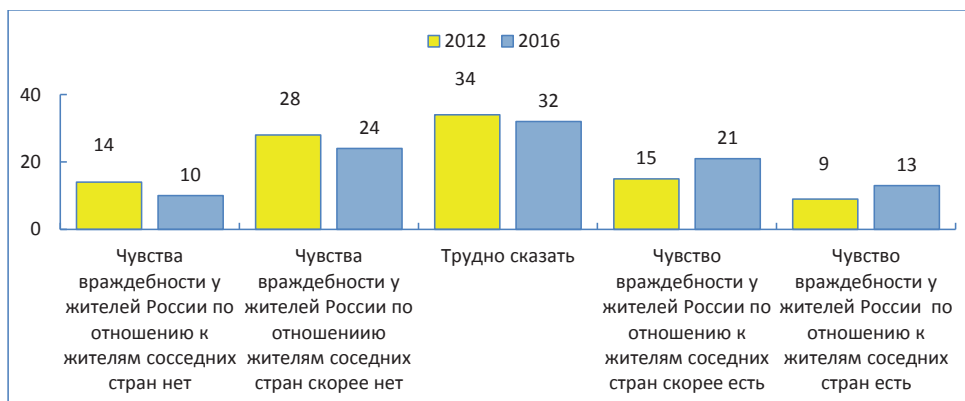

Рис. 199. Мнение студентов о толерантности жителей России по отношению к жителям соседних стран, 2012–2016 гг., % от группы

Как видим, именно по данному параметру, в 2016 г. можно зафиксировать рост доли респондентов, отметивших чувство враждебности жителей России к жителям соседних стран. В 2012 г. соотношение респондентов, считавших, что такого чувства у россиян нет (скорее нет), и тех, кто придерживался противоположного мнения, составило 2 : 1. В 2016 г. эти группы сравнялись. Уже в 2012 г. отмечалась взаимосвязь мнения о наличии чувства враждебности жителей России по отношению к соседним странам с аналогичными оценками о существовании враждебности между жителями разных регионов нашей страны и по отношению к мигрантам. Соотносилось это с низким уровнем сформированности толерантных установок и установок на бесконфликтное социальное взаимодействие. Но особенно — со сложившимися неоднозначными политическими и экономическими отношениями с некоторыми соседями России. За годы между двумя этапами мониторинга (2012–2016) эта неоднозначность заметно усилилась, наши бывшие братья по СССР или Варшавскому договору сегодня нередко в первых рядах обвинителей России в агрессии и инициаторов антироссийских действий и санкций. Про-

тивоположных — позитивных — примеров тоже, конечно, немало — Союз Беларуси и России, Евразийский экономический союз, Организация Договора о коллективной безопасности и др. Но негативные, как выясняется, воздействуют сильнее. Понимая обоснованность негативной реакции студенчества, обратим внимание на один опасный момент: неприятие антироссийского политического курса украинских, польских, прибалтийских, польских и т. д. правящих элит вольно или невольно переносится на всех жителей этих государств. И тут крайне важно в работе со студентами проводить четкое разделение элит и народа, не допуская развития чувства враждебности по отношению к простым гражданам. Особенно важно в данном плане все, что укрепляет традиционные культурные связи между нашими народами.¹

Толерантность в отношениях между местным населением и мигрантами. Миграции являются одним из способов установления межкультурных и международных контактов. В современном мире миграции создают основу формирования мультикультурализма — многообразия культур в рамках одного государства. В основе миграции лежат разнообразные социальные, политические, экономические причины. Миграционные процессы можно характеризовать по различным параметрам: вектору, динамике, интенсивности. Несмотря на то что миграции часто возникают стихийно, они требуют профессионального наблюдения и управления, так как служат источником конфликтов, социальной напряженности как в принимающем сообществе, так и в среде мигрантов. Позитивным результатом миграции может стать формирование мультикультурного общества, имеющего возможности альтернативного развития. Привлечение иностранных граждан в большинстве случаев — благоприятное для страны экономическое явление, будь то туризм или трудовая деятельность. В современном глобализирующемся мире ни одна страна не может обойтись без привлечения иностранных граждан. Россия в этом плане не исключение. Факторов, влияющих на желание иностранных граждан приезжать в РФ, много: относительно благоприятные политические условия, экономическая ситуация, климат и т. д.

Поскольку миграции могут выступать фактором дестабилизации общественных отношений, трансформации и фрагментации культуры, и в этом значительную роль играет отношение местного населения (в том числе и студентов) к иностранцам, в программе исследования был выделен блок, посвященный проблеме терпимости к мигрантам (рис. 200).

Уже в 2012 г. в ходе исследования выяснилось, что два из каждых трех студентов считали, что в нашей стране существует негативное отношение к мигрантам, выраженное в той или иной степени. В 2016 г. число респондентов, высказавших такое мнение, возросло — до трех из каждых четырех. Как

¹ Примечательны результаты экспресс-опроса среди студентов УрФУ: среди наиболее значимых событий Дня Победы 2016 г. 80 % отметили марш «Бессмертного полка» в Киеве — как символа, что простые люди Украины дорожат и гордятся нашим общим прошлым.

и в 2012 г., в группе, отметивших негативное отношение к мигрантам преобладают екатеринбуржцы (те, кто до поступления в вуз жил в этом городе). Выявленные оценки закономерны, поскольку именно г. Екатеринбург принимает основной поток мигрантов, прибывающих в Свердловскую область. Другой характерной чертой данной группы являются ценности — это ориентация на деньги, богатство и безопасность семьи и близких. Вероятно, в условиях конкуренции за получение социальных благ негативное отношение к мигрантам наблюдается и в студенческой среде. Мигранты воспринимаются как угроза благополучию местного населения в экономическом, правовом, социальном и медицинском плане.

Рис. 200. Мнение студентов о толерантности в отношениях между местным населением и мигрантами, 2012–2016 гг., % от группы

Таким образом, на современном этапе достаточно велик потенциал взаимного раздражения и отторжения принимающего общества и иммигрантов. В некоторых случаях интолерантность даже усиливается. В частности, если в исследовании 2010 г. о нетерпимости к мигрантам высказались около 62 % студентов УрФУ, то в 2012 — 66 %.

В определенной мере в отношении к мигрантам мнение студентов совпало с тенденциями изменений общественного мнения. Как выявили социологи Левада-центра (февраль 2017 г., $N = 1600$ человек)¹, отношение россиян к мигрантам за 10 лет ухудшилось: 32 % опрошенных полагают, что мигранты, как правило, — малообразованные люди, способные только на неквалифицированный труд, 10 лет назад так считали 28 % респондентов. При этом сократилось число тех, кто называет мигрантов трудолюбивыми людьми, го-

¹ Отношение к трудовым мигрантам [Электронный ресурс] // Левада-центр. Пресс-выпуск. 28.04.2017. — Режим доступа: <http://www.levada.ru/2017/04/28/otnoshenie-k-trudovym-migrantam/> (дата обращения: 17.06.2017).

товыми много работать (с 30 до 26 %), и кормильцами, заботящимися о своих семьях (с 38 до 25 %). Россияне считают, что правительству необходимо попытаться ограничить приток приезжих 67 %. Максимум этот показатель достигал в октябре 2013 г. (78 %) и в марте 2016 г. (80 %)¹.

Таким образом, мы снова видим, что данный вид толерантности коррелирует в целом с установками на бесконфликтное социальное взаимодействие, что толерантность — это системное качество культуры, проявляющееся во всех видах социальной практики.

Уже сейчас можно сказать о том, что огромное влияние оказывают основные институты российского общества — средства массовой информации, а также диаспоральные образования.

Средства массовой информации оказывают как позитивное, так и негативное влияние на взаимодействие различных культур. Негативные последствия проявляются в представлении искаженных сведений, на основе которых формируются негативные этнические гетеростереотипы. Например, исследователи зафиксировали появление в СМИ устойчивого суждения о том, что мигранты из Средней Азии захватили городские рынки. Однако рядовой покупатель вряд ли сам отличит, например, азербайджанца от представителей других народов Средней Азии и даже Кавказа. На самом деле подавляющую часть рынков в стране контролируют представители этнического большинства. Безусловно, это осложняет процесс адаптации мигрантов к новым социокультурным условиям, потому что образ «иного» легко трансформируется в образ «чужого». Образ этнического мигранта, продуцируемый СМИ, влияет на степень взаимного доверия, определяет тип взаимодействия между мигрантами и местным населением в различных сферах — экономике, межличностном общении, культуре.

Органы государственного управления являются социальным институтом, влияющим на формирование ксенофобии и мигрантофобии или, наоборот, толерантного отношения к мигрантам. Фактором, влияние которого сочетается с действием данного института, является позиция государственных и политических деятелей. Правительство, первые лица государства транслируют свои установки, которые оцениваются весомее, чем мнение некоторых изданий. Позиция правительства, первых лиц государства распространяется шире и оценивается весомее, чем мнение некоторых изданий.

Подводя итоги анализа данного блока, хотелось бы представить общую картину толерантности по обозначенным в самом начале аспектам взаимодействия — степени и характере толерантности в отношениях между различными социальными группами: бедными и богатыми; жителями разных регионов

¹ Результаты последнего опроса Левада-центра показывают негативное отношение к мигрантам в России [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://evraziya.com/evrazia/474-rezultaty-poslednego-oprosa-171levada-centra187-pokazyvayut-negativnoe-otnoshenie-k-migrantam-v-rossii.htm> (дата обращения: 17.06.2017).

страны; людьми разных национальностей и рас; жителями России и жителями соседних стран; местным населением и мигрантами (рис. 201–202).

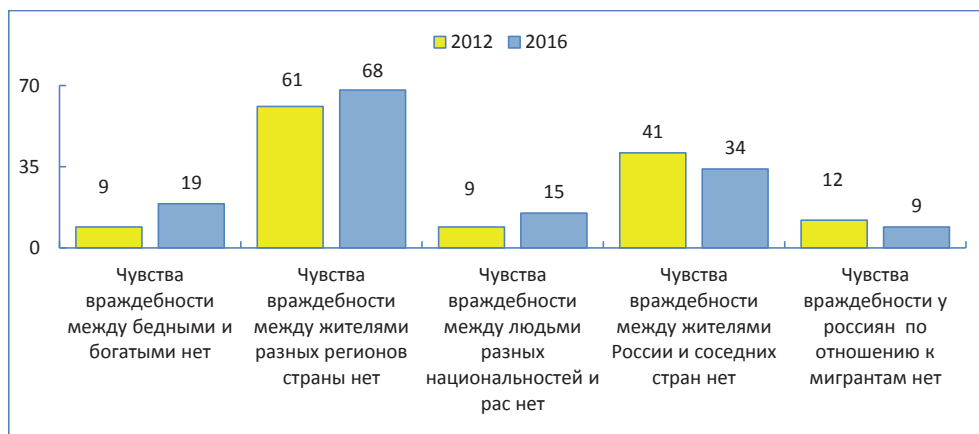

Рис. 201. Сравнение мнений студентов о разных формах толерантности (объединены ответы «нет» и «скорее нет»), 2012–2016 гг., % от группы

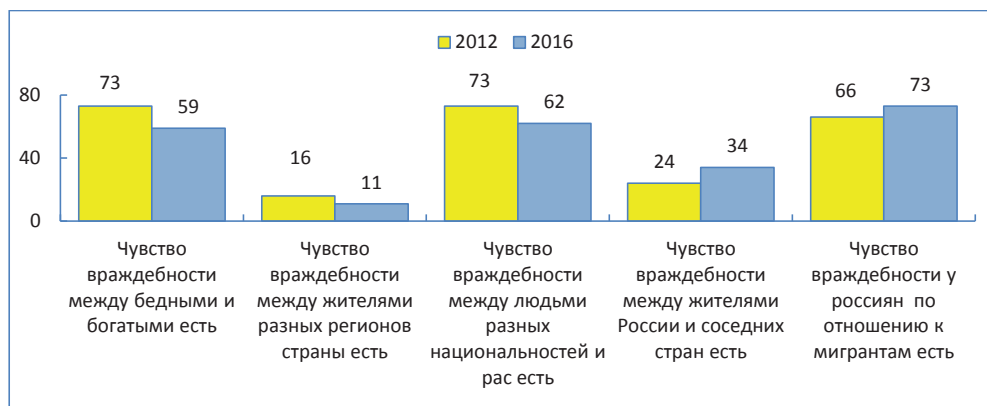

Рис. 202. Сравнение мнений студентов о разных формах толерантности (объединены ответы «есть» и «скорее есть»), 2012–2016 гг., % от группы

Заметно, что наиболее толерантными и соответственно наименее напряженными являются, по мнению студентов, отношения между жителями разных регионов страны и между жителями России и соседних стран. Реже всего студенты говорили о толерантности в отношениях между бедными и богатыми и между людьми разных национальностей и рас.

В 2016 г. по трем из пяти исследованных параметров респонденты отметили снижение напряженности (отношения между бедными и богатыми, межнациональные отношения, отношения между жителями разных регионов

страны), по двум (отношения к мигрантам и к жителям соседних стран) — усиление напряженности. Изменился и рейтинг остроты рассматриваемых проблем (табл. 119).

Таблица 119

Рейтинг остроты различных проблем (в порядке убывания), 2012–2016 гг.

Номер приоритета	Варианты проблем (из ответов)	
	2012 г.	2016 г.
1	Между бедными и богатыми	Отношение к мигрантам
2	Межнациональные отношения	Межнациональные отношения
3	Отношение к мигрантам	3. Между бедными и богатыми
4	Отношение к жителям соседних стран	Отношение к жителям соседних стран
5	Отношение между жителями разных регионов	Отношение между жителями разных регионов

Итак, не без определенных сложностей у студенчества Среднего Урала формируется важное качество гражданской культуры — толерантность. И можно прогнозировать дальнейшее развитие этого качества, поскольку, как справедливо отметила исследователь Л. Григорян, «люди, в целом более удовлетворенные собой и своей жизнью, обычно более толерантны»¹. А самочувствие студенчества от этапа к этапу все более улучшается.

8. Студенческий досуг

Мы нередко забываем, что молодежь — группа не только возрастная, переходная, но и социокультурная, которая развивается, «прикрепляясь» к определенной культуре, переводя потенциальные ценности материальной и духовной жизни в разрез актуальных, повседневных.
*Л. Я. Рубина*²

Стиль жизни современной студенческой молодежи наиболее ярко проявляется в молодежном досуге. Свободное время в известном смысле является полем самореализации личности молодого человека, реализации его ценност-

¹ См.: Селина М. В. Гражданская идентичность влияет на отношение к мигрантам [Электронный ресурс] // Научно-образовательный портал IQ. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». — 2015, 29 июня. — Режим доступа: <https://iq.hse.ru/news/177664933.html> (дата обращения: 12.12.2016).

² Рубина Л. Я. Новые социокультурные условия воспитательной работы // Проблемы воспитательной работы со студенческой молодежью. — Екатеринбург: УрГПУ, 1997. — С. 15–16.

ных ориентаций и установок, увлечений и интересов. Поэтому не случайно внимание социологов к проблемам молодежного досуга, в частности досуга студентов. Изучение его структуры, приоритетных досуговых занятий — одно из наиболее разработанных направлений социологии молодежи. Исследования молодежного досуга отразили сложную динамику изменений социокультурных ориентаций молодежи, студентов.

В настоящее время в России идет становление новой системы образования, ориентированной на вхождение в мировое образовательное пространство. Этот процесс сопровождается значительными изменениями в подходах к организации образовательного пространства высшего профессионального образования. Одним из ключевых нововведений является переход на компетентностный подход и в его рамках формирование у студентов общекультурных компетенций, с помощью которых будет возможно реализовывать эту новую парадигму.

Стратегической целью вуза является формирование у студентов общекультурных (отражающих мировоззрение и систему ценностей) и общепрофессиональных (представляющих собой систему знаний) компетенций, т. е. «способности применять знания, умения и личностные качества для успешной деятельности в определенной области»¹. Для достижения этой цели вуз должен создать все необходимые условия — и в учебном (образовательном) процессе, и во внеучебной деятельности. В Федеральном государственном образовательном стандарте внеучебная деятельность определяется как «процесс добровольной, осознанно целенаправленной, самостоятельной и творческой жизнедеятельности обучающихся, это деятельностьная организация на основе вариативной составляющей базисного учебного (образовательного) плана, организуемая участниками обучения: экскурсии, кружки, секции, круглые столы, конференции, диспуты, КВН, научные сообщества, позволяющие в полной мере реализовать требования Федеральных государственных образовательных стандартов»². Внеучебная работа со студентами является неотъемлемой частью процесса качественной подготовки специалистов и проводится с целью формирования у студентов гражданской позиции, сохранения и приумножения нравственных, культурных и научных ценностей в условиях современной жизни, выработки навыков конструктивного поведения на рынке труда, сохранения и возрождения традиций университета. Для достижения целей образования и повышения уровня его качества большое значение имеют как профессорско-преподавательский состав, так и все сотрудники, прямо или косвенно вовлеченные в учебный и воспитательный процесс.

¹ Пономарев А. В. Социально-педагогическая функция вуза в воспитании современного специалиста. — М. : Икар, 2009. — С. 332.

² Федеральный государственный образовательный стандарт [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://standart.edu.ru/> (дата обращения: 11.11.2016).

Профессорско-преподавательский корпус оказывает влияние на студентов не только во время занятий в аудиториях. Такое влияние распространяется на все социокультурное пространство вуза, оно многоаспектно, многопланово и зачастую не рефлексивируется. Студенты замечают больше. Поэтому воспитательный процесс осуществляется в разных формах взаимодействия, которые формируют ту или иную среду. «Образовательная среда — естественное или искусственно создаваемое социокультурное окружение студента, включающее различные виды средств и содержания образования, способные обеспечивать продуктивную деятельность учащегося; а также социально-психологическая, физическая среда вуза, дома и т. д., в которой происходит жизнь учащегося»¹. Понятие «образовательная среда» отражает взаимосвязь условий, обеспечивающих образование человека. К таким условиям, например, можно отнести взаимоотношения между обучающимися и преподавателями, взаимоотношения в группе, материально-техническое и информационное обеспечение учебного и внеучебного (равно образовательного) процессов и т. д.

Ведущая роль в этих процессах должна отводиться формированию определенного *культурно-досугового пространства*², направленного на удовлетворение разнообразных потребностей личности, профилактику аддитивно-девиантного поведения, создание условий для саморазвития и формирования конкурентоспособного специалиста, востребованного социально-экономической сферой. Анализ сущности содержания, функциональных характеристик и основных направлений культурно-досугового пространства позволяет утверждать, что оно направлено на создание благоприятных социокультурных условий для формирования ценностных установок и ориентации учащейся молодежи в различных сферах экономической, социальной, политической и культурной жизни.

Культурное пространство характеризуется динамичностью, способностью к саморазвитию. Следовательно, культурное пространство страны можно также определить как развивающуюся, взаимодействующую систему культурных потребностей населения страны, органически связанную с накопленным в предыдущие периоды культурным наследием путем его повторного освоения в связи с развитием новых форм культурного поведения, реализации новых творческих концепций и применения новых культурных технологий. Кризис в культуре, интерпретируемый как негативный этап либо как неизбежный момент в ее развитии, по сути, представляет собой изменение содержания презентаций различных слоев актуальной культуры.

¹ Хуторской А. В. Модель образовательной среды в дистанционном эвристическом обучении [Электронный ресурс] // Эйдос. — 2005. — 1 сентября. — Режим доступа: <http://www.eidos.ru/journal/2005/0901.htm> (дата обращения: 11.11.2016).

² Воспитательная деятельность и молодежная политика: опыт, проблемы, перспективы развития : сб. материалов конф. / отв. ред. А. В. Пономарев. — Екатеринбург : УрФУ, 2012. — С. 185–187.

Культурно-досуговое пространство — это целостная система формирования ценностных ориентаций учащейся молодежи, готовой к осознанной творческой деятельности во всех сферах современного производства. Категория «культурно-досуговое пространство» вбирает в себя ряд понятий, раскрывающих особенности данного явления и одновременно позволяющих обрести целостное представление о его сущности, специфике, механизмах. К таким понятиям относятся:

- *цель и задачи* (разработка социально-культурных мер, адекватно отражающих потребности общества в защите жизненно важных прав и интересов подрастающего поколения в сфере образования, культуры, искусства и досуга, формирование необходимых условий для их всестороннего развития);
- *субъекты и объекты* (система взаимосвязанных компонентов, чья деятельность направлена на признание, правовое закрепление и социальную защиту культурно-досуговых потребностей и интересов молодежи);
- *средства, технологии разработки и реализации* (совокупность приемов, методов и воздействий, применяемых для достижения поставленных целей и задач, решения разного рода социокультурных проблем подрастающего поколения);
- *критерии эффективности* (признаки, на основании которых производится оценка, определение или классификация результативности и действенности культурно-досугового пространства).

Для определения содержания культурно-досугового пространства необходимо рассмотреть ее функции:

- *аксиологическая* — ориентация молодежи на культурные ценности, мировую и национальную духовную культуру, развитие творческих способностей и гармоничное становление личности, формирование навыков социально-культурного поведения;
- *познавательная* — трансляция и закрепление исторически устойчивых духовных и культурных знаний, социокультурного опыта, способов познания мира, обогащение индивидуальных и общественных качеств общечеловеческими нравственными нормами;
- *культурно-воспитательная* — воспитание у молодого поколения интереса, любви и уважения к культурному наследию как своего народа, так и других народов мира; воспитание гражданина-созидателя, активно участвующего в государственной и общественной жизни, в функционировании институтов гражданского общества, в том числе в работе молодежных и детских общественных объединений;
- *развивающая* — становление высокообразованного гражданина, знающего и обогащающего собственными достижениями отечественную историю и культуру, экономику, науку, литературу и искусство; разви-

тие навыков самостоятельной жизнедеятельности молодых жителей страны;

- *практически-преобразующая (практикоориентированная)* — создание условий для участия молодых людей в проектировании (программировании) и активном внедрении идей, проектов и инициатив в реальную практику.

Таким образом, культурно-досуговое пространство обладает большими культурологическими возможностями и является сферой именно культурного времяпрепровождения, содержащей культурно-созидающий потенциал, преобразующей нравственные знания в нравственные убеждения, потребности и принципы сознательного социально значимого поведения молодых людей.

Жизнедеятельность студентов предельно насыщена и относительно строго регламентирована, а потому требует больших затрат физических, психических и интеллектуальных сил. На этом фоне досуг помогает снять создавшееся напряжение. Именно в рамках досугового времени происходит восстановление и воспроизводство утраченных сил, т. е. реализуется рекреационная функция.

В этой связи особую актуальность приобретает вопрос о соотношении между направленным процессом социализации и количественно преобладающим стихийным воздействием на индивида. К сожалению, чаще всего социализирующее воздействие на юношество бывает случайным, мало организованным в целостную систему в различных сферах деятельности — в семье, в университете, в досуговых учреждениях. Случайными могут быть посещение кино, театра, выставки, выбор литературы для чтения и музыки для прослушивания. Случайным может оказаться окружение и дела, осуществляемые в этой группе. И хорошо, если случайный выбор удачен, в противном случае он влечет за собой приобщение студентов к асоциальным явлениям.

Разрешение этого противоречия заключается в целенаправленной деятельности социальных институтов, ориентированной на формирование соответствия между лично значимым и общественно значимым, на формирование общечеловеческих ценностей молодого поколения. Особая роль в решении этих задач отводится высшим учебным заведениям и культурно-массовым мероприятиям для студентов. Внутриуниверситетские вечера, беседы, диспуты по различным проблемам, недели музыки и другие мероприятия способствуют становлению и развитию студенчества. В сфере досуга студенты более открыты для влияния и воздействия на них самых разнообразных социальных институтов, что позволяет с максимальной эффективностью воздействовать на их нравственный облик и мировоззрение. В процессе коллективного досугового времяпрепровождения происходит упрочение чувства товарищества, возрастание степени консолидации, стимулирование трудовой активности, выработка жизненной позиции, обучение нормам поведения в обществе.

Существует несколько определений досуга, но самое основное, отражающее суть, — совокупность деятельности, предназначенная для удовлетворения физических, духовных и социальных потребностей людей в свободное время. Виды деятельности досуга служат как отдыху, так и развитию личности, удовлетворению потребностей, развлечению и общению.

Досуг развивается по своим законам, принципам, теоретически обоснованным и апробированным на практике. Перечислим их.

Принцип всеобщности и доступности, т. е. возможность приобщения, вовлеченности всех людей в сферу деятельности досуговых учреждений с целью удовлетворения творческих потенций, их запросов и интересов.

Принцип самостоятельности реализуется на всех уровнях: от любительского объединения до массового праздника. Самостоятельность как сущностное свойство личности обеспечивает высокий уровень достижений в любой индивидуальной и коллективной деятельности.

Принцип индивидуального подхода — предполагает учет индивидуальных запросов, интересов, склонностей, способностей, возможностей, психофизиологических особенностей при обеспечении их досуга. Дифференцированный подход обеспечивает комфортное состояние каждого участника досуговой акции.

Принцип систематичности и целенаправленности — предполагает осуществление этой деятельности на основе планомерного и последовательного сочетания непрерывности и взаимозависимости в работе всех социальных институтов, призванных обеспечивать досуг людей. Это процесс превращения ограниченного человека в общественное существо, в активную и творческую личность, живущую полной жизнью в согласии с самим собой и обществом.

Принцип преемственности — предполагает культурное взаимодействие и взаимовлияние поколений. Реализация принципов организации досуга на практике по своим масштабам воздействия на личность выходит далеко за рамки досугового времяпрепровождения, это крупномасштабная социальная акция, цель которой — разностороннее развитие личности человека¹.

Характеристика молодежного досуга с точки зрения культуры его организации и проведения охватывает многие стороны данного явления: как личностные, так и общественные. *Культура досуга* — это прежде всего внутренняя культура человека, предполагающая наличие у него определенных личностных свойств, которые позволяют содержательно и с пользой проводить свободное время. Склад ума, характер, организованность, потребности и интересы, умения, вкусы, жизненные цели, желания — все это определяет личностный, индивидуально-субъективный аспект культуры досуга молодежи. Существует прямая зависимость между духовным богатством человека и содержанием его досуга. Но справедлива и обратная связь. Культура

¹ См.: Погрешаева Т. А. Свободное время человека в условиях трансформируемого общества. — Саратов : Изд-во СГУ, 2000. — 97 с.

характеризует также те занятия, которым отдается предпочтение в свободное время. Речь идет только о таких видах досуговой деятельности, которые способствуют нормальному воспроизводству способности к труду, совершенствованию и развитию молодого человека. Вместе с тем культура проведения свободного времени является результатом стараний самой личности, ее желания превратить досуг в средство приобретения не только новых впечатлений, но и знаний, умений, способностей.

Приведем основные характеристики досуга студенческой молодежи:

- досуг имеет ярко выраженные физиологические, психологические и социальные аспекты;
- досуг основан на добровольности при выборе рода занятий и степени активности;
- досуг предполагает не регламентированную, а свободную творческую деятельность;
- досуг формирует и развивает личность;
- досуг способствует самовыражению, самоутверждению и саморазвитию личности через свободно выбранные действия;
- досуг стимулирует творческую инициативу;
- досуг есть сфера удовлетворения потребностей личности;
- досуг способствует формированию ценностных ориентаций;
- досуг формирует позитивную «Я-концепцию»;
- досуг обеспечивает удовлетворение, веселое настроение и персональное удовольствие;
- досуг способствует самовоспитанию личности.

Таким образом, можно констатировать, что *социокультурное предназначение досуга* студенческой молодежи — это творческое поведение (взаимодействие с окружающей средой) людей в свободном выборе рода занятий и степени активности в пространственно-временной среде, детерминированной внутренними потребностями, мотивами, установками, выбором форм и способов поведения и внешними факторами, порождающими поведение.

Конкретизацией общекультурных интересов студенчества выступают его досуговые ориентации. *Досуговые ориентации* современной молодежи не поддаются однозначной характеристике. В условиях углубляющейся стратификации общества, растущей социальной дифференциации молодежи, коммерциализации сферы культуры усиливаются различия между богатым, содержательным досугом у одной части молодежи и бедным досугом — у другой. У одних досуговые ориентации многообразны, у других отличаются бездуховностью, у третьих — никак не проявляются.

Молодежная субкультура — это наиболее изменчивый пласт культуры, в котором перерабатывается прошлый опыт, идет поиск нового. Молодость — время поиска, самоидентификации, самоутверждения. Молодежная субкультура динамична, плюралистична, хаотична, непредсказуема. Социум пыта-

ется координировать действия молодежи в определенных интересах, иногда совпадающих, иногда противоречащих друг другу. Выбор, осуществляемый человеком в молодости, чаще всего предопределяет его жизнь. Ценности формируются на основе общественной практики, индивидуальной деятельности человека и в рамках определенных конкретно-исторических общественных отношений и форм общения людей.

Изучение общества и культуры в рамках социологии культуры все более выходит за рамки чисто академического познания и становится необходимым компонентом практической деятельности. Во многих развитых странах мира ни одно важное решение, какого бы сектора общественной жизни оно не касалось, не принимается без изучения и учета социокультурных переменных. А это значит, что особую актуальность приобретает именно социология культуры как наука, которая должна не только описывать культурные явления, но и давать реальные рекомендации по улучшению современной ситуации.

В сферу ее компетенции помимо прочего должно входить и нахождение механизмов эффективного вхождения индивида в существующую социокультурную среду. Социологи должны сформулировать четкие и реальные рекомендации по созданию благоприятных условий для раскрытия и реализации заложенных в человеке потенций для того, чтобы человек мог самоопределился и самореализоваться в обществе. И именно для этого изучается функционирование культурных институтов (их роль, механизмы воздействия на людей и т. д.), именно для этого изучаются культурные потребности, запросы, интересы и ценности. На результаты такого анализа должны опираться в своей работе учреждения культуры, чтобы, с одной стороны, быть востребованными, а с другой — выполнять некую воспитательную функцию и прививать человеку любовь к настоящему искусству. Эти же данные должны быть положены в основу разработки государственной политики не только в области культуры, но и в образовательной и воспитательной сфере.

Среди всех «культурных инструментов», способных оказать наиболее значительное влияние на умы и души людей, первую партию «играет» художественная культура. Чем уровень художественной культуры человека выше, тем обширнее мир вокруг человека, тем больше ему от этого мира надо. Именно художественная культура обогащает жизненный опыт личности, раздвигает ограниченные рамки повседневности. Она способна научить диалогу, взаимопониманию, сопереживанию, сочувствию, помогает найти ответы на сокровенные вопросы личной жизни. Конечно, она не может заменить жизненной практики, но способна дать импульс размышлениям о жизни, ценностях, нравственных отношениях между людьми.

Прежде чем перейти к изучению феномена «художественная культура», оговоримся, что мы будем рассматривать ее преимущественно с позиций аксиологического и деятельностного подходов, поскольку именно они дают возможность более полно изучить это явление.

В современном обществе культура все более демонстрирует свою полезность в самых различных сферах. Так, для современной экономики важнейшее значение имеют такие социокультурные факторы, как качество рабочей силы и наукоемкие технологии. Не случайно в рамках деятельностного понимания культуры предметом изучения становятся такие ее проявления, как культура труда, культура производства, культура быта, политическая культура и т. д. Вместе с тем сохраняются слои, элементы культуры, которые можно определить как «бесполезные», — прежде всего это художественная культура. Эта культура бесполезна не в том смысле, что она не нужна, а в том, что не все в жизни общества и человека может измеряться с помощью пользы.

Большое внимание изучению этого важного вопроса уделил известный российский исследователь М. С. Каган¹. По мысли ученого, художественная культура является самостоятельной подсистемой культуры, которую невозможно отнести однозначно ни к материальной, ни к духовной культуре. Каган разрушает традиционную дихотомию «материальное–духовное» и говорит о необходимости появления «третьего» — художественной культуры, рождающейся в результате совмещения противоположностей. При этом Каган особо подчеркивает, что речь идет именно о подлинном слиянии, а не о механическом соединении материальной и духовной культур. Таким образом, в художественной культуре соединяющиеся противоположности проникают друг в друга насквозь и становятся нерасчлененными. Только художественная культура способна адекватно воплотить в себе единство природы и культуры, материального и духовного, объективного и субъективного. Именно это подлинное слияние приводит к незаменимости материальной формы в художественном образе и невозможности перекодирования его духовного содержания.

Наряду с наукой художественная культура оказывается одним из исторически выработанных способов функционирования культуры. При этом теоретическое научное знание Каган определяет как сознание культуры. Наука добывает культуре необходимую информацию о природе, обществе, человеке, о мире, о среде, в которой она функционирует и в конечном итоге о ней самой, рассматриваемой как бы со стороны, объективированно, в законах ее строения, функционирования и развития. Художественная же культура является самосознанием культуры. Она отражает объективный мир таким, каким он преломляется культурой, становясь ее собственной образной рефлексией. Поэтому искусство — это образное самопознание реального человека, это зеркало (по выражению В. Маяковского, увеличительное стекло), в которое человек может смотреться, дабы лучше, глубже, тоньше себя познавать. Такое самопознание происходит путем удвоения действительности, дополнения реальной жизни человека жизнью воображаемой. И в данном контексте художественная культура выступает уже как уникальный «ин-

¹ См.: Каган М. С. Философия культуры. — СПб. : Метрополис, 1996. — С. 130–152.

струмент» культуры, с помощью которого люди могут раздвинуть границы своего опыта. Этот процесс наблюдается на протяжении всей истории человечества. Потребность в удвоении реальности зарождается в человеке одновременно с появлением самого человека, общества, культуры. Исторически первоначально она реализовывалась в создании мифов, а затем — в художественной деятельности (уже в современном ее понимании). Известно, что нет ни одного народа, который бы не имел собственных мифов, легенд, своего искусства. Это удвоение реальности начинается в детстве, когда ребенок, играя, рисуя, танцуя, реализует себя и связывает себя с другими людьми, входя в общество.

Занимаясь художественной деятельностью, человек овладевает языком «второй» действительности, в ходе которой он отбирает акты и осмысляет их в свете своего эстетического идеала. Овладение языком «второй» действительности, позволяющее людям целостно осваивать окружающее пространство и целостно развивать свой духовный мир, значительно обогащает их социальный опыт и представляет собой синтезированную способность человека, в которой слиты воедино способности к познанию, созиданию, общению, ориентации в ценностях. Таким образом, художественное освоение мира оказывается интегративной деятельностью, в которой скрещиваются все остальные виды деятельности (рис. 203).

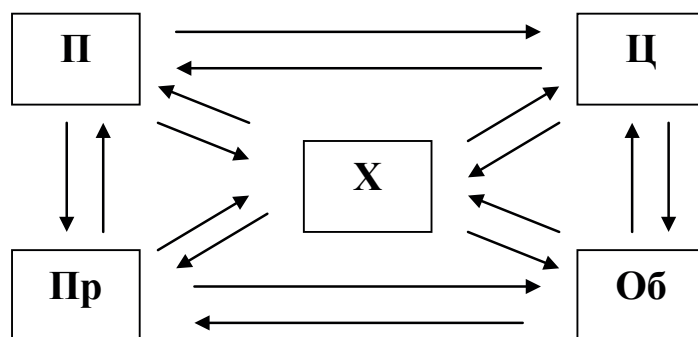

Рис. 203. Структура деятельности (по М. С. Кагану)¹:

П — познавательная деятельность; Ц — ценностно-ориентационная деятельность; Х — художественное освоение мира;
Пр — преобразовательная деятельность, Об — общение

В свою очередь, художественная деятельность оказывает обратное воздействие. Степень овладения языком «второй» действительности характеризует степень сформированности художественного потенциала. Последний значительно влияет на развитие гносеологического, аксиологического, созидательного, коммуникативного потенциалов, и степень их развитости

¹ Каган М. С. Философия культуры. — С. 151.

уже получается опосредованной сформированностью художественного потенциала, т.е. чем больше человек способен узнать по «второй» действительности о «первой», чем больше он общается с художественной культурой, тем сильнее она влияет на все остальные стороны его деятельности¹. В связи с этим возможно возникновение ряда проблем. Во-первых, художественная культура не всегда оказывает позитивное влияние на человека, а во-вторых, художественная культура может оказаться инструментом манипуляции (в разные эпохи акценты расставляются по-разному, например в период социальных бурь усиливается пропагандистский, ценностно-ориентационный аспект искусства, в более спокойные времена на первый план выходит познавательный момент и т.д.).

Таким образом, художественная культура, соединяя в себе материальную и духовную стороны культуры, становится способом практически-духовного освоения действительности и представляет человеческую личность в ее неповторимо-уникальных качествах.

Овладение языком «второй» действительности может идти тремя путями²:

- знакомство с произведениями искусства (потребление, восприятие);
- приобретение искусствоведческих знаний;
- само художественное творчество (исполнительское и продуктивное).

При этом достаточно широко распространено мнение о том, что самой главной задачей общения человека с художественной культурой является воспитание у него потребности и способности самому творить художественные ценности. Однако это узкая точка зрения. Кажется, что стремление самому создавать художественные ценности свидетельствует о более высоком уровне развития человека. Но в сфере художественной культуры потребление — также творческий процесс, так как восприятие художественного произведения предполагает в известной мере соавторство создателя и потребителя, умение последнего прочесть «вторую» действительность и спроецировать ее на окружающую жизнь. Умение понять, что художник хотел сказать своей «второй» действительностью о «первой», способность «читать» целостное конкретно-чувственное отражение жизни, данное в системе образов без прямых авторских подсказок, как и умение создавать эту «вторую» действительность, составляют две стороны художественных способностей человека.

Еще одним подходом к изучению культуры является субкультурный подход, предполагающий выделение в рамках существующей в конкретном обществе общей культуры неких «подкультур», присущих различным группам.

В литературе сегодня отсутствует однозначное толкование термина «молодежная субкультура». В литературе 1990-х гг. встречаются мнения о том, что молодежная культура в широком смысле является собирательным опреде-

¹ Человек в мире художественной культуры / отв. ред. Ю. У. Фохт-Бабушкин. — М. : Наука, 1982. — С. 180.

² Там же.

лением и включает в себя и молодежную субкультуру, и молодежную контр-культуру, а в узком она является подсистемой внутри базовой культуры общества и культивирует собственную молодежную систему ценностей, норм и т. д.¹ В этом смысле молодежную культуру и субкультуру можно считать синонимами. В рамках такой трактовки любой молодой человек будет субкультурен просто в силу своей принадлежности к этой возрастной группе. В рамках этой трактовки можно привести определение молодежной субкультуры, предложенное З. В. Сикевич: «Молодежная субкультура — это культура определенного молодого поколения, обладающего общностью стиля жизни, поведения, групповых норм, ценностей и стереотипов»². По мнению автора, существует некое субкультурное «ядро», которое присуще в той или иной мере всему молодому поколению.

Другое дело, когда речь заходит о различных течениях и направлениях. И здесь уже речь идет не о молодежной субкультуре, а молодежных субкультурах, существующих в рамках общей молодежной культуры. С этой точки зрения уже невозможно говорить о субкультурности любого молодого человека. И здесь прав В. А. Луков³, говоря о том, что субкультурная специфика не свойственна молодому поколению как таковому. Эти субкультуры рассеяны в молодежной среде, но не обязательно касаются всех ее представителей. Субкультурны только те, кто входит в какое-то течение, объединенное на основании каких-то ценностей. При этом все молодые люди являются представителями молодежной культуры (в силу все той же возрастной принадлежности), но одновременно некоторые из них являются еще и носителями какой-то субкультуры.

Для того чтобы внести ясность в дальнейшее изложение, необходимо развести понятия художественная культура и искусство. Нужно разделить художественную культуру на искусство (высокую художественную культуру) и массовую художественную культуру, в которой, в свою очередь, можно отдельно выделить так называемый китч. При этом принципиально то, что в массовой культуре есть вполне приемлемые образцы, потребление которых если и не способствует возвышению культурных потребностей, то, по крайней мере, позволяет более или менее качественно отдохнуть и получить какое-то эстетическое наслаждение.

Исходя из этой предпосылки, для целей данного исследования будем пользоваться такой терминологией: всю молодежь (вернее, молодежную культуру) условно разделим на четыре группы:

¹ Бобахо В. А., Левицова С. И. Современные тенденции молодежной культуры или преемственность поколений? // *Общественные науки и современность*. — 1996. — № 3. — С. 56–65; см. также: *Социология молодежи : учебник / отв. ред. В. Т. Лисовский*. — СПб. : Изд-во СПбГУ, 1996. — С. 335.

² *Социология молодежи : учебник / Отв. ред. В. Т. Лисовский*. — СПб. : Изд-во СПбГУ, 1996. — С. 335.

³ Луков В. А. Особенности молодежных субкультур в России // *Социологические исследования*. — 2002. — № 10. — С. 87.

- субкультурная молодежь (в т. ч. контркультурная);
- ценители настоящей (высокой) художественной культуры;
- приверженцы масскульта;
- неопределившиеся (со временем они могут стать приверженцами какого-либо направления).

Предлагая такое условное деление, сделаем два существенных замечания. Во-первых, считаем нужным сказать с определенными оговорками, что вторую и третью группы можно тоже считать субкультурными. Но в данном случае это не будут молодежные субкультуры в чистом виде, так как и среди других возрастных категорий есть их сторонники. В то же время ценности первой группы разделяет преимущественно именно молодежь, поэтому мы и выделили эту отдельную группу с соответствующим названием. Во-вторых, на практике невозможно выделить ту или иную группу в чистом виде. Субкультурные молодые люди ходят в театры, художественно ориентированная молодежь может использовать какие-то субкультурные «фишки», и все вместе они могут потреблять продукты массовой культуры, равно как и наоборот.

Молодежная субкультура — феномен, возникающий преимущественно в динамичных обществах. Это объясняется тем, что традиционные общества развиваются медленными темпами, ориентируясь в основном на опыт старших поколений, поэтому в таких обществах молодежная субкультура обычно не существует. Представители различных поколений очень близки, хорошо понимают друг друга: все поют одни и те же песни, танцуют одни танцы, слушают одну музыку и т. д. — в общем, говорят на одном языке.

А в так называемом техногенном обществе в условиях масштабных преобразований, ускорения темпа изменений социальной жизни верования, ценности, нормы, правила поведения тех, чье становление происходило за 20–30 лет до этого, устаревают гораздо быстрее. Более того, они настолько отличаются от ценностей, норм, знаний молодых, что сами по себе несут потенциальные возможности конфликта. С возрастом уменьшаются способности к адаптации, взрослые с трудом приспосабливаются к изменившимся условиям, усваивают что-то новое. Поэтому люди в зрелом возрасте постоянно возвращаются к своим привычкам, позициям и убеждениям, сложившимся в былые годы. Это порождает непонимание (а в крайних случаях и отчуждение) между представителями разных поколений. И чем быстрее темп социальных изменений, тем глубже и радикальнее это непонимание. Серьезные различия обнаруживаются во всем образе жизни в целом. Результатом становится кризис личности, который начинает приобретать угрожающие масштабы. Нарастают ощущения мимолетности и непостоянства всего окружающего, происходит размывание авторитетов старшего поколения, которое оказывается неприспособленным к жизни в таких условиях. Молодые начинают отрицать знания и опыт своих «отцов». Это приводит к тому, что в таком обществе затрудняются процессы традиционной соци-

ализации и адаптации человека. Семья быстро утрачивает свою социализирующую функцию. В большей степени на социализацию молодого человека начинают оказывать влияние уже не семья и школа, а такие неконтролируемые факторы, как неформальная среда его общения, взгляды и настроения его сверстников и т. д. И молодые люди уходят в эти возрастные группы, потому что ценности, нормы, правила поведения в них являются понятными и приемлемыми. Тут свою роль играют и психологические особенности людей этого возраста. Для молодежи характерно стремление освободиться от внешнего контроля, повышенные возбудимость, эмоциональность, максимализм, идеализация многих сторон жизни, неустойчивость собственных представлений о ней. Все это вызывает протест молодежи против существующего жизненного уклада, и именно она становится таким образом «зачинателем любых изменений в обществе»¹, в том числе и культурных.

В конце 1960-х гг. кризис социализации достиг особенной глубины (самый яркий и сильный пример — студенческие волнения во Франции 1968 г.). Наряду с повсеместным насаждением масскульта, это стало еще одной причиной того, что многие молодежные субкультуры начали обретать контркультурные формы. Вначале под контркультурой понимали определенную культуру, откровенно идущую вразрез с культурой «отцов». Но впоследствии этим термином стали обозначать любое девиантное поведение (так же, как в свое время его обозначали термином «субкультура»).

В нашей стране своя специфика как появления, так и изучения молодежных субкультур. Первые субкультурные объединения у нас не были столь массовыми, как на Западе. Тем не менее в 1960-е гг. и в СССР появились молодые люди, украшавшие себя металлическими шипами, носившие «фенечки» и расклешенные джинсы. Их называли «стилягами» и постоянно клеймили на комсомольских собраниях, обвиняя в подражании испорченной западной молодежи. Еще одним (но уже специфически нашим) течением, появившимся в это время и оказавшим заметное влияние на молодежь, стала бардовская субкультура — субкультура авторской песни. Начиналась она как субкультура «для себя, для друзей», но приобрела большое количество сторонников среди молодых людей и стала заметным явлением на советском культурном небосклоне².

В конце 1970-х — начале 1980-х гг. у нас возникли первые контркультурные объединения, также имевшие свою специфику. Советская командно-бюрократическая система вытолкнула за свои пределы и объединила по принципу неприятия определенную часть молодых людей. Произошло их так называемое «отчуждение» от общества, его идеалов. Отсюда и подчеркнутая аполитичность молодежных объединений того времени. Одной

¹ Манхейм К. Диагноз нашего времени : пер. с нем. и англ. / отв. ред. и сост. Я. М. Бергер [и др.]. — М. : Юрист, 1994. — С. 445.

² Сикевич З. В. Молодежная культура: «за» и «против». — Л. : Лениздат, 1990. — С. 80–124.

из самых неформальных, самых значимых и самых гонимых контркультур этого периода в СССР стала молодежная рок-культура. За принадлежность к ней исключали из комсомола, уличали в «аморальном поведении», перекрывали доступ к определенным благам и т. д. Но при этом, несмотря на обвинения в «тлетворном влиянии Запада», русский рок стал специфическим явлением отечественной культуры. У нас он явился зеркалом того поколения — замкнутого, отчужденного, «потерянного». Внешне циничные и развязные, но внутри ранимые, уязвимые и беспомощные, его представители в душе тянулись к тому же, к чему и их «отцы» в 60-е годы XX века: к единству, чистоте, братству. А рок по сути был языком их общения, не понятым и не принятым взрослыми, которые видели только внешнюю его сторону, предпочитая не замечать, что за грохочущим звуком скрыт глубокий смысл. Сикевич З. В. даже называла рок «этическим кодом» поколения, которому довелось взрослеть в сложные годы двойного поведения и двойной морали — годы начала конца советского государства¹.

Таким образом, до 1980-х гг. молодежные субкультурные течения были слабо представлены в нашей стране. Начиная же с 1980-х гг. стали активизироваться многие движения — металлисты, рокеры, «зеленые», члены движения «Мемориал», общества «Милосердие» и других, — чему способствовала смена политического режима и, как следствие, всплеск социальной активности, уже более-менее свободной от формальных рамок и постоянных «высоких» указаний как жить. И «погоду» в таких объединениях делали в основном молодые люди. Во-первых, это опять же объяснялось возрастными особенностями этой группы (ее эмоциональностью, динамичностью, непосредственностью, мобильностью, независимостью и т. д.), а во-вторых, молодежь 1980-х гг. на подсознательном уровне уже была лишена страхов своих отцов и дедов.

Однако, несмотря на значительное смягчение ситуации, уже произошедшее к тому времени, советское общество все же не принимало такие молодежные объединения. Долгое время в нашей стране проблема молодежной субкультуры подпитывалась атмосферой нетерпимости к любому инакомыслию, другому образу жизни. Отчасти на них переносился еще крепко сидящий в массовом сознании образ врага. Эти субкультуры долгое время воспринимались как социальная патология. Начиная с 1990-х гг. в России образовалось и существует множество молодежных субкультурных течений. Но, например, В. А. Луков считает их более слабыми по сравнению с западными. Он называет три причины этого².

Молодежная субкультура — это попытка молодых «быть» в мире «иметь». Безусловно, молодые в обществе потребления тоже потребляют, но это потребление оказывается ближе к бытию. «У молодых людей мы находим та-

¹ Сикевич З. В. Молодежная культура ... — С. 110.

² Луков В. А. Особенности молодежных субкультур в России. — С. 79.

кие типы потребления, которые представляют собой не скрытые формы приобретения и обладания, а проявление неподдельной радости от того, что человек поступает так, как ему хочется... Эти молодые люди совершают дальние путешествия, зачастую испытывая при этом трудности и невзгоды, чтобы послушать музыку, которая им нравится, или своими глазами увидеть те места, где им хочется побывать, или встретиться с теми, кого им хочется повидать»¹.

И смысл, и ценность молодежной субкультуры именно в том, что она дает шанс молодым людям «быть» в мире «иметь». Поэтому и ищут молодые возможности самореализации не в официальных структурах, а в субкультурных объединениях. Молодые люди просто ищут себя в отличие от тех обществ, в которых они живут. В результате молодые оказываются «гораздо более искренними, чем старшее поколение... Они не заняты постоянным наведением глянца на свое «я», чтобы стать «предметом повышенного спроса». Они не прячут свое лицо под маской постоянной лжи, вольной или невольной; они, в отличие от большинства, не тратят свою энергию на подавление истины»². Молодежная субкультура дает своим членам возможность остаться самими собой в глобальном обществе потребления. Это попытка не использовать величайшие цивилизационные механизмы — лицемерие и «игру по правилам». Именно поэтому для нас являются абсолютно неприемлемыми стремления некоторых исследователей рассматривать этот феномен как исключительно отрицательный. Но мы согласны с теми, кто, как, например, американский исследователь Т. Рожак, считает ориентацию на «быть» единственной гарантией выживания человечества. А путь к такому выживанию он видит в создании малых неформальных групп энтузиастов (т. е. фактически в субкультурных объединениях и, в первую очередь, в молодежных)³. Конечно, отчасти правы и те, кто говорит, что молодежи легче «быть», так как «иметь» им обеспечивают родители. При этом, выбирая «быть», молодежь выбирает и как «быть», т. е. вполне может выбрать и контркультурную группу. И, тем не менее, именно благодаря субкультуре молодежь заявляет о себе и в какой-то мере обеспечивает изменение и прогресс человечества.

Одним из этапов изучения молодежных субкультур стали попытки разработать их классификацию. Например, часто встречается предложение делить их на так называемых «хороших» и «плохих». К первым относятся те, кто с готовностью предоставляет планы работ в официальные органы, обращается за финансовой помощью и т. д. Вторые упорно отстаивают свои права на независимость, неподотчетность, альтернативность. Некоторые ис-

¹ Фромм Э. Человек для себя. Иметь или быть? — Минск : Издатель В. П. Ильин, 1997. — С. 277–278.

² Там же.

³ Рожак Т. Личность-планета. Творческая дезинтеграция индустриального общества // Иностранная литература. — 1986. — № 12. — С. 182.

следователи интерпретируют такое деление, как деление на субкультурные и контркультурные объединения. Но такая классификация достаточно поверхностна и отчасти идет еще с советских времен.

Существует также попытка деления по возрастному признаку, в рамках которой выделяют подростковые, молодежные, смешанные и другие движения. Однако такая классификация тоже не представляется абсолютно верной. Так, например, лидерами подростковых группировок зачастую становятся представители старшего поколения. Лисовский В. Т. предлагает делить молодежные субкультуры по социально-правовому признаку. Он выделял три основных группы молодежных субкультур¹:

1. Просоциальные — экологи, группы по спасению памятников, фонд молодежных инициатив и т.д., т.е. группы, способствующие формированию социальной активности молодежи.

2. Асоциальные — хиппи, металлисты, панки, музыкальные и спортивные фанаты — группы, воплощающие неофициальную подпольную молодежную культуру.

3. Антисоциальные — наркоманы, «гопники», нацисты.

Однако, во-первых, разделение понятий «асоциальные» и «антисоциальные» кажется не совсем внятным, а во-вторых, предложенная в 1980-е гг. эта классификация сегодня уже вряд ли верно отражает реальное положение дел. С нашей точки зрения, интересной и адекватной является классификация, разработанная З. В. Сикевич. Она рассматривает четыре основания принадлежности к той или иной субкультуре²:

1. Способ времяпрепровождения. Совместное проведение досуга — одна из наиболее сильных причин объединения молодежи. К молодежным субкультурам, возникшим на этой почве, З. В. Сикевич относит и спортивных фанатов, и поклонников исполнителей, групп или музыкальных направлений, и даже криминальные объединения, молодых нацистов, расправно-самосудные команды. Казалось бы, в основе поведения членов этих разных групп лежат разные потребности, но, по мнению исследователя, их всех можно объединить в одну группу. Одиночество молодого человека, его неумение организовать собственный досуг, найти себе достойное занятие по душе, духовная невоспитанность — вот причины такого объединения. Может вызвать вопрос включение в эту группу нацистов. Почему в данном случае основанием для их объединения предложено времяпрепровождение, а не социальная позиция? Отвечая на это вполне резонное замечание, З. В. Сикевич говорит, что, как правило, фашиствующая молодежь не имеет никакого понятия о философии и истории нацизма, целях его зарождения и функционирования. Провоцируя окружающих, они просто пытаются утвердить культ

¹ Лисовский В. Т. Неформальные группировки среди молодежи: причины возникновения и методы работы. — Л. : Изд-во ЛГУ, 1987. — С. 40–41.

² Сикевич З. В. Молодежная культура ... — С. 98.

силы, а в обычной жизни они зачастую ничем не выделяются в кругу своих сверстников.

2. Социальная позиция. Сюда автор относит культурологические, экологические группы, выступающие против бюрократии, группы содействия перестройке, группы, объединенные под лозунгом «экологии культуры» (ведут работу по охране целостной культурной среды), и т. д.

3. Образ жизни. Для представителей этой группы принадлежность к молодежной субкультуре — единственно возможная форма существования. Они живут достаточно скрытой (по крайней мере, от посторонних глаз) жизнью, пользуются собственным языком. Сикевич З. В. называет их людьми «системы». Внутри нее люди объединены по способу бытия, существующему как бы вне социальных потрясений, экономических проблем или повседневных забот. Привести молодого человека в такое объединение может тот же поиск друзей или бегство от одиночества, как в случае с объединением по принципу времяпрепровождения. Но если для фанатов их занятие — в основном досуг и они могут со временем сменить свои интересы, то для людей «системы» это — их жизнь (в прямом смысле слова, так как зачастую они остаются членами этой «системы» в течение всей своей жизни). Именно появление объединений на этом основании символизирует собой болезнь общества, является результатом краха формальных приемов социализации, следствием кризиса семьи. Предшественниками таких объединений были хиппи. К ним также относятся различные секты, религиозные братства (например, кришнаиты) и т. д.

4. Альтернативное творчество. Сюда обычно входят профессиональные, но не признанные официальными организациями и критикой творцы. Это неформалы от искусства, ориентированные на эстетику авангарда, поиски новых форм художественного самовыражения, не вписывающиеся в официальные рамки. Что касается будущего всех этих объединений, то, по прогнозам З. В. Сикевич, данным ею в 90-е гг. прошлого века, постепенно будет расширяться сфера деятельности групп второго направления (социальная позиция) и одновременно уменьшится количество групп «альтернативного творчества» и «образа жизни». А перспективы первого направления зависят от развития досуговой инфраструктуры и от системы образования и воспитания.

Существуют и другие варианты классификации молодежных субкультур. В середине 1990-х гг. В. А. Бобахо и С. И. Левикова, например, выделили три ведущих тенденции в молодежной среде (и соответственно три основных типа молодежных объединений)¹:

1. Мажоры — молодые люди, занимающиеся мелким бизнесом.

2. «Люберы», «гопники» — культ физической силы, дисциплины, агрессивности, жесткой организованности, криминальной направленности.

¹ Бобахо В. А., Левикова С. И. Современные тенденции молодежной культуры. — С. 61.

3. Яппи, неояппи — выходцы из средне- и малообеспеченных семей. Отличаются целеустремленностью, серьезностью, прагматизмом.

Сегодня молодежная субкультура является уже общепризнанным феноменом и выполняет множество функций. Все они оказываются взаимосвязаны, и тем не менее попытаемся выделить основные (эти же функции естественным образом свойственны и молодежным субкультурам, только, возможно, в более яркой форме):

1. Функция адаптации, социализации. Социализация и адаптация молодого человека в обществе обычно происходит по одному из трех путей:

- традиционный путь. Социализация происходит через обычный канал (посредством семьи или формальных организаций), переход молодого человека в мир взрослых обычно не осложнен какими-либо проблемами, идет по проторенному пути. Среди таких молодых людей можно встретить в основном сторонников высокой художественной либо массовой культур. Приверженцы молодежных субкультурных объединений здесь крайне редки;
- социализация посредством молодежной субкультуры. Происходит, когда традиционный путь по каким-либо причинам дает сбой. Здесь влияние молодежной субкультуры особенно значимо, а массовая культура практически не играет никакой роли. Такая социализация, на первый взгляд, может выглядеть слегка парадоксально. Ведь молодежные субкультурные группы обычно объединяют тех, кто не смог нормально «вписаться» в социум. Поэтому в них, с одной стороны, культивируется протест против существующего жизненного уклада, но с другой — именно пребывание в таком объединении способствует адаптации молодежи к обществу;
- смешанный путь социализации. Возникает, когда традиционный путь дает незначительные сбои. Молодежные субкультуры в данном случае не играют значительной роли, но тем не менее накладывают некоторый отпечаток точно так же, как и художественная, и массовая культуры.

2. Функция самоидентификации, самореализации. Современное положение молодых достаточно противоречиво, что обусловлено, как мы уже отмечали, одновременной акселерацией и увеличением периода социализации молодых людей. Долгое время юноша продолжает зависеть от «милости» старшего поколения, поэтому полем для самореализации и самоидентификации зачастую остается лишь молодежная культура. Именно здесь можно проявить себя, свое умение принимать решения, руководить, организовывать.

3. Компенсаторная функция. Возможность реализоваться посредством участия в деятельности групп, объединенных на основании разделяемых всеми их членами ценностей, компенсирует отсутствие личной независимости в традиционных структурах (семье, классе, учебной группе), созданных взрослыми.

4. Досуговая функция. Свободное время, досуг играет огромную роль в жизни молодых. От удовлетворенности досугом начинает во многом зависеть удовлетворенность всей жизнью, а для кого-то именно досуг является самой жизнью. По результатам множества исследований на первом месте среди потребностей молодых людей стоит потребность в общении с единомышленниками, со сверстниками, с носителями той же культуры. И для многих эта потребность реализуется главным образом именно во время совместного проведения досуга. Поэтому эта функция является едва ли не главной среди всех других функций молодежной культуры.

5. Функция интеграции (дифференциации). Принадлежность к какой-либо группе позволяет четко обозначить свою позицию, продемонстрировать факт поддержки определенного жизненного стиля и однозначно дистанцироваться от людей, разделяющих иные взгляды.

6. Тренировочная функция. Субкультурная группа — это поле для тренировки в исполнении социальных ролей, знакомства с различными общественными феноменами. Молодежный досуг (в котором преимущественно и реализуются молодежные субкультуры и речь о котором пойдет немного ниже) — это не только общение, но и своеобразная игра. Но отсутствие навыков такой игры может привести к тому, что в зрелом возрасте человек не будет уметь брать на себя какие-либо обязательства.

7. Инструментальная функция. Каждое объединение преследует определенную цель (например, защита животных, помощь нуждающимся, поддержка спортивной команды или утверждение в группе сверстников). Если эта цель совпадает с целями молодого человека, то эта группа становится его группой, инструментом достижения им своей цели.

8. Защитная функция. Вместе выжить всегда легче, чем в одиночку. Тем более это относится к молодому человеку, еще не обретшему собственный взгляд на мир, не разобравшемуся, «что такое хорошо и что такое плохо», не обладающему собственными защитными механизмами в постоянно меняющейся (зачастую агрессивной) среде.

Рассматривая функции молодежной субкультуры, мы говорили о том, что одной из важнейших является досуговая функция. В связи с этим остановимся поподробнее на изучении этого вопроса. Сегодня можно констатировать тот факт, что современная молодежная культура приобретает все более досуговую ориентацию (что, в общем, логично в сегодняшнем обществе, все более и более становящемся обществом досуга). Досуг — это время для отдыха, для занятий любимым делом, для творчества, для саморазвития, самообразования, но в первую очередь, это время для общения. Кроме того, значительная роль досуга в молодежной культуре объясняется еще одной причиной. Для самореализации, для восстановления, для других дел молодежи необходимо свое социальное пространство. А поскольку взрослые долго не пускают их в свой мир либо требуют безоговорочного подчи-

нения в нем, то наиболее доступной площадкой оказывается именно сфера досуга, где можно проявить себя, научиться руководить и принимать решения, где молодые люди сами несут за все ответственность. Таким образом, досуг становится не просто временем для общения, он оказывается своего рода социальной игрой. Молодые люди уходят в досуг как в защитный панцирь, только здесь они ощущают себя истинно свободными. В этом смысле свободное время начинает пониматься ими буквально как время «для свободы», а не как время, не занятое основными делами.

Итак, посмотрим, что же происходит с молодежным культурным досугом и вообще со всей культурной ситуацией в российском обществе и каково состояние молодежной художественной культуры сегодня. Как мы уже отмечали ранее, художественную культуру можно поделить на две части — искусство (высокая, элитарная культура) и массовую культуру (коммерческую, популярную) — с преобладанием последней. Это общемировая тенденция, и Россия, хотя и с некоторым запозданием, также оказалась в этом русле. Сегодня у нас сложилась ситуация, в которой на авансцену вышла как раз та самая массовая культура, потеснив собой культуру элитарную. Современная культура выражает себя не в искусстве, а в жестких формах, в которых деградируют высшие духовные ценности культуры. Эта культура рассчитана на среднего потребителя с невзыскательными вкусами, ее цель, в первую очередь, — заработать деньги (эксплуатируя в общем-то животные инстинкты толпы). Коммерческая установка для деятелей такой культуры является исходной. Благодаря мощному развитию средств массовой коммуникации (особенно телевидения) эта культура (называемая медиакультурой) получила широкое распространение. Такое развитие событий привело к образованию фрагментированного общества. В сочетании с ликвидацией приоритетов и при огромном влиянии телевидения эта фрагментарность обернулась для человека «клиповым» сознанием, характерными чертами которого являются краткость, поверхностность, легкомысленность выводов. Значительное влияние на этот процесс оказали и процессы глобализации, ставшие возможными благодаря все тому же развитию информационных технологий.

Таким образом, сегодняшнее российское общество преимущественно является обществом массовой культуры. И, возвращаясь к теме нашего исследования, мы должны констатировать, что главной «жертвой» этой культуры стала именно молодежь. Поэтому не случайно в России наблюдается стойкое стремление ряда исследователей к отождествлению молодежной культуры исключительно с массовой культурой. Такое понимание молодежной культуры абсолютно не верно, и не правы те, кто считает, что молодежь хочет исключительно развлекаться, требует для себя только зрелищ и реагирует лишь на определенные послылы. Хотя, как говорится, дыма без огня не бывает, и для таких суждений, к сожалению, есть некоторые предпосылки.

Человек живет, постоянно удовлетворяя те или иные свои потребности. «Никто не может сделать что-нибудь, не делая этого вместе с тем ради какой-либо из своих потребностей»¹, — писали К. Маркс и Ф. Энгельс. Важно определить, стремление к удовлетворению каких потребностей лежит в основе поведения человека. Чтобы понять, что такое потребность, необходимо обратиться к изучению структуры личности (поскольку потребности — это одна из важнейших ее составляющих). Всплеск интереса к этой теме в отечественной социологии пришелся на 1980-е гг.

Одним из первых свой вариант структуры личности предложил Л. Н. Коган. Он выделил такие ее элементы, как способности к выполнению того или иного вида социальной деятельности, социальные потребности, знания, навыки и умения, человеческие чувства².

Одна из наиболее интересных и часто используемых теорий — теория структуры личности, предложенная Г. Е. Зборовским³. Рассматривая личность как систему, он выделяет две ее основные подсистемы, два мира — внутренний мир сознания и внешний деятельностный, открытый для других людей мир, позволяющий им не только наблюдать внешние проявления личности, но и проникать в ее внутреннюю жизнь, догадываться о том, что происходит внутри человека. Естественно, внутренний и внешний миры тесно связаны, но эта связь оказывается различной у разных людей, причем диапазон может оказаться весьма велик. «Ядром» структуры личности Г. Е. Зборовский считает ее образ жизни. Образ жизни рассматривается сквозь призму единства сознания и поведения личности и понимается как превращение в структуре личности фактов, моментов, ситуаций сознания в факты, моменты, ситуации деятельности, т. е. превращение внутреннего во внешнее. При этом автор подчеркивает недопустимость противопоставления одного другому и говорит о неверной, с его точки зрения, трактовке, в рамках которой образ жизни противопоставляется образу мыслей.

Зборовский Г. Е. описывает структуры внутренней и внешней подсистем личности. Внутренний мир структуры личности состоит из трех механизмов — мотивационного, диспозиционного и механизма памяти. Нас главным образом будет интересовать мотивационный механизм, который включает в себя взаимодействие потребностей, интересов, ценностных ориентаций и мотивов, конечным результатом которого является их преобразование в цель личности⁴. Все эти элементы сознания проявляются синхронно: неверно считать, что сначала появляются потребности, затем интересы, ценностные ориентации, а потом мотивы и цели.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Соч. 2-е изд. Т. 3. — М.: Госполитиздат, 1955. — С. 245.

² Коган Л. Н. Цель и смысл жизни человека. — М.: Мысль, 1984. — С. 25–26.

³ Зборовский Г. Е. Общая социология: курс лекций. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Гардарики, 2004. — С. 466.

⁴ Зборовский Г. Е. Общая социология ... — С. 469.

И тем не менее именно потребности выступают как исходные побудители деятельности личности, отражают объективные условия существования человека и являются одной из важных форм связи личности с окружающим миром. Связь эта может проявляться в форме естественных и социальных потребностей. Эти потребности имеют неодинаковую природу, разные содержание и направленность, но все же резкой грани между ними нет. В отличие от животных, у человека естественные потребности приобретают «социальную» оболочку, опосредуются условиями общественного бытия, детерминируются достигнутым уровнем культуры, наполняются некоторым культурным содержанием. Можно говорить о разных «объемах культурности» естественных потребностей, но сложно отрицать их наличие. «Голод есть голод, — писал К. Маркс, — однако голод, который утоляется вареным мясом, поедаемым с помощью ножа и вилки, — это иной голод, чем тот, при котором проглатывается сырое мясо с помощью рук, ногтей и зубов»¹. То есть потребности, оставаясь естественными, удовлетворяются опосредованно.

Потребности — своеобразный индикатор культурного уровня социально-го субъекта. Развитие культуры, ее прогресс органически включают в себя и развитие потребностей. Будучи осознанными, потребности превращаются в интересы личности². В них уже отражается отношение человека к условиям жизни и деятельности, определяющее направленность его действий. Именно интересы в значительной мере обуславливают мотивы поведения личности, оказываются главными причинами его действий. Интересы побуждают личность к познавательной деятельности, они тесно связаны с освоением человеком мира в форме знаний.

Рассмотрев место потребностей в структуре личности, перейдем к изучению непосредственно культурных потребностей. Потребности личности, социальных групп, общностей всегда связаны с развитием культуры. Как мы уже говорили, во-первых, личность зависит от внешнего мира, от его культуры, а во-вторых, очевидно, что и стремление к культуре проявляется в форме потребностей. Все это позволило социологам оперировать понятием «культурные потребности», которые, в свою очередь, также могут быть классифицированы по разным основаниям.

Культура делает реальным то, что в человеке находится в потенциальном состоянии. Этот ансамбль качеств М. С. Каган, вслед за К. Марксом, называет сущностными силами³. Культурные потребности занимают особое место в системе потребностей. Под ними понимаются обусловленные состоянием развития общественного производства и культуры потребности в реали-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. — С. 301.

² Зборовский Г. Е. Общая социология. — С. 470.

³ Каган М. С. Философия культуры. — С. 143.

зации сущностных сил человека в процессе его деятельности¹. Культурные потребности нельзя однозначно отнести ни к материальным, ни к духовным. Такое деление лежит в другой плоскости, нежели выделение культурных потребностей. Последние являются своеобразным «срезом» всей системы потребностей². То есть любая социальная потребность выступает культурной потребностью человека в том случае, если она способствует реализации его сущностных сил, развитию и самореализации личности.

Культурные потребности человека формируются на протяжении всей истории человечества, у каждого индивида они образуются в ходе его биографии, его культурно-деятельностного онтогенеза. Несмотря на то что культурные потребности часто рассматривают как некий «срез» всей системы потребностей человека, они не являются чем-то умозрительным. Можно их структурировать и попытаться выделить их реальное конкретное содержание. Достаточно подробно и ясно этот вопрос проработан в трудах М. С. Кагана. Он говорит о том, что эти потребности должны охватить нужды людей в том, без чего невозможен человеческий образ жизни. К культурным потребностям, по М. С. Кагану, относятся следующие³:

1. Потребность в новой искусственной среде, во «второй природе», содержащей недостающее человеку в «первой природе», заполняющей вырванную людьми у природы и обживаемую ими экологическую нишу. Символически их можно определить известной антитезой К. Леви-Стросса — потребность в «вареном», вытесняющая нужду в «сыром». Становясь более широкими в истории культуры и все более разносторонними, они являются культурными, потому что не врождены индивиду или роду человеческому, они приобретаются ими в ходе истории всего вида и биографии каждого индивида.

2. Потребность в знаниях, опосредующих культурное творчество. Они необходимы, поскольку человек сам создает «вторую природу», а ее создание не может быть обеспечено его врожденными инстинктами, так как это создание не является генетически запрограммированным действием. Это созидание требует знаний реальности, в которой происходит практическая работа, знание связей сущностей и явлений, причин и следствий и т. д., т. е. необходима теория (знания), опосредующая практику (созидание), что значительно увеличивает эффективность последней.

3. Потребность в ценностях. Наличие одних только знаний недостаточно для опосредования практических действий. Человек может много знать, но никак не реализовать эти знания, а если он их и реализует, то результаты его действий могут быть совершенно различными, в зависимости от пре-

¹ Культурная деятельность: опыт социологического исследования/под ред. Л. Н. Кагана. — М.: Наука, 1981. — С. 43.

² Каган М. С. Философия культуры. — СПб.: Метрополис, 1996. — С. 143–147.

³ Там же.

следуемых целей. Они (результаты действий) могут быть даже диаметрально противоположны (возвышать или унижать человека, объединять или разобщать людей и т. д.). Это означает, что наряду со знаниями людям необходимы вырабатываемые в их жизни ориентиры. Причем М. С. Каган подчеркивает, что именно вырабатываемые, так как врожденных инстинктов недостаточно, чтобы мотивировать широкий круг генетически непрограммируемых действий. Поэтому и появляется потребность в ценностях как значениях предметов для человека. Система этих значений становится необходимой человеку культурной силой, взаимосвязанной с его потребностями.

4. Потребность в предвосхищающих действия моделях (в «модели потребностного будущего», по Н. Бернштейну). Это потребность в образах создаваемого, предвещающих его появление, в идеалах, которые должны превратиться в реальность, т. е. в проектах того, что должно быть создано на основе знаний и под направлением и руководством ценностей. Эти проекты — совершенно необходимое опосредующее звено между знаниями, ценностями и созиданием.

5. Потребность в другом человеке как соучастнике собственного бытия. Человеческая жизнь и деятельность по природе своей коллективны и предполагают взаимодействие между участниками данных процессов. Даже если деятельность осуществляется в одиночку (например, индивидуальный писательский, конструкторский, исследовательский труд), то она все равно опосредована действиями других людей, предшествующими и последующими.

6. Потребность в дополнительном иллюзорном опыте. Все перечисленные потребности служат «пусковыми пружинами» для практических действий людей. Вместе с тем человеку необходимо дополнение его реальной практической жизни жизнью воображаемой, иллюзорной, что позволяет ему бесконечно раздвигать границы своего жизненного опыта. «Миры» мифологических образов рождаются еще в древности и в ходе дальнейшей истории человечества превращаются в художественные «миры». Эта потребность также принадлежит к сущностным силам человека. Свидетельством этому является тот факт, что «миры» мифологических образов появились еще в глубокой древности и вместе с человеком, обществом, культурой постепенно превратились в художественные миры, имеющиеся сегодня у всех населяющих Землю народов. Значит, человечество не может обойтись без такого «удвоения» реальности. В этой «второй» реальности воплощаются в нерасторжимом единстве умения, знания, ценности, идеалы людей, с помощью которых они связывают себя с другими людьми — реальными и воображаемыми. Нет ни одного народа, не сотворившего для себя мифов и лишенного искусства.

Таким образом, М. С. Каган завершает анализ потребностей и представляет его результат в таком наглядном виде (рис. 204).

Рис. 204. Структура потребностей (по М. С. Кагану)

Точно такую же структуру имеет и система способностей, так как всякая способность — это не что иное, как способность удовлетворять соответствующую потребность. И все же потребности далеко не всех членов общества возвысились до подлинно культурных. Именно здесь чаще всего можно наблюдать феномены статусного, престижного потребления, когда оно происходит не в целях развития личности, а в целях приобретения определенного престижа в глазах окружающих. Таким образом, функциональный характер приобретают у части членов общества не только материальные, но и ряд духовных потребностей, удовлетворение которых не связано ни с культурной деятельностью, ни с развитием личности. В этой связи особенно актуальна проблема разумных потребностей. Какие потребности можно назвать разумными? В понимании К. Маркса разумны те потребности, которые реально можно удовлетворить на данном уровне общественного производства. По мере развития производства неразумная вчера потребность может стать разумной сегодня или завтра¹.

Михайлов Н. Н. писал, что «всякая потребность», необходимость удовлетворения которой объективно отсутствует, является неразумной, но не всякая необходимая (насушная) потребность разумна². Одна и та же потребность у одного человека может быть разумной, а у другого — неразумной. Это зависит от того, в какой мере ее реализация способствует развитию личности

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. — С. 246.

² Михайлов Н. Н. Разумные потребности при социализме: критерий оценки // Социальная активность: от потребности к деятельности. — Челябинск : Пединститут, 1978. — С. 98–99.

человека, какое место она занимает в его жизни. Он формулирует критерии разумности потребности¹:

- необходимое условие жизнедеятельности человека;
- способствуют всестороннему и гармоничному развитию личности;
- не противоречат потребностям общества.

По М. С. Кагану всякая действительно культурная потребность разумна, поскольку в своей основе она есть потребность в свободной самореализации личности². В то же время степень значения различных разумных потребностей для культурной деятельности индивида далеко не одинакова. В обществе всегда будет определенная иерархия потребностей с точки зрения их влияния на культурную деятельность. В этой иерархии различают следующие группы разумных потребностей³:

- потребности в насущных материальных благах, удовлетворение которых создает необходимую базу для реализации культурных потребностей;
- «функциональные» потребности, удовлетворение которых в той или иной степени связано с развитием личности;
- непосредственно (в узком смысле) культурные потребности, удовлетворение которых не имеет иной цели, кроме развития личности (под этими потребностями обычно понимаются потребности в художественной культуре).

Культурная деятельность не только в обыденном, но и в теоретическом сознании обычно связана с последней группой потребностей. Потребность в культурной деятельности непосредственно направлена на развитие и самореализацию личности. Деятельность людей, связанная с удовлетворением их культурных (а именно — художественных) потребностей, не всегда тождественна понятию «деятельность, развивающая личность». Частота обращения к тому или иному ее виду тоже не всегда является показателем развитости соответствующей потребности. Например, многие молодые люди без разбора посещают практически каждый новый фильм, выходящий в широкий прокат, но обычно большинство из них обладает крайне неразвитым художественным вкусом. Еще в более яркой форме этот тезис подтверждается поведением поклонников массовой поп-культуры.

Итак, культурные потребности тесно связаны с культурной деятельностью. Каган М. С., исследуя проблему взаимодействия потребностей и деятельности, рассуждает следующим образом. Он говорит о существовании некоего «пучка» мотиваторов и реализаторов поведения, которые не даны человеку биологически, которые выработались в многотысячелетнем процессе оче-

¹ Михайлов Н. Н. Разумные потребности при социализме ... — С. 102.

² Культурная деятельность: опыт социологического исследования / под ред. Л. Н. Кагана. — С. 52.

³ Там же.

ловечивания животного предка людей и которые располагаются иерархически на трех уровнях¹:

- потребности человека — пусковой механизм его деятельности;
- способности, позволяющие удовлетворять и развивать потребности;
- умение превращать эти способности в реальные поступки.

Итак, потребности в художественной культуре (или художественные потребности) — какие они у современного российского общества? от чего зависит их содержание? какие переменные оказывают наиболее существенное влияние на их формирование, развитие, реализацию и удовлетворение? Большинство населения в той или иной степени приобщено к ценностям художественной культуры. Но можно ли поэтому говорить о развитых художественных потребностях? Ведь сам факт потребления продуктов этой культуры еще не говорит о глубине и развитости этих потребностей как таковых. Здесь имеет место именно фиксация факта приобщения к ней, но качество и интенсивность этого процесса не раскрываются.

Изучение художественных потребностей человека может происходить по следующим направлениям:

- художественные предпочтения и интересы;
- условия, от которых зависит художественное воспитание, развитие художественных потребностей личности;
- каналы, по которым происходит удовлетворение художественных потребностей;
- уровень и качество удовлетворения художественных потребностей, т. е. уровень и качество освоения людьми произведений искусства;
- проблемы, возникающие на пути удовлетворения художественных потребностей;
- динамика изменения художественных потребностей;
- соотношение художественных потребностей и художественной деятельности;
- условия для реализации художественных потребностей.

Приступая к изучению художественных предпочтений и интересов, следует четче обозначить, что конкретно понимается под ними. Суммируя различные высказанные социологами на этот счет идеи, можно выделить несколько уровней конкретности объектов художественных интересов²:

- виды искусства (литература, живопись, театр, музыка и др.);
- жанры искусства;

¹ Каган М. С. Философия культуры. — С. 143—147.

² Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т. Художественная культура жителей Свердловской области // Материалы V Всероссийской научно-практической конференции «Возрождение России: общество-управление-образование-молодежь-культура». — Екатеринбург : УГТУ—УПИ, 2003. — С. 116.

- различные авторы и художественные произведения, в которых реализуются определенные стили, направления, творческие позиции;
- определенные системы (субкультуры).

Выбор в рамках каждой из перечисленных категорий может зависеть от ориентации на ту или иную цель, которую человек стремится достичь, «потребляя» художественный продукт. Разные исследователи предлагают здесь свои варианты.

Можно выделить ряд факторов, оказывающих существенное влияние на художественные потребности. К ним относятся доход, социальное положение, профессиональная деятельность, жизненные условия, окружение человека и т. д. Среди всех этих факторов доход является одним из важнейших. Вместе с тем растущий уровень материального благосостояния не всегда сопровождается соответствующим повышением истинных художественных потребностей. Во многих случаях высокий доход связан со статусными затратами на продукты художественной культуры.

Что касается динамики художественных потребностей, то можно говорить о том, что в последнее время возрос темп появления новых и дифференциации старых потребностей. И дело даже не в том, что люди не имели этих потребностей, а скорее в том, что их удовлетворение сдерживалось самыми различными ограничениями, надуманными запретами, ориентацией на то, что будто из одного центра можно регулировать вкусы и наклонности человека. Очевидно, что в современных условиях важное значение имеет не запрет, а постоянная поддержка истинных художественных ценностей.

Проблема качества удовлетворения художественных потребностей — еще одна важнейшая проблема для изучения. Соколов К. Б. выделяет три аспекта этой проблемы¹:

- качество продукции — спектаклей, концертов, представлений, кинофильмов, литературных произведений и т. д.;
- качество восприятия художественных ценностей людьми, зависящее от соответствующей эстетической подготовки, степени развитости художественного вкуса, без которых даже самое высокохудожественное произведение не окажет должного воздействия на личность;
- качество культурного обслуживания, т. е. созданных людьми удобств для приобщения к искусству.

Рассмотрим эти три аспекты. Первый аспект связан с качеством произведений искусства. Здесь не существует четких, однозначных критериев, оценивающих это качество. Художественное произведение — субъективное отражение объективного мира. И тем не менее есть определенные категории людей, которые по роду своей деятельности как раз призваны и имеют право давать такую оценку и мнение которых играет значительную роль в художе-

¹ См.: Михайлова Л. И. Социология культуры : учебное пособие. — М. : Дашков и К, 2006. — С. 329.

ственной жизни. Но даже наличие такой системы оценок не снимает множества проблем в реальной практике. Одни из них связаны с достаточно часто наблюдаемым расхождением в оценках произведений искусства экспертами и публикой. Нередко одно и то же произведение даже среди экспертов зачастую вызывает разные, порой диаметрально противоположные, суждения.

Второй аспект связан с изучением художественных предпочтений и факторов, влияющих на их формирование, а третий — с определением качества обстановки восприятия, уровня культурного обслуживания. В рамках этого направления возникает такое понятие, как «претензии» к учреждениям культуры и условиям культурной деятельности. Значительную роль в этом играет популярность соответствующего учреждения культуры среди населения и частота его посещения. Люди гораздо более компетентно могут оценить работу тех учреждений культуры, которые они чаще посещают и деятельность которых потому хорошо знают. Естественно, они видят и больше недостатков в работе именно этих учреждений.

Можно выделить ряд особенностей, присущих только художественной деятельности в отличие от всех других видов деятельности:

1. Оценить, регламентировать и упорядочить деятельность и потребности человека в сфере художественной культуры весьма сложно. Трудовая, образовательная и иные виды деятельности, общественное поведение человека во многом подчиняются внешним социальным требованиям какой-либо организации, властного института и т. д., существуют стандарты такой деятельности, есть критерии ее оценки, определено, что должно получиться в итоге, за ее реализацией следит администрация различных уровней, периодически контролируя ее ход. Внешнее же прямое вмешательство в художественную деятельность, по большому счету, не имеет смысла. Невозможно заставить полюбить художественную культуру из-под палки. Такое принуждение может привести лишь к появлению нежелания (особенно у молодого человека) посещать театр, музей, филармонию и т. д. Конечно, первое знакомство зачастую осуществляется благодаря кому-то (родителям, педагогам). Но попытки насильно заставить человека и дальше «потреблять культуру» лишь отвратят его от нее. Это исключительно самостоятельная деятельность. Конечно, каждый человек получает за свою жизнь определенную «дозу культуры». На протяжении всей истории происходит своеобразный «отбор искусства» с учетом происходящих в обществе изменений. Государство все время пытается создать стандарты потребления культуры, в различных нормативных документах можно найти нормы потребления продуктов художественной культуры, которые по замыслу характеризуют средние потребности различных обществ в них, приводятся средние показатели художественных потребностей, зависящие, в первую очередь, от уровня развития общества и от проводимой государством культурной политики. Но это обычно делается в неких статистических целях, для удобства отчет-

ности и так далее и напрямую не отражает уровень культурного развития народа).

2. Еще более сложно, чем выбор художественной деятельности, регламентировать и оценить ход, результаты и интенсивность этой деятельности. Если на выбор человеком того или иного учреждения культуры, спектакля, концерта и другого еще можно оказать какое-то влияние, то результаты знакомства с ними уже невозможно будет предсказать или направить в определенное русло. Внешний контроль здесь практически невозможен, да и бесполезен. В любом случае эти результаты будут сугубо индивидуальны, так как будут зависеть от ценностной ориентации человека, его предпочтений, нравственных установок или даже от настроения и состояния здоровья в данный момент.

Здесь (говоря о регламентации культурной деятельности) нам хотелось бы сделать следующее замечание, касающееся субкультурной деятельности в сфере художественной культуры. В данном случае возникает некая пограничная (двойная) ситуация. С одной стороны, субкультурная деятельность (равно как и субкультурные потребности) еще более не поддается регламентации, упорядочению и однозначной оценке со стороны общества, с другой — сами члены субкультурного объединения (особенно его руководители или ведущие деятели) легко могут оценить поведение других его членов, ведь им-то как раз понятны критерии такой оценки.

3. Помимо того что человек сам выбирает направление и содержание своей деятельности в сфере художественной культуры, она более чем любая другая оказывается пронизанной чувственностью, эмоциональностью, отношениями человека. И результат, даже аналогичной культурной деятельности, будет разным у разных индивидов. Каждый человек увидит, услышит, почувствует что-то свое.

4. Художественная деятельность выполняет функцию проводника общественно значимого предметного содержания. Но критерии эффективности этой деятельности человек определяет только сам, также сам он формулирует цели и параметры этой деятельности. Все это, безусловно, дает индивидуальный ценностный эффект воздействия художественного продукта.

5. Художественная деятельность порождает проблему статусного («престижного») потребления, когда продукты художественной культуры (спектакли, концерты, книги и т. д.) потребляются не в целях развития личности, а в целях приобретения престижа в глазах окружающих. Такое поведение Т. Веблен назвал «демонстративным потреблением».

Все эти особенности приводят к следующему. С одной стороны, возникают трудности при формировании художественных потребностей человека со стороны общества (педагогические, воспитательные трудности). С другой стороны, индивид, развиваясь самостоятельно, имеет возможность отобрать из богатого культурного окружения только то, что ему нужно, и это придает данному процессу определенную привлекательность. Человек всегда может

уйти из реального мира в свой мир, где он найдет что-то свое. Это открывает перед ним возможность широкого мотивационного контакта с ценностями культуры. Мы уже говорили о том, что разные люди ведут одну и ту же культурную деятельность с разными целями. Потребление одного и того же культурного продукта способно удовлетворить совершенно различные потребности. Потребность связана с деятельностью не напрямую, между ними существует такое понятие, как «мотив». Их грамотное использование может помочь в деле формирования истинных, высоких художественных потребностей. Поэтому кратко остановимся на характеристике этого феномена.

Формирование художественных потребностей — сложный процесс, в ходе которого допускается большое количество ошибок. С чего же начинается процесс формирования этих потребностей? Прежде чем ответить на этот вопрос, посмотрим, что же делает востребованным художественный продукт, в котором соответствующая потребность находит свою определенность, который обуславливает возможность ее реализации, удовлетворяет или не удовлетворяет ее, а также способствует или не способствует ее развитию.

Для того чтобы возникла потребность в культурном продукте, он должен затрагивать значимую сферу индивидуальной жизнедеятельности человека, т. е. внешние ценности должны либо стать внутренними для индивида, либо совпасть с уже разделяемыми им. Однако попытки многих педагогов, воспитателей в одночасье осуществить этот процесс зачастую оборачиваются возникновением поверхностного, искусственного интереса, потенциал которого слаб и который быстро истощается. Такая рациональная (в каком-то смысле принудительная) тактика ведет лишь к тому, что встреча с художественной культурой проходит без последствий для личности. Художественные ценности, которые получает человек через систему информации посредством какой-либо деятельности, не всегда становятся его внутренними потребностями. Иногда культура проходит «сквозь» человека, затраченные усилия оказываются напрасными. И это еще в лучшем случае. В худшем же насильственное навязывание или принуждение потреблять тот или иной продукт вообще могут навсегда отбить у человека интерес к художественной культуре.

В то же время бросаться в другую крайность и исключительно следовать за индивидом, давать ему только тот художественный продукт, который он готов и хочет в данный момент воспринять, — тоже далеко не самый лучший выход из положения. Это не поможет возникновению или развитию потребностей в художественной культуре, а лишь будет способствовать закреплению существующих, а для большинства, к сожалению, это будут потребности именно в массовой культуре.

Так что же делать? Как сформировать у молодежи истинные художественные потребности? Ведь получается замкнутый круг: с одной стороны, нельзя принуждать, а с другой — нельзя удовлетворять только существующие потребности. Выходом из такого положения в какой-то мере может стать

постепенное открытие для молодого человека новых ценностей, предметов художественной культуры, поданных ему с учетом его психологии. Это поможет сформировать у него систему мотивов, ценностных отношений, которые потом превратятся в потребности. Первичным здесь все-таки будет воздействие извне, но оно должно быть не давлением, а лишь предпосылкой активности индивида.

Один из алгоритмов формирования художественных потребностей может быть таким. Сначала нужно проинформировать личность о существовании ценностей художественной культуры. Затем необходимо помочь ей осознать их значение в личной или общественной жизни. И далее должна быть организована деятельность личности по овладению этими ценностями или по созданию новых ценностей. В данном случае очень важен следующий факт: значимо не только научить личность как действовать, чтобы овладеть, принять или понять эти ценности (т. е. научить учиться, трудиться и т. д.), но и обеспечить доступность этих ценностей (в наших сегодняшних условиях это не всегда реализуемо, что связано обычно с финансовыми, временными или географическими причинами).

В жизни возникают такие ситуации, когда человек, впервые узнав что-либо или придя куда-либо не по своей воле, становится потом заядлым театралом, меломаном и так далее. Необходимость бывает особенно тогда, именно когда человека следует впервые познакомить с ценностями культуры или вообще впервые ввести в культуру, так как сам он, возможно, никогда не осуществил бы этот акт знакомства, просто даже потому, что не знал, как и что можно сделать. Для того чтобы тот или иной культурный продукт стал объектом потребности личности, все-таки обычно необходима опосредующая деятельность общества по созданию и отбору этих продуктов, а также организация встречи с ними. Хотя опять же оговоримся, что важно не перегнуть палку, иначе принуждение может навсегда отвлечь человека от искусства или надолго отсрочить процесс приобщения к нему.

Однако в то же время стремиться нужно все же к формированию у человека потребности в художественной культуре вообще, а не в конкретном предмете. Поэтому нужно найти те границы, в пределах которых предметность имеет смысл. Должно наблюдаться постоянное качественное изменение отношения человека к предмету культуры. Это не должно быть просто статистическое накопление культурных продуктов или впечатлений от потребленных культурных продуктов. Должно быть развитие и усложнение потребностей. Только тогда культурно-воспитательная деятельность будет иметь смысл.

Итак, первый вариант формирования потребностей – систематическое знакомство человека с ценностями высокой культуры, объяснение ему их смысла и значения (если это необходимо) и постепенное усложнение и расширение круга этих ценностей. Последнее особенно важно, так как человек должен иметь возможность выбирать из всего существующего в культуре

то, что важно именно ему, что отвечает его внутренним ощущениям и мыслям, вызывает ответные чувства (хотим еще раз подчеркнуть, именно чувства, а не эмоции). И именно в данном случае художественная потребность выступает как истинно духовная.

Однако воплощение такого варианта, при котором воздействие происходит сразу на чувства или смыслы, не всегда реально. Особенно если это касается уже сформировавшегося человека, но без сформированных художественных потребностей. Возможен и другой подход к формированию этих потребностей. Это тоже будет путь от простого к сложному, но в качестве «простого» будет использована легкодоступная массовая культура. Этим путем идут многие учреждения культуры в попытках воспитывать своего зрителя. Сначала зритель придет и посмотрит то, что ему близко и понятно, а потом он захочет узнать нечто большее. Станиславский К. С., например, говорил: «Пусть люди ходят в театр, чтобы развлекаться. Но вот они пришли, мы закрыли за ними двери, напустили темноту и можем вливать им в душу все, что захотим»¹. И это касается не только театра.

В процессе потребления продукта художественной культуры важнейшую роль начинает играть момент «типичной» интонации. Он (продукт) получает право на жизнь и признание прежде всего в связи с преломлением в нем этих интонаций. При этом «типичными» не обязательно могут быть самые распространенные интонации, но просто понравившиеся, живые, часто проходящие на ум. Люди любят не познавать, а узнавать. И это знакомое станет гидом, поможет построить своеобразный мостик между индивидом и произведением искусства. Таким образом, опосредование произведения искусства способствует становлению процесса культурного восприятия, человек может открыть для себя новые идеи, ценности, заложенные в произведении. И такой вариант не стоит сбрасывать со счетов.

Третий вариант формирования художественной потребности — это формирование потребности не столько в продукте художественной культуры, сколько в художественной деятельности, причем это может быть как деятельность по освоению культурных продуктов, так и деятельность по их созданию (т. е. самодеятельность). И здесь большую роль играют различные кружки самодеятельности, клубная работа, работа культурных, профсоюзных, кураторов студенческих групп и т. д.

Конечно, представленными выше тремя вариантами формирования или развития потребностей этот процесс не исчерпывается, но уже сейчас видно, что различаются все они лишь путем формирования или развития. Однако механизм, реализующийся в каждом из них по сути один и тот же. Наряду с внешним воздействием в определении художественной активности, потребности человека в ней большую роль играют факторы личностной значимости художественной культуры, величины и характера воздействия, ко-

¹ Станиславский К. С. Статьи, речи, беседы, письма. — М. : Искусство, 1953. — С. 228.

которые способны вызвать ее продукты в жизни человека. Нормативные качества художественного продукта являются лишь предпосылкой включения индивида в культурную деятельность. Реальная мотивация этого процесса зависит от того, насколько широко продукт соприкасается с ценностями индивидуальной жизнедеятельности человека, насколько субъективное качество этого продукта соответствует требованиям человека.

Любой культурный продукт не может воздействовать на человека с непосредственностью безусловно детерминирующего фактора. Первоначально он входит в контакт с субъективной сферой индивида, соприкасается со значимой сферой человеческой психики, вызывает непосредственную субъективную оценку. Поэтому на первом этапе формирования культурных потребностей главным должно стать вовлечение в культурный процесс различных сторон «внутреннего» субъекта. Должны установиться живые, непосредственные, не отягощающие индивида связи с предметом художественной культуры. Он должен максимально естественно вписаться в жизненную логику человека. Таким образом, путь постижения культуры — это путь ее субъективирования. И если язык некоторого вида искусства станет свободной формой выражения субъективного мира индивида, то оно станет предметом потребности. Только потом может начаться процесс обдумывания, анализа или осмысления. Постепенно человек может прийти и к относительно объективному восприятию культуры, которое не присутствует в нем изначально (например, признать вслед за обществом вневременную ценность классики или разделить сегодняшнее мнение большинства относительно какого-либо произведения искусства).

Но в любом случае культурная мотивация является порождением субъекта. Художественная деятельность не является объективной необходимостью, не ведет, например, к получению материальных благ. В художественной деятельности индивид оказывается, таким образом, не просто участником, а главным источником, организующей силой. Он не просто «внутренне преломляет», пропускает через себя воздействие художественного продукта, а, по сути, является носителем художественного действия, внутренней причиной его существования. И содержание произведения, образы, ассоциации, вызываемые им, в любом случае остаются индивидуальными, неповторимыми и могут быть многообразны. И, собственно говоря, именно этому обязана художественная культура своим развитием.

Таковы те теоретические ориентиры, из которых исходили исследователи в анализе досуговых предпочтений и установок студенчества Среднего Урала.

Уже на первых этапах мониторинга (1995–1999 гг.) было выявлено, что в условиях углубляющейся стратификации общества, растущей социальной дифференциации молодежи, коммерциализации сферы культуры усиливаются различия между богатым, содержательным досугом у одной части молодежи и бедным досугом — у другой. У одних досуговые ориентации многооб-

разны, у других отличаются бездуховностью, у третьих — не очень развиты.

Проявилось и существенное противоречие молодежного досуга. С одной стороны, в современном обществе существуют объективные предпосылки для роста культурных запросов молодежи, студентов. У нового поколения выше уровень образования, оно более мобильно. Происходит, хотя медленно и трудно, становление нового, иного отношения к культуре, когда главное видится не только в освоении все большего числа культурных ценностей, а в самореализации и развитии личности.

С другой стороны, потребительски развлекательная ориентация в молодежном досуге остается ведущей и даже усиливается. Именно здесь проявляются негативные последствия рыночных отношений в поле социума: коммерциализация культуры, несоответствие растущей платы за культурные услуги возможностям значительной части студенчества, сохранение остаточного подхода к финансированию сферы культуры. В итоге разрыв между культурными запросами молодежи и возможностями их удовлетворения не уменьшается.

За годы мониторинга свердловского студенчества (1995–2016 гг.) проблемы организации и содержательного наполнения досуговой деятельности отодвинулись в ранговом ряду наиболее волнующих студентов острых социальных проблем на одно из последних мест. Но вряд ли стоит недооценивать низкий рейтинговый статус досуговых проблем молодежи. Безусловно, на фоне сложностей, связанных с материальным положением, размерами затрат на учебу, обеспокоенности по поводу возможной безработицы, личной и социальной безопасности и других не менее острых личных и социальных проблем, досуг и его условия отходят на задний план. Вместе с тем досуговая деятельность является одной из важнейших сфер самореализации, самоутверждения молодого человека, каналом вхождения в мир культурных ценностей, своеобразной компенсационной нишей, в которой личность черпает силы, восстанавливает душевное равновесие, реализует психологический комфорт.

Один из важнейших факторов и индикаторов досуга — это его темпоральные характеристики. Проблема, каким свободным временем располагают наши студенты, на ранних этапах мониторинга непосредственно не рассматривалась. Однако для нас ориентиром служили результаты исследований, проведенных в 1997 г. социологами Нижнетагильского государственного педагогического института (руководитель В. Т. Шапко) и Уральского профессионально-педагогического университета (руководитель Л. Ф. Беликова)¹.

На тот период времени, по самооценкам студентов НТГПИ, величина их свободного времени в будний день составляла около 2,5 часов, а в выходной день — более 5 часов. Но это — в среднем.

¹ Шапко В. Т., Барыбина Н., Кулаков В., Рагозина О., Черноусов И. — опрос студентов I — III курсов по вероятностной выборке; Беликова Л. Ф., Катаева А. А., Кузнецова И. А. — квотная выборка; использован метод самофотографии, саморегистрации затрат времени студентов.

Исследование бюджетов времени студентов УГППУ позволило выявить три группы, располагающие различным объемом свободного времени:

- респонденты, составившие первую группу, ежедневно имели 5–6 часов свободного времени. Это были, как правило, студенты, живущие недалеко от места учебы, не имеющие семьи и детей и не занятые работой после учебы;
- ко второй группе относились студенты, свободное время которых составляло 2–3 часа в сутки, им удавалось оптимально сочетать учебную и внеучебную деятельность;
- третью группу составляли студенты, у которых практически не было свободного времени по ряду причин: занятость учебой (сказывался напряженный график занятий), семейные заботы (для определенной части студентов).

Конечно, дефицит времени у этой группы студентов оказывал стрессогенное влияние на личность студента, создавал особую напряженность жизни. При этом для многих проблематичным оказывалась организация, регламентация и саморегуляция своей деятельности, постановка нетрадиционных целей, освоение за студенческие годы какого-то нового дела параллельно с учебой.

В 1997 г. среднее соотношение между этими тремя группами студентов составляло 1 : 6 : 3. На протяжении последующих этапов мониторинга выявилась устойчивость и самих выделенных групп, и их примерное соотношение в структуре респондентов.

На VII этапе мониторинга авторский коллектив вновь вернулся к анализу данной проблемы. Однако структура бюджета времени оценивалась по другой шкале (табл. 120).

Таблица 120

Распределение времени досуга в целом по массиву и в зависимости от пола респондента, 2016 г., % от группы

Вариант ответа	Мужской	Женский	Массив
Менее 1 часа	3	8	6
От 1 до 2 часов	14	19	17
От 2 до 3 часов	36	37	37
От 3 до 6 часов	31	28	29
Более 6 часов	16	9	12
Среднее	3,7	3,1	3,4

Примечание. Пропуски: 91 из 1827 (5,0 %). Коэффициент Эта (зависимая кол. в столбцах) [0...1]: 0,159. Вероятность ошибки (значимость): 0,000.

Как видим, каждый четвертый студент испытывает явную нехватку свободного времени. При этом численность крайних (минимум-максимум сво-

бодного времени) групп практически не изменилась. В гендерном плане женщины имеют заметно меньше свободного времени, чем мужчины. При этом доля средних групп различается несущественно, статистически значимые отличия — по крайним группам (различие в 1,5 раза, для ограниченного ресурса существенно меньше мужчин, для максимального — более шести часов — тоже в 1,5 раза, но уже меньше женщин).

Весьма информативен анализ бюджета свободного времени в зависимости от профиля подготовки респондентов (табл. 121).

Таблица 121

Распределение времени досуга в зависимости от профиля подготовки респондента, 2016 г., % от группы

Значение	Профиль подготовки			
	гуманитарный	социально-экономический	естественно-научный	технический
Менее 1 часа	6	4	9	5
От 1 до 2 часов	18	19	25	12
От 2 до 3 часов	40	37	32	35
От 3 до 6 часов	27	32	23	32
Более 6 часов	10	9	12	16
Среднее	3,2	3,3	3,1	3,7

Очевидно, что наиболее «загруженными» оказались студенты естественно-научного направления (треть из них отметила, что их свободное время не превышает двух часов). Парадоксально, что максимальным свободным временем располагают «технари»: среди них лишь один из шести отметил ограниченность временного ресурса для досуга двумя часами, но столько же отметили и максимальное количество имеющегося свободного времени (более 6 часов).

Время студенчества в общественном сознании ассоциируется с самым счастливым временем в жизни человека во многом благодаря насыщенному, интересному досугу. Только в этот период свобода от «взрослых» обязанностей вызывает целый ряд других свобод: свободу переездов, свободу общения, свободу выбора вида деятельности.

Важный индикатор проблемы досуга — удовлетворенность личности своим досугом. Степень удовлетворенности целенаправленно изучалась на всех этапах мониторинга начиная с 1999 г., что позволяет представить данные в динамике. Конечно, нельзя неудовлетворенность досугом, как и любую форму неудовлетворенности, оценивать однозначно. Ведь это всегда дробь, в числителе которой полученный результат, а в знаменателе — запросы.

Удовлетворены ли студенты тем, как они проводят свое свободное время, отражено на рис. 205.

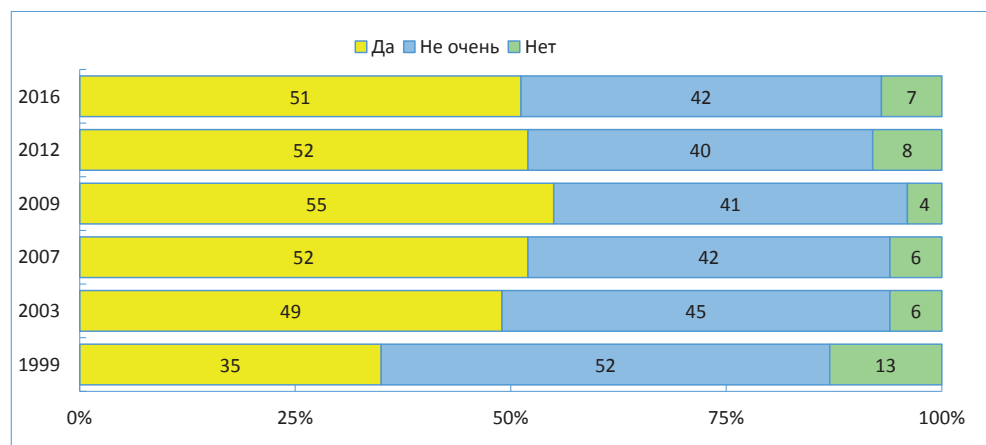

Рис. 205. Степень удовлетворенности студентов проведением свободного времени в динамике, % от группы

Итак, уже в 1999 г. не менее трети респондентов отмечали свою удовлетворенность тем, как они проводят свой досуг. Но преобладала (в ответах каждого второго) средняя оценка — «не очень». Сопоставление ответов «да» и «нет» позволило рассчитать индекс удовлетворенности, представленный в табл. 122–123.

Таблица 122

Удовлетворены ли вы тем, как проводите свободное время, 1999 г., % от группы?

Варианты ответа	Направление подготовки				Пол		Массив
	гуманитарное	экономическое	естественно-научное	техническое	мужской	женский	
Да	36	35	32	38	41	30	35
Не очень	51	53	55	50	48	56	52
Нет	13	12	13	12	11	14	13
Индекс	+0,23	+0,23	+0,19	+0,26	+0,30	+0,16	+0,22

II этап мониторинга показал, что в группах по профилю обучения от среднего уровня отклоняются лишь «технари» (у них он значительно выше) и «естественники» (у них он ниже). Это удивительным образом коррелирует с данными о бюджете времени, полученным спустя почти 20 лет. Ана-

логичным образом индекс удовлетворенности у мужчин вдвое выше, чем у женщин.

Таблица 123

Удовлетворены ли вы тем, как проводите свободное время, 1999 г., % от группы

Вариан- ты от- вета	УГТУ	УГЛТА	УрГУ	УрГППУ	УГМА	УГАХА	УрГЭУ	НТГПИ	Массив
Да	40	35	39	32	39	30	28	24	35
Не очень	51	51	49	51	49	57	58	56	52
Нет	9	14	12	17	12	13	14	20	13
Индекс	+0,31	+0,21	+0,27	+0,15	+0,27	+0,17	+0,14	+0,04	+0,22

Начиная с 2003 г., каждый второй респондент отмечал, что он удовлетворен своим досугом. Причем эта удовлетворенность носила и носит устойчивый характер.

Колеблется, но остается в пределах 4–8 % доля тех, кто не удовлетворен своим досугом. Интересно существенное (в два раза) сокращение этой группы в период между 1999 и 2003 гг. Вероятно, оно свидетельствовало о расширении возможностей и увеличении разнообразия в досуговой сфере студенческой молодежи. В целом мы наблюдали позитивную тенденцию в оценках студентами своего досуга.

В 2003 г. было обращено внимание на то, что существовало значительное различие в оценках досуга студентами, жившими в общежитии и с родителями. Вероятно, менее устроенный по сравнению с домашним быт общежития и необходимость самообслуживания являлись теми факторами, которые предопределили разницу в оценках полной удовлетворенности досугом. Остаются значимыми эти факторы и в жизни современного студента.

Еще одно важное отличие, выявленное в 2003 г., касалось влияния гендерного фактора на оценки удовлетворенности. На III этапе не были зафиксированы отличия в оценках удовлетворенности своим досугом юношей и девушек. Ситуация отличалась от результатов исследования 1999 г., когда полностью были удовлетворены своим досугом один из четырех юношей, но только одна из трех девушек. В 2003 г. удовлетворенность досугом студенток возросла более чем в 1,5 раза. Кроме того, было зафиксировано и существенное различие оценок самих девушек в зависимости от вуза. Так, студентки УГЛТА и УрГЭУ в 2 раза чаще были полностью удовлетворены досугом, чем студентки УрГППУ. Впрочем, большая удовлетворенность мужчин своим досугом — скорее свидетельство скромности их запросов. И, напро-

тив, меньшая, чем в среднем по массиву, удовлетворенность своим досугом студентов, проживающих в общежитии, говорит о неправомерности недооценивать реальные условия проведения досуга.

В 2003 г. были выявлены и значительные различия в удовлетворенности досугом студентов с разным брачным статусом. Женатые и замужние студенты в меньшей степени были удовлетворены своим досугом (39 %). Вероятно, сказывалась их большая занятость по сравнению с другими категориями студентов. В группе женатых (замужних) студентов и студентов, живущих гражданским браком, наблюдалось наибольшее число недовольных своим свободным временем. Хотя их процент невелик (8 и 9 % соответственно), он, тем не менее, в 1,5 раза превышал аналогичную оценку холостых (незамужних) студентов (6 %). Сказывались, видимо, тяготы семейной жизни, независимо от того, официальный брак или нет.

Современные социально-экономические условия вынуждают многих студентов совмещать учебу с работой. В 2009 г. было сделано сравнение степени удовлетворенности досугом в зависимости от того, работает студент или нет. На тот период 40 % опрошенных постоянно или время от времени подрабатывали. Исследователей интересовал вопрос: в ущерб чему работа студента — учебе или досугу (табл. 124)?

Таблица 124

**Корреляция работы и степени удовлетворенности досугом студента,
2009 г., % от ответивших**

Удовлетворены ли вы тем, как проводите свободное время?	Наличие работы	
	Есть	Нет
Да	58	53
Отчасти	39	42
Нет	3	5

Как видим, факт работы студента не влиял на степень удовлетворенности им своим досугом. Косвенным образом это подтвердило предположение о том, что студент, совмещая учебу с работой, приносит в жертву не свое свободное время, а учебу.

Отрадно, что с годами качество досуга студента росло. Этому есть простое объяснение: росло качество жизни студента в целом и, несмотря на кризисные явления 2008 и 2014 гг., в целом выросло материальное благополучие студента. В 2009 г. исследователями была зафиксирована прямая зависимость между удовлетворенностью досугом и материальным положением семьи студента (чаще всего семьи родителей, материально обеспечивавшей его, — табл. 125).

Таблица 125

**Зависимость удовлетворенности досугом от материального положения студента,
2009 г. % ответивших**

Удовлетворенность досугом	Материальное положение семьи		
	хорошее	среднее	плохое
Да	67	53	44
Отчасти	30	43	48
Нет	3	4	8

«Бедные» студенты вполнину реже оказывались довольными и в два раза чаще недовольными досугом по сравнению с «богатыми». Эта же тенденция сохранилась и в 2012, и в 2016 гг.

В 2012 г. наметился новый тренд, связанный с гендерными различиями в удовлетворенности досугом. Впервые за все время мониторинга среди удовлетворенных досугом девушек оказалось чуть больше, чем юношей (в 1,1 раза).

Сохранилась тенденция, когда были наименее удовлетворены своим досугом «естественники» (в полтора раза ниже, чем в среднем). Это отразилось и в характере удовлетворенности досугом студентов разных вузов города (рис. 206).

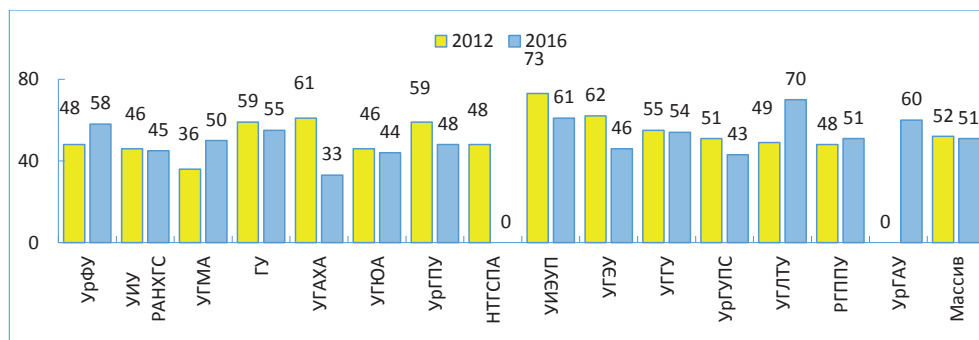

Рис. 206. Удовлетворенность тем, как проводят свой досуг, по вузам, ответы «да», 2012–2016 гг.

С учетом возрастного состава (в негосударственных вузах учатся студенты более старших возрастных групп) было отмечено, что в большинстве вузов удовлетворенность респондентов своим досугом оказалась близкой к средней.

Представить в полной мере досуг современного студента поможет анализ обстоятельств, мешающих ему удовлетворить свои досуговые запросы.

Предпринятый в исследовании факторный анализ позволяет выявить основные трудности, препятствующие проведению свободного времени студентов в соответствии с их интересами и наклонностями. Ведь в конечном счете свободное время по определению — это время, которым человек может свободно распоряжаться. В какой же мере «свободно» свободное время студентов?

Начиная с 1999 г. на всех последующих этапах мониторинга факторы, влияющие на проведение студентами досуга, выявлялись с помощью вопроса «Что мешает проводить свой досуг так, как хотелось бы?» (рис. 207).

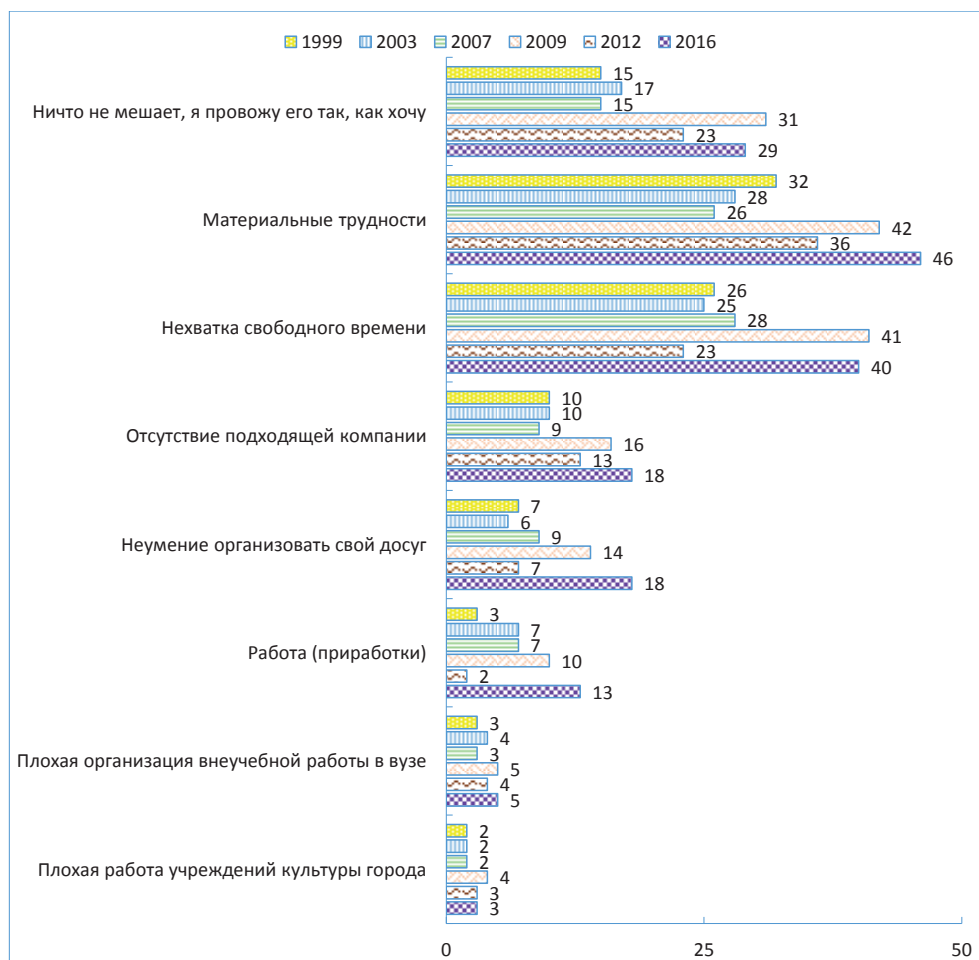

Рис. 207. Факторы, мешающие студентам проводить досуг так, как им хотелось бы, 1999–2016 гг., % от группы

Рубежным в определенной мере можно считать 2009 г. До этого лишь один из шести респондентов отвечал, что ему ничто не мешает, и он проводит свой досуг так, как хочет. В 2009 г. такие ответы дал каждый третий, в 2012 г. — каждый четвертый, в 2016 г. — вновь каждый третий. Аналогичная рубежность проявилась и в отношении двух основных «мешающих факторов»: материальных трудностей и нехватки свободного времени. До 2009 г. ссылка на материальный фактор даже снижалась, в 1999 г. — каждый третий, в 2007 г. — каждый четвертый. В 2009 г. выявился вновь резкий скачок (два из каждых пяти), в 2012 г. — некоторое снижение и опять значительный рост в 2016 г., когда этот фактор отметил почти каждый второй.

Любопытно, что эта же тенденция характеризует и значимость такого фактора, как нехватка свободного времени. В период 1999–2007 гг. ее отмечал каждый четвертый, в 2009 г. — значительный рост (два из каждых пяти), возврат в 2012 г. на предыдущий уровень (каждый четвертый), и вновь в 2016 г. такую оценку дали каждые два из пяти респондентов.

Выясняется интересная особенность студенческого восприятия кризисных явлений. В разделе о социальном самочувствии студентов уже отмечалось, что в материальном отношении студенты не очень заметили влияние кризиса 2008 г., да и кризис 2014 г. воспринимался ими не особенно остро. Но именно досуг, свободное время, характер и формы его проведения показали существенное влияние этих кризисов на студентов. Своеобразный возврат в оценках в 2012 г. и обратный откат в 2016 г. к оценкам кризисного 2009 г. подтверждает этот вывод.

Среди тех, кто не называет факторов, мешающих желаемому проведению досуга, чаще всего были «технари», мужчины. Напротив, чаще называли такие факторы женщины, особенно семейные студентки (при этом особой роли не играло, зарегистрирован их брак или нет).

На V этапе (2009 г.) авторами была рассмотрена взаимосвязь удовлетворенности досугом и факторов, мешающих его проведению так, как хотелось бы респонденту. Этот опыт оказался не только информативным, но и уникальным на всех этапах мониторинга. Выявилось, что в группе тех, кто полностью удовлетворен своим досугом, главная его помеха — нехватка свободного времени, а вот тех, кто не удовлетворен полностью либо отчасти своим свободным временем, — материальные трудности. Тем самым подтвердился вывод, что молодому человеку для его удовлетворения досуговых запросов часто требуются только деньги (табл. 126).

II этап мониторинга (1999 г.) дал возможность проранжировать основные факторы, препятствующие желаемому проведению досуга (в порядке убывания):

1. Материальные затруднения.
2. Коммуникативные, межличностные факторы (отсутствие подходящей компании).

3. Личностные (неумение организовать свой досуг).
 4. Организационные (плохая организация внеучебной работы в вузе, неудовлетворительная работа культурных учреждений города).

Таблица 126

Распределение мнений о том, что мешает досугу в группах с разной удовлетворенностью досугом, 2009 г., % ответивших

Что мешает проводить досуг так, как хотелось бы?	Степень удовлетворенности досугом		
	да	не очень	нет
Ничто не мешает, я и провожу его, как хочу	51	8	2
Неумение организовать свой досуг	6	25	18
Отсутствие подходящей компании	8	25	31
Материальные трудности	28	60	61
Работа (приработки)	10	10	13
Нехватка свободного времени	36	47	49
Плохая организация внеучебной работы в вузе	3	7	16
Плохая работа учреждений культуры города	2	6	7

Примечание. Коэффициент Крамера 0,3.

Заметно, что этот ряд за годы мониторинга при всех колебаниях конкретных значений того или иного фактора существенных изменений не претерпел.

Самый влиятельный фактор — материальный (в 2012 г. его отметил каждый третий респондент, в 2016 г. — почти каждый второй). Его воздействие сказывается, прежде всего, на содержании досуговых занятий, их культурной направленности. Напомним, что на отсутствие денежных средств для посещения выставок, концертов, спектаклей указало более половины респондентов. Материальный фактор занимает ведущую позицию во всех подмассивах, но проявляются и некоторые различия. Наибольшие материальные затруднения испытывают студенты технических специальностей. Особенно значимы они для семейных студентов и студентов, проживающих в общежитии (что связано с их общим более низким материально-бытовым статусом).

Роль материального фактора изучалась начиная с I этапа мониторинга (1995 г.), когда авторский коллектив заинтересовали расходы на досуг в общей структуре расходов студентов. Статья «Досуг» тогда занимала вторую после питания рейтинговую позицию (табл. 127).

Таблица 127

Индекс расходов по разным статьям бюджета студентов, 1995 г.

Статья расходов	Индекс*	Ранг
Питание	2,64	I
Досуг	2,12	II
Покупка одежды	2,11	III
Оплата жилья	1,52	IV

*Индекс рассчитан по формуле средней арифметической взвешенной. Каждому из значений признака присвоен определенный цифровой коэффициент: «трачу в основном» — 3; «трачу, если останется» — 2; «не трачу на это» — 1. Значение оценки интерпретируется в интервале от 1 до 3.

Большая удовлетворенность юношей своим досугом получила материальное подтверждение: индекс их затрат на досуг выше (2,17), чем у девушек (1,98). Понятнее стала и большая удовлетворенность «технарей» (индекс 2,19) в сравнении с «естественниками» (2,08).

Рассматриваемый показатель был проанализирован и относительно студентов разных вузов Екатеринбурга. Все вузы города сгруппированы по этому критерию в 2 группы:

- I группа — вузы, студенты которых сравнительно много тратят на досуг (больше, чем в среднем по массиву);
- II группа — вузы, студенты которых сравнительно мало тратят на досуг (меньше, чем в среднем по массиву). Индексы приведены в табл. 128.

Таблица 128

Группировка респондентов в зависимости от вузов и размера затрат на проведение досуга, 1995 г., индексы затрат

I группа (больше среднего)	II группа (меньше среднего)
УГГГА (2,21)	УГЮА (2,11)
УрГУ (2,19)	УГПУ (2,10)
УГТУ (2,16)	УГЭУ (2,01)
УГМИ (2,13)	УАХИ (1,98)

Примечание. См. примечание к табл. 127.

Лидерство в этом списке горной академии объяснялось корреляцией с изучаемыми факторами: конкретно в этом вузе обучались мужчины-технари. Что касается остальных вузов, то их ранговые позиции в представленном перечне объяснялись, очевидно, не только этими двумя факторами. Влиял и статус вуза, и его место в культурной жизни города, и удаленность от центра города, и специфика набираемого контингента студентов. Уровень рас-

ходов студентов на сферу досуга коррелировал и со степенью их удовлетворенности проведением свободного времени.

К сожалению, изменение методики анализа материального положения студентов не позволило на последующих этапах продолжить изучение места затрат на досуг в структуре бюджета студентов.

В 1999 г. наибольшие материальные затруднения испытывали студенты технических специальностей — из УГТУ, УГЛТА, УГЭУ и НТГПИ. Особенно значимы они были для семейных студентов и студентов, проживавших в общежитии (что связано с их общим более низким материально-бытовым статусом).

В 2003 г. меньше всего помех в проведении досуга предпочитаемым способом испытывали студенты экономического университета (каждый четвертый считает, что помех нет) и лесотехнической академии. Можно предположить, что первые в силу больших возможностей, а вторые — меньших потребностей чаще бывают довольны тем, как они проводят свое свободное время.

Из факторов, мешающих проводить досуг так, как хотелось бы, все студенты указывают в первую очередь на материальные трудности и нехватку свободного времени. На этапе 2003 г. проявился интересный момент: среди тех, кто чаще других ссылаясь на материальные трудности, оказались студенты УрАГС, чье материальное положение по их самооценкам было достаточно высоким. Очевидно, в данном случае материальные трудности были связаны с высокими требованиями этих студентов к качеству досуга либо с их стремлением к высокозатратным формам досуговых практик. В дальнейшем с этой тенденцией столкнулись и в других вузах Свердловской области.

На этапе 2007 г. наибольшие материальные затруднения в организации своего досуга испытывали студенты УГЛТУ, УГАХА и УрГУПС. Позитивные изменения по этому параметру отметили студенты УГТУ.

Этап 2009 г. показал, что чем хуже материальное положение студента, тем больше в недостатках своего досуга он винил именно материальные трудности (табл. 129).

Таблица 129

**Корреляция мнений о том, что мешает досугу,
с материальным положением студентов, 2009 г., % ответивших**

Что мешает проводить досуг так, как хотелось бы?	Материальное положение семьи		
	хорошее	среднее	плохое
Ничто не мешает, я и провожу его, как хочу	42	29	20
Неумение организовать свой досуг	13	15	13
Отсутствие подходящей компании	16	16	16
Материальные трудности	24	46	62

Окончание табл. 129

Что мешает проводить досуг так, как хотелось бы?	Материальное положение семьи		
	хорошее	среднее	плохое
Работа (приработки)	9	10	14
Нехватка свободного времени	34	41	48
Плохая организация внеучебной работы в вузе	5	4	9
Плохая работа учреждений культуры города	2	5	4

На VII этапе многие ранее выявленные тенденции, касающиеся материального фактора желательного проведения досуга, повторились. Поэтому обратим внимание на некоторые наиболее заметные особенности: первая среди них — чаще всего на эти трудности ссылались студенты частных вузов (55 % при среднем показателе 46 %), но реже всех — студенты-контрактники государственных вузов (42 %). Практически нивелировались оценки материального фактора в ответах респондентов разных направлений обучения: разрыв между «естественниками» (43 %) и «технарями» (50 %) по данному параметру, сохранявшийся на протяжении всего мониторинга, заметно сократился. Медианное положение гуманитариев (45 %) и экономистов (44 %) сохранилось. Существенно сблизились и оценки данного фактора юношами (48 %) и девушками (45 %).

Следующий по значимости препятствующий фактор (в 2009 г. его отметили двое из пяти студентов, в 2012 г. — каждый четвертый, в 2016 г. — вновь двое из пяти) сводится к банальной и одновременно серьезной проблеме — нехватке свободного времени. В большей мере это характерно для студентов естественно-научного профиля. Одна из причин (по определению самих респондентов) — необходимость совмещать учебу с работой.

В 2003 г. каждый десятый студент РГППУ указывает на дополнительную работу как помеху своему досугу. В этом моменте студенты вузов заметно отличаются друг от друга: от 3–4 % в УрАГС и УГЛТА до 8–10 % в УрГПУ и РГППУ. То, что студенты педагогических университетов показывают большую занятость приработками, по-видимому, закономерно. Преимущественно женский и иногородний контингент этих вузов, по вполне понятным причинам испытывающий материальные трудности в процессе обучения, очень часто вынужден совмещать учебу с работой. В этом случае страдательной позицией оказывается досуг.

Девушки почти в два раза чаще, чем юноши, нуждаются в подходящей компании для досуга и в два раза более недовольны организацией внеучебной работой в вузе. Молодые люди в полтора раза чаще указывают на работу как на фактор, мешающий проведению досуга так, каким хотелось бы.

Уже в 1999 г. было впервые выявлено, что самый высокий удельный вес ссылок на нехватку свободного времени был характерен для «гуманитариев». Одновременно она была определена как один из самых неблагоприятных факторов для семейных студентов. И эти выводы оказались справедливыми для всех последующих этапов мониторинга.

На III этапе (2003 г.) мониторинга было выяснено, что самую большую нехватку свободного времени обнаруживали студенты УрГУ (каждый третий). Кроме ранее проявивших себя тенденций, выявились и два любопытных нюанса. Первый касается влияния семейных уз. Оказалось, что те, кто живет в незарегистрированном браке, ощущают большую нехватку свободного времени (каждый третий в группе), чем не только холостые (и незамужние), но и состоящие в узаконенном браке (в этих двух группах на такую нехватку ссылался лишь один из четырех). Второй нюанс касается влияния места жительства: студенты, проживающие в общежитии, ощущают эту нехватку в меньшей степени, чем живущие с родителями. Очевидно, в последнем случае сказывались солидные затраты времени на переезды (студенческие городки территориально ближе к вузу) и выполнение домашних обязанностей, которые «общежитские» могут часто игнорировать.

Важное место в ранговой шкале на протяжении всего мониторинга занимали коммуникативные, межличностные факторы. Особенно распространенной была неудовлетворенность узостью круга общения («нет подходящей компании»). Уже в 1999 г. на это ссылался каждый десятый участник опроса, а в 2009 г. — каждый шестой респондент, в 2016 г. — каждый пятый.

Традиционно отмечалась, что большая избирательность в общении свойственна студенткам, а также представителям социально-экономических специальностей. Примечательное наблюдение в процессе мониторинга: среди студентов, реже других ссылающихся на отсутствие «подходящей компании», семейные студенты, а также студенты, проживающие в общежитии.

В число значимых факторов попадает и отсутствие у студентов навыков планирования своего свободного времени.

В 1999 г. на неумение организовать свой досуг чаще ссылались студенты педагогического и технического университетов, самым незначимым этот фактор оказался для студентов УАГХА.

В 2003 г. эта проблема оказалась наиболее актуальной для студентов УрГПУ (на нее указал почти каждый десятый).

В 2007 г. стал заметен гендерный аспект во влиянии этого фактора: на неумение организовать свой досуг чаще ссылались юноши. Различия между студентами различных вузов по этому параметру на IV этапе оказались минимальными, чуть чаще других это отмечали студенты УГАХА. И это как раз тот случай, когда интерпретировать полученные результаты внешнему наблюдателю достаточно сложно.

В 2012 г. на неумение организовать свой досуг чаще ссылались студенты естественно-научного направления, по остальным параметрам существенных различий выявлено не было.

В 2016 г. гендерный аспект был полностью нивелирован. По профилю образования в 1,5 раза реже других отмечали этот фактор «естественники», несколько чаще других — «гуманитары» и «технари». Неумение организовать свой досуг оказалось существенным фактором более всего для студентов частных вузов (29 % ответов против 18 % ответов бюджетников и в среднем по массиву). Очевидно, с этим было связано то, что именно в Гуманитарном университете доля отметивших данный фактор оказалась наивысшей в группе — 38 % — вдвое больше, чем в среднем по массиву. Достаточно высокой доля отметивших этот фактор зафиксирована среди студентов УрГЮУ (каждый третий), УГЛТУ, УГАХУ и УрГУПС (каждый пятый). Примечательно, что на VII этапе мониторинга (2016 г.) студенты педагогических вузов, особенно УрГПУ, отмечали значимость этого фактора гораздо реже, чем на предыдущих этапах.

На удовлетворенность досугом влияют и организационные факторы: работа культурно-досуговых городских центров и организация внеучебной работы в вузах. Позитивный момент всех этапов мониторинга — они крайне редко отмечаются как негативные факторы. Это, безусловно, можно рассматривать как положительную оценку студентами деятельности городских учреждений культуры и постановки внеучебной работы в вузах.

За все время мониторинга лишь в 1999 г. студенты НТГПИ высказались о работе городских культурно-досуговых центров критически. Это было связано с тем, что в условиях значительной концентрации учреждений культуры в Екатеринбурге, даже в таком крупном городе, как Нижний Тагил, молодежи далеко не всегда удавалось в полной мере удовлетворить свои культурные запросы.

О недостатках в организации внеучебной работы в вузах студенты высказывались крайне редко. За все время мониторинга ни на одном этапе число респондентов, отмечавших данный фактор, не превышало 5 %.

Чаше других неудовлетворенность организацией внеучебной работы отмечалась студентами, проживающими в общежитии. Скорее, это — даже не неудовлетворенность реальным уровнем ее организации, а своеобразное пожелание — необходимо перенести центр внеучебной работы со студентами в общежитие.

Конечно, приведенные данные не могут адекватно отражать эффективность внеучебной работы в вузе, которая напрямую связана с организацией культурно-досуговой деятельности студентов. Очевидно, что это связано в первую очередь не столько с тем, что студенты считают эту работу хорошо организованной, сколько с тем, что студенты чаще проводят досуг вне вуза.

Таким образом, молодежный досуг достаточно автономен от социокультурных условий. Состояние инфраструктуры культурной сферы ни города, ни вуза практически не влияет на удовлетворенность досугом. Вероятно, сказывается и преобладание в досуге студентов стихийных, неорганизованных форм его проведения.

Но от каких факторов зависит структура студенческого досуга? В этой связи представляется важным проанализировать, из каких источников студенты получают информацию о студенческой жизни — основного детерминанта досуговых практик. В рамках мониторинга важный аспект информационной культуры студенчества — значимость разных источников информации в их студенческой жизни — получил достаточное освещение.

По данным общенационального исследования 1998 г.¹, недостаток информации при решении своих проблем испытывали 70 % молодых россиян. Это выдвинуло проблему развития информационной культуры студентов как одну из наиболее важных и актуальных.

При всем многообразии информационных интересов студенчества есть одна проблема, которая не может волновать их больше всего, — это информация о студенческой жизни. Какие же каналы получения данной информации для студентов наиболее значимы? Какие изменения в данном отношении произошли за годы мониторинга?

Изучение этих проблем началось с 1995 г. и на первых четырех этапах проходило по единому инструментарию (табл. 130).

Таблица 130

Источники информации о студенческой жизни (в динамике), % от числа респондентов

Источники	1995	1999	2003	2007
Общение студентов между собой	87	86	87	85
Объявления у деканатов, кафедр	60	48	49	43
Рекламные щиты, объявления	45	39	23	25
Листовки, стенгазеты	7	8	13	20
Вузовская, факультетская многотиражка	5	6	10	15
Информационные конференции, собрания	7	2	3	4
Беседы с преподавателями, кураторами	16	16	10	14
Внутривузовское радио, телевидение	3	2	3	5

Полученные результаты отражают устойчивость системы информирования студентов: практически и структура распределения ответов, и количе-

¹ Положение молодежи в Российской Федерации и государственная молодежная политика : государственный доклад [Электронный ресурс] / отв. ред. В. А. Луков, Б. А. Ручкин. — М., 1998. — С. 2. — Режим доступа: udocs.exdat.com/docs/index-355259.html (дата обращения: 09.09.2016).

ственные показатели по каждому из параметров за 12 лет мало изменились (студенты-участники опроса 1995 г. проявили лишь бóльшую активность в ответах на вопросы).

Ведущее значение в информировании студентов о студенческой жизни сохранило межличностное общение. Это и позитивно (отражается довольно значительные в студенческой среде масштабы «информационного резонанса») и негативно (по критериям достоверности, полноты и объективности передаваемой студентами друг другу информации). Сохранили свою позицию второго по значимости канала информирования студентов объявления у деканатов, кафедр, хотя степень этой значимости заметно (в 1,4 раза за 12 лет) уменьшилась.

Аналогичная тенденция характерна и для оценок роли рекламы как средства информирования студенчества. Она сохранила третью позицию по значимости. Очевидно, сказалось столь важное свойство рекламы, как наглядность. Возросло влияние рекламы и потому, что в результате (и как отражение) развития рыночных отношений существенно возросло ее качество. Ответы студентов позволяют наметить в данном отношении и определенные перспективы: респонденты отдают предпочтение более конкретной рекламе, размещаемой у деканатов и кафедр, в сравнении с общеинститутской рекламой. И все-таки число респондентов, отмечающих информационное воздействие на них внутривузовской рекламы, за 12 лет резко (почти вдвое) сократилось.

Лишь частично подтвердилось нередко высказываемое мнение, что в современных условиях во многом разрываются межличностные связи между преподавателями и студентами: в основном устойчиво на всех этапах мониторинга (лишь в 2003 г. респонденты отмечали это реже) для каждого шестого студента общение и беседы с преподавателями оставалось одним из важных каналов информирования. И это — еще одно доказательство необходимости дальнейшего развития внеучебной работы в вузах.

Наибольший разброс в оценках — и это вполне объяснимо — в отношении таких внутривузовских средств информирования, как многотиражки и стенгазеты, радио и телевидение:

- наибольший интерес к вузовскому радио и ТВ — у студентов УГТУ (хотя и у них эти источники занимают в их «информационном поле» не очень значимое место);
- относительно значимое место в информационном поле студентов УГЛТА и УрГУ занимает вузовская, факультетская многотиражная газета. К сожалению, несколько снизилась ее роль в УГТУ (факт появления на нескольких факультетах УГТУ своих газет пока серьезного влияния на оценки студентов не оказал);
- рекламные щиты и объявления в холлах, вестибюлях, переходах наиболее информационно значимы для студентов УГАХА (сказывается

профессиональная направленность), УрГППУ и УГТУ; объявления у деканатов, кафедр — для студентов УрГЭУ, УрГУ и НТГПИ.

В ряде вузов за эти 12 лет были созданы и начали активную работу общеинститутские информационные центры. Такая координация поможет более полному использованию всего потенциала информирования студенчества и создаст предпосылки для организации общегородского (областного?) студенческого информационного центра. Первый шаг к нему — создание общегородской студенческой газеты или журнала, общегородского студенческого радио- или телеканала, за что высказалось большинство участников опроса еще в 1999 г.

За 1995–2007 гг. стали значимее как канал информации листовки и стенгазеты. Их главное преимущество — оперативность, особо участники опроса 2003 г. отметили интерес к стенгазетам стройотрядов и к юмористическим стенгазетам. За этими оценками — важный момент: для студентов важна не только (и даже не столько) содержательная сторона информации, но и форма ее подачи, обращенность этой информации к нему лично.

С целью конкретизировать представления студентов об источниках информации в 2007 г. в анкету был включен блок вопросов о межвузовской студенческой газете «Студик». Опрос показал:

- большинство студентов (семь из десяти) знакомы с этой газетой. Особенно хорошо знают газету студенты УрАГС (94 %), хуже всех с газетой знакомы студенты НТГСПА (23 %) и ГУ (44 %);
- большинству читающих ее (четверым из каждых пяти) нравятся отдельные материалы, все в газете нравится лишь каждому десятому. Но невелико (8 %) и число читателей газеты, которым в ней не нравится ничего;
- скептически отнеслось значительное число студентов к возможности платного приобретения газеты — трое из каждых четырех полностью отвергли такую возможность, лишь один из пяти соотнес это с доступной ценой газеты, только 4 % готовы покупать ее.

В 2009–2012 гг. использование прежнего инструментария сохранилось. Частично оно оказалось информативным. Вновь подтвердилось, что основная референтная группа для студентов — друзья, сокурсники. Именно они и являются самым достоверным, важным и значимым источником информации. 68 % опрошенных узнают о событиях в студенческой жизни из общения между собой. Второй источник информации также был ожидаем исследователями — это объявления у деканатов и кафедр. Это давно сформированная и отлаженная система коммуникации по всем — и учебным, и внеучебным — сферам жизни вузов. Но значимость его, по мнению студентов, в 2,5 раза ниже, чем информация, полученная в результате их общения между собой. Третьим по важности, практически равным предыдущим (27 % ответов) источником информации студентам представляются беседы с преподавателями

и кураторами академических групп. И это было заметное улучшение по сравнению с предыдущими этапами мониторинга. Одно из возможных объяснений — возрождение и заметная активизация в 2000-х гг. внеучебной, воспитательной работы в большинстве свердловских вузов. Сохранился заметный интерес студентов к листовкам и стенгазетам: большой самиздатовский формат, регулярно появляющийся на одном и том же месте, ожидаем и заметен на факультетских стенах; сами студенты являются их авторами, а потому интерес вызывает не только то, что изложено в стенгазете (а в большинстве случаев речь идет о событиях, непосредственно касающихся студентов), но и то, как это удалось товарищам по студенческой скамье.

Однако одновременно выявилось и серьезное отставание нашего инструментария от реальных процессов восприятия студентами информации. В эпоху «информационного взрыва» обилие печатной рекламы уже начинало вызывать неосознанное чувство ее отторжения. Этим же можно было объяснить и низкий процент, отданный третьекурсниками многотиражкам вузовского и факультетского уровня, а также работе вузовского радио и телевидения (12 и 7 % соответственно). Не позволял устаревший инструментарий также учесть качественно новые каналы информации, связанные с развитием Интернета и социальных сетей.

С целью устранить возникшее в ходе мониторинга противоречие на VII этапе (2016 г.) вопрос был кардинально переработан (табл. 131).

Таблица 131

**Оценка значимости источников информации о студенческой жизни,
2016 г., % от группы**

Источники	От наименее значимо до максимально значимо				
	1	2	3	4	5
Общение студентов между собой	4	4	14	27	52
Интернет — социальные сети	8	6	15	25	46
Интернет — специализированные сайты	15	11	20	28	26
Объявления у деканатов, кафедр	12	13	26	27	22
Рекламные щиты, объявления	20	16	32	19	13
Беседы с преподавателями, кураторами	26	21	27	15	11
«Личный кабинет» студента на сайте вуза	36	17	23	14	10
Листовки, стенгазеты	26	22	25	18	9
Информационные конференции, собрания	36	22	24	13	5
Специализированные печатные издания для молодежи (федеральные, региональные)	47	22	21	7	3

Окончание табл. 131

Источники	От наименее значимо до максимально значимо				
	1	2	3	4	5
Внутривузовское радио, телевидение	55	20	18	5	2
Вузовская, факультетская многотиражка	53	22	17	6	2
Домашнее» телевидение, радио (федеральные и региональные каналы)	48	22	18	10	2

И сегодня сохраняется приоритет межличностного общения, хотя его информационная роль и снизилась. Но под напором современных информационных технологий большинство традиционных каналов заметно утратили свое влияние. Правда, исследование позволило зафиксировать в этом процессе два момента. Один положительный — более половины респондентов отметили информационную значимость для себя общения с преподавателями, кураторами (каждый четвертый подчеркнул важность такого общения). Другой — проблемный. Выясняется, что достаточно значительная часть студентов еще не использует информационные возможности «личного кабинета».

Итак, какова же структура студенческого досуга?

Исследования отражают преобладание в досуге студентов стихийных, неорганизованных форм проведения. Поскольку каждый респондент отмечал несколько наиболее предпочитаемых занятий, можно отметить, что досуг характеризуется комбинаторностью, сочетанием различных занятий и увлечений. Как в целом, так и в отдельных группах модель досуговой деятельности сориентирована в основном на потребление культурных ценностей — «слушаю музыку», «смотрю телевизор», «читаю» и т. п. Большой разброс оценок свидетельствует о том, что рекреативные (отдых) и развивающие формы досуга представлены в равной мере.

Оговоримся, что на всех этапах мониторинга изучались не сами по себе досуговые занятия, а именно предпочтения, т. е. выделение того или иного занятия в сравнении, сопоставлении с другими. Еще одно важное уточнение — при всем желании исследователей сохранить устойчивость предлагаемого респондентам набора занятий само досуговое поведение студентов за эти годы было настолько динамичным, что пришлось вносить коррективы (табл. 132).

Так, с III этапа появился вариант «просто отдыхать, ничего не делать». В известной мере это было связано и с преодолением самими исследователями стереотипа, что досуг должен быть только развивающим и содержательным. То, что каждый пятый респондент (на ряде этапов — каждый четвертый) отдал предпочтение «ничего неделанию» как досуговому занятию,

показало правомерность решения включить в анкету данный вариант. Но информативными (правда, предпочтительными лишь для 3–8 % на разных этапах) были и одновременно включенные варианты — «занятие общественной работой», «занятие художественной самодеятельностью» или включенный лишь в 2016 г. вариант «занятие НИРС», поскольку показали, что эти когда-то достаточно распространенные занятия в структуре досуга современных студентов отодвинулись на периферию их досугового поведения.

С другой стороны, попытка на VII этапе (2016 г.) конкретизировать вариант «занятие с компьютером» лишь подтвердила (но суммарно) четкий тренд превращения данного занятия в приоритетное в студенческом (да и шире — молодежном) досуге. Вполне логично, что в свободное время треть студентов (2012 г.) предпочитала занятия с компьютером — универсальность этого «прибора» в сочетании с Интернетом позволяет реализовать у себя дома практически любую задачу. Это и инструмент общения (а 68 % информации о студенческой жизни передается через общение студентов между собой), и кинотеатр, и музей, и игровое пространство, и всякое другое коммуникативно-познавательное пространство, объединяющее виртуальный и реальный мир.

Компьютер стал настолько неотъемлемым и повседневным атрибутом современного студента, что сама постановка вопроса, идущая из I этапа мониторинга (1995 г.)¹, уже перестала быть информативной.

Таблица 132

Структура досуга студентов в динамике, % ответивших

Досуговые предпочтения	1995	1999	2003	2007	2009	2012	2016
Хобби, любимое дело	25	15	21	21	34	36	43
Выезды на природу, туризм	57	35	36	37	35	36	42
Прослушивание музыки	53	58	52	55	52	42	39
Занятия спортом	49	32	34	35	33	31	39
Посещение театров, кинотеатров, выставок	48	29	28	36	40	30	33
Чтение	51	43	37	41	39	30	30
Самообразование	—	—	—	—	—	21	27

¹ В студенческой среде уже стала банальной фраза о том, что студент радиофака (сегодня это Институт радиоэлектроники и информационных технологий — РгФ УрФУ) за период обучения должен сменить три компьютера. Это говорит о скорости «морального старения» этих устройств.

Окончание табл. 132

Досуговые предпочтения	1995	1999	2003	2007	2009	2012	2016
Занятие сексом, романтические встречи	47	46	38	37	34	30	23
Просто отдыхать, ничего не делать	—	—	22	28	24	25	22
Развлечения в социальных сетях	—	—	—	—	—	—	20
Игра в компьютерные игры, приставки	—	—	—	—	—	—	18
Посещение (организация) вечеринок	52	31	23	23	21	21	16
Просмотр сайтов, занятия интернет-серфингом,	—	—	—	—	—	—	15
Посещение дискотек	—	34	28	23	21	15	12
Заниматься НИРС	—	—	—	—	—	—	6
Просмотр телепередач, видеофильмов, DVD	40	43	29	24	24	13	9
Занятие общественной работой	—	—	3	4	6	8	6
Занятие художественной самодельностью	—	—	3	3	7	8	5
Занятие компьютером	13	17	21	25	30	31	—

Более того, наряду со стационарными компьютерами, в отношении которых ставился вопрос на начальных этапах мониторинга, равноправными «участниками» студенческой жизни стали ноутбуки, планшетные устройства, смартфоны и другие разновидности компьютерных устройств, оказывающие существенное влияние на жизнь социума. Это обусловило необходимость изменить в 2016 г. постановку вопросов и конкретизировать их относительно этого вида досуга. Однако очевидно и другое. Компьютер нередко выступает как источник гиподинамии и во многом как источник разного рода зависимостей. Сегодня много говорится о том, что студенты большую часть времени проводят за компьютером. Но изучение корреляций между разными досуговыми предпочтениями показывает, что приоритетность занятий туризмом и спортом в большинстве вузов сегодня превышает привлекательность

занятий с компьютером. Отметим также, что если за период 1995—2007 гг. на каждом этапе мониторинга доля занятий с компьютером увеличивалась в среднем на 5 % за 4 года, то изменений по сравнению с 2009 г. в 2012 г. не произошло. Видимо, можно говорить о точке «компьютерного перехода», когда ограниченный бюджет времени не позволяет дальше расширять это поле деятельности.

И еще один важный момент проблемы «студенты (молодежь) — компьютеры» — необходимость избегать односторонних оценок. Тут мы во многом солидарны с мнением В. Мединского: «Культурная политика, адресованная молодежи, должна быть яркой, убедительной, по-хорошему агрессивной, модной. И тут не надо брезговать современными средствами продвижения коммуникации. Вот говорят: Интернет — зло. Нет, Интернет — это носитель. Современный, технологичный, всепроникающий. Но — носитель: чем загрузишь, то и несет. Среди молодежи 18—24 лет практически ежедневно заходят в сеть 90 %. Поэтому нам очень важно понимать, чем интересуются в Интернете молодые люди и что мы можем им предложить увлекательного и полезного в области российской культуры и нашего культурного наследия»¹.

Среди других трендов отметим:

- некоторое снижение роли такого досугового занятия, как прослушивание музыки;
- уже в 2003 г. было зафиксировано значительное возрастание процента выбора позиции «хобби», оно продолжилось, и любительские занятия в 2016 г. вышли на первое место среди всех досуговых занятий. Вероятно, в этом выразилось стремление респондентов выйти за рамки того набора занятий, который был предложен исследователями, определить свой индивидуальный способ проведения свободного времени. С учетом данного тренда необходимо уже на следующем этапе дополнить анкетный опрос качественными исследованиями по выявлению новых видов студенческого досуга. Или, осознав устаревание используемого инструментария, существенно обновить его. Именно применительно к студенческому досугу мы особенно ощутили не только достоинства, но и ограниченность мониторинга как метода социологического исследования;
- компьютеризация и индивидуализация досуга определили еще две заметные тенденции. С одной стороны, произошло заметное сокращение коллективно-развлекательных занятий. За годы мониторинга втрое сократилась доля тех, кто отдавал предпочтение вечеринкам как досуговому занятию. Сходным было и сокращение (втрое) тех, кто в свободное время предпочитал посещать дискотеки. С другой стороны, заметно и снижение роли и значения «культурных практик»: чте-

¹ Мединский В. «Иначе Голливуд раздавит все» // Аргументы и Факты. — 2017. — № 21. — С. 3.

ние (за 1995–2016 гг.) — в 1,7 раза, посещение учреждений культуры (театры, кинотеатры, музеи, выставки) — в 1,5 раза, просмотр телепередач — в 4 раза;

- противоречиво изменялись за годы мониторинга предпочтения в отношении активных форм досуга, формирующих здоровый образ жизни: выезды на природу, туризм; занятия спортом. В пятерке приоритетных занятий они сохранили свое место. Но за годы мониторинга наметилась тенденция к медленному снижению доли тех, для кого занятие спортом — приоритетное досуговое занятие: в 2007 г. их было 35 %, в 2009 г. — 33 %, в 2012 г. — 31 %. И тем примечательнее, что в 2016 г. эта тенденция была нарушена. Да и по выездам на природу — после сравнительно длительного периода (1999–2012 гг.), когда удельный вес предпочтений данному виду занятий, резко сократившийся в сравнении с 1995 г., оставался практически неизменным — в 2016 г. возрос;
- сохранилась направленность на потребление культурных ценностей, в то время как креативная функция досуга проявлялась менее ярко. В то же время формы досуга, связанные с отдыхом (рекреативные) и с развитием, проявили себя в равной мере.

Выявились и устойчивые особенности структуры досуга студентов, проживающих в общежитии. Она во многом идентична структуре досуга в целом по массиву. Различия в том, что живущие в общежитии чуть больше времени тратят на индивидуальные культурные занятия (музыка, ТВ, чтение) и спорт, туризм, но реже своих однокурсников, живущих с родителями, посещают учреждения культуры, уделяют время хобби и компьютерным играм.

Определенный отпечаток на досуг студентов накладывает создание самостоятельной студенческой семьи. Семейные студенты значительно реже посещают вечера, дискотеки, вечеринки, уделяют меньше времени занятиям спортом, хобби. Они чаще, чем в среднем, выделяют в структуре досуга просмотр телепередач и занятия сексом («медовый месяц» продолжается и это — здорово; сексуальные отношения становятся более стабильными, устойчивыми).

Проведение свободного времени студентами разных вузов также характеризуется некоторыми особенностями.

Учет этих особенностей позволит скорректировать внеучебную и культурно-массовую работу в каждом вузе. Понятно, что для этих целей можно было бы ограничиться материалами последнего этапа мониторинга. Но нам важно также выявить динамику тех или иных предпочтений, поэтому мы приводим данные за 2016 г. в сравнении с предыдущим этапом (2012 г. — рис. 208–217).

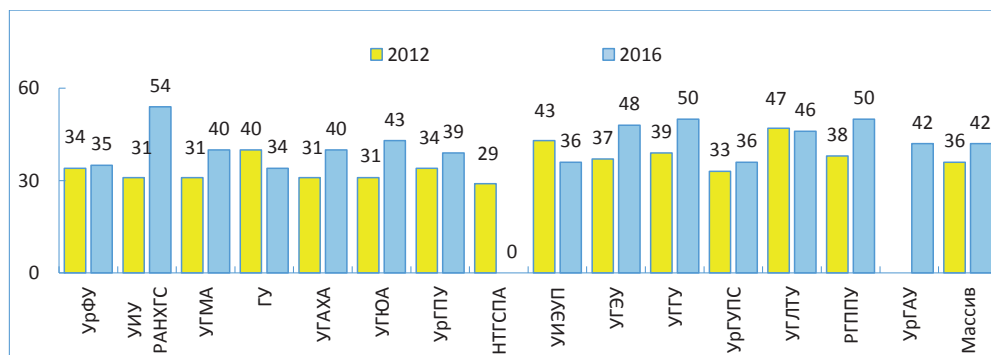

Рис. 208. Доля предпочитающих в свободное время выезжать на природу, заниматься туризмом, 2012–2016 гг., % от группы

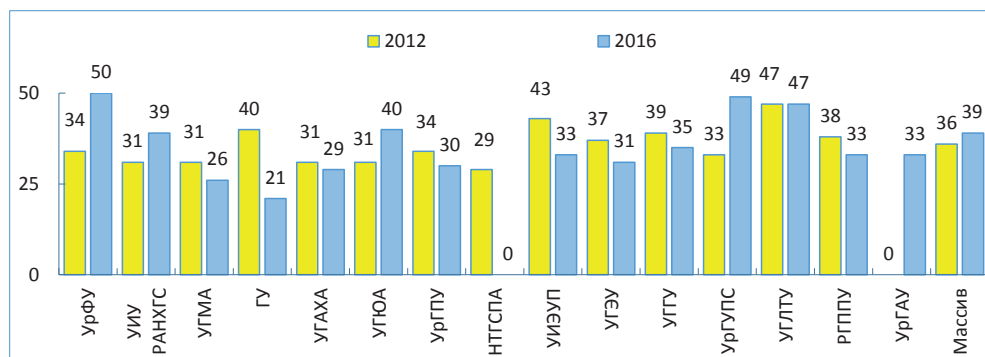

Рис. 209. Доля предпочитающих заниматься спортом, 2012–2016 гг., % от группы

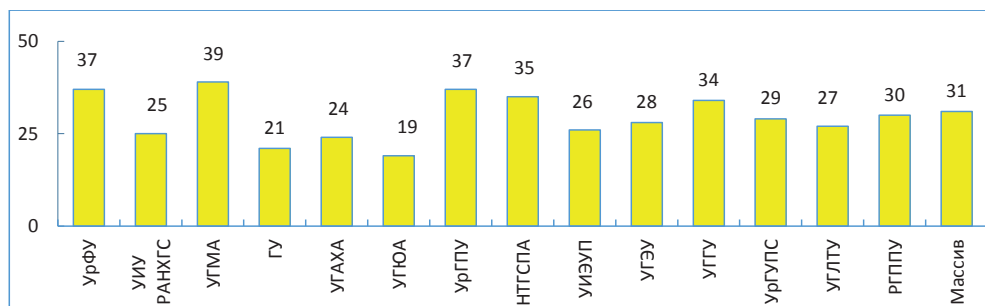

Рис. 210. Доля предпочитающих в свободное время заниматься с компьютером, по вузам, 2012 г., % от группы

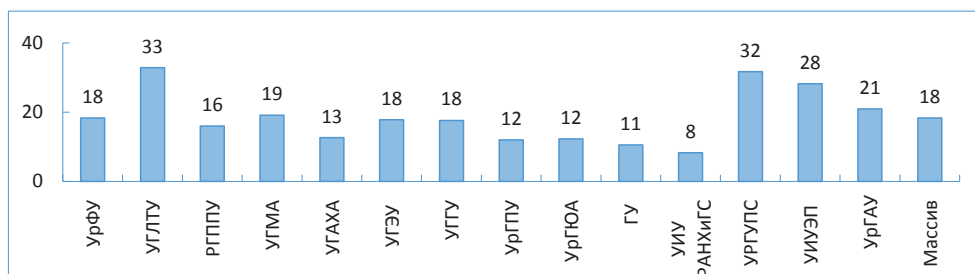

Рис. 211. Доля предпочитающих в свободное время играть в компьютерные игры, приставки, 2016 г., % от группы

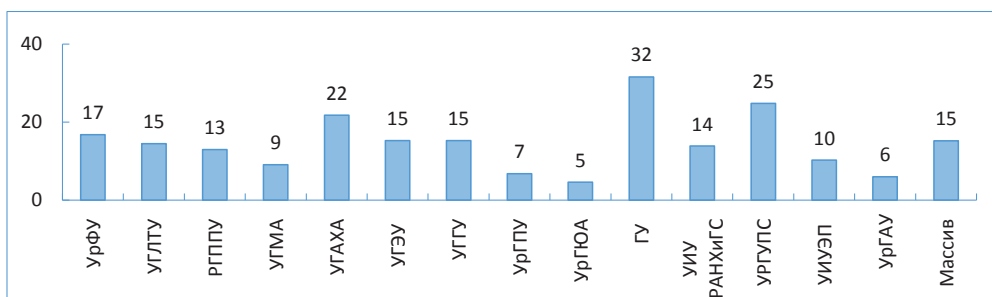

Рис. 212. Доля предпочитающих в свободное время заниматься интернет-серфингом, просматривать сайты, 2016 г., % от группы

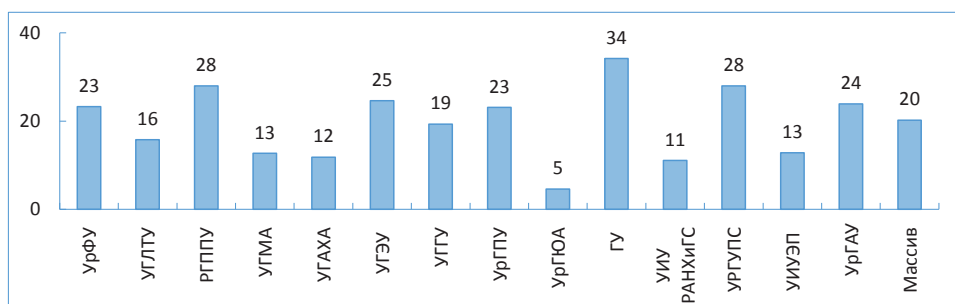

Рис. 213. Доля предпочитающих в свободное время развлекаться в социальных сетях, 2016 г., % от группы

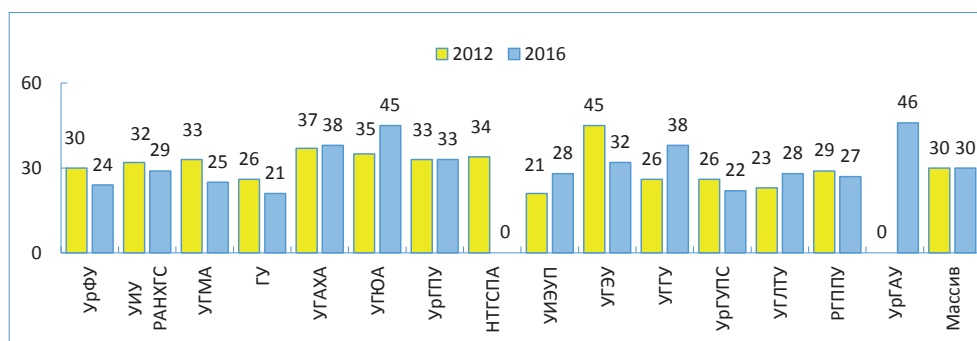

Рис. 214. Доля предпочитающих в свободное время заниматься чтением, по вузам, 2012–2016 гг., % от группы

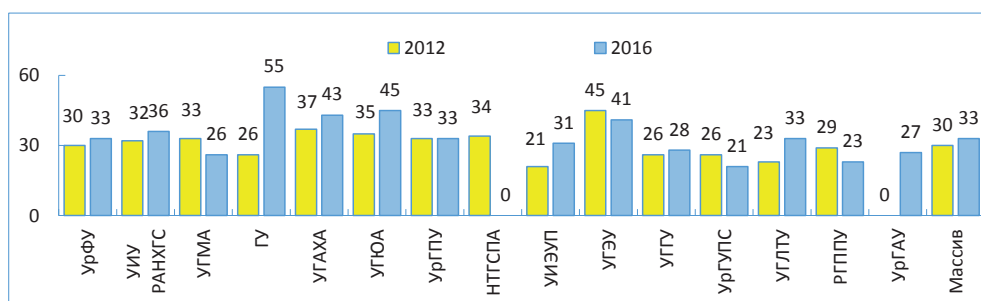

Рис. 215. Доля предпочитающих в свободное время посещать театры, кино, по вузам, 2012–2016 гг., % от группы

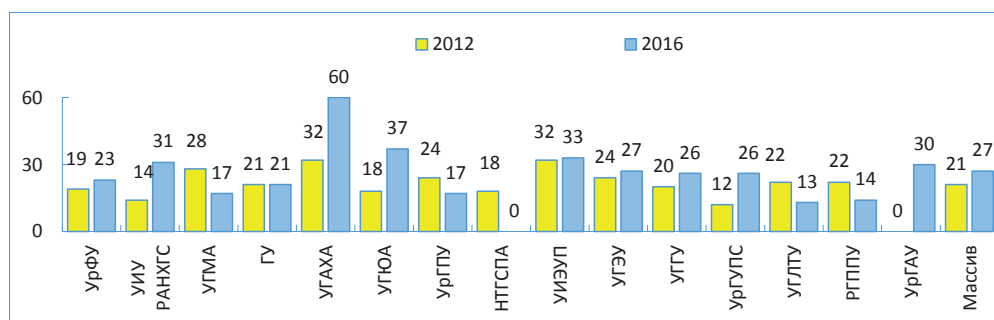

Рис. 216. Доля предпочитающих в свободное время заниматься самообразованием, по вузам, 2012–2016 гг., % от группы

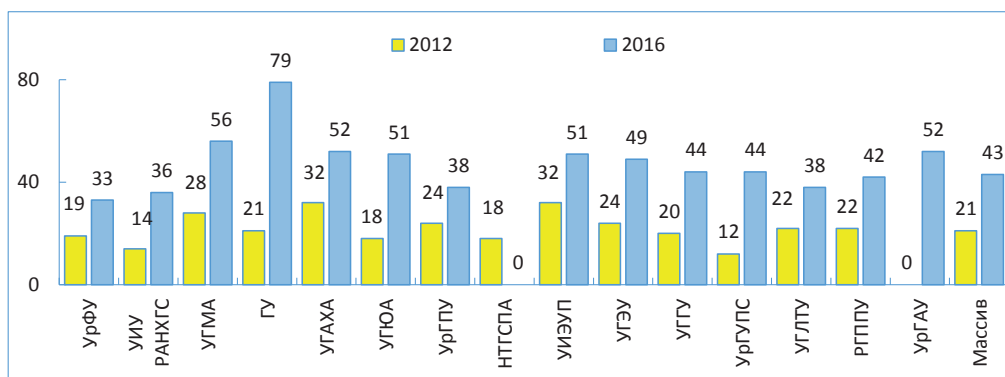

Рис. 217. Доля предпочитающих в свободное время заниматься любимым делом (хобби), по вузам, 2012–2016 гг., % от группы

На разных этапах мониторинга в анкету включались вопросы, позволяющие уточнить и конкретизировать отдельные занятия.

Уже на I этапе (1995 г.) была предпринята попытка выяснить содержательную характеристику досуга студентов: что читают, что смотрят и т. д. Она рассматривалась на примере средств массовой информации, в основном местных. Рейтинг определялся на основе индекса («смотрю, читаю, слушаю»: «регулярно» — 3; «иногда» — 2; «крайне редко или практически никогда» — 1) (табл. 133).

Таблица 133

Оценки респондентов о регулярности чтения местных газет, 1995 г.

Вариант ответа	Массив	
	Индекс	Ранг
Вечерний Екатеринбург	1,60	I
Уральский рабочий	1,57	II
На смену	1,44	III
Областная газета	1,22	IV
Главный проспект	1,20	V
Уральская газета	1,16	VI

Лидирующие места в рейтинге занимали издания, имевшие большой опыт и уже сформировавшуюся аудиторию. Значительных различий в рейтинге указанных изданий в зависимости от пола, профиля обучения и вуза не установлено. Вопреки сложившимся представлениям, женщины оказались более активными, постоянными читателями печатных изданий, нежели мужчины. Была установлена связь между профилем образования и интенсивностью чте-

ния: больше других читали прессу студенты социально-экономических специальностей, чуть менее «технари» и еще меньше — «гуманитарии» и «естественники». Примечательно, что и сегодня «Областная газета», «Уральский рабочий», «Вечерний Екатеринбург» сохранились и занимают ведущие позиции среди 76 изданий, выходящих в Екатеринбурге. Но чтение газет перестало быть сколько-нибудь значимым делом для студенчества (за исключением чисто информационных изданий).

Показателен и рейтинг в студенческой среде в 1995 г. радио- и телеканалов (табл. 134—135):

Таблица 134

Оценки респондентов о регулярности прослушивания передач местных радиостудий, 1995 г.

Наименование канала	Индекс	Ранг	Доля активной аудитории, %
«Радио СИ»	2,04	I	32
Свердловское областное радио	1,51	II	10
Городское радио «Студия-город»	1,07	III	9

Таблица 135

Оценки респондентов о регулярности просмотра передач центрального и местного телевидения радиостудий, 1995 г.

Наименование канала	Индекс	Ранг	Доля активной аудитории, %
ТВ «Останкино» (ОРТ)	2,64	I	68
РТВ	2,56	II	60
«4-й канал»	2,35	III	27
АСВ (ТВ-6 Москва)	1,85	IV	28
«51-й канал» (НТВ)	1,77	V–VI	28
ТВ «Петербург»	1,77	V–VI	18
«10 канал»	1,71	VII	14
СГТРК	1,69	VIII	19
УРТ	1,65	IX	16
СТК-24	1,49	X	9
Кабельное телевидение	1,25	XI	9

Представленный рейтинг вполне отражал общую оценку горожанами каналов теле- и радиовещания, транслируемых в Екатеринбурге. Но более тонкий анализ результатов рейтинга (аналогичный анализу прессы) не представлялся возможным уже тогда из-за угрозы некорректной интерпретации

причинно-следственных связей доминирующего воздействия объективного внешнего фактора: ограниченных технических возможностей ряда местных телеканалов по трансляции своих передач в разных районах города. Это особенно касалось кабельного телевидения, делавшего первые шаги.

На II этапе (1999 г.) проблематика роли различных каналов в информировании студентов значительно расширилась. Проведенный вне рамок мониторинга опрос студентов УГППУ, в котором эта проблема конкретно рассматривалась применительно к информации о новостях общественной жизни, показал: большинство студентов (93 %) узнавало о новостях по телевидению, каждый второй — по радио, каждый третий — из прессы¹. Тем самым было зафиксировано, что уже наметившийся дисбаланс между двумя уровнями освоения информации — фактологически-событийным и обобщенно-аналитическим — в пользу первого в последнее время (на волне быстрого роста дороговизны печатных изданий) значительно усилился.

В 1999 г. респондентам было предложено определить, каковы функции телевидения в жизни студентов (рис. 218).

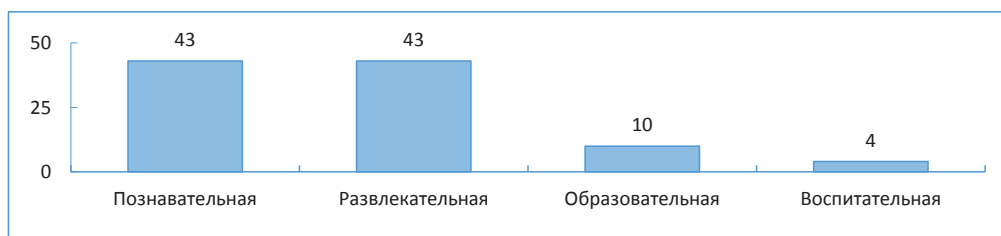

Рис. 218. Оценка респондентами роли различных функций телевидения, 1999 г., % от ответивших

Ответы респондентов отразили два момента. Даже в конце 1990-х гг. телевидение еще выступало весьма значимым для студенчества средством массовой информации. Но стремясь привлечь зрительские симпатии студентов, телевидение явно делало ставку на программы развлекательного характера, образовательный, просветительский аспект уходили на второй план. Зрительская аудитория в какой-то мере формирует сетку телепередач. Прослеживается взаимосвязь между тем, что интересует и волнует сегодня телезрителей в жизни, и тем, что выходит на голубой экран. Но многих респондентов привлекали и содержательные, актуальные передачи.

В рамках нашего мониторинга выяснялся интерес студентов к конкретным теле- и радиоканалам (табл. 136).

Как видим, внимание обращалось на обе стороны проблемы — какова реальная студенческая аудитория у того или иного канала и какова роль каж-

¹ См.: Мамай С. П. Политические ориентации студентов // Молодежь — будущее России. В 2 ч. — Екатеринбург : УИМ, 1996. — Ч. 2. — С. 3–4.

дого канала в теле- и радиоинформации, осваиваемой студентами? Обратимся к результатам опроса.

Наиболее популярными в студенческой среде, по оценкам респондентов, были (по степени привлекательности для студенческой аудитории) ОРТ, НТВ, «4-й канал», АТН, РТК, АСВ, РТР, «10-й канал». Сразу же заметно, насколько предпочтения студентов отличались от распространенных стереотипов. Особенно это проявилось в сравнительно низкой оценке студентами РТР (да и та оказалась несколько завышенной за счет студентов НТГПИ, чьи возможности выбора разнообразных телеканалов существенно ограничены).

Таблица 136

Реальная аудитория различных телеканалов, 1999 г., % от числа респондентов

Значения	%	Ранг
ОРТ	56	I
НТВ	43	II
«4-й канал»	30	III
АТН	25	IV
РТК	18	V
АСВ	16	VI
РТР (СГТРК)	15	VII
«10-й канал»	13	VIII
«41-й канал»	4	IX
«Культура»	3	X
Областное ТВ	3	XI
«ЭРА-ТВ»	1	XII

Были зафиксированы серьезные изменения в предпочтениях в сравнении с 1995 г. Правда, изменился сам перечень каналов (одни прекратили свое существование, другие трансформировались, третьи возникли и борются за влияние на телезрителей):

- ОРТ, оставшись самым популярным телеканалом, потерял почти каждого пятого телезрителя-студента (их число за 4 года сократилось с 68 до 56 %). Отношение девушек к данному каналу предпочтительнее, чем у юношей (возможно, это связано с устойчивой ориентацией руководства ОРТ на сериалы);
- наибольшие «потери» понес РТР (СГТРК): за 4 года число телезрителей-студентов, предпочитающих этот канал другим, сократилось в четыре раза. Руководству телеканала было рекомендовано вниматель-

но отнестись к мнениям студентов, проанализировать причины столь резкого изменения отношения молодых телезрителей к программам РТР и разработать соответствующую систему мер, способных как-то нейтрализовать наметившуюся тенденцию. При этом допускалось, что в условиях существования в Екатеринбурге разнообразия телеканалов каждая компания в своей маркетинговой стратегии будет ориентироваться на разные «сегменты телерынка» (а следовательно, и не всегда стремиться привлечь именно «молодую телеаудиторию»);

- именно дифференцированный, сориентированный на молодежь подход определил значительно возросшую с 1995 г. популярность в студенческой среде НТВ (число респондентов, предпочитающих его другим каналам, возросло в 1,5 раза) и «4-го канала» (число респондентов, предпочитающих его другим каналам, выросло незначительно, но канал прочно сохраняет III место в ранговом ряду предпочтений студентов);
- четкая стратегия телеканала АТН — ориентация на молодежную аудиторию — принесла этому относительно молодому каналу популярность в студенческой среде и уже сегодня вывела его на IV место в ранговом ряду предпочтений;
- несколько сократилась студенческая телеаудитория таких каналов, как АСВ и «10-й канал». Частично это объяснялось включением в выборку студентов НТГПИ, для которых прием передач данных каналов затруднителен (требует специальных антенных устройств). Но, скорее всего, в результатах опроса отразилась реальная многопрофильность этих каналов, ориентирующихся на разные группы телезрителей. В 1999 г. исследователи оценивали показатели популярности этих каналов в студенческой среде — с учетом острой конкуренции на телерынке Екатеринбурга — как скорее всего положительные;
- в поисках своей телеаудитории находились только появившиеся на телерынке Екатеринбурга «41-й канал» и «Областное ТВ». Успех этих поисков во многом будет зависеть от того, удастся ли им найти свою нишу. Обнадешивало то, что степень популярности «Областного ТВ» среди студентов-тагильчан уже была сравнительно высокой;
- негативно было воспринято студентами перепрофилирование канала ТВ «Петербург». В 1995 г. его телепередачи предпочитал другим каждый пятый телезритель-студент. В 1999 г. популярность его правопреемника канала «Культура» оказалась крайне низкой.

Одновременно выяснялись предпочтения молодых зрителей по отношению к конкретным программам и рубрикам телепередач. Весьма высоким в 1999 г. оказался уровень интереса к политическим и общественно-политическим передачам (в порядке убывания): «Мы»; «Один на один»; «Момент истины»; «Если»; «Национальный интерес»; «Парламентский час». Многих

респондентов привлекали музыкальные передачи, особенно «Диск-канал»; «Угадай мелодию». Немало поклонников было у научных и научно-популярных передач: «Подводная одиссея команды Кусто»; «Очевидное — невероятное». Находили своих телезрителей и такие искусствоведческие передачи, как «Сокровища Третьяковки»; «Любовь великих»; «Парижские тайны Э. Рязанова»; «Театральный понедельник Э. Радзинского». Молодых особенно привлекала яркая, нестандартная форма передачи и приглашение знаменитостей, звезд.

Что хотели бы видеть на телеэкранах молодые люди, каких передач или рубрик им прежде всего не хватало? По материалам II этапа мониторинга (1999 г.): просто музыка (40 %); познавательные передачи (32 %); мультфильмы (20 %); музыкальные передачи (8 %).

К III этапу (2003 г.) значимость телевидения как канала информации для студентов значительно уменьшилась. Произошли и заметные изменения в телевизионных предпочтениях студентов — они стали более избирательными. Еще более популярными (в сравнении с другими) в студенческой среде, по оценкам респондентов, стали центральные телеканалы — ОРТ и НТВ. Возросла популярность и канала «Культура», и РТР (за 4 года — в 2,5 раза, что было связано, прежде всего, с изменением внутренней политики этой компании). Заметно усилился разброс мнений в отношении местных телеканалов. Роль одних (особенно «4-й канал», РТК, «Студия-41» и «Эра-ТВ») возросла, рейтинг других («10-й канал», АТВ и АСВ) значительно снизился.

Достаточно показательными были в 1999 г. и результаты изучения студенческой радиоаудитории.

Характерен уже ранговый ряд предпочтений студентов. Именно в отношении к радиопередачам (особенно к музыкальным и новостным) более всего проявлялись особенности молодежи. Конечно, с точки зрения социологии вряд ли правомерны сопоставления результатов разных по характеру и методике опросов. И все-таки, поскольку аналогичных нашему исследований широкой радиоаудитории не было, мы воспользовались для сравнения результатами опроса читателей газеты «Семейный круг»¹ (табл. 137).

Существенные различия в ответах связаны уже с разной постановкой вопроса. Студентам было предложено отметить канал, передачи которого они предпочитают слушать, читателям — передачи каких радиоканалов они слушают. Наибольшие различия в ранговом ряду предпочтений связаны с «Русским радио» (в общей аудитории его передачи — на I месте, в студенческой — на V), радио «Пилот» (его передачи, напротив, наиболее популярны в студенческой среде — на II месте, чем в общей аудитории — на VII месте) и «Стиль FM» (более популярна у молодых радиослушателей — на IV месте, чем в общей аудитории — на XIII).

¹ Семейный круг. 1999, 21 мая. Обработка 800 поступивших в редакцию анкет.

Таблица 137

**Реальная аудитория различных радиоканалов, 1999 г.,
% от числа респондентов-студентов**

Каналы	Студенты	Читатели «СК»
«Европа-Плюс»	40	48
Радио «Пилот»	30	31
«Радио Си»	24	38
«Стиль FM»	22	18
«Русское радио»	15	54
Радио «Джем»	10	34
Радио «Трек»	9	25
Другие каналы	3	25
Радио «Ностальжи»	3	23
Студия «Город»	2	26
Радио «Романтика»	1	9

Примечание. Сравнение с читателями «Семейного круга».

Исследование в 2003 г. студенческой радиоаудитории показало: в отличие от ТВ роль этого канала СМИ сохранилась, слушание радио (почти исключительно) стало еще более сопутствующим занятием, рейтинг ряда радиоканалов значительно вырос. Среди радиостудий, передачи которых слушают, респонденты особо выделили «Европа-плюс», «Пилот», «Авторadio», «Русское радио», «Радио Си». Сократилось до 2 % число слушателей передач радиостанции «Свобода». 4 % респондентов отметили, что слушают «Эхо Москвы».

Резко снизившееся число телезрителей среди студентов и изменившийся (сопутствующий) характер прослушивания радиопередач привели к отказу на последующих этапах мониторинга от включения в анкету соответствующих вопросов.

Сегодня, казалось бы, информация о былом интересе студенчества к телевидению имеет чисто историко-познавательный смысл. Но вновь обратимся к словам В. Мединского об Интернете как носителе. Ведь и телевидение было тоже «носителем». И знание того, каким содержанием хотело бы его наполнить студенчество конца 1990-х, во многом поможет решить и современные задачи культурной политики. Тем более что преждевременно исключать просмотр телепередач из перечня досуговых занятий студенчества (рис. 219).

Взросшая роль студенчества как важной и специфической части аудитории СМИ определила актуальность проблемы не только учета интересов студентов в различных СМИ, но и создания специальных студенческих

СМИ — теле- и радиоканалов, газет и журналов, создаваемых студентами и для студентов.

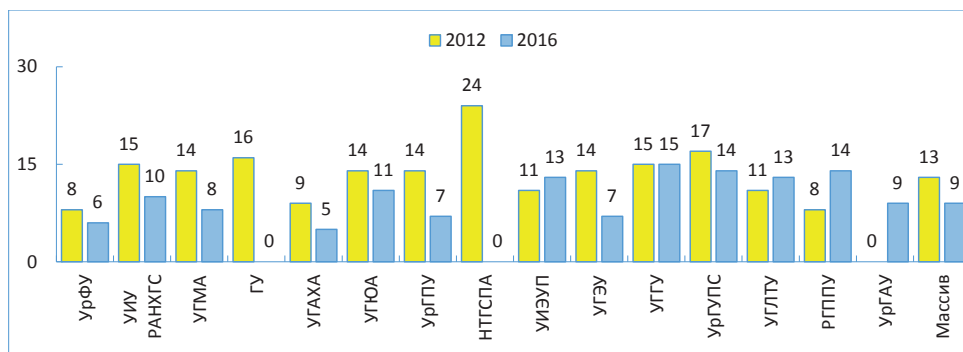

Рис. 219. Доля предпочитающих в свободное время смотреть телепередачи, по вузам, 2012–2016 гг., % от группы

В анкету 1999 г. по инициативе лидеров студенческого профсоюза были включены вопросы, нацеленные на выяснение, какое решение данной проблемы студенты считают наиболее оптимальным (табл. 138).

Таблица 138

Считаете ли вы необходимым организацию городского студенческого теле- и радиоканала, городской студенческой газеты, журнала?

Варианты ответов	РТВ — канал	Газета, журнал
Да	42	51
Нужно больше материалов о студентах в нынешних СМИ	31	25
Нет	27	24

Опрос выявил вполне определенное мнение студентов — городская студенческая газета или журнал, городской студенческий теле- и радиоканал необходимы. Конечно, современные студенты достаточно прагматичны и реалистичны — в массе своей они понимали, с какими материально-организационными трудностями это будет связано (особенно создание новых теле- и радиоканалов).

Не случайно, что создание студенческой газеты или журнала поддержал каждый второй, создание городского студенческого теле-, радиоканала несколько меньше — два из каждых пяти. С реализмом студентов соотносится и их мнение, что уже сегодня — в рамках ныне существующих каналов теле- и радиовещания, печатных изданий — нужно значительно расширять

объем и повышать качество материалов о жизни молодежи и студенчества. Именно неудовлетворенность этим и определила достаточно критические оценки студентами существовавших теле- и радиоканалов.

В поле внимания исследователей на первых этапах мониторинга не могла не попасть и проблема «музыка и молодежь». По данным опроса 1999 г., музыка занимала значительное место в образе жизни, в культурных предпочтениях студенчества. Лишь 12 % опрошенных оценивали значение музыки в своей жизни как незначительное. Зато 38 % считали, что она играет большую роль, а половина респондентов признавалась, что не может жить без музыки. Такая общая установка подкреплялась и ответами на вопрос о частоте прослушивания музыки — лишь 8 % опрошенных слушали ее нерегулярно, от случая к случаю. Остальные слушали музыку почти ежедневно, практически каждый день. Причем большинство предпочитало делать это в домашней обстановке с помощью магнитофона или проигрывателя компакт-дисков. Вторым по популярности способом прослушивания музыки являлось посещение различных концертов. Можно предположить, что такой интерес к «живому» звучанию был связан с ростом требований к качеству прослушиваемой музыки.

Что привлекало молодежь в музыке? Почти треть респондентов использовала ее как средство поднятия настроения, каждый четвертый искал в ней средство расслабления, эмоциональной и психологической разгрузки, для каждого четвертого наиболее значимо было качество музыки (мелодичность, звучность, певучесть), для каждого восьмого — в основном ритм.

Музыкальные предпочтения студенческой молодежи отличались достаточно большим разнообразием, особенно жанровым (рис. 220).

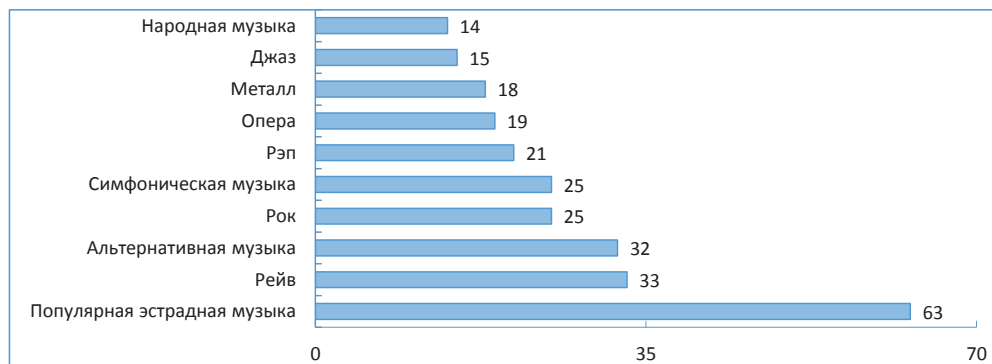

Рис. 220. Какие жанры музыки привлекают, 1999 г., % опрошенных

Разнообразным был и выбор стилей современной музыки, каждый из которых нашел своих сторонников (техно — 40 %; гранж и хардкор — 17 %; хэви-металл — 19 %; арт-рок — 14 %; панк — 8 %). Все это говорит о достаточно большой дифференциации музыкальных вкусов студенческой молодежи.

Однако это разнообразие музыкальных вкусов не следует понимать очень широко. Если сравнить стилевую принадлежность большинства групп и исполнителей, то становится заметно, что большинство из них — представители все той же популярной эстрады, электронной танцевальной музыки и других массовых коммерческих направлений.

Исследование на VI и VII этапах (2012–2016 гг.) показало, что интерес к музыке у студентов сохранился, хотя и перестал быть доминирующим (рис. 221). У большинства студентов при этом слушание музыки стало сопутствующим занятием.

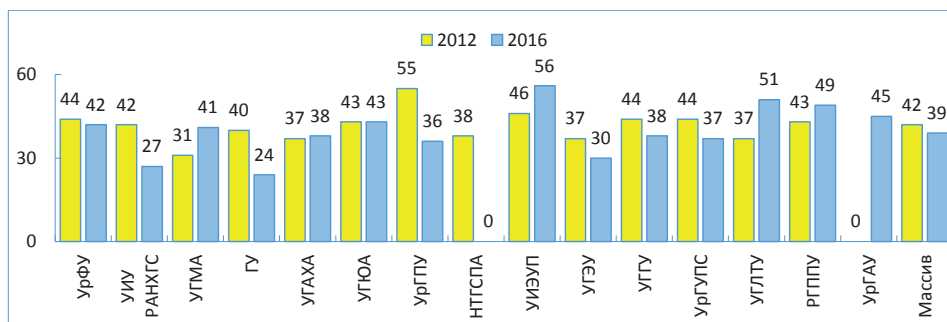

Рис. 221. Доля предпочитающих в свободное время слушать музыку, по вузам, 2012–2016 гг., % от группы

В 2011 г. авторами было проведено исследование отношения студенчества к современному театральному искусству ($N = 364$ человека). Результаты данного специального исследования свидетельствуют, что в целом у студентов наблюдается неравномерная частота посещения театра. Но, несмотря на разную частоту посещения студентами театра, большинство респондентов (83 %) желают бывать в театре чаще. Как выяснилось, основными причинами непосещения театра студентами являются: отсутствие подходящей компании (32 %); неудобное время начала спектаклей (24 %); отсутствие интересных для молодежи постановок (14 %); неудобное месторасположение театров (14 %); отсутствие свободного времени (12 %); отсутствие денежных средств (8 %). Также были названы и другие причины непосещения театров: неудовлетворительный профессиональный уровень актеров театра (5 %), неудовлетворительный профессиональный уровень постановщиков театра (3 %), высокая стоимость билетов (1 %).

Что касается доступности посещения театра студентами с точки зрения цены на билет, то большинство опрошенных (57 %) указали, что не всегда могут позволить себе приобрести билет в театр. Для 29 % студентов покупка билетов в театр является вполне доступной. Огорчает факт, что для 14 % студентов цены на билеты в театры Екатеринбурга являются «неподъемными».

Как выяснилось в ходе исследования, наиболее приоритетным при выборе спектакля студентами являются: тематика, жанр — 53 %, книга, по которой

поставлен спектакль, — 47 %, советы друзей и знакомых — 42 %. Следующими по частоте выбранных ответов идут актеры, занятые в спектакле, — 24 %, название спектакля — 23 %, рецензии и статьи — 18 %, режиссер-постановщик — 12 %, реклама, афиша спектакля — 11 %. Менее 10 % получили престижность посещения театра, премьеры спектакля.

Вполне ожидаемо, что на вопрос, какие спектакли вам интересны, большинство студентов ответили: современный репертуар (56 %) и классические постановки (49 %). Также довольно неплохим спросом среди студентов пользуются классические произведения в современном прочтении (42 %). Менее всего студентов привлекают спектакли по произведениям зарубежных авторов. Так, 48 % считают, что классика в современном прочтении оправдана только тогда, когда новая интерпретация не портит первоисточник. Для 26 % интересен новый взгляд на знакомые тексты, а 12 % и вовсе считают, что классическая интерпретация никому не интересна. 28 % вовсе не оправдывают классику в современном прочтении, считая, что классика бессмертна и не нужно ее портить современным режиссерам, которые совершенно не умеют интерпретировать классические произведения.

В ходе исследования выяснилось следующее: студенты считают, что сегодня репертуар, предлагаемый театрами города Екатеринбурга, интересен всем возрастным категориям, но, по их мнению, посещают театр чаще люди среднего возраста — 42 %, пожилые люди — 33 % и семьи — 30 %. Можно предположить, что это связано как раз с наличием социальных стереотипов, в том числе и у самих молодых людей, что большинство молодежи не предпочитает походы в театр в качестве досуга.

Что же касается самих театров, то самым привлекательным для студенческой молодежи, по оценке респондентов, является Академический театр музыкальной комедии. Студенты выделили спектакли театра музыкальной комедии, которые оказали на них наиболее сильное влияние: «Екатерина Великая» (54 %), «Силиконовая дура» (34 %), «Алые паруса» (30 %), «Мертвые души» (12 %). Почти 80 % респондентов считают, что каждый культурный человек должен ходить в театры. Студенты, ответившие положительно, отмечали: человек, который ходит в театр, развивается в интеллектуальном плане; посещение театра является неотъемлемой частью развития личности.

Таким образом, исследование продемонстрировало, что социальный стереотип о не востребованности театрального искусства в студенческой среде значительно преувеличен, поскольку 64 % опрошенных студентов считают не только необходимым посещение театров, но и включение посещения театров в обязательную программу обучения в вузе. Исследование помогло опровергнуть социальный стереотип, что студенты УрФУ не интересуются театральным искусством. В связи с этим необходимо совершенствование системы распределения билетов в учреждениях культуры для студентов и расширение объема предоставляемых вузами досуговых мероприятий и про-

грамм. Ознакомительное направление особо актуально для иногородних студентов, которые ни разу не были в театрах города Екатеринбурга до поступления в вуз; учебно-информационное направление можно осуществлять в рамках курса культурологии по жанрам, либо по историческим эпохам; мировоззренческое направление предполагает не просто ознакомление, но и последующее обсуждение на междисциплинарных заседаниях дискуссионных клубов. Все направления способствуют не только нравственно-эстетическому воспитанию, но и формированию общекультурных компетенций, сохранению и трансляции культурного наследия.

Один из уроков мониторинга — в сфере студенческого досуга появляется так много нового, что акцент в социологических исследованиях на традиционные формы досуга не всегда дает полную картину. Это требует поисковых форм, изучение новых нетрадиционных форм досуга, их использование и даже поддержка организаторами воспитательного процесса. Отметим некоторые из этих новых форм (а порой за ними стоит возрождение в совершенно новом качестве и традиционных, забытых форм).

Результаты этого эксперимента можно увидеть в созданной студентами в социальной сети «В контакте» открытой группы «Балы УрФУ». Эта группа в настоящее время объединяет более 800 человек, большая часть которых принимали непосредственное участие в балах, проходивших на паркете УрФУ в 2010–2011 гг. Сама группа несколько раз меняла название, отражая текущий момент: «Новогодний бал», «Осенний бал УрФУ», «Бал Любви», «Балы УрФУ: в ожидании следующего»... Ее название сегодня «Балы УрФУ»¹. Примечательно, что данная группа явилась не только местом общения студентов, но и удачным средством управления процессом концептуализации, подготовки, организации и проведения каждого мероприятия в отдельности. Основным итогом эксперимента стал факт самоорганизации студентов. По нашему мнению, это явление может продолжать самостоятельное развитие наравне с такими видами студенческого досуга, как театральные или музыкальные коллективы, с той разницей, что культура бала, элитарная по форме, по своей сути достаточно демократична: в ней нет ограничений для участников.

Бал как форма развития и воспитания явился в то же время формой возрождения культуры². Можно сделать вывод, что бал как форма воспитательной деятельности был весьма успешен и способствовал удовлетворению латентных потребностей части студентов. Но надо понимать, что простое повторение форм проведения балов может привести к утрате у студентов интереса к ним, поэтому необходимо, чтобы каждый бал был по-своему уникален. Иными словами, при организации балов необходима модернизация

¹ См. В контакте [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://vk.com/club25314361> (дата обращения: 25.05.2017).

² См.: Нархова Е. Н., Чегодаева Т. А., Гареева Е. В. Балы в Уральском федеральном. — Екатеринбург : УрФУ, 2016. — 261 с.

при сохранении определенных культур, т.е. синтез старых и новых традиций. Модернизацию можно осуществлять, например, исходя из того, какой теме посвящен бал («Новогодний бал», «Бал-маскарад», «Литературный бал», «Выпускной бал», «Иностранный бал» и т.д.); из того, для кого проводится (факультетский бал, университетский бал, межвузовский бал), из партнерства и общения (студент-студент, студент из России — иностранный студент, студент-преподаватель) и т.д.

Балы — это новые формы образовательного и воспитательного процесса, которые не принуждают, а привлекают студентов, основываясь на их желаниях. Основной итог бала — это сформировавшаяся атмосфера доброжелательности, взаимопомощи, ощущение единства, рефлексия самоидентификации. Данные результаты можно рассматривать как сохранение одной из основ классического университета — гуманистической направленности мировоззрения. Необходимо отметить, что балльная культура несет мощнейшее воздействие на развитие личности молодежи, на ее духовное восприятие мира, вызывая у молодежи интерес к культуре прошлого, русской классической литературе, классическим мировым музыкальным произведениям. Таким образом, бал в целом позволяет решить задачи образования и воспитания в процессе их участия в данном мероприятии.

Следующим элементом оптимизации образования является получение обратной связи посредством организации мониторинговых исследований, выясняющих степень удовлетворенности различными сторонами образовательного процесса студентов — учебной и внеучебной деятельностью. Менеджмент качества образования рассматривает внеучебную деятельность как одно из основных направлений деятельности учреждений высшего профессионального образования. В этой связи представляется необходимым преодолеть ряд стереотипных взглядов на осуществление внеучебной работы в вузе. К примеру, внеучебная работа представляется как подчиненная, а не паритетная деятельность, мешающая и отвлекающая от учебного процесса. На наш взгляд, именно внеучебная деятельность является методом оптимизации учебной мотивации, ее инициатором и способом закрепления в практической деятельности и общекультурных, и ряда профессиональных компетенций, в особенности у студентов гуманитарного и социально-экономического направлений подготовки.

Одним из примеров, соединяющих внеучебную деятельность с учебной и научной, является создание инновационных форм организации досуга, объединяющих общей идеей всех участников образовательного процесса — и студентов, и преподавателей, и привлеченных специалистов из внешнего окружения вуза. В УрФУ такой экспериментальной площадкой стал интеллектуально-дискуссионный центр «Логос». Интеллектуально-дискуссионный центр является добровольным объединением студентов и преподавателей, занимающихся обсуждением наиболее актуальных проблем и способов

их реализации в различных областях гуманитарных наук и внеучебных проектов. Центр «Логос» вовлекает студентов в научную деятельность. Его члены провели исследование отношения студентов к театру. Среди проведенных ими исследований особый интерес представляет опрос «на входе» и «на выходе» (студентов I и V курсов). Первых спрашивали, какие внеучебные мероприятия наиболее отвечали бы их запросам, вторых — какие из этих мероприятий, участниками которых они были за годы учебы, им наиболее запомнились и понравились.

Большинство ответивших считают, что мероприятия в вузе лишь частично соответствуют современным потребностям студентов. Так ответили более 50 % респондентов. Есть и такие, которые считают, что мероприятия полностью не соответствуют современным запросам студентов. Полученные ответы на этот вопрос могут служить ориентиром для будущих разработок мероприятий. Так, студентам предлагалось назвать свое мероприятие для возможной реализации его в стенах университета. Ответы были самыми разнообразными и порой очень интересными. Несколько человек написали о проведении ночного мероприятия в вузе — карнавальной ночи, тематических вечеринок. Были идеи проведения интеллектуальных квестов. Студенты предложили весьма специфичные мероприятия, например: создание экологического клуба, проведение фестиваля английских песен, создание научного сообщества гуманитарного профиля с «крутыми» преподавателями, день английского языка в вузе. Также были предложены встречи с преподавателями, творческие вечера, конкурс танцев, создание театральной школы при университете. Не забыли и про инновации: предложили провести выставку изобретений студентов, разработать крупное мероприятие для студентов из общежитий, провести «Ночь пожирателей рекламы» на базе университета, создать мероприятие, похожее на «Дебют первокурсников», только для более старших курсов, организовать радиовещание в вузе, ввести традицию посвящения в студенты, заняться привлечением и мотивацией студентов, готовых заниматься организацией мероприятий.

Несмотря на достаточно высокую степень удовлетворенности внеучебной деятельностью, у студентов есть явная потребность в чем-то новом, культурном просвещении, лучшей информированности. Так, абсолютное количество респондентов ответили, что стоит больше уделять внимания культурному развитию студентов. Также большинство считает, что в вузе нужно лучше освещать такие мероприятия, как театральные спектакли, выставки, музыкальные концерты, проходящие у нас в городе.

Заслуживают внимания организаторов внеучебной работы и новые явления в мультимедийной культуре. В ней интенсивно происходит смыкание разных каналов коммуникации в единое информационное пространство. Представляется правомерным вывод: сегодня теряет смысл такая традиционная форма информационной работы, как информационные конференции,

собрания (и среди студентов наименее популярная — всего 6%). Даже так называемые «документы под роспись» в ближайшем времени должны будут смениться электронными документами с электронной цифровой подписью.

Показательно регулярное размещение видеороликов, изготовленных студией студенческого телевидения «Твист» в специализированных группах социальных сетей¹. Туда же практически мгновенно попадают и pdf-версии многотиражек. А это уже совсем другой способ коммуникации, требующий дополнительного изучения. Администрации вузов и преподавателям стоит иметь в виду, что каждый более или менее заметный информационный повод, событие или социальный институт (к примеру, вновь образованная академическая группа, институт, профбюро, поход в кино, да что угодно) приводит к появлению в социальных сетях соответствующей группы или сообщества, когда-то открытого, когда-то нет, но именно в этих группах и сообществах осуществляется большая часть коммуникаций. И здесь студенты с легкостью обмениваются информацией и сами создают ее. Однако использовать такие каналы необходимо очень деликатно: на неискренность участники реагируют со скоростью Интернета — группа или «захлопывается», как ракушка, или «убегает» в другое место виртуального пространства.

Однако существует и другая сторона. Подчеркнем роль свободного времени в социализации студенчества, в его духовном развитии. Именно бездуховность, праздное, бесцельное времяпрепровождение в конечном счете способствуют появлению различных форм девиантного поведения студенчества. И весьма симптоматично, что на одно из первых мест в ряду наиболее беспокоящих их социальных проблем сами студенты ставят рост наркомании, алкоголизма, насилия в молодежной среде.

9. Здоровый образ жизни и профилактика употребления психоактивных веществ

Valetudo — bonum optimum
Здоровье — наивысшее благо

Здоровье — это вопрос номер один.
Если у вас слабое здоровье, что толку
говорить о хорошей работе, хорошей
защите прав, хорошем образовании!

С. Макклendon

Сегодня формирование валеологической культуры молодежи становится важнейшей предпосылкой становления нового, здорового поколения. Валеологическая культура исходит из понимания здоровья как интегрированно-

¹ Проморолик «Весна УПИ в Уральском федеральном» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://vk.com/club25314361> (дата обращения: 11.11.2016).

го показателя биологических, социально-культурных и экономических процессов в обществе.

В условиях затянувшейся трансформации современного российского социума нарастают негативные тенденции, характеризующие дальнейшее ухудшение здоровья современной молодежи, в том числе студенческой. Происходит «омоложение» многих заболеваний: те болезни, которые сравнительно недавно встречались лишь в старших возрастных группах, теперь нередки у молодых людей. Отчетливо наблюдается снижение среднего возраста болеющих многими хроническими болезнями, что наносит огромный экономический и социальный ущерб обществу и человеку, сокращая его жизненный путь.

Отмеченные моменты определяют актуальность исследования валеологической культуры современной российской молодежи и особенно такого ее отряда, как студенческая молодежь. Это тем более важно, что любые успехи (или хотя бы — подвижки) в охране и укреплении индивидуального и общественного здоровья невозможны без активного и созидательного отношения человека к своему здоровью и здоровью других людей, без формирования у каждого привычки и стремления к здоровому образу жизни, без активного участия населения в проведении санитарно-гигиенических и профилактических мероприятий. Крайне важно формировать такое активное и созидательное отношение, такое стремление к здоровому образу жизни с детства, юности. Еще в начале XX в. известный русский педиатр Н. П. Гундобин говорил: «Задача современной медицины, в широком значении этого слова, — предупредить развитие болезни. К кому же, как ни к детям, она должна быть применена, к детям — будущим членам общества»¹.

Развитие высшей школы в современных условиях сопровождается интенсификацией труда студентов, возрастанием интенсивности информационного потока, широким внедрением технических средств и компьютерных технологий в обучение. В связи с этим учебный процесс для студентов становится все более здоровьезатратным².

Здоровье не есть дарованное человеку природой благо. Это — ресурс, который человек может реализовать, сохранив и приумножив его, или не реализовать, утратив его, что, к сожалению, у многих происходит сегодня слишком рано. «Здоровье — это та вершина, на которую должен подняться сам чело-

¹ Гундобин Н. П. О призрении и воспитании молодого поколения. — СПб. : Тип. т-ва «Нар. Польза», 1901. — С. 14.

² Агаджанян Н. А., Радыш И. В. Качество и образ жизни студенческой молодежи [Текст] // Экология человека. — 2009. — № 5. — С. 3–8. С. 4; Новак Е. С. Здоровье студенческой молодежи как социальная проблема // Вестник ВолГУ. — 2001. Серия 7. Вып. 1. — С. 125–133; Здоровье студентов: социологический анализ: монография / под ред. И. В. Журавлевой. — М.: Инфра-М, 2015. — 272 с.; Здоровье студентов/Н. А. Агаджанян [и др.]. — М.: Изд-во РУДН, 1997. — 199 с.; и др.

век», — писал валеолог И. И. Брехман¹. Возрастает и аксиологическое (ценностное) значение здоровья. Бароненко В. А. и Рапопорт Л. А. приводят важное в данном отношении наблюдение Д. Бома, обратившего внимание на то, что латинское *valeo* (здравствовать) и английское, и французское *valeo* (ценность), имеющие один корень, как бы подчеркивают, что здравствовать — значит, ощущать значимость своей жизни².

Социологический подход к проблемам здоровья четко обозначила в начале XXI в. известный российский социолог Л. М. Дробижева. Рассматривая здоровье населения как «интегрированный показатель биологических, социально-культурных и экономических процессов в обществе»³, она справедливо отметила: «Социологи изучают общественное здоровье для того, чтобы *понять механизмы*, способные регулировать отношение человека к здоровью, его социальную обусловленность и место здоровья в системе ценностей»⁴.

«Здоровье, — по Гегелю, — пропорциональность между самостью организма и его наличным бытием, есть такое состояние, когда все органы являются текучими во всеобщем; оно состоит в равномерном отношении органического к неорганическому»⁵. За кажущейся абстрактностью гегелевского подхода стоит глубокое проникновение в суть здоровья: оно не есть нечто, присущее лишь данному человеку, его организму, а выступает как отношение этой «самости организма» с наличным бытием, с природной и социокультурной средой. И еще один важный аспект гегелевского определения — процессуальность, «текучесть» здоровья.

Разнообразие трактовок здоровья ориентирует на поиск его интегративного определения. Важный момент на пути к этому — фиксация разнообразия объектов здоровья. Из-за отсутствия четкой классификации одни исследователи в качестве объекта видят индивидуальное здоровье, другие расширяют его масштабы до общественного, до здоровья населения страны. Но здоровье населения должно рассматриваться с широких социальных позиций, должны учитываться различия в условиях труда, быта и потребления, в привычках, обычаях и традициях тех или иных стран, регионов, социально-профессиональных групп, этносов, социальных общностей. При этом даже в условиях глобализации эти различия, как показывает практика, оказываются наиболее устойчивыми, поскольку они становятся неотъемлемым компонентом привычного повседневного поведения людей.

¹ Брехман И. И. Валеология — наука о здоровье. 2-е изд., доп., перераб. — М.: Физкультура и спорт, 1990. — С. 65.

² Бароненко В. А., Рапопорт Л. А. Здоровье и физическая культура студента. — М.: Альфа-М, — 2003. — 418 с.

³ Дробижева Л. М. Ценность здоровья и культура нездоровья в России // Безопасность Евразии. 2004. № 1 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://spkurdyumov.narod.ru/Drobizheva3.htm> (дата обращения: 19.09.2016).

⁴ Там же.

⁵ Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. — М.: Мысль, 1975. Т. 2. — С. 558.

Важный аспект понимания здоровья — его трактовка как условия для выполнения человеком своих обязанностей, в валеологической литературе — это *функциональный подход*. Лисицын Ю. П. отмечал: «Можно сделать вывод, что здоровье нечто большее, чем отсутствие болезней и повреждений, это — возможность полноценно трудиться, отдыхать, словом, выполнять присущие человеку функции, свободно, радостно жить»¹.

В социологическом плане особенно важно замечание Т. Парсонса, что здоровье можно определить как «оптимальные возможности индивида эффективно выполнять свои роли и задачи, для которых он был социализирован»².

В отечественной социологии медицины здоровье рассматривается как необходимое условие для выполнения трудовых, общественных и биологических функций³. Еще в 1975 г. В. П. Казначеев, в русле этого же подхода, определял понятие «здоровье» как «процесс сохранения и развития биологических, психических, физиологических функций, оптимальной трудоспособности и социальной активности человека при максимальной продолжительности его активной жизни»⁴. Для студенчества, соответственно, здоровье — это предпосылка успешного освоения профессиональных знаний, умений, навыков и их последующей реализации в профессиональной деятельности. Здоровье превращается в важнейший компонент профессиональной конкурентоспособности студента и выпускника вуза.

В рамках биосоциального подхода здоровье определяется как динамическое равновесие организма и окружающей среды. При этом особую роль приобретает понятие «нормы здоровья». Она обычно трактуется как состояние оптимальной жизнедеятельности человека. Соответственно достижение и сохранение такого состояния соотносится с процессами активной саморегуляции и адаптации человека к окружающей среде.

Важный момент, который обычно недооценивается в характеристике здоровья, подчеркнут А. Г. Щедриной: «Здоровье — это целостное многомерное динамическое состояние (включая его позитивные и негативные показатели), которое развивается в процессе реализации генетического потенциала в условиях конкретной социальной и экологической среды и позволяет человеку в различной степени осуществлять его биологические и социальные функции»⁵. Как видим, здоровье рассматривается не в статике, а в динамике.

¹ Лисицын Ю. П. Образ жизни и здоровье населения. — М.: Знание, 1982. — С. 13.

² Американская социологическая мысль: тексты / под ред. В. И. Добренкова. — М.: Изд-во МГУ, 1994. — С. 58.

³ Решетников А. В., Шаповалова О. А. Здоровье как предмет изучения в социологии медицины. — М.: ГЭОТАР-Медиа, 2008. — С. 7.

⁴ Определение понятия «здоровье». Признаки и показатели индивидуального здоровья [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.valeologija.ru/knigi/posobie-pomozh/487-opredelenie-ponyatiya-zdorove-priznaki-i-pokazateli-individualnogo-zdorovya> (дата обращения: 01.10.2016).

⁵ Цит. по: Бароненко В. А., Рапопорт Л. А. Здоровье и физическая культура студента. — М.: Альфа-М, 2003. — С. 61.

Это позволяет обосновать управление факторами здоровья, среди которых физическая культура населения является одним из основных. Итак, здоровье пролонгируется на весь жизненный цикл человека; оно рассматривается как «процесс сохранения и развития его психических и физических качеств, оптимальной работоспособности и социальной активности при максимальной продолжительности жизни»¹.

Исследователи нередко трактуют понятия «здоровье» и «норма» как тождественные, используя понятия «абсолютное здоровье» и «практическое здоровье». Первое — не существующее в реальных условиях состояние организма — скорее может выступать как ориентир, образец. Персонификация такого образца — выдающиеся спортсмены, чьи достижения (нередко измеряемые в миллиметрах, долях секунды и т. д.) раскрывают огромные потенциальные возможности организма человека. Современный мир все более демонстрирует и неисчерпаемые психологические возможности человека. Второе (практическое здоровье) — соотносится с нормой, отклонение от границ которой можно считать болезнью, патологией.

В русле абсолютизации индивидуальных особенностей человека встречается и отрицание возможности установить какие-либо нормы. Такова позиция Р. Уильямса, видевшего в каждом человеке «отклонение от нормы»². В отечественной валеологии (преимущественно медицинской направленности) утвердилось понимание нормы как «биологического оптимума живой системы» или — с учетом процессуальности здоровья — «диапазона оптимального функционирования организма»³. Конкретной реализацией данного подхода является использование понятия «практически здоровый человек» применительно к человеку, у которого наблюдающиеся в организме отклонения от нормы не сказываются на самочувствии и не отражаются на работоспособности. Впрочем, исторически меняются и сами нормы, что особенно наглядно проявилось в отношении параметров психофизиологического и социокультурного развития подростков в ходе акселерации. Здоровье следует рассматривать в динамике изменений внешней среды, в процессе индивидуального развития организма в течение всей жизни.

Подчеркнем ограниченность определений здоровья через отрицание (по принципу «*Definicio per negatio*»), основывающихся на формулах: здоровье = отсутствие болезни; болезнь = проявление утраты здоровья (какой-то части здоровья). Так, В. П. Куликов разграничил понятие «сантивность» (от *sanos* — здоровье; потенциал здоровья индивида, его количественные и качественные характеристики) и «пативность» (вероятность болезни, огра-

¹ Бароненко В. А., Рапопорт Л. А. Здоровье и физическая культура студента. — М. : Альфа-М, 2003. — С. 62.

² Уильямс Р. Актуальность оценки физического развития детей // Практическая медицина. — 2009. — № 7. — С. 32–35.

³ Петленко Д. Н., Давиденко В. П. Этюды валеологии: здоровье как человеческая ценность. — СПб. : Изд-во Балтийской педагогической академии, 1998. — С. 17–18.

ничения жизнестойкости и в конечном счете смерть). Основываясь на представлениях о взаимообусловленности пассивности и сантивности, он «предложил использовать болезнь для верификации количественных показателей здоровья»¹.

Для утверждения иных позитивных трактовок здоровья особую роль играет определение, принятое ВОЗ еще в 1946 г.: «Здоровье является состоянием полного физического, психического и социального благополучия, а не только отсутствием болезней и физических дефектов»², и ставшее отправным пунктом для медико-социальной интерпретации здоровья. Для социологического подхода весьма важными являются изыскания наших коллег (психологов, педагогов, физиологов и т. д.), касающиеся более глубокого понимания физического здоровья, рассматриваемого не только как отсутствие болезней, но и как определенный уровень физической подготовленности и функционального состояния организма. В определениях здоровья стали акцентироваться качества и степень развития организма человека, позволяющие ему адекватно функционировать и взаимодействовать с окружающей средой³.

Более глубоким становилось и понимание самого человека в единстве биологического и социального. Причем применительно к отечественной гуманитарной науке можно говорить и о существовании определенной абсолютизации социального в советский период, и о растущем понимании равнозначности обоих компонентов этого единства. В какой-то мере это отразило общие изменения в социологии — отказ от доминирования социоцентристской парадигмы, возрождение антропоцентристской парадигмы и утверждение интегративного подхода. В понимании самого здоровья акценты смещались: от выживания — к качеству жизни и от роли внешних факторов (условия жизни, труда и быта, развитие системы здравоохранения и медицинских услуг) — к личностному пониманию важности здоровья и ответственности за свое здоровье.

Задача социологов состоит в том, чтобы зафиксировать, как происходят эти изменения в сознании россиян, отдельных социальных, социально-демографических, социально-территориальных и социально-профессиональных групп, насколько утвердилось новое понимание здоровья, насколько сохраняет свои позиции старое понимание здоровья.

¹ Куликов В. П. Трехмерная модель здоровья. Сантивность и пассивность // Валеология. — 2000. — № 1. — С. 15–21.

² Official records of the World Health Organization. № 2. Summary report on proceedings minutes and final acts of the International health conference held in New York from 19 June to 22 July 1946. 144 p. P. 100 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://apps.who.int/iris/bitstream/10665/85573/1/Official_record2_eng.pdf (дата обращения: 12.09.2016).

³ Бароненко В. А., Рапопорт Л. А. Здоровье и физическая культура студента. — М. : Альфа-М, 2003. — 418 с.

Социологическое понимание здоровья опирается на разнообразие подходов к определению понятия «здоровье» и одновременно акцентирует указанную выше специфику трактовки здоровья в социологии, которая породила формирование и развитие самостоятельной отрасли социологии — социологии здоровья¹.

В этом плане интересны наблюдения Л. М. Дробижевой, отметившей — на основе результатов социологических исследований, — что «в российской повседневной практике» на рубеже XX и XXI вв. «сформировалась именно „культура нездоровья“»². Обращая внимание на наличие «в традициях российской, русской культуры» здоровья как ценности, социолог подчеркивает: «... сама ценность здоровья в конкретных исторических условиях приобретала разное значение»³. Конкретизируя это методологически важное положение, она соотносит отношение к здоровью (понимание ценности здоровья) с доминированием той или иной парадигмы в социологии. В частности, доказывая ограниченность «культы здоровья» в России в советский период (и полемизируя тем самым с ностальгией по тем временам, когда «здоровью населения уделялось большее внимание»), Л. М. Дробижева раскрыла основное противоречие этого «культы»: «Целевая установка в советские времена была — здоровье для человека, но его жизнь нужна для государства»⁴. И тем знаменательнее выглядит зафиксированное социологами качественное изменение последних десятилетий: здоровье становится приоритетной личностной ценностью.

Но и тут возникают серьезные исследовательские проблемы, связанные с разграничением ценностей на инструментальные и терминальные. На рубеже XX и XXI вв. социологи зафиксировали, что в понимании «... здоровье как средство достижения целей и здоровье как ценность для того, чтобы жить долго и полноценно, — приходит в противоречие, и первый, инструментальный, подход доминирует»⁵. Задача дальнейших социологических исследований и состоит в том, чтобы выявить основные тренды этого процесса. Важно не только разграничить индивидуальное здоровье и социальное здоровье, но и показать их взаимосвязь, взаимообусловленность (рис. 222).

¹ Авторскому коллективу особенно близок подход: Лебедева-Несевря Н. А., Гордеева С. С. Социология здоровья: учебное пособие для студентов вузов. — Пермь: Перм. гос. нац. иссл. ун-т., 2011. — 238 с.

² Дробижева Л. М. Ценность здоровья и культура нездоровья в России [Электронный ресурс]//Безопасность Евразии. — 2004. — № 1. — С. 33–43. Режим доступа: <http://spkurdyumov.narod.ru/Drobizheva3.htm> (дата обращения: 09.06.2016).

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Рис. 222. Понимание структуры здоровья в соответствии с определением Всемирной организации здоровья (1949 г.)*

* Воспроизведено по: Mapas mentales, mapas conceptuales y esquemas colaborativos [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.mindomo.com/es/mindmap/mind-map-8f0b3fac9af6403f8eb19292ae5cc8f5> (дата обращения: 19.09.2016).

К сожалению, во многих определениях социального здоровья эта взаимосвязь недооценивается (хотя, возможно, и подразумевается): «Социальное здоровье — благополучие людей, проявляющееся в ценностях, атмосфере, отношениях и организации общества, что в целом обеспечивает общественное развитие»¹. Но появляются и трактовки в духе антропоцентризма: «Для изменения ситуации в стране к лучшему необходимо в корне изменить систему жизненных ценностей, отношение к природе и взгляды на окружающий мир. В соответствии с этим жизнь и здоровье человека должны быть признаны высшими ценностями... Образование, карьера, богатство и все другие ценности не принесут счастья, они потеряют свою ценность и значение с потерей здоровья и жизни»².

¹ Определение понятия «здоровье». Признаки и показатели индивидуального здоровья [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.valeologija.ru/knigi/posobie-pomozh487-opredelenie-ponyatiya-zdorove-priznaki-i-pokazateli-individualnogo-zdorovya> (дата обращения: 09.06.2016).

² Куценко Г. И., Розенфельд Л. Г., Круглякова И. П. Сохранение и восстановление здоровья студентов в современных условиях. — Тула : [б/и], 2001. — С. 125.

Акцент на индивидуально-личностное основание социального здоровья позволяет не только соотносить социальное здоровье со здоровьем населения и общностей, но и выделить в качестве важного показателя социального здоровья социальную адаптацию, социальное самочувствие, определяющие взаимодействие общности и личности с социальной средой.

Подчеркивается значимость социокультурного фактора здоровья, в котором проявляются традиции, нормы, ценности, обычаи, социокультурные практики¹. Определяющим здесь выступает понимание способности воспроизводства полноценной личности в качестве субъекта общественного развития как главного признака социального здоровья общества и его общностей. Тем самым подчеркивается субъектность носителя здоровья. Эта субъектность в литературе рассматривается в двух аспектах. Во-первых, как предпосылка, обязательное условие благополучия человека. Во-вторых, как ответственность человека за свое здоровье. Исполнительный комитет ВОЗ отметил (1995), что «осознанная ответственность общества и, прежде всего, каждого человека за сохранение и поддержание на надлежащем уровне собственного здоровья — ключевой фактор, без которого усилия служб национального здравоохранения по достижению здоровья для всех будут оставаться недостаточно эффективными»².

Социологи, чье назначение выявлять, насколько та или иная тенденция, тренд становятся массовыми, фиксируют: у многих россиян пока такое чувство ответственности за свое здоровье не сформировано, ответственность за него еще не занимает значимого места в системе приоритетов каждого отдельного россиянина, значительная часть населения России психологически не готова нести ответственность за свое здоровье. Мы не можем согласиться с правильными, но абстрактными положениями типа: «Для каждого человека здоровье — главная ценность жизни. Его надо сохранять, оберегать и улучшать — это должно стать постулатом жизни каждого». Задача состоит в том, чтобы проследить, какие изменения происходят сегодня в социокультурной среде, насколько каждый человек понимает ценность здоровья, насколько он уже сегодня готов его «сохранять, оберегать и улучшать». Поэтому трудно согласиться с мнением, что основной причиной пассивного отношения к занятиям физкультурой и спортом является отсутствие знаний о влиянии физкультуры на разные стороны жизнедеятельности человека. Бесспорно, эти пробелы в информированности не могут не усиливать отмеченную пассивность. Но все-таки главное, на наш взгляд, в том, что антропоцентристский

¹ Рагимова О. А. Динамика социального здоровья подрастающего поколения // Известия Саратовского университета. Серия : Социология. Политология. — 2009. Т. 9, вып. 1. — С. 20–23.

² Айзман Р. И. Педагогическая валеология — стратегия самосозидания // Сибирский учитель. — 2000. — № 1 (5). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.sibuch.ru/OLD/1_5-00/diskus1_5_1.htm (дата обращения: 19.09.2016).

(идуший от человека) подход пока не очень развит¹. Хотелось бы обратиться к идее выдающегося социолога и психолога XX в. Э. Фромма — о «плодотворной ориентации личности», которая «означает фундаментальную установку, способ отношения во всех сферах человеческого опыта», «плодотворность — это человеческая способность использовать свои силы и реализовать заложенные в человеке возможности»².

Для эмпирического социологического исследования подходит интегративное определение здорового образа жизни, которое дают, обобщая современные представления о здоровом образе жизни, В. Бароненко и Л. Рапопорт: «Здоровый образ жизни — это типичные формы и способы повседневной жизнедеятельности человека, которые укрепляют и совершенствуют адаптационные (приспособительные) и резервные возможности организма, обеспечивая тем самым успешное выполнение своих социальных и профессиональных функций»³. Применительно к физической культуре и спорту это означает необходимость учитывать в единстве объективные и субъективные факторы.

Антропоцентристский подход к физкультуре и спорту связан с трактовкой физической культуры как неотъемлемой части культуры. Культура же — в русле самореализационной концепции культуры, развитой в работах Л. Н. Когана, — это «мера и способ реализации сущностных сил человека в его социальной деятельности и в результатах этой деятельности»⁴. Процесс социализации в ходе освоения культуры реализуется и как индивидуализация личности, и как обретение ею уникальности, неповторимости. Культура тесно связана со свободой человека. Она освобождает его от шаблонов и стереотипов, придает деятельности человека характер самостоятельности, свободного самовыражения личности.

Интересна идея Ф. Тенбрука о «репрезентативной культуре»: «Культура представляет собой общественное явление постольку, поскольку она является репрезентативной культурой, т. е. вырабатывает идеи, значения и ценности, которые действуют в силу их фактического признания. Она охватывает убеждения, оценки, картины мира, идеи и идеологии, которые воздействуют на социальное поведение в той мере, в какой члены общества или их активно разделяют, или их пассивно признают»⁵. Акцент на реализации сущностных сил человека и репрезентативности придает физической культуре качественно новый — личностный — смысл⁶.

¹ Паначев В. Д. Спорт и личность: опыт социологического анализа // Социологические исследования. — 2007. — № 11. — С. 125–128.

² Фромм Э. Человек для самого себя // Психоанализ и этика. — М., 1993. — С. 66.

³ Бароненко В. А., Рапопорт Л. А. Здоровье и физическая культура студента. — М. : Альфа-М, 2003. — 418 с. — С. 64.

⁴ Коган Л. Н. Цель и смысл жизни человека. — М. : Мысль, 1984. — С. 184.

⁵ Tenbruck F. Repräsentative kultur // Haferkamp H. (Hrsg.). Sozialstruktur und Kultur. Frankfurt a. Main, 1990. — S. 29.

⁶ Цынгунова Е. Т. Понятие и содержание категории «здоровый образ жизни»: культурологический аспект // Вестник Бурятского государственного университета. — 2010. — Вып. 6. — С. 232–238.

Представляется важным и соотнесение физической культуры и спорта. Термин «*спорт*» (от старофранцузского «*de sporte*» — развлечение, увлечение, забава) сегодня означает не только увеселения, но в большей степени «результат и сравнение результатов; существенные стороны стремления к достижению физических результатов в соревновании и состязании самого разного вида»¹. В русле антропоцентристского подхода важно сохранить «увлечение» (потребность, интерес) и в современном понимании спорта. Под физической культурой понимается «совокупность всех целей, задач, средств, форм и мероприятий, способствующих физическому развитию и совершенствованию людей. Сюда входят физические упражнения, физическое воспитание, спорт»².

При этом речь идет не столько о распространенном разграничении массовой физической культуры (спорт для всех), спорта высших достижений (олимпийский спорт), профессионального спорта (зрелищно-коммерческий спорт). Физкультура и спорт высших достижений — близнецы-братья, одно не может гармонично развиваться без другого. Если не будет спорта высоких достижений, то к чему будут стремиться физкультурники? Кто раздвинет пределы возможностей человеческого организма? За кого — в конце концов — будет болеть страна на международных соревнованиях? Ведь спорт — это школа воспитания мужества, характера, воли. И, наоборот, откуда возьмутся спортсмены-профессионалы, если массовый спорт в упадке? Важно подчеркнуть и еще один аспект социальной ценности большого спорта: достижения выдающихся рекорсменов зачастую находятся на грани физиологических и психических возможностей здорового человека. Анализ максимальных человеческих возможностей позволяет определить пути рационального развития и использования имеющихся у каждого человека природных способностей в его профессиональной и общественной деятельности³.

Сложнее соотнести физическую культуру и массовый спорт. Массовый спорт охватывает все виды соревновательной деятельности человека, направленной не на достижение высших спортивных результатов или материальных выгод, а на личностное развитие и решение социальных задач (социализация, оздоровление, интеграция, содержательный досуг и т. п.). Эта соревновательность и позволяет выделить массовый спорт как специфическую часть физической культуры. Спортивная состязательность не только способствует улучшению физиологических показателей тела, но и развивает полноценную личность, способную контролировать борьбу своих страстей и желаний. Соревновательный, престижный характер массового спорта обусловил ряд его особенностей.

¹ Терминология спорта: толковый словарь спортивных терминов (около 9500 терминов)/сост. Ф. П. Сулов, Д. А. Тышлер. — М. : СпортАкадемПресс, 2001. — С. 322.

² Там же.

³ Факторы, определяющие отношение населения к физической культуре [Электронный ресурс]//Военно-информационный портал. — Режим доступа: http://armyrus.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1037&Itemid= (дата обращения: 11.09.2016).

В современных условиях речь идет о том, чтобы, помимо создания необходимых предпосылок для занятий физической культурой и спортом, изменить многое в менталитете, во взглядах людей на свое здоровье. В первую очередь сегодня необходимо изменить отношение людей к занятиям физической культурой, они должны стать потребностью самого человека. Социологически значимо замерить уровень физической культуры. К показателям сформированности физической культуры личности можно отнести:

- степень потребности в физической культуре и способы ее удовлетворения;
- интенсивность участия в физкультурно-спортивной деятельности (затрачиваемое время, регулярность);
- характер сложности и творческий уровень этой деятельности;
- выраженность эмоционально-волевых и нравственных проявлений данного человека в физкультурно-спортивной деятельности (самостоятельность, настойчивость, трудолюбие, целеустремленность, самообладание, дисциплинированность, коллективизм, патриотизм);
- проявление самоорганизации, самообразования, самовоспитания и самосовершенствования в физической культуре;
- уровень физического совершенства и отношения к нему;
- владение средствами, методами, умениями и навыками, необходимыми для самостоятельного физического совершенствования;
- системность и глубину усвоения научно-практических знаний физической культуры для творческого использования в практике физкультурно-спортивной деятельности;
- широту диапазона и регулярность использования знаний, умений, навыков и опыта физкультурно-спортивной деятельности в организации здорового стиля жизни, в учебной и профессиональной деятельности; уровень развития не только двигательной, но и мотивационной, познавательной, эмоциональной, волевой и коммуникативной сфер¹.

Основной ориентир для всего человечества определен в программе Всемирной организации здравоохранения «Здоровье для всех в XXI столетии»². Конкретизацией этой задачи для России является Концепция охраны здоровья здоровых в Российской Федерации³. Ее осуществление нацелено на фор-

¹ Физическая культура: учеб. пособие / В. В. Бисеров [и др.]. — Екатеринбург : УГТУ-УПИ, 2008. — С. 9—10.

² См.: Доклад о состоянии здравоохранения в мире 2000 г. // Системы здравоохранения: улучшение деятельности. Всемирная организация здравоохранения. — Женева, 2000. — 232 с.; Доклад о состоянии здравоохранения в Европе 2002 г.: Европейское региональное бюро ВОЗ// Европейская серия по достижению здоровья для всех. — Копенгаген, 2003. — № 97. — 156 с.; Здоровье-21: основы политики достижения здоровья для всех в Европейском регионе ВОЗ// Европейская серия по достижению здоровья для всех. — Копенгаген, 1999. — № 6. — 310 с.

³ Концепция «Охрана здоровья здоровых». Приказ Минздрава РФ от 21 марта 2003 г. № 113 «Об утверждении Концепции охраны здоровья здоровых в Российской Федерации» [Элек-

мирование культуры здоровья, укрепление здоровья здоровых и практически здоровых людей. Но для реализации данной концепции необходимо качественно изменить понимание здоровья, повысить уровень развития культуры здоровья у населения (особенно учащейся и студенческой молодежи), преодолеть сохраняющееся в российском социуме потребительское отношение к своему здоровью, сформировать у граждан высокую валеологическую культуру. Понимание того, что здоровье нации зависит от здоровья каждого гражданина, должно стать ориентиром социальной политики в России.

Рассматривая проблематику здоровья современного студенчества, имеет смысл обратить внимание на рекомендацию известного российского ученого и педагога Н. И. Лобачевского: «Наставник юношества пусть обратит сюда внимание и постарается предупредить безрассудность молодости, еще не знающей цены своему здоровью»¹. К сожалению, проявления этой «безрассудности молодости» и сегодня нередко имеют место. Среди многих студентов распространено ложное представление о том, что болезни приходят в старости, когда активная жизнь уже позади. Роль собственных усилий молодых людей в поддержании и укреплении здоровья сегодня минимальна. Формируется совершенно необоснованная уверенность в том, что здоровье гарантировано само по себе молодым возрастом, что любые запредельные нагрузки, грубые нарушения питания, режима дня, недостаточная физическая активность, стрессы и другие факторы риска «по плечу» молодому организму, что он справится со всеми выпавшими на его долю испытаниями. Однако это далеко не так, и сегодня у молодежи все чаще и чаще отмечаются заболевания, которые раньше были уделом лиц более старшего возраста. Сама мысль о том, что здоровье не растрачивается, остается незыблемой, рождает абсолютно неправомерную самоуспокоенность и наносит вред здоровью молодежи.

В рамках мониторинга проблематика здорового образа жизни рассматривалась неравномерно. В декабре 1997 г. — январе 1998 г. по инициативе Л. А. Рапопорта было проведено социологическое исследование валеологической культуры студентов УГТУ-УПИ. Спустя 10 лет (в 2008 г.) — по той же методике (инструментарий и модель выборки — многоступенчатая квотная — были сохранены; несколько возрос с учетом роста числа студентов объем выборки — $N_{1998} = 419$ чел.; $N_{2008} = 732$ чел.) — было проведено повторное исследование. Спустя 5 лет (весной 2013 г.)² — по той же методике — был проведен третий этап мониторинга — опрос студентов УрФУ, возник-

тронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.acupro.ru/poleznaya-informatsiya/upravlenie_zdorovem_i_tkm/kontseptsiya_okhrana_zdorovya_zdorovykh/ (дата обращения 06.09.2016).

¹ Лобачевский Н. И. О важнейших предметах воспитания [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://sinsam.kirsoft.com.ru/KSNews_209.htm (дата обращения: 03.03.2017).

² На характере ответов в 2013 г., несомненно, сказалось увеличение доли студентов естественно-научного, социально-экономического и гуманитарного профилей (хотя и на предшествующих этапах мониторинга УГТУ-УПИ уже не был чисто «техническим» вузом).

шего на базе объединения УГТУ-УПИ и УрГУ (N₂₀₁₃–1037 чел.)¹. В отчетах по итогам II (1999 г.) и V (2009 г.) этапов мониторинга материалы этого исследования использовались, но вопросы о здоровом образе жизни в анкете мониторинга появились лишь с 2012 г.

Наиболее изученной в рамках мониторинга (ее исследование началось уже с 1999 г.) из проблематики здорового образа жизни является проблема отношения студенчества Среднего Урала к наркомании и профилактике наркозависимости².

Наконец, члены авторского коллектива (А. В. Пономарев, Н. С. Лопаева) исследовали важный аспект валеологической культуры студентов — использование здоровьесберегающих технологий и формирование соответствующих компетенций студентов³.

¹ См.: Валеологическая культура студента / Л. Н. Боронина [и др.]. — Екатеринбург : УГТУ-УПИ, 1998. — 36 с.; Вишневский Ю. Р., Боронина Л. Н., Рудакова Е. А. Валеологическая культура студентов // Уральский регион как социум: матер. XI Уральских социол. чтений. — Челябинск, 1998. — С. 197–202; Динамика валеологической культуры студенчества / Ю. Р. Вишневский [и др.] // Актуальные проблемы социологии молодежи, культуры и образования: матер. междунар. конф. (Екатеринбург, 25–26 февраля 2010 г.). — Екатеринбург, 2010. Т. 1. — С. 41–46; Белова О. Р., Боронина Л. Н., Вишневский Ю. Р. Самосохранительное поведение и валеологическая культура // Социально-психологические вопросы формирования ценностей самосохранительного поведения и преемственность поколений : сб. науч. ст. — Екатеринбург: УрАГС, 2011. — С. 16–23; Валеологическая и физическая культура: теоретико-методологический анализ / О. Р. Белова [и др.] // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1.: Проблемы образования, науки и культуры. — 2013. — № 2 (113). — С. 123–131; Валеологическая культура студенческой молодежи: тенденции, проблемы / О. Р. Белова [и др.] // Актуальные проблемы физической культуры и спорта в образовательных организациях: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (г. Екатеринбург, 11 декабря 2015 г.): Электронное издание / под общ. ред. Н. Б. Серовой; отв. за вып. Д. Ю. Нархов. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. — 475 с. — С. 89–96; Физическая культура как учебная дисциплина и образ жизни в представлениях современных студентов / И. М. Добрынин [и др.] // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. — 2016. — № 2 (42). — С. 159–167.

² Боронина Л. Н., Вишневский Ю. Р., Пучков А. Я. Социологическая диагностика наркотической ситуации // Студенчество и наркомания: пути решения проблемы: материалы Всерос. науч.-практ. конф. — Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2000. — С. 105–108; Боронина Л. Н., Вишневский Ю. Р., Пучков А. Я. Наркомания и девиации в студенческой среде // Вестник УГТУ-УПИ. — 2003. — № 4 (24). — С. 192–204; Вишневский Ю. Р. Исследование отношения студентов к наркомании как предпосылка оптимизации профилактической работы // Студенчество и наркомания: пути решения проблемы. — Екатеринбург : УГТУ-УПИ, 2003. — С. 51–61; Вишневский Ю. Р., Талалаева Г. В., Шапко В. Т. Наркомания: аномальная форма адаптации молодежи. — Екатеринбург : УГТУ-УПИ, 2007. — 250 с.; Вишневский Ю. Р., Лопаева Н. С., Пономарев А. В. Наркомания в представлениях студентов вузов Свердловской области (по материалам мониторинговых исследований) // Организация работы по профилактике зависимостей от психоактивных веществ в вузах: опыт, проблемы, перспективы : сб. тез. участников междувуз. науч.-практ. конф. — Екатеринбург, 2007. — С. 55–60; Пономарев А. В., Лопаева Н. С. Первичная профилактика наркомании в вузе: теория и практика : учебное пособие. — Екатеринбург : УГТУ-УПИ, 2008. — 354 с.; и др.

³ Лопаева Н. С. Воспитательная среда вуза в формировании здоровьесберегающих компетенций // Вестник ЧГПУ. — 2010. — № 10. — С. 87–93.

Серьезной конкретизацией особенностей физической культуры студенчества может стать выделение подмассива «студенты»¹ в рамках IV этапа мониторинга «Отношение жителей Свердловской области к занятиям физической культурой и спортом» (2010–2011–2012–2016 гг.)².

Учитывая обобщающий характер монографии, остановимся на результатах всего комплекса этих исследований.

В анкету мониторинга «Валеологическая культура» был включен вопрос об источниках информации о здоровом образе жизни (рис. 223).

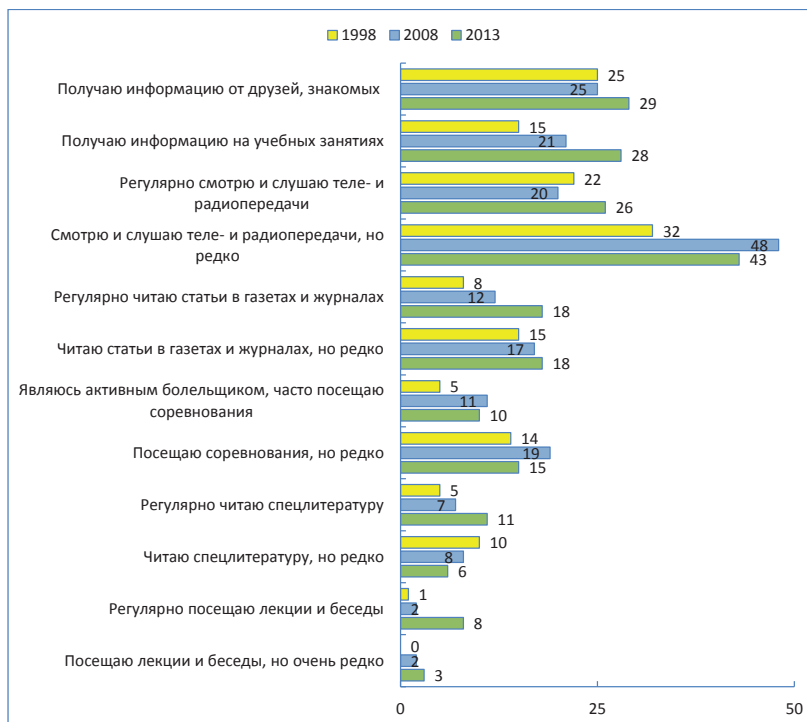

Рис. 223. Динамика ответов на вопрос «Как вы получаете информацию о ЗОЖ», 1998–2013 гг., студенты УГТУ-УПИ, УрФУ, % по группам

¹ На всех этапах мониторинга доля подмассива «студенты» была достаточно весомой: на I этапе (2010 г.) — 37 %, на II этапе (2011 г.) — 21 %, на III этапе (2012 г.) — 31 %, на IV этапе (2016 г.) — 31 % ($N_{\text{общий}} = 2130$; $N_{\text{студенты}} = 665$). Это позволяет рассматривать данные по подмассиву как достаточно репрезентативные применительно к студенчеству.

² Отношение жителей Свердловской области к физической культуре и спорту (Информационно-аналитический отчет по итогам социологического исследования — осень 2010 г.) / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. — Екатеринбург : УрФУ, 2010. — 92 с.; Вишневский Ю. Р., Белова О. Р., Боронина Л. Н. Социологический анализ отношения жителей Свердловской области к занятиям физкультурой и спортом: от исследований к практике // Многофункциональность в науке: матер. Междунар. науч. конф., посвящ. 65-летию проф. Б. В. Личмана / под ред. проф. В. В. Запария. — Екатеринбург, 2011. — С. 159–172; Отношение жителей Свердловской области к физической культуре и спорту (Информационно-аналитический отчет по итогам социологического мониторинга — ноябрь — декабрь 2012 г.) / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. — Екатеринбург : УрФУ, 2013. — 178 с.; и др.

Интерес студентов к информации о ЗОЖ достаточно устойчив. В основном сохраняются и противоречия, которые были зафиксированы еще в 1998 г. Прежде всего это — преимущественная ориентация на спортивный компонент ЗОЖ (но в ее особой вариации — «болельщика»). Сохраняется и преобладание роли СМИ — особенно телевидения. При общей утрате телевидением роли значимого для студентов канала информации в отношении спортивных передач эта роль сохраняется — на протяжении всех 15 лет каждый четвертый (в 2013 г.) — пятый регулярно смотрит телепередачи о спортивных соревнованиях, каждый второй-третий — занимается этим, но нерегулярно. Сохраняется и недооценка (или отражение низкой роли?!) учебных занятий. За 2008–2013 гг. проявились и позитивные изменения: выросло число регулярно посещающих лекции и беседы, регулярно читающих спецлитературу, получающих информацию о ЗОЖ из газет и журналов и, что особенно значимо, получающих эту информацию на учебных занятиях.

По ряду параметров проявляются гендерные особенности: среди болельщиков и телезрителей спортивных передач преобладают юноши, коммуникативный фактор (общение с друзьями, знакомыми) более значим для девушек.

За годы мониторинга интерес к валеологии у студенчества несколько вырос (и это позитивно), особенно если к интересующимся добавить тех, кто оценивает свои знания и умения как достаточные (а их число за 15 лет не изменилось) — рис. 224.

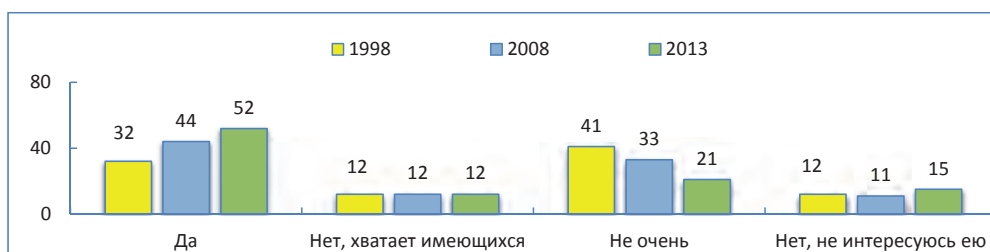

Рис. 224. Динамика ответов на вопрос «Хотели бы вы получить больше знаний по валеологии», 1998–2013 гг., мониторинг «Валеологическая культура студентов», УГТУ-УПИ, УрФУ

Особенно серьезные изменения произошли за период с 2008 по 2013 гг.: если в 1998 г. соотношение тех, кому нужны знания о валеологии, и тех, кому они не очень или совсем не нужны, составляло 1 : 1,75, в 2008 г. — 1 : 1, то в 2013 г. — 1,4 : 1. И все-таки считаем, что именно учебные занятия в вузе играют важную роль в удовлетворении этого растущего запроса. Поэтому остается в силе предложение, обоснованное после первого этапа мониторинга, о необходимости введения в вузах целостного курса валеологии. Более того — оно становится еще актуальнее.

Интересно и то, какие знания и умения по валеологии привлекают студентов (рис. 225). Заметна тенденция переориентации студентов от проблем физического здоровья к проблематике психического здоровья. Возросла еще больше значимость культуры интимных отношений (ее приоритетность осталась неизменной). Высокий интерес можно было бы соотнести с возрастными особенностями. Но одновременно он отражает и своеобразный информационный вакуум, который все еще сохраняется вокруг проблемы интимных отношений. Взрослые (и родители, и преподаватели) «стесняются» или считают, что сегодня у молодых достаточно источников такой информации и без них (достаточно сослаться на перенасыщенность СМИ «околосексуальной» информацией).

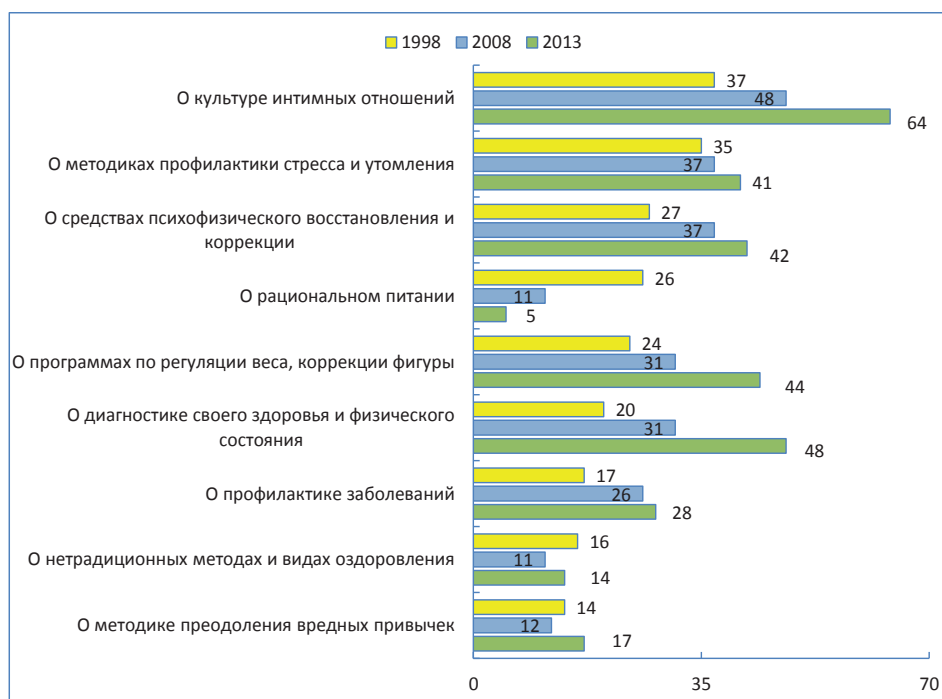

Рис. 225. Динамика ответов на вопрос «Какие знания и умения по валеологии вы хотели бы получить», 1998–2013 гг., мониторинг «Валеологическая культура студентов», УГТУ-УПИ, УрФУ

Но явно недооцениваются реальные трудности, с которыми сталкиваются молодые люди, когда на них обрушивается поток противоречивой и разнокачественной (порой низкопробной, пошлой) информации. Вольно или невольно молодежь подталкивается в своем сексуальном поведении к ориентации на принцип «проб и ошибок». А ведь эти ошибки — сломанные

жизненные судьбы. Пусть и не всегда видимые для внешнего наблюдателя (в этом смысле алкоголизм, наркомания, никотинизм — нагляднее, «заметнее»), но разрушающие здоровье (и физическое/абORTы, БППП и т. д./, и психическое, и нравственно-социальное). Не забудем, что из 10 беременностей российской женщины в среднем за детородный период (от 15 до 45 лет) половина — 5 (!?) — приходится на первый этап (до 25 лет). Но значительная часть из них не завершается рождением ребенка.

Сохраняет свою значимость и интерес к освоению методик профилактики стрессов и утомления. К ним добавился и возросший интерес к восстановительным и коррекционным методикам. Что за этим? Большой объем учебной нагрузки? Нерациональность организации учебного процесса? Несформированность навыков учебного труда? Растущий динамизм образа жизни, воспроизводящий и усиливающий стрессовые ситуации? Неумение самостоятельно снимать стрессы и переутомление? В любом случае ответы студентов (чаще всего, — студенток) заслуживают того, чтобы этим проблемам уделялось достаточно внимания. И еще один важный момент. Мы так часто говорим о растущем «прагматизме» молодежи (вкладывая в это — совершенно незаслуженно — негативный смысл), что забываем: студенты стремятся получить не какие-то абстрактные валеологические знания и умения, а прикладные, конкретные, практически применимые. А их-то зачастую и недостает.

Говоря о приоритетах нельзя одновременно ориентироваться на то, что всех студентов может одинаково заинтересовать весь спектр валеологических знаний и умений. Очевидно, именно в данном отношении будет проявляться (и — судя по опросу — проявляется) дифференцированность интересов студентов. Кстати, об этом говорит и возросший интерес к психодиагностике (в 1998 г. — у каждого пятого, в 2008 г. — у каждого третьего, в 2013 г. — у двух из каждых пяти). И то, что целый ряд проблем вызывают интерес у меньшей части студенчества, не является основанием для недооценки этих проблем. По некоторым из них (о рациональном питании, о нетрадиционных методиках оздоровления, о методиках преодоления вредных привычек) произошло снижение интереса. Одна из причин — колебания моды (в частности, мода на табакокурение, охватившая за последние годы даже женскую часть молодежи, делает неэффективными многие традиционные методики анти-никотиновой пропаганды; еще более негативные последствия имеет «пивной алкоголизм», который пытались представить как замену вино-водочного алкоголизма). С другой стороны, — сказывается и неумение в социальной рекламе и пропаганде учесть социально-психологические особенности молодежи.

В анкету мониторинга «Студент-2012» и «Студент-2016» был включен ряд вопросов мониторинга «Валеологическая культура студента». Прежде всего нас интересовали самооценки студентами состояния своего здоровья (рис. 226). У студентов преобладает явно завышенная самооценка состоя-

ния своего здоровья. Если выразить самооценки по пятибалльной шкале, уже в 2012 г. общий итог был достаточно высок: 3,64. И юноши (3,69), и девушки (3,60) были сходны в своих самооценках. В 2016 г. оценки стали еще более высокими — 3,80 (почти одинаковыми и у юношей — 3,82, и у девушек — 3,79, с той только разницей, что у юношей чуть больше крайних оценок, а у девушек они усреднены).

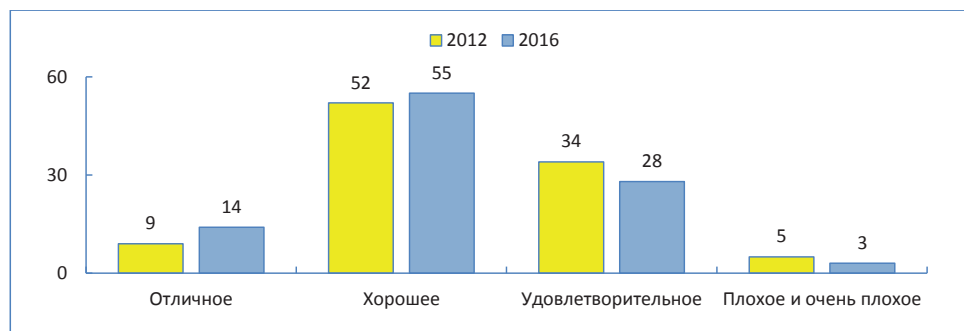

Рис. 226. Изменение оценок студентов состояния своего здоровья, 2012–2016 гг., % от группы

Близкими в 2012 г. были и самооценки респондентов из разных вузов (рис. 227). У студентов преобладала явно завышенная самооценка состояния своего здоровья. Если выразить самооценки по пятибалльной шкале, уже в 2012 г. общий итог был достаточно высок: 3,64. И юноши (3,69), и девушки (3,60) были сходны в своих самооценках. В 2016 г. оценки стали еще более высокими — 3,80 (почти одинаковыми и у юношей — 3,82, и у девушек — 3,79, с той только разницей, что у юношей чуть больше крайних оценок, а у девушек они усреднены).

В 2016 г. они повысились практически у респондентов всех вузов (лишь респонденты из УрГУПС остались устойчивыми в своих оценках, впрочем, эта устойчивость — с учетом изменения состава выборки — весьма относительна, как и соотнесение индивидуальной по сути самооценки с вузом).

В определенной мере респонденты преувеличивают и позитивные оценки своего образа жизни как здорового (рис. 228).

Изменения самооценок респондентами-студентами разных вузов Свердловской области представлены в табл. 139. Заметно, что более высокая оценка своего образа жизни как здорового является общей тенденцией. И даже снижение ее по ряду вузов вряд ли связано именно с вузом.

Если условно выразить самооценки в баллах («Да» — условная оценка 2 балла; «Скорее да» — условная оценка — 1 балл; «Скорее нет» — условная оценка — 1 балл; «Нет» — условная оценка — 2 балла), то уже в 2012 г. сред-

небольшая оценка была достаточно высокой (+0,66). Отклонение от средней самооценки у юношей (+0,59) и у девушек (+0,70) были не очень значительными. При этом юноши проявляли большую определенность — они несколько чаще давали ответы «да» и «нет», для девушек более характерными были ответы «скорее, да», «скорее, нет». В 2016 г. респонденты дали еще более высокие оценки — средний балл составил +0,74. Повысились оценки и в гендерном разрезе, но разрыв в оценках увеличился — у юношей средний балл составил +0,63, у девушек +0,83.

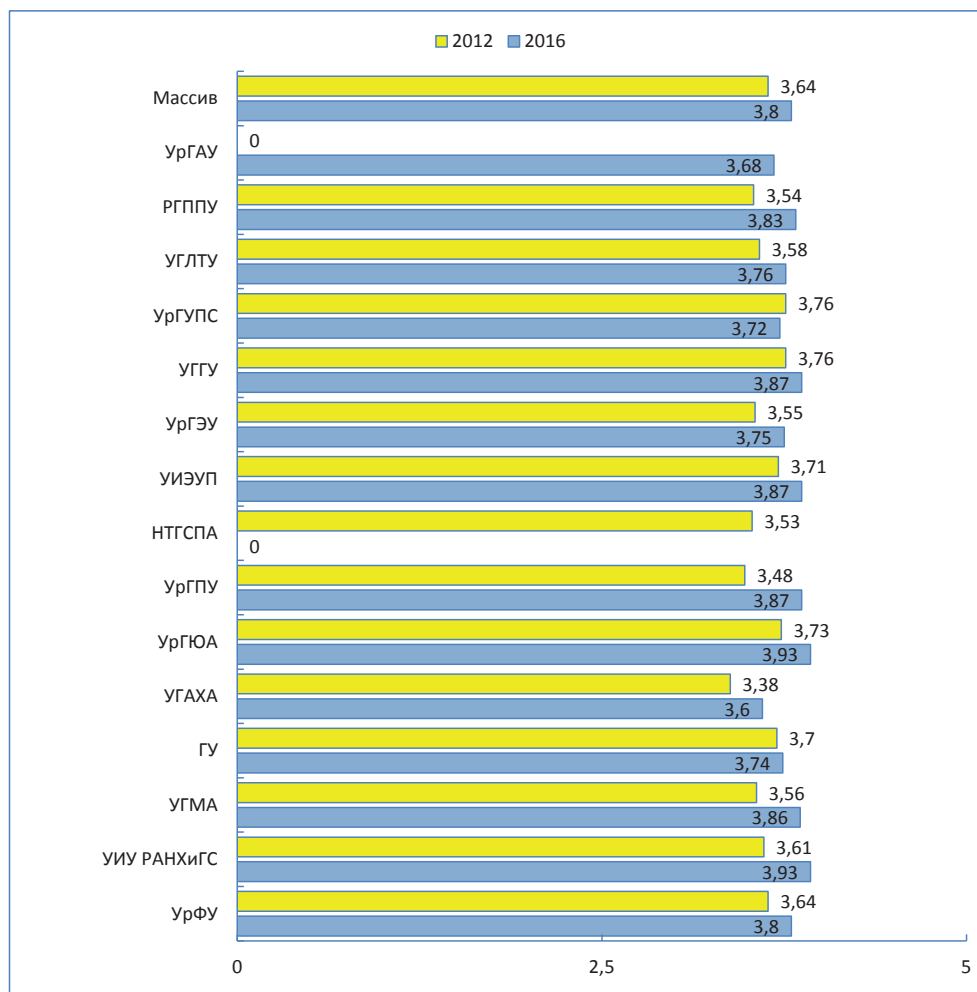

Рис. 227. Средние самооценки состояния здоровья по пятибалльной шкале по массиву и вузам (2012–2016 гг.)

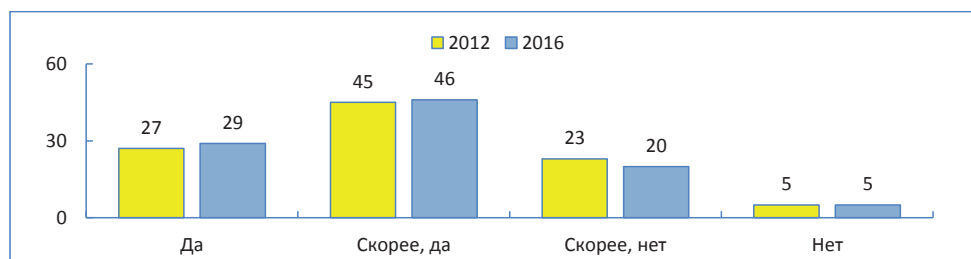

Рис. 228. Изменения в ответах на вопрос «Ведете ли Вы здоровый образ жизни», 2012–2016 гг., % от группы

Таблица 139

**Самооценки образа жизни как здорового по вузам, 2012–2016 гг.,
(ведете ли Вы здоровый образ жизни?), средний балл**

Вузы	2012	2016
Массив	+0,66	+0,74
УрФУ	+0,52	+0,70
УИУ РАНХиГС	+0,65	+0,87
УГМУ	+0,66	+0,67
ГУ	+0,50	+0,36
УГАХУ	+0,83	+0,72
УрГЮУ	+0,67	+0,79
УрГПУ	+0,54	+0,81
УИЭУП	+0,56	+0,62
УрГЭУ	+0,97	+0,77
УГГУ	+0,77	+0,86
УрГУПС	+0,80	+0,56
РГППУ	+0,71	+0,90
УГЛТУ	+0,83	+1,02
НТГСПА	+0,41	—
УрГАУ	—	+0,45

Из общей картины несколько выпадают самооценки студентов-медиков (УГМУ): у них крайние самооценки (и позитивные, и негативные) выше средних. Возможно, это связано с большей информированностью этих студентов о факторах и критериях ЗОЖ.

Высокие самооценки (особенно в сравнении с реальной ситуацией заболеваемости студентов) отражают определенный разрыв между вербальной (весьма высокой) оценкой здоровья и реальным освоением и использованием студентами здоровьесберегающих технологий. Преодолеть этот разрыв особенно важно в свете требований федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС) о формировании у выпускника вуза наряду с другими компетенциями здоровьесберегающей компетенции — «способности владеть средствами самостоятельного методически правильного использования методов физического воспитания и укрепления здоровья, готовности к достижению должного уровня физической подготовленности для обеспечения полноценной социальной и профессиональной деятельности»¹.

В ходе изучения степени сформированности этой компетенции у студентов УГТУ-УПИ был использован уровневый подход (проект TUNING; оценки результатов воспитанности и социальной компетентности):

- высокий уровень — важно (4 балла),
- средний уровень — допустимый, средняя степень важности (3 балла),
- низкий уровень — критический, минимальная степень важности (2 балла),
- очень низкий уровень — недопустимый, неважно (1 балл)².

Выяснилось, что по трем из четырех составляющих здоровьесберегающей компетенции за годы обучения студенты не выходят на средний, допустимый уровень. Конечно, данные за 2006 г. могут показаться устаревшими, но мы их привели, поскольку они во многом выступали ориентирами оптимизации работы по формированию валеологической культуры студенчества.

В качестве эмпирических индикаторов для опроса в мониторинге «Валеологическая культура студентов» (1998–2013 гг.) были избраны основные направления здорового образа жизни (ЗОЖ). Респонденты должны были по каждому направлению оценить его важность (в соотношении с другими) и дать самооценку: следуют ли они требованиям ЗОЖ в рамках данного направления (табл. 140).

¹ См.: Лопалева Н. С. Воспитательная среда вуза в формировании здоровьесберегающих компетенций // Вестник ЧГПУ. — 2010. — № 10. — С. 87–93. — С. 88.

² См.: Там же. — С. 89; Пономарев А. В. Социально-педагогическая функция вуза в воспитании современного специалиста: монография. — М. : Изд-во ИКАР, 2009. — 430 с. — С. 211–212; Зимняя И. А., Земцова Е. В. Интегративный подход к оценке единой социально-профессиональной компетентности выпускников вузов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.logosbook.ru/VOS/05_2008/14-19.pdf (дата обращения: 03.09.2016); Горылев А. И., Пономарева Е. А., Русаков А. В. Методология TUNING: компетентностный подход при определении содержания образовательных программ. Электронное методическое пособие. — Н. Новгород, 2011. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.unn.ru/cie/GorylevPonomarevaRusakov.pdf> (дата обращения: 11.09.2016).

Таблица 140

Оценка значения здоровьесберегающей компетенции для профессиональной деятельности и уровня ее освоения за период обучения (УГТУ-УПИ, 2006, средний балл)

Компетенции	Значение	Уровень освоения
Осознает опасность курения, алкоголизма, СПИДа, наркомании и свою свободу и ответственность за выбор здорового образа жизни	3,4	3,2
Осознает необходимость укрепления здоровья как ценности и готов к формированию, сохранению и укреплению здоровья, организации экологически безопасной рабочей среды	3,4	2,9
Имеет навыки регуляции психосоматического и эмоционального проявления состояния здоровья, в том числе управление стрессами и конфликтами	3,3	2,7
Знает, понимает и использует различные методики здоровьесбережения	3,2	2,6

Уже в рамках этого мониторинга выявились основные тенденции и проблемы формирования здорового образа жизни студентов. Прежде всего выявилась высокая (по крайней мере, на вербальном, словесном уровне) оценка различных направлений ЗОЖ. Хотя и здесь есть определенные различия, особенно заметные, если использовать рейтинг:

- с 2008 г. в ряд приоритетов наряду с высокой двигательной активностью добавились рациональное питание и нормальная интимная жизнь;
- как весьма значимые (в оценках трех из каждых четырех) рассматривались нормальные экологические условия, отказ от вредных привычек; с 2008 г. к ним добавился параметр — рациональный режим труда и отдыха;
- значительная часть направлений на среднем уровне оценок (значимы для каждого второго);
- ниже других (и в 1998 г., и в 2008 г., и в 2013 г.) было оценено использование традиционных и нетрадиционных средств оздоровления и закаливания. Выявляется еще одна болевая точка в формировании валеологической культуры — недооценка профилактических мер.

Если же говорить о следовании требованиям ЗОЖ, то они по всем параметрам ниже. Наибольший разрыв проявился по таким параметрам, которые лежат на стыке объективного (мало зависящего от самого человека) и субъективного (во многом определяемого его ценностными ориентациями)

и установками). И, напротив, там, где зависимость от субъективных факторов, личных усилий велика, — разрыв наименьший (как, например, в отказе от вредных привычек и нормальной интимной жизни).

Соответственно, на VII этапе мониторинга Студент-2016 вопрос был включен в анкету, обращенную и к студентам других вузов. Что же показали результаты этого опроса? (рис. 229).

Рис. 229. Оценки важности направлений ЗОЖ и реального следования требованиям ЗОЖ, 2016 г., % ответивших

Во многом тенденции, выявленные в опросе студентов УГТУ-УПИ (УрФУ), сохранились и даже усилились.

Из 12 предложенных для оценки направлений ЗОЖ 8 студенты оценили как важные (они значимы для четырех из каждых пяти респондентов), лишь одно — использование нетрадиционных средств оздоровления и закаливания организма — оценено как неважное (оно значимо лишь для каждого четвер-

того). Но сохранился и разрыв между оценками тех или иных направлений и реальной поведенческой практикой. По самооценкам студентов, в своей жизнедеятельности они реально следуют требованиям здорового образа жизни в двигательной активности (два из каждых трех), в создании комфортных условий быта и отказе от вредных привычек (три из каждых пяти), в оптимальной физической нагрузке, нормальной интимной жизни и создании комфортных условий учебы и труда (каждый второй).

В рамках исследования валеологической культуры студентам было предложено оценить влияние разных факторов на здоровье (сравнив их ответы с данными ВОЗ) (рис. 230).

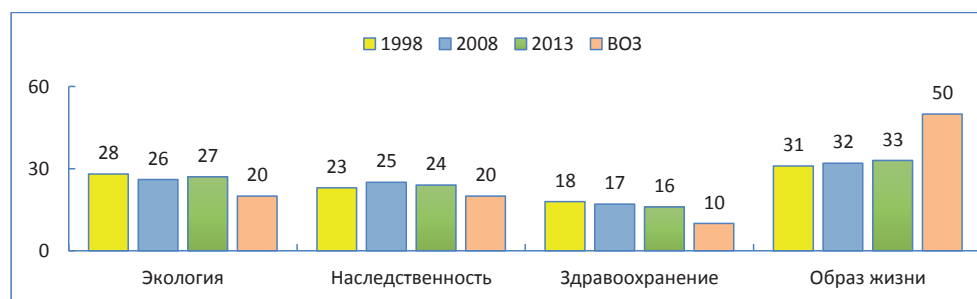

Рис. 230. Оценка влияния разных факторов на здоровье, в %, на этапах мониторинга «Валеологическая культура студенчества» 1998, 2008 и 2013 гг. и по данным ВОЗ

Наибольшее совпадение — в оценке роли генетических факторов, наследственности. Более высокая оценка студентами УГТУ—УПИ, УрФУ роли экологии и здравоохранения связана с их повышенной озабоченностью неблагоприятной экологической обстановкой на Урале, что во многом соответствует реалиям, и отмеченным выше соотношением здоровья с лечением болезней, чем по сути и продолжает заниматься (может быть, с некоторым смещением перспективного ориентира на профилактику) наша система здравоохранения.

Но самое существенное расхождение — в оценке роли образа жизни. В оценках студентов (устойчиво — и в 1998 г., и в 2008 г., и в 2013 г.) проявляется типичный переко́с: роль внешних факторов преувеличивается, в отношении же субъективных факторов — своего образа жизни, поведения — ситуация обратная.

Этот же переко́с проявился и в оценках студентами известного парадокса Ж. Лабрюйера: «Здоровье — это то, что люди больше всего стремятся сохранить и меньше всего берегут». Три из каждых четырех респондентов сами согласились с таким мнением (72 % — в 1998 г., 75 % — в 2008 г., 77 % — в 2013 г.). Выступая экспертами (оценивая, каким было бы мнение их друзей), они дали сходные оценки (в 1998 г. — 56 %; в 2008 г. — 63 %, в 2013 г. — 61 %). Но учитывается ли в работе с молодежью этот переко́с? Представляется, что недо-

статочно. Слишком часто акцентируется внимание на объективные негативные последствия (типа: «капля никотина убивает лошадь»), и игнорируется психология восприятия (или невосприятия) той или иной информации. Это же относится и к предупреждающим надписям на пачке сигарет или на банке пива. Не задумываются о восприятии неоднозначности своего поведения молодыми людьми и многие воспитатели (родители, преподаватели, взрослые) — в итоге правильные слова о «трезвом образе жизни» зачастую девальвируются не очень трезвым (порой — очень нетрезвым) поведением самих воспитателей. И тут актуален марксов призыв о «воспитании воспитателей». Кстати, поучителен и опыт антиалкогольной кампании в годы перестройки: борьба с вредными привычками не может вестись кампанейски, не должна сводиться к одним запретам и — самое главное — нельзя ориентироваться на моментальное изменение сознания и поведения человека, его отказ от стереотипов и традиций.

Безусловно, значима информированность студентов о трагических последствиях безразличного или «варварского» отношения многих молодых людей к своему здоровью. Но наличие только негативной, «устрашающей» информации может привести к отторжению такой информации и закреплению вредных для здоровья привычек и установок. Противостоять этому можно лишь с помощью целостной информации и о здоровом образе жизни, и о возможных отклонениях от него.

На VI этапе мониторинга Студент-2012 были зафиксированы и определенные позитивные изменения (табл. 141).

Таблица 141

Оценка студентами здоровьесберегающего поведения (что, на ваш взгляд, необходимо для поддержания здорового образа жизни в первую очередь), 2012 г, % от группы

Варианты ответа	%
Заниматься спортом	56
Не курить	55
Не употреблять наркотики	49
Полноценно и правильно питаться	42
Не пить	41
Не вести беспорядочную половую жизнь	19
Жить полноценной духовной жизнью	15
Практиковать методы оздоровления организма	9

Примечание. Поливариантный вопрос, сумма ответов больше 100 %

Заметно растущее понимание ведущей роли занятий физической культурой и спортом как фактора поддержания. Усиливается и понимание полно-

ценного, правильного питания, хотя в повседневных практиках студентов это понимание далеко не всегда реализуется. Ответы студентов зафиксировали четкую и весьма печальную картину — серьезно говорить о рациональном питании применительно к большинству студентов нельзя. Лишь один из девяти респондентов обычно принимает пищу в одно и то же время, для трети типично нерегулярное питание. За последние годы резко снизилась роль общепита в питании студентов. Лишь каждый пятый студент регулярно пользуется услугами столовых и буфетов. Каждый третий вообще не прибегает к их услугам — и это в условиях, когда учебные занятия ежедневно по 3–4 пары. Нерациональность питания становится не только валеологической, но и острой социальной проблемой.

Не менее значимо понимание несовместимости ЗОЖ и вредных привычек, хотя именно в этом вопросе противоречивость валеологической культуры студенчества проявляется наиболее явно.

Для девушек характерен чуть больший акцент на неприятие вредных привычек (хотя различия в пределах статистической погрешности), недопустимость беспорядочной половой жизни; для юношей — на важности занятий физкультурой и спортом.

Студенты различных вузов неодинаково оценили роль разных факторов, обеспечивающих поддержание здорового образа жизни. Поскольку зафиксировать какую-то логику (или влияние социально-демографических и социокультурных моментов) в оценках не удалось, отметим — как «информацию к размышлению» — по каждому из параметров те вузы, респонденты из которых выделили выше среднего уровня значение именно этого параметра:

- «не пить» — УГЛТУ, НТГСПА, УГМА;
- «не курить» — УГЛТУ, УрГЭУ, УГМА;
- «заниматься спортом» — УГЛТУ, УрГУПС, УГГУ, УрГЭУ;
- «полноценно и правильно питаться» — УИУ РАНХиГС, УГАХА, РГППУ;
- «не употреблять наркотики» — УИЭУП, УрГЭУ, УГГУ, ГУ;
- «не вести беспорядочную половую жизнь» — РГППУ, УИУ РАНХиГС, УрГЭУ;
- «практиковать методы оздоровления организма» — УрГПУ, НТГСПА;
- «жить полноценной духовной жизнью» — УГАХА, НТГСПА, УГМА, УрГПУ.

Особенность интерпретации результатов VI этапа — разработка портретов отдельных групп респондентов (одинаково ответивших на какой-то вопрос), выявление их особенностей в сравнении с массивом.

В данном случае выделим тех, кто на вопрос о поддержании ЗОЖ ответил «заниматься спортом» (это большая группа — 56 %). В этой группе чуть больше, чем в среднем, мужчин, селян, выпускников общеобразовательных школ, студентов-технарей. Примечательны их более высокие самооценки

состояния своего здоровья. Наконец, в этой группе больше и тех, для кого занятия спортом предпочитаемый вид досуговых занятий, — 41 % (по массиву — 31 %). Позитивная роль занятий спортом проявляется и в том, что в этой группе меньше, чем в среднем, считается приемлемым курение, употребление алкоголя и наркотиков.

Как уже отмечалось выше, судить о реальных занятиях студентов физической культурой и спортом можно по результатам исследования «Отношение жителей Свердловской области к занятиям физкультурой и спортом» (2016 г.)¹.

Сегодня основная стратегическая задача в области физической культуры и спорта — приобщения различных групп населения к активным занятиям физической культурой и массовым спортом. Это соответствует наметившейся в последние годы тенденции к сокращению доли граждан России, не занимающихся физкультурой и спортом. Одновременно это и стратегическая линия, поскольку даже в самой продвинутой — молодежной — группе охват занятиями физической культурой и спортом в России еще не соответствует показателям, характерным в целом для всего населения развитых индустриальных стран.

И все-таки исследования фиксируют позитивные сдвиги, по крайней мере, в отношении студенчества. В 2012 г. 58 % студентов ответили, что регулярно занимаются физической культурой и спортом, в 2016 г. отнесли себя к людям, систематически (не менее 6 часов в неделю) занимающимся физкультурой и спортом, уже 67 % студентов. Примечательно, как это проявляется по отдельным видам занятий (табл. 142).

Таблица 142

Систематичность занятий (занимаетесь ли Вы физической культурой, спортом, если да, то, как регулярно), 2016 г., подмассив «студенты», N = 665, % от группы

Вид занятий	Никогда не занимался	Раньше — да, сейчас — нет	Время от времени	Регулярно
Активно двигаюсь, хожу пешком, много гуляю	3	14	47	36
Занимаюсь в спортивной секции	10	28	33	29
Интересуюсь информацией о спорте	22	17	33	28
Занимаюсь физкультурой самостоятельно, дома	8	18	47	27
Делаю утреннюю зарядку	16	17	41	26

¹ В данном разделе анализируются материалы исследования по подмассиву «студенты» (N = 665).

Окончание табл. 142

Вид занятий	Никогда не зани- мался	Рань- ше — да, сейчас — нет	Время от вре- мени	Регу- лярно
Участвую в соревнованиях	22	27	31	20
Посещаю соревнования как болельщик	27	17	37	19
Посещаю группу здоровья	32	16	35	17
Посещаю спортивные площадки	16	28	40	16
Хожу в турпоходы	32	27	31	10

Среди регулярных занятий приоритетны (отмечены каждым третьим-четвертым) — двигательная активность, занятия в спортивной секции, интерес к спортивной информации, самостоятельные занятия физкультурой, утренняя зарядка. Понятно, когда каждый третий студент не посещал и не посещает группы здоровья, сказывается распространенный стереотип, что эти группы не для молодежи. Но когда аналогичная доля студентов никогда не ходила и не ходит в турпоходы, то за этим — серьезная проблема. По сравнению с 1960–1980 гг. спортивный туризм утратил свою ведущую роль в досуге и физкультурных занятиях студенчества.

Особого внимания заслуживает группа, чьи ответы «Раньше — да, сейчас — нет». У каждого четвертого эти ответы относятся к посещению спортивных секций и спортивных площадок, участию в соревнованиях. Выясняется: нередко учебные занятия в школах, колледжах и вузах (хотя в последние годы, что позитивно, их объем значительно вырос) выполняют преимущественно ситуативную роль, явно недооценивая перспективную задачу — сформировать у молодого человека устойчивую привычку, установку на активные занятия физической культурой и спортом в дальнейшей жизни.

Каковы мотивы студентов к занятиям физической культурой и спортом (табл. 143)?

Структура приоритетных мотивов у студентов аналогична мотивации населения в целом, отличаясь лишь значимостью отдельных параметров:

1. Желание поддерживать себя в хорошей физической форме (отметил каждый третий респондент-студент). Особенность студентов — соотношение (каждым третьим!!) хорошей физической формы с красотой и силой.

2. Забота о сохранении, поддержании здоровья, закаливании организма (отметил каждый четвертый респондент-студент, что несколько ниже в сравнении с мнением населения в целом, возможно, сказывается отмеченная выше самоуверенность многих молодых людей, что их физическое здоровье — безмерно).

3. Стремление получить моральное и физическое удовлетворение, уверенность в себе (отмечено каждым пятым).

4. Стремление снять психологическую нагрузку, снять стресс (отмечено каждым пятым).

5. Забота о сохранении работоспособности, снижении утомляемости (отмечено каждым пятым).

Таблица 143

**Мотивы занятий (что побуждает Вас заниматься физической культурой и спортом),
2016 г., подмассив «студенты», % ответивших**

Значения	%
Желание выглядеть красивым, сильным	31
Желание поддержать себя в хорошей физической форме	31
Забота о сохранении и поддержании здоровья; закаливание организма	26
Стремление получить моральное и физическое удовлетворение, уверенность в себе	19
Стремление снизить психическую нагрузку, снять стресс	18
Забота о сохранении работоспособности; снижение утомляемости организма	14
Возможность отдохнуть, интересно провести свободное время	13
Стремление к спортивной карьере, успеху	12
Возможность общения с близкими по духу людьми, друзьями	11
Сложившаяся привычка	10
Сейчас вести здоровый образ жизни стало модно и престижно	9
Влияние примера известных спортсменов	8
Занимаюсь по обязанности (требование фирмы, предприятия, школы, вуза и т. п.)	8
Семейные традиции	7
Личность и профессионализм преподавателя, тренера	7
Ничто не побуждает, практически не занимаюсь	4

Тем самым, в той или иной мере эти мотивы — так или иначе — соотносятся с физическим здоровьем, рациональным досугом. Не подвергая сомнению их значимость, отметим: мотивацию, непосредственно связанную со спортивной деятельностью, респонденты считают второстепенной. Подчеркнем и то, что эти мотивы нельзя недооценивать, поскольку у многих респондентов формируется как бы двухслойная мотивация: более обобщенная (соотносимая с физическим здоровьем) и более конкретная, включающая и влияние содержательных спортивных факторов (стремление к спортивной карьере, успеху; стремление получить моральное и физиче-

ское удовлетворение; влияние примера известных спортсменов; сложившаяся привычка; личность и профессионализм тренера, преподавателя). В свете отмеченной нами перспективной задачи учебных занятий примечательно, что лишь один из десяти респондентов-студентов среди мотивов своих занятий физической культурой и спортом выделил устойчивую привычку к таким занятиям.

Занятия спортом — понятие достаточно обобщенное. В нашем исследовании оно конкретизировалось по отношению к видам спорта. Среди приоритетных (отмеченных в 10 % и более ответов респондентов) для уральских студентов видов спорта: волейбол, баскетбол (22 %), спортивная и художественная гимнастика (14 %), легкая атлетика (14 %), танцевальный спорт (14 %), плавание (13), фигурное катание (12 %), сноуборд (11 %), велоспорт, мотоспорт, автоспорт (10 %), футбол, мини-футбол (10 %), лыжный спорт (10 %).

И сам этот список приоритетов, и низкий рейтинг отдельных видов спорта (футбол, лыжный спорт), и отсутствие в нем ряда видов спорта (хоккей, хоккей с мячом; конькобежный спорт; единоборства — кикбоксинг, каратэ, дзюдо, самбо, тхэквондо и др.) расходились с привычными представлениями учителей, преподавателей физического воспитания в школах, колледжах и вузах. Но, очевидно, смысл и назначение социологических исследований и состоит в фиксации изменений в установках и ориентациях молодежи, чтобы можно было более своевременно и эффективно учитывать эти изменения.

Чтобы эффективнее вовлекать молодых людей в активные занятия физической культурой и спортом, нужно не только знать их мотивацию таких занятий, но и учитывать, что им мешает заниматься физкультурой и спортом или заниматься больше и чаще, чем сейчас (табл. 144).

Свое неучастие в занятиях физкультурой и спортом многие соотносят с объективными причинами, из которых приоритетны объективные факторы — прежде всего нехватка свободного времени и ограниченность условий для занятий. Из ответов студентов видно, что значимость первого фактора (отмечен каждым третьим) для них важнее. Если даже собрать все ссылки на ограниченность условий для занятий (хотя в методическом плане это противоречит правилам анализа ответов на поливариантные ответы) — удаленность спортивных залов, стадионов, комплексов, бассейнов от дома, необходимость тратить много времени на дорогу; отсутствие спортивных залов, стадионов, комплексов, бассейнов или слабая материально-спортивная база (оборудование, инвентарь) в нашем городе, селе, районе; плохая организация и низкое качество занятий; недостаточный опыт и профессионализм преподавателя, тренера; отсутствие занятий, секций нужного профиля или занятий с людьми моего возраста, то в целом получаются те же 35–37 %, что и ссылки на нехватку свободного времени.

Таблица 144

**Ограничения занятий (что мешает Вам заниматься физкультурой и спортом
или заниматься больше и чаще, чем сейчас, 2016 г.,
подмассив «студенты», % ответивших**

Значения	%
Ничто не мешает, занимаюсь достаточно активно и регулярно	11
Мало свободного времени	35
Недостаточность средств для серьезных занятий спортом в современных условиях	18
Сказывается усталость после работы, учебы	17
Лень, неумение спланировать свое время	15
Нет привычки к постоянным занятиям спортом, физкультурой	14
Ограниченный выбор или высокая стоимость спортивного инвентаря для самостоятельных занятий	12
Отсутствие желания, интереса	8
Удаленность спортивных залов, стадионов, комплексов, бассейнов от дома, необходимость тратить много времени на дорогу	8
Отсутствие перспектив для спортивной карьеры	7
Отсутствие спортивных залов, стадионов, комплексов, бассейнов в нашем городе, селе, районе	7
Плохое состояние здоровья	6
Плохая организация и низкое качество занятий	4
Не организованы занятия с людьми моего возраста	4
Ограничены возможности заниматься в секциях, группах здоровья (запись в них ограничена, неудобное время для занятий и т. д.)	4
Недостаточный опыт и профессионализм преподавателя, тренера	4
Отсутствие групп здоровья, секций нужного профиля по месту жительства	3
Слабая материально-спортивная база секций, групп здоровья (оборудование, инвентарь)	3
Занятия физкультурой и спортом вообще не нужны	2

Примечание. Поливариантный вопрос, сумма больше 100 %

Коммерциализация многих занятий физкультурой и спортом вывела на второе место в иерархии причин, мешающих активному участию в этих занятиях, нехватку средств (к этому можно добавить и отмечаемую все чаще дороговизну инвентаря для самостоятельных занятий спортом).

Все еще значимо негативное воздействие психолого-физиологических причин. Лишь немногие (2 %!!) считают, что занятия физкультурой и спортом вообще не нужны. Чуть больше тех, кто ссылается на плохое состояние

здоровья. Еще весомее ссылки на элементарное нежелание уделять время и силы этим занятиям.

Но особенно важно обратить внимание на такие психологические факторы, как лень, неумение спланировать свое время (выясняется, что нехватка свободного времени связана не только с объективными, но и с субъективными моментами), отсутствием привычки к занятиям физической культурой и спортом. Наконец, серьезная проблема противоречий между массовым и профессиональным спортом обозначена в ответах 7 % респондентов об отсутствии перспектив для спортивной карьеры.

Преобладающая удовлетворенность у студентов условиями для занятий физической культурой и спортом проявилась и в их оценках инфраструктуры для этих занятий (рис. 231).

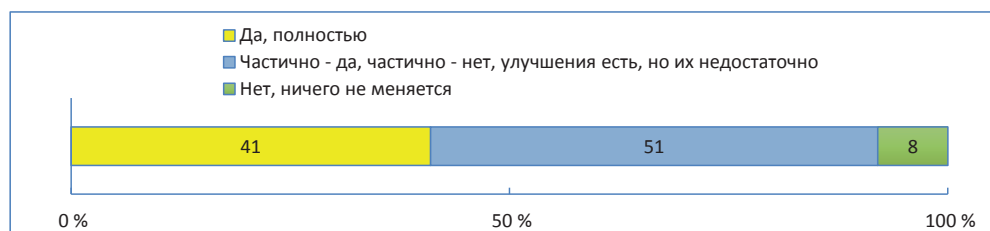

Рис. 231. Степень удовлетворенности (Вы удовлетворены тем, как развивалась спортивная инфраструктура в Вашем городе (поселке, селе)), 2016 г., подмассив «студенты», % ответивших

Отмечая достаточно высокие оценки студентами того, как развивалась спортивная инфраструктура в их городе, поселке, селе, подчеркнем некоторую двусмысленность вопроса, обращенного к ним. Поскольку исследовалось отношение жителей области к занятиям физической культурой и спортом, нас интересовали территориальные различия в развитии инфраструктуры. Но большинство вузов области сосредоточены в Екатеринбурге, и разграничить, относятся ли их оценки к областному центру или к месту жительства до вуза, было весьма затруднительно. Но и с этой поправкой оценки студентов достаточно информативны.

Оценка мнений студентов о качестве работы отдельных элементов спортивной инфраструктуры приведена в табл. 145.

В целом респонденты отмечают наличие этих элементов в их городе (что еще раз подтверждает гипотезу, что их оценки в основном относятся к Екатеринбургу). Каждый четвертый-пятый отказался от определения качества их работы, что соотносится с числом студентов, практически не занимающихся физкультурой и спортом. Наиболее высоко оценивается качество работы спортивных сооружений (спортзалов, стадионов, спорткомплексов, бассейнов). Ниже всего оценивается инфраструктура для повседневного досуга — зоны активного отдыха и спортплощадки во дворах.

Таблица 145

Оценка спортивной инфраструктуры (наличие и качество условий для занятий физкультурой и спортом в Вашем городе, поселке, селе, 2016 г., подмассив «студенты», % ответивших

Значения	Их нет	Они есть, их качество			
		низкое	среднее	хорошее	не могу определить
Тренажерный зал, спортзал	2	6	22	50	20
Стадион	2	7	24	49	18
Фитнес-центр	6	6	20	48	20
Спорткомплекс	5	7	20	47	21
Плавательный бассейн	6	6	20	46	22
Спортзалы для занятий спортивных секций	2	7	26	44	21
Платные спортивно-оздоровительные услуги	5	7	22	43	23
Хоккейный корт	3	8	22	42	25
Прокат спортивного инвентаря	4	7	25	40	24
Зоны активного отдыха	7	9	23	38	23
Спортплощадки во дворах	5	15	24	36	20

Особое значение имеют и высокие оценки студентами доступности различных компонентов инфраструктуры (рис. 232). Преобладает мнение, что доступность различных компонентов спортивной инфраструктуры растет. Правда, каждый четвертый считает, что они были достаточно доступными и раньше. И лишь для одного из восьми респондентов в проблеме доступности (точнее — недоступности) спортивной инфраструктуры никаких изменений не произошло.

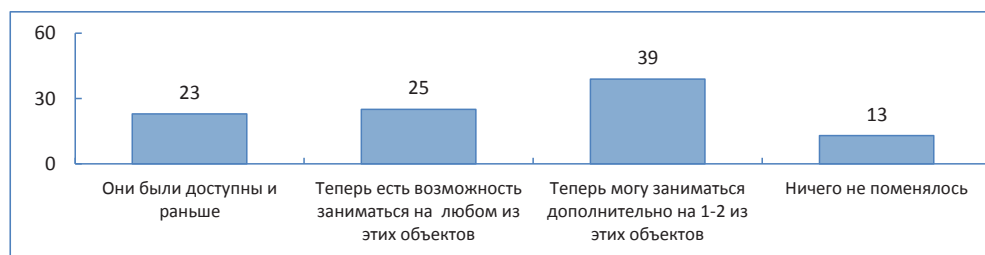

Рис. 232. Изменение доступности спортивной инфраструктуры (насколько стали доступнее Вам перечисленные выше условия для занятия спортом), 2016 г., подмассив «студенты», % ответивших

Своеобразным итогом исследования отношения студенчества к занятиям физической культурой и спортом являются их коллективные предложения о перспективах развития этих занятий (табл. 146).

Важный аспект формирования здорового образа жизни связан с профилактикой алкоголизма, никотинизма, наркомании.

В начале 2000-х гг. распространение пивного алкоголизма даже стало рассматриваться как характерная черта нового поколения: «Вид типичного представителя «поколения *Next*», обнимающего одной рукой подругу/друга за талию, а другой — пивную бутылку, беспрепятственно шагнул на улицы с голубого экрана». За последние 3 года количество больных алкоголизмом среди подростков выросло на 15 %, из которых 75–80 % занимает именно пивная зависимость¹.

После первой волны наркомании, обрушившейся на нашу страну в 1990-е гг., со второй половины 2001 г. наметился некоторый спад. По оценкам специалистов, он был связан с рядом причин:

- сменой в молодежной среде одних наркотических веществ другими (опиатов стимуляторами);
- изменением способа введения наркотического вещества (возросшая непопулярность среди молодежи инъекционного потребителя);
- увеличение возраста начинающих употреблять наркотические средства;
- появление новых препаратов и медицинских технологий, позволяющих заниматься самолечением, не обращаясь за официальной медицинской помощью;
- двоякий эффект силовых методов воздействия — часть людей пугалась и прекращала принимать наркотики, большинство же просто уходило в подполье.

Таблица 146

Возможные способы развития (что наиболее перспективно с точки зрения развития физической культуры и массового спорта в Вашем городе, поселке, селе, 2016 г., подмассив «студенты», % ответивших

Значения	%
Построить, ввести в действие новые спортивно-физкультурные учреждения	24
Обеспечить существующие спортивные комплексы необходимым оборудованием, улучшить их материальную базу	23
Расширить сеть этих учреждений, повысить качество их работы	22
Снизить цены на услуги физкультурно-спортивных учреждений	18
Возродить работу секций по месту жительства, восстановить дворовые спортивные площадки, дворовые команды	17

¹ Аптекарева Д. Детки в пивной клетке // Аргументы и факты. — 2004. — № 20.

Окончание табл. 146

Значения	%
Оборудовать места для игровых видов (футбол, хоккей, волейбол, баскетбол и т. п.)	14
Разнообразить направленность спортивных секций, повысить качество их работы	13
Создавать велодорожки, пешеходные зоны, тропы здоровья, лыжные трассы	11
Оборудовать тренажерные залы	10
Регулярно проводить интересные и зрелищные спортивные мероприятия	8
Развивать оздоровительные группы с общей физической подготовкой (ОФП)	7
Шире информировать жителей о планируемых мерах и мероприятиях в области физической культуры и спорта	7
Создавать легкоатлетические комплексы, стадионы	6
Активнее привлекать жителей к участию в их подготовке и реализации	6
Совершенствовать работу по пропаганде и утверждению здорового образа жизни	5
Ничего не надо делать, все и так хорошо	6
Ничего не надо делать, все бесперспективно	1

Примечание. Поливариантный вопрос, сумма больше 100 %

Спустя 2–3 года началась вторая волна: подросло поколение, которое вновь не боится инъекционного способа употребления наркотических средств и для которого нормальным стал систематический прием так называемых тяжелых наркотиков¹. Таков был внешний фон в период проведения нашего мониторинга.

На протяжении всего мониторинга в качестве основы для анализа проблемы «студенчество и наркомания» рассматривалось отношение респондентов к наркомании (табл. 147).

Таблица 147

Динамика отношения студентов к наркомании (как относиться к наркомании в молодежной среде), 1999–2012 гг., % ответивших

Варианты ответов	1999	2003	2007	2009	2012
Осуждаю — последствия наркомании трагичны	66	65	65	65	73
Нейтрально — это дело каждого	10	10	11	10	9

¹ См.: Ружников Ю. Этого взлета боялись и ждали // Уральский рабочий. — 2004, 28 сентября.

Окончание табл. 147

Варианты ответов	1999	2003	2007	2009	2012
Для себя — не допускаю, для других — свое мнение не навязываю	19	20	17	18	11
Сегодня она — достаточно распространенное явление	4	3	5	5	4
Не могу сказать определенно	1	2	2	2	4

Обнадеживающим результатом VI этапа (2012 г.) является существенный рост осуждающих наркоманию в любых ее проявлениях с одновременным снижением количества студентов, не допускающих употребление наркотиков лично для себя.

При этом сохраняются тенденции, проявившиеся на предыдущих этапах мониторинга. Девушки более критичны в своем отношении к наркомании: они чаще осуждают наркоманию, отмечая трагичность ее последствий; среди них вдвое меньше получило распространение нейтральное отношение к наркомании. Выявились и новые проблемы. Неожиданно оказалось, что гораздо терпимее к наркомании относятся студенты-«естественники» (среди них осуждающих наркоманию в 1,2 раза меньше, чем в среднем по массиву).

На VI этапе мониторинга (2012 г.) был добавлен ряд вопросов, касающихся выяснения отношения студентов к вредным привычкам. Это позволило сопоставить и сравнить отношение к наркомании и к алкоголизму и никотинизму. На VII этапе мониторинга (2016 г.) вопросы были повторены (табл. 148, рис. 233–235).

Выяснилось, что ситуация довольно противоречивая. С одной стороны, наиболее негативное отношение из этих явлений — к наркомании. С другой стороны, каждый второй респондент проявил довольно терпимое отношение к алкоголизму. Возникает вопрос: не отразилась ли в ответах студентов реакция на имевшие в недавние времена попытки преодолеть потребление «крепких» алкогольных напитков «слабыми» и приведшие к массовому распространению (особенно в женской среде) «пивного алкоголизма»?

Таблица 148

Отношение студентов к вредным привычкам (как относиться к вредным привычкам в молодежной среде), 2012–2016 гг., % опрошенных

Варианты ответов	Курение		Употребление алкоголя		Употребление наркотиков	
	2012	2016	2012	2016	2012	2016
Не принимаете это для себя и окружающих	46	42	29	22	85	83

Окончание табл. 148

Варианты ответов	Курение		Употребление алкоголя		Употребление наркотиков	
	2012	2016	2012	2016	2012	2016
Не принимает это для себя, но равнодушен применительно к другим людям	29	33	18	20	9	12
Считаю возможным употребление, но в ограниченном количестве	20	19	49	54	3	4
Приобщение к вредным привычкам вполне приемлемо	5	6	4	4	3	1

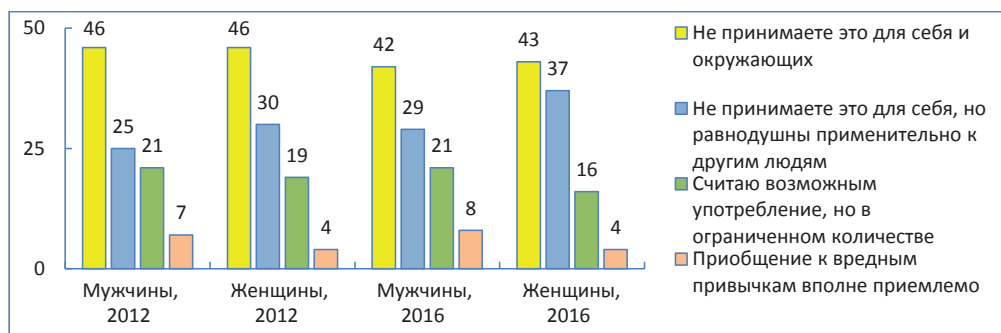

Рис. 233. Динамика отношения к курению, 2012–2016 гг., % от группы

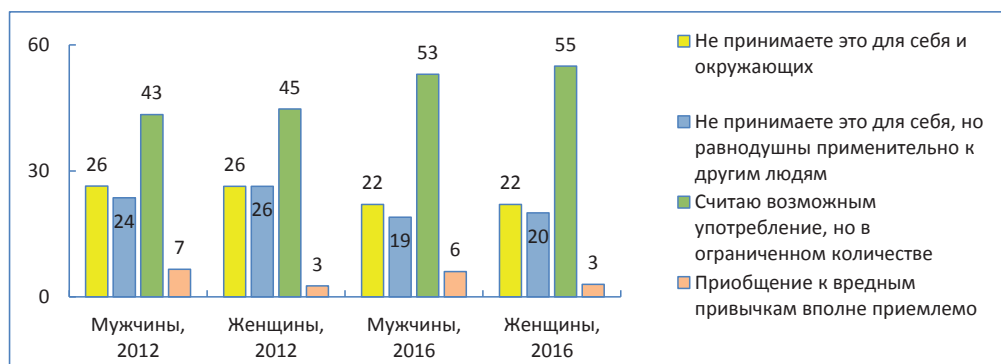

Рис. 234. Динамика отношения к употреблению алкоголя, 2012–2016 гг., % от группы

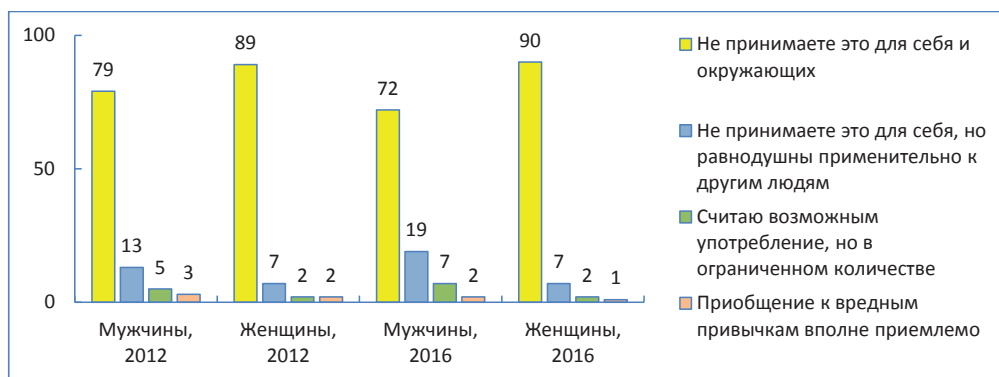

Рис. 235. Динамика отношения к употреблению наркотиков, 2012–2016 гг., % от группы

Между тем, по мнению многих экспертов, долговременные негативные последствия «пивного алкоголизма» оказываются ничуть не меньшими в сравнении с «водочным алкоголизмом». Характерно для отмеченного противоречия, что девушки, более решительно отвергая наркоманию, в отношении к никотинизму не очень отличаются от юношей, а по параметру «считаю возможным употребление алкоголя, но в ограниченном количестве», даже опережают их (в 1,1 раза). На последующих этапах мониторинга проявился ряд тенденций, которые были зафиксированы ранее.

Так, подтвердилось, что более категорично настроены против наркомании студенты естественно-научного и технического направлений подготовки, в сравнении со студентами социально-экономического и особенно гуманитарного направлений, при общем среднем уровне ее оценки как распространенного явления. Обращает на себя внимание и тот факт, что студенты-гуманитарии чаще всех остальных отмечают достаточно широкое распространение наркомании в молодежной среде. Если еще учесть, что они же чаще «допускают» употребление наркотиков лично для себя, то можно предположить вероятность роста числа употребляющих наркотики в среде студентов-гуманитариев и на перспективу. А это означает: при общей необходимости заметно активизировать профилактику наркомании в студенческой среде особое внимание должно быть уделено данной группе студентов.

Большей толерантностью к употреблению наркотиков отличаются и студенты, проживающие в общежитии. Поскольку сегодня социальный контроль за ними (со стороны и родителей, и преподавателей) заметно ослаблен, их излишняя «самостоятельность» в сочетании с излишней терпимостью в отношении к наркоманам и употреблению наркотиков превращает эту группу студентов в «группу риска».

В 2016 г. для анализа отношения студентов к наркомании был использован прием «взгляд со стороны» — респондентам предложили ответить на вопрос: «Употребляют ли Ваши знакомые наркотики?» (рис. 236).

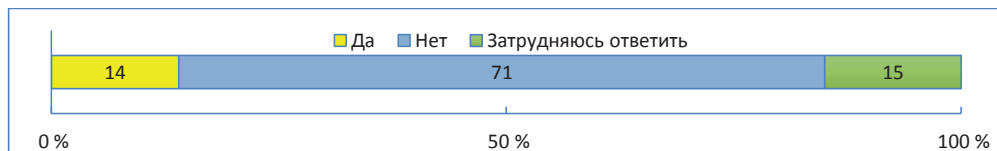

Рис. 236. Употребляют ли Ваши знакомые наркотики, 2016 г.,
% от числа опрошенных

Если судить по ответам респондентов, то пространство распространения наркотиков в студенческой среде Екатеринбурга достаточно широко — у каждого седьмого есть знакомые-наркоманы. Хотя, отвечая на дополнительный вопрос, респонденты отметили, что лишь один из четырех этих знакомых употребляет их «практически каждый день». Но и у многих остальных проявляется достаточно сильная наркозависимость (рис. 237).

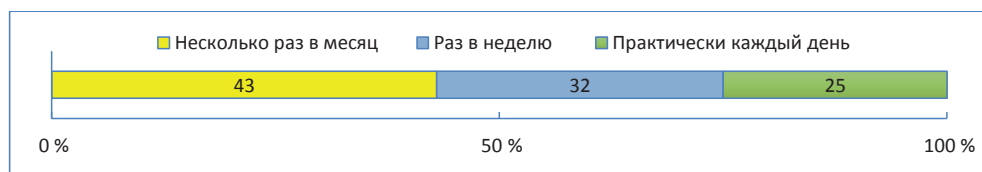

Рис. 237. Как часто употребляют Ваши знакомые наркотики, 2016 г.,
% числа ответивших «да» на предыдущий вопрос

В гендерном отношении различия достаточно четкие: юноши о наличии знакомых-наркоманов говорят вдвое чаще, чем девушки. Но девушки отмечают, что их знакомые употребляют наркотики «практически каждый день» в 1,5 раза чаще.

Важная исследовательская проблема — выяснить, как влияет на общее отношение респондента к наркомании в молодежной среде то, что его знакомые употребляют наркотики? Или иначе — достаточно абстрактную проблему конкретизировали, приблизили к жизненным реалиям респондента. Один из результатов такого анализа был ожидаемым: студенты, чьи знакомые употребляют наркотики, вдвое чаще, чем в целом по массиву, отметили распространенность наркомании в молодежной среде. Но другие результаты выглядят парадоксально. Эти студенты настроены в отношении к наркомании в молодежной среде с меньшим осуждением и с большей терпимостью. Возможно, сказывается определенный (и весьма тревожный!) эффект «при-

выкания» или осознание собственного бессилия в борьбе не просто с наркоманией, а с конкретным (знакомым? близким? родным?) наркоманом.

Анализ причин распространения наркотиков в студенческой среде предполагал выявление мотивов, побуждающих (по оценкам респондентов) употребление наркотиков (табл. 149).

Использование методики «взгляд со стороны» при изучении проблем, напрямую связанных с болезненными для человека явлениями, себя оправдывает. И в этом мы убедились, предлагая респондентам на всех этапах мониторинга как бы посмотреть на феномен наркомании глазами «эксперта». Выяснилось, что эти оценки достаточно устойчивы.

Приоритетный мотив употребления наркотиков по этим оценкам — любопытство (каждый второй, а на VI–VII этапе мониторинга даже 3 из каждых 5). Коварство данного мотива в том, что в основе его ошибочный стереотип — наркозависимость не возникает сразу. Между тем, по данным медицинских исследований, по большинству групп наркотиков это совершенно не так. И «уколовшийся» из любопытства «садится на иглу». Сходная ситуация и по второму по значимости мотиву — получению удовольствия. Ощущение «кайфа» обманчиво и — самое главное — быстротечно.

Таблица 149

**Динамика мотивации к употреблению наркотиков (что может быть
мотивом употребления наркотиков), % опрошенных**

Значение	1999	2003	2007	2009	2012	2016
Любопытство	43	46	48	52	57	56
Получение удовольствия	38	33	51	49	50	54
Снятие стресса, усталости	—	—	33	25	31	41
Неурядицы в личной и семейной жизни; жизненные катастрофы и потрясения	35	53	37	42	26	29
Просто так, за компанию	26	25	32	30	28	27
Мода	22	30	17	13	18	18
Привычка	23	16	20	14	15	18
Желание не выглядеть «белой вороной»	—	—	16	17	16	12
Внутренняя убежденность	4	4	4	6	4	7

Важно обратить внимание и на мотивы, где отмечается компенсаторная функция употребления наркотиков — снять стресс, усталость; забыться от жизненных неурядиц, проблем. К сожалению, в работе по профилактике наркомании в молодежной среде явно недостаточно внимания уделяется этим моментам, их ситуативности, временности.

Наконец, хотя они нашими респондентами и поставлены лишь на четвертое и более низкие места в ранговом ряду мотивов, хотелось бы акцентировать

те мотивы, которые напрямую связаны с преимущественно групповым характером молодежного образа жизни. Именно в этот период жизни сверстники (peer group) становятся для молодого человека основной референтной группой. Отсюда и распространенность таких форм приобщения к употреблению наркотиков, как «за компанию», из-за моды (получившей распространение в студенческой среде), из нежелания выглядеть «белой вороной». В данном случае организаторам работы по профилактике наркомании среди молодежи стоит опираться на выявленное социологами и укрепляющееся у современной молодежи «Я-чувство». За многолетней критикой индивидуализма как-то остались недооцененными позитивные стороны данного качества — готовность стоять на своем, противостоять влиянию «толпы», «стадности».

Среди позитивных моментов отметим, что на всех этапах мониторинга наименее значимыми мотивами назывались привычка и особенно убежденность (хотя на VII этапе был зафиксирован рост числа респондентов, отметивших данный мотив).

Особых различий в оценке возможных мотивов употребления наркотиков между юношами и девушками не выявлено (табл. 150). Разве что юноши чуть больше акцентируют внимание на «удовольствии», а девушки — на «неурядицы в личной и семейной жизни; жизненные катастрофы и потрясения».

Таблица 150

Мотивы употребления наркотиков среди студентов — по полу, 2012–2016 гг., поливариантный вопрос, % от группы¹

Значение	Мужчины		Женщины	
	2012	2016	2012	2016
Любопытство	53	54	59	57
Получение удовольствия	56	57	47	51
Снятие стресса, усталости	29	38	32	43
Неурядицы в личной и семейной жизни; жизненные катастрофы и потрясения	17	23	30	33
Просто так, за компанию	26	26	29	28
Мода	20	20	18	17
Привычка	14	18	15	17

¹ Для сравнения с результатами опроса в 2012 г. сошлемся на данные опроса студентов 16 вузов Москвы (2011 г.) (Опрос: наркотики в студенческой среде Москвы // РИА НОВОСТИ, 2011. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: webdiscover.ru (дата обращения: 11.09.2016)), на вопрос «Почему, по Вашему мнению, молодые люди употребляют наркотики?» 60 % ответили — чтобы развлечься, избавиться от скуки, от безделья, 55 % — чтобы уйти от неприятных переживаний (обиды, страха, чувства одиночества), 24 % — чтобы снять напряжение при общении с другими, 13 % — это считается престижным, вызывает уважение сверстников, 11 % — чтобы не выделяться, быть таким как все, 3 % — от глупости, 6 % — другое, 9 % — затруднились ответить.

Окончание табл. 150

Значение	Мужчины		Женщины	
	2012	2016	2012	2016
Желание не выглядеть «белой вороной»	16	10	16	14
Внутренняя убежденность	4	7	3	6

Студенты на протяжении всего мониторинга выступали в роли «экспертов» не только в оценке наркоситуации, но и в определении мер, которые являются целесообразными и оптимальными в решении проблемы зависимости от наркотиков (табл. 151–152).

Таблица 151

Меры помощи для избавления от наркозависимости, 1999–2016 гг., % ответивших

Меры	1999	2003	2007	2009	2012	2016
Медицинская помощь	57	51	62	66	66	75
Помощь профессионального психолога	50	43	52	53	45	51
Моральная поддержка	40	32	42	46	49	49
Жестче относиться к наркоманам	—	29	27	29	34	32
Изменение отношения к наркоманам в обществе	29	12	21	19	18	19
Материально-финансовая поддержка	9	9	8	7	8	6

Примечание. Поливариантный вопрос, сумма больше 100 %

Таблица 152

**Меры помощи для избавления от наркозависимости, 2016 г.,
группы по полу, % ответивших**

Меры	Группы	
	Мужская	Женская
Медицинская помощь	68	80
Моральная поддержка	53	47
Помощь профессионального психолога	42	57
Жестче и требовательнее относиться к наркоманам	38	28
Изменение отношения в обществе к наркоманам	19	18
Материально-финансовая поддержка	8	5

Примечание. Поливариантный вопрос, сумма больше 100 %

Три приоритетных варианта сходны на последних этапах мониторинга: медицинская помощь, моральная поддержка, помощь профессионального психолога. Примечательно, что у девушек акцент на квалифицированную психологическую помощь оказывается сильнее, чем на моральную поддержку.

Осталась неизменной и уверенность, что материально-финансовая поддержка мало эффективна. Остается на прежнем уровне ориентация на «силовые» методы борьбы с наркоманией — жестче относиться к наркоманам (в 2012 г. несколько увеличилось количество студентов, выбравших данный вариант ответа, — каждый третий; в 2016 г. значимость этой меры сохранилась, особенно у юношей, среди которых два из каждых пяти считают необходимым требовательнее и жестче относиться к наркоманам).

Большинство студентов, как и в предыдущих исследованиях, выбрали медицинскую помощь (отмечена в ответах двумя из каждых трех респондентов и в 2009, и в 2012, и в 2016 гг.). А это означает, что в студенческой (шире — молодежной) среде наркомания преимущественно воспринимается как болезнь.

В этом плане обращает на себя внимание устойчиво низкая оценка (в ответах каждого пятого) изменения отношения в обществе к наркомании. Что за этим? Уверенность, что главное — индивидуальный, личный выбор каждого? Или отражение противоречивости (неадекватности!?) общественного мнения о наркомании? Ведь еще более 10 лет назад известный социолог-юнолог Е. Л. Омельченко отмечала, что «даже когда опасность не вызывает сомнений, как, например, рост молодежной наркотизации, взрослые дискурсы остаются невероятно противоречивыми. Так, например, до сих пор отсутствует общественное согласие относительно причин, путей и методов реагирования на эту социальную болезнь. Политика на федеральном уровне оторвана от региональной, между субъектами антинаркотических практик продолжается конкуренция за право единоличного решения этой проблемы. Боль и страдания родителей и самих наркозависимых служат источником прибыльного бизнеса и сомнительного политического «пиара», публичный медиадискурс одновременно и «заигрывает» с этой темой, и ведет «откровенные» разговоры с молодежью, сопровождая их «страшилками» из жизни «законченных нарков». Иначе говоря, информационное пространство вокруг этой проблемы невероятно запутанно»¹. Но ситуация не становится более «распутанной».

Важной составляющей антинаркотической профилактической работы является раннее выявление незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ. Для этого сегодня законодательно предусмотрено «социально-психологическое тестирование обучающихся в общеобразовательных организациях и профессиональных образовательных организациях, а также образовательных организациях высшего образования»².

¹ Омельченко Е. Л. Культурные молодежные сцены России начала XXI века: между активностью и пассивностью // Правозащитное движение в России: коллективный портрет: сборник. — М. : ОГИ, 2004. — С. 107–117. — С. 109.

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам профилактики незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ. Федеральный закон от 7 июня 2013 г. № 120-ФЗ. Ст. 53. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://rg.ru/2013/06/11/narkotiki-dok.html> (дата обращения: 19.09.2016).

Тестирование является добровольным — по желанию учащихся и студентов. Тестирование предусматривает два этапа. На первом испытуемые отвечают на вопросы специальной анкеты, на втором — проходят медосмотр и сдают необходимые анализы для выявления в организме следов наркотических средств.

С 2007 г. впервые в анкету нашего мониторинга был включен вопрос о введении тестирования студентов на предмет употребления наркотиков. В 2009 и 2012 гг. вопрос был сохранен. В 2016 г. уже после введения добровольного тестирования мы посчитали целесообразным не исключать данный вопрос.

Как же относятся респонденты к возможности тестирования студентов на употребление наркотиков? (табл. 153–154).

Таблица 153

**Отношение студентов к предложению о тестировании студентов
в динамике, 2007, 2009, 2012, 2016 гг., % опрошенных¹**

Значение	2007	2009	2012	2016
Это делать необходимо	42	52	52	59
Категорически против	6	8	8	6
Это — нарушение прав человека	32	23	23	15
Допускаю для абитуриентов отдельных специальностей	19	16	16	20

Таблица 154

**Отношение студентов к предложению о тестировании студентов, 2016, по полу, %
опрошенных по группе**

Значение	Муж.	Жен.	Массив
Это делать необходимо	52	65	59
Категорически против	8	4	6
Это — нарушение прав человека	17	14	15
Допускаю для абитуриентов отдельных специальностей	23	17	20

Заметно нарастающее от этапа к этапу понимание необходимости тестирования (в 2007 г. это отметили два из каждых пяти, в 2016 г. — уже три из пяти, а среди девушек — две из трех). Резко сократилось число тех, кто в тестиро-

¹ Для сравнения с результатами опроса в 2012 г. сошлемся на данные опроса студентов 16 вузов Москвы, 2011 г. (Опрос: наркотики в студенческой среде Москвы/РИАНОВОСТИ, 2011 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: webdiscover.ru (дата обращения: 11.09.2016)), на вопрос «Как вы относитесь к тестированию студентов на потребление наркотиков?» 40 % отнесли положительно, 22 % — отрицательно, 10 % затруднились ответить, 28 % ответили, что им все равно.

вании видел нарушение прав человека (за 2007—2016 гг. — вдвое, вероятно, сказалось то, что введенное тестирование — добровольное). Устойчиво низкой (ни на одном из этапов мониторинга не достигшей 10 %-й планки) была доля тех, кто высказывался категорически против тестирования.

В анкете в 2007—2012 гг. студентам предлагалось ответить на вопрос, направленный на выявление наиболее распространенных мест употребления наркотиков (табл. 155). В 2007 г., по оценкам опрошенных, на первое место, где чаще всего происходит употребление наркотиков, вышли дискотеки, в 2012 г. их «обогнали» подвалы и подъезды. В 2012 г. на второе место, «обогнав дискотеки», вышли притоны. За этот период несколько сократилась доля респондентов (с каждого второго до двух из пяти), называвших тусовки местом употребления наркотиков. Наркотики, по оценке респондентов, принимаются не только в так называемых излюбленных местах «отдыха», но и в общежитиях, а также по месту учебы.

Таблица 155

Динамика оценок студентами мест, в которых употребляют наркотики, 2007, 2009, 2012 гг., % опрошенных

Значение	2007	2009	2012
В подъезде	55	52	50
В притонах	41	35	49
На дискотеке	59	56	46
На тусовках	48	44	41
Дома	12	12	19
На рок-концертах	17	17	13
В баре, ресторане	4	6	13
В общежитии	12	9	12
За городом, на природе	7	5	5
В вузе	3	2	5

В 2016 г. в анкете сохранился лишь вопрос о возможности приобретения на территории вуза наркотических средств (табл. 156).

Таблица 156

Динамика ответов студентов о возможности приобретения наркотических средств в их вузе, 2007—2016 гг., % опрошенных

Значение	2007	2009	2012	2016
Да	13	8	7	5
Не знаю	70	69	66	74
Нет	17	23	28	21

Позитивный момент — значительное (почти в три раза) сокращение числа респондентов, подтвердивших возможность приобретения наркотиков на территории их вуза. Правда, несколько сократилась в 2016 г. доля тех, кто категорически отверг такую возможность, кто считает, что их вуз — «территория без наркотиков». Большинство (три из каждых четырех) и в 2016 г. дали неопределенный ответ — «не знаю». Ответы выявили и весьма значительный разброс в оценках студентов различных вузов Екатеринбурга (рис. 238).

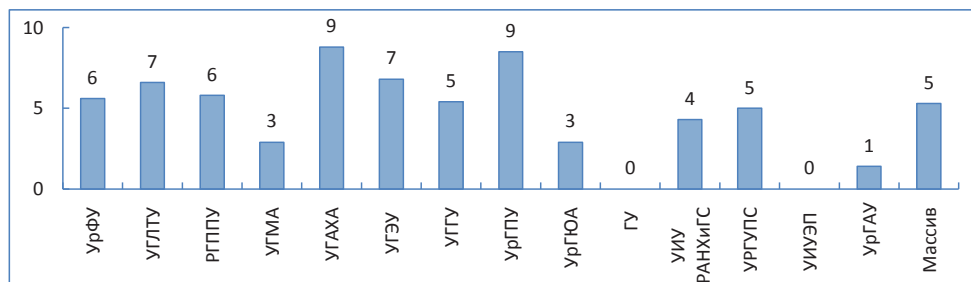

Рис. 238. Мнение респондентов о возможности приобретения наркотиков в их вузе, 2016 г., ответы «Да» на вопрос «Можно ли приобрести наркотические средства в вашем вузе», % ответивших.

Наконец, на VII этапе мониторинга мы предложили респондентам оценить степень эффективности мер, предпринимаемых органами власти Свердловской области по ограничению доступа молодежи к табачным изделиям, алкогольной продукции и наркотикам (табл. 157).

Таблица 157

Оценка степени эффективности мер, предпринимаемых органами Свердловской области, по ограничению доступа молодежи к табачным изделиям, алкогольной продукции и наркотикам, 2016 г., % опрошенных

Наименование	Эффективны	Эффективны отчасти	Не эффективны
Табачные изделия	9	35	56
Алкогольная продукция	7	37	56
Наркотики	19	37	44

Заметно, что именно в отношении наркотиков (ограничения доступа к ним) респонденты более высоко оценивают эффективность усилий властных структур (три из пяти считают эти усилия эффективными или отчасти эффективными).

Эти ответы, как бы дополняя материалы мониторинга, подчеркивают, что за последние годы в профилактике наркомании в студенческой среде сделано немало.

Но и нерешенных задач в этом деле еще немало. Проблема состоит в более активном использовании студенческой общественности, потенциала студенческого самоуправления в борьбе с наркоманией, в борьбе за будущее молодого поколения россиян.

Важно прислушаться к мнению самого студенчества, тем более что эта проблема привлекает внимание и исследователей-студентов¹. Треть респондентов в качестве меры профилактики наркомании указывают на необходимость уделять больше внимания организации досуга студентов. Речь скорее идет не о заорганизованности их досуга — студенты сами вполне способны удовлетворительно организовать свой досуг, в том числе в рамках возможностей, предоставляемых вузом. Но досуг должен стать более разнообразным и нетрадиционным по формам. Круг как бы замыкается: лучшая организация досуга создает предпосылки для «лучшего» (без наркомании!) досуга.

Принципиальное значение приобретает корректировка нормативных моделей молодежной субкультуры, преодоление привлекательности наркомании в представлениях молодежи, замена существующих мифов ценностями здорового созидательного образа жизни. С учетом мнений студентов необходима серьезная переориентация антинаркотической пропаганды. Сегодня она нередко бывает безадресной. Негативно сказывается и повторение уже известной информации — она заметно утрачивает свое воздействие. Социологические исследования показывают компенсаторный характер девиантного поведения, в том числе и наркомании. Молодым людям остро не хватает ярких впечатлений; серость, обыденность жизни, лишенной положительных эмоций, подталкивает некоторых из них к употреблению наркотиков. В какой-то мере оно выступает для них как своеобразный элемент молодежной субкультуры, выполняющей функцию бегства от реальных проблем, трудностей, неустроенности в мир иллюзий. В свете этого становятся понятными мнения студентов о необходимости уделять больше внимания организации студенческого досуга и спорта. Главное условие эффективности профилактики наркомании — интегрированная информационная стратегия, предполагающая координацию всех усилий в рамках единой программы.

¹ Студенчество — за будущее без наркотиков / Отв. ред. Л. А. Журавлева. Вып. 1. — Екатеринбург : РГППУ, 2005. — 68 с.; Там же, вып. 2. — Екатеринбург : РГППУ, 2006. — 61 с.; Там же, вып. 3. — Екатеринбург : РГППУ, 2007. — 91 с.

IV. СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СТУДЕНЧЕСТВА

1. Гендерные аспекты социального воспроизводства будущих специалистов¹

Мужчины и женщины отличаются друг от друга.
Они не хуже, не лучше друг друга — они разные.

Аллан и Барбара Пиз

Исследование социальных практик, сохраняющих предубеждения в отношении женщин, обусловленное традиционными гендерными ролями и стойкими стереотипами о женской компетентности, остается предметом пристального интереса исследователей, политиков, власти. Наиболее остро гендерная асимметрия в профессиональных предпочтениях молодежи, ее последствия ощущаются как гендерное неравенство на рабочих местах: при выходе на рынок труда после окончания вуза, в процессе трудовой деятельности, в реализации карьерных планов и перспектив женщин.

По оценкам международных экспертов, Россия сегодня имеет относительно высокий индекс гендерного равенства². Гендерный разрыв оценивается экспертами по критическим областям неравенства между мужчинами и женщинами: участие и возможности в экономической деятельности (итоговые данные по заработной плате, уровню участия и доступа к высококвалифицированной занятости); образовательные возможности (итоговые данные по доступности базового и высшего образования); участие в политическом процессе (итоговые данные по представительству в руководящих органах) (табл. 158).

Образование, безусловно, является главным фундаментом, на котором строится здание карьеры российских женщин. Статистика образования по-

¹ Глава выполнена при поддержке РГНФ, проект № 15-03-00069 «Формирование профессионального этоса современного инженера: гендерный и функциональный аспекты».

² Индекс гендерного равенства (The Gender Equity Index) — комбинированный показатель Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН), который измеряет достижения страны с точки зрения равноправия полов.

казывает, что девушки и женщины в России ориентируются на достижение высокого уровня профессионального образования в большей мере, чем мужчины. В результате, уровень образования занятых женщин в России выше, чем у работающих мужчин. Рост доли дипломированных работников в российской экономике начала XXI в. происходил очень интенсивно. Прирост численности женщин с высшим образованием происходил опережающими темпами по сравнению мужчинами.

Таблица 158

Индексы гендерного равенства (gender equity index — GEY) по странам, 2012 г.¹

Страна	Образование	Экономическая активность	Расширение прав и возможностей женщин	Индекс
Норвегия	1,00	0,90	0,78	0,89
Финляндия	1,00	0,87	0,76	0,88
Швеция	0,99	0,85	0,77	0,87
Дания	1,00	0,87	0,66	0,84
Германия	1,00	0,78	0,62	0,80
Канада	1,00	0,83	0,57	0,80
Франция	1,00	0,79	0,51	0,77
Великобритания	1,00	0,81	0,47	0,76
Россия	1,00	0,81	0,44	0,75
США	1,00	0,69	0,47	0,72
Италия	0,99	0,66	0,45	0,70
Япония	0,93	0,65	0,14	0,57

Примечание. Для сравнения выбраны страны Скандинавии (где индекс наиболее высок) и страны «большой семерки».

Ощутимый рост числа и удельного веса занятых в экономике, имеющих высшее образование, особенно среди женщин, дал экспертам основание говорить о феминизации сферы образования (рис. 239).

Формально в нашей стране женщины имеют равные права не только в образовании, но также в сфере труда и политики. Почему тогда только в сфере образования они лидируют, по сравнению с мужчинами, а в других сферах им это не удастся? По мнению исследователей, образование является единственной сферой, где четко определены «правила игры». В сфере образования существует жесткая система оценок знаний, и тот, кто условно знает на-

¹ Social watch poverty eradication and gender justice: measuring inequity: the 2012 gender equity index [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.socialwatch.org/node/14367> (дата обращения: 09.09.2015)

верняка, что «дважды два — четыре», будет всегда иметь более высокий балл, чем тот, кто сомневается в ответе на этот вопрос. При этом оценки в образовании не зависят ни от пола, ни от возраста, а только от уровня знаний, что практически не оставляет места для спекуляций и дискриминации. Такая четкость правил позволяет женщинам «играть — и выигрывать» только в сфере образования. В сфере труда, а тем более в политике, подобных четких правил и критериев оценок нет.¹

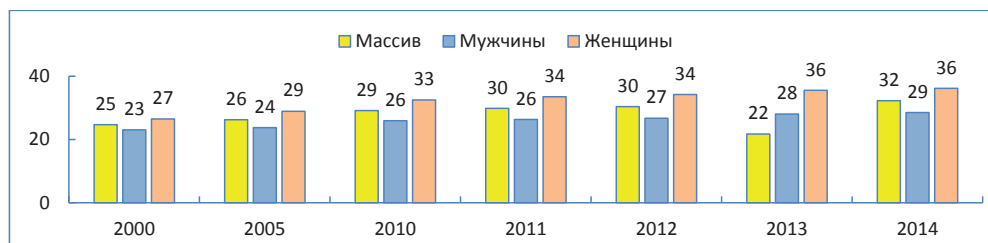

Рис. 239. Динамика доли имеющих высшее образование среди всех занятых в экономике — в целом и по полу²

Гендерная асимметрия профессиональных ролей начинается с предпочтений молодежи в выборе профиля обучения в школе, а затем выбора направления профессионального образования.

До изложения результатов проведенного анализа гендерных аспектов воспроизводства будущих специалистов уточним позицию относительно использования понятия «гендерные различия». В научной литературе, в практике социологических опросов термины «пол» и «гендер» часто не различаются. Мы исходим из понимания гендера как социокультурной характеристики мужчин и женщин, оцениваем гендерные различия не как биологические различия полов, а скорее, как отличия в их социальном статусе. Мы основываемся на понимании гендера как «осознанного значения пола, социокультурной манифестации факта пребывания мужчиной или женщиной, освоенной характеристики, ожидания и модели поведения»³. По мнению ряда исследователей, рассмотрение только биологических половых различий без учета маскулинности — фемининности мужчин и женщин во многом искажает имеющиеся реальные различия и сходства между мужчинами и женщинами⁴.

Вместе с тем нам представляется весьма убедительной позиция авторитетного исследователя гендерной проблематики Г. Г. Силласте, считающей, что

¹ Хоткина З. А. Страна умниц: гендерные аспекты карьеры. 2014. 23 августа. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://polit.ru/> (дата обращения: 01.06.2017).

² Расчет по: Труд и занятость в России. 2015: стат. сб. — М.: Росстат, 2015. — С. 57.

³ Новейший философский словарь. — Минск, 2001. — С. 228.

⁴ См.: Ильин Е. П. Гендерные аспекты профессиональной деятельности (гл. 4) // Дифференциальная психология профессиональной деятельности. СПб.: Питер, 2008. — С. 66–91.

в «чистом виде» понятие «гендер» самостоятельного социального содержания не имеет, так как каждый социальный объект в социологии отличается гендерной принадлежностью к конкретному социуму, определенными социально-демографическими характеристиками, среди которых пол — первейший признак анализа положения личности в системе социальных отношений. «С этой точки зрения категории «пол» и «гендер» в российском научном понятийном аппарате могут выступать синонимами»¹.

Мы исходим из признания того факта, что поле образования, в том числе и высшего, является единственной сферой, где четко определены «правила игры» и где существует жесткая система оценок знаний. Для оценки гендерной специфики рассмотрена динамика профессионального самоопределения, проведено сравнение женских и мужских оценок перспектив трудоустройства, профессионального роста. Наряду с этим сделана оценка ресурсной обеспеченности студентов и студенток, их отношения к учебному труду, а также отслежена динамика изменений в аксиосфере, гендерном аспекте. Весьма показательным материалом может служить сравнительный анализ гендерного статуса студентов, обучающихся по техническим направлениям, традиционно воспринимаемым как мужское поле занятости (табл. 159).

Таблица 159

Структура выборки по полу и профилям обучения, 2016 г., % ответивших

Пол	Профили				Всего
	Гуманитарии	Социально-экономический	Естественно-научный	Технический	
Мужской	29	27	32	65	43
Женский	71	73	68	35	57

Динамика изменения удельного веса мужчин и женщин, обучающихся по техническим и гуманитарным профилям подготовки, демонстрирует сохранение устойчивых гендерных перекосов в структуре обучающихся (табл. 160).

Среди студентов, обучающихся по техническим профилям подготовки, к 2012 г. зафиксированный мониторингом гендерный дисбаланс практически устраняется. Более того, впервые можно говорить о намечающейся тенденции к возврату в прошлые годы, когда на технических факультетах и специальностях преобладали мужчины. Длительная не востребованность высококвалифицированных кадров в стране, связанная с развалом в перестроечные годы национальной промышленности, сокращением отраслевых производств, обусловила ситуацию хронического недобора абитуриентов на технические специальности.

¹ Социологическая энциклопедия: Т. 1. (Национальный общественно-научный фонд). — М.: Мысль, 2003. — С. 203.

Таблица 160

**Динамика изменения удельного веса мужчин и женщин, обучающихся
по техническим и гуманитарным профилям подготовки, %**

Пол	Направление подготовки					
	Гуманитарное			Техническое		
	2007	2012	2016	2007	2012	2016
Мужской	20	21	29	47	53	65
Женский	80	79	71	53	47	35

Падение престижа инженерной профессии, отсутствие социальных гарантий на производстве и низкие зарплаты негативно сказывались на мотивации выбора инженерных профилей у абитуриентов-юношей. Возрождение и развитие национального промышленного потенциала могут ослабить устойчивую до сих пор феминизацию технического высшего образования.

Мотивация профессионального самоопределения студентов юношей и девушек имеет как общие черты, так и свои особенности и различия (табл. 161).

Общие закономерности для обеих полов: усиление инструментальной мотивации в выборе профессии и вуза. Отличия лишь в уровне изменений. У мужчин вес такого мотива поступления в вуз как «желание получить диплом» за последние четыре года вырос почти в два раза, у женщин на 20 %. В том же ключе, но с меньшими показателями изменилось значение таких мотивов, как желание «обеспечить себе стабильный материальный достаток в будущем», «перспектива найти хорошую работу после окончания вуза».

Если в 2012 г. каждый второй респондент (и мужчины, и женщины) отметили интерес к профессии как один из значимых мотивов профессионального выбора, то в 2016 г. у мужчин значение этого мотива выбора уменьшилось почти на четверть, у девушек вес мотива не изменился.

Более отчетливо указанные гендерные различия проявились в оценках мотивов выбора вуза и профессии студентами технических направлений подготовки, традиционно воспринимаемых как «мужское поле» занятости.

Таблица 161

Мотивы выбора профессии и вуза: гендерный аспект, 2012, 2016 гг., % ответивших

Мотивы выбора профессии	Мужчины		Женщины	
	2012	2016	2012	2016
Интерес к профессии	48	39	49	48
Привлек престиж, авторитет вуза	31	29	31	32
Привлекла перспектива найти хорошую работу после вуза	27	31	27	28

Окончание табл. 161

Мотивы выбора профессии	Мужчины		Женщины	
	2012	2016	2012	2016
Хотелось обеспечить себе стабильный материальный достаток в будущем	24	31	21	20
Желание получить диплом (неважно, где и какой)	17	31	19	23
Не хотелось идти в армию	14	18	1	1
Считал: наилучшие способности у меня именно в этой области	13	13	18	18
Повлияла семейная традиция, родители	12	10	13	10
Активная студенческая жизнь (фестивали, спортивные мероприятия, конкурсы)	10	7	12	14
Сюда было легче поступить	10	14	13	16
Повлияла учеба в специализированном классе, техникуме, лицее	9	4	11	6
Стремление получить в настоящем и будущем интересный круг общения	9	5	9	9
За компанию с друзьями	6	6	3	3
Считали, что высшее образование даст возможность стать культурным человеком	6	8	9	5
Совет учителей, специалистов по профориентации	5	3	4	4
Хотелось продлить более или менее беззаботный период жизни	5	4	3	3
Надеялись встретить будущего спутника (спутницу) жизни	4	1	3	2

Инструментальные мотивы у «технарей» выражены рельефнее, чем у респондентов других профилей подготовки. Оценки инструментальных мотивов женщин-«технарей» близки к средним оценкам, интерес к профессии отмечали немного чаще своих однокурсников (39 % девушек и 31 % юношей). Чаще других девушки выбирали вуз по его престижу и авторитету. У мужчин-«технарей» инструментальная мотивация (желание получить диплом, перспектива найти хорошую работу после вуза, стабильный материальный достаток в будущем) доминирует. Один из пяти честно отмечает — поступил, потому что не хотелось идти в армию. При этом способности учитывались одним из 13 респондентов «технарей» в два раза реже, чем студентами всех других профилей подготовки в среднем по выборке.

Обобщая полученные данные, можно сделать несколько промежуточных выводов.

Абитуриенты, выбирающие технические профили подготовки, не считают, что для будущего инженера нужны особые способности. Этот фактор учли в выборе профессии 32 % студентов естественно-научного профиля подготовки, 19 % гуманитариев и только 8 % «технарей». Другой вывод, согласующийся с данными нашего исследования старшеклассников и абитуриентов 2014 г., состоит в том, что выбор девушками «мужской» профессии подготовки начинается еще на этапе выбора профильного физико-математического профиля обучения в школе¹. Девушки-инженеры (одна из десяти) чаще юношей указывают такой мотив, как «обучение в профильном классе». Обучения в таких специализированных классах повышает их уверенность в способности овладеть трудоемкой инженерной программой подготовки (табл. 162).

В структуре предпочтений девушек и юношей преобладают мотивы выбора образовательного учреждения, но не профессии, наличие способностей не принимается во внимание при реализации намерений. Интервью с абитуриентами, подавшими документы на технические специальности², выявило интересный факт: большинство респондентов (49 % юношей и 58 % девушек) оценивают свой выбор профессии как ситуативный, они готовы при случае изменить его без сожаления. Выбирается не профессия инженера, а получаемое в техническом вузе, хотя и трудоемкое, но качественное базовое образование, позволяющее в перспективе совершить социальный маневр достаточно легко, осуществив ускоренную профессиональную переподготовку. Возникает определенный разрыв в ориентации на профессию и готовности дальнейшей работы по специальности.

Таблица 162

Мотивы выбора вуза студентами технического профиля подготовки: гендерный аспект, 2016 г., % ответивших

Мотивы	Студенты технических специальностей		
	Мужчины	Женщины	Массив
Желание получить диплом (неважно, где и какой)	39	27	26
Привлекла перспектива найти хорошую работу после вуза	39	33	29
Хотелось обеспечить себе стабильный материальный достаток в будущем	33	25	25
Интерес к профессии	31	39	44

¹ См.: Воспроизводство инженерных кадров: вызовы нового времени / Л. Н. Банникова [и др.]. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. — 361 с.

² Там же. — С. 91–95.

Окончание табл. 162

Мотивы	Студенты технических специальностей		
	Мужчины	Женщины	Массив
Привлек престиж, авторитет вуза	31	40	31
Не хотелось идти в армию	20	1	8
Сюда было легче поступить	15	9	15
Повлияла семейная традиция, родители	10	10	10
Считал (а): наилучшие способности у меня именно в этой области	8	16	16
За компанию с друзьями	7	3	5
Считали, что высшее образование даст возможность стать культурным человеком	7	6	6
Активная студенческая жизнь (фестивали, спортивные мероприятия, конкурсы)	5	17	11
Повлияла учеба в специализированном классе, техникуме, лицее	5	11	5
Совет учителей, специалистов по проф-ориентации	5	3	4
Стремление получить в настоящем и будущем интересный круг общения	4	4	7
Хотелось продлить более или менее беззаботный период жизни	3	4	3
Надеялись встретить будущего спутника (спутницу) жизни	1	3	2

Примечание. Поливариантный вопрос. Сумма больше 100 %.

Оценка ресурсной обеспеченности студентов в гендерном аспекте выявила единственный вид неравенства между ними — неодинаковый уровень качества общеобразовательной подготовки мужчин и женщин на момент поступления в вуз, замеряемый уровнем оценок по ЕГЭ (табл. 163).

Таблица 163

Самооценки студентами своих результатов ЕГЭ при поступлении в вуз, 2012, 2016 гг., % от группы

Результаты ЕГЭ, баллы	Мужчины		Женщины		Массив	
	2012	2016	2012	2016	2012	2016
Отличные (271 и выше)	7	2	6	3	7	3
Хорошие (221–270)	27	20	32	35	30	28

Окончание табл. 163

Результаты ЕГЭ, баллы	Мужчины		Женщины		Массив	
	2012	2016	2012	2016	2012	2016
Средние (181–220)	45	50	51	46	49	48
Низкие (до 180)	21	28	11	16	14	21

Среди мужчин за последние четыре года (2012–2016 гг.) уменьшилась доля «хорошистов», при этом выросла доля «среднячков» (каждый второй) и абитуриентов с откровенно низким уровнем довузовской подготовки. Среди девушек «хорошисток» более трети, что выше, чем в среднем по массиву. Довузовский уровень подготовки студентов инженерных профилей подготовки, по их оценкам, еще более низкий (табл. 164–165).

Таблица 164

**Самооценки студентами разных профилей подготовки результатов ЕГЭ
при поступлении в вуз, 2016 г., % от группы**

Результаты ЕГЭ, баллы	Направление подготовки				Массив
	Гуманитарное	Социально-экономическое	Естественно-научное	Техническое	
Отличные (271 и выше)	4	2	6	1,5	3
Хорошие (221–270)	31	28	46	20,5	28
Средние (181–220)	48	50	34	50,5	48
Низкие (до 180)	17	20	14	27,5	21

Таблица 165

**Уровень довузовской подготовки студентов технических направлений обучения,
по результатам ЕГЭ: гендерный аспект, 2016 г., % от группы**

Результаты ЕГЭ, баллы	Мужчины	Женщины	Массив
Отличные (271 и выше)	2	0,4	1,5
Хорошие (221–270)	14	33	20,5
Средние (181–220)	52	47,6	50,5
Низкие (до 180)	32	19	27,5

На фоне общего невысокого (посредственного) уровня довузовской подготовки студентов технических направлений обучения среди «технарей»-девушек «хорошисток» в два раза больше, чем среди студентов мужчин (отличниц чуть меньше). Поступили «хорошистки» и «среднячки» со смутным представлением о будущей инженерной профессии.

По другим ресурсам (территориальные отличия, тип общеобразовательного учреждения, материальное благополучие родительских семей) существенных отличий между студентами-мужчинами и женщинами не выявлено. Анализ динамики гендерной структуры выборки по типу довузовской подготовки выявил лишь уменьшение доли мужчин, окончивших специализированные классы, гимназии и колледжи. В то же время, среди студенток, обучающихся по инженерному профилю, выросла доля выпускниц специализированных классов и гимназий (табл. 166).

Таблица 166

Динамика гендерной структуры выборки по типу довузовской подготовки студентов, 2017, 2012, 2016 гг.

Варианты ответа	Мужчины			Женщины		
	2007	2012	2016	2007	2012	2016
Средняя общеобразовательная школа	59	61	74/75	66	64	70/64
Специализированный класс, гимназия	28	30	20/21	24	29	25/28
Училище, колледж, техникум	13	9	6/4	10	7	5/8

Примечание. В знаменателе данные по студентам технического профиля подготовки

Оценка условий учебного труда, его содержания (удовлетворенность вузом и получаемой профессией, отдельными аспектами обучения) выявила некоторые различия мужских и женских оценок. Более высокие требования девушки-студентки предъявляют к санитарно-гигиеническим условиям учебных занятий, технической оснащенности аудиторий.

Любопытно, что на общий вопрос об оценке качества получаемого образования было получено 84 % положительных оценок, из них до трети респондентов выразили уверенное согласие с положительной оценкой. После проведенной респондентами детальной оценки отдельных аспектов образовательного процесса их итоговые оценки качества получаемой профессиональной подготовки понизились, как и процент уверенного согласия с положительной оценкой (табл. 167).

Таблица 167

Оценки удовлетворенности отдельными аспектами образовательного процесса (приведены ответы «Да») и качеством получаемого образования и получаемой профессиональной подготовки (приведены ответы «Да» и «Скорее да»), 2016 г., % от группы

Характеристики образовательного процесса	Мужчины	Женщины
Качество получаемого образования	84	84
Качество получаемой профессиональной подготовки	76	78

Окончание табл. 167

Характеристики образовательного процесса	Мужчины	Женщины
Качество преподавания	83	80
Техническая база, оснащенность лабораторий и аудиторий	71	60
Обеспеченность учебниками, учебно-методической литературой	74	75
Санитарно-гигиенические условия в вузе	76	63
Степень комфортности, удобства учебной мебели, аудиторий, лабораторий	58	52
Организация питания, его качество и стоимость	58	62
Отношение преподавателей к студентам	79	79
Организация учебных и производственных практик	62	58

Более основательный анализ различных аспектов процесса получения образования (объективные условия, организация учебного процесса, качество преподавания, формы и технологии обучения, межличностные отношения в процессе обучения и ряд других аспектов) важен для оценки уровня конкурентоспособности различных вузов. Это направление анализа становится самостоятельным исследовательским трендом в условиях глобализации образовательного рынка. Как справедливо отмечает авторитетный аналитик в сфере образования Майкл Барбер (Sir Michael Barber), профессор Высшей школы экономики (Москва) и Высшей педагогической школы Гарвардского университета, с появлением онлайн-дипломов, которые можно получить в любой стране, с распространением «образовательного шопинга» по всему миру, с возникновением коммерческих организаций, которые также претендуют на право выдавать дипломы, позиции университетов стали весьма шаткими. В этой ситуации университетам необходимо проанализировать, что они могут предложить — учебный план, преподавание, наставничество и опыт студенческой жизни в целом, и добиться того, чтобы все эти услуги были действительно ценными и сами по себе, и в качестве подготовки к профессиональной деятельности, к жизни и к статусу гражданина своей страны.¹

Не умаляя важности этого направления анализа, отметим, что существенных гендерных отличий в оценке содержания и качества образовательного процесса не было выявлено. Оценивая стиль потребления образовательного продукта, уровень активности в учебной, научно-поисковой деятельности, нужно отметить более высокий уровень участия девушек в культурно-массо-

¹ Барбер М., Доннелли К., Ризви С. Накануне схода лавины. Высшее образование и грядущая революция / пер. с англ. Н. Микшиной // Вопросы образования. — 2013. — № 3. — С. 224.

вых мероприятиях своих вузов, в работе органов студенческого самоуправления, в волонтерской деятельности.

Знаковые гендерные отличия появляются, когда речь заходит о профессиональных планах, ожиданиях, характеристике образа будущей профессии, т. е. при прожективном «входе» в профессиональное поле, при осмыслении формирующегося профессионального статуса будущих специалистов. Значимых различий в мужских и женских оценках образа будущей профессии не выявлено. Один, но любопытный момент, все девушки, кроме будущих инженеров, в меньшей степени, чем мужчины, уверены, что их будущая профессия сможет обеспечить достойное существование и будет востребована на рынке труда в условиях кризиса. Будущие инженеры, как мужчины, так и женщины, ниже, чем студенты других профилей обучения, оценивают престижность будущей профессии, ее возможности для самореализации, но при этом уверены в ее инструментальной ценности, ее востребованности и способности обеспечить достойное существование (табл. 168).

Планирование будущей сферы приложения сил и знаний, профессиональные планы и ожидания студентов оценивались нами как вторичный профессиональный выбор (табл. 169).

Структура профессиональных планов в определенной степени зависит от профиля обучения, от формирующегося профессионального статуса. Насколько устойчивы стереотипы о мужских и женских профессиональных ролях, усиливаются или остаются неизменными опасения женщин найти свое место на рынке труда? На какие ресурсы рассчитывают студенты-девушки и юноши для реализации своих планов? Какие способы трудоустройства кажутся предпочтительными?

Таблица 168

Гендерные особенности образа будущей профессии, доля положительных ответов, 2016 г., % от группы*

Перечень суждений о будущей профессии	Мужчины	Женщины	Массив
Это интересная профессия, она соответствует моим способностям, умениям	79/76	77/72	77
Она дает возможность достичь признания, уважения, приносит реальную пользу людям	74/70	75/71	74
Благодаря ей можно реализовать свои жизненные планы	70/64	66/54	67
Это престижная профессия	62/57	66/60	65
Она позволяет обеспечить достойное существование	78/78	70/83	74
Она востребована на рынке труда даже в условиях кризисов	68/72	64/81	66

Таблица 169

**Профессиональные планы студентов: гендерный анализ, 2012–2016 гг.,
% от группы**

Направления профессиональных планов	Мужской		Женский	
	2012	2016	2012	2016
Работать по специальности	44	35/35	42	34/36
Работать не по специальности	6	6/6	6	6/2
Продолжить образование (магистратура, второе высшее)	8	22/24	10	21/15
Продолжить образование (аспирантура)	—	2/1	—	2/1
Заняться научно-исследовательской работой	1	1/1	1	0,4/1
Основать свое дело, бизнес, заняться предпринимательством	16	14/13	12	14/18
Посвятить себя дому, семье	1	1/0	4	2/4
Поехать за границу работать или учиться	5	4/2	12	7/13
Работать как фрилансер (самостоятельный поиск и реализация услуг, проектов)	2	1/1	1	1/0
Жить за счет случайных заработков	1	0/0	0	0
Пройти стажировку (дополнительное обучение) на рабочем месте	1	1/2	2	1/1
Будущее в плане работы туманно и неопределенно	7	10/13	8	7/7
Еще нет никаких планов на будущее	5	2/3	3	5/4

Примечание. В знаменателе — оценки студентов технических профилей подготовки в 2016 г.

Ранее нами был зафиксирован определенный разрыв в ориентации на профессию и готовности дальнейшей работы по специальности. Выявленная тенденция снижения доли студентов, планирующих работать по специальности, не имеет гендерных отличий. Профессиональные планы будущих инженеров мало отличаются от планов других будущих специалистов.

На какие ресурсы рассчитывают для реализации своих планов представители «сильного» и «слабого» пола? (табл. 170).

Таблица 170

Факторы, необходимые для реализации планов будущих специалистов, в %

Значения	Мужчины		Женщины	
	2012	2016	2012	2016
Полученное образование (знания, навыки по профессии)	66	66/66	70	64/65
Моральная поддержка, связи родителей, родственников	17	20/19	23	25/27
Мои связи, знакомства, умение налаживать контакты	37	34/33	27	26/28
Материальная поддержка родителей, родственников	9	9	12	11
Мои способности, личностные качества (характер, трудолюбие, обучаемость)	52	51/53	56	56/57
Система гарантий, льгот для молодежи	4	4/3	4	4/3
Крепкое здоровье, внешние данные	13	10/9	10	9/8
Диплом, репутация вуза	29	18/19	25	21/16
Мой общий и научный кругозор, готовность к самообразованию	17	21/20	16	20/26
Дополнительные виды обучения (бизнес-школы, курсы, семинары, образовательные программы и т. п.)	10	7/5	14	13/17
Программы академической мобильности студентов (стажировки, «двойные дипломы», участие в международных проектах, грантах)	4	2/1	6	3/1
Прохождение практики на предприятии, в организации		18/22		19/20
Работа в инновационных предприятиях при вузе	2	2/1	2	1/2
Моя научная деятельность	4	4/3	3	3/3

Примечание. В знаменателе — оценки студентов технических профилей подготовки в 2016 г.

Значимых гендерных отличий в оценках социальных ресурсов не выявлено. Нет отличий в определении приоритетности тех ли иных ресурсов, две трети и мужчин, и женщин надеются на востребованность получаемого образования, еще половина рассчитывают на свои способности, часть на субъективную

готовность учиться и переучиваться. Не сбрасывается со счета и социальный капитал: умение налаживать контакты, связи, родственная поддержка. За последние четыре года наметилась одна тенденция — снижение роли символических ресурсов, престижности диплома, вуза, усиление акцента на роль самообразования, на дополнительные виды обучения. Работодатели сегодня все чаще смотрят не на диплом, а оценивают конкретные умения, знания. В ответах девушек-инженеров это проявляется наиболее отчетливо.

Как выглядит структура профессиональных ожиданий, ценностей студентов? Под профессиональными ценностями часто понимается значимость профессиональной деятельности, различных сторон профессиональной деятельности для личности, общества в целом, формирующееся отношение к ним. Отдельной позицией для сравнительного анализа гендерных оценок были оценки профессиональных ценностей студентами и студентками технических профилей подготовки, что позволяет оценить уровень выраженности гендерной идентичности у мужчин, обучающихся по «традиционно мужским» направлениям подготовки, и оценить позицию женщин на этом профессиональном поле.

Существенных различий по гендеру в структуре доминирующих профессиональных ценностей не выявлено. У девушек и у юношей в перечне наиболее популярных профессиональных ценностей преобладает утилитарное отношение к будущей работе, стремление сделать карьеру, реализовать свой потенциал, самоактуализироваться в будущей профессии. При этом возможность достижения высокого уровня профессионализма имеет более высокие средние показатели (выше на треть) у девушек в среднем по выборке, и у студенток традиционно «мужских» специальностей, будущих инженеров. У всех девушек большей значимостью по сравнению с мужчинами (показатели выше в два раза) обладают ценности саморазвития, креативности, интересного характера будущей работы (табл. 171).

Оценивая измеряемые ценностные характеристики будущей профессии с точки зрения их предпочтительности для респондентов мужского и женского пола, мы ранжировали предложенные для оценки профессиональные ценности по уровню популярности у респондентов (табл. 172).

Таблица 171

**Динамика профессиональных ценностей студентов: гендерный аспект,
2012, 2016 гг., % от группы**

Наиболее значимые характеристики будущей работы	Мужчины		Женщины		Массив	
	2012	2016	2012	2016	2012	2016
Возможность получать большие заработки, высокие доходы	54	59/62	57	60/67	56	60
Возможность карьеры, достижения высокого уровня профессионализма	47	47/44	53	55/56	51	51

Окончание табл. 171

Наиболее значимые характеристики будущей работы	Мужчины		Женщины		Массив	
	2012	2016	2012	2016	2012	2016
Возможность постоянного самосовершенствования	26	27/27	35	38/38	32	33
Хорошие условия труда	—	31/35	—	29/31	—	30
Возможность полнее реализовать свой потенциал	30	30/27	30	27/22	30	28
Возможность достичь признания, уважения	33	30/23	35	23/22	35	26
Возможность принести пользу людям	25	25/20	22	27/22	27	26
Творческий, интересный характер работы, разнообразие труда	22	14/13	34	32/29	30	24
Возможность работать в хорошем, дружном коллективе	27	19/21	53	26/26	29	23
Возможность занять высокий пост, иметь власть над другими людьми	28	23/23	22	21/25	24	22
Высокий престиж профессии	23	18/17	18	17/12	19	18
Самостоятельность, независимость, отсутствие мелочной опеки, регламентации	17	19/23	21	13/20	20	16
Гарантия от возможной безработицы	—	18/22	—	12/12	—	15
Соответствие профессии моим способностям, знаниям, умениям	19	12/9	18	14/12	18	13
Спокойный характер работы	—	8/9	—	7/5	—	8
Связь с современной техникой, новейшими технологиями	15	7/8	5	4/4	8	5
Отсутствие тяжелых физических нагрузок	—	5/6	—	5/5	—	5
Возможность «не выкладываться», пусть и при небольшой зарплате	—	4/3	—	1/2	—	2

Примечание. В знаменателе — оценки студентов технических профилей подготовки в 2016 г.

Таблица 172

**Ранговое значение профессиональных ценностей по уровню популярности
у мужчин и женщин, 2016 год**

Наиболее значимые характеристики будущей работы	Мужчины		Женщины		Массив	
	%	ранг	%	ранг	%	ранг
Возможность получать большие заработки, высокие доходы	59	1	60	1	60	1
Возможность карьеры, достижения высокого уровня профессионализма	47	2	55	2	51	2
Возможность постоянного самосовершенствования	27	6	38	3	33	3
Хорошие условия труда	31	3	29	5	30	4
Возможность полнее реализовать свой потенциал	30	4–5	27	6–7	28	5
Возможность принести пользу людям	25	7	27	6–7	26	6–7
Возможность достичь признания, уважения	30	4–5	23	9	26	6–7
Творческий, интересный характер работы, разнообразие труда	14	13	32	4	24	8
Возможность работать в хорошем, дружном коллективе	19	9–10	26	8	23	9
Возможность занять высокий пост, иметь власть над другими людьми	23	8	21	10	22	10
Высокий престиж профессии	18	11–12	17	11	18	11
Самостоятельность, независимость, отсутствие мелочной опеки, регламентации	19	9–10	13	13	16	12
Гарантия от возможной безработицы	18	11–12	12	14	15	13
Соответствие профессии моим способностям, знаниям, умениям	12	14	14	12	13	14
Спокойный характер работы	8	15	7	15	8	15
Связь с современной техникой, новейшими технологиями	7	16	4	17	5	16
Отсутствие тяжелых физических нагрузок	5	17	5	16	5	17
Возможность «не выкладываться», пусть и при небольшой зарплате	3	18	1	18	2	18

По количеству упоминаний (или по уровню популярности) каждой ценности в общей выборке респондентов и в выборке по полу все измеряемые профессиональные ценности были подразделены на три группы (табл. 173).

Таблица 173

**Структура профессиональных ценностей будущей профессии по степени значимости
в оценках мужчин и женщин**

Мужчины	Женщины
Желаемые ценностные характеристики (1–3 позиция в рейтинге)	
Возможность получать большие зарплаты, высокие доходы; Возможность карьеры, достижения высокого уровня профессионализма; Возможность достичь признания, уважения; Хорошие условия труда; Возможность полнее реализовать свой потенциал	Возможность получать большие зарплаты, высокие доходы; Возможность карьеры, достижения высокого уровня профессионализма; Возможность постоянного самосовершенствования; Творческий, интересный характер работы, разнообразие труда
Предпочитаемые ценностные характеристики (4–6 позиции)	
Возможность постоянного самосовершенствования; Возможность принести пользу людям; Возможность занять высокий пост, иметь власть над другими людьми; Высокий престиж профессии; Самостоятельность, независимость, отсутствие мелочной опеки, регламентации; Гарантия от возможной безработицы; Возможность работать в хорошем, дружном коллективе	Возможность полнее реализовать свой потенциал; Возможность принести пользу людям; Возможность работать в хорошем, дружном коллективе; Хорошие условия труда; Возможность достичь признания, уважения; Возможность занять высокий пост, иметь власть над другими людьми; Соответствие профессии моим способностям, знаниям, умениям; Высокий престиж профессии
Незначимые ценностные характеристики будущей профессии (7–9 позиции)	
Творческий, интересный характер работы, разнообразие труда; Связь с современной техникой, новейшими технологиями; Спокойный характер работы; Отсутствие тяжелых физических нагрузок	Самостоятельность, независимость, отсутствие мелочной опеки, регламентации; Гарантия от возможной безработицы; Спокойный характер работы; Нет тяжелых физических нагрузок; Возможность «не выкладываться», пусть и при небольшой зарплате; Связь с современной техникой, новейшими технологиями

Постоянно или время от времени (нерегулярно) работает половина юношей и 37 % девушек. Соотношение среди работающих юношей тех, кто имеет нерегулярные, случайные заработки, и тех, кто имеет постоянную занятость,

в 2012 г. — 2,2 : 1, в 2016 г. — 2,6 : 1. Среди работающих девушек это соотношение выглядит иначе: в 2012 г. — 2,5 : 1, в 2016 году — 1,5 : 1 (табл. 174).

Таблица 174

**Показатели трудовой деятельности студентов: гендерный аспект,
2012, 2016 гг., % от группы**

Значения	Мужчины		Женщины	
	2012	2016	2012	2016
Работаю постоянно	15	14/15	11	15/19
Работаю, но нерегулярно	33	36/34	27	22/22
Нет	52	50/51	61	63/59

Примечание. В знаменателе — оценки студентов технических профилей подготовки.

Доля тех студентов и студенток, чья работа связана (полностью или хотя бы частично) с будущей профессией, варьирует в пределах 41—47 % без отличий по полу. Доля студентов технических специальностей, чья работа полностью или частично связана с будущей инженерной профессией, и того меньше. Такая связь есть у 36 % работающих студентов-мужчин и только у 27 % женщин технических направлений подготовки. Почти половина будущих инженеров подрабатывают, но чаще это случайные заработки, слабо связанные с будущей профессией (табл. 175).

Таблица 175

**Связь работы с будущей профессией, 2007, 2012, 2016 гг.,
% от числа работающих студентов**

Значение	Мужчины			Женщины		
	2007	2012	2016	2007	2012	2016
Связана	26	14	16/18	25	19	21/13
Связана, но лишь частично	20	27	25/18	25	26	26/15
Не связана	54	59	59/64	50	57	53/71

Примечание. В знаменателе — оценки студентов технических профилей подготовки.

Но при всем этом работа студентов значима как социальный опыт, как своего рода производственная практика, она формирует более уверенное поведение выпускников на рынке труда. Тем более, что одна из самых острых проблем будущего трудоустройства, по мнению респондентов, отсутствие трудового стажа, практического опыта работы по профессии.

Гендерная дифференциация более отчетливо проявляется при сравнении женских и мужских оценок возможных проблем при будущем трудоустройстве (табл. 176).

Таблица 176

**Сравнение оценок возможных проблем при трудоустройстве
мужчинами и женщинами, 2016 г., % от группы**

Перечень возможных проблем при трудоустройстве	Мужчины	Женщины	Массив
Отсутствие информации о предприятиях, где нужна профессия	34	24	28
Отсутствие открытых вакансий	42	43	43
Несоответствие уровня профессиональной подготовки требованиям работодателя	34	40	38
Отсутствие трудового стажа, практического опыта работы по профессии	67	82	75
Низкий уровень оплаты труда	43	51	48
Несоответствие уровня оплаты и полученной профессиональной подготовки	14	17	16
Конкуренция между молодыми работниками и другими категориями работников: мигранты, работники со стажем, пенсионеры	17	25	22
Жилищные проблемы, трудности с поселением в общежитие, с получением служебного жилья	26	24	25
Недостаточно организационно-управленческих качеств у молодых специалистов	8	7	7
Недостаточно коммуникативных навыков, умения работать в команде у молодых специалистов	6	10	8
Отсутствие квот на трудоустройство отдельных категорий молодежи	5	6	5
Слабое взаимодействие между органами занятости, образовательными учреждениями и предприятиями	16	15	15
Коррупция со стороны кадровых служб работодателей	15	12	13
Большой неоплачиваемый (низкооплачиваемый) испытательный срок	13	22	18
Невозможность пройти практику на профильном предприятии по своему направлению подготовки	8	14	12

Отсутствие трудового стажа, практического опыта работы по профессии девушек-студенток беспокоит в большей степени, чем студентов-мужчин, хотя и у тех и других почти в равной степени недостаточно практического опыта (табл. 177).

Таблица 177

**Оценка мужчинами и женщинами возможности найти хорошую работу,
2012, 2016 гг., % от группы**

Значения	Мужчины		Женщины	
	2012	2016	2012	2016
Легко	20	12	12	9
Не очень легко, но можно	51	59	56	61
Очень трудно, но можно	—	21	—	23
Крайне трудно	16	8	20	7
Трудно сказать	13	—	12	—

Низкий уровень оплаты труда вызывает опасение у всех респондентов, но у женщин эти опасения выражены сильнее. Подобные настроения не случайны, ибо, по данным официальной статистики, женщины по-прежнему остаются низкооплачиваемой группой населения, вследствие чего даже укоренилось понятие «феминизация бедности». По статистике, женщины, находясь на должностях и в статусе, аналогичных мужскому, зарабатывают лишь от 90 до 78 % от уровня оплаты труда мужчин.¹ У студенток в большей степени выражены опасения дискриминации и различного рода нарушений при найме: большой неоплачиваемый низкооплачиваемый испытательный срок, конкуренция между молодыми работниками и другими категориями работников, несоответствие уровня профессиональной подготовки требованиям работодателя. Поскольку дискриминация по полу при найме законодательно запрещена, то нередко причиной отказа женщине в трудоустройстве служит стандартное утверждение о «несоответствии уровня профессиональной подготовки требованиям работодателя».

Опасения не найти работу после окончания вуза в перечне наиболее актуальных личных проблем стоят на первом месте и у мужчин (50 %), и у женщин (60 %).

Как представляют себе будущее, перспективы и пути достижения жизненного успеха студенты-мужчины и женщины (табл. 178)?

¹ Труд и занятость в России — 2015 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_36/Main.htm (дата обращения: 03.05.2017).

Таблица 178

Модель социального успеха в оценках мужчин и женщин, в баллах, 2016 г.

Направления оценки	Мужчины	Женщины
Власть	3,8	3,5
Образование	3,5	3,9
Богатство	4,0	3,9
Связи, знакомства	4,2	4,2
Влиятельные родственники, родители	3,8	3,8
Профессионализм, деловые качества, компетентность	3,9	4,2
Собственный интеллект, способности	4,1	4,3
Деловая хватка, прагматизм, предприимчивость	4,1	4,3
Наличие начального капитала, материальной базы для бизнеса, собственности	3,7	3,8
Обаятельность, хорошая внешность, личная привлекательность	3,4	3,5
Везение, удача, счастливый случай	3,2	3,3

Примечание. Оценки приводятся по средним баллам

Среди заданных для оценивания ресурсов для достижения социального успеха и у мужчин, и у женщин преобладают два вида ресурсов: сформированные личные качества (собственный интеллект, способности, деловая хватка, предприимчивость) и связи, знакомства. Причем в последнем случае речь идет не столько о семейно-родственной поддержке, сколько о «силе слабых связей» (М. Грановеттер)¹, о нарабатываемых контактах, связях в профессиональной и деловой среде.

У девушек эти оценки даже чуть выше мужских. Модель социального успеха девушек — самоутверждение, ответ на вызовы, преодоление неуверенности в себе. Тем более, что им сложнее добиться успеха, поскольку для них важен успех во всем (в семье и в карьере). Решение проблемы «Как добиться счастья в семейной жизни» остается у девушек среди значимых, как и высокие оценки ценности семьи.

Вместе с тем, справедливости ради нужно отметить и непростой путь к достижению успеха у мужчин. Господствующие в современном обществе модели экономического успеха, богатства как эталона успеха мужчин приводит к необходимости своего рода сверхусилий, переоценке властных ресурсов, психофизиологическим нагрузкам, провоцируют фрустрацию в случае невозможности достижения идеала.

¹ Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. — 2009. — Т. 10, № 4 (сентябрь) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204981/ecsoc_t10_n4.pdf (дата обращения: 05.06.2017).

Итак, анализ гендерных аспектов социального воспроизводства будущих специалистов позволяет сделать следующие выводы.

1. Действие социальных и культурных механизмов стереотипизации, допускающих и поощряющих приписывание личности той или иной социальной роли, возможностей самореализации по признаку пола, ослабляется в социальном поле образования. Влияние стереотипов наиболее рельефно выражено на «входе» в образовательное поле (сравнительный анализ мотивов выбора вуза и профессии) и на «выходе» из этого профессионального поля, при оценке перспектив и проблем будущего трудоустройства, профессиональных планов и ожиданий.

2. Следующее наше заключение совпадает с авторскими оценками гендерных различий по результатам всероссийского исследования «Студенчество о социальном неравенстве и социальной справедливости», выполненного в преддверии V Всероссийского социологического Конгресса¹. В нашем исследовании приоритеты и ранжированные ряды оценок юношей и девушек часто совпадали, что действительно может свидетельствовать о близости социальных позиций тех и других в социуме: и юноши, и девушки в данном случае в первую очередь — студенты. Совпадали их оценки сверстников, политических процессов, организации учебного труда, будущей профессии. Отличие прослеживалось в «полутонах» оценок, проявившееся в ответах на вопросы о будущих проблемах трудоустройства, о равных возможностях в продвижении, о ресурсах, необходимых для достижения успеха. Это свидетельствует о сохраняющейся асимметрии гендерной социализации, о неудовлетворенности женщин своим положением в современном обществе.

3. Сохраняющаяся асимметрия гендерной социализации приносит проблемы обоим полам. Обнаруживая и демонстрируя противоречия в нормах, предписывающих поведение мужчин и женщин, мы тем самым обсуждаем наиболее болезненную сферу человеческих взаимоотношений, где в виде нормы приписывается то, что нормой быть не может, поскольку влечет за собой деградацию людей.²

4. Исследование динамики профессиональных ценностей по всем семи этапам мониторинга — одно из будущих направлений вторичного анализа данных нашего мониторинга, требующее пристального внимания. Мы поддерживаем позицию авторов, обосновывающих особую роль образовательной и социальной среды вуза в формировании личности современного

¹ Дулина Н. В., Ануфриева Е. В., Икингрин Е. Н. Гендерные различия в оценке справедливого общества студентов (по итогам прикладного социологического исследования) [Электронный ресурс] // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость. — М. : Российское общество социологов, 2016. — С. 8023–8036 (дата обращения: 05.06.2017).

² Кириченко Е. В. Проблемы асимметрии гендерных ролей и пути ее преодоления // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие. — Уфа, 2012. — С. 2706–2714. [Электронный ресурс]. 1 опт. диск.

студента, будущего специалиста. В настоящее время многие молодые люди характеризуются несформированностью системы ценностных ориентаций или ее дезинтеграцией, определенной утратой смысла жизни, что существенно осложняет процесс их социализации и затрудняет последующую самореализацию личности. В юношеском возрасте и в период ранней взрослости во многих случаях основным институтом развития системы ценностей становится образовательная и социальная среда вуза, создающая необходимые условия для личностного роста и формирования высшего, автономного уровня системы ценностей. Не случайно эксперты говорят об актуализации ценностных подходов к образованию, «аксиологизации» образовательного пространства¹.

2. Студенты-инженеры. Студенты технического профиля подготовки о себе и о своем будущем²

Инженер — от лат. *ingeneum* (остроумное изобретение) — человек, способный изобретать...³
Энциклопедический словарь Гранат

В настоящее время в отечественной социальной практике на первый план вышла проблема модернизации общества и становления инновационной экономики. Решение этой проблемы во многом зависит от технического развития, субъектами которого являются современные инженеры. Сегодня жизнь общества полностью зависит от технологий, и их значение будет только возрастать.

Профессия инженера относится к профессиям типа «человек-техника», в профессиональной деятельности инженер имеет дело с техническими системами и устройствами. Инженерная деятельность предполагает регулярное применение знаний для создания искусственных технических объектов, сооружений, механизмов, устройств, машин. В процессе использования науки для создания техники инженер решает научные и технические задачи, вырабатывает новые знания, оказывающие влияние на развитие науки. Это сближает деятельность инженера с деятельностью ученого-экспериментатора, отличает от работы техника-ремесленника.

¹ Яницкий М. С., Серый А. В., Пелех Ю. В. Ценностно-смысловая парадигма как основа постнеклассической педагогической психологии // *Философия образования*. — 2013. — № 1. — С. 175–186. — С. 176.

² Глава выполнена при поддержке РГНФ, проект № 15-03-00069 «Формирование профессионального этоса современного инженера: гендерный и функциональный аспекты».

³ Инженер // *Энциклопедический словарь Гранат*. Т. 22: Индия — Кабальеро. — М.: Изд. тов. А. Гранат и К°, 1914. — С. 21.

Современное инженерное мышление складывается и оформляется как совокупность особых профессиональных знаний и методов, требующих специальной подготовки. Мышление инженера — синтез образного и логического, научного и практического мышления. Само по себе слово «инженер» восходит к латинскому *ingenium*, означающему не только изобретательность, но и способность, талант, остроту ума, культивацию ума и образованность в целом. Образование инженера, таким образом, должно соединять общую научную подготовку и воспитание особой практической энергичности, способности реализовать свои замыслы и руководить практическим делом¹.

Современный инженерный профессионализм предполагает не только освоение научных основ проектирования техники, но и осознание целей, смыслов и задач инженерии в целом, ее место в культуре XXI в. Исследование инженерной деятельности с социокультурных позиций позволяет обнаружить два аспекта: инструментально-технологический и социокультурный. Первый предполагает определение техники как инструментария, используемого человеком в преобразовании природы и являющегося предметом инженерно-технических наук. Смысл второго аспекта обусловлен социальной оценкой результатов и последствий технической деятельности².

Понимание социальной ответственности инженерии за преобразование природного и социального пространства является частью профессиональной культуры инженера. Первый этап развития инженерной деятельности (называемый классическим) включает в себя формирование нового класса профессионалов, получивших серьезную естественно-научную подготовку и навыки применения ее для создания и конструирования техники. Инженерная этика в этот период сводилась к ответственности инженера за социальные последствия технического проекта и необходимости отстаивать свою точку зрения, что нашло отражение в этических кодексах.

Изменения характера современной инженерной деятельности формируют новые вызовы к профессии и новые моральные дилеммы для ее носителей. В современном мире это не просто конструирование технических устройств, а деятельность по проектированию социального пространства, которая должна быть экологически и социально безопасной, совместимой с общественными запросами и возможностями. Инженер постепенно становится ответственным уже не только за точность и аккуратность технических исполнений, сколько за общественный прогресс в целом³. По словам А. Хунинга, задача не только измерять пространство, но и через инженерную

¹ Сапрыкин Д. Л. «Золотой век» отечественной науки и техники и «классическая» концепция инженерного образования // Вопросы истории естествознания и техники. — 2013. — № 1. — С. 28–66.

² См.: Алешин В. И. Научно-инженерное сообщество в социальной культуре России. Дис. ... д-ра социол. наук. — М.: МГТУ «Станкин», 2011. — 264 с.

³ Согомонов А. Ю. Этика инженера — гибкий свод моральных практик // Этика инженера: через понимание к воспитанию. — Тюмень: НИИ ПЭ, 2013. — С. 14–26.

деятельность, в сознании своей этической и социальной ответственности, «создавать пространство» для действительно достойной человека жизни¹.

Исследование проблем и перспектив современной инженерии выявляет определенные противоречия в развитии этого профессионального поля. Прежде всего, сегодня очевидным стал парадокс в оценке статуса инженерной деятельности: в то время как развитие науки и техники находится на подъеме, престиж инженерных профессий в обществе падает.

Другой блок противоречий можно обозначить так: «дипломированных специалистов много, а инженеров мало». Другими словами, инженеров подготавливается много, но при этом сохраняется дефицит на рынке инженерного труда. Между тем, количественная и качественная потребность в элитных рабочих и инженерных кадрах в ближайшей перспективе будет возрастать, что связано не столько с необходимостью поддержания существующей техносферы, сколько с реализацией инновационных стратегий развития страны и Уральского региона. В текущем 2016–2017 учебном году Минобрнауки приняло решение существенно увеличить цифры приема на естественно-научные, медицинские и инженерные направления подготовки. В общей структуре приема в вузы в текущем году около половины составляют будущие специалисты инженерной сферы (на педагогов приходится 9 %, на медицинских работников — 8,5 %). В частности, образовательное ведомство на 20 % увеличило цифры приема по ядерной энергетике, информационной безопасности, судостроению, биологии и ряду других специальностей, на 18 % увеличен прием по нанотехнологиям².

Еще один блок противоречий в развитии инженерии вызван изменениями характера современной инженерной деятельности, формированием новых моральных дилемм для ее носителей. Этическая и социальная ответственность современного инженера порой вступает в конфликт с корпоративными интересами. Инженеры мешают менеджерам зарабатывать деньги.³

Не менее актуальна проблема совмещения дисциплины производства, инженерного проекта и креатива, инновационности инженерной деятельности, так востребованной современностью.

Рассмотренные проблемы и вызовы современного профессионального пространства инженерии предъявляют новые требования к организации системы инженерной подготовки, вскрывают внутренние проблемы системы профессиональной подготовки инженеров, устаревающее содержание обра-

¹ Хунинг А. Инженерная деятельность с точки зрения этической и социальной ответственности // *Философия техники в ФРГ: сб. ст. : пер. с нем. и англ. / сост.: Ц. Г. Арзаканян, В. Г. Горохов.* — М. : Прогресс, 1989. — С. 404–419.

² Глава Минобрнауки представил доклад об итогах ЕГЭ и приемной кампании 2016 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.vedu.ru/news-itog-ege-i-priemnoj-kampanii-2016-goda/> (дата обращения: 02.06.2017).

³ Инженерная онтология. Для формирования общеинженерных компетенций / С. Б. Переслегин [и др.]. — Екатеринбург : ООО «Издательский Дом «Ажур», 2013. — С. 8.

зовательных программ, недостаточную их практическую ориентированность, слабую взаимосвязь с международными стандартами подготовки современных инженеров, не соответствующую современным требованиям квалификации преподавательских кадров. Это и не менее «больные» и сложные проблемы, существующие вне системы профессионального образования, такие как проблемы гарантий трудоустройства молодых специалистов, невысокого социального престижа инженерной профессии, и, как следствие, низкой мотивации абитуриентов на поступление на инженерные специальности.

Каким образом эти проблемы развития современной инженерии отражаются на процессах формирования профессиональной идентичности будущих обладателей инженерных дипломов, на выпускниках инженерных специальностей, именуемых порой «эмбрионами инженеров?»¹

В рамках мониторинга социокультурного портрета студенчества ведущих вузов Свердловской области (1995–2016 гг.) наряду с другими проблемами исследовались процессы первичной профессионализации будущих технических специалистов. На каждом из этапов мониторинга от четверти до трети респондентов были студенты-третьекурсники технических специальностей (179). На VII этапе мониторинга в выборку вошли: студенты УРФУ — 51 %, УГЛТУ — 10 %, УГГУ — 8,3 %, УРГУПС — 16,7 %. Среди опрошенных студентов II и III курсов прикладного и академического бакалавриата технических направлений обучения 35 % — женщины, 65 % — мужчины.

Таблица 179

**Уровень получаемого образования студентов технического профиля,
2016 г., % по группам**

Уровень образования	Технический профиль
Прикладной бакалавриат, II курс	22
Прикладной бакалавриат, III курс	22
Академический бакалавриат, II курс	17
Академический бакалавриат, III курс	35
Магистратура	4

Процесс становления специалистов технического профиля исследовался по трем основным направлениям: мотивы первичной мотивации выбора вуза, значимость будущей профессии (система профессиональных ценностей) и профессиональные планы и ожидания студентов инженерных специальностей (табл. 180).

¹ Лившиц В. И. Проблема лакуарности в модернизации инженерного образования // Аккредитация в образовании. — 2011. — № 7 (51). — С. 40–43.

Таблица 180

Динамика мотивов выбора вуза и профессии: сравнение данных по массиву (Σ) и респондентов технического профиля обучения (Техн.), 1995–2016 гг., % от группы

Мотивы выбора профессии	1995		2007		2009		2012		2016	
	Σ	Техн.	Σ	Техн.	Σ	Техн.	Σ	Техн.	Σ	Техн.
Интерес к профессии	45	30	53	45	54	44	49	47	43	33
Привлек престиж, авторитет вуза	32	45	32	34	34	65	31	30	31	34
Привлекла перспектива найти хорошую работу после вуза	30	28	30	33	32	39	27	32	30	37
Желание получить диплом (неважно, где и какой)	9	13	26	24	21	21	19	17	27	34
Хотелось продлить более или менее беззаботный период жизни (за компанию с друзьями, привлекла активная студенческая жизнь)	15	19	12	9	14	23	18	20	19	18
Считал (а): наилучшие способности в этой отрасли	33	24	25	21	26	18	17	12	15	10
Повлияла семейная традиция, родители	22	22	18	22	14	16	13	13	10	10
Повлияла учеба в специализированном классе, техникуме, лицее	15	26	15	8	13	11	10	12	5	7
Не хотелось идти в армию	17	32	7	10	7	6	6	9	8,5	13
Совет учителей, специалистов по профориентации	5	5	6	4	6	5	4	3	3	4

Подробно динамика мотивов выбора вуза, профессии студентами технических специальностей, сравнение с мотивацией гуманитариев за период с 1995 по 2012 гг. проведен авторами ранее¹.

Произошли ли изменения в мотивах выбора вуза и профессии студентами технических специальностей на VII этапе мониторинга?

¹ Воспроизводство инженерных кадров: вызовы нового времени / Л. Н. Банникова [и др.]. — Екатеринбург : Изд-во Урал. Ун-та, 2015. — С. 133–171.

За последние четыре года усилилась инструментальная мотивация выбора вуза и профессии, желание получить диплом (неважно, где и какой), выросло значение такого фактора, как «перспектива найти хорошую работу после вуза». Значим при выборе престиж, авторитет вуза. В то же время понизилось значение мотива «интерес к профессии» как основание для выбора вуза. Хотя интерес к профессии — достаточно общая характеристика, степень ее информативности невысока, но в совокупности с другими мотивами позволяет проследить динамику изменения мотивации выбора абитуриентами учебного заведения технического профиля.

При выборе вуза будущие инженеры в меньшей степени учитывают наличие способностей к этому виду деятельности. Этот параметр при выборе профессии учитывал в 1995 г. каждый четвертый студент-«технарь»¹, в 2012 г. — один из восьми опрошенных, а в 2016 — один из десяти респондентов-«технарей». Часто это связано с неумением определить свои склонности, способности. Во многом недооценка соответствия своих склонностей и способностей требованиям профессии связана с происшедшими изменениями в ценностных ориентациях молодежи. Лишь один из трех студентов выделил «возможность реализовать свои способности» как наиболее значимую для него жизненную ценность.

В условиях, когда ориентиром для страны становится модернизация, «инновационная экономика» (что является объективной необходимостью, тем более что Россия на этот путь вступает с серьезным отставанием от развитых индустриальных стран), отмеченная недооценка будущими специалистами соответствия профессии их склонностям и способностям ставит под угрозу подготовку инноваторов.

Возможно, способности для работы именно по этой профессии не значимы при выборе вуза и направления обучения. Выбор профессии подменяется выбором образования. Выбирая техническое образование, значительная часть студентов не видит себя в инженерном поле, уменьшилось число планирующих работу по специальности после окончания обучения.

Инженерное образование сегодня востребовано в разных сферах. Проведенный нами ранее опрос абитуриентов, выбравших технические специальности (машиностроение, радиоэлектроника, информационные технологии), подтвердил преобладание прагматических мотивов профессионального выбора. Абитуриент стремится к выбору той профессии, которая, по его мнению, позволит быстро, эффективно и более-менее гарантированно устроиться

¹ В нашем анализе слово «технарь» используется как научное понятие — «специалист, работающий в области техники, технического обслуживания чего-нибудь, а также вообще человек, который знает и любит технику» (Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь Ожегова. 1949–1992 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/241374> (дата обращения: 12.06.2017). Применяя его к студентам, осваивающим инженерные специальности, мы хотели бы размежеваться с бытовым, нередко уничижительным толкованием этого понятия.

в жизни и сделать успешную карьеру. Техническое образование универсально, ибо формирует умения и личностные качества, способствующие карьерному росту в любой из престижных сегодня областей деятельности, прежде всего в управлении и бизнесе¹.

И в современных условиях вузы продолжают выполнять не свойственную им функцию «социальной защиты» молодых людей, освобождая их от необходимости службы в армии. Среди опрошенных студентов технического профиля обучения 65 % — молодые мужчины призывного возраста (при средней доле мужчин по массиву 30 %). Тем не менее, вес такого мотива выбора вуза как возможность отсрочки от службы в армии по сравнению с 1995 г. уменьшился в 2,5 раза.

Для выявления особенностей мотивации выбора инженерных профессий достаточно информативен, на наш взгляд, сравнительный анализ мотивов выбора вуза студентами технического и гуманитарного профилей обучения, так называемых «физиков» и «лириков». При этом нужно отметить доминирование гендерной асимметрии по профилям подготовки. Именно поэтому выделенные особенности мотивации во многом пересекаются с отличиями по гендерным характеристикам (табл. 181).

Таблица 181

Гендерная структура студентов гуманитарного и технического профилей обучения, 2016, % от группы

Пол	Гуманитарный профиль	Технический профиль
Мужской	29	65
Женский	71	35

У «технарей» явно выражен инструментальный характер мотивов выбора вуза (табл. 182).

«Технарей» более привлекает перспектива найти хорошую работу после окончания вуза, обеспечить себе материальный достаток в будущем (важно выбрать «правильный» вуз и специальность).

Интерес к профессии при выборе вуза у них значительно ниже, чем у гуманитариев, этот разрыв за последние четыре года вырос в полтора раза. При этом более чем в 1,5 раза чаще «технари» выделяют в качестве мотива выбора вуза свое желание получить «знак образованности», диплом (неважно, где и какой). Реже при выборе вуза будущие технические специалисты учитывали свои способности для будущей профессиональной деятельности.

Для выявления динамики изменения представлений студентов о содержании, характере и специфике профессиональной деятельности на VI и VII этапах мониторинга был применен специальный методический прием: респон-

¹ Воспроизводство инженерных кадров: вызовы нового времени / Л. Н. Банникова [и др.]. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. — С. 63—100.

дентам предлагалось сравнить свои представления о профессии «на входе» (при поступлении в вуз) с сегодняшними представлениями о ней. Это позволило учесть, насколько обучение в вузе способствовало закреплению профессионального выбора или привело к разочарованию избранной профессией.

За прошедшие четыре года ситуация с профессиональной ориентированностью абитуриентов, по их оценкам, изменилась мало. По-прежнему у подавляющего большинства абитуриентов представления о выбираемой профессии на входе либо частичные, либо весьма смутные. Больше уверенных ответов о будущей профессии у медиков. Среди технарей количество уверенных ответов о содержании будущей профессии уменьшилось за четырехлетний период (2012–2016 гг.) в 1,6 раза.

Таблица 182

Мотивы выбора вуза студентами гуманитарного и технического профилей обучения, 2012–2016 гг., %

Мотивы выбора вуза	Гуманитарный профиль		Технический профиль	
	2012	2016	2012	2016
Желание получить диплом (неважно, где и какой)	17	21	17	35
Активная студенческая жизнь (фестивали, спортивные мероприятия, конкурсы)	14	10	10	9
За компанию с друзьями	4	5	5	6
Интерес к профессии	52	55	47	33
Надеялись встретить будущего спутника (спутницу) жизни	1	2	3	2
Не хотелось идти в армию	3	5	9	13
Повлияла семейная традиция, родители	11	9	13	10
Повлияла учеба в специализированном классе, техникуме, лицее	11	4	12	7
Привлек престиж, авторитет вуза	33	30	30	34
Привлекла перспектива найти хорошую работу после вуза	26	24	32	37
Совет учителей, специалистов по профориентации	4	3	3	4
Стремление получить в настоящем и будущем интересный круг общения	10	8	7	4
Считал: наилучшие способности у меня именно в этой области	20	19	12	10
Считали, что высшее образование даст возможность стать культурным человеком	9	6	7	7

Окончание табл. 182

Мотивы выбора вуза	Гуманитарный профиль		Технический профиль	
	2012	2016	2012	2016
Сюда было легче поступить	14	14	9	13
Хотелось обеспечить себе стабильный материальный достаток в будущем	18	21	27	30
Хотелось продлить более или менее беззаботный период жизни	2	3	5	4

Примечание. Поливариантный вопрос. Сумма больше 100 %.

После 2–3 лет обучения в вузе по профилю доля уверенных положительных ответов у «технарей» увеличилась в 3,5 раза. Почти каждый второй (45 %) и сегодня частично или смутно представляют содержание и характер профессии. Поскольку в выборке представлен не только III, но и II курс бакалавриата, это объяснимо. Нет еще специальных дисциплин.

Чем более осведомлены абитуриенты не только о содержании будущей профессии, но и об образе жизни, традициях, нормах будущей группы принадлежности, тем осознаннее их выбор и оценки образовательных программ, их профессиональные планы. Речь идет о таких индикаторах компетентности, как семейное окружение (социально-профессиональное наследование) и опыт работы по профилю будущей специальности (феномен «работающего студента»). Более компетентные потребители проявляют устойчивый интерес не к внешним факторам (известная марка вуза, высшее образование как таковое), а к содержательной стороне образовательной услуги, предъявляют более жесткие требования и к качеству обучения.

При анализе динамики изменения образа профессии в процессе обучения в вузе возрастает значимость параметра «опыт работы». Проблема совмещения обучения и работы, так называемый феномен «работающего студента», остается по-прежнему актуальной. До 1990-х гг. основанием для отнесения студентов к особой социальной группе служила учебно-профессиональная деятельность, т. е. овладение знаниями, приобретение навыков профессиональной подготовки и их реализация на практике. Она же определяла и специфику профессионального самоопределения студентов. С начала 1990-х гг. растет число студентов, занятых на относительно регулярной оплачиваемой работе. Причем для существенной части студентов основным видом деятельности является уже не учеба в вузе, а работа.

Почти половина (46 % — в 2016 г.) опрошенных бакалавров работают. Весьма незначительно изменилось и соотношение среди работающих тех, кто имеет нерегулярные, случайные заработки, и тех, кто имеет постоян-

ную занятость (в 2009 г. — 1,7 : 1, в 2016 г. — 2 : 1). Доля тех, чья работа связана (полностью или хотя бы частично) с будущей профессией, уменьшилась (в 2009 г. — 45 %, 2016—34 %). Тенденция роста подрабатывающих студентов сохраняется, все чаще это случайные заработки, слабо связанные с будущей профессией.

Выполняемая работа как-то связана с будущей инженерной специальностью только у одного из троих. У остальных это нерегулярные подработки для досугового потребления, т. е. оплачиваемая работа имеет для них чисто инструментальную ценность. Более половины студентов технического профиля отметили, что имеют дополнительные заработки, 19 % из них довольно значительные. Поскольку 84 % респондентов-технарей обучаются на бюджете, то на обучение тратят меньше, чем студенты других направлений подготовки. Вторичная занятость студентов дневных отделений имеет порой нелегитимный характер, является источником дискриминации студентов на рынке труда. Время, затрачиваемое на работу, ведет к сокращению времени, затрачиваемому не только на собственно занятия в вузе, но и на подготовку к ним и, соответственно, к снижению уровня освоения трудоемких программ подготовки технического специалиста.

При всем этом работа студентов значима как социальный опыт, как своего рода производственная практика, она формирует более уверенное поведение выпускников на рынке труда. Отличие между работающими и неработающими студентами проявляется в определенности их планов на будущее, у работающих студентов в два раза чаще, чем у неработающих, есть четкие планы. Работающие готовы к основанию своего дела: такой вариант будущей занятости студенты, имеющие постоянную работу, указывают чаще остальных. Стремление большинства студентов связать свою работу с будущей специальностью — это фактически та забота о производственной практике как о профессиональной стажировке, которая прежде в значительной степени лежала на учебном заведении и которую теперь нередко берут на себя сами студенты.

Как выглядит структура профессиональных ожиданий студентов технического профиля обучения? Поведение студентов на этапе получения образования в определенной степени зависит от структуры их требований к месту будущей работы, к ее статусным характеристикам (престиж профессии), к перспективам (возможность реализовать свой потенциал, интересный характер работы, карьерные возможности), условиям работы (возможность работать в хорошем, дружном коллективе, самостоятельность, отсутствие мелочной опеки) (табл. 183).

Отчетливо видно преобладание прагматических мотиваций, утилитарного отношения к будущей работе. По-прежнему важными на всех этапах исследования остаются ценностные приоритеты, мотивирующие выбор и образующие как бы идеальную модель работы: высокий доход, карьера и профес-

сионализм, чуть реже, возможность реализовать свой потенциал. Все менее значим фактор соответствия будущей профессии способностям, знаниям, умениям. За прошедшее десятилетие значение такого базового требования к будущему месту работы упало почти в четыре раза.

Можно говорить о росте ценностей индивидуализма в профессиональной деятельности, т. к. упала, и существенно, значимость хорошего коллектива. Один из троих респондентов отметил появившееся впервые в анкете 2016 года требование к рабочему месту — «хорошие условия труда».

Таблица 183

**Динамика профессиональных ценностей студентов технического
профиля обучения, 2007–2016 гг., % от группы**

Значения	2007	2009	2012	2016
Возможность получать большие заработки, высокие доходы	71/65	65/58	56/56	64/60
Творческий, интересный характер работы	47/51	44/49	27/30	19/24
Возможность карьеры, достижения высокого уровня профессионализма	46/41	35/36	52/51	48/51
Соответствие профессии моим способностям, знаниям, умениям	39/40	29/36	19/18	10/13
Возможность достичь признания, уважения	24/30	29/33	32/34	22/25
Возможность работать в хорошем, дружном коллективе	39/38	40/33	30/29	23/23
Возможность полнее реализовать свой потенциал	29/31	30/30	25/29	25/28
Возможность принести пользу людям	16/25	24/28	23/27	20/27
Высокий престиж профессии	17/17	17/20	19/20	15/18
Возможность занять высокий пост, иметь власть над другими людьми	16/14	18/17	27/24	23/21
Самостоятельность, независимость, отсутствие мелочной опеки, регламентации	20/19	16/16	14/20	22/16
Связь с современной техникой, новейшими технологиями	24/15	22/14	13/8	7/5

Примечание. Поливариантный вопрос. Сумма больше 100%. В знаменателе — средние значения по массиву.

При выборе профессии молодежь сегодня проявляет некий «эгоцентризм»: профессия нужна для того, чтобы реализовать свой потенциал, сделать карьеру, иметь хороший доход, т. е. что-то получить для себя, а не отдавать людям, обществу, государству. В целом иерархия мотивов профессиональной деятельности осталась прежней по сравнению с 2007 г. Но если в 2012 г. мы отмечали выравнивание существенного отрыва мотивов высоких заработ-

ков и возможности сделать карьеру от остальной группы мотивов, то в 2016 г. этот отрыв вырос вновь.

В структуре представлений студентов технического профиля обучения о будущей профессии постоянно уменьшается удельный вес факторов свободного творчества, измеряемого параметром «творческий, интересный характер работы». За последние 9 лет (2007–2016 гг.) влияние этого фактора уменьшилось в 2,5 раза. Вузы готовят сегодня технических специалистов, ориентированных, в основном, на «копирование» и «обслуживание» функционирующих технологий. Творческий, интересный характер работы значим лишь для трети всех опрошенных, а для технарей и того меньше. Возможно, это не случайно, скорее всего, это отражение реально существующего противоречия между творческим характером желаемого инженерного труда и дисциплиной инженерных подразделений и проектов. В повседневной практике творчество становится не то чтобы совсем уж не нужным, но вот в этой конкретной работе, в определенном проекте немножко вредным (производство перестраивать придется).

Показательно сравнение структуры представлений о значимости тех или иных характеристик будущей работы у гуманитариев и технарей (табл. 184). Для гуманитариев более значимы факторы свободного творчества, интереса и личностного роста, альтруизм, для технарей — совокупность требований к статусным атрибутам деятельности: возможность карьерного роста и престижа и условиям труда (гарантия от возможной безработицы).

В среднем студенты технического профиля подготовки выбирали четыре варианта ответа: возможность получать большие заработки, высокие доходы (2/3 выборки), возможность карьеры, достижения высокого уровня профессионализма (1/2), далее либо «достичь признания» или власть, работа в дружном коллективе, или отсутствие мелочной опеки, возможность реализовать потенциал (по одному из пяти опрошенных).

Все показатели значимости тех или иных профессиональных ценностей ниже, чем у студентов других профилей подготовки и в сравнении с данными 2012 г. Исключение — «возможность получать большие заработки, высокие доходы», значение этой ценности чуть выше, чем у них же в 2012 году, и выше, чем у студентов других профилей. Практически каждый шестой-пятый «технарь» выбрал вариант ответа «гарантии от возможной безработицы», чаще, чем гуманитарии, в два раза.

Между тем, по данным второго мониторинга трудоустройства выпускников вузов Свердловской области по итогам их трудоустройства в 2015 г., предоставленным Пенсионным фондом Российской Федерации, Рособрнадзором и образовательными организациями, самый высокий процент трудоустройства (от 80 до 90 %) у выпускников, окончивших инженерные и медицинские направления подготовки. Среди ведущих специальностей и направлений по данному показателю — ядерная энергетика и техноло-

гии, сестринское дело, фармацевция, электро- и теплоэнергетика, химические технологии.

Таблица 184

**Система профессиональных ценностей студентов технического
и гуманитарного профилей обучения, 2012 г., % от группы**

Что для вас наиболее значимо в будущей работе?	Гумани- тарии	Технари	Массив
Возможность достичь признания, уважения	30	24	25
Возможность занять высокий пост, иметь власть над другими людьми	20	23	22
Возможность карьеры, достижения высокого уровня профессионализма	54	48	51
Возможность полнее реализовать свой потенциал	31	25	28
Возможность получать большие заработки, высокие доходы	54	64	59
Возможность «не выкладываться», пусть и при небольшой зарплате	2	3	2
Возможность постоянного самосовершенствования	34	31	32
Возможность принести пользу людям	32	20	27
Возможность работать в хорошем, дружном коллективе	25	23	23
Хорошие условия труда	31	33	30
Высокий престиж профессии	20	15	17
Самостоятельность, независимость, отсутствие мелочной опеки, регламентации	12	22	16
Связь с современной техникой, новейшими технологиями	3	7	5
Соответствие профессии моим способностям, знаниям, умениям	16	10	14
Спокойный характер работы	7	8	8
Отсутствие тяжелых физических нагрузок	6	6	5
Творческий, интересный характер работы, разнообразие труда	27	19	24
Гарантия от возможной безработицы	10	19	15

Примечание. Поливариантный вопрос. Сумма больше 100 %.

Хуже всего трудоустраиваются выпускники с юридическим и экономическим образованием: почти 40 % юристов и около 20 % тех, кто обучался

по направлению экономика и управление, не находят себя на рынке труда в первый год после выпуска. Эти направления подготовки являются самыми многочисленными по количеству нетрудоустроившихся выпускников¹. Наиболее высокий по России показатель средней ежемесячной заработной платы у выпускников инженеров. ТОП-5 направлений с самыми высокими показателями:

1) Аэронавигация и эксплуатация авиационной и ракетно-космической техники — выпускники, окончившие данное направление подготовки, получают в среднем более 74 тыс. руб. в месяц.

2) Ядерная энергетика и технологии — более 48 тыс. руб.

3) Прикладная геология, горное дело, нефтегазовое дело и геодезия — более 47 тыс. руб.

4) Электроника, радиотехника и системы связи — более 46 тыс. руб.

5) Физика и астрономия — более 43 тыс. руб.

В Свердловской области наиболее высокий уровень выплат выпускникам специальностей «ядерная энергетика и технологии», «электро- и теплоэнергетика», «компьютерные и информационные науки».²

Оценку установок студентов на то, чтобы «остаться в профессии», т. е. планирование будущей сферы приложения сил и знаний, можно определить как вторичный выбор. Во многом эти оценки зависят от представлений студентов о ресурсах их будущих групп принадлежности. Анализ динамики изменения планов студентов выявил нарастание доминирующей тенденции снижения удельного веса студентов, планирующих работу по специальности. В два раза выросло количество студентов, планирующих дальнейшее обучение в магистратуре.

Сравнительный анализ профессиональных планов студентов по ряду вузов позволяет сделать вывод о том, что обозначенная ранее тенденция депрофессионализации превращается в закономерность. Это не только и не столько потеря для института профессионального образования своей важнейшей функции предоставления профессии, пополнения профессиональных групп. Действительно, государство финансирует образование в данных сферах, но не получает кадры. Но это еще и не менее значимая проблема демотивации обучения. Не планируют работать по специальности, отсюда и формальное отношение к обучению. Несмотря на то, что популярность высшего образования не только не падает, но стабильно растет, «возможность высокого уровня профессионализма» значима лишь для половины опрошенных. Процесс депрофессионализации уже нашел соответствующее от-

¹ Мониторинг трудоустройства выпускников [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://graduate.edu.ru/passport#/?items=65&slice=6&year=2014> (дата обращения: 09.06.2017). Навигация ресурса позволяет посмотреть все данные как в разрезе субъектов РФ, направлений подготовки, так и отдельно по каждому образовательному учреждению.

² Там же.

ражение в сознании молодежи. Большинство студентов проблемы с трудоустройством связывают не с профессией, а с отсутствием опыта работы. Они адекватно реагируют на требование большинства работодателей, для которых важна не профессия, а стаж работы, пытаясь совмещать учебный труд и периодические подработки.

На треть сократилась доля студентов-«технарей», планирующих работу по специальности. Каждый пятый планирует дальнейшее обучение в магистратуре, а затем и в аспирантуре (о последнем желании высказались 3 % гуманитариев, 1 % — технарей) (табл. 185).

Таблица 185

**Профессиональные планы студентов разных профилей обучения,
2012–2016 гг., % от группы**

Значения	Гуманитарии		Технари	
	2012	2016	2012	2016
Работать по специальности	41	34	48	35
Работать не по специальности	7	6	6	5
Продолжить образование	9	28	10	22
Заняться НИР	1	1	1	1
Основать свое дело (бизнес)	15	12	11	15
Посвятить себя дому, семье	3	3	2	1
Поехать за границу работать или учиться	12	5	6	5
Работать как фрилансер (самостоятельный поиск и реализация услуг, проектов)	1	1	1	1
Пройти стажировку (дополнительное обучение) на рабочем месте	1	1	2	2
Будущее в плане работы туманно, неопределенно	6	7	8	11
Нет планов на будущее	—	2	—	3

Примечание. Поливариантный вопрос. Сумма больше 100 %.

Будущее неопределенно, туманно у одного из десяти. И это не случайно. В выборке представлены студенты 2 и 3-го курсов академического и прикладного бакалавриата. По оценкам экспертов, потребность в выпускниках программ академического бакалавриата, ориентированных на научно-исследовательскую деятельность в области техники и технологий, составляет не более 10 % от общего числа приема на технические направления в вузах России. Подтвержденные договорами о целевом обучении заявки крупных работодателей на трудоустройство осваивающих программы прикладного бакалавриата не более 15–20 % от общего числа выделяемых вузам контроль-

ных цифр приема на технические направления подготовки. Оправдано ли готовить достаточно узко профессионально-ориентированного бакалавра при отсутствии подтвержденной потребности рынка труда?

Возможным решением этой проблемы является разработка программ «широкого (общей инженерного)» бакалавриата. Существенное внимание уделяется и формированию так называемых универсальных компетенций, таких как критическое мышление, умение решать возникающие проблемы, лидерство и командная работа, свободная коммуникация.

Основная задача программ общей инженерного бакалавриата — обеспечить способность выпускников легко и быстро адаптироваться к любым условиям деятельности, быть готовыми к профессиональной переподготовке и самообучению. Для выпускников таких программ открыт путь как к производственной деятельности, так и к продолжению обучения по программам магистратуры различной направленности, в том числе и не инженерного профиля¹.

Студенты — часть населения, которая наиболее приспособлена и готова к получению навыков предпринимательства, имеет мотивацию на предпринимательскую деятельность, оценивает ее как возможную, но отдаленную перспективу. Предпринимательские намерения и настроения отмечены у 12–15 % студентов, что примерно соответствует международным тенденциям. В большей степени ориентированы на предпринимательство после вуза специалисты социально-экономического профиля (18 %). Незначительно вырос интерес к организации своего дела у технарей. В сравнении с международной отраслевой структурой малого предпринимательства в России существует отраслевая специфика малого бизнеса. Наиболее популярные сферы малого предпринимательства в нашей стране — реклама, маркетинг, оптово-розничная торговля, гостинично-ресторанный бизнес. Эти направления не требуют больших вложений, часто они основаны на хобби потенциальных предпринимателей. Международная выборка малого предпринимательства превосходит российскую по направлениям: архитектура и проектирование, здравоохранение, образование, т. е. бизнес формируется там по основной профессиональной деятельности². Существенным остается и факт слабой реализации предпринимательских намерений и настроений студентов при выходе на рынок труда. По данным мониторинга трудоустройства выпускников вузов Свердловской области среди 81 % официально трудоустроенных выпускников вузов только 3 % стали индивидуальными предпринимателями.³

¹ Ребрин О. И., Шолина И. И. Новые модели инженерного образования // Университетское управление: практика и анализ. — 2016. — № 2 (102). — С. 68.

² Широкова Г. В., Куликов А. В. Глобальное исследование предпринимательского духа студентов. Национальный отчет. Россия. 2011. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gsom.spbu.ru/files/upload/eship/guesss_nacional_nyj_otchet_2011.pdf (дата обращения: 18.06.2017).

³ Мониторинг трудоустройства выпускников. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://graduate.edu.ru/passport#/?items=65&slice=6&year=2014&board=2> (дата обращения: 09.06.2017).

В сравнении со столичными вузами цифры по миграционным настроениям студентов (намерение поехать за границу работать или учиться) невелики, у технарей они выражены слабее, чем у гуманитариев. К сожалению, в данном опросе не были заложены параметры для оценки внутренней миграции, желание работать в другом регионе, городе. По данным второго мониторинга трудоустройства выпускников вузов по итогам их трудоустройства в 2015 г. из каждых семи выпускников уехали двое, пятеро остались¹.

Суммы выплат уехавшим по сравнению с оставшимися больше на четверть (126 %). По инженерным специальностям, направление подготовки «техника и технология наземного транспорта» и выпускники ряда филиалов вузов, выпускники которых остались в регионе имеют выплаты выше, чем уехавшие. Остальные уехавшие выпускники инженерных специальностей (теплоэнергетика, машиностроение, прикладная геология) оплачиваются на треть, четверть выше оставшихся.

На какие ресурсы для реализации своих жизненных и профессиональных планов рассчитывают будущие специалисты?

Значимых отличий в оценках социальных ресурсов у студентов технического профиля обучения не выявлено. В 2012 г. у «технарей» немного выше среднего были акценты на репутацию вуза, чуть слабее других выглядели их надежды на свой общий и научный кругозор, готовность к самообразованию и надежды на дополнительные формы подготовки. В 2016 г. такие отличия уже не просматриваются. Между студентами разных профилей подготовки в оценках своих ресурсов сегодня больше общего, чем отличного (табл. 186).

Таблица 186

Сравнительная характеристика уровней оплаты выпускников инженерных специальностей Свердловской области, 2015 г.²

Направления подготовки специалистов	Уехали в другие регионы, %	Средняя зарплата уехавших, руб.	Средняя зарплата оставшихся, руб.	Разница
Техника и технология наземного транспорта	28	35 751	38 482	+8
Информатика и вычислительная техника	22	36 189	29 512	–12
Прикладная геология, горное дело, нефтегазовое дело, геодезия	36	54 643	33 223	–39
Машиностроение	15	43 497	32 841	–24

¹ Мониторинг трудоустройства выпускников. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://graduate.edu.ru/passport#/?items=65&slice=6&year=2014&board=2> (дата обращения: 09.06.2017).

² Там же.

Окончание табл. 186

Направления подготовки специалистов	Уехали в другие регионы, %	Средняя зарплата уехавших, руб.	Средняя зарплата оставшихся, руб.	Разница
Тепло- и электроэнергетика	23	62934	42227	–32
Электроника, радиотехника и системы связи	16	36659	34507	–6
Химические технологии	20	30305	28551	–6
Техника и технологии строительства	28	31433	29360	–7

В структуре ресурсов сохраняется приоритет получаемого образования, личностные ресурсы (способности, личностные качества, общий кругозор, готовность к самообразованию), социальный, в том числе и семейный капитал (связи, знакомства, моральная и материальная поддержка родителей). Особенностью итогов седьмого этапа мониторинга является понижение ценности символических ресурсов (диплом, репутация вуза) у студентов всех профилей подготовки. Это тем более странно в ситуации сохраняющейся интенсивной имиджевой конкуренции вузов, наращивания их усилий по повышению своих позиций в международных и национальных рейтингах конкурентоспособности.

Вне зависимости от планов треть опрошенных считает, что социальный капитал специалиста определяется не только востребованностью специальности, но прежде всего качествами (деловыми, личностными) самого человека (табл. 187).

Таблица 187

**Факторы, необходимые для реализации планов будущих специалистов,
2012–2016 гг., % от группы**

Ресурсы	Гуманитарии		Технари		Массив	
	2012	2016	2012	2016	2012	2016
Полученное образование (знания, навыки по профессии)	70	64	66	72	69	65
Мои способности, личностные качества (характер, трудолюбие, обучаемость)	57	54	51	55	55	53
Мои связи, знакомства, умение налаживать контакты	31	31	30	31	30	30

Окончание табл. 187

Ресурсы	Гуманитарии		Технари		Массив	
	2012	2016	2012	2016	2012	2016
Моральная поддержка, связи родителей, родственников	21	25	19	22	21	22
Мой общий и научный кругозор, готовность к самообразованию	18	20	14	22	17	21
Прохождение практики на предприятии	—	14	—	22	—	21
Диплом, репутация вуза	29	21	30	18	27	20
Материальная поддержка родителей, родственников	11	12	8	7	11	10
Крепкое здоровье, внешние данные	10	10	12	9	11	10
Дополнительные виды обучения (бизнес-школы, курсы, семинары, образовательные программы)	12	10	9	9	13	10
Система гарантий, льгот для молодежи	5	5	3	3	4	4
Моя научная деятельность	3	3	2	3	3	4
Программы академической мобильности студентов (стажировки, «двойные дипломы», участие в международных проектах, грантах)	5	2	5	1	5	2
Работа в инновационных предприятиях при вузе	1	1	3	1	2	2

Примечание. Поливариантный вопрос. Сумма больше 100 %.

Прожективные профессиональные планы студентов во многом определяются не только их оценками своего ресурсного обеспечения, но и влиянием субъективного образа профессии, сформированного в процессе обучения, точнее, под воздействием изменения структуры образа, соотношения когнитивных, эмоциональных и поведенческих (нормативных) компонентов образа профессии. За два-три года профессионального обучения изменился, обогатился когнитивный (знаниевый) компонент образа инженерной профессии, уровень представлений о будущей профессии вырос у студентов-«технарей» более чем в три раза (с 14 до 52 % студентов, «хорошо представляющих будущую профессию»). Изменился и эмоциональный компонент образа профессии инженера. В целях статистической репрезентативности мы выделили категорию студентов технического профиля обучения, выразивших твердое согласие с предложенными суждениями о будущей профессии (табл. 188).

Таблица 188

**Образ профессии глазами «технаря», 2016 г., доля положительных ответов,
% от группы**

Перечень суждений о будущей профессии	Технари	Массив
Это интересная профессия, она соответствует моим способностям, умениям	74	77
Она дает возможность достичь признания, уважения, приносит реальную пользу людям	70	74
Благодаря ей можно реализовать свои жизненные планы	60	67
Это престижная профессия	58	65
Она позволяет обеспечить достойное существование	80	74
Она востребована на рынке труда и в условиях кризисов	75	66

Высокий уровень согласия с предложенными суждениями о профессии можно оценивать двояко.

С одной стороны, это эмоциональное оправдание сделанного ранее профессионального выбора. Так, три из каждых четырех респондентов-«технарей» отметили, что инженер — «интересная профессия, она соответствует их способностям, умениям», в то время как только 10 % опрошенных учитывали свои способности при выборе направления обучения.

С другой стороны, будущая профессия воспринимается студентами не как конкретный функционал (содержание которого весьма расплывчатым остается и сегодня), а как инструмент формирования своего будущего статуса, группы принадлежности, желаемого образа жизни. Студенты-«технари» высоко оценивают экономические ресурсы будущей профессии, ибо она «позволяет обеспечить достойное существование», «востребована на рынке труда даже в условиях кризиса» (75 % и 80 %, в то время как гуманитарии — 55 %). При этом ниже, чем студенты других профилей обучения, «технари» оценивают ее символический ресурс. Только 58 % технарей согласны с тем, что инженер — престижная профессия, у гуманитариев 70 % положительных оценок. Поскольку студенты-«технари» пока не всегда связывают свои профессиональные планы с получаемой специальностью, то и оценки возможностей будущей профессии как способа реализации своих жизненных планов у них чуть ниже остальных (60 % положительных ответов при средних 70 %).

Какие способы выхода на рынок труда являются, по мнению студентов, наиболее результативными? На VI и VII этапах мониторинга (2012–2016 гг.) были расширены варианты ответов на вопрос о способах трудоустройства, в частности, был конкретизирован вопрос о возможностях свободного трудоустройства (табл. 189).

Таблица 189

Предпочитаемые формы трудоустройства, 2016 г., % ответивших

Значение	1999	2003	2007	2009	2012	2016
Свободное трудоустройство	39	36	45	45	—	—
МБТ, ярмарки вакансий, дни карьеры	46	46	39	32	19	24
Распределение выпускников	15	18	16	23	30	37
Посредничество родителей, знакомых, друзей	—	—	—	—	33	42
Обращение в службу занятости	—	—	—	—	6	11
Продолжить работу там, где проходил практику или работал	—	—	—	—	33	53
Рассылка резюме по организациям	—	—	—	—	23	27
Поиск вакансий в Интернете	—	—	—	—	24	36
Через кадровое агентство	—	—	—	—	9	8
Целевая подготовка по заказу предприятия	—	—	—	—	—	31
Обращение в кадровые службы предприятий	—	—	—	—	—	17

Примечание. Поливариантный вопрос. Сумма больше 100 %.

Самой востребованной и желаемой формой трудоустройства, по мнению студентов, могла бы стать работа на предприятии, где проходил практику или уже работал по трудовому договору (табл. 190—191). Растет значимость социальных связей, посредничества родителей, знакомых и друзей как способа трудоустройства. Увеличивается количество тех, кто понимает, что о своем профессиональном будущем нужно заботиться самому. Самостоятельное трудоустройство через рассылку резюме, как и трудоустройство с помощью рабочих сайтов Интернета, планирует использовать каждый третий. Из институциональных форм трудоустройства выпускников наибольшей популярностью пользуется централизованное распределение (37 %). Один из десяти респондентов готов при необходимости обратиться в службу занятости. По данным службы занятости Свердловской области, за период с 01.01.2014 г. по 31.06.2015 г. численность обратившихся в центры занятости выпускников образовательных организаций 2014 г. выпуска с уровнями высшего образования по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры составила 615 человек, из них признано в установленном порядке безработными — 397 человек. В общей численности безработных выпускников 2014 г. выпуска (2225 чел.) их доля составила 17,8 %. Из общего числа безработных выпускников вузов 17,5 % по направлению техника и технологии¹.

¹ Состояние безработицы выпускников образовательных организаций 2014 года выпуска с уровнем среднего профессионального образования и уровнями высшего образования, обратившихся в органы службы занятости населения Свердловской области (информационно-аналитическая справка). — Екатеринбург : Департамент по труду и занятости населения Свердловской области, 2015. — 96 с.

Таблица 190

Предпочтительные формы трудоустройства, % ответивших

Значения	Гуманитарии	Технари
Продолжение работы там, где проходил (а) практику или работал (а) во время обучения	48	55
Распределение выпускников	36	38
Целевая подготовка по заказу предприятия	26	37
Помощь родителей, знакомых, друзей	43	35
Самостоятельный поиск вакансий и размещение резюме в Интернете	39	34
Молодежные биржи труда, ярмарки вакансий, дни карьеры	23	27
Рассылка резюме по организациям	29	25
Обращение в кадровые службы предприятий	16	18
Обращение в службу занятости	13	8
Обращение в кадровое агентство	12	5

Примечание. Поливариантный вопрос. Сумма больше 100 %.

Студенты технического профиля обучения благосклоннее других оценивают такую форму трудоустройства, как ярмарки вакансий, дни карьеры и целевая подготовка по заказу предприятия.

Обязательное распределение выпускников после вуза в стране было отменено в 1991 г. С тех пор уровень безработицы среди молодежи держится на одном примерном уровне — 16–20 %, изменяясь в разные стороны в зависимости от ситуации в экономике страны.

Таблица 191

Проблемы молодежного трудоустройства в оценках студентов, 2016 г., % ответивших

Перечень проблем трудоустройства	Гуманитарии	Технари
Отсутствие информации о предприятиях, где нужна профессия	25	32
Отсутствие открытых вакансий	41	47
Несоответствие уровня профессиональной подготовки требованиям работодателя	35	35
Отсутствие трудового стажа, практического опыта работы по профессии	76	72
Низкий уровень оплаты	47	43

Окончание табл. 192

Перечень проблем трудоустройства	Гуманитарии	Технари
Несоответствие уровня оплаты и полученной профессиональной подготовки	16	15
Конкуренция между молодыми работниками и другими категориями работников: мигранты, работники со стажем, пенсионеры	25	19
Жилищные проблемы, трудности с поселением в общежитие, с получением служебного жилья	21	31
Недостаточно организационно-управленческих качеств у молодых специалистов	8	6
Недостаточно коммуникативных навыков, умения работать в команде у молодых специалистов	11	5
Отсутствие квот на трудоустройство отдельных категорий молодежи	6	4
Слабое взаимодействие между органами занятости, образовательными учреждениями и предприятиями	16	13
Коррупция со стороны кадровых служб работодателей	13	14
Большой неоплачиваемый (низкооплачиваемый) испытательный срок	17	17
Невозможность пройти практику на профильном предприятии по своему направлению подготовки	11	11

Примечание. Поливариантный вопрос. Сумма больше 100 %.

Современный российский бизнес нередко одним из условий приема на работу ставит необходимость наличия стажа работы по профессии не менее трех лет. Такие требования не только препятствуют трудоустройству указанных выпускников, но и способствуют их профессиональной деградации в связи с невостребованностью обществом полученных ими знаний и компетенций. В Государственной Думе обсуждался и был отклонен законопроект о квотировании первого рабочего места для выпускников высшего профессионального образования. По мнению экспертов, практика квотирования рабочих мест показывает неэффективность обязательного трудоустройства, особенно в период кризиса. На сегодняшний день сохраняется действие положений государственного стандарта содействия занятости, распространяющиеся на выпускников, возраст которых ограничен возрастными рамками от 18 до 20 лет, а также окончивших образовательные учреждения начального либо среднего образования.

Индикатором ориентации на трудоустройство для студентов выступает их субъективная оценка рынка труда. В рамках мониторинга эти оценки выявлялись с помощью вопроса: «Легко ли найти хорошую работу в вашем городе, ПГТ, селе?» (табл. 192).

Таблица 192

Оценка возможности найти хорошую работу, 2016 г., % ответивших

Вариант ответа	Гуманитарии	Технари
Легко	11	9
Не очень легко, но можно	57	65
Очень трудно, но можно	24	20
Крайне трудно	8	6

В 2009 г. третьекурсники оценивали свои возможности более оптимистично, 16 % ответили, что можно достаточно легко найти работу, в 2016 г. так ответил только один из десяти респондентов, две трети опрошенных оценили такую возможность более осторожно, «нелегко, но можно». Среди технарей более оптимистично оценивают свои перспективы на рынке труда студенты ведомственного вуза (УрГУПС), будущие медики тоже уверены в своей востребованности.

В процессе обучения в вузе молодые люди развиваются как личности, приобретают новый опыт, изменяется их отношение к жизни и целям, которые они перед собой ставят. Выбор вуза, направления подготовки происходил под влиянием уже сформированной системы ценностных ориентаций, личностных смыслов абитуриента. В то же время учебный труд и профессиональная деятельность студента не может не влиять на дальнейшее развитие его системы взглядов, на социокультурные характеристики будущих инженеров.

Изменился ли социальный портрет будущих инженеров за последние десять лет?

К 2012 г. гендерный дисбаланс, зафиксированный мониторингом, начиная с 2007 г., практически устраняется. Более того, впервые можно говорить о намечающейся тенденции к возврату в прошлые годы, когда на технических факультетах и специальностях преобладали мужчины (табл. 193).

Таблица 193

Динамика гендерной структуры студентов технического профиля подготовки, 2003–2016 гг., % от группы

Студенты	2003	2007	2009	2012	2016
Юноши	58	47	45	53	65
Девушки	42	53	55	47	35

Традиционно профессия инженера считалась мужской профессией. Длительная невостребованность высококвалифицированных кадров в стране, связанная с развалом в перестроечные и постперестроечные годы национальной промышленности, сокращением отраслевых производств, обусловили ситуацию хронического недобора абитуриентов на технические специальности. Падение престижа инженерной профессии, отсутствие социальных гарантий на производстве и низкие зарплаты негативно сказывались на мотивации выбора инженерных профилей у абитуриентов-юношей. Возрождение и развитие национального промышленного потенциала ослабили устойчивую до сих пор феминизацию технического высшего образования, возродили былую привлекательность инженерной подготовки для абитуриентов-юношей.

В 2015 г. нами был проведен опрос студентов инженерных специальностей УрФУ сразу после зачисления их на первый курс университета. Опросный лист дублировал логику того вопросника, который абитуриенты заполняли при оформлении личных дел в момент поступления в Университет. Опросные листы, как и личные карточки студента, включают социально-демографические характеристики студентов, а также сведения об имеющемся у них образовании, успехах в учебе и т. д. Выборка квотная, опрошено по 25 студентов всех 9 инженерных институтов УрФУ.

Поскольку студенты УрФУ составляют половину выборки «технарей», данные этого опроса помогут прояснить некоторые особенности их социально-демографического портрета. Прежде всего, гендерная структура студентов УрФУ с 2010 г. сохраняет выявленную пропорцию соотношения мужчин и женщин: 2 : 1 (66 и 34 %).

Важный показатель социального статуса студента — равенство шансов на получение высшего образования в зависимости от места жительства до поступления в вуз. За 2003–2012 гг. ситуация практически не меняется, двое из пяти третьекурсников-технарей — жители Екатеринбурга (рис. 240).

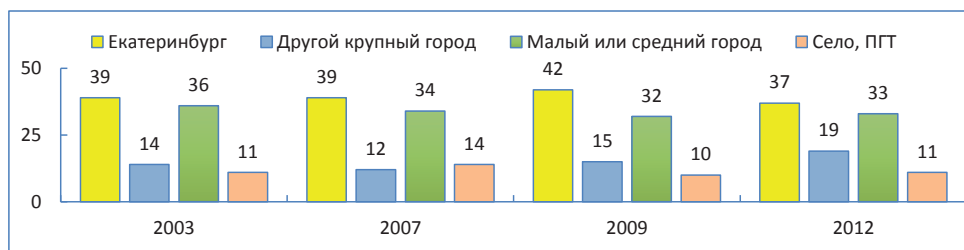

Рис. 240. Территориальная динамика проживания студентов-технарей до поступления в вуз, % от группы

По данным 2016 г., поселенческая структура выглядит немного по-другому. Среди бакалавров II и III курса технических специальностей только 23 % жители Екатеринбурга (табл. 194).

Таблица 194

**Территориальная структура проживания студентов технических специальностей
до поступления в вуз, 2016 г., % от группы**

Место проживания	Гуманитарии	Технари	Массив
Екатеринбург	27	23	30
Другой крупный город (> 100 тыс. жителей)	18	13	16
Малый или средний город (до 100 тыс.)	39	45	39
Село (поселок городского типа)	16	19	15

С 2009 г. ЕГЭ стал обязательной формой аттестации и основанием для поступления в вуз. В выборке 2012 г. по результатам ЕГЭ было принято чуть больше двух третей абитуриентов (68 %), остальные проходили по другим основаниям (чаще это были собеседования). Сегодня зачисление осуществляется только по итогам ЕГЭ.

К 2016 г. вырос на треть удельный вес студентов-технарей из малых и средних городов (45 % вместо 33 % в 2012 г.), почти вдвое увеличилось число зачисленных абитуриентов из села или поселка городского типа.

Почти аналогичной является поселенческая структура студентов первого курса технических направлений подготовки УрФУ в 2015 г. (табл. 195).

Таблица 195

**Поселенческая структура студентов технического профиля подготовки,
УрФУ, 2015 г., % от группы**

Адрес регистрации	%
Екатеринбург	31
Крупный город	14
Средний или малый город	40
Сельская местность	8
Другая страна	7

Среди студентов УрФУ, получивших профильное среднее образование, большинство из Екатеринбурга, вне зависимости от профиля (социально-гуманитарный, естественно-научный, технический). Среди студентов, окончивших многопрофильное учебное заведение (где не представляется возможным установить конкретный профиль в рамках данного исследования), треть из Екатеринбурга, треть — из средних или малых городов. Абсолютное большинство студентов-первокурсников (50 % респондентов), окончивших средние общеобразовательные школы без какой-либо профилизации, приехали и поступили в УрФУ из средних и малых городов (табл. 196).

Таблица 196

**Распределение респондентов по профилю среднего образования
и типу населенного пункта, % от опрошенных**

Профиль среднего образования	Екатеринбург	Крупный город	Средний и малый город	Село, ПГТ	Другая страна
Общее	16	11	50	12	11
Социально-гуманитарный	66	13	17	4	0
Естественно-научный	49	14	29	3	5
Технический	60	20	0	0	20
Многопрофильность	37	20	37	3	3
Массив	31	15	40	7	7

Актуальна проблема профилизации среднего образования, организации профильного обучения на селе и в малых городах. Из сельской местности в вуз поступило 7 % абитуриентов. Понятно, что сельские школы в принципе не могут иметь несколько профилей, им бы вытянуть хотя бы один. И в малых городах часто нет возможности создания учебных заведений, которые охватывали бы все планируемые профили, хорошо, если удастся организовать два-три на один город, хотя доля сельских школ и школ в малых городах составляет более половины от общего числа образовательных учреждений в России.

«Иногородним» студентам учиться — в материально-бытовом отношении — гораздо сложнее. Но — с учетом неравенства шансов — те из «иногородних», кто успешно преодолевает трудности конкурсного отбора, нередко оказываются и лучше подготовлены, и более мотивированы к последующей учебе.

Как оценивают социальную ситуацию будущие инженеры? Индикатор оценок — социальные ожидания студенчества относительно перспектив развития российского общества (табл. 197).

В 2009 г. мы подтверждали неизменность общей картины настроений студентов в интервале 10 прошедших лет. Значительная часть студенчества была настроена весьма патриотично, верила в будущее России, высказывалась за продолжение перемен в сторону повышения социально-экономического благополучия страны, создание гражданского общества и правового государства.

Таблица 197

**Динамика социальных ожиданий студентов технического профиля,
2003–2016 гг., % от группы**

Преобладающие ожидания	2003	2007	2009	2012	2016
Надеюсь, что в ближайшее время ситуация в стране улучшится	26	30	39	24	28
Верю, что улучшения произойдут, но не очень скоро	30	27	20	17	18
Особых изменений не предвижу	15	11	8	16	8
Опасаясь: жизнь и дальше будет только ухудшаться	5	4	7	11	10
В скорые перемены не верю, но еще немного можно потерпеть	4	6	5	4	3
Уже устали ждать перемен, устали от несбывшихся надежд	2	2	4	7	3
Улучшения возможны лишь при возврате к прежним порядкам	1	1	2	1	2
Самое лучшее — жить сегодняшним днем, не забивать себе голову	18	21	17	20	28

После 2012 г. картина меняется. Оптимистическое настроение сохраняют лишь каждый третий-четвертый студент, вместе с тем растет количество студентов, настроенных в разных модальностях пессимистически — каждый десятый считает, что жизнь будет только ухудшаться. Растет удельный вес категории опрошенных, демонстрирующих психологию ноувиизма, ситуативности — «нужно жить сегодняшним днем». Социальные ожидания, характер и направленность социальных проблем студентов технического профиля подготовки по динамике и структуре мало чем отличаются от настроений, социального самочувствия других отрядов студенчества. Определенные отличия в настроениях, в восприятии социальных проблем обусловлены скорее гендерными, чем профессиональными отличиями.

К наиболее острым, доминирующим проблемам, по оценкам респондентов всех профилей подготовки, следует отнести две критические для технической молодежи зоны — опасения не найти достойную работу после окончания вуза (в это же проблемное пространство попадает и позиция, связанная с недостаточной возможностью дополнительных заработков) и рост девиации в молодежной среде (рост наркомании, алкоголизма, культ силы и насилия).

Профессиональная обеспокоенность сопровождается и негативными оценками качества получаемой в вузе профессиональной подготовки. Каж-

дый четвертый респондент в 2016 г. отмечал низкое качество образования. Оценка качества образовательной подготовки у студентов технического профиля обучения по сравнению с 2003 г. снизилась втрое.

Отличий в оценках значимости, «остроты» проблем в зависимости от профиля подготовки не выявлено. Единственное существенное отличие — это снижающаяся оценка качества подготовки у респондентов естественно-научного профиля подготовки, низкое качество получаемой в вузе профессиональной подготовки беспокоит лишь 13 % медиков (среднее по массиву — 24 %, «технари» — 29 %).

Характер и направленность социальных проблем, отражающих те социальные условия, в которых пребывает молодое поколение, во многом коррелирует с артикуляцией проблем, лично волнующих наших респондентов.

Оценки наиболее значимых личных проблем студентов мало изменились за прошедшие четыре года. Выделенные проблемы остаются общезначимыми для всей студенческой молодежи (табл. 198).

Современное производство, общество в целом предъявляет к будущим инженерам особые этические требования. В различного рода моральных кодексах инженеров (американских, российских) облик инженера выглядит следующим образом¹: он — рационалист, «обладает набором технических навыков и умений», имеет склонность к изобретательской деятельности, настойчив, скрупулезен, трудолюбив, бдителен, предан своему делу, искренен, опирается в своей деятельности на эксперимент. Инженер не безучастен к судьбе людей, ибо он способствует достижению ими высокого уровня благосостояния. Представители инженерных профессий являются по-настоящему моральными людьми».

Таблица 198

**Характер и направленность личных проблем технарей,
2012–2016 гг., % от группы**

Наиболее острые личные проблемы	2012	2016
Как найти хорошую работу	42	34
Как получить свое жилье, добиться домашнего комфорта	39	39
Как добиться успеха в работе	29	28
Как сохранить здоровье	27	26
Как заработать больше денег	25	28

¹ См.: Черепанова М. В. Кодексы этики инженерных сообществ США и России: кросс-культурный анализ // XXI Международная научная конференция «Современные техника и технологии». Секция 7: Социально-гуманитарный аспект инженерной деятельности [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.lib.tpu.ru/fulltext/c/2015/C01/V2/096.pdf> (дата обращения: 22.06.2017); Этика инженера: через понимание к воспитанию. Ведомости прикладной этики. Вып. 42 / под ред. В. И. Бакштановского, В. В. Новоселова. — Тюмень : НИИ ПЭ, 2013. — 258 с.

Окончание табл. 198

Наиболее острые личные проблемы	2012	2016
Как добиться счастья в семейной жизни	23	18
Как завести свое дело, стать предпринимателем	21	21
Как воспитать своих детей	17	9
Надо ли учиться дальше, повышать квалификацию	12	18
Как сохранить друзей, компанию	12	11
Как избавиться от одиночества, скуки, потери интереса к жизни	11	8
Как добиться понимания, уважения со стороны окружающих	9	10
Чем заняться в свободное время	8	5
Как красиво и модно одеваться, выглядеть	7	6
Как обеспечить личную безопасность, постоять за себя	7	8
Как добиться удовлетворения в интимной жизни	6	2

Примечание. Поливариантный вопрос. Сумма больше 100 %.

В ситуации, когда общественные нормы порой нарушаются самим государством, когда коррупционное поведение государственных структур, являющихся аномальными, становится нормой в деятельности государственных и общественных институтов, а институциональное доверие исчезает, общественность, социальные группы вправе предъявлять требования и демонстрировать соответствующие социальные ожидания.

Мы спросили будущих инженеров: «Как Вы считаете, можно ли нарушать закон?». Только треть респондентов дали категорический отрицательный ответ — «нет, закон есть закон». Если в 2007 г. удельный вес таких ответов составлял 48 % (почти половина), то в 2012–2016 гг. он снизился до 33 % (табл. 199).

Таблица 199

Модальности правовых установок, 2016, %

Варианты ответа на вопрос о допустимости нарушений закона	Технари
Да, во имя пользы дела	16
Да, многие законы непонятны и поэтому часто нарушаются	8
Да, многие законы пишутся не для всех	9
Да, многие законы носят характер декларации	2
Да, во многих законах реально заложены невыполнимые нормы	3
Да, из-за быстрой смены законов	5
Да, если закон ограничивает права личности	24
Нет, закон всегда закон	33

Каждый четвертый респондент, как и в опросе 2012 г., уверен в том, что если закон нарушает права личности, его можно обойти. Каждый шестой не стесняется в выборе средств в достижении собственных целей, убежденный, что нарушение законов возможно, если того требует дело.

Анализ динамики изменений в аксиосфере будущих инженеров позволил увидеть общие закономерности этой возрастной когорты студенческой молодежи второго десятилетия XXI века (табл. 200).

Подводя итог характеристике ценностного сознания будущих инженеров, хочется отметить следующее. Студенческая техническая среда четко копирует и зеркальным образом отражает в себе как наиболее значимые происходящие в российском обществе изменения, так и сложившуюся ситуацию в современном инженерном образовании.

Низкие стартовые возможности молодежи, пока еще невысокий престиж инженерного образования и инженерных специальностей в стране, сложности в трудоустройстве, отражаются на значимости технического образования как терминальной и инструментальной ценности.

Таблица 200

Динамика ценностных ориентиров будущего инженера, 2003–2016 гг, % от группы

Ценностные ориентиры	Студенты технического профиля				
	2003	2007	2009	2012	2016
Здоровье	67	67	61	51	50
Семья, дети	60	63	67	44	40
Творчество, реализация способностей	24	26	33	27	27
Деньги, материальные блага, свое дело, бизнес	56	48	54	26	39
Общение с друзьями	51	49	45	21	15
Работа по душе	39	45	44	25	19
Независимость, свобода	33	30	28	21	20
Образованность, профессионализм	27	39	32	14	12
Получение удовольствий, интимная жизнь	27	20	19	17	12
Личная безопасность	27	17	15	8	5
Красота, прекрасное, физическое совершенство	15	9	14	7	5
Общение с природой	12	9	7	4	3
Престиж, слава, власть	12	9	11	17	13

Примечание. Поливариантный вопрос. Сумма больше 100 %.

Сегодня процесс образования для будущих инженеров связан не столько с получением знания и навыков по выбранной профессии, сколько высту-

пает способом и временем развития своих природных склонностей и способностей. Самореализационные ценности (творчество и реализация своих способностей) опережают в ценностной иерархии трудовые и профессиональные ценности. Вместе с тем, лабильность, обусловленная возрастной спецификой и ноувиристской психологией, подкреплённая юношеским оптимизмом, инновационной готовностью, деловитостью, энергичностью и предприимчивостью, пусть не в массовом варианте, а дифференцированном и частном, дают основания для качественной и персонифицированной оценки качества ценностного и интеллектуального потенциала будущих инженеров. А это в свою очередь позволяет конституировать два основных принципа инновационного моделирования нового инженерного образования — массовость и элитарность. Заявленная альтернативность принципов преодолевается, а точнее приобретает статус комплементарности в контексте внедрения, с одной стороны, комплекса технического (технологического) прикладного бакалавриата, реализующего массовую подготовку специалистов низшей технической квалификации, с другой — инновационных магистерских программ, ориентированных на научную деятельность, стимулирующих рост и концентрацию инновационных талантов и, следовательно, элитарную подготовку специалистов высшего звена.

Ни одна профессия не раскрывает дух инноваций как инженерное дело. Немногие профессии превратили так много идей в реалии. Мало кто из них оказывает такое прямое и позитивное влияние на повседневную жизнь людей. Мы рассчитываем на инженеров и их воображение, чтобы помочь нам удовлетворить потребности XXI века¹.

3. Студент экономического вуза: учеба и работа

«Экономика — не просто наука об использовании ограниченных ресурсов, но наука о рациональном использовании ограниченных ресурсов»

Г. Саймон, американский экономист

«Экономический человек имеет дело с «реальным миром» во всей его сложности»

Г. Саймон

Имеют ли специфические особенности в ценностных ориентациях, взглядах, отношении к учебе и будущей работе молодые люди, поступающие в экономический университет, будущие экономисты? Ответы на эти вопросы важ-

¹ Dr Ruth Graham Achieving excellence in engineering education: the ingredients of successful change. The Royal Academy of Engineering, 2012 London March 2012. — Режим доступа: www.raeng.org.uk/change (дата обращения: 18.06.2017).

ны, так как известно, что в двадцатом веке Россия пережила несколько смен политических режимов, которые неизбежно повлекли за собой изменения в сфере экономики, да и в XXI веке трудно говорить о том, что экономика России не подвергается серьезным изменениям. И кто, как не сегодняшний студент экономического профиля подготовки будет завтра участвовать в развитии экономики страны?

Термин «экономика» в переводе с древнегреческого обозначает «управление хозяйством» (*oikos* — домохозяйство, дом и *nomos* — закон), иначе говоря, данный термин имеет отношение к теории и практике наиболее эффективного ведения хозяйства. Романова Е. С. профессию экономист определяет следующим образом: «Экономист — специалист, занимающийся анализом финансово-хозяйственной деятельности (предприятия, отрасли и т. д.) в целях ее улучшения»¹. Основная сфера трудовой деятельности экономиста — это осуществление экономического анализа хозяйственной деятельности организации, разработка мероприятий по реализации режима экономии, повышение эффективности работы, выявление имеющихся резервов, предупреждение потерь и возможных неэффективных расходов, рациональное использование различных видов ресурсов. Также экономист изучает экономические процессы, осуществляемые в социуме, разрабатывает пути и способы достижения целей, продиктованные современными условиями жизни. Профессия экономиста (по разным направлениям подготовки) является востребованной на рынке труда, и с каждым годом не уменьшается количество абитуриентов, готовых в будущем овладеть этой интересной и перспективной профессией.

В период экономических реформ происходит переоценка ценностей, меняются жизненные ориентации, формируются принципиально новые жизненные стратегии. Сегодняшняя реальность такова, что переход к рыночным отношениям в сфере труда привел к формированию новой системы профессионально-трудовых отношений. А. В. Томаров указывает на то, что, «с одной стороны, экономическая ситуация расширила границы приложения сил и способностей студенческой молодежи в профессионально-трудовой сфере, а с другой, ценностная значимость труда по получаемой специальности в вузе является достаточно низкой»².

Современная профессиональная высшая школа пытается решать проблему подготовки квалифицированных кадров, адаптированных к динамическим процессам, протекающим в экономике страны, — делаются попытки сформировать взаимосвязанные системы общих профессиональных знаний,

¹ Романова Е. С. 99 популярных профессий. Психологический анализ и профессиограммы. — СПб. : Питер, 2003. — С. 431.

² Томаров А. В. Профессионально-трудовая адаптация работающих студентов вузов в современных рыночных условиях : автореф. дис. ... канд. соц. наук. — Уфа : Башкирский гос. университет, 2006. — 20 с. — С. 3.

составляются программы обучения с учетом компетенций, характерных для каждого конкретного профиля специальности и направления подготовки, актуализируются мотивационные установки студенческой молодежи. Специфика обучения студентов-экономистов характеризуется «... выраженным интегративно-междисциплинарным характером профессиональной экономической деятельности, обусловленной формированием новых областей знаний на стыке математики и экономики»¹. Учитывая эти моменты, проанализируем результаты социологического исследования.

Что побудило студентов-экономистов² поступить в Уральский государственный экономический университет (УрГЭУ)? (табл. 201). Самый приоритетный мотив является общим — на первом месте и по массиву в целом, и у студентов УрГЭУ — «интерес к профессии». Различия начинаются дальше. У студентов-экономистов на второе место среди мотивов вышло мнение, что «сюда было легче поступить» (отмечено каждым четвертым). Для студентов других вузов Екатеринбурга важнее оказался престиж, авторитет вуза (для каждого третьего), который студенты УрГЭУ поставили лишь на пятое место. За этими различиями, очевидно, стоит гораздо бо́льшая возможность поступления на экономические специальности на контрактной основе (и, соответственно, — с более низкой довузовской подготовкой). Сказывается и то, что подготовка экономистов сегодня осуществляется во многих вузах Екатеринбурга.

Таблица 201

Мотивы выбора вуза (что побудило вас поступить в вуз, в котором вы учитесь), 2016 г., студенты УрГЭУ и массив, % по группам

Значения	УрГЭУ	Массив
Интерес к профессии	45	44
Сюда было легче поступить	26	15
Хотелось обеспечить себе стабильный материальный достаток в будущем	20	25
Желание получить диплом (неважно, где и какой)	19	26
Привлек престиж, авторитет вуза	17	31
Привлекла перспектива найти хорошую работу после вуза	16	29
Считал: наилучшие способности у меня именно в этой области	16	16

¹ Гоголева И. В. Развитие положительной мотивации учебной деятельности у студентов-экономистов вуза: На основе междисциплинарной интеграции курса математики : автореф. дис. ... канд. пед. наук. — Якутск : Якутский гос. университет имени М. К. Аммосова, 2005. — С. 3.

² В данном разделе термин «студент-экономист» используется в узком смысле и относится к студентам УрГЭУ, не охватывая студентов-экономистов других вузов.

Окончание табл. 201

Значения	УрГЭУ	Массив
Активная студенческая жизнь (фестивали, спортивные мероприятия, конкурсы)	16	11
Не хотелось идти в армию	9	8
Стремление получить в настоящем и будущем интересный круг общения	9	7
Хотелось продлить более или менее беззаботный период жизни	9	3
Повлияла семейная традиция, родители	8	10
Повлияла учеба в специализированном классе, техникуме, лицее	6	5
Считали, что высшее образование даст возможность стать культурным человеком	3	6
За компанию с друзьями	3	5
Совет учителей, специалистов по профориентации	3	4
Надеялись встретить будущего спутника (спутницу) жизни	0	2

Примечание. В данном разделе сравнение дается только по этим двум группам.

На третьем месте — и по массиву в целом, и в ответах студентов-экономистов — стоят мотивы, сходные по сути, но по-разному выраженные: у первых это — «перспектива найти хорошую работу после вуза», у вторых — желание «обеспечить себе стабильный материальный достаток в будущем».

На четвертом месте — и по массиву в целом, и в ответах студентов-экономистов — сходный мотив, отражающий растущую «депрофессионализацию» высшего образования, — желание получить диплом (неважно, где и какой). Правда, студенты УрГЭУ отмечали это реже (каждый пятый), чем остальные (каждый четвертый).

Согласно полученным данным, студентов-экономистов меньше, чем студентов других вузов, заботит их будущее (обеспечить стабильный заработок, перспектива найти хорошую работу после вуза). Обращает внимание и то, что студенты УрГЭУ в 1,5 раза чаще отмечают как мотив выбора вуза активную студенческую жизнь (фестивали, спортивные мероприятия, конкурсы). Комментируя полученные результаты, заметим, что, на наш взгляд, в этих ответах наглядно проявилась «успешная» политика бывшего руководства университета, в которой ключевую роль играла пиар-политика, нацеленная на всевозможную популяризацию вуза через фестивали, конкурсы, форумы, шоу и пр. Вуз тратил на эти мероприятия огромные деньги. Конечно, сама по себе такая политика не может расцениваться как негативная, но дело в том, что она осуществлялась в ущерб работе по органи-

зации учебного процесса, повышению качества обучения, усилению роли педагога, имиджа профессионала-экономиста. Вуз получил популярность, но это была популярность не престижного учебного заведения, а места, где можно продлить беззаботную жизнь и весело провести время. Этот вывод подтверждается и тем, что, согласно результатам исследования, студенты-экономисты выше, чем в среднем, оценили такой фактор, как завести знакомства — «стремление получить в настоящем и будущем интересный круг общения».

Если принять за основу утверждение, что результаты ЕГЭ свидетельствуют об уровне подготовки абитуриентов, то можно сказать, что на общем фоне в экономический университет идут не самые слабые студенты (табл. 202).

Таблица 202

Уровень подготовки абитуриентов (какими, в баллах, были ваши результаты ЕГЭ), 2016 г., % от группы

Значения	УрГЭУ	Массив
Отличные (271 и выше)	3	3
Хорошие (221–270)	47	28
Средние (181–220)	45	48
Низкие (до 180)	6	21

По параметру «хорошие баллы» УрГЭУ занимает третье место, разделяя его с УИУ РАНХиГС, а по параметру «низкие баллы» — второе место (т. е. наименьшее количество студентов с низкими баллами пришло в УрГЭУ).

Удовлетворены ли студенты-экономисты в настоящий момент выбранным вузом и профессией (табл. 203)?

Таблица 203

Оценка удовлетворенности избранным вузом, осваиваемой профессией, 2016 г., % от группы

Значения	УГЭУ	Массив
Вполне	52	62
Вузом — да, профессией — нет	12	14
Вузом — нет, профессией — да	25	9
Нет	7	8
Не задумывался об этом	5	7

Как видим, в сравнении со всеми опрошенными студенты УрГЭУ более удовлетворены выбранной профессией (в среднем удовлетворены профес-

сией 71 %, студенты-экономисты — 77 %). В то же время они более других не удовлетворены вузом (соответственно, 17 и 32 %). К сказанному следует добавить, что, судя по полученным данным, студенты-экономисты, в сравнении со студентами других вузов, слабее представляли характер и специфику профессиональной деятельности по выбранной специальности (табл. 204).

Таблица 204

**Оценка представлений о профессии при поступлении в вуз
(четко ли вы себе представляли содержание, характер и специфику
профессиональной деятельности по выбранной Вами специальности),
2016 г., % от группы**

Значения	УГЭУ	Массив
Да	12	20
Частично	43	44
У меня были смутные представления	35	26
Нет, не представлял (а)	10	10

И в целом по массиву четко представлял будущую профессию, поступая в вуз, лишь один из пяти респондентов. Среди респондентов УрГЭУ их было почти вдвое меньше. Среди тех, кто имел «смутные представления», студентов-экономистов в 1,3 раза было больше. По двум другим параметрам различий не выявлено.

За годы обучения отмеченный разрыв удалось во многом преодолеть, хотя и сегодня четкие представления о будущей профессии имеет чуть более половины студентов-экономистов (впрочем, и в среднем по массиву) (табл. 205).

Таблица 205

**Оценка представлений о профессии (а сегодня представляете ли Вы содержание,
характер и специфику будущей профессии), 2016 г., % от группы**

Значения	УрГЭУ	Массив
Да	54	56
Частично	30	33
У меня остались смутные представления	10	8
Нет, не представляю	7	3

С какими трудностями столкнулись студенты УрГЭУ в начале студенческой жизни? В чем особенности их адаптации к вузу (табл. 206).

Таблица 206

**Оценка периода адаптации (с какими трудностями вы столкнулись
в начале студенческой жизни), 2016 г., % от группы**

Значения	УрГЭУ	Массив
Особых проблем у меня практически не было	36	32
Отсутствие привычного круга общения	28	27
Перегруженность учебными занятиями, неудобное расписание	23	30
Недостаток свободного времени	21	27
Неумение организовать себя	20	22
Недостаточная работа куратора академической группы	19	22
Нехватка денежных средств, неумение их расходовать	19	22
Низкое качество преподавания	17	9
Мало внимания со стороны деканата, кафедры	13	9
Невозможность найти дело по душе, интересное занятие	12	12
Мне сложно привыкать к новой обстановке, сходиться с новыми людьми	12	13
Много времени уходило на спорт, самодеятельность — в ущерб учебе	11	7
Недостаточный уровень довузовской подготовки	10	22
Плохие санитарно-гигиенические условия для учебных занятий	4	7
Низкая техническая оснащенность аудиторий, лабораторий	4	12

Как видим, проблемы адаптации студентов-экономистов мало в чем отличаются от проблем студентов других вузов Екатеринбурга. Обратим внимание на явное противоречие в их интересах. С одной стороны, как уже отмечалось, «активная студенческая жизнь (фестивали, спортивные мероприятия, конкурсы) важный для них мотив, с другой, именно этот фактор в 1,5 раза чаще, чем в среднем, мешает им учиться. Позитивный момент — студенты-экономисты вдвое меньше, чем в среднем, отмечают недостаточный уровень довузовской подготовки. Но он сочетается с почти вдвое более частым, чем в среднем, мнением о низком качестве преподавания.

Не выявило исследование и особых отличий в оценке студентами УрГЭУ внешних факторов, которые помогли им адаптироваться к студенческой жизни. Пожалуй, на них чуть меньше, чем в среднем, повлияли однокурсники (43 % в сравнении с 52 % по массиву) и поступившие вместе с ними друзья, подруги, знакомые (соответственно, 5 и 16 % по массиву). И одновременно почти вдвое сильнее оказало влияние совместное участие в спортивных, фестивалях, соревнованиях, проводимых специально для первокурс-

ников (25 и 14 %). И еще один интересный момент: если в целом по массиву лишь 2 % отметили адаптивное влияние курса «Введение в специальность», то среди студентов-экономистов — 5 %. Конечно, это не очень меняет общую удручающую картину в отношении данного курса, но все-таки чуть позитивнее характеризует ситуацию в УрГЭУ.

Дальнейшему совершенствованию работы по адаптации первокурсников УрГЭУ к вузовской жизни могут заметно помочь мнения и оценки студентов-респондентов VII этапа мониторинга.

Среди их рекомендаций особо выделим:

- помощь и внимание преподавателей, кураторов (43 %);
- помощь и поддержка студентов-старшекурсников (33 %);
- чаще проводить культурно-массовые, спортивно-массовые мероприятия для первокурсников (32 %);
- доброжелательное отношение к первокурсникам со стороны администрации факультета, вуза (30 %);
- активнее вовлекать первокурсников в работу творческих коллективов, органов студенческого самоуправления (28 %);
- больше внимания уделять организации учебного процесса на первом курсе (22 %).

Особый интерес вызывает оценка студентами-экономистами отдельных аспектов учебного процесса. Студенты-экономисты в целом не удовлетворены качеством образования (рис. 241).

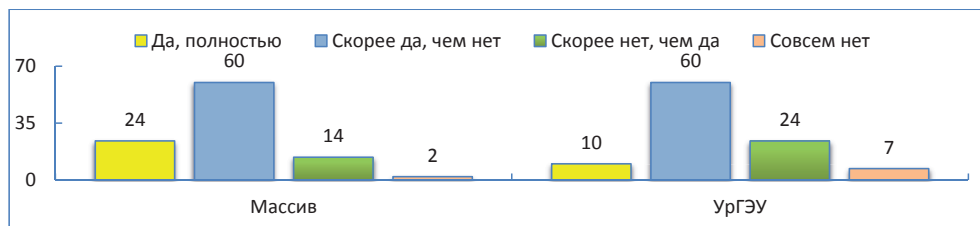

Рис. 241. Удовлетворены ли Вы качеством получаемого образования, 2016 г., в целом по массиву и по УрГЭУ, % от группы

У студентов-экономистов совпадает лишь доля относительно удовлетворенных качеством образования. По остальным параметрам отклонения подчеркивают их большую неудовлетворенность — полностью удовлетворенных более чем в два раза меньше; частично неудовлетворенных почти в два раза больше; значительно больше и полностью неудовлетворенных. Если рассчитать индекс удовлетворенности¹, то по массиву он будет +0,90, а по студентам УрГЭУ +0,42.

¹ Индекс рассчитан на основе оценок: в баллах: «++»/очень хорошее/= «+2»; «+»/хорошее/= «+1»; «=»/среднее/= «0»; «-»/плохое/= «-1»; «--»/очень плохое/= «-2»).

Аналогичной является и ситуация с удовлетворенностью качеством получаемой профессиональной подготовки (рис. 242).

Рис. 242. Удовлетворены ли Вы качеством получаемой профессиональной подготовки, 2016 г., % от группы

Индекс удовлетворенности качеством получаемой профессиональной подготовки в целом по массиву +0,71, у студентов УрГЭУ он значительно ниже +0,40.

В связи с этим важно конкретизировать оценки студентов УрГЭУ применительно к отдельным параметрам учебного процесса (табл. 207).

Таблица 207

Удовлетворенность отдельными аспектами учебного процесса, 2016 г., % от группы

Значения	УГЭУ	Σ
Санитарно-гигиенические условия в вузе	81	69
Техническая база, оснащенность лабораторий и аудиторий	79	65
Отношение преподавателей к студентам	79	79
Отношение учебно-вспомогательного персонала к студентам	77	78
Степень комфортности, удобства учебной мебели, аудиторий, лабораторий	76	54
Применение традиционных форм обучения (лекции, аудиторные практические занятия и семинары)	75	87
Обеспеченность учебниками, учебно-методической литературой	71	74
Связь получаемых знаний с реальной работой по профессии	70	64
Широкое использование современных информационных технологий	69	65
Возможность пользоваться в вузе Интернетом, информационными средствами обучения	68	70
Связь получаемых знаний с жизнью	64	63
Привлечение студентов к научно-исследовательской работе кафедр	62	65
Отношение администрации вуза к студентам	61	73

Окончание табл. 207

Значения	УГЭУ	Σ
Применение инновационных форм обучения (мастер-классы, тренинги, решение кейсов, практическое обучение на предприятиях и в организациях и др.)	58	59
Предлагаемые для разработки темы выпускных квалификационных работ (дипломов, диссертаций)	58	74
Организация питания, его качество и стоимость	52	61
Индивидуальная работа преподавателей со студентами	52	61
Режим учебного труда и отдыха, равномерность распределения учебной нагрузки	52	54
Привлечение к проведению занятий специалистов предприятий, бизнес-структур, органов власти	50	46
Организация учебного процесса (расписание занятий, сессий и т. д.)	47	63
Применение дистантных технологий образования (Университет «Открытое образование», «Гиперметод», вебинары и др.)	42	47
Организация учебных и производственных практик	37	59

В принципе выясняется противоречивая картина. По ряду параметров студенты УрГЭУ удовлетворены даже сильнее, чем студенты других вузов города. Большая часть из них относится к внешним условиям для занятий: санитарно-гигиенические условия в вузе; техническая база, оснащенность лабораторий и аудиторий; степень комфортности, удобства учебной мебели, аудиторий, лабораторий. Заметно и то, что по большинству параметров оценки студентов-экономистов сходны с общим мнением — и в удовлетворенности (отношение преподавателей и учебно-вспомогательного персонала к студентам; обеспеченность учебно-методической литературой, учебниками; возможность пользоваться в вузе Интернетом, информационными средствами обучения; связь получаемых знаний с жизнью; привлечение студентов к научно-исследовательской работе кафедр), и в неудовлетворенности (применение инновационных форм обучения; привлечение к проведению занятий специалистов предприятий, бизнес-структур, органов власти). Стоит обратить особое внимание и на те параметры, удовлетворенность которыми у студентов-экономистов проявляется значительно ниже, чем в среднем: отношение администрации вуза к студентам; индивидуальная работа преподавателей со студентами; организация учебного процесса (расписание занятий, сессий и т. д.); организация учебных и производственных практик.

Как оценивают студенты-экономисты происходящие реформы в высшем образовании (табл. 208)? Ответы студентов УрГЭУ показывают, что по мно-

гим параметрам организационно-управленческого и методического обновления университет продвинулся значительно дальше многих вузов города. По крайней мере, студенты-экономисты по 7 из 12 предложенных индикаторов реформ дали более высокие, чем в среднем, оценки: доступность межвузовского обмена студентов в рамках учебных программ и практик, программ, курсов на иностранном языке, программ обучения за рубежом, межвузовского обмена студентов в рамках научных программ, грантов, конференций; возможность получить «европейское приложение» к диплому, участвовать в программах «двойных дипломов»; возросшая оснащенность лабораторий, аудиторий новой техникой; привлечение иностранных специалистов для проведения занятий). Но оценки студентов позволяют выделить и проблемы УрГЭУ, на решение которых необходимо сосредоточить внимание. Это — расширение возможности пользоваться в вузе «быстрым» Интернетом, Wi-Fi, развитие сети малых предприятий при вузе. Но самое главное — повышение качества образования.

Таблица 208

**Оценка модернизационных изменений системы высшего образования
(Какие изменения вы можете отметить), 2016 г., % от группы**

Значения	УрГЭУ	Массив
Доступен межвузовский обмен студентов в рамках учебных программ и практик	81	63
Доступны программы, курсы на иностранном языке	69	55
Доступны программы обучения за рубежом	68	59
Доступен межвузовский обмен студентов в рамках научных программ, грантов, конференций	67	61
Можно получить «европейское приложение» к диплому, участвовать в программах «двойных дипломов»	63	46
Возросла оснащенность лабораторий, аудиторий новой техникой	63	55
Расширились возможности в области научной деятельности	59	62
Для проведения занятий привлекаются иностранные специалисты	55	36
Появилась возможность пользоваться «быстрым» Интернетом, Wi-Fi в вузе	51	61
Появились возможности внедрять свои научные разработки в производство через инновационные площадки вуза	46	45
Повысилось качество образования	39	45
Появилась возможность работать в малых предприятиях при вузе	35	41

Переход на бакалавриат приблизил окончание университета (по крайней мере, этой ступени высшего образования) на 1 год. Тем самым актуализировалась и проблема жизненных планов после окончания вуза. Как же ответили на соответствующий вопрос студенты-экономисты (табл. 209)?

Заметно, что каких-то особых различий от общего мнения студенчества Екатеринбурга у студентов УрГЭУ нет. Это сходство проявляется даже в одинаковом числе тех, у кого еще нет никаких планов на будущее или для кого будущее в плане работы туманно и неопределенно. Очень близки и планы основать свое дело, бизнес, заняться предпринимательством, и перспективы продолжить образование. Сколько-нибудь значимые различия проявляются лишь по двум параметрам: студенты-экономисты чуть меньше, чем в среднем, собираются работать по специальности и чаще планируют поехать за границу работать или учиться.

Таблица 209

Жизненные планы студентов (чем бы Вы хотели заниматься после окончания вуза), 2016 г., % от группы

Варианты	УрГЭУ	Массив
Работать по специальности	26	34
Работать не по специальности	6	6
Продолжить образование (магистратура, второе высшее), затем аспирантура	25	23
Заняться научно-исследовательской работой	0	1
Основать свое дело, бизнес, заняться предпринимательством	16	14
Посвятить себя дому, семье	1	1
Поехать за границу работать или учиться	12	6
Работать как фрилансер (самостоятельный поиск и реализация услуг, проектов)	1	1
Жить за счет случайных заработков	2	<1
Пройти стажировку (дополнительное обучение) на рабочем месте	0	1
Будущее в плане работы туманно и неопределенно	8	8
Еще нет никаких планов на будущее	4	4

В данном исследовании нас особенно интересовали вопросы, связанные с проблемой «работающего студента», — совмещения учебной деятельности с трудовой, а также вопросы, связанные с овладением будущей профессией, перспективы ее реализации в секторе трудовых отношений. Студенты УрГЭУ чуть больше, чем в среднем по массиву, работают — и постоянно, и нерегулярно (табл. 210).

Таблица 210

Занятость студентов (работаете ли Вы), 2016 г., % от группы

Варианты	УрГЭУ	Массив
Имею постоянную работу	17	14
Да, но нерегулярно	35	28
Сейчас — нет	48	58

Но в отношении связи работы с получаемой профессией они не очень отличаются от студентов других вузов города. И среди студентов-экономистов их нынешняя работа связана с получаемой профессией лишь у каждого пятого, частично — у каждого четвертого. Таким образом, материалы исследования подтверждают тот факт, что в настоящий момент проблема совмещения учебы и работы — одна из актуальнейших проблем современного студенчества. Эти данные требуют дальнейшего поиска других ответов: что мотивирует студентов совмещать работу и учебу? Насколько вуз учитывает сложившуюся ситуацию и идет навстречу работающему студенту?

Безусловно, в советские времена выпускнику вуза не надо было даже задумываться о том, сможет ли он найти достойную работу, соответствующую специальности в дипломе (существовала государственная система распределений выпускников). У этой системы были свои плюсы и минусы, но сегодняшний студент самостоятельно решает вопросы, связанные с трудоустройством.

Конечно, вузы в какой-то мере могут помочь студентам в поиске работодателей, в частности, в УрГЭУ работает «Отдел взаимодействия с работодателями и развития кадрового потенциала». Этот отдел занимается организацией практик и стажировок студентов, вопросами послевузовского трудоустройства студентов, окончивших вуз, а также поиском работы для студентов, желающих совмещать учебу с работой. С этой целью в вузе регулярно проводится ряд мероприятий, например, ярмарки вакансий. Несомненно, обеспечить рабочими местами по специальности каждого выпускника вуз не имеет возможности, да и, как известно, количество выпускников зачастую превышает потребность рынка труда в количестве специалистов.

Как оценивают студенты-экономисты потенциальные возможности для будущего трудоустройства? Анализируя ответы, полученные на вопрос «Как вы считаете, легко ли найти хорошую работу по вашей специальности?», мы получили неоднозначные результаты (табл. 211).

Студенты-экономисты чуть реже, в сравнении со средними данными по массиву, отмечают легкость или относительную легкость трудоустройства по профессии, но одновременно несколько чаще — трудность и относительную трудность такого трудоустройства.

Таблица 211

Потенциал будущего трудоустройства (легко ли найти хорошую работу по вашей специальности), 2016 г., % от группы

Варианты	УрГЭУ	Массив
Легко	9	11
Не очень легко, но можно	49	60
Очень трудно, но можно	33	22
Крайне трудно	9	7

Во многом сходными были и представления студентов-экономистов и студентов других вузов города о том, что поможет им в реализации планов после окончания вуза (табл. 212).

Таблица 212

Детерминанты успешности жизненных планов (что может помочь реализации ваших планов после окончания вуза), 2016 г., % от группы

Варианты	УрГЭУ	Массив
Мои способности, личностные качества (характер, трудолюбие, обучаемость)	58	54
Полученное образование (знания, навыки по профессии)	53	65
Мои связи, знакомства, умение налаживать контакты	35	30
Мой общий и научный кругозор, готовность к самообразованию	24	21
Прохождение практики на предприятии, в организации	22	18
Моральная поддержка, связи родителей, родственников	21	22
Материальная поддержка родителей, родственников	12	10
Крепкое здоровье, внешние данные	10	9
Диплом, репутация вуза	10	19
Система гарантий, льгот для молодежи	8	4
Дополнительные виды обучения (бизнес-школы, курсы, семинары, образовательные программы и т. п.)	8	10
Программы академической мобильности студентов (стажировки, «двойные дипломы», участие в международных проектах, грантах)	6	2
Моя научная деятельность	2	4
Работа в инновационных предприятиях при вузе	0	2

При этом различия в основном связаны — в позитивном плане (отмечаются студентами УрГЭУ чаще, чем в среднем) — с личностными качествами,

наличие в вузе «Программы академической мобильности студентов» и «Системы гарантий, льгот для молодежи». Действительно, в УрГЭУ существует практика стажировок, в том числе зарубежных, есть возможность получить параллельно «второе высшее образование», участвовать в грантах. В негативном плане (отмечаются студентами УрГЭУ реже, чем в среднем) чаще фигурируют факторы, связанные с профессиональной подготовкой студентов (полученное образование; диплом, репутация вуза; научная деятельность; работа в инновационных предприятиях при вузе).

Интересные результаты были получены при ответе на вопрос: «Что для вас наиболее значимо в будущей работе?» (табл. 213).

Таблица 213

Наиболее значимые характеристики будущей работы, 2016 г., % от группы

Варианты	УрГЭУ	Массив
Возможность получать большие заработки, высокие доходы	62	59
Возможность карьеры, достижения высокого уровня профессионализма	53	51
Возможность полнее реализовать свой потенциал	37	28
Возможность постоянного самосовершенствования	36	33
Хорошие условия труда	35	30
Возможность принести пользу людям	30	27
Возможность работать в хорошем, дружном коллективе	28	23
Творческий, интересный характер работы, разнообразие труда	26	24
Возможность достичь признания, уважения	20	26
Возможность занять высокий пост, иметь власть над другими людьми	19	22
Высокий престиж профессии	16	17
Самостоятельность, независимость, отсутствие мелочной опеки, регламентации	12	15
Соответствие профессии моим способностям, знаниям, умениям	7	13
Гарантия от возможной безработицы	7	15
Связь с современной техникой, новейшими технологиями	4	5
Спокойный характер работы	4	8
Возможность «не выкладываться», пусть и при небольшой зарплате	3	2
Отсутствие тяжелых физических нагрузок	3	5

В ответах студентов-экономистов 8 приоритетных параметров (из 18) отмечаются несколько чаще, чем в среднем по массиву, остальные параметры — чуть реже. В целом, таким образом, свою будущую профессию студенты УрГЭУ оценивают в основном позитивно.

Но за ответами студентов стоят и серьезные проблемы. Взять, например, такой параметр, как «соответствие профессии моим способностям, знаниям, умениям». В целом его отметил лишь один респондент из восьми, среди студентов УрГЭУ — вдвое меньше. Обнаруживается, что студенты, получая образование в вузе, не всегда ориентированы на то, чтобы реализовывать полученные знания в профессиональной деятельности. Иначе говоря, работать можно, где угодно и как угодно. И снова мы сталкиваемся с уже озвученной проблемой — студент получает профессию, заранее понимая, что работать по ней он не хочет и не будет.

Завершить наш анализ хотелось бы общей характеристикой профессии (табл. 214).

Таблица 214

Согласны ли Вы со следующими утверждениями о той профессии, по которой получаете образование или работаете, ответы «Да», 2016 г., % от группы

Значения	УрГЭУ	Массив
Это интересная профессия, она соответствует моим способностям, умениям	80	78
Она дает возможность достичь признания, уважения, приносит реальную пользу людям	80	75
Она дает возможность достичь признания, уважения, приносит реальную пользу людям	76	74
Благодаря ей можно реализовать свои жизненные планы	76	68
Это престижная профессия	73	65
Она востребована на рынке труда даже в условиях кризисов	54	66

Как видим, и это во многом соответствует уже обоснованным нами выводам, студенты УРГЭУ оценивают свою профессию достаточно высоко. По крайней мере, по большинству параметров (интересная, престижная профессия, соответствует моим способностям, умениям; дает возможность достичь признания, уважения, позволяет реализовать свои жизненные планы, приносит реальную пользу людям) их оценки выше, чем в среднем по массиву. Их сомнение вызывает лишь востребованность профессии на рынке труда, что в какой-то мере отражает распространенное мнение о «перепроизводстве экономистов» — мнение, опирающееся на статистику о подготовке экономистов в вузах, но игнорирующее острую нехватку во многих отраслях высококвалифицированных экономических кадров.

Студент-экономист сегодня — это кадровый резерв экономики страны. Какой уровень экономической грамотности, мобильности будет сформирован у студентов в процессе обучения в вузе, какими компетенциями они овладеют, такими и проявят они себя на производстве. Конечно, студенты УрГЭУ не уникальны в своих мотивациях выбора будущей профессии и вуза, и здесь огромную роль сыграл демографический кризис, когда вузы были вынуждены набирать студентов по принципу «приходите, всех научим». В результате бум желающих получать высшее образование наполнил вузы студентами, не готовыми в перспективе работать по той профессии, которую они пришли осваивать. Безусловно, есть и те, кто изначально ориентировался на ту специальность и профиль, по которому сегодня проходят обучение.

Итак, поведем итоги. Ценностные ориентации современных студентов-экономистов в отношении учебы и работы в целом выглядят недостаточно сформированными, их мотивы поступления в вуз отражают незрелую социальную позицию. Много противоречий было выявлено в корреляции таких позиций, как «выбранный вуз — осваиваемая профессия — удовлетворенность обучением»: с одной стороны, основная часть опрошенных не удовлетворена выбранным вузом, но при этом удовлетворена выбранной профессией; с другой, многие не планируют работать по специальности. Среди тех, кто совмещает работу с учебой, большинство таких, чья работа не связана с осваиваемой профессией, более того, опрос студентов показал, что профессия, которой они обучаются, не является для них привлекательной и/или по ней трудно будет найти работу.

Конечно, не все так плохо и пессимистично. Проведенное исследование показало, что студенты УрГЭУ показали самый высокий уровень удовлетворенности будущей профессией по сравнению со студентами других вузов, для них важен фактор «быть полезным обществу». Кроме того, существует немало положительных моментов, связанных с процессом обучения студентов-экономистов в вузе. Они более удовлетворены (по сравнению со студентами других вузов Екатеринбурга) санитарно-гигиеническими условиями, технической оснащенностью аудиторий, соглашаются с тем, что у них есть в достаточном количестве свободное время, которое они вольны занимать по своему усмотрению отдыхом, подготовкой к занятиям, работой, участиями в мероприятиях и т. п. Положительным аспектом явилось и то, что для процесса адаптации наиболее важными факторами для студентов УрГЭУ оказались такие, как: курс «Введение в специальность», участие в мероприятиях, организованных специально для первокурсников, работа кураторов групп, студенческая профсоюзная организация. Можно сделать вывод о качественной работе, организованной в УрГЭУ по адаптации первокурсников к обучению в вузе.

4. Трактории и проблемы студентов педагогических вузов

Несмотря на существенные различия между отдельными стратами студентов, их всех объединяет с социологической точки зрения учебно-профессиональная деятельность, т. е. овладение знаниями, приобретение навыков профессиональной подготовки и их реализация на практике, развитие качеств, актуальных в определенной профессиональной деятельности.

В студенческой среде формируются признаки, которые постепенно приобретают все более общие черты, характерные для той или иной социально-профессиональной группы. В период обучения в педагогическом вузе происходит не только формирование, становление личности, но и формирование нормативных, базовых и идеальных моделей профессии, профессионального сознания, профессиональных ролей. Представляется необходимым определить сущностные черты такой социально-профессиональной общности, как учительство. По данным Российского статистического ежегодника, учительство — одна из самых многочисленных и статистически значимых социально-профессиональных общностей в России¹.

Рассматриваемая общность является самостоятельным субъектом социального действия и характеризуется:

- относительным единством профессиональных целей, интересов, устремлений;
- выполнением преимущественно сложного умственного квалифицированного труда;
- обладанием для его осуществления социальным, культурным и интеллектуальным капиталом (высшим или средним, в основном педагогическим образованием);
- осуществлением деятельности по обучению, воспитанию, развитию, социализации, профессиональной ориентации молодежи².

Модернизация и реформирование системы образования определяют такие требования к обучению будущих педагогов в высшей школе, как необходимость формирования творческой активности и стремления к непрерывному образованию, самообразованию и самоактуализации, получению разносторонних знаний, субъектной позиции в различных видах деятельности, а также соответствующих мировоззренческих позиций будущего специалиста.

Система образования не выпускает полностью готовых профессионалов, но основа профессионализма как подготовки личности к самореализации

¹ Российский статистический ежегодник. 2015: сб. стат. — М. : Росстат, 2015. — 727 с.

² Засыпкин В. П., Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А. Учительство как социально-профессиональная общность // Социологические исследования. — 2015. — № 5. — С. 114.

через дальнейшую профессиональную деятельность закладывается именно в процессе образования (обучения и воспитания). Поэтому актуальным является изучение профессиональных планов студентов педагогических вузов, их представлений об основных факторах успешности¹. Траектории профессиональных стратегий определяются как объективными (социокультурными факторами среды, различными аспектами профессиональной подготовки в вузе), так и субъективными (личными качествами, способностями, мотивацией выбора профессии, которая во многом влияет на активность студентов в освоении профессиональных ролей и ценностей) факторами жизнедеятельности студенческой молодежи.

Исследованием были охвачены студенты ведущих педагогических вузов Екатеринбурга — УрГПУ и РГППУ. Мы, разумеется, не претендуем на универсальный характер выводов исследования. Но учитывалось, во-первых, то обстоятельство, что упомянутые университеты являются достаточно типичными в ряду вузов педагогического профиля. Во-вторых, ответы студентов, а следовательно, их представления о содержании, целях профессиональной деятельности, профессиональных планах, их отношении к профессии педагога, в УрГПУ и РГППУ оказались сопоставимы с данными исследований в других вузах педагогического профиля. Это позволяет заключить, что при всех имеющихся региональных и прочих различиях учебный процесс в педагогическом образовании строится по единой логике и имеет общие тенденции, а следовательно, и противоречия в реализации профессиональной подготовки обучающихся в процессе функционирования и развития вуза.

Первый блок вопросов ставит своей целью выяснение профессиональных планов студентов педагогических вузов (табл. 215).

Для выпускников педагогического вуза работа по специальности является неременным условием завершения начатой профессиональной социализации, иначе утрачиваются сформированные компетенции.

Таблица 215

Профессиональные планы будущих педагогов в динамике, 2009–2016 гг., студенты педагогических вузов (РГППУ, УРГПУ) в сравнении с массивом в целом, % от группы

Чем бы Вы хотели заниматься после окончания вуза?	2009	2012	2016	
	Педвузы*			Массив
Работать по специальности	41	35	42	34
Продолжить образование (магистратура, второе высшее, аспирантура)	13	15	24	23

¹ См.: Собкин В. С., Ткаченко О. В. Студент педагогического вуза: жизненные и профессиональные перспективы. Труды по социологии образования. — М. : Центр социологии образования РАО, 2007. — Т. XI–XII. — Вып. XXI. — 200 с.; Гендин А. М., Дроздов Н. И., Сергеев М. И. Студенты педагогического вуза о качестве своей подготовки к учительской деятельности и профессиональных планах: Социологический анализ. — Краснодар: КГПУ, 2010. — 268 с.

Окончание табл. 215

Чем бы Вы хотели заниматься после окончания вуза?	2009	2012	2016	
	Педвузы*			Массив
Основать свое дело, бизнес, заняться предпринимательством	13	11	8	14
Будущее в плане работы туманно и неопределенно	—	—	8	8
Работать не по специальности	9	17	9	6
Поехать за границу работать или учиться	8	3	2	6
Еще нет никаких планов на будущее	0	0	0	4
Посвятить себя дому, семье	3	5	6	1
Работать как фрилансер (самостоятельный поиск и реализация услуг, проектов)	—	—	1	1
Заняться научно-исследовательской работой	2	1	1	1
Жить за счет случайных заработков	2	0	0	<1

* Ответы студентов РГППУ и УрГПУ достаточно близки (первые чуть реже желают продолжить образование, чуть чаще отмечают неопределенность будущего; вторые чуть чаще хотели бы посвятить себя дому, семье), поэтому рассматриваются целостно.

В целом ориентированы на работу по специальности двое из каждых пяти студентов, примерно столько же считают профессию педагога своим призванием, что в общей форме коррелирует с долей студентов, пришедших в вуз неслучайно (44 % в качестве ведущего мотива выбрали интерес к профессии). Это и есть, собственно, выпускаемые педагоги. Остальные ориентируются на сферы непедagogического труда. С 1991 по 2001 гг. количество выпускников, намеревающихся работать педагогом по профилю полученной подготовки, сократилось с 85 до 63 %, а с 2001 по 2016 гг. — с 63 до 42 %, что не соответствует природе педагогического вуза¹.

Выбор альтернативных стратегий студентами педвуза более сдержан, чем в целом по массиву. Это свидетельствует, скорее всего, о неопределенности, размытости профессиональных планов у большей части студентов. Идти работать в школу не хочется, а куда пойти — еще не решили.

Почти четверть студентов хотели бы продолжить профессиональное обучение. Думается, что причина не столько в устремленности к развитию личностного потенциала, сколько в желании еще на какое-то время отложить окончательный выбор будущего места работы. Здесь прослеживается и прагматичность молодежи: более высокий уровень образования (не только бакалавриат), наличие второй специальности, не всегда смежной, повышает конкурентоспособность на рынке труда, позволяет выбрать работу, ориен-

¹ Лесина Л. А. Лидерство в образовании: социологический анализ : автореф. дисс. ... канд. соц. наук. — Екатеринбург : УрГУ, 2002. — 20 с.

тируясь не только на размер оплаты труда, но и на содержательную сторону. Ориентированность на второе высшее образование может быть обусловлена и разочарованием в сделанном выборе профессии, желанием перейти в другое профессиональное сообщество.

Часть студентов признается, что первоначальный выбор профессии осуществлялся по принципу «пробного шара», поэтому и получаемая специальность рассматривается как временная (стартовая площадка для получения в будущем действительно желаемой и сознательно выбранной профессии).

Доля тех, кто желает сменить профессию, не считая ее основой профессиональной карьеры, в 2001 г. составляла 37 %, в 2016 г. — 33 %, т.е. является сравнительно устойчивой. Как правило, это те студенты, для кого выбор профессии был случайным, кто разочаровался или изменил намерения. На III курсе уходить уже поздно, надо закончить обучение и получить диплом (при этом диплом воспринимается как пропуск на рынок квалифицированного труда, и неважно по какой специальности). Эти студенты, не будучи ориентированными на профессиональную деятельность в рамках сделанного выбора, вряд ли будут настроены на активное освоение профессиональных знаний, предусмотренных вузовской программой, на формирование и развитие компетенций, необходимых в профессиональной деятельности педагога. Отсутствие устойчивой склонности к педагогической профессии побуждает значительное количество студентов имитировать учебную деятельность.

Достаточно высокий уровень социально-статусных притязаний студентов зачастую не соответствует реалиям рынка труда. Среди основных трудностей, с которыми сталкиваются молодые люди при поиске работы, были отмечены: отсутствие трудового стажа, несоответствие профессиональной подготовки требованиям работодателя. Все это порой делает невозможной реализацию выбранной профессиональной и жизненной стратегии. Если профессиональная подготовка молодых людей мало востребована работодателями, то это значительно ограничивает возможности их карьерного роста, деформирует профессиональные роли и ценности. Выбирая работу не по специальности, молодые люди вынуждены проходить профессиональную переподготовку, что замедляет их дальнейшую мобильность в организации и в профессии.

Многочисленные исследования социологов отмечают ориентацию современной молодежи на нелинейный тип карьеры, предполагающий возможность скорректировать профессиональные планы, переизбрать профессиональную стратегию в соответствии с конъюнктурой рынка труда. Ю. А. Зубок и В. И. Чупров рассматривают отказ от работы по специальности как своеобразную форму рационализации трудовых отношений, ответную реакцию на неопределенность ситуации на рынке труда, на кризисные явления в экономике¹. Но вслед за этим возникает проблема восполнения социаль-

¹ Зубок Ю. А., Чупров В. И. Молодые специалисты: подготовка и востребованность на рынке труда // Социологические исследования. — 2015. — № 5. — С. 114–122.

но-профессиональных групп в обществе, особенно это касается школьных учителей. На протяжении последних десятилетий обостряется проблема возрастной структуры учительства (отмечается резкое постарение). Низкая ротация кадров возникает:

- во-первых, из-за экономически оправданного нежелания учителей пенсионного возраста уходить на заслуженный отдых;
- во-вторых, из-за нежелания выпускников педагогических вузов идти работать в школу, их низкой закрепляемости в сфере образования. Отсюда проблема не в перепроизводстве, а в остром дефиците педагогических работников на рынке труда региона.

Постарение кадрового состава образовательных учреждений усложняет модернизацию образования, представляющую собой непрерывный (в отличие от реформирования) процесс изменений, ответов на вызовы времени. Сущность модернизации заключается в том, что она не является самоцелью, не обеспечивает достижение гарантированного результата, но актуализирует новые способы деятельности, инновационные педагогические технологии, новую инфраструктуру образовательного пространства.

В качестве еще одной тенденции следует отметить и увеличивающуюся феминизацию профессиональной общности. Причин тому может быть несколько:

- низкий социальный статус данной социально-профессиональной группы¹: как только снижается доходность профессии, сразу же наблюдается отток из нее мужской рабочей силы;
- профессиональная деятельность педагога чаще предполагает горизонтальную (саморазвитие, самореализация), чем вертикальную (власть, высокий доход) карьеру;
- устойчивые стереотипы, особенно среди молодежи, о профессии учителя как сугубо женской.

Феминизация данной социально-профессиональной группы приводит к усвоению обучающимися в образовательных учреждениях преимущественно феминизированных моделей поведения и социального контроля.

Оrientируются на научную деятельность и научную карьеру, планируя поступить в аспирантуру, 4 % студентов. Заниматься коммерческой деятельностью после окончания вуза собираются 8 % студентов, стремясь создавать что-то новое, преодолевать препятствия и рисковать. Снижение ориента-

¹ «Если общественная значимость профессии учителя оценивается достаточно высоко, то экономический статус (уровень заработной платы) данной профессиональной группы сегодня явно занижен в сравнении с тем статусом, который она занимала в предыдущие годы. Подчеркнем, что подобное снижение экономического статуса ведет не только к социальной, но и культурной маргинализации данной профессиональной группы. Следствием этого является деформация социокультурных функций школьного образования» (Собкин В. С., Ткаченко О. В. Студент педагогического вуза: жизненные и профессиональные перспективы. Труды по социологии образования. — М. : Центр социологии образования РАО, 2007. — Т. XI—XII. — Вып. XXI — С. 9). За 10 лет ситуация не стала менее актуальной.

ции на предпринимательство (с 13 % в 2009 г. до 8 % в 2016 г.), на наш взгляд, непосредственно связано с явлениями дисфункций в экономике страны, с затяжным кризисом. Обучение в педагогическом вузе направлено на формирование у студентов компетенций в психолого-педагогической, культурологической, конфликтологической сферах, на развитие аналитических, коммуникативных навыков. Накопленный в студенческие годы образовательный капитал позволяет им вполне успешно реализовать себя во многих областях профессиональной деятельности: социальной, духовно-культурной, предпринимательской.

Из готовых работать по специальности в обычные общеобразовательные школы намерены пойти 15 %, хотели бы работать в сфере «продвинутого образования» 36 %, в альтернативных образовательных учреждениях — 28 %, в нетрадиционных образовательных институтах — 23 %, в спецшколах — 15 %¹. Иное дело, что реально работающих в массовых школах оказывается несколько больше. Выбранные формы профессионального самоопределения свидетельствуют о высокой самооценке, желании определенной части студентов проявить в будущем нестандартное отношение к делу, об ориентации на более сложные и престижные условия работы.

Апатия и безразличие к собственному профессиональному будущему наблюдается у одного из восьми опрошенных студентов. Они представляют свое будущее лишь в общих чертах, размыто, нелинейно, что затрудняет процесс жизненного и профессионального планирования. Подобные настроения растерянности, неуверенности в будущем, возможно, обусловлены кризисными явлениями в обществе. Нежелание проектировать и планировать профессиональные стратегии, надеясь на случай («как-нибудь обойдется»), становится в условиях непредсказуемости и неопределенности на рынке занятости, да и в обществе в целом способом рационализации социально-профессиональной реальности.

Сложившаяся с профессиональным самоопределением студентов ситуация объясняется отнюдь не тем, что сегодня достаточно сложно устроиться по педагогической специальности выпускнику вуза без опыта работы, и не отсутствием вакантных мест. Напротив, ситуация на рынке труда складывается весьма благоприятно для педагогических работников: уже сейчас мало безработных учителей, имеются вакансии по многим предметным специальностям как в большом, так и в среднем, малом городе. Однако молодежь не устраивает, прежде всего, низкая оплата труда, непрестижность профессии педагога. «Каждый второй, чья работа соответствует полученной в вузе специальности, относится к категории малообеспеченных (20 %) либо обеспеченных

¹ Симонова А. А., Минюрова С. А., Рубина Л. Я. Педагогический университет в центре регионального образовательного кластера // Педагогическое образование в России. — 2014. — № 8. — С. 14.

ниже среднего уровня (30 %)»¹. Безусловно, данный фактор оказывает весьма существенную демотивирующую роль в выборе молодыми людьми профессиональных стратегий. Выбор профессии вначале, затем — выбор работы по специальности отражает стремление молодых людей заявить о своей принадлежности к определенной профессиональной общности, желание занять определенный статус в социально-профессиональной структуре общества.

В исследовании была обнаружена прямая, хотя и неярко выраженная связь между профессиональной направленностью студентов университета и уровнем их учебно-познавательной активности. Осознанное желание трудиться в избранной сфере деятельности и по определенной профессии являлось в какой-то степени стимулом хорошей учебы. Хотя сейчас обнаруживается и иной стимул: неопределенность профессионального устройства заставляет часть студентов заниматься более энергично и не только программным материалом. Молодежь предпочитает планировать свое будущее не как линейную прямую, а как вариативный спектр возможностей. Профессиональное образование при таком выстраивании жизненного пути выступает не как гарант занятости в конкретной сфере, а как шанс самореализации, как важный социальный ресурс, обеспечивающий жизненный успех. Здесь вполне уместно говорить о появлении у части молодых людей дополнительной активности, повышающей степень развития интеллектуально-коммуникативной деятельности. При этом изменяются требования к образованию: востребованной становится разносторонняя и глубокая интеллектуальная работа, а не привычная предметная подготовка.

Активность студентов следует рассматривать прежде всего в учебно-познавательной деятельности. Характеристика учебно-познавательной активности в объективном плане может быть представлена следующими индикаторами:

- участие в научной работе;
- самооценка степени овладения учебными навыками (планирование студентами своей учебной деятельности и т. д.);
- степень самостоятельности в процессе учебной деятельности.

Итак, различные стратегии выхода на рынок труда связаны с отношением к учебе:

1. Выбрали специальность осознанно и собираются по ней работать. Эти студенты выступают наиболее компетентными потребителями образовательных услуг, поскольку знают о содержании будущей профессии, ролях и ценностях педагогической общности, проявляют интерес к содержательной стороне, к качеству обучения.

2. Разочаровались в выборе в процессе обучения. Представляется, что основная причина отнюдь не низкое качество обучения (76 % — три из четырех — студентов педагогических вузов удовлетворены качеством

¹ Зубок Ю. А., Чупров В. И. Молодые специалисты: подготовка и востребованность на рынке труда // Социологические исследования. — 2015. — № 5. — С. 116.

преподавания, это достаточно высокий показатель, хотя и ниже, чем в целом по массиву — 81 % удовлетворенных), а неадекватный выбор профессии из-за неудовлетворительной профессиональной ориентации. Расхождение идеального представления о содержании профессиональной деятельности, социальной роли учительства с повседневной практикой, разочарование в собственных возможностях приводит к тому, что полноценное осуществление учебной деятельности оказывается лишенным глубокого личностного смысла. В результате наблюдается кризис профессионального самоопределения, появление фрустрационных состояний.

3. Выбирали специальность как запасной вариант и не планируют по ней работать. Для таких студентов важен факт получения диплома. Здесь наиболее наглядно проявляется инструментализация образования, снижение когнитивных ориентаций и имитация учебной деятельности. В данном случае вряд ли стоит говорить о поиске студентами личностно-значимого смысла профессии «педагог».

В ходе анализа результатов исследования довольно четко обозначились контуры профессиональной модели «педагог», сложившейся у студентов педагогических вузов. Причем в отдельных деталях этой модели между студентами РГППУ и УрГПУ имеются различия, связанные, очевидно, с наличием в РГППУ большего числа направлений подготовки непедагогического профиля (у 38 % респондентов РГППУ — социально-экономический профиль обучения, у респондентов УрГПУ их доля — 5 %, в целом по массиву — 20 %). И все-таки в главном эта модель сходна. Ключевые ценности будущей работы, по оценкам студентов, следующие (табл. 216):

- возможность достижения высокого уровня профессионализма, карьеры (студенты РГППУ отмечают это на уровне массива в целом, студенты УрГПУ чуть реже). Но важно, что у студентов педагогических вузов речь идет о карьере, скорее всего горизонтальной. Стремление к власти, управлению другими людьми, т. е. ориентация на административную карьеру выделена лишь одним из семи респондентов УрГПУ, в целом по массиву — каждым пятым;
- возможность получать высокие доходы и возможность самосовершенствоваться в ответах студентов УрГПУ набрали практически равное количество процентов: по доходам значительно ниже, чем в среднем по массиву, по возможности самосовершенствования — выше, чем в среднем. Представляется, что их ответы более адекватно отразили специфику педагогического труда в современных условиях, чем оценки студентов РГППУ, совпавшие по обоим этим параметрам со средними по массиву;
- возможность наиболее полно реализовать свой потенциал — тут студенты обоих педагогических вузов единодушны, выделяя этот параметр чаще, чем студенты других вузов города;

- аналогичная ситуация по двум другим приоритетным параметрам характеристики педагогической профессии — хорошие условия труда и возможность принести пользу людям (этика служения).

В целом будущая работа воспринимается студентами педагогических вузов как сфера самореализации, где можно актуализировать свой потенциал, но работа непрестижная и малооплачиваемая. Основной тезис построения профессиональной стратегии педагога — получить возможность максимально эффективно использовать талант и опыт для реализации общественно значимой цели. Своеобразная модель подвижничества, «служения», где важно прежде всего призвание, а не достижения. Следует это отметить как весьма позитивный тренд, поскольку студенты говорят о высокой значимости содержательной стороны деятельности. Но тревожит тот факт, что молодежь предпочитает исполнительность, сведение к минимуму ответственности за самостоятельные решения. Лишь каждый десятый студент педагогических вузов ценит в будущей работе независимость, отсутствие мелочной опеки и регламентации, тогда как в целом по массиву опрошенных значение этого параметра — 15 %.

Но с другой стороны, на фоне общего роста прагматичности молодежи отношение студентов педвузов к будущей педагогической профессии представляется скорее ценностным, чем инструментальным. Профессия педагога воспринимается студентами не как инструмент для достижения определенного образа жизни, а скорее как существенная часть этого образа жизни. Несмотря на рационализацию трудовых отношений на современном рынке труда, личностные, нравственные качества молодых людей оказывают весьма заметное влияние на выбор ими работы по педагогической специальности. Обучающиеся в педагогических вузах больше ориентированы на развитие своих способностей, индивидуальности, осваивая при этом профессию, заведомо не гарантирующую им материальное благосостояние и высокое социальное положение. Возможно, акцент в профессиональной мотивации на содержательной стороне — это оправдание сделанного выбора: профессия интересна, позволяет самореализоваться, но работать по ней не хочется большинству выпускников.

Таблица 216

Что наиболее значимо в будущей работе, 2016, % от группы

Значения	РГППУ	УрГПУ	Массив
Возможность получать большие заработки, высокие доходы	57	40	59
Возможность карьеры, достижения высокого уровня профессионализма	51	45	51

Окончание табл. 216

Значения	РГППУ	УрГПУ	Массив
Возможность постоянного самосовершенствования	31	38	33
Хорошие условия труда	34	35	30
Возможность полнее реализовать свой потенциал	36	36	28
Возможность принести пользу людям	31	32	27
Возможность достичь признания, уважения	20	27	26
Творческий, интересный характер работы, разнообразие труда	28	26	24
Возможность работать в хорошем, дружном коллективе	31	22	23
Возможность занять высокий пост, иметь власть над другими людьми	21	14	22
Высокий престиж профессии	12	12	17
Самостоятельность, независимость, отсутствие мелочной опеки, регламентации	5	12	15
Гарантия от возможной безработицы	14	11	15
Соответствие профессии моим способностям, знаниям, умениям	17	22	13
Спокойный характер работы	9	5	8
Отсутствие тяжелых физических нагрузок	6	6	5
Связь с современной техникой, новейшими технологиями	2	3	5
Возможность «не выкладываться», пусть и при небольшой зарплате	4	1	2

Хотелось бы надеяться, что педагогические вузы все же будут обеспечивать пополнением необходимыми кадрами образовательные учреждения нашего региона, несмотря на весьма противоречивые тренды в системе высшего педагогического образования. Безусловно, педагогические университеты в меньшей степени, чем другие (например, федеральные), выполняют роль социального лифта, но их роль в восполнении определенных профессиональных общностей бесспорна и весьма существенна.

Многовекторный процесс модернизации российского образования предопределил разнообразие новых функций и ролей педагогов. Прежде всего, это касается роли педагога-инноватора. Существенным элементом развития системы образования является инновационная деятельность педагогов,

степень их активности, субъектности в определении и формировании актуальных смыслов и ценностей реального образовательного пространства. Современный педагог не просто транслирует накопленные знания, культурный опыт, опираясь на апробированные методики. Он должен иметь собственную концептуально-ценностную профессиональную стратегию, учитывающую нормативные, базовые и идеальные модели профессии, заниматься поиском наиболее эффективных форм, методов и технологий обучения, способных раскрыть творческий потенциал обучающихся. Неотъемлемой частью учительского труда становится активное участие в конкурсах, в том числе международных, в грантовых программах, инновационных проектах, научно-исследовательской работе, разработке проектов оказания платных образовательных услуг на базе средних школ. Хотя студенты педагогических вузов явно недооценивают творчество, поисковую деятельность как важную профессиональную ценность и неперенный атрибут труда учителей.

Важная профессиональная роль педагога — транслятор знаний. Роль многоаспектная и внутренне противоречивая. Так, современный молодой специалист должен, с одной стороны, сохранить фундаментальный характер образования, с другой стороны, учитывать вариативность образовательных программ и индивидуальных траекторий развития обучающихся, разнообразие дидактических систем и педагогических технологий. Приоритетным становится субъективированное, персонифицированное знание, поэтому в новой парадигме образования не может быть однозначной нормативной истины, она всегда множественна.

Кроме того, реальное знание не то, что передается в неизменном, независимом от личностного опыта виде из поколения в поколение, но то, что является результатом индивидуальной творческой активности самого человека. Любое знание осваивается, только будучи культурно-маркированным и представленным в человеко-размерных, личностно-значимых формах. В постнеоклассическом образе науки знание рождается как культурный феномен индивидуального бытия. Поэтому образование, по сути — деятельность культурно-топологического типа, где важно не просто накопление информации, но активность по ее осмыслению, означиванию, интерпретации, важна рефлексия над знанием как способом самоидентификации. В современном образовательном пространстве учитель должен превратиться в организатора познавательной деятельности обучающегося, а обучающийся из пассивно-воспринимающего — в ее активного субъекта, реализующего себя в познании, учебной деятельности и учебном поведении. Однако потребностям школы в превращении ее в приоритетный институт развития культуры подрастающего поколения абсолютно не соответствует социальная политика государственных и муниципальных органов власти.

Важна не только социокультурная, инновационная функция учительского труда, но и человекотворческая. Педагогу, независимо от преподаваемо-

го предмета, требуется эмпатия, эмоциональное сопереживание, желание и умение понять обучающегося как личность (роль психолога, реализующего в своей профессиональной деятельности индивидуально-ориентированный подход и развивающего мыслящих, самостоятельных, творческих, духовно богатых личностей). Подавляющее большинство опрошенных заявляет, что профессиональная роль учителя не ограничивается преподаванием своего предмета и включает в себя формирование социального мировоззрения, отношения детей к жизни. Таким образом, учителя в процессе своей профессиональной деятельности фактически формируют и развивают человеческий потенциал общества.

Гуманизация общества, внимание к вопросам свободного развития и саморазвития личности, ее индивидуальности высвечивает новые аспекты профессии «педагог». Современному педагогу необходимо быть творческой, увлекающейся личностью, способной раскрыть индивидуальные склонности и способности обучающихся. Педагоги как основные субъекты образовательного пространства должны реализовать основные задачи государственной политики в отношении образования. В программировании своей работы педагогам важно исходить из единства параметров собственного профессионального видения, а также из единства государственной и общественной составляющей образовательного заказа (реализация функции посредничества в педагогической профессиональной деятельности). В данной связи стоит обратить внимание на оценки студентами сущностных характеристик избранной профессии (табл. 217).

Таблица 217

Положительные оценки избранной профессии (согласны со следующими утверждениями о той профессии, по которой получают образование), 2016 г., % от группы

Значения	Студенты педвузов*	Массив
Это интересная профессия, она соответствует моим способностям, умениям	86	78
Она дает возможность достичь признания, уважения, приносит реальную пользу людям	83	75
Благодаря ей можно реализовать свои жизненные планы	66	68
Это престижная профессия	52	65
Она позволяет обеспечить достойное существование	48	74
Она востребована на рынке труда даже в условиях кризисов	68	66

* Сходство ответов студентов РГППУ и УрГПУ позволяет рассматривать их оценки целостно. Первые чуть ниже оценивают возможность достичь признания и чуть выше способность обеспечить достойное существование, вторые чуть выше — востребованность на рынке труда. Но эти внутригрупповые различия не влияют на сравнение их общего мнения с оценками студентов других вузов города.

Вопреки проводимым в России реформам системы образования, профессия педагога по-прежнему не позволяет обеспечить ее субъектам достойное существование. Соответственно, мала вероятность, что в сферу образования пойдут работать молодые люди с достигательными ориентациями, потенциальные лидеры, ориентированные на получение «работающих» фундаментальных знаний, которые могут быть востребованы со стороны общества и способствуют продуктивной самореализации индивида в профессиональной деятельности и в различных видах межличностных отношений. Здесь и проявляется так называемый фактор отрицательного отбора, когда значительная часть выпускников идут работать в школы не по призванию, а по необходимости, поскольку не нашли другого варианта трудоустройства.

Десять лет назад было зафиксировано, что «в педагогическую профессию рекрутируются дети из более низких по своему образовательному статусу социальных страт. Рекрутирование в педагогическую профессию уже на этапе получения высшего педагогического образования сориентировано на более слабые социальные группы (по сравнению с техническими вузами) как по образовательному статусу родителей тех, кто поступает в педагогические вузы, так и по уровню их школьной подготовки»¹.

Приведем лишь две характеристики респондентов нашего исследования (табл. 218–219).

Таблица 218

Где респонденты жили до поступления в вуз, 2016 г., % от группы

Значения	РГППУ	УрГПУ	Массив
Екатеринбург	21	20	30
Другой крупный город (> 100 тыс. жителей)	20	12	17
Малый или средний город (до 100 тыс.)	39	39	38
Село (поселок городского типа)	20	29	15

Таблица 219

Где респонденты живут сейчас, 2016 г., % от группы

Значения	РГППУ	УрГПУ	Массив
С родителями	23	20	30
В общежитии	54	59	46
На частной квартире	16	13	14
У родных, знакомых	3	6	3
Имею собственную жилплощадь	4	2	7

¹ Собкин В. С., Ткаченко О. В. Студент педагогического вуза: жизненные и профессиональные перспективы. Труды по социологии образования. — М. : Центр социологии образования РАО, 2007. — Т. XI–XII. — Вып. XXI. — С. 11–13.

Заметно, что среди студентов педагогических вузов города (особенно УрГППУ) заметно меньше жителей Екатеринбурга и других крупных городов, напротив, гораздо больше жителей села и ПГТ. С этим связан и другой момент. Соотношение проживающих в общежитии и с родителями в целом по массиву 15 : 10, у респондентов РГППУ — 23 : 10, УрГППУ еще больше, 30 : 10.

Уже эти данные позволяют судить, что в рекрутировании студентов педагогических вузов мало что меняется.

Нельзя забывать, что перед выпускниками педагогических вузов, как правило, остро встают проблемы не только с трудоустройством, но и с созданием семьи, решением жилищных вопросов. Кроме того, в государственном и негосударственном секторе экономики по-прежнему сохраняется значительное расхождение в уровне оплаты труда. В такой жизненной ситуации молодые люди зачастую вынужденно жертвуют профессиональным ростом, отдавая предпочтение работе с более высокой зарплатой. По данным исследований, большинство специалистов, работа которых не соответствует полученной в образовательном учреждении специальности, заняты в негосударственном секторе экономики¹. Здесь возникает противоречие между желанием заниматься интересным содержательным делом и жесткими ограничениями рынка труда в плане предоставления возможности трудоустройства на условиях, устраивающих молодых людей.

В весьма противоречивом восприятии студентами получаемой педагогической профессии отражаются следующие тренды:

- с одной стороны, возрастает количество профессиональных ролей педагога (не только транслятор знаний, но и инноватор, лидер, исследователь и т. п.), содержательно усложняются выполняемые им функции, в целом нарастает значимость труда педагога для развития общества. Требования к компетентности, уровню общей и профессиональной культуры педагога возрастают;
- с другой стороны, труд данной профессиональной группы относительно низко оплачивается (почти половина студентов это отмечает в своих ответах), что не позволяет педагогам в полной мере удовлетворять свои потребности;
- являясь уникальной по своим функциям (в том числе человекотворческой) социально-профессиональной общностью, педагоги воспринимаются в обществе низкостатусной группой. Образ профессиональной общности является одной из составляющих символического капитала профессии и во многом определяет ее статусные позиции как невос требованной обществом и рынком труда. Больше половины студентов педагогических вузов считают выбранную профессию непрестижной.

¹ Зубок Ю. А., Чупров В. И. Молодые специалисты: подготовка и востребованность на рынке труда // Социологические исследования. — 2015. — № 5. — С. 114–122.

Указанные тренды позволяют еще раз акцентировать внимание на следующем: складывающаяся в обществе (а не только в самой системе образования) ситуация предопределяет то, что образовательная сфера не является привлекательной для большинства молодежи с точки зрения профессиональной деятельности. Правильная риторика представителей властных структур о необходимости повышения статуса учителей на практике оказалась декларативными заявлениями, не подкрепленными соответствующими мероприятиями в рамках социальных программ в области образования.

Тем не менее студенты педагогических вузов вполне осознают, что выбор образования в качестве сферы профессиональной деятельности обеспечит им определенный перечень социальных гарантий, ощущение социальной защищенности. В отличие от студентов вузов непедagogического профиля, будущие педагоги сталкиваются с меньшим перечнем проблем при трудоустройстве:

- отсутствие открытых вакансий волнует треть студентов педагогических вузов, а в вузах непедagogического профиля — двух из каждых пяти (43 %).
- несоответствие уровня профессиональной подготовки требованиям работодателя — соответственно 25 и 38 % (в 1,5 раза меньше);
- отсутствие трудового стажа, практического опыта работы по профессии вызывает опасения у 64 % первых и 75 % вторых.

Не слишком беспокоит студентов педагогических вузов (на уровне 5 %) коррупция со стороны кадровых служб работодателей и невозможность пройти практику на профильном предприятии по своему направлению подготовки. Опасения студентов непедagogических вузов насчет этих параметров вдвое сильнее. Более уверены в оценке своих возможностей на рынке труда те, кто собирается работать по получаемой в вузе специальности, это определяется тем, что:

- на рынке труда скорее дефицит, чем переизбыток предложений по педагогическим специальностям;
- ориентированные на работу по специальности, как правило, более активно и заинтересованно осваивают учебный материал, закладывая тем самым основы собственного человеческого капитала.

С одной стороны, выпускникам педагогических вузов проще трудоустроиться, они чувствуют себя более уверенными на рынке труда. Каждый пятый считает, что получаемая профессия останется востребованной на рынке труда в любых условиях. Напротив, многие школы, особенно в малых городах, сельской местности, испытывают потребность в молодых специалистах. И это на фоне увеличивающейся из года в год численности выпускников педагогических вузов. По оценкам студентов педагогических вузов, найти хорошую работу по получаемой специальности не составит никакого труда для почти каждого четвертого (23 %), в то время как по массиву такую позицию разделяет лишь каждый десятый.

С другой стороны, молодые люди четко осознают, что работа в сфере образования сложна, уровень зарплаты не соотносим с затраченными усилиями и не позволит им достичь ожидаемого уровня жизни. Вот такой непростой выбор возможных, весьма противоречивых, профессиональных и жизненных стратегий стоит перед выпускниками педагогических вузов.

Высшее образование воспринимается студентами как непереносимое условие реализации их профессиональных стратегий, как пропуск в профессию, причем профессиональное образование может и не соответствовать будущей работе ни по профилю, ни по уровню квалификации, обозначенному в дипломе. Здесь, скорее всего, проявляется уже сформированный стереотип: наличие высшего образования — путь к жизненному успеху, диплом — знак образованности. Важным в современных реалиях, и это закрепилось в сознании молодежи, становится не столько содержание образовательных программ, сколько их рыночная востребованность. Знания, навыки, компетенции, освоенные в процессе профессионального обучения, для двух из каждых трех респондентов — непереносимое условие реализации их планов в отношении будущей работы.

Больше половины опрошенных студентов педагогических вузов рассчитывают в выстраивании своего профессионального и в целом жизненного пути на личностные ресурсы: особенности характера, трудолюбие, обучаемость. Традиционно высокие проценты при оценке значимости социального капитала при поиске подходящей работы на рынке труда: на личные связи, умение налаживать контакты полагается каждый четвертый (27 %); на «нужные» знакомства своих родственников — каждый пятый (22 %).

Научная деятельность в ряду инструментальных ценностей традиционно занимает невысокое место (хотя и отмечается студентами педагогических вузов в два раза чаще, чем в целом по массиву). Между тем инновационные практики, модернизация системы образования, которая носит ярко выраженный пролонгированный характер, настоятельно требуют наличия молодых педагогов с инновационным потенциалом, творческих, креативно мыслящих, ориентированных на научные изыскания.

Способность к научно-поисковой деятельности, а также умение организовать исследовательскую команду и хорошо развитые навыки самостоятельной работы находят у себя не более 10 % опрошенных. Наиболее распространенная форма научной работы — выполнение курсовой и дипломной работы творческого характера, второе место по степени распространения занимает участие в студенческих научных конференциях и олимпиадах (4 % принимают участие регулярно, 37 % — иногда). Между тем творчество — это не какая-то отдельная сторона педагогического труда, а его наиболее существенная и необходимая характеристика. Поэтому важно сформировать у студентов — будущих педагогов установку в каждом конкретном случае школьной жизни выходить за рамки нормативной деятельности и осущест-

влять поиск нетрадиционных способов решения учебно-воспитательных проблем.

Без постоянного самообразования, работы с научной литературой, анализа теоретических изысканий и результатов новейших эмпирических, экспериментальных исследований невозможно добиться успеха, стать лидером в образовательной деятельности. То есть большинство студентов не осознают реального механизма обеспечения профессионального успеха в будущей педагогической деятельности. Большинство студентов к III курсу уже определили для себя, где они хотели бы работать — в сфере образования или нет, но четких представлений о будущей карьере и необходимых для нее профессиональных навыках, знаниях, а также профессиональных и личностных качествах у многих не сформировалось.

Приоритетные способы трудоустройства во многом дают возможность смоделировать вероятное поведение выпускников педагогических вузов на рынке труда, их активность, инициативность в процессе поиска. Даже беглый взгляд на выбранные способы трудоустройства позволяет сделать весьма неутешительные выводы о том, что студенты:

- не ориентированы на активное поведение на рынке труда, самостоятельный поиск работы (только треть от опрошенных);
- полагаются на помощь государства в обеспечении их соответствующей работой по специальности (ожидания патернализма);
- считают себя ответственными за свое будущее, стремятся к автономности, в том числе и в семейно-родственных отношениях, но одновременно рассчитывают на серьезную помощь и поддержку при трудоустройстве со стороны родителей, знакомых и друзей;
- не готовы к тому, чтобы в ситуации конкурентного рынка труда отстаивать свои профессионально-значимые компетенции;
- низко оценивают возможности различных посреднических организаций на рынке труда (служб занятости, рекрутинговых агентств);
- в целом характеризуются пассивной реакцией на ситуацию поиска работы после окончания вуза. Возможно, это вызвано тем, что опрашивались не выпускники, а студенты-третьекурсники.

Ценностные ориентации в трудовой сфере отражаются в профессиональных планах, способах и средствах их достижения, мотивации выбора профессии, по ним же можно оценить и характер выбранных профессиональных стратегий.

На профессиональные планы после вуза, на выбор более сложных форм профессиональной самореализации, а также на учебно-познавательную активность выпускников педагогического университета и на их активность в учебной деятельности оказывает мотивация выбора профессии.

Мнение студентов-третьекурсников о мотивах выбора педагогической профессии подвержено определенному смещению, что связано с субъектив-

ной погрешностью припоминания и изменения точки зрения на события прошлого, опытом прошедших лет, удовлетворенностью или неудовлетворенностью избранной профессией, специальностью. Менее значимыми могут выглядеть некоторые побудительные мотивы — совет родителей или учителей, влияние предыдущей учебы. Поэтому мы не можем утверждать, что мотивы, которые приводят студенты на актуальный момент (момент опроса), идентичны тем мотивам, которыми они руководствовались при поступлении. Тем не менее их мнение весьма информативно.

Для многих студентов оказался значимым мотив, связанный с ощущением своих способностей и желанием их реализовать в конкретной профессиональной деятельности. Однако в иерархии мотивов осознанный выбор профессии в соответствии со своими склонностями не является доминирующим на протяжении многих лет. Так, в 2001 г. 23,1 %, а в 2016 г. 19,7 % студентов считают, что в этой профессиональной области их способности (в том числе умение и желание работать с детьми) проявятся лучше всего, для 57,3 % опрошенных интересна сама профессия, специальность. Данные мотивы характеризуют установку на профессионально-личностную самореализацию, определяющую желание получить профессию, которая осознается как призвание. Содержательная мотивация при выборе профессии свидетельствует о личностной зрелости и осознанности сделанного выбора, о педагогической направленности личности.

При этом студенты объективно оценивают возможности, которые может предоставить им выбранная профессия: в 2012–2016 гг. только 16 % (против 29 % в целом по массиву, т. е. в два раза меньше) респонденты из педагогических вузов считали, что у них есть перспективы найти хорошую работу по специальности после окончания вуза. В два раза реже студенты педагогических вузов выбирали материальный мотив, рассчитывая, что профессия педагога обеспечит им стабильный материальный достаток в будущем. Молодежь при поступлении в вуз, как правило, осведомлена о непростой ситуации в системе образования. Тем не менее конкурс при поступлении в педагогические вузы не снижается. Таким образом, при выборе профессии причудливым и весьма противоречивым образом переплетаются индивидуальные и социокультурные факторы.

Высок удельный вес случайных причин в ситуации профессионального выбора, хотя их влияние снижается: в 2016 г. каждый шестой (18 %), в 2001 г. — каждый четвертый (26 %) студент отмечал спонтанность, неосознанность выбора педагогической профессии, которая выступала в качестве «запасного» варианта при неудачной попытке поступить на другие специальности и в другие вузы. Несомненно, здесь сыграла роль большая доступность педагогических вузов по сравнению с другими вузами, особенно если речь идет об одноименных профилях подготовки (физико-математических, филологических и др.).

В исследовании, проведенном в начале 1980-х гг., 17 % респондентов указали в качестве наиболее существенного мотива поступления в педагогический институт отсутствие других вариантов выбора. Этот мотив оказался весьма устойчивым и более значимым для студентов педагогических вузов, чем для студентов ряда других вузов.

В 2016 г. студенты педагогических вузов в семь раз (!) реже, чем студенты вузов других профилей подготовки, отметили в качестве мотива профессионального выбора авторитет, престиж вуза (4 % против 31 %). Хотя УрГПУ и РГППУ активно участвуют в процессах модернизации профессионального образования.

На профессиональный выбор личности оказывает влияние ее социальное окружение: семья, друзья, школьные учителя. Престиж педагогической профессии падает на протяжении последних десятилетий, поэтому мало кто хотел бы видеть своих детей школьными учителями. Каждый шестой студент выбрал будущую профессию по совету родителей, под влиянием семейных традиций. Удивительно, но эти показатели даже меньше, чем в целом по массиву. Нет оснований говорить о семейной преемственности, традиции. Возможно, это обусловлено сложностью профессии, перегруженностью, отсутствием четких границ между трудовой и повседневной деятельностью, возникновением чрезмерной физической и профессиональной усталости, ограниченными возможностями для личностного роста.

Специфика работы учителя предполагает в качестве неперемennого атрибута повышенную нервно-психическую нагрузку. Психозэмоциональные затраты педагогов во время профессиональной деятельности сложно восполнимы, а уровень зарплаты не позволяет в полной мере реализоваться таким ее функциям, как социально-статусная, воспроизводственная. С другой стороны, будущие педагоги почти в два раза чаще, чем остальные студенты, прислушиваются к совету своих учителей. Возможно, это те учащиеся, которых смогли «зажечь», замотивировать, заинтересовать своим предметом, да и примером тоже, школьные педагоги, увлеченные своим делом, работающие, что называется, «с душой», педагоги по призванию. В этом случае наблюдается стремление подражать своим школьным учителям, которые воспринимаются как определенная модель будущей профессиональной роли, что несвойственно студентам других вузов.

Следует отметить круг мотивов выбора профессии, разных по направленности интересов: 4 % стремились отсрочить призыв в армию (по массиву вдвое больше — 8 %) (относительно невысокий процент отметивших данный мотив объясняется малочисленностью юношей в вузе педагогического профиля). Приоритетность внешней мотивации при выборе будущей профессии предопределяет случайность, неосознанность такого выбора, следствием чего является разочарование в выбранной профессии, специальности. Гендерный фактор, на наш взгляд, повлиял и на выбор такой позиции,

как стремление получить в настоящем и будущем интересный круг общения — 10 %; по всему массиву — 7 %. Именно для девушек более значимы традиции и соответствующая профессиональная среда.

Итак, при выборе педагогической профессии внутренняя мотивация (наличие склонностей, способностей к профессии педагога, в том числе и любовь к детям, интерес к профессии) преобладает над внешней (случайные побудительные силы, совет родителей, школьных учителей, друзей), содержательная — над достижительной (стремление повысить свой статус). Выбирая будущую профессию, студенты педагогических вузов выбирают не столько социальный статус, сколько образ жизни, традиционно связанный с постоянным интеллектуальным и культурным развитием и саморазвитием. Здесь наблюдается весьма любопытный тренд: заметно увеличилось влияние индивидуальных способностей, интереса к профессии при ее выборе, но одновременно сокращается число студентов, считающих себя способными к педагогическому труду.

Удовлетворенность профессиональным выбором включает в себя два взаимосвязанных компонента: субъективный компонент (интересы и запросы, оценка своих способностей, потенциалов) и объективный компонент (оценка престижности профессии, вуза, качество преподавания, оценка профессионального мастерства преподавателей, возможность найти работу, соответствующую индивидуальным требованиям и т. д.). На основе сопоставления субъективного и объективного компонентов и формируется удовлетворенность профессией. Адекватность друг другу соотносимых компонентов определяет высокую степень удовлетворенности сделанным выбором.

Около трети студентов считают профессию педагога одной из лучших. Основная часть студентов (43 %) оценивает профессию в целом положительно, но не столь категорично, считая, что их профессия не хуже многих других. Каждый восьмой студент выразил негативное отношение к выбранной профессии педагога. Отрицательное восприятие педагогической профессии отчасти объясняется случайностью, неосознанностью сделанного выбора и относительно высокой степенью влияния внешних по отношению к личности обстоятельств. Третьекурсники уже познакомились с содержанием выбранной профессии и нередко переживают серьезные сомнения по поводу адекватности сделанного выбора. Студенты осознают, что не смогут в данной профессиональной области в полной мере реализовать свой внутренний потенциал, возможности. Вуз, профессия не соответствует их представлениям, запросам и интересам, в результате чего возникает недовольство и разочарование выбранной профессией педагога.

Изменились ли жизненные приоритеты студентов за годы учебы? У большинства опрошенных ожидания в отношении того, как сложится учеба и студенческая жизнь, оправдались (если учесть, что они и не были высокими): ожидания не оправдались полностью лишь у 10 %, оправдались частично — у 70 %, полностью сбылись ожидания у каждого пятого выпускника.

Какими были представления о будущей профессии при поступлении, как они изменились за годы учебы? (Табл. 220.)

Таблица 220

Представления о содержании, характере и специфике профессиональной деятельности по выбранной специальности при поступлении в вуз (четко ли представляли), 2016 г., % от группы

Значения	РГППУ	УрГПУ	Массив
Да	15	23	20
Частично	50	36	44
У меня были смутные представления	30	26	26
Нет, не представлял(а)	5	15	10

Заметно, что у абитуриентов педагогических вузов представления о будущей профессии не отличались большей четкостью в сравнении с абитуриентами других вузов (различия видны даже в самооценках студентов РГППУ и УрГПУ: у первых значительно меньше разрыв между четкими и смутными представлениями, у вторых больше и тех, кто имел четкие представления — один из четырех респондентов, и тех, кто вообще не представлял себе ни содержания, ни характера, ни специфики выбранной профессии — каждый седьмой). При этом вновь подчеркнем, что оценки студентов РГППУ далеко не всегда можно относить именно к педагогической профессии.

В процессе профессионального обучения соотношение тех, кто считает, что у них сформировалось четкое понимание специфики будущей профессии, и тех, кто по-прежнему лишь в самом общем виде представляет себе контуры осваиваемой специальности и, соответственно, имеет весьма смутное представление о способах и особенностях приобретения педагогических компетенций (специфических умений и навыков), заметно изменяется в пользу первых (табл. 221).

Таблица 221

Представления о профессии на момент опроса («Сегодня представляете ли содержание, характер и специфику будущей профессии?»), 2016 г., % от группы

Значения	РГППУ	УрГПУ	Массив
Да	57	64	56
Частично	34	21	33
У меня остались смутные представления	5	11	8
Нет, не представляю	4	4	3

И вновь заметно, что у студентов РГППУ эти изменения ближе к средним по массиву, а у студентов УрГПУ — выше средней и доля сформиро-

вавших четкое представление о профессии педагога (две трети), и доля сохранивших смутное представление о ней. Но даже среди студентов УрГПУ у трети так и не сформировалось четкое представление о будущей профессии. Сначала школы, а затем и вузы не в полной мере реализуют свои функции по профессиональной диагностике и ориентации учащейся молодежи.

Сопоставление различных элементов учебного процесса, а также изучение мотивации профессионального выбора, ценности получения профессиональной подготовки позволяет получить более объемную картину формирования будущих педагогов. Формирование профессионально-значимых качеств, компетенций, которыми студент овладевает, обучаясь в вузе, не существует как нечто изолированное от его личности. В том, как развиты у студентов профессионально-значимые качества, с одной стороны, отражается их сознательное отношение к процессу подготовки к будущей профессиональной деятельности, а с другой — социальная среда вуза. «Общественное поведение молодого человека является результатом сложного взаимодействия различных факторов, определяющих специфику личности и специфику внешних воздействий на нее»¹. Среда определяет условия профессионализации студентов, предоставляет им возможности (или напротив, ограничивает их), вводит обучающихся в ценностные отношения.

Для выявления возможностей эмпирического изучения социальной среды нам представляется ценным прежде дать социологическую интерпретацию данной категории. Под социальной средой мы будем понимать окружающее личность социальное пространство, представляющее собой совокупность социокультурных, социально-психологических, социально-экономических факторов, непосредственно взаимодействующих с личностью обучающегося в процессе жизнедеятельности по принципу обратной связи².

Важно оценить факторы среды, в которой осуществляется первичная профессионализация, предполагающая приобретение профессиональных компетенций, необходимых для успешного начала педагогической деятельности. Социально-психологические факторы среды вуза включают степень комфортности мироощущений студентов, уровень и характер конфликтности в рассматриваемой социальной общности, социальное самочувствие и т. д.

¹ Константиновский Д. Л., Вознесенская Е. Д., Чередниченко Г. А. Молодежь России на рубеже XX–XXI веков: образование, труд, социальное самочувствие. — М. : ЦСПиМ, 2014. — С. 14.

² См.: Васильева Е., Малыгина А. Активность студентов как показатель их социализации и социальной компетенции // *Almamater*. — 2007. — № 7. — С. 18–22; Зотов В. В. Социальная активность студенческой молодежи как критерий формирования социокультурной среды вуза // *Вопросы культурологи*. — 2009. — № 5. — С. 39–43; Пилипчевская Н. В. Изучение социальной активности студентов педагогического вуза: теория и практика // *Вестник Томского гос. пед. ун-та*. — 2008. — № 2. — С. 15–19; Фишман Б. Е., Пищок И. Л. Социально-культурная среда вуза: сущность, смыслы, возможности [Электронный ресурс] // «Ученые заметки ТОГУ»: электронное научное издание. — 2015. — Т. 6, № 1. — С. 97–104. — Режим доступа: <http://pnu.edu.ru/ejournal/about/ejournal@pnu.edu.ru> (дата обращения: 12.06.2017); и др.

Социально-экономические факторы среды предполагают отношения между обучающимися и социумом по поводу создаваемых материальных и культурных ценностей (явления престижности получаемой профессии, уверенность в будущем и т. п.). Социокультурные факторы среды представляют собой совокупность различных условий жизнедеятельности личности и ее социального поведения, включая природное и предметное окружение, социальные взаимодействия и т. д.

Социальное пространство интегрирует как социум, макросреду, так и микросреду, непосредственное социальное окружение личности студента. Естественно, что в сфере образования ведущими занятиями являются учеба (учебная деятельность студентов) и обучение (обучающая деятельность педагогов), а основные ситуации сферы образования — это те, что складываются в образовательном процессе, в ходе действия образовательных технологий.

Результаты опроса показывают, что разные показатели социально-психологических, социально-экономических и социокультурных факторов среды получили различную оценку (табл. 222).

Не менее показательно и соотнесение индикаторов удовлетворенности по рангу (табл. 223).

Таблица 222

Удовлетворенность аспектами учебного процесса, 2016 г., % от группы

Значение	Студенты педвузов*	Массив
Применение традиционных форм обучения (лекции, аудиторные практические занятия и семинары)	87	87
Отношение преподавателей к студентам	83	79
Качество преподавания	76	81
Отношение учебно-вспомогательного персонала к студентам	76	78
Организация учебных и производственных практик	75	59
Отношение администрации вуза к студентам	72	73
Организация питания, его качество и стоимость	69	61
Санитарно-гигиенические условия в вузе	67	69
Предлагаемые для разработки темы выпускных квалификационных работ (дипломов, диссертаций)	66	74
Привлечение студентов к научно-исследовательской работе кафедр	65	65
Связь получаемых знаний с реальной работой по профессии	65	64
Связь получаемых знаний с жизнью	63	63

Окончание табл. 222

Значение	Студенты педвузов*	Массив
Индивидуальная работа преподавателей со студентами	63	61
Применение инновационных форм обучения (мастер-классы, тренинги, решение кейсов, практическое обучение на предприятиях и в организациях и др.)	63	59
Обеспеченность учебниками, учебно-методической литературой	62	74
Широкое использование современных информационных технологий	60	65
Возможность пользоваться в вузе Интернетом, информационными средствами обучения	59	70
Организация учебного процесса (расписание занятий, сессий и т. д.)	58	63
Режим учебного труда и отдыха, равномерность распределения учебной нагрузки	58	54
Применение дистантных технологий образования (университет «Открытое образование», «Гиперметод», вебинары и др.)	50	47
Степень комфортности, удобства учебной мебели, аудиторий, лабораторий	48	54
Техническая база, оснащенность лабораторий и аудиторий	47	65
Привлечение к проведению занятий специалистов предприятий, бизнес-структур, органов власти	38	46

* Различия в оценках студентов РГППУ и УрГПУ невелики (первые более удовлетворены обеспечением учебно-методической литературой и возможностями пользоваться в вузе Интернетом, ИСО; вторые — организацией учебных и производственных практик, применением дистанционных технологий), поэтому их ответы рассматриваются целостно.

Оценки студентов педагогических вузов совпадают со средними индикаторами удовлетворенности/неудовлетворенности по массиву в целом по многим аспектам. Обратим внимание на различия. Чуть выше, чем в среднем, студенты РГППУ и УрГПУ удовлетворены отношением преподавателей к студентам (вероятно, сказывается гуманизация и педагогизация социальной среды педагогических вузов), организацией учебных и производственных практик (и это отражение взаимодействия образовательных организаций разного уровня).

Таблица 223

Удовлетворенность аспектами учебного процесса, 2016 г., ранг

Значения	Студенты педвузов	Массив
Применение традиционных форм обучения (лекции, аудиторские практические занятия и семинары)	I	I
Качество преподавания	III	II
Отношение преподавателей к студентам	II	III
Отношение учебно-вспомогательного персонала к студентам	IV	IV
Обеспеченность учебниками, учебно-методической литературой	XV	V
Предлагаемые для разработки темы выпускных квалификационных работ (дипломов, диссертаций)	IX	VI
Отношение администрации вуза к студентам	VI	VII
Возможность пользоваться в вузе Интернетом, информационными средствами обучения	XVII	VIII
Санитарно-гигиенические условия в вузе	VIII	IX
Техническая база, оснащенность лабораторий и аудиторий	XXII	X
Широкое использование современных информационных технологий	XVI	XI
Привлечение студентов к научно-исследовательской работе кафедр	X	XII
Связь получаемых знаний с реальной работой по профессии	XI	XIII
Связь получаемых знаний с жизнью	XII	XIV
Организация учебного процесса (расписание занятий, сессий и т. д.)	XVIII	XV
Организация питания, его качество и стоимость	VII	XVI
Индивидуальная работа преподавателей со студентами	XIII	XVII
Применение инновационных форм обучения (мастер-классы, тренинги, решение кейсов, практическое обучение на предприятиях и в организациях и др.)	XIV	XVIII
Организация учебных и производственных практик	V	XIX
Степень комфортности, удобства учебной мебели, аудиторий, лабораторий	XXI	XX
Режим учебного труда и отдыха, равномерность распределения учебной нагрузки	XIX	XXI

Окончание табл. 223

Значения	Студенты педвузов	Массив
Применение дистантных технологий образования (университет «Открытое образование», «Гиперметод», вебинары и др.)	XX	XXII
Привлечение к проведению занятий специалистов предприятий, бизнес-структур, органов власти	XXIII	XXIII

Но одновременно они гораздо менее удовлетворены обеспеченностью учебниками, учебно-методической литературой, технической базой, оснащенностью лабораторий, аудиторий, возможностью пользоваться в вузе Интернетом, информационными средствами обучения, использованием современных информационных технологий.

Важную роль в процессе образования играют различные компоненты деятельности-коммуникативной среды: две трети опрошенных недовольны условиями, в которых протекает учебный процесс (холод в аудиториях, отключения электроэнергии, недостаток учебных аудиторий и т. п.); около трети студентов выразили недовольство деятельностью администрации вуза, то есть ближайшей к ним управленческой структуры.

Лишь незначительная часть студентов полностью удовлетворена уровнем своей профессиональной подготовки, большинство опрошенных (три из каждых пяти) удовлетворены отчасти или вовсе не удовлетворены (каждый пятый), что свидетельствует о высокой степени требовательности и ожиданий студентов от педагогического университета. Каждый пятый студент вполне удовлетворен качеством учебных занятий, основная часть студентов (69 %) удовлетворены отчасти, а 6 % — вовсе не удовлетворены.

У студентов педагогических вузов наблюдается меньший разрыв между качеством образования и требованиями социально-профессиональных практик. Возможно, это связано с эффективной организацией учебных и производственных практик (удовлетворенность студентов педагогических вузов составила 75 %, а в целом по массиву — 59 %). Тем не менее студенты весьма критично оценивают свои знания проблем современной школы и новых образовательных стратегий, т. е. осознают разрыв между умозрительной теоретической подготовкой к педагогическому труду и реальной практической ситуацией. Незнание социально-профессиональной действительности препятствует реализации ожиданий, предопределяет неудовлетворенность выбранной профессией.

Уровень развития, сформированности профессионально-значимых компетенций у будущих педагогов в значительной степени зависит от качества

преподавания учебных дисциплин. Качество обучения во многом определяется квалификацией, профессиональным мастерством преподавательского корпуса вуза. И тем показательнее противоречие в ее оценке: три из пяти (63 %) респондентов высоко оценили знания преподавателями своего предмета, но лишь один из четырех (24 %) дал такую же оценку их умению обучать, их восприимчивости к новому. Одна из основных претензий студентов к преподавателям — методическая безграмотность. У студентов-третьекурсников удовлетворенность профессией педагога определяет отношение к посещению занятий, учебе. Если выпускник средней школы совершает осознанный выбор профессии, вуза в соответствии со своими склонностями, то преподаваемые в вузе дисциплины вызывают интерес, представляют для него ценность. Интерес к учебе у студентов также зависит от умения преподавателя вдохновить, увлечь своим предметом, от уровня его профессионального мастерства. Около 40 % студентов отметили увеличение интереса к учебе при его наличии раньше, а у 20 % студентов к третьему курсу появился интерес к учебе в педагогическом вузе, хотя в начале обучения отсутствовал. Однако существенная часть студентов — два из каждых пяти (39 %) воспринимают обучение в вузе как совершенно неинтересное занятие.

Безусловно, в оценках студентов качества подготовки к профессиональной деятельности и качества самого процесса обучения много субъективизма, но в них же и находят отражение те требования к образованию, которые они сами предъявляют.

Высокая оценка квалификации преподавателя представляет его перед студентами в качестве репрезентанта будущей педагогической деятельности. Такое эмоциональное восприятие педагога, личностное переживание его профессионального опыта формирует готовность «взять» технологическую сторону педагогической деятельности по максимуму, может повлиять в дальнейшем на выбор студентами педагогических вузов профессиональных стратегий.

Итак, недостатки в профессиональной подготовке сводятся к следующим:

- несовершенство образовательных программ, что выражается в наличии «лишних» предметов, ненужных с точки зрения будущей профессии;
- не осуществляется своевременное обновление материально-технической базы педагогических вузов;
- недостаточная обеспеченность учебниками и учебными пособиями;
- отстает от других вузов внедрение информационных технологий, что приводит к ограниченности возможностей современных образовательных технологий;
- много теории, отсутствует актуальность и мало внимания уделяется практике.

- Социально-психологическая среда обучения определяется многими факторами. Для ее оценки мы предложили студентам ответить на вопросы о следующих сторонах этого феномена:
- комфортность коммуникационной среды (общение с одногруппниками, преподавателями, администрацией);
- возможность для интеллектуального роста;
- гарантии справедливого и уважительного отношения со стороны преподавателей;
- эмоциональное самочувствие.

Ответы студентов позволяют охарактеризовать среду обучения, коммуникативную среду как в целом комфортную: четверем из каждых пяти студентов (78 %) нравится учиться в педагогическом университете. Студенты позитивно оценивают общение с одногруппниками и преподавателями. Наиболее значимый фактор — именно студенческое окружение. Так, если 86 % согласны, что им «всегда приятно общаться с одногруппниками», то по поводу доступности деканата и уважительного отношения преподавателей согласие выразили чуть больше половины опрошенных.

Не слишком высоко студенты оценивают те аспекты среды обучения, которые должны стимулировать интеллектуальный и профессиональный рост.

Хуже всего дело обстоит с защищенностью студентов. Только треть студентов не сомневаются в справедливости экзаменационных оценок, столько же — в том, что могут пользоваться уважением независимо от успеваемости. Сейчас студенты имеют возможность активно влиять на учебный процесс: могут выбирать образовательные траектории, формировать и изменять свои образовательные программы, отбирать среди множества предметов именно те, которые им интересны и практически необходимы, выбирать наиболее оптимальные для себя способы и формы обучения. В идеале все эти новые способы организации учебного процесса должны развивать у студентов активную, заинтересованную позицию, делать их настоящими субъектами образовательного пространства, мотивировать к успешной учебе.

Студенты чувствуют себя уверенней, когда обучение ведется традиционно: преподаватель фронтально излагает учебный материал, объясняет изучаемое, но не требует критического осмысления, практического применения изложенного материала. Ориентация преимущественно на вербализм в обучении формирует инертность педагогического мышления и познавательного поведения, репродуктивизм, разрыв между теоретическими выкладками и повседневными практиками. Развитие инициативной позиции, креативности, предприимчивости личности обучающегося должно закладываться, поддерживаться еще в школе.

В этом плане показательна иерархия удовлетворенности различными формами учебной деятельности. Подавляющее большинство студентов (87 %) удовлетворены применением традиционных форм обучения (лекции, аудиторные практические занятия и семинары), не требующих индивидуальной активности и самостоятельной работы с информацией. КПД самих студентов на лекциях невелик. Только 16 % в процессе лекции анализируют полученную информацию и задают вопросы. Причин, снижающих активность работы студентов на лекциях, немало: усталость, не всегда удобное расписание и т. д. Важно подчеркнуть: привычка к пассивному способу получения знаний на уроке, в целом характерная для средней школы, закрепляется в вузе. Реальное знание не передается в неизменном виде от обучающего к обучающемуся, но является результатом индивидуальной творческой активности самого обучающегося, определяющего поля личностных предпочтений.

Несмотря на правильную риторику педагогов об актуальности выстраивания образовательной деятельности в новом формате, на практике именно традиционные формы обучения пока остаются важной формой удовлетворения познавательных интересов молодежи. Неоднократно озвучивалось мнение представителей Министерства образования и науки РФ о том, что внедряют инновационные технологии и методики в свою профессиональную деятельность не более 60 % преподавателей вузов.

Применением инновационных форм обучения (мастер-классов, тренингов, решения кейсов, практического обучения на образовательных площадках и др.) удовлетворены 63 % студентов, что значительно ниже удовлетворенности использованием традиционных методик обучения. Студенты педагогических вузов на занятиях должны осваивать конкретные диагностические методики, отрабатывать практические навыки и технические приемы будущей профессиональной деятельности. Самостоятельный поиск ответов на различные творческие задания стимулирует развитие инициативности и навыков целеустремленной деятельности студентов.

Результаты исследования позволяют сделать вывод о доминировании пассивности студентов в отношении получения образования, что совершенно не согласуется с постоянно изменяющимися условиями общественной жизни и личными жизненными обстоятельствами. Реально делает образование своим, личностно значимым, присваивает его и, соответственно, пользуется небольшая доля студентов педагогических вузов.

Проведенный анализ данных социологического исследования позволил обозначить ряд негативных трендов, требующих дальнейшего социологического осмысления и более тщательного изучения.

5. Студенты горного университета: динамика социокультурного облика (2007–2016 гг.)

Социальная позиция может существовать и воспроизводиться, только если ее рассматривают как достойную того, чтобы быть занятой хотя бы теми, кто ее занимает. Чувство профессиональной гордости, которое встречается в особенности в наиболее тяжелых и опасных занятиях (шахтеров, металлургов, крестьян и т.д.), является не чем иным как делом чести, которое разделяют те, кто по необходимости обязан эти занятия исполнять и внушать их исполнение своим детям.

П. Шампань¹

Совершенствование подготовки горных инженеров в российских вузах — чрезвычайно важная проблема для перспективы развития горнопромышленного комплекса как основы экономики России. «От качества формирования корпуса горных инженеров зависит эффективность освоения георесурсов, направление и темпы развития современных технологий и техники в горном деле, уровни безопасности и технической оснащенности труда горняков — все то, что определяет инновационный характер развития горных предприятий»².

Весомый вклад в решение этой задачи вносит Уральский государственный горный университет, отметивший в 2014 г. 100-летие со дня основания. Достаточно сказать, что каждый восьмой горный инженер, подготовленный в России в 1992–2009 гг., является выпускником УГГУ. Ныне в УГГУ ведется (по новому федеральному стандарту, утвержденному 17.10.2016) подготовка около 800 студентов практически по всем специализациям в рамках специальности «Горное дело»³. Активно участвует УГГУ в реализации комплексной программы «Уральская инженерная школа» на 2015–2034 гг., нацеленной на непрерывную инженерную подготовку, формирование с детства интереса к технике и техническим специальностям⁴.

¹ Шампань П. Введение [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://scepsis.net/library/id_1095.html (дата обращения: 03.06.2017).

² Петров В.Л. Высшее горное образование России в условиях реформирования образовательной системы [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://maxi-exkavator.ru/articles/different/~id=41> (дата обращения: 03.06.2017).

³ Готовим горных инженеров по новым федеральным образовательным стандартам [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://pressa.ursmu.ru/5963.html> (дата обращения: 21.02.2017).

⁴ Комплексная программа «Уральская инженерная школа» на 2015–2034 гг. [Электронный ресурс] : утв. Указом губернатора Свердловской области № 453-УГ от 06.10.2014. — Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/422448790> (дата обращения: 09.06.2017).

Но инженерная подготовка в УГГУ сталкивается с целым рядом проблем, обусловленных и изменением престижа горных профессий, и развитием российского высшего образования в целом и горного образования в частности в постсоветский период.

В настоящее время в горной промышленности Уральского региона, исторически считавшейся ведущей, наблюдается острый дефицит кадров. Обострение проблем социально-профессиональной ориентации в настоящее время наиболее болезненно проявляется именно в горной промышленности. Кризисные процессы этой отрасли замедляют темпы технического прогресса в стране. По сравнению с другими отраслями экономики шахтерский труд — наиболее физически тяжелый и опасный, а его оплата с учетом сложности — ниже целесообразных показателей. В сравнении с советским периодом, когда мотивационная и стимулирующая составляющие горных профессий были достаточно высоки, престижность горняцкого труда падает. Другой проблемой в данной области является недостаточная работа по социально-профессиональной ориентации молодежи. Особого внимания заслуживают вопросы, касающиеся горных профессий¹. Так, 54 % опрошенных нами старшеклассников Нижнего Тагила² — столицы горнозаводского Урала — не знают о такой профессии, как «горняк». Многие из тех 46 % респондентов, которые слышали об этой профессии, затруднились пояснить, в чем содержательно заключается профессиональная деятельность горняка.

Сказываются и серьезные изменения в идентификации горняцкой профессии. Символическая связь шахтерской профессии с «хтоническими силами»³ (имеющаяся и в любой другой опасной профессии) формирует амбивалентную профессиональную идентичность, в которой соединены героизм и жертвенность. Эти две черты абсолютно неотчуждаемы от культурного образа шахтера, сложившегося в последние 100–150 лет. Но сегодня, в ситуации девальвации героизма как компонента шахтерской идентичности, актуализирован второй ее компонент — жертвенность. Гибель шахтеров стала как бы символической платой за проникновение в недра земли. Образ шахтера виктимизировался, и именно это компенсирует пошатнувшуюся общественную ценность шахтерского труда. Риск, опасность в советский период определялись как преодолимые издержки контакта шахтера с косной природной материей. Отсюда идея героизма и битвы с природой, характерная для индустриального пафоса. В современной ситуации риск и опасность приобретают скорее фаталистические черты. Если в СССР преобладали торжественно-праздничные формы репрезентации высокого статуса шахтерского

¹ Орлов В. А. Социально-профессиональные ориентации молодежи Урала на профессию горняка : монография. — Екатеринбург : УрФУ, 2015. — 146 с.

² Опрос 2013–2014 гг. *N* = 430 человек. Выборка квотная (10–11 классы).

³ Хтонические Силы (от греческого «Хтон» — земля) — боги и энергии, которые так или иначе были связаны с производительными силами земли, с неуправляемым людьми и твердым в своих намерениях миром глубин, земных разломов, чашоб.

труда, то сегодня чаще доминируют ритуально-поминальные: строительство часовен и храмов в память погибших в авариях горняков с регулярным проведением заупокойных служб, поминальных треб и впервые в истории издания различных презентационных альбомов приведена фотография памятника св. великомученицы Варвары, т.е. фактически официально признан жертвенный компонент регионообразующей профессии.

Но с другой стороны, горнодобывающая и угольная отрасли по-прежнему являются базовыми в структуре региональной экономической системы, и они останутся таковыми в долгосрочной перспективе. И главное, шахтерский труд по-прежнему остается символом Урала и основанием региональной идентичности, той культурно-символической матрицей, с которой нормативно должен соотносить себя каждый живущий на Урале. Сегодня следует вырабатывать адаптационные компоненты, компенсирующие горнякам утрату прежнего престижа профессии. Необходимо формирование ее нового престижа. Уральским шахтерам нужно вернуть чувство профессиональной гордости. Это один из главных ресурсов безопасности на горнодобывающих шахтах и стабильной общественно-политической жизни на Урале.

В настоящее время нарушена взаимосвязь «предприятие — учебное заведение», что привело к разбалансировке количества и качества подготовки специалистов, их перепроизводству или недостатку в отраслях производства. При переходе на подготовку специалистов на платной основе большинство учебных заведений стали готовить наиболее востребованные специальности, не имея для этого ни материально-технической базы, ни специалистов по подготовке этих специальностей. От профильности некоторых учебных заведений осталось только их наименование, а специальности, по которым они готовят специалистов, вообще не соответствуют их профилю. Исходя из этого, качество подготовки таких выпускников, к сожалению, порой на низком уровне.

О сложности ситуации можно судить по задачам подпрограммы «Совершенствование системы профессиональной подготовки кадров для угольной промышленности» Долгосрочной программы развития угольной промышленности на период до 2030 г.¹:

- увеличение доли работников, соответствующих профессионально-квалификационным требованиям, до 100 %;
- доведение количества научно-технических работников до 20 человек на 1 млн т добычи угля;
- увеличение обеспеченности организаций угольной промышленности молодыми специалистами за счет увеличения целевого приема в сред-

¹ Долгосрочная программа развития угольной промышленности России на период до 2030 г. [Электронный ресурс] : утв. распоряжением Правительства РФ от 24.01.2012 № 14-р. — Режим доступа: <http://sudact.ru/law/rasporiazhenie-pravitelstva-rf-ot-24012012-n-14-r/dolgosrochnaia-programma-razvitiia-ugolnoi-promyshlennosti/iii/8/> (дата обращения: 18.06.2017).

ние специальные и высшие учебные заведения;

- увеличение обеспеченности организаций угольной промышленности кадрами до 80 %.

Не оправдала себя попытка введения двухуровневой подготовки горных инженеров в ведущих университетах страны. Выпускники-бакалавры техники и технологии по направлению «Горное дело» не находили должного применения на горных предприятиях и испытывали существенные трудности в трудоустройстве. Новый ФГОС по специальности 21.05.04 «Горное дело» предусматривает срок обучения 5,5 лет, хотя по ряду горных профессий сохранилась и подготовка бакалавров.

Среди требований горного сообщества, связанных с коммерциализацией высшего образования, обоснованное увеличение выделяемых государством бюджетных мест для всех уровней профессионального образования, учитывающего потребности горной промышленности.

Одна из проблем горного образования (особенно высшего) — нарастание сложностей с воспроизводством основных ресурсов¹: научно-педагогического персонала (кадров высшей квалификации), современных библиотечных комплексов, учебно-лабораторных комплексов.

Не менее значима проблема преодоления отрыва горного образования от рынка труда. В вузах России (число которых в процессе «оптимизации» сокращается) ежегодно готовится около 5000 высококвалифицированных горных инженеров. Но в горнопромышленном комплексе страны трудится свыше 100 тыс. специалистов горного дела². Тем самым подготовка горных инженеров не обеспечивает даже процесс их естественного воспроизводства.

Среди проблем горного образования специалисты все чаще отмечают проявление общей для российского высшего образования черты — «феминизации»: «среди студентов много представительниц слабого пола, а профессия горняка все-таки мужская»³.

Участие студентов УГГУ в мониторинге свердловских студентов и было призвано выявить, как отразились на них указанные проблемы, как это сказалось на их представлениях о будущей профессии, на их профессиональном самоопределении и их профессиональных и жизненных планах.

Определенные выводы позволяют сделать уже данные о структуре выборки студентов УГГУ (табл. 224).

¹ Петров В. Л. Высшее горное образование России в условиях реформирования образовательной системы [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://maxi-exkavator.ru/articles/different/~id=41> (дата обращения: 19.06.2017).

² Кадровые проблемы горной отрасли [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://mining-media.ru/ru/article/anonsy/6444-kadrovye-problemy-gornoj-otrasli> (дата обращения: 11.06.2017).

³ Малышев Ю. Н. Развитие горнодобывающей индустрии — залог успешной экономики России [Электронный ресурс] // Горная промышленность. — 2007. — № 1. — Режим доступа: <http://mining-media.ru/ru/article/intervyu/1028-razvitie-gornodobyvayushchej-industrii-zalog-uspeshnoj-ekonomiki-rossii> (дата обращения: 11.06.2017).

Таблица 224

**Структура выборки по профилю обучения, 2007–2016 гг., по УГГУ,
2016 г. — в сравнении с массивом, % по группам**

Профиль подготовки в вузе	2007	2009	2012	2016	
	УГГУ				Массив
Гуманитарный	7	2	19	21	33
Социально-экономический	11	26	34	44	20
Естественно-научный	32	12	2	4	8
Технический	50	60	45	31	39

Заметны четкие тренды: рост удельного веса «экономистов» (за 2007–2016 гг. — в четыре раза) и гуманитариев (за этот же период — в три раза); сокращение доли технарей (в 1,6 раза за весь период, вдвое по сравнению с 2009 г.) и особенно — естественников. Конечно, эти цифры нельзя абсолютизировать, по профилям обучения студенты самоопределялись, отмечая его в анкете. Но вряд ли ошибки с выбором были значительными, чтобы изменить общую картину.

О том, что выборка по профилям близка к реальности, можно судить по контрольным цифрам приема в УГГУ на 2017/2018 учебный год¹. Из почти 1,5 тысяч приема (1489 человек) соотношение бюджетных и контрактных мест — 40 и 60 %. Позитивный момент — приоритет горных профессий (особенно в специалитете): соотношение бюджетных мест между специалитетом² и бакалавриатом³ — 71 и 29 %, соотношение контрактных мест прямо противоположное — 31 и 69 %. И вновь реальный прием может несколько уточнить эту картину, но и эскиз говорит о многом. Только по трем направлениям бакалавриата (менеджмент, экономика, управление персоналом) предполагается принять 370 контрактников. Учитывая относительно низкую

¹ Перечень специальностей и направлений подготовки, по которым ФГБОУ ВО «УГГУ» объявляет прием на обучение в 2017 году [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://abit.ursmu.ru/importante/kontrolnye-cifry-priema.html> (дата обращения: 09.06.2017).

² Специалитет: обогащение полезных ископаемых; горные машины и оборудование; электрификация и автоматизация горного производства; маркшейдерское дело; подземная разработка пластовых месторождений полезных ископаемых; подземная разработка рудных месторождений; открытые горные работы; шахтное и подземное строительство; взрывное дело; технологии безопасности и горноспасательное дело; горнопромышленная экология; прикладная геология; технология геологической разведки.

³ Бакалавриат: технологические машины и оборудование; машиностроение; автоматизация технологических процессов и производств; электроэнергетика и электротехника; технология транспортных процессов; землеустройство и кадастры; инженерная защита окружающей среды; пожарная безопасность, защита в чрезвычайных ситуациях, безопасность технологических процессов и производств; экология и природопользование; информатика и вычислительная техника; природообустройство и водопользование; менеджмент; экономика; управление персоналом; искусство костюма и текстиля; информационные системы и технологии.

(в сравнении с другими вузами города) стоимость контракта: ниже 55 тыс. руб. за семестр, план приема по этим направлениям будет выполнен, а возможно, и перевыполнен.

С учетом отмеченного становится понятной и динамика гендерной структуры выборки (табл. 225).

Таблица 225

**Структура выборки по полу, 2007–2016 гг. по УГГУ,
2016 г. — в сравнении с массивом, % по группам**

Пол	2007	2009	2012	2016	2016
	УГГУ				Массив
Мужчины	30	33	44	35	42
Женщины	70	67	56	65	58

За годы участия студентов УГГУ в мониторинге «феминизация» горного вуза шла достаточно быстро и, как показывает сравнение с массивом в 2016 г., даже быстрее, чем в других вузах. Хотя именно подготовку горных инженеров она затронула все-таки в гораздо меньшей степени. Характеристика выборки многое объясняет в ответах студентов УГГУ, главное — неправомерность прямого соотнесения их оценок будущей профессии лишь с профессией горняка.

Как же изменялась за 2007–2016 гг. мотивация выбора вуза? (Табл. 226.)

Таблица 226

**Динамика мотивации выбора вуза студентами УГГУ, 2007–2016 гг.,
2016 г. — в сравнении с массивом, % от группы**

Варианты ответа	2007	2009	2012	2016	
	УГГУ				Массив
Интерес к профессии	52	39	40	35	44
Привлек престиж, авторитет вуза	16	28	34	26	31
Привлекла перспектива найти хорошую работу после вуза	28	31	33	29	29
Желание получить диплом	30	25	24	28	26
Хотелось обеспечить себе стабильный материальный достаток в будущем	—	—	20	33	25
Считал: наилучшие способности у меня именно в этой области	20	17	5	14	16
Сюда было легче поступить	15	18	15	19	15
Активная студенческая жизнь	3	10	13	16	11
Повлияла семейная традиция, родители	26	20	10	5	10

Окончание табл. 226

Варианты ответа	2007	2009	2012	2016	
	УГГУ				Массив
Не хотелось идти в армию	9	8	8	9	8
Стремление получить в настоящем и будущем интересный круг общения	—	—	6	5	7
Возможность стать культурным человеком	—	—	7	7	6
Повлияла учеба в специализированном классе, техникуме, лицее	15	19	5	4	5
За компанию с друзьями	2	6	6	8	5
Совет учителей, специалистов по профориентации	4	7	2	1	4
Хотелось продлить более или менее беззаботный период жизни	3	7	5	2	3
Встретить будущего спутника (спутницу) жизни	-	-	2	2	2

Заметно, что структура мотивации студентов УГГУ достаточно устойчива и не очень сильно (на примере 2016 г.) отличается от студентов других вузов города.

Среди приоритетов (отмечены в ответах более четверти респондентов) выделяются:

- интерес к профессии (у студентов УГГУ он заметно сократился, в 2016 г. его отметил лишь каждый третий студент УГГУ, а в целом по массиву — более 2/5);
- желание обеспечить себе стабильный материальный достаток в будущем (включенный в 2012 г. вариант ответа в 2016 г. отмечен каждым третьим из студентов УГГУ и вышел у них на второе место, в целом по массиву его отметил каждый четвертый и он занимает лишь пятое место);
- привлекла перспектива найти хорошую работу после вуза (наиболее устойчивый из всех приоритетных мотивов, в 2016 г. и по значению, и по месту в иерархии мотивов ответы студентов УГГУ не отличались от средних по массиву; в какой-то мере это отражает «депрофилизацию» горного университета, одновременно показывая, что молодежь связывает «хорошую работу» не столько с какой-то определенной профессией, сколько с высшим образованием);
- желание получить диплом (неважно какой и где) (и этот мотив при некоторых колебаниях относительно устойчив; доля студентов УГГУ, отмечавших его — каждый третий-четвертый, близка к среднему

по массиву значению; определенная «депрофессионализация» высшего образования, тем самым, общая тенденция);

- привлек престиж, авторитет вуза (это наиболее противоречивый мотив; его значение для студентов УГГУ возросло, но в целом по массиву оно значительно выше).

Мотивы среднего уровня (отмечены в ответах от 10 до 25 % респондентов) у студентов УГГУ близки к показателям по массиву. Особенно это сходство проявляется при соотношении своих способностей с избранной профессией. Но есть и особенности. С одной стороны, от этапа к этапу студенты УГГУ все чаще отмечают активную студенческую жизнь как мотив выбора вуза, в 2016 г. значимость этого мотива для них в 1,5 раза выше, чем в среднем по массиву. С другой стороны, резко (за 2007–2016 гг. в пять раз) снизилось значение влияния родителей, семейных традиций как мотива выбора вуза, в 2016 г. оно было вдвое ниже, чем в среднем по массиву.

Среди малозначимых мотивов — случайные мотивы (желание продлить более или менее беззаботный период жизни, за компанию с друзьями), нежелание идти в армию и, что особенно тревожно, профориентационные мотивы (совет учителей, специалистов по профориентации; учеба в специализированном классе, техникуме, лицее). Не получили особой поддержки свердловских студентов (в том числе и студентов УГГУ) включенные в 2012 г. в анкету социокультурные мотивы и фамилистский мотив (встретить будущего спутника/спутницу жизни). Последнее во многом связано с исчезновением студенческой семьи (особенно зарегистрированной) как заметного явления студенческой жизни.

С 2012 г., с учетом изменений правил приема, в анкету был включен вопрос о результатах ЕГЭ. Это позволяет (весьма относительно, конечно) судить о качестве довузовской подготовки (табл. 227).

Таблица 227

Динамика результатов выпускных экзаменов (вспомните, какими, в баллах, были ваши результаты ЕГЭ), сравнение студентов УГГУ и массива в целом, % от группы

Вариант ответа	2012		2016	
	УГГУ	Массив	УГГУ	Массив
Отличные (271 и выше)	2	7	1	3
Хорошие (221–270)	20	30	8	28
Средние (181–220)	55	49	59	48
Низкие (до 180)	23	14	32	21

Заметно, что в целом по массиву качество довузовской подготовки за четыре года снизилось. Особенно это относится к студентам УГГУ. Если в 2012 г., по оценке тогдашних третьекурсников УГГУ, 8 из 10 из них поступали в вуз

со средними и низкими баллами, то в 2016 г. так оценили свои баллы ЕГЭ при поступлении уже 9 из 10.

При этом (как и по массиву в целом) лишь немногим пришлось изменить свои планы. Студенты УГГУ в 2012 г. чаще, чем в среднем, отмечали, что им пришлось сменить вуз, т. е. поступить в УГГУ на желаемую специальность, в 2016 г. чаще, чем в среднем, отмечался вариант ответа о смене и вуза, и специальности (табл. 228).

Следующий аспект анализа — степень удовлетворенности студентов своим профессиональным (точнее и шире — жизненным) выбором (табл. 229).

Таблица 228

Влияние результатов ЕГЭ на выбор вуза и профессии, сравнение студентов УГГУ и массива в целом, % от группы

Вариант ответа	2012		2016	
	УГГУ	Массив	УГГУ	Массив
Никак не повлияли: учусь там, где хотел	71	69	62	65
Учусь в вузе, где хотел, но не по той специальности	7	11	13	12
Учусь по желаемой специальности, но в другом вузе	15	10	9	11
Учусь в другом вузе и по другой специальности	7	9	17	12

Таблица 229

Динамика удовлетворенности студентов УГГУ избранным вузом и профессией, 2007–2016 гг., в 2016 г. в сравнении с массивом, % от группы

Вариант ответа	2007	2009	2012	2016	
	УГГУ	УГГУ	УГГУ	УГГУ	Массив
Вполне	57	77	54	57	62
Вузом — да, профессией — нет	27	15	16	14	14
Вузом — нет, профессией — да	8	6	16	10	9
Нет	8	2	14	6	8
Не задумывался об этом	—	—	—	13	7

Использованный в мониторинге инструментарий позволяет разграничить удовлетворенность/неудовлетворенность вузом и профессией. Если анализировать ответы студентов УГГУ, то в них проявляется общая тенденция, как правило, удовлетворенность и вузом, и профессией значительно превосходит неудовлетворенность (по вузу, например, превосходство выше в 2007 г. в четыре раза, в 2009 г. — почти в 12 раз, в 2012–2016 гг. — более чем в два раза).

Другая тенденция — удовлетворенность вузом несколько выше, чем профессией (исключение составил 2012 г., когда в оценках студентов УГГУ они совпали). Введение в 2016 г. варианта «не задумывался об этом» показало: среди студентов УГГУ этот вариант выбирали вдвое чаще, чем в среднем по массиву.

С 2012 г. с целью конкретизации профессионального самоопределения студентов в анкету были включены вопросы, представляли ли студенты избранную профессию при поступлении и представляют ли они ее сейчас, обучаясь на III курсе (табл. 230).

Таблица 230

Представления о будущей профессии по выбранной специальности при поступлении в вуз (четко ли представляли содержание, характер и специфику профессиональной деятельности) в динамике, сравнение студентов УГГУ и массива, % от группы

Вариант ответа	2012		2016	
	УГГУ	Массив	УГГУ	Массив
Да	20	26	21	20
Частично	50	42	42	44
У меня были смутные представления	23	24	24	26
Нет, не представлял(а)	7	8	13	10

При общем явно недостаточном представлении об избранной профессии при поступлении в вуз и по массиву, и у студентов УГГУ (в силу чего профессиональный выбор большинства может называться «профессиональным» с большим трудом) тенденции изменения этих представлений были разными. В целом по массиву они стали за четыре года еще менее четкими. У студентов УГГУ они стали чуть более четкими и в итоге в 2016 г. почти совпали с усредненными представлениями студентов города.

Несколько иначе выглядит картина изменения этих представлений за время учебы (напомним — выборка включает в основном студентов III курса) (табл. 231).

Таблица 231

Представления о будущей профессии по выбранной специальности на III курсе (четко ли представляют сейчас содержание, характер и специфику профессиональной деятельности), сравнение студентов УГГУ и массива, % от группы

Вариант ответа	2012		2016	
	УГГУ	Массив	УГГУ	Массив
Да	64	60	43	56
Частично	30	31	42	33
У меня остались смутные представления	5	6	13	8
Нет, не представляю	1	3	2	3

В целом по массиву изменения представлений о профессии за время учебы были устойчивыми: у трех из каждых пяти сформировались четкие представления, у каждого третьего — они стали частичными; лишь у немногих (9–11 %) остались смутные или совсем нечеткие представления. Среди студентов УГГУ за четыре года резко уменьшилась (в 2012 г. — почти 2/3, в 2016 г. — около 2/5) доля тех, кто оценил свои нынешние представления о будущей профессии как четкие. Эта доля в 2012 г. у студентов УГГУ была чуть выше, чем в целом по массиву, в 2016 г. она стала значительно меньше, чем в среднем. При всей субъективности мнений студентов за их самооценками стоят определенные проблемы снижения качества профподготовки в УГГУ.

Причем парадоксальность нынешней ситуации, когда в высшем профессиональном образовании многие студенты (особенно девушки) видят скорее «высшее», чем «профессиональное», определяет сходную удовлетворенность качеством получаемого образования и качеством профессиональной подготовки и у студентов УГГУ, и у студентов других вузов города (табл. 232, 233).

Таблица 232

Удовлетворенность качеством получаемого образования, 2016 г., % от группы

Вариант ответа	УГГУ	Массив
Да, полностью (+2)	23	24
Скорее да, чем нет (+1)	61	60
Скорее нет, чем да (–1)	15	14
Совсем нет (–2)	0	2
Индекс удовлетворенности	0,92	0,90

Таблица 233

Удовлетворенность качеством получаемой профессиональной подготовки, 2016 г., % от группы

Вариант ответа	УГГУ	Массив
Да, полностью (+2)	15	18
Скорее да, чем нет (+1)	60	59
Скорее нет, чем да (–1)	24	20
Совсем нет (–2)	1	3
Индекс удовлетворенности	0,64	0,69

Одновременно подтвердился и сделанный выше вывод, что удовлетворенность обучением в вузе выше, чем удовлетворенность качеством профессиональной подготовки.

Что же конкретно удовлетворяет и не удовлетворяет студентов в учебном процессе? Вновь сравним мнение студентов УГГУ с обобщенными оценками студентов других вузов города (табл. 234).

Таблица 234

Удовлетворенность аспектами учебного процесса, 2016 г., % от группы

Вариант ответа	УГГУ	Массив
Применение традиционных форм обучения (лекции, аудиторные практические занятия и семинары)	89	87
Отношение преподавателей к студентам	82	79
Отношение учебно-вспомогательного персонала к студентам	77	78
Предлагаемые для разработки темы выпускных квалификационных работ (дипломов, диссертаций)	76	74
Обеспеченность учебниками, учебно-методической литературой	75	74
Отношение администрации вуза к студентам	73	73
Возможность пользоваться в вузе Интернетом, информационными средствами обучения	72	70
Связь получаемых знаний с жизнью	63	63
Организация учебных и производственных практик	61	59
Привлечение студентов к научно-исследовательской работе кафедр	61	65
Связь получаемых знаний с реальной работой по профессии	61	64
Индивидуальная работа преподавателей со студентами	59	61
Организация питания, его качество и стоимость	58	61
Организация учебного процесса (расписание занятий, сессий и т. д.)	56	63
Степень комфортности, удобства учебной мебели, аудиторий, лабораторий	55	54
Режим учебного труда и отдыха, равномерность распределения учебной нагрузки	55	54
Применение инновационных форм обучения (мастер-классы, тренинги, решение кейсов, практическое обучение на предприятиях и в организациях и др.)	53	59
Санитарно-гигиенические условия в вузе	49	69
Техническая база, оснащенность лабораторий и аудиторий	48	65
Широкое использование современных информационных технологий	46	65
Применение дистантных технологий образования (университет «Открытое образование», «Гиперметод», вебинары и др.)	44	47
Привлечение к проведению занятий специалистов предприятий, бизнес-структур, органов власти	38	46

Обращает внимание значительное сходство оценок по большинству параметров (и среди полностью удовлетворяющих, и среди вызывающих меньшую удовлетворенность). Отметим лишь случаи значительного расхождения оценок. Они как раз относятся к параметрам, вызвавшим и в среднем по массиву низкую удовлетворенность. Но у студентов УГГУ она еще ниже, что подчеркивает большую остроту данных проблем в горном университете:

- санитарно-гигиенические условия в вузе (сказывается преобладание в выборке УГГУ женщин, более требовательных к этим условиям);
- техническая база, оснащенность лабораторий и аудиторий (аналогичная ситуация и в других вузах, где доля технических специальностей и направлений остается достаточно значимой);
- широкое использование современных информационных технологий;
- привлечение к проведению занятий специалистов предприятий, бизнес-структур, органов власти.

Важный момент профессионального и жизненного самоопределения — планы студентов на период после окончания вуза (табл. 235).

Таблица 235

Жизненные планы респондентов (чем бы хотели заниматься после окончания вуза), 2016 г., % от группы

Вариант ответа	УГГУ	Массив
Работать по специальности	39	34
Работать не по специальности	6	6
Продолжить образование (магистратура, второе высшее)	11	21
Продолжить образование (аспирантура)	2	2
Заняться научно-исследовательской работой	1	1
Основать свое дело, бизнес, заняться предпринимательством	20	14
Посвятить себя дому, семье	2	1
Поехать за границу работать или учиться	5	6
Работать как фрилансер (самостоятельный поиск и реализация услуг, проектов)	1	1
Жить за счет случайных заработков	0	< 1
Пройти стажировку (дополнительное обучение) на рабочем месте	1	1
Будущее в плане работы туманно и неопределенно	9	8
Еще нет никаких планов на будущее	3	4

И вновь поразительное сходство мнений студентов УГГУ и студенчества города. Подтверждается основной вывод мониторинга — студентов разных

вузов больше объединяет то, что они студенты, чем различает то, что они учатся в разных вузах.

Из проявившихся различий отметим:

- чуть бóльшую готовность к работе по специальности (возможно, за счет гораздо большей доли специалистов, чем бакалавров, в сравнении с многими другими вузами города, полностью перешедшими на двухуровневую подготовку);
- связанную с этим гораздо меньшую (в два раза) готовность продолжить образование;
- наконец, бóльшее желание организовать свой бизнес, заняться предпринимательством (что, несомненно, связано с созданием в УГГУ мощного подразделения — Института мировой экономики, осуществляющего подготовку менеджеров, экономистов, управленцев персоналом и т. д.).

Во многом сходен и образ будущей работы (табл. 236).

Таблица 236

**Представления студентов о характеристиках будущей работы
(что наиболее значимо в будущей работе), 2016 г., % от группы**

Вариант ответа	УГГУ	Массив
Возможность получать большие заработки, высокие доходы	75	59
Карьера, достижения высокого уровня профессионализма	60	51
Возможность постоянного самосовершенствования	35	33
Возможность занять высокий пост, власть над другими людьми	32	22
Хорошие условия труда	31	30
Возможность работать в хорошем, дружном коллективе	29	23
Возможность достичь признания, уважения	22	26
Творческий, интересный характер работы, разнообразие труда	22	24
Возможность полнее реализовать свой потенциал	19	28
Возможность принести пользу людям	19	27
Высокий престиж профессии	19	17
Гарантия от возможной безработицы	15	15
Самостоятельность, независимость, отсутствие мелочной опеки, регламентации	12	15
Соответствие профессии моим способностям, знаниям, умениям	11	13

Окончание табл. 234

Вариант ответа	УГГУ	Массив
Спокойный характер работы	7	8
Отсутствие тяжелых физических нагрузок	5	5
«Не выкладываться», пусть и при небольшой зарплате	3	2
Связь с современной техникой, новейшими технологиями	3	5

Но для студентов УГГУ гораздо большее значение, чем в среднем, имеют возможности хорошо зарабатывать (сказывается сохраняющаяся и в общественном мнении установка на необходимость высокого материального вознаграждения за труд горняка) и карьерные соображения, которые — что особенно важно подчеркнуть — соотносятся и с возможностью занять высокий пост, и с высоким уровнем профессионализма. Среди негативных моментов подчеркнем большую, чем в среднем, недооценку возможности полнее реализовать свой потенциал и общую со всеми, но особенно нетерпимую для вузов со значительной технической составляющей, недооценку связи будущей профессии с современной техникой, новейшими технологиями.

Завершая анализ, постараемся ответить на вопрос, вынесенный в заголовок параграфа. Да, УГГУ — как и многие отраслевые вузы — не нацелен сегодня однозначно на подготовку горных инженеров и других специалистов горного дела. Но он, судя по оценкам студентов УГГУ, достаточно эффективно выполняет не менее важную и более широкую функцию, готовя специалистов, бакалавров и магистров для различных отраслей экономики и культуры.

6. Студенты-магистранты как новое социокультурное явление

Двухуровневая система образования, бакалавриат и магистратура, существует в мировой системе образования не одно столетие. Магистерская степень зародилась в средневековых европейских университетах в XII–XIII вв. Термины Doctor, Professor, Magister первоначально не имели отличий и употреблялись для обозначения преподавательского состава университетов. Но при этом присуждение степени осуществлялось только по результатам сдачи экзаменов и защиты диссертации.

С течением времени термин «магистр» стал обозначать ступень высшего образования, являющуюся переходной от бакалавра к докторской степени. И можно с уверенностью говорить, что современная двухуровневая система высшего образования в ее сегодняшнем варианте сформировалась уже в Средние века.

Тем не менее в современных системах высшего образования разных стран есть определенные различия, которые обусловлены спецификой политического, экономического, социального, культурного развития той или иной страны. Так, например, «в британских университетах принято деление магистерских программ на два типа: учебные (taught) и исследовательские (research)»¹. Учебные рассчитаны на год очного обучения. В течение первых 6—9 месяцев студенты углубленно изучают предметы по выбранной специальности, остальное время проводят исследования, пишут магистерскую диссертацию. Учебная часть программы включает в себя как обязательные предметы (касающиеся общих вопросов методологии научного знания и научно-исследовательского подхода), так и курсы по выбору, связанные с узкой специализацией. В конце освоения каждой дисциплины студентами сдаются экзамены. На исследовательскую работу дается 3—4 месяца, в течение которых студент должен подготовить письменную работу по выбранной теме. Продолжительность исследовательских магистерских программ, как правило, два года. За это время студент, под руководством тьютора (наставника), проводит научно-исследовательскую работу, готовит диссертацию, которая значительно отличается от итоговой работы выпускников учебной магистратуры и имеет более серьезный исследовательский характер. Именно этот тип магистерских программ рассматривается как подготовительная ступень к дальнейшей научно-исследовательской работе. Логическим (хотя и необязательным) продолжением становится учеба в докторантуре с написанием диссертации, ведущей к получению степени доктора наук (PhD).

Описанная выше британская двухуровневая система высшего образования является прообразом практически всех остальных моделей, в том числе и американской. Магистратура также является второй ступенью высшего профессионального образования. Американские магистерские программы, так же как и британские, подразделяются на два вида: программы, направленные на практическую профессиональную деятельность, и программы, готовящие к научно-исследовательской работе. «Профессиональная» магистратура рассматривается в качестве финального этапа обучения в вузе — студенты готовятся к практической деятельности. Этот тип магистерских программ «работает» на такие области, как бизнес, администрирование, журналистика, международные отношения, социальная работа. «Для поступления в магистратуру необходимо наличие степени бакалавра, но не обязательно, чтобы она была получена по той же специальности, что и будущий магистерский диплом. Магистратура в американских вузах двухгодичная. Первый год обычно посвящен изучению общих для всех специальностей предметов, а узкая специализация начинается только на втором курсе. Написание диссертации

¹ Каташинских В. С. Институционализация магистратуры в России. — Екатеринбург : Издательство УМЦ-УПИ, 2015. — С. 32.

на таких программах обычно не предполагается»¹. Обучение в исследовательской магистратуре в США продолжается два года и является ступенью на пути к степени доктора наук (PhD). Существуют некоторые университеты, которые принимают в магистратуру по гуманитарным специальностям только при условии, что студент продолжит свое обучение в аспирантуре.

Что касается отечественного высшего образования, то надо сказать, что в Российской империи степень магистра появилась значительно позже, чем в Европе. Это произошло в 1803 г., когда императорским указом были введены ученые степени кандидата, магистра и доктора наук. Российский магистр только по названию соответствовал европейскому пониманию данной квалификации. «Положение о производстве в ученые степени» 1819 г. выделяло четыре степени в университетском образовании:

1) действительный студент (степень присваивается всем успешно окончившим университет);

2) кандидат (им становились выпускники с дипломом первой степени и выполнившие специальную работу — кандидатскую диссертацию, соответствующую современной дипломной работе);

3) магистр (для получения этой степени необходимо было сдать специальные магистерские экзамены и защитить магистерскую диссертацию, соответствующую современной кандидатской диссертации);

4) доктор (эта степень присуждалась исследователям, защитившим после магистерской также докторскую диссертацию)².

После революции 1917 г. ученые степени были упразднены. Восстановили их только в 1932 г., но ограничились лишь степенями кандидата и доктора наук.

В Российской Федерации в 1993 г. было принято «Положение о магистерской подготовке (магистратуре) в системе многоуровневого высшего образования». Оно вернуло в российскую образовательную систему степени бакалавра и магистра в новом, европейском понимании, хотя и опираясь на отечественный опыт³.

Если сегодня цель обучения в бакалавриате — формирование базовых основ профессии, навыков профессиональной коммуникации, самообразования, работы в команде и т. п., то целью магистратуры является подготовка

¹ Каташинских В. С. Институционализация магистратуры в России. — Екатеринбург : Издательство УМЦ УПИ, 2015. — С. 36.

² Лебедева Л. И. Магистратура как институт подготовки научных и научно-педагогических кадров в России в XIX — начале XX вв. // Философский век. Альманах. Вып. 28. История университетского образования в России и международные традиции просвещения. — СПб. : Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2005. — Т. 1. — С. 108.

³ Положение о подготовке научно-педагогических и научных кадров в системе послевузовского профессионального образования в Российской Федерации [Электронный ресурс]: приложение к приказу Минобрнауки России от 27.03.98. № 814. — Режим доступа: http://www.edu.ru/db/mo/Data/d_98/814-1.html (дата обращения: 12.11.2016).

специалистов, способных к решению серьезных профессиональных задач, организации новых видов деятельности, научным исследованиям, управлению.

Таким образом, в сегодняшней российской системе высшего образования магистратура — это «ступень высшего образования, позволяющая выпускникам обрести профессионализм высокого уровня, способность решать сложные управленческие, аналитические, исследовательские задачи»¹.

В связи с чем современный студент-магистрант является абсолютно новым феноменом для российского общества. Еще совсем недавно обществу было совершенно непонятно, кто такой бакалавр, магистр, чем он отличается от привычного специалиста. Бакалавров считали «недоучками», магистров, наоборот, «учеными». И брали на работу их с великой осторожностью. Поэтому и у бакалавров, и у магистров шансы при трудоустройстве на работу были практически равны.

Сегодня ситуация несколько меняется, общество адаптировалось к новым ступеням высшего образования, степень «бакалавр» уже не кажется ругательством, а магистров с радостью берут на работу, как выпускников вузов с углубленными знаниями в рамках направления подготовки. В то же время остается открытыми масса вопросов: в чем актуальность и привлекательность современной магистратуры для молодого человека? В чем ее преимущества и недостатки? Какой студент идет в магистратуру? Также мы фиксируем целый ряд проблем, связанных с функционированием магистратуры как уровня образования. Среди основных претензий, которые предъявляются обществом: несогласованность учебных планов с работодателем, когда для реальной работы студентам даже в магистратуре дается очень незначительный объем знаний, умений и навыков; излишняя теоретизированность; отсутствие серьезной практики в процессе обучения и т. д.

Справедливо в этом плане мнение Л. Я. Рубиной. Как социолог отмечает²:

- Переход к многоуровневому, многоцикловому высшему образованию не выстроился в систему непрерывного образования. Отказ от линейной траектории, возможность свободного «входа» в магистерские программы для бакалавров, специалистов, магистров другого профиля, включение в вузовский цикл еще и аспирантуры, куда не примут бакалавра, а в будущем, может, и «прикладного магистра», трудно сопоставить с пентаспиралью модели непрерывного образования в развитых зарубежных системах высшего образования.

¹ Каташинских В. С. Институционализация магистратуры в России. — Екатеринбург : Издательство УМЦ УПИ, 2015. — С. 38.

² Рубина Л. Я. Российская магистратура: реальность, перспективы, риски // Социокультурное развитие большого Урала: тренды, проблемы, перспективы : материалы юбилейной Всероссийской научно-практической конференции XX: Уральские социологические чтения (Екатеринбург, 27–28 февраля 2015 г.) / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. — Екатеринбург : УрФУ, 2015. — С. 425.

- Если профессиональное педагогическое и научное сообщество, несмотря на годы участия в Болонском, а теперь еще и в Туринском процессах, не до конца разобралось со ступенями, степенями, уровнями высшего образования, тем более с точки зрения их корреляции со структурой зарубежной высшей школы, то как в этом разберется российский бизнес, рынок труда, разные группы спроса на образование в населении страны и регионов?
- В связи с явным уходом от массовизации высшего образования, с прогнозируемым снижением интереса к обучению в двухлетней магистратуре, кроме тех, кто считает этот этап подготовительным к аспирантуре, встает вопрос об усилении мотивации студентов на индивидуализацию подготовки по специальным траекториям обучения в соответствии с их интересами, способностями, общекультурной базой, планами жизнеустройства. Этот вопрос только кажется тривиальным, общеизвестным, если не принимать во внимание недостаточную обеспеченность такой подготовки научно-педагогическими кадрами высшей квалификации.

Потому понимание задач, которые ставит целевая группа перед магистратурой, изучение ее потребностей, безусловно, будет только способствовать дальнейшему совершенствованию работы магистратуры в России.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что магистранты должны относиться к своему выбору осознанно, потому что по сути своей магистратура предполагает, что обучение проходят наиболее подготовленные, активные, продвинутые выпускники. Этот тезис подтверждается полученными данными, в частности, 70 % магистрантов вполне удовлетворены избранным вузом, профессией. Три из четырех опрошенных, 76 %, четко представляют себе содержание, характер и специфику будущей процессии. Данное распределение свидетельствует о том, что, выбирая обучение в магистратуре, студенты хорошо понимают, чего хотят от жизни, от профессиональной деятельности.

Желание обучаться в магистратуре должно быть, в том числе, вызвано пониманием того, что высшее образование в России качественное, что оно позволит быть успешным в профессиональной сфере. Действительно, 85 % респондентов считают, что качественное образование в России доступно если не везде, то по крайней мере в отдельных учреждениях. Что касается качества получаемого опрошенными магистрантами образования, то четыре из пяти (82 %) полностью либо частично удовлетворены качеством получаемого образования.

Как относятся студенты-магистранты к различным аспектам качества получаемого ими образования? (Табл. 237.)

Таблица 237

**Удовлетворенность студентов различными аспектами учебного процесса,
% от ответивших (приведены ответы удовлетворенных)**

Аспекты учебного процесса	%
Качество преподавания	84
Применение традиционных форм обучения (лекции, аудиторные практические занятия и семинары)	82
Отношение учебно-вспомогательного персонала к студентам	81
Отношение преподавателей к студентам	79
Отношение администрации вуза к студентам	78
Обеспеченность учебниками, учебно-методической литературой	74
Организация учебных и производственных практик	68
Организация учебного процесса (расписание занятий, сессий и т. д.)	68
Применение дистантных технологий образования (университет «Открытое образование», «Гиперметод», вебинары и др.)	61
Привлечение студентов к научно-исследовательской работе кафедр	61
Организация питания, его качество и стоимость	60
Связь получаемых знаний с жизнью	60
Применение инновационных форм обучения (мастер-классы, тренинги, решение кейсов, практическое обучение на предприятиях и в организациях и др.)	59
Предлагаемые для разработки темы выпускных квалификационных работ (дипломов, диссертаций)	59
Индивидуальная работа преподавателей со студентами	59
Санитарно-гигиенические условия в вузе	54
Широкое использование современных информационных технологий	53
Режим учебного труда и отдыха, равномерность распределения учебной нагрузки	50
Возможность пользоваться в вузе Интернетом, информационными средствами обучения	48
Связь получаемых знаний с реальной работой по профессии	47
Техническая база, оснащенность лабораторий и аудиторий	42
Степень комфортности, удобства учебной мебели, аудиторий, лабораторий	40
Привлечение к проведению занятий специалистов предприятий, бизнес-структур, органов власти	37

Наиболее респонденты удовлетворены качеством преподавания, применением традиционных форм обучения, отношением преподавателей и административного персонала вуза к студентам. Другими словами, эти аспек-

ты качества образования, с точки зрения студентов-магистрантов, являются наиболее сильными сторонами учебного процесса сегодня.

Трое из каждых пяти студентов-магистрантов оказались удовлетворены связью получаемых знаний с реальной жизнью и менее половины — связью получаемых знаний с реальной работой по профессии (47 %). К сожалению, этот факт говорит о наличии серьезных противоречий в современном институте магистратуры между заявленной целью магистерского образования и реальным его содержанием, когда студенты не получают необходимых им знаний и навыков для реальной практики в профессии.

В то же время менее всего студенты-магистранты удовлетворены привлечением к проведению занятий специалистов предприятий, бизнес-структур, органов власти, а точнее его отсутствием. Понятно, что обучение в магистратуре, которое предполагает углубление всех имеющихся знаний, умений и навыков, обретение специальных компетенций должно осуществляются в тандеме с работодателями, бизнес-практиками, которые могут способствовать обретению студентами конкретных реальных практик. В то же время исследование зафиксировало, что три из пяти магистрантов удовлетворены качеством своей профессиональной подготовки.

Но — и в этом проблема — только один из четверых студентов-магистрантов планирует работать по специальности (табл. 238).

Таблица 238

Планы студентов по окончании магистратуры, % от ответивших

Планы по окончании вуза	%
Работать по специальности	26
Продолжить образование (аспирантура)	18
Основать свое дело, бизнес, заняться предпринимательством	16
Пройти стажировку (дополнительное обучение) на рабочем месте	11
Еще нет никаких планов на будущее	11
Поехать за границу работать или учиться	7
Будущее в плане работы туманно и неопределенно	7
Работать не по специальности	2
Продолжить образование (второе высшее)	2

Собственно качество профессиональной подготовки оказывается не так уж и важно для их дальнейшей деятельности. Каждый десятый рассчитывает на переподготовку непосредственно на рабочем месте, которая, вероятно, должна быть нацелена на решение задач конкретного предприятия. Продолжить научную деятельность в аспирантуре планирует практически каждый пятый студент-магистрант. Это достаточно высокий показатель, который

свидетельствует о высоком научном потенциале современной магистратуры и о высокой степени интереса к научной деятельности среди студентов-магистрантов. И только половина опрошенных студентов-магистрантов верит, что в осуществлении этих планов им поможет полученное образование, что вполне коррелирует с долей тех, кто планирует работать по профессии либо продолжить обучение в аспирантуре.

Наиболее значимы в будущей работе для современного студента-магистранта: возможность карьеры, достижения высокого уровня профессионализма (64 % опрошенных), возможность получать большие заработки, высокие доходы (55 %) и творческий, интересный характер работы, разнообразие труда (43 %). Эти элементы в совокупности дают целостную картину профессиональных ценностей современного молодого человека: карьерный рост, доходы, интересное содержание работы.

Только 30 % студентов-магистрантов имеют постоянную работу, 31 % работает, но нерегулярно и 39 % не работает. Действительно, среди магистрантов основную часть составляют бывшие выпускники бакалавриата, лишь небольшое количество студентов пришли в магистратуру через определенное время после окончания вуза. Другими словами, у большинства студентов магистратура сейчас рассматривается как логическое продолжение учебы в бакалавриате. В то же время только треть (34 %) трудоустроенных студентов-магистрантов работают по специальности, работа остальной части респондентов частично либо совсем никак не связана с получаемой профессией.

Говоря о своей профессии, практически четверо из пяти опрошенных магистрантов ответили, что это интересная профессия, она соответствует способностям, умениям, она дает возможность достичь признания, уважения, приносит реальную пользу людям, благодаря ей можно реализовать свои жизненные планы, это престижная профессия, она позволяет обеспечить достойное существование, она востребована на рынке труда даже в условиях кризисов. То есть мы можем с уверенностью говорить об удовлетворенности магистрантами выбором своего направления подготовки. В подтверждение этого также стоит отметить, что 83 % студентов считают, что по их профессии работу найти либо легко, либо «не очень легко, но можно».

Каковы представления магистрантов о путях достижения успеха в современном мире? (Табл. 239.)

Таблица 239

Основа успеха в современном мире, средний балл

Основа успеха	Балл
Деловая хватка, прагматизм, предприимчивость	4,39
Связи, знакомства	4,34
Собственный интеллект, способности	4,27

Окончание табл. 239

Основа успеха	Балл
Профессионализм, деловые качества, компетентность	4,24
Образование	4,02
Богатство	3,92
Влиятельные родственники, родители	3,76
Власть	3,68
Наличие начального капитала, материальной базы для бизнеса, ответственности	3,65
Обаятельность, хорошая внешность, личная привлекательность	3,55
Везение, удача, счастливый случай	3,48

Итак, по оценкам респондентов, успех зависит от деловой хватки и связей в большей степени, нежели от собственных способностей и профессионализма. Подобный прагматичный подход, взгляд на современную действительность свидетельствует о некоей разочарованности в возможностях человека, об отсутствии понимания, что человек «сам кузнец своего счастья». Но при всем при том современный студент-магистрант высоко ценит свои собственные качества: обоснованность своих выводов, умение собирать информацию, обосновывать позицию, формулировать вопросы и т. п. Здесь явно прослеживается противоречие между самооценкой и реальной ситуацией, когда либо имеющиеся навыки не соответствуют требованиям рынка труда, либо студент не вполне адекватно себя оценивает. Это объясняется оторванностью современного высшего образования от реальной практики, когда в вузе учат одному, а работодатель требует другого.

Также вмешивается фактор коммерциализации образования, когда, чтобы сохранить контрактного студента, преподавателю приходится завышать ему оценки, принимать пересдачи. Это неизбежно ведет к не совсем адекватному восприятию студентами своих возможностей. Но портрет современного студента-магистранта был бы неполным без понимания его жизненных ценностей. Жизненные ценности магистрантов распределились так (табл. 240).

Среди наиболее значимых жизненных ценностей современные студенты-магистранты отметили семью, здоровье, образование и профессионализм. Оказалось, что никому из опрошенных не важна власть и красота, физическое совершенство. Практически никто (только 2 % опрошенных) не отметил в качестве значимой жизненной ценности «свое дело, бизнес», хотя, как было отмечено выше, 16 % опрошенных по окончании магистратуры собираются открыть свое дело. Это противоречие, вероятно, обусловлено тем, что

для современных студентов-магистрантов на первое место выходят личные ценности, нежели те, что связаны с работой.

Таблица 240

Жизненные ценности студентов-магистрантов, % от ответивших

Жизненные ценности	%
Семья, дети	48
Здоровье	42
Образование, профессионализм	36
Семья, родители	34
Интересная, творческая работа	30
Общение с друзьями	22
Возможность реализовать свои способности	20
Признание окружающих, престиж	16
Получить от жизни как можно больше удовольствий	10
Деньги, богатство	8
Общение с природой	8
Удовлетворенность в интимной жизни	8
Иметь свое дело, заниматься бизнесом, коммерцией	2
Личная безопасность	2
Самостоятельность, независимость, свобода	2

Примечание. Поливариантный вопрос, сумма больше 100 %

Помимо жизненных ценностей, значимыми являются отношения внутри различных групп и общностей, в которые входит индивид. С этой точки зрения очень важным является взгляд студентов-магистрантов на своих сверстников. Характеризуя своих сверстников, студенты-магистранты дали следующие ответы (табл. 241).

Самой распространенной характеристикой современных молодых людей, с точки зрения студентов-магистрантов, являются юмор и жизнерадостность. Примечательно, что практически наравне с отзывчивостью и желанием помочь респонденты отметили бездуховность, отсутствие идеалов и стойких убеждений, что свидетельствует о серьезных противоречиях в молодежной среде, о наличии неравенства и дисфункций. Хотя в целом «положительные» характеристики имеют значительный перевес по сравнению с «отрицательными». Ведь все же речь идет о молодежи, которая сама по себе является наиболее активной, позитивной, открытой социальной группой.

Таким образом, характеризуя современного студента-магистранта, мы можем заключить, что он, выбирая обучение в магистратуре, хорошо понимает, чего хочет от жизни, от профессиональной деятельности. Хотя далеко не у всех профессиональная жизнь связана с получаемой специальностью, ведь только четверть студентов-магистрантов планирует работать по специальности.

Таблица 241

Характеристика большинства сверстников, % от ответивших

Варианты ответов	%
Юмор, жизнерадостность	43
Отзывчивость, желание понять, помочь	35
Интерес к жизни, готовность воспринять новое	34
Бездуховность, отсутствие идеалов и стойких убеждений	32
Терпение, выносливость, умение переносить трудности	32
Энергичность, предприимчивость, деловые способности	24
Растерянность, страх, непонимание того нового, что происходит в жизни	23
Грубость, хамство, агрессивность	14
Закрытость, отрицание всего нового	14
Порядочность, честность, добросовестность	8
Равнодушие, безволие, отсутствие интереса к жизни	6
Зависть, недоброжелательность	3

Примечание. Поливариантный вопрос, сумма больше 100 %.

Каждый пятый собирается продолжить свое обучение в аспирантуре, что свидетельствует о высоком научном потенциале современной магистратуры и о высокой степени интереса к научной деятельности среди студентов-магистрантов.

В то же время студент-магистрант считает, что качественное образование в России доступно если не везде, то по крайней мере в отдельных учреждениях. Он полностью либо частично удовлетворен качеством получаемого образования. Более всего студенческое сообщество удовлетворено качеством преподавания, чуть меньше — применением традиционных форм обучения, отношением преподавателей и административного персонала вуза к студентам, менее всего — привлечением к проведению занятий специалистов предприятий, бизнес-структур, органов власти, а точнее его отсутствием. Около половины отметили, что не видят связи между получаемыми знаниями и реальностью.

Среди жизненных ценностей на первые позиции выходят карьерный рост, доходы, интересное содержание работы.

Поэтому современный студент-магистрант представляется нам молодым человеком, стремящимся к карьерному росту, высоко ценящим качество получаемого образования, с высоким уровнем самооценки. Также он обладает традиционными жизненными ценностями. Но вместе с тем современный студент-магистрант не планирует работать по профессии либо рассчитывает на переподготовку по месту будущей работы, что свидетельствует о наличии серьезных противоречий в функционировании института магистратуры в современной России.

V. РОССИЙСКИЙ СОЦИУМ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СТУДЕНТОВ

1. Студенты о справедливости и неравенстве общественного устройства

Социальные трансформации российского социума определили и глубокие качественные изменения мировоззрения россиян, особенно молодежи. «Главным смыслом, определяющим весь жизненный мир россиян, всю совокупность основных видов их деятельности, — обобщает эти перемены Ж. Т. Тощенко, — является их неизбывное стремление к социальной справедливости, социальной защищенности и желание понять, какое общество строится в России»¹. При этом «ощущение населением избыточности существующих в российском обществе неравенств, нелегитимности их оснований и невозможности самостоятельного их преодоления имеет важные негативные последствия»². Важный аспект представлений о справедливом обществе выявило исследование ИС РАН (март 2012 г.) «О чем мечтают жители России»: «мечты о чем-то „для себя“ дополняются для россиян и мечтами „для общества“, и именно идея справедливости играет тут ключевую роль»³.

Проблема социальной справедливости и социального неравенства в российском обществе явилась базовой для V Всероссийского социологического конгресса (Екатеринбург, Уральский федеральный университет, 19–21 октября 2016 г.). В преддверии конгресса Российским обществом социологов было проведено федеральное социологическое исследование отношения к данной проблеме российского студенчества. Исследование среди студентов Свердловской области проводилось в рамках

¹ Тощенко Ж. Т. Жизненный мир и его смыслы // Социологические исследования. — 2016. — № 1. — С. 9–10.

² Тихонова Н. Е., Мареева С. В. Бедность и социальные неравенства в России в общественном сознании // Мир России. — 2016. — № 2. — С. 38–39.

³ Мареева С. В. Справедливое общество в представлениях россиян // Общественные науки и современность. — 2013. — № 5. — С. 17.

общефедерального по единой методологии и методике¹, но отличалось масштабами².

Первый вывод по результатам исследования: сколько-нибудь значительных различий в представлениях студентов о справедливости и неравенстве в российском обществе не зафиксировано ни по территориально-региональному, ни по социально-демографическим признакам. Идентификация со студенческой общностью является определяющей.

Общим в представлениях россиян о социальной справедливости, как отмечают исследователи, «является то, как человек воспринимает и оценивает отношение к нему со стороны государства и общества, какое мироощущение формируется у него при взаимодействии с теми, с кем он работает, учится или периодически контактирует, а также с теми, с кем он общается в повседневной жизни»³.

Респондентам было предложено оценить степень справедливости современного российского общества по шкале от 0 (самое несправедливое) до 10 баллов (абсолютно справедливое) (рис. 243).

Результаты свидетельствуют о смещении оценок в сторону негативных: хотя среднее значение по Екатеринбургу ($3,78 \pm 0,13$) чуть выше, чем в целом по России ($3,61 \pm 0,06$), оно не поднимается даже до 4. Однако за общим важно выделить и параметры, по которым фиксируются максимальные различия. Две трети студентов (65,8 %) Екатеринбурга в своих оценках ограничились диапазоном от трех до пяти (оценка каждого четвертого — три балла, каждого пятого — четыре балла, каждого шестого — пять баллов). В целом по массиву такие оценки дали лишь трое из пяти (60,6 %). Лишь 6 % респондентов дали высокие оценки (от семи до 10) нашему обществу, в то время как давших особенно низкие оценки (от нуля до двух) оказалось 20,5 %, т. е. каждый пятый.

¹ См.: Студенчество России о социальном неравенстве и социальной справедливости : сб. науч. статей / под общ. ред. проф. Ю. Р. Вишневого. — Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2016. — 253 с.; Черныш М. Ф. Социальные институты, мобильность и социальная справедливость: опыт одного исследования // Мир России: социология, этнология. — 2015. — Т. 24, № 4. — С. 7–28.

² Основные параметры федерального опроса: $N = 3964$, 71 вуз России. География — от Белгорода до Владивостока и от Волгограда до Сургута. $N_{\text{Свердловская область}} = 639$, что составило почти 0,5 % от численности студентов свердловских вузов. Тип выборки — квотная, основание для выделения квоты — род занятий (обучение в вузе) и возраст (от 18 до 25 лет). Выборка в Екатеринбурге сфокусирована по курсам, акцент сделан на студентов I и II курса бакалавриата (2/3 массива), по полу (соотношение мужчин и женщин в выборке 1: 2, что близко к гендерному составу свердловского студенчества — 40 и 60 % соответственно). По направлениям подготовки выборка такова: гуманитарные — 36 %, технические — 29 %, социально-экономические направления — 25 %, естественно-научные и иные — 10 %. Данная выборка, как всякая квотная, допускает возможность определенных несоответствий генеральной совокупности, однако в большинстве случаев (что неоднократно подтверждалось в ходе социологических исследований) относительно адекватно воспроизводит характеристики генеральной совокупности.

³ Тощенко Ж. Т. Жизненный мир и его смыслы // Социологические исследования. — 2016. — № 1. — С. 10.

Второй и весьма существенный вывод: в оценках студентов Екатеринбурга (да и студенчества России в целом) наше современное общество — скорее несправедливое, чем справедливое. В сознании студенчества отражается динамика социального расслоения, которое накладывает видимый отпечаток и на студенческую среду.

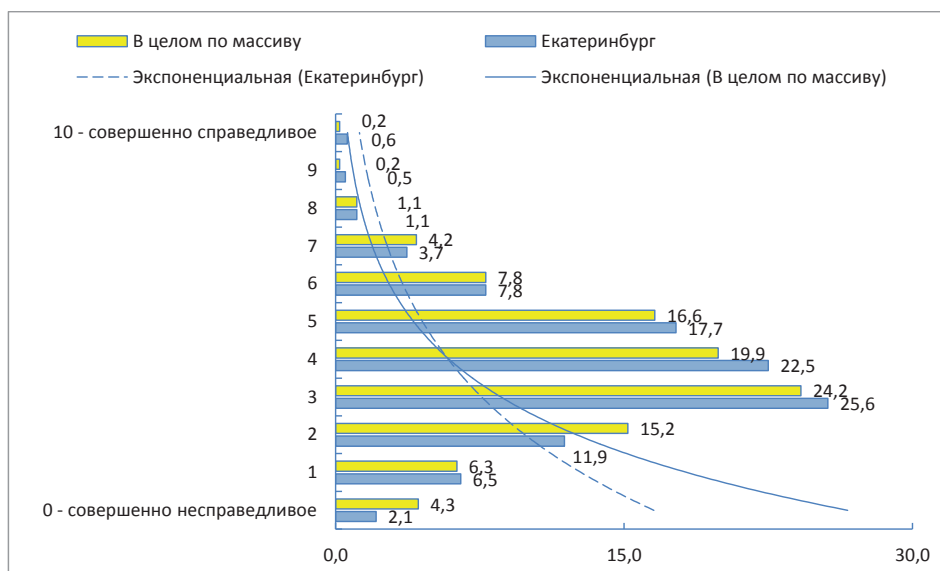

Рис. 243. Оценка справедливости современного российского общества, % ответивших

Интерпретируя эти оценки, учтем, что Свердловская область с точки зрения материальных доходов населения относительно более благополучна — в сравнении со средним уровнем по России доля групп населения с низкими доходами здесь ниже, доля групп населения с высокими и наивысшими доходами — выше (табл. 242).

Таблица 242

Распределение численности населения, относящегося к соответствующей 20-процентной группе населения, по Свердловской области (в % по группам, 100 % — данные по РФ в целом)

Все население	В том числе население, относящееся к соответствующей 20%-ной группе					Из нее к 5 %-ной группе с наивысшими доходами
	I	II	III	IV	V	
3,0	2,2	2,6	3,0	3,4	3,9	3,9

Примечание. См.: Росстат [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/bednost/tab1/tab-bed1-2-5.htm (дата обращения: 17.09.2016).

Да и студенчество — сравнительно обеспеченная группа молодежи. Характерно, что в оценках свердловскими студентами материального положения родительской семьи к крайне бедным отнесли их 3,4 %, к небогатым — 15,2 %, основная же масса — к обеспеченным и состоятельным (75 %), к богатым — 6,4 %. Сказывается не только психологический момент — сегодня среди молодых быть бедным «не модно», но и высокая цена обучения в вузе, и речь идет не только о студентах-«контрактниках», но и бюджетниках, особенно иногородних. Конечно, «панорама смысловых концептуализаций справедливости» достаточно широка, и неправомерно сводить «справедливость как таковую» только к равенству¹. И все-таки именно такая связь для студенчества является особенно значимой.

С одной стороны, как у молодежи в целом, так и у студенчества существуют и фиксируются в исследованиях завышенные требования к социальному окружению, к любым проявлениям несправедливости и неравенства. С другой стороны, студенчество все-таки воспринимает социальные проблемы преимущественно сквозь призму родительской семьи, а она находится у студентов в лучшем положении, чем у молодежи в целом. Тем не менее стоит отметить и влияние общей социальной ситуации в регионе. Начавшаяся реиндустриализация даже в условиях кризиса способствует возрождению старопромышленного региона, тем более в крупных и средних городах, где проживало до поступления в вуз большинство студентов Екатеринбурга.

Отталкиваясь от общей негативной оценки, важно понять те требования к справедливому обществу, которые предъявляет новое поколение. Ориентиром могут служить свойства справедливого общества, которые респондентам было предложено оценить, согласившись или не согласившись с набором характеристик. Одна из задач исследования состояла при этом в выявлении, кого (себя, социальные общности или государство) считают респонденты основным актёром «обеспечения и гарантии справедливости»².

Первую группу свойств (табл. 243) составили характеристики социально-экономических отношений в справедливом обществе (труд, собственность, доходы, распределение).

Вторую группу (табл. 244) — социально-правовые и социально-политические характеристики (отношения с властью, права и свободы личности, большинство и меньшинство, социальные гарантии).

¹ Карчагин Е. В. Справедливость как социокультурный феномен // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. — 2015. — № 4 (30). — С. 33.

² Мареева С. В. Справедливое общество в представлениях россиян // Общественные науки и современность. — 2013. — № 5. — С. 17.

Таблица 243

Индикаторы социально-экономической модели, % ответивших

Характеристики	Согласен (полностью или в основном)	В чем-то да, в чем-то нет	Не согласен (полностью или в основном)
Люди имеют разные доходы, но равные возможности продвижения	74	18	8
Специалисты, имеющие высокую квалификацию, зарабатывают больше, чем работники с невысокой квалификацией	73	18	9
Все люди получают по труду	66	21	13
Каждый человек может заняться предпринимательством, создать свое предприятие	63	27	10
Предприимчивые, энергичные люди живут лучше, чем люди пассивные	62	23	15
Чтобы наше общество стало справедливым, необходимо, чтобы богатые платили налогов больше, чем бедные	54	29	17
Руководители имеют существенно больший доход, чем рядовые работники	50	35	15
Власть должна установить верхний предел доходов для богатых	36	34	30
Необходимо обеспечить разумные потребности людей, даже если для этого придется лишить богатых части их доходов	32	46	22
Деньги от использования природных ресурсов идут полностью в казну государства	31	44	25
Чтобы наше общество стало справедливым, необходимо вернуть все предприятия государству	17	42	41
То, что люди получают от природы какие-то способности, таланты — чистая случайность. Поэтому несправедливо платить им больше, чем обычным людям	16	31	53
Все доходы распределяются поровну между всеми гражданами	15	29	56

В оценках студентов можно выделить ряд аспектов. Прежде всего, они соотносятся с пониманием, что справедливое общество должно основываться на труде.

Таблица 244

Социально-политические индикаторы справедливого общества, % ответивших

Характеристики	Согласен (полностью или в основном)	В чем-то да, в чем-то нет	Не согласен полностью или в основном)
Здравоохранение бесплатное	67	23	10
Государство помогает детям из бедных семей встать на ноги, получить бесплатно образование	65	22	13
Все острые конфликты и противоречия решаются в суде	55	34	11
Люди всегда соблюдают законы, даже если считают их неправильными	54	37	9
Все — и местные, и приезжие из других регионов — имеют равные права	47	35	18
Если большинство граждан материально благополучны, но у них нет возможности влиять на власть, общество не может считаться справедливым	30	47	23
Если в обществе выборы проходят честно, оно может считаться справедливым, даже если большинство его граждан живет бедно	28	43	29
На первом плане права и свободы каждого отдельного человека, даже если при этом страдает большинство	20	43	37
Все решения принимаются в интересах большинства, даже если при этом страдают права меньшинств	18	45	37

Такое понимание соответствует общим настроениям, бытующим в российском социуме, в частности представлениям о счастье: «Важнейшей предпосылкой счастья является работа. Выступая главным, зачастую и единственным средством получения дохода, работа определяет материальное положение человека и всей семьи, помогая создать экономическую основу счастливой жизни. В то же время она позволяет человеку найти достой-

ное место в жизни и реализовать себя, свои таланты и способности, помогая сформировать круг друзей и удовлетворить потребность в общении»¹.

Выявилось неприятие значительной частью современного уральского студенчества модных идей об «исчезновении труда», ориентаций на установки «общества потребления», когда собственно потребление отрывается от производства. В самом же отношении к труду четко заметен ориентир на качество, профессионализм, высококвалифицированный, высокотехнологичный труд. Это проявляется двояко. С одной стороны, наиболее отвергаемый студентами подход — «уравниловка»: три из каждых пяти не согласны с принципом распределения всех доходов поровну. С другой стороны, основной ориентир респондентов, поддержанный тремя из каждых четырех — на равенство возможностей продвижения, несмотря на разницу в доходах. Им недостаточно «распределения по труду», им представляется более справедливым, когда доходы специалистов с высокой квалификацией выше, чем у работников с низкой квалификацией, а доходы руководителей-управленцев — выше, чем у рядовых работников.

Особое место в этом ряду занимает ориентация на предприимчивость и предпринимательство (3/5 респондентов согласны с такими характеристиками справедливого общества: равные возможности заниматься предпринимательством, создавать свое предприятие; право предприимчивых, энергичных людей иметь более высокие доходы в сравнении с людьми пассивными). В этих ответах, на наш взгляд, проявляется выявленная социологами ИС РАН в ходе всероссийских исследований (2014–2015 гг.) важная тенденция изменения социальной структуры российского общества: «сегодня „самодостаточные“ россияне — это не социальная периферия, не маргинальная прослойка, а существенная по объемам и растущая группа, выражающая собой тренд на формирование независимой и активистской доминанты в обществе». Для нас особенно важен вывод исследователей, отметивших среди тех, кто чаще всего считает себя самодостаточным с точки зрения профессиональной принадлежности, студентов².

Важный аспект справедливого общества — его государственное устройство, способность власти управлять, развитие демократии, законности. В ряду характеристик справедливого общества студентам было предложено оценить соблюдение законности, в том числе и в конфликтных ситуациях, равноправие всех жителей страны, включая мигрантов, возможность граждан влиять на властные структуры, честность, открытость выборов, расстановку приоритетов мнений в пользу большинства, сохранение прав и свобод каждого отдельного человека.

¹ Козырева П. М., Низамова А. Э., Смирнов А. И. Счастье и его детерминанты (Статья 2) // Социологические исследования. — 2016. — № 1. — С. 66.

² Горшков М. К., Седова Н. Н. «Самодостаточные» россияне и их жизненные приоритеты // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 6–7.

Сознание молодых людей, чья социализация происходила и продолжается в переходный период коренной ломки социально-экономических устоев российского общества, не может не отличаться противоречивостью («парадоксальностью», по определению Ж. Т. Тощенко). Эта парадоксальность проявляется в сочетании ориентаций на активный предпринимательский подход с сохранением патерналистских надежд, более свойственных поколению их родителей и прародителей. Правда, заметен очень существенный момент: «для себя» предпочитается «опора на свои силы и креативность», «для социума» вся надежда возлагается на государство. Но механизм реализации желательного «перераспределения» государством остается вне поля зрения студенчества.

Среди таких настроений на первое место выходит требование бесплатного здравоохранения в качестве основной характеристики справедливого общества (об этом заявили два из каждых трех респондентов). Обостренное понимание необходимости бесплатности здравоохранения в известной мере обусловлено регулярными обращениями и по Интернету, и через другие СМИ с просьбой о значительной финансовой помощи больным детям, подросткам, о поддержке гражданами тех или иных благотворительных программ, в том числе и патронируемых федеральными и региональными властями. Это вызывает у многих студентов не только чувство сострадания, стремления по возможности помочь (а при невозможности и чувство сожаления), но и постоянные вопросы: почему государство оказывается не в состоянии оплатить необходимое лечение? Вместе с тем формируется и понимание затратности качественной медицинской помощи и одновременно — уязвимости отдельного гражданина в случае беды. Все это приходит в резкое противоречие с весьма частыми сообщениями и публикациями о безрассудных расходах на свадьбы и им подобные «мероприятия» богатейших людей страны. Отсюда становится понятной позитивная оценка (каждый второй респондент) прогрессивной системы налогообложения, когда богатые должны отдавать в качестве налогов больше, чем бедные.

Сходная позиция у респондентов по вопросу о бесплатности образования. Здесь фиксируется и определенная специфика. Студенты, в той или иной мере сами вовлеченные в процессы коммерциализации образования, не считают сегодня возможным (и даже справедливым) отказ от самой коммерциализации. Их основное требование — государство должно смягчать значительное неравенство в доступности образования, как минимум предоставляя государственную поддержку и бесплатное образование детям из бедных семей. В определенной мере это отражает выявленное социологами противоречие: «что касается доступности вузов для выходцев из разных социальных групп, здесь... не наблюдается тенденция к выравниванию»; «шансы всех групп росли с годами, но оставались различными для разных социальных групп»¹.

¹ Константиновский Д. Л., Попова Е. С. Молодежь, рынок труда и экспансия высшего образования // Социологические исследования. — 2015. — № 11. — С. 44.

Важный положительный момент исследования — позитивное отношение значительной части свердловских студентов к приезжим из других регионов. Равные возможности для «местных» и представителей других регионов — неперенная черта справедливого общества, по мнению почти половины респондентов. В конкретных условиях Екатеринбурга это в известной мере отражает значительный опыт взаимодействия разных национальных культур и конфессий.

Показательны результаты решения одного из кейсов, включенного в исследование — «кого спасти врачу после аварии?». В условиях присутствовали чиновник, бизнесмен, рабочий. Дополнительно вводилась национальность пострадавшего — русский, еврей, дагестанец. Лишь один из четырех респондентов посчитал, что национальная принадлежность может повлиять на решение врачей о помощи пострадавшим. Примечательно полное единодушие по данному вопросу уральских студентов (жителей относительно этнически однородного региона) со студентами из других регионов страны.

Вопросы демократии для студентов в оценке справедливого общества оказываются связанными с материальным благополучием. Практически совпало число согласных (30 % по массиву и Екатеринбургу) и несогласных (24 % по массиву и 23 % по Екатеринбургу) по такому утверждению: общество не может считаться справедливым, если большинство граждан материально благополучны, но у них нет возможности влиять на власть.

Близкое соотношение, но с перевесом несогласных (30 % по массиву и 29 % в Екатеринбурге) над согласными (27 % по массиву и 28 % по Екатеринбургу) выявилось в отношении связи бедности большинства граждан и честности выборов.

В условиях нарастающей индивидуализации российского общества понятны приоритеты студенческой молодежи в отношении прав меньшинств, защиты прав и свобод каждого отдельного человека. Почти два из каждых пяти респондентов считают несправедливым принятие решений в интересах большинства, если при этом страдают права меньшинств. Но столько же, и в этом отражается парадоксальность сознания молодых людей, не считают справедливым выдвигать на первый план права и свободы отдельного человека, если при этом страдает большинство. Вновь можно говорить скорее не столько об индивидуализме молодого поколения россиян, сколько о более взвешенном отношении к проблеме большинства и меньшинства.

Сложным является правосознание студентов Екатеринбурга. Каждый второй респондент сегодня приходит к пониманию необходимости и правильности (справедливости) решения острых конфликтов исключительно в правовом поле, через правосудие (лишь один из девяти не согласен с этим, каждый третий предпочитает решать ситуативно). Одновременно растет понимание необходимости «законопослушного» поведения: о необходимости соблюдать законы, даже если их считают несправедливыми, заявил каждый второй

респондент. О динамике этих изменений свидетельствуют данные мониторинга свердловских студентов (2009—2016 гг.). Если в 2009 г. 52 % считали, что «нарушение законов недопустимо, закон — всегда закон», то в условиях оживления протестного движения на фоне выборных кампаний 2011—2012 гг. было зафиксировано снижение числа придерживающихся данного мнения до 32 %. В 2016 г., в условиях усиления политической стабильности, их число вновь выросло — до 36 %.

По итогам опроса не представляется возможным зафиксировать «смещение протестного потенциала в регионы»¹. Сегодня скорее можно говорить о двух равнозначных тенденциях в политическом сознании свердловских студентов. С одной стороны, для половины (52 %) респондентов в оценках справедливости занимаемых теми или иными партиями позиций типично безразличие ко всем партиям. С другой стороны, те, кто дал содержательные оценки, чаще всего поддерживали позицию «Единой России» (62 % от числа оценивавших позиции конкретных партий). С огромным отрывом на второе место попала ЛДПР (11 %), на третье — и это особенность, обусловленная позицией «делового Урала» — «Гражданская платформа» (6 %) и лишь на четвертое — КПРФ (5 %). Все остальные партии «системной» и «несистемной» оппозиции не получили сколько-нибудь значимой поддержки (в том числе и «Справедливая Россия» с 4,9 %). Таким образом, сегодня речь идет о консолидации значительной части свердловского студенчества вокруг «партии власти». Таким способом проявляется политическая ответственность молодежи. И это в немалой степени связано с теми серьезными требованиями, которые студенчество предъявляет государству, его социальной политике.

Сказывается и реализация важнейшей функции культуры: «В недрах культуры формируется спектр отношений, преимущественно интегрирующих общество: консенсус — согласие — солидарность»². И все-таки стоит обратить внимание на то, что несоответствие студенческих установок на социальные запросы справедливого общества и практической, не всегда удачной и понятной, реализации социальной политики остается фактором формирования протестного потенциала. Тем более что, как справедливо отметил В. К. Левашов, «разрыв денежных доходов между децильными группами „богатых“ и „бедных“ растет и становится критически опасным в условиях обострения системного кризиса»³. Не менее значимо и мнение студентов: общество не может быть справедливым (даже при материальном благополучии большинства граждан), если они не оказывают влияния на власть

¹ «Настроения граждан мониторят и без помощи структур при РУДН» [Электронный ресурс] // Полит.ру. 24 октября 2016, 16:51. — Режим доступа: http://www.polit.ru/article/2016/10/24/monitoring/?_utl_t=vk (дата обращения: 26.10.2016).

² Лапин Н. И. Гуманистический выбор населения России и центры внимания российской социологии // Социологические исследования. — 2016. — № 5. — С. 31.

³ Левашов В. К. Реформы и кризисы: тридцать лет спустя // Социологические исследования. — 2015. — № 10. — С. 36.

(лишь один из четырех респондентов высказал несогласие с этим, правда, и согласие выразила лишь треть, мнение большинства — нечеткое). С точки зрения влияния на власть интересна постановка проблемы «политической бедности»¹, которая должна заинтересовать не только политологов, но и социологов.

Корреляционный анализ позволил выделить две корреляционные модели.

Ядро первой (социально-экономической) модели (рис. 244) составило основное положение принципа «справедливого неравенства» — сочетание «равных возможностей» с «различными доходами», получившее наибольшую поддержку респондентов (трех из каждых четырех). Наиболее тесно с ним связаны — прямой связью — три индикатора: справедливость более высоких доходов в зависимости от квалификации (коэффициент гамма/Gm/0,43); реализация в справедливом обществе принципа «по труду» (Gm 0,35); возможность каждому заняться предпринимательством (Gm 0,28); обратной связью — распределение доходов «поровну» (Gm –0,28). Представление студенчества о справедливости меняется качественно: в современном обществе равный доступ к труду вообще оказывается недостаточным, более значимым становится равенство шансов в доступе к среднему профессиональному и высшему образованию, к освоению профессий, связанных с новейшими технологиями, к высоко квалифицированному труду. Именно поэтому как справедливые респондентами оцениваются те различия, которые связаны с различиями в характере (управленческий — исполнительский труд) и уровне квалификации работника.

На «уравнилельный» принцип замыкаются разнообразные «перераспределительные» требования: деприватизация; увеличение налога на богатых; введение «потолка» на доходы богатых; удовлетворение «разумных потребностей» всех за счет богатых; возвращение природной ренты государству. Но если «уравниловка» студентами в основном отвергается (лишь 15 % с ней полностью или частично согласны), то в отношении «перераспределения» мнения различаются: от поддержки (каждый второй полностью или частично согласен с введением прогрессивной шкалы налогов, каждый третий — с ограничением верхнего предела доходов богатых и поступлением в казну государства доходов от природных ресурсов) до негативного отношения (лишь один из шести респондентов поддерживает деприватизацию).

За этими ответами достаточно четкая (по крайней мере, разделяемая значительной частью студенческой молодежи) позиция: изменения налоговой системы и распределительных отношений в сторону большей социальной справедливости и устранения «несправедливого неравенства» возможны и необходимы, новый передел собственности недопустим.

¹ Руденкин В. Н. Проблема справедливости в современном российском обществе // Вопросы управления. — 2014. — № 1 (7). — С. 117–126.

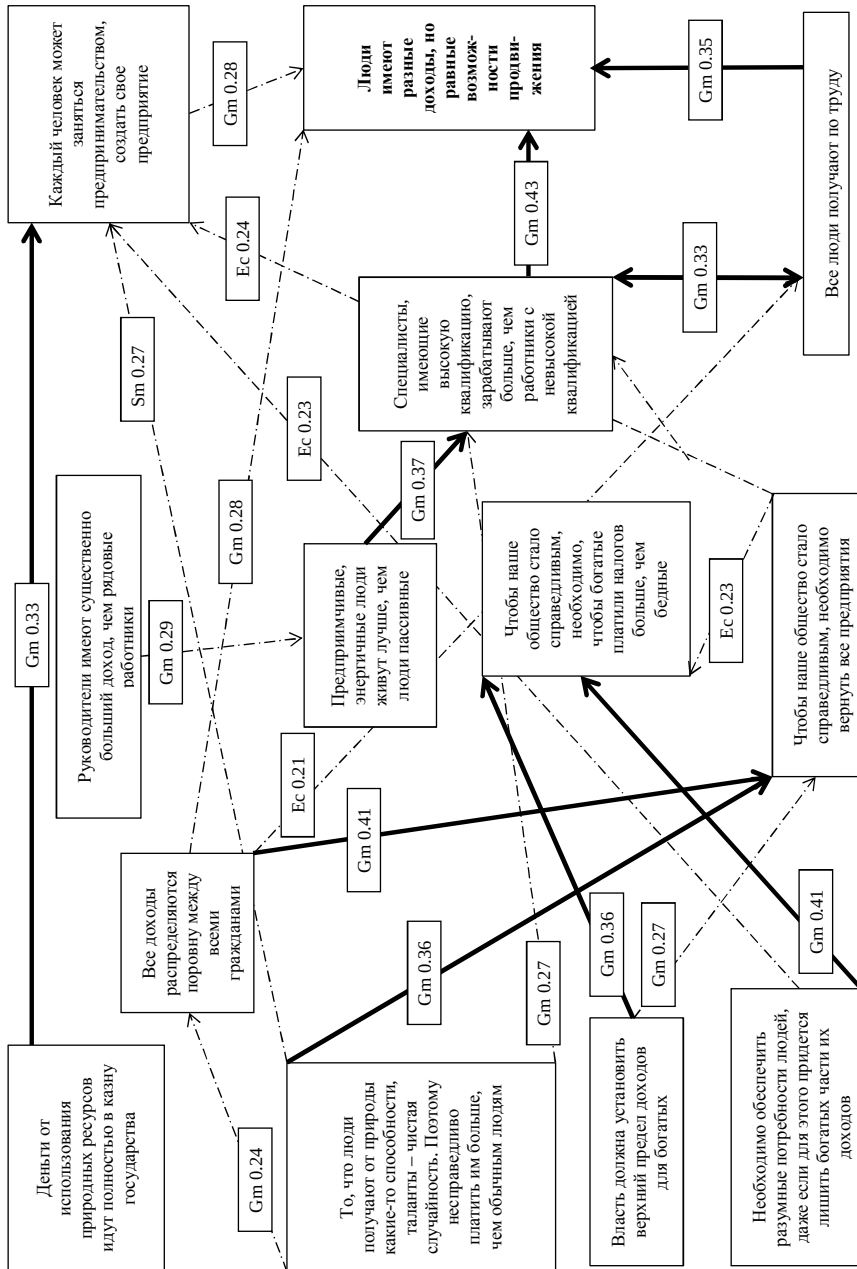

Рис. 244. Корреляционная модель социально-экономических характеристик справедливого общества (Коэффициенты: Gm — Гамма, Sm — Спирмена, Es — Эта. Исключены незначимые, если вероятность более 0,05 %; величина коэффициента менее 0,200)

Срединное значение занимает позиция «все получают по труду», которую поддержали две трети респондентов. Но в данном случае понятно и мнение, конкретизирующее это срединное положение: акцент в оценках студентов (возможно, с учетом формирующихся у них карьерных стратегий) на признание разных доходов, но равных возможностей в продвижении. Таково мнение трех из каждых четырех студентов. Более того, важно учесть происходящее сущностное изменение представлений о социальной справедливости — акцент все сильнее переносится с равного доступа к труду на равный доступ к источникам развития, профессионального и социального роста.

Можно выделить еще одно качественное изменение представлений студенческой молодежи о справедливости: подход «отнять и разделить» сменяется ориентиром «заработанное богатство — справедливо». С этим связана высокая оценка респондентами предпринимательства (для каждого двух из трех право каждого заниматься предпринимательством — неотъемлемая черта справедливого общества) и предприимчивости (три из пяти уверены: предприимчивые, энергичные люди должны жить лучше, чем люди пассивные). Тем самым преодолевается достаточно облегченное отношение к бизнесу, присущее многим студентам в 1990–2000-х гг., и утверждается установка на реализацию своих способностей, знаний и умений и профессиональных знаний и умений в активной творческой профессиональной деятельности. И здесь речь идет о творчестве не только как сфере искусства, художественном творчестве, а как о неотъемлемом качестве любой профессиональной, созидательной деятельности.

Примечательно, что среди факторов достижения богатства на первый план, наряду с социальным капиталом (полезные связи — 81 %; помощь семьи, родных — 61 %), выходят личностные качества (трудолюбие — 73 %, умение рисковать — 63 %, трезвый, разумный образ жизни — 47 %). Отметим, опираясь на результаты мониторинга свердловских студентов (1995–2016 гг.), серьезные изменения в трактовке «полезных» связей (все чаще преодолевается их сведение к «блату», все чаще для работающих студентов эти связи охватывают их коллег по работе).

Напротив, бедность, прежде всего, соотносится с пьянством, наркоманией (80 %), ленью, отсутствием желания работать (80 %). Утверждается понимание: богатства создаются благодаря серьезным усилиям, стать богатым невозможно без трудолюбия. Распространение такого понимания в студенческой среде (а значит, и вытеснение образа богатея-грабителя времен «первоначального накопления», «лихих» 1990-х, навеянного фильмами типа «Бригада» или «Бандитский Петербург») — один из важнейших позитивных результатов исследования.

В ряду трактовок бедности как явления, вызванного социальной природой российского общества, преимущественно оказались факторы, оценки частоты которых находятся в среднем диапазоне. Наиболее распространен-

ными среди них, по оценкам студентов, являются: политика хозяев предприятия, недоплачивающих работникам, и политика правительства в пользу богатых. Если в целом для российского студенчества характерны прокапиталистические установки, то проявления «дикого» олигархического капитализма подвергаются им резкой критике и отвергаются. Особенно значимыми в представлениях студентов социальными причинами бедности являются закрепление социального неравенства, когда дети из бедных семей, в силу низкой стартовой позиции, фактически лишены возможности профессиональной и социальной карьеры (что эта причина проявляется часто и очень часто, отметили два из каждых пяти свердловских студентов и каждый второй в целом по России), и ограниченность формального равенства, когда, казалось бы, равноправие провозглашено и законодательно закреплено, но реально эти законы нарушаются и не выполняются (частота проявления этой причины отмечена каждым третьим респондентом). Менее значимыми студенты считают причины бедности, связанные с конкуренцией со стороны мигрантов (частота проявления отмечена каждым четвертым) и дискриминацией по этнической принадлежности (отмечена каждым пятым). Особенно это характерно для уральских студентов, что связано, очевидно, со значительной этнической однородностью региона, а в отношении мигрантов — их преимущественной конкуренцией не с работниками высококвалифицированного интеллектуального труда (именно такая работа — перспектива для большей части студентов), а с работниками неквалифицированного тяжелого физического труда.

Ядром второй (социально-политической и социально-правовой) модели (рис. 245) стало положение, получившее наивысшую поддержку среди других индикаторов этой модели — уверенность, что в справедливом обществе здравоохранение должно быть бесплатным (она была выражена в ответах каждых двух из трех респондентов). Наиболее тесно ($Gm\ 0,73$) с ней связано мнение о необходимости помощи государства детям из малообеспеченных семей в получении бесплатного образования и профессиональной подготовки. Менее тесной является связь с ориентацией на решение всех сложных и конфликтных вопросов только в нормативно-правовом поле, через суд ($Gm\ 0,39$), равноправием всех жителей страны, включая мигрантов ($Gm\ 0,40$).

В сравнении с бесплатностью здравоохранения многие демократические индикаторы выступают как независимые, их связи определяются коэффициентом Крамера/ CrV /. Таково, в частности, сочетание материального благополучия с отсутствием влияния на власть ($CrV\ 0,20$) и честных выборов с бедностью большинства граждан ($CrV\ 0,22$). Кстати, оба этих противоречивых утверждения поддержаны лишь одной третью респондентов, что подчеркивает значимость для респондентов взаимосвязи между разными сферами жизни справедливого общества.

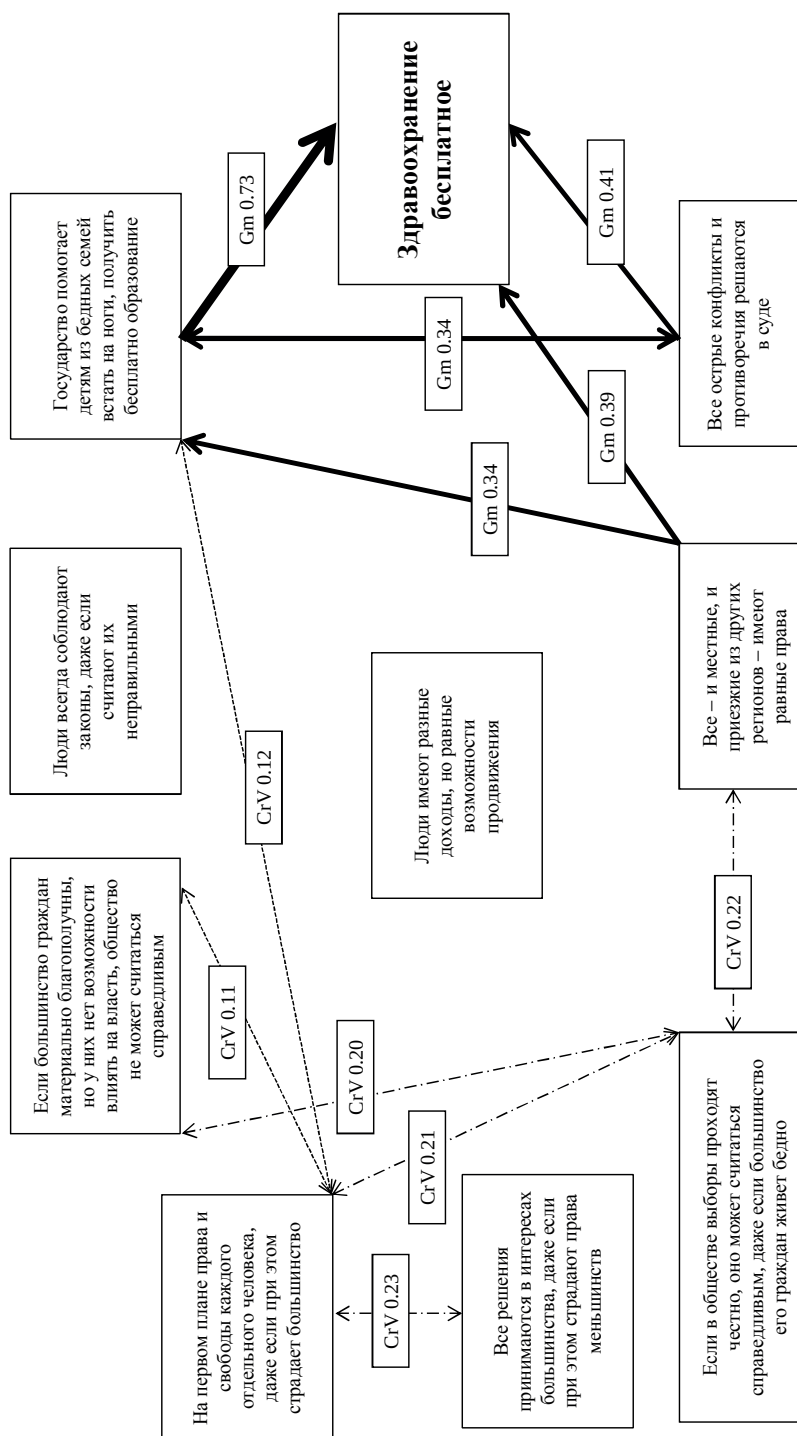

Рис. 245. Корреляционная модель социально-правовых и социально-политических характеристик справедливого общества (коэффициенты: Gm — Гамма, CrV — Крамера. Исключены незначимые, если вероятность более 0,05 %; величина коэффициента менее 0,200)

С другой стороны, сами представления о справедливом обществе характеризуются парадоксальностью. Особенно это характерно для характеристики справедливого общества в ракурсе «личность — общество». Почти два респондента из пяти признали справедливым общество, где все решения принимаются в интересах большинства, даже если страдают права меньшинства. Но столько же поддерживали и противоположную оценку — на первом плане права и свободы отдельного человека, даже если при этом страдает большинство. При этом по каждому из этих индикаторов почти половина респондентов не дала определенной оценки. В условиях нарастающей индивидуализации российского общества понятны приоритеты студенческой молодежи в отношении прав меньшинств, защиты прав и свобод каждого отдельного человека. Вновь можно говорить скорее не столько об индивидуализме молодого поколения россиян, сколько о более взвешенном отношении к проблеме большинства и меньшинства.

Интересно — во многом противоречиво — оценивается роль семьи и школы как факторов богатства или бедности. Плохие условия воспитания в семье — третий по значимости фактор бедности (67 %), правильное воспитание в семье — лишь шестой среди факторов богатства (51 %). Хорошее образование — третий среди факторов богатства (68 %), низкое качество полученного образования — на десятом месте среди факторов бедности (27 %).

Одновременно во многом близка оценка здоровья: для 44 % крепкое здоровье — предпосылка богатства, слабое здоровье — нередкая причина бедности (в том числе и с учетом отмеченных выше затрат на восстановление здоровья) (36 %). Возможно, сказывается отставание в развитии инклюзивного образования в российском социуме (хотя в последние годы серьезные шаги к его преодолению сделаны — и в стране в целом, и в Свердловской области). Нельзя не учитывать и медленность переориентации общественного мнения в отношении инвалидов (от социальной защиты, помощи, поддержки к социальной реабилитации). В этой связи массовая протестная реакция россиян по поводу запрета участия нашей команды в Паралимпийских играх в Рио (2016) (с главной аргументацией — это антигуманное, бесчеловечное решение, ведь для инвалидов спорт — это возвращение к полноценной, полноправной жизни) может рассматриваться и как стремление (фактор?!) ускорить эту переориентацию.

Сходна и оценка политики. 44 % связывают достижение богатства с политикой поощрения предпринимательства, 42 % считают одной из серьезных причин бедности в нашем обществе «политику правительства в пользу богатых». Кстати, по данным Центра стратегических, социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН, на вопрос: «Чьи интересы, по Вашему мнению, выражает и защищает сегодня российское государство?», в 2000–2014 гг. преобладали ответы — «богатых» и «государственной бюрократии» (в 2000 г. — 46 и 44 % респондентов соответственно, в 2006 г. —

по 50, в 2009 г. — 47 и 44 %, в 2014 г. — 47 и 39 %) ¹. Тем самым оценки студентов во многом сходны с общими настроениями россиян.

Как уже отмечалось, основная часть приватизации произошла в самом начале социализации нынешних студентов. Поэтому лозунги деприватизации им не очень понятны и не могут их особенно привлекать. Но сказывается и влияние социальной (особенно семейной) среды. Этим, очевидно, объясняется тот факт, что раздача государственной собственности рассматривается частью из них как важный источник формирования слоя богатых людей в современной России. Однако для молодежи сегодня важнее даже не источник богатства (стереотип «Не в деньгах счастье... а в их количестве» был привит многим молодым людям), а его эффективное (или неэффективное) использование для развития экономики. Именно последний момент, заметно обострившийся в связи с финансово-экономическим кризисом, отразился в оценках студентов, которые по параметру роли развития экономики дали наиболее противоречивые ответы. Чаще всего (двое из каждых пяти) выбирали срединное значение («иногда»), доли противоположных ответов («никогда», «редко», с одной стороны, «часто», «очень часто» — с другой) были почти одинаковы. Аналогичной была ситуация и по параметру «благоприятствующие законы». Во многом это связано с тем, что ситуация, четко описанная в известных афоризмах П. А. Вяземского («В России суровость законов умеряется их неисполнением») и М. Е. Салтыкова-Щедрина («Строгость российских законов смягчается необязательностью их исполнения»), изменяется к лучшему крайне медленно.

Для многих студентов (среди свердловских студентов чуть меньше, чем в целом по массиву, но в среднем для двух из каждых пяти) очевидно, что в современной России добиться богатства можно, лишь нарушая закон, совершая преступления, будучи включенным в криминальные структуры. Словом, стереотип «От трудов праведных не нажить палат каменных» все еще распространен в студенческой среде. Недавние громкие коррупционные скандалы, фигурантами которых были губернаторы и сотрудники правоохранительных органов, подпитывают этот стереотип, порождая у молодежи сомнение в возможности победить коррупцию, преодолеть «беспредел».

И все-таки — и это еще один позитивный результат исследования — молодежь все чаще соотносит путь к богатству с социальным капиталом.

Опрос позволил выявить меняющееся отношение к талантам, способностям. Каждый второй (49 %) соотносит с ними возможности успеха, путь к благополучию. В то же время утверждается понимание важности их своевременного выявления и — главное — реализации. Лишь 13 % (завершает ранговый ряд) соотносят бедность с отсутствием способностей, талантов. Для какой-то части студенчества тут значим личный опыт предшествующе-

¹ Левашов В. К. Реформы и кризисы: тридцать лет спустя // Социологические исследования. — 2015. — № 10. — С. 36.

го обучения в массовой общеобразовательной школе, где, по данным многочисленных исследований, не прослеживается прямой связи между академическими успехами и материальным положением родительской семьи. Да и получивший в молодежной среде распространение вопрос, обращенный к старшему поколению: «Если вы такие умные, почему вы такие бедные?» — отражает отмеченный разрыв.

Более всего негативных оценок получил тезис об уравнительном подходе в оплате труда одаренных людей: по мнению большей половины (53 %), за успехи, связанные с талантами, нужно платить особенно. Если учесть, что в мотивации студентов в выборе ими вуза и профессии все чаще отмечается уверенность, что этот выбор «соответствует моим способностям, склонностям», становится понятной прагматичность таких оценок.

Важный момент — опрос почти не зафиксировал оценок респондентов о проявлениях несправедливости на основе возрастной дискриминации. Сегодня в образовательных организациях преобладают одновозрастные коллективы обучающихся, поэтому студенты, как правило, редко сталкиваются с дискриминацией по возрастному принципу. Более того, с точки зрения перспектив их трудоустройства после окончания вуза — нужно учитывать и происшедшую за годы реформ деформацию возрастной структуры многих производственных и бюджетных организаций России — вымывание работников среднего возраста и преобладание работников из крайних возрастных групп (пенсионеры, лица предпенсионного возраста — молодежь). Все это и отразилось в оценках студентов: о том, что бедность крайне редко связана с ущемлением прав по возрастному признаку, высказалось вдвое больше респондентов (два из каждых пяти), чем отметивших частоту такой связи.

Завершить анализ хотелось бы отношением студентов к возможности утверждения справедливого общества. Почти каждый второй (46 %) согласен (полностью или в основном), что справедливого общества «никогда не было и не будет». Два из каждых пяти (38 %) не уверены, что оно будет. Но вряд ли можно говорить о пессимизме студентов. Скорее, их ответы отражают неприятие очередных утопий и их реализм, нацеленность на конкретные дела.

В этом плане характерны те оценки, которые студенты дали 20 наиболее распространенным политическим терминам (рис. 246).

Самые положительные чувства респондентов вызывают справедливость и права человека (отмечены пятью из каждых шести). Социализация нынешнего поколения студентов проходила в более спокойных в социально-политическом отношении условиях 2000–2010-х гг. Поэтому неслучайна та значимость, которая придается ими понятию «порядок». Эта установка на стабильность сегодня приоритетна. Фиксация этого факта составляет важный позитивный результат исследования.

В ряду значимых ценностей современного студенчества остаются свобода и равенство. Четыре из каждых пяти респондентов дали им позитивную

оценку. К сожалению, отходит на второй план значимость демократии. Она вызывает позитивную оценку у трех из каждых пяти респондентов, уступая даже предпринимательству. Что скрывается за такой оценкой? Негативные последствия «демократических реформ» 1990-х гг. (что породило в обыденном сознании россиян искаженное представление и о демократии, и об «отцах-демократах»)? Или это неприятие лавины «цветных» революций, негативные результаты которых сегодня видны не только «где-то там, на арабском Востоке», но и в близкой, родной Украине и др.?

Рис. 246. Социальное пространство политических терминов в оценках респондентов (позитивные чувства), % ответивших

Наконец, отметим, что в ответах студентов проявилась усталость от модернизаций и особенно — реформ. Лишь у двух из пяти восприятие понятия «реформа» носит положительный характер. В нижнюю часть пространства социально-политической терминологии в оценках студентов попали и либерализм, и социализм, и коллективизм, и конкуренция. Но особо негативную оценку получил термин «национализм» (один из восьми респондентов дал ему позитивную оценку, каждый второй — негативную).

Обобщая, можно выделить ряд моментов. Преобладающая в российской студенческой среде оценка российского социума как несправедливого связана не столько с личным опытом респондентов, сколько с общей социо-

культурной ситуацией и в основном негативными оценками общественного мнения, транслируемого частью СМИ. В представлениях студенчества о справедливом обществе утвердилось понимание его как «общества справедливого неравенства», что сопровождается позитивными изменениями в сфере трудовой морали молодежи. Богатство все чаще понимается как заработанное высококвалифицированным трудом благо. Все больше осознается социальная ценность профессионализма и профессионального образования, что способствует перемещению высшего образования из инструментальных в терминальные ценности. Это в ближайшее время может углубить соответствующую мотивацию, позитивно повлиять на весь процесс профессиональной самореализации студенчества. Вместе с этим в потребительском сознании студенчества сохраняются парадоксальность, патерналистские настроения в отношении здравоохранения и образования.

2. Патриотизм — ценностная установка студенческой молодежи (по материалам мониторинга «Российское студенчество о Великой Отечественной войне» (2005–2010–2015 гг.)

Патриотизм, чей бы то ни был,
доказывается не словом, а делом.
В. Г. Белинский

Наследие Великой Победы, являясь средоточием общенациональных духовных ценностей, существует в пространстве современных поколений россиян, имеющих различные ценностные векторы. Феномен Великой Победы требует своего дальнейшего глубокого изучения и освоения. Одной из важнейших составляющих его осмысления является историческая память, выполняющая интегральную и социально-инерционную функцию, сохраняя для ныне живущих поколений глубинные, жизненно важные смыслы прошлого. В современном российском обществе и его сознании сам феномен Великой Победы представлен как феномен прошлого. Но прошлое способно трансформироваться в настоящее, передавая свои смыслы, ценности, нравственные принципы и мобилизационные ресурсы новым поколениям.

Цель патриотического воспитания не может сводиться лишь к формированию патриотических установок молодежи, она гораздо шире и глубже. Патриотическое воспитание ориентируется на развитие в российском обществе высокой социальной активности, гражданской ответственности, духовности, становление граждан, обладающих позитивными ценностями и качествами, способных проявить их в созидательном процессе в интересах Отечества, укрепления государства, обеспечения его жизненно важных

интересов и устойчивого развития¹. Важно обеспечить «российскую гражданскую идентичность, непрерывность воспитательного процесса, направленного на формирование российского патриотического сознания в сложных условиях экономического и геополитического соперничества»². При этом по-новому нужно понимать и само воспитание молодежи, видеть в ней не столько объект воспитания, сколько субъект патриотической культуры, подчеркивать самореализационный аспект становления молодого человека — патриота своей Родины.

Важно преодолеть и присущее многим воспитателям (не только профессионально занятым обучением и воспитанием, но и родителям) стремление к известной унификации, стандартизации, когда ориентир для ребенка — «быть как все». Конечно, можно и дальше стараться разрушать, преодолевать нежелание подростков «думать в ногу», стремиться сделать из каждого подростка «подобие прочих». Но такова ли подлинная цель гуманистического воспитания?

Нужно отказаться от преимущественно критического отношения к молодежи (от «Не та нынче пошла молодежь» до известного «Да, были люди в наше время... Богатыри — не вы»), что проявляется нередко и в оценке ценностных ориентаций и установок молодежи, и в оценке ее патриотизма. Ошибочно уже обобщение. Излишне обобщенный, не дифференцированный подход к патриотическому воспитанию молодежи особенно нетерпим в современных условиях растущей дифференциации молодежи, когда реальные ценностные ориентации разных групп молодежи весьма противоречивы. В критике молодежи проявляется и недооценка негативного (или точнее — разнопланового) влияния на нее различных агентов социализации (особенно СМИ и системы образования). Ведь даже в некоторых «наших» СМИ широко распространен принцип «расстрела прошлого».

Общероссийский патриотизм воплощается в российской национальной идее, выступающей как бы в трех ипостасях: идее служения Отечеству (идеал гражданственности и патриотизма); идее подвига и жертвенности во имя Родины (отражение связи прошлого и будущих перспектив); идее соборности, коллективизма, толерантности (условия стабильности и безопасности).

«Служение Отечеству» определяет пределы смыслового пространства человека, гражданина, патриота. Его содержательная часть выражается формулой «единство личного, коллективного, общественного и государственного» в интересах, потребностях, мотивах и возможностях для достижения

¹ См.: Концепция патриотического воспитания граждан Российской Федерации от 21.05.2003 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://minobr.government-nnov.ru> (дата обращения: 11.09.2016).

² Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 гг.» : утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 30.12.2015. № 1493-ПП [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://base.garant.ru/71296398/> (дата обращения: 12.09.2016).

гармонии существования природной экологии конкретного человека, окружающей его социокультурной среды, общества, государства через идеалы, ценности, приверженность, ответственность, долг, волю и др. Поэтому понятие «служение Отечеству» в современных условиях развивается в ракурсе как созидательной деятельности, так и защиты Родины. Необходимо по-новому определить систему понятий, связанных с категорией «Родина». Природа, родители, родственники, Родина, народ — неслучайно однокоренные слова. Это своеобразное пространство патриотизма.

Историческая prerogative смысла заключается в культурно-историческом производстве символа. Символы представляются как сакральные (Святая Русь, Родина-мать, Отчизна), воинской доблести и славы (ордена, медали и знаки отличия); персонифицированные (Сергий Радонежский, Петр I, А. В. Суворов, А. И. Брусилов, Г. К. Жуков, К. К. Рокоссовский, Н. И. Кузнецов, А. И. Покрышкин, Николай Гастелло, Александр Матросов, Алексей Маресьев и др.), событийные (Ледовое побоище, Полтавская битва, Семилетняя война, гражданская война, «странная война», финская кампания, Тацинский рейд и др.), топонимические (Непрядва, Бородино, Брест, Москва, Сталинград, Курск, Мамаев Курган, Малахов Курган, Пулковские высоты, «Дорога жизни» и др.), атрибутивные (боевое знамя войсковой части, вымпел предприятия), государственные (флаг, герб, гимн), общероссийские (крейсер «Варяг», Новодевичий монастырь, Кремль и др.), национальные («Русское поле», «русская душа», песни «Катюша», «Вставай, страна огромная...» и т. д.), территориальные (Волга-матушка, батюшка-Урал, Дон Иванович, «Партизанская республика» и др.), вымышленные, художественно-собираательные (Павка Корчагин, Василий Теркин, Тимур Аркадия Гайдара и др.).

В патриотическую символику входили и входят наиболее значимые события истории, крупные деятели, достижения. Все это направлено на формирование чувства гордости за свою страну и состояние сопричастности, идентичных соответствующим смыслам. Именно это сыграло главную роль в становлении массового героизма советских людей на фронте и в тылу. Следует отметить, что в годы войны и послевоенного восстановления народного хозяйства важную роль играл символ вождя (Ленин, Сталин, ВКП(б), ГКО, политбюро и др.). Символы формировали у поколения победителей личностный идеал, т. е. способ мышления, форму сознательной деятельности, направленную на восприятие сообразной жизненным ожиданиям модели ее практического осуществления. Это исходит из понимания идеала как образа, составляющего основу притяжения личности в различных сферах ее облика (интеллектуальной, физической, духовной, нравственной, волевой и др.), что нацеливало каждого человека (в окопах, на пашне или у станка) на достижимые горизонты воинской или трудовой деятельности. В сознании людей военного лихолетья формировался образ защитника Отечества, добра, справедливости (сказочный, собирательный и реальный); образ жизни под-

вижника, образ мудрости государственного деятеля, образ воли полководца. Мощным фактором воспитания был образ героя (А. Матросов, М. Паникаха, З. Космодемьянская, О. Кошевой, пионеры-герои и др.) и образ героического акта (ночной таран в воздухе, переход через линию фронта, оборона дома Павлова и др.), образ мужественно-подвижнического Отца и образ жертвенно-женственной Матери. Данные образы предстают как образцы патриотизма, нравственности, духовности, толерантности, самоотверженности, мужества, воли к победе и т. д. Они выступали и выступают в многообразных формах ценностных ориентаций человека, и науке еще предстоит исследовать спектр ценностей, которые вели солдата в бой, а труженика тыла — заставляла преодолевать невероятную усталость.

Ценностные ориентации — важнейшие атрибуты структуры личности, образующие своеобразный фундамент сознания, на котором зиждется устойчивость (убеждения), регуляция (мотивация), детерминация (потребности), рефлексия (самосознание) личности патриота России, ее защитника. Ценностные ориентации — элементы внутренней структуры личности, закрепленные жизненным опытом индивида, всей совокупностью его переживаний (любовь к Родине, сопричастность к героическому прошлому народа, старших поколений, своих родственников — участников войны) и отграничивающие значимое, существенное для данного человека (образы собственного поведения в возможных ситуациях опасности и риска для жизни) от незначимого, несущественного.

Вопрос о патриотическом воспитании молодежи — это вопрос «о самом главном, о ценностях, о нравственных основах, на которых мы можем и должны строить нашу жизнь, воспитывать детей, развивать общество, в конечном итоге укреплять нашу страну», — эта мысль красной нитью проходит через многие выступления Президента России В. В. Путина¹. При этом акцентируется не только взаимосвязь между воспитанием молодежи и возможностью для России «сберечь и приумножить саму себя». Само будущее рассматривается в единстве: «быть современной, перспективной, эффективно развивающейся» и «не растерять себя как нацию, не утратить свою самобытность в очень непростой современной обстановке». Патриотические установки молодежи важно ориентировать и на «уважение к своей истории и традициям, духовным ценностям наших народов, нашей тысячелетней культуре и уникальному опыту сосуществования сотен народов и языков на территории России», и на «ответственность за свою страну и ее будущее»².

О том, как развиваются патриотические установки, можно судить по результатам опроса российских студентов (табл. 245).

¹ См., напр.: Президент России [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://kremlin.ru/news/16470/> (дата обращения: 16.09.2016).

² Президент Российской Федерации [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://kremlin.ru/news/16470#sel=6:31,7:15> (дата обращения: 16.09.2016).

Таблица 245

Мнение студентов о современном патриоте России, % ответивших

Что значит быть патриотом в современной России	2005	2010	2015
Уважать и знать историю России	67	70	77
Испытывать гордость за свою страну	62	59	73
Уважительно относиться к участникам ВОВ, людям пожилого возраста	40	50	65
Испытывать чувство ответственности за происходящее в стране	32	34	42
Быть готовым к самопожертвованию ради интересов страны	33	29	38
Принимать участие в общественной и политической жизни страны	16	16	27
Не уклоняться от службы в армии	14	13	31
Честно и добросовестно трудиться	11	11	23
Обладать чувством хозяина в своей организации, городе, стране	6	5	6
Покупать в основном отечественные товары	3	2	6
Что-то другое	1	2	3

Примечание. Поливариантный вопрос, сумма больше 100 %.

Уважение и знание истории страны, гордость за свое Отечество — это стержень современного понимания патриотизма. И очень важно, что сегодня почти 3/4 респондентов считают такое понимание своим, личностным. Не менее значимо и то, что уважительное отношение к истории Отечества, стремление знать ее от этапа к этапу мониторинга возрастает. Крайне важно, чтобы ответом на этот запрос молодежи была подлинная, не искаженная сиюминутными политическими интерпретациями историческая информация.

Позитивный момент опроса 2015 г. — проявленное двумя из каждых трех респондентов понимание важности уважительного отношения к ветеранам Великой Отечественной войны, людям пожилого возраста. Возможно, что сказывается и печальный факт: участников войны становится все меньше и меньше, ведь даже «сыновьям полков» сегодня далеко за 80 лет. Но нужно отметить, что в ответах студентов отражается и результативность государственной политики в области воспитания патриотизма: акции «Вахты памяти», «Георгиевская ленточка», «Бессмертный полк», «Стена памяти», «Я помню», «Скажи спасибо деду за победу!», «Письма в прошлое» и другие. Так, Президент России на открытии всероссийской акции «Вахта памяти — 2015» сказал: «Благодаря вам Родина отдает известным и безымянным своим погибшим солдатам воинские почести. Вы, товарищи, возвращаете имена

павших бойцов — тех, кого так и не дождались матери, жены, дети, собираете воедино страницы истории целых семей, наполняете общую историю нашего народа конкретными и, что очень важно, правдивыми фактами»¹.

Общая тенденция наблюдений: в 2015 г. по всем параметрам проявляется рост. Очевидно, сказывается общероссийский патриотический подъем в связи с воссоединением Крыма с Россией и неприятием большинством россиян антироссийского курса стран блока НАТО.

Важный смысл патриотизма находится в плоскости современности, того, что происходит здесь и сейчас: ответственность за свою страну, готовность к самопожертвованию ради ее интересов. Да, этот аспект патриотизма оказывается несколько менее значимым (в 2015 г. указали два из пяти респондентов, хотя и тут замечен некоторый рост). Как оценивать эти ответы? Да, студенты сильнее выделяют историческое понимание патриотизма. Но если учесть длительное воздействие на их мировоззрение прагматических, утилитарных установок, призывов отказаться от ориентира «раньше думай о Родине, а потом о себе», то оказывается, что результат не может не рассматриваться позитивно. Отметим резкий рост доли ответов, где патриотизм соотносится с адекватным отношением к воинскому долгу, стремлением не уклоняться от службы в армии. Это свидетельствует, в том числе, и о позитивных изменениях, происходящих и в самой армии, и в призывных кампаниях после кадровых перемен в Министерстве обороны России.

Представляют определенный интерес те конкретные формулировки, которые предложили студенты из разных городов открытого варианта на третьем этапе мониторинга (что-то другое) ответа на вопрос «Что значит быть патриотом в современной России».

Из многообразия этих дополнений, а студентами предложено 114 своих вариантов, отметим наиболее характерные. Лейтмотивом многих из них является простая формула — «любить свою Родину, свою страну». Студенты из Москвы дополняют эту формулировку очень важными моментами: «любить свою Родину при всех ее недостатках» и «отождествлять себя с Россией». У студентов Екатеринбурга это были требования не говорить о своей стране с пренебрежением, поддерживать политический курс страны, знать родной русский язык, испытывать любовь к родной культуре, активно отстаивать национальные интересы и... «Крым наш» (вполне коррелирующий с хештегом #Крым-наш в социальных сетях). Студенты Якутска особенно акцентировали важность «любить свою страну», «любить семью, уважать друзей»; в приписках к анкетам студентов Ставрополя звучит призыв «помогать тем, кто сейчас страдает от фашизма». Студенты из Волгограда считают важным, особенно значимым в современном патриотизме требование «никогда не забывать подвиг совет-

¹ Выступление Президента России на открытии всероссийской акции «Вахта памяти — 2015» (Новгородская область, город воинской славы Старая Русса. 08.04.15) // Комсомольская правда. 2015. 9 апреля.

ских солдат», «помнить об истинных героях» и одновременно «быть человеком в делах, чтобы в глазах иностранцев наш народ предстал достойно». Символом патриотизма, по мнению студентов Сургута, является «флажок на машине», а для студентов Тюмени аналог — березка: «любить березку».

Общим знаменателем дополнений о сути современного патриотизма выступают суждения студентов из Москвы: «надо любить свою страну», «не надо хотеть «свалить», «не идеализировать Америку и Европу!» и «хотеть жить и работать здесь».

Патриотический подъем, фиксируемый в рамках третьей волны мониторинга, препятствует участвовавшим попыткам ревизии итогов Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Советского Союза против фашистской Германии и ее союзников, ее «растворения» во Второй мировой войне, избрания освободительной миссии Красной армии как «оккупации» Прибалтики и Восточной Европы. Примечательно, что на всех этапах мониторинга мнение респондентов практически не изменилось: СССР сыграл ведущую роль в победе над фашизмом. Аналогичная роль США, Англии и Франции в оценках респондентов колебалась от 7 до 12 % (табл. 246).

Таблица 246

Оценка вклада в победу СССР, США, Англии и Франции

Вклад	СССР			США			Англия			Франция		
	2005	2010	2015	2005	2010	2015	2005	2010	2015	2005	2010	2015
Значительный	96	96	95	11	12	12	12	12	11	7	10	9
Не очень значительный	2	1	2	46	50	44	59	55	50	45	46	41
Незначительный	2	3	3	43	38	44	29	33	39	48	44	50

Со второго этапа мониторинга в анкету включался вопрос-самооценка, нацеленный на самоидентификацию респондента с патриотизмом (считает ли респондент себя патриотом). При всей условности этого вопроса ответы на него достаточно показательны (табл. 247).

Таблица 247

Самоидентификация респондентов с патриотизмом, % опрошенных

Вы можете себя назвать патриотом?	2010	2015
Да	24	29
Скорее да, чем нет	58	55
Скорее нет, чем да	14	13
Нет	4	3

Заметно, что доля позитивных самооценок несколько возросла. При этом девушки оказались более осторожны в своих оценках (возможно, на ответы юношей повлияла оценка воинской службы как важного проявления патриотизма). Различий по курсам почти нет, то есть речь идет об общих для современных студентов оценках. Тем показательнее, как отражение серьезных пробелов в патриотическом воспитании молодежи в «лихие 90-е», самооценки «бывших студентов» — выпускников вузов, чей возраст сегодня составляет 40 лет и старше, чья социализация проходила еще в советский период: 52 % из них назвали себя патриотами, мнение 44 % — «скорее да, чем нет».

В ряду событий, определяющих историческую память современной российской молодежи (особенно студенческой молодежи), среди факторов, влияющих на ее патриотическое воспитание, события Великой Отечественной войны по-прежнему занимают важное место. И все-таки социологический анализ представлений российских студентов о Великой Отечественной войне не может не учитывать и влияние иных факторов. Ведь не только прошло 60–65–70 лет после Великой Победы (а это три «шага» поколений), но и произошло столько событий, которые могли бы заслонить в сознании молодежи ее значимость. К тому же эти молодые люди столкнулись и сталкиваются с такими неоднозначными оценками (и переоценками) социальных и исторических ценностей, что им нелегко сформулировать свое достаточно адекватное отношение.

Великая Отечественная война остается самым ярким и значимым для многих событием истории Отечества. «Война праздников» (принижение «старых» революционных праздников — Первомая, Великой Октябрьской революции — 7 ноября осталось лишь как повод для Дня воинской славы — парада 7 ноября 1941 г. на Красной площади; преобразование 23 февраля в День защитника Отечества; введение новых праздников: 12 июня — День России, 4 ноября — День народного единства, Рождество, до сих пор вызывающих неоднозначную реакцию в общественном мнении) менее всего затронула День Победы.

Характерны приведенные М. К. Горшковым и Ф. Э. Шереги данные, касающиеся оценок разными поколениями россиян важнейших событий прошлой истории России, которыми они гордятся. На первом месте среди них с очень небольшими колебаниями (83 % в группе 16–25 лет; 78 % в группе 26–35 лет; 81 % в группах 36–45 и 46–55 лет, 84 % в группе старше 56 лет) стоит Победа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.¹

И тем показательнее ответы молодых людей об интересе к событиям тех военных лет (табл. 248).

¹ Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: социологический портрет. — М. : ЦСПиМ, 2010. — С. 36.

Таблица 248

«Великая Отечественная война была давно, мне это неинтересно?» (% опрошенных)

Варианты ответа	2005	2010	2015
Согласен	7	2	2
Не очень согласен	—	16	14
Не согласен	93	82	84

У большинства современных студентов заметна устойчивость позитивной тенденции: несмотря на то что прошло еще пять лет, интерес к Великой Отечественной войне сохраняется. Причем особых различий — в зависимости от города, вуза, курса, пола — практически не зафиксировано. И по многим другим вопросам различия в ответах носят в основном индивидуально-личностный, а не социально-групповой характер.

Этот личностный момент особенно проявился в оценках студентами тех мыслей и чувств, которые вызывает у них Великая Победа (табл. 249).

Таблица 249

Какие мысли и чувства вызывает День Победы, % опрошенных

Варианты ответа	2005	2010	2015
Подвиг в Великой Отечественной войне будет примером для новых поколений	48	56	62
Память о Великой Отечественной войне заслоняют иные события, проблемы	36	23	19
Героизм Великой Отечественной войны чужд значительной части нынешней молодежи	10	11	9
Память о Великой Отечественной войне сохранится в сознании нынешней молодежи	6	10	11

Приоритетна, как и пять лет назад, позиция, что память о Великой Отечественной войне сохранилась и будет примером для новых поколений, за пять лет даже несколько усилилась. Катастрофические настроения о «полном разрыве поколений», о нигилистическом отношении современной молодежи применительно к Великой Победе оказались сильно преувеличенными. И все-таки основания для беспокойства, конечно, есть. Устойчивым (присущим для одного из каждых 9–11 респондентов) является мнение, что героизм участников войны — на фронте и в тылу — чужд современной молодежи.

Пусть это даже и не личное отношение — респонденты как бы оценивали распространенные в среде их сверстников настроения. Но тем и показательнее такие оценки. Нельзя недооценивать и присущий общественному (тем более молодежному) сознанию своеобразный «оптический обман»,

когда события более близкие по времени и непосредственно воспринимаемые, злободневные воспринимаются как более значимые, чем актуальные в исторической перспективе. Позитивный результат мониторинга — снижение доли студентов (в 2005 г. — каждый третий, в 2010 г. — каждый четвертый, в 2015 г. — каждый пятый), отметивших, что память о Великой Отечественной войне заслоняют иные события. И тем важнее, чтобы формирование этой памяти («Никто не забыт и ничто не забыто») у современной молодежи не было пушено на самотек, носило не кампанейский (от юбилея к юбилею), а постоянный, системный характер.

Общее отношение к войне в рамках мониторинга конкретизировалось через оценку-восприятие дня Победы (табл. 250).

Таблица 250

«Чем для вашей семьи является День Победы?», % опрошенных

Значения	2005	2010	2015
«Праздник со слезами на глазах»	16	29	40
День памяти о родных, прошедших войну	65	59	46
Просто выходной	19	12	8

Заметно, как результат общего усиления работы по патриотическому воспитанию студенчества, продолжающееся сокращение (за годы мониторинга в 2,5 раза) доли тех, для кого этот день просто выходной. Жизнь берет свое, и сокращается значимость дня Победы как дня памяти о родных, прошедших войну. Их действительно остается в семьях совсем немного. Для современных студентов это уже даже не бабушки и дедушки, а прабабушки и прадедушки. Тем ценнее возрастающее число студентов, оценивающих этот день как праздник гордости за наш народ-победитель, осмысление, «какой ценой завоевано счастье».

Память о войне не только духовная, она материализована в вещах той эпохи, со временем превращающихся в реликвии, когда вещи повседневного обихода приобретают особый смысл. И к вещам время оказывается беспощадно. Наш мониторинг зафиксировал качественное превращение вещей военного времени в семейные реликвии: то, что в 2005 г. могло еще не восприниматься таковым, сохранилось в семьях студентов до сегодняшнего дня (табл. 251).

Таблица 251

Хранятся ли реликвии Великой Отечественной войны, % опрошенных

Варианты ответа	2005	2010	2015
Да	40	50	49
Нет	60	50	51

Показателен и состав реликвий военных лет (табл. 252). Очевидно, что резкий скачок в ответах по всем позициям на третьем этапе мониторинга связан с возросшим за последние годы вниманием именно к вещественному комплексу семейного военного наследия.

Таблица 252

Какие реликвии ВОВ хранятся в семьях, в 2015 г. % от числа тех, кто отметил, что в их семьях сохранились реликвии

Варианты ответа	2005	2010	2015
Награды	41	39	67
Фотографии	30	34	68
Вещи военных лет	16	13	24
Письма	12	12	24
Другое	1	2	39

Представляется, что проявлением этого внимания выступает акция «Комсомольской правды» «Письмо в прошлое». Показательно уже обращение организаторов к современной молодежи: «Письма с фронта до сих пор бережно хранятся во многих семьях. Старая бумага совсем истерлась на сгибах. Выцвели чернила, поблекла типографская краска на почтовых открытках. У каждого треугольника своя история: счастливая или печальная. Выросли поколения, уже нет отправителей, но иногда нестерпимо хочется ответить на эти строки... В честь 70-летнего юбилея Победы „Комсомольская правда“ начинает проект „Письма в прошлое“. Каждый читатель „КП“ может написать послание своему отцу, дедушке, любому родственнику, который воевал на фронтах Великой Отечественной. Это будут письма-благодарности, письма-посвящения от нас сегодняшних им тогдашним, таким же молодым, мечтающим о лучшем и верящим в будущее...»

Отмечая возросшую духовно-ценностную значимость для семьи, для потомков реликвий войны (особенно наград, орденов и медалей), организаторы патриотического воспитания молодежи должны учитывать и возникающее у какой-то части людей коммерческое восприятие этих комплексов. Как часто ветераны войны и семьи ветеранов становятся жертвами «торгашей», для которых награды — прибыльный товар, а не нечто святое, памятное. Здесь возникает проблема обеспечения физической сохранности семейных реликвий. Представляется, что студенты — благодарная аудитория для формирования элементарных навыков по сбору и сохранению семейных реликвий.

Как и любое историческое событие, Великая Отечественная война в памяти сохраняется событийно, через конкретные исторические факты (сражения, конкретные подвиги, случаи, явления, действия и т. п.) и персони-

фицировано, через людей, так или иначе участвовавших (пусть даже и очень опосредованно) в событиях военных лет.

Как менялось за годы мониторинга знание о важнейших военных событиях? В целом знание основных сражений Великой Отечественной оставалось на одном уровне. Не изменилась и доля тех, для кого события этого времени растворяются в общей истории России (табл. 253).

Таблица 253

Знают важнейшие сражения Великой Отечественной войны, % ответивших

Варианты ответа	2005	2010	2015
Сталинградская битва	63	69	64
Битва на Курской дуге	61	59	52
Блокада Ленинграда	46	51	51
Битва под Москвой	24	34	33
Штурм Берлина	18	19	20
Оборона Севастополя	2	5	6
Оборона Брестской крепости	2	5	15
Сражение под Смоленском	2	3	8
Форсирование Днепра	2	2	2

Примечание. В 2015 г. респонденты (но менее 2 %) назвали более 40 военных операций и других событий, среди которых оборона Киева, Одессы, Ржевская битва, Битва за Кавказ, освобождение Украины, Малая земля, освобождение Европы, освобождение Освенцима, Ялтинская конференция, Потсдамская конференция, встреча на Эльбе и др.

Почти 50 респондентов назвали в ряду сражений Великой Отечественной войны события других эпох: битва на Калке, Ледовое побоище, Куликовская битва, Брусиловский прорыв.

Вполне естественно, что среди военных событий студенты называют чаще те, с которыми непосредственно связан их город. Понятно, что Сталинградская битва, названная в целом важнейшим событием Великой Отечественной войны, намного чаще, чем в среднем, отмечена студентами Волгограда (90 % при средних 64 %) Курская битва — студентами Белгорода (64 % при средних 46 %), а битва за Москву — студентами московских вузов (54 % при средних 33 %). Но основные сражения все-таки известны и в других городах. Характерно мнение студентов тылового Екатеринбурга: свыше половины из них назвали важнейшим сражением Великой Отечественной войны Сталинградскую битву, почти каждый второй — блокаду Ленинграда и Курскую битву, каждый третий — битву за Москву. Не менее примечательны и ответы студентов Владивостока: три из каждых пяти студентов этого тихоокеанского города назвали важнейшими событиями Сталинградскую битву

и блокаду Ленинграда, почти каждый второй — битву на Курской дуге, каждый третий — битву за Москву.

В свете современных событий важно отметить, что почти каждый четвертый студент Омска, каждый пятый — из Белгорода, каждый шестой из Иванова в ряду этих событий назвали оборону Севастополя. К сожалению, о регулярном объективном освещении многих событий Отечественной войны в последние годы можно говорить далеко не всегда. Тем примечательнее, что 8 % омских студентов, 4 % ивановских студентов и по 3 % студентов Екатеринбурга, Сургута и Барнаула в ряду важнейших событий назвали освобождение Европы от фашизма. Чаще всего упоминалась Польша и Чехословакия.

Гендерные различия в оценке важнейших событий войны выразились в основном в разной оценке блокады Ленинграда (мужчины — 42 %, женщины — 54 %) и Курской битвы (мужчины — 53 %, женщины — 41 %). Вероятно, сказываются общие приоритетные ориентации: для мужчин значимее является технический аспект, для женщин — эмоционально-нравственный.

Общая тенденция, проявившаяся на предыдущих этапах мониторинга, сохраняется. В списке приоритетов и по полководцам, и особенно по героям Великой Отечественной войны особых изменений нет (табл. 254). В ходе третьей волны мониторинга студенты России назвали (вопрос был открытым на всех этапах исследования) 27 командующих, полководцев и руководителей страны времен Великой Отечественной войны.

По полководцам в пятерку приоритетов на третьем этапе вошел маршал А. М. Василевский. В Иваново его отметил почти каждый второй респондент. Любопытно в связи с этим замечание Т. П. Беловой, организатора мониторинга в Иваново: «Мне, в частности, было интересно отметить, что А. М. Василевский (он родом из Ивановской области) опередил И. В. Сталина. Мой папа написал несколько книг про семью Василевских».

Г. К. Жукова чаще, чем в среднем, называли студенты Омска (100 %), Москвы, Иванова, Нижневартонска и Екатеринбурга. Аналогичные ответы (выше средних) о маршале К. К. Рокоссовском зафиксированы у студентов Волгограда и Белгорода (каждый второй), Омска и Москвы; о маршале И. В. Коневе — у студентов Белгорода, Иркутска и Омска. Чаще, чем в среднем, среди полководцев выделяли Главнокомандующего И. В. Сталина студенты Иркутска, Перми, Якутска, Екатеринбурга и Тюмени.

Таблица 254

Знают полководцев Великой Отечественной войны, % ответивших

Полководцы Великой Отечественной войны	2005	2010	2015
Жуков Г. К.	70	92	85
Рокоссовский К. К.	33	35	34
Конев И. В.	10	13	17

Окончание табл. 254

Полководцы Великой Отечественной войны	2005	2010	2015
Сталин И. В.	10	9	9
Чуйков В. И.	2	5	2
Василевский А. М.	2	4	11
Ворошилов К. Е.	4	4	6
Малиновский Р. Я.	2	3	6
Ватутин Н. Ф.	2	3	3
Еременко А. И.	1	2	2
Тимошенко С. К.	1 и <	1 и <	5
Буденный С. М.	1 и <	1 и <	4
Баграмян И. Х.	1 и <	1 и <	2
Рыбалко П. С., Катуков М. Е., Ротмистров П. А., Черняховский И. Д., Шапошников Б. М., Штеменко С. М., Шумилов М. С. и др.	1 и <	1 и <	1 и <
Толбухин Ф. И., Мерецков К. А., Говоров Л. А., Кузнецов Н. Г., Шапошников Б. М.	—	—	1 и <

Примечание. В 2010 г. в среднем называли двух-трех полководцев, героев; в 2005—45 % называли двух-трех полководцев, героев, 33 % — одного, 21 % — четырех и более, в 2015 г. в среднем называли трех полководцев и героев войны, но каждый пятый не назвал никого.

Коллективное сознание студенчества на третьем этапе мониторинга сохраняет имена 86 героев войны, включая коллективных героев (панфиловцы, «Молодая гвардия») и своих родственников — участников ВОВ (моя бабушка, мой прадедушка) (табл. 255). Последний момент особенно важен: героизация своих родственников отражает личностный характер памяти о войне. С другой стороны, происходит закрепление в коллективном сознании, что нет безымянных или «маленьких» героев. Таким образом, проявляется советская формула «Никто не забыт, ничто не забыто», особенно актуальная в наше время.

Из особенностей третьего этапа можно отметить, что в ранге приоритетов 3. Космодемьянская и А. Матросов, сохранив первую-вторую позиции, поменялись местами. Связано это с некоторым перевесом женской части респондентов в выборке. Именно девушки чаще называли и называют среди героев 3. Космодемьянскую. Но объяснение нельзя свести только к гендерному фактору. Значительно чаще, чем в среднем, она называлась как героин студентами Москвы, Тюмени и Екатеринбурга (если в Москве гендерное соотношение близко к общей выборке, то в Тюмени и Екатеринбурге доля мужчин в выборке значительно выше средней).

Таблица 255

Знают героев Великой Отечественной войны, % ответивших

Герои Великой Отечественной войны	2005	2010	2015
А. Матросов	6	9	7
З. Космодемьянская	2	7	9
Н. Гастелло	2	4	2
А. П. Маресьев	2	3	2
Я. Ф. Павлов	1	3	1
А. И. Покрышкин	1	3	3
Н. И. Кузнецов	1	2	3
Панфиловцы	1	2	2
И. Н. Кожедуб	1	2	4
В. Зайцев (снайпер)	—	—	3
М. Джалиль, М. Егоров, Р. Зорге, М. Казей, М. Кантария, Д. М. Карбышев, В. Котик, О. Кошевой, А. Молдагулова, В. Талалихин, С. Тюленин, А. Чекалин, М. Девятаев, А. Маринеску и др.	1 и <	1 и <	1 и <

Как и на предыдущих этапах мониторинга, студенты продемонстрировали знание героев войны, прославивших их малую Родину. Так, на первых этапах мониторинга в Альметьевске чаще других упоминали Джалиля и Гафиятуллина, в Белгороде — Н. Ф. Ватутина, в Волгограде — Еременко, Павлова, Чуйкова, Штеменко, Шумилова, в Екатеринбурге — Кузнецова, в Москве — панфиловцев, в Уфе — Губайдуллина и Мусу Гордеева. В 2015 г. в список героев, упоминаемых чаще других, попал снайпер Василий Зайцев. Во многом это определяется мнением студентов из Волгограда, где его назвал каждый пятый. Возможно, на этот выбор повлияли и фильмы, показанные в связи с 70-летием Сталинградской битвы. Естественно, что волгоградские студенты чаще, чем в среднем, упоминали сержанта Павлова (каждый девятый). Понятно и то, что разведчика Николая Кузнецова студенты из Екатеринбурга называли почти в три раза чаще, чем в среднем. Примечателен и тот факт, что студенты из Якутска назвали среди героев своих земляков — Героев Советского Союза снайпера Ф. К. Охлопкова (каждый третий респондент) и Ф. К. Попова, о котором написана поэма якутского поэта Л. А. Попова «Ырыа буолбут олох» («Жизнь, ставшая песней») — каждый пятый. Омские студенты чаще других упоминали имя Д. М. Карбышева, родившегося в Омске. Благодаря студентам Улан-Удэ в общий список упомянутых героев Великой Отечественной войны попал уроженец Бурятии, снайпер Ж. Е. Тулаев, а благодаря студентам Уфы — М. Х. Губайдуллин.

В 2005 и 2010 гг. среди неправильно названных (в 2010 г. таких ответов было всего 3 %) были полководцы дореволюционной России (М. И. Кутузов, А. В. Суворов, П. С. Нахимов, Ф. Ф. Ушаков) и гражданской войны (М. В. Фрунзе, М. Н. Тухачевский). В 2015 г. общее число неправильных ответов не изменилось. К героям войны были причислены, кроме названных, деятели Белого движения — Л. Г. Корнилов и А. В. Колчак (чаще, чем в среднем, они упоминались студентами Тюмени, Иркутска и Иванова).

Процесс героизации прошлого, «смыкания историко-культурного пространства», отразился и в том, что студентами был назван ряд героев литературы и кинофильмов как войны, так и других эпох. В их число попали Штирлиц, Василий Теркин, Корчагин, Сусанин. Наконец, что настораживает, студентами был назван и ряд военачальников немецкой армии и РОА — Ф. Паулюс, Э. Манштейн, А. А. Власов.

Сохранение исторической памяти, формирование образа Великой Отечественной войны, ее участников и героев, ее роли и значения во многом определяются воздействием на сознание и мировоззрение молодых людей произведений литературы и искусства. Конечно, надо учитывать, что современные студенты — это поколение I, поколение, «встроенное» в виртуальное пространство. Казалось бы, что для них чтение и даже просмотр кинофильмов менее значимы, чем социальные сети. Однако круг названных респондентами художественных произведений и — особенно — кинофильмов продолжил расширяться: если в 2005 г. он включал около 70 наименований, то в 2010 г. — уже более 150 наименований. В 2015 г. он включал 113 наименований, названных более чем пятью респондентами, и еще около 70 наименований были упомянуты пятью и менее респондентами.

Эта тенденция объясняется как минимум двумя факторами. Во-первых, освоение произведений литературы и киноискусства стало менее публичным и институционализированным, но возможности для него, благодаря интернет-технологиям, значительно расширились. Во-вторых, и это главное, сама тема войны, художественная интерпретация событий военного времени оказываются более созвучными эмоциональному настроению студентов, далеко не всегда нацеленных на научное, рациональное изучение событий исторического прошлого. Отмеченное выше попадание Штирлица и В. Теркина в разряд реальных героев войны является наглядным проявлением этого процесса (табл. 256).

Расширение списка и на третьем этапе мониторинга во многом происходило за счет новых произведений (в основном кино- и телефильмов). Сказывается и тенденция, отмеченная на втором этапе исследования. Одна из причин — увеличение объема выборки. Но возможна и иная интерпретация — расширение круга интереса к художественным произведениям военной тематики. Правда, произошло и определенное расширение (за рамками Великой Отечественной войны) круга произведений — по военной темати-

ке в целом: от «Войны и мира» и «Севастопольских рассказов» Л. Н. Толстого до «Адмирала», «Чапаева» и «Доктора Живаго», через «Ивана Бровкина» и «Максима Перепелицы» к «Водителю для Веры», «Ворошиловскому стрелку» и «9-й роте». И хотя называются все эти произведения крайне редко (каждое — не более чем в 5–10 анкетах), происходящее смешение весьма характерно.

Характерно, что роль телевидения в общем потоке художественных произведений, оказывающих влияние на современных студентов, не снижается, а, как показывают результаты третьего этапа мониторинга, только возрастает (табл. 257, 258).

Именно на примере телефильмов о войне, как и на предыдущих этапах исследования, мы попытались выявить отношение современного студенчества к различному по характеру и направленности художественному изображению событий теперь уже далекого для них прошлого, которое, в силу своего непосредственного эмоционального воздействия, порой воспринимается ими как реально существовавшее.

Показательно возрастание доли студентов, отвергающих негативное изображение войны и ее участников. Одновременно проявляется и привыкание (а потому и сокращение) к тому, что события войны не подаются в искаженном-лакировочном виде.

Таблица 256

**Знают произведения фильмы, литературные произведения
о Великой Отечественной войне, % ответивших**

Варианты ответа	2005	2010	2015
К/ф «В бой идут одни старики»	23	46	27
К/ф «А зори здесь тихие»	36	35	32
К/ф «Сталинград»	—	—	23
Поэма «Василий Теркин»	23	17	12
К/ф «Брестская крепость»	—	—	12
Сериал «17 мгновений весны»	18	16	8
К/ф «Звезда»	10	14	4
К/ф «Они сражались за Родину»	12	13	7
К/ф «Офицеры»	6	11	6
К/ф «Мы из будущего»	—	8	7
Документальные фильмы о войне	—	—	7
К/ф «Туман»	—	—	5
К/ф «В августе 44-го»	6	7	3
К/ф «Горячий снег»	5	5	5

Окончание табл. 256

Варианты ответа	2005	2010	2015
«Судьба человека»	4	4	8
«Повесть о настоящем человеке»	3	4	3
«Диверсант»	2	3	4
«Штрафбат»	2	3	2
«Освобождение»	2	2	2
«Летят журавли»	2	2	2
«Завтра была война»	2	2	3
«Молодая гвардия»	2	2	3
Стихотворение «Жди меня»	2	2	3
«Аты-баты шли солдаты»	4	1	1 и <
К/ф «В июне 41-го»	—	—	2
«Живые и мертвые»	1 и <	1 и <	2
«В окопах Сталинграда»	1 и <	1 и <	2
К/ф «Утомленные Солнцем. Цитадель»	—	—	2
«Баллада о солдате»	1 и <	1 и <	2

Примечание. В 2005 и 2010 гг. в ответах 1 % и менее были упомянуты: «Батальоны просят огня», «Сын полка», «Четыре танкиста и собака», «Два товарища», «Женя, Женечка и катюша», «Судьба человека», «Иваново детство», произведения М. Джалиля, «Последний бронепоезд», «Курсанты» и др. В 2015 г. этот перечень пополнился упоминанием: «В списках не значился», «9-я рота», «Белый тигр», «Снайпер», «Жизнь и судьба», «Последний бронепоезд», «1941, 1942, 1943», «Сволочи», «В небе „ночные ведьмы“» и др.

Таблица 257

Смотрели сериалы о Великой Отечественной войне, % ответивших

Варианты ответа	2005	2010	2015
Да	66	65	73
Нет	34	35	27

Таблица 258

Суждения о фильмах о Великой Отечественной войне, % ответивших

Варианты ответа	2005	2010	2015
Перестали приукрашивать события тех лет	19	12	10
Это не вся война, но была и такая война, новые поколения должны знать правду	75	79	72
Участники Великой Отечественной войны изображаются в этих телесериалах негативно, это подрывает уважение к ним	6	9	18

Эмоциональному настрою современной молодежи особенно соответствует песенное творчество, расцвет которого, по признанию многих исследователей, приходится на периоды самых значимых, переломных исторических событий, к которым, безусловно, относится и Великая Отечественная война (табл. 259).

Таблица 259

Знают песни, музыкальные произведения, % ответивших

Варианты ответа	2005	2010	2015
«Катюша»	36	59	63
«День Победы»	36	56	52
«Священная война» («Вставай, страна огромная...»)	17	15	21
«Смуглянка»	6	14	15
«Синий платочек»	7	10	11
«Три танкиста»	4	9	10
«Темная ночь»	7	9	11
«Журавли»	5	6	10
«Землянка»	4	6	8
«Прощание славянки»	—	—	8
Песня из к/ф «Белорусский вокзал»	3	4	4
«Эх, дороги»	3	4	3
«На безымянной высоте»	2	3	4
«На поле танки грохотали»	—	—	3
«Офицеры»	2	3	2
«Алеша»	1	2	3
«Жди меня» (песня)	1 и <	1 и <	2
7 симфония Шостаковича	1 и <	1 и <	2

В среднем называли две-три песни на один ответ (в 2005 г. назвали одну песню — 35 %, две-три песни — 48 %, четыре и более песни — 18 %). В 1 % и менее ответов назывались: «Ах, эти тучи в голубом», песни В. Высоцкого, Венский вальс, «Бери шинель, пошли домой», «Давай закурим, товарищ, по одной», «Соловьи», «Враги сожгли родную хату», песни Б. Окуджавы, «Баллада о красках», «Случайный вальс», «Песня военных корреспондентов», «Севастопольский вальс», «Поклонимся великим тем годам», «Последний бой» (М. Ножкин), «Идет солдат по городу», «Бухенвальдский набат», «С чего начинается Родина», «22 июня, ровно в 4 часа», «В лесу прифронтовом» и др.

Заметна устойчивость в информированности студентов о песенном репертуаре военных лет и песнях о войне. Вероятно, и тут прослеживается влияние

Интернета. В ряду наиболее популярных сайтов, к которым обращается студенческая молодежь, можно отметить сайт «Советская музыка» (<http://www.sovmusic.ru/>), на котором в свободном доступе находится коллекция из более чем 7000 записей в 14 разделах, общим объемом свыше 27 гигабайт, в том числе и песни военных лет, откуда они перемещаются в социальные сети. Сказывается и частота звучания этих песен на популярных среди молодежи радиостанциях FM-диапазона.

В патриотическом воспитании все еще не утвердилась оптимальная пропорция между «военным» и «гражданским» аспектами патриотизма. Даже на Урале больше говорится о героях-земляках, чем о «тружениках тыла», в тяжелейших условиях добросовестно выполнявших свой гражданский, патриотический, долг. Говоря сегодня о Великой Отечественной войне, нужно отмечать и «порохом пропахший» День Победы, «версты», «обгорелые в пыли», и тех, кто «дни и ночи у мартеновских печей» этот день «приближали, как могли». Добрым словом нужно помянуть и бойцов «невидимого фронта».

И еще один существенный разрыв в патриотическом воспитании нужно отметить — между «славным историческим прошлым» и «современным патриотизмом». Обращение к историческому прошлому важно не тем, чтобы еще раз вспомнить о славном боевом прошлом, а чтобы на историческом опыте учиться решать задачи сегодняшнего дня. Но это положение еще не стало определяющим ориентиром в организации патриотического воспитания.

Завершить наш анализ в этой связи хотелось бы самооценками студентов своей роли в подготовке к празднованию юбилея Победы. В рамках мониторинга этот вопрос задавался начиная со второго этапа. Для третьего этапа характерны две противоположные тенденции. С одной стороны, участие в подготовке стало более разнообразным по форме. Каждый шестой респондент участвует в подготовке праздничных концертов, выступлений перед ветеранами, каждый седьмой участвует в волонтерской деятельности, непосредственно связанной с сопровождением ветеранов, почти каждый десятый примет участие непосредственно в параде Победы. Разнообразным становится и участие в акциях, посвященных дню Победы: почетный караул, возложение цветов (5 %), эстафеты и другие соревнования (7 %), работа в рамках акции «Георгиевская ленточка» (3 %), «Бессмертный полк», «Книга памяти» (4 %), проведение праздничных мероприятий в подшефных школах и организациях (2 %).

С другой стороны, каждый пятый отметил, что не участвует в подготовке и проведении праздника. И это говорит, в частности, о стоящих перед патриотическим воспитанием студенческой молодежи серьезных задачах.

3. Студенты гражданского вуза, проходящие военную подготовку: проблемы и перспективы

Не отказываясь от отсрочек для студентов, предлагаю изменить саму систему военной подготовки в вузах; дать возможность всем студентам пройти в ходе учебы и последующих военных сборов воинскую подготовку и получить военную специальность.

*Из послания Президента Российской Федерации
В. В. Путина Федеральному собранию
Российской Федерации 12 декабря 2013 г.¹*

Скажи мне, какие настроения преобладают
в умах молодых людей, и я скажу тебе о характере
следующего поколения

Э. Берк

Военная подготовка в гражданских вузах имеет особенную функцию — воспроизводство специфического кадрового потенциала, обеспечивающего общественную безопасность. Ее принципиальная противоречивость связана с необходимостью объединить в целостную систему множество социальных, материальных, военных, педагогических и политических составляющих и интегрировать их в структуру высшего профессионального образования страны.

Система вневойсковой военной подготовки при отечественных гражданских вузах обеспечивала в 1980-е гг. ежегодное воспроизводство около 100 тыс. офицеров запаса, необходимых для резерва и кадровых формирований всех видов Вооруженных Сил СССР. При этом общий уровень подготовленности офицеров запаса по целому ряду наукоемких профилей общей и военно-специальной профессиональной подготовки соответствовал аналогичному уровню и профилю подготовленности кадровых офицеров. Материальные же затраты государства на такую подготовку среднестатистического офицера запаса были в среднем в четыре-пять раз ниже, чем на подготовку соответствующего кадрового офицера в вузе².

К 1992 г. в России насчитывалось 252 гражданских вуза, в которых осуществлялась подготовка офицеров запаса. Но в 1992 г. началась директивная ликвидация военных кафедр вузов, общее количество военных кафедр при гражданских вузах сократилось до 81. Остались преимущественно те кафе-

¹ Послание Президента России В. В. Путина Федеральному собранию Российской Федерации 12.12.2013 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://mil.ru/files/morf/military/files/voennaya_podgotovka_studentov.pdf (дата обращения: 01.03.2017).

² Фильков С. М. Система военной подготовки в гражданских вузах: теория и практика функционирования и совершенствования: монография. — М. : МГИМО(У), 2002. — С. 24.

дры, которые осуществляли подготовку офицеров запаса по инженерно-техническим специальностям. Подготовка офицеров запаса по многим редким наукоемким военно-учетным специальностям, имеющим гуманитарную направленность, причем некоторые не имели аналогов в системе высшего военного образования, была ликвидирована. Это ликвидировало 2/3 потенциального резерва офицерских кадров для Вооруженных сил России, прежде всего со стороны их обеспечения резервами из числа высококвалифицированных специалистов гуманитарных профилей (офицеры запаса, необходимые в сферах штабной, информационной, социологической, психологической, воспитательной работы).

Перевод военной подготовки, в соответствии с изменениями в Законе «Об образовании»¹ (1996 г.), на факультативную основу фактически остановил процесс военного обучения и воспитания в общеобразовательных и средних специальных учебных заведениях. По сути, была ликвидирована начальная (подготовительная) ступень военной подготовки и начальная подготовка к военной службе. Потенциал воспроизводства подготовленного к военной службе рядового состава и младших военных специалистов, а также лиц, подготовленных к продолжению военного образования в военных и гражданских вузах, был сведен к нулю². Функции начальной ступени военной подготовки были перенесены в сферу военной подготовки в вузах. Предусматривалось, что выпускники вузов, даже прошедшие подготовку по программам офицеров запаса, будут проходить службу в рядовом составе, что было нерационально ни с военно-политической, ни с педагогической, ни с экономической точек зрения. Последующий ход процесса реформирования показал неприемлемость такого подхода.

К 2001 г. в стране действовало более 240 гражданских вузов, имеющих военные (военно-морские) кафедры и факультеты военного обучения. В них проходили подготовку более 217 тыс. чел. (187,3 тыс. студентов-мужчин и около 30 тыс. студентов-женщин) по 266 военно-учетным специальностям.

В связи с системными изменениями Вооруженных сил РФ и в целях повышения эффективности использования потенциала федеральных государственных образовательных учреждений высшего профессионального образования в интересах обеспечения обороны и безопасности страны с 1 января 2008 г. произошли кардинальные изменения в системе военной подготовки в гражданских вузах. Было принято решение о создании на базе гражданских вузов учебных военных центров (УВЦ) для подготовки методом «военного дня» кадровых офицеров для Вооруженных сил из числа студентов, которые

¹ О внесении изменений и дополнений в Закон РФ «Об образовании» [Электронный ресурс] : Федеральный закон от 13 января 1996 г. № 12-ФЗ. — Режим доступа: <http://base.garant.ru/10105933/#ixzz4kio2NNPF> (дата обращения: 18.03.2017).

² Фильков С. М. Система военной подготовки в гражданских вузах: теория и практика функционирования и совершенствования : монография. — М. : МГИМО(У), 2002. — С. 30.

по окончании обучения (в отличие от студентов военных кафедр) заключают контракт о прохождении военной службы на должностях офицеров сроком на три года. По решению Министерства обороны, новая система подготовки должна была обеспечивать до 40 % офицерского состава Вооруженных сил¹.

В Послании Президента Федеральному Собранию РФ 2013 г., как известно, перспективам развития армии и флота был посвящен целый раздел. Перед Советом безопасности РФ и правительством была поставлена совершенно новая задача, связанная с уменьшением количества призывников из числа студентов и взамен этого — введение военной подготовки в вузы. Для реализации этой задачи предполагалось создание на базе вузов новой системы военной подготовки студентов. Военную подготовку студентов предусматривалось проводить в два этапа. На первом, теоретическом, этапе занятия должны были проводиться в создаваемых межвузовских центрах военной подготовки, где студенты получают необходимые знания и умения по военно-учетным специальностям. На втором, практическом, этапе в течение трех месяцев предполагалось проводить учебные сборы на базе учебных центров, вузов Министерства обороны и других воинских частей. На сегодняшний день задуманное осуществлено частично. Межвузовских центров военной подготовки организовать не удалось. Но с 2014 г. в 67 гражданских вузах организована подготовка студентов по военно-учетным специальностям солдат и сержантов запаса. Таким образом, ныне военная подготовка в гражданском вузе осуществляется:

1. В учебных военных центрах (УВЦ) — подготовка кадровых офицеров.
2. На факультетах военного обучения, военных кафедрах (ФВО) — подготовка офицеров, сержантов, солдат запаса.

По мнению военных, особую актуальность новая система приобретает и с учетом изменений, внесенных не так давно в законодательство Российской Федерации в части ограничений на замещение должностей государственной и муниципальной гражданской службы лицами, не проходившими военной службы без законных оснований. Предлагаемая форма военной подготовки в вузах позволит студентам, не прерывая обучения, исполнить свой конституционный долг и в дальнейшем достойно и на законном основании трудоустроиться в системе государственного управления.

В то же время это позволяет вооруженным силам расширить возможности в подготовке специалистов по наиболее сложным и востребованным военно-учетным специальностям, обеспечить поддержание в необходимых объемах военно-обученного мобилизационного людского ресурса с высокими качественными параметрами. А студентам вузов — обеспечить непрерывность обучения в вузе, получить качественную военную подготовку с практическим освоением военно-учетной специальности, исполнить консти-

¹ Гаврилов Ю. Заказ на штатского лейтенанта // Российская газета. Столичный выпуск. — 2011. — № 5425(49). — 10 марта.

туционную обязанность по защите Отечества одновременно с получением высшего образования, расширить возможности по трудоустройству после окончания обучения, в том числе на государственную гражданскую или муниципальную службу.

В 2008 г. при УГТУ-УПИ был создан учебный военный центр. Ныне институт военно-технического образования реорганизован и военная подготовка ведется в учебном военном центре при УрФУ (подготовка кадровых офицеров) и на факультете военного обучения (подготовка офицеров, сержантов, солдат запаса).

Актуальность решения возникающих проблем военной подготовки студентов и повышения ее эффективности определила задачи данного исследования¹.

В нашем исследовании мы не имели цели оценивать качество образования в УрФУ и для получения общего представления об отношении студентов к вузу ориентировали вопрос на субъективную, эмоционально-окрашенную оценку условий учебной деятельности («Нравится ли учеба?» — рис. 247).

Каждый второй студент УВЦ и три из пяти студентов ФВО чувствуют себя в УрФУ полностью эмоционально комфортно. Чуть меньшее ощущение комфортности студентами УВЦ во многом связано с преобладанием среди них студентов «технических» специальностей. Их случайное попадание в вуз неоднократно отмечалось исследователями. По данным всероссийского исследования Института социологии, ежегодно 30 % поступающих в вуз на технические факультеты — это люди, поступившие, потому что конкурс был низким².

¹ Анкетный опрос студентов УрФУ проводился в марте-мае 2016 г. $N = 1237$ человек, в т. ч. 237 студентов учебного военного центра (УВЦ) (19 %), 680 студентов факультета военного обучения (ФВО) (55 %) и 320 студентов, не проходящих военную подготовку (26 %). Опрос студентов, обучающихся в УВЦ и ФВО, был сплошным, по методу основного массива: он охватил 94 % студентов УВЦ и 71 % студентов ФВО. Результаты опроса по УВЦ и ФВО могут использоваться с погрешностью не более $\pm 2\%$. Но следует учитывать некоторое смещение данных опроса в сторону дисциплинированных, не пропускающих занятий студентов, что может сказаться на несколько большей удовлетворенности вузом в целом и военной подготовкой в частности, чем, если бы в опросе были представлены студенты, избегающие посещать занятия по военной подготовке. На военной подготовке преобладают юноши (в составе массива УВЦ и ФВО их 94 %). Среди студентов ФВО преобладают 20–21-летние, поскольку обучение на ФВО начинается с четвертого семестра основной образовательной программы. Студенты УВЦ более равномерно распределены по возрастным группам соответственно курсам обучения — в УВЦ студенты обучаются с первого курса. Подавляющее большинство опрошенных (90,9 %) идентифицируют себя с «русскими». В числе прочих национальностей: татары (4 %), башкиры (0,6 %), евреи (0,5 %), азербайджанцы (0,4 %), таджики (0,35 %), украинцы (0,35 %), казахи (0,26 %), молдаване (0,26 %) и др. Представленность институтов УрФУ в выборке неравномерна, поскольку военная подготовка студентов осуществляется по военно-учетным специальностям (ВУС), родственным гражданским специальностям, по которым студенты проходят обучение в вузе.

² Молодежь России: социологический портрет. — М.: ЦСПиМ, 2010. — С. 314.

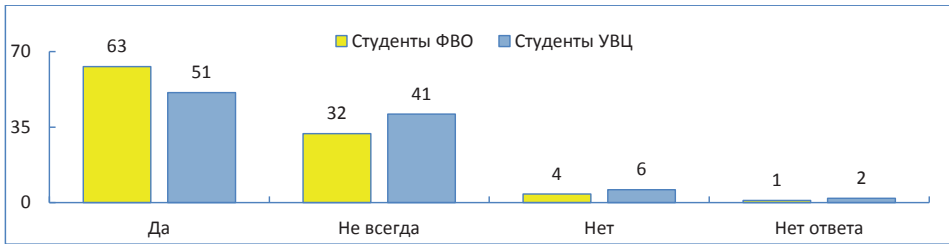

Рис. 247. «Нравится ли в целом учеба в УрФУ?», 2016 г., % ответивших

Сравнительный анализ удовлетворенности вузом и профессией разных групп опрошенных свидетельствует о небольшом преобладании удовлетворенности профессией по сравнению с удовлетворенностью вузом у студентов, проходящих военную подготовку (рис. 248). Особо следует отметить небольшую, но разницу в позитивных оценках вуза и профессии у студентов ФВО. Как уже говорилось, это студенты, для которых обучение на «военной кафедре» не тяжкая повинность, а дополнительный социальный и профессиональный бонус к основной образовательной программе. Вероятно, именно этот бонус «подтягивает» показатель удовлетворенности вузом вверх.

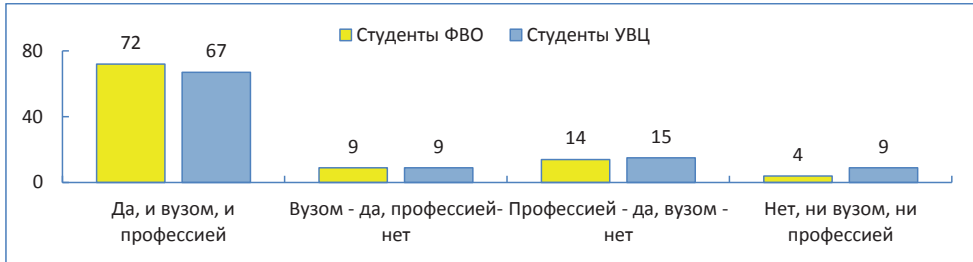

Рис. 248. Удовлетворенность вузом и профессией, % ответивших

Косвенным образом это доказывает анализ факторов выбора вуза (рис. 249).

Доминирующие факторы выбора вуза различны у разных групп опрошенных. Осмысленно и самостоятельно выбирали свою будущую специальность в среднем треть студентов (среди студентов ФВО несколько больше). Примерно столько же студентов в своем выборе вуза ориентировались на советы родственников. Наличие в УрФУ «военной кафедры» сыграло решающую роль в выборе вуза для двух из каждых пяти сегодняшних студентов ФВО.

Только четверть студентов УВЦ, выбирая вуз, были ориентированы на военное образование. Данный факт свидетельствует о немотивированном выборе военного образования для большинства студентов УВЦ.

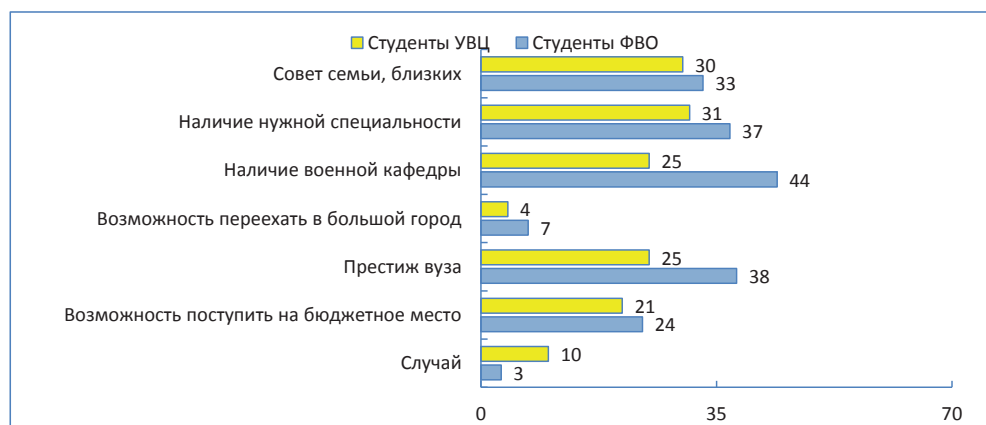

Рис. 249. Факторы, повлиявшие на выбор вуза, % ответивших

Это подтверждается слабой информированностью о специфике будущей специальности «на входе» в вуз (рис. 250).

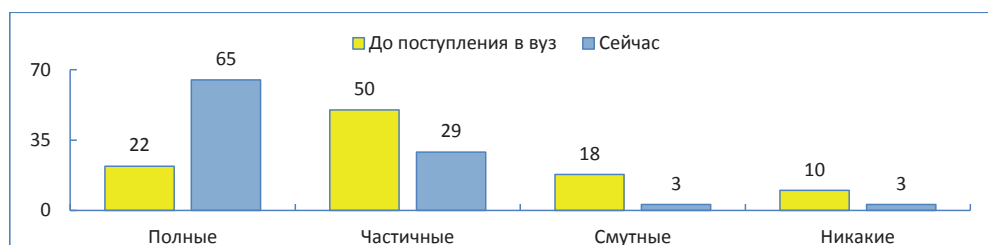

Рис. 250. Динамика представлений специфики будущей профессии у студентов УВЦ, % ответивших

Только каждый пятый студент УВЦ до поступления в вуз был полностью информирован о будущей специальности, а каждый десятый совсем не имел о ней представления. Однако в процессе обучения студенты УВЦ стремительно восполняют этот недостаток. Сравнение с данными в целом по массиву мониторинга (2016 г.) позволяет предполагать, что военная подготовка способствует расширению представлений о будущей специальности. Явное отставание «гражданских» студентов в узнавании будущей специальности связано, видимо, с незначительной загруженностью образовательной программы «специальными» дисциплинами, что является следствием политики формирования программ бакалавриата как общих, не профилированных. Выхолащивание образовательных программ технических направлений подготовки осуществить труднее, благодаря чему у студентов все-таки остается возможность составить себе представление о специфике будущей профессии.

Вопрос мотивации получения студентом гражданского вуза военной подготовки неоднозначен (табл. 260).

Таблица 260

«Откуда Вы узнали о возможности получения военного образования в УрФУ?», % ответивших

Источник информации	Студенты ФВО	Студенты УВЦ
Меня информировали офицеры учебного военного центра, факультета военного обучения, работающие в отборочных комиссиях	9	48
Мне рассказали друзья, знакомые, родители, одноклассники	37	26
Я прочитал на сайте УрФУ	19	18
Мне кажется, это общеизвестный факт	33	8
Меня информировали преподаватели, работники деканата, кураторы	9	7
Я узнал о военной подготовке только при поступлении	1	3

Во-первых, необходимо понять, насколько осознан выбор студентов УВЦ. Напомним, что в УВЦ учатся студенты, заключившие договор с Минобороны России «Об обучении по программе военной подготовки в учебном военном центре при высшем учебном заведении и о дальнейшем прохождении военной службы по контракту после окончания этого образовательного учреждения». Одновременно с зачислением в вуз на «гражданскую» специальность они зачисляются в УВЦ на военно-учетную специальность. Следовательно, их выбор двойной.

Во-вторых, обучение на ФВО, как уже говорилось выше, происходит по трем программам — обучение солдат запаса, сержантов запаса и офицеров запаса. Выпускникам, успешно обучавшимся по программам подготовки лейтенантов или сержантов, присваивается воинское звание (лейтенанта и сержанта соответственно) и выдается военный билет с отметками о присвоении воинского звания и пройденной срочной службе по призыву. А студентам, обучавшимся по программам подготовки солдат, присваивается военно-учетная специальность и выдается военный билет с отметкой о пройденной воинской службе по призыву.

Также необходимо учитывать, что на военную подготовку студенты принимаются по конкурсу с учетом состояния здоровья и физической подготовки. Эти обстоятельства, безусловно, влияют на мотивы выбора студентом вида военной подготовки и вообще о ее необходимости в каждом индивидуальном случае, по крайней мере для той части студентов, кто достаточно информирован, чтобы осуществить этот выбор осмысленно.

Заметно, что многие абитуриенты более-менее информированы о возможностях обучения на «военной кафедре». Но о возможности обучения в УВЦ большинство будущих студентов узнают непосредственно во время приемной кампании.

Это означает, к сожалению, что, во-первых, абитуриент УВЦ в основной массе изначально не был мотивирован на получение профессии военного, а пришел поступать на «гражданскую» специальность. Но встретил в отборочной комиссии офицера, который проинформировал его о возможности одновременно с получением выбранной «гражданской специальности» получить военную специальность, оценил (и/или родители оценили) привилегии студента, обучающегося по контракту Министерства обороны, и, в случае успешного преодоления определенных формальностей, стал студентом УВЦ.

А во-вторых, это свидетельство отсутствия военно-ориентационной работы УВЦ, хотя в 2008 г., когда УВЦ только начали организовываться, предполагалось, что «случайных людей» не будет. Поступать будут молодые люди, ориентированные на профессию военного, заинтересованные в военной службе, имеющие начальную военную подготовку.

Для студентов УВЦ — тройка лидеров — стимулов для поступления, помимо прямого меркантильного расчета (обеспечить себе трудоустройство в армии или «силовых структурах»), включает в себя стремление развить в себе ценные личностные качества (дисциплинированность, аккуратность, мужество). Нам кажется, что студенты, осознают они это или действуют интуитивно, стремятся к приобретению культурного и символического капитала, который дополнит их военно-профессиональной компетенцией, облегчит вхождение в профессию военного. Если для «гражданского» выпускника вуза основное препятствие для «выгодного» трудоустройства — отсутствие опыта работы, то для выпускника УВЦ главный страх — не справиться со службой, не справиться с подчиненными, не справиться с самим собой в конце концов.

Учтем и распространенный среди студентов, которые сами не проходят военную подготовку, общественный штамп — «на „военку“ идут, чтобы не откосить от армии» (табл. 261).

Таблица 261

Мотивы поступления на военную подготовку, % ответивших

Мотивы	Студенты ФВО		Студенты УВЦ	
	%	Ранг	%	Ранг
Возможность не быть призванным для прохождения срочной службы после окончания вуза	38	I	13	IX
Возможность после окончания вуза поступить на службу в «силовых структурах»	36	II	34	I

Окончание табл. 261

Мотивы	Студенты ФВО		Студенты УВЦ	
	%	Ранг	%	Ранг
Возможность бесплатно получить дополнительную специальность	33	III	20	V
Для расширения возможностей трудоустройства после окончания вуза	27	IV	15	VIII
Возможность сформировать в себе ценные личностные качества (дисциплинированность, аккуратность, мужество)	23	V	25	III
Возможность поступить на службу в армию по контракту	22	VI	33	II
Желание приобрести качества достойного защитника Отечества	18	VII	18	VII
Расширение кругозора	17	VIII	5	XII
Интерес к профессии военного, романтика военной службы	16	IX	24	IV
Совет родных и/или знакомых	12	X	18	VI
Семейная традиция	8	XI	8	XI
Желание после окончания вуза трудоустроиться на гражданскую государственную службу	8	XII	5	XIII
Стремление к защищаемому гарантиями государства образу жизни	3	XIII	11	X
Желание работать в мужском коллективе	2	XIV	4	XIV
Другое	<1	XV	2	XV

Отметим также значимые различия в мотивации к получению военного образования студентов ФВО и УВЦ:

- Служба в армии по контракту гораздо более слабый стимул к получению военной подготовки у студентов ФВО, нежели у студентов УВЦ (каждый пятый против каждого третьего соответственно).
- Романтика военной службы в большей степени увлекает студентов УВЦ, чем студентов ФВО.
- Совет близких выбрать карьеру военного оказался более значим для студентов УВЦ (возможно, потому что решение принимается при поступлении, а не после трех семестров обучения).
- Расширение кругозора в разы более значимый стимул получения дополнительного военного образования для студентов ФВО.

- Расширение возможностей трудоустройства после окончания вуза — по понятным причинам мотив в большей степени студентов ФВО, ведь студентам УВЦ трудоустройство обеспечено, если только они не откажутся от контракта с Министерством обороны, возместив государству затраченные на их образование деньги.
- Стремление к государственным гарантиям как стимул выбора профессии военного в большей степени свойственно студентам УВЦ.

Отметим, что только каждый второй (55 %) сегодняшний студент УВЦ планирует после окончания вуза служить в армии. Конечно, жизнь внесет свои коррективы в эти планы, но задумаемся о принципиальной эффективности подготовки кадровых офицеров в гражданском вузе, если уже на этапе обучения мотивация студентов к службе в армии столь слаба. Напомним, что это студенты, обучающиеся на бюджетных местах и получающие дополнительные денежные выплаты стимулирующего характера за счет сметы Министерства обороны РФ, заключившие договоры об обязательном прохождении военной службы по контракту сроком не менее трех лет.

Специалисты, занимающиеся рекрутингом персонала, отмечают, что работодателю важнее не то, что кандидат знает, как правильно выполнять работу, а то, сможет ли он принимать правильные решения. Здесь как раз и находится очень зыбкая грань между профессиональными и личными качествами человека.

Отмечая значение военной подготовки для будущей профессиональной карьеры, как бы она ни сложилась, наши респонденты понимают, что это не только бесплатное дополнительное образование как конкурентное преимущество при трудоустройстве, но и инвестиция в символический капитал. Потенциал использования военной подготовки для личностного роста и расширения кругозора — достаточно сильный мотив получения военного образования студентами УрФУ (его отмечает каждый четвертый студент ФВО).

Как известно, «символический капитал» — неэкономический капитал, все, что приносит выгоду и облегчает социальный обмен. Это репутация, внешность, престиж, кредит доверия, навыки речи, свойства характера и многое другое.

Что же ожидают от военной подготовки студенты УрФУ помимо обучения военной учетной специальности и присвоения воинского звания (рис. 251).

Как видим, самые выгодные инвестиции в личный символический капитал, которые рассчитывают получить студенты от военной подготовки, — развитие чувства патриотизма и качества дисциплинированности.

Про массовый патриотизм населения России достаточно уже написано в средствах массовой информации. Можно предположить, что и на наших респондентов тоже повлияла «мода на патриотизм», несмотря на то что условия обучения и в УВЦ, и на ФВО минимизируют военно-патриотическое воспитание.

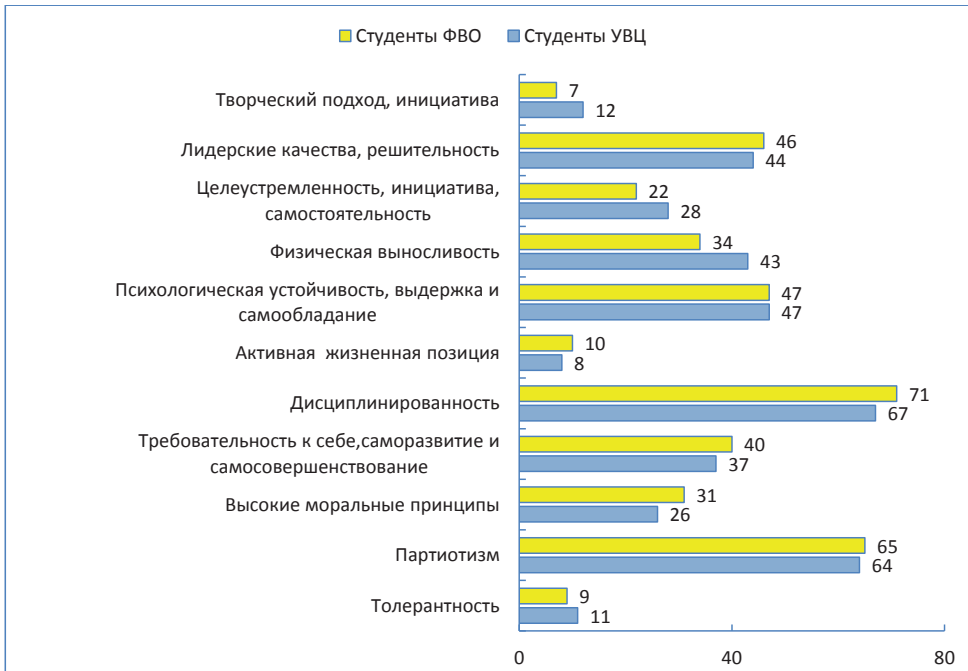

Рис. 251. Качества, которые должна развивать военная подготовка, % ответивших

Мнение, что военная подготовка должна развивать в человеке дисциплинированность, широко распространено в обществе. Военная служба — традиционный формальный, жестко иерархизированный социальный институт. Как тут без дисциплины? Однако то, что дисциплинированность может считаться у молодежи ценным личным качеством, которое можно капитализировать в карьеру, удивительно для всех, кто еще недавно исследовал молодежь со сломанными ценностями, стремящуюся «жить как хочу», попирающую правила и традиции, доводящую стремление к свободе и независимости до глупости и абсурда.

Возможно, что студенты, выбирающие военную подготовку в гражданском вузе, имеют определенные психологические склонности. Психология описывает тип компульсивной личности (compulsive personality)¹, отличительными признаками которой являются поведенческая ригидность, чрезмерный контроль эмоций и старательное подчинение правилам и авторитетам. Для этих людей повседневное общение имеет традиционное, формальное и серьезное качество при наличии значительной озабоченности вопросами порядка, организации и эффективности. Данные рис. 251 демонстрируют нам

¹ См.: Джонсон С. М. Психотерапия характера. М.: Корвет, 2015. — Гл. XI «Обсессивно-компульсивный тип характера». — 352 с. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://psyera.ru/obsessivno-kompulsivnyy-tip-haraktera-2132.htm> (дата обращения: 08.03.2016).

пренебрежение респондентов такими качествами, как творческий подход, инициатива, активная жизненная позиция, толерантность (часто понимаемая молодыми максималистами как мягкотелость и конформизм).

На втором месте по популярности ответов группа качеств, характеризующих «настоящего полковника»: лидерские качества, решительность, физическая выносливость, психологическая устойчивость, выдержка, самообладание. Надежда развить в себе эти качества привлекла на военную подготовку почти половину опрошенных студентов.

Оценить различные аспекты военной подготовки в УрФУ мы предложили респондентам по трехбалльной системе: 3 балла — хорошо; 2 балла — удовлетворительно; 1 балл — плохо. Для удобства анализа результатов был определен индекс как простое среднее (табл. 262–264).

Таблица 262

Оценка военной подготовки в УрФУ, индекс

Параметры оценки	Студенты УВЦ	Студенты ФВО
Качество военной подготовки в целом	2,48	2,72
Организация учебного процесса и взаимодействия со студентами		
Уровень профессиональной подготовки преподавателей	2,71	2,87
Использование преподавателями на занятиях аудио- и видеотехники, мультимедийного оборудования	2,67	2,79
Взаимодействие с командованием	2,48	2,73
Доходчивость изложения материала	2,47	2,67
Применяемые методики преподавания	2,46	2,67
Практическая значимость материала	2,44	2,67
Интересность занятий	2,39	2,65
Организация учебных сборов	2,33	2,56
Индивидуальная работа преподавателей со студентами	2,32	2,55
Расписание занятий	2,10	2,28
Среднее:	2,4	2,6
Материально-техническое оснащение образовательного процесса		
Санитарно-гигиеническое состояние учебных площадей (чистота помещений, освещение, отопление, состояние мебели, вентиляция)	2,51	2,78
Учебники, учебно-методическая литература	2,45	2,67
Средства наглядного представления материала	2,40	2,66
Функционирование гардероба	2,37	2,62
Состояние санузлов	2,35	2,60

Окончание табл. 262

Параметры оценки	Студенты УВЦ	Студенты ФВО
Средства мультимедиа, аудио- и видеотехники	2,26	2,49
Лабораторное оборудование	2,25	2,49
Компьютерная и оргтехника	2,17	2,48
Организация питания	2,15	2,35
Среднее:	2,3	2,6

Таблица 263

Оценка военной подготовки в УрФУ, индекс

Параметры оценки	Студенты УВЦ	Студенты ФВО
Информационное обеспечение и информирование об организации учебного процесса		
Информирование об организации учебного процесса	2,48	2,69
Общение с преподавателями	2,48	2,69
Работа библиотеки	2,34	2,58
Использование сайта	1,90	2,15
Среднее:	2,3	2,5
Реализация возможностей и научного потенциала студентов		
Соответствие занятий познавательным, интеллектуаль- ным запросам	2,37	2,61
Возможность ознакомиться с достижениями науки и тех- ники	2,30	2,51
Возможность реализовать творческий и научный потен- циал	2,21	2,49
Участие в мероприятиях, направленных на реализацию научного потенциала (конференции, семинары и т. д.)	2,20	2,48
Среднее:	2,3	2,5

Как видим, оценки всех аспектов военной подготовки высокие. Тем не менее следует отметить следующее:

- Оценки качества военной подготовки студентами ФВО выше, чем оценки студентов УВЦ.
- Потенциально проблемные аспекты качества военной подготовки: расписание занятий; организация питания; оснащение учебного процесса компьютерной и оргтехникой; использование сайта.

Несмотря на то что студенты ФВО и УВЦ, имея они возможность заново принять решение о прохождении военной подготовки, приняли бы такое же, они демонстрируют разную степень приверженности своему выбору: 98 % студентов ФВО, но только 80 % студентов УВЦ поступили бы на военное обучение вновь.

Как известно, профессиональное самоопределение молодежи вторично по отношению к жизненному, личностному самоопределению. Традиционно заданный респондентам вопрос о жизненных значимостях не выявил значительных отличий студентов УВЦ.

Таблица 264

Жизненные ценности студентов УВЦ, % ответивших

Значения	Студенты УВЦ
Семья	59
Здоровье	56
Признание лидерства, авторитета окружающими	55
Материальное благополучие, богатство	43
Хорошая работа	40
Саморазвитие, самосовершенствование	36
Дружба	36
Секс, любовь	30
Комфорт	28
Деньги	27
Успех	25
Спокойная, благополучная жизнь	22
Уверенность в завтрашнем дне	22
Свобода, независимость	21
Личная безопасность	16
Удовольствия, развлечения	13
Путешествия, открытие новых стран	12
Власть, статус в обществе	9
Известность, престиж	6
Внешняя привлекательность	3

Примечание. Поливариантный вопрос, сумма больше 100 %.

Приоритетность ценности семьи и работы и у студентов УВЦ позволяет считать их базовыми в современном студенческом сознании. Однако в ряде позиций отличия имеются:

- Для «гражданских» студентов ценности свободы более значимы (путешествия, саморазвитие, независимость). Трудно сказать, военная подготовка влияет на то, что студенты УВЦ менее ценят саморазвитие и познание нового, или на военное обучение изначально приходят молодые люди, опасющиеся перемен.
- Будущие военные более ценят жизненные «якоря»: любовь, секс, семью, деньги, здоровье, благополучие, успех. По мнению исследователей, «социоцентрическая жизненная программа советского офицера давно вступила в противоречие с эгоцентрической, которая интенсивно внедряется в сознание российских офицеров и общества. Этот тип менталитета связан с представлением о том, что каждый человек — творец своего счастья, а счастье заключается в достижении личного благополучия. Это одна из первейших заповедей представителей среднего класса в развитых западных странах»¹.

В основе профессионального целеполагания молодого человека лежат его представления об инструментах достижения жизненного успеха (табл. 265).

Таблица 265

«Что сегодня важнее для достижения жизненного успеха?», % ответивших

Значения	Студенты УВЦ	Студенты ФВО
Уверенность в себе	66	67
Умение достигать поставленной цели	58	57
Ум	38	36
Порядочность, честность	36	35
Предприимчивость	33	29
Хорошая работа	33	29
Благополучная семья	28	16
Материальный достаток	26	22
Наличие первоначального капитала (финансового и/или социального)	25	20
Помощь родных, близких	21	25
Хитрость, ловкость, умение обмануть	21	28
Удача	18	20
Талант, неординарность	17	17
Образование, квалификация	17	18
Смелость, способность рисковать	15	16

¹ Соловьев С. С. Менталитет российского офицера: вызовы XXI века // Социологические исследования. — 2003. — № 12. — С. 56.

Окончание табл. 265

Значения	Студенты УВЦ	Студенты ФВО
Связи, знакомства с нужными людьми	12	16
Высокая работоспособность	10	12
Внешняя привлекательность	4	7
Здоровый образ жизни	4	4

Как видим, студенты УВЦ полагаются в основном на себя, их достижительные планы базируются на вере в свое умение достигать поставленных целей. Высокая (иногда преувеличенная) оценка значимости собственных усилий для достижения успеха, «оптимизм неясного происхождения» — качество, присущее молодости. Молодежь отличается в большей степени тем, что чаще склонна верить в роль личных качеств в достижении успеха. Так, 29 % респондентов в возрасте 18–29 лет, 22 % в возрасте 30–39 лет и 15–16 % в возрасте старше 40 лет связывают жизненный успех с наличием необходимых личных качеств¹.

Полученный нами результат в целом совпадает с трендом последних десятилетий. Например, по результатам опроса студенческой молодежи российских регионов «Модернизационные ориентации и ценности студенческой молодежи»², большинство (80 %) связывают успех в жизни с собственными усилиями; 24 % уверены, что все зависит от случая, стечения обстоятельств³. «Материальная обеспеченность семьи» и «стечение обстоятельств» — варианты, получившие наименьшее количество ответов. Также названы поддержка семьи, близких, стремление к цели, уверенность в завтрашнем дне, адаптация в обществе. Заметно снижение значимости таких факторов достижения жизненного успеха, как образование и материальная обеспеченность семьи. Материалы фокус-групповых дискуссий показывают, что успех молодые люди связывают с семьей, комфортностью жизни, постановкой и реализацией целей⁴.

Важно, какие сферы общественной жизни представляются студентам УВЦ социальными «лифтами» («В каких сферах сегодня быстрее всего достичь жизненного успеха?»). Вполне объяснимо, что приоритет отдается армии — 44 %. Второе место у государственной службы (32 %). На третьем месте — бизнес (31 %). Налицо стремление занять привилегированные, престижные

¹ Россияне не верят в успех без связей [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://орес.ru/1712822.html> (дата обращения: 09.03.2017).

² Опрашивались студенты Пензенской и Ульяновской областей, республик Мордовия и Татарстан, N = 1254, 2010 г.

³ См.: Рожкова Л. В. Модернизационные ориентации и ценности современной студенческой молодежи : монография. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2011. — 328 с.

⁴ Маршак А. Л., Рожкова Л. В. Жизненный успех в представлениях российской молодежи // Социологические исследования. — 2015. — № 8. — С. 157–160.

сегодня социальные ниши, что свидетельствует о большой амбициозности и активности студентов УВЦ. В гораздо меньшей степени популярны торговля (20 %), шоу-бизнес (19 %), силовые структуры (19 %), политика (17 %), материальное производство (11 %). Совсем не воспринимаются как сферы, достойные приложения сил, церковь, предпринимательство, наука, общественная деятельность, социальная сфера.

О какой работе мечтают студенты УВЦ? Каким требованиям должна отвечать их будущая работа? Наиболее значима в будущей работе с точки зрения большинства (56 %) хорошая зарплата. Каждый третий ценит в работе возможность сделать карьеру (32 %), зато каждого четвертого привлекла бы работа, дающая возможность посвящать достаточное время семье, детям (24 %). Возможность «служить Родине» значима для 27 % студентов УВЦ. Возможность реализовать себя, свои способности в работе; творческий, интересный характер работы важны для 11 и 17 % респондентов соответственно. Альтруистический потенциал работы («возможность принести пользу людям») привлекает 17 % респондентов. Рассчитывают, что работа обеспечит гарантированный государством доход и социальный пакет, 17 % респондентов. Примерно в одинаковой степени студенты УВЦ (11–12 %) считают важной в будущей работе возможность добиться высот в профессии, иметь связь с современной техникой, дружный коллектив, достичь признания, уважения в обществе. Абсолютные аутсайдеры в рейтинге качеств будущей работы: возможность иметь власть над людьми (8 %) и свобода от мелочной регламентации, независимость (8 %).

Что планируют студенты УВЦ после окончания вуза (табл. 266).

Таблица 266

Планы после окончания вуза студентов УВЦ, % от ответивших

Планы	%
Пойти служить в армию по контракту	55
Найти работу, удовлетворяющую моим требованиям, не обязательно по специальности	14
Основать свое дело, бизнес	14
Найти работу в силовых ведомствах	13
Посвятить себя дому, семье	5
Найти работу по гражданской специальности	4
Продолжить образование	3
Заняться научно-исследовательской работой (поступить в магистратуру, аспирантуру)	3
Поехать за границу работать или учиться	2
Заняться общественной, политической деятельностью	0
Другое	10

Большинство студентов УВЦ (но только 55 %) планируют после окончания вуза служить в армии по контракту. Еще примерно каждый восьмой рассматривает в качестве альтернативы службу в силовых ведомствах. Доля студентов, считающих себя достойными лучшей доли, нежели служба в армии, в общей сложности примерно треть. Это те, кто надеется после окончания вуза найти работу, соответствующую своим требованиям (причем любую) или организовать собственный бизнес.

Перспективы трудоустройства студенты УВЦ оценивают оптимистично: большинство (67 %) рассчитывают на легкое трудоустройство. Однако примерно каждый четвертый (28 %) испытывает сомнения (на вопрос «Легко ли Вам будет трудоустроиться по будущей специальности?» получен ответ «не знаю»). Только 5 % респондентов считают будущее трудоустройство проблематичным.

Все студенты УВЦ осваивают военную специальность, соответствующую направлению (специальности) основной образовательной программы, и в принципе могут рассчитывать на 100-процентное трудоустройство в армии. Но, как мы видели выше, не все студенты планируют для себя армейскую карьеру.

Финансовые ожидания от будущей работы (службы) более-менее реалистичны. Большинство (51 %) рассчитывает на будущую заработную плату «в районе 40 тыс. руб.».

В контексте профессиональных планов нас интересовало, насколько подготовленными к будущей профессиональной деятельности чувствуют себя студенты УВЦ. В анкету были включены вопросы: «Оцените значимость определенных умений и навыков в будущей профессии» и «Оцените, в какой степени вуз способствует формированию этих умений и навыков» (всего 18 умений и навыков). Оценки предполагались по трехбалльной шкале. Вновь был рассчитан индекс как простое среднее (табл. 267).

Анализируя ответы респондентов, можно сделать следующие выводы:

- Оценки значимости умений и знаний, необходимых для будущей работы, выше по сравнению с оценками степени их формируемости вузом. Это означает, что студентам кажется, что вуз не в полной мере готовит их для будущей работы.
- В наименьшей степени формируемыми вузом студенты УВЦ считают навыки профессиональной коммуникации.

Молодежь от природы оптимистична. Из истории российского общества известно, что социальный оптимизм, «вера в светлое будущее» всегда помогали молодым в трудных жизненных ситуациях. Молодежный возраст характеризуется возрастанием чувства личной свободы, которое основывается прежде всего на свободе передвижения, свободе выражения своего мировоззрения, в том числе политических пристрастий, и одновременно утратой чувства определенности в отношении будущего.

Таблица 267

**Соотнесение значимости для будущей профессии и формируемости
в вузе определенных знаний и умений, индекс**

Умения и навыки	Значимость для будущей профессии	Сформи- рованность в вузе
Умение руководить подчиненными	2,87	2,13
Умение организовывать совместную работу людей	2,82	2,04
Умение планировать и координировать свою и чужую работу	2,73	2,03
Умение аргументировать свою позицию	2,72	1,94
Умение находить решение в разных ситуациях, регулировать конфликты	2,72	1,94
Умение вести переговоры	2,70	1,91
Умение легко адаптироваться к изменяющимся условиям	2,69	1,90
Навык дисциплинированности, умения подчиняться приказам	2,67	1,85
Навык работы в команде	2,66	1,84
Стремление к самообразованию, самосовершенствованию	2,58	1,82
Навык обобщения и анализа информации	2,57	1,81
Навык расчета вероятностей развития ситуаций	2,56	1,79
Умение отстоять свои интересы, самоутвердиться	2,55	1,78
Навык сохранения и укрепления собственного здоровья	2,53	1,77
Умение жить в обществе, государстве по установленным законам и нормам	2,49	1,72
Умение взаимодействовать со специалистами из других областей	2,48	1,62
Умение организовать экологически безопасную рабочую среду	2,09	1,58
Понимание гражданской ответственности, умение жить по принципам гуманизма и демократии	2,06	1,56

Социальные ожидания молодых людей зависят не только от их индивидуальной жизненной ситуации и личных психологических качеств, но и от целого комплекса макросоциальных факторов. Исследователи отмечают рост социального оптимизма с улучшением социально-экономической ситуации в стране (рис. 252).

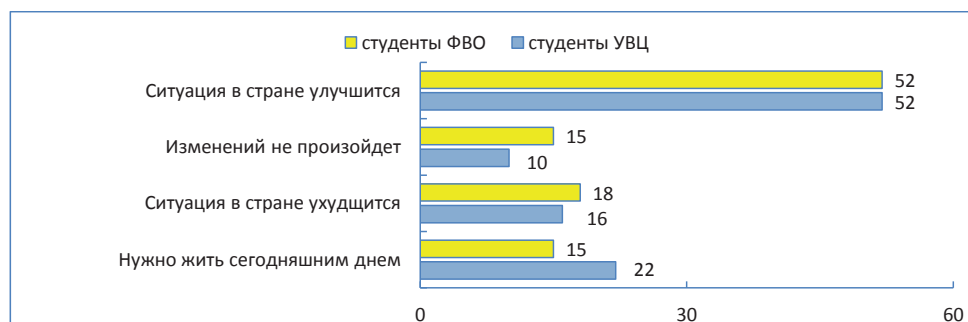

Рис. 252. «Какие ожидания у Вас сегодня преобладают?», % опрошенных

Наше исследование показало, что военная подготовка студентов влияет на их социальный оптимизм (позитивное восприятие перспектив общественного развития): проходящие военную подготовку студенты УрФУ чуть более оптимистичны в оценке будущей ситуации в стране, чем студенты, ее не проходящие. Более очевидна и разница в проявлении презентизма.

Феноменологии считают, что приоритетность для человека какого-либо времени (прошлого, настоящего, будущего) — фактор, который «определяет выбор человеком жизненных стратегий и тональность восприятия жизни в целом»¹. Презентизм определяется как обращенность человека в настоящее в ущерб будущему, когда в настоящем отсутствуют планы на будущее. Люди живут сегодняшним днем, не принимая в расчет будущее и не ставя перед собой сколько-нибудь значимые цели. Можно предположить, что студенты, проходящие военную подготовку, именно благодаря этому факту в большей степени склонны строить планы на будущее, более целеустремленны, определеннее видят свое будущее.

Какие проблемы нашего общества вызывают у опрошенных студентов наибольшие опасения? (Табл. 268.)

Таблица 268

**Распределение ответов респондентов по оценке враждебности
в российском обществе, индекс***

Проявления враждебности	Студенты УВЦ	Студенты ФВО
К внешней политике США и Евросоюза	+80	+75
К чиновникам, бюрократам	+78	+78
К украинским националистам	+53	+41
Бедных к богатым	+ 52	+49
К людям других национальностей	+45	+46

¹ Готлиб А. С. Качественное социологическое исследование: познавательные и экзистенциальные горизонты. — Самара : Универс групп, 2004. — С. 395.

Окончание табл. 268

Проявления враждебности	Студенты УВЦ	Студенты ФВО
К политикам	+29	+35
К работникам полиции, прокуратуры, суда	+27	+22
Молодежи к службе в армии	+15	+15
К банкам и другим финансовым институтам	+2	+6
К людям другой религии	–23	–25
Старшего поколения к молодежи	–37	–39

* Индекс — разница (в %) между теми, кто согласен или скорее согласен, и теми, кто не согласен или скорее не согласен, в отношении каждого проявления враждебности. «+» означает, что первых больше, «–» — что больше несогласных.

Анализ мнений респондентов позволяет сделать следующие выводы:

- Главными социальными противоречиями в современном российском обществе опрошенные студенты считают противоречие между населением и бюрократической властью чиновников и противоречие между патриотическими настроениями в обществе и санкционной политикой США и Евросоюза по отношению к России (по данным «Левада-центра» отрицательно к Соединенным Штатам относится 71 % россиян¹). Выделенное молодежью в 2010 г. основное социальное противоречие российского общества — между богатыми и бедными, то есть имущественное, определило ее (по крайней мере, части ее) социально-статусную идентификацию по образу жизни, что в аспекте качества жизни тесно коррелирует с благосостоянием, индикатором которого, как правило, выступает потребительский доход². Вероятно, сегодня ситуация меняется.
- Велика доля студентов, указавших на остроту враждебных настроений населения по отношению к богатым людям, людям другой национальности, украинским националистам. При этом противоречие между богатыми и бедными одинаково актуально для групп студентов вне отношения к военной подготовке; межэтнические отношения больше беспокоят «гражданских» студентов; «украинский вопрос» более значим в сознании студентов УВЦ.
- Социальные противоречия, потенциально чреватые для страны вооруженными конфликтами (внешняя политика США и Евросоюза, «украинский вопрос»), более фокусированы в сознании студентов УВЦ, более компетентных в вопросах вызовов и угроз национальной безопасности России.

¹ «Левада»: враждебность к США в России достигла рекордного уровня [Электронный ресурс] // Новая газета. 2015, 14 октября. — Режим доступа: <http://novayagazeta.ru/news/1697238.html> (дата обращения: 23.03.2017).

² Молодежь России: социологический портрет. — М. : ЦСПиМ, 2010. — 592 с. — С. 104.

- В сознании почти трети опрошенных студентов (без особой разницы между группами опрошенных) актуализировано противоречие между населением и финансовыми институтами.
- Опрошенными не преувеличиваются межпоколенческие противоречия. Половина опрошенных студентов считает, что в современном российском обществе их нет.
- Пятая часть опрошенных считает актуальной проблему межконфессиональной толерантности.
- Достаточно высокая доля опрошенных (примерно два из пяти) актуализирует политические и правовые проблемы населения.
- Студенческое сознание однородно (безотносительно к военной подготовке) воспринимает противоречие между молодежью и службой в армии.

Влияет ли военная подготовка на мнение студента по поводу возможных вариантов обеспечения национальной безопасности России? Оказалось, что да:

- Все группы опрошенных отдают привилегию в решении вопросов безопасности России армии, но среди студентов ФВО и УВЦ таких большинство.
- «Спасение утопающих» в экономике — на втором месте в ряду факторов, обеспечивающих безопасность страны для всех групп опрошенных.
- В последние годы внимание общественности все больше привлекается к теме развития науки и технологии. Это нашло отражение в ответах студентов: двое из пяти опрошенных считают науку и технологии способными обезопасить Россию. К слову, в среднем 60 % российских студентов не проявляют никакого интереса к научно-исследовательской работе во время учебы в вузе¹.
- Вера в действенность справедливой социально-экономической политики в плане обеспечения безопасности государства падает в студенческом сознании по мере вовлеченности в военную проблематику: треть «гражданских» студентов и пятая часть студентов УВЦ не теряют веру в социальную справедливость.
- Студенты УВЦ (каждый 10-й) более воинственно настроены против внешних врагов России, чем другие группы опрошенных, однако не приемлют вмешательства России в дела других стран.
- Студентов УВЦ, верящих в демографический потенциал страны, вдвое больше, чем «гражданских».
- «Охранительный» потенциал образования и здравоохранения достаточно значимый фактор обеспечения национальной безопасности страны в студенческом сознании (отмечены каждым пятым соответственно).

¹ Молодежь России: социологический портрет. — М. : ЦСПиМ, 2010. — С. 294.

Таким образом, военная подготовка, которую студент проходит в вузе, является фактором, влияющим на его мнение, по крайней мере, в вопросах военной безопасности государства, в которых он компетентнее благодаря этой подготовке.

Какой должна быть Россия в будущем, чтобы сегодняшний молодой человек смог реализовать в ней завтра свои планы и достичь персонального успеха, как бы он ему ни представлялся? Нам показалось, что сориентироваться в этой теме мы сможем, используя концепт «национальная идея». Влияет ли на выбор концепта «путеводной звезды» России обучение на «военной кафедре»?

Опрошенные студенты демонстрируют патриотизм. Интерпретируя данный результат, необходимо учитывать безусловное влияние фактора социальной желательности. Тот факт, что патриотизм как национальная идея России декларируется высшими лицами государства, повлиял на опрошенных студентов, сформировав «установку на ответ». Тем не менее отметим, что военная подготовка, видимо, способствует популярности выбора патриотизма в качестве национальной идеи России. «Гражданские» студенты более гуманистичны, зато идеи национальной безопасности более распространены в сознании студентов, проходящих военную подготовку. Заметим также, что православие в качестве национальной идеи популярнее у студентов ФВО и УВЦ.

Политическую активность студентов высокой не назовешь. Исследователи отмечают, что сравнительно невысокий интерес молодежи к политике понятен и во многом объективно обусловлен, прежде всего тем, что спектр жизненных интересов, особенно подростков и юношества, сфокусирован на проблеме вхождения во взрослую жизнь, а социальный опыт ограничивается пока межличностными и внутрисемейными коммуникациями¹.

Наше исследование демонстрирует: интерес к политике выше у студентов, проходящих военную подготовку.

Считается, что для формирования у молодежи гражданской самостоятельности и инициативности, важных для осознания ею своих прав и ответственности за будущее государства, необходимо сформировать у нее потребность в самоорганизации, уверенность в собственных силах и умение консолидироваться совместно со своими сверстниками или соратниками для решения как личных, так и общественно-полезных задач².

Как было уже отмечено, в студенческом сознании доминируют позитивные для формирования гражданских отношений ценности: целеустремленность, ум, уверенность в себе, патриотизм. Это должно обеспечить достаточные условия для реализации молодежью своих инициатив в самоуправляемых организациях согласно собственным интересам. Но доля опрошенных, го-

¹ Молодежь России: социологический портрет. — М.: ЦСПиМ, 2010. — С. 93.

² Там же. — С. 136.

товых принимать участие в деятельности общественных организаций, очень небольшая. Каждый пятый студент УВЦ и ФВО готов участвовать в волонтерской работе, столько же вообще не желают участвовать в любых видах общественной деятельности. Среди студентов УВЦ меньше всего потенциальных членов общественных организаций.

Подводя общий итог, мы сделали вывод, что обучение «гражданских» студентов по программам военной подготовки солдат, сержантов и офицеров запаса на факультете военного обучения УрФУ оказывает положительное влияние. Эта группа студентов пользуется дополнительной военной подготовкой как средством расширения своего социально-политического и профессионального кругозора.

Обучение будущих кадровых офицеров в УВЦ при УрФУ обнаружило целый ряд проблем, что нашло отражение в ответах опрошенных. Слабая мотивированность на профессию военного на «входе» в образовательную программу и отсутствие в вузе поддерживающей учебный процесс по военным дисциплинам воспитательной среды приводят к тому, что многие студенты УВЦ не собираются в будущем исполнять государственный контракт и планируют другие профессиональные карьеры.

Можно сказать, что военная подготовка, как дополнительный к основной «гражданской» образовательной программе пакет ценных социальных и профессиональных компетенций, является стартапом, ускорителем и социального, и профессионального развития личности студента. В противоположность военного образования в УВЦ, которое представляет «суррогат» военного профессионального образования, наследуя его недостатки, но теряя его достоинства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. УРОКИ МОНИТОРИНГА

Выводы и рекомендации завершают каждый раздел. Это позволяет посвятить заключение некоторым урокам мониторинга. В монографии обобщены итоги семи этапов мониторинга — более двух десятилетий серьезных, комплексных социологических исследований. И это — уже первый исторический урок: удалось сохранить и продолжить серьезную научную традицию. Если понимать традицию как «ту часть нашего прошлого, которой мы помогаем перебраться в будущее» (В. Кротов), если справедливо мнение французского философа П. Рикера, что «всякая традиция живет благодаря интерпретации»¹, то авторский коллектив во многом «оживил» и «помог перебраться в будущее» мнениям студентов Среднего Урала прошлых лет и их предыдущим социологическим обобщениям и интерпретациям.

Причем состоялся — и это второй урок — именно мониторинг. Прежде всего, отметим стремление авторского коллектива, постоянно обновлявшегося с притоком новых социологов и обогащавшегося на опыте теории и практики социологии молодежи и образования, опыте предыдущих этапов исследования, следовать основному требованию мониторинга, сформулированному выдающимся отечественным социологом Т. И. Заславской: «Говоря о социологическом мониторинге, мы имеем в виду некоторую целостную систему отслеживания происходящих в обществе перемен на основе исследования и анализа массовых представлений о них»².

Причем, сосредоточив внимание на трендах, тенденциях (в духе верного замечания А. С. Готлиб: «Акцент на типическом — принципиален для социологии»³), мы стремились учесть весь спектр мнений, стараясь преодолеть иллюзию больших цифр и недооценку альтернативных мнений, что нередко является недостатком количественных исследований.

Третий урок связан с актуальностью исследуемых проблем жизни студенчества. Мы попытались найти ответы на вопросы, которые — как накануне VII этапа отметили наши челябинские коллеги — волнуют отечествен-

¹ См.: Цитаты и афоризмы о традициях [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://citaty.su/tradiciya-citaty-i-aforizmu> (дата обращения: 05.10.2017).

² Социологический мониторинг (Беседа Э. Н. Фетисова с Т. И. Заславской) // Социологические исследования. — 1994. — № 1. — С. 6.

³ Готлиб А. С. Качественное социологическое исследование. Познавательные и экзистенциальные горизонты. — Самара : Универс-Группа. — 2004. — С. 97.

ную высшую школу: «Найдут ли достойную работу выпускники наших вузов? Смогут ли они понять неизбежность и сущность тех задач, которые перед ними поставит жизнь? Можем ли мы учить новое поколение по-старому и быть уверенным в его успешном будущем? Чему и как следует учить? Как следует организовать учебный процесс?»¹

Надеемся, что полученные нами ответы на эти и другие вопросы помогут своевременно оценить возможные последствия наблюдаемых социальных изменений, а потому — корректировать и содержательно, и организационно основные направления образовательной деятельности во всех ее проявлениях: это и собственно учебная, и научная, и воспитательная, и внеучебная, и другие важные направления вузовской жизни.

Четвертый урок связан с той особой гражданской ответственностью, которая, по оценке известного юнолога И. М. Ильинского, лежит «на исследователях проблем молодежи в сегодняшней ситуации»: «Она состоит в том, чтобы предотвратить рост неуверенности молодежи перед лицом больших и грозящих ей перемен, тревоги за свое будущее, в котором оказывается человек, социальная группа или целый народ, что рождает у них желание снять эту тревогу, устранить неизвестность, неопределенность, а это всегда и всюду проявлялось в виде мощной социальной агрессии, которая может носить стихийный или организованный характер»². Выяснилось, что за исключением всплеска протестной активности уральских студентов на рубеже 2011–2012 гг., их нравственно-политические ориентации и установки преимущественно отличаются безразличием, индифферентностью.

Пятый урок — особенно значимый для тех, кто продолжит этот мониторинг (и уже в 2020 г. проведет следующий — VIII этап) — понимание ограниченности любого социологического исследования, его результатов и их интерпретации. Применительно к мониторингу (тем более к нашему, уже продолжающемуся 21 год) эта ограниченность усиливается из-за влияния временного (темпорального) фактора.

Важнейший аспект ограниченности связан со сложной диалектикой теоретического и эмпирического аспектов исследования. Мы не можем согласиться с позицией финского социолога А. Норо, ограничивающего «исследовательскую теорию» лишь функцией интерпретации эмпирического материала³. Но, даже рассматривая теорию гораздо шире (в том числе, вслед

¹ Иванов О. П., Зырянов С. Г. Новый социальный заказ к системе высшего профессионального образования // Социум и власть. — 2013. — С. 9.

² Ильинский И. М. Молодежь и молодежная политика. Философия. История. Теория. — М.: Голос, 2001. — С. 678.

³ «Я отношу исследовательские теории ко всем концептуальным конструкциям, используемым и разрабатываемым в эмпирической социологии — от простых концептуальных классификаций и типологий до идеальных многомерных типов или каузальных гипотез с присущей им теоретической терминологией» (Норо А. «Диагноз времени» как третий жанр социологической теории // Социологические исследования. — 2002. — № 2. — С. 3).

за В. А. Ядовым, учитывая эмпирическую интерпретацию понятий — как важнейшую предпосылку эмпирического исследования), мы отдавали себе отчет, что для применения тех или иных изменившихся теоретических положений на новом этапе мониторинга нужно и менять критерии выборки, и изменять инструментарий (вводить новые вопросы, менять варианты ответов или включать дополнительные варианты ответов). Соответственно, и понимали те трудности, с которыми было бы связано сравнение результатов опроса на разных этапах мониторинга.

Наиболее наглядно эта проблема высвечивается применительно к основному объекту мониторинга — студенчеству. Происшедшие в последние годы в системе высшего образования России организационно-институциональные изменения существенно изменили основное требование выборки — студент III курса (для бакалавров это серьезное смещение к выпуску, что не могло не сказаться на отношении ко многим проблемам; для магистров целый ряд вопросов был лишен актуальности и не позволял выявить специфику их позиций). На VII этапе эта проблема была частично решена — опрашивались бакалавры II—III курсов, среди магистров был проведен пробный опрос. Но ясно, что уже на следующем этапе опрос бакалавров и магистров должен проводиться с использованием разного инструментария.

Изменения в системе образования (да и в социуме в целом) — утверждение нелинейного социального времени как особой формы жизнедеятельности социальных общностей¹ (и в частности, такой образовательной общности, как студенчество) — должны в перспективе отразиться и в интерпретации результатов мониторинга социокультурного развития студенчества Среднего Урала. Ориентиром могут выступить выводы, к которым пришли наши коллеги, изучающие феномен нелинейности. Характерна позиция П. А. Амбаровой: «Линейная образовательная и профессиональная траектория означает закономерное движение студента по пути овладения профессиональными компетенциями к получению права и возможности их использовать для получения заработка. Однако в условиях социальной неопределенности, когда закономерные связи между уровнями системы образования (школой и вузом), между системой высшего образования и рынком труда нарушены, линейные закономерности, которым подчинено поведение студента, не приводят к запланированному результату. Парадоксально неверным оказывается выбор профессии и профиля подготовки, парадоксально неправильным оказывается выбор самого вуза, странным и неожиданным становится момент трудоустройства выпускника (если он вообще случается, а не оказывается отложенным на неопределенное время). Таким образом, в условиях социальной неопределенности правильный выбор образовательной траек-

¹ Интересный анализ этого мало изученного, но все более реального феномена — см.: Амбарова П. А. Время социальной общности / П. А. Амбарова, Г. Е. Зборовский. — Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2017. — 347 с.

тории становится неверным, потому что не приводит к ожидаемому результату. Такая трансформация верного/неверного, правильного/неправильного выбора может произойти вследствие изменения интереса к той или иной профессии, появления привлекательных открытых ниш на рынке труда, новых видов занятости, не требующих строго определенных профессиональных компетенций»¹. Уже и в настоящей монографии мы стремились воздерживаться от резких оценочных выводов в отношении мотивов и мнений наших респондентов. Сегодня, однако, оказывается, что и наши «мягкие» пожелания, что профессиональный выбор должен быть более «профессиональным», могут стать примером «принципа Черномырдина»: «хотели как лучше...».

И наконец, шестой урок. Социолог должен быть готов... к неожиданным результатам своих исследований. Самым неожиданным из результатов мониторинга было то, что задача «показать динамику социокультурного развития уральского студенчества» по многим параметрам оказалась невыполнимой: слишком часто ответы студентов на разных этапах мониторинга различались... в пределах статистической погрешности, а то и были очень близки. Что за этим? С одной стороны, возможно, сказываются методические недостатки мониторинга и его инструментария, состоящего преимущественно из «закрытых вопросов». Ведь известно мнение Р. Коллинза о «консервации» социологической информации в закрытых вопросах². С другой стороны, не исключено и проявление социальной инерции, парадоксальности общественного сознания (по Ж. Т. Тошенко). А это означает, что социокультурное развитие уральского студенчества — это интереснейший предмет для дальнейшего социологического изучения.

Итак, семь этапов мониторинга завершены, да здравствует новый, VIII этап — в 2020 г.!

¹ Амбарова П. А. Аномалии развития образовательных общностей в мегаполисе в условиях социальной неопределенности // Известия УрФУ. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. — 2016. — Т. 22. — № 4 (156). — С. 186–187.

² Collins R. On the Microfoundation of Macrosociology // American journal of Sociology. — 1981. — Vol. 86. — № 5. — P. 988.

ОГЛАВЛЕНИЕ

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ	3
К ЧИТАТЕЛЮ.....	5
ВВЕДЕНИЕ	7
I. СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА МОНИТОРИНГА СВЕРДЛОВСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА	25
II. МОДЕРНИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ФАКТОР ИЗМЕНЕНИЙ СОЦИАЛЬНОГО СОСТАВА И СТАТУСА СТУДЕНТОВ СВЕРДЛОВСКИХ ВУЗОВ.....	95
III. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОРТРЕТ СТУДЕНЧЕСТВА СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ДИНАМИКЕ (КОНЕЦ XX — НАЧАЛО XXI ВЕКОВ)	142
1. Социальный статус, социальное самочувствие и социальная защищенность студенчества	142
2. Адаптация студента в вузе	228
3. Студенты о качестве образования	273
4. Профессиональное самоопределение	341
5. Ценностные ориентации студентов	391
6. Гражданская культура студенчества	455
7. Общественная деятельность студенчества	527
8. Студенческий досуг	584
9. Здоровый образ жизни и профилактика употребления психоактивных веществ	660
IV. СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СТУДЕНЧЕСТВА	708
1. Гендерные аспекты социального воспроизводства будущих специалистов	708

2. Студенты-инженеры. Студенты технического профиля подготовки о себе и о своем будущем	731
3. Студент экономического вуза: учеба и работа.....	762
4. Траектории и проблемы студентов педагогических вузов	779
5. Студенты горного университета: динамика социокультурного облика (2007–2016 гг.).....	808
6. Студенты-магистранты как новое социокультурное явление	822
V. РОССИЙСКИЙ СОЦИУМ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СТУДЕНТОВ.....	834
1. Студенты о справедливости и неравенстве общественного устройства	834
2. Патриотизм — ценностная установка студенческой молодежи (по материалам мониторинга «Российское студенчество о Великой Отечественной войне» (2005–2010–2015 гг.)	853
3. Студенты гражданского вуза, проходящие военную подготовку: проблемы и перспективы	873
ЗАКЛЮЧЕНИЕ. УРОКИ МОНИТОРИНГА	897

Научное издание

**СТУДЕНТ 1995—2016 гг.:
динамика социокультурного развития
студенчества Среднего Урала**

Компьютерный набор, организация полевых
исследований, лабораторная обработка данных
и оформление материалов: *Л. Л. Кетов*

Д. Ю. Нархов

Н. В. Шаброва

Программное обеспечение (Vortex 10.0) — *Д. В. Шкурин*

Коллектив редакторов РИО ИПЦ УрФУ

Верстка *Е. В. Ровнушкиной*

Подписано в печать 12.12.2017. Формат 70×100 1/16.
Бумага писчая. Цифровая печать. Усл. печ. л. 72,9.
Уч.-изд. л. 56,0. Тираж 300 экз. Заказ 375.

Редакционно-издательский отдел ИПЦ УрФУ
620049, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 5
Тел.: 8 (343) 375-48-25, 375-46-85, 374-19-41
E-mail: rio@urfu.ru

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: 8 (343) 358-93-06, 350-58-20, 350-90-13
Факс: 8 (343) 358-93-06
<http://print.urfu.ru>